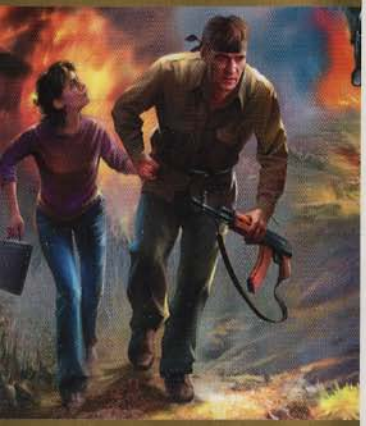
АНДРЕЙ ВАЛЕНТИНОВ

Здесь управляют Временем

КРЫМСКИЙ ЦИКЛ

Эксмо

АНДРЕЙ ВАЛЕНТИНОВ

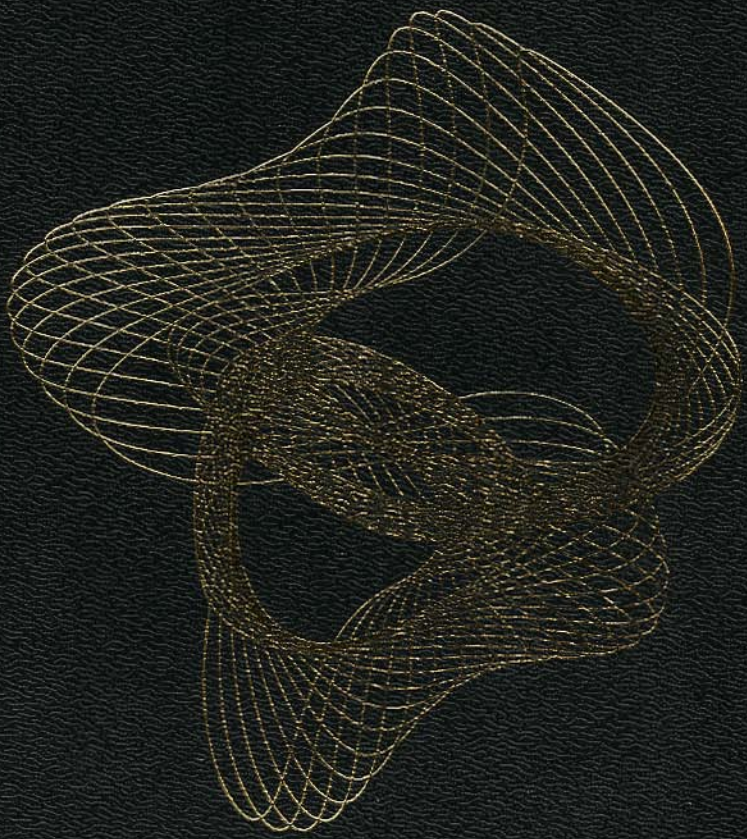
ШЕДЕВРЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ

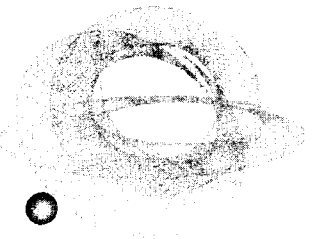
КРЫМСКИЙ ЦИКЛ

АНДРЕЙ ВАЛЕНТИНОВ

КРЫМСКИЙ ЦИКЛ

ШЕДЕВРЫ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФАНТАСТИКИ

АНДРЕЙ ВАЛЕНТИНОВ

КРЫМСКИЙ ЦИКЛ

ФЛЕГЕТОН

СОЗВЕЗДЬЕ ПСА

ОМЕГА

Эксмо, Москва
2006

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
В 15

Оформление серии *Е. Савченко*

Серия основана в 2003 году

Художник *О. Корж*

Валентинов А.
В 15 Крымский цикл: Фантастические романы / Андрей Валентинов. — М.: Эксмо, 2006. — 960 с. — (Шедевры отечественной фантастики).

ISBN 5-699-17632-2

Полуостров Крым — целая Вселенная, отдельный, многогранный Мир. Но в этом Мире — много миров.

Там нет Прошлого, оно еще не наступило, оно ждет. Войска НАТО высаживаются на побережье, плато Караби не спешит открывать древние тайны, отряд подполковника Сорокина отбивает атаки большевиков, разбитые каменные ступени заброшенного святилища в Херсонесе ведут к чему-то непонятному и необъяснимому.

Что это? Древняя тайна — или цепочка странных совпадений? Вокруг не страна эльфов и фей, а сожженный июльским солнцем или заметенный февральской пургой Крым. Где ты окажешься, что выберешь?

Кто станет твоим пророком — маркиз де Сад или Тейяр де Шарден? От пурги до солнца — более восьми десятков лет.

Крымская тема не случайна в творчестве Андрея Валентинова — писателя, историка и археолога.

Эту книгу составили романы «Флегетон», «Созвездье Пса» и «Омега».

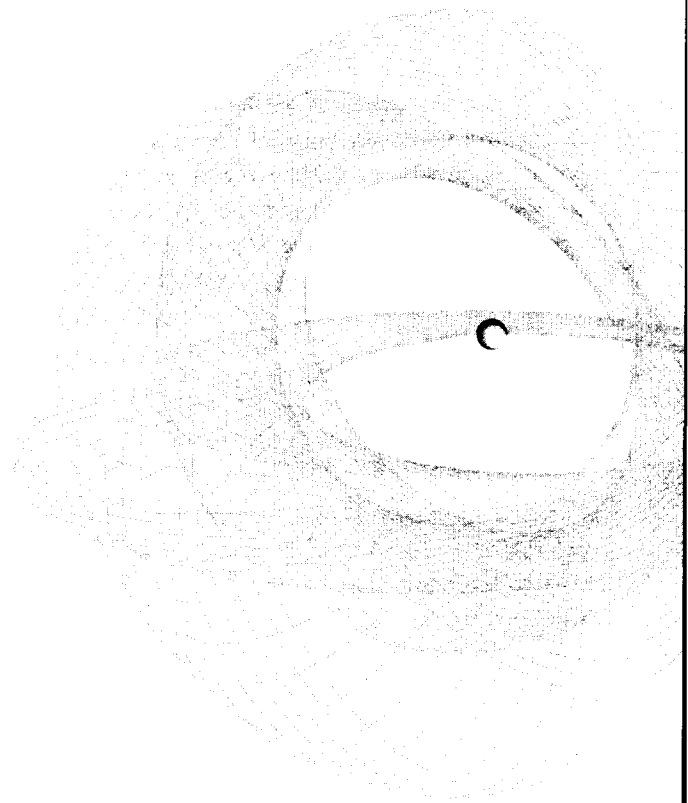
УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-17632-2

© Валентинов А., 2006
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2006

ФЛЕГЕТОН

РОМАН

(На отдельном листке, неразборчиво.)

«Белой акации гроздья душистые вновь ароматом полны. Вновь разливается песнь соловьиная в тихом сиянье луны. Помнишь, любимая *(зачеркнуто)*. «Смело мы в бой пойдем за Русь Святую и за нее прольем кровь молодую». История: довоенный романс, песня русских кадетов, большевистская «как один умрем», наша. Туркул рассказывал про «антидроздовский» вариант: «и всех «дроздов» побьем — сволочь такую!» (пела курсантская бригада летом 20-го).

Поместить полный текст в начале?

(Далее зачеркнуто.)

(Записи в тетради. Без даты, с середины страницы.)

Огненное зарево затопило полнеба, и недвижная гладь Днепра казалась розовой. Город горел, пламя рвалось ввысь, и сквозь него лишь кое-где проглядывали черные коробки домов. Разрывы снарядов сливались в сплошной гул, еле различимо стрекотали пулеметные очереди. Я стоял, не в силах тронуться с места и отвести глаза от красного зарева. Тут заржал Лютик. Я помотал головой, отгоняя наваждение, и тронул каблуком его бока. Конь шагнул вперед, и вслед за мной тронулись все остальные. Дорога пошла вниз, стало светло как днем, и трепещущий красный огонь окружил нас со всех сторон.

Почему-то чаще всего вспоминается именно это — миг, когда наши кони ступили в огненную реку. Кто скажет, почему?

Да и было ли? Сейчас, когда с Эгейского моря дует теплый ветер, а над желтым прибрежным песком *(зачеркнуто)*.

(С новой страницы.)

5 апреля 1921 года. Полуостров Галлиполи

С Эгейского моря дует теплый ветер, белое полотно наших палаток еле заметно подрагивает, а над желтым прибрежным песком с самого утра неторопливо парят огромные, совсем не похожие на наших крымских, чайки.

Значит, все-таки весна.

Сегодня наше Богом проклятое Голое Поле затихло: неугомонный Фельдфебель с утра пораньше поднял Дроздовскую дивизию по тревоге и увел ее куда-то за холмы — отрабатывать отражение десанта. К счастью, я успел вовремя сказаться больным, ибо охота играть в эти игры пропала у меня достаточно давно. Подобным образом я прохворал почти всю зиму, то есть попросту отсыпался за последние шесть лет. Такую роскошь могут позволить себе далеко не все. Фельдфебель очумел окончательно: полковников — и тех ставит под ружье и гонит в штыковую. Всех чаек в округе распугал! Куда уж мне, штабс-капитану, да еще из какой-то сомнительной части, от которой остались только несколько офицеров — и смутные предания, гуляющие, думаю, и по сей день по таврийским степям. Но меня все же не трогают. Все-таки три контузии, а самое главное — маленький крестик с терновым венцом и серебряным мечом. А с этим крестиком я уже не сомнительный штабс-капитан, а живая легенда, учебное пособие для наших юнкеров. Извольте видеть, господа, участник Ледяного похода собственной персоной. Ну да, того самого. И живой, что самое удивительное.

Крестик я не носил ни дня с тех пор, как нам троим — поручику Огоновскому, подпоручику Михальчуку и мне — вручил сию награду генерал Романовский, помнится, в августе 19-го. Несолидно как-то. Ну, были, ну, шли. Одни мы, что ли? А здесь крестик оказался как раз к месту — чтоб меньше при-

ставали. Вон Фельдфебель — тот его с кителя на китель перевешивает, а я, между прочим, что-то не помню его ни в Ростове, ни под Екатеринодаром. Впрочем, был, наверное — где-нибудь рядом с Антоном Ивановичем, в обозе. Ну, того инфлюэнца косила; а, интересно, какой это хворью Фельдфебель маялся, когда генерал Марков водил нас в штыки в тот проклятый последний день? Хотя нет, помню его, Фельдфебеля, — как раз в тот день, только ближе к вечеру, в Гначбау, когда хоронили Лавра Георгиевича. Схоронили, могилу заровняли и на карту нанесли. Да что толку, через день красные все равно разрыли! Стоял тогда Фельдфебель у гроба. Правда, плакал или нет — врать не буду, запамятовал.

А вот теперь и крестик пригодился. И ему, и мне.

Поручику Усвятскому легче: устроился в нашу, с позволения сказать, газету и отлынивает от всех нарядов под предлогом сочинения очередной главы бессмертного романа «Необычайные похождения капитана Морозова и поручика Дроздова в тылу у большевиков». Первую главу, ежели память не изменяет, тиснул еще в декабре, а капитан с поручиком до сих пор только на середине своего крестного пути. И ведь читают! Фельдфебелю, конечно, вся эта жюльверновщина противопоказана, но кто-то в штабе распорядился — и вот, извольте видеть, поручик Усвятский гуляет и в потолок, точнее, в белый полог нашей палатки, поплевывает. И правильно делает, между прочим.

Ладно, хватит об этом — дорвался до белой бумаги, обрадовался! И бумага, между прочим, не моя, а все того же Усвятского, купленная в последнее увольнение во граде Константинополе, сиречь (ежели по-турецки) в Истанбуле. Ладно, бумаги много, господа Морозов и Дроздов никуда не денутся, избегнут жидо-большевистских козней, а полпачки я конфискую. Как старший по званию и герой Ледяного похода.

Я хотел привести свои записи в порядок еще в Албате, но из благого намерения ничего тогда не вышло; потом был променад до Каховки и обратно, а затем я всю зиму отсыпался на нашем Голом Поле. А нынче весна, чайки летают, а нас того и гляди отправят куда-нибудь в Занзибар. Отступать некуда, надо начинать, тем более господа большевики облегчили задачу — из трех моих тетрадей уцелела всего одна, последняя. Ее, кем-то забытую, я нашел в том самом классе Мелитопольской

гимназии, где мы стояли в январе 20-го. Помнится, первые две страницы были исписаны задачками по алгебре, и ими (страницами вкупе с задачками) была распалена железная печка. А тетрадь я отбил, не отдал на растопку. Жалко стало — толстая, с прочными, прямо-таки книжными политурками, да еще с золотым обрезом. Моя тетрадь № 2 кончилась, и находка пришлась ко двору.

Тетрадь № 1 (куплена в июле 15-го, экая древность!) я спрятал у своего квартирного хозяина в Ростове перед тем, как уйти в этот самый великий поход. Думал через неделю вернуться (и разве я один так думал!). Вернулся через месяцев десять: ни хозяина, ни, само собой, тетради. Теперь уже и не вспомнишь, что в ней было, а вспомнишь — не поверишь. Господи помилуй — какой порыв! Господа вольноопределяющиеся, добровольно вызвавшиеся заменить павших на поле славы офицеров! Прапорщик Пташников! Поздравляю вас с первым офицерским чином, полученным на поле брани! Поручик Пташников! Указом Государя Императора вы награждаетесь... Последние записи я делал уже в декабре 17-го, как раз в Ростове. Теперь уже их не найдешь, разве что на Лубянку написать, чтоб поискали.

Где я посеял тетрадь № 2 — уже и не упомню. Обидно — и весьма, поскольку на большевиков и даже на жидомасонов не свалишь, сам потерял где-то между Каховкой и Уйшунью. Наверное, сей форсмажор случился все-таки в Геническе, когда мне несколько облегчили вещевой мешок. На раскурку, видать, пустили. Наши дроздовцы все на чеченцев кивали, да теперь уж не докажешь. Знаю я «дроздов», особенно когда у них курево кончается! Тетрадь № 2, безусловно, жалко, хотя и не так — я излагал в ней в основном хронику боевых действий. Потеря невелика, в будущих историях Смуты все сие будет изложено досконально и, надеюсь, полно. Правда, там было записано несколько наших песен, если можно так выразиться, фольклор. Кое-что, правда, помню, но некоторые, особенно те, что пел поручик Огоновский, уже подзабыл. Авось поручик Усвятский поможет; память у него отменная — естественник, ему Бог велел. Куда уж нам, с историко-филологическим образованием!

Итак, тетрадь № 3. Вначале я думал попросту переписать ее, восстанавливая сокращения и, где следует, комментируя. Но уже первая страница ставит в тупик, и дело даже не в почерке.

Мне тогда казалось, что достаточно будет взглянуть на эти пиктограммы — и сразу же вспомнится все. Экий наив, право, да еще на третьем году Смуты!

Ну, будем разбираться.

Итак, первые несколько записей сделаны в Мелитополе. Прибыли мы туда 31 декабря, аккурат под Новый год. «Мы» — это несколько офицеров и три десятка нижних чинов, все, что осталось от знаменитого Сорокинского отряда после того страшного боя под Токмаком. Собственно, это и был последний бой нашего отряда, когда мы еще напоминали воинскую часть, с которой считался не только противник, но и наше собственное командование.

Токмак, Токмак... Какое нелепое название!

В Токмаке (две дюжины хат среди заснеженной степи) мы не собирались задерживаться, но в последний момент подполковник Сорокин отдал приказ занять оборону и держать город. Вообще-то я до сих пор не уверен, что Токмак — это город. Его вид позорит сие благородное и к столь многому обязывающее звание. Но делать было нечего, кто-то на другом конце телеграфного провода распорядился, и обе наши роты — первая, штабс-капитана Докутовича, и вторая, моя, — начали наскоро укрепляться в сараях и старых окопах у околицы. Приводить в порядок окопы не представлялось возможным — мороз стоял за минус двадцать по Цельсию, и таврийский чернозем поддавался только динамиту. В роте у меня оставалось сорок штыков при пяти офицерах. У штабс-капитана Докутовича людей было чуток побольше. Он вечно просил у подполковника Сорокина пополнения, и тот, добрая душа, не отказывал. Подразумевалось, что моя рота, где трое офицеров прошли Ледяной поход, как-нибудь справится и так. И справлялись, но тогда, под Токмаком, нам всем пришлось туго, так туго, как не бывало с тех, теперь уже совершенно легендарных времен, когда мы с Чернецовым попали в «мешок» под станцией Глубокая.

Итак, нам пришлось скверно. Красные были давно не те, что в чернецовские времена. Еще весной 19-го в Донбассе мы могли позволить себе роскошь наступать колоннами и ходить в «психическую» — без выстрелов, со стеком и под песню (пели отчего-то исключительно «Белую акацию»). А если попадалась какая-то упрямая дивизия, как правило, венгры или ки-

тайцы, мы перебрасывали на грузовиках все, что у нас было, в нужное место — и давили огнем. За остальной фронт можно было не волноваться: краснопузые дисциплинированно ждали, когда мы прогрызем оборону, а потом уже совместно бежали. Вот бегали они хорошо, не спорю. Так мы их и гнали почти до Тулы. А когда маятник качнулся обратно и головорезов Андрюшки Шкуро шуганули от Орла, то красных, считай, подменили. Тут уж в психическую со стеком не пойдешь, дай Бог пулеметами отбиться. Не те стали краснопузые!

Чудес не бывает, просто господин Бронштейн начал что-то соображать и часть офицеров направил не в подвалы Лубянки, а прямиком в кристально-классовую Рачью и Собачью Красную Армию. Говорят, к каждому офицеру там приставлен еврейчик, дабы следить за, так сказать, благонадежностью и в случае чего стрелять оного офицера на месте. И правильно, а то думали господа служивые отсидеться, гуталинчиком приторговывая. Тогда, в декабре 17-го, в Ростове из офицеров можно было сформировать корпус полного состава. А сколько ушло с Лавром Георгиевичем? Так что нечего их жалеть. Мы бывших офицеров в плен не брали, и ежели, не дай Господь, придется возвращаться и все начинать по-новому, и брать не будем. В конце концов, господа пролетарии дерутся за свой классовый рай с бесплатной селедкой, а эти, которые бывшие, за что? За хлебное и прочее довольствие? Ну и пусть не жалуются!

Так или иначе, но тогда, под Токмаком, нас обложили по всем правилам. Грамотно обложили — и стали выкуривать. Первый день еще можно было держаться: патронов хватало, да и красные не подвезли артиллерию. Но и без артиллерии прижали нас крепко, головы поднять не давали, а к вечеру на горизонте, словно призраки из нашего недавнего прошлого, появились пулеметные тачанки. Тут началось нечто вроде легкой паники, кто-то первым брякнул «Упырь», и всем стало не по себе.

Этот «кто-то» был, по-моему, все тот же штабс-капитан Докутович. Я тогда забежал в наш, с позволения сказать, штаб, то есть в более-менее протопленную хату, где находился подполковник Сорокин и куда мы стаскивали раненых. Подполковнику Сорокину уже тогда было худо, он все время кашлял, но держался молодцом и командовал дельно. Туда же, в штаб, заскочил и штабс-капитан Докутович. Он, помнится, попросил последний пулеметный расчет, естественно, его получил и,

уже прикуривая, брякнул об Упыре. Храбрый он офицер и воюет недурно, но махновцы — его больное место, все не может забыть бой под Волновахой. И я не могу забыть Волноваху, но в Упыря, признаться, не поверил. Просто господа большевики научились всякому, в том числе и пулеметным тачанкам. Вскоре выяснилось, что так оно и есть. Наступали на нас чухонцы, то есть красные эстляндцы, и тачанки были их собственные. Чухонские, так сказать.

У меня еще стреляли три пулемета, и я, не мудрствуя лукаво — где уж тут мудрствовать, на таком морозе! — поставил два пулемета по флангам, а третий в центре. Благо впереди была степь, мертвых зон практически не оставалось, а патроны еще имелись. На левом фланге за пулеметом был поручик Голуб, а на правом — поручик Усвятский. Я находился в центре, словно Спаситель на Голгофе, и под прикрытием бывшего сельского учителя из Глухова и бывшего студента-химика Харьковского технологического института чувствовал себя вполне спокойно. Когда мои фланги начинали замерзать, бывшего учителя и бывшего студента меняли прапорщик Новиков и подпоручик Михальчук. При себе я держал поручика Огоновского, который, несмотря на хандру, был еще способен заменить меня на пулемете. Нижних чинов я к пулеметам не подпускал. На всякий случай.

Эта недурная диспозиция сохранялась еще сутки и, в общем-то, оправдывала себя. Красные, имея преимущество где-то один к четырем, атаковали почти непрерывно, тоже меняясь, но они были в чистом поле, морозец все крепчал, а я мог все-таки греть своих людей и даже давать им поспать часок-другой. Не сон, конечно, но все же лучше, чем под ветром в таврийской степи. Еще год назад можно было ожидать, что краснопузые не выдержат, соберут митинг и, перестреляв командиров с комиссарами, отправятся делать мировую революцию куда-нибудь южнее. Но эти выдержали, а затем подкатила артиллерия, и вот тогда морозец начал продирать уже не их, а нас.

Их главный чухонец рассудил трезво и начал гвоздить не только передовую, как поступил бы дилетант, но открыл навесной огонь в глубину. Город — если Токмак все-таки город, в чем я продолжаю сомневаться, — ему было не жалко, равно как и его почтенных обывателей, которые по простоте душевной в эти часы наверняка уже готовили красные флаги. Впрочем, на

его месте я (и всякий иной) поступил бы так же. Да, научились они воевать! Видать, и мы помогли немного, так сказать, вариант с Петром Алексеевичем и шведами. Ну еще бы! Помнится, кумир моих уважаемых родителей господин Чехов писал что-то о зайце и спичках. А господа красные, к величайшему сожалению, не зайцы и, как выяснилось, учиться умеют.

Когда вокруг начало все гореть, кое-кто из нижних чинов, особенно которые из числа бывших пленных, стал подаваться в тыл, тем более сгущались сумерки, что весьма облегчало указанный маневр. Конечно, жить хочется всем, в том числе и бывшей красной сволочи, но тут уже было не до сантиментов. Двоих, самых ушлых, я уложил на месте лично, на флангах господа офицеры тоже навели порядок, однако артиллерия лупила всю ночь, и к утру в моей роте нижних чинов заметно поубавилось. Впрочем, у штабс-капитана Докутовича было не лучше. Мы всегда выступали против этого странного порядка — посылать пленных на передовую. Когда я воевал у Чернецова, когда шли в поход с Лавром Георгиевичем, и потом, на Кубани и в Донбассе, в нашем отряде таких проблем не возникало. Можно было не бояться, что выстрелят в спину или драпанут в самый разгар боя. Но нас, настоящих сорокинцев, становилось все меньше, и в отряд стали присылать этих самых, которые... Во искупление, так сказать. Припоминаю спор с подполковником Сорокиным еще перед Волновахой — он все разводил руками и жаловался на командование корпуса. Теперь я понимаю, что мы зря горячились — тех, кто уходил в декабре 17-го, уже не воскресить, а мобилизованные еще хуже бывших пленных. Те хоть «чеки» боятся.

Удивительно, но за всю эту страшную ночь мы не потеряли ни одного офицера, и когда на рассвете красная чухна пошла на приступ, мои пулеметы вновь сыграли дробь. На том, однако, наше везение и кончилось. Чухна поначалу откатилась, облизнулась, а затем сделала то, что сделал бы и я сам, — выкатила пушки на прямую наводку. Ну, а наши пулеметные точки особо искать не приходилось — бой шел уже третий день.

Прапорщика Новикова уложило почти сразу, ему снесло полчерепа осколком, и вопрос о медицинской помощи даже не возникал. Мы оттащили его в сторону, накрыли тем, что осталось от его шинели, и кто-то, по-моему, поручик Голуб, успел в передышке перед следующей атакой прочесть заупокойную молитву. По чести говоря, молитву должен был читать поручик Усвятский, все-таки поповский сын, но он как раз сменил прапорщика Новикова у пулемета.

Сеня, Семен Николаевич Новиков, воевал с нами с весны 19-го. Он был родом откуда-то из-под Белгорода, добровольцем пошел на Германскую и даже успел получить «клюкву» за бои под Ригой. Воевал он спокойно, грамотно и особенно хорош был в штыковой. В дни затишья он также первенствовал, и, наверное, не один десяток хохлушек имеют основания помнить нашего белокурого Сеню. Красивый был юноша. Очень. У подполковника Сорокина оставался его адрес, но писать мы не стали. Дома у Семена уже стоят красные, и незачем задавать «чеке» лишнюю работу. Может, так оно и лучше — пусть те, кто его еще ждет, надеются.

Хотя какое тут, к черту, может быть «лучше»!

К полудню стало ясно, что следующая атака может стать последней. Нижние чины один за другим норовили отползти куда-то за плетень, мои фланги прикипели к пулеметам, а красные вошли в азарт, выкатив прямо на пистолетный выстрел пять тачанок. Я понимал, что если уходить, то немедленно. Да и не придется всем уйти — поздно! С какой-то тупой обреченностью я думал, кто из моих офицеров будет следующим. Каждую секунду я ждал, что один из пулеметов — слева? справа? — замолчит, но пулеметы били, не умолкая. Бог хранил бывшего химика и бывшего сельского учителя. О себе я тогда как-то не думал, будучи почему-то уверен, что моя очередь — последняя. Так или иначе, но нам троим судилось уйти из Токмака живыми.

Приходится прерываться. Поручик Усвятский вернулся, полный новых творческих планов, и, не уважая ни чин, ни возраст, прогоняет меня из-за нашего единственного стола, требуя при этом, чтоб я учитывал интересы поклонников его военно-полевой музы. Ну, так тому и быть!

6 апреля

Пишу вечером, при свече, чем определенно ухудшаю свое каким-то чудом сохранившееся зрение. К сожалению, весь день был занят, тут и крест не помог.

Утром меня поташили читать нашим юнкерам лекцию по военной истории. Отвертеться не удалось, и пришлось два часа рассказывать невеселую эпопею Восточной войны, в книгах обычно именуемой Крымской. Поучительная история, но действительно невеселая. Правда, под конец я сам немного увлекся. У нас в семье Крымскую вспоминали часто — дед отвоевал ее всю, сперва на Дунае, а затем на батарее № 5, которая находилась аккурат на месте нынешнего Исторического бульвара славного города Севастополя.

После обеда (про обед разговор особый и не к ночи) нас вместе с поручиком Усвятским направили на преужасное сонмище, именуемое штабной игрой. Собственно, никакая это не штабная игра, просто некий хорошо выглаженный полковник чуть ли не из самого Парижа ознакомил нас с соображениями командования по поводу предстоящего десанта в Крыму. Я не особенно внимательно слушал эту очередную сказку Шехеразады. Такие арии да еще в подобном исполнении предназначены исключительно для поднятия нашего духа. Отпев положенное, выглаженный полковник предложил задавать вопросы. Вопросов не последовало, тогда он, явно обиженный подобным нашим отношением, поинтересовался по поводу, так сказать, иных мнений.

Да, большими демократами стали наши отцы-командиры — после Перекопа!

Тут уж меня начали подталкивать в спину. Иные мнения — это действительно по моей части, правда, ежели настроение тому соответствует. Нельзя сказать, что за эти самые мнения меня тут очень любят, скорее совсем даже наоборот, тем более мое иномыслие приписывают нашей якобы дружбе с Яковом Александровичем. Ну конечно! Среди господ марковцев и корниловцев, а особенно среди прихлебателей Фельдфебеля, считаться другом Якова Александровича даже как-то неприлично. Таких, как я, здесь именуют (за глаза, само собой) «слащевцами». Обычно я отмалчиваюсь, но ежели спрашивают, отвечаю искренне: личным другом генерала Слащева-Крымского не являлся и не являюсь, хотя быть другом такого человека, как Яков Александрович, почел бы за честь. Как и служить под его командованием. А тем, что я слащевец (без кавычек), — горжусь.

В общем, не понравился мне этот полковник, и я попросил

слова. Сославшись на слабое военное образование, многолетнее окопное одичание и три контузии, я покорнейше попросил все сие учесть и только с учетом этих смягчающих обстоятельств выслушать мои недостойные соображения.

Соображения же были до чрезвычайности просты. У нас три неполные дивизии без тяжелого вооружения, конфискованного союзничками, а равно и наших продовольственных запасов, конфискованных ими же. Вдобавок флот, вернее, то, что от него осталось, мы не сможем использовать из-за отсутствия денег на топливо и в связи с запретом все тех же упомянутых благодетелей. У большевиков же в Крыму стоит целая армия. Еще одна, считающаяся «трудовой», но имеющая легкое стрелковое вооружение, стоит у Сиваша и ковыряет для господ комиссаров крымскую соль. Большевистский флот, хотя и небольшой, но, как показал прошлый год, вполне боеспособный, опирается на наши бывшие черноморские базы, имея, помимо всего прочего, союзником флот кемалистских мятежников. Да и Крым после зимней «чистки», проведенной ублюдком Пятаковым и его башибузуками, не способен дать нам даже минимального пополнения. И, наконец, даже в случае удачи красные заткнут с севера крымскую «бутылку», и повторится прошлогодняя ситуация. Так сказать, дурная бесконечность в действии.

В заключение меня подмывало высказать надежду на то, что командование разработало секретный способ хождения по морю аки посуху. В этом случае, да еще с резервом в виде взвода архангелов с огненными мечами, можно гарантировать нашему десанту процентов этак сорок успеха. Впрочем, последние соображения я придержал при себе, сообразив, что в воздухе и так пахнет скандалом.

Но — поздно. Полковник и возразить не успел, как один из камер-лакеев нашего Фельдфебеля поспешил заметить, что штабс-капитану Пташникову чрезвычайно милы здешние пляжи и что он ждет не дождется купального сезона. Затем вступил хор, не очень дружный, но весьма громкий, с популярной ораторией «Чего еще ждать от этих слащевцев?». Дослушав до конца, я вежливо предложил автору этой реплики вместе со мной, участниками хорового коллектива и, само собой, с его высокоблагородием господином полковником первой же шаландой отправиться в Крым, дабы разведать все на

месте, а по возвращении рассудить, кто прав, а кто нет. Тут уж надлежало высказаться полковнику, но он внезапно в самом примирительном тоне заявил, что без колебаний отправится в Крым в компании с ветераном Чернецовского отряда. Это уже было интересно, поскольку свой Чернецовский крест я на кителе не ношу — он у меня без планки. Как только вся ворчащая свора расползлась, сообразив, что акт каннибализма откладывается, я подошел к нашему парижскому гостю. В отряде Чернецова мы с ним не встречались, по крайней мере, его я там не запомнил, хотя те славные и страшные недели вспоминаю часто. Чаще даже, чем величайший из великих, Ледянящий из Ледяных Анабазис.

Оказалось, что полковник, тогда он был капитаном, все-таки воевал у Чернецова, но недолго. Под Дебальцевом его контузило, и он был переправлен в Ростов. Меня полковник узнал сразу, а вот я его, к стыду своему, нет. Тут, по логике вещей, следовало появиться бутылке, и бойцы за общим столом должны были помянуть минувшие дни. Но бутылки не оказалось, полковник спешил, да и пить с ним мне как-то не хотелось. Прощаясь, он глубокомысленно посоветовал не впадать в пессимизм, поскольку великие державы нам помогут, а большевиков через месяц свергнут разъяренные крестьяне.

Ну да! Помогут, свергнут... Как же! Хорошо быть оптимистом в городе Париже!

Ладно, Бог с ними со всеми. Вернусь к дневнику. Тогда, в Таврии, все было как-то проще.

Итак, следующая атака красной чухны могла стать последней, но чухна что-то долго возилась, и тут вестовой позвал меня в штаб. Там уже был штабс-капитан Докутович, а бледный, едва державшийся на ногах подполковник Сорокин показывал ему обрывок телеграфной ленты. Когда я появился на пороге, сей обрывок был предъявлен и мне. Это был наш пропуск в новый, 1920 год — штаб корпуса разрешал отступать на Мелитополь, и мы имели шанс дожить до первого января. Правда, не все.

Мы переглянулись с подполковником. Ситуация казалась простой до глупости и даже не нуждалась в обсуждении. К краснопузым еще не подошла конница, и мы вообще-то имели возможность оторваться, ежели, конечно, вынести за скобки

их тачанки. Но в любом случае у Токмака следовало оставлять заслон — не менее взвода и обязательно с офицером.

Штабс-капитан Докутович был уже мысленно в Мелитополе, а то и в Карасубазаре, где его ждала семья, поэтому нам пришлось немного растормошить его, предложив высказать свое мнение. В первую секунду штабс-капитан, кажется, решил, что арьергард поручат именно ему, и смотреть на него в эту секунду было неприятно. Но еще через мгновение Докутович сообразил, что подполковник Сорокин болен, а заместителя командира отряда никто в прикрытие не пошлет. Тут уж он посмотрел на меня.

Не скажу, что мне было все равно. Просто меня не оставляла странная уверенность, что этот бой для меня не последний. Но я уже готов был вызваться в арьергард — хотя бы для того, чтобы подполковник Сорокин не подумал напоследок обо мне плохо. Меня не ждет семья в Карасубазаре, а для последнего, личного, так сказать, боя Токмак вполне подходил. Архитектура, конечно, своеобразная, но того, кто здесь останется, эта проблема скоро перестанет беспокоить.

Подполковник Сорокин меня понял. Он всегда меня понимал и, похоже, что-то решив, поинтересовался, кто из офицеров остался в нашем распоряжении. Штабс-капитану Докутовичу и мне стало ясно, что мы должны уходить с отрядом. Едва ли подполковник Сорокин нас пожалел. Просто он знал, что вот-вот хворь свалит его окончательно и оба ротных еще нужны отряду. А может, и пожалел — кто знает?

У Докутовича лишних людей, естественно, не нашлось. У него никогда не бывает ничего лишнего — зато всегда есть все необходимое. Планида такая! Взглянув на меня, он поспешил добавить, что офицеров у него осталось трое, все трое — молодые прапорщики, а тут требуется кое-кто другой. Спорить я не стал. Даже если оставить здесь всех троих его прапорщиков, красные пройдут через Токмак, как нож сквозь масло. Стало быть, умирать придется кому-то из моих.

Я возвращался на околицу, где изредка постреливали в ожидании атаки, и, помнится, думал о том, что честнее и проще остаться здесь самому, чем оставлять кого-то из тех, кто еще жив и надеется выжить. Но мне было приказано уходить, и оставалось решить, кому уйти не суждено.

Вероятнее всего, следовало оставить здесь поручика Огоновского. Воевать поручик умел и сделал бы все как надо. Поручики Голуб и Усвятский сделали бы все не хуже, но жертвовать ими я не имел права — хотя бы потому, что оба они могли бы принять роту, ежели мне не повезет. Они могли, а вот поручик Огоновский не смог бы. Все так, но оставлять в прикрытии Огоновского было нельзя, и вовсе не потому, что он был моим приятелем и, как шептали все вокруг, я берег его пуще прочих. Просто поручик Огоновский был уже не тот, что полгода назад. Сломался поручик!

Так бывает. Храбрый офицер, воевавший не год и не два, не кланявшийся пулям, вдруг начинает проситься в тыл, прячется в лазарете, пишет рапорты начальству. Те, кто помоложе, хотя бы штабс-капитан Докутович, склонны видеть в этом чуть ли не трусость. Поглядели бы они на поручика Огоновского в июне 17-го под Ковелем или годом позже под Екатеринодаром, тут же пропала бы охота болтать ерунду! Дело в ином. Еще на Германской мы называли это «Ангел пролетел». Тот самый Ангел, что прилетает рано или поздно за нами всеми. Просто перед некоторыми он появляется раньше, и они, в отличие от нас прочих, мнящих себя благодаря Божьей милости бессмертными, уже знают, что смертны. И знают, что им осталось недолго.

Поручик Огоновский сломался после Волновахи. Тогда, в самом пекле, когда этот бес Белаш, его махновское превосходительство бандитский фельдмаршал, размазал по закаменевшей донецкой земле нашу третью роту и прижал к терриконам оставшиеся две, поручик Огоновский сутки не отлипал от пулемета. И в том, что Якову Александровичу, прорвавшемуся к нам со своим корпусом, было еще кого спасать, есть немалая его заслуга. Тогда о трусости никто не болтал. А днем позже, когда Белаша мы все-таки отбросили и даже погнали на юг, поручика Огоновского было не узнать. Я-то понял сразу, в чем дело, и не отпускал его с тех пор далеко от себя. А сломала его окончательно, конечно, смерть прапорщика Морозко, Татьяны Николаевны, нашей Танечки, в которую он — или с которой он... Впрочем, теперь это уже не имеет никакого значения. Никакого...

Танечка прошла с нами все — и чернецовскую эпопею, и Ледяной забег, и Кубанский Анабазис, и бои в Донбассе, и

Волноваху. Мы берегли ее от пуль, но от воспаления легких спасти не смогли. Мы похоронили ее за неделю до Токмака в безымянном хохлацком селе, сорвав предварительно с ее шинели погоны, чтоб проклятые пейзане не сообщили антихристам, что тут похоронен офицер. Ее солдатский Георгий я отдал подполковнику Сорокину. Еще год назад его коллекция выморочных наград вмещалась в коробке из-под леденцов Жевержеева, а сейчас он набил ими свою полевую сумку чуть ли не доверху. Теперь уже не установишь, где чьи, да и к чему? Сегодня в его сумку перекочевала скромная красная ленточка — «клюква» Сени Новикова.

Итак, на поручика Огоновского надежды оставалось мало, химик и сельский учитель были незаменимы, а мне приказано жить дальше. Значит, умирать придется подпоручику Михальчуку. Я отозвал его с правого фланга, приказал отобрать двадцать нижних чинов по его выбору. Это все, что я мог сделать. Ему оставались двадцать человек, пулемет и полный цинк патронов.

Подпоручик Михальчук всегда был гусаром, недаром покойный генерал Марков постоянно ставил его в пример. А между прочим, понравиться генералу Маркову — это было нечто другое, чем понравиться, скажем, нашему Фельдфебелю. Генерал Марков знал, как должно воевать — и как умирать, знал тоже. Поэтому подпоручик даже не мигнул, когда я сказал ему о полном цинке патронов. Вернее, нет, как раз мигнул, точнее, подмигнул, потребовав в придачу коробку «Мемфиса». Он знал, что просит: я носил в полевой сумке нераспечатанный «Мемфис» — чтобы покурить напоследок. Я вынул из сумки папиросы, сунул подпоручику Михальчуку и, не оглядываясь, пошел распоряжаться об отходе.

Все оказалось даже хуже, чем я думал. У нас имелось восемь тяжелораненых, которых нельзя было эвакуировать в такой мороз, вдобавок подполковнику Сорокину стало совсем плохо, и он присоединился девятым к этой компании. Штабс-капитан Докутович превзошел самого себя и выволок откуда-то из-под земли три подводы вместе с возницами, но мы оба знали, что до Мелитополя довезем немногих. Впрочем, вариантов не было — оставлять кого-либо чухне мы не имели права.

Мы вышли из Токмака минут за десять до того, как пушки

краснопузых вновь рявкнули и жидочухна полезла на приступ. Уже на околице меня догнал связной от подпоручика Михальчука, сообщил, что все в порядке и за подпоручика можно не волноваться. Связной сунул мне какую-то тряпицу, козырнул и сгинул. Я спрятал тряпицу в карман и только потом, сообразив, развернул. Подпоручик Михальчук помнил наши традиции: у меня на ладони лежали его Владимир четвертой степени, такой же точно, как у меня, и знак Ледяного похода. Оставалось все это приобщить к коллекции подполковника Сорокина. Я нашел в его подводе тяжелую полевую сумку и бросил в нее очередную лепту.

Мы уходили быстро, а сзади весело стрекотал пулемет подпоручика Михальчука. Нашу колонну настиг все же пяток снарядов, что стоило нам троих нижних чинов, скошенных наповал одним взрывом. Шестой снаряд — последний — разорвался совсем рядом с дорогой, и нас бросило на промерзшую землю. Я крепко ударился головой, поручика Усвятского забросало мерзлыми комьями, и на минуту от его междометий небу стало жарко. Потом мы вместе стали поднимать с земли поручика Огоновского, которого, как нам показалось, слегка оглушило. Мы трясли его, стараясь привести в чувство, а он не откликался и становился все бледнее. Подбежал штабс-капитан Докутович, волоча наш аптечный «сидор», начал извлекать из него чуть ли не английскую соль, но поручик Усвятский уже все понял и, отстранив склянку, повернул голову поручика Огоновского в сторону. Все стало ясно — осколок, маленький, не больше пуговицы, аккуратно вошел в левый висок. Прошел сквозь волосы, поэтому мы в первые минуты и не сообразили, что к чему. Ангел не зря предупреждал Володю Огоновского. Кажется, я не удержался и ляпнул какую-то несусветную глупость вроде «не ушел», но никто меня, ясное дело, не слушал.

Надо было спешить. Штабс-капитан Докутович — теперь командовал он — отдал приказ, и мы уложили Володю на обочину, укрыв шинелью, с которой предварительно содрали погоны. Этот ритуал мы разработали еще во время Ледяного марша. Окрестные пейзане обычно хоронят таких, оставленных. Пусть не сейчас, пусть ближе к весне. А вот ежели найдут офицера, то могут отдать краснопузым, в агитационных, так сказать, целях. Любят они это! Лавра Георгиевича несколько дней

возили по Екатеринодару, глумились от всей их собачьей души, а после устроили свое жидокомиссарское аутодафе. Поэтому пусть Володя лежит тут без погон и документов и пусть простит нас за то, что мы ничего не можем поделать с закаменелым таврийским черноземом.

Requiem in pacem!

Мы уходили на юг, а в оставленном нами Токмаке все еще что-то гремело и долгими очередями бил пулемет подпоручика Михальчука. Я чувствовал, что за пулеметом был он сам — его почерк. Поручик любил стрелять длинными очередями в упор, расходуя патроны без счету, за что вечно получал от меня на орехи. Ну, теперь он, стало быть, дорвался. Теперь — можно. Теперь ему было все можно...

Мы уходили все дальше, и гул боя постепенно затихал. Едва ли подпоручик и его двадцать гвардейцев продержались долго, но красная чухна уже успела обжечься и предпочла обкладывать наш арьергард по всем правилам. Вероятно, они сразу и не разобрались, что большая часть отряда сумела уйти. Господа обыватели были бы, конечно, рады из классовой солидарности подсказать наш маршрут, но краснопузые своими гаубицами загнали их в глубь погребов, так что на этот счет можно было не беспокоиться. В общем, подпоручик Михальчук оказался на высоте и в этом бою. Мы больше ничего не слыхали о нем, даже когда вернулись в Токмак через полгода. В таких случаях раньше писали «пропал без вести», хотя куда (и как!) пропал — яснее ясного. Надеюсь, Саша не попал к ним в руки живым. Но случись даже это, чего каждый из нас боялся более всего, Саша, подпоручик лейб-гвардии Московского полка Александр Николаевич Михальчук, держался бы как должно.

В Токмаке осталась ровно половина нашего отряда. Я уцелел. Это можно назвать и везением.

Мы шли до Мелитополя шесть дней, шли на удивление спокойно, хотя встреченные по пути пейзане злорадно обещали нам скорое знакомство с Упырем. Мы даже не отругивались, поскольку было действительно страшно — налети Упырь со своими тачанками, да еще в чистом поле, мы бы и десяти минут не продержались. Махно — это вам не красная чухна, это людоед Божьей милостью и таврийскую степь знает, как соб-

ственный карман. С ним только Яков Александрович умел справляться, да и то имея за спиной корпус полного состава.

К счастью, в эти самые дни — мы узнали об этом значительно позже, в Мелитополе — Яков Александрович сумел еще раз прищучить Упыря у Кичкас. Махно увел тачанки на север, а мы сумели дойти до Мелитополя, как я уже успел отметить, аккурат под новый, 1920 год, 31 декабря, часов в девять утра, когда солнце, красное, в морозной дымке, еще только-только поднималось над степью.

Ну вот, похоже, дописался до галлюцинаций. Нет, действительно стреляют!

7 апреля

Наши борзописцы уже успели создать легенду об ужасающей скуке в Голом Поле. Сие мы регулярно читаем в приходящих сюда всякого рода русско-берлинских и русско-парижских газетах. А напрасно пишут. Вчерашняя ночь — не из тех, когда скучают.

Никакого красного десанта, к счастью (или к сожалению, это кому как), не случилось. Просто трое пьяных марковцев подрались с сингалезами. Сингалезы — ребята спокойные и, в отличие от марковцев, дисциплинированные, первыми в драку не лезут, так что виноваты наверняка наши. А кончилось все очень плохо — кто-то из наших ослов продырявил сингалезского лейтенанта. Лейтенанта жалко — он держал своих арапов как должно, к нашим зря не цеплялся и, между прочим, имел три французские медали. Стало быть, кроем, кроем союзничков, и за дело, по чести говоря, а сами-то каковы? И сингалеза жалко, и неприятностей не оберемся, да и стыдно попросту.

Наши «дрозды» спешат уверить всех, что все беды только от марковцев. Интересно, а кто мой вещевой мешок переполовинил тогда, в Геническе? Все, все мы хороши, господа! Хоть намордники покупай.

Нам эта потасовка уже вышла боком. Поскольку мы, сорокинцы, вроде бы и не марковцы, и не дроздовцы, нас обещают отныне назначать в ночные караулы. Поручика Усвятского, несмотря на его заклинания, отправляют сегодня ночью в

компании с тремя юнкерами блюсти, так сказать, наше Голое Поле, особенно его марковскую часть. Такие мы, сорокинцы, незаменимые!

Уже здесь, в Голом Поле, когда мы немного обустроились и отоспались, уцелевшие сорокинцы стали потихоньку искать друг друга. Нас осталось не так уж мало. Правда, это сорокинцы уже, в основном, крымские, последнего призыва. Хотя бывают и чудеса: нашелся один прапорщик из той самой третьей роты, которую паровозный машинист Белаш расстрелял своими тачанками под Волновахой. Третью роту мы заочно отпели — и вот надо же! А от моей роты остались лишь мы с поручиком Усвятским и девять нижних чинов. Отвоевалась вторая рота.

Между прочим, в первые недели мы, сорокинцы, вынуждены были отстаивать здесь свою, с позволения сказать, индивидуальность. Дело в том, что Фельдфебелю вздумалось нас побрить. А это уж — извините! Устав, конечно, уставом, но все в Добровольческой армии знали, что сорокинцы изволят щеголять бородами. Точнее, короткими такими бородками. В конце концов, никто не заставляет дроздовцев снять эти дурацкие пенсне, хотя зрение у большинства из них отменное — и все потому, что полковник Дроздовский был слегка близорук. Ну и пусть носят! И наши бороды пусть оставят в покое. После долгих пререканий Фельдфебель так и сделал, и теперь сорокинца узнаешь сразу. Правда, штабс-капитан Докутович бороду все-таки сбрил. Ему виднее, тем более борода ему не очень шла. Вот подполковнику Сорокину с его бородкой было неплохо. Нам, во всяком случае, нравилось.

В Мелитополе мы сразу же разделились. Штабс-капитан Докутович, теперь уже на правах командира отряда, отправился искать начальство, а заодно, что для нас было куда важнее, какую-нибудь крышу над головой. Мы же с поручиком Усвятским и несколькими нижними чинами поспешили на станцию, где стоял санитарный поезд. Следовало спешить — нашим тяжелораненым, а их оставалось теперь только двое, было совсем скверно. Подполковник Сорокин все никак не приходил в себя, хотя дорогой мы использовали весь наш оставшийся спирт ему на компрессы. Санитарный поезд действительно оказался на станции, но пришлось долго ругаться и

доказывать невесть что, прежде чем эта тыловая сволочь согласилась принять наших раненых.

Подполковник Сорокин так и не пришел в сознание. Нас уже порадовали диагнозом: крупозное воспаление легких, его уложили на носилки, и он лежал, длинный, худой, темная отросшая борода торчала вверх, а мы все стояли рядом, надеясь, что командир откроет глаза. В конце концов, санитары самым невежливым образом отодвинули нас с поручиком Усвятским в сторону и втащили носилки в вагон. Поезд должен был скоро отправляться, и мы смогли лишь узнать, что раненых отвезут в Карасубазар.

В самом Мелитополе творилось нечто несусветное, впрочем, вполне знакомое. Город никто не собирался защищать, толпа штурмовала вокзал, а редкие колонны наиболее напуганных или наиболее смелых шли пешком на юг, навстречу морозу и махновцам. Прошел слух, что комиссары уже в Бердянске. Штабс-капитан Докутович, пробегав полдня, выяснил, что никого из старших командиров в городе нет, но скоро должен прибыть генерал Андгуладзе, начдив-13, и мы отходим в его распоряжение. Мне, честно говоря, было все равно — генерала Андгуладзе я не знал, и с кем защищать Мелитополь или драпать из того Мелитополя, было безразлично. Некоторый интерес представляло другое обстоятельство: собиралось ли командование вообще оборонять Крым? Этого штабс-капитану Докутовичу никто не сообщил, и мы с ним, докуривая его пачку «Сальве», обсудили несколько возможностей.

Ежели Крым никто оборонять не собирается, то нас могут оставить прикрывать эвакуацию. В этом случае вопрос с нашим отрядом решался просто — и быстро. Я допустил компромиссную возможность: Яков Александрович мог повторить вариант 19-го года, когда он удержал Акмонайские позиции, не пустив красных в Керчь. Впрочем, и в этом случае нас скорее всего оставят в заслоне. Даже если предположить, что никто вообще ничего не прикажет и войска будут эвакуироваться, так сказать, по возможности, то и тогда мы едва ли успеем дойти от Мелитополя до Феодосии, Керчи или Севастополя. В общем, спасти нас могло одно — приказ об обороне Крыма и кто-то, способный эту оборону возглавить. Если это будет Яков Александрович, то какие-то шансы появятся. В генерала Андгуладзе верилось слабо.

Впрочем, повлиять на высокую стратегию мы не могли, и надо было подумать о хлебе насущном. Тут выяснилось, что штабс-капитан Докутович еще раз превзошел самого себя. Уж не знаю, каким образом, но он сумел выбить у местного коменданта разрешение поселиться в мелитопольской мужской гимназии и даже поставить нас всех на довольствие. Последнее было буквально даром Божьим, поскольку продукты давно кончились, а прикупить даже самое необходимое возможности мы не имели. Наш отряд, как и все части в Таврии, не получал денежного довольствия уже второй месяц.

В гимназии все было разорено и разграблено, но в пустых классах обнаружилось несколько коек, на некоторых из них имелись (диво дивное!) даже матрацы. В довершение всего, в некоторых классах оказались неплохо сработанные железные печки, оставшиеся, очевидно, от прежних постояльцев. Парт хватало, поэтому о дровах можно было какое-то время не беспокоиться.

Нижних чинов мы разместили в актовом зале, штабс-капитан Докутович занял директорский кабинет, где имелся ободранный, но все же еще пригодный диван, а офицеры получили по небольшому классу на каждую роту. Нам троим — поручику Усвятскому, поручику Голубу и мне — достался кабинет географии, который насквозь промерз и вдобавок зиял выбитыми стеклами. Поручик Усвятский и поручик Голуб рьяно взялись за наведение ежели не порядка, то какого-то подобия, а я, воспользовавшись служебным положением, упал на продавленную койку и мгновенно уснул, укрывшись поверх шинели содранной с окна портьерой. Перед тем, как уснуть, я успел отобрать у поручика Усвятского вот эту самую тетрадь с золотым обрезом и спрятать ее в вещмешок.

Следующие несколько дней мы, насколько можно судить по записям в дневнике, отсыпались. Кормили нас еле-еле, железная печка грела скверно, но после всего на эти мелочи мы не обращали внимания. Один раз мы, собрав все имевшиеся у нас денежные знаки — получилась недурная коллекция от керенок до «колоколов», — направили поручика Голуба на здешнюю толкучку за самогоном. Поручик — самый подходящий для подобных операций человек благодаря блестящему знанию малороссийского наречия и опыту общения с глуховскими

пейзанами. Вернувшись очень не скоро, он порадовал нас бутылью чего-то чудовищно сизого, с запахом чуть ли не карболки. Поручик Усвятский, вспомнив свою химическую науку, провел визуальный анализ и дал «добро», после чего мы продегустировали сей таврийский эквивалент «Смирновской», закусывая таранью, купленной на той же толкучке.

Все эти дни нас никто не трогал, и штабс-капитан Докутович совершенно напрасно бегал каждый день в комендатуру. Четвертого января, насколько можно верить моим записям, у нас в гимназии появились соседи — полсотни нижних чинов и десяток офицеров из 13-й дивизии. Таким образом, слухи о генерале Андгуладзе начали вроде бы подтверждаться, но полной ясности все еще не было. Офицеры сообщили, что в Бердянске уже красные и что Мариуполь тоже сдан. Екатеринослав, как выяснилось, отдали без боя еще 27 декабря. Впрочем, в 13-й дивизии считали, что командование твердо решило защищать Крым и оборона будет поручена 3-му армейскому корпусу. А это значит, что оборону возьмет в свои руки Яков Александрович, что само по себе было неплохо.

Все выяснилось 7 января. От этого дня у меня сохранилась подробная запись. Утром кто-то из наших соседей сообщил, что в город прибыл генерал Андгуладзе со своим штабом и расположился в помещении вокзала. Штабс-капитан Докутович тут же поспешил туда, но вскоре вернулся. К генералу его не пустили и велели к шести вечера всем офицерам собраться в зале ожидания. К этому штабс-капитан Докутович присовокупил, что ожидается приезд Якова Александровича.

К назначенному времени в зал ожидания набилась где-то сотня офицеров. Вид мы, признаться, имели весьма ободранный, и несколько подполковников и полковников из штаба 13-й дивизии сразу же стали заметны благодаря своим английским шинелям. Сам генерал Андгуладзе оказался пожилым толстяком с неаккуратными усами и мрачным выражением на типично восточном лице. Типичный «капказский человек» с погонами генерал-лейтенанта. Ничего дельного мы от него не услыхали, кроме приказа застегнуться и привести себя в порядок. Повеяло чем-то родным, чуть ли не школой вольноопределяющихся. Мы с поручиком Усвятским переглянулись и, расстегнув шинели на лишний крючок, закурили невообразимый по крепости самосад, купленный все на той же местной

толкучке. На нас покосились, но кто-то понимающе буркнул «сорокинцы» — и нас оставили в покое. Тут генерал Андгуладзе вскочил, дернул короткими ручками и трубным гласом возвестил: «Господа офицеры! Командующий!» После такого заявления я ожидал по меньшей мере самого Антона Ивановича Деникина. Но Антон Иванович не появился, а вместо него в зал, сдирая на ходу перчатки, почти вбежал Яков Александрович. Он бросил перчатки на стул, через секунду туда же полетела шинель вкупе с фуражкой. Яков Александрович одернул китель и достал портсигар. Пока он закуривал, а вслед за ним и остальные, я решал нехитрую задачку о двух действиях. Прежде всего, какой бы Андгуладзе ни был «капказский человек», но устав он знает и называть командира 3-го армейского корпуса командующим зря не станет. Действие второе: выходит, Яков Александрович действительно назначен командующим войсками Таврии и Крыма, а значит, мы все-таки будем драться, а не бежать.

Выглядел Яков Александрович неважно и по сравнению с сентябрем, когда мы виделись в последний раз, заметно сдал. Лицо было даже не бледным, а каким-то серым, вдобавок у него все время дергалась щека, так что смотрелся он куда старше своих тридцати пяти. Что ж, мы все едва ли помолодели за эти идиллические месяцы. Но тик тиком, а говорил Яков Александрович спокойно, не повышая голоса, в своей обычной чуть насмешливой манере. Говорил, правда, о вещах совсем не веселых.

Наши войска отступали по всему фронту. Основные силы, в том числе Добрармия, донцы, кубанцы и терцы, уходили на Кавказ. На нашем левом фланге войска Шиллинга и Драгомирова отступали на Одессу и Николаев. В центре, то есть у нас в Таврии, образовалась стратегическая пустота, которую и пытался прикрыть 3-й армейский корпус, срочно отводимый к крымским перешейкам. В Крым рвалась XIII армия красных под командованием господина-товарища Геккера. В авангарде господ большевиков шли уже знакомая нам эстонская дивизия и группа Павлова, между прочим, бывшего офицера лейб-гвардии Волынского полка. Этот Павлов прошлой осенью изрядно отличился под Орлом и теперь спешил за лаврами в Таврию.

А в Крыму обстановка была паршивая. Полуостров запол-

нили эвакуированные разного чина и звания. Забив порты, они требовали немедленного отплытия — куда угодно, лишь бы поскорее. Войскам несколько месяцев не выдавали жалованья, некоторые части окончательно разложились, перейдя на самообеспечение, то есть попросту к грабежам. Генерал Субботин, отвечающий за оборону, с положением явно не справлялся, а командующий флотом вице-адмирал Ненюков думал только об эвакуации. Ко всему прочему, поднимала голову большевизия в городах и зеленая сволочь в горах.

В этих-то условиях Яков Александрович брал на себя оборону полуострова. Он сообщил, что в его непосредственном распоряжении имеется около трех тысяч человек, но он надеется, что успеет подойти 34-я дивизия из-под Николаева, хотя ее положение сложное — уже сейчас она практически окружена. Мы все переходим в распоряжение генерала Андгуладзе и будем действовать согласно плану командующего. Последнее, естественно, не расшифровывалось.

Все это Яков Александрович изложил настолько спокойно, будто находился в учебной аудитории Пажеского Его Императорского Величества корпуса, где он до войны преподавал тактику. Да, преподавательская закваска неистребима, и я проникся чем-то вроде гордости за коллегу.

После Якова Александровича слово взял Андгуладзе, который, произнеся нечто похожее на «умрем-умрем», достал какую-то бумагу и начал читать. Это оказался приказ Якова Александровича от 31 декабря. В основном, он относился не к нам, фронтовикам, а к разного рода тыловой сволочи, которую командующий призывал принять человеческий вид и включиться в организацию обороны. Кое-что запомнилось дословно: «Пока берегитесь, а не послушаетесь — не упрекайте за преждевременную смерть». Это было правильно, но для нас в этом приказе самое большое значение имело то, что ему, то есть Якову Александровичу, приказано удерживать Крым и он это выполнит во что бы то ни стало. И не только попросит, но и заставит всех ему помочь. Так и было сказано.

Когда все расходились, мне удалось протолкаться к Якову Александровичу, для чего, правда, пришлось изрядно пихнуть локтем одного полковника в английской шинели. Командующий меня узнал, мы поздоровались, и он, естественно, спросил о подполковнике Сорокине. Об этом я и хотел ему рассказать. Он тут же понял, в чем дело, кивнул и пообещал выяснить, а если требуется, оказать помощь. Потом он поинтересовался поручиком Голубом, которого запомнил по Волновахе. Я подозвал поручика, и мы втроем коротко побеседовали — к вящему неудовольствию столпившихся рядом штабных. Три бывших преподавателя, так сказать, наследники Ушинского.

На следующее утро к нам в гимназию примчался вестовой из штаба, и мы тут же начали собираться. Генерал Андгуладзе приказывал эвакуироваться. Остатки нашего отряда поступали в его распоряжение и вместе с частями дивизии отходили на Таганаш, чтобы занять позиции между Мурза-Каяшем и Сивашом. В тот же день мы уехали, и в моих записях следует перерыв вплоть до 13 января.

11 апреля

Несколько дней ничего не писал, хотя произошло немало интересного. Прежде всего меня вызвали в штаб и назначили в ночной караул. Я отказался. Конечно, это дурная фронда, но тут, что называется, нашла коса на камень. Я твердо стоял на своем, тогда меня взяли под белы ручки и повели к начальству. Я ожидал разбирательства с самим Фельдфебелем, но меня привели не к нему, а к генералу Ноги. Собственно, его фамилия Нога, но мы его сразу же переименовали в честь командующего японской армией под Артуром. Ноги усадил меня на раскладной металлический стул, угостил французской папиросой и повел душеспасительную беседу.

Душеспасительные беседы — его конек. Служба обязывает!

Он, Ноги, естественно, знает, кто я такой. Помнит о том, что контузию я получил в бою под Екатеринодаром, когда генерал Марков вел офицеров на последний приступ. Помнит и о том, что я был еще раз контужен под Волновахой, когда мы остановили Белаша, не пустив к Таганрогу. Поэтому меня стараются особенно не обременять мелочами службы и используют главным образом как преподавателя, то есть по довоенной специальности.

Тут меня подмывало сказать, что к «мелочам службы» меня не особо подпускают не только из филантропии, но и как человека, служившего с Яковом Александровичем, — особенно после известных событий последнего времени. И что еще по-

сле первой контузии под Горлицей, в 15-м году, меня хотели направить на комиссию, но я из дурной гордости отказался. Однако я не сказал ни первого, ни второго, поскольку знал, чем занимается генерал Ноги при штабе. Все это (и многое-многое другое) ему, конечно, известно по долгу службы. А он между тем перешел на совершенно медовый тон, сообщив, что обстановка в лагере нездоровая, господа марковцы, алексеевцы и дроздовцы никак не могут поделить победные лавры и что в эту ночь ожидается генеральное (или генеральское — уже не упомню) побоище. Поэтому штаб старается опереться на наиболее преданных офицеров, к числу коих он, безусловно, относит нас с поручиком Усвятским.

Ну, спасибо, уважил. Бедный поручик Усвятский, и он у них на карандаше!

Я наивно моргнул и тут же потребовал за ночное дежурство двое суток отпуска с правом съездить в Истанбул, причем не в одиночку, а, естественно, с поручиком Усвятским. Все это было несусветной наглостью, но генерал Ноги охотно согласился. Мне дали под начало двух прапорщиков из Корниловского полка и взвод нижних чинов, и всю ночь мы блюли наше Голое Поле. Никакого побоища, само собой, не случилось. Задержали троих вдрезину пьяных дроздовцев и какого-то капитана-марковца, тоже подшофе. Дроздовцев отпустили, а марковца, оказавшего сопротивление, отволокли куда следует. На этом наши подвиги и кончились, а на следующий день мы с поручиком Усвятским уже плыли на турецком катере в Царьград.

После мрачного Голого Поля Истанбул несколько оглушал. Город вообще-то приятный, веселый, несмотря на грязь и турецкую бестолковщину. Впрочем, сейчас в нем турок наверняка меньше, чем господ союзничков и наших вояк. Когда мы высадились в Золотом Роге, поручик Усвятский припомнил, как наши российские интеллигенты от господина Леонтьева до профессора Милюкова мечтали о российском воинстве в стенах града Св. Константина. И вот мечта сбылась: мы, российское воинство, дефилируем через врата Царьграда, подсчитывая при этом имеющиеся у нас лиры.

Между прочим, к русским здесь относятся не просто терпимо, а прямо-таки хорошо, господ же союзничков ненавидят, что весьма приятно.

Мы с поручиком Усвятским уже знали, куда идти, но вышло по-другому. Еще на катере к нам приклеились двое розовощеких юнкеров-константиновцев, уверявших, будто впервые едут в Истанбул, а посему наш долг состоит в том, чтобы показать юношам Второй Рим. Глаза их были настолько невинны и простодушны, что я сразу понял нехитрый фокус генерала Ноги. Что ж, и такой вариант мы с поручиком Усвятским тоже предусмотрели.

Юношей сразу потянуло на знаменитый истанбульский Крытый рынок, где можно купить что угодно, а на известной среди нашего воинства узенькой улочке у самого рынка — и кого угодно, но я решил молодых людей не баловать и организовать культурную программу. Сами виноваты, раз напросились! Истанбул я знаю не Бог весть как, но все же бывал здесь пару раз до войны, когда ездил к профессору Кулаковскому в Русский Археологический институт.

Мы прогулялись к Айя-Софии, где константиновцам была прочитана целая лекция об истории этого великого храма. Я процитировал им соответствующее место из Нестора о визите сюда послов Святого Равноапостольного князя Владимира, поручик Усвятский подхватил эстафету и долго объяснял любознательным юнкерам особенности изготовления здешних мозаик. Выслушав подробный рассказ о химическом составе смальты и добавлявшихся туда красителях, юноши приуныли. Но это было лишь самое начало. Мы прошествовали к Голубой Мечети, что дало мне хороший повод для ознакомления наших спутников с некоторыми аспектами истории Блистательной Порты. Далее нас ждал дворец Топак-Хана. Я рассчитывал, что дворца будет достаточно и нас наконец оставят в покое. Но не тут-то было — генерал Ноги шутить не любит, и молодые люди, затравленно переглянувшись, заявили, что им чрезвычайно интересно и они жаждут продолжения.

Ну что ж, Истанбул город большой. Мы направились хорошо знакомыми мне улицами к Русскому Археологическому институту и постояли у огромных литых чугунных ворот, глядя сквозь них на заброшенное двухэтажное здание. Института уже нет, после вступления в войну турки устроили здесь погром, вывезя все, что имело ценность. Нашему посольству было не до этого, посол лишь поручил итальянцам присмотреть за уцелевшим имуществом. Но вскоре Италия тоже вступила в

войну, и вся эта история заглохла. А жаль институт! Когда мы с поручиком Усвятским год назад беседовали в Севастополе с профессором Лепером, старик все сожалел, что не успел спасти хотя бы часть здешних коллекций. Впрочем, даже если имущество и успели бы вывезти, то через четыре года оно досталось бы комиссарам. Так что — всюду клин.

Юнкера не отставали, и мы, переглянувшись с поручиком, направились к Крытому рынку. Константиновцы повеселели, да и нам, честно говоря, стало интересно. Правда, время уже было вечернее и народу на рынке оставалось не так уж много, но поглядеть все же стоило. Побродив с часок, мы решили, что следует подкрепиться, и зашли в случившийся поблизости русский ресторанчик — один из тех, что выросли здесь в эту зиму как грибы. Деньги у нас имелись, хотя и немного (поручик недавно продал свой серебряный «Буре»), но вполне достаточно, чтобы позволить себе шикануть. На столе блеснула бутылочка, затем другая, и тут наших юных друзей повело. Они это почуяли, начали что-то бормотать о необходимости закусывать, но, видать, плохо они знали поручика Усвятского. Вскоре один из юнкеров был уже хорош, но второй все же держался, уверяя, что константиновца перепить невозможно.

Пора было действовать. Я помнил, что рядом имеется нечто вроде ночлежки, и договорился с поручиком Усвятским, чтобы завтра он ждал меня там в десять утра. Юнкеров он брал на себя, мне же предстояло исчезнуть, и желательно незаметно. В конце концов, генерал Ноги способен на многое, и за соседним столиком мог сидеть еще кто-то. А почему бы, собственно, и нет? Раз уж моя собственная персона их так интересует...

(Написал, перечитал — и усомнился. Откуда у господина Ноги столько сотрудников? Бог весть, может, и любопытные вьюноши не имели в виду ничего дурного, просто захотелось заскучавшим константиновцам гульнуть как следует — вот и увязались. А с другой стороны, навидался я господ контрразведчиков. Дел у них на Голом Поле нет — вот и нашли себе дело. Бог весть!)

Ждать долго не пришлось. К нашему столику приблизилась некая юная особа, раскрашенная, словно вождь ирокезов, и начала что-то сбивчиво нам втолковывать. Сия жрица Астарты была уже изрядно подшофе, а посему изъяснялась тоже по-ирокезски. Я подмигнул поручику Усвятского, тот понял и

жутким голосом завел столь памятную нам по Албату песню про шарабан-американку и девчонку-шарлатанку. «Звените, струны моей гитары, мы отступили из-под Самары!» Юная особа обиделась, возмутилась, вспомнила про своего папашку-генерала, расстрелянного красными, но мне уже стало ясно, что нужный момент настал. Налив себе рюмку местного пойла, я взял ее под руку и с самым непринужденным видом направился к выходу. Один из юнкеров, тот, что покрепче, рванулся следом, но поручик Усвятский был начеку и, перехватив сквернавца, предложил ему выпить за прекрасных дам.

Оказавшись на улице, юная особа заявила, что деньги она берет вперед и что все сие удовольствие будет стоить две лиры, а ежели до утра, то пять. Заодно посоветовала не ходить далеко и воспользоваться как раз той ночлежкой, где завтра меня должен ждать поручик Усвятский с непохмеленными юнкерами. Я отвел ее в сторону и достал из бумажника банкноту в десять лир. Этого было достаточно, чтобы она онемела, словно глушенная тротилом рыба. После чего настала очередь высказаться мне. Не люблю читать мораль, но вся эта дурацкая история со слежкой разозлила меня чрезвычайно. Прямо Совдепия какая-то!

Прежде всего я не отказал себе в удовольствии посетовать, что не являюсь братом моей новой знакомой, поскольку в этом случае мой долг — застрелить ее на месте. Но раз это не так, ей лучше самой утопиться в Золотом Роге, поелику подобное купание все же приятнее, чем такая жизнь. А пока она может заработать десять лир, ежели проводит меня на некую улицу, после чего забудет навсегда факт нашей встречи — иначе я ее все-таки пристрелю, даже не будучи родственником. Револьвера я доставать не стал, но девица поверила мне на слово, и вскоре мы с ней уже шли в необходимом направлении. Всю дорогу она молчала, и я мысленно поблагодарил ее за подобную душевную чуткость.

На углу искомой улицы я вручил ей банкноту и велел убираться. Это уже был перебор, поскольку девица вдруг расплакалась и спросила, что она мне сделала плохого. Вопрос был резонный, и я мысленно обругал себя трехэтажным окопным. Нашел на ком злость срывать, идиот! Пробормотав нечто вроде «ну, извини, девочка», я попытался вручить ей еще одну та-

кую же банкноту. Деньги она, однако, не взяла, и я, несколько смущенный, оставил ее на месте и пошел искать нужный дом.

Турки, конечно, народ приятный, но номера на своих домах, увы, не вывешивают. К счастью, было еще не очень поздно, и я оказался у цели даже быстрее, чем предполагал. В искомом доме я провел часа три. Подробности визита покуда не стану доверять бумаге, сейфа у меня нет и не будет, а наша белая палатка, подаренная американским Красным Крестом, слишком уж продувается всеми ветрами.

(Перечитал — и снова разозлился. Ну, точно Большевизия!)

Не могу не написать о дальнейших событиях истанбульской ночи, хотя это и не имеет никакого отношения к моему дневнику. Выйдя из дома (меня оставляли ночевать, но я не решился надоедать хозяевам), на совершенно пустой улице я заметил знакомую фигуру. Гимназистка седьмого класса дремала, усевшись на какое-то крыльцо и прислонившись спиной к высоким резным дверям, которыми славятся дома в старой части города. Признаться, первая моя мысль была не из самых удачных, но я тут же рассудил, что генерал Ноги не всесилен и так глупо не будет вести себя ни один агент. Посему оставалась дилемма: разбудить девицу либо оставить ее у резных дверей. В конце концов то ли воспитание, то ли любопытство взяли верх, и я предпочел окликнуть ее, поинтересовавшись, не меня ли она ждет. Оказалось, что все-таки меня.

Она явно протрезвела, а моя злость уже успела перегореть. В общем, я извинился — уже по-настоящему, мы познакомились и пошли куда-то в сторону Старых Казарм, время от времени перекуривая и переговариваясь о всякой всячине. Мою новую знакомую звали Татьяной, и она действительно училась в седьмом классе Ростовской гимназии, когда к Ростову подошла дивизия Азина и ей с братом пришлось уезжать. Так что с гимназисткой я почти не ошибся, ошибся в другом — именно брат послал ее на панель. Впрочем, свое он успел получить: вот уж месяц как он пропал, и пропал основательно. Здесь, в Истанбуле, это просто. Я рассказал кое-что о себе, причем как-то незаметно мы перешли на «вы», что сделало наш разговор и вовсе невеселым.

Затем мы свернули обратно и пошли к той самой ночлежке, где должен был ждать меня поручик Усвятский. На прощание она сказала фразу, которую не стоит и записывать. Впрочем,

нет, запишу. Татьяна сказала: «Мне вас жалко, Владимир, вы скоро умрете». Я сделал вид, что сие меня весьма насмешило, и, естественно, поинтересовался, почему? В ответ она заговорила что-то о моем лице, и тут я вспомнил об Ангеле. Ерунда, право! Просто Татьяна не смогла простить мне пакостей, что я ей наговорил, — и ответила.

Вот, пожалуй, и все наши истанбульские похождения. Следует лишь добавить, что утром на книжном развале мы с поручиком Усвятским приобрели пару книг, с которыми также вышла небольшая история.

Я дал прочесть эти странички поручику Усвятскому, который не преминул обидеться за низкую оценку своих вокальных способностей. По поводу же остального он долго язвил, а затем вполне серьезно предложил мне заняться лечебной гимнастикой. Ну вот, и он туда же! К этому поручик добавил, что моя конспирация с неизвестной улицей может обмануть только меня самого, но уж никак не генерала Ноги. Ну ладно, пусть читают, кому интересно: той ночью я посетил квартал Везнеджилер, улица Де Руни, дом № 15/17, где в настоящее время проживает уволенный со службы без права ношения мундира бывший генерал-лейтенант бывшей Русской Армии Слащев-Крымский. А вот о чем мы с Яковом Александровичем в ту ночь беседовали — это уж наше с ним дело.

12 апреля

Пора, однако же, вернуться к дневнику. Следующая запись относится к 13 января, и сделана она под Ново-Алексеевкой.

Прежде всего о том, как мы там оказались.

Наш эшелон дошел только до Геническа, после чего мы несколько дней торчали на станции, ловя доходившие до нас слухи. А слухи не радовали — красные уже заняли Мелитополь, их конница веером шла по Северной Таврии, опережая наши отступающие части. Особенно туго приходилось той самой 34-й дивизии, которая походным порядком двигалась от Николаева. 10 января, ежели верить моим записям, штабс-капитана Докутовича вызвали в штабной вагон, откуда он вернулся с вытянувшимся лицом, сообщив, что отряд включают в группу какого-то капитана Мезерницкого и посылают под

Сальково. Насколько он смог понять, Яков Александрович потребовал от генерала Андгуладзе часть его войск, а «капказский человек» решил сберечь свою 13-ю дивизию, направив под Сальково приблудившиеся команды вроде нашей. Штабс-капитан Докутович расстроился всерьез, он уже успел дать телеграмму в Карасубазар, и его супруга вот-вот должна была прибыть сюда. Мне проще — я никого не ждал, успел отоспаться и отогреться; да и капитан Мезерницкий все же лучше, чем неопределенность.

В Сальково мы попали в небольшой, но неплохо организованный Вавилон, где, кроме нас, оказался чеченский отряд, остатки Пинско-Волынского батальона, три бронепоезда и даже несколько танков. Туда же прибыл конвой штакора — сотня свирепого вида донских казаков, увешанных Георгиевскими крестами. Капитан Мезерницкий оказался начальником конвоя и довольно толковым офицером. Отряд он собрал быстро, распоряжался по-деловому, и когда к нам прибыл Яков Александрович, все уже было готово.

Командующий собрал нас и коротко объяснил суть дела. Красные заняли Ново-Алексеевку, собираясь устроить 34-й Канны. Наш отряд должен был их атаковать, по возможности потрепать и отвлечь внимание. Нас оставалось до смешного мало, едва ли больше батальона полного состава, но у нас были танки, бронепоезда и внезапность. Последнее имело особое значение, поскольку красные явно не ожидали сопротивления и перли в Крым, словно нас там уже не было.

Мы получили шанс доказать им обратное.

Это было дело! Впервые за несколько месяцев мы не бежали, а если и бежали, то не от врага, а навстречу. Атаковали утром, а к полудню Ново-Алексеевка была взята. Мне понравился этот бой — он был организован, можно сказать, поставлен, не просто хорошо, но даже с некоторым форсом. На рассвете взревели танки, загрохотали трехдюймовки с бронепоездов, завизжала и завопила конница, и краснопузые с неумытыми физиономиями вынуждены были спешно занимать оборону, тщетно гадая, откуда мы, такие страшные, взялись.

А пушки все били, били часто и точно. Красным должен был особенно понравиться один из наших бронепоездов, на котором стояли не только трехдюймовки, но и кое-что получше — морские орудия большого калибра. Когда мы поднялись в атаку, краснопузые практически не стреляли. Что-то, правда, время от времени гремело, но мы шли, как в 18-м, в полный рост, насвистывая «Белую акацию». Я лишний раз убедился, что свистит поручик Усвятский очень музыкально, а вот насчет его вокальных данных придерживаюсь прежнего мнения.

Красные очухались только через несколько часов. Мы их здорово напугали, поскольку господа комиссары предпочли осторожно обкладывать нас, словно опасных зверей. Штабс-капитан Докутович, вернувшись из штаба, озабоченно сообщил, что нас отрезали от Геническа, что взято Рождественское, а значит, мы уже почти в кольце. Но почти — это всего лишь почти, тем более к этому времени наша задача была выполнена — воспользовавшись переполохом, части 34-й дивизии проскользнули к Перекопу.

Мы погрузили танки на платформы и спокойно покатили обратно. Настроение было праздничное: задача выполнена, и выполнена красиво, да и потерь почти нет. Во всяком случае, наш маленький отряд не потерял ни одного человека. Поручику Голубу какой-то красный Вильгельм Телль отстрелил погон, но мы на радостях почти простили ему эту выходку.

Ну вот, не дают работать! Поручик Усвятский привел своих комбатантов играть в преферанс и требует освободить стол.

13 апреля

Вчера поручик Усвятский был в крупном выигрыше. Он почти всегда выигрывает, объясняя это преимуществом преферансной школы Харьковского технологического института перед школой игры провинциальных полковых бурбонов. К стыду своему — а может, и к гордости, — я за все годы войны так и не научился играть в эту достойную игру. Да и довоенного опыта у меня нет, в те годы я играл главным образом в «кункен», нашу семейную игру, и время от времени в «шестьдесят шесть» — со знакомыми дамами. На фронте же в основном сражался в «шмен-де-фер» — оно как-то проще. Не всем же дано, право! Поручик Усвятский уточняет, что в особенности не дано лицам с историко-филологическим образованием. Не спорю. Mea maxima culpa!

Сегодня у поручика Усвятского еще один повод для хорошего настроения: наша знаменитая газета «Развей горе в Голом Поле» напечатала очередную главу о необычайных похождениях капитана Морозова и поручика Дроздова. Господа офицеры чудом избегли козней ВЧК, с чем я могу поздравить их лично, а также господ читателей и многоуважаемого автора. Жаль только, газета наша выходит всего лишь в пяти экземплярах, что несколько препятствует победному шествию великого романа по белу свету.

Итак, после Ново-Алексеевки мы оказались в Армянске, но пробыли там недолго и уже через два дня, как следует из моих записей, вернулись под отеческую руку генерала Андгуладзе. Нас разместили на небольшом, брошенном татарами хуторе восточнее Мурза-Каяша, и мы вновь получили несколько дней передышки.

Стояли лютые морозы, но угля хватало, регулярно подвозилась какая-никакая провизия, а 18 января — это следует отметить особо — нам выдали жалованье за все предыдущие месяцы. Здесь вышла любопытная история. Казначейства были эвакуированы в Крым заранее, но денег нам не платили, отговариваясь отсутствием необходимых документов. Спорить было бесполезно, да Яков Александрович и не стал этого делать. Он приказал деньги отобрать, сдать в Джанкойский банк и выплатить кому сколько следовало под ответственность командиров частей. Говорят, Антон Иванович Деникин за эту выплату объявил Якову Александровичу выговор в приказе. Удивлюсь, ежели это не так.

В хатах было натоплено, денег и харчей хватало, а к штабс-капитану Докутовичу приехала супруга, и он вкушал радости семейной жизни, поселившись отдельно от нас. Впрочем, делами отряда штабс-капитан занимался достаточно рьяно и даже потребовал от генерала Андгуладзе подкреплений. «Кавказскому человеку» было не до нас, но он, дабы отвязаться, все же обещал при первой возможности направить в отряд свежее пополнение.

Вначале мы были уверены, что весь этот хуторской рай продлится очень недолго и нас, дав слегка передохнуть, отправят в окопы куда-нибудь на Чонгар. Подобная перспектива, да еще в двадцатиградусный мороз, не могла радовать, но дни шли,

мы все еще оставались на месте, и постепенно истинный замысел командующего становился ясен. Ничего нового Яков Александрович не придумал. Он исходил из двух самоочевидных предпосылок: нападать лучше, чем обороняться, а тому, кто в тепле, лучше, чем замерзающему. На практике это выглядело так. Окопы на Перекопе пустовали — там мерзли лишь наблюдатели. Наши части стояли в полутора десятках верст южнее, и не в окопах, а в натопленных хатах северокрымских хуторов. Мы как бы приглашали господ большевиков войти в Крым, вдоволь померзнуть на заледенелых перешейках и наконец подползти на дистанцию нашего штыкового удара. И вот тогда уж извольте греться, господа!

Вскоре стало ясно, что красные не спешат. После Ново-Алексеевки их гинденбурги повели дело основательно, предпочитая подождать, покуда подтянутся основные силы. Это было нам на руку, и как раз в эти дни, пока краснопузые топтались на месте, в наших степях замелькали железнодорожные петлицы — по приказу Якова Александровича в северном Крыму начали строить новую ветку от Джанкоя к Перекопу. Мы устраивались основательно, и постепенно даже у самых робких исчезли мысли об эвакуации.

Наконец, 22 января отряд подняли по тревоге, и мы двинулись ускоренным маршем к Уйшуни. Вскоре выяснилось, что генерал Андгуладзе вновь посчитал нас крайними и по требованию Якова Александровича направил к нему один из своих полков, усиленный несколькими бездомными отрядами. В Уйшуни мы не задержались и вскоре вместе с Донской конной бригадой генерала Морозова подошли к самому перешейку, остановившись в трех верстах от Турецкого вала. Официально нам никто ничего не разъяснял, но офицеры Донской бригады знали обстановку лучше прочих и поведали нам много нового. У Турецкого вала уже стояли пять красных полков, в том числе два полка конницы; еще одна группировка нацеливалась на Чонгар, дабы прорваться к нам в тыл. Но первая атака ожидалась именно здесь. Так оно и вышло.

Итак, 23 января. Красные полезли на рассвете, и все утро у вала шел бой. Удивительно, но сотня замерзших за ночь офицеров и нижних чинов Славянского полка, стоявшая в боевом охранении, продержалась до полудня. Правда, их хорошо под-

крепили четыре старых крепостных орудия, гремевшие на весь Северный Крым. Мы не вмешивались и ждали.

После полудня остатки Славянского полка покатились к югу, и краснопузые стали втягиваться на перешеек, подставляя нам свой левый бок. Мы сидели в старых окопах на небольшом полуострове и, ощетинившись пулеметами, поджидали гостей. В этот день комиссары были настороже и повели себя в общем разумно, предпочтя прежде всего разобраться с нами. Они, однако же, не ожидали нарваться на поручика Голуба, который решил припомнить комиссарам свой отстреленный под Ново-Алексеевкой погон. Его пулемет был размещен чуть впереди, в небольшом окопе, опутанном ржавой колючкой. Поручик подождал, покуда краснопузые, словно бабуины, полезли на проволоку — и ударил в упор. Поручик Голуб никогда не стрелял, подобно Саше Михальчуку, долгими очередями, предпочитая по малороссийской привычке экономить каждый патрон. Зато не промахивался. Да и как промахнуться с десяти шагов? Красные это тут же оценили — резво сделали поворот «все вдруг» и помчались вприпрыжку назад, кроме тех, что вороньем повисли на проволоке. Бежавших проводили мы с поручиком Усвятским — наши пулеметы стояли чуть правее и левее.

Красные накатывались еще три раза. Под конец стало особенно горячо — они, в свою очередь, выставили несколько пулеметов, и у нас появились первые потери. Мой второй номер, белокурый унтер Коля Свиридов, ткнулся носом в бруствер окопа, затем мой пулемет заклинило, а подбежавший связной крикнул, что штабс-капитан Докутович ранен. Я оставил бесполезный «максим» и по ходу сообщения добрался до штабс-капитана, которому в этот момент перевязывали левую руку. Страшного ничего не было — если бы не мороз. Докутовичу помогли перебраться во вторую линию окопов, где мы заранее разожгли пару костров. Тем временем красные полезли вперед, и тут замолчал пулемет поручика Голуба. Я бросился туда и увидел, что его второй номер отползает в сторону, держась за живот, а поручик борется с пулеметной лентой, которая опутала его, словно Лаокоона. С лентой мы вдвоем разобрались быстро, я лег за второго номера, и бабуины вновь оказались отброшенными назад, тем более что пулемет поручика Усвятского не смолкал ни на минуту. Я оглянулся. Наши сосе-

ди, Виленский полк, также успешно огрызались, краснопузые откатывались от полуострова, и самое время было отбить у них охоту лезть сюда еще раз.

В атаку мы пошли не спеша, чтоб не тратить зря силы на этом морозе. Но доблестная 46-я дивизия красных сочла, что уже получила свое, и штыкового боя не приняла. Мы постояли средь чистого поля, полюбовались зрелищем ретирады и вернулись в окопы.

После этого господа комиссары решили с нами больше не связываться и, оставив заслон, двинулись, но не обратно в Таврию, а прямиком на юг, к Армянску. Мы оказались в тылу, который с каждым часом становился все более глубоким.

Приближался вечер. Мы разожгли прямо в окопах несколько костров и, отогреваясь, ожидали дальнейших событий. План Якова Александровича вступал в решающую стадию: XIII армия красных втянулась в заледеневшие крымские степи навстречу наступавшей тьме.

Ночь стояла превосходная, звездная, мороз трещал вовсю, и настроение было не хуже, чем под Ново-Алексеевкой. Прямо перед нами в чистом поле мерзли красные, и мы время от времени отбивали у них пулеметами охоту погреться у костров. Что творилось южнее, мы не имели понятия, но были уверены, что задумка Якова Александровича удалась.

Лишь после боя мы узнали подробности всего сражения. Красные без боя заняли Армянск и двинулись к Уйшуни. Тут и застала их ночь. В мертвой и мерзлой северокрымской степи спрятаться от мороза негде, а костры из перекатиполя грели плохо — так же, как и речи комиссаров о мировой коммунии. А между тем по Крыму шла великая паника. Вся штатская сволочь и тыловые крысы, узнав о падении Перекопа, бросились к причалам, началась погрузка на корабли, и даже сам Антон Иванович Деникин поспешил послать очередной выговор Якову Александровичу.

Приближался рассвет. Еще до первых лучей солнца мы услыхали где-то на юге грохот канонады. Прикинув направление, мы поняли, что бой идет где-то возле Уйшуни. Так оно и было: красные, двинувшись вперед, попали под фланговый огонь. Затем загрохотало посильнее — в бой, как стало известно позже, вступила 34-я дивизия, атаковавшая заледеневших большевичков по всему фронту. Пора было шевелиться и нам.

Штабс-капитан Докутович решил, несмотря на рану, лично возглавить атаку. Я вполне его понимал — это куда интереснее, чем скучать у костра. Наши соседи, Виленский полк, тоже оживились, но мы держали форс и вышли из окопов первыми.

Шли молча, даже не сняв винтовки с плеч. С этим можно было не спешить, до красных оставалось еще несколько сот саженей. Комиссары за ночь очумели (и замерзли!) настолько, что почти не стреляли. Итак, мы шли молча, и какой-то капитан Виленского полка, шедший слева, закричал нам вполне генеральским тоном: «Сорокинцы! Па-а-ачему без песни?!»

Сорокинцы в атаке поют. Это всем известно.

Замечание было дельным. Я посмотрел по сторонам. Обычно начинал Володя Огоновский, у него был сильный баритон... И тут невдалеке кто-то запел, несильно, но чисто. Пел поручик Голуб. Мы подхватили, затем запели офицеры Виленского полка, и получилось очень неплохо даже без спевки. Надеюсь, красные успели получить удовольствие от нашего любимого романса, прежде чем штабс-капитан Докутович скомандовал «В штыки!» и мы перешли на быстрый шаг, выбирая себе каждый по мишени.

Бежали они быстро, даже быстрее, чем предыдущим днем. Боюсь, многие на таком морозе простудили себе легкие. Остается надеяться, что в их будущих хамских фалангстерах будет достаточно санаториев. С бесплатной воблой, само собой.

Итак, они драпали во все лопатки, и тут сзади нас послышался топот — нас нагоняла конница Морозова. Мы пропустили их вперед и полюбовались рубкой лозы в чистом поле. Морозовцы рубят красиво, так, чтобы не загружать большевистские санатории лишней работой. Нам оставалось перекурить и возвращаться к нашим кострам в траншею. Дело было сделано, морозовцы погнали красных героев на юг, навстречу штыкам 34-й дивизии.

К часу дня все было кончено, и несколько сот бабуинов без орудий, пулеметов и даже без винтовок пробежали мимо нас в обратном направлении. Мы просвистели им вслед, и на этом знаменитый бой на перекопском перешейке завершился. Именно тогда весь Крым прочитал легендарную телеграмму Якова Александровича: «Тыловая сволочь может слезать с чемоданов». Тыловая сволочь обиделась, но с чемоданов слезла.

Вскоре мы вернулись обратно на наш хутор. Штабс-капитан Докутович несколько раз съездил на перевязку в Мурза-Каяш, но все обошлось, благо его супруга умеет создавать необходимый комфорт в любых условиях. У нас радости были поскромнее: мы достали в Таганаше две бутылки spiritus vini, и поручик Усвятский, вспомнив студенческую молодость, приготовил превосходный настой на крымских травах. С удовольствием привел бы рецепт, но поручик Усвятский держит его при себе.

Все это было очень приятно, тем более наступила оперативная пауза, то есть вновь можно было отдохнуть. Красные опять подползли к перешейку, но Перекоп не атаковали, вероятно, перечитывая в эти дни своего Маркса в поисках нужной рекомендации. Господин Маркс не смог подсказать им ничего более дельного, чем снова наступать. Они дважды полезли рогами вперед, но по рогам же и получили. Мы в этом деле не участвовали, 34-я дивизия вполне справлялась сама.

31 января я отметил в дневнике резкое снижение температуры. Мороз и так был хоть куда, но в тот день похолодало до невозможности, мы старались не выходить из натопленных хат, а поручик Усвятский достал где-то гусиного жира и приставал ко всем, требуя, чтобы мазали этой пакостью лица.

В эти дни произошла история, прямо связанная с похолоданием. Как-то, намазавшись гусиным жиром, мы втроем — я, поручик Усвятский и штабс-капитан Докутович — отправились в Мурза-Каяш. Штабс-капитану Докутовичу нужно было повидать генерала Андгуладзе, а мы решили составить ему компанию. В Мурза-Каяше мы нос к носу столкнулись с Яковом Александровичем, который как раз выходил из штаба. Мы поздоровались, и поручик Усвятский, никогда не отличавшийся особой скромностью, начал расспрашивать командующего о всякой всячине. Несмотря на мороз, Яков Александрович выглядел бодрым, куда лучше, чем в Мелитополе. Он все отшучивался, а затем предложил нам с поручиком покататься. Мы, ясное дело, согласились, предупредили штабс-капитана Докутовича и, усевшись на подводу, поехали к Сивашу. На нашем хуторе мы позаимствовали еще одну подводу, нагрузили оба транспорта битым камнем и не спеша потрусили к морю. Заодно поручик Усвятский успел прихватить оставшуюся у нас бутылку настоя.

К Сивашу мы подъехали уже в сумерках, связали обе подводы и пустили их на лед. Тут надо сделать необходимую оговорку. Вообще-то льда на Сиваше не бывает — не положено ему там быть из-за солености воды. Но то ли вода в эту зиму была не такая соленая, то ли мороз оказался уж очень силен, но мы благополучно прокатались полночи, время от времени пробуя настой из трав. Зрелище со стороны прелюбопытное: командующий обороной Крыма катается по Сивашу под заледеневшим небом, кругом степь, тьма египетская, только на севере, где стоят красные, время от времени в воздух взлетают сигнальные ракеты. Хорошо!

Катались мы долго. Яков Александрович все посмеивался, видно, был в хорошем настроении, и уверял нас, что завтра весь Крым заговорит о том, что командующий упился до белой горячки и устроил катание с дамами прямо на льду. Ночь была долгая, и постепенно мы перешли на вечную для бывших студентов тему — о том, кто как списывал на экзаменах. Поручик Усвятский категорически заявил, что достиг в этом деле такой виртуозности, что берется списать на экзамене у любого из нас. Яков Александрович и я напрочь отвергли подобное предположение, но поручик Усвятский не успокаивался, и, в конце концов, все остались при своем мнении.

К утру мы вернулись на наш хутор и легли спать. Проснувшись, я убедился, что Яков Александрович оказался прав — слух о пьяном загуле с катанием по сивашскому льду уже разошелся по всей дивизии, а вскоре долетел чуть ли не до Парижа. Чтобы порадовать публику, мы через пару дней прокатились еще разок. Правда, настой у нас кончился, но у Якова Александровича оказалась с собой бутылка коньяку.

Вот такие загулы были у нас в ту веселую зиму. Чудил Яков Александрович, чудил! Особенно если учесть, что Сиваш замерз, красные каждый день могли его форсировать, и командующему было совсем не безразлично, смогут ли они протащить по льду тяжелые орудия. А наши ночные катания на груженых телегах показали, что смогут.

Тогда же Яков Александрович рассказал, что наш командир, подполковник Сорокин, все еще в госпитале. Вначале его привезли в Карасубазар, но там не нашлось нужных лекарств, и он был переправлен в Симферополь, где лекарств было побольше, а медицинский состав поприличнее.

Поручик Усвятский выразил резкий протест по поводу рецепта травяного настоя. Он утверждает, что вовсе не держит его в секрете, но главное не в рецепте, а в технологии. А вот технологию могут освоить лишь те, кто слушал в Харьковском Императорском технологическом институте специальный курс, посвященный водочному и коньячному производству.

Вношу эту важную поправку.

14 апреля

День сегодня прескверный. С утра похолодало, пошел мелкий противный дождик, палатки промокли, и на нашем Голом Поле стало совсем неуютно. Хорошо штабс-капитану Докутовичу! Еще в январе́ он поклонился Фельдфебелю, добился у него разрешения и снял поблизости, за холмами, небольшой домик, куда перевез из Истанбула семью. Что и говорить, комфорт он любит, и осуждать его за эту невинную слабость никто не собирается. Ничего, и в палатке жить можно: хоть она и мокнет, но — спасибо американскому Красному Кресту — не протекает. Поручик Усвятский утверждает, что всякая крыша хороша, ежели не капает на карты, покуда идет преферансная баталия.

Есть, правда, новость похуже. Утром мы узнали, что на дуэли убит поручик Сомов, марковец, участник Ледяного похода, очень приличный человек. Он поругался с каким-то алексеевцем из-за сущей ерунды — и вот вам, пожалуйста...

Дуэли — выдумка Фельдфебеля. Личный состав, видите ли, должен сам поддерживать дисциплину, а заодно и тренироваться в стрельбе. Архаические дуэльные пистолеты здесь не достать, посему стреляемся на винтовках системы капитана Мосина. Удивительно, что не догадались использовать для этой благородной цели пулеметы и дуэлировать батальон на батальон! Это вполне могло бы заменить маневры.

Я был среди тех, кто с самого начала протестовал против этой несусветной глупости, но Фельдфебель на наши протесты не реагировал. Мне даже намекнули, что мое недворянское происхождение мешает вникнуть в сущность благородной рыцарской традиции. Что верно, то верно, благородными предками похвастать не могу, происхождение имею офицерско-купеческое. Поручик Усвятский, не при нем будь сказано, вооб-

ще порода жеребячья, да и не припомню я среди своих сорокинцев ни одного столбового дворянина.

Но дело не в сорокинцах.

Мы сами клюнули на большевистскую пропаганду, уверяющую российского обывателя в том, что мы, белые, суть дворяне и капиталисты и, стало быть, интересы дворян и капиталистов защищаем. Лестно, конечно, чувствовать себя дворянами, но, помилуйте, много ли среди нас голубой крови? Бог с нами, с обер-офицерами, но даже ежели взять наших вождей: генерал Алексеев — из крестьян, Лавр Георгиевич — из простых казаков, генерал Андгуладзе — тоже из крестьян Тифлисской губернии. Из тех, кто воевал у Чернецова и шел в Ледяной поход, настоящих дворян были единицы, да и тех, признаться, не припомню. О капиталистах, то есть «буржуях», и говорить не приходится — не было с нами ни Путилова, ни Рябушинского, ни нашего харьковского Жевержеева. Нравится это кому-нибудь или нет, но тогда, в декабре 17-го, против большевиков поднялась самая обыкновенная российская интеллигенция, военная и штатская, надевшая шинели. Она и дралась все эти годы против симбирского дворянина господина Ульянова-Бланка.

Вспомнил! В Белом движении участвовала семья князей Голицыных, но все три брата были расстреляны махновцами еще в 18-м и до нашей армии они даже не добрались.

Так что рыцарские традиции в Голом Поле — ерунда, и ерунда вредная. Когда у всех за плечами военная и личная катастрофа, когда каждую неделю кто-то пускает себе пулю в лоб, дуэли становятся узаконенным способом самоубийства.

Или — убийства.

Перечитал вчерашние записи и понял, что избрал несколько неверный тон. Тогда, после Перекопского боя, легко было крыть краснопузых и свистеть им вслед, но теперь свист идет по другому адресу, и приходится быть поскромнее. Я имею в виду не только белое дело вообще, но и зимние бои 20-го в частности.

По чести говоря, мы не должны обвинять XIII армию красных и лично господина-товарища Геккера в стратегической и оперативной безграмотности. Прежде всего их толкали в спину. Господин Бронштейн спешил занять Крым, и в этом он

был абсолютно прав. Но красные к январю прошли от Тулы и Орла до Таврии, войска устали, в тылу у них крутился Упырь, и после этого ждать от смертельно измотанных частей чуда не приходилось. К тому же они имели все основания надеяться, что три тысячи недобитых офицеров и нижних чинов на Перекопе и Чонгаре — это лишь заслон, необходимый для прикрытия эвакуации Крыма. А какие основания были у них думать иначе? Генерал Шиллинг сдал Одессу, имея вдесятеро больше сил да еще союзный флот в придачу. О Добрармии на Кавказе я уже и не говорю. Вот они и сунулись. Железная воля и гений Якова Александровича сделали невозможное, но долго так продолжаться не могло. Красные, подчеркну еще раз, воевать научились, что нам и пришлось почувствовать в самом скором времени.

Я написал о том, что красные научились воевать, и поневоле задумался. Пишу это уже не в первый раз, но следует, очевидно, объясниться подробнее. С самого начала мы воевали лучше с точки зрения тактической и оперативной — рядовой, унтер-офицерский и офицерский состав до командира полка у нас был подготовлен лучше. Чему тут удивляться, ежели в Ледяном походе штаб-офицеры шли рядовыми! А вот с точки зрения большой стратегии обе стороны, признаться, воевали скверно. К 20-му году красные догнали нас в тактическом и оперативном отношении, в стратегии же и мы, и они топтались на месте. Рискну забраться в самые ученые дебри, но, по-моему, беда была в том, что наши генералы, как и их «спецы», то есть те же генералы, воевавшие за большевистский паек, не могли забыть опыт Германской войны с ее фронтом, тылом, базами снабжения и Земгором. Смута требовала совсем другого, и первыми это поняли не мы и не они, а такие Стеньки Разины, как Упырь. У него было все наоборот: ни фронта, ни тыла, база снабжения — впереди, а остальное — по Суворову. Яков Александрович хотя и разделал махновцев, как Бог черепаху, сам многому у них научился. И не только он, но и его офицеры, к числу которых рискну отнести нас, сорокинцев, воевали теперь по-махновски. Зимой 20-го это нам очень помогало. Но и красные умели учиться, в том числе у того же Упыря.

Особенно это почувствовалось 12 февраля, когда нас подня-

ли по тревоге. Мы долго стояли на большаке, но команды все не было, только где-то левее что-то грохотало и взрывалось. Наконец штабс-капитан Докутович дозвонился в штаб и скомандовал отбой. Мы были уже не нужны. Красные под покровом ночи проскользнули с Чонгара и ворвались в Тюп-Джанкой. Проделали они это вполне грамотно, разметав наши заслоны и обойдя укрепленные позиции. Особых потерь мы не понесли, в Тюп-Джанкое ничего серьезного у нас не стояло, но этот короткий и удачный рейд показал, что красные не потеряли присутствия духа. Части генерала Андгуладзе попытались перехватить их у Чонгара, но без всякого успеха.

На следующее утро повторилась та же история, однако на сей раз для нас все же нашлось дело. Красные ударили прямо вдоль железной дороги, смели прикрытие и атаковали Таганаш. Это было наглостью, за которую следует наказывать. На станции шел бой, а мы попытались захлопнуть капкан с севера. Капкан вышел неудачный, красные вырвались, но с ободранными боками. Преследовать их не стали, поскольку справедливо ожидали за Чонгаром засаду.

После этих двух, прямо скажем, неудачных боев генерал Андгуладзе созвал офицеров к себе в Мурза-Каяш. Мы ожидали выволочки, но вышло еще хуже. Генерал Андгуладзе надувал щеки, шевелил усами, но ругать нас не стал, поведав вместо этого немало грустного. Если верить моим записям, речь шла прежде всего о двух вещах: о дисциплине в частях и о положении в тылу. И то и другое не радовало. Месячное стояние на позициях, пусть даже в тепле, а не в ледяных окопах, сделало свое дело. Особенно скверно вели себя тыловики, посланные на фронт. Чеченцы генерала Ревишина грабили все подряд, хотя, казалось бы, в этих степях и грабить-то нечего. Они же и проспали налет красных на Тюп-Джанкой, потеряв ни за что ни про что два новых орудия. Командующий приказал их часть расформировать, но генерал Ревишин пожаловался лично Антону Ивановичу Деникину, и началась обычная в нашей армии склока.

В тылу было не лучше. Большевизия в городах действовала нагло, особенно портовые пролетарии в Севастополе и Феодосии. Наши собственные тылы вели себя так, словно все интенданты поголовно состояли в РКП(б). Дошло до того, что эти господа предпочитали сдавать целые склады имущества крас-

ным, как в Мелитополе и Александровске, но не выдавать частям теплую одежду и обувь. Для нас, первого эшелона, Яков Александрович теплую одежду просто экспроприировал, получив очередной выговор от Антона Ивановича Деникина.

Все это было цветочками, а про ягодку генерал Андгуладзе поведал нам под конец. Ягодкой оказался капитан Орлов. Так мы впервые услыхали о Николае (так и хочется написать «Nicola») Орлове, этом enfant terrible белого Крыма.

Не имеет особого смысла подробно писать об Орлове и орловщине — тема уже петая-перепетая, и мои личные впечатления много не добавят. Тем более что, пока Nicola бузил и требовал создания чего-то вроде белых Совдепов, мы воевали. В тот самый день, когда мы отбивали краснопузых от Таганаша, Орлов вместе с императорским бастардом князем Романовским захватил Симферополь. Из-за этого, собственно, генерал Андгуладзе нас и собрал — мы должны быть готовы сняться с позиций и идти ловить Орлова.

Ничего тут дивного, в общем, не было. За годы Смуты мы навидались всякого. Подобные Орловы встречались часто, причем по обе линии фронта — хотя бы красный есаул Сорокин, однофамилец нашего командира, который в 18-м под Новороссийском вел себя еще более круто. Да и наш Андрюшка Шкура того же чекана. Удивительно другое — Орлов в Крыму был популярен. Ну ладно юнкера и желторотые прапорщики, млевшие от призыва свергнуть генералов и взять власть в свои руки. Но отец Викентий, умнейший вроде человек! Тут уж только руками разведешь, разве что наши господа генералы успели настолько скомпрометировать себя, что на их фоне Орлов казался каким-то Робин Гудом.

Так или иначе, а положение было скверное. Орлов арестовал в Симферополе коменданта, губернатора и нескольких оказавшихся там генералов. Яков Александрович по телеграфу цыкнул на сквернавца, но тот не унимался, а, наоборот, рассылал по всему Крыму депеши, где божился, что действует только по приказу командующего. В общем, будь Орлов даже агентом «чеки», он не мог бы действовать успешнее. А вся беда была в ненадежности тыловых частей, по причине чего приходилось думать даже о временном оголении фронта. И это в те самые дни, когда господин-товарищ Геккер вел разведку боем и готовил что-то крупное.

После этого совещания мы впервые заговорили вслух о том, что дело швах. Как говорили на Германской, «вата».

На следующий день стало известно, что Яков Александрович лично приехал в Симферополь, заставил освободить арестованных и принял капитуляцию у большей части орловцев. Но сам Nicola ушел в горы и объявил себя командующим войсками Крыма. Разбираться с ним было некогда — на фронте вновь стало худо.

15 февраля штабс-капитан Докутович вернулся из штаба весь белый, несмотря на мороз, и сообщил, что в дивизии начался тиф. У меня при этой вести опустились руки, поскольку я помнил, что такое тиф, еще по 18-му году, а в нашем отряде не было не только фельдшера, но даже сестры милосердия. Первая мысль была не из удачных: выйти на Сиваш и атаковать большевиков в полный рост. По крайней мере, это лучше, чем многодневная агония во вшах и грязи. Но я был не один, и уже через полтора часа мы вместе варили нечто черное и вонючее, чтобы гнать заразу. Поручик Усвятский уверял нас, что от этого состава вымрут не только тифозные вши, но и все большевики на двадцать верст в округе.

Забегая вперед, отмечу, что Бог нас миловал. То ли черное варево подействовало, то ли внутренняя дезинфекция посредством spiritus vini, но наш хутор зараза обошла стороной. Но дивизии тиф стоил больше, чем все январские бои, а некоторым частям, особенно на Перекопе, пришлось еще хуже. Однако тогда мы не знали самого для нас страшного: 28 февраля в симферопольском госпитале от тифа умер подполковник Николай Сергеевич Сорокин, наш командир, который вел нас от Ростова, которого щадили пули и которому не исполнилось еще тридцати пяти. Мы узнали об этом только в апреле. Николай Сергеевич уже поправлялся, когда в госпиталь занесли тиф. Ему хватило двух дней — ослабленный организм не мог сопротивляться.

А ведь если бы не Николай Сергеевич, я, может быть, до сей поры мирно жил в России, то есть теперь в Совдепии, ходил бы на большевистскую службу и получал свою воблу. В декабре 17-го мы все съехались в Ростов, ожидая всеобщего восстания против большевиков. Но все кончилось крахом, атаман Каледин застрелился, и началась паника. Война успела мне

осточертеть, а гибель Чернецова, казалось, поставила точку в борьбе с красными. Но когда подполковник Сорокин сказал, что уходит с Лавром Георгиевичем, мои сомнения кончились. Я послушал своего бывшего батальонного, как слушал его под Ковелем и Стоходом. Теперь уж ничего не переиграешь, и, может быть, даже хорошо, что наш командир, подполковник Сорокин, кавалер орденов Св. Анны, Владимира и Георгия, не дожил ни до Каховки, ни до Галлиполи.

Господа преферансисты просят внести важное дополнение. Капитан Орлов, как им достоверно известно, расстрелян красными в декабре 20-го. Приятно слышать! Жаль, что «чека» не поставила рядом к той же стеночке Андрюшку Шкуру, Витьку Покровского и иных прочих. Большая бы получилась стеночка. Длинная!

15 апреля

Ну вот, не поминай «чеку» к ночи! Правда, красная «чека» до нас еще не добралась, а вот наша собственная уже тут как тут. В общем, опять скандал.

Сегодня утром пошел читать господам юнкерам лекцию о Балканской войне. Смурная была война, но поучительная. Прихожу — и застаю невиданный переполох. Юнкеров выстроили на плацу, начальник училища стоит весь зеленый, а рядом прохаживается Фельдфебель собственной персоной и рычит. Натурально этак порыкивает, мне даже жутко стало.

Вслушался я и понял. Оказывается, утром в палатках наших константиновцев устроили обыск — хороши нравы, однако! — и обнаружили кое-что из запрещенного. Добро б еще сочинения господина Маркса или Ульянова-Бланка. Увы, тут случай похуже — нашли брошюру Якова Александровича. Ее все наше Голое Поле читает. Но нельзя — лично Фельдфебель запретил. Отсюда и форсмажор.

Дело на том не кончилось. Пока я любовался этой сценой, кто-то аккуратно взял меня под локоток. Обернувшись, я узрел генерала Ноги. Пару минут мы простояли в трогательной близости, причем мой локоть он выпускать не собирался. На-

конец генерал предложил пройти в штаб. Побеседовать по душам, так сказать.

Разговор наш был весьма скучен и неоригинален. Ноги посетовал, что отдельные преподаватели неверно освещают ряд эпизодов нашей великой войны. Я охотно согласился, однако напомнил, что Германскую и Смуту юнкерам читает полковник Юрьев, с него и спрос. На это последовали вздох и замечание мимоходом, что курс читает Юрьев, но слушатели задают вопросы не только ему, но и другим преподавателям. Задают вопросы и получают ответы. С этим я также согласился. Генерал вздохнул еще раз и вновь посетовал, что нервы офицеров за эту зиму совсем разболтались и возможно всякое. Скажем, случайный выстрел в сослуживца, который ведет себя вызывающе по отношению к истинным героям Белого дела. Мне очень захотелось спросить, кого это он, сволочь этакая, пугать вздумал? Я и спросил. На «сволочь» он никак не отреагировал, даже не покраснел, пояснив, что никого не пугает, а лишь предупреждает. На это мне осталось напомнить, что он имеет полное право послать мне вызов — или подать рапорт, и с тем откланялся.

Вызова никто мне не прислал, зато через пару часов к нам в палатку нагрянул генерал Туркул. Наши соседи-дроздовцы вытянулись свечками и побледнели — свою дивизию генерал держит крепко. Он на них и не поглядел, выслал прочь движением бровей и приступил ко мне.

Антона Васильевича Туркула я знаю еще с 18-го, мы с ним давно на «ты», а посему я усадил его на койку, налил чаю и поинтересовался, что, собственно, случилось. Туркул славный офицер, в мадридские интриги никогда не играет, а посему разговаривать с ним всегда легко. И на этот раз Антон Васильевич не стал ходить вокруг да около, а сразу брякнул, что сегодня была большая буча, двух юнкеров хотят разжаловать, а меня — отстранить от преподавания. Я на это лишь пожал плечами. Далее Туркул перешел на громкий шепот, сообщив, что кто-то настраивает его офицеров против сорокинцев и дело пахнет чуть ли не стрельбой. Но он, генерал Туркул, категорически запретил своим «дроздам» вызывать кого-либо из сорокинцев на дуэль без его разрешения, тем более сорокинцев в Дроздовской дивизии всегда уважали. Он лично помнит Николая Сергеевича Сорокина, о котором сам Михаил Гордеевич Дроздовский всегда был высокого мнения.

Я поблагодарил его и счел разговор исчерпанным, но далее последовало самое интересное. Туркул, оказывается, уже прослышал о моих скромных литературных опытах. Он их всячески приветствует, но, как командир дроздовцев, опасается, что в моей истории роль славной дивизии не будет оценена должным образом. Он понимает, как велико было значение 3-го корпуса в защите Крыма, но я должен признать, что только прибытие из Новороссийска частей Добрармии, в том числе легендарной Дроздовской дивизии, позволило весной 20-го спасти Крым.

Я успокоил его, сказав, что пишу не историю войны и даже не историю отряда подполковника Сорокина, а всего лишь привожу в порядок свои дневники. Когда же речь пойдет о дроздовцах, я специально приглашу его поделиться воспоминаниями. Туркул охотно согласился и прошептал, что и сам собирается написать историю дивизии. И назовет он сей труд «Дроздовцы в огне». Я сказал, что это звучит гениально, после чего Туркул расцвел и, похоже, готов был меня обнять. К счастью, обошлось без этого.

Генерал Туркул высказал то, в чем уверена почти вся Добрармия, особенно ее офицерство. Они готовы признать — сквозь зубы — роль Якова Александровича в зимней кампании, но утверждают, что красные все равно прорвались бы в Крым, ежели бы не части, прибывшие из Новороссийска. Не буду пока делать глобальных выводов, но к концу февраля обстановка выглядела следующим образом.

Красные явно готовились к новому удару. Господин-товарищ Геккер и его бывшее благородие товарищ Павлов подтянули свои войска к перешейкам. В воздухе загудело. Красные аэропланы — впервые на моей памяти — появились в крымском небе. Прошел слух, что комиссары назначили наступление на конец февраля, в годовщину февральского переворота.

Нам между тем приходилось нелегко. Тиф косил наши части, в тылу пиратствовал Орлов, успевший захватить и разграбить Ялту, а Добрармия все еще топталась на Кавказе, не дав нам к этому времени ни одного человека. (Это нечто вроде ответа генералу Туркулу.) Антон Иванович Деникин задерживал

войска в Новороссийске, надеясь, похоже, на то, что красным надоест его преследовать и они повернут обратно.

Всю вторую половину февраля мы просидели на нашем хуторе. Мои записи, относящиеся к этому времени, очень коротки и однообразны. Особой охоты писать не было — вокруг свирепствовал тиф, мы окуривали наши хаты трижды в день и пропахли этой черной дрянью настолько, что вполне могли сойти за студентов-химиков. Красные наглели с каждым днем и начинали постреливать через Сиваш из дальнобойных. Потерь у нас не было, но на нервы действовало чрезвычайно.

Нижние чины держались угрюмо. Мы знали друг друга давно, несколько месяцев, а на войне это очень много — посему разговаривали вполне откровенно. В основном это были мобилизованные из Таврии и Донбасса, и теперь они вполне резонно спрашивали нас, офицеров, о перспективах. Я мог ответить лишь, что единственный наш шанс уцелеть — это отстоять Крым или, по крайней мере, организованно эвакуироваться. Перебегать к краснопузым смысла не было — зимние бои озлили комиссаров до последней степени. Их пропаганда давно уже объявила Якова Александровича исчадием ада, и всем нам рассчитывать на их милость бесполезно. Особенно бывшим пленным — не забывал каждый раз добавить я, поскольку среди нижних чинов были и такие. Со мной не спорили: что такое «чека», знали все.

Офицерам тоже было невесело. В глубине души мы понимали, что ежели нижним чинам может все-таки выйти послабление, то с нами, сорокинцами, у красных разговор будет коротким. А ведь наши семьи оставались там, в Совдепии. Даже штабс-капитан Докутович, который успел-таки вывезти супругу и детей, волновался за родителей, оставшихся в Курске. А что было делать остальным? Поручик Усвятский держался молодцом, а вот поручик Голуб захандрил всерьез. Он всегда был молчуном, только петь любил, особенно в компании. Теперь стало не до песен, поручик замкнулся, почти не выходил из хаты и перестал реагировать даже на приказы штабс-капитана Докутовича, доводя того до белого каления. Меня он еще слушался, но было ясно, что дело худо. Я даже не пытался расшевелить его — такая хандра либо проходит после первого боя, либо... Либо это та самая, последняя хандра, которую я видел уже у многих.

А между тем приближался конец февраля, мы ждали 28-е число, будучи уверенными, что господин-товарищ Геккер отметит свой хамский юбилей броском через Сиваш. Обычно такие предчувствия сбываются, однако вышло по-другому. Возможно, комиссары и вправду готовили нечто подобное, но перед самым 28-м задул ветер, над Сивашом встал туман, а на следующее утро стало ясно, что на дворе весна. Ранняя крымская оттепель за одни сутки превратила ледяной панцирь Сиваша в мокрую кашу, и мы оказались в грязевой осаде — на наш хутор из Мурза-Каяша было не добраться даже на волах.

Мы сняли полушубки и вновь надели наши старые шинели. Бог весть отчего, но оттепель нас взбодрила. Весна — наше время, весной мы всегда наступали. Вот для краснопузых самое время — осень. И зима. Правда, эта зима в Крыму кончилась для нас не самым страшным образом, но в целом они вновь выиграли. И если б не причуды крымского климата, то лед и мороз, помогавшие нам в январе, теперь пришли бы на помощь господам красноиндейцам. Но не вышло. Как говаривал генерал Марков, не фарт.

Красные притихли, и мы получили такую нужную передышку. С Кавказа помощи все не было (это я специально для генерала Туркула), но Яков Александрович провел сплошную мобилизацию, вымел метлой все тылы и бросил на передовую. Даже Стенька-Орлов — и тот оказался со своим отрядом на фронте, правда, забегу вперед, чтобы удрать при первых же выстрелах. А 2 марта штабс-капитан Докутович укатил по чуток просохшей дороге в Мурза-Каяш и ближе к вечеру вернулся с целым воинством. Генерал Андгуладзе вспомнил-таки свое обещание и прислал нам аж двести человек подкрепления. Из усиленного взвода отряд превратился в батальон, хотя и неполного состава.

Пополнение долго топталось на хуторском майдане, сбивая грязь с сапог, а мы со штабс-капитаном Докутовичем держали совет. Дело было ясное, мы воссоздавали наши две роты, вопрос состоял лишь в том, кому командовать первой — вторая рота, само собой, оставалась у меня. Я предложил назначить ротным поручика Усвятского, но штабс-капитан Докутович скривился, пробурчал, что мой поручик и взводом толком не командовал, и наконец заявил, что первой ротой будет командовать сам.

Мы разделили нижних чинов поровну, и я приказал поручику Усвятскому отконвоировать наше пополнение к старым овечьим сараям, где мы намеревались их разместить. Мороза уже не было, а спать можно и на сене. Пока моя рота шлепала по грязи, а поручик Усвятский бодро покрикивал: «Ножку! Ножку! Ать-два!», я вернулся к штабс-капитану Докутовичу. С пополнением прибыли четверо офицеров, и было далеко не безразлично, кого из них направят ко мне.

Впрочем, все уже решили без меня. Двух крепких молодцов, поручика и подпоручика, Докутович забрал себе, а мне оставил двух невысоких прапорщиков, первого — белокурого, а второго чернявого и черноглазого, совершенно цыганского вида. Я козырнул и представился, они тоже. Услыхав фамилии, я вздрогнул: белокурого звали Геренис, а чернявого — Немно; однако молодые люди улыбнулись, и я сразу почувствовал к ним симпатию. Я отвел прапорщиков в пустую хату и велел устраиваться.

Тем временем пора было заняться пополнением вплотную. В сараях кипела работа — под чутким оком поручика Усвятского вновь прибывшие приводили свои жилища в божеский вид. Я отозвал поручика в сторону, и мы накоротке поговорили.

Нам повезло: из сотни сорок человек оказались юнкерами. Они отбились от своих училищ и сами попросились на фронт. Юнкера, да еще добровольцы — это действительно подарок. Было еще два десятка добровольцев, в основном желторотые гимназисты старших классов и учащиеся высших начальных училищ. Этих можно было еще подтянуть, а вот на остальных не стоило даже смотреть — от них за три версты несло красным духом. Так оно и оказалось: это были доблестные бойцы не менее доблестной 46-й дивизии Рачьей и Собачьей Красной Армии. Правильнее всего было образовать из этих «товарищей» взвод смертников для посылки на вражеские пулеметы, но не всегда правильные решения осуществимы. Пришлось всех разбросать по трем взводам равномерно. Первый взвод шел под начало поручика Голуба, второй и третий получали вновь прибывшие прапорщики, поручик Усвятский оставался моим заместителем. Правда, опять забегу вперед, все следующие дни первым взводом занимался поручик Усвятский — поручик Голуб по-прежнему хандрил.

Выстроив у сарая юнкеров и гимназистов, я смотрел на этих

симпатичных ребят и думал, как все-таки жестоко — бросать в бой тех, кому нет и двадцати, да еще и в самые последние месяцы проигранной войны. Но я тут же одернул себя: мы с поручиком Усвятским тоже не были стариками, когда пошли добровольцами на Германскую. И юнкера-сорокинцы, атаковавшие Екатеринодар в 18-м, были не старше, и те, кто защищал от красной сволочи Кремль в первые дни Смуты. Просто настал час и для них.

Юнкера разглядывали меня с явным интересом. Стало ясно, что неугомонный поручик Усвятский уже расписал мои подлинные и мнимые заслуги. Герой Горлицы, Брусиловского прорыва, Стохода. Орден Св. Владимира с мечами и бантами. Чернецовец. Участник Ледяного похода. Герой Волновахи.

Не помню точно, что я говорил тогда этим молодым людям. Кажется, я начал с того, что теперь они — сорокинцы. Это будут знать и свои, и чужие, и если для своих это честь, то для врагов — это тоже честь. Сорокинцев красные в плен не берут. И те, кто сумеет получить офицерские погоны, сможет этими погонами по праву гордиться. Затем я сказал о том, что бои начнутся скоро и от этих боев зависит все. Ни одна армия не будет побеждена, если найдутся еще солдаты и офицеры, не чувствующие себя побежденными. Сорокинцы еще никем не были разбиты. Многих смогли убить, но отряд по-прежнему жив, и теперь они — отряд подполковника Сорокина. И я рассказал им о Николае Сергеевиче.

Их вопросы касались двух тем: можно ли отращивать теперь бороды и нельзя ли рассказать подробнее о себе. Бороды я разрешил, а автобиографию обещал изложить позже — в подходящее для этого время.

Отпустив юнкеров и гимназистов, я выстроил господ бывших краснопузых и велел побеседовать с ними поручику Усвятскому. Слушать я не стал — поручик говорить с подобной публикой умеет. Уже уходя, я смог разобрать, как он объясняет «красной сволочи», где и как мы ставим пулеметы, чтобы стрелять по тем, кто повернет в бою назад.

Лишних пулеметов для этих целей у нас не было, но подобная педагогика бывает небесполезна. Особенно поначалу.

Итак, мы занялись пополнением. Юнкера, да и краснопузые уже чего-то умели, с гимназистами было похуже, но не прошло и трех дней, как штабс-капитан Докутович имел все

основания доложить в штаб, что отряд Сорокина готов к бою. И вовремя.

На рассвете 8 марта нас разбудила канонада. Били где-то рядом. К счастью, красные батареи нацелились на Мурза-Каяш, и у нас оставалось время наскоро одеться и собрать вещмешки. Я приказал брать все имущество с собою — чувствовалось, что на хутор мы уже не вернемся.

Мы шли, увязая в грязи, к Мурза-Каяшу, а рядом гремело, за Сивашом взлетали красные ракеты, и становилось ясно, что это не очередной налет, а именно то самое, что господа-товарищи Геккер и Павлов готовили все эти недели. Именно так для нас началось Уйшунское сражение — пятидневный бой, решивший судьбу Крыма.

Поручик Усвятский требует внести поправку. Господ красноармейцев он именовал не «красной сволочью», а несколько иначе. Все-таки оставлю первоначальный вариант, дабы не испепелилась бумага.

16 апреля

Круги вчерашнего скандала продолжают расходиться все шире по нашему болоту. Сегодня Фельдфебель отменил занятия и устроил общее игрище, выгнав в поле всех, включая писарей и больных. Было велено отрабатывать штыковой бой. Мы с поручиком Усвятским мирно курили, поглядывая на всю эту свистопляску, когда на меня налетел генерал Туркул и потребовал, чтобы я показал молодежи, что такое фехтование на штыках. Я завел привычную шарманку про три контузии, тогда он зловеще рассмеялся и лично вызвал меня на бой. Генерал Туркул — мастер ходить в штыковую, посему вокруг нас тут же образовался кружок любопытных. Я заявил, что невелика честь заколоть инвалида, мы сменили боевые штыки на деревянные и, отогнав публику подальше, стали друг против друга. Туркул ниже меня ростом, зато гибок, быстр, да и здоровья побольше. Но горяч, а это не всегда к месту.

Я сразу же кольнул его два раза, в плечо и в бок, он рассвирепел, поднырнул под мой штык и попал мне прямо в сердце, одновременно сам получив укол в живот. В общем, вышло у нас, как у Пересвета с Челубеем. Публика взревела. Туркул потребовал реванша, и тут внезапно все стихло. Мы поневоле оглянулись и узрели его превосходительство Фельдфебеля, хмуро взирающего на нашу потеху. Фельдфебель что-то скомандовал, и десяток юнкеров, примкнув деревянные штыки, стали окружать нас с Туркулом. Сообразив, в чем дело, мы с генералом стали спина к спине, рядом с нами бок о бок стали поручик Усвятский и какой-то капитан-дроздовец, и наша четверка встретила юнкерскую атаку по всем правилам. Когда дерешься спина к спине, главное — не увлечься и не подставить противнику бок. Но мы все ученые. Было время учиться.

Первую атаку отбили вчистую, Фельдфебель зарычал, и юнкеров сменили офицеры-алексеевцы. Эта публика покруче, мы, правда, их дважды отбили, но поручик Усвятский сделал-таки лишний шаг и получил укол в бок, а капитан-дроздовец — целых два. Тут уж и сам Фельдфебель не выдержал, вырвал у кого-то винтовку и устремился прямо на меня. Ну, с Фельдфебелем шутки плохи — в бою он сущий носорог. Я ткнул его в плечо, но он довольно ловко отбросил мою винтовку, и через мгновенье его штык оказался у самого моего горла. Мне еще повезло, что реакция у Фельдфебеля отличная и он вовремя задержал винтовку. Штык, конечно, учебный, деревянный, но ежели им хорошо ткнуть, да еще в горло... Туркула, кстати, тоже прикололи, правда, сразу трое.

Я не выдержал, отвел Фельдфебеля в сторону и потребовал показать прием. Фельдфебель не стал ломаться и тут же продемонстрировал. Да, неплохо! Это он умеет.

Кончилось это тем, что Фельдфебель всех нас выстроил и произнес целую речь, помянув Ледяной поход, наши штыковые, присовокупив, что пуля, как известно, дура, а штык — молодец. Я вспомнил Каховку, танковые атаки, бомбежку с аэропланов, но, естественно, смолчал. Генерала Туркула и меня Фельдфебель выделил особо, назвав образцовыми офицерами и мастерами, а также пообещал отметить нас в приказе. Я похолодел: не хватало мне еще стать инструктором штыкового боя. Затем Фельдфебель величественно удалился, а мы с поручиком Усвятским вновь мирно уселись на бугорке и закурили.

После игрища мы вернулись в лагерь и обнаружили, что в нашей палатке все перевернуто вверх дном. Искали от души, матрацы — и те оказались вспороты. Я предоставил нашим соседям-дроздовцам идти в штаб и скандалить, а сам отвел пору-

чика Усвятского в сторону и стал держать совет. Ясно, что «дрозды» ни при чем. Генерал Ноги — человек обидчивый, и это, похоже, только цветочки. Правда, тут тоже не дураки живут, и свой дневник, а также рукопись я, отправляясь на учение, сунул в полевую сумку. Но в следующий раз они доберутся и до полевой сумки, а значит, следовало что-то придумать. Поручик Усвятский предположил, что наши юные друзья-константиновцы хотя и были с похмелья, но успели заметить, какие именно книги мы купили тогда в Истанбуле. Ну, за эти книги я спокоен, в палатке их, понятное дело, нет. В общем, прикинув то и это, я взял все уже мной написанное и отнес к генералу Туркулу. Тот долго крыл генерала Ноги, а потом положил мою рукопись в дивизионный сейф. У сейфа круглые сутки стоит караул, так что можно быть спокойным. Поручик Усвятский несколько волновался за рукопись своего великого романа про господ офицеров, но я успокоил его — роман и его автор слишком популярны на нашем Голом Поле, чтобы генерал Ноги решился на похищение. Не сладить генералу с нашим Жюлем Верном!

Итак, Уйшунский бой. В эти дни мне было не до летописания, и в моем дневнике сохранилось буквально несколько строчек. Впрочем, главное я помню и так. И неглавное тоже — такое забыть невозможно.

Подходя к Мурза-Каяшу, мы увидели зарево. Хутор горел. Мы ускорили шаг, и тут над головами заурчало — в воздухе появились два «Ньюпора». Я было обрадовался, подумав, что это наши из Качинского авиаотряда, но аэропланы пошли на снижение, и прямо на нас посыпались бомбы. Я успел гаркнуть «Ложись!», и мы попадали в грязь. Аэропланы уже заходили на новый вираж, но тут не растерялся поручик Голуб и ударил из пулемета. Мы немного пришли в себя и взялись за винтовки. Не знаю, удалось ли попасть хотя бы разок, но наша стрельба господам красным авиаторам явно не понравилась, и они повернули назад, напоследок сбросив бомбы на горящий хутор. Штабс-капитан Докутович скомандовал, и мы, грязные, как черти, побежали мимо пылающих хат к броду.

У брода все смешалось. Красные были уже там, выдвинув вперед несколько тачанок, под прикрытием которых они теснили батальон 13-й дивизии. Наступали они грамотно, не спеша, где надо — пригибаясь, а где надо — в полный рост. Они уже выбили наших из первой линии окопов и, выстраиваясь в широкую цепь, начинали прижимать батальон прямо к горящему хутору. Так что подоспели мы вовремя. Разворачивать пулеметы было некогда, штабс-капитан Докутович скомандовал: «В штыки!», и наш отряд рванулся вперед. Дело было привычное, но я боялся за пополнение: штыковой бой — достаточно крутое испытание для начинающих. Но юнкера держались молодцами, да и господа бывшие краснопузые, памятуя, очевидно, о мифическом пулемете за их затылками, не отставали. Я выделил для себя плюгавого господина в черной кожанке — вероятно, комиссара, который размахивал «наганом» и что-то орал, не иначе цитировал господина Маркса. Он заметил меня и успел навести мне в лоб «наган», но большего я ему не позволил — штык вонзился между ребер, что-то хрустнуло, я вырвал штык и ткнул его еще раз в живот. Господин в кожанке дернулся, его очки в железной оправе медленно сползли с носа, но меня комиссар больше не интересовал. Какой-то красноиндеец пропорол мне рукав, я отскочил и двинул его прикладом. Пока он пытался сообразить, больно ему или не очень, я ткнул его штыком под сердце, избавив от всех неприятных ощущений сразу. Тем временем ударили наши пулеметы, и краснопузые попятились к броду. Мы бросились за ними, захватили одну из тачанок и заставили их улепетывать с несколько большей скоростью, чем им бы хотелось. В общем, отбились.

Вернувшись на берег, мы сели прямо на песок и закурили, не обращая внимания на появившегося откуда-то генерала Андгуладзе. «Капказский человек» кричал, чтобы мы заняли окопы, но в грязь лезть не хотелось, тем более вид у нас и так был, как у кухаркиных детей. Вдобавок, увлекшись гоном, я забежал слишком далеко в Сиваш и зачерпнул левым сапогом ледяного рассолу. Искать сменные портянки было некогда, и я, выкрутив имевшуюся, направился (что поделаешь!), чертыхаясь на чем свет стоит, загонять роту в окопы.

Нас поместили на левом фланге — вероятно, потому, что там было грязнее всего. Я послал двух нижних чинов за водой на окраину хутора, где должен быть колодец, категорически запретив умываться сивашской солью. Это удовольствие оставляю для господ большевиков, ежели, конечно, им делать больше нечего.

Пора было подводить первые итоги. Рота потеряла троих убитыми, четверо, в том числе двое юнкеров, были ранены и один бывший краснопузый исчез — не иначе, переметнулся-таки к своим. Надеюсь, в этом случае «чека» оказалась на высоте. Итак, первый гейм мы выиграли, и пора было посмотреть, что творится во взводах.

У поручика Голуба был полный порядок, пулемет уже стоял в полной готовности, а нижние чины хлебали какое-то варево, которое, как оказалось, поручик Голуб обнаружил во всеми забытой полевой кухне, чудом уцелевшей в Мурза-Каяше. Узнав расположение кухни, я отправил туда гонцов, проверил сектор обстрела пулемета и убедился, что больше мне здесь делать нечего. Поручик Голуб, похоже, действительно проснулся. Я уж было совсем собрался дальше, как заметил странную картину. Поручик, которого я отпустил обедать, мирно хлебал упомянутое варево из одного котелка с каким-то нижним чином, от которого за версту несло Рачьей-Собачьей Красной Армией. Хлебал себе, беседовал и даже смеялся. Конечно, вольному воля, но чтоб поручик Голуб! Да еще чтобы смеялся, он и улыбается-то раз в полгода! А про его любовь к господам большевикам подробно и распространяться не следует. В общем, меня разобрало любопытство, и я подсел к ним третьим, тем более моя ложка была, как всегда, за голенищем.

Выяснилось, что мир тесен. Во взвод к поручику Голубу попал его односельчанин, чуть ли не сосед. Поручик даже успел год или два поучить детишек этого соседа уму-разуму в местном народном училище. А почему поручик улыбаться начал, вскоре также стало ясно. Оказывается, краснопузый рассказывал ему о свадьбе его собственной сестры. Сестра нашего поручика, как сообщил красный герой, вышла замуж не за кого-нибудь, а за сына председателя сельского совдепа. Вот уж неизвестно, радоваться или нет таким вестям. Впрочем, поручика Голуба можно понять: его семья жива и здорова, правда, сам он числится пропавшим без вести на Германской, но это, быть может, и хорошо.

Я сунул ложку за голенище и пробрался по ходу сообщения во второй взвод, где распоряжался прапорщик Немно. Тут тоже все было как следует — нижние чины приводили в порядок бойницы, углубляли ходы сообщения и, вообще, носились, как пчелки. Прапорщик Немно стоял посредине, блестя своими цыганскими глазами и время от времени вдохновляя нерадивых точными ударами сапога под хлястик.

Про цыганские глаза я написал без всякого преувеличения. Прапорщик Немно оказался самым настоящим цыганом, правда, цыганом, закончившим Петербургский технологический институт и успевшим получить на Германской Анну и Станислава. Он — военный инженер, но ушел из армии после Бреста, жил в Крыму и попал под последнюю мобилизацию. Дело свое цыган знал, проверять тут было нечего, и я для порядка велел лишь подсыпать бруствер в пулеметном окопе. Заодно удалось угоститься моим любимым «Мемфисом» — у прапорщика оказался неплохой папиросный резерв.

В третьем взводе картина была совсем иная. Грустная картина — взвод попросту спал. А ведь здесь почти половина — юнкера, можно сказать, гвардия. Конечно, мальчишек могло сморить, но чтоб так завалиться спать, не оборудовав огневую позицию и даже не выслав охранения! Я пнул сапогом первого попавшегося слугу Морфея, поинтересовавшись, где взводный. Прапорщик Геренис мирно спал, завернувшись в шинель. Молоденький такой мальчик — лет девятнадцати, не больше. И прапорщика он получил только что, за успехи в учебе. Я вздохнул и пошел искать поручика Усвятского. Тот, как оказалось, не терял времени даром и уже организовал двоих штабс-капитанов из 13-й дивизии на партию в преферанс. Пришлось поманить его пальцем и направить в третий взвод.

На переправе покуда все стихло, но слева грохот усилился, в воздухе вновь проскрежетали «Ньюпоры», а за Сивашом то и дело продолжали взлетать сигнальные ракеты. Штабс-капитан Докутович, только что вернувшийся от генерала Андгуладзе, успел прокричать мне, что бой идет по всему фронту, красные атакуют Перекоп, а связь все время рвется. Я догнал его и поинтересовался, что, собственно, предстоит делать нам. Он немного отдышался и пояснил, что пока вместе с 13-й дивизией будем держать брод у Мурза-Каяша, а там будет видно.

Красные дали нам передохнуть не больше часа. Поручик Усвятский только успел доложить, что привел третий взвод в божеский вид, надрал уши прапорщику Геренису и оборудовал пулеметное гнездо, как из-за Сиваша ударили тяжелые гаубицы, и колонна красных вновь поперла на нас. Я крикнул по цепи, чтоб без команды не стреляли и, послав поручика Ус-

вятского во второй взвод, сам поспешил в расположение третьего. Прапорщик Геренис имел не просто смущенный, а совершенно несчастный вид. Он начал было бормотать нечто вроде извинений, но я прервал его и велел заниматься взводом, повторив приказ не стрелять без команды. Заодно поглядел на его уши. Они оказались обычного цвета, а значит, поручик Усвятский надрал их все же не в прямом, а в фигуральном смысле. Я достал свой трофейный «Цейсс», с которым не расставался с 16-го, и стал наблюдать.

Красные валили валом. Их артиллерия пыталась прикрыть колонну, устроив огневую завесу вдоль всего нашего берега, но получилось это у них не очень удачно. Правда, и пушки генерала Андгуладзе били неточно — водяные фонтаны взлетали то слева, то справа, обдавая краснопузых соленой сивашской водой, но это грозило им в худшем случае простудой. Между тем среди наступающей колонны что-то темнело. Я всмотрелся и понял, что комиссары волокут с собой несколько пушек. Над головой вновь закружили «Ньюпоры», и тут я понял, что брод нам не удержать.

Эту атаку мы все же отбили. Красных подпустили на пистолетный выстрел, они уже начали выволакивать свои орудия на берег, но тут разом ударили все пулеметы, из-за горящей на околице хутора хаты выполз броневик, а наши артиллеристы выкатили орудия на прямую наводку и ударили осколочными. Затем мы выскочили из окопов, но красные штыкового боя не приняли и вновь побежали обратно. Мы даже успели захватить две пушки, правда, без замков и панорам.

Больше в этот день атак не было, а к вечеру спустился туман, и красные «Ньюпоры», к нашей радости, более не появились. За Сивашом по-прежнему взлетали сигнальные ракеты, артиллерия господина-товарища Геккера время от времени постреливала, но было ясно, что до утра можно отдохнуть.

Спать пришлось в окопах, набросав поверх грязи все, что удалось найти в догоревшем Мурза-Каяше. Мне не спалось, и я решил прогуляться в штаб и узнать новости.

Новости не утешали. Весь прошедший день красные атаковали по всем направлениям, но главный удар пришелся, как и ожидалось, по Перекопу. К вечеру им удалось-таки втянуться в глубь перешейка, хотя тающий лед и несусветная грязь помешали привезти артиллерию.

К утру все изрядно промерзли, несмотря на костры. Хуже

всего был даже не холод, а страшная сырость, подползавшая с Сиваша. Над морем стоял густой туман, и противоположный берег, где скапливались для атаки красные, исчез, словно и вправду сгинул. В такой обстановке даже вражескую атаку ждешь с нетерпением. Солнце еще только-только начинало просвечивать сквозь сизую дымку, как наши соседи слева, батальон 13-й дивизии, снялись с позиции и двинулись куда-то на юго-запад. А вскоре и мы получили приказ оставить окопы и спешным порядком идти к Воинке. У брода оставался лишь небольшой заслон.

Стало ясно — дело плохо. Вопрос был лишь в том, насколько.

До Воинки было далеко, грязь временами становилась непроходимой, и я уговорил штабс-капитана Докутовича завернуть хотя бы на полчаса на наш хутор, чтобы отдышаться. Тем более первая рота вчера выбежала налегке, оставив свои вещи, которые теперь было самое время забрать.

Уже подходя к хутору, мы поняли, что зря сделали крюк: хутора не было. Все сгорело дотла — и наши хаты, и сараи, где мы разместили новобранцев, и дом, где квартировал штабс-капитан Докутович. Мы так и не поняли, что случилось — то ли артиллерия красных нащупала-таки нас, то ли «Ньюпоры» удачно отбомбились напоследок. Семью штабс-капитан Докутович успел отослать в Карасубазар еще вчера, но все добро его роты пошло дымом, заодно с полевой кухней. Первым следствием этого стала быстрая убыль наших папирос — теперь приходилось делиться с погорельцами.

Высказавшись вслух по адресу краснопузых и про себя — по адресу командира, мы поплелись к Воинке, чувствуя себя почти что бездомными сиротами. Штабс-капитан Докутович мрачно молчал и поглядывал на меня, словно я был самим господином-товарищем Геккером. Вероятно, он обиделся за то, что я приказал своим забрать вещи, и теперь получилось нечто вроде подрыва авторитета. Я, между прочим, советовал ему сделать то же, но не любит штабс-капитан Докутович советов. Прямо-таки обожает брать ответственность на себя. Ну, раз взял, пусть тащит.

Итак, мы шли к Воинке, где-то за нашими спинами что-то грохотало, и не надо было быть великим стратегом, чтобы понять случившееся. Ежели командующий оголяет оборону на Сиваше, то, значит, на Перекопе еще хуже.

К Воинке мы подошли около часу дня, обнаружив там скопление всякого рода отрядов и отрядиков и полное безначалие, что бывает почти всегда в таких ситуациях. Даже штабс-капитан Докутович, пробегав не менее часа, не смог ничего толком узнать, и мы разместились на окраине на какой-то брошенной ферме. Внезапно в центре села что-то грохнуло, не иначе ручная бомба, затем послышались револьверные выстрелы и громкие вопли. Все это напоминало налет махновцев, но поскольку Упыря в Крыму еще не было, положение становилось еще более непонятным.

Я поднял роту, приказав выкатить пулеметы стволами на улицу. Вдалеке все еще вопили. Послышался конский топот — по улице мчался десяток верховых, впереди которых на забрызганном грязью караковом жеребце несся здоровенный малый в бурке. Вся эта кавалькада двигалась явно в нашем направлении, и я на всякий случай отбежал к пулемету. Поручик Усвятский и поручик Голуб уже были на месте. Возле плетня молодец в бурке картинно поднял коня на дыбы, но грязь сыграла с его мустангом плохую шутку — конь дернулся, и где-то минуту мы все с интересом следили за тем, удержится ли джигит в седле или все-таки сковырнется. Но удалец справился с конем, поднял руку и прокричал нечто вроде «Здорово, сорокинцы!». Минуту он ждал, думая, вероятно, что в ответ последует дружное «Здравия желаем, ваше...», но мы молчали, ожидая, что будет дальше. Всадник закашлялся, а затем изволилтаки представиться.

Так мы и познакомились с Nicola Орловым. Беседа наша была недлинной. Орлов заявил, что назначен командиром резерва главкома в Воинке, и потребовал рапорта. Мы молчали, и я минуту-другую раздумывал, не срезать ли этого народного героя очередью в упор. Очевидно, так думал не я один, поскольку Орлов что-то почуял, сник, а затем неуверенным тоном заявил, что за неподчинение он разоружит наш отряд и отдаст под суд. Я начал соображать, не стоит ли вступить с ним в переговоры, дабы изловить и связать, но тут поручик Голуб свистнул, вслед ему засвистел поручик Усвятский, затем другие, и получилось очень даже неплохо, будто бы здесь квартирует не Сорокинский отряд, а Соловей-Разбойник, Одихмантьев сын. Сообразив, что за этим последует продолжение, Орлов резво развернул мустанга и помчал назад в сопровождении своих абреков. Мы ждали. Через некоторое время в центре села вновь послышались крики, конский топот, а затем все стихло.

Картина прояснилась к вечеру. Оказывается, Орлов, прибыв в Воинку, послал телеграмму Якову Александровичу с требованием подчинения себе резервной группировки, а получив отказ и будучи освистан, бросил фронт и помчался на юг. Кое-где, как выяснилось, ему пульнули вслед, что мы и услышали.

А новости были одна хуже другой. Красные втянулись в глубь перешейка и штурмовали Уйшунь. Оставленный нами брод у Мурза-Каяша был захвачен сразу — господин-товарищ Геккер бросил конницу, с налету смел наше прикрытие и уложил всех, кто не успел скрыться, в мерзлую крымскую землю. А банда Орлова, совсем озверев, шла прямиком на Симферополь.

Ну вот, приходится закругляться. Нас всех приглашают в штаб по поводу форсмажора с нашими вещами.

17 апреля

Вчерашнее разбирательство проходило на высшем уровне. Присутствовали генерал Туркул, генерал Ноги, несколько штабных полковников и сам Фельдфебель. Мы с поручиком Усвятским молчали и честно изображали невинных жертв, зато «дрозды» шумели вовсю. Это они умеют! Были помянуты и покойный Дроздовский, и покойный Туцевич, и Ледяной поход, и Харьковская операция 19-го. Заодно немало было сказано о тыловой сволочи, напившейся нашей крови и теперь допивающей, так сказать, остатки. Фельдфебель попытался было рыкнуть на «дроздов», но умница Туркул встал и заявил, что ежели его офицеров и боевых товарищей — кивок в нашу с поручиком Усвятским сторону — будут обворовывать или, хуже того, обыскивать, он попросту поднимет всех на штыки. Кого это «всех», он уточнять не стал, но Фельдфебель как бы случайно взглянул на генерала Ноги, а тот отвел глаза.

Кончилось это самым прозаическим образом. Генерал Ноги изобразил воплощенную добродетель и поклялся, что никто никого не думал обыскивать, затем Фельдфебель вызвал дежурившего в этот день по лагерю капитана-алексеевца и вкатал

ему трое суток ареста. Мне стало жаль капитана, хотя, признаться, в его власти было не пустить господ белочекистов обыскивать наши вещи.

После всего генерал Туркул отозвал нас с поручиком Усвятским в сторону и потребовал признания во всех смертных грехах. Или хотя бы в одном: что, собственно говоря, «им» от нас было надо. Вопрос застал нас врасплох. Поручик Усвятский предположил, что целью обыска была его единственная колода карт, которой еще можно играть, поскольку все остальные колоды в лагере крапленые. Я углубил эту мысль, выдвинув гипотезу, что истинный замысел генерала Ноги был еще ужаснее — подменить оную колоду, подсунуть крапленую и обвинить нас в шулерстве. Туркул пообещал нас застрелить, а потом перешел на шепот и сообщил, что генерал Ноги уверял Фельдфебеля, что мы с поручиком Усвятским поддерживаем регулярные контакты с Яковом Александровичем, а через него получаем задания аккурат от «чеки». Услышав сие, поручик Усвятский выдал такую тираду, что у генерала слетела на землю фуражка, а мне пришлось приложить немало усилий, чтобы смолчать и не высказаться. В конце концов, Туркул пообещал направить к нам в палатку свою Пальму, знаменитого на весь лагерь тигрового бульдога, для несения караульной службы. Придя к такому мудрому решению, мы отослали поручика Усвятского писать очередную главу романа об отважных господах офицерах, после чего поговорили всерьез.

В главном с ним мы сошлись: все это — мерзкая возня, неизбежная после поражения, а судилище, устроенное над Яковом Александровичем, — позор и сведение счетов. Причем Туркул добавил, что основная «вина» Якова Александровича — расстрел подлеца Протопопова — на самом деле чуть ли не главная его заслуга, поскольку эти интендантские шкуры хуже большевиков, а Протопопов вдобавок помогал Орлову. Сошлись мы с ним и в другом — Барон не выдержал характер и совершил глупость, отрешив Якова Александровича от фронтового командования. Отрицать заслуги Барона глупо и бессмысленно, но то, что без Якова Александровича дела пошли совсем плохо, тоже несомненно. А Фельдфебель просто злобствует и завидует. К тому же Барон, по слухам, собирается уходить, и кому-то придется его заменить. Ясное дело, заслуг у Якова Александровича побольше, чем у других, вот эти «другие» и накинулись.

Не сошлись мы с генералом только в одном: я не могу и мысли допустить, что Яков Александрович, пусть даже в нынешнем его положении, способен на переговоры с большевистской сволочью. Обида обидой, но забыть то, что видели мы все, то, что видел он сам! Нет, не верю!

Туркул посетовал, что Барон не сделал в свое время Якова Александровича главнокомандующим — тогда бы он произвел меня в генералы, а при генерале Пташникове в Голом Поле настал бы порядок. Я в том же тоне ответил, что еще лучше было бы выгнать всех их, а главкомом сделать Туркула, присвоив ему звание Генералиссимуса Крыма и Всея Таврии. После этого Туркул пообещал натравить на меня Пальму, и мы расстались, причем генерал взял у меня разрешение ознакомиться с данной рукописью. Что ж, ради Бога!

Читайте на здоровье, ваше превосходительство!

Итак, мы стояли в Воинке и ждали. К вечеру туда прибыла Донская бригада Морозова — наши старые знакомые, батальон юнкеров, а также памятный нам по прежним боям Пинско-Волынский батальон. Прибыл и командир группировки, подполковник Выграну, сразу же начавший приводить нашу толпу в человеческий вид. Погода улучшилась, и в воздухе загудели наши аэропланы. Кто-то сказал, что в одном из аэропланов находится сам Яков Александрович, который с воздуха наблюдает сосредоточение резерва. В это все поверили и забегали еще быстрей. Аэропланы кружились постоянно, но сесть не решались, вероятно, из-за страшной грязи.

Мы заночевали на ферме, голодные и злые. Правда, злость наша была направлена в нужную сторону — против красноиндейцев. Мне лично было жалко наш сгоревший хутор. В конце концов, господин-товарищ Геккер мог бы не спешить с наступлением хотя бы до своей хамско-пролетарской пасхи — дня международной солидарности всех бабуинов. Ну, раз «товарищам» не терпелось, то пусть не жалуются! Занимали меня мысли и другого рода: я все не мог решить, стоило ли мне пристрелить подлеца Орлова. Он не был объявлен вне закона и даже оставался в списках армии, но, думаю, зря я тогда сдержался. С другой стороны, меня бы, конечно, судили, а может

быть, и вывели в расход. Честно говоря, это меня и удержало — быть расстрелянным из-за Nicola никак не хотелось.

Утром всех построили на майдане в центре Воинки, и подполковник Выграну ознакомил нас с обстановкой. Красные взяли Уйшунь и идут на Симферополь, их авангард уже достиг реки Чатарлы, еще одна группировка наступает на Джанкой. Общая численность господ большевичков достигает восьми тысяч штыков и сабель, что почти вдвое больше наших сил. Командующий издал приказ, совершенно в духе Александра Яковлевича: «Уйшунь взять и об исполнении донести». Собственно, иного выхода у нас не оставалось. Будь наша группировка разбита, Крым можно и не эвакуировать, поскольку больше войск здесь не было.

Донская бригада Морозова ушла вперед к Уйшуни, а мы поспешили следом. Солнце начинало припекать, мы расстегнули шинели, вдобавок кое-кто из юнкеров и бывших гимназистов натер за эти дни мозоли и теперь хромал. Конечно, наматывание портянок — из тех искусств, коими сразу не овладеешь. Мне было жаль молодых людей, но я безжалостно гнал их вперед, зная, что в бою понадобится каждый штык.

Спешили мы недаром. Расчет командующего состоял в том, чтобы, оставив ударную группировку красных в тылу, взять Уйшунь, закрыв таким образом крышку «котла». Около десяти утра вдали послышались выстрелы — бригада Морозова завязала бой. Мы перешли на быстрый шаг, многих уже шатало, а двух гимназистов пришлось-таки посадить на санитарную подводу из-за лопнувших водянок на ногах. Но дело было наполовину сделано, мы почти пришли.

На окраине Уйшуни что-то дымилось — Донская бригада была уже там. Я ждал приказа развернуться в цепь, тем более наш отряд шел в авангарде, сразу же за Пинско-Волынским батальоном. Но команды все не было, и я понял, что будем атаковать колонной. Это, конечно, опасно, но я понимал подполковника Выграну — вокруг была такая грязь, что цепи могли попросту застрять в качестве неподвижной мишени.

Мы были уже близко, красные начали постреливать, и тут в воздухе зажужжало, и над нами пронеслись три аэроплана. Тут уж ошибки не было — наши. Аэропланы сделали круг над окраиной Уйшуни, украсив позиции красных гирляндой разрывов. Это оказалось очень кстати, кто-то крикнул: «Командующий!», и мы все поверили, что Яков Александрович действительно находится в одной из машин. Пинско-Волынский батальон с ходу ворвался на окраину, мы валили следом, штабс-капитан Докутович скомандовал: «Правое плечо!» — и наш отряд, свернув влево, стал теснить красных к центру города.

Уличный бой — такая же мерзость, как и штыковая. Даже похуже: в штыковую видишь врага, а тут тебя могут пристрелить сбоку, сзади, в общем, отовсюду. К счастью, краснопузые не успели как следует подготовиться, и мы, отбросив их заслон на околице, стали наступать по двум параллельным улицам: слева — штабс-капитан Докутович, справа — я. Мы шли быстрым шагом, почти бежали, даже пулеметы развернуть было невозможно. Поручик Усвятский, не растерявшись, схватил единственный имеющийся у нас «гочкис» и лупил с двух рук. Приходилось выкуривать красных из каждого дома, причем поначалу они дрались крепко и сдаваться не желали. Тут уж было явно не до сантиментов, и мы при первой возможности стремились попросту швырнуть в окошко пару ручных бомб. Надеюсь, местные обыватели успели попрятаться по погребам, как это они обычно и делают.

На одном из перекрестков мы напоролись на пулеметную точку. Вначале я попытался прорваться с ходу, но трое юнкеров из первого взвода были скошены сразу же, и пришлось залечь. Мы лежали в уличной грязи и ругались на чем свет стоит, пока поручик Голуб вместе со своим взводом обходил негодяя слева. Пулемет все бил, становилось скучновато, и тут я увидел, как прапорщик Геренис ящерицей ползет прямиком к мазанке, в которой расположился подлец. Я завопил: «Назад!», но прапорщик продолжал изображать персонажа Фенимора Купера. Я знал, что будет дальше: пространство открытое, и краснопузый вот-вот заметит юного смертника. Не спорю, намерения у прапорщика были самые благие, но пулеметные точки уничтожают все-таки несколько иначе. Я снова заорал: «Прапорщик Геренис! Назад!» Не знаю, услыхал ли он меня, но красный пулеметчик услышал точно и послал в мою сторону очередь. Попасть не попал, но случилось то, чего я опасался: следующая очередь взбила фонтанчики грязи вокруг юного героя. Оставаться без командира взвода мне не хотелось, и я, гаркнув: «Усвятский! Прикрой!», бросился вперед. Ежели бы поручик Усвятский меня не услыхал, то это было бы послед-

нее, в чем он передо мной провинился. Но мне повезло, поручик оказался на месте, и в ту же секунду очередь из «гочкиса» заставила подлеца заткнуться. Я прыгнул, толкнул прапорщика Гериниса под стену, аккурат в мертвую зону, хотел сам перекатиться туда же, но тут что-то рвануло, мне в лицо плеснуло грязью, и я сделал то, что обычно делает нервная барышня при виде мыши, — потерял сознание.

Когда я стал снова что-то соображать, в ушах звенело, затылок ужасно ныл, и мне показалось, что я брежу. Кто-то звал меня: «Товарищ штабс-капитан!» — и тряс за ворот. Я похолодел, вся дурь разом соскочила, но тот же голос на малороссийском наречии повторил: «Товарышу штабс-капитан! Да що з вамы?»

Я вытер грязь с лица и открыл глаза. Передо мною покачивалась небритая физиономия, определенно виденная мною раньше. Обнаружив, что передо мною нижний чин в погонах, я уверился, это все-таки не плен, и меня немного отпустило. А говоривший торопливо объяснял, что он Семенчук, что какой-то «Мыкола» велел отвести меня «до ликаря», а на улице стреляют, и надо поскорее куда-нибудь спрятаться. Действительно, вокруг что-то посвистывало, и я при помощи моего странного благодетеля приподнялся и переместился за ближайший плетень. Тут все стало на свои места, я понял, что нахожусь рядом с домом, откуда бил пулемет, что пулемет молчит, а загадочный Семенчук — тот самый земляк поручика Голуба. «Мыколой» он называл самого поручика, а меня, по красноиндейской привычке, возвел, прости Господи, в сан «товарища».

Обижаться я не стал, «до ликаря» идти отказался, и мы направились вперед, где все еще гремело. По дороге я узнал, что красные, когда я оказался у самого дома, швырнули ручную бомбу, меня оглушило, прапорщик же Геренис цел и невредим. А буквально через минуту в хату с другой стороны ворвался поручик Голуб и разнес там все вдребезги. Пулеметчика взяли живым, но когда поручик увидел, что я валяюсь в грязи и не прихожу в себя, то приколол краснопузого на месте. Поручик Усвятский повел роту дальше, а бывший доблестный красный боец Семенчук остался меня сторожить.

Роту мы догнали быстро, но бой уже затихал. Красные откатывались из Уйшуни к Перекопу, бригада Морозова их преследовала, а нам подполковник Выграну приказал занимать оборону на южной околице в ожидании гостей. Стало известно, что господ большевичков турнули от реки Чатарлы, и теперь они валят назад к Уйшуни.

Я уже вполне пришел в себя, похвалил поручика Усвятского, посоветовал прапорщику Геренису в следующий раз не бросать взвод без командира и поблагодарил поручика Голуба за заботливую няньку в лице краснопузого Семенчука. Занятие военной словесностью я решил провести с Семенчуком лично, но уже после боя.

Меня нашел штабс-капитан Докутович и, мрачно поглядев на мой кочегарский вид, поименовал меня «господином штабс-капитаном», запретив впредь подобное гусарство. Я хотел огрызнуться, напомнив, что нельзя ставить командирами взводов молокососов, начитавшихся Буссенара, но дисциплинированно смолчал. В конце концов, моя рота — я и отвечаю. В том числе и за любителей Буссенара.

Мы заняли те самые окопы, откуда вышибли красных два часа назад, и стали осваиваться. Убегая, краснопузые умудрились бросить целых три пулемета, причем все исправные. Один из них был ручной, системы «гочкис», точно такой, как у поручика Усвятского. Вообще-то говоря, «гочкис» машинка ненадежная и часто заедает, но мы были рады и этому.

В одном из окопов, очевидно штабном, я нашел большую карту Крыма, на которой красные стрелы уже устремились к Симферополю. Карта была хороша, и я свернул ее, решив оставить как трофей. Там же было полно всякой большевистской пропаганды, вплоть до сборников стишат. Я наугад открыл какую-то брошюрку Демьяна Бедного, перелистал пяток страниц и понял, что поэзия — вещь сугубо классовая. До господина Бедного я еще определенно не дорос. Пока я обогащался эстетически, где-то поблизости зашумели, и в блиндаж протиснулся поручик Усвятский, сообщивший, что обнаружены живые большевички. Я удивился, отчего это они до сей поры живые, но поручик вздохнул и уточнил, что они раненые. Это был наш закон: раненых, ежели они не брались за оружие, не трогать. Делали мы это не из уважения к Гаагской конвенции, а из сурового расчета — чтобы красные щадили наших раненых. Обычно они их не трогали, за исключением, само собой, офицеров. Впрочем, «краскомы» и «политкомиссары» тоже не могли рассчитывать на нашу милость.

Раненых оказалось трое, причем двое были без сознания, а

третий, с виду явный комиссар, пытался стрелять, когда поручик Усвятский накрыл их убежище. Выстрелить, правда, не успел — сестра милосердия, находившаяся рядом, вырвала из рук комиссаришки револьвер, чем спасла непутевую рыжую голову студента-химика. Когда я добрался до всей этой компании, тяжелораненые, как им и положено, лежали молча, комиссар мешком валялся на земле под присмотром двух юнкеров, а сестра милосердия, довольно миловидное белокурое создание, сидела рядышком и что-то бормотала. Я прислушался и уловил нечто вроде «белые гады» и «убейте сразу».

Первым делом я поинтересовался, что, собственно, случилось, но юнкера лишь пожали плечами, а возникший вслед за мной поручик Усвятский предположил, что девица готовится к мученической смерти. Я решил, что поручик прав. Вообще-то мы сестер милосердия не обижали, дроздовцы и марковцы, насколько мне известно, тоже, а вот головорезы из бригады Витьки Покровского — дело другое. Про Андрюшку Шкуру и его башибузуков и говорить нечего. Впрочем, красные вели себя не лучше.

Вскоре новость облетела весь наш отряд, и сзади меня выросла целая толпа. Я цыкнул на любопытных, велел не пугать девицу и, приказав разобраться с комиссаром, пошел докладывать. Штабс-капитан Докутович рассудил как Соломон, дав указание взять пленную в качестве сестры милосердия в отряд, а раненых присоединить к нашим вплоть до выздоровления. Он начал было распоряжаться по поводу комиссара, но тут поблизости треснула пара выстрелов, и штабс-капитан сообразил, что с комиссаром уже все в полном порядке.

Заниматься этой историей дальше было некогда, и я пошел проверять пулеметные гнезда. С пулеметами вышла загвоздка. Собственно, пулеметы были в порядке, а вот пулеметчиков не хватало. В январе, когда нас оставался еле-еле взвод, я ставил к пулеметам офицеров, но теперь им нужно было заниматься нижними чинами. К тому же прапорщик Немно честно признался, что с пулеметом дела не имел. Вот нивелир — дело другое. Прапорщик Геренис радостно потянулся к «гочкису», но я посмотрел на него достаточно хмуро, велев почистить имевшийся во взводе «максим». В конце концов, я нашел троих юнкеров и одного бывшего красноармейца, которые что-то в пулеметах понимали. Юнкеров я поставил к «максимам», красноиндейца решил пока попридержать в резерве, а «гочкис» отдать поручику Голубу. Через некоторое время я обнаружил, что поручик вооружил пулеметом того самого Семенчука, который произвел меня в «товарищи». Я хотел вмешаться, но потом решил оставить все как есть. В конце концов, поручику виднее.

Тут где-то впереди что-то ухнуло, затем еще, еще, и подбежавший вестовой проорал, что господа красные идут. Я вытащил «Цейсс», убедившись, что какое-то шевеление и вправду заметно, но время еще есть — минут десять, не больше, но вполне хватит для самых неотложных дел. Хотя бы для того, чтобы найти поручика Усвятского, которого я намеревался направить в третий взвод.

Поручик между тем пропал. Я уже начал волноваться, когда, наконец, сообразил, где может быть мой заместитель. Он действительно оказался в нашем импровизированном лазарете. Поручик Усвятский дымил папироской и угощал нашу новую сестру милосердия студенческими анекдотами, на что та очень мило смеялась. Увидев меня, поручик махнул рукой и стал объяснять своей новой знакомой, что зовут меня Владимир Андреевич, что человек я невредный, грамотный и даже когда-то закончил церковно-приходскую школу. Я понял, что поручик в кураже, и ограничился тем, что представился. Девицу звали Ольга, родом она оказалась из Киева. Дальнейшее знакомство можно было отложить на потом, я поманил поручика за собой и предложил прогуляться в третий взвод. Поручик Усвятский вздохнул, забрал у меня последнюю папиросу и направился к прапорщику Геренису. Я выглянул в бойницу и понял, что перекур кончился. Орда красных шла на Уйшунь.

Поручик Усвятский, прочтя эти строки, просит внести поправку. Он рассказывал Ольге не анекдот, а всего лишь о том, как сдавал органическую химию профессору Осипову. Поправку вношу, но, по-моему, это одно и то же.

21 апреля

Три дня не писал. Одолела какая-то странная хворь, когда ничего не болит, но кружится голова, а сил хватает только на то, чтобы лежать пластом и смотреть, как над головой колышется белый полог палатки. По-моему, ничего серьезного,

обычное следствие пяти лет войны и трех контузий. Поручик Усвятский со мной полностью согласен, но вновь советует заняться лечебной гимнастикой и даже приволок какую-то брошюру на немецком языке. Признаться, я не поклонник господина Лесгафта, да и сил на это пока нет.

В лагере вновь были какие-то учения, но меня, к счастью, оставили в покое. Зато вчера зашел генерал Туркул, долго советовал мне съездить в Истанбул и показаться нормальному врачу, а потом мы с ним имели беседу по поводу моих заметок. Генерал внимательно ознакомился с ними и не одобрил. Прежде всего, он назвал меня язвой, очевидно, имея в виду строки, посвященные ему лично. Затем он с порога отверг возможность, чтобы дроздовцы, его славные «дрозды», могли опустошить мой вещевой мешок. Далее должна была последовать подробная лекция о героизме незабвенной дивизии, но я довольно нетактично поинтересовался у генерала, чей это батальон в полном составе сдался краснопузым, ежели мне не изменяет память, аккурат 10 ноября прошлого года у Джанкоя. Это был ремиз, Туркул стал говорить что-то о неизбежном падении дисциплины в дни поражений и, наконец, согласился с возможностью форсмажора с моим вещевым мешком, но при условии, что это был кто угодно, но не Первый офицерский полк. На том и поладили. Вдогон генерал заметил, что я неточен: на нашем Голом Поле Дроздовской дивизии нет, а он командует Сводным имени генерала Дроздовского полком. Я с ним согласился, но сослался на то, что здесь все по-прежнему говорят о Дроздовской дивизии, и прежде всего он сам. Впрочем, ежели надо, готов внести необходимые коррективы.

Затем последовало нечто более серьезное. По мнению Туркула, записки, а также мемуары должны нести воспитательную нагрузку. Мотивировал он тем, что мы, последние свидетели, рано или поздно уйдем, а молодежи придется учить историю по большевистским книжонкам. А посему наш долг состоит в том... Дальнейшее опускаю как очевидное. На это я возразил, что из меня плохой моралист. Генерал возмутился, заявив, что, поскольку я по профессии историк, то это моя, так сказать, обязанность. Я с готовностью признал, что я плохой историк, и пожелал генералу написать задуманную им книгу на должном идейном уровне.

Наш малопродуктивный спор прервал поручик Усвятский,

зазвавший генерала на партию в преферанс. Туркул разделал поручика под орех и потребовал в качестве выигрыша весь гонорар от бессмертного романа о капитане Морозове и поручике Дроздове. Деваться поручику было некуда, и он принялся сочинять очередную главу. Ежели не ошибаюсь, господа офицеры сейчас на пути в Кремль, где они должны похитить иерусалимского барона господина Бронштейна.

Вернусь, однако, к моему дневнику. Последний день Уйшунского боя описан там достаточно подробно. Помнится, я делал заметки как раз в те минуты, когда красные уже выходили на дальность пулеметного огня. Последнее, что я тогда записал, было обещание дать трое суток ареста поручику Усвятскому за глумление над непосредственным начальником. Потом я сунул дневник в полевую сумку и взялся за «Цейсс».

Веселились мы рановато. Крышка «котла» была закручена, но в самом «котле» бурлило вовсю. Не менее шести тысяч красных, сообразивших, наконец, что Яков Александрович опять их обставил, повернули назад и на максимально возможной скорости ушли к Уйшуни, надеясь вырваться из Крыма. Их было вдвое больше, чем нас, и хотя артиллерию они уже успели бросить, их оставалось действительно много, умирать им не хотелось, а выжить они могли, только вырвавшись из капкана.

Шли они не колонной, как мы поутру, и даже не цепью. Они валили валом — громадной толпой, увязая в грязи, падая и снова двигаясь прямо на наши пулеметы. Подобная толпа — великолепная мишень, но в такой ситуации это был единственно возможный шанс. Передние падали, но сзади валили все новые и новые, и эта масса, достигнув наших окопов, неизбежно смела бы нас и вырвалась на волю. Прямо над ними кружились несколько наших аэропланов, но их огонь только подхлестывал эту ораву. Артиллерия дала залп, и в людской каше образовалось несколько промоин, которые через мгновение вновь сомкнулись. Они уже были близко, и я мог рассмотреть лица. Зрелище оказалось не из самых приятных, и я убрал свой «Цейсс».

Почти тут же ударили пулеметы первой роты, потом заговорили мои «максимы» и «гочкисы». Дистанция — минимальная, промахнуться было практически невозможно, первые ря-

ды упали сразу, но тут же оказались под ногами бегущих сзади. Пулеметы били длинными очередями — очевидно, у пулеметчиков начали сдавать нервы.

Я часто слышал, как поют идущие в атаку. Мы пели про белую акацию, пели дроздовцы про черный «Форд», красные часто подбадривали себя «Интернационалом» господина Евгения Потье, а порою имели наглость петь нашу же «Акацию» на свои хамские слова. Признаться, слушать, когда поет враг, не особенно приятно. Для этого и поют, сие было ведомо еще в Древней Спарте. Но эта толпа не пела. Когда ударили пулеметы, красные завыли, зарычали, заорали... Трудно передать, как это звучало — но звучало страшновато. Только жажда жизни могла пробудить у людей этот допотопный первобытный ор. Так ревели, когда шли на мамонта. Я выдернул бинокль из футляра и заставил себя взглянуть поближе. Да, страшно. Таких у людей лиц не бывает, вернее сказать, у людей не должно быть таких лиц. А толпа, топча мертвых и раненых, подкатывала все ближе, и становилось ясно — нам ее не удержать. По мне, пусть валили бы себе назад, в Большевизию, но для этого им сначала надо было убить нас. И тут нам с ними мириться было не на чем.

Эти минуты под Уйшунью я вспоминаю всегда, когда в моем присутствии господа умники начинают говорить о смысле Белого движения. Я тоже умею произносить словечки вроде «братоубийство», «русская кровь» и прочего подобного, но когда перед тобою толпа, орда, прущая, чтобы затоптать тебя и твоих товарищей, у тебя есть только один путь — взять в руки винтовку системы господина Мосина. Вот и все Белое движение в самом сжатом виде. А что касаемо «русской крови», я всегда отвечаю, что эта орда под Уйшунью не была для меня ни русской, ни какой-либо иной, китайской, например. Это были бизоны, мамонты, бездушная материя, желающая одного — смерти. Моей, поручика Усвятского, поручика Голуба, юного бойскаута Герениса и даже бывшего краснопузого товарища Семенчука. И тут уж — кто кого. Кому фарт выйдет, говоря словами все того же генерала Маркова.

Впрочем, тогда было не до подобных размышлений. Наша артиллерия замолчала — красные подошли слишком близко. Теперь бинокль был уже не нужен, мы могли при желании взглянуть друг другу в глаза. Еще несколько минут — и все. Я повернулся влево, туда, где находился штабс-капитан Докутович, но команды все не было, и я, в очередной раз плюнув

на субординацию, заорал во всю глотку: «Рота! В атаку! Штыки!» За первый взвод я не волновался — там был поручик Голуб, в третьем взводе находился поручик Усвятский, а я вновь, как под Токмаком, — в положении Спасителя на Голгофе. Выскочив из окопа, я оглянулся, и от сердца отлегло: рота уже стояла, направив штыки в сторону бизоньего стада. Слева вылезала из окопов первая рота, а дальше, насколько я успел заметить, Пинско-Волынский батальон. Интересно, что после боя штабс-капитан Докутович и не думал упрекать меня за самовольные действия. Он был уверен, что я выполнял его приказ. Наверное, командир Пинско-Волынского батальона был уверен в том же. Удивительного в этом ничего нет, сработал все тот же инстинкт самосохранения. В окопах оставаться — смерть, бежать — тоже смерть, нагонят. Значит, вперед!

Итак, вперед... Мы шли медленным шагом, и я несколько раз командовал «Подравняйсь!», пока наша шеренга приняла должный вид. Наверное, со стороны она смотрелась эффектно — редкая ровная цепь со штыками на изготовку, а перед нею — ползущая бесформенная толпа. Да, эффектно, но, повторюсь, со стороны. Нам было жутковато, но пути назад не оставалось, и мы медленно шли дальше. Я успел заметить, что шедший за два человека от меня прапорщик Немно вдруг закинул винтовку на плечо и начал творить руками какие-то странные пассы. В бою, конечно, бывает всякое, но такое, признаться, видел впервые.

Кое в чем нам повезло. Прежде всего выручила родная российская грязь, даже не грязь — грязюка, месиво, почти что топь. Нам было тоже не сладко, каждый раз приходилось вытаскивать увязший сапог, но красные прошлепали по грязи не менее десятка верст, и теперь, перед самой Уйшунью, начали выдыхаться. Закон колонны: первые идут, последние бегут. И вот как раз эти последние в бизоньем стаде, которые толкали первых на наши штыки, сбавили ход. Первые же, которым, собственно, и полагалось лезть на штыки, тоже не особо спешили. Все это мы поняли потом, а покуда заметили одно — движение орды замедлилось. А ежели в бою темп начинает замедляться, то скоро последует остановка. Так и случилось — толпа стала. Между ней и нашей медленно шагающей цепью осталось не более пятнадцати шагов.

Поразительно, но факт — никто в эти минуты не стрелял: ни мы, ни они. Я хотел после боя спросить поручика Усвят-

ского, что он делал со своим «гочкисом», но не стал. Не стал, потому что на его месте я бы поступил, судя по всему, так же.

Для полноты картины хорошо бы написать, что в эти минуты мы запели, песню подхватили соседи, и наш славный боевой напев сокрушил дух большевиков. Нет, мы не пели, мы шли молча, они так же молча стояли, и я понял, что сейчас они попятятся. Такие мгновения иногда можно угадать, и я угадал. И вот они отступили — на шаг, на два... Мы по-прежнему смотрели друг другу в лицо, никто не показал спины, они именно пятились.

Еще раз перечитал эти строки и подумал, что стоило бы любому их «краскому» скомандовать «Огонь!», и нашу цепь смел бы первый же винтовочный залп. Вот уж таинственная русская душа! Господа европейцы уверяют, что на войне нужны психологи. Ну, на нашей войне куда важнее психиатры. Пусть они все это объяснят, ежели смогут.

Возможно, еще минута-другая, и красные, очухавшись, смели бы нас, как пух, и ворвались в город, но вот слева и справа послышался свист, конский топот, кто-то завопил: «Держись, сорокинцы!», и грянуло «ура!». Это мчалась Донская бригада Морозова. Почти одновременно справа, со стороны железнодорожной ветки, ударили пушки, и бронепоезд «Орел» двинулся во фланг красным. Тут уж обошлось без команд. Кто-то заорал: «Сдавайтесь, сволочи!», мы рванули вперед, толпа метнулась кто куда, бросая оружие, спотыкаясь, падая в грязь и снова поднимаясь, чтобы упасть под саблями морозовцев. Инстинкт сработал верно: красные разделились на две части и попытались обойти Уйшунь с востока и с запада, но бронепоезд лупил из всех пушек, а Донская бригада и не думала отставать. Через несколько минут перед нашей цепью стояли несколько сот красных орлов, бросивших винтовки, а потому уцелевших, а шум боя, постепенно удаляясь, перемещался куда-то к северу.

Тут только мы поняли, сколько стоила нам эта атака. Я махнул рукой и приказал взводным, чтобы пленные сами складывали винтовки и прочую амуницию у наших окопов.

Винтовки сносили медленно, красные тоже двигались из последних сил, а я тем временем уже успел перекурить и подозвал прапорщика Немно, поинтересовавшись смыслом его странных пассов во время атаки. Прапорщик блеснул отчаянными черными глазами и вполне серьезно объяснил, что этими жестами у них, у цыган, останавливают взбесившихся лошадей. Я покачал головой, не имея сил комментировать его заявление, прапорщик улыбнулся и пошел разбираться с пленными.

Пленных было действительно много. Столько мы не брали уж давно, наверное, с весенней кампании 19-го. Пока сносили оружие, пока красных орлов выстраивали, чтобы гнать в тыл, я крикнул поручику Усвятскому, чтобы он привел кого-нибудь из командного состава. Поручик, похоже, решил, что мне не терпится лично порешить какого-нибудь красного героя, и вскоре приташил, злорадно усмехаясь, худенького паренька с большой красной нашивкой на рукаве. Оказалось, что это мой, так сказать, коллега, ротный командир с вполне русской фамилией. Я усадил «краскома» рядом, он достал кисет с махоркой и стал вертеть «козью ногу». Руки дрожали, и самокрутка никак не сворачивалась. Поручик Усвятский, не выдержав издевательства над ни в чем не повинной «козьей ногой», сунул пленному «Мемфис», и мы закурили, глядя на обезображенную воронками степь, среди которой там и сям лежали мертвецы в грязных серых шинелях. Наконец я спросил его то, ради чего он мне, собственно, и понадобился. Наверное, из его ответа я надеялся узнать и другое — почему не стреляли мы.

Господин «краском» долго молчал, затягиваясь «Мемфисом», и наконец тихо проговорил, что несколько раз хотел скомандовать «Огонь!», но не смог. Больше он ничего не сказал, да этого и не требовалось.

Не смог. И кто мне объяснит почему?

Тем временем конвой из первой роты уже гнал пленных куда-то к центру Уйшуни, а штабс-капитан Докутович оживленно беседовал с соседом слева, высоким моложавым подполковником, командиром Пинско-Волынского батальона. Я подошел к ним и узнал кое-что новое.

Подполковник Выграну час назад получил приказ командующего, где говорилось об измене (очередной) все того же Орлова. В результате наша группировка перенацеливалась на юг — ловить Nicola, дабы не пустить подлеца в Симферополь. Это, признаться, несколько удивило: банда Орлова уходила на рысях, и нашей пехоте со стоптанными пятками за ней было явно не угнаться. Подполковник и штабс-капитан Докутович

были удивлены не меньше. Мы дружно ругнули Орлова, причем я окончательно убедился, какого маху дал третьего дня, не нажав вовремя гашетку пулемета. Делать было нечего, и мы пошли распоряжаться.

Прежде всего подвели итоги. Уйшунский бой стоил отряду двух десятков убитыми и вдвое больше — ранеными. У штабс-капитана Докутовича погиб один из его прапорщиков; у меня, слава Богу, все офицеры были целы, но я потерял семерых юнкеров. Ребят было жалко: для всех это был первый бой, и мало утешало то, что мы одержали победу.

Следовало спешить. Мы похоронили убитых в общей могиле на окраине Уйшуни, рядом с татарским кладбищем. Удалось даже привести священника, вконец перепуганного старика, который постоянно забывал слова отходной, и поручику Усвятскому приходилось ему подсказывать. Мы уже собирали вещи, и я всерьез прикидывал, где достать несколько подвод для наших пулеметов, как из штаба пришли новые указания. В погоню за Орловым уходил сводный полк 9-й кавдивизии, а мы пока оставались в Уйшуни. Бригада Морозова тем временем заняла Чаплинку, вновь закрыв крымскую «бутылку». Итак, бой кончился, и для нас вновь наступала пауза. Мы еще не понимали, что эти несколько дней решили судьбу Крыма на ближайшие полгода. Волны красного потопа, захлестнувшие то, что еще недавно было Россией, остановились у Турецкого вала.

Поручик Усвятский долго язвил по поводу последней фразы, а вот генералу Туркулу она чрезвычайно понравилась. Поскольку Туркул старше по званию и должности, фразу оставлю в неприкосновенности.

Впрочем, генерал оспорил мою фразу по существу. Он считает, что судьбу Крыма решил все же не Уйшунский бой, а сражения в конце апреля, в которых отличилась, само собой, легендарная Дроздовская дивизия. Долго спорили, но остались при своих.

22 апреля

День солнечный, настроение превосходное, да и хворь сгинула. Сегодня читал господам юнкерам лекцию о Японской войне, и наивные молодые люди долго интересовались, не защищал ли я Порт-Артур. Пришлось их разочаровать: в те годы я еще просиживал парту в Первой Харьковской мужской гимназии, что на углу Московской улицы и Гимназической набережной, и, между прочим, состоял в нелегальном социал-демократическом кружке. Неужели я выгляжу таким древним?

Огорчает одно — все подряд справляются о моем здоровье. В конце концов это изрядно надоело, и когда с этим же вопросом обратился генерал Ноги, я позволил себе невинную шутку. Состроив постную мину, я закашлялся и стал жаловаться на то, что мерзну по ночам, поелику во время обыска у меня конфисковали мой любимый шотландский плед. Генерал Ноги вполне искренне возмутился, заявив, что никакого пледа у меня в палатке не было — сам проверял. Тут же челюсть у него отвисла, но слово, как известно, не воробей, к тому же этот разговор слыхала чуть ли не дюжина офицеров. Ей-богу, на какой-то миг я даже пожалел этого галлиполийского чекиста. Впрочем, так ему и надо. Теперь он прячется в своем домике, а Голое Поле гудит словно улей.

Есть одна плохая новость. Вчера опять была дуэль. К счастью, обошлось легким ранением — алексеевец подстрелил марковца. Я не выдержал и предложил Туркулу подать рапорт Фельдфебелю. Туркул долго мялся, но в конце концов посоветовал мне бросить это дело, тем более, сообщил он по секрету, скоро нас будут отсюда эвакуировать. Я поинтересовался, не в Занзибар ли, часом. Туркул не мог сказать ничего утешительного, но все же предположил, что куда-нибудь поближе.

Между прочим, турецкие, точнее, султанские газеты сообщили, что Барон вот-вот займет своими войсками Истанбул, дабы не пустить туда Кемаля. Так что, вновь Олегов щит на вратах Цареграда? Как бы за такой слушок турки не всыпали нам перцу.

Совсем было собрался продолжить свое повествование, как вдруг вестовой пригласил меня в штаб Сводного полка имени Дроздовского (не дивизии!). Признаться, первая моя мысль была не из приятных — не связано ли все это с господином Ноги? Так или иначе, но я собрался, поправил на кителе крестик с терновым венцом и направил свои стопы к «дроздам».

Меня ждал сюрприз. В штабе собрались полдюжины офицеров и целых два генерала — сам Антон Васильевич и однорукий Володя Манштейн. Из остальных я узнал лишь полковни-

ка Колтышева, заместителя Туркула. Передо мной был цвет Дроздовской дивизии. Эти совсем еще молодые офицеры навредили господам большевикам поболее, чем иной корпус. Одним словом, гвардия. Малиновые погоны.

Это оказалось заседание только что созданного исторического кружка или, ежели хотите, военно-исторической комиссии Дроздовской дивизии (на этот раз именно дивизии). Туркул пригласил меня, памятуя о моих записках, для того, чтобы я послушал о крымской эпопее дроздовцев из первых уст.

Подобным сейчас заняты не только «дрозды». В скором времени желающие смогут прочесть немало интересного. Надеюсь, они смогут отличить правду о страшных годах Смуты от охотничьих рассказов, которых мне, пока еще в устном виде, приходилось слышать более чем достаточно.

Вначале говорили все разом. «Дрозды» создают группу для сбора документов дивизии. Уже начали записывать воспоминания, и прежде всего тех, кто находится сейчас здесь, в Голом Поле. При этом, забыв чины, они обложили Туркула за то, что тот не сохранил дивизионный архив. Туркул в ответ пытался что-то объяснить по поводу пропавшей при эвакуации полевой сумки с документами. В общем, начиналось нечто вообще невразумительное, но тут Володя Манштейн гаркнул — и все стихло. В конце концов стали намечать план, по коему надо будет в дальнейшем излагать события крымской эпопеи. Разговоры о плане быстро перешли в воспоминания, длившиеся не менее трех часов. Правда, до Крыма «дрозды» так и не доплыли — говорили в основном о Новороссийске.

Не стану переносить всего слышанного в мои записи. Это другая история. Скажу лишь, что там было, пожалуй, пострашнее, чем у нас зимой 20-го и даже позже, в ноябре, когда мы катились к Севастополю. Барон, отдадим ему должное, сумел вывести полтораста тысяч из обреченного Крыма. В Новороссийске все было иначе. Не стану цитировать тех эпитетов, которыми был награжден Антон Иванович Деникин — бумага испепелится, но я понимаю этих офицеров в малиновых погонах. Никто из нас не считал «царя Антона» серьезным стратегом, но потерять за одну кампанию все — все, что у нас было! Бросить на новороссийских пирсах не обозы, не штатскую шваль и даже не военные припасы — целые корпуса! Я слушал рассказ дроздовцев о жуткой погрузке в кромешной мгле,

о гибели их товарищей, об утонувших и застрелившихся, и думал о тех, кого вообще не пустили в порт и бросили умирать среди кавказских предгорий. Только у грузинской границы красные взяли целехоньким тридцатитысячный корпус. С десятой частью этих сил Яков Александрович смог удержать Крым в январе 20-го.

Когда «царь Антон» приплыл к крымским берегам, он даже не решился сойти на берег. Так и проторчал на феодосийском рейде, покуда не подписал отречения и не убрался прочь. А вот сейчас — ничего, бодр и крепок, статьи пописывает и нас, сирых, уму-разуму учит. А виноват во всем, само собой, Яков Александрович. А кто же еще?

Скажу сразу, что о политических аспектах крымской эпопеи писать нет охоты. В севастопольских интригах не участвовал, у Барона чай с ромом не пил, а посему буду излагать то, что видел своими глазами. Там, у Мурза-Каяша и Уйшуни, политические сплетни интересовали нас мало. Такие глобальные события, как приезд и отъезд Барона, визит одесского героя господина Шиллинга или та же миссия полковника Ноги, который еще не был тогда генералом, до нас, окопников, просто не доходили. Мы удивились только один раз, позже, когда узнали о назначении главкомом Русской Армии Барона. Его знали плохо и, честно говоря, надеялись, что главкомом будет все же Яков Александрович. Уже потом мне объяснили, что у Барона в портфеле имелся план земельной реформы для всей Руси Великой, а вот у Якова Александровича такого плана не было. Равно как и портфеля — он ходил, как и все офицеры, с полевой сумкой. Помог нам план Барона, как же! Тачанки господина Каретника поставили на нем окончательную резолюцию в ноябре, на песчаном пляже Литовского полуострова.

Однако же пора вернуться к дневнику. Три дня после боя мы стояли в Уйшуни. Я исписал в эти дни чуть ли не десять листов, радуясь нашей призрачной победе и свободному времени, хотя победа стоила нам дороже, чем казалось на первый взгляд, а свободное время привело к тому, что в отряде начало твориться всякое.

Все были рады, что остались живы, но радовались по-разному. Одни, как, например, поручик Голуб, попросту заваливались спать и мирно пребывали в объятиях фронтового Мор-

фея, что называется, до упора. Я бы и сам последовал примеру поручика, но не все в отряде отдыхали так тихо, вдобавок штабс-капитан Докутович на следующее утро отправился в Карасубазар узнать, где его семья, и мне пришлось заниматься делами отряда. К сожалению, Уйшунь — не наш безлюдный хутор. К сожалению — поскольку здесь имелся самогон, который можно было запросто купить, и мирные обыватели, которых можно было так же запросто грабить.

В первый же вечер я выставил караулы из юнкеров и перехватил семь бутылок «огненной воды», которую тут же отправил в лазарет для использования в дезинфекционных целях. На этом я счел свою миссию выполненной и уже собирался поспать, когда сообразил, что в лазарете-то я караула не поставил.

Нет, Содома я там не обнаружил. Прапорщик Геренис мирно спал, заботливо укрытый шинелью, пара пустых бутылок аккуратно стояла рядом, а за большим ящиком, в котором летом обычно хранят огурцы, сидели поручик Усвятский и еще трое, которых я поначалу принял на юнкеров, и резались в преферанс. В углу примостился прапорщик Немно в компании с гитарой и военнопленной сестрой милосердия. Прапорщик лихо наигрывал что-то истинно цыганское, а Ольга тихо млела. Господа сорокинцы гуляют. Пир победителей.

Я отнюдь не сторонник пуританских нравов, которые насаждал на своей легендарной батарее не менее легендарный «дрозд» полковник Туцевич. Но ежели загуляют взводные, то через день-два отряд станет неуправляемым. Посему я первым делом попросил удалиться всех, кроме господ офицеров. Двое юнкеров встали из-за стола и более-менее твердой походкой отправились восвояси. Я уже собрался начать задушевную беседу, но сообразил, что в лазарете есть еще один посторонний — тот самый, что сидел за ящиком и кого я принял за юнкера. Я всмотрелся и почувствовал себя неважно: третьим партнером поручика Усвятского оказался пленный «краском», которого сам же поручик привел ко мне после боя. Конечно, на войне можно ожидать всякого, но это было уже чересчур. Я аккуратно сел на свободный ящик, расстегнул крючок шинели и начал считать про себя до двадцати.

Я досчитал до пятнадцати, когда господин красный командир встал из-за стола, начав что-то понимать. Я вытащил «наган» из кобуры и махнул им в сторону выхода. Ротный посмотрел на молчащего поручика Усвятского, улыбнулся и попросил напоследок стаканчик самогону. Я подождал, покуда он допьет, и ткнул стволом в спину, чтоб не задерживался.

Я даже не задумывался, что делаю. А сейчас вспомню... Да что тут говорить!

Мы шли по темной улице, давя сапогами хрупкий ночной ледок, и с каждым шагом я все яснее понимал, что не смогу его расстрелять. После боя, когда кровь бьет в висках, — другое дело. К тому же все получилось как-то по-дурацки с этим красным: накормили, напоили, посадили в преферанс играть, а потом не дали доиграть и расстреляли. А вот держался он хорошо. Кажется, именно это и заставило меня очнуться окончательно.

Возле какой-то хаты я приказал остановиться, достал пачку «Сальве», и мы, усевшись на завалинку, закурили. Он оказался сыном учителя из-под Липецка. Учился в высшем начальном, недоучился и пошел воевать. Против нас. Член их большевистской партии. Он спросил обо мне. Я ответил.

Докурив, мы пошли назад. Наше появление вызвало немалое удивление и, как мне показалось, облегчение. Ольга сразу повеселела, а поручик Усвятский принялся угощать меня самогоном. Отказавшись пить, я занудно напомнил господам офицерам их обязанности, велел позаботиться о прапорщике Геренисе и предупредил поручика Усвятского, что за пленного тот отвечает головой. Затем я прослушал в исполнении прапорщика Немно нечто вроде цыганской баллады про то, как кто-то ехал с ярмарки, и ушел спать, заработав, вероятно, репутацию сухаря и зануды.

Наутро стало ясно, что мои кордоны оказались вполне проходимыми и половина нижних чинов в полной мере воздала дань Дионису в его таврийской ипостаси. Пришлось устраивать проверку с мытьем голов и шей, после чего господа офицеры немного пришли в себя и занялись делом. Внешне теперь все выглядело благопристойно, но я очень жалел, что нельзя тут же увести отряд из Уйшуни куда-нибудь в степь и подержать его там под открытым небом, пока нервы у всех не успокоятся.

Как чуял — на следующий день случилась беда. Двое юнкеров из первой роты изнасиловали и убили девочку-татарку. Их поймали, когда они закапывали труп за хатой, в которой квар-

тировали. Я не стал дожидаться следствия и суда, выстроил отряд на майдане и заставил подлецов признаться. Они не отпирались. Я вытащил револьвер и уложил их на месте прямо перед строем.

Конечно, с моей стороны это было самоуправством. Вернувшийся в тот же день штабс-капитан Докутович впервые в жизни наорал на меня и заявил, что отправит дело в суд. Я согласился и предложил лично подать рапорт командиру корпуса. Пока же меня отрешили от командования ротой, а тем временем пришел приказ возвращаться в Воинку. Перед отправлением я отозвал поручика Усвятского, который теперь стал ротным, и посоветовал содрать с нашего краснопузого командирские нашивки и включить его в очередной транспорт с пленными. Поручик заколебался, но я объяснил, что даже если мы отпустим господина красного преферансиста, он не сможет добраться до своих — Перекоп занят конницей Морозова, и любого подозрительного, да еще без документов, зарубят на месте. Это убедило поручика, и его партнер по преферансу отправился в качестве рядового красного бойца по джанкойской дороге. Позже поручик Усвятский узнал, что в горах пленные из этого транспорта разбежались, причем большую часть поймать так и не удалось. Мне показалось, что поручика эта весть даже порадовала.

В Воинке меня вызвали к какому-то полковнику — военному следователю. Я рассказал все как было, полковник покрутил головой, пообещав мне в лучшем случае разжалование. Потом добавил, что за меня заступаются офицеры роты, а юнкера — однокурсники тех, кого я шлепнул, — написали письмо командующему, в котором оправдывают мой поступок. Затем мы вместе со следователем пошли к подполковнику Выграну, и тот, узнав, что я чернецовец и участник Ледяного похода, глубокомысленно хмыкнул и отослал обратно, оставшись наедине со следователем.

На следующее утро я узнал, что временно перехожу в особый отряд подполковника Выграну, который в тот же день отправлялся в район Ялты для борьбы с красно-зелеными.

В этом отряде я пробыл больше месяца. К сожалению, свой дневник я оставил в Воинке, отдав на хранение поручику Усвятскому, и записей, относящихся к этим неделям, у меня не

осталось. Тогда писать у меня попросту не было настроения, а вот теперь жалею. Это были лихие недели. Теперь уж и не вспомнить все по порядку: засады, погони, когда они гнались за нами, погони, когда все было наоборот, перестрелки в горных ущельях, ночевки у костра. Одним словом, Майн Рид. Прапорщику Геренису такая жизнь определенно пришлась бы по душе.

Тут надо опровергнуть одно широко распространенное среди крымских офицеров заблуждение. Красно-зеленые вовсе не были связаны с командованием Рачьей и Собачьей. Я и сам много слыхал про мифический партизанский штаб во главе с чудо-богатырем Мокроусовым, но ни с чем подобным нам сталкиваться не пришлось. Красно-зеленые были, в основном, вульгарными дезертирами, которые прятались от мобилизации и жили грабежом. Вели они себя нагло, пользуясь слабостью нашего тыла и чудовищной продажностью полиции и господ интендантов. Правда, уже в марте красно-зеленых прижали крепко, и они реже высовывались из своих горных убежищ в долины.

К нашему счастью, горы эти господа знали скверно. Татары давали нам проводников, и несколько раз мы крепко брали эту шантрапу за горло. Хотя огрызаться они умели и в конце концов подстрелили из засады самого подполковника Выграну, которого пришлось направить в госпиталь.

Ходили самые разнообразные слухи. Говорили о мифических шаландах, прибывающих к крымским берегам то ли с Тамани, то ли из Турции с грузом оружия и огнеприпасов. Мы даже как-то две ночи простояли в засаде у Профессорского Уголка, но, кроме греческой шхуны с контрабандными чулками и прочей дамской ерундой, никого задержать не удалось. Затем нас послали ловить какого-то капитана Макарова, который якобы служил адъютантом у генерала Май-Маевского, а потом переметнулся к зеленым. Капитана Макарова мы поймать не смогли, да и, признаться, не очень верили в его существование, зато во время рейда прикончили знаменитого бандита Камова, изловив того у Адым-Чокрака, где находился штаб его «2-го Повстанческого полка». За Камова мы получили личную благодарность Якова Александровича, а Макарова было велено ловить дальше. С большим удовольствием я бы поохотился за Орловым, но тот притих и где-то скрывался.

Стоял апрель, мы сняли шинели, а самые смелые уже рисковали купаться в море. Наш отряд был офицерский, жили мы дружно, но я скучал по своим и потому рад был услышать приказ о своем возвращении в Воинку.

Честно говоря, к радости примешивалась и тревога. Обидно терять погоны из-за двух мерзавцев! Но — обошлось. В Воинке меня вызвали к какому-то незнакомому генералу, и тот сообщил, что дело прекращено по личному распоряжению командующего, я восстанавливаюсь в прежней должности и возвращаюсь в наш отряд.

20 апреля я сделал очередную запись в моем дневнике. В этот день я принял роту от поручика Усвятского, помирился со штабс-капитаном Докутовичем и выслушал делегацию юнкеров, которые, на этот раз лично, выразили полную поддержку моему поступку.

Тем дело и кончилось.

За те недели, пока я был в отряде Выграну, у нас ничего особого не произошло. Мы стояли на той же ферме в Воинке, и штабс-капитан Докутович в меру возможностей проводил обучение нашего пополнения. Нам прислали еще три десятка весьма подозрительных пленных, от которых я бы на месте штабс-капитана попытался сразу избавиться. Но наш штабс-капитан на все мои, да и не только мои, доводы отвечал, что в отряде нужен каждый человек. По этому вопросу спорить с ним было бесполезно.

Итак, у нас в отряде шла тихая, почти что мирная жизнь, зато в Крыму за эти недели изменилось очень многое. О назначении Барона главкомом Вооруженных сил Юга России я узнал еще в отряде Выграну, но тогда мы только удивились — нам было не до политических дискуссий. Повторюсь — Барона мы совсем не знали, так как он воевал вначале у Царицына, а затем сменил Май-Маевского. Впрочем, ежели боем у Токмака мы обязаны его стратегическому таланту, то радоваться было нечему.

Яков Александрович по-прежнему командовал корпусом, который теперь был переименован в Крымский. Всем нам, участникам зимней обороны, были обещаны памятные медали, каковые нам выдали уже осенью. Но теперь прошедшую зиму вспоминали редко — в Крыму царила большая политика,

а понаехавшие сюда генералы могли бы организоваться в Отдельный Генеральский батальон. Во всяком случае, такого количества лампасов я никогда не видел ни до этого, ни после.

Прибыло и войск. С Кавказа эвакуировались остатки Добрармии, и наши скромные погоны с вытертым золотом затерялись в калейдоскопе петлиц и нашивок новой гвардии — господ марковцев, алексеевцев, корниловцев и дроздовцев.

Приходится прерываться. Закружилась голова, а с левой рукой творится что-то неладное.

23 апреля

Вчера вечером меня опять скрутило: голова кружилась, в затылке ныло, а левая рука начала дергаться самым непотребным образом. Впрочем, к утру все прошло, и теперь я снова вполне здоров.

Днем я вновь зашел в военно-историческую комиссию наших славных «дроздов». Володя Манштейн развивал грандиозные планы написания истории дивизии о двух десятках томов с приложением корпуса документов такого же объема. Я порадовался этакому энтузиазму и подумал о том, что историю Сорокинского отряда писать некому. Разве что поручик Усвятский сподобится, но он в отряде только с весны 19-го. Из тех, кто вышел с подполковником Сорокиным из Ростова, я остался один.

Я не смог удержаться и задал собравшимся вопрос, который их чрезвычайно шокировал. Меня интересовало, насколько справедлива услышанная мной год назад история о похождениях «дроздов» в Крыму. Ее рассказал, помнится, прапорщик Немно, ездивший незадолго до моего возвращения в отряд по личным делам в Севастополь.

Так вот, господа дроздовцы, высадившись на Графской пристани, первым делом устроили облаву на всех штатских в округе, забирая тех, кто был призывного возраста, в рекруты. Вслед за этим они окружили редакцию «Севастопольских ведомостей» и взяли всех находившихся там в плен. Пленники, невзирая на пол и возраст, были выпороты, после чего «дрозды» направились на вольную охоту в город за часами и кошельками.

Генерал Туркул, услыхав сие, поспешил заверить меня, что ничего этого не было и быть не могло. А ежели что и случилось, то не с дроздовцами. А если и с дроздовцами, то не так или не совсем так. При этом Володя Манштейн весьма странно хмыкнул, а остальные присутствующие потупились. Затем мне была предложена дроздовская версия этих же событий. Облава, действительно, имела место, но не по всему городу, а только в Морском саду, причем ловили не штатских, а укрывающихся от мобилизации офицеров. Редакцию действительно выпороли, но это была не редакция уважаемых «Севастопольских ведомостей», а один-единственный редактор какого-то радикального листка, известного мерзкими пасквилями против «цветных» войск.

(Генерал Туркул специально пояснил, что «цветные» части, то есть носившие форму разных цветов, — это лучшие, старейшие части Добрармии, и клеветать на них великий грех.)

К тому же было добавлено, что дроздовцы редактора не пороли. Пороли его, по его собственному свидетельству, некие офицеры в золотых погонах, а вовсе не в малиновых. При этих словах Володя Манштейн вновь хмыкнул, а полковник Колтышев рубанул, что это была провокация и что эта штатская сволочь выпорола сама себя.

Покончив с севастопольским вариантом истории унтерофицерской вдовы, Туркул заключил, что грабежи действительно имели место, но ограничились лишь конфискацией золотых часов у одной почтенной дамы. Виновные были лично им, генералом Туркулом, изобличены и преданы военно-полевому суду.

Позабавившись таким образом, мы заговорили на куда более серьезную тему. Кто-то из «дроздов» задал непростой вопрос: имела ли смысл сама наша крымская эпопея? Речь шла, конечно, не о необходимости борьбы с красной сволочью. Но сам Крымский плацдарм, наша «бутылка», настолько неудобен в стратегическом отношении, что целесообразнее, по его мнению, было все же удержаться на Кавказе и оттуда весной 20-го начинать сначала. А может, стоило из Новороссийска уходить прямо за границу, чтобы через полгода высадиться на Дону и Кубани, где мы всегда находили поддержку.

Ему тут же возразили, правда, в основном, с нравственной точки зрения. Володя Манштейн сказал, что мы обязаны

драться на любом клочке России, а не отсиживаться, ожидая удобного момента. Туркул напомнил о том, что все попытки удержаться на Кавказе зимой 20-го были неудачны, а десант на ту же Кубань летом был и вовсе провальным — господа казаки не поддержали генерала Улагая. Хотя, конечно, добавил он, крымская «бутылка» — заранее проигрышный вариант, который лишь затянул нашу агонию на год, и в этом понимании действительно не имел смысла.

Тут вмешался я, позволив себе не согласиться ни с Туркулом, ни с остальными. С крымской «бутылкой» все, конечно, ясно. Но дело не в «бутылке».

Тогда, зимой 20-го, мы дрались в Крыму, защищая собственные жизни, иной цели у нас не было. Позже, с апреля, когда остатки Добрармии эвакуировались из Новороссийска, появилась смутная надежда на создание нового антибольшевистского плацдарма или — это мы вспоминать теперь не любим — на почетную капитуляцию. Ничего из этого не вышло, но теперь, через год, наша борьба в безнадежном крымском тупике выглядит иначе. Зимой 20-го красные, раздавив наши армии, начали готовить то, ради чего они затеяли российский ад, — Мировую Революцию. И уже не в теории, а на практике. Как первый, но очень важный этап, планировался поход в Европу, пролетарии которой, несмотря на миллионные субсидии Коминтерна, не спешили подниматься на борьбу с «буржуями». А посему в апреле миллионная армия уже стояла на польской границе. Дальнейшее известно: приказ «На Варшаву! На Берлин!» — и красный потоп, захлебнувшийся у Вислы. В этом свете наш Крымский плацдарм видится уже не «бутылкой», а капканом, который не пускал несколько большевистских армий в Европу. Тогда, на Висле, был дорог каждый солдат, и, может быть, мы, отвлекшие не самые худшие силы Рачьей и Собачьей, дали возможность коннице Пилсудского и танкам Фоша опрокинуть орды Тухачевского и погнать их вспять. Кто знает, может, именно наши безнадежные атаки в таврийских степях сорвали, дай Бог навсегда, Ее Величество Мировую Революцию. Или, по крайней мере, здорово этому помогли. А раз так, то Яков Александрович, удержавший зимой Крым, вполне может быть назван, наряду с Пилсудским и Фошем, спасителем Европы от коммунистического рая с бесплатной селедкой.

Тогда, у замерзшего Сиваша, мы вершили Историю. Странно звучит, но это так.

Со мной согласились, но Туркул добавил, что главные бои за Крым произошли все же в апреле, когда в Севастополе уже сидел Барон, а на фронте совершала свои очередные подвиги Дроздовская дивизия. Я не стал спорить — генерала Туркула в этом вопросе не переубедишь. Об апрельских боях надо писать отдельно. Я их тоже не забуду. Правда, «дрозды» тогда были под Хорлами, а наш отряд все там же, у осточертевшего всем нам Сивашского болота.

Нет, это просто никуда не годится! Левая рука опять безобразничает, да и правая, признаться.

27 апреля

Три дня не брался за бумагу. Увы, не по своей воле. Скрутило меня всерьез, и я даже позавидовал тем, кто успел поймать свою пулю прошлой осенью. Самое противное — руки. Дрожат, как большевик в контрразведке. Голова, признаться, тоже просит гильотины. Черт знает что!

Похоже, я здорово напугал моих соседей, поскольку к вечеру, несмотря на мои энергичные протесты, поручик Усвятский и оба наших «дрозда» побежали за помощью. Поручик приволок какого-то марковца, прослушавшего два курса на медицинском факультете в Петербурге, а дроздовцы приконвоировали целого полковника. Этого полковника я часто видел у Фельдфебеля, он там чем-то вроде придворного врача. Консилиум цокал языками, меня вертели, как косулю над очагом, а затем потребовали подробно доложить о моих болячках. Я честно пересказал невеселую сагу о первой контузии, полученной еще у Горлицы, и о двух свежих, заработанных под Екатеринодаром и Волновахой. За это я был наказан приемом каких-то микстур, достойных применения исключительно в «чеке» для пыток капитана Морозова и поручика Дроздова.

На следующий день все как рукой сняло, и я, веселый и довольный, отправился гулять по берегу, но не тут-то было. Вестовой меня нашел и поволок к самому Фельдфебелю. Я решил, что час расплаты настал. Фельдфебелю меня любить не за что, а мне его и подавно. Одного визита на улицу Де-Руни хватит за

глаза. Я приготовился к чему угодно, даже к тому, что он предложит мне возглавить отряд смертников для захвата Царьграда. Вышло, однако, иначе. Фельдфебель был настолько вежлив, что предложил мне сесть и даже назвал по имени-отчеству. Я решил, что сейчас последует приказ о разжаловании, но вместо этого Фельдфебель заявил, что мое здоровье вызывает опасение, а посему мне следует немедленно показаться хорошему специалисту. Тут в кабинет вошел вчерашний медицинский полковник, и я понял, кому всем этим обязан.

Я начал вежливо возражать, а Фельдфебель не менее вежливо настаивать. В разговор включился эскулап, выдавший целый этап по-латыни, но это меня не сломило, и я вновь отказался. Тогда Фельдфебель зарычал, поставил меня по стойке «смирно» и гаркнул, что ему не нужен еще один покойник в лагере. Затем последовал приказ не умничать и завтра же отправляться в Истанбул.

Я пулей вылетел из кабинета, полковник выскочил вслед за мной и начал рассказывать, как и где найти в Истанбуле некое медицинское светило. Светило оказалось швейцарским, работающим по линии Красного Креста. Затем эскулап вручил мне послание, позволявшее не идти в клинику, а нагрянуть прямо на квартиру к ничего пока не подозревающему земляку Жана Кальвина.

Я надел парадный френч, дабы не выглядеть оборванцем, и отправился первым же утренним катером в град Св. Константина. Светило должно было пребывать дома до полудня, посему я тут же направился по указанному адресу. Честно говоря, идти туда не хотелось. Навидался я на фронте контузий и разбираюсь в них не хуже любого профессора. А услышать что-нибудь приятное я, признаться, не надеялся.

Во дворе дома я был облаян собакой, затем меня долго держали в передней, покуда светило знакомилось с посланием нашего эскулапа, и, наконец, меня провели в святая святых — огромный кабинет, набитый хитрой медицинской механикой. Светило заговорило со мной по-французски. У меня отлегло от сердца, поскольку, будь он германо-швейцарцем, мне пришлось бы беседовать с ним по-немецки, а мой немецкий, после трех лет Германской, приобрел несколько окопный оттенок.

Меня долго оглядывали, ощупывали и обстукивали. Пере-

сказывать свою Илиаду не пришлось — полковник изложил все в письме. Затем владелец кабинета что-то долго писал в чудовищного вида гроссбухе, а потом самым естественным тоном поинтересовался, есть ли у меня деньги. Я бодро вытащил свой тощий бумажник и спросил, сколько я ему должен за визит. В ответ светило рассмеялось, назвало меня шутником и пояснило, что деньги требуются не для оплаты визита. Они будут нужны в швейцарском санатории, куда меня следует направить, и, по возможности, немедленно. Приблизительная сумма была мне тут же названа — естественно, не в лирах и не в рублях, выпускавшихся казначейством Русской Армии.

Я замешкался с ответом, и светило повело речь о том, что мое командование обязано мне помочь. Насколько он понимает, я заслуженный офицер, ветеран войны, имею награды. Он готов написать господину Врангелю... Я не стал дискутировать на эту тему, а он, качая головой, настрочил послание нашему эскулапу, затем последовала целая серия рецептов и советов относительно режима дня и питания. Я выслушал его до конца, после чего предложил ответить прямо — сколько мне осталось.

Он долго молчал, а потом заметил, что об этом не говорят даже смертельно раненным. Мне же просто надо лечиться, а в Швейцарии это будет быстрее и лучше. Я кивнул и повторил вопрос. Он долго мялся, мне даже стало жаль его, но, в конце концов, после десятка оговорок, приговор был назван. Не стану его записывать. Все мы ошибаемся, в том числе и светила. Может быть, он ошибся, и я проживу еще сто лет.

Мне было очень важно узнать еще одну существенную подробность. Тут он ответил сразу, и я несколько приободрился. Паралич мне не грозит, а это очень хорошо. Валяться без рук, без ног в Голом Поле не хочу — и не собираюсь. Тогда уж лучше сразу.

Вот так! Съездил к доктору.

Часа два я гулял по весеннему Истанбулу, поглядывая на белые дувалы, резные двери и редкие деревья, так похожие на те, что растут у нас в Крыму. В конце концов я махнул на все рукой и решил провести остаток дня с большей пользой, а посему отправился в местный Музей древностей. Когда я был здесь перед войной, его только собирались открывать, и наши турецкие коллеги постоянно обращались в Русский Археологический институт за консультациями.

Музей работал, но был почти пуст. Это оказалось даже к лучшему, мне никто не мешал, и я отвел душу — осмотрел неплохо составленную экспозицию, которая была, конечно, беднее, чем античный отдел Императорского Эрмитажа, но выглядела вполне достойно. Некоторые экспонаты мне показывали еще до войны, а одну надпись на скверном малоазийском мраморе я приветствовал как старую знакомую. Уж ее-то я знал! Решив себя проверить, я не стал глядеть на мрамор и, закрыв глаза, прочитал ее всю, с указанием двух лакун и ошибки резчика. Открывать глаза мне не очень хотелось, все-таки пять лет войны, контузии, и я мог ошибиться. Но — нет, такое не забывается.

Затем я прочел сопроводительный текст, чуток поморщился — можно было написать полнее, и тут только заметил, что рядом со мной стоит молодой симпатичный турок, естественно, в феске, зато в костюме и при галстуке. Турок вежливо поклонился и спросил по-французски, не может ли он чем-нибудь помочь господину офицеру. Ну, хотя бы прочитать и перевести эту надпись.

Я поблагодарил его, заметив, что надпись мне уже доводилось в свое время переводить и даже публиковать. А перед этим — лично выламывать ее из стены полуразрушенного дома на окраине Конии, предварительно сунув «бакшиш» двум сарбазам, дабы те закрыли глаза на эту акцию. Турок вежливо выслушал и заметил, что, насколько ему известно, эту надпись опубликовали профессор Кулаковский и его молодой коллега по фамилии... Последовала пауза, но фамилию он воспроизвел верно. Но, добавил он, ему также известно, что господин Кулаковский умер.

Я представился. Он чрезвычайно удивился, поглядел на мой далеко не академический наряд с некоторым сомнением, и тогда я, отвернувшись от надписи, прочитал ее целиком, на этот раз вслух, а затем указал на две неточности в висящем рядом французском переводе.

Турок оказался господином Акургалом, заместителем директора по научной части. Я тут же был отконвоирован в его кабинет, напоен настоящим турецким кофе и засыпан вопросами. Господина Акургала интересовала масса вещей: от того,

почему мы с профессором Кулаковским датировали эту надпись второй четвертью третьего века от Рождества Христова, до того, где теперь его русские коллеги, с которыми из-за этой ужасной войны прерваны все связи, и над чем теперь работает античный отдел самого великого музея мира — Императорского Эрмитажа.

С надписью было проще: я указал на особенности написания «тэты» и «эпсилона», посоветовав заглянуть в «Corpus graecarum», где есть точные аналогии. Про Эрмитаж я знал лишь, что с 18-го там располагалась питерская «чека», которая, вероятно, и работает с его сотрудниками. А насчет коллег... Видит Бог, я и сам хотел бы знать, что с ними случилось!

Профессор Кулаковский умер, не дожив до Армагеддона. Академику Федору Успенскому повезло меньше — умер от голода весной 18-го. Михаилу Ивановичу Ростовцеву удалось уехать за границу, туда же успел вырваться в 19-м и профессор Виппер. Затем я поинтересовался, помнит ли господин Акургал публикации профессора Лепера. Господин Акургал всплеснул руками и гордо заявил, что знаком не только с публикациями, но и с самим господином Лепером, он чрезвычайно гордится этим знакомством, и я его очень обяжу, сказав, где сейчас господин Лепер и как его найти.

Я объяснил ему, как найти господина Лепера. Господин Акургал испуганно поглядел на меня, и несколько минут мы оба молчали. Затем он спросил, где и над чем работаю я. Когда я объяснил, где и над чем приходится работать, господин Акургал заявил, что это неправильно и даже нелепо. Правительство Его Величества Султана считается с тем, что специалистов по древней истории в мире не так уж много. И даже если, от чего храни Аллах, войска Кемаля войдут в столицу, он и его коллеги могут быть спокойны: Кемаль-эфенди — европейски образованный человек и весьма уважает ученых. И он, то есть господин Акургал, не может понять, как правительство большевиков смеет так относиться к русским историкам, которых он и его коллеги всегда считали своими учителями.

Я даже не улыбнулся, слушая эту несколько цветистую речь. Многого здесь не могут понять господа турки с их верой в европейскую образованность!

Между тем господин Акургал оставил велеречивый слог и заговорил вполне по-деловому. У них нет свободных штатных

должностей (война, увы, увы!), зато есть свободная ставка консультанта. Конечно, господин директор — человек с некоторыми предрассудками, но даже он не откажется от услуг бывшего сотрудника Русского Археологического института. Я поправил его, заметив, что был лишь сотрудником вне штата, но господин Акургал уже допивал кофе, явно собираясь направляться к директору. На какое-то мгновение я подумал, как это было бы здорово. Может, швейцарец ошибся и у меня есть еще несколько лет. Тихий музей, который через некоторое время может стать серьезным научным центром, отсюда можно связаться с теми из коллег, кто сумел уехать, можно даже попытаться разыскать что-нибудь из фондов и коллекции института...

Я помотал головой, отгоняя наваждение. Поздно, поздно! Еще бы пару лет назад! Правда, как раз два года назад мы вели бои на подступах к Донбассу.

Господин Акургал решил, вероятно, что я претендую на нечто большее, чем место консультанта, виновато развел руками и просил обязательно зайти через несколько дней. Я поправил френч и сослался на служебные обязанности, которые едва ли позволят мне часто бывать в Истанбуле.

Эта встреча несколько успокоила. Института нет, но есть господин Акургал и его молодые коллеги. Есть даже Кемаль-эфенди, ценящий европейски образованную интеллигенцию. А эта надпись на скверном малоазийском мраморе все равно впервые была издана в ежегоднике «Известия Русского Археологического института в Константинополе» профессором Кулаковским и выпускником Харьковского императорского университета Пташниковым.

В Истанбуле мне было делать больше нечего. Я мог бы зайти на улицу Де-Руни, но сегодня меня там не ждали. Тем более в последний раз Яков Александрович явно что-то недоговаривал, а между тем я к этому никаких поводов не давал.

Я пересчитал лиры и решил перекусить в каком-нибудь приличном ресторане. В конце концов, будет что вспомнить в нашей офицерской столовой за ужином. Спасибо, конечно, господам французам за продукты, но лучше бы они ели их сами.

Трудность состояла в том, что приличный ресторан в Истанбуле — это не Музей древностей. Где находится Музей, я

знал, а вот с приличными ресторанами дело обстояло сложнее. Я уж совсем было собрался спросить об этом у первого встречного британца, но затем в голову пришла иная мысль. Не торчать же одному за столиком, пережевывая шашлык по-карски или азу-измит! И я направил свои грешные стопы к гимназистке седьмого класса.

Я помнил, где она живет, — в ту ночь, вернее, в то утро я проводил ее домой, точнее, в тот многоэтажный домище, где она снимает комнатку у какой-то мрачноватого вида старухи.

Татьяна была дома, но ее вид мне сразу же не понравился. Я думал увидеть ее с очередным кавалером, просто подшофе или после понюшки кокаина — nobless oblige. Но она была совершенно одна, без всяких следов боевой раскраски, а комната имела весьма заброшенный вид и чуть ли не поросла мхом. Я решил было, что она прихворнула, но Татьяна заявила, что чувствует себя вполне прилично. Тогда я поглядел на нее внимательнее и поинтересовался, сколько дней она не ела. Оказалось, что всего день. До этого она питалась на то, что удавалось продать на местной барахолке.

В общем, она не последовала моему дурацкому совету и не пыталась топиться в Золотом Роге. Правда, пришлось все продать. А вчера это «все» кончилось. Но в любом случае она благодарна мне за добрый совет.

Мне бы возгордиться, но я не стал. Моя дурацкая проповедь едва ли могла наставить на путь истины даже безгрешного лорда Фонтлероя. Просто у каждого человека есть свой предел, за который невозможно переступить. Дурной пример, конечно, но бравый подпоручик Александр Михальчук не мог есть конину. Это было зимой 19-го, когда всем нам приходилось подражать татарам. А Михальчук конину не ел. Один раз попробовал — и чуть не помер. Видать, такой предел есть и у Татьяны. А встреча с моей нескромной персоной — только последняя капля.

Однако же помирать с голоду — тоже не лучший выход. Я поглядел на нее критическим взором и поинтересовался, где тут можно купить приличное платье. Она усмехнулась и сказала, что я несколько опоздал. Раньше мне стоило заплатить две лиры, а теперь и платье ни к чему. Лучше она и вправду искупается в Босфоре.

Пришлось объясняться. Я сообщил, что нас того и гляди переведут в Занзибар, и напоследок мне хочется посидеть с дамой в приличном ресторане. Истанбульских ресторанов, однако, я не знаю, а знакомая дама у меня здесь одна. Что же касается платья, то после посещения ресторана его можно продать. Или сжечь, дабы никаких вопросов не возникало.

С платьем вопрос решился быстро, труднее оказалось найти пристойный ресторан. В конце концов мы остановили свой выбор на «Бристоле», невдалеке от британского посольства. Это меня успокоило — господа островитяне любят чистоту, и по крайней мере тараканов там не встретишь.

«Бристоль» оказался весьма респектабельным заведением. Швейцар с подозрением посмотрел на мой френч, и я мысленно возмутился — френч был английский, перед поездкой я его специально выгладил. Но блестевшие на нем кресты — Св. Владимира и Ледяной — убедили цербера, и вскоре мы сидели за столиком, производя изыскания в меню. Многие не любят британскую кухню, и, признаться, напрасно. Впрочем, тут был достаточный выбор турецких деликатесов, а уж тех, кто не приемлет турецкой кухни, я вовсе не понимаю.

Мы заказали шампанское, но я почти не пил, а в основном поднимал фужер. В последний раз пить пришлось месяцев шесть назад, а потом как отшибло. Господа эскулапы сие както объясняли, но уж очень сложно. Попросту говоря, не тянет.

Было спокойно, приятно, почти как до войны. Впрочем, нет, до войны я бывал в ресторанах редко и, конечно, не в военном мундире. Скорее это напоминало редкие поездки с фронта в Екатеринослав, где мы откисали после очередной схватки с Упырем.

Между тем пришлось отвечать на вопросы. Я радостно сообщил, что у меня, как всегда, все в порядке. Чувствую себя превосходно, что вполне подтвердил один очень-очень ученый профессор, у которого я побывал не далее как сегодня. В общем, живем — не тужим, только в Занзибар ехать очень уж не хочется. Татьяна слушала молча, а потом, не поднимая глаз от скатерти, попросила прощения за фразу, которую она произнесла в нашу первую встречу. Я поинтересовался, какую именно, но взглянул на нее и понял, что переиграл. Тогда я заставил себя усмехнуться и, в свою очередь, еще раз извинился за все те глупости и пакости, что наговорил ей тогда. В общем, наступило взаимное прощение, я заказал кофе, готовясь поки-

нуть гостеприимный «Бристоль», как вдруг на наш стол спикировала бутылка шампанского, причем куда поприличнее той, которую заказал я сам.

Я вопросительно посмотрел на официанта, и тот пояснил, что это нам прислали, и был указан столик в отдаленном углу. Как говорится, «от нашего стола — вашему столу». Алаверды, одним словом. Однако мы были не в Екатеринославе, а в граде Константинополе, и это становилось уже интересным.

Я пригляделся. За столиком восседала вполне приличная компания — две дамы и два господина явно британского вида. Впрочем, один из них показался знакомым. Я его определенно видел раньше, но не в Истанбуле, не в дамской компании и не в штатском. Господин британского вида перехватил мой взгляд, мило улыбнулся и помахал ручкой. Я решил развеять свои сомнения, встал, чтобы подойти к нему, сделал всего два шага, но тут меня повело, в висках застучала кровь, в ушах загудело, а дышать стало совсем нечем. Я успел подумать, что лучшего места для обморока, пожалуй, не удастся, схватился за колонну и начал сползать на мраморный пол.

Все остальное запомнилось скверно. Точнее — совсем не запомнилось.

Очнулся я в пустой темноте. От случившегося не осталось ничего, кроме легкого головокружения. Свой френч я обнаружил на стоящем рядом стуле, а зажженная спичка объяснила остальное. Я пребывал в комнате, которую снимала Татьяна, нагло оккупировал ее кровать, вытеснив гимназистку седьмого класса на пол, где она мирно почивала, укрывшись старым пальто. Бутылка шампанского стояла в углу, слева от двери.

Утром я приготовился нудно и долго извиняться, но Татьяна напоила меня вполне пристойным кофе и глядела на меня так, что мне самому стало себя жалко. От нее я узнал, что несколько наших соотечественников, спасибо им, пришли вчера мне на помощь, причем особенно старался господин британского вида, приславший нам шампанское. Он помог довезти меня сюда, не забыв оставить все ту же бутылку, и просил передать, что, к сожалению, очень спешит, но обязательно даст о себе знать.

Теперь я вспомнил окончательно. Чуть больше года назад мой доброжелатель носил генеральские погоны, и на одной

севастопольской квартире мы пили «Смирновскую» по поводу того, что мы с ним тезки. Жаль, что так по-дурацки все вышло!

В лагерь я вернулся, похожий, очевидно, на жертву графа Дракулы, поскольку никто, даже поручик Усвятский, не стал меня ни о чем расспрашивать, за что я им всем чрезвычайно признателен.

Туркул, ознакомившись со всем, что написано выше, предложил объявить среди «дроздов» подписку на мое лечение. Я махнул рукой и даже не стал сие обсуждать. Поручик Усвятский, в свою очередь, потребовал, чтобы я перестал портить его бумагу, дабы не растрачивать силы. Историю сорокинцев он обещает написать сам, после завершения своего великого романа. Он не преминул добавить, что рассказ о раскаявшейся Магдалине и перепившемся штабс-капитане не имеет никакого отношения к нашей крымской эпопее. Суровый он человек, поручик Усвятский, сразу видно, бывший химик. Но связь очевидна: после трагедии в давние времена в театре ставили специальную пьеску, под разъезд карет.

29 апреля

Денек отдыхал, и теперь, наконец, приступаю вновь к дневнику. Вчера, дабы не перепутать что-нибудь существенное, я лишний раз проконсультировался с Туркулом и Володей Манштейном, а также заглянул в одну из тех книжек, что мы с поручиком Усвятским нелегально купили в Истанбуле. Поскольку поручик опять посмеется над моей склонностью к мрачным тайнам, рискну ее назвать. Это все та же строжайше запрещенная на Голом Поле брошюра Якова Александровича «Требую суда общества и гласности». Мне плевать на рычание Фельдфебеля, но не хотелось бы, чтоб у меня ее отобрали, как это здесь принято (o tempora! o mores!). Надеюсь, узкий круг моих читателей меня не выдаст.

Между прочим, книжка мне не особо нравится. Насколько я понял, она писалась наскоро, в соавторстве с генералом Киленины, который просто побоялся поставить свою фамилию на обложке. А не нравится мне то, что брошюра написана глубоко обиженным человеком. Более того, человеком, лелеющим свою обиду. А ведь речь идет не о генеральских обидах, точнее, не

только о них, а о вещах куда более серьезных. Это первая книга о Белом Крыме. Обида помешала Якову Александровичу увидеть многое — хотя бы то, что Барон был не только интриганом и завистником, но и талантливым организатором нашей обороны. Большего, чем Барон, никто, во всяком случае, сделать не смог. Это надо признать, хотя в конфликте Главнокомандующего Русской Армией и командира Крымского корпуса я целиком на стороне Якова Александровича.

Зато в книге много подлинных документов, а это очень важно. Теперь я уверен твердо: апрельские бои — это не заключительный аккорд крымской обороны, как ранее казалось мне самому, а начало нового (последнего!) этапа нашей борьбы.

После Уйшунского боя вопрос о том, кто хозяин Тавриды, был решен. Красные облизнулись и отползли за Перекоп. В Крым прибывали уцелевшие части Добрармии, и теперь мы были не по зубам XIII армии. Отныне господа комиссары имели дело не только с 3-м корпусом, а со всеми, кто еще хотел сражаться. А таких оставалось еще немало — вместо прежних трех с половиной тысяч нас теперь было раз в двенадцать больше. Естественно, Ульянов-Бланк и господин Бронштейн не смирились и послали в Северную Таврию новые орды, подкрепив их даже частью сил, предназначенных для похода на Варшаву. Итак, вместо прежних противников — корпуса Якова Александровича и армии господина-товарища Геккера — теперь друг перед другом (хороши друзья, однако!) стояли Южный фронт красных и Русская Армия, как стал называть наши силы Барон.

Южный фронт был готов атаковать в конце апреля, но мы развернулись первыми. Это был встречный бой, где далеко не все определялось только военными факторами.

Барон, воздадим ему должное, был и остается реалистом. Вместо, или точнее, вместе с прежними высокими идеями он выдвинул новые, куда более практические: земельная реформа для пейзан, союз с Махно, Петлюрой и Пилсудским, коалиция со всеми антибольшевистскими силами в Крыму и активная дипломатия. Между прочим, Барон добился того, чего не удалось даже Колчаку — нас признала Франция. Англия воротила физиономию, зато о нас вспомнили Северо-Американские

Штаты. Для Европы и мира мы стали законным русским правительством.

Это признание дало нам возможность сесть за стол переговоров с господами комиссарами. Вслух о таком не говорили — и сейчас молчат. Сказать «дроздам», только что приплывшим из новороссийского ада и закопавшим в тайной могиле гроб с телом генерала Дроздовского, о близком мире с краснопузыми! Тут уж одними нагайками не отделаешься. И нам услышать после Токмака, Мурза-Каяша и Уйшуни о подобном! Да, вслух об этом говорить было нельзя, но переговоры шли, и весьма серьезно. Насколько я знаю, начало им положила нота господина Керзона и ответ на нее большевистского министра Чичерина. Ульянову-Бланку было некуда деваться — поляки как раз брали Киев.

(Слухи обо всем этом, конечно, ходили, но мы с чистой совестью приписывали их жидобольшевистской пропаганде.)

Мои будущие коллеги, надеюсь, сумеют осветить то, что сейчас остается в тени, но, судя по всему, к концу апреля переговоры были на грани срыва. Последовал красный ультиматум. Барон не принял требования о безоговорочной капитуляции, и комиссары решили закончить все одним махом. Точнее, одним ударом — на Сиваше зашевелились орды. Барон также спешил. Он хотел показать своим партнерам по переговорам, что не стоит недооценивать Русскую Армию, и тоже торопил с наступлением. Мы должны были ударить первыми, и ударить сильно, дабы господин Ульянов-Бланк отнесся к нашим предложениям более серьезно.

Вот, собственно, и завязка апрельских боев. Мы были картами, брошенными на стол переговоров. Так сказать, последний довод королей.

Генерал Туркул не удержался и потребовал, чтоб я предоставил ему слово. Я пытался робко возражать, ссылаясь на фантастический успех его будущей книги, которая, насколько я помню, будет называться «Дроздовцы в огне». Но генерал пригрозил натравить на меня своего бульдога, и я смирился. Итак, дроздовцы в огне.

Записываю.

Тогда, в апреле, «дроздов» погрузили на пароходы и отправили к Хорлам. Барон настолько спешил, что разведка даже не

поинтересовалась местом будущей высадки. «Чека» сработала удачнее — по пароходам был открыт шквальный огонь. Дроздовцы попытались проплыть по каналу Фальцфейна, наткнулись на пулеметную засаду, еле отбились и, наконец, высадились, выбив краснопузых из города. Ночью красные внезапным ударом смяли две дроздовские роты, «дрозды» опять отбились, а затем стали пробиваться к Перекопу, преследуемые красной конницей и артиллерией. Дойдя до перешейка, они чуть было не перекололи штыками прикрытие нашего Крымского корпуса. И зря — мы даже не знали о десанте. Не знал о нем и Яков Александрович, а потому не мог оказать «дроздам» никакой поддержки.

Следующую фразу Туркул просит записать дословно, но я, пожалуй, ограничусь для благозвучия только началом: «Знал бы я тогда об этих сучьих играх...»

И мы тогда ничего не знали. А если бы и знали — что бы это изменило?

Утром 22 апреля штабс-капитан Докутович прибежал из штаба чернее тучи и поднял отряд по тревоге. Был получен приказ выступить к Сивашу и занять позицию возле взорванного еще зимой железнодорожного моста. Перед нами стояла задача подкрепить бригаду наших старых знакомых из 13-й дивизии. Штаб торопил — у Сиваша нас ждали к вечеру.

Я отдал распоряжения, затянул свой вещевой мешок и тут обратил внимание на штабс-капитана Докутовича. Что-то мне в нем не понравилось. Совсем не понравилось.

Я не ошибся. Увы!

Докутович отозвал меня в сторону, огляделся и, убедившись, что нас никому не услышать, стал плести какую-то ерунду про то, что скоро бой, а мы не должны подрывать дух отряда, особенно офицеров, и лучше сказать об этом потом. И он не знает, говорить ли даже мне. Штабс-капитан обращался ко мне на «ты», чего меж нами давно не было. Значит, что-то и вправду случилось. Я тоже оглянулся по сторонам и как следует тряхнул его за плечо. Подействовало. Он вздохнул — и сказал, в чем дело. Тут уж шатнуло меня, и несколько минут мы стояли молча, не говоря ни слова.

Так я узнал о смерти Николая Сергеевича Сорокина. Он умер еще в феврале, но в тогдашней горячке сообщить забыли, и вот теперь, совершенно случайно, кто-то упомянул об этом в штабе корпуса. Оттуда позвонили нам.

Отряд уже строился, надо было спешить. Я согласился с Докутовичем, что говорить об этом пока действительно не стоит. Хотя бы потому, что я даже не знаю, как об этом сказать.

Мы шли долго, крымское солнце жгло совсем по-летнему, желтая степь сменилась серым песком, покрытым белесым соленым налетом, где-то вдалеке, севернее, уже слышалась пулеметная перестрелка. Впереди бой, еще один, который по счету, а мне было так скверно, будто мы заранее его проиграли.

Может быть, даже хорошо, что весть о смерти командира пришла так поздно. Когда под Уйшунью мы шли в штыки, то, конечно, не думали, что подполковник Сорокин будет изучать реляцию этого боя. Но мысль, что командир жив, что он скоро вернется, держала нас и не давала отступить. Отступить, а потом виновато оправдываться перед ним, словно нашкодившие школьники?

Мы — сорокинцы. Кто мы теперь без Николая Сергеевича?

Он был совсем не похож на легендарного Дроздовского. Михаил Гордеевич действительно казался, как любит повторять Туркул, отлитым из стали. Выражаясь по-человечески, Дроздовский был не от мира сего, жил только нашей борьбой, и сама мысль, что с ним можно покалякать о жизни, сыграть в подкидного или пожаловаться на здоровье, никому даже в голову не приходила. Особенно потрясали глаза — в те редкие минуты, когда Дроздовский был без пенсне, — глаза того, кто давно уже увидел своего Ангела. Михаил Гордеевич тем был и страшен для большевиков, что он еще с Ясс, с декабря 17-го, считал себя мертвым, а поэтому мог уже ничего не бояться. И никого не жалеть.

Он не боялся. И не жалел.

А вот Николай Сергеевич был обыкновенным интеллигентным русским офицером, каких много служило в нашей армии во все времена. Спокоен, даже тих, никогда не выражался лозунгами, смущался, когда при нем начинали говорить скабрезности, и постоянно жаловался на здоровье. Он маялся печенью, хотя лекарств, помнится, никогда не принимал.

Под Луцком, в июне 17-го, когда большевики развалили

фронт и армия побежала, наш батальон держался три дня, отрезанный со всех сторон под перекрестным огнем крупповских пушек. Подполковник Сорокин дело знал — мы зарылись в землю и огрызались редкими пулеметными очередями. А когда забузили наши собственные большевики, Николай Сергеевич пошел в самое их кубло и объяснил на пальцах, что бежать — значит всем сложить головы. А в окопах мы отобьемся. И мы действительно отбились.

Не знаю, любили ли его солдаты. Любовь на войне — категория тонкая. Но Сорокину верили, а это куда важнее. «Батальонный сказал» — это была истина, не нуждавшаяся в доказательствах. Он ни с кем близко не сходился (в этом он походил на Дроздовского), но все мы настолько ему верили, что когда в декабре того же проклятого 17-го у многих из нас был выбор — спасать семьи или уходить в ледяную степь, — мы пошли с ним.

Его собственная семья — жена и сын — пропали тогда же, где-то между Курском и Белгородом, пытаясь добраться до Ростова. Если бы он выехал им навстречу, все могло бы повернуться иначе.

Он был очень обаятелен. Нет, неверное слово! Обаяние — это что-то иное. Николай Сергеевич был...

Впрочем, что сейчас об этом? Он — был.

Перечитал написанное и понял, что ничего не смог объяснить толком. Для последних — крымских — сорокинцев Николай Сергеевич был уже героем из легенды. Высокий, чуть сутуловатый человек в старой шинели, никогда не кланявшийся пулям, со своим легендарным стеком, которым сбивал ромашки, идя впереди атакующей цепи. Не бросивший ни одного своего раненого на поле боя, четырежды раненный и дважды контуженный...

И это тоже правда. Интересно, что сам Николай Сергеевич никогда не жаловался на ранения и все толковал о ноющей печени. Даже в короткие минуты затишья под Волновахой, когда тачанки Белаша подкатывали на пистолетный выстрел и били в упор, Николай Сергеевич жаловался на печень, советовал нам стрелять только короткими очередями, а затем шел к пулемету. Мы знали, что если подполковник Сорокин ложится за пулемет и слишком часто говорит о печени, значит, бой особый. Так сказать, на заказ.

Между прочим, Дроздовский, с которым Николай Сергеевич приятельствовал не один год, не просто не боялся — искал смерти. Это знали все и берегли командира даже ценой собственной жизни. От пули уберегли — но не от заражения крови. А вот подполковник Сорокин вроде бы никогда зря не рисковал — даже когда шел впереди отряда со своим стеком, сшибая ромашки и насвистывая. Но он ни разу, ни единого разу не говорил о том, что будет делать, как будет жить после войны. Даже когда взяли Орел и Москва была почти нашей. Наверное, и он увидел своего Ангела. Только не показывал виду.

Я часто вспоминаю, как он смотрел на нас тогда, в Токмаке, получив приказ об отходе. Он радовался — за всех тех, кому суждено уцелеть. О себе он так не думал, иначе эвакуировался бы еще за неделю, когда его уже начало шатать от высокой температуры.

Между прочим, он никогда не ставил перед командованием вопрос о развертывании нашего отряда в полк или даже в дивизию. Мы так и остались маленьким отрядом, который после Донбасса не участвовал ни в одной победоносной операции, проторчав все эти упоительные месяцы в приднепровских степях, отражая Упыря, гоняясь за всяческими Ангелами, Маруськами и прочими Разиными уездного масштаба. Славы на такой войне не приобретешь — зато мы первыми научились отбивать атаки тачанок.

(Упырь пообещал перебить наш отряд до последнего человека. Мы пообещали Упырю то же самое, но обе стороны свое обещание так и не смогли выполнить. Во всяком случае, в полном объеме.)

И вот теперь Николая Сергеевича не стало, мы уже не посчитаемся с Упырем, война проиграна, и нам осталось идти из боя в бой, не мечтая ни о златоглавой Москве, ни о победном малиновом звоне сорока сороков — ни о великой вселенской мести. В этих безводных степях думалось совсем о другом. Яков Александрович назвал как-то нас, защитников Крыма, кондотьерами. Нет, скорее мы были актерами провалившейся пьесы, которую все же нужно во что бы то ни стало доиграть. И мы ее доигрывали.

В сумерках, почти что без ног, мы подошли к Сивашу и сра-

зу же заняли старые, вырытые еще зимой окопы слева от громады полуразрушенного моста. Рядом стояла бригада 13-й дивизии, в рядах которой нам тут же бросилась в глаза знакомая тучная фигура «капказского человека». Почти одновременно с нами к мосту подтянулись бронепоезда, в том числе памятный нам по Ново-Алексеевке, с морскими 8-дюймовками. На берегу этой зимой были построены небольшие железнодорожные ветки, и бронепоезда стали, что называется, щека к щеке. Последним подошел поезд командующего — Яков Александрович лично прибыл на место боя.

Мы еще только подходили, когда саперы, пользуясь сумерками, начали починку моста. Прапорщик Немно, прикинув необходимое для окончания ремонта время, уверенно заявил, что до утра не справиться. Так оно и вышло.

Часов в десять вечера мы быстрым шагом двинулись на узкую гать, которая шла параллельно мосту, и, выставив вперед пулеметы, приготовились. Вовремя! Красные уже наступали — быстро, без выстрелов, думая проскочить в темноте. Наткнувшись на пулеметы, они тут же откатились. У них было мало артиллерии, и в эту ночь они атаковали дважды, пытаясь нас выбить с гати штыками. Мы могли бы им показать, как это делается, но слева и справа плескался сивашский рассол, поэтому предпочтение было отдано пулеметам.

Ближе к рассвету, когда глаза уже сами начали слипаться и приходилось постоянно смотреть, чтоб никто не спал, наконец заговорили красные гаубицы. Нас тут же залило водой, фонтанами взлетевшей со всех сторон, разнесло в щепу два пулемета, и мы начали оттаскивать в тыл раненых. К счастью, краснопузые лепили фугасами, а не шрапнелью, — иначе нам стало бы совсем кисло.

Впрочем, кисло нам было и без шрапнели.

При первых лучах солнца мы начали отступать к нашим окопам. Мост починить не удалось, с гати нас выбили, и настроение было — хуже некуда. Красные сразу же поперли следом, но тут мы не остались в долгу, да и бронепоезда сказали свое слово. В общем, все остались при своих: мост не починили, а гать стояла пустая — ни вашим, ни нашим.

Утром нам удалось часок поспать, но тут вновь заговорила артиллерия, и пришлось бодрствовать весь день. Говорят, некоторые умеют спать во время канонады. Им можно только

позавидовать. Правда, не знаю, как бы они спали при работе морских 8-дюймовок.

Перестрелка продолжалась до вечера. К нам дважды подходил генерал Андгуладзе и пытался давать указания по поводу позиций для пулеметов. Мы стоически молчали, а генерал все бурчал и обзывал нас отчего-то анархистами. Поручик Усвятский не удержался и сообщил генералу, что ему куда ближе правые эсеры, после чего «капказский человек» посмотрел на нас, как на василисков, и больше не показывался. Где-то к полудню к нам в окопы забежал Яков Александрович. Он был не один, его сопровождал молоденький офицер с миловидным лицом и жесткими глазами. Я знал, что этот офицер — его супруга, прошедшая с ним все зимние бои в качестве ординарца. Эту кавалерист-девицу официально называли прапорщиком Нечволодовым. На людях они держались исключительно в духе субординации, и нас даже не представили.

Яков Александрович спешил. Он лишь порадовал нас, сообщив, что красные опять атакуют Тюп-Джанкой, отбросили прикрытие и, возможно, попытаются зайти к нам в тыл. Мы, следовательно, должны быть готовы занять круговую оборону. В общем, скверно. Штабс-капитан Докутович рассказал Якову Александровичу о подполковнике Сорокине. Командующий уже знал и лишь заметил, что у нас будет возможность сквитаться.

Вечером мы готовились к новой атаке на гать, но тут красные, видимо, усиленные подошедшим подкреплением, открыли бешеный огонь из тяжелых орудий, целясь прежде всего в наши бронепоезда. Несколько снарядов попало в поезд командующего, замолчали две морских 8-дюймовки, а затем пришла очередь наших окопов. Вдруг я увидел, что от поезда Якова Александровича к нашим позициям бежит офицер. Выхватив бинокль и присмотревшись, я узнал прапорщика Нечволодова. Очевидно, кавалерист-девица спешила передать нам что-то срочное.

Залп вновь накрыл нас, а когда мы подняли головы, прапорщик Нечволодов лежал в нескольких шагах от траншеи. Прапорщик Немно не растерялся, вместе с двумя юнкерами втащил ее в окоп. Жена командующего была жива, но серьезно ранена осколком, и ее отнесли в лазарет, находившийся в одном из бронепоездов.

Пришлось посылать связного к Якову Александровичу с

этой невеселой вестью. Вскоре мы узнали, что хотел передать командующий: необходимо вновь атаковать гать. И как можно скорее.

Мы вышли из окопов, готовясь броситься вперед. Рядом с нами ожидала атаки бригада 13-й дивизии. Генерал Андгуладзе бегал туда-сюда, подбадривая своих орлов, и тут внезапно красные ударили шрапнелью.

Все-таки этот капитан Шрапнель — редкая сволочь. Одним его «стаканом» можно уложить целый взвод. Конечно, мы и под шрапнелью научились наступать, но уж очень это муторно.

Мы залегли прямо в песок, у гати. Стало ясно, что придется пережидать. Справа послышались крики — бригада 13-й дивизии бежала, их косила шрапнель, а «капказский человек» напрасно метался с неожиданной для его фигуры резвостью, пытаясь задержать хотя бы некоторых. В общем, мерзкое зрелище. Сейчас я думаю, что эта бригада, состоявшая чуть ли не наполовину из бывших краснопузых, могла бежать вовсе не из трусости, а по другим соображениям. Ведь за Сивашом стала та же самая 46-я стрелковая дивизия красных, где они раньше служили. В такие минуты и начинаешь жалеть, что краснопузых приходится брать в плен! А Туркул еще обвиняет меня в том, что я излишне критикую бывших красных орлов, служивших в наших частях. Ну конечно! В его дивизии любой комиссар, надев малиновые погоны, за сутки превращался в убежденного монархиста. А как драпали «дрозды» в ноябре под Джанкоем? Антон Васильевич спешит уточнить, что это были не офицерские части. Вот именно! Это были его перевоспитанные краснопузые.

Бригада дала деру, мы лежали на мокром холодном песке, а шрапнель свистела над головами. Было страшно — и стыдно, невыразимо стыдно! Хороший венок мы возложим на могилу нашего командира! Сорокинцы, язви нас, лежим жабами и ждем комиссаров. А красные уже заползали на гать и на наш отремонтированный мост.

Вата!

Я придвинулся к поручику Усвятскому, велев ему собрать офицеров роты. Через несколько минут все четверо были уже здесь. Прапорщик Геренис пристроился за бугорком, то и дело поглядывая в сторону гати, где шевелился враг, прапорщик Немно и поручик Усвятский присели, закуривая по очередной

папиросине, а поручик Голуб пристроился поодаль, даже не глядя на Сиваш. Он видел и не такое, Сивашом поручика Голуба не удивишь.

Я попросил внимания и сообщил им о смерти Николая Сергеевича. Сказал о том, что штабс-капитан Докутович не хотел раскрывать этого до конца боя, но бой мы проигрываем. И проиграем, если не рискнем. Через десять минут рота пойдет в штыковую на гать. Если первая рота нас не поддержит, пойдем одни. Что бы ни случилось, отвечать буду я. Я лишь попросил помнить о том, что сегодняшний бой для нас — первый без Николая Сергеевича. И я лично предпочту получить шрапнель в лоб, чем соревноваться с нашими соседями в беге на длинную дистанцию.

Кажется, меня поняли. Я кивнул и поинтересовался, чей взвод пойдет на гать первым. Всем офицерам стало ясно, что я имею в виду. На гати больше чем взвод не развернуть, остальные пойдут в затылок. Значит, первые получат за всех. А тут еще красная шрапнель.

Мои прапорщики начали переглядываться, но тут поручик Голуб, наконец, повернулся, взглянул на неподвижную гладь Сиваша и заметил, что раз его взвод первый, то ему и идти. Кто-то из прапорщиков порывался возразить, но я закрыл наш военный совет и велел готовиться. К штабс-капитану Докутовичу я послал связного, предложив первой роте идти вслед за нами — ежели, конечно, штабс-капитан Докутович разрешит.

Взводы выстроились один за другим. Я приказал не стрелять, действовать только штыками. Поручик Голуб стал впереди взвода, я рядом с ним и уже готовился скомандовать, как увидел, что сзади догоняет первая рота, а из-за бронепоезда выходит небольшой юнкерский отряд — последний резерв командующего. Впереди я заметил знакомую высокую фигуру — Яков Александрович лично вел юнкеров в атаку.

Я отдал приказ, и мы пошли быстрым шагом. Первая сотня саженей была пройдена спокойно — то ли краснопузые нас не заметили, то ли боялись попасть в своих, которые уже занимали гать. Это позволило выиграть несколько важных минут, на гать вслед за нами втянулась первая рота, а затем грянул оркестр, и юнкера запели «Вещего Олега». Тут только красные дали залп, но на этот раз их артиллеристы оказались не на вы-

соте: шрапнели летели над нашими головами, падая где-то на берегу и давая камуфлеты.

Впереди уже виднелся авангард красных. Их было немного, около взвода, и они беспорядочно крутились по гати, не зная, что им предпринять. Мы-то знали — поручик Голуб скомандовал: «В штыки!», и колонна двинулась быстрее, почти перейдя на бег.

Тут меня кто-то дернул за плечо, и я увидел рядом изрядно запыхавшегося штабс-капитана Докутовича. Он остановил меня, и мы, пропустив первый взвод, оказались в рядах второго. Я вопросительно посмотрел на штабс-капитана, но тот буркнул, чтоб я не гусарил, что он не хочет оставаться без последнего ротного. Я пожал плечами, и мы пошли рядом.

Первый взвод ударил в штыки. Красные не выдержали и побежали. Бежали они, как всегда, быстро, и нам никак было не поспеть за ними, тем более что большинство для увеличения скорости бросили винтовки. Оглянувшись, я увидел, что юнкера под «Вещего Олега» уже топают по гати, а шкодливая бригада 13-й дивизии бежит теперь в обратном направлении, то есть в атаку. Я посочувствовал генералу Андгуладзе, которому приходилось тяжко, учитывая его комплекцию.

Красные прекратили огонь. Я посмотрел вперед и понял: лоб в лоб на нас двигалась колонна краснопузых числом не меньше батальона. Идти быстрее мы не могли — и так почти бежали, и я с каким-то жутким нетерпением ждал, когда мы схлестнемся. Впереди я заметил нацеленное на нас пулеметное рыло. Секунды текли, и мне, как всегда в таких случаях, хотелось крикнуть: «Да стреляйте же, сволочи!»

Пулемет ударил почти в упор, негромко, сухо. Шеренга первого взвода дрогнула, несколько человек упали сразу, но остальные тут же выровняли шаг. Мы поспешили за ними, и вдруг я увидел, что поручик Голуб лежит на земле, а рядом двое нижних чинов пытаются расстегнуть ворот его френча. Бледное лицо поручика мне сразу не понравилось, но останавливаться не было времени. Я бросился вперед, протолкался через шеренгу и, схватив кем-то брошенную винтовку, возглавил колонну. Красные были уже близко. Внезапно замолчал пулемет — краснопузые быстро оттягивались назад. Этот благой порыв следовало поддержать, и я, крикнув: «За поручика Голуба!» — побежал, а вслед за мною и весь первый взвод. Догнали — и в штыки. Краснопузые почти не сопротивлялись, прыгая в Сиваш и бросая все, даже скатки шинелей. Мы желали им приятного купания и спешили дальше.

На другом берегу пришлось остановиться, чтобы отдышаться и подождать первую роту. Здесь уже можно было разворачиваться в цепь. Темнело, огонь красных постепенно становился реже. Кажется, отбились.

Меня догнал штабс-капитан Докутович, сообщив, что поручика Голуба отправили в лазарет и рана вроде бы не тяжелая. Первый взвод перешел под начало поручика Усвятского, мы подождали юнкеров, которые, успев допеть «Вещего Олега», развернулись в цепь и под «Славянку» пошли на Джамбулук.

Боя красные не приняли и покатились дальше, в степь. Признаться, я не очень понимал, что происходит. Все-таки последний год дрались они неплохо. А тут! Теперь же мне кажется, что их командование допустило ошибку, поставив у Сиваша битую-перебитую нами 46-ю дивизию. После зимних боев они нас просто боялись. Уверен, что любая свежая красная часть доставила бы нам куда больше хлопот.

До Джамбулука мы не дошли. Командующий остановил цепь — нас сменяла 13-я дивизия, а в авангард был послан 8-й кавалерийский полк. Ночевать в поле не хотелось, и мы не спеша пошли обратно через гать.

В общем, бой мы выиграли. Правда, то, что Яков Александрович лично встал в цепь юнкеров, не радовало. Командующий не должен, как выражается штабс-капитан Докутович, гусарить. Насколько мне известно, Яков Александрович придерживается того же мнения, и если сам идет в атаку, значит, плохи наши дела. Да и резвый аллюр 13-й дивизии наводил на невеселые мысли.

На нашем берегу оказалось несколько подозрительного вида сараев, где раньше жили сезонники, добывавшие соль, и мы тут же стали укладываться. Надо было, однако, узнать, как дела у поручика Голуба. Вначале я рассудил, что раз рана его не тяжелая, то можно зайти и утром, но тут же обругал себя за свинство и направился к бронепоезду, где располагался лазарет.

Но меня опередили. На полдороги мне встретился какой-то нижний чин, и я услыхал столь памятное «Товарышу штабс-капитан!». Я узнал Семенчука и уж совсем собрался было устроить ему урок словесности, но, вглядевшись, понял — случи-

лась беда. А Семенчук все повторял этот странный титул, а затем произнес то, о чем я уже догадался, но не хотел верить. Его «Мыкола», поручик Николай Иванович Голуб умер. Умер, так и не придя в сознание, — пуля задела сердечную оболочку.

Про пулю я узнал уже в лазарете. Врач виновато разводил руками, наша Ольга плакала, а Коля лежал тихий и бледный, почти такой же, как раньше, только его яркие губы стали совсем белыми. Он всегда был тихий, редко с кем разговаривал и на наших нечастых застольях обычно молчал и только изредка улыбался. Вот петь он любил и слушать песни тоже. В общем, обычный малороссийский интеллигент из-под Глухова.

Коля пришел в отряд осенью 18-го, оборванный, небритый, с нарисованными химическим карандашом погонами. Он так и не рассказал, что с ним было в первые месяцы Смуты. В штыковой Николай был страшен, и по тому, как он дрался, мы понимали, что поручик пришел к нам не только из-за теоретических расхождений с господином Марксом. В плен поручик Голуб никого не брал. Мне пришлось долго ругаться с ним, пока его взвод не стал приводить хотя бы некоторых из сдавшихся.

До войны он был учителем, но мне, честно говоря, трудно представить Николая в классе. Правда, и мой вид слабо ассоциируется с университетской аудиторией. Во всяком случае, взвод у него был образцовым, так что, вероятно, и в школе он не плошал.

За все это время его только один раз потянуло на откровенность и то при совершенно странных обстоятельствах. Это было в Донбассе, после Горловки, когда мы несколько дней подряд выкуривали большевиков из-за разрушенных копров и дымящихся терриконов. Наконец мы получили возможность немного отдышаться, весь день проспали, а ночью зажгли костры и лежали, поглядывая в великолепное бархатное небо. У нашего костра тогда расположились мы с поручиком Усвятским, Коля Голуб и прапорщик Морозко, наша Танечка. Помнится, поручик Усвятский тогда долго язвил надо мной и поручиком Голубом по поводу нашего педагогического прошлого (любимая тема!). Затем пошли бесконечные воспоминания о гимназии, причем поручик Усвятский не смог удержаться от слишком подробной характеристики морального облика гимназисток Второй Харьковской женской гимназии имени Гаршина,

где училась его кузина. Потом пошли кузины — еще одна вечная тема, и тут Танечка, то ли шутя, то ли всерьез, начала жаловаться на то, что после войны ее никто не возьмет замуж, ибо дам, носивших военную форму, «общество» склонно недолюбливать. Тут же мы с поручиком Голубом в том же тоне предложили ей руку и сердце с венчанием сразу же по окончании войны. Танечка долго смеялась, требовала, чтобы венчание состоялось не иначе как в Успенском соборе Кремля, а потом начала вслух рассуждать, кого из нас ей следует выбрать.

Как подумаешь сейчас — бред. А тогда мы не думали — просто болтали. Приятно иногда чувствовать себя живым и молоть чепуху. Это мертвые постоянно серьезны. К слову, жених Татьяны, какой-то конногвардеец, еще в 16-м вернул ей слово, познакомившись с дочкой польского графа, эвакуированного из Варшавы. Мне кажется, из-за этого Танечка и пошла на фронт. С тех пор ей делали предложения, и вовсе не в шутку, но она и слышать об этом не хотела.

В конце концов она выбрала меня, посетовав мимоходом, что я все же несколько староват — тогда мне было тридцать два. Зато, как было отмечено, она всегда мечтала быть женой приват-доцента и жить в казенной университетской квартире с бесплатными дровами.

И тут Коля ни с того ни с сего обиделся. Сначала мы удивились, а потом испугались — он стал говорить что-то о женщинах вообще, о своей невесте и каком-то сыне помещика Левицкого, о ребенке... Его задергало, он чуть не плакал, заикался, и Танечка растерянно переводила взгляд то на него, то на меня, очевидно, надеясь, что у меня хватит ума как-то успокоить поручика.

Положение спас не я, а поручик Усвятский, взявший с Танечки слово, что ежели штабс-капитана Пташникова убьют (а его, то есть меня, всенепременно убьют в следующем же бою), то она выйдет за Колю. Это уж был такой бред, что Коля не выдержал, махнул рукой и улыбнулся. Правда, ни в тот вечер, ни когда-либо после он о себе больше не говорил.

И вот теперь Коли Голуба не стало. Мы похоронили его там же, на берегу, в общей могиле. Так было больше надежды, что господа комиссары не потревожат прах офицера. Мы дали залп, а затем еще один — в память Николая Сергеевича Сорокина.

Нас опять отвели в Воинку, и три дня мы стояли в резерве, ожидая приказа идти на Перекоп или в Тюп-Джанкой, где еще шли бои. Но очередь до нас не дошла — красные уже выдохлись и были легко отбиты. К тому же здорово помогли дроздовцы, их трагический десант все-таки отвлек несколько красных дивизий.

Итак, апрельские бои закончились в нашу пользу. Красное наступление было сорвано, наши акции на переговорах сразу пошли вверх, вдобавок мы здорово подсобили полякам и украинским войскам Петлюры — как раз в эти дни шли бои под Киевом.

Да, мы победили, но победа стоила дорого.

Написал, думал зачеркнуть... Дорого! Привычное и такое подлое слово. Стоила дорого! Да, дорого! Мы заплатили жизнью Коли Голуба, жизнями еще семерых. И не только ими.

Случилось это через несколько дней. Семенчук, похоронив поручика, был сам не свой, все вздыхал и говорил о «Мыколе», пытаясь рассказывать всем и каждому о каких-то никому не нужных подробностях их давней довоенной жизни. Мы его не трогали — человеку надо было выговориться. Но этим, увы, не ограничилось. На следующий день, точнее, на следующий вечер после возвращения в Воинку Семенчук зашел ко мне и попросил разговора наедине. Называл он меня подчеркнуто правильно, даже не «господином», а «благородием». Я попросил всех из хаты, где мы жили, усадил его и стал слушать. Семенчук долго мялся, но после моего предложения говорить откровенно и обещания молчать, что бы ни пришлось узнать, решился. Тут уж мне пришлось удивиться — такого я за всю войну не слыхал ни разу.

Семенчук просил отпустить его обратно к большевикам. Домой из отряда просились, и не так уж редко, особенно мобилизованные, но чтобы проситься в Рачью и Собачью — на это смелости не находилось. А Семенчук принялся сбивчиво объяснять, что хотел перебежать сразу же, но встретил «Мыколу». Он и его звал к красным, но Николай, естественно, и слышать об этом не хотел. Тогда Семенчук остался. Он объяснил, что боялся за поручика — знал его, очевидно. И вот теперь, когда он не смог «збэрэгты Мыколу», у нас ему делать больше нечего.

Что можно было ответить? Я напомнил о «чеке», но Семенчук заявил, что он у большевиков человек не последний, его

знает сам «товарищ» Бела Кун, он партийный и чуть ли не комиссар. А посему и требуется отпустить его, Семенчука, обратно по назначению — к господам комиссарам и товарищу Бела Куну.

Мне приходилось слышать, как на допросах добровольно признавались еще и не в таком. Признавались — чтобы быстрее умереть. А тут!..

Я как можно мягче объяснил расхрабрившемуся краснопузому, что за эти слова должен его немедленно арестовать и отдать под суд. Но делать этого не стану, более того, постараюсь добиться, чтобы его перевели в тыловую часть, и он не будет принимать участия в боях. Бежать же я ему не советовал — при всей безалаберности караульная служба у нас была поставлена неплохо.

Семенчук помотал головой и вновь стал повторять то же самое, а затем начал объяснять мне суть самого справедливого в мире коммунистического учения. По его мнению, стоит лишь такому смелому и честному офицеру, как я, прочитать «Манифест» (он произносил «манихвэст») господ Маркса и Энгельса, то он, то есть я, тут же поймет, что Рабоче-Крестьянская Красная Армия господина Бронштейна несет всему миру счастливое будущее.

Я терпеливо пояснил, что эту, как и многие другие работы указанных господ, читать мне приходилось. Это и привело меня в конце концов в Белую армию. А ему следует успокоиться, поспать и никому не говорить о нашем разговоре.

Семенчук бежал в ту же ночь, был задержан конным разъездом и на следующий день судим трибуналом. На допросе он уверял, что бежал «до жинки», и все могло обойтись дисциплинарной ротой, но кто-то не вовремя вспомнил, что Семенчук — в прошлом красноармеец. Тут уж ни у кого сомнений не осталось.

Я выступил на суде и напомнил про бой в Уйшуни, где Семенчук вел себя смело и вместе с другими спасал жизнь командира. Все остальные офицеры это подтвердили, но все тот же генерал Андгуладзе, председатель трибунала, не принял это во внимание.

Семенчука расстреляли перед строем, предварительно зачитав приговор и пригрозив всем потенциальным дезертирам той же участью. До сих пор не знаю, правильно ли я вел себя

тогда. Отпустить его я не мог. Сдать в контрразведку — тоже. Отпустить — значит, еще одна винтовка будет стрелять по нашим атакующим цепям.

Но на душе до сих пор скверно. С врагами следует общаться только через прицел винтовки. Особенно если эти враги — такие же точно, как мы.

Упокой, Господи, души рабов твоих Николая и Федора, поручика Голуба и красного комиссара Семенчука!

В тот же вечер, когда на плацу треснул залп, по Воинке разнеслась весть, что нас наконец-то отводят в тыл, а наши позиции займут кубанские части. В это верилось слабо — мы воевали без перерыва больше восьми месяцев, поэтому я собрал офицеров и предупредил, чтобы они не распространялись об этом раньше времени, иначе трибуналы начнут заседать каждый день. Но наши опасения, как ни удивительно, на этот раз оказались напрасны. 1 мая нам приказали собираться и сдавать позиции сменщикам, бородатым кубанцам, которые сразу же начали интересоваться, как тут обстоят дела с самогоном и «жинкамы». 2 мая — это число я подчеркнул в своем дневнике целых три раза — штабс-капитан Докутович построил отряд и объявил, что мы идем на отдых в населенный пункт Албат, где, правда, нет пляжа, но зато полно зелени, чистого воздуха и тишины. Дружно крикнув «ура!», мы, не оглядываясь, зашагали на юг. Мы уходили, и никому не хотелось думать о возвращении в эти страшные, покрытые солью и поросшие редкой травой северокрымские степи. Стоял май, наши лица уже начали покрываться загаром, дышалось легко.

Мы уцелели.

Поручик Усвятский обозвал эти страницы военно-полевой лирикой. За меня тут же заступились Туркул и Володя Манштейн, заодно позволившие себе недостаточно почтительно отозваться о великом романе господина поручика. Усвятский перешел в атаку, предъявив уйму претензий к моим запискам, которые (претензии) с покорностью принимаю. Разве что отвожу упрек в том, что преувеличил свои скромные научные заслуги в случае с надписью в Музее древностей. Интересующихся отсылаю к «Известиям Русского Археологического института в Константинополе» за 1912 год, страницы, ежели мне

не изменяет память, 123—141. А текст надписи привожу ниже. Надпись на провинциальном диалекте греческого. В переводе же профессора Кулаковского она выглядит так:

... сын Даиска.
Прожил 24 года.
Прощай!
Воином храбрым он был, и в земле он почил чужедальней.
Камень на гробе пустом отец безутешный поставил...

(С новой страницы)

7 мая 1921 года. Полуостров Галлиполи

У Володи Манштейна есть манера задавать вопросы, как он выражается, «на засыпку». В этом чувствуется неистребимая привычка потомственного военного подначивать «штафирку», каковым он до сих пор меня считает. Достается и Туркулу — Антон Васильевич, несмотря на свой геройский вид, до войны служил делопроизводителем и пошел на фронт, как и мы с поручиком Усвятским, в 15-м. В таких случаях Туркул грозит Володе гневом своей верной Пальмы, а я, смиряя гордыню, пытаюсь отвечать. Ежели это удается, Манштейн отчего-то радуется и весьма одобрительно высказывается о приват-доцентах.

На сей раз, а было это вчера, он зашел к Туркулу, когда тот вкупе с поручиком Усвятским и двумя «дроздами» сражался в преферанс, а я, впервые за неделю, собрался сесть за письменный стол. Писать буду отныне здесь, у Туркула, где и хранится написанное. Когда имеется сейф, у которого не дремлют караул и тигровый бульдог Пальма, как-то спокойнее.

Итак, Володя Манштейн предложил Антону Васильевичу объяснить, за что князю Кутузову-Смоленскому был пожалован орден Св. Владимира. Туркул, не отрываясь от карт, тут же кликнул Пальму, а Манштейн, хохотнув, поинтересовался мнением приват-доцента. Я не стал звать на подмогу Пальму и предпочел сказать правду: Михаил Илларионович был пожалован указанным орденом за Аустерлиц. Все присутствующие выразили глубокое сомнение и даже несогласие, но Манштейн вновь засмеялся, на этот раз одобрительно, и подтвер-

дил мою правоту. Я, естественно, поинтересовался, при чем тут Аустерлиц.

Аустерлиц, однако, оказался к месту. Манштейн сообщил, что наше командование решило сделать всем приятный сюрприз и устроить награждение офицеров и нижних чинов. Вообще-то войну мы проиграли, но получил же будущий князь Смоленский своего Владимира!

Тут уж Туркул озабоченно отложил карты. Манштейн, гордый, что узнал такую новость раньше дивизионного командира, охотно пояснил, что в Истанбуле (или еще где-то, может быть, на яхте «Лукулл») начали разбирать канцелярию Барона и нашли списки, оформленные еще в Крыму. Кое-кто из награжденных умудрился уцелеть, а посему ордена должны найти героев. Заодно Фельдфебель решил раздать завтра давно уже приготовленные Галлиполийские кресты — его собственную награду, полагающуюся нам всем за зимовку на Голом Поле.

(Кресты — черные, тяжелые, какие-то зловещие — выпилили из корпусов немецких снарядов наши умельцы. В этом, ей-богу, есть что-то двусмысленное.)

Сегодня утром, действительно, состоялся большой плац-парад с раздачей пряников. Фельдфебель блеснул своим знаменитым во всей Добрармии красноречием, после чего нам были вручены обещанные кресты с двумя датами («1920—1921», как на могиле) — и с осточертевшим всем имечком «Галлиполи». Вслед за этим Фельдфебель вновь скомандовал «смир-р-рно!» и зачел ведомость из канцелярии Барона. В основном вручались ордена Св. Николая. О введении нового ордена много говорили еще в Крыму, но никто его не видел, во всяком случае из фронтовиков. Не удалось и на этот раз — ордена забыли в Севастополе, и награжденным вручалась маленькая трехцветная ленточка для ношения на кителе. К ленточке полагалась большая английская булавка. В основном награждали марковцев, ни Туркул, ни Манштейн ордена не получили, зато, к моему полнейшему изумлению, в числе награжденных оказалась моя скромная персона. Я получил из рук Фельдфебеля ленточку вкупе с булавкой, предварительно узнав, что все это мне положено «за спасение товарищей в бою». Как только нам скомандовали «вольно», «дрозды», окружив меня, грозно спросили, каких таких «товарищей» я спасал? Поручик Усвятский заметил, что в канцелярии перепутали, и мне полагается не ленточка, а орден Боевого Красного Знамени и золотое жидобольшевистское оружие с надписью «Бронштейнов сын». Последовало несколько толчков под ребра, пока наконец-то до меня дошло. Св. Николай кланялся мне за дивную встречу в таврийской степи в июле прошлого года. Впрочем, в дневнике я описал сей небезынтересный эпизод достаточно подробно, и к нему, даст Бог, будет время вернуться.

А с булавкой мне еще повезло. Могли бы и кольцом в нос пожаловать!

Пока же о нашем «великом сидении» в Албате. Мы пришли туда около полудня 5 мая, прошагав пешим ходом от Воинки до второй гряды Крымских гор. Через Симферополь и Бахчисарай нас вели глубокой ночью. Это была очередная выдумка Барона, имевшая целью спасти остатки здешней цивилизации от контакта с одичавшими окопниками. Штабс-капитан Докутович всю дорогу тихо ворчал, намекая на господ в лампасах, разъезжающих в персональных салон-вагонах, где вполне нашлось бы место для таких усталых странников, как мы. А мне, признаться, этот променад через весь Крым понравился, тем более наши вещи и даже оружие были на подводах, а пешие прогулки, да еще без риска получить шрапнелину в лоб, всегда по душе. Вначале мы просто радовались, что уходим отдыхать. Но с каждым часом степь, как пишет господин Гоголь, становилась все прекраснее, вдоль дороги то и дело попадались неразоренные села, и идти стало совсем весело. Но...

Но веселье кончилось на первом же базаре. К этому времени Барон уже успел напечатать свои тысячерублевки, и жалованье нам платили исправно. Мне, например, полагалось аж шестьдесят тысяч в месяц — сумма по старому счету простотаки сенаторская. Покупать мы ничего особенного не собирались, сухой паек в дорогу у нас имелся, котловое довольствие в городах получали, однако... Однако за фунт сушеной дыни с меня запросили семь тысяч, за фунт изюма — двенадцать, а наши же армейские сапоги тянули на все сто. Стало ясно, что мы здорово оторвались от жизни.

Поручик Усвятский тут же поинтересовался, за что мы, собственно, боролись, а затем провозгласил вполне большевист-

ский лозунг экспроприации экспроприаторов. И действительно! Приобрести можно было разве что хлеб — всего триста рублей за фунт.

Скинувшись, мы все же купили дыни и изюма, а также — за вообще неназываемую сумму — бутыль картофельного самогона. Подсчитав наличность, мы убедились, что при таких ценах победа большевиков в Крыму практически обеспечена.

Чем южнее, тем становилось спокойнее. Весенний Крым жил, торговал и веселился, как будто войны уже не было. Мы не замечали ни привычных беженских обозов, ни тифозных бараков, ни усиленных патрулей. Зато почти в каждой деревне, не говоря уже о городах, стояла масса тыловиков с их канцеляриями, складами и обозами, что было очень похоже на прежнее время. Крым, тот самый Крым, который мы всю зиму защищали от господина-товарища Геккера и прочих господтоварищей, слез с чемоданов и процветал.

Вот за сие и боролись! (Это я для поручика Усвятского.)

Кстати, в ночном Симферополе недалеко от вокзала вышеупомянутый поручик совершил очередной геройский подвиг — изловил чумазого большевика лет двенадцати, который настолько самозабвенно клеил листовки, что потерял всякую бдительность. Тут же было устроено судилище, на котором приняли решение отдать юного комиссара прапорщику Немно для высылки в цыганский табор на перевоспитание. Прапорщик зарычал, сделал страшные глаза и потребовал мешок, дабы уложить туда шкодника и немедленно нести в табор для кормления медведя. В конце концов юный большевик был отпущен с миром, хотя и без листовок, которые мы конфисковали для самокруток.

У Бахчисарая базары стали обильнее, а цены несколько пристойнее. К полудню жара загоняла нас в тень редких рощиц, но скоро надвинулись горы, и заметно похолодало. Заночевав в Сюрени, мы прошли поутру мимо развалин разбойничьего замка, где на полуразрушенной стене еще заметны силуэты навек исчезнувших домов, а затем наш отряд втянулся в долину, окруженную невысокими, покрытыми лесом горами.

Я бывал в Албате году в 12-м. С тех пор он мало изменился — те же горы слева и справа, те же татары, те же дома с внутренними двориками, мечеть, базары. Правда, теперь татары оказались в явном меньшинстве: Албат буквально забили

тыловые части и такие, как мы, отдыхающие. Последствия этой перенаселенности почувствовались сразу. Пока штабс-капитан Докутович ходил по начальству, мы усадили роту в тень и пошли с поручиком Усвятским на базар. Вернулись оттуда быстро — и с вытянувшимися физиономиями. Цены были чудовищными, что неудивительно при таком наплыве покупателей.

С жильем вышло не лучше. Штабс-капитан Докутович получил крошечную комнатушку в довольно-таки приличном домике на окраине, нижних чинов ждало несколько мрачного вида сараев, напоминающих зимние убежища для скота, а офицерский состав вынужден был довольствоваться такими же сараями, только поменьше — решетка на окне, дверь обита железом, ржавые койки и вода в ста саженях. Впрочем, выбирать было не из чего, жаловаться некому, и мы начали размещаться.

Офицеры нашей роты уместились в одном из сараев, на котором было выведено краской «№ 3». Поручик Усвятский скривился и окрестил наше убежище «офицерской камерой № 3». Название, как ни странно, прижилось.

(Недавно поручик Усвятский вскользь заметил, что сейчас там действительно офицерская камера при албатской «чеке». Чем большевистский черт не шутит?)

На правах командира роты и героя Ледяного похода я занял место в глубине сарая, предоставив остальным — поручику Усвятскому и прапорщикам Немно и Геренису — размещаться по возможностям. Вскоре мы растолкали вещи по углам, и я направил подчиненных на задание: поручику велел проследить за устройством роты, а прапорщиков послал на базар за закуской. Убедившись, что все идет как должно, я укрылся шинелью и мгновенно заснул, словно провалился в черную яму.

(Перечитал и заметил, что на этих страницах я только и делаю, что сплю. Забавно, конечно. Понять меня может только фронтовик, ведь хуже недосыпа — только холод.)

Продрал глаза я уже вечером. На столе горело несколько свечей, сам стол был накрыт, а мои подчиненные занимались делом — поручик Усвятский резался в «шмен-де-фер» с прапорщиком Геренисом, а прапорщик Немно бренчал на гитаре и поглядывал на нашу гостью, военнопленную сестру милосердия Ольгу. Я умылся из жестяного ведра и дал команду под-

саживаться к столу, чтобы отметить первый вечер наших коротких албатских каникул.

Помнится, разговор зашел о цыганах. Поручик Усвятский предложил прапорщику Немно организовать нам посещение ближайшего цыганского табора с последующими плясками, песнями и гаданиями. Прапорщик Немно почесал затылок и заметил, что ему в табор лучше не заходить. Опасно.

Оказывается, оседлым цыганам, особенно с высшим инженерным образованием, в таборе делать нечего. Оседлые — уже не «рома», их считают чуть ли не изменниками, и может случиться всякое. Отец прапорщика, как нам было поведано, отличился в конной разведке во время Боксерской войны, когда умыкнул лучшего коня чуть ли не из конюшни богдыхана. Став офицером, он ушел в отставку и завел какое-то дело, что и позволило его отпрыску выйти в инженеры.

Честно говоря, поверил я не всему. Легенды о похищенных царских конях бродят в каждом таборе. Высшая доблесть!

Поручик Усвятский стал наседать на прапорщика, требуя объяснить причину цыганского конокрадства. Немно резонно заметил, что коней воруют не только цыгане, а для цыган это не просто промысел, а что-то среднее между спортом и кокаином. Что поделаешь — фараоново племя! Вслед за этим между поручиком Усвятским и прапорщиком разгорелся спор о прародине цыган, причем поручик отстаивал их индийское, а прапорщик — сирийское происхождение. Я положил конец этой крайне бездарной дискуссии, предложив прапорщику Немно вновь взять гитару.

Играл он превосходно. В основном, конечно, цыганское, причем настоящее, а не ресторанные подделки. Впрочем, «Скатерть белую» исполнял мастерски.

Наши гитаристы... Поручик Огоновский играл в основном боевые марши. Любил и сочинять — жаль, почти все его песни пропали. Именно он принес в отряд «Белую акацию» (настоящую, ту, что пели в кадетских корпусах еще до Германской). «Акацию» мы, конечно, помним, а вот знаменитую песню про то, как Бронштейн отчитывается в германском генштабе, которую Володя пел на два голоса с разными акцентами, — увы, забыли. Хотел ведь записать, но увы!

Поручик Голуб на гитаре играл неважно, зато первым запел

наш песенный трофей, махновское «Яблочко». Не хуже получался у него популярнейший в Добрармии романс «Шумит во дворе непогода».

Танечка Морозко тоже неплохо играла романсы. В конце концов они с поручиком Огоновским стали петь дуэтом, затем... А затем нас погнали на юг, поручик Огоновский занял место в нашей трофейной пулеметной тачанке, а вскоре Танечка заболела.

Здесь, в Галлиполи, играть больше некому. Отыграли сорокинцы!

Предоставив молодежи возможность веселиться вволю, я лег на продавленную койку и принялся глядеть в потолок, по которому плясали тени от догорающих свечей. Тогда я еще не знал, что албатский отдых будет для нас последним на российской земле и в следующий раз мы бросим якорь только на заснеженном Голом Поле.

Поручик Усвятский просит сделать важное добавление по поводу переселения душ. В тот вечер прапорщик Немно поведал нам, что цыгане верят в своеобразный матемпсихоз: в то, что их души раньше уже жили на земле, но не в человечьем облике, а в зверином. Он, Немно, например, раньше был медведем. Не потому ли Ольга в тот вечер не спускала с прапорщика глаз? Породистый, видать, был медведь!

8 мая

Может быть, микстуры помогли, а может, швейцарское светило обремизилось, но в последние дни все болячки куда-то пропали, и я твердо намерен с завтрашнего дня вновь посещать наших юнкеров. Пока же я вовсю пользуюсь свободой, майской теплынью и стараюсь побольше гулять. Наше Голое Поле я уже знаю вдоль и поперек, да и нет тут ничего особо заслуживающего внимания, зато можно часами глядеть на море. Бог мой, думал ли я, пробегая каждый день по пути в гимназию мимо нашей Лопани, что смогу любоваться Эгейским морем, тем самым, о котором писал Гомер! Ведь совсем близко отсюда Илион, Крепкостенная Троя, куда спешили чернобокие корабли ахейских вождей, дабы отомстить неразумным

троянцам. Между прочим, сыны Крепкостенной Трои оборонялись худо-бедно десять лет, а вот мы не продержались и трех. «Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына...»

Записал — и задумался. А ведь, действительно, Гиссарлык совсем рядом, часа три пути, если морем. Дорогу я знаю, бывал там и не раз (дважды!). Впрочем, эта история настолько давняя, что даже слабо верится.

Да что там Троя! До нее ли сейчас? Что нам Гекуба, что мы ей?

Вчера марковцы опять подрались с сингалезами, и опять они виноваты. Французы прислали полковника, который поставил Фельдфебеля по стойке «смирно» и изволил орать. Фельдфебель не убоялся и заорал в ответ. Вышло все весьма некрасиво. Почему-то марковцев я всегда недолюбливал. Недотягивают они до генерала Маркова, тот бы зря кулаками не размахивал. Особенно при сингалезах.

Эх, Сергей Леонидович, как нам вас не хватало в 19-м! И в 20-м. А уж сейчас!..

А ведь Маркова, покуда он был жив, наши вожди не любили. Очень не любили, между прочим. Зато офицеры всегда стояли за него горой. С Сергеем Леонидовичем не было страшно даже в штыковой, даже когда краснопузые посылали на нас господ клешников — красу и гордость Балтийского флота. А когда для генерала Маркова наступило его «потом», тогда и полк в его честь, и молебны, и, глядишь, в мемуарах главу-другую посвятят. Мир вам, Сергей Леонидович! Надеюсь, комиссары не нашли безымянную могилу на окраине станицы Мечетинской, где мы вас оставили.

Поистине над Белым делом висит рок! Мы потеряли наших лучших вождей в самом начале борьбы. Антон Иванович Деникин в свое время неплохо командовал бригадой, да и Барон был бы недурным тыловым администратором. Впрочем, господа-товарищи Бронштейн и Фрунзе тоже не Бог весть какие гении, и вся наша страшная Смута предстает борьбой дилетантов.

Однако же вернусь на год назад. Албат, май 20-го. Хороший месяц!

Первые дни мы, естественно, отсыпались. Конечно, не стоит думать, что господа офицеры изволили дрыхнуть двадцать часов в сутки с перерывом на обед и выпивку. Забот как раз хватало.

Прежде всего, конечно же, личный состав. За пару недель отдыха любая часть может разложиться, посему в обычных условиях нижние чины каждый Божий день маршируют, чему-то обучаются и вообще находятся при деле. Но что прикажете делать в Албате, когда нет ни казарм, ни плаца, зато полным-полно соблазнов разного рода и вида? А ежели учесть положение на фронте, то можно быть почти уверенным, что отряд не просто разложится, а разбежится.

Со штабс-капитаном Докутовичем договориться на этот счет было трудно. У него свои методы, у меня свои. В конце концов он предоставил мне возможность действовать по собственному усмотрению и, безусловно, под мою личную ответственность. Сам он за три дня выстроил вокруг сараев, где жила его рота, своеобразную линию Зигфрида чуть ли не с вышкой для часового, лично занялся с нижними чинами строевой подготовкой, а ночами бродил вдоль частокола, подстерегая беглецов. Кажется, он находил в этом своеобразное удовольствие.

Я махнул рукой на все эти страсти и прежде всего договорился с двумя десятками нижних чинов, ветеранами отряда, которым я вполне доверял. Поступили просто: ночуют они в нашей импровизированной казарме и раз в день, в час дня, появляются там же, на всякий непредвиденный случай. В остальное время они могут делать что им заблагорассудится с уговором — не попадаться патрулям.

Остальные, бывшие краснопузые и юнкера, требовали большего внимания. Оставлять их днем в Албате было опасно, да и ни к чему. И вот, дав им первые дни поспать, я достал в штабе крупномасштабные карты второй крымской гряды и с утра отправлял их во главе со взводными по маршрутам. Взводные тренировались ходить по незнакомой местности, нижние чины дышали свежим воздухом и любовались горами. Заодно держались подальше от всего того, чем опасна тыловая жизнь.

Раз в три-четыре дня я отправлялся с ними и проводил занятия с юнкерами. Прапорщик Немно учил их фортификации, а недовольных я посылал к поручику Усвятскому для слушания лекций по защите от отравляющих газов. Этого боялись все, посему на дисциплину жаловаться не приходилось. Кое-кто из юнкеров обучался в свое время пластунской борьбе, и я организовал группу желающих выкручивать руки-ноги ближнему своему.

Конечно, свободное время располагает к свободным мыслям, и мне приходилось часто отвечать на вопросы. Порою это было нелегко, но утешал себя тем, что нижние чины обращаются с вопросами ко мне, а не к эмиссарам большевистского подполья. Более всего их волновал, конечно, вопрос о заключении мира. Почему-то в эту весну весь Крым, особенно Крым тыловой, был уверен, что мир вот-вот подпишут. Пересказывали даже условия: свободная торговля, обмен представителями на уровне консулов (все настаивали почему-то именно на консулах), взаимная амнистия, право передвижения через границу и передача нами части Черноморского флота. Не знаю, были ли это обыкновенные фантазии или Барон и в самом деле стремился добиться от большевиков чего-то подобного. Посредниками и гарантами должны были выступить Франция, Великобритания и отчего-то Греция.

Бывших красных героев интересовал также вопрос о том, будет ли в договоре статья о выдаче таких, как они, в лапы «чеке». Юнкеров же заботил принцип — допустимо ли заключение мира с жидобольшевистской сволочью?

Повторюсь: ни тогда, ни сейчас я ничего не знал и не знаю о деталях переговоров. Еще в апреле прошел слух, что Великобритания отказалась посредничать, а Франция предложила подождать до окончания Польской войны, но верить ли этому — никто не знал. Обычно я отвечал, что заключение мира, на мой взгляд, вполне допустимо и даже полезно, хотя бы из тех соображений, что Рачья-Собачья к тому времени достигла пяти с половиной миллионов, а мы в Крыму не могли прокормить даже нашу шестидесятитысячную Русскую Армию. Но в мир верилось слабо. Свободный русский Крым был бы постоянным соблазном для граждан большевистского Города Солнца. Скорее переговоры были нужны красным для нейтрализации Русской Армии во время Польской войны, а Барону — для выигрыша времени.

Польская война — еще одна вечная тема албатских разговоров. Трудно было определиться — поляки формально напали первыми, и генерал Брусилов призвал всех русских патриотов поддержать большевистское (национальное!) правительство. Но сочувствовать комиссарам мы тоже не могли. Я был на стороне поляков, а точнее, на стороне Европы, которая в эти месяцы почуяла на своем затылке дыхание Ее Величества Мировой Революции.

Конечно, вопросы задавались не только нижними чинами. Офицеры также часто расспрашивали меня, будучи в странной уверенности, что большее число звездочек на моих вытертых погонах дает их владельцу доступ к кладовым знаний. Особенно приставал ко мне прапорщик Геренис. Его интересовало буквально все — от истории Крыма до подробностей боев под Стоходом. Вдобавок он увлекся топографией и, получив наставления от прапорщика Немно, начал в свободное время снимать подробный план окрестностей Албата, рискуя попасться патрулям в качестве красного шпиона.

Прапорщик Геренис был очень похож на тех молодых офицеров, которых я успел повидать в Германскую, да и потом, в годы Смуты. Вначале я удивлялся, почему они так много спят, но потом понял. Война — тяжелая штука, и молодым ребятам трудно выдержать то, к чему привыкли люди постарше. Он, как и следует из фамилии, литовец родом из Вильны, их семья эвакуировалась в Питер еще в 15-м, затем, в начале Смуты, отец попытался вывезти семью на юг, но где-то у Синельниково эшелон попал в самую гущу боя между калединцами и отрядами Сиверса. До Ростова Геренис-младший добрался один, нашел там каких-то знакомых и прожил у них до лета 19-го, после чего оказался в юнкерском училище. Как раз в декабре, когда мы держали оборону у Токмака, ему, как успевающему в учебе, присвоили звание прапорщика.

Геренис изъяснялся по-русски с приятным акцентом, чуть растягивая гласные, и нам порой доставляло удовольствие чуток его поддразнивать. Прапорщик (добрая душа!) только улыбался. Впрочем, никто из нас его не обижал, выражаясь юнкерским языком, не «цукал». Геренису не исполнилось еще и двадцати, а сколько таких ребят мы уже оставили под Екатеринодаром, под Ростовом, в Донбассе! К тому же на фронт он попросился сам, и не на пороге победы.

...Иногда мне кажется, что я снова слышу знакомое: «Владими-и-ир Андрееви-и-ич!» А может — не кажется?

Через несколько дней выяснилось, что прапорщик Геренис не хуже Немно играет на гитаре. Геренис предпочитал романсы. Голоса ему не хватало, но он пел, что называется, с душой.

Моей роте всегда везло на офицеров. Жаль, что цыган и литовец попали в отряд только сейчас, когда уже ничего нельзя изменить. Годом бы раньше — и кто знает...

Где-то через неделю штабс-капитан Докутович съездил в Карасубазар за семьей и снял отдельный домик, на время поручив свою роту заместителю, мрачному неразговорчивому поручику Петренко. Результатом этого стало исчезновение двух нижних чинов, которых мы целый день искали по горам, а обнаружили на следующее утро в самом Албате в совершенно непохмеленном виде — герои загостились у какой-то вдовушки.

Это случилось, если верить моему дневнику, 14 мая, а 15-го в Албат понаехало не меньше взвода каких-то больших шишек не ниже полковника в мундирах такого дорогого сукна, что за версту несло интендантством. Затеивалась очередная инспекция, и я от греха подальше увел роту к Бахчисараю. У Тепе-Кермена мы устроили небольшие маневры, причем прапорщик Немно, обороняясь против двух других взводов, умудрился подчистую разгромить прапорщика Гереписа и пал в неравной схватке с поручиком Усвятским, который заманил победителя в небольшое ущелье и устроил второму взводу Тразименское озеро. В Албат мы не спешили, а посему прошлись, не торопясь, к селу Баштан и там подождали до вечера у маленького озера. Прибыв в Албат в полной темноте, мы надеялись, что мундиры дорогого сукна уже укатили, однако прямо у нашей камеры № 3 меня нетерпеливо поджидал штабс-капитан Докутович со срочным приказом явиться в комендатуру.

Я почесал в затылке, на всякий случай велел поручику Усвятскому присмотреть за ротой и отправился выполнять приказ.

Комендатура располагалась в большом двухэтажном доме рядом с базаром. Дежурный сообщил, что комендант уехал с комиссией, а меня ждет какой-то капитан, прибывший сюда днем из Севастополя. Еще более удивившись, я прошел в приемную, где за столом, спиной ко мне, сидел офицер в тылового вида кителе и читал газету, ежели не запамятовал, «Великую Россию». Я стоял в дверях, прикидывая, из какого ведомства может быть сей капитан. Признаться, на ум приходило только одно, от которого в любом из двух вариантов — белом и красном — я всегда старался держаться подальше. Я пересчитал все свои возможные грехи за последние годы и рассудил, что расстрел перед строем — это будет еще по-божески. До мысли немедленно перебежать к краснопузым я дойти не успел, поскольку капитан, почуяв мое присутствие, изволил обернуться, и передо мною предстала довольная круглая физиономия с небольшими усиками. Физиономия широко улыбнулась, капитан вскочил и полез обниматься.

Итак, поздно вечером 15-го мая в приемной коменданта Албата обнялись два харьковчанина, два бывших студента Харьковского Императорского университета, видевшиеся в последний раз в неправдоподобно далеком теперь ноябре 17-го. Передо мной был капитан Егоров, Алексей Николаевич, Лешка, бывший студент юридического факультета и гроза харьковских барышень. Лешка хлопал меня по спине, язвил по поводу моей бороденки и требовал немедленного доклада, во-первых, о женской половине албатского населения, а во-вторых, где это я шлялся все эти годы. Отвечать я не спешил, хорошо зная его манеру — сначала говорить самому, а уж потом, в виде особой милости, дать и собеседнику возможность вставить пару слов. Мы вышли из комендатуры и направились в какой-то дом, где Лешке выделили комнату. Там нас уже дожидалась бутылка шустовского коньяка, и мы, не найдя стаканы, выпили из обнаруженных на подоконнике старых треснутых пиал.

Лешка тараторил не переставая, и через десять минут я уже все знал о его Одиссее. Он был мобилизован в Добрармию летом 19-го, надел свой фронтовой мундир поручика, быстро сменил его на штабс-капитанский, а затем получил полного капитана, подвизавшись в каком-то тыловом управлении. Лешка был военным юристом, занимаясь ревизиями наших господ снабженцев. Без особых хлопот он уехал вместе со ставкой Антона Ивановича из Таганрога в Новороссийск, а затем в апреле приплыл сюда и теперь крутился в Севастополе при Бароне. В Албат Лешка приехал вслед за комиссией, навел здесь шороху среди разного рода мундирных крыс и, узнав о штабс-капитане Пташникове, решил вытребовать меня в комендатуру, дабы не бить своих нежных ножек по албатским улочкам.

В общем, Лешка, то есть теперь капитан Егоров, был доволен жизнью, гладко брит и не имел на своей круглой физиономии ни единой морщинки. Он взахлеб рассказывал о раскрытых им головокружительных махинациях с сапогами и шинельным сукном, а я глядел на него и радовался, как и в преж-

ние годы радовался при виде Лешки. Всегда завидовал таким жизнелюбам, которым даже Смута — как с гуся вода!

Мы выпили по третьей, и тогда он, наконец, догадался сообщить мне о том, о чем сам я боялся спросить. Слава Богу, с моими родителями ничего за эти годы не случилось. По крайней мере, летом 19-го они жили все там же, на улице Окраинной, и отец даже продолжал работать в управлении Южной дороги. Господа красные и харьковский Торквемада Степан Саенко обошли дом стороной. Правда, с тех пор прошел год, а с декабря 19-го в Харькове вновь хозяйничают комиссары.

О себе я рассказал в двух словах, зная, что Лешке новости надо выдавать небольшими порциями, иначе он их просто пропускает мимо ушей. Да и рассказывать было нечего: Ростов, Ледяной поход — и дальше, вплоть до Крыма. Тем летом, год назад, я несколько раз пытался вырваться в Харьков, но наш отряд прочно завяз у Екатеринослава, потом мы оказались у Киева, а затем из полесских болот вынырнул Упырь, и вопрос с отпуском отпал сам собой. Писать я, конечно, писал, да все без толку.

Мы заночевали у Лешки, предоставив сослуживцам строить самые невероятные догадки по поводу моего исчезновения. Наутро мы перекусили в чайхане на базаре, и Лешка заявил, что немедленно увозит меня в Севастополь, поскольку мне нужно развеяться, прийти в себя и, вообще, бросить действующую армию, благо любая медицинская комиссия забракует меня в первую же минуту. Место же в грандиозных штабах Барона всегда найдется. Я слабо отбивался, но капитан Егоров взял меня под руку и потащил к штабс-капитану Докутовичу.

Генерал Туркул, прочтя эти страницы, долго поминал тыловых крыс. Тут я не согласен — Лешка не тыловая крыса. Он прекрасный юрист и честно ловил наше ворье, насколько позволяло здоровье и начальство. Благодаря таким, как он, при Бароне мы все-таки умудрялись обедать, получать жалованье и даже переоделись в прекрасную синюю форму английского сукна. Не всем ходить в штыковые.

Заодно Туркул просил меня объясниться по поводу упрека в дилетантизме. Охотно повторюсь — наша Смута, во всяком случае, ее военная сторона — это сплошной дилетантизм. Доказывать сию максиму покуда не буду, поскольку время уже позднее, я и так засиделся в палатке у Антона Васильевича.

Преферансная баталия в разгаре, поручик Усвятский вистует, а я продолжу. Вернусь к высказанной выше максиме.

Рассмотрим некоторые эпизоды минувшей войны.

Господин Бронштейн, прекрасно зная, что чехословаки готовят восстание, посылает их в Европу через Сибирь, пуская эшелоны по Среднему Поволжью, главной базе Рачьей и Собачьей Красной Армии. Последствия очевидны — за неделю краснопузые потеряли Урал, Сибирь и Дальний Восток.

Господа из Национального Центра делают ставку на Дон, заведомо зная, что казаки не спешат выступать против Большевизии. Несмотря на возражения Лавра Георгиевича, предлагавшего начать из Сибири, мы подталкиваем Каледина, идем в Ледяной поход и, естественно, проигрываем, что бы теперь ни писали господа мемуаристы. Лучшие силы добровольцев легли в первые же месяцы в степях между Ростовом и Екатеринодаром, и никакими мобилизациями восполнить это было уже невозможно.

В свою очередь, комиссары, заняв Дон и Кубань, практически не встречая сопротивления казаков, начинают людоедский террор (по изящному выражению Бронштейна — «устраивают Карфаген»). В результате — Вешенский мятеж и сто тысяч добровольцев в нашу армию.

Адмирал, наш Верховный, начинает наступление из Сибири, не дожидаясь Добрармии, чтобы занять Москву первым. Но идет не на Москву, а почему-то на Вятку. Вятку он, естественно, занимает, а Москва, столь же естественно, остается красным.

Антон Иванович Деникин даже не пытается прорваться к Колчаку и установить общий фронт по Уралу и Волге. Наше же наступление на Москву на целый месяц замедляется тем, что командованию приспичило вначале занять Одессу и Киев. Их взяли, Москву — нет.

Господа красные, имея гигантский численный перевес, терпят полное фиаско под Варшавой, совершая ошибки, достойные разве что командира взвода.

О планировании отдельных операций распространяться нет нужды, поскольку достаточно вспомнить десант «дроздов» под Хорлами.

Надеюсь, я ничего не перепутал — и не преувеличил. Ergo: неизбежен вопрос, отчего победили они, а не мы?

Об этом спорим постоянно и будем спорить, пока живы. Повторять всем известные аргументы не стану, скажу лишь, что во внутренней политике обе стороны вели себя так же бездарно. Большевистская продразверстка ничуть не лучше нашего «шомполования» целых уездов. Очевидно, причина тут другая.

Для себя я уже дал ответ. Кое-что начал понимать еще в Крыму, но окончательную ясность внесла брошюра, купленная одновременно с книгой Якова Александровича и столь же нелегально привезенная в лагерь. Это, страшно признаться, опус самого Ульянова-Бланка с почти что гинекологическим названием «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Сдерживая вполне объяснимую тошноту, прочел сей гениальный труд до конца и, откровенно говоря, не раскаиваюсь.

Книга эта особая. Бланк писал ее год назад, когда Ее Величество Мировую большевики ожидали со дня на день. И не только ожидали, но и готовили. Книга — не что иное, как сборник рецептов для большевизии во всем мире, а посему Ульянов-Бланк порой позволяет себе излишнюю в его положении откровенность. И вот что получается. Нам, белым, нужна была победа в войне для защиты наших принципов. Господа красные нуждались в принципах только ради победы. Мы не могли отдать крестьянам землю, потому что воевали ради законного решения этого вопроса. Бланк одним росчерком пера эту землю отдавал, другим же, когда надо, забирал. Адмирал не мог признать Финляндию до Учредительного собрания, ибо воевал, чтобы такие вопросы решались законно. Бланк готов был признать хоть трижды независимость какой-нибудь Рифской республики, ежели это ему требовалось, ибо для господ большевиков не революция ради принципов, а принципы, то есть их полное отсутствие, ради победы этой самой всемирной социалистической. Уши господина Лойолы торчат настолько заметно, и, вероятно, симбирский заика уже раскаивается, что взялся в свое время за перо.

Мы воевали, как ни избито сие звучит, за Родину. Они — за власть.

Дабы проверить свои выводы, рискну предложить генералу Туркулу прочесть избранные места из этого красного катехизиса. Кстати, Антон Васильевич просит внести одно существенное уточнение. В начале прошлого года Барон произнес речь, распечатанную всеми крымскими газетами, о невозможности мира с большевиками. Я эту речь не припомню, но рискну предположить, что наше так называемое общественное мнение склонно воспринимать такие документы с точностью до наоборот.

Итак, капитан Егоров ворвался в мирную обитель штабс-капитана Докутовича, который в это время, ни о чем не ведая, вкушал завтрак в кругу семьи, потряс перед ним какими-то грозными бумагами, и пораженный штабс-капитан без звука отпустил в Севастополь не только меня, но и поручика Усвятского. Роту я оставил на прапорщика Немно, рассудив, что ежели ей суждено разбежаться, то, значит, такая у нее, роты, судьба. Как говорят татары, кысмет.

Капитан Егоров продолжал меня удивлять. Нырнув в комендатуру, он вскоре появился с какой-то бумагой, по предъявлении каковой нам выделили авто вместе с шофером в черной кожанке, и мы, изрядно пыля, отбыли на юго-запад. По дороге Лешка продолжал мучить нас рассказами о кознях и заговорах, о склоках в окружении Барона, о перспективах торговли крымской пшеницей — и о том, сколько с этой торговли «наварят» господа спекулянты. Я подумал, помнится, что такими разговорами неподготовленных фронтовиков можно склонить к немедленному дезертирству. К счастью, поручик Усвятский выяснил, что капитан Егоров — заядлый пефераисист, после чего наша беседа вошла во вполне нормальное русло, и под разговор о трех тузах на мизере мы спокойно въехали в Севастополь.

Я не был там с довоенных времен и сразу же удивился почти полному отсутствию перемен. Та же Большая Морская с ее витринами, тот же Нахимов рядом с Графской пристанью, те же корабли на рейде. Разве что публики чуток побольше, да и одета она чуток, скажем так, поэкстравагантнее. Кроме того, в городе теперь на каждом шагу можно было встретить сухопутного офицера, в то время как раньше все было наоборот — чаще попадались морские. В остальном Севастополь оставался прежним. Его улицы, площади и скверы излучали такое спо-

койствие, будто наши передовые части стояли у Москвы, а не у Перекопа.

Первый день я помню смутно. Мы очутились в какой-то веселой компании, Лешка нас со всеми знакомил, представляя как главных героев — спасителей Крыма от большевиков. Признаться, публика была малоинтересная, пить не тянуло, и я в основном сидел в углу, листая оказавшийся каким-то образом у Лешки томик Теннисона на английском. Поручику Усвятскому было легче — компания преферансистов прочно оккупировала стол и заседала чуть ли не до утра. Тем временем мы с капитаном Егоровым обсудили все, что только можно, вспомнив всех приятелей и порассуждав о том, где они сейчас могут находиться.

Поспав пару часов, Лешка предложил ехать к дамам, однако я отказался, мотивировав чрезвычайной одичалостью, способной напугать любое дамское общество. Несмотря на все заклинания, я заявил, что имею намерение погулять по городу и, ежели повезет, увидеться с кем-нибудь из довоенных знакомых. Тогда Егоров начал охмурять поручика Усвятского, но тот решил не оставлять любимого командира. В результате Лешка уехал один, сообщив, что будет ждать нас после семи вечера. Мы не спеша добрались до Большой Морской и пошли от Исторического бульвара вниз, к рынку.

На Большой Морской я надеялся найти двух своих давних знакомых. Увы, первого из них дома не оказалось. Ни дома, ни в городе, ни, кажется, в России. Зато по второму адресу мне повезло. Миловидная горничная открыла дверь, и вскоре мы предстали перед светлыми очами невысокого седоватого джентльмена, одетого с вызывающей для нашего времени тщательностью. Это был профессор Роман Христианович Лепер, с которым я несколько сезонов копал в археологических экспедициях и которого, как я теперь узнал, до сих пор помнят в Истанбуле.

Лепер меня не узнал. Вероятно, мы с поручиком имели такой вид, что нас можно было принять за авангард банды мародеров. Пришлось представиться. Профессор всмотрелся, надел пенсне — и схватился за мою руку двумя своими. Он тряс ее минут пять, повторяя что-то невразумительное о письме профессора Гриневича, в котором сообщалось о моей безвременной кончине где-то под Дебальцевом. Пришлось вкратце

изложить ему обстоятельства моего столь же безвременного воскрешения, после чего нас с поручиком начали поить чаем на такой белоснежной скатерти, что нам стало не по себе.

К счастью, поручик Усвятский с его здоровым отношением к жизни сразу же ввел нашу беседу в деловое русло, заявив, что нам в квартире делать нечего, зато стоит поймать извозчика и поехать к развалинам Херсонеса Таврического, дабы профессор и приват-доцент (поручик счел необходимым добавить «бывший приват») смогли бы удовлетворить его законное любопытство. Роман Христианович со вздохом сообщил, что он такой же бывший, как и все мы, после чего долго искал шляпу и сетовал на правительство господина Кривошеина, заморозившее финансирование раскопок в Херсонесе.

Ехали мы долго, дорога ныряла из балки в балку, и поручик Усвятский имел достаточно времени, дабы высказать беззащитному профессору все, что он думает об историках вообще и об археологах в частности. Я бы не удивился, ежели в конце этих столь знакомых мне рассуждений последовало предложение расстрелять нас с профессором прямо на месте, но поручик ограничился идеей создания при Академии наук специальной химической лаборатории для экспертизы, консервации и определения возраста археологических находок. Только это, а также широкое применение флюоринового метода, разработанного французским химиком Карнотом еще в 1892 году, могло бы, по его мнению, спасти археологию от полного вырождения. Я лишь хмыкнул, но профессор Лепер принял все сие всерьез и принялся жаловаться на пропажу коллекций Института в Константинополе и отказ властей подготовить к эвакуации фонды Херсонесского Склада древностей.

В Херсонесе почти ничего не изменилось с того времени, когда я впервые приехал сюда в 1907 году, чтобы участвовать в экспедиции Карла Казимировича Косцюшко-Валюжинича. Склад древностей стоял все там же, правда, теперь на дверях висел замок, а посетителей, которых весной и летом бывало здесь порядочно, не оказалось вовсе.

Однако открыли нам быстро, и профессор повел нас по Складу, объясняя, что лучшее, увы, отправлено в Императорский Эрмитаж и теперь, вероятно, пропало навсегда. Впрочем, и тут оставалось много стоящего. Но поручика Усвятского

обилием древностей пронять было трудно. Не склонный впадать в восторг по поводу того, что, скажем, данный канфар был современником Цезаря, он более интересовался, отчего мы датируем именно так, каков химический состав лака и возможно ли сей лак воссоздать в лабораторных условиях. Химик, что с него возьмешь?

Да, тут было много знакомого. Кое-что осталось от экспедиции 1907 года, первой моей и последней — Карла Казимировича. Бородатого поляка уже валил с ног туберкулез, но он все торопил и торопил нас, будто и вправду чувствовал, что больше ему не копать эту серую землю. Здесь хранилось и многое из найденного в экспедициях самого Романа Христиановича. Я взял с витрины прекрасный аттический светильник с головой Пана, и мы с профессором вспомнили, как в 1908 году я выкопал его на Девичьей горке, когда мы заканчивали работы в южной части некрополя. Жаль, все это остается господам краснопузым! Эрмитажа уже нет, Константинопольский институт погиб, а теперь мы теряем Херсонес. Я спросил профессора, не собирается ли он уезжать, но Лепер лишь грустно улыбнулся, заметив, что никуда от Херсонеса не уедет. Поручик Усвятский попытался поведать Леперу о «чеке» и о том, как Совдепия относится к профессорам, особенно к тем, кто фотографировался вместе с Государем Императором на фоне херсонесских руин, но Роман Христианович заметил лишь, что ему они не смогут причинить зла.

Мы зашли в монастырь, поставили по свече в храме Св. Владимира и долго стояли под его сводами. И это тоже приходится оставлять! Мы видели, и не раз, что творили господа комиссары в Божьих храмах. А ведь отсюда пошло на Русь учение Христа, на этом месте, в храме Св. Василия, что на холме, крестился Равноапостольный. И теперь между Собором и ордами, рвущимися испаскудить и осквернить последние наши святыни, оставалась лишь узкая стальная полоска наших штыков. Даже в тот теплый беззаботный майский день под гигантскими сводами пустого храма, покрытыми цветной смальтой мозаик, под немигающим взглядом Одигитрии над золотым алтарем чувствовался холод обреченности. Мы оставляли наши храмы под золотыми крестами, чтобы в конце пути обрести другие — черные Галлиполийские с двумя датами, как на надгробии.

Мы посидели в уютном монастырском дворике, послушали, как журчит вода в фонтане, а затем прошли мимо Игуменского корпуса к небольшой аллее, где под обломанной белой колонной навек успокоился Косцюшко. Когда-то мы все жалели его, но теперь я впервые подумал, что беспокойному поляку повезло. Худшее, что он встретил в жизни, были склоки коллег и козни святых отцов из монастыря. Даже когда сюда ввалятся паладины Коминтерна, ему будет уже все равно. Он сделал для Херсонеса все, что мог, и имел право на вечный покой на этой тихой аллее под сенью скорченной акации.

Обратно мы шли молча, и я размышлял о том, что скоро наш белый Севастополь падет, как пал когда-то Херсонес, нас всех разнесет черноморским ветром, и я останусь лишь здесь, на экспедиционных фотографиях, вклеенных в отчеты Косцюшко и Лепера. Останусь безымянным, как и десятки тех, кто копал вместе с нашими профессорами и потом фотографировался напоследок, собравшись у стенки раскопа или у руин базилики. Может, у комиссаров не дойдут руки до нас, навеки застывших на фотографических пластинках, и это будет надежнее, чем память наших безымянных могил, раскиданных от Орла до Джанкоя.

Профессор звал нас к себе домой пить чай и беседовать, но мы откланялись, поскольку спешили к капитану Егорову, который уже ждал нас. Напоследок я вновь заговорил об эвакуации, но Лепер и слышать об этом не хотел и лишь качал головой.

О Романе Христиановиче мы услыхали снова только на рейде Истанбула, в декабре, когда все было уже кончено. В последний день эвакуации профессор Лепер пустил себе пулю в висок.

Вот и все, Роман Христианович!

Капитан Егоров встретил нас ворчанием, после чего, не дожидаясь моего вопроса о дамах, потащил нас в комнату, где вместо дам мы обнаружили толстяка с генеральскими погонами, вкушавшего, ежели я не запамятовал, вареную осетрину под «Смирновскую». Я немного очумел, особенно когда генерал подмигнул мне, назвался Володей и потребовал выпить по поводу того, что мы тезки. Я обалдел и опрокинул рюмку, даже забыв закусить. Поручик Усвятский занял оборону в темном углу, готовясь в случае необходимости прийти на помощь.

Генерал Володя не терял времени. Он снова подмигнул и

спросил, имеются ли у меня документы, подтверждающие мою службу в Харьковском Императорском университете в должности приват-доцента. Я не удержался и хмыкнул. Тогда генерал махнул рукой и заявил, что это не так важно. А важно, оказывается, то, что мне предлагалось перейти на преподавательскую должность в эвакуированное в Севастополь Константиновское юнкерское училище. При этом генерал Володя упомянул о моих орденах и контузиях, заметив мимоходом, что в дальнейшем можно будет организовать командировку во Францию. При этом он подмигнул в третий раз.

Я оглянулся и увидел капитана Егорова, взиравшего на нас из дверного проема, и все понял. Заметив мое колебание, генерал посерьезнел и сказал, что в Русской Армии сейчас достаточно тыловой сволочи, которая могла бы заменить тех, кто воюет уже третий год. И вовсе не в интересах страны, чтобы приват-доценты ходили в штыковую.

Признаться, я минуту колебался, но оглянулся на поручика Усвятского, вспомнил прапорщика Герениса, так еще и не научившегося командовать взводом. И просто — вспомнил.

Как можно вежливее я ответил генералу Володе, что прошу отстрочить мой перевод на преподавательскую работу до конца нынешней кампании. С нового же учебного года готов приступить к преподаванию вместе с юнкерами своего отряда, который тоже грех посылать недоучками на передовую. Конечно, все это с условием, что положение на фронте позволит.

Тут капитан Егоров сказал генералу нечто вроде «а ты был прав» и предложил выпить за успех моей преподавательской деятельности в Константиновском училище с нового учебного года. Мы выпили, затем генерал Володя расспросил меня об апрельских боях, поинтересовался, успели ли мы получить новые английские шинели, и откланялся, предложив мне все же подумать и, ежели что, написать капитану Егорову.

Когда он удалился, Лешка и поручик Усвятский в один голос сказали мне: «Зря!», я тут же согласился и предложил эту тему до осени не затрагивать.

Я оказался прав. Правда, учебный год начался с некоторым опозданием, но сразу же после эвакуации в Галлиполи я приступил к занятиям с уцелевшими юнкерами. Генерал Володя, фамилии которого я так и не узнал, сдержал свое слово, за что

я ему чрезвычайно благодарен. Здесь, на Голом Поле, я ни на что большее уже не годен.

Наутро мы прощались с Лешкой, который просил заезжать почаще, тем более что, по его мнению, бои возобновятся не скоро, а вероятнее всего, боев не будет вообще и Барон подпишет с большевиками нечто вроде Брестского мира.

...В Севастополь мы вернулись только в ноябре, чтобы погрузиться вместе с уцелевшими «дроздами» на транспорт «Херсон» и отплыть к Голому Полю.

Поручик Усвятский по-прежнему считает, что я зря изображал стойкого деревянного солдатика и остался в отряде. По его мнению, преподаватели юнкерских училищ — тоже полезные люди, особенно ежели они заслуженные офицеры, а не тыловая сволочь. Генерал Туркул, напротив, заявил, что полностью меня понимает, и добавил нечто о кресте, взятом каждым из нас, участников Ледяного похода, каковой крест мы будем нести до конца. Я так изъясняться не научился, но в чем-то Туркул прав. Я просто не смог — как не могу сейчас бросить наше трижды проклятое Голое Поле. Дело не в чувстве долга, просто иногда понимаешь простую истину — поздно!

Все — поздно!

10 мая

Утром Антон Васильевич вернул мне книжку господина Ульянова-Бланка. Припечатав вождя пролетарской революции трехэтажным с большим петровским загибом, генерал заявил, что в реальном училище его уже пробовали пичкать трудами господина Маркса, но там все было скучно до зеленой тоски. А это чтиво как раз не скучное, и от того еще хуже. Затем, подумав, согласился с моими выводами насчет «принципов» товарищей-большевиков, заметив, что с землей мы явно дали маху — все равно ее у пейзан уже не отнять, а посему «царь Антон» должен был заявить об этом ясно и определенно. Заодно признать, до поры до времени, всяких поляков и эстов и, в конце концов, черт с ними, совдепы, которые ничем не лучше и не хуже земств (перевешав предварительно всех комиссаров). Тогда, глядишь, большевикам и вправду стало бы нечем крыть.

Спорить не имело смысла, я лишь заметил, что Туркул чет-

ко и понятно изложил основные положения программы Нестора Ивановича Махно. Неплохая была у Упыря программа, только она его не спасла. Дело не только в лозунгах.

Сегодня в лагере тяжелый день. Двое юнкеров застрелились — оставили какое-то письмо, которое сейчас изучает Фельдфебель, ушли от лагеря подальше за холмы и порешили себя из одного револьвера. Самое страшное, что случай этот не первый и наверняка не последний. Бедные мальчики, но что же нам делать?

А делать нечего. Нас не принимают греки, румыны, болгары, не говоря уже о господах британцах. Нас даже турки не пускают дальше окраин Голого Поля. Правда, можно было остаться в Крыму на поживу господину Пятакову, но как по мне, так уж лучше здесь. Плакать поздно! Там, за морем, уже нет России, там Совдепия, Большевизия, где нам нет места. Генерал Туркул считает меня маловером. Лично он верит в скорое падение краснопузых. Верил зимой, когда наши русско-берлинские газеты вопили о стачках в Петрограде, верил в марте, когда восстал Кронштадт, верит и сейчас, когда Упырь опять зашевелился в Таврии. Я, увы, маловер. Большевики выкрутятся, как выкручивались и раньше. Голод голодом, но они уже выпускают танки, а их авиация и год назад была немногим хуже нашей. А с пейзанами они поладят, как поладили летом 19-го, когда мы шли к Москве. До поры до времени, конечно, но поладят.

В декабре прошлого года к нам в Галлиполи наведался знаменитый Шульгин, пообещав скорое перерождение большевиков и приход к власти некого красно-белого диктатора. Замечу, что революция, как говаривал Камилл Демулен, — это свинья, пожирающая собственных детей, чего я комиссарам всячески желаю. Но на смену якобинцам пришел Бонапарт, который не спешил пускать назад Бурбонов. Нет, нам не вернуться. И напрасно «дрозды» мечтают о каких-то террористических группах и чуть ли не партизанских отрядах. Конечно, смириться трудно, но надо. Отвоевать то, что потеряли, уже невозможно.

Мы были. Нас — нет. Как говаривали римляне — «прожили».

...Но столь же невозможно ползти на брюхе и каяться перед хамами, умоляя помиловать и пустить назад. Есть у нас такие, особенно среди казачков, что воют под луной про свой Тихий Дон. Да пусть ползут! «Чека» начеку.

А у нас осталось одно — Голое Поле. А там — как Бог рассудит.

Вернувшись в Албат, я прежде всего доложился штабс-капитану Докутовичу, которого тут же потянуло на расспросы. Я намекнул о юнкерском училище, у него несколько вытянулось лицо, но после подробного пояснения он успокоился. Мы чувствовали, что летняя кампания в любом случае будет последней. А там можно будет даже в дворники.

Прапорщик Немно встретил меня немного растерянно и доложил обстановку с таким видом, что я подумал о самом худшем. Например, что рота все-таки разбежалась или что прапорщика Герениса красные переманили на должность командира батальона. Но рота оказалась на месте, прапорщик Геренис, как ни в чем не бывало, появился в нашей камере № 3 и принялся расспрашивать меня о Севастополе. Я поглядел на прапорщика Немно и решил поговорить с ним попозже, но и потом довольно долго не смог вытянуть из него ничего путного, хотя было очевидно, что наш цыган скис.

Только вечером я начал что-то понимать. Мы с поручиком Усвятским сидели на лавочке возле сарая и мирно курили, поглядывая на подступающие к околице горы, как вдруг заметили приближающуюся к нам парочку. Поручик Усвятский выразительно хмыкнул. Впрочем, и так все было ясно — прапорщик Геренис прогуливал сестру милосердия Ольгу. Не требовалось особого полета воображения, чтобы понять, отчего скис Немно.

Это вполне невинное в мирной жизни обстоятельство добавило мне хлопот. Прапорщик Геренис весь день ходил с мечтательным выражением на физиономии, слабо обращая внимание на службу, а прапорщик Немно тоскливо глядел своими черными глазами в небо и вечерами пел под гитару что-то невообразимо чувственное на цыганском языке. Пел он так, что я бы на месте Ольги не устоял, но она охотно слушала — и шла гулять с прапорщиком Геренисом.

Теперь я уже опасался сводить на наших учениях второй и третий взводы, дабы не допустить братоубийственной резни. Поручик Усвятский, видя такое дело, притащил Бог весть от-

куда несколько газовых масок и предложил провести с нашими прапорщиками занятие. По его мнению, два часа в газовой маске ежедневно вполне достаточно для поддержания бодрого духа. Я отказался, мотивировав тем, что здесь не «чека», но маски решил пока не отдавать. На всякий случай.

Пока Геренис и Ольга ежевечерне ворковали, а прапорщик Немно пел баллады про то, как полюбил цыган цыганку, а нога попала в колесо, нам приходилось думать о куда более земных проблемах. Прежде всего, у нас кончились деньги. Те, кто был в Крыму в 20-м, сразу меня поймут. На офицерское жалованье прожить было невозможно (разве что на генеральское, но тут пусть Антон Васильевич внесет ясность). Штатские господа держали огороды или попросту брали взятки, чем не брезговали и наши тыловые чины, а вот остальным приходилось туго. Трудно поверить, но комендант Севастополя разрешил офицерам подрабатывать грузчиками в порту. Да и в грузчики попасть было нелегко, ибо заработать за ночь худо-бедно сорок тысяч желали многие.

Базар пришлось забыть, самогон — тоже. Довольствовались исключительно котловым содержанием. В голове вновь начали бродить вполне большевистские мысли, а поручик Усвятский всерьез предложил грабить огороды. К счастью для огородов, был только май. Подработать в Албате было негде, занять не у кого, и оставалось вслед за прапорщиком Немно впасть в тоску, но, естественно, по другой причине. Один прапорщик Геренис ходил словно под воздействием месмерических пассов и даже как-то поинтересовался у меня, требуется ли офицеру разрешение командования на вступление в брак. Я приказал поручику Усвятскому молчать, ибо у него уже созрел подробный ответ, и сообщил прапорщику, что раньше, до Смуты, такое разрешение действительно требовалось. И не только разрешение, но и определенная сумма, вносимая в кассу полка. В общем, песня про бедного прапорщика армейского родилась не зря. Прапорщик Геренис этой песни не знал, и поручик Усвятский, воспользовавшись моей оплошностью, успел воспроизвести пару куплетов. У бедного прапорщика покраснели уши, и от дальнейшей беседы он уклонился.

Поутру 18 мая пронесся слух, что в Албат вот-вот прикатит какое-то начальство во главе чуть ли не с самим Фельдфебелем — намечалось нечто вроде смотра с раздачей ландрина. Действительно, в десять утра штабс-капитан Докутович выстроил отряд невдалеке от наших сараев, мы проскучали не менее часа, и, наконец, к нам подъехали несколько конных вполне генеральского вида. Впереди на мосластой серой кобыле гарцевал бородатый здоровяк, лысый, как колено, и с выпученными глазами. Последовало «смир-р-рно», мы застыли, а бородатый грузно соскочил с лошади и чуть вразвалку потопал прямиком к нам. Штабс-капитан Докутович унтерским голосом отдал рапорт, и Фельдфебель, то есть его превосходительство генерал Кутепов, изволил поздороваться.

Я ждал, что будет дальше, но Фельдфебель только прохаживался вдоль строя, время от времени притопывая, словно давя невидимых тараканов. Этот своеобразный танец должен был показать нам, что его превосходительство недоволен. Говорят, в своем Преображенском полку он и вправду выглядел грозно, но лично меня эти пантомимы давно уже оставляли равнодушным. Вот ежели бы предо мною выросла из-под земли пулеметная тачанка с Упырем собственной персоной, тогда дело другое, тогда и поволноваться можно.

Чуть сзади толпились свитские, среди которых я узнал генерала Левашова и, к немалому удивлению, своего тезку — генерала Володю. Все держались поодаль, как и положено свите грозного начальства, готовившегося разобраться с нерадивыми подчиненными.

И началось! Фельдфебель зарычал — рычать он умеет и рычать он любит. По чести говоря, наш внешний вид и вправду оставлял желать лучшего, но тут уж надо винить интендантов. Хотя офицеры были в новых английских френчах, да и солдатские гимнастерки выглядели вполне свежими, зато наши сапоги... Ну, это больная тема.

Впрочем, Фельдфебеля не интересовали сапоги. Он увидел наши бороды. Почему-то даже Лавр Георгиевич не требовал от нас регулярного бритья, когда мы атаковали Екатеринодар, а «царь Антон», объявляя благодарность за взятие Екатеринослава, тоже не присылал нам парикмахера. Между прочим, сам Фельдфебель носил бородку ничуть не меньше нашей, но, видимо, действительно думал, что выступает в роли Юпитера в известной дилемме Jovi — bovi. Не будем уточнять, кто в данном случае бык, а вот сорокинцев ему лучше было не трогать, особенно после восьми месяцев беспрерывных боев, да еще при том, что жалованья хватает как раз на несколько фунтов вяленой дыни.

Итак, Фельдфебель рычал. Мне это начало изрядно надоедать, к тому же неудержимо захотелось курить. Иногда это бывает — вероятно, контузии все-таки не прошли даром, а может, Фельдфебель в это утро казался слишком уж невыносимым. Рука потянулась к карману, где лежала початая пачка «Сальве», и я понял, что непременно закурю. Я отдавал себе отчет в том, что курить в строю не полагается, хотя бы ради того, чтобы не развращать прапорщика Герениса, но руки сами собой вынули папиросу из пачки, размяли и полезли за зажигалкой. В эти минуты Фельдфебель распекал первую роту, и мои манипуляции видела лишь свита. Кое у кого вытянулись физиономии, а генерал Володя подмигнул мне и показал большой палец. Я подмигнул в ответ и с удовольствием затянулся.

На третьей затяжке Фельдфебель меня, наконец, заметил. Хотя «заметил» — совсем не то слово. Звук замер в глотке, ноги прилипли к земле, и над нами повисла тишина, нарушаемая лишь гудением шмелей. Бог весть что могло последовать дальше, но тут я услышал щелчок зажигалки справа от себя и, скосив глаза, увидел, что поручик Усвятский последовал моему примеру.

Все-таки мы оставались сорокинцами! Через минуту курили офицеры не только моей, но и первой роты, один лишь штабс-капитан Докутович поглядывал на нас и бледнел. Фельдфебель закрыл рот и, в свою очередь, начал краснеть. Краснел он долго, и от моей папиросы оставалась половина, когда он наконец взбугрил жилы на шее и заорал, приказывая офицерам остаться на месте, а остальным разойтись.

Нижние чины шуганули обратно в сараи и заняли там оборону, а мы продолжали курить, ожидая, что будет дальше. Я, честно говоря, предполагал, что Фельдфебель додумается выхватить револьвер, но он вдруг похлопал себя по галифе и извлек пачку «Мемфиса». Теперь уже курили все, включая свиту.

Наконец, он скомандовал «Вольно. Разойдись!», и мы не спеша двинулись назад, только несчастный штабс-капитан Докутович стоял все на том же месте, не решаясь с него сдвинуться. Я решил также не отходить далеко — и не ошибся. Через минуту прозвучало грозное «Штабс-капитан!», и я предстал прямо перед его превосходительством. Первую фразу я почти угадал. Фельдфебель повернулся к штабс-капитану Докутовичу, с горькой иронией поинтересовавшись, как он мог воспитать таких офицеров. Мне стало жалко штабс-капитана,

и я, обратившись к Фельдфебелю по имени-отчеству, предложил переговорить тет-а-тет. Тот хотел взреветь, но вгляделся — и узнал меня.

В Ледяном походе мы оба командовали ротами: он — в чине полковника, а я — в тех же погонах штабс-капитана. Правда, в бою я видел его редко. Не знаю, может, я к нему несправедлив, в конце концов, его роту могли держать в резерве. Но невозможно забыть, как в последний день мы курили с генералом Марковым папиросы из его портсигара перед броском на красные пулеметы, как мы выносили полковника Неженцева, который только что смеялся, а теперь его голова бессильно болталась из стороны в сторону, а прямо меж глаз чернела дырка...

Не было тогда с нами Фельдфебеля! Не было!

Наверное, все это без труда читалось на моем лице, поскольку Фельдфебель прокашлялся и сбавил тон, вопросив, не мешают ли мне офицерские погоны. Я спокойно объяснил, что свое последнее звание получил от Государя Императора, при этом как бы ненароком назвав Фельдфебеля полковником. Намек прозрачнее некуда — «царь Антон» мог сделать Фельдфебеля даже фельдмаршалом, но цену этим «легким» погонам мы все знали. Еще минуту тянулось молчание, потом я попросил его оставить нас в покое. Наш отряд уже получил свое и еще получит — сполна. А вот как возьмем Москву, пусть тогда и начинает нас воспитывать.

Фельдфебель отошел к своей свите, там что-то забурлило, в воздухе пронеслось чье-то испуганное «контуженый», и через минуту у наших сараев снова стало тихо, только курилась пыль от умчавшейся кавалькады. Я повернулся и, не оглядываясь на окаменевшего штабс-капитана Докутовича, ушел в нашу камеру № 3. Мои офицеры взглянули на меня немного испуганно, но я махнул рукой и повалился на койку.

На следующий день, 19 мая, нам внезапно выдали жалованье. Теперь только желторотые юнкера не могли понять происходящего. Приезд двух комиссий и выдача жалованья раньше срока означали только одно — скоро в бой.

Вероятно, именно в эти дни переговоры с большевиками были прерваны, и Барон начал бешеными темпами готовить удар в Северной Таврии. Он думал воспользоваться уникальной возможностью — польские и украинские войска уже заня-

ли Киев, и вся Новороссия, вплоть до Екатеринослава, падала нам в руки, как спелое яблоко.

В этот день я, поразмыслив, решил прокатиться в Симферополь, благо имелась возможность воспользоваться порожним авто, которое шофер перегонял в Сюрень. Планов я никаких не строил, просто захотелось напоследок походить по чистым улицам, поглядеть на людей, одетых не только в форму, тем более — кто знает? — придется ли там побывать еще. Я уже собрался, но тут мне в голову пришла недурная мысль, я подозвал прапорщика Герениса и дал ему с Ольгой десять минут на сборы. Прапорщик радостно козырнул и метнулся надевать парадный китель, а Ольга отчего-то засмущалась и отказалась ехать. Вначале я никак не мог сообразить, в чем, собственно, дело, но она призналась, что ей просто нечего надеть. Я предложил не мудрствовать лукаво и ехать в платье сестры милосердия. Ольга попыталась возражать, говоря что-то о тех, кто будет смеяться, но я прервал ее, твердо пообещав, что первого, кто посмеет бросить косой взгляд на сестру милосердия, тут же пристрелю на месте. Мне все равно — я ведь, как известно, контуженый.

Трудно сказать, что ее убедило — подобное обещание или желание прокатиться в славный город Симферополь, но вскоре мы уже ехали в сторону станции Сюрень. Роту я оставил на поручика Усвятского, разрешив ему в виде компенсации позаниматься с личным составом тренировками по отражению газовой атаки.

«Р-р-рота! Газы-ы-ы!» Любит он это!

Поручик Усвятский выражает решительный протест. Никаких занятий с газовыми масками он не проводил и проводить не собирался, поскольку с него вполне хватило Германской войны, к тому же в Албате ему удалось достать только один испорченный противогаз системы профессора Зелинского. Поручик требует признать, что все это я выдумал.

Ну ладно, выдумал. Но одну газовую маску он ведь для чего-то доставал!

14 мая

Несколько дней не писал. Появилась возможность съездить в Истанбул, тем более бумага кончается, а потребляем мы ее с поручиком Усвятским предостаточно. В Истанбуле не случилось ничего достойного внимания, а всякого рода намеки, которые позволяет себе поручик Усвятский, я с порога отвергаю.

Столица полна слухов. Правда, сказки о том, что предстоит штурм ворот Царьграда галлиполийскими частями, уже канули в прошлое, зато повсюду говорят о Кемале.

Кемаль, судя по всему, скоро будет хозяином всей Турции. Пока он держится подальше от Истанбула, не желая воевать с господами союзничками, но это до поры до времени. Сейчас он контролирует всю внутреннюю Анатолию, раздает земли местным пейзанам и режет греков с армянами. Упорно болтают, что советниками у него служат несколько известных большевистских генералов, носящих для пущей секретности турецкие имена. Трудно сказать что-либо определенное, но, учитывая интересы краснопузых в Закавказье и на Черном море, это выглядит вполне логично. Вероятно, вскоре нам придется уходить с Голого Поля, так как Кемаль едва ли будет терпеть нас под боком. Успокаивает одно — Кемаль все же не большевик. Своих собственных большевичков он попросту ставит к стенке. Хотя здесь возможны варианты — рассказывают, что весь большевистский синклит, то есть их центральный комитет, по его приказу утопили на рейде в Трабзоне. Прямо в мешках.

Этим-то нас не удивишь (а славно все-таки! в мешках!), но московские большевики закрыли на сие глаза и по-прежнему Кемалю помогают. Господа краснопузые верны себе — цель оправдывает средства. Дружба Кемаля стоит целого центрального комитета.

Генерал Туркул в восторге от Кемаля и предлагает подумать о контактах с его армией. Я бы и сам предпочел остаться в Турции вместо отплытия в Занзибар, но Кемалю мы не нужны. Большевики смогут дать ему больше, а этот турецкий Бисмарк, похоже, реалист до мозга костей.

За время моего отсутствия вышла очередная глава великого романа поручика Усвятского. Отважные герои Дроздов и Морозов вновь очутились в подвалах «чеки». Поручик с возмущением поведал мне, что впервые на его пути встала цензура. В этой главе должна была действовать некая комиссарша, описанная настолько ярко, что в редакции посоветовали сей образ выбросить, дабы не томить души наших холостяков. Взамен наш галлиполийский Жюль Верн ввел образ злодей-

ского чекиста Иосифа Фишмана. Получилось удачно, но автор продолжает сокрушаться.

Чуть не забыл. В Истанбуле довелось повидать господина Акургала, и от него я узнал, что на Гиссарлыке никто не копает. Жаль, конечно, но съездить туда все равно стоит.

Легко сказать — съездить! А как?

Итак, авто подбросило нас до Сюрени, откуда поездом мы добрались прямиком в Симферополь. Город, как мы тут же убедились, жил мирно, даже военных на улицах было не так много, хотя несколько домов у вокзала зияли битыми стеклами — следы орловских налетов.

Увы, Симферополь имел тот же недостаток, что и все иные города Крыма 20-го года, — чудовищные цены. О ресторанах пришлось забыть, и мы просто бродили по городу, смотрели на беззаботную публику, одетую по моде пятилетней давности, а затем зашли в синема, где давали новую фильму с, увы, уже покойной Верой Холодной. Я никогда не был от нее в восторге, однако Ольга и прапорщик Геренис имели иное мнение, и наша сестра милосердия даже всплакнула по ходу сюжета, когда злодей любовник бросил несчастную жертву роковой страсти, оставив ее без квартиры и денег, зато с ребенком. Я бы предпочел фильму с Максом Линдером, но Макса Линдера в этот день не крутили.

Уже здесь, в Галлиполи, я услыхал от тех, кто был в Одессе вместе с генералом Шиллингом, что Вера Холодная была агентом «чеки» и ее убила наша контрразведка. Рассказывали и наоборот: ее убрала «чека» за отказ от сотрудничества. Комментировать не буду. Когда мы выбили Упыря из Екатеринослава, нам в руки попала местная газета, где сообщалось о взятии Петрограда японцами.

Мы уже собрались отправляться в Албат, но тут внимание Ольги привлекла афиша, где сообщалось о гастролях в Симферополе Александра Вертинского. Числа совпадали, Вертинский должен был петь в помещении местного театра как раз в этот вечер, 19 мая. Тут выяснилось, что прапорщик Геренис тоже мечтает послушать нашего Белого Пьеро, и я лишь попытался унять их пыл тем простым соображением, что нам не достать билеты.

В кассе билетов, естественно, не было. Недовольная публика кругами бродила у театральных дверей, и вид у Ольги стал

такой несчастный, что у меня появилась мысль ворваться к администратору и изобразить контуженого. Но тут из-под земли возник подозрительного вида юнец, шепнув, что для «господ офицеров» есть три билета. Денег нам хватило как раз на эти билеты, и вот, к восторгу юной пары, мы под треньканье звонка пробрались на наши места, и тут же открылся занавес.

Я слыхал Вертинского в 17-м в Киеве, куда заезжал во время короткого отпуска. Уже тогда он произвел на меня двойственное впечатление. Коротко об этом не напишешь, но, с другой стороны, о концерте Вертинского писать приятнее, чем, скажем, о нашем ноябрьском марафоне от Перекопа до Севастополя.

Итак, Вертинский. Наверное, я все-таки глубокий провинциал. Наш Харьков выдумал себе громогласный титул Афин Юга России, но до Афин нам было далеко и в лучшие годы, так что я родился и остаюсь провинциалом. Гордиться нечем, но и стыдиться не стоит — Россия, собственно говоря, состоит почти целиком из провинции, а наш Харьков — далеко не худший ее уголок. Посему мне было трудно уследить за столичной модой, и когда Питер зачитывался Северяниным, я все еще читал Надсона. Северянина я успел прочесть перед самой войной, в эпоху кубофутуризма и акмеизма с капитаном Гумилевым вместо Пушкина.

Наверняка в столицах Белый Пьеро в своем шутовском колпаке и трагической маске пришелся как раз ко двору. Помню, как все хвалили его «ариетки», к которым я, признаться, оставался равнодушен. Меня мало волновали проблемы «кокаиночки», которая мокнет под дождем и рифмуется с «горжеточкой».

Концерт в Киеве многое изменил. Мне не понравились песни, не понравился шутовской балахон, однако я понял, что Вертинский все-таки великий артист. Так еще не пел никто. Собственно, он даже не поет, но названия этому еще не придумали. Говорят, Вертинский начинал в театре, затем бросил. Жаль, конечно, но теперь он сам по себе театр. И равных ему у нас нет.

...И не будет больше. Вертинский в Совдепии? Смешно!

А потом, уже поздней осенью, в Ростове, до нас дошла его знаменитая песня о погибших юнкерах, и Вертинский стал для нас своим. Песню о юнкерах мы пели все эти годы, пел поручик Огоновский, пела Танечка Морозко, я даже видел, как

под эту песню ходили в атаку. И мы уже не обращали внимания, что «нужно» там рифмуется с «ненужно» и что Вертинский не просто почтил наших первых мучеников, но и позволил себе усомниться в главном — «кому и зачем это нужно». Жизнь дала ответ на этот, тогда, в 17-м, не всем ясный вопрос. А некоторые куплеты в Добрармии просто переписывали и пели по-другому, правда, выходило не очень складно.

В этот вечер в Симферополе Вертинский пел много. Почти все я слышал — ежели не на его киевском концерте, то в исполнении подражателей, коих сейчас расплодилось, как клопов. Он исполнил свою знаменитую «Ваши пальцы пахнут ладаном», и я сообразил, что этой песней Вертинский отпел Веру Холодную еще несколько лет назад, при жизни. Говорят, она, услыхав это впервые, была в ужасе. Немудрено! Неужели он почувствовал смерть Веры так безошибочно, что решился отпеть ее, живую? А ведь говорят, что Вера всегда была веселой и жизнерадостной, в отличие от своих вечно страдающих героинь из синема.

В зале собралось много офицеров, и я был уверен, что Вертинский обязательно исполнит песню о юнкерах, тем более ее требовали здесь, в Крыму, на каждом концерте. И вот он выждал минуту, чуть больше, чем обычно, и негромко, без всякого выражения, объявил: «Все, что я должен сказать...»

Все, что я должен сказать... Вертинский так и не увидел в нашей Смуте ничего, кроме кровавого бедлама, кроме ступеней, ведших «в бесконечные пропасти». Винить его нельзя, таково мнение очень многих, и, вероятно, так будут думать еще долго. Даже нам, прошагавшим от Ростова до Крыма, не всем удастся сформулировать на Суде, зачем мы это делали. Нас часто вел инстинкт, а не разум. Но инстинкт, и это главное, вел нас безошибочно. Что ж, Вертинский сказал то, что должен был сказать. Мы — сделали все, что если не должны, то смогли сделать. Но сказать — сказать то, что должны, нам не суждено — даже тем, кто выжил. Я тоже не смогу. Или просто не успею.

То, что я должен сказать...

После концерта глаза у Ольги снова были на мокром месте, а прапорщика Герениса стало клонить в сон. Время было позднее, и мы едва успели сесть в последний поезд. В вагоне прапорщик Геренис немедленно заснул, а мы с Ольгой тихо переговаривались, глядя в темное окно, за которым изредка мелькали фонари на полустанках. Бог весть с чего, но Ольгу вдруг потянуло на откровенность, и она начала рассказывать мне то, что никогда, конечно, не говорила прапорщику Геренису. Ей надо было выговориться, я молча слушал, думая о том, что таким, как она (как я, как все остальные), уже не придется жить спокойной жизнью до конца дней. Эти годы уже не отпустят никого из нас.

Никого — и никогда.

В Сюрени мы высадились под утро и сумели пристроиться к военному обозу, шедшему через Албат. Я проигнорировал свой парадный френч, который, как можно было догадаться, мне больше не понадобится, зарылся в сено и проспал до самого Албата.

В Албате мы застали настоящий муравейник. Пыль стояла столбом, по узким улочкам рыскали авто, и я сразу узнал знакомую картину сборов. Рота была уже на ногах, и поручик Усвятский давал кому-то выволочку за опоздание. Поставив пошатывающегося от сна прапорщика Герениса в строй, я как раз успел встретить спешившего к нам штабс-капитана Докутовича и отрапортовать о готовности. Он только кивнул и сообщил, что мы выступаем немедленно. Я понял — наш албатский отпуск закончился. Понял я и другое: закончились не только наши каникулы, но и необъявленное перемирие, переговоры — закончилось все, рухнули все надежды, и мы снова идем туда, в таврийские степи. Летняя кампания началась. Мы зашагали к станции, сделав первые версты по гигантской дуге, которая привела нас на Голое Поле.

По пути штабс-капитан Докутович рассказывал мне что-то про обращение Барона, сообщив при этом, что мы снова поступаем под начало Якова Александровича, но я почти не слушал. В том месяце исполнилось ровно пять лет, как я попал на Германскую, и мне впервые смертельно не хотелось идти в бой.

Туркул считает, что все подобные мысли объясняются моим плохим самочувствием. Лично он начинал летнюю кампанию 20-го в наилучшем настроении, полный надежд. О надеждах разговор особый, а что касаемо настроения, то это дело индивидуальное. Все-таки я постарше Антона Васильевича. Правда, Туркул замечает по этому поводу, что дело не в возрасте, а

в том, что я, выражаясь по-совдеповски, «гнилой» и вдобавок вырождающийся интеллигент.

(Пришлось поправить его превосходительство. Впервые «гнилых интеллигентов» помянул Государь Александр III.)

Кроме того, Антон Васильевич требует, чтобы я не игнорировал такие исторические документы, как упомянутое мною знаменитое обращение Барона от 20 мая. Он специально принес из штаба Сводного полка копию, дабы я привел ее в своих записках. Полностью переписывать его лень, но самое главное — пожалуйста:

20 мая 1920 года, № 3226,
г. Симферополь

Русская Армия идет освобождать от красной нечисти родную землю. Я призываю на помощь мне русский народ.

Слушайте, русские люди, за что мы боремся:

За поруганную веру и оскорбленные ее святыни.

За освобождение русского народа от ига коммунистов, бродяг и каторжников, вконец разоривших Святую Русь.

За прекращение междоусобной бойни.

За то, чтобы крестьянин, приобретая в собственность обрабатываемую землю, занялся мирным трудом.

За то, чтобы истинная свобода и право царили на Руси.

За то, чтобы русский народ сам выбрал себе ХОЗЯИНА.

Помогите мне, русские люди, спасти Родину.

Генерал Врангель.

(С новой страницы.)

5 июня 1921 года. Полуостров Галлиполи

У нас лето, на зеленовато-голубой глади Эгейского моря — ни морщинки, под вечер гудят в воздухе большие черные жуки, а ночами так жарко, что приходится откидывать полог палатки. Голое Поле затихло, будто вымерло.

Не писал почти месяц, и опять не по своей воле. Надоело превращать записки в скорбный листок провинциальной лечебницы, а посему ограничусь лишь констатацией фактов.

Итак, почти все это время я провалялся в нашем госпитале, без сил, без желаний и без особой надежды на лучшее. Но Бог помог, и сегодня я снова в нашей палатке, по поводу чего и делаю эту запись. Правая рука снова двигается, глаза видят, а посему пора вернуться к дневнику.

За время, покуда я пролеживал госпитальную койку, случилось много всякого. Отмечу лишь наиболее существенное.

Голое Поле начало расползаться. Барон явно потерял надежду на скорое возвращение, а посему Фельдфебель разрешил целой группе офицеров демобилизоваться и отбыть в любом желательном им направлении. Одним из первых укатил штабс-капитан Докутович, который думает обосноваться в Болгарии, где какие-то дальние родственники подыскали ему место чуть ли не преподавателя французской борьбы в гимназии. Перед отъездом он зашел ко мне и наскоро простился, пообещав написать, как только устроится. Ему было неловко, а посему держался штабс-капитан еще более официально, чем всегда. Прощаясь, он сунул мне без всяких комментариев потертую полевую сумку подполковника Сорокина. Отныне эта сумка, набитая почти доверху орденами и медалями офицеров и нижних чинов отряда, будет по праву принадлежать мне. Ведь теперь я последний командир сорокинцев.

Правда, командовать некем — разве что поручиком Усвятским.

Нас осталось совсем мало. Прапорщик из третьей роты, чью фамилию я так и не вспомнил, вскоре тоже уехал, даже не простившись, и остались мы с поручиком да еще несколько нижних чинов. Ехать нам некуда, да и незачем. Поручик Усвятский все еще дописывает свой великий роман, а я, оставшись пока без работы по случаю перерыва в занятиях, имею возможность довести до конца свои записки.

В лагере также немало перемен. Вернулся генерал Витковский, и обстановка сразу же стала иной. Владимир Константинович Витковский, бывший дивизионный командир дроздовцев — личность неординарная, настоящий вояка, чем-то похожий на покойного генерала Маркова. Это о нем, разъезжавшем на своем авто перед атакующими цепями, «дрозды» сочинили известную песню про «черный «Форд». Сейчас Витковский считается заместителем Барона. Все эти месяцы он был в Болгарии и Сербии и вот теперь вернулся в лагерь. С его появле-

нием Фельдфебель сразу притих, а Туркул, да и все «дрозды» прямо-таки взвились орлами. Надо сказать, что Витковский на следующий же день по приезде посетил госпиталь и с тех пор бывал там регулярно, в отличие опять-таки от Фельдфебеля. Лично мы с ним знакомы не были, познакомились уже здесь. Впрочем, о Владимире Константиновиче можно рассказывать долго, как и о всех «дроздах».

Пора, однако, вернуться в прошлое. Итак, 20 мая мы навсегда покинули наш уютный, несмотря на пыль и людской муравейник, Албат и зашагали к железной дороге. Что-то начиналось, хотя что именно — понять было трудно. Вначале мы думали, что вновь направляемся к осточертевшему всем Сивашу, но вместо этого нас посадили в «телятники» и повезли на юг. Прошел слух, что зеленые спустились с гор крупными силами и мы идем на подмогу чуть ли не ялтинскому гарнизону. Вскоре, однако, заговорили о красном десанте у Феодосии, куда мы якобы и направляемся.

Всю эту ерунду приходилось выслушивать за неимением чего-либо более достоверного. Прапорщик Геренис, выспавшись в вагоне, долго поглядывал в окно, а затем попросил меня высказать свои соображения. Вероятно, в юнкерском училище его приучили к тому, что ротный командир знает все — или, по крайней мере, обязан знать.

Я мог лишь констатировать, что на юг движутся части всего Крымского корпуса. Ежели сопоставить это с активностью разного рода комиссий, обращением Барона, а также с движением других частей на север, то можно предположить, что в ближайшие дни начинается наше летнее наступление. Мы направлялись на юг, очевидно, в один из портов, а значит, не исключался десант. При этих словах прапорщик Геренис восторженно заулыбался, но поручик Усвятский скривился и пообещал шторм и морскую болезнь, я же подумал о том, что красный флот мало чем уступает нашему, но это соображение оставил при себе.

22 мая мы высадились недалеко от Феодосии. Отряд разместили в небольшом поселке на побережье, где нам стало известно, что действительно готовится десант. Узнали мы это самым прозаическим образом — из газет. Оказывается, уже два дня крымская пресса на все лады обсуждала движение войск Яковa Александровича. Наш маршрут излагался с такой точностью, что оставалось предположить наличие какой-то дезинформации для господ комиссаров. Особенно это касалось района высадки — указывался отчего-то Батум. Доверчивый прапорщик Геренис умудрился достать где-то школьный атлас и начал перечерчивать карту Кавказского побережья. Я посоветовал ему не заниматься этим неблагодарным делом, поскольку, даже ежели газеты не ошибаются, в Батум попасть мы все равно не сможем — красные успеют трижды нас утопить, ибо газеты читают не только офицеры Русской Армии. Впрочем, дня через два мы узнали из тех же газет, что высадка будет где-то под Одессой. Тут уж и прапорщик Геренис понял, что идет большая игра.

27 мая, под вечер, к нам заехал Яков Александрович. Он не стал устраивать смотр с разглядыванием складок на гимнастерках и проверкой подворотничков, а просто бегло осмотрел наше пополнение, поинтересовался, как мы переносим морскую болезнь и есть ли у нас лоцманы, знающие батумский фарватер. Было видно, что он в прекрасном настроении, а значит, все, в том числе и этот нелепый шум, входило в его планы. Он подарил нам три пачки «Мемфиса», пообещал поручику Усвятскому сыграть с ним в преферанс в Одесском офицерском собрании и укатил дальше. Я заметил, что с ним не было его прежнего конвоя, казачьей сотни, значит, подтверждался слух, что Яков Александрович расформировал свой конвой по подозрению в грабежах. Подозревался только один из конвойцев, но товарищи его не выдавали, и командующий отправил всю эту компанию на фронт. И правильно сделал, все-таки мы должны чем-то отличаться от господ краснопузых или от того же Упыря.

Наступил июнь, мы все еще стояли у моря, успели вволю искупаться, причем, несмотря на все мои предостережения, поручик Усвятский и прапорщик Немно обгорели в первый же день. Смотреть на них было жалко, но я категорически потребовал за день-два привести себя в полный порядок, поскольку дальше будет хуже. Поручик Усвятский побывал в лазарете, добыл какой-то мази, после чего всем полегчало. И вовремя.

Утром 4 июня мы снялись с места и чуть ли не бегом двинулись к Феодосии. Правда, потом пришлось простоять несколько часов в порту, дожидаясь своей очереди на погрузку.

Итак, мы действительно куда-то плыли. Судя по количеству транспортов (на рейде я насчитал 32 вымпела), в море уходил весь наш Крымский корпус. Тут даже у таких, как я, начало просыпаться любопытство. Не выдержав, я забрал у прапорщика Герениса атлас и начал вместе со штабс-капитаном Докутовичем изучать акваторию Черного моря.

Штабс-капитан, начисто лишенный романтического восприятия действительности, зато по-своему человек очень наблюдательный, заметил, что транспортам не хватит угля ни до Батума, ни до Одессы. Оставались только Херсон либо Новороссийск. Мой карандаш неуверенно ткнулся в Керченский пролив и тут же отдернулся назад — в то, что наша армада будет прорываться через Азовскую флотилию красных, верилось слабо.

Уже поздно вечером мы погрузились на один из транспортов и оказались в трюме, где было необыкновенно тесно и грязно. О прочем говорить не стоит, но незадолго до нас транспорт явно перевозил гнилую капусту. Посему, несмотря на все запреты, мы выбрались на палубу, предпочтя провести ночь на свежем воздухе.

Не помню, кто первый услыхал байку о подводной лодке. Похоже, ее притащили с берега наши соседи по трюму, и вот уже прапорщик Геренис с самым серьезным видом интересовался у меня, какие подводные лодки состоят на вооружении у красного флота, а также надежно ли защищен Феодосийский рейд и доплывем ли мы, ежели что, до берега.

Я предоставил возможность высказаться поручику Усвятскому. Тот пояснил, что подводных лодок, по-научному «субмарин», у красных видимо-невидимо. Экипажи всех лодок назначаются лично Бронштейном, причем все члены РКП(б) обязаны во время подводного плавания питаться исключительно сырым мясом — естественно, человеческим. Особенно страшна для нашей эскадры субмарина «Красный Дракула», экипаж коей состоит исключительно из вампиров, воспитанных по методике Брэма Стокера — главного агента Коминтерна в Великобритании. «Красный Дракула» опасен тем, что охотится исключительно за юными прапорщиками, из коих изготовляются чучела для Охотничьего зала Большого Кремлевского дворца.

Прапорщик Геренис был полностью удовлетворен этим объ-

яснением. Я лишь присовокупил, что в дальнейшем за распространение подобных слухов буду выкидывать за борт. И незамедлительно, так что даже «Красный Дракула» не поможет.

Мы покинули Феодосийский рейд 5 июня и пошли на юг. Берега исчезли из виду, налетел ветерок, начало понемногу укачивать, и на палубе стало неуютно. Впрочем, поручик Усвятский уже вполне освоился в трюме, сколотив бригаду преферансистов, прапорщик Геренис поступил мудрее всех и заснул, а прапорщик Немно, презрев начинающуюся качку, пытался растопить ледяное сердце нашей Ольги гитарными аккордами. Кочевая жизнь приучила нас осваиваться где угодно. Трюм, между прочим, еще не худший из вариантов.

Я стоял на палубе, истребляя свой и без того небольшой запас папирос. Хотелось просто глядеть на море и ни о чем не думать. Но холодного философа из меня не получилось — неубитое чувство любопытства заставляло отмечать новые подробности нашего необычного путешествия.

После полудня корабли внезапно повернули прямо на восток. Итак, Одесса и Херсон отпали. Оставалось понять, куда же мы пойдем — к Керчи или еще дальше, к Тамани. А ближе к вечеру корабли свернули на север.

К Керченскому проливу мы подошли уже в сумерках, но даже при плохой видимости можно было заметить впереди несколько узких силуэтов — миноносцы сторожили вход в Азовское море. Наслушавшись еще в гимназии о Цусиме, я не без волнения ожидал первых выстрелов, но корабли начали перемигиваться и без помех потянулись в узкое горло пролива. Итак, здесь нас уже ждали суда нашей Азовской флотилии, значит, цель десанта лежит где-то на побережье. Замысел Якова Александровича удался — пролив мы проскочили без единого выстрела. Очевидно, слухи сбили с толку не только прапорщика Герениса.

Мы шли через пролив целый день. Часть транспортов волокла за собой баржи, что сильно замедляло ход. Моряки начинали нервничать — красных можно было ожидать с минуты на минуту. К счастью, на этот раз обошлось, и к вечеру мы собрались все вместе невдалеке от таманского берега. По кораблю пронесся слух, что высадка назначена у села Кириловка, невдалеке от устья реки Молочной. Тут уже не требовался ат-

лас прапорщика Герениса, чтобы понять направление будущего удара. Замыкая наш полугодовой круг, мы возвращались в Мелитополь.

Увы, триумфального марша не получилось. Весь день 6 июня ветер крепчал, усиливалась качка, а наутро поднялся шторм. Вообще-то говоря, Азовское море не считается морем в полном смысле этого слова. Античные географы звали его Меотийским болотом, но они явно не попадали в шторм в этом болоте, иначе отнеслись бы к нему более уважительно.

Трепало нас крепко. На палубе лучше было не появляться — вполне могло смыть, и мы скучились в трюме, получая все возможные при шторме наслаждения. Как ни странно, прапорщик Геренис держался молодцом и трогательно откачивал бедную Ольгу, которая временами была на грани обморока. За поручика Усвятского я не волновался, а вот прапорщик Немно внезапно затосковал, побелел, мне даже стало за него боязно. Помочь было нечем. Поручик Усвятский, начитавшийся в детстве книг господина Станюковича, предложил старый боцманский способ — избиение страждущего железной цепочкой до крови. Признаться, ежели бы я верил в успех, то применил бы нечто подобное.

Нижние чины оказались на удивление стойкими. Лица юнкеров несколько позеленели, но это могло быть вызвано скверным освещением трюма. Господа бывшие краснопузые, распив добытый где-то самогон, играли в «шмен-де-фер». В общем, за личный состав я был более-менее спокоен.

Ночью, несмотря на волны, мы вытащили прапорщика Немно на палубу и стали приводить в чувство. Свежий воздух приободрил нашего цыгана, и он вполне связно изложил по просьбе поручика Усвятского три наиболее простых способа увода лошадей из запертой конюшни. К этому времени шторм начал понемногу стихать, и корабли вновь взяли курс на север.

Вскоре мы вновь остановились и до утра простояли невдалеке от берега. Сквозь утреннюю мглу можно было различить несколько транспортов, уже начавших высадку, причем, ежели мой «Цейсс» не обманывал, первой высаживалась конница. Около шести утра очередь дошла и до нас. К самому берегу подойти не удалось — не было пристани, пришлось прыгать прямо в воду, держа повыше винтовки, чтобы стволы не хлебнули

воды. К счастью, берег молчал — Кириловка (слухи не обманули, именно Кириловка) была пуста.

Наконец высадились все, мокрые, злые и смертельно усталые. Прапорщика Немно поддерживали под руки, а нашу сестру милосердия пришлось уложить на шинели прямо на берегу. Рядом разгружалась баржа, с которой выводили несчастных замученных лошадей и выкатывали повозки. Постепенно берег заполнялся пехотой. Конницы уже не было — как выяснилось, конная бригада генерала Шифнер-Маркевича уже ушла на север, к Акимовке.

Штабс-капитан Докутович подыскивал какой-нибудь подходящий сарай, чтобы немного обсушиться, но тут к нам подлетел незнакомый полковник в плащ-палатке, потребовал командира и, не дожидаясь ответа, начал распоряжаться. Оказалось, лошади и повозки предназначаются для нас. Наш отряд в составе одной из пехотных бригад должен был двигаться вслед за конницей Маркевича. При виде лошадей прапорщик Немно мгновенно ожил, лично проверив упряжь на наших повозках. Наконец, кое-как разместившись, мы покатили, насколько позволяли несчастные лошади, в сторону Акимовки. Воскресший Немно был теперь в своей стихии и, когда четвероногие сбавляли ход, начинал выть по-волчьи, отчего лошадки тут же прибавляли аллюра. Вскоре нас нагнал небольшой конный отряд, сопровождавший Якова Александровича. Командующий был вместе с авангардом.

Нас не ждали. По дороге мы то и дело встречали совершенно сбитых с толку краснопузых, которые стояли с поднятыми руками у обочины дороги, бросив винтовки прямо на землю. Мы подбирали винтовки, конфисковывали весь имевшийся запас махорки и отправляли их к месту высадки, в Кириловку. Разбираться было некогда, тем более перед нами оказались не боевые орлы, а обыкновенная тыловая сволочь, такая же, как у нас, только красного цвета. На таких жалко тратить лишнюю пулю.

До Акимовки мы так и не добрались. На полдороге, у села Родионовка, шел бой — наша конница сцепилась-таки с заслоном красных. К счастью, мы поспели вовремя и к вечеру вышибли комиссаров из села, причем большинство их предпочли не бежать, а сдаться в плен. Мы не потеряли ни одного человека — в Акимовке у красных стояли одни тыловые ко-

манды, едва ли знавшие толком, с какой стороны стреляет винтовка.

Первый успех заставил на время забыть все мрачные предчувствия. Казалось, время пошло вспять, мы снова в Донбассе и наступаем на Харьков, гоня перед собой очумелых большевиков. Однако с тех пор прошел год, и мы были не в Донбассе, а всего лишь на подступах к Мелитополю. А его еще следовало взять.

Уже на следующее утро, 9 июня, штабс-капитан Докутович, вернувшись с короткого совещания, которое проводил в штабе бригады сам Яков Александрович, озабоченно сообщил, что в Акимовку красные подбросили свежие силы, а какие-то части уже идут вдоль реки Молочной прямо на нас. Командующий приказал немедленно выступать.

В тот день было как-то по-особенному жарко, мы все ждали грозы, но небо оставалось чистым. К полудню все вконец одурели, и, ежели бы не наши повозки, отряд пришлось бы останавливать на дневку. Красных все не было, и я уже начал подумывать, что мы с ними попросту разминулись. Так бывало, и не так уж редко. Но где-то в час дня что-то загремело, мы соскочили с повозок и развернулись в цепь. Вскоре все стало понятно — показавшаяся впереди небольшая деревенька горела, из-за белых хат лупили гаубицы, а прямо на нас резвым аллюром мчалась конница, за которой тянулась пехота. Штабс-капитан Докутович приказал приготовиться, но через минуту все выяснилось — и конница, и пехота оказались нашими. В деревеньке, которая называлась Владимировка, окопались красные, и наш авангард дал задний ход. Они залегли рядом с нами, образовав беспорядочную кучу, по которой тут же ударила красная артиллерия. Не было возможности даже привстать, чтобы окопаться. Настроение сразу упало. Вот вам и триумфальный марш!

Лежали мы не менее получаса, вокруг уже было полно раненых, вдобавок куда-то пропал Шифнер-Маркевич, и его отряд пребывал в полнейшей растерянности. Командир бригады был ранен в первые же минуты, и я уже был готов посоветовать штабс-капитану Докутовичу брать командование на себя, как вдруг сзади послышался топот — к нам на полном скаку подлетели несколько десятков верховых. За ними чуть ли не бегом шла пехота. Несколько всадников спешились и направились

прямо к нам. Впереди шел Яков Александрович, весь в пыли и без фуражки. Мы коротко поздоровались, он махнул рукой, и мы сели прямо на землю, не обращая внимания на красные «гостинцы», пролетавшие над нашими головами. Подтянулись остальные офицеры, словно из-под земли появился худой мрачноватого вида генерал — пропавший Шифнер-Маркевич. Рядом с Яковом Александровичем находился знакомый нам по зимним боям уже не капитан, а полковник Мезерницкий. Теперь он командовал 8-м кавалерийским полком.

Яков Александрович первым делом поинтересовался, не скучно ли нам загорать. Получив наше дружное уверение, что скучнее некуда, он хмыкнул, порадовав нас, что у соседей дела еще веселее. Корпус Фельдфебеля еле удерживал Чаплинку, а печально знаменитая Чеченская дивизия умудрилась прошлой ночью угодить почти в полном составе в плен вместе со своим беком-абреком генералом Ревишиным. В общем, ежели мы сейчас не прорвемся к Мелитополю, летнее наступление можно считать оконченным.

Вопросов не было, все и так яснее ясного. Мы получили последние указания перед атакой, которую должен был возглавить полковник Мезерницкий. Яков Александрович, несмотря на наши протесты, заявил, что пойдет в первой цепи. Напоследок он лишь спросил, какую музыку заказать оркестру. Мы немного поспорили и сошлись на мазурке.

Пока Мезерницкий приводил в чувство наш набегавшийся авангард, оркестр не спеша выдвинулся аккурат на середину между нашими позициями и Владимировкой. Красные не стреляли — это был уже не 18-й год, и музыкантов научились щадить. Я еще раз повторил взводным наши обычные правила: в атаке не бежать, идти шагом, желательно в одном и тот же темпе. И не стрелять, с ходу по окопам вести огонь из винтовки бесполезно. Повторял я это, конечно, не для поручика Усвятского, а вот нашим прапорщикам лишний раз послушать не мешало.

Тут оркестранты подняли трубы, и загремела мазурка. Почти сразу же сзади послышался свист, конница Мезерницкого, перелетев через наши головы, помчалась к деревне. Мы встали, растянулись в цепь и пошли вслед за нею.

Красные такого не ожидали. Вообще-то, по боевому уставу деревню следовало обработать артиллерией, но пушки застря-

ли где-то в тылу, а нам сходило с рук и не такое. Сошло и на этот раз.

Конница ушла далеко вперед, и нам пришлось ускорить ход. Я несколько раз как следует гаркнул, покуда взводные догадались дать команду «шире шаг». Все это время я оглядывался, пытаясь увидеть Якова Александровича, и, наконец, обнаружил его в цепи первого взвода: командующий шел рядом с поручиком Усвятским, тот что-то с жаром рассказывал, а Яков Александрович посмеивался и дымил папиросой. Вскоре мы поравнялись с нашим оркестром, который, не переставая играть, занял позицию за цепью и двинулся следом. Я не выдержал и, подойдя к музыкантам, заказал нашу «Белую акацию». Под «Акацию» мы ворвались в окопы, но делать там было уже нечего — конница вышибла защитников революции, и они предпочли сдаться в плен. Кое-кто, впрочем, успел уйти огородами.

С пленными оказалось немало возни. Коннице Мезерницкого пришлось спешиться и выстраивать их в колонну, а пехоте — выделять конвой. Красные орлы выглядели не лучшим образом. Поручик Усвятский не выдержал и произвел блицдопрос первого попавшегося под руку. Оказалось, что большинство пленных — местные, мобилизованные всего несколько дней назад. Бить таких — невелика честь.

Владимировка была очищена, но Акимовка по-прежнему оставалась словно заколдованной. Очередной заслон вновь преградил нам путь, но на этот раз это были не тыловики и не мобилизованные. У Акимовки нас поджидали четыре красных бронепоезда, а над нами парил аэростат, на котором огромными буквами было написано: «Даешь Врангеля!»

Генерал Туркул, прочитав эти страницы, заметил, что они начали летнюю кампанию куда более романтично. В десант на этот раз не ходили, но зато пришлось отражать атаку жирафов, зебр и антилоп. Я не мог не поинтересоваться, как обстояло дело со львами и тиграми, но Туркул стоял на своем. Львов не было, а по поводу вышеперечисленной фауны мне может рассказать любой «дрозд». В конце концов мы позвали полковника Колтышева, которому любые фантазии противопоказаны, и он подтвердил этот невероятный случай.

Все объяснялось просто. Дроздовцы атаковали Асканию-Нова, и красные, убегая, открыли вольеры тамошнего зоосада.

Бедные четвероногие, вздымая пыль до небес, помчались прямо на «дроздов», приготовившихся было к атаке красной конницы. Увидев жирафов, «дрозды» пережили не самые веселые минуты, но вскоре все разъяснилось и кончилось вполне благополучно. Антилоп загнали обратно в вольеры, жирафы, правда, сумели поснимать с половины офицеров фуражки, а вот зебр довелось вязать и транспортировать против воли. Скормив бедным пленникам весь имевшийся запас сахара, «дрозды» пошли дальше. Экий таврийский Майн Рид! Жаль, прапорщика Гереииса там не было.

6 июня

Сегодня Туркул пригласил меня к себе и сообщил, что, пока я прохлаждался в госпитале, офицеры и нижние чины нашего Голого Поля устроили подписку, собирая средства на лечение нескольких офицеров, нуждающихся в санаторном режиме. Среди этих офицеров был и я. Туркул показал мне подписной лист, выглядевший очень внушительно. Деньги внес даже генерал Нога, а Фельдфебель выложил чуть ли не все месячное жалованье.

Достав бумажник, я извлек все его содержимое, прося внести его в этот фонд. Антон Васильевич в ответ заметил, что деньги мне пригодятся самому, пока я буду лечиться в том самом санатории. Пришлось объясниться. Я напомнил Туркулу размер суммы, которую мне назвало швейцарское светило. Столько едва ли найдется во всем Галлиполи, тем более требуются не лиры, а швейцарские франки, в крайнем случае британские фунты. Так что, надеюсь, собранные деньги помогут моим болящим сослуживцам. А мне и тут неплохо.

Туркул хитро посмотрел на меня и заметил, что можно обойтись и без швейцарских франков. Оказывается, он успел побывать в Истанбуле и посетить обитель этого светила. Бог весть о чем они там толковали, надеюсь, генерал обошелся без рукоприкладства, но в конце концов выяснилось, что вполне приличный санаторий имеется в Болгарии, а там сойдут и наши лиры. Лечение стоит куда дешевле, а отправиться туда можно где-то через месяц.

Я вспомнил приговор и произвел несложный расчет в уме. Вообще-то говоря...

Под конец Туркул меня обрадовал, сообщив, что о моей идее посетить руины Крепостной Трои он поведал генералу Витковскому. Владимир Константинович чрезвычайно заинтересовался (надо же!) и обещал в ближайшее время организовать небольшую экскурсию. Оказывается, даже idee fixe может иногда сбываться. Правда, к Гиссарлыку уже подбираются разъезды Кемаля, но остается уповать на обычную турецкую медлительность.

Перелистывая свои записи за июнь прошлого года, я то и дело натыкаюсь на достаточно неряшливо вычерченные схемы. Конечно, я не пытался копировать в дневнике оперативные карты (где мне их было взять?), просто хотел представить себе замысел летней кампании, перебирая возможные варианты. Не имея представления о некоторых важных частностях, главное я понял тогда, как мне кажется, верно. Понял — и не обрадовался.

Барон к лету успел сообразить, что из переговоров с красными ничего не выйдет. Стало ясно, что, сдерживая Русскую Армию в Крыму обещаниями мира, господа Ульянов и Бронштейн готовят удар на западе. Их ждала Коммунистическая Европа, а Белый Крым они были согласны терпеть только до подхода необходимых резервов, дабы потом скинуть нас в море. Барон, естественно, решил этого не ждать и воспользоваться успехами поляков и Петлюры. Отсюда — наше летнее наступление. У нас в активе была земельная реформа, соглашение с Пилсудским, Петлюрой и, по слухам, даже с Упырем, отдохнувшая восьмидесятитысячная армия и постоянная помощь Франции. Это мы понимали еще тогда, загадкой оставалось другое — чисто военные планы Барона. Логичнее всего было ожидать удара за Днепр, навстречу полякам. В крайнем случае мы могли попробовать прошлогодний вариант и прорываться через Донбасс и Харьков.

Мы не сделали ни того, ни другого. Наши удары веером разошлись по всей Северной Таврии, и пока мы брали Мелитополь, «дрозды» шли к Днепру. Мы били не кулаком, а растопыренными пальцами, и эффект такого удара никак не мог быть сокрушительным для господ большевиков.

Не мог — и не стал. Нас хватило только до октября.

Многие оправдывают Барона. Поговаривают, что за Днепр

его в первые недели не пускали англичане, чтобы не мешать полякам. А удар по Донбассу был нужен, чтобы прорваться на Дон, где нас всегда ждали. Может, Барон на это и рассчитывал. Но Дон к этому времени был уже надежно оккупирован и полностью разоружен, а десант Улагая на Кубань показал, что казаки предпочитают мириться с комиссарами. Вдобавок предполагаемые союзники ничего для нас не сделали. Не лучше вышло и с земельной реформой. Юристы вновь запели давнюю песнь о выкупе, а крестьяне платить не собирались. В общем, политически мы провалились почти сразу.

К тому же в самом начале нашего наступления красные переломили ход битвы под Киевом и погнали поляков назад. Так что мы здорово опоздали.

Есть циники, утверждающие, что наступление требовалось Барону для международного признания — и заодно для того, чтобы запастись провиантом в богатейших губерниях России. Особенно был нужен хлеб, который мы продолжали продавать на Запад почти до самой эвакуации. В таком случае Бог ему судья, нашему Барону.

Конечно, в первые дни мелитопольского десанта ни о чем подобном и не думалось. Мы снова наступали, наступали по той самой таврийской земле, по которой за полгода до этого уходили, отбиваясь от банд Упыря и господ красночухонцев. Теперь бежали они, а не мы, и это приносило невольное чувство удовлетворения. Когда наступаешь, быстро появляется то, что Клаузевиц называет привычкой к победе. А такая привычка — страшная вещь, даже если воюешь один против трех, как это было в те дни.

Правда, Рачья-Собачья умнела на глазах. И вскоре мы получили возможность почувствовать это на собственной шкуре.

Ни пехоты, ни конницы в Акимовке не оказалось. Наш десант глубоко вспорол красный тыл, а их фронтовые части еще не успели подойти. Но командование господ краснопузых, выиграв несколько часов, успело разместить у Акимовки бронепоезда, которые тут же открыли бешеный огонь, уложив наши цепи носом в траву.

Прапорщик Геренис, любопытство которого не исчезало даже под обстрелом, поспешил поинтересоваться у меня назначением аэростата. В первую минуту я и сам задумался, а

потом сообразил, вспомнив Германскую. Аэростат служил наблюдательным пунктом, откуда корректировался огонь с бронепоездов. Это уже вам не штыковая под музыку, это война по всем правилам, так сказать, по науке.

Мы вновь лежали в густой траве, а бронепоезда, остановив нас несколькими сильными залпами, лениво постреливали, экономя снаряды. Оставалось скучать и ждать подхода артиллерии.

С артиллерией нам всегда отчего-то не везло. И на этот раз после часового ожидания выяснилось, что подвезли всего четыре орудия. Наша батарея бодро открыла огонь, мы встали в полный рост, готовясь идти в штыковую, но не прошли и ста саженей, как вновь ударили пушки с бронепоездов. Нас не задело, и мы продолжали движение вперед, но огонь пушек становился все реже и реже, пока наконец не смолк. Очевидно, артиллерия красных, пользуясь аэростатом, засекла нашу батарею и подавила ее. Тут краснопузые вновь ударили, на этот раз шрапнелью, и пришлось снова залечь в траву.

Аэростат висел прямо над нами, вызывая невольные размышления по поводу намалеванного на нем лозунга. Я бы еще понял, ежели было бы обещано убить барона, но «даешь» приводило в недоумение. Кто и кому должен был «дать» (передать? выдать?) Петра Николаевича? Русский язык за годы Смуты определенно делал такие успехи, что моего образования уже не хватало.

Время от времени мы открывали по «колбасе», как было принято именовать аэростаты еще в Германскую, прицельный огонь, но проклятый выродок из семейства монгольфьеровых висел довольно высоко. Приближался вечер, и оставалось надеяться только на ночную атаку. А к господам краснопузым вот-вот могли подойти резервы.

Тут к нашим позициям на полусогнутых подбежал какой-то офицер и начал хриплым голосом вызывать артиллеристов. Оказалось, что одно орудие уцелело, но прислуга была перебита, и Яков Александрович приказал собрать всех, кто умеет отличить панораму от затвора. Вызвался поручик Усвятский — на Германской он полгода прослужил во взводе артиллерийской разведки.

Вскоре пушка действительно заговорила. После первого же снаряда бронепоезда дали залп, нас засыпало землей, над батареей взлетели черные столбы, но пушка рявкнула вторично, затем еще раз — и аэростат исчез. Третий снаряд разнес его буквально в клочья, и мы лишь успели заметить два белых купола — это красные наблюдатели спускались на парашютах.

За парашютистами мы наблюдали уже не лежа, а с ходу. Без всякой команды мы вскочили и, нарушая все правила, побежали прямо к железной дороге. Надо было не дать ослепшим большевикам времени сообразить, где мы и что делаем. Давно я так не бегал, как тем вечером под Акимовкой. Но расчет оправдался — через десять минут мы уже кололи штыками немногочисленное прикрытие, а затем занялись бронепоездами. Теперь мы находились в мертвой зоне, и пушки были бесполезны. Зато заговорили пулеметы. На новичков, знаю по себе, бронепоезд, особенно вблизи, производит сильное впечатление. Этакое первобытное чудище, клепаный монстр с хоботами трехдюймовок. Но мы навидались всякого и прекрасно знали ахиллесову пяту этого бронированного дракона — его лапы, то есть, попросту говоря, колеса.

Мы залегли саженях в пятидесяти от ближайшего бронепоезда, на котором было написано белой краской «Товарищ Троцкий», и начали лупить, не жалея патронов, по смотровым щелям и бойницам. Это только со стороны кажется, что экипаж железного монстра надежно защищен. Бойницы прекрасно поражаются прицельным огнем, и противник «слепнет». Покуда мы от души тратили патроны, прапорщик Немно с двумя юнкерами, прихватив с собой сумку с ручными бомбами, стал обходить бронепоезд слева. Надо было выиграть несколько минут, но чудище, словно что-то почуяв, пустило дым и начало подергиваться, собираясь уходить.

Упускать такого красавца было жаль, и я крикнул пулеметчику, чтоб он бил по паровозу. Паровоз защищен надежно, но грохот пуль по броне поневоле должен был заставить господ красных машинистов переждать минуту-другую.

Поезд все дергался и пускал дым, пули лупили по броне, и тут слева грохнул взрыв, затем еще один, еще. Дело было сделано. Бронепоезд резко дал задний ход, но сразу же остановился — прапорщик Немно поразил дракона в его пяту, взорвав железнодорожное полотно.

Минут двадцать они еще отстреливались, но с каждой минутой все более неуверенно. К нам подбежал штабс-капитан

Докутович с сообщением, что один из бронепоездов все-таки ушел, один захватили с ходу, а один, как и наш «Товарищ Троцкий», оказался в ловушке. Тем временем красные, сообразив, что зря расходуют патроны, замолчали. Я вытащил белый платок, намотал его на штык и помахал в воздухе. Этот интернациональный жест подействовал сразу, и когда я вышел вперед, дверь одного из вагонов со скрежетом растворилась.

Мне много раз приходилось вести подобные переговоры, поэтому, даже не глядя на склонившегося ко мне толстяка в кожанке, я потребовал немедленной сдачи, обещая в случае отказа разнести паровоз из тяжелых гаубиц. Чтобы не было особых сомнений, я напомнил судьбу аэростата и пригрозил начать именно с этого вагона. Взамен я обещал всех находившихся в поезде взять в плен живыми и здоровыми. Впрочем, через пять минут гарантии заканчивались. Толстяк в кожанке поинтересовался судьбой членов большевистской партии и бывших офицеров. Я велел не торговаться и вылезать наружу.

Тут где-то рядом грохнул разрыв трехдюймовки. Били с одного из бронепоездов, но у страха глаза велики, и экипаж «Товарища Троцкого» принял это за начало обстрела. Через минуту толстяк стоял рядом со мной на насыпи, от волнения даже забыв отстегнуть кобуру «маузера». Вслед за ним из вагонов начали вылезать остальные.

Уговор есть уговор, и мы взяли в плен всех, хотя несколько краснопузых имели настолько комиссарский вид, что сдержаться было трудно. Троих молодых ребят в незнакомой мне новенькой форме с красными нашивками скрутили сами же красные. Это оказались курсанты-добровольцы, пытавшиеся взорвать орудийную башню и отправить всех нас на небеса. Молодые люди чуть не плакали и смотрели на нас с такой ненавистью, что мне даже стало не по себе. Так мы впервые встретились с красными юнкерами-курсантами. Им было лет по восемнадцать, так сказать, новое поколение. Я им невольно посочувствовал, особенно когда один, не выдержав, вдруг начал кричать, именуя нас по полному списку белыми гадами, помещиками-капиталистами, агентами Антанты и требуя немедленного расстрела. Мы оставили их под охраной и занялись трофеями.

Бронепоезд был целехонек, с чем нас вскоре и поздравил Яков Александрович, завернувший к нам из взятой уже Акимовки. Красные, оставшись без бронепоездов, не стали оборонять село и ушли на север. Яков Александрович был в хорошем настроении, сообщил, что за весь бой мы потеряли убитыми девять человек, в основном артиллеристов нашей батареи, зато Акимовка захвачена, а нам достались три бронепоезда. Он дал согласие переименовать «Товарища Троцкого», и мы, замазав антихристово имя, белой краской вывели на броне «Подполковник Сорокин».

Штабс-капитан Докутович приказал оставаться покуда у бронепоезда. Наша Ольга занялась ранеными, пленных согнали в колонну, а прапорщик Немно начал ходить кругами вокруг походного лазарета, уверяя сестру милосердия, что он ранен навылет осколком гранаты. К счастью, раны оказались только душевными.

Поручика Усвятского все не было, и я уже начал волноваться, когда он, наконец, появился, грязный, с огромной царапиной за ухом и вдобавок благоухающий картофельным самогоном. Я спросил, как поживает красный аэростат, на что последовала длинная тирада, от которой трава увяла в радиусе десяти саженей. Как я понял, речь шла о поврежденном прицеле на орудии, которое пришлось наводить чуть ли не по каналу ствола. Поскольку победителей не судят, я не стал спрашивать поручика о самогоне, а отправил к Ольге на перевязку. Как он позже рассказывал, их дважды крепко накрыло, прежде чем снаряд разворотил красную «колбасу».

Мы заночевали на станции, предварительно заслушав приказ Якова Александровича, в котором особо были отмечены наши артиллеристы, в том числе поручик Усвятский. Получили благодарность и мы с капитаном Докутовичем за бронепоезд. Прапорщик Немно даже не упоминался, хотя я лично доложил о нем командующему.

Увы, и самые лучшие начальники не всегда справедливы!

Наутро произошла легкая заваруха. Несколько десятков пленных потребовали включить их в нашу армию, отказываясь идти в тыл. В основном это были наши бывшие солдаты, взятые в плен красными и тут же, как это делали и мы, направленные на фронт. Яков Александрович, узнав, в чем дело, разрешил, и пленных распределили по подразделениям. В нашу роту попали пятеро молодых людей, недоучившихся гимнази-

стов, мобилизованных красными в Мелитополе и Екатеринославе.

Мы пошли дальше, прямо к Мелитополю, не встречая никакого сопротивления. Красные все еще огрызались у Чаплинки, тесня корпус Фельдфебеля и пытаясь удержать небольшой плацдарм на побережье у Степановки. Но это была уже агония. Командование нашей старой знакомой, XIII армии, начало оттягивать уцелевшие войска к Каховке.

Мы наступали вдоль железной дороги, изнывая от жары и с надеждой поглядывая на небо в поисках хотя бы одного-единственного облачка. Увы, небо было совершенно чистым, серовато-голубым, а палило так, что некоторые из нижних чинов снимали сапоги и шли босиком. Кто-то предложил сложить винтовки на подводы и идти налегке, но этого я не позволил. Расслабиться, конечно, можно, но не до такой же степени.

Весь следующий день мы брали трофеи. Красные, оттягивая боевые части, махнули рукой на обозы, и мы устали подсчитывать бесконечные телеги с разного рода военным и прочим припасом. Мы лишь меняли лошадей для наших подвод и шли дальше. Хорошо было бы захватить несколько грузовых авто с запасом бензина, но авто мы захватили только два, и оба легковые.

Наша молодежь чувствовала себя солдатами Александра Македонского, прибирающими к рукам Персидскую державу. Признаться, столько добра мы не захватывали у красных ни разу, даже в славное лето 19-го. Но я не чувствовал особой радости. Мы вспороли тыл только одной из армий, даже не разбив ее до конца. А этих армий у большевиков оставалось больше чем достаточно. И ежели у каждой такие обозы! Да, красным в 20-м году не приходилось считать патроны и делить сухари.

10 июня мы вошли в Мелитополь. Я не узнавал город — в последний раз мы видели его в январе, промерзшим, забитым беженцами. Теперь же Мелитополь словно вымер — жители сидели в погребах и ждали, пока устоится новая власть. Боев в городе не было — части красных быстро уходили на северо-запад. Нашему отряду, как и всей бригаде, не довелось вкушать хлеб-соль и принимать букеты от гимназисток. Мы быстро прошли через еще не очухавшийся город и заняли оборону в нескольких верстах от северной окраины. Радоваться было рановато — XIII армия красных готовила ответный удар. Поговаривали, что у нее теперь новый командующий — бывший пехотный поручик Уборевич, которому якобы не исполнилось еще и двадцати пяти лет.

Поручик Усвятский попросил у меня брошюру господина Ульянова-Бланка. Великий роман приближается к кульминации: отважные герои Дроздов и Морозов попадают на допрос прямо к господину Ленину. Поручик, всегда стремящийся к точности, желает вложить в уста симбирского заики, наряду с руганью и угрозами, подлинные его высказывания. Я посоветовал поручику особенно не увлекаться, дабы окончательно не раздраконить генерала Ноги, который, того и гляди, припишет нам пропаганду большевизма.

7 июня

Вчера опять была дуэль. Два алексеевца выясняли отношения по поводу Учредительного Собрания. Оно, конечно, было бы смешно, но один убит наповал, а второй умудрился получить пулю в легкое. Самое страшное, что все воспринимают это очередное убийство как нечто вполне само собой разумеющееся. Я вновь высказал все, что думал, Туркулу, услыхав в ответ прежние аргументы. К Фельдфебелю обращаться бесполезно, а значит, следует поговорить с генералом Витковским. Должны же остаться на нашем Голом Поле разумные люди!

Сегодня уехала еще одна группа офицеров. Говорят, вот-вот начнут составлять какие-то списки и нас понемногу примутся развозить по Занзибарам. Чаще всего почему-то называют Марокко. Возможно, потому, что в Бизерте (если Бизерта, конечно, находится в Марокко) стоит наш флот, которому, увы, уже не вырваться из лап господ союзничков. Говорят, в Марокко нас будут вербовать для войны против какой-то Рифской республики. Не знаю, что это за республика, но ежели там не большевики, то я охотно завербуюсь туда, дабы слегка проучить лягушатников. Хотя что это я так расхрабрился? Мне бы до санатория дотянуть.

Генерал Туркул заявил, что французы и вправду вербуют офицеров для войны в Марокко, но армию будут переводить все же куда-нибудь поближе, по слухам, в Болгарию или в Сербию. Ну, поживем — увидим.

Антон Васильевич, прочитав предыдущие страницы, просит объясниться по поводу одной, с его точки зрения, несообразности. Он не понимает, отчего это я, описывая блестящее начало летнего наступления, все время упоминаю о своих пессимистических прогнозах. Ему кажется, что я переношу свое сегодняшнее настроение на события годичной давности. Лично он прошлым летом был уверен, что таврийская операция закончится ежели не в Москве, то, во всяком случае, в Киеве или в Харькове. А имея за своей спиной Новороссию и Малороссию, можно надеяться следующей весной идти прямо к Белокаменной.

Так думали многие, может быть, на это надеялся и сам Барон. Но я не кривлю душой, говоря о своей прошлогодней уверенности в том, что наша летняя кампания будет последней. Это я понял еще весной. Прежде всего, не от хорошей жизни Барон вел переговоры с красными. Даже весной 18-го, когда у нас не оставалось ничего, кроме винтовок и пустых подсумков из-под патронов, ни у кого подобной мысли не возникало. Ежели мы, имея танки, самолеты, флот и помощь Европы, готовы подписать мир с господами Ульяновым и Бронштейном, значит, у нас просто нет другого выхода.

Начало наступления подтвердило мои предположения. Мы лихо прорвались к Мелитополю. Это был блестящий рейд, за который нам поставил бы «отлично» сам Упырь. Недаром Якову Александровичу приписывают слова, что он хотел бы стать вторым Махно. По сути, мы действовали, как партизанский отряд, но партизанские отряды войн не выигрывают. Регулярная армия — медведь неповоротливый, однако и медведь рано или поздно встает на дыбки. Лихости может хватить на неделю, для серьезного сражения нужна армия. А нас было так мало, что ежели вдруг господин Уборевич решил бы сдать свою XIII армию в плен, наших сил не хватило б даже для конвоя. А бывший поручик в плен сдаваться не собирался. И это мы почувствовали очень скоро.

Так что уже тогда я был уверен, что в степях Таврии решится наша судьба. Впрочем, Барону вряд ли удалось бы отсидеться за Перекопом, ведь не отсиделся же он в ноябре! Итак, для меня летняя кампания 20-го была последним парадом. Понял я это сразу и завидовал оптимистам, подобным генералу Туркулу.

Мы окопались севернее Мелитополя, установили пулеметы

и стали ждать. В контрудар красных поначалу не очень верилось — из Мелитополя они бежали так быстро, что бросили склады, способные обеспечить наш корпус на полгода. Впереди время от времени что-то грохотало, но нижние чины, а потом и офицеры стали потихоньку снимать сапоги и гимнастерки, устраиваясь прямо в поле под солнышком. Река Молочная была совсем рядом, так что пришлось отпускать личный состав повзводно купаться.

В первое же купание прапорщик Геренис, желая показать пример остальным, прыгнул с обрыва и напоролся на корягу, порезав руку и, что самое неприятное, ногу. Ногу пришлось забинтовать, и прапорщик мог передвигаться только с импровизированной тростью. Я поглядел на его потуги и велел немедленно отправляться в госпиталь.

И тут я впервые увидел, как прапорщик испугался. Он переводил взгляд с растерянной Ольги на непроницаемого прапорщика Немно, умоляюще смотрел на меня и, наконец, попросил оставить на позициях. Поручик Усвятский пообещал ему гангрену и посоветовал немедленно убираться в тыл, присовокупив, что не подпустит нашего цыгана к Ольге ближе чем на двадцать шагов. Тогда Геренис, побледнев от волнения и вставляя в речь литовские слова, сбивчиво объяснил, что не может оставаться в тылу, когда отряд готовится встретить красных, а взвод к тому же лишается командира. Я уж совсем было собрался гаркнуть и направить его в Мелитополь, но прапорщик отвел меня в сторону и жалобно попросил оставить его хотя бы на денек. Ему было стыдно появляться в госпитале с такой, с позволения сказать, раной. Я посмотрел на него и махнул рукой. В конце концов, перевязку можно сделать и на позициях, а в наши госпитали я не очень верил.

Прапорщик Геренис от радости даже отбросил посох и бодро заковылял к своему взводу. По этому поводу я прекратил купание и велел как следует выкосить траву перед брустверами. Тишина начинала меня изрядно смущать.

Вечером на позиции подъехали Яков Александрович и наш бригадный, фамилию которого я уже не упомню. Командующий, похвалив нашу позицию, сообщил, что красные атакуют Серогозы, где наша 34-я дивизия пытается помочь полуокруженному корпусу Фельдфебеля. А прямо перед нами, у станции Федоровка, господин Уборевич собирает ударную группу. Ежели красные прорвутся у Серогоз и сумеют обойти Мелито-

поль с востока, корпус окажется в кольце. Мы должны держать оборону здесь, чтобы краснопузые не смогли внезапным ударом отбить город и рассечь части корпуса пополам.

Да, радовались мы рано. XIII армия красных никуда не делась и была готова дать сдачи. Под началом у Якова Александровича имелось не более пяти тысяч штыков и сабель, и мы опять воевали в соотношении один к трем. Выходит, я не зря оставил прапорщика Герениса на позиции!

Красные полезли утром. Они шли молча, ровными цепями, а впереди пылили два броневика. К нашему счастью, они не успели подвезти артиллерию, зато в небе вновь появились аэропланы, правда, на этот раз не «Ньюпоры», а «Фарманы» и «Сопвичи». Аэропланы сделали над нами круг, сбросили несколько бомб и ушли с сторону Мелитополя. Летуны, однако, промазали — взрывы прогремели саженей за сто перед нами.

Первую атаку мы отбили на удивление легко. Как только ударили наши пулеметы, цепи остановились, броневики открыли ответный огонь, и красные стали пятиться. Зрелище было привычное, удивило лишь, что в следующую атаку они пошли тут же, почти не переводя дыхания. После третьей атаки пришлось задуматься.

Это были какие-то другие красные. Краснопузых мы навидались всяких. Видели взбесившуюся солдатскую толпу, рвавшую офицеров на части в декабре 17-го. Видели рабочие отряды в обязательных черных кожанках — народ смелый, но глупый, ходивший в атаку в полный рост и натыкавшийся на наши пулеметы. Видели и самую опасную погань — китайцев, латышей и ту же чухну. А вот теперь перед нами было что-то новенькое. Я не удержался и подозвал поручика Усвятского. Тот махнул рукой и заявил, что это обычная красная сволочь, не стоящая даже того свинца, что мы на нее тратим. Я предложил ему присмотреться внимательнее, тем более начиналась очередная атака.

Больше всего меня удивила продуманность их действий, как будто это был не батальон, а сыгранная спортивная команда. Они ожидали, пока заработают наши пулеметы, а потом не бежали, а отходили красиво, грамотно, не потеряв пока — я был в этом уверен — ни одного человека. Будь это наши войска, я бы решил, что имею дело с офицерскими частями. Мы делали нечто подобное в Донбассе за год до этого, когда

нужно было выманить красных из окопов или держать их фронт в постоянном напряжении.

Когда они полезли на нас в пятый раз, рота была уже готова. На этот раз мы не стреляли, и красные цепи без помех шли прямо к нашим окопам, постепенно замедляя ход. Меня сейчас интересовало, пустят ли они вперед броневики, и когда я увидел, что броневики остались за первой цепью, окончательно убедился, что передо мною — элитные красные части. Впрочем, и мы еще кое-что умеем.

Я рассчитал, что к окопам их нельзя подпускать ближе чем на тридцать саженей — иначе они успеют, как и велит устав, достать ручные бомбы. Но я тоже знаю уставы, поэтому рота ждала их не в окопах, а саженях в двадцати перед ними, в густой траве. Для подобных дел у меня в полевой сумке имелся свисток, я приложил его к губам, изобразив то ли Соловья-Разбойника, то ли Лихо Одноглазое, — и перед красными цепями встала шеренга сорокинцев. Пулеметчики ударили по башням броневиков, а две группы во главе с нашими прапорщиками бросились к чудищам, держа наготове ручные бомбы. Красные не оплошали и тут. И хотя штыковую они проиграли — наши юнкера оказались проворнее, — но отступили без паники, вдобавок один из броневиков успел прижать нас к земле, дав возможность красным оторваться и исчезнуть. Второму броневику повезло меньше — бомба, брошенная одним унтер-офицером третьего взвода, заклинила пулемет, а еще одна бомба разнесла колесо. Люк броневика оказался открытым, туда полетела третья бомба, после чего чудище перестало внушать всякие опасения.

Мы вернулись в окопы, потеряв двоих ранеными. Красных потерь было в несколько раз больше, они лишились одного броневика, а поручик Усвятский и его юнкера скрутили двух красных орлов. Теперь мы могли поглядеть на наших противников воочию.

Я сразу узнал эту форму, новую, с большими нашивками на рукаве. Да и ребята были очень похожи на тех, из бронепоезда. Красные курсанты, молодая большевистская гвардия.

Курсанты имели весьма потрепанный вид, лишившись в драке пуговиц, а после драки — ремней, зато приобретя несколько изрядных синяков. Я был встречен весьма откровенными взглядами, посему решил поручить поручику Усвятскому пого-

ворить с ними о жизни. У него это превосходно получается, поручик способен разговорить любого самого фанатичного большевика, не касаясь поначалу военных вопросов. Но как только пленный размякал, допрос продолжал я.

Итак, поручик Усвятский взял этих двоих в оборот, я похвалил прапорщика Гереииса за броневик, утешил прапорщика Немно, от которого броневик улизнул, и стал разглядывать в окуляры «Цейсса» позиции красных. Время шло, а очередной атаки не было. Вероятно, они взяли тайм-аут.

Я докуривал папиросу, как вдруг услыхал громкий крик. Подскочив и выхватив револьвер, я сообразил, что кричит поручик Усвятский. Это было настолько редкое явление, что я спрятал револьвер и направился в окоп. По дороге я успел ознакомиться с высказываемыми вслух планами поручика по отношению к нашим пленникам, командованию Рачьей и Собачьей, лично господину Бронштейну и самому вождю мирового пролетариата товарищу Ульянову-Бланку. Попадись они все в данный момент в поле зрения бывшего химика, им пришлось бы туго.

Пленные сидели на корточках, прислонившись к стенке окопа, а поручик Усвятский, зеленый от гнева, стоял над ними и шипел, выпуская пар. Курсанты глядели на него вполне поволчьи. В общем, полная идиллия. Мне было очень интересно узнать, чем они так допекли моего поручика, но это можно было отложить на потом, и я легко тронул его за плечо. Усвятский понял, гневно поглядел на красных героев и удалился.

Теперь надо было держать паузу. Я одернул китель, поправил кобуру и заложил руки за спину. Где-то через минуту пленные, не сводя с меня глаз, начали приподниматься. Наконец они стояли передо мною почти что по стойке «смирно», но глаза по-прежнему блестели, и я чувствовал, что после первого же моего вопроса они запоют «Интернационал».

Я поглядел поверх их голов и достал пачку «Мемфиса». Обычно это действует, но на этот раз оба изобразили некурящих, решив не принимать дары от белоданайцев. Публика попалась тяжелая, а посему надлежало бить в самую больную точку. Молодые люди хотели умирать героями — что ж...

Как можно суше, добавив лишь самую малость иронии, я поинтересовался, почему они так бездарно атакуют, высказав предположение, что ими командует бывший дворник. Конечно, с бывалыми солдатами такой фокус не прошел бы, но для этих мальчиков оказалось в самый раз, и они бросились защищать честь мундира. Через минуту я уже знал, что их командир, бывший штабс-капитан, а ныне комбриг Около-Кулак — не чета белым гадам, атакуют же они правильно, поскольку имеют приказ сдерживать белых гадов у Мелитополя, не давая перебросить части на другие участки. Все это было изложено истово, в два голоса, после чего курсанты начали наконец что-то соображать, испуганно посмотрели друг на друга и замолчали. Я протянул им «Мемфис», и на этот раз мы все оказались курящими.

На ребят было жалко глядеть. Они начали киснуть на глазах, хотя внешне еще старались держаться. Я по-прежнему молчал, и тут один из них, не выдержав, спросил у меня дрогнувшим голосом, расстреляют ли их. Что было ответить? Конечно, расстреляем. Красных курсантов в плен мы не брали — это были не мобилизованные тамбовские мужики и даже не одуревшие от большевистской пропаганды путиловские рабочие. Это настоящие враги, будущие офицеры Рачьей и Собачьей. Я хотел так и ответить, но вдруг представил себе наших юнкеров, попавших в плен, так же расколовшихся на первом допросе и спрашивающих, что их ждет. Им бы всем в гимназии учиться!..

Тем же тоном я поинтересовался, сколько им лет. Обоим оказалось по восемнадцать. Изобразив досаду, я заявил, что несовершеннолетних, то есть не достигших двадцати одного года, мы не расстреливаем, а отправляем в лагеря для военнопленных. Это была, разумеется, чушь, но поверили сразу. Поверили — и тут же превратились из твердокаменных большевиков в смертельно испуганных, но счастливых оттого, что останутся живыми, мальчишек. Я вызвал конвой.

Тут, однако же, появился поручик Усвятский и поинтересовался, что я собираюсь делать с красными юнкерами. Я сообщил, что отправляю их в тыл как живое подтверждение очень важной информации, которую только что удалось получить. Стало ясно, что главный удар краснопузых наносится на флангах, а у Мелитополя производится демонстрация. Кроме того, у бывшего поручика Уборевича появились свежие части, например, эта курсантская бригада во главе с бывшим штабс-капитаном Около-Кулаком. Поручик Усвятский свирепо посмотрел

на пленных и заявил, что их надо немедленно расстрелять. Я предложил ему сделать это самолично, поручик подумал и предложил их не расстреливать, но хотя бы надрать уши.

Оказывается, Усвятский, как обычно, заговорил с курсантами о жизни, естественно, упомянув студенческие годы и родной химический факультет. На это последовала реплика одного из курсантов, что органическая химия победившему пролетариату не нужна, а посему студентов с профессорами надо отправить на разработки соли, кроме тех, по ком плачет «чека». Пролетарской революции химики не нужны!

Бедный поручик Усвятский!

Курсант был не так прост, перефразируя известное высказывание господина Робеспьера. Да, это вам не прежние небритые пейзане!

Я отправил пленных вместе с донесением в штаб бригады, а сам, воспользовавшись затишьем, отправился к штабс-капитану Докутовичу. Тот, как обычно, выговорил мне за контратаку, произведенную без приказа, а затем мы стали думать, что делать дальше. Я предложил не надеяться на беспросветную глупость красных и попытаться поставить себя на место поручика Уборевича. Мы порассуждали на эту интересную тему, после чего я вернулся в роту и приказал всем взять лопаты.

За годы Смуты мы разучились как следует окапываться. Война была дилетантской, повторю это еще раз, а посему куда больше внимания обращалось на засады, налеты, набеги — в ущерб фортификации. Наша молодежь, не прошагавшая Германскую, и представления не имела, что такое настоящая траншея полного профиля. Меня в очередной раз приняли за самодура, решившего занять личный состав в перерыве между боями, но я рыкнул, велел не рассуждать, а копать землю. Причем не просто углублять окопы, но рыть «лисьи норы» — затейливое изобретение нашей фронтовой голи. Юнкера понятия не имели о «лисьих норах», но, к счастью, в роте осталось несколько фронтовиков, и дело пошло. Два раза мы прерывали работу, чтобы отбить атаки красных, но те атаковали скорее для виду, чтобы не дать нам забыть о своем существовании. Они чего-то ждали. Мне оставалось надеяться, что я угадал, и после очередной атаки вновь приказывал всем браться за шанцевый инструмент.

Ночью было тихо, только на севере со стороны красных

окопов то и дело взлетали разноцветные сигнальные ракеты. Раньше я бы не обратил на это особого внимания — мало ли кто балуется с ракетницами, но теперь каждая мелочь могла иметь значение. В конце концов я растолкал прапорщика Немно, мирно прикорнувшего прямо на ящиках с патронами, и спросил, почует ли цыган коня за три версты. Прапорщик изумился, но кивнул утвердительно. Тогда я велел ему накинуть шинель — было прохладно, несмотря на жаркий день, — и мы аккуратно, стараясь остаться незамеченными, выбрались из окопов.

Всюду было спокойно, только откуда-то из траншеи доносился храп да что-то стрекотало в траве. Прапорщик прислушался, помотал головой, отгоняя сон, и уверенно заявил, что слышал со стороны красных позиций ржание. Значит, лошади...

У прапорщика загорелись глаза, и он предложил сходить, то есть, конечно, сползать, дабы взглянуть своими глазами. Я заметил, что разведка — штука хитрая и высшее техническое образование не гарантирует успешного возвращения, но прапорщик лишь усмехнулся, пообещав угнать для меня коня любой масти по заказу. О коне я велел забыть, прапорщик вздохнул и, оставив мне шинель, ящерицей исчез в траве.

Появился он только под утро, весь измазанный зеленью и отчего-то с царапинами на левой щеке. Коня он не привел, но зато увидел главное. Лошадей было не так много, всего около сотни — сотня лошадей, запряженных в артиллерийские упряжки. Двенадцать тяжелых гаубиц. Две батареи.

...Они ударили ровно в шесть утра, сразу, без пристрелки. Это нас и спасло — первый залп оказался недолетом. Я скомандовал «в укрытие», но тут прогремел второй залп, и пришлось кричать еще раз, пока сонные взводные не растыкали испуганно озирающихся людей по «лисьим норам». На Германской такое приходилось видеть неоднократно. Недолет, перелет... Это называется вилка. Третий залп накроет нас с головой — ежели, конечно, они умеют стрелять.

Стрелять они умели, и я успел прыгнуть в «лисью нору» за секунду до того, как снаряды легли прямо по линии наших траншей. Затем еще раз, еще. Не углуби мы вчера окопы да не вырой эти норы, роты уже не было бы. Видел я такое на Гер-

манской, когда немецкие «чемоданы» накрывали целые батальоны.

Нас обрабатывали минут двадцать. Под конец я начал сомневаться, уцелел ли еще кто-нибудь, кроме меня. Я был весь в земле, узкая нора не позволяла даже отряхнуться, и я мог лишь сдувать пыль с носа и губ. Когда все стихло, я выждал минуту и не без труда выбрался наружу.

Вокруг расстилалось нечто совершенно марсианское, окопы превратились в неровную цепочку гигантских воронок, а на горизонте уже вырастали ровные ряды молодых ребят в новенькой форме. Господа курсанты наступать изволили.

Я хотел скомандовать, но голос не слушался — меня все же немного оглушило. Рядом кто-то заорал «К бою!», я узнал голос поручика Усвятского, и тут же прямиком из-под земли стали появляться исчезнувшие нижние чины. Я успел сообразить, что уцелело нас не так уж мало, зато пулеметы, похоже, накрылись все, а меня считают пропавшим без вести. Во всяком случае, в перерыве между командами поручик Усвятский кричал, обращаясь неизвестно к кому: «Где ротный?», и кто-то уже успел отрапортовать о том, что меня «нигде нету», не иначе разорвало на части.

Наконец, я пришел в себя окончательно, отряхнул землю и появился, словно факир из пустого ящика, первым делом велев не стрелять без команды и проверить пулеметы. Два «максима» действительно накрылись, один уцелел. Вдобавок у нас имелось два «гочкиса», так что жить было можно. Мы подпустили красных юнкеров на полсотни шагов, дабы они уверились в нашей полной погибели, затем я достал свисток и вновь изобразил Одихмантьева сына.

И все-таки они не побежали. Цепь упала на землю, курсанты начали отползать, при этом отчаянно отстреливаясь. Я хотел вновь скомандовать атаку, но сообразил, что оставлять окопы сейчас опасно. Вместо этого я приказал проверить личный состав, а заодно и поглядеть, не завалило ли кого-нибудь в наших норах.

Обстрел стоил нам семерых убитыми и вдвое больше ранеными. В одной из нор мы откопали троих юнкеров, перепуганных, но живых и здоровых.

Это был лишь первый тур. Вскоре начался второй.

На этот раз они решили не жалеть снарядов. Обстрел продолжался ровно два часа. Со стороны это выглядело жутковато — там, где были окопы, стояло гигантское пылевое облако, сквозь которое время от времени прорывались фонтаны черной земли и красные языки пламени. Прямо какой-то Верден!

Я упомянул о виде со стороны, поскольку нашей роты в окопах не было. Сразу после атаки мы, как и договаривались со штабс-капитаном Докутовичем, отвели отряд на полверсты назад, спрятав его в небольшой балке. Сделали мы это быстро, преодолев большую часть этого расстояния ползком. Удовольствие ниже среднего, но все же приятнее, чем на собственной шкуре пережить двухчасовой обстрел.

Как только красные гаубицы замолчали, мы тем же порядком вновь заняли то, что когда-то было нашими окопами. Шли мы туда, не прячась — поднятая взрывами пыль создала прекрасную дымовую завесу. Наверное, господа курсанты чрезвычайно удивились, обнаружив, что мы все еще живы и здоровы. Во всяком случае, отступали они на этот раз куда в меньшем порядке и до вечера дали нам передышку. Только красные «Фарманы» время от времени кружили над нашими позициями, но бомб отчего-то не сбрасывали, и мы перестали обращать на них внимание.

Два следующих дня в моем дневнике не отмечены. Насколько я помню, красные продолжали атаковать, все с тем же успехом. Из Мелитополя подошла подмога — батарея полковых гаубиц, а в воздухе наконец-то появились наши «Ньюпоры».

14 июня я сделал в своем дневнике очередную запись. Все утро нас никто не тревожил, красные словно вымерли. К полудню нам стало скучно, и несколько наших юнкеров решили рискнуть и проползти пару верст, дабы узнать, чего поделывает курсантская бригада. Через час они вернулись обратно, шагая в полный рост по высокой густой траве. Прятаться было незачем — красные ушли.

К вечеру мы узнали, что Дроздовская дивизия вместе с нашим 8-м кавалерийским полком взяли наконец Серогозы и наступают на Федоровку. XIII красная армия срочно снималась с позиций и отходила на Большой Токмак.

Первое действие мы отыграли успешно — Северная Таврия отныне наша.

Генерал Туркул, прочтя страницы, посвященные курсантской бригаде, усмехнулся, ненадолго удалился, а затем показал мне странной формы знак с красной пентаграммой. Этот амулет мне знаком — большевистский орден Боевого Красного Знамени, хранящийся среди трофеев Дроздовской дивизии. Туркул предложил приобщить его к моему повествованию, поскольку сей орден принадлежал тому самому штабс-капитану Около-Кулаку, командиру курсантской бригады. «Дрозды» сорвали орден с его кителя 17 августа 1920 года недалеко от села Михайловки, где остатки бригады вместе с командиром нашли свой конец. Этот Около-Кулак служил в Преображенском полку вместе с Фельдфебелем и руководил полковыми песельниками. Во всяком случае, так утверждает сам Фельдфебель.

9 июня

Дивны дела твои, Господи! Не знаю, надо ли об этом вообще писать. Пожалуй, упомянуть стоит — как-никак страничка наших нравов. Или традиций, уж не знаю, как точнее.

Сегодня утром меня вызвал генерал Витковский. Я был уверен, что это связано с очередным моим рапортом по поводу дуэлей. Так и вышло. Витковский встретил меня вежливо — он всегда вежлив, не чета Фельдфебелю — и сообщил, что генерал Туркул передал ему мое мнение. Я был готов еще раз повторить свои аргументы, но Витковский остановил меня, заявив, что в целом со мной согласен. Более того, командирам сводных полков будет дан приказ сдерживать офицеров и решать конфликты через суды чести, не доводя дела до стрельбы. Вместе с тем Витковский считает, что полностью дуэли отменить невозможно, пока существует Галлиполи. Его мысль проста: отрицательные эмоции должны как-то выплескиваться. Ежели бы дуэлей не было, офицеры стали бы резаться кухонными ножами. Был бы фронт, вся ненависть досталась бы врагу. Но фронта уже нет.

Возможно, в этом он прав. Во всяком случае, я не стал спорить, тем более Витковский подтвердил ширяшиеся слухи о скором отъезде. До Занзибара как-нибудь постараемся продержаться без лишней грызни.

Но все это было лишь вступление. Внезапно Витковский сделал строгое лицо и поинтересовался, по какому праву я до сих пор ношу погоны штабс-капитана. Я тут же спросил, каким числом датируется приказ о моем разжаловании. Он расхохотался, попросил не обижаться и показал мне целую пачку бумаг, которую недавно привез из канцелярии Барона. В общем, дивны дела. У «царя Антона», да и у Барона чины раздавались налево и направо, сам Фельдфебель тому яркий пример. Но наш отряд чинами не баловали — в каких войну начали, в таких и закончили. Мы к этому привыкли, а ежели и задумывались, то объясняли просто — отряд наш отдельный, никому, кроме главкома, напрямую не подчиняется, а стало быть, и представлять нас к чинам некому. Но, как выяснилось, еще после Донбасса, то есть два года тому назад, подполковник Сорокин послал на нас представление прямиком «царю Антону». И — надо же! — представление утвердили, но забыли об этом сообщить. Или, скорее всего, сообщили во 2-й корпус, которому мы были подчинены в Донбассе, а к тому времени мы были уже далеко.

Итак, я давно уже был капитаном. В августе того же 19-го Николай Сергеевич, не получив ответа, вновь послал в штаб представление на своих офицеров, там снова подписали, и я получил капитана вторично. Но как раз тогда мы спешили к Волновахе, а затем начался великий драп к Перекопу. Бумага нас догнать не успела. Третий раз меня представили, уже одного, в июле 20-го за то же, за что наградили трехцветной ленточкой. Быть мне капитаном в третий раз, но в приказе Барона стояло «на чин выше», а в штабных бумагах я давно считался капитаном. Теперь истина торжествовала, и я имел полное право нынче же надеть погоны с двумя просветами и тремя звездами.

Мы вместе с Владимиром Константиновичем посмеялись над этой бюрократической Илиадой, после чего я убедительно попросил его никому больше об этом не говорить. Все равно скоро эвакуация, к своим погонам я привык, к тому же трудно будет объяснять каждому встречному-поперечному, за какие такие заслуги на нашем Голом Поле я получил сразу подполковника. Витковский не мог со мной согласиться. Он считает, что это как раз и отведет упреки от командования, которое оставляет заслуженных офицеров столько лет подряд без повышения по службе. Тут мы не сошлись, я лишь обещал обрадовать поручика Усвятского — он теперь штабс-капитан.

Поручик Усвятский — буду называть его по-прежнему, при-

вык — первым делом попытался поставить меня по стойке «смирно». Я разочаровал его: все-таки по производству я старше. Про свои чины, естественно, говорить не стал, а этот листок постараюсь ему не показывать.

Утром 15 июня мы вернулись в Мелитополь. Теперь город был неузнаваем: обилие войск, в основном, конечно, тыловые службы, на тротуарах — барышни с шелковыми зонтиками, чиновники в допотопной форме — и откуда только вынырнули?! На всех столбах развешаны воззвания Барона и плакаты, клеймящие жидобольшевиков. Мальчишки разносили новую газету «Голос фронта», выпуск которой уже успели наладить шустряки из службы пропаганды. Мы подозвали одного Гермеса, но, узнав, что сия газетенка стоит полсотни рублей, отпустили его подобру-поздорову. Поручик Усвятский не выдержал и поинтересовался, сколько стоят советские газеты. Оказалось, «Известия» шли по два рубля за номер, и мы тут же пожалели, что большевики перестали присылать в Мелитополь почту.

Барышни, чиновники и прочая чистая публика смотрели на наш отряд с подозрением. Мы, безусловно, портили общий вид: все в пыли, бородатые, про сапоги и говорить нечего. В конце концов нас остановил какой-то нахальный поручик из комендатуры, однако, узнав, что мы сорокинцы, поспешил указать дорогу. Я надеялся вновь оказаться в памятной нам по январю гимназии, но нам отвели какой-то постоялый двор, еще при красных переоборудованный под казарму.

Покуда мы приводили себя в божеский вид, прапорщик Геренис все порывался, несмотря на больную ногу, бежать в город на поиски нашей сестры милосердия. Мы отослали Ольгу в Мелитополь с ранеными после первого же дня боев, и, к счастью, Верден пережить ей не пришлось. Я еле удержал прапорщика, велев сперва позаботиться о взводе, а затем пообещав лично отправиться на поиски. Штабс-капитан Докутович, едва стряхнув пыль с кителя, заторопился на телеграф, чтобы дать весточку супруге, а мы решили совершить променад по городу Мелитополю, предварительно нанеся визит в городской госпиталь, где, по моим предположениям, должна была находиться Ольга. Отправились мы туда всей компанией — я,

поручик Усвятский, прапорщик Геренис и наш цыган, которого грех было оставлять одного.

В госпитале Ольги не оказалось. Мы проведали раненых и пошли на главную улицу. Чувствовали мы себя не очень уютно, хотя и надели свежие кители, да и бороды успели подбрить. Но выглядели мы, конечно, не комильфо, особенно по сравнению с блестящими офицерами, заполнившими мелитопольские улицы. Мы знали им цену, но зато у каждого из этих орлов на кителе сверкал чуть ли не целый иконостас. Мы свои награды, по старой привычке, не надевали. В бою всякое случается, легко остаться без кителя, посему наши кресты надежно прятались. Барышни принимали нас, судя по всему, за штрафников, того же мнения были и патрули. Поручика Усвятского дважды останавливали за неотдание чести, и каждый раз приходилось выяснять отношения.

В конце концов, мы ввалились в какое-то заведение, которое по здешним меркам вполне могло считаться рестораном. Подсчитав наши финансы, заказали что-то более-менее приличное с парой бутылок «Смирновской» в придачу. На «Смирновской» настоял поручик Усвятский, заявивший, что картофельный самогон стоит у него комом в горле. Мы сидели, покуривая «Мемфис» и мелкими стопочками уничтожая «Смирновскую». Время от времени до нас доносились обрывки разговоров, и мы узнали много любопытного — от подробностей поимки главаря местной «чеки» до предстоящего посещения Мелитополя Бароном.

Мы с поручиком Усвятским углубились в высоконаучный спор на весьма животрепещущую тему — сколькими снарядами дивизионной гаубицы можно накрыть нашу роту. Он, помнится, утверждал, что одного вполне хватит, и лично брался навести орудие. Я оказался большим пессимистом, считая, что «чемоданов» понадобится не менее трех — и то кто-нибудь да выкрутится. Мы приводили аргумент за аргументом, перечисляя памятные нам по Германской типы снарядов, как вдруг я заметил странную метаморфозу, произошедшую с прапорщиком Геренисом. Он неподвижно застыл, держа в руке вилку, а взгляд при этом устремился куда-то в угол. Я проследил за ним и понял, в чем дело. Бедный Геренис! В углу, в окружении веселой компании в новеньких мундирах, среди шампанского и

цветов восседала Ольга. Теперь ее вид совсем не напоминал военнопленную. Скорее наоборот.

Через минуту мы все смотрели в ту сторону. Взгляды наших прапорщиков были способны в тот момент прожечь даже асбест, но сияние Ольги отражало их без всякого для нее вреда. Офицеры горланили, хохотали, один из них теребил гитару, Ольга внимала кавалерам и весело смеялась.

Первым предложил устроить драку поручик Усвятский. Офицеров было пятеро, но он брал на себя двоих. Прапорщик Немно сверкнул глазами и пообещал вспороть первого же супротивника, как карася на кухне. Один Геренис молчал и, не отрываясь, смотрел на Ольгу. Я понял, что пора вмешаться, и объявил, что мордобоя не будет, поелику мы все-таки воюем с красными, а не с тыловиками. Возмущенный Немно возразил, что долг офицера — заступаться за женщин. Мне было жаль наших прапорщиков, но я не мог не поинтересоваться, оскорбляет ли кто-нибудь нашу сестру милосердия. Воцарилось молчание, наконец поручик Усвятский предложил послать ей букет орхидей. Я отклонил эту идею по причине отсутствия в Мелитополе орхидей, но предложил нечто иное.

В зале этого заведения было место для оркестра, и музыканты уже начали занимать места. Я вынул из бумажника несколько последних сотенных и подошел к оркестрантам. Возле них уже торчали два тыловых капитана, желавшие заказать «Девочку Надю», но я сослался на то, что нам завтра на фронт, и попросил сыграть «Белую акацию» — с указанием адресата.

Расплатившись, мы пошли к выходу. Между тем дирижер прокашлялся и объявил, что по просьбе офицеров Сорокинского отряда для сестры милосердия Ольги имярек исполняется романс «Белая акация». Уже в дверях я заметил, что Ольга дернулась, беспокойно обводя глазами зал, но нас там уже не было. Выйдя на улицу под звуки нашей «Акации», мы поплелись к постоялому двору. В городе делать было больше нечего.

Наутро прапорщик Геренис твердым голосом — во всяком случае, ему казалось, что он говорит именно так, — попросил нас в его присутствии об Ольге не упоминать. Я сдержал поручика Усвятского, который полез комментировать это высказывание, предложив вспомнить, что и ему самому — поручику Усвятскому — было когда-то девятнадцать лет. На это поручик хмыкнул и принялся вспоминать, каким он был в девятнадцать, когда учился на втором курсе Харьковского технологического. Рассказ обещал быть, как всегда, весьма живописным, но тут прибыл вестовой с приказом явиться к штабс-капитану Докутовичу.

Нам было велено немедленно собираться — предстояло выступить в составе 34-й дивизии на Токмак. При этом штабс-капитан Докутович посмотрел на меня, как бы спрашивая, понял ли я. Я понял.

Надо было спешить, и я лишь попросил штабс-капитана не брать с нами нашу сестру милосердия. Докутович чрезвычайно удивился, а когда я в двух словах объяснил суть дела, посмотрел весьма укоризненно, но заметил, что мы, пожалуй, не успеем забрать ее из госпиталя — или с того места, где она в это утро пребывает.

Полчаса спустя мы выстроились во дворе, а еще через несколько минут грузились на повозки. Как я понял, красные пытались стабилизировать фронт, и Яков Александрович спешил закрепить успех. Овладев Токмаком, мы могли непосредственно грозить Александровску и выйти на подступы к Южному Донбассу. У Якова Александровича были свои резоны, у нас — тоже. Декабрьского боя никто из нас краснопузым не простил. Оставалось надеяться, что город будет оборонять та же красночухонская дивизия, что так лихо обрабатывала нас из полковых гаубиц.

10 июня

Генерал Туркул явился с поздравлениями и страшно удивился, увидев на мне старые погоны. Когда же я заявил, что обойдусь и старыми, он вознегодовал, сказав, что из-за таких офицеров, как я, мы и проиграли войну, ибо офицер без амбиций — половина офицера. Я согласился считать себя за половину, но пожелал узнать, какие амбиции у нас еще остались. Туркул тут же напомнил, что борьба далеко еще не окончена. В ответ я предположил, что в скором времени буду годен лишь в качестве чучела для отработки приемов штыкового боя, тогда генерал обозвал меня штатским штафиркой, усадил за стол и полчаса подряд посвящал в тайны мадридского двора. С его разрешения кое-что доверю бумаге.

Основная часть армии переводится в Болгарию, причем Ба-

рон имеет надежду закрепиться там прочнее, чем в Турции. Штаб и тылы перебрасываются в Сербию, туда же переводят наши училища, причем из них будут созданы новые, объединенные учебные заведения. Туркул считает, что в руководстве училищем слишком много выживших из ума рамоликов или просто тыловой сволочи. Такие офицеры, как я, фронтовики (да еще приват-доценты), должны их заменить. Он, Туркул, уже говорил с Витковским, и после моего лечения в санатории мне кинут еще одну звездочку. Будучи полковником, я получу право возглавить учебный процесс в том же Константиновском училище. Говоря по-штатскому, стать заведующим учебной частью. И, стало быть, буду растить новых «дроздов» и новых сорокинцев — для будущих боев с большевизией.

Не верю я в эти будущие бои. Хотя, конечно, преподавать в училище все же лучше, чем бродить с шарманкой по Белграду, тем более у меня и шарманки-то нет.

Напоследок Туркул поинтересовался, по-прежнему ли я собираюсь в Гиссарлык. Я успокоил его, сообщив, что idee fixe просто так не проходит. Тогда он меня порадовал — Витковский уже договорился об аренде катера, и на следующей неделе мы можем отправляться. Ежели, конечно, Кемаль позволит. Его аскеры, по слухам, уже недалеко от столицы.

Мы ехали целый день, не встретив ни одного краснопузого. Только один раз над головой промелькнул «Сопвич», но тут же ушел на север, а за ним погнались два наших «Ньюпора». Штабс-капитан Докутович поведал, что наша конница ушла вперед и уже, вероятно, под Токмаком, мы же подойдем к городу не раньше ночи. Однако вышло иначе: верст за десять командир бригады остановил колонну, и мы, выставив охранение, заночевали прямо в поле. Штабс-капитан Докутович, вернувшись от командира, сообщил, что атаковать будем на рассвете и по его просьбе нас поставят в авангард. Токмак обороняют какие-то сборные части, и красной чухны среди них нет. Увы!

Отряд был поднят по тревоге в серой предрассветной мгле, роты выстроились, и штабс-капитан Докутович рассказал новичкам о декабрьском бое. Получилось у него неплохо. Я видел, как заблестели глаза нашей молодежи, и понял — красным сегодня придется туго. Последовал приказ: в плен брать

только тех, кто бросил винтовку и поднял руки. Я понимал, что это означает на практике.

Мы решили рискнуть и двинулись прямо в повозках по той самой дороге, по которой отступали в декабре. Теперь вокруг колосилась золотистая пшеница, утреннее небо сияло безмятежной голубизной, и мы с трудом по нескольким плохо засыпанным воронкам узнали место, где нас напоследок накрыло и где погиб поручик Огоновский. Я даже огляделся в надежде увидеть деревянный крест, на котором висит подбитая ватой зимняя офицерская фуражка. Но все было залито поспевающими колосьями, и я понял, что искать тут нечего.

Мы спешили, не щадя лошадей, прямо к близкой уже околице. Заметили нас поздно — возможно, в первые минуты вообще приняли за своих. Как только красные начали неуверенно постреливать, я дунул в свисток, и рота, соскочив с повозок, развернулась в цепь слева от дороги. Первая рота шла справа. Артиллерия отстала, но мы подошли столь близко, что этим можно было пренебречь.

Мы ворвались в первую траншею, проходившую у самого въезда в город, и, не разбираясь, перекололи штыками сонных краснопузых. Нескольким удалось засесть в блиндаже, но поручик Усвятский швырнул через вентиляционную отдушину ручную бомбу, и можно было смело идти дальше. Нам казалось, что краснопузые готовят что-то серьезное. Хотелось наконец-то сцепиться, припомнив им все, но улицы города были пусты. Время от времени отдельные герои в нижнем белье, с винтовками и без, выбегали на улицу прямо на наши штыки, но ни тут, ни поблизости мы не слышали даже стрельбы. Наконец, мы оказались на грязном пустыре, который служил чем-то вроде центральной площади. Перед нами возвышалось кирпичное строение о двух этажах, над коим неподвижно висел красный флаг. Рядом стояли четыре гаубицы и несколько зарядных ящиков, а чуть в стороне — два броневика. Я послал взвод прапорщика Герениса прямиком на здание с флагом — вероятно, местный совдеп, прапорщик Немно повел своих к батарее, а я с первым взводом направился к броневикам. Броневики стояли тихо, можно было подумать, что они пусты, но из раскрытых люков явственно слышался храп. Поручик Усвятский предложил кинуть в каждый люк по ручной бомбе, но броневиков было жаль, и я приказал брать их (но не экипажи)

целыми. Поручик Усвятский поморщился, вытащил револьвер и забрался на башню одной из машин под номером 12. Номер счастливый, но не для комиссаров. Грохнуло несколько выстрелов, и поручик с той же гримасой слез с башни, предложив своим подчиненным доставать дичь. Почти одновременно двое наших юнкеров разделались с экипажем соседнего броневика, номер которого я уже не помню.

Несколько минут ушло на извлечение трупов. В одном из броневиков в экипаже оказалась дама, точнее, бабища в кожанке, к которой (кожанке) был привинчен орден Красного Знамени. Рядом с трупами обнаружились несколько бутылок самогона, большей частью пустых. Поручик Усвятский нравоучительно заметил, что пить, как известно, вредно, и попытался завести одну из машин. Броневик взревел, дернулся и покатил прямо к крыльцу совдепа.

Тем временем нам навстречу спешил прапорщик Немно с докладом о взятии батареи. Красные проспали и ее. Оставался совдеп, от Герениса вестей не было, и тут на верхнем этаже с грохотом вылетели стекла. Началась стрельба. Я уже хотел послать туда первый взвод, но стрельба быстро же стихла, и через некоторое время из распахнутых дверей показались несколько шатающихся фигур в кальсонах и с поднятыми руками. За ними шли орлы прапорщика Герениса, подталкивая краснопузых штыками, дабы те сохраняли равновесие.

Прапорщик Геренис сообщил, что совдеп — а это действительно оказался совдеп — очищен, сопротивление оказал только один тип, заколотый на месте, а этих он привел просто показать. Я не стал рассматривать и тем более расспрашивать эту публику. Белье на них было шелковое, морды наетые, и мне оставалось приказать поставить их к стенке. Краснопузых — их было около дюжины — расставили вдоль кирпичной стены совдепа, и поручик Усвятский предложил желающим спеть «Интернационал». Таковых не оказалось, только один худой господин, успевший, в отличие от прочих, надеть галифе, назвал поручика нехорошим словом и потребовал папиросу. Усвятский зарычал, но папиросу выдал. Тут какой-то тип с выпадающим из подштанников брюхом бухнулся на колени и начал нести такую околесицу, что всем стало противно. Поручик махнул рукой, и залп скосил всю шеренгу. Уцелел лишь худой господин с папиросой — поручик поставил его курить рядом с собой.

Тем временем на площадь высыпала наша первая рота, гоня впереди полсотни красных. Оказывается, штабс-капитан Докутович накрыл казарму и взял в плен красную роту. Мы построили пленных, и штабс-капитан Докутович выбрал десяток в шелковом белье и с длинными волосами. Среди пленных обнаружились и трое эстляндцев, которых тут же присоединили к этой компании. Грохнул еще один залп, и конвой погнал уцелевших пленных к ближайшему сараю.

Господину с папиросой повезло. Пока он курил, все закончилось, а дважды, как известно, не расстреливают. Да и нам, говоря по чести, хватило впечатлений. Я предложил ему вторую папиросу, и мы поговорили. Краснопузые оказались сами виноваты. Они не ждали нас так рано, но это еще не означает, что можно манкировать караулами и боевым охранением. Правда, в Токмаке стояла сборная команда — остатки потрепанных нами еще в первых летних боях частей. Командование поджидало приезда лично товарища Уборевича и не спешило укреплять оборону. Ну и достукались.

Худой господин оказался самым настоящим комиссаром, прибывшим из штаба Уборевича два дня тому назад. Ему повезло вторично: такую птицу мы тут же отправили к Якову Александровичу, и у комиссара появился шанс продлить свои дни.

В Токмак уже входили части нашей бригады. Стало ясно, что бой на этом и кончился. Нас похвалили за броневики и гаубицы, но лично я чувствовал себя обманутым. Мы шли сюда не для того, чтобы брать в плен сонный совдеп в кальсонах, мы хотели боя по всем правилам, чтоб краснопузые припомнили те декабрьские дни, когда выкуривали нас отсюда. Но мечтали мы об этом зря, да и шваль, встреченная здесь, ничем не напоминала чухонскую дивизию. Значит, расплатились мы еще не до конца.

Бригада пошла дальше, к Семеновке, а мы остались в Токмаке, поджидая Якова Александровича. Он прибыл к вечеру. Рота выстроилась у совдепа, с которого уже успели сорвать красную тряпку. Смотрелись мы неплохо: по сторонам стояли броневики, из-за строя торчали стволы орудий, а с боков шеренгу начинали и заканчивали груды трофейных винтовок. Да, это вам не мелитопольский ресторан!

Кавалькада, странно многочисленная, влетела на площадь, и мы сообразили, что Яков Александрович прибыл не один, а

с начальством. Мелькнула черная бурка; высокий человек в черкеске с серебряными газырями легко соскочил с лошади и быстрыми шагами направился к нам. Я узнал Барона. Ну что ж, очень приятно.

Штабс-капитан Докутович отрапортовал, Барон оглядел наш строй, взгляд его задержался на броневиках, он усмехнулся и поздоровался. Мы гаркнули, он пожал руку штабс-капитану Докутовичу и обошел строй, здороваясь с офицерами. Пожимая руку мне, он кивнул — узнал. Хорошая память! В последний раз мы виделись с ним больше года назад. Вновь усмехнувшись — настроение у него было изрядное, — Барон стал перед строем, расставив длинные худые ноги в блестящих сапогах. Я не без некоторого трепета ждал речи, но Барон крикнул лишь: «Молодцы, сорокинцы!», вновь вскочил на коня и дернул поводья, отчего бедное животное тут же встало на дыбы. В эту минуту он стал до странности похож на Nicola Орлова. И сейчас же кавалькада пустила пыль и была такова.

В этот день нам удалось обойти весь Токмак — благо времени было предостаточно. Зимнее впечатление оказалось верным: местную архитектуру, ежели тут применимо сие слово, со всей определенностью следует считать ирокезской, посему я решил окончательно отказать Токмаку в звании города. Мы с трудом узнавали знакомые места. От хаты, где был штаб подполковника Сорокина, остались одни головешки, покрытые высокой травой, а наши старые окопы осыпались и заросли крапивой — красные не стали приводить их в порядок. Мы нашли место, где погиб Сеня Новиков, отыскали пулеметные гнезда и собрали среди крапивы несколько окислившихся гильз. Вот и все, что осталось от того страшного боя. Перепуганные местные обыватели, уже не верившие в прочность какой-либо из постоянно меняющихся властей, не могли сказать, где похоронены наши товарищи. Тот бой они не забыли, но толком не могли рассказать даже о том, что случилось с подпоручиком Михальчуком и его отрядом. Помнили, что стрельба длилась долго, а потом красная чухна два дня сносила своих покойников в городской парк, где теперь красуется деревянный обелиск с красной звездой. Мы не тронули могилу красночухонцев — мы не воюем с мертвыми, лишь сбили пентаграмму с обелиска. Не место ей на могиле!

Наутро к нам приехал Яков Александрович, на сей раз один,

без Барона и его джигитов. Барон отказался подписать списки награждений корпуса, заявив, что мы понесли слишком небольшие потери. Вот у Фельдфебеля трупы складывались штабелями, ему и полагались кресты. Я знал этот бредовый критерий при награждениях и не удивился, к тому же вовсе не ждал баронских крестов. Куда печальнее было то, что в пополнении нам тоже отказали, велев ставить в строй пленных и проводить мобилизацию прямо во фронтовой полосе. И при всем при этом продолжать наступление. Заодно Яков Александрович присовокупил, что знаменитая земельная реформа Барона продвигается с большим скрипом, здешние пейзане не спешат платить выкуп за землю, давно уже считая ее своею. Идет массовое уклонение от мобилизации, а Упырь вновь зашевелился и, того гляди, вступит в игру. Вдобавок, заехав в Мелитополь, Барон произнес огненную речь, пообещав истребить всех жидов в России, и теперь мировая пресса перемывает нам кости, а обыватели прячутся по погребам. Есть от чего — в корпусе Фельдфебеля грабежи идут ежедневно, да и у Писарева дела обстоят не лучше. В общем, повторяется прошлогодняя история.

Самое веселое Яков Александрович приберег напоследок. Наш корпус, численностью едва ли с дивизию полного состава, должен двигаться к Пологам, а в это время на юге, у Мелитополя красные начинают подозрительно шевелиться. Аэропланы засекли скопление конницы в районе, обороняемом сейчас донскими частями. Итак, мы шли на север, а с востока начиналось давно ожидаемое красное контрнаступление. Яков Александрович сказал, что мы имеем дело с конным корпусом красных, командиром которого является Дмитрий Жлоба. Если он сумеет ворваться в Мелитополь, мы будем вести бои в окружении, так что наши старые окопы вполне могут пригодиться.

Яков Александрович редко ошибается. Этой же ночью конница Жлобы прорвала фронт.

Весь следующий день мы готовили Токмак к обороне, на этот раз круговой, поскольку с конницей в чистом поле шутки плохи. Тем временем до нас доносились вести, что в Мелитополе паника, но бежать некуда, поскольку Жлоба уже отрезал город от побережья. Не надо быть Клаузевицем, чтоб сообразить дальнейшее — в случае падения Мелитополя наш фронт рухнет, все три корпуса будут отрезаны и разметены по летней

таврийской степи. Вдобавок в Мелитополе оставались наши раненые и, не при прапорщике Геренисе сказано, наша сестра милосердия. Настроение было — хуже некуда, но мы твердо знали — бежать не станем. Токмак, пусть это даже и не город, а какое-то стойбище, — не такое уж плохое место для последнего боя. Зимой нам, уцелевшим, повезло. Судьба догоняла нас летом.

В Токмаке остался наш отряд и еще одна маршевая рота, состоящая из мобилизованных пейзан, которую временно подчинили штабс-капитану Докутовичу. Пейзане смотрели угрюмо и чесали затылки. Двоих в первую же ночь перехватили караулы, и пришлось, не особо разбираясь, вывести беглецов в расход. На какое-то время подействовало, но ручаться за такое воинство все равно не стоило.

Разбираясь с кучей барахла, оставшегося от совдепа, мы нашли единственно стоящую вещь — радио, точнее, детекторный радиоприемник. Правда, он был изрядно поломан, посему я поручил поручику Усвятскому его отремонтировать, дав для этого день сроку. Поручик попытался объяснить мне разницу между химиком и физиком и то, что совмещать эти две специальности мог только Дмитрий Иванович Менделеев, но в конце концов обозвал меня гуманитарием и принялся за дело. К нему подключились прапорщик Геренис и какой-то юноша в больших очках — нижний чин из мобилизованных. К вечеру приемник заговорил. Мы сразу же поймали Париж. Эйфелева башня передавала обзор международных новостей. О себе мы не услышали ни слова, будто в Таврии ничего не происходило. Зато стало известно о том, что поляки оставили Киев, а на Березине Тухачевский прорвал фронт 1-й польской армии генерала Ржондковского. Затем диктор перешел к подробному рассказу о Вашингтонской мирной конференции, и мы принялись крутить верньер настройки дальше. Гатчина передавала воззвание господина Апфельбаума к пролетариату Европы с призывом к всеобщей забастовке. Попытка поймать что-нибудь поближе не увенчалась успехом: Харьков сыпал морзянкой, на длинных волнах трещали шифровки. Наконец мы поймали обрывок какой-то передачи, где краснопузый начальник требовал от какой-то «семерки» выхода на связь. Толку было мало, и мы вновь настроились на Париж, который теперь передавал танго.

Утром 19 июня нам сообщили, что авангард Жлобы сбил с позиций донские части к востоку от Мелитополя и подходит к самому городу. Единственная дорога на Токмак вот-вот могла оказаться перерезанной. В воздухе кружилось несколько «Ньюпоров» и «Сопвичей» с красными звездами на крыльях, и штабс-капитан Докутович приказал занять оборону. Мы разместились в окопах на южной околице, оборудовав пулеметные гнезда, а на флангах поставив броневики. Батарея стояла в резерве. Толку от нее было мало, поскольку артиллеристов, ежели к ним причислить и поручика Усвятского, у нас едва хватало на одно орудие. На юге уже грохотало, и штабс-капитан Докутович отдал приказ на ночь не расходиться по хатам, а оставаться в траншеях и не спать.

Володя Манштейн рассказал мне о Дмитрии Жлобе некоторые подробности. Жлоба родом из пейзан, унтер-офицер на Германской, между прочим, авиатор, в свое время очень недурно летавший на «Фарманах». Прославился в 18-м, командуя знаменитой Стальной дивизией красных, затем был заместителем легендарного красного Мюрата — Бориса Думенко, а после того, как краснопузые сами же порешили своего Мюрата, Жлоба возглавил 1-й кавалерийский корпус, тот самый, что и был брошен красным командованием на Мелитополь, дабы одним ударом покончить с Русской Армией Барона.

Кстати, Манштейн высказал сомнение относительно бурки. Барон действительно любит джигитовать, но тогда стояла лютая жара, и Володя считает, что бурку я домыслил. Трудно сейчас сказать, но бурка мне запомнилась. Вероятно, Барон был согласен жариться под солнцем, но вида не терять.

11 июня

Два дня не писал, зато успел прокатиться в Истанбул. Туда меня вытащили Туркул и Володя Манштейн, заявив, что мне нечего киснуть и следует слегка развеяться. В Истанбуле мы заглянули к господину Акургалу и получили разрешение на посещение Гиссарлыка. Разрешение (по-турецки «ираде») — устрашающего вида бумага с несколькими чуть ли не восковыми печатями. Оно нам может понадобиться — в районе Гиссарлыка сейчас возможны боевые действия.

Господа генералы изволили бросить беглый взгляд на коллекции Музея древностей. Упомянутая мною надпись была осмотрена особо, после чего Володя Манштейн с удовлетворением констатировал, что по латыни и в гимназии он всегда получал двойки, а Туркул заявил, что в своем высшем начальном он латынь вообще не учил. На мою скромную поправку, что надпись не по-латыни, а по-гречески, мне было велено не сметь рассуждать в присутствии их превосходительств, не то меня разжалуют из подполковников обратно в приват-доценты. Поглумившись вволю, Манштейн рассказал о том, о чем я и сам догадывался: часть сотрудников Русского Археологического института работала не на Клио, а на русскую военную разведку. Эта же служба обычно финансировала экспедиции, особенно в Турецкой Фракии и Западной Армении, то есть в предполагаемых районах боевых действий. Вполне похоже на правду, зато в Русском институте всегда были отличные чертежники.

Я не остался в долгу, предложив их превосходительствам заглянуть на улицу Де-Руни и нанести визит Якову Александровичу. Генералы переглянулись и дали согласие. Мы пробыли там недолго, выпили прекрасный турецкий кофе, приготовленный бывшим прапорщиком Нечволодовым, и поговорили на самые нейтральные темы. Узнав, что я пишу об операциях против корпуса Жлобы, Яков Александрович вкратце изложил свою точку зрения. Мне бы хотелось услышать кое-что из подробностей, но времени, увы, было мало. Надо сказать, что Туркул и Манштейн держались как ни в чем не бывало, подчеркнуто называя Якова Александровича по его прежнему званию. Вскоре мы откланялись, но в последний момент Яков Александрович успел шепнуть, чтоб я зашел в следующий раз. Я понял — командующий приглашает меня одного. Значит, я не ошибался, у него есть ко мне разговор.

Ближе к вечеру генералы предложили посетить ресторан, мы зашли к Татьяне и всей компанией посидели в каком-то незнакомом мне, но весьма приличном заведении у Старых Казарм. Татьяна держалась с полным достоинством и была похожа уже не на гимназистку седьмого класса, а скорее на офицерскую вдову. Володя и Антон Васильевич вели себя как истинные джентльмены, но на обратном пути позволили себе странные высказывания о седине в голову, бесе в ребро и о тихом болоте, где, как известно, кто-то водится. Я поинтересовался адресатом этих филиппик, на что мне было заявлено, чтобы я вообще молчал, а не то меня свяжут по рукам и ногам и отдадут генералу Ноги. Я, естественно, испугался и все оставшееся время умолял этого не делать.

Поручик Усвятский встретил нас ворчанием — у него как раз закончилось дежурство по лагерю — и повлек генералов играть в преферанс. По этому поводу я конфисковал у него еще полпачки бумаги и теперь имею возможность вернуться к своему дневнику.

Интересно все же, что задумал Яков Александрович? А ведь задумал, я точно знаю!

Итак, весь день 19 июня мы просидели в окопах. Вдали грохотало, вдобавок связь с Мелитополем прервалась, из чего мы заключили, что дорога на юг уже перерезана. Нас, если не считать нескольких красных «Ньюпоров», пока не обходили стороной. Дважды вдали показывались конные разъезды, но приблизиться не рискнули. Мы так и не поняли, были ли это разведчики Жлобы или просто какая-нибудь местная банда. Ближе к вечеру я командировал поручика Усвятского послушать радиоприемник. Через час поручик вернулся и принялся излагать подробности переговоров между Северо-Американскими Соединенными Штатами и Японией по поводу свободы торговли в Китае. Я пообещал его пристрелить, однако Усвятский лишь пожал плечами, пояснив, что Парижу мы неинтересны, а длинные волны забиты непонятной морзянкой — судя по всему, поблизости работают несколько чьих-то передающих станций.

Ночью штабс-капитан Докутович приказал выставить караулы и спать в окопах, благо было очень тепло. Я оставил поручика Усвятского на позициях, а сам, взяв с собой прапорщика Герениса, отправился послушать наше радио. Заодно поинтересовался, откуда у Герениса познания в радиоделе. Оказалось, у них в училище был кружок радиолюбителей, и господа юнкера даже успели изготовить три детекторных приемника. Геренис вдохновился и начал рассказывать о каком-то новом устройстве, которое способно передавать не только звук, но и изображение, однако я предложил для начала поведать об этом нашему поручику. В технике я чрезвычайно наи-

вен, и меня можно убедить в чем угодно — даже в возможности передачи изображений по радио.

Париж опять крутил танго, зато Гатчина сделала перерыв в своих революционных заклинаниях и передавала новости. Совдепы чувствовали себя уверенно. Их войска уже приближались к польской границе, и как раз в эту ночь я услыхал слова знаменитого приказа Тухачевского: «На Варшаву! На Берлин!» Признаться, в ту минуту, в мертвом ночном Токмаке, мне стало жутко. Кругом расстилалась черная степь, где бродил Упырь и где вот-вот были готовы сомкнуться красные клещи, мы опять заперты на этой ирокезской стоянке, а орды большевиков уже валили через разорванный надвое фронт прямиком в Европу. Как бы услыхав мои мысли, диктор походя заметил, что разгром банд Врангеля, просочившихся в Северную Таврию, идет по плану.

На позиции я вернулся злой и, в довершение всех своих неправедных поступков, лег спать, оставив дежурить несчастного Герениса. Прапорщик долго мялся, но не выдержал и спросил-таки меня, соблюдают ли краснопузые Гаагскую конвенцию по отношению к медицинскому персоналу. Я как можно убедительнее заявил, что они только этим и занимаются, и велел выбросить дурные мысли из головы. Мелитополь еще не сдали, а значит, паниковать раньше времени незачем.

Меня разбудили перед рассветом, когда над полем стлался туман, траву покрыла роса, обещавшая очередной жаркий день, а сквозь дымку уже можно было различить ровные цепи, приближавшиеся без единого выстрела к нашим окопам.

Через минуту мы были уже у бойниц, шепотом ругая на чем свет стоит проклятых краснопузых, которые даже атаковать не могут в нормальное время. Прибежал связной от штабс-капитана Докутовича, не иначе нас будить, но я велел передать, что сие излишне и мы готовы. Злосчастный туман колыхался, будто это было не поле, а какое-то болото, но приближавшиеся цепи уже можно было вполне разглядеть. Шли они ровно. Красиво шли. Винтовки были направлены в нашу сторону таким ровным частоколом, что я даже позавидовал.

Первым заподозрил неладное поручик Усвятский. Он ткнул меня в бок, довольно-таки чувствительно, и шепнул, что форма у этих, которые в тумане, черная. Во всяком случае, темная. А краснопузые черную форму не носят. Форма была действительно темная. Вдобавок, несмотря на туман, уже ясно проступал цветной кант погон. Во всех известных мне частях, как красных, так и белых, похожую форму носили только легендарная Корниловская дивизия да еще марковцы. Конечно, можно ожидать всего, в том числе и красного маскарада, но я тут же послал связного в первую роту. На всякий случай мы решили не стрелять.

До наших окопов оставалось не более сотни саженей. Того гляди эти, которые в темной (черной?) форме, могли открыть огонь или угостить нас ручными бомбами. Я решился, вытащил белый платок и намотал его на штык. Ежели это все-таки краснопузые, у меня будет минута, пока они будут раздумывать, и как-нибудь удастся выкрутиться.

Наши гости приближались быстро, можно было уже разглядеть их во всех подробностях. Да, так оно и есть — господа корниловцы и притом весьма невыспавшиеся. Не иначе маршировали всю ночь.

В плен меня брать не собирались. Заметив белый платок, никто не замедлил хода. До меня донеслось вполне отчетливое «Красная сволочь!», а еще через минуту несколько штыков оказались так близко, что я не решился даже выругаться. Тут бы мне и конец настал, но кто-то крикнул: «Господа! Погоны!», затем последовало: «Р-рота! Стой!», и штыки замерли чуть ли не у самого моего горла. Ко мне вернулся дар речи, и я высказался от души.

Мне на помощь пришла половина нашей роты. Диалог грозил перейти в рукопашную, но тут кто-то гаркнул, и корниловцы стихли. Ко мне подкатился мрачного вида офицер с моноклем, представившийся полковником Марковичем, и потребовал отчета, кто мы такие и что тут делаем. Я пытался объясниться, но в ответ было заявлено, что Сорокинский отряд погиб еще зимой, а в Токмаке, по их данным, должны стоять красные. Все это переставало быть забавным, но тут раздался крик: «Это же Пташников!», и ко мне протолкались два офицера, начавшие объяснять Марковичу, что помнят меня еще по Ледяному походу. Я их, говоря по чести, не узнал, но был очень благодарен. Тут подошел и штабс-капитан Докутович, начал совать полковнику какие-то бумаги, тот махнул рукой и принес извинения.

Мы отправили корниловцев отдыхать, а полковника Мар-

ковича напоили чаем, заодно выяснив подробности этого форсмажора. В общем, обычная история. Фельдфебель опасался за свой левый фланг и послал в Токмак батальон корниловцев. В штабе кто-то, как это часто бывает, напутал, и Маркович пребывал в уверенности, что в Токмаке красные. А Сорокинский отряд хоронили уже не впервой, к этому мы привыкли.

Маркович персонально извинился передо мной, присовокупив, что мой белый платок они попросту не заметили. Бог им судья, конечно, но боюсь, дело не в платке. Боевые ребята эти корниловцы. Волки!

К полудню вновь налетели красные аэропланы и даже сбросили пару бомб, правда, без особого для нас вреда. У Мелитополя по-прежнему грохотало, но наш великий артиллерист поручик Усвятский уверенно заявил, что канонада смещается к востоку. Значит, город отбился.

Отдохнувшие корниловцы заняли позиции, выкатили батарею, и мы, имея теперь чуть ли не полк, почувствовали себя во всеоружии. Становилось скучновато, и мы всерьез поносили подлеца Жлобу за то, что тот не атакует Токмак.

Лишь позже стало известно, что в эти дни корпус Жлобы два раза пытался прорваться к Мелитополю, но откатывался назад. По мнению Якова Александровича, тут Жлоба и совершил главную ошибку. Его корпус, прорвав первую линию обороны, стремился выйти к Перекопу, но под Мелитополем завяз. Потеряв несколько дней, Жлоба дал возможность двум нашим корпусам повернуть часть сил и сжать красную конницу в клещи. Тогда еще он имел шанс вырваться, но красные, словно очумев, продолжали штурмовать Мелитополь. Жлоба, забыв обо всем, рвался во что бы то ни стало выполнить приказ. Это «во что бы то ни стало» стоило красным очень дорого. Во время нашей беседы Туркул спросил Якова Александровича, как бы тот поступил на месте бывшего авиатора. Тот подумал и предположил, что увел бы корпус назад, даже ежели бы пришлось пойти прямо под трибунал.

Господин Жлоба, очевидно, больше опасался трибунала, чем Якова Александровича. А напрасно.

Через два дня связь, наконец, восстановилась, и Мелитополь начал бомбардировать нас приказами. Они там здорово

перепугались, поскольку, в основном, увещевали нас держаться до последнего патрона. Мы докладывали обстановку и продолжали ждать неизвестно чего.

Утром 24 июня над Токмаком загудело, и в воздухе закружились «Ньюпоры». Мы приготовились открыть огонь, но вовремя остановились — аэропланы оказались нашими. Один из них снизился, покружил над полем и наконец сел.

Аэроплан доставил связного от Якова Александровича. Командующий сообщал, что находится под Пологами, к нам же посылает четыре бронепоезда, в том числе наш «Подполковник Сорокин», которые будут сторожить Жлобу восточнее города по линии железной дороги. Туда же направляются наши старые знакомые из дивизии генерала Андгуладзе, а западнее нас прикроет конница Морозова. Наша задача — не пропустить Жлобу у Токмака.

День 25 июня прошел спокойно. Париж передавал танго, а Жлоба, похоже, забыл о нас окончательно. Над Токмаком то и дело пролетали наши аэропланы, которых на этот раз насчитали не менее десятка. Прибыли связные от Андгуладзе и Морозова, и мы послали донесение Якову Александровичу, что ждем и начинаем скучать.

Возможно, Жлобе и в самом деле надоело испытывать наше терпение, поскольку утром 26 июня западнее, у поселка Мунтау, загремело, и вскоре нам сообщили, что авангард 1-го конного корпуса красных сцепился с бригадой Морозова. Где-то через два часа, около полудня, на горизонте заклубилась пыль, и почти тут же связной доложил, что морозовцы отбили красных и Жлоба идет на Токмак. Я схватил «Цейсс» и вгляделся — облако пыли росло, катясь с юго-запада прямо на наши окопы. В воздухе вновь загудели «Ньюпоры» и закружились над облаком, сбрасывая бомбы. Разрывов мы не слыхали — от горизонта до горизонта гремела канонада.

Облако приближалось, земля начала мерно подрагивать. Такое бывает при сильном обстреле, но сейчас она гудела под копытами тысяч лошадей. Сквозь пыль мы уже видели уходящую в горизонт черную шевелящуюся массу. Такой конной орды я не видел ни разу за всю войну, перед нею наши шесть рот с двумя броневиками казались чем-то игрушечным. Конечно, окопы не могли задержать эту массу сколько-нибудь долго. Мы замерли в странной детской надежде, что Жлоба

передумает и свернет. Все молчали. Оглянувшись, я заметил, что прапорщик Геренис закрыл глаза, едва заметно шевеля губами. Стало неловко, я отвел глаза и, одернув китель, не торопясь пошел по траншее. Кажется, кого-то я заставил застегнуться, кого-то — пододвинуть к пулемету цинк с патронами, а у прапорщика Немно спросил, кованы ли лошади у Жлобы. Немно не понял моей странноватой шутки, прислушался и заявил, что кони у красных кованы, но только на передние копыта. Я настолько удивился, что потребовал от нашего цыгана объяснений, в чем тут злодейский большевистский умысел, но прапорщик дернул меня за рукав и ткнул пальцем вперед.

Началось! Орда развернулась, и первые сотни полетели прямо на нас. Земля загудела, пыль скрыла небо, и я еле успел скомандовать «огонь». Пулеметные очереди утонули в грохоте тысяч копыт. Сзади, а чуть погодя и спереди донеслись разрывы — в бой вступила артиллерия.

Теперь стреляли все, пыль мешала целиться, но промахнуться было невозможно — конница закрывала весь горизонт. Внезапно у самых окопов из пыли вынырнули несколько всадников, мелькнуло развевающееся красное знамя, и под ним — двое усатых кавалеристов. Кто-то крикнул «Жлоба!», и наши пулеметы ударили в упор. Всадники скрылись в пыли, и мы так и не поняли, удалось ли нам кого-либо подстрелить. Конное море бушевало у самых окопов, но я заметил, что теперь оно движется не перпендикулярно, а параллельно — красные проходили вдоль нашего фронта. Тут снова ударила батарея, а в воздухе закружились почти незаметные сквозь пыль аэропланы.

Через несколько минут пылевая завеса рассеялась. От травы, вытоптанной конскими копытами, остались лишь редкие островки. По полю носились несколько лошадей с пустыми седлами, на земле лежали мертвые люди и мертвые кони, а орда уходила на восток, уклоняясь в сторону от Мелитополя.

Отдышавшись, мы подвели итоги. Потерь рота не понесла, зато расстреляла почти весь огнезапас. Жлоба ушел, отделавшись куда меньшими потерями, чем могло показаться вначале. Наша отчаянная пальба в упор почти не нанесла красным вреда, и всерьез пустила им кровь только артиллерия. Я еще раз убедился, что конница несет куда меньшие потери, чем пехота, хотя со стороны все представляется как раз наоборот.

Я не удержался и спросил прапорщика Немно, отбили ли мы Жлобу или он ушел сам. Прапорщик покрутил головой, подумал и уверенно заявил, что лошади были испуганы, но не очень. Орда была рядом, и, конечно, наши окопы красных бы не задержали. Выходит, Жлоба повернул сам.

Покуда личный состав перекуривал, мы со штабс-капитаном Докутовичем расстелили карту и попытались понять происшедшее. Получалось, что красные и не собирались штурмовать Токмак. Вероятно, они не рассчитывали застать здесь крупные силы и надеялись, что пройдут город без боя. Убедившись, однако, что его встречают, Жлоба предпочел не вести уличный бой, что сильно задержало бы конницу, и решил уйти к востоку. Очевидно, теперь прорыв последует у железнодорожной насыпи — там, где караулят бронепоезда. Полковник Маркович согласился с нами, но добавил, что, насколько ему известно, железнодорожная ветка проходит по высокой насыпи, которую коннице одолеть трудно. Вдобавок четыре бронепоезда — это серьезно. Значит, часа через три красные повернут назад, чтоб вновь попытаться пройти через Токмак, и на этот раз по своей воле назад поворачивать не станут.

День тянулся медленно, мы по-прежнему не покидали окопы, а на востоке гремела канонада. Я предложил выдвинуть вперед артиллерию и сразу же ударить шрапнелью, но Маркович сообщил, что шрапнельных снарядов на батарее всего восемь штук, посему их будут держать до последней крайности. Прапорщик Геренис то и дело приставал ко мне с разнообразнейшими вопросами по теории отражения кавалерийских атак, и мне пришлось переадресовать его к поручику Усвятскому. Тот заявил, что без химических снарядов тут не разобраться, и посоветовал прапоршику лечь спать. Геренис немедленно послушался, а я, подивившись его нервной системе, тут же, незаметно для себя, уснул сам.

Проснулся я от резкого толчка. Кто-то кричал, громко и совершенно невнятно. Я вскочил и увидел картину, показавшуюся поначалу нереальной. Пустая степь вновь преобразилась. Откуда-то слева, с востока, шла черная тень, словно предвестница приближающейся ночи. Пыли на этот раз было отчего-то меньше, чем утром, а посему имелась возможность разглядеть подробности. Теперь красные не перли ордой, как в прошлый раз. Жлоба решил действовать наверняка и построил конницу

несколькими большими квадратами. Стало ясно, что часть сил будет штурмовать нас в лоб, а часть — не меньше половины — собирается в обход. Сил у Жлобы было предостаточно, чтобы обложить нас со всех сторон и одновременно атаковать. У меня мелькнула мысль, что на его месте я попросту подпалил бы Токмак, благо стояла сушь, и прошел бы мимо. Эту мысль я немедленно погасил, но в ответ откуда-то со стороны молчаливо стоящих квадратов блеснул огонь, а через мгновение до нас донесся грохот. Красная артиллерия начала обстрел. К счастью, Жлоба спешил, и артиллерия успела послать не более двух десятков снарядов, которые, просвистев над нами, разорвались прямо посреди кучи мазанок, называемой Токмаком. Я успел подумать, что господа обыватели получат от возлюбленной ими большевизии очередной подарок, но тут земля загудела, и часть конницы двинулась прямо на нас.

Мы не стреляли — огнеприпасы приходилось беречь, а Жлоба неторопливо разворачивал свои эскадроны для атаки. Выбирать нам особо не приходилось, штабс-капитан Докутович приказал подпустить конницу поближе и бить в упор. Конная атака — страшная вещь, но тем, кто сидит в окопах, можно особо не бояться. С зарывшейся в землю пехотой справиться невозможно, главное — усидеть в траншее и не побежать.

Конная лава была уже в версте от нас, когда впереди вновь показались несколько всадников, один из которых нес знамя. Я схватил бинокль и всмотрелся. Всадник на сером коне выхватил саблю, все остальные тоже взметнули вверх клинки, и до нас докатилось глухое «Ура-а-а!». Решив, что тот, с саблей, и есть Дмитрий Жлоба, я окликнул пулеметчика и велел бить прямо по знамени. Тут всадники, гарцевавшие перед строем, поторопили коней и помчались прямо на нас. Конница вновь, взревев, рванула следом. Красная артиллерия продолжала бить, но стреляла вслепую, посылая снаряды по центру города. Лава приближалась, и я уже был готов скомандовать «огонь», как вдруг впереди красного строя вынырнули несколько пулеметных тачанок и начали быстро разворачиваться. Я понял, что будет дальше, но моя команда опоздала на несколько секунд. Огонь наших пулеметов буквально смел одну из тачанок, но остальные развернулись и ударили в упор.

Пулеметчика, стоявшего рядом со мной, скосило сразу, второй номер куда-то исчез, и я вцепился в рукоятку, боясь только одного — что заклинит лента. Кто-то из юнкеров, сообразив, стал за второго номера, и больше я не видел ничего, кроме мелькающих в узком проеме прицела всадников. Я бил прямо по знамени, надеясь попасть в Жлобу. Дважды бесовский штандарт падал, его снова подхватывали, и конница с каждой секундой становилась все ближе. Уже хорошо чувствовался густой конский дух, ржание мешалось с криками «Ура-а-а!» и свирепой руганью. Наши пулеметы, однако, работали не зря: первые ряды падали, топтались на месте, не в состоянии перемахнуть узкую щель траншеи. И тут прямо перед собой я вновь увидел всадника, первым выхватившего саблю. Несмотря на жару, он был в белой меховой шапке и еще в чем-то, напомнившем мне черкеску Барона. Широкое лицо, безбородое и безусое, было налито густой кровью, всадник что-то кричал, но крик тонул в чудовищном грохоте. Я повернул ствол пулемета и ударил длинной очередью. Жлоба — если, конечно, это был он — исчез, и тут я услышал знакомый свист, который ни один фронтовик ни с чем не перепутает — так свистит только шрапнель. Наша батарея ударила залпом.

Артиллеристы боялись задеть нас, и веер стальной дроби ударил не по авангарду, а прямо в середину конной массы. На секунду скопище колыхнулось, а затем неудержимой лавиной бросилось в разные стороны. Большая часть покатилась обратно в степь, но несколько десятков в один миг перемахнули траншею и оказались в нашем тылу. Некоторые упали под выстрелами, другие бросились в гущу токмакских улочек, но остальные, очумев окончательно, полетели прямо к окопам, пытаясь достать нас шашками. Я бросил бесполезный пулемет и выхватил «наган». Один всадник свалился с первого выстрела, но другой оказался совсем рядом и, пригнувшись, опустил шашку прямо на голову моего второго номера. Рубил он лихо — юнкер не успел даже охнуть, а клинок уже взметнулся над моей головой. Я выстрелил снова, но всадник оказался какой-то заговоренный, и шашка наверняка нашла бы мою буйную голову — отбить удар было нечем, а спрятаться в узком окопе негде, да и некогда. Что случилось дальше, я так и не понял, но в следующее мгновение всадник уже падал прямо на меня, а шашка, сверкнув на солнце, влетела в окоп. Я только успел привстать, как тело мешком свалилось в траншею, сбив меня с ног. Я отполз в сторону и вскочил. Краснопузый не ше-

велился. Вокруг стреляли — наши добивали нескольких заблудившихся всадников.

На горизонте по-прежнему было темно — Жлоба уводил остатки корпуса куда-то на юго-восток, навстречу наступающей ночи. Отбились!

Наступила пора подводить итоги. Я уцелел, рота также отделалась пустяками — мы потеряли троих и еще пятеро были ранены. Где-то в Токмаке продолжалась стрельба — резервная рота ловила прорвавшихся кавалеристов. Чуть позже полковник Маркович рассказал, что две его роты не пустили эскадроны красных, пытавшиеся обойти город. Похоже, Жлоба вновь понадеялся на лобовой удар. Что ж, каждый воюет, как умеет.

Спускалась ночь. Мы наскоро перевязывали раненых, чтобы сейчас же эвакуировать их в бывший совдеп, где размещался временный лазарет. Пятеро краснопузых, упавшие возле окопов, оказались живыми, и мы, следуя нашему давнему правилу, перевязали их тоже. Полковник Маркович только хмыкнул, но комментировать не стал. Я знал, что корниловцы не берут в плен даже раненых. Бог им судья!

Юнкер, стоявший вместе со мной у пулемета, был зарублен насмерть, а краснопузый остался жив. Чья-то пуля — я так и не узнал, чья — контузила его, скользнув по черепу. Он быстро очухался и, оглядевшись, узнал меня. Я понял, что он ждет немедленной смерти, но злость куда-то ушла, и я велел ему не дергаться и идти своим ходом в лазарет. Поручик Усвятский предложил в качестве возмездия содрать с краснопузого хотя бы сапоги, но, взглянув на ножищи красного героя, сообразил, что в такой сапог нужно влезать не одной, а двумя ногами. Зато шашка оказалась великолепная — златоустовской работы, и я предложил ее поручику вместо сапог. Усвятский достаточно невежливо предложил мне носить ее самому, и шашка досталась прапорщику Геренису. С подобным украшением на боку прапорщик смотрелся весьма грозно. Шашка, однако, оказалась для него длинновата, эфес волочился по земле, отчего Геренис в который уже раз напомнил мне капитана Сорвиголову из романа господина Буссенара.

Эту ночь мы решили не спать, но нижних чинов валило с ног, и я дал команду отдыхать повзводно. Чутье подсказывало, что Жлоба до утра не сунется, да и дальний гром свидетельствовал, что красных не оставили в покое. Позже стало известно, что в бой вступила бригада Морозова, рассеявшая красную орду на мелкие банды.

Над Токмаком стояла ночь, по черному небу то и дело тропили след болиды, и я, оставив в траншее поручика Усвятского, не торопясь прогулялся по мертвым улицам и бывшему совдепу. Радио работало, выплевывая бешеную дробь морзянки. На коротких волнах было тише, Харьков и Гатчина молчали, и наконец мы нащупали парижскую волну. Эйфелева башня вновь передавала танго.

Туркул не преминул рассказать о своем знакомстве со Жлобой. В эти самые дни «дрозды» вместе с донскими частями держали оборону у Мелитополя. У Жлобы была не только конница, но и пехота, и даже бронепоезда. Все это он у Мелитополя и оставил. Антон Васильевич сообщил также, что в том бою Жлоба уцелел и ныне процветает в Совдепии. Остается надеяться, что с ним рано или поздно расквитаются сами краснопузые, как они уже успели разделаться с господином Думенко, да и не только с ним. Заодно Туркул подверг критике мое утверждение о том, что конница в бою несет меньшие потери, чем пехота. Спорить я не стал — не было настроения. Правая рука вновь начинает шалить, а это совершенно ни к чему. Лазарет мне уже успел смертельно надоесть.

Смертельно... Очень точное слово!

12 июня

Сегодня, несмотря на все опасения, чувствовал себя вполне прилично и даже присутствовал на совещании преподавателей нашего училища. Обсуждались планы работы на будущий год (хотя до сих пор неясно, в какой части света мы теперь будем работать). Все почему-то настроены на Болгарию, но Туркул по-прежнему уверен, что придется ехать к сербам. Мне, честно говоря, все равно, лишь бы не в Занзибар. А можно и туда — какая разница!

У поручика Усвятского очередной триумф. Глава его великого романа, в которой немецкий шпион Ульянов-Бланк пытается подкупить славных героев Дроздова и Морозова за золотые рейхсмарки, пользуется всеобщим успехом. Я все же по-

советовал поручику потихоньку закругляться, поскольку читатели уже сидят на чемоданах.

Среди прочего имел разговор с генералом Ноги. Меня вызвали к нему, он был вежлив, но о здоровье не спрашивал, чему я был немало удивлен. Даже не предложил папиросу и вообще выглядел каким-то помятым. Называл наш чекист меня не как обычно, по имени-отчеству, а просто по званию. Признаться, все это вместе понравилось мне больше, чем его всегдашняя медоточивость. Ноги без всякого виляния извинился за обыск, добавив, что я вправе довести «дело» до самого Барона. Я ответил, что лично мне достаточно извинений, никакого «дела» раздувать не стану, просто обидно, что меня тут принимают чуть ли не за племянника господина Дзержинского. Ноги покачал головой, признал, что таковым я не являюсь, а затем вновь пустился в рассуждения о Якове Александровиче.

Он поведал историю их знакомства. Ежели ему верить, Антон Иванович Деникин направил Ноги, тогда еще полковника, в январе 20-го в Крым с вполне определенной миссией. Приятного, разумеется, мало, но, как говорят кондуктора на железной дороге, «служба такая». Ноги, по его словам, заступался за Якова Александровича в каждом своем донесении, что стоило ему длительной опалы и чуть ли не временного исключения со службы. Рассказано это было к тому, что лично он против Якова Александровича ничего не имеет и не потому интересуется его знакомыми. А дальше пошло то, чему я верить отказываюсь. Ноги говорил мне про каких-то сомнительных типов, посещающих улицу Де-Руни, ни к селу ни к городу упомянул убийство генерала Романовского и в конце концов дал понять, что Яков Александрович, разуверившись в нашей борьбе и будучи смертельно обиженным, вступил в контакт с красными. Он даже упомянул некоего товарища Паукера, личного представителя Дзержинского, который через свою агентуру ведет переговоры об отъезде Якова Александровича в Совдепию. Ежели бы после этого последовало предложение сходить на улицу Де-Руни и послушать тамошние разговоры, мне бы все стало ясно, но генерал ничего подобного не предложил. Он велел никому об услышанном не говорить и попросил не считать его сволочью. Это был ясный намек на титул, который я даровал ему в одной из наших бесед. За «сволочь» я извинился, и мы расстались.

Не знаю, что и думать. Яков Александрович и «чека»? Нет, это бред. Бред! Господин Ноги явно перетрудился на своей хлопотливой ниве. Могу поверить, что в последнее время Яков Александрович стал весьма несдержан на язык и к нему сползаются разного рода недовольные Бароном, но отъезд в Совдепию — все-таки чушь. Возможно, сии слухи распускают сами господа чекисты. Ежели это так, то их можно поздравить, коечего они успели добиться.

Перечитал, снова подумал. Бред! Бред и чушь собачья!

Записей за 27 и 28 июня у меня не осталось. Насколько я помню, было не до дневника.

27 июня мы провели в окопах. Часов в десять утра на горизонте вновь показалась конница, правда, теперь их было не более двух-трех сотен — вероятно, отколовшийся от главных сил отряд. (А может, к утру этих главных сил уже не существовало.) Красные в нерешительности остановились в версте от наших окопов, но тут батарея ударила фугасами, они развернулись и ушли в степь.

Следующий отряд, чуть побольше, появился где-то через час, получил свою порцию снарядов, но все-таки решился и помчался прямо на нас. Правильнее всего было вновь подпустить их на пистолетный выстрел, но после вчерашнего нервы не выдержали, и мы начали стрелять сразу, расходуя последние пулеметные ленты. Красные предпочли не пытать судьбу и тоже повернули куда-то к Мелитополю.

Наконец, уже после полудня, краснопузые вновь показались на горизонте, но на этот раз они не топтались в нерешительности, а бежали. Бежали резво, но те, что их преследовали, имели более свежих лошадей. Вскоре все выяснилось — красных догоняли морозовцы. Верстах в двух от нас их взяли в полукольцо, несколько минут шла рубка, а мы, не решаясь стрелять, чтобы не попасть по своим, могли лишь довольствоваться ролью зрителей. Страшное это зрелище — кавалерийская сшибка, когда скопище всадников колышется из стороны в сторону, над полем стоит глухой рев и лошадиное ржание, и потерявшие всадников кони вырываются из общей давки, отчаянно мчась прочь. В такие моменты поневоле радуешься тому, что ты пехота и сидишь по горло в земле, прикрывшись пулеметным щитком.

В конце концов скопище дрогнуло, красные не выдержали и веером бросились в разные стороны. Большая часть помчала прямо на нас, и я уже приказал пулеметчикам приготовиться, как вдруг заметил, что первая рота выходит из окопов. Я понял, что штабс-капитан Докутович решил повторить наш давний прием, и тоже дал команду. Через несколько минут мы стояли неровной шеренгой вдоль наших окопов: обе наши роты, третья — команда мобилизованных, и дальше, левее — черная цепь корниловцев. Стояли молча, не двигаясь, не стреляя. Мы, конечно, и не пытались переколоть штыками красную конницу, а лишь безмолвно приказывали: стой! Комиссары должны были понять, что они в кольце, и выбор у них прост — сдача или смерть.

Они поняли. Сзади с гиканьем мчалась наша конница, и первые из краснопузых, подскакав почти к нашим окопам, стали слезать с коней, бросая оружие на землю. За теми, кто пытался уйти в степь, погнались морозовцы, а мы, стоя на месте, ждали, пока спешится последний красный кавалерист.

Их было менее шести десятков — загорелые здоровенные парни, едва стоявшие на ногах после нескольких суток в седле. Почти сразу же они попадали на землю и попросили воды. Их вымотало настолько, что, кроме желания выпить воды и отдохнуть, ничего не оставалось — даже страха смерти.

Пили жадно. Многие, напившись, тут же падали в траву и засыпали на месте. Подбежал штабс-капитан Докутович, и мы принялись совещаться. Очевидно, это не последние пленные, которых нам предстоит принять, значит, следовало позаботиться о каком-то порядке. Подошел полковник Маркович, хмуро взглянул на господ красных кавалеристов и предложил запереть их во дворе элеватора. Никто из нас троих не чувствовал в эти минуты ненависти: красные сражались до конца, сражались честно и даже в глазах Марковича были достойными противниками.

Я крикнул, подзывая кого-нибудь из командиров. Обычно такой призыв не сулил ничего хорошего, но красные что-то поняли, и через минуту ко мне подошел, чуть хромая, невысокий парень в белой шапке, такой же, как была на Жлобе. Он представился: командир, ежели не ошибаюсь, третьего эскадрона. Штабс-капитан Докутович велел ему строить людей и идти к элеватору. То, что мы не собираемся его расстреливать,

подразумевалось само собой. Пленный кивнул и попросил несколько минут, чтобы его люди успели перемотать портянки. Полковник Маркович скривился, но возражений, естественно, не последовало. Через некоторое время пленные уже брели к элеватору. Мы выделили в конвой только троих юнкеров и унтер-офицера — было ясно, что на сегодня красные отвоевались. Тем временем прапорщик Немно со своим взводом занялся лошадьми, которых надо было, оказывается, сперва поводить по кругу, а лишь потом поить.

До вечера мы оставались в окопах. Еще две группы красных подлетали к Токмаку, но напарывались на нас и уходили в степь. Один раз пришлось пустить в ход пулеметы, но это была уже агония. Корпуса Жлобы больше не существовало.

А на следующее утро валом повалили пленные. Приходили они пешком, оставляя лошадей в степи — боялись, что по верховым мы откроем стрельбу. У наших окопов лежала целая гора шашек и сабель, юнкера обзавелись превосходными биноклями, а мне поручик Усвятский преподнес тяжеленный «маузер» в деревянной кобуре. Я знал, что «маузер» — мечта любого офицера, но, будучи в душе консерватором, не хотел расставаться с «наганом». «Маузер» все-таки оставил у себя, сунув его в вещевой мешок. Он и до сих пор там лежит. Новенький, смазанный, с двумя запасными обоймами. Выбросить жалко, продать негде. Подарить? А кому он здесь нужен?

Пленных было так много, что они не умещались во дворе элеватора, и им самим пришлось отгораживать громадный четырехугольник по соседству, прямо посреди пустыря. Пленный командир эскадрона теперь был за старшего и мотался как угорелый, размещая новых постояльцев. На третий день полковник Маркович, оценив его старания, предложил ему собрать из пленных эскадрон и перейти на службу к Барону. Красный «комэск» заговорил что-то о присяге, но мы насели на него, объясняя, что в Мелитополе ему предложат то же самое, а в случае отказа поставят к стенке. Краснопузый понял, побледнел, но, подумав минуту, вновь отказался. Нам стало жаль его, но больше уговаривать мы не стали. В конце концов, любой из нас на его месте поступил бы так же.

Пленные были отправлены только через три дня. К этому времени не оставалось сомнений, что с красными покончено.

Рассказывали, что Мелитополь забит пленными и Барон прямо на месте формирует из них маршевые роты.

1 июля к нам заехал Яков Александрович. Он выглядел усталым, не стал слушать наши доклады и лишь пожурил за то, что мы не сообщили ему о радиоприемнике — он не гонял бы связных, а прислал шифровальщика и поддержал бы с нами постоянный контакт. Пришлось повиниться, поручик Усвятский вновь пристал к Якову Александровичу с предложением сыграть в преферанс, но командующий мог лишь пообещать, что сыграет с ним где-нибудь за Днепром. Так мы узнали, что наш корпус перебрасывают. Яков Александрович велел быть готовыми к выступлению в ближайшие же дни, сразу по получении приказа. Прощаясь, он внезапно спросил у меня, в каких я отношениях с полковником Выграну. Я пожал плечами и предположил, что отношения с полковником у меня вполне приличные, во всяком случае, мордобоя между нами еще не случалось. Яков Александрович кивнул и уехал.

Я сразу же забыл этот странный вопрос, но поневоле вспомнил его через два дня, 3 июля, когда мы, как и ожидалось, получили приказ срочно возвращаться в Мелитополь. Штабс-капитан Докутович с довольно кислым видом показал мне бумагу и велел собираться — я временно переводился из отряда в штаб корпуса, где поступал в распоряжение полковника Выграну.

Я передал роту поручику Усвятскому, велев не баловать прапорщика Гереniса и не подпускать прапорщика Немно слишком близко к лошадям. Приказ всех удивил, я был удивлен не меньше и мог лишь предположить, что полковник Выграну затеял очередной рейд против зеленых, решив вызвать меня на подмогу. В Мелитополе я проводил всех до станции, дал страшную клятву штабс-капитану Докутовичу вернуться в отряд при первой же возможности и напомнил о нашей сестре милосердия. Докутович мрачно взглянул на меня, и я понял, что мои слова снова расценены как покушение на командирскую власть.

Штаб корпуса уже покинул Мелитополь, но полковника Выграну я нашел быстро, прямо в городской комендатуре. Выграну был хмур, молча пожал мне руку и усадил на стул напротив себя. Помолчав с минуту, он осведомился о моем здоровье. Я поблагодарил, поздравил его с новыми погонами и поинтересовался, как его высокоблагородие чувствует себя после ранения. Выграну буркнул, что все это ерунда, чувствует он себя превосходно, а меня вызвал по одному весьма малоприятному делу. Я было подумал, что мною заинтересовался ОСВАГ (или та контора, что у нас теперь вместо ОСВАГа), но дело оказалось в другом. Впрочем, будь у меня выбор, я предпочел бы скорее ОСВАГ. Но это оказался не ОСВАГ и даже не красные.

Упырь! Давненько не виделись!

Несколько дней назад двое офицеров из штаба Барона, направляясь в Мелитополь на легковом авто, сбились с дороги и заехали куда-то не туда. Куда именно — мы так и не узнали, но позавчера агентура сообщила, что оба они попали к Упырю и пока вроде живы. Раньше Барон в таких случаях договаривался с Упырем сравнительно легко, но после того, как наши в Севастополе перевешали махновское посольство, всякие контакты были прерваны. Упырь взбесился и пообещал вешать любого, кто в погонах. Пообещал — и вешал.

В общем, дело ясное, но эти два полковника были Барону чем-то особо дороги, и он приказал выручить их любой ценой. Выграну получил особые полномочия и занялся этим делом.

Нам повезло: несколько дней назад, почти одновременно с разгромом Жлобы, морозовцы застукали в селе возле Токмака небольшой отряд из воинства Упыря. Почти всех уложили на месте, но пятеро попали в плен. Среди пленных оказались два брата Матюшенко — по агентурным данным, люди, близкие к Упырю. Старший Матюшенко был одним из его телохранителей из знаменитой Черной сотни имени Нестора Махно. Выграну получил разрешение на обмен всей этой компании на пленных полковников, и теперь оставалось как можно скорее провернуть это нелегкое дело. К Упырю надо было срочно посылать парламентера. Полковник Выграну решил ехать сам, но Барон запретил. Тогда полковник, не зная никого в Мелитополе, вспомнил обо мне.

Я поглядел на Выграну с чувством искренней благодарности. Он понял, но только развел руками. Служба!

Мы поговорили с полковником и решили действовать немедленно, пока Упырь не украсил нашими их высокоблагородиями ворота в каком-нибудь сарае. Через полчаса в комендатуру привели старшего Матюшенко, огромного детину в живописной куртке, напомнившей мне малороссийский жупан.

И сам Матюшенко был вылитый казак с холста Репина. Так сказать, эскиз ненаписанной картины «Запорожец в плену».

Наверное, он думал, что попал в контрразведку, и готовился принять муки за своего «батьку», но нам быстро удалось его разуверить. Хлопец говорил по-малороссийски, мы с Выграну тоже перешли на южнорусское наречие, и дело пошло веселее. Вскоре Матюшенко, сообразив, в чем дело, перестал смотреть на нас героическим взглядом исподлобья, и о том, как выкрутиться, мы думали уже втроем. Договорились просто: Матюшенко везет меня к Упырю, а остальные ждут в Мелитополе. Не позже чем через три дня я должен вернуться, иначе все, включая его брата, будут расстреляны. Никакие мои устные просьбы и письма во внимание приниматься не будут — мы предусмотрели и это. Матюшенко пообещал доставить меня к Упырю живым и здоровым, а там уж «як Бог дасть» — Упырь мог отказаться от обмена и присоединить меня к своей коллекции.

Ехать решили тем же вечером. Выграну выделил нам настоящую тачанку с пулеметом, одну из тех, что были захвачены у Упыря. Матюшенко сел за кучера, а я устроился сзади, решив подремать. Дороги я не знал, и оставалось надеяться, что господин разбойник не обманет.

Подремать, однако, не удалось. Не каждый день приходилось ездить к Упырю, к тому же спускалась ночь, и становилось жутковато. Мы закурили и постепенно разговорились. Матюшенко звали Мыколою, как и нашего покойного поручика. Меня он достаточно иронично именовал «ваше благородие», но я попросил этого не делать. В его исполнении это звучало слишком уж издевательски.

История Матюшенко была необыкновенно проста. Отец, драгун гвардейской дивизии, погиб на Германской под Стоходом, где воевали и мы с подполковником Сорокиным. Летом 18-го в их село пришли гетманцы. Мыкола повздорил с одним из стражников, те, не церемонясь, сожгли хату, и Матюшенко с братом в ту же ночь ушли к Махно. Вместе с Упырем он провоевал все эти годы, прошел летом 19-го рейдом от Полесья до Азовского моря и Волновахи. Большевиков Мыкола на дух не переносил, и в этом мы с ним сразу же сошлись.

Он спросил обо мне, и я, как мог, рассказал свою Одиссею. Очень удивившись, Матюшенко наивно поинтересовался, почему я, не помещик и не «буржуй», пошел «до кадэтив». Я тоже удивился, спросив его, не к комиссарам ли мне было запи-

сываться. Мыкола подумал и решил, что мне, «вчытелю», следовало вообще не воевать («вийна — справа дурна»), а «вчыты хлопцив». Нечто подобное, хотя и в других выражениях, мне уже приходилось слышать, и я каждый раз не мог ответить сколько-нибудь связно. О подполковнике Сорокине рассказывать не хотелось, и я напомнил Мыколе, как у нас на Юго-Западном фронте в ноябре 17-го рвали офицеров на части. Не «буржуев» и тем более не помещиков. Кололи штыками. Втаптывали сапогами в осеннюю грязь...

Мыкола покачал головой, буркнул: «Дурни хлопци», и больше к этой теме мы не возвращались.

Уже за полночь Мыкола предложил стреножить лошадей и пару часов поспать, чтоб как раз к утру подъехать к селу с забавным названием Веселое. Я согласился, но посоветовал все же спать по очереди — мало ли кто мог бродить в степи ночью. Засыпая, я сунул ему прихваченный с собой карабин. Мыкола, как ни в чем не бывало, передернул затвор и вежливо пожелал мне спокойной ночи.

В село мы въехали поутру и сразу же свернули к полупустому базарчику. Мыкола огляделся и предложил купить молока и хлеба. Я не люблю молоко, но выбирать не приходилось, и я, сунув ему несколько тысячерублевок, попросил прикупить немного меда. Матюшенко возразил, что такие «гроши» здесь не возьмут, а мед лучше всего брать за «катеньки», однако, походив несколько минут, все же принес не только хлеб и крынку молока, но и миску с медовыми сотами. Он не просто делал покупки — двое парней, перебросившись с ним несколькими словами, тотчас отошли за ближайшую хату, и я услышал стук лошадиных копыт. Оставалось сделать вид, будто ничего не произошло.

Мы поехали дальше, солнце уже пекло немилосердно, Мыкола молчал, и меня в конце концов сморило. Спать под солнцем — неприятное занятие, меня преследовали какие-то кошмары, пока я не очнулся от толчка в плечо и не услыхал чей-то насмешливый голос: «Приехали, барин!»

Тачанка стояла на грунтовке посреди бескрайнего пшеничного поля, вдалеке горбился огромный курган, а вокруг гарцевали, поигрывая саблями, пятеро всадников с черно-красными лентами на шапках. Мой револьвер, как я успел заметить, был уже у Мыколы.

Итак, нас ждали. Всадники — молодые безбородые ребя-

та — наигранными голосами стали советоваться, как бы ловчее «срубить кадета», то есть меня, но я знал цену такой болтовне и даже не стал слушать. Постращав меня несколько минут, хлопцы велели сидеть тихо и не высовываться из повозки. Мне завязали глаза, и лошади, насколько я смог понять, свернули куда-то в сторону. Решив использовать время с пользой, я вновь попытался уснуть, попросив Матюшенко разбудить меня, когда прибудем на место. Это произвело на мой конвой определенное впечатление, поскольку хлопцы вновь принялись обсуждать, как ловчее разрубить меня от плеча до пояса, а затем, уже сквозь дремоту, я разобрал чью-то фразу: «Силен их благородие!..» Наверное, я показался им чуть ли не храбрецом, но мне просто хотелось спать — сказывалось напряжение последних дней.

Разбудил меня шум. Повязка сидела прочно, и я смог лишь сообразить, что вокруг собралась порядочная толпа и обсуждают господа разбойники не кого-нибудь, а мою скромную персону. Предложения не отличались разнообразием, правда, к рубке на две части прибавились обещания пеньковой петли и даже кола, по-малороссийски «пали». Наконец кто-то поинтересовался, куда его, то есть меня, вести. Меня это тоже занимало, но Матюшенко объяснил, что «ахвицера» отведут куда надо. Осталось выяснить, где находится это «надо».

Повязку с меня не сняли, а попросту выволокли из повозки и потащили, придерживая за плечи. По тому, что я несколько раз ударился боком, стало ясно, что мы миновали калитку и сейчас окажемся в хате. Я еще раз ударился о притолоку двери, и тут мне развязали глаза.

Я, действительно, находился в хате, совершенно пустой, ежели не считать табурета и нескольких порожних бутылок на полу. На табурете сидел черноволосый средних лет мужчина в гимнастерке без погон, в руке он держал «маузер», двигая стволом из стороны в сторону. Миг — и черный зрачок ствола уже смотрел мне прямо в лоб. Все это напоминало дешевый роман про разбойников, и я, чтобы не играть в эти игры, самым решительным тоном потребовал себе стул.

Подействовало. Черноволосый спрятал «маузер», встал и достаточно любезно предложил свой собственный табурет. Я сел, снял фуражку и представился. Чернявый кивнул — он уже знал, кто я, и в свою очередь назвал свое имя и фамилию. Звали его Львом Зеньковским, об остальном он сказал лишь,

что состоит «при батьке», и тут на всю хату запахло «чекой». Зеньковский совершил вокруг меня нечто вроде круга почета, а затем поинтересовался, шпион ли я и какое мое задание. Я ожидал чего-нибудь подобного, а потому принялся длинно и нудно разъяснять, что, согласно Гаагской конвенции, шпионом не может считаться военнослужащий, выполняющий задание в форме своей армии. Зеньковский хмыкнул и вполне человеческим тоном спросил, каковы гарантии того, что заложников в Мелитополе не расстреляют. Я пояснил, что в интересах Барона спасти своих офицеров и подобной глупости он не совершит. Узнав, что я сорокинец, он любезно осведомился, известно ли мне, как они, махновцы, поступают с пленными сорокинцами. Оставалось пояснить, что я не пленный, а парламентер, на что господин Зеньковский пробормотал нечто вроде «ну, это как батька скажет» и вновь спросил, не шпион ли я. Тут я не выдержал и засмеялся, он тоже хихикнул, а затем не без злорадства сообщил, что «батько» все эти дни не в настроении. Будь его, Льва Зеньковского, воля, меня порешили бы на месте вкупе с обоими полковниками. Впрочем, он, Зеньковский, надеется, что «батько» распорядится именно таким образом. На эти слова я никак не отреагировал, но понял, что оба полковника живы, и посоветовал Зеньковскому отвести меня прямо к «батьке», а уж он пусть решает.

Зеньковский поглядел на меня, крутнулся на каблуках и заявил, что сейчас «батька» занят и мне придется подождать. Я запротестовал, а когда не помогло, потребовал принести какого-нибудь чтива. Господин Зеньковский пообещал прислать свежие газеты и удалился, многозначительно заметив, что идет прямо к «батьке» и они, то есть Упырь с Зеньковским, будут думать. Упомянутый глагол сразу вызвал сомнения, но уточнять я не стал.

Время шло. В хате было пусто, я по-прежнему сидел на табурете, за окном стоял шум, и мне вдруг подумалось, что где-то так я себе все и представлял. Зеньковский не произвел на меня особого впечатления. «Чека» — всюду «чека», даже у махновцев. Сам Зеньковский не показался мне глупым человеком. Он не зря задавал свои дурацкие вопросы — его интересовала моя реакция. Но выглядело это столь провинциально, что я, всегда почитавший Упыря этаким Стенькой Разиным, почувствовал легкое разочарование. Зеньковский не тянул на

разинского есаула. В крайнем случае он годился в сотрудники провинциального бюро ОСВАГа — или уездной «чеки».

Наконец дверь отворилась, и на пороге появился хлопец с изрядной кипой газет. Не говоря ни слова, он выложил их прямо на пол и удалился, оставив меня наедине с грудой печатной продукции, в основном, как я убедился, местного производства. За исключением двух старых номеров большевистских «Известий», это был «Голос махновца», печатавшийся, ежели верить выходным данным, в Гуляй-Поле. Текст изобиловал грамматическими ошибками, а большая часть полос была отдана под статьи господ Аршинова и Волина, вероятно, местных Маркса и Энгельса. Внимать теоретическим изыскам сих столпов анархии я не стал и занялся разделом хроники. Это было не в пример интереснее, но сказывалась общая беда всех газет, издававшихся в годы Смуты, — сугубое пристрастие к своим и любовь к сплетням. Заодно я прочел несколько приказов Упыря. Приказы, если отбросить некую излишнюю мелодраматичность, мне понравились — Упырь грозил суровыми карами за грабежи и советовал, как лучше делить землю. Впрочем, все власти обещали наказание за грабежи и решение земельного вопроса — причем с абсолютно одинаковым результатом.

Прошло больше часа. Дверь вновь растворилась, и тот же хлопец буркнул с порога нечто вроде «Пшли!». Я не заставил себя ждать, и мы вышли на улицу. Теперь повязки у меня не было, и я увидел, что мы находимся на небольшом хуторе, вокруг полно хлопцев с красно-черными лентами на шапках, а довершал картину чуть ли не десяток пулеметных тачанок со знаменитой наглядной агитацией по бортам. Я убедился, что мои первые впечатления страдают излишним субъективизмом. Пьяных я не увидел, оружие у хлопцев было в полном порядке, и в целом это производило впечатление не банды, а регулярной армии. Похоже, встреча с обещанием сабли и веревки была устроена специально для меня, поскольку сейчас, пока мы шли по улице, никто на нас внимания не обращал. У одной из хат, ничем не отличавшейся от прочих, кроме караула у дверей, нас встретил Зеньковский. Он тоже перестал валять дурака и держался вполне сносно, предупредив, что сейчас меня примет «батько» и чтобы я во время разговора не смотрел «батьке» в глаза, поскольку он этого страх как не любит. Я поблагодарил за совет и вошел в хату. В прихожей дюжие хлопцы похлопали меня по карманам, убедились, что я безоружен, и слегка подтолкнули в спину.

Я оказался в небольшой комнате с единственным окошком, с трудом пропускавшим свет. Глаза, привыкшие к солнцу, на какое-то мгновение перестали видеть, и мне пришлось остановиться на пороге. Тут послышался резкий высокий голос — мне предлагали пройти и присесть.

Я всмотрелся. В углу за столом сидел длинноволосый узкоплечий человек в английском френче, невысокий, с очень маленькими кистями рук. Человек что-то писал. Он сильно горбился и тем напомнил мне отчего-то станционного телеграфиста. Я прошел в комнату и сел на один из стульев. Человек закончил писать, аккуратно положил ручку на чернильницу и поднял на меня маленькие блестящие глаза, в полутьме совершенно черные. Я узнал этого человека по фотографиям, хотя на них он выглядел несколько иначе.

Нестор Иванович Махно...

Антон Васильевич интересуется, насколько точны мои записи. Мне кажется, точны. Дневника с собою я не брал, но по возвращении в Мелитополь потратил целый вечер, занося на бумагу свежие впечатления. Могу лишь добавить, что Лев Зеньковский — это знаменитый во всей Таврии Лева Задов, который действительно служит у «батьки» чем-то вроде начальника «чеки». Его странноватые ужимки объясняют артистическим прошлым, но мне он не показался похожим на артиста — типичный писарь из штаба, вырвавшийся в большие начальники.

Поручик Усвятский просит воспроизвести полный текст махновской наглядной агитации на бортах тачанок. Категорически отказываюсь это делать, однако намекну, что речь шла о полной невозможности ни догнать, ни перегнать, ни уйти от «батьки». Правда, сказано это было куда короче и выразительнее.

13 июня

Странный день. Сегодня впервые получил письмо. Долго разглядывал конверт, не понимая, от кого сие послание. Обратный адрес оказался пражский. И только распечатав, я сооб-

разил, что весточку мне прислал Лешка, то есть капитан Егоров.

Как выяснилось, уже бывший капитан. После эвакуации Лешка демобилизовался и теперь обитает в Праге, где занимается некими делами, о сути которых сообщает лишь намеками. Все же можно понять, что правительство Чехословацкой республики готовит большую программу помощи русским беженцам и Лешка каким-то образом оказался среди ее авторов и организаторов. Готовится что-то грандиозное, чуть ли не университет с академией наук. Слабо верится, но все же спасибо господам чехословакам за добрые намерения.

Обо мне Лешка услыхал не от кого-нибудь, а от генерала Володи. Тогда, в ресторане, именно он помогал эвакуировать мое бренное тело, поспешив известить обо всем Егорова. Генерал не упустил ни малейшей подробности, поскольку Лешка именует меня в письме старым греховодником и просит при случае познакомить его с моей истанбульской дамой. Впрочем, по его словам, пражанки тоже чудо как хороши, особенно в сочетании со здешним черным пивом. В конце письма бывший капитан советует мне подавать рапорт о демобилизации, забирать мою истанбульскую знакомую и ехать прямиком в Прагу. К сему прилагается адрес в Истанбуле, где можно решить проблемы с документами и разрешением на въезд-выезд.

Я не удержался и пересказал Туркулу содержание письма. К моему удивлению, Антон Васильевич отнесся к Лешкиным прожектам с полной серьезностью, согласился с тем, что Татьяну надо будет забрать с собой, но в Прагу ехать не советовал, равно как и снимать военный мундир. Он считает, что будет ли университет, не будет — неизвестно, а служба не даст пойти по миру. То, что я с моим здоровьем в Праге никому не нужен, Туркул из вежливости не произнес, но я понял. Впрочем, и для Татьяны я теперь слабая защита.

Я полюбопытствовал у Антона Васильевича насчет поездки в Крепкостенную Трою. Он успокоил меня, велев не волноваться. Все остается в силе, а больному не стоит постоянно думать о путешествии — это, как известно, очень плохая примета. Да, пожалуй. Как-то странно, тянет меня в Гиссарлык, а ведь раньше он никогда не вызывал у меня повышенных эмоций.

Поручик Усвятский вновь в выигрыше. Он вполне серьезно

предлагает основать в Белграде или Софии преферансный клуб и иметь с этого кусок хлеба с маслом. Я посоветовал для начала приобрести канделябры.

Генерал Туркул попросил меня поподробнее описать внешность и манеры Упыря. Касательно его внешности могу лишь добавить, что в целом Упырь не производит карикатурного впечатления, несмотря на небольшой рост и сутулость. В нем чувствуется большая сила, особенно когда он начинает говорить. Взгляд у него действительно пронзительный, но никакой не гипнотический. При разговоре жестикулирует, улыбается редко. Одним словом, личность неординарная.

Говорит Упырь по-русски правильно, но с заметным южным акцентом. Ко мне он обращался исключительно на «вы», чем приятно порадовал. Пару раз по привычке назвал меня «товарищем», я же, не желая титуловать эту личность ни «товарищем», ни «господином», обращался к нему по имени-отчеству. Когда он впервые услыхал, то весьма удивился, но тут же стал обращаться ко мне подобным же образом. Я уже отмечал, что голос у него высокий и резкий, но вскоре на это перестаешь обращать внимание, фиксируя только смысл высказанного. Наверняка он прекрасный митинговый оратор. Не Разин, конечно, но, говоря по чести, Разин на пулеметной тачанке выглядел бы странновато.

Мне думается, что в обычной жизни он был бы постоянным неудачником. Но теперь его час, и мне порою казалось, что передо мною — живое воплощение Смуты, ее своеобразный символ.

Итак, я сел на стул, оказавшись где-то в полутора саженях от Упыря, и внезапно для самого себя спросил, правда ли, что не следует смотреть ему в глаза при разговоре. Я пояснил, что у меня имеется противоположная привычка и как бы нам не споткнуться на этой мелочи. Упырь в ответ вполне по-человечески рассмеялся и велел мне не слушать сказки, добавив, что «хлопцы» могут придумать еще и не такое. Но тут же лицо его вновь стало жестким, и он взял разговор в свои руки. Курить не предложил, сам тоже не курил, и на столе я не увидел ни папирос, ни махорки.

Прежде всего Упырь уведомил, что находится в явном за-

труднении. Ему, как и любому командиру, следует выручать своих подчиненных из беды, и наше предложение кажется на первый взгляд вполне приемлемым. Вместе с тем у него и у «штаба» возникли серьезные сомнения. Но прежде он хочет убедиться, что в этих двух полковниках лично заинтересован сам Барон. Я предъявил ему свои полномочия — бумагу за подписью Барона, данную мне полковником Выграну. Упырь внимательно с нею ознакомился, вернул и продолжил.

Бумага эта, заметил он, укрепила его сомнения. Офицеры — Упырь подчеркнул «штаб-офицеры» — нужны Барону, а следовательно, всей Русской Армии. А раз так, то, отпуская их, он и его «штаб» нанесут вред борьбе с белогвардейцами. В этом случае, возможно, следует пожертвовать жизнью нескольких хороших «товарищей» ради победы общего дела. Все это он изложил, разумеется, в иных выражениях, но очень ясно и конкретно. Признаться, таких глубин я не ожидал, скорее опасался, что он начнет торговаться из-за количества голов. Оказывается, у разбойников тоже имеются принципы! Для двух загулявших полковников настала решающая минута.

Я подтвердил, что понял его правильно, но тут же тоном легкого удивления поинтересовался, имел ли он, так сказать, честь лицезреть этих двух «штаб-офицеров». Упырь кивнул в знак того, что полковников видел и с ними общался. Я, форсируя удивление, заметил, что в этом случае он не стал бы говорить о них как о лицах, необходимых Русской Армии.

(Видит Бог, никогда не видел этих полковников и ничего не слышал о них. Но об окружении Барона некоторое представление имел и потому решил рискнуть.)

Упырь, подумав, согласился, что полковники не кажутся ему героями, но личная заинтересованность Барона по-прежнему настораживает. Тогда я рубанул, что удивляться нечему: полковники — обыкновенные тыловые шкуры, пни с погонами, и, будь моя воля, я обменял бы его «товарищей» на любого пленного фронтовика, а тут приходится торговаться из-за двух собутыльников Его Превосходительства. Говорил я это вполне искренне, ибо говорил чистую правду.

Тут Упырь задумался уже надолго и наконец заявил, что надо будет посоветоваться со «штабом». Внезапно я рассмеялся. Он бросил на меня пронзительный взгляд, и пришлось пояснить, что все начальники одинаковы — все пытаются, принимая решение единолично, ссылаться на необходимость «посоветоваться». Заодно это хороший способ потомить собеседника.

Я было решил, что Упырь на меня разозлится, но он вновь задумался, а затем с самым серьезным видом заметил, что готов частично принять мою критику. Вместе с тем я, по его мнению, «продукт» прежнего режима и не понимаю роли коллективного руководства. Он, Упырь, не может решать серьезные вопросы без совещания с «товарищами». Впрочем, добавил он, трудно объяснять принципы руководства свободными личностями человеку, незнакомому с азами анархистского учения. С моего языка уже срывался вопрос, как это он в бою командует тачанками на основе учения об анархии, и мне стоило немало сил сдержаться. В деле руководства свободными личностями я действительно профан. Вот строевой устав — дело другое.

Про полковников больше не говорили, но я понял, что Упырь согласен на обмен. Я склонен был откланяться, но он внезапно переменил тему, поинтересовавшись, не я ли теперь командую Сорокинским отрядом. Я пояснил, что командую одной из рот, о прочем же распространяться не стал. В конце концов, я был не на допросе. Но больше об отряде Упырь не расспрашивал, а задал куда более неожиданный вопрос — на что рассчитывает Барон, ведя наступление в Таврии.

Вопрос честный, что и говорить. Я попытался так же честно ответить, упомянув земельную реформу, помощь Франции и потенциальных союзников — поляков, украинцев и самого Упыря. Упырь тут же весьма кисло высказался о земельной реформе Барона, добавив, что земля и так принадлежит крестьянам, а по поводу союзников отметил, что Барон здорово ошибся. И он, Упырь, весьма удивлен тем, что крымские газеты пишут о каком-то союзе между ним и Бароном.

Я заметил, что такие публикации нужны не ему, а публике, да и господам краснопузым. Он изволил возмутиться, подчеркнув, что они, махновцы, в своей газете до таких методов не опускаются, а затем внезапно вновь изменил тему и заговорил о Якове Александровиче.

Назвав Якова Александровича самым способным полководцем у Барона, Упырь полюбопытствовал, правда ли, что наш командующий заявлял о своем желании стать вторым Махно. Я ответил, что лично слышать такое не приходилось, но, на-

сколько мне известно, Яков Александрович действительно считает его, Упыря, необыкновенно талантливым военачальником, впервые понявшим, как надо воевать на нашей проклятой Гражданской войне. Упырь покивал, похоже, весьма этим утешенный, и спросил, согласен ли я с этим мнением. Я заметил, что, если не учитывать личный момент, вполне с этим согласен, особенно же высоко ценю изобретенную им тактику боя пулеметных тачанок.

Упырь категорически возразил против авторства этой тактики, сославшись на какие-то народные, чуть ли не запорожские боевые традиции, а затем попросил объясниться про «личный момент». Отвечать не хотелось, но вопрос был задан, и я, стараясь не давать волю эмоциям, напомнил, что сделали махновцы с нашим госпиталем в Екатеринославе. Упырь вспыхнул, но сдержался, сославшись на каких-то бандитов и мародеров, которые были тогда же расстреляны. Тут уж завелся я и напомнил его приказ не брать в плен офицеров. Напомнил о разграбленных поездах, об «очистке» взятых городов.

Упыря задергало. Он перешел на шепот и прошипел, что не белогвардейцам предъявлять ему претензии. Затем лицо его покраснело, и он почти криком стал перечислять одну за другой совершенно неизвестные мне фамилии. Наверное, это были его друзья или земляки, но пояснять он ничего не пытался, лишь спрашивал: «А этот?.. А этот?..» Упомянул и двух своих младших братьев. Об их гибели мне было известно, но он назвал село Ходунцы, где убили одного из них, и я вспомнил бой под Ходунцами в октябре 19-го. Его брата уложили мы, сорокинцы.

Признаться, если бы Упырь упрекнул нас в том, о чем трубила все эти годы красная РОСТА, — в грабежах, погромах, расстрелах, — я бы ему не очень поверил. Но этот перечень имен производил впечатление. Ему было из-за чего воевать с нами — как и нам с ним. И убедить друг друга мы ни в чем не смогли.

Поняли это мы одновременно. Упырь замолчал, постепенно успокаиваясь. Лицо его вновь обрело прежнюю желтизну, он даже попытался улыбнуться, хотя улыбка получилась больше похожей на оскал. Затем вновь заговорил, заговорил негромко, глядя куда-то в сторону. Начал он с того, что мы, белые, не понимаем смысла этой войны. Надо быть сумасшедшим, чтобы сейчас призывать к возвращению царя. Предупреждая мое возражение, он напомнил фразу о «Хозяине» Земли Русской из манифеста Барона и предложил подумать о том, сколько новых штыков эта фраза дала Рачьей и Собачьей, да и его собственной махновской армии. Затем заговорил о себе, заметив, что напрасно его считают выдающимся полководцем. Он, Упырь, не полководец, не военный и вообще человек малообразованный. Его образование — семь лет тюремной камеры. Зато он понимает эту войну, и сила его не в тачанках, а в поддержке крестьян. Он не верит ни одной политической партии, ибо все «политики» пытаются под любыми предлогами грабить деревню, а посему выдвигает идею вольной федерации свободных общин. Крестьяне понимают его, а значит, он, Упырь, действительно непобедим. Мы же, белые, с его точки зрения, — ожившие мертвецы, пытающиеся вернуть то, что сгинуло навсегда.

Я слабо разбираюсь в идее федерации общин, но в одном правота Упыря бесспорна: и мы, и господа краснопузые привыкли видеть в пейзанах только покорное пушечное мясо. И вот это мясо заговорило устами Упыря, предъявляя счет и нам, и красным. Я лишь заметил, что его тачанкам не удержаться против Рачьей и Собачьей. Господа большевики просто задушат его свободную федерацию. Затопчут. Зальют кровью. Они умеют воевать — сто к одному.

Упырь не возразил. Из его молчания я понял, что большевики заботят его куда больше, чем Барон. Но говорить со мной об этом он не хотел.

Разговор пора было заканчивать, и я попросил показать мне перед отъездом двух пленных полковников, чтобы я мог сослаться на виденное своими глазами. Упырь кивнул и вдруг спросил, неужели такие, как я, верят в победу Барона. Я задумался, не желая отвечать лозунгом, а затем объяснил, как мог. Воюю я не за Барона, не за Империю, которую уже не воскресить, а против господ большевиков, поскольку считаю их победу гибелью для страны. И воевать буду до конца — даже без всяких шансов на победу.

Упырь встал, и я подумал, как поступить, если он подаст мне руку. Пожать ее я бы не смог. Понял ли он или его обуревали такие же чувства, но мы лишь кивнули друг другу.

За порогом меня ждали двое «хлопцев», которые без лишних слов отвели меня в соседнюю хату, где накормили обедом и предложили самогона. От самогона я отказался, обедом же

брезговать не стал, тем более кормили у Упыря не в пример Барону. Потом меня проводили в знакомые апартаменты с единственным табуретом и предложили подождать. Я постелил «Голос махновца» прямо на глиняный пол и решил подремать, но тут дверь отворилась, и появился господин Зеньковский. На этот раз обошлось без интереса к моей шпионской службе и запугивания упыриным взглядом. Он заявил, что «штаб» и «батько» дали согласие на обмен и что нам надо спешить.

Меня провели к какому-то погребу, где я смог лицезреть обоих полковников. Вид у них был неважный: бедняг раздели до белья, зато украсили обильными кровоподтеками. Меня они встретили как ангела-избавителя, но я мог лишь посоветовать им набраться терпения.

Зеньковский явно получил приказ торопиться, поскольку прервал наш разговор и повел меня за околицу, поясняя, что вместе со мной в Мелитополь вернется старший Матюшенко, который и договорится обо всех деталях обмена. Мелитополь неблизко, а посему придется ехать верхами. Последнее меня не особо устраивало, но возражать я не стал. За околицей нас уже ждал Мыкола Матюшенко в компании пяти «хлопцев». Все они были при конях, еще один, буланый красавец, похоже, поджидал меня.

Я честно предупредил, что последний раз ездил верхом три года назад. К тому же, согласно Уставу Петра Великого, пехотному офицеру не положено ездить верхом в присутствии кавалеристов, дабы не позориться. Недаром в армии таких называют «собаками на заборе». «Хлопцы» посмеялись, но уверили меня, что Лютик, так звали буланого, конь хороший, только не надо сильно рвать удила.

Обратный путь я помню плохо. Мы ехали весь вечер и почти всю ночь, время от времени останавливаясь на короткий отдых. Ехать верхом с непривычки было трудно, но постепенно я приспособился, тем более Лютик вел себя очень толерантно. На одном из привалов Мыкола посоветовал угостить коня сахаром — для пущей взаимной симпатии. Лютик слопал сахар прямо с ладони и, как мне показалось, подмигнул. Запахло цыганской мистикой в духе прапорщика Немно.

Под утро, проехав Веселое, «хлопцы» распрощались и повернули обратно, мы же с Матюшенко двинулись дальше и прибыли в Мелитополь еще до полудня, где тут же были задержаны

патрулем. Пропуск с подписью Барона избавил нас от ареста, и вскоре мы входили в кабинет Выграну. Полковник выслушал мой короткий рапорт, внимательно посмотрел на меня и велел идти в соседнюю комнату отсыпаться. Так я и сделал, и все остальные детали Выграну уточнял уже с Матюшенко.

Обмен состоялся следующей же ночью и вновь напомнил мне главу из приключенческого романа о разбойниках. Выехали мы затемно, долго блуждали по проселкам и, наконец, оказались у какого-то перекрестка. Там стояло несколько тачанок, а вдали темнели силуэты трех десятков всадников. Мы с Выграну вышли вперед, уточнили с оказавшимся там Зеньковским последние детали, а затем отпустили наших пленников. Люди Упыря, в свою очередь, вернули полковников, по-прежнему в одном белье, на которое им накинули старые шинели. Я попрощался с Матюшенко и хотел вернуть ему Лютика, но Мыкола заявил, что «батько» дарит мне коня на память. Моих возражений он слушать не стал и тут же уехал. Делать было нечего, и Лютика я решил оставить, тем более, как я понимал, воевать теперь придется в степи, где конь не помешает. Уже в Мелитополе я обнаружил привязанную к седлу сумку, в которой лежала заботливо замотанная в тряпки бутыль самогона. Трудно сказать, проездила она со мной все это время или гвардейцы Упыря подсунули ее напоследок. Самогон оказался все тот же, картофельный.

На полковников было тяжело смотреть. Перенесли они немало, и нервы под конец уже не выдерживали. Один из них все порывался записать мою фамилию, но бумаги ни у кого не оказалось, и он обещал обязательно ее запомнить. Не исключено, что именно ему я обязан трехцветной ленточкой и новыми погонами.

Их высокоблагородий мы отправили в госпиталь, чтоб они немного пришли в себя, а потом вдвоем с Выграну распили самогон и всю ночь болтали о какой-то довоенной ерунде. Ни об Упыре, ни об этой проклятой войне, помнится, не сказали ни слова.

Наутро Выграну предложил мне от имени Барона месячный отпуск. Это было более чем соблазнительно, но я знал, что не смогу отдыхать, когда отряд на фронте. Я отказался, тогда Выграну, уже от своего имени, предложил перейти под его начальство. Служить с Выграну действительно интересно, но хо-

телось довоевать с сорокинцами. Я поблагодарил и распрощался с полковником. Больше мы не виделись — через месяц Выграну погиб в бою с зелеными недалеко от Феодосии.

Отряд уже должен был находиться в Дмитриевке, недалеко от Каховки, и я решил ехать туда не железной дорогой, а напрямую, через Калгу и Торгаевку, пристроившись к какому-нибудь обозу. Прежде всего из-за Лютика — везти его железной дорогой хлопотно. Мне повезло. Удалось прибиться к небольшой команде 13-й дивизии, где сразу встретились знакомые офицеры. От них я узнал, что дивизия выдвигается двумя колоннами — на Большую Лепетиху и на Британы. Я решил ехать вместе с ними до Торгаевки, а там свернуть к югу.

Лютик сразу вызвал общий интерес, и мне впервые предложили его продать. Впоследствии мне предлагали это неоднократно, но каждый раз я отказывался, мотивируя тем, что Лютик — военный трофей, отбитый в кровавом бою лично у Упыря. Мои собеседники тут же начинали посматривать на меня с опаской, а Лютик — с иронией. Конь был действительно отличный, и мы с прапорщиком Немно долго гадали, из какой экономии Упырь его увел.

Поручик Усвятский заявляет, что не верит моему рассказу. Лютика я, по его мнению, выиграл у полковника Выграну в «шмен-де-фер», а все остальное выдумал. Иначе, заявляет поручик, ему непонятно, почему год назад я ничего не рассказал в отряде. Не рассказывал, верно. И вовсе не из скромности. Просто тогда бы пришлось поведать об Упыре, а этого мне делать не хотелось. Все было бы проще, окажись Упырь обыкновенным головорезом, как его рисовали наш ОСВАГ и большевистская РОСТА. Увы, это оказалось не так. Я понял, что Упырь — это очень серьезно и очень страшно. Но даже он ничего не мог поделать с большевиками.

А это было страшнее всего.

14 июня

Сегодня я был вновь приглашен на заседание военно-исторического кружка, проходившее под председательством генерала Туркула. Часть времени, к моему удивлению, оказалась

посвященной моему скромному труду. Попросив разрешения, генерал Туркул рассказал о моих записках. Говорил он о них излишне хвалебным тоном, проводя параллели чуть ли не с Денисом Давыдовым. Я был уже готов попросить его не вводить в заблуждение почтенную публику, но Антон Васильевич, плеснув меду, перешел к критической части. Ему кажется, что многое требуется исправить и дополнить.

Туркула не устраивает, что я не касаюсь, или почти не касаюсь, того, что было со мною до войны. Ему кажется, что это требуется для полноты рассказа (как он выразился, для «достоверности образа главного героя»). Его абсолютно не устраивает мое ерническое отношение к Ледяному походу, величайшему из великих, который, по его мнению, также должен найти отражение в моих записках. И, наконец, он, Туркул, не может согласиться с некоторыми характеристиками. Это касается генерала Андгуладзе, Фельдфебеля и самого Барона.

Я ждал, что меня поставят по стойке «смирно» и прикажут рукопись переписать, об исполнении донести. Обошлось! Но смотрели на меня «дрозды» с явной укоризной.

Не знаю, что и ответить. Я плохо знаком с генералом Андгуладзе, посему описал лишь то, что видел своими глазами. Особо благоприятного впечатления «капказский человек» на меня не произвел. Барона я также знаю мало, но, отдавая должное его организаторскому таланту, повторюсь: лучше бы он не лез в военные вопросы и оставил их Якову Александровичу. Хуже бы, по крайней мере, не стало.

Может быть, я в чем-то несправедлив по отношению к Фельдфебелю. Тут есть и личный момент. Как истый «гнилой», по выражению Туркула (и Государя Александра III), интеллигент, не люблю бурбонов. В Фельдфебеле есть что-то от африканского носорога. В марте 17-го он с неполным батальоном пытался подавить восстание в Петрограде. Они не успели пройти и сотни саженей, как от батальона ничего не осталось (в буквальном, увы, смысле), сам же Фельдфебель чудом уцелел. Я на фронте с лета 15-го, нагляделся всякого и не выношу командиров с придурью.

Ледяной поход (великий! величайший!) описывать не хочется. О нем уже писали и еще напишут. Если честно, то ни у кого из нас тогда, зимой 18-го, не было и мысли, что мы участвуем в историческом деянии, чуть ли не в Анабазисе. Первые несколь-

ко дней после Ростова мы были в полной растерянности, не понимая, куда — и зачем — нам идти. Ростов пал, к Екатеринодару уже подходили красные. Есть нечего, ночевать негде...

Льда не было, зато каждый день шел снег, а наши шинели согревали плохо. Вдобавок поручик Михальчук подвернул ногу еще в Ростове, и нам с поручиком Огоновским приходилось чуть ли не тащить его волоком, особенно к концу дневного перехода. А у меня от холода дико болели зубы, не давая по ночам спать. Через несколько дней потеплело, снег быстро таял, мы очутились по колено в грязи, а на смену растерянности пришло еще худшее чувство. Мы шли, грязные и небритые, от станицы к станице, а казаки в лучшем случае соглашались дать нам немного хлеба. Или продать, особенно за золотые империалы. О помощи и тем более о добровольцах в первые недели и речи не шло. Мы чувствовали себя, мягко говоря, странно — шли спасать страну, а к нам относились, как к бродягам. Будто бы никому, кроме нас, это и не нужно.

(Да так оно и было. Было — и есть. У Государя числилось сто пятьдесят миллионов подданных. В армии Антона Ивановича Деникина в лучшие месяцы было около сотни тысяч штыков, у Адмирала — немногим больше. А остальные?)

А потом страшные дни под Екатеринодаром, когда надежда сменялась отчаянием, гибель Лавра Георгиевича и полное безразличие, покорность судьбе, когда мы уползали обратно в степь. О Ледяном походе пусть пишут другие. Я — плохой свидетель.

А о том, что было до войны, и вспоминать не стоит. Это совсем другая история, да и я в те легендарные времена был другим человеком. Ничего особенного в моей жизни не случалось. Вольнолюбивая болтовня в старших классах гимназии, телячий восторг 18 октября 5-го года, когда Харьков узнал о манифесте Государя, потом — страшные месяцы террора, Думское позорище, сборник «Вехи», желание навсегда забыть о политике и заняться чистой наукой. И, наконец, Великая Война, воззвание Государя, бесконечные списки убитых офицеров на газетных страницах и решение уйти туда, где ты действительно нужен. А потом — фронт. До самого Голого Поля.

Обоз шел медленно, и в Торгаевку мы попали только утром 8 июля. Я не спешил и, вволю выспавшись на телеге, часами смотрел в безоблачное таврийское небо. Лютик шел рядом,

привязанный к повозке, время от времени бросая на меня критические взгляды. Я понимал, что не тяну на лихого кавалериста, да и в седло влезать пока не хотелось.

Дорога лежала по древнему чумацкому шляху. В далекие годы здесь ходили запорожцы, возвращаясь из набегов на татар. Мы же теперь не возвращались, а наступали из Крыма, и странно было думать, что вся эта земля — от Каховки до Архангельска — уже чужая. И мы шли на север набегом, как когда-то крымские Гиреи.

В Торгаевке мы расстались с обозом, я сел верхом на Лютика и не спеша поехал на юго-запад, к Дмитриевке. Было жарко, нам с Лютиком хотелось пить, но я знал, что в жару ни людям, ни лошадям пить нельзя. Степь вокруг забелела ковылем, вокруг не было ни души, поля пшеницы исчезли — казалось, что мы и вправду попали не в свой век.

Ехать пришлось значительно дольше, чем я думал. Под вечер мы оба, и Лютик, и я, устали: я — с непривычки, он — от такого всадника, и я уж подумывал о том, не заночевать ли прямо в поле. К счастью, нам встретился большой воз с сеном, влекомый равнодушными ко всему волами. Возчик сообщил, что Дмитриевка совсем рядом. И действительно, через пару верст я увидел белые мазанки, высокий колодезный журавель и небольшую церквушку с зелеными куполами. Я еще успел подумать, что не видать охранения, как из кювета бодро выскочили трое незнакомых юнкеров вместе с молоденьким подпоручиком и загородили путь.

Я представился, на что мне было заявлено, что они меня не знают, причем подпоручик потребовал сойти с коня и сдать оружие. Офицерская книжка их немного успокоила, но меня все же взяли в плен и повели в центр села. По дороге я попросил пригласить штабс-капитана Докутовича, но узнал, что того сейчас в Дмитриевке нет, а заменяющий его поручик занят. Я сообразил, в чем дело, и потребовал немедленно отвести меня к поручику Усвятскому.

Поручик, как я и предполагал, играл в преферанс. Меня тут же освободили и познакомили с подполковником Штиглицем, чей батальон стоял в селе вместе с нашим отрядом. Патруль оказался именно из этого батальона, меня они, естественно, не знали, вдобавок фронт был близко. Офицеры редко ездили в одиночку, что и вызвало подозрение у бдительного подпоручика.

Поручик Усвятский первым делом поинтересовался, где я достал такого одра и кто на ком ездит — я на Лютике или Лютик на мне. Лютик, услыхав такое, обиделся и заржал. Подполковник Штиглиц, оказавшийся из семьи знаменитых коннозаводчиков, заступился за моего коня и посоветовал немедленно его расседлать и поводить по кругу, а лишь затем давать пить. Расседлывать коня я толком не умел, но один из солдат пришел на помощь, и Лютик наконец-то получил возможность передохнуть. Поручик Усвятский заметил, что лучше было ехать на авто, и ушел доигрывать партию. В таком состоянии его желательно не трогать, и я решил отправиться на поиски отряда сам. Но тут как из-под земли появился прапорщик Немно, козырнул и, увидев Лютика, расплылся в улыбке. Прапорщик лично занялся конем, попутно посвящая меня в подробности последних дней.

Отряд прибыл в Дмитриевку два дня назад и разместился на другом конце села. Офицеры нашей роты заняли одну из хат, где меня уже ждала койка; штабс-капитан Докутович уехал на денек в Чаплинку повидаться с приехавшей туда супругой, а поручик Усвятский второй день подряд играет в преферанс. Больше новостей не было, если не считать того, что, пока мы стояли в резерве, бои шли чуть западнее, у Днепра, а Яков Александрович со своим штабом находился поблизости, на хуторе Балтазаровка.

Вскоре я убедился, что кое-что все же изменилось. Во дворе нашей хаты стояли несколько лошадей, и прапорщик объяснил, что штабс-капитан Докутович приказал всем офицерам быть готовыми наступать по-конному и даже посадил на коней один из взводов первой роты. Нас ждала степная война, и это было неглупо. Прапорщик Немно оказался главным инструктором по верховой езде, хотя, как он признался, сам ездит неважно и полагается скорее на интуицию. Я хотел было спросить его, как поживают прапорщик Геренис и Ольга, но тут из хаты появился Геренис собственной персоной и принялся задавать вопросы. Я ограничился тем, что весьма туманно объяснил свой вызов в штаб якобы для консультаций и представил Геренису Лютика. Прапорщик похвастался, что у него теперь тоже есть свой конь по имени Злыдень, и поинтересовался, есть ли у меня шашка. Я хотел спросить о нашей сестре милосердия, но почувствовал, что не стоит — иначе прапорщик не томился бы таким чудным вечером в одиночестве.

Ольгу я увидел позже, когда уже совсем стемнело и мы с прапорщиком Немно вышли прогуляться по селу. Сестра милосердия шла в компании двух незнакомых офицеров из батальона Штиглица и о чем-то весьма оживленно с ними беседовала. При виде Ольги лицо Немно поскучнело, и я мысленно посочувствовал обоим нашим прапорщикам.

Наутро вернулся штабс-капитан Докутович и ввел меня в курс дела. Крупных боев пока не было, а корпус Якова Александровича готовился к форсированию Днепра. У нас по-прежнему был некомплект — не более трех с половиной тысяч штыков и около пятисот сабель. Правда, нам в помощь придали Туземную бригаду, но эти орлы — хуже чеченцев, так что на них рассчитывать не приходилось. В общем, здесь было сравнительно тихо, зато за Днепром творилось что-то непонятное. Ходили слухи, что восстали пейзане и наш корпус собирается прийти им на помощь. О дальнейших планах командования нас не информировали, но можно было предположить, что готовится наступление в направлении Николаева и Херсона.

Признаться, и сейчас, по прошествии почти целого года, мне не очень понятен смысл нашей заднепровской операции. Интересно, что неясен он и Якову Александровичу. Красные, ежели верить их пропаганде, были уверены, что наше наступление имеет целью помощь полякам. По-моему, это исключается. Поляки уже откатывались к Варшаве, и наш десант за Днепр выручить их не мог. Резерв Якову Александровичу не дали, и наш корпус должен был опять наступать против впятеро превосходящих сил красных. Вдобавок Барон запретил нам прорываться к повстанцам, что лишало нас единственной поддержки. Создается впечатление, что Крымский корпус опять должен был отвлекать на себя красные резервы. А может, и того хуже — наступать за Днепр предписали французы, с которыми Барону конфликтовать не хотелось.

Теперь уже очевидно, что наше наступление было обречено с самого начала. К счастью, тогда мы этого не знали. Как не знали и того, что наша армия ничего не сможет сделать с железным мальчиком Уборевичем и наступление Барона захлебнется в Южном Донбассе приблизительно там же, где за год до этих событий мы сидели у ночного костра с поручиком Голубом и Танечкой Морозко.

Два дня я занимался делами роты, подтягивая изрядно распустившийся за это время личный состав. Мы со штабс-капитаном Докутовичем послали в штаб корпуса представление на пятерых наших юнкеров, с тем чтобы досрочно произвести их в офицеры. Ребята этого заслуживали, да и офицеров нам не хватало. Не знаю, кому в штабе попала эта бумага. Сам Яков Александрович говорит, что в глаза ее не видел. Все пятеро так и остались юнкерами.

Хватало и других дел. На следующий день после моего возвращения в отряд я сидел на завалинке и в полном одиночестве докуривал пачку «Мемфиса». (Папиросы, кстати, у нас кончились, пришлось, как и весной 18-го, перейти на махорку. Вновь папиросы мы увидели только в Истанбуле.) Я курил, любовался тонким серпом молодой луны и размышлял, куда могли подеваться господа офицеры. Поручик Усвятский по уши завяз в преферансной баталии, а вот местонахождение прапорщиков оставалось загадкой. Внезапно кто-то присел рядом, и я не без удивления узнал нашу сестру милосердия. На этот раз Ольга была одна и явно не в настроении.

Ольга заговорила о чем-то постороннем, чуть ли не о перевязочном материале, которого, как всегда, не хватало, и вдруг, прервавшись на полуслове, попросила меня об одной услуге. Она надеялась, что я смогу ей помочь — помочь помириться с прапорщиком Геренисом. Ольга долго объясняла, как все сие могло случиться и что она не так уж и виновата, а затем стала настаивать на моем вмешательстве, считая, что я должен повлиять как старший по возрасту. И как отец-командир, само собой.

Меня подмывало посоветовать ей обратиться по этому делу к штабс-капитану Докутовичу, но обижать Ольгу не хотелось. Я сказал лишь, что в этих делах — плохой советчик. Моя собственная личная жизнь так и не сложилась, и я не считаю себя вправе вмешиваться в чужую. Как бы хуже не вышло. Ольга живо заинтересовалась подробностями моей несложившейся личной жизни, но я ее разочаровал, предложив поговорить о чем-нибудь более приятном. Хотя бы об этой луне.

Мы не торопясь прогуливались взад-вперед по абсолютно пустой сонной улице и вели заумный разговор, когда нас настиг прапорщик Геренис, возвращавшийся в полном одиночестве откуда-то со стороны степи. Увидев нас, он отшатнулся в

сторону и попытался проскользнуть в хату, но я изловил его, мы присели на той же завалинке и повели общую беседу. Точнее, попытались — говорили Ольга и я, а Геренис поначалу только односложно отвечал. Оказывается, бедняга прапорщик тратил свободное время на то, чтобы практиковаться в топографии. Как и в Албате, он занялся съемкой плана местности, хотя снимать там было нечего — степь лежала ровная как блин. Я укоризненно поглядел на Ольгу, и та, сообразив, до чего довела молодого человека, изрядно смутилась.

В конце концов мы проводили Ольгу до ее хаты и решили ложиться спать, не дожидаясь пропавшего без вести прапорщика Немно. Оставалось надеяться, что его тайна не была связана с похищением очередного коня из царской конюшни.

Все выяснилось через два дня. Тайну звали Галина, она жила рядом и была весьма недурна собой — особенно для тех, кто падок на малороссийских пейзанок.

В общем, мы вели почти что идиллическую жизнь. Так продолжалось до 13 июля. В этот день штабс-капитан Докутович вернулся из Чаплинки и сразу вызвал меня к себе. В хате было пусто, но он лишний раз проверил, не прячется ли под лавкой дюжина красных шпионов, и лишь затем сообщил новости.

Нашему безделью пришел конец. Выступать предстояло завтра, а посему рота должна быть готова, кони подкованы, а броневики заправлены бензином. Я тут же признал свою полную некомпетентность по части ковки лошадей, сообщил, что броневики заправлены, но бензина имеется только по полбака, после чего поинтересовался планами командования. Штабс-капитан попытался сослаться на секретность операции, но в конце концов сам не выдержал и, перейдя на шепот, поделился подробностями. Узнав оные подробности, я тут же пожалел, что спросил.

Завтра ночью мы должны переправиться через Днепр севернее Любимовки и уйти в красный тыл. Нам выделяют проводника, идти придется ночами, атакуя красные гарнизоны и ведя разведку. Рейд рассчитан на неделю, и, ежели повезет, обратно мы должны переправиться значительно южнее, у Тягинки. Как я понял, Яков Александрович ожидал подхода крупных сил красных, и наша разведка боем должна была прояснить обстановку.

Прапорщики приняли новость о выступлении чуть ли не с

восторгом, явно наскучив нашей аркадской идиллией. Поручик Усвятский, напротив, заявил, что до Москвы мы все равно не дойдем, а таких партнеров по преферансу, как полковник Штиглиц, ему уже не найти. К тому же, ежели надо будет идти в тыл к красным, броневики придется бросить на полдороге — бензина мало, а на руках их не покатишь.

Несмотря на правоту поручика, этим же вечером я послал его, вместо преферанса, проверить двигатели. Прапорщик Немно предложил свои услуги, намекнув о высшем техническом образовании, но я, запретив умствование, послал его с прапорщиком Геренисом осмотреть лошадей. В броневике и химик может разобраться.

Попутно выяснилось, что у меня нет шашки. Она мне была не очень и нужна, поскольку фехтовать не обучен, но шашка теперь мне полагалась по уставу, как офицеру «пешему по конному». Устав есть устав, посему пришлось заниматься еще и этим. В нашем обозе хранилось немало трофеев, привезенных из Токмака, и я поручил Усвятскому, после приведения в порядок броневиков, подобрать мне шашку. Все-таки сорта стали — его хлеб.

Поручик Усвятский явился поздно, долго смывал бензиновые и масляные пятна, а затем, буркнув, что броневики в порядке, сунул мне саблю в потертых кожаных ножнах. Я решил, что поручик нарочно выбрал самый непрезентабельный клинок из всей нашей добычи. Роскошная златоустовская шашка прапорщика Герениса по сравнению с моей саблей смотрелась настоящей царицей. Впрочем, я сам был виноват, поручив выбор зловредному поручику. Но, вынув клинок из ножен, я всмотрелся и понял, что возводил на поручика напраслину. Узкая, гнущаяся чуть ли не в кольцо сталь была покрыта узорной арабской вязью. Я пригляделся — когда-то меня немного учили и этому. Строка из Корана: «Совершенна на войне сила его, и в схватках нападает он нападением льва». Бог весть как попал этот дамасский клинок в Россию, к кавалеристам Дмитрия Жлобы. Поручик Усвятский, заметив мои изыскания, посоветовал разрубить саблей платок на лету. Я возразил, что делать этого не буду: и платок жалко, и разрубить его я едва ли изловчусь. Даже дамасским булатом.

На следующий день после полудня мы выступили из Дмитриевки. Нашим соседям из батальона Штиглица штабс-капитан Докутович ничего не сказал. Для них мы лишь меняли дислокацию. Подводы были готовы заранее, но мы специально не торопились, ожидая темноты. Наконец, убедившись, что солнце клонится к закату, мы посадили нижних чинов на повозки и полным ходом пошли к Любимовке. В полночь, обойдя ее с севера, мы оказались у переправы. Днепр был темен и тих, только левее, у Каховки, небо полыхало зарницами. Там шел бой.

Антон Васильевич и поручик Усвятский проигрались в пух и теперь сваливают друг на друга вину за бесславное поражение. Поручик, забыв о чинопочитании, советует Туркулу играть исключительно в подкидного дурака, а Антон Васильевич грозит натравить на него Пальму.

Туркул, соглашаясь с моей трактовкой летних боев, все же считает, что какой-то шанс у нас был. По его мнению, нам просто не повезло. Вслед за императором Наполеоном он готов во всем винить погоду, правда, не зимние морозы, а летнюю жару.

Этого не забыть! Вязкий воздух, полный запаха пыли и сухой полыни, не остывал даже ночью. Воды не хватало, за все лето с безжалостного белесого неба не упало ни капли дождя. Это жуткое небо снится мне и по сей день и, наверное, не мне одному. Изредка его закрывали тучи, прорезаемые сеткой молний, но грозы были сухие, и воздух только накалялся, задерживая дыхание. Во всем этом чувствовалось приближение катастрофы. Вдобавок Сиваш почти полностью высох и стал проходим на всем протяжении, что сыграло с нами злую шутку уже в ноябре.

Все это правда, однако туго в то лето приходилось не только нам, но и краснопузым. Им тоже хотелось пить, они так же задыхались и ждали дождя. И Сиваш они прошли, когда Барон уже приказал начать эвакуацию. Мы проиграли не в ноябре, на Перекопе и Литовском полуострове, а раньше — у Синельниково, где Уборевич остановил Дроздовскую дивизию, у Каховки, где Блюхер сжег наши танки. Жара тут была ни при чем.

Туркул требует внести поправку. Выражение «гнилой интеллигент» не его и не Государя Александра III, который никак не мог такое сказать, а исключительно господ большевиков. Употреблено же оно им, Туркулом, исключительно в шут-

ку. Сам он российскую интеллигенцию необыкновенно уважает, хотя и не снимает с нее вину за все случившееся, в будущем же надеется перевешать никак не меньше половины этого «гнилья». Так, стало быть, интеллигенции и надо!

19 июня

Со времени моей последней записи прошло пять дней, за которые случилось немало интересного. Все записывать нет резону, да и рука плохо слушается, о главном же стоит упомянуть обязательно.

А главным была наша поездка в Гиссарлык. Генерал Витковский сдержал свое обещание и раздобыл паровой катер, доставивший нас прямо к устью маленькой речки Мендере-су, к деревне Бунарбаши, откуда до Гиссарлыка рукой подать. Плыли вшестером: генерал Туркул, Володя Манштейн, мы с поручиком Усвятским и наши соседи по палатке, наслушавшиеся от меня за эти месяцы о руинах Крепкостенной. Витковский поехать не смог, о чем очень сожалел. Напоследок он предупредил, что разъезды Кемаля уже несколько раз появлялись у самых Дарданелл, и мы решили взять с собой револьверы. Не то чтобы надеялись отбиться от всего Кемалева воинства, а так, для спокойствия духа.

Еще в лагере Туркул приказал найти «Илиаду», чтобы использовать ее как путеводитель. «Илиады» в Голом Поле не оказалось, и мне пришлось кое-что воспроизводить по памяти. К счастью, Володя Манштейн учил в юнкерские годы не только строевой устав и здорово мне помог. Память у него блестящая, особенно на стихи, которые я и в гимназии не мог заучить наизусть.

Итак, «Гнев, о богиня, воспой...»

Плыли мы довольно долго, и времени хватило, чтоб напомнить бывшим юнкерам, бывшим гимназистам и бывшим реалистам содержание «Илиады», а заодно рассказать о великом авантюристе Генрихе Шлимане, петербургском купце и американском миллионере, который, несмотря на скепсис всего ученого мира, нашел-таки Трою под желтой гиссарлыкской травой у речки Мендере-су, бывшего и трудно узнаваемого теперь легендарного Скамандра. Я излишне увлекся, и все почему-то уверились, что мне лично довелось копать с Великим Генрихом. Пришлось их разочаровать. Шлиман умер, когда мне не исполнилось и трех лет, да и Трою мне копать не приходилось. Я был там лишь гостем вместе с моими коллегами из Русского Археологического института. Правда, показывал нам раскопки сам Дерпфельд. Жаль, что война прервала работу, и Дерпфельд, если он жив, голодает сейчас в побежденной Германии, не имея возможности увидеть желтоватые воды Мендере-су.

Впрочем, Германия, даже разгромленная и ограбленная, все-таки не Совдепия. Бог даст, братья-тевтоны все-таки вернутся на Гиссарлык и доведут дело Великого Генриха до конца. А кто будет копать Херсонес? Господа балтийские моряки, братва-махновцы? Лучше и не думать!

Мы высадились на пустой берег возле полуразрушенной пристани. За годы войны здесь все пришло в упадок, местный люд разбежался, так что даже проводника мы не смогли отыскать. К счастью, дорогу я помнил, и вскоре наш маленький отряд бодро зашагал прямо на восток.

Отойдя сотню саженей, мы остановились. Володя Манштейн предложил не спешить и вначале найти место греческого лагеря — того самого, где стояли цветные палатки ахейских вождей, где ссорились владыка Агамемнон и быстроногий Ахиллес. Пришлось разочаровать моих спутников. Лагерь искал еще Шлиман. Дерпфельд, изучив береговую линию, предположил, что лагерь уже не найти — за долгие века море отступило, местность изменилась неузнаваемо, и нам остается только гадать. Гадание же — занятие для археолога неуместное.

Туркул внимательно оглядел местность и уверенно наметил два холма. Будь он Агамемноном, то разместил бы лагерь на одном из них. Я согласился, но напомнил, что Агамемнон был слабым полководцем, иначе не стоял бы у Трои десять лет. Ахейский же лагерь имел не очень удобное расположение, в противном случае его не пришлось бы ограждать стенами.

Дорога к Гиссарлыку поросла желтоватой травой — в последние годы здесь явно никто не бывал. Позади осталась деревня Бунарбаши с ее фантастическими мазанками, напоминавшими чем-то Токмак, и мы ушли за невысокие холмы, покрытые той же выгоревшей травой и редкими мелколистными деревьями, необыкновенно похожими на крымские. В этой древней стране было тихо, и мы меньше всего ожидали встре-

тить здесь конный патруль, появившийся из-за ближайшего холма.

Вот так! Агамемнон-Кемаль уже у самых Дарданелл. Скоро в Истанбуле будут паковать чемоданы.

Я достал бумагу с печатями, полученную от господина Акургала, и предъявил ее всадникам. Они принялись изучать ее с таким внимательным видом, что сразу же возникли сомнения в их грамотности. И тут Туркул чуть заметно толкнул меня рукой в бок. Я понял: патруль был в непривычной форме без погон, ничуть не похожей на форму султанской армии. Вместо фесок — фуражки, довершали же экзотический вид красные петлицы и высокие ботинки. Чем-то эта форма напомнила мне господ краснопузых. Еще бы «богатырки» вместо фуражек — и не отличить.

Мы уже приготовились к худшему, но старший патруля, судя по золоту в петлицах — офицер, внезапно заговорил на скверном немецком. Наша форма показалась ему подозрительной, но музейная бумага возымела действие. Кемалист разрешил следовать дальше и даже пожелал счастливого пути. Он козырнул, и патруль вновь исчез за холмами.

Мы пошли дальше, рассуждая о том, пропустили бы нас русские большевики, будь у нас, скажем, бумага из Императорской Археологической комиссии. По всему выходило, что не только бы не пропустили, но, скорее всего, разменяли бы на месте. Выходит, господин Акургал прав, кемалисты не так уж и страшны. Туркул еще раз пожалел, что с Кемалем не удается поговорить, и я с ним полностью согласился. Но что поделаешь, паше больше по духу большевики.

Гиссарлык появился как-то сразу, словно вынырнул из-под земли. С первого взгляда он не производил особого впечатления — обычный холм, почти такой же, как и десятки иных в округе, разве что чуть выше и больше. Правда, узнать его можно сразу — по срытой вершине, пробитым траншеями склонам и нескольким теснившимся домикам — остаткам лагеря Дерпфельда.

Мы стояли на поле у подножия Гиссарлыка и, напрягая память, вспоминали полузабытые строки «Илиады». Именно здесь, на этом месте, погибли все защитники Крепкостенной. Чуть ближе к холму, там, где были ворота, упал пронзенный ясеневым копьем Гектор Приамид — главнокомандующий

троянской армии. Туркул заметил, что в детстве, штудируя «Илиаду», всегда сочувствовал троянцам, теперь же сочувствует им еще больше. Троянцы защищали свой город, защищали от вдесятеро превосходящих ахейских полчищ, и ему, Туркулу, непонятны почитатели Агамемнона и Ахиллеса.

Спорить не приходилось, но кто-то резонно заметил, что всегда находятся сочувствующие силе. Ведь и большевиков многие поддержали. Краснопузым Ахиллесам скоро понаставят памятников с чертовыми пентаграммами, и Бог весть когда помянут наших Гекторов.

Да, все это было здесь, на этом поле. Было — и сгинуло. Остались только невысокие курганы, поросшие колючим кустарником, да козий выгон, где пасутся «трагосы» из паршивой деревеньки Хыблак, что прилепилась к северному склону Гиссарлыка. Впрочем, и коз не видать — говорят, Хыблак за годы войны обезлюдел.

Восхождение оказалось не таким легким делом. Траншеи постоянно перегораживали дорогу, позаставшие травой ямы так и лезли под ноги, к тому же приходилось постоянно останавливаться, чтобы объяснить моим спутникам каменную мешанину, выползающую из-под красноватого суглинка. Хорошо, что в свое время Дерпфельд лично водил нас по раскопам! С первого взгляда понять здесь что-либо практически невозможно. И со второго — тоже. Как это Дерпфельд все определил?

Времена перемешались. Гладкие плиты от строений Нового Илиона, куда любили приезжать римляне, демонстрируя свой троянский патриотизм. Стена Лисимаха, не имеющая к Лисимаху никакого отношения, но действительно эллинистическая. Греки тоже любили сюда приезжать. Александр Великий выстроил здесь храм — в честь Ахиллеса, естественно.

А глубже — семь или восемь слоев гари, семь или восемь городов, сгоравших и вновь возникавших на пожарище. Какой-то из них и был Троей Приама. Правда, какой именно, никто не знает. Шлиман считал одно, Дерпфельд — другое, а великий Курциус так и не поверил, что это Илион. До самой смерти не верил, хотя бывал здесь неоднократно.

Да, камни производят впечатление, но, к сожалению, здесь можно увидеть только их. Все остальное, что не было расхищено и украдено, спрятано теперь в музеях. В Германии находится знаменитый клад Приама, раскопанный Шлиманом на

южном склоне, все прочее разбросано по разным странам и никогда уже не соберется вместе. Великий город снова грабят — дограбливают то, что осталось после ахейских вождей.

Поручик Усвятский, недоверчиво разглядывавший серые каменные блоки, не мог не поделиться своими сомнениями. Его беспокоила мысль о датировке. И прежде всего, применялся ли безотказный флюориновый метод для определения абсолютных дат. Химик, как всегда, бил в самую точку. Дерпфельд пытался применять флюорин, но о результатах говорить пока трудно, так что датируем традиционно — по керамике. Метод надежный, хотя и не столь точный.

Поручик Усвятский недоверчиво скривился и был готов вступить со мной в очередной спор, но Туркул и Володя Манштейн потребовали, чтоб он не занимался критиканством. Иначе через пару веков, найдя следы наших блиндажей на Перекопе, грядущие умники тоже начнут сомневаться, была ли война или это всего лишь древние легенды. И потребуют растолочь наши кости для химического анализа.

Напоследок мы поднялись на стесанную вершину Гиссарлыка, откуда можно увидеть всю округу — и жалкие домишки Хыблака, и мазанки Бунарбаши, и желтоватый Скамандр, и виноцветное море, по которому приплыли чернобокие ахейские суда с десантом в медных панцирях...

Вечерело. Пришла пора возвращаться.

На катере меня поджидал сюрприз. Мы еще не успели отчалить, как Туркул внезапно скомандовал «Взяли!», и двое наших соседей-«дроздов» крепко ухватили меня за локти. Я оказался в клещах, а Антон Васильевич вместе с Володей Манштейном принялись в три руки снимать мои старые штабс-капитанские погоны. Затем Туркул, поминая все тех же «гнилых интеллигентов», нацепил мне новые, с тремя звездами и двумя просветами, заявив, что в присутствии теней Гектора и Приама я больше не посмею валять дурака. Поручик, а точнее, штабс-капитан Усвятский, надевший новые погоны еще две недели назад, лишь злорадно усмехнулся.

Погоны оказались не золотые, положенные мне по уставу, а малиновые, как у «дроздов». Я хотел было заикнуться о таком непорядке, но Туркул скомандовал мне и поручику Усвятскому «смирно» и заявил, что с сегодняшнего дня он приказом производит нас в почетные дроздовцы. Теперь мы имеем право на малиновые погоны, нагрудный знак с надписью «Яссы, 1917» и на расстрел в случае пленения. Впрочем, эту последнюю привилегию сорокинцы имели и так — красные в плен нас не брали.

Остаток пути Туркул и Володя Манштейн, считая нас уже своими, посвящали меня и поручика Усвятского в подробности героического пути славной Дроздовской дивизии. Зная, что я харьковчанин, Туркул поведал драматическую историю погони за броневиком «Товарищ Артем» прямо на Николаевской площади Харькова. Броневик «дрозды» остановили чуть ли не с помощью лассо, как американские «коубои».

Дивная история! Мы и сами сочиняли такие дюжинами. Будущая великая книга «Дроздовцы в огне» предстала перед нами во всем блеске.

Гиссарлык не вспоминали, словно и не были там. Только уже у самого Голого Поля кто-то вновь упомянул Гектора, и Туркул высказал сожаление, что у троянцев в резерве не было батальона «дроздов». Лучше всего — из Первого Офицерского полка. С офицером из Первого полка не справится и дюжина Ахиллесов.

Куда уж Ахиллесам, Пелеевым сынам! А вот господа краснопузые справились. Пишпекский мещанин Михаил Фрунзе оказался похлеще вождя мирмидонян.

На следующий день, уже на правах почетного «дрозда», я попросил Туркула принять на хранение последнее, что осталось от отряда, — полевую сумку подполковника Сорокина, набитую почти доверху нашими крестами и медалями. Антон Васильевич покачал головой и попросил список тех, кому эти награды принадлежали. Списка, увы, у меня не было — от Сорокинского отряда не осталось даже списков. Удивительно, как штабс-капитан Докутович умудрился вывезти эту сумку.

Туркул заявил, что это непорядок и безобразие, а посему я, как последний командир сорокинцев, обязан составить хотя бы список офицеров, служивших в отряде. Иначе это будет просто несправедливо.

Да, конечно, это будет несправедливо. К сожалению, я уже не помню всех. Слишком долго длились эти три года Смуты. Список, конечно, составлю — тех, кого еще не забыл. Быть может, поручик Усвятский и вправду когда-нибудь напишет историю Сорокинского отряда.

А ведь как подумаешь... Даже имен не осталось!

До дневника, застывшего на 14 июля, я так и не добрался. Сегодня писать, к сожалению, не могу. Поездка в Гиссарлык начинает выходить боком, и поручик Усвятский советует прекратить бумагомарательство хотя бы на несколько недель. Прекратить — не прекращу, но буду писать меньшими дозами, иначе можно не дотянуть даже до полумифического болгарского санатория.

20 июня

У нас снова неприятности. Марковцы налетели на корниловцев, была стрельба, и сейчас разъяренный Фельдфебель ведет личное разбирательство. Да, нервы у людей уже ни к черту! «Дрозды» и сорокинцы еще как-то держатся, но поневоле пожелаешь нам всем скорейшего отъезда. Пусть даже в Занзибар.

Рейд на правый берег Днепра помню только отрывками. К сожалению, записей в эти дни я почти не вел, было не до этого. Единственную отметку сделал 15 июля, сразу после переправы, а дальше пошло такое, что свой дневник я достал из полевой сумки только в Дмитриевке.

Итак, глубокой ночью 14 июля мы подошли к паромной переправе у Любимовки. Эту переправу 13-я дивизия отбила несколько дней назад с помощью пейзан-повстанцев, которые и прикрывали ее с правого берега. Они же должны были выделить нам проводников.

Отряд переправился двумя паромами. Пришлось делать несколько ходок. Штабс-капитан Докутович уплыл на правый берег с первым же взводом, а я уходил на последнем пароме с броневиками. Тьма была почти кромешной, затянутое тучами небо накрывало нас, словно свод склепа. Дальний правый берег тянулся еле различимой черной полосой, днепровская вода с чуть слышным плеском билась о борт парома, все молчали, и только Лютик время от времени негромко ржал. Ему было не по себе, да и мне стало жутковато. В такую ночь можно ожидать чего угодно, вплоть до чертовщины в духе господина Гоголя — или пулеметной очереди в упор из прибрежных камышей.

Впрочем, все обошлось благополучно, мы выгрузили броневики, а отряд тем временем уже строился в колонну. Рядом со

штабс-капитаном Докутовичем я увидел двух усатых «дядькив» в чрезвычайно живописных нарядах. «Дядьки» оказались нашими проводниками, которые должны были обеспечить быстроту и внезапность рейда. Я занял место в одной из повозок. Лютик удивленно скосил на меня глаза, но я привязал его к той же повозке и предоставил каждому из нас возможность двигаться автономно. Ехать верхом я попросту побаивался, особенно ночью.

Перед отправлением ко мне подскакал на серой в яблоках кобыле штабс-капитан Докутович (экий гусар!), и мы вкратце уточнили обстановку. Он предполагал идти ночами, а днем отдыхать в укромных местах. Карта с приблизительным маршрутом была у него в планшете, и он посоветовал мне, пока есть время, сделать с нее кроки. На всякий случай.

Я взял карту, чтобы поработать с нею на привале. Штабс-капитан Докутович пришпорил кобылу, и через минуту мы тронулись. Колонна шла прямо на запад по узкой дороге, тянувшейся между плавнями и зарослями густого кустарника. Шли до рассвета, а затем свернули в плавни и устроили дневку. Это была последняя ночь и последний день, когда все шло по плану. Тогда и была сделана запись в дневнике. Больше писать не пришлось — в следующую же ночь мы столкнулись лицом к лицу с какой-то заблудившейся колонной красных, и с той минуты ни дня, ни ночи уже не было.

Колонну мы опрокинули, но стало ясно, что нас раскрыли. Уже утром пришлось отражать нападение конного разъезда. Мы его рассеяли пулеметным огнем с броневиков и пошли не прячась — в лоб. Нашей целью было крупное село северо-восточнее Бериславля, название которого я уже не упомню. В селе находился батальон только что прибывшей из резерва 15-й дивизии красных. Мы рассчитывали на внезапность, но краснопузые успели очухаться и ударили навстречу. Первым же снарядом разнесло один из броневиков, который запылал невысоким лиловым пламенем и перевернулся. Спасать экипаж было поздно. Почти тут же из-за беленых хат вылетели несколько десятков конных. Это явилось сюрпризом — конницы мы не ожидали. Конный взвод штабс-капитана Докутовича бросился им навстречу, но молодые ребята, плохо державшиеся в седлах, мгновенно оказались опрокинутыми. Конница уже расходилась веером по нашим порядкам, полосуя шашками налево и

направо, но тут ударил пулемет второго броневика, которым командовал прапорщик Немно, красные замешкались, и нам удалось развернуть три трофейные тачанки. Несколько конников прорвались к повозкам, один уже замахнулся шашкой, чтобы снести мне голову, но прапорщик Геренис, гарцевавший на своем Злыдне, рубанул краснопузого златоустовским клинком. Всадник перевалился через голову коня и скатился на землю, а прапорщик, сам не ожидавший такого, чуть не упал со Злыдня, выронив шашку и потеряв стремена.

Уцелевших всадников мы разогнали, послали вперед тачанки и ворвались в деревню, гоня перед собой красный батальон. Кровь ударила в голову, кололи штыками, стреляли в упор, и после боя у нас не оказалось ни одного пленного. Задерживаться не стали — зажгли склады и ушли из горящего села.

Этот бой стоил нам броневика, в котором сгорели трое юнкеров и поручик Петренко, командир одного из взводов первой роты. Большие потери понес наш конный взвод, в моей роте убили троих, но это было, увы, только начало.

Несколько следующих дней мы спали урывками, почти все время атакуя или отбивая атаки. Спасали скорость и знание местности — проводники уводили отряд из-под удара ведомыми только им тропинками. Через два дня у последнего нашего броневика полетело рулевое управление, и его пришлось бросить. Потом сломалось несколько повозок, и в конце концов мне довелось сесть на Лютика. Мы не выходили из боев, питались в лучшем случае раз в сутки и чувствовали себя охотниками и дичью одновременно. Ожесточение росло — в плен никого не брали, а сдавшихся отводили к ближайшей стенке.

Рисковали мы все же недаром — вспоров красный тыл, отвлекли на себя свежие резервы, столь необходимые большевикам на Днепре. Сжигая склады и обозы, взрывая мосты на мелких излучинах Днепра, отряд, по огромной дуге обходя Бериславль, приближался к Тягинке, где нас ожидали повстанцы. За дни рейда в наши руки попали важные документы, из которых стало известно, что группа Эйдемана, куда входили 15-я, 52-я и Латышская красные дивизии, готовила удар в направлении Каховки. Эти сведения стоили целого нашего отряда, но, самое главное, нам очень хотелось вернуться. Живыми.

Уже на подходе к Тягинке (это было, кажется, 22 июля) нас

со всех сторон атаковали свежие конные части. Отряд нырнул в плавни — и началась погоня. Нас спасали проводники, творившие буквально чудеса, и отчаяние — в плен сдаваться не имело смысла.

В эти страшные дни все в отряде держались хорошо. Даже бывшие краснопузые, понимавшие, что «чека» не помилует, дрались не хуже ветеранов. Штабс-капитан Докутович твердо вел отряд, успевая принимать правильное решение за мгновение до того, как его примет противник. Несколько раз мне приходилось его заменять, и могу подтвердить, что командовать в таком рейде потруднее, чем идти в штыковую на пулеметы.

Наши прапорщики выглядели молодцами. Немно умудрялся сохранять хорошее настроение даже после двух бессонных ночей, Геренис как-то сразу повзрослел и уже не спрашивал о Гаагской конвенции, когда приходилось ставить к стенке очередную команду краснопузых. Шашкой он больше не орудовал, но в штыковой был первым, напоминая мне покойного поручика Голуба. Не знаю, что сказала бы Ольга, увидев теперь нашего литвина. К счастью, мы оставили ее в Дмитриевке.

Хуже всего приходилось бедному Лютику. Я старался как можно чаще идти пешком, чтоб не сбивать ему спину, но дни без отдыха и почти без сна сваливали с ног даже бывалых офицеров, не говоря уж о таких юных аристократах, как мой буланый. Впрочем, он не жаловался.

Мы вновь описали дугу и подошли к Тягинке с юго-запада. Цель была близка, рукой подать, но увы! На пути попался небольшой хутор, где засел какой-то особенно упорный большевистский отряд. Мы сунулись туда — и были отбиты. И — пошло! Первый приступ, второй...

Кончались патроны, и мы, как когда-то в 18-м, бросались в штыки. Хутор отстреливался отчаянно, две наши атаки были отбиты, а прапорщик Немно получил пулю в предплечье. В конце концов штабс-капитан Докутович, рота которого потеряла за эти дни больше трети состава, отозвал меня в сторону и тихо, чтобы не слышали подчиненные, спросил, смогу ли я этот проклятый хутор взять. Придумать было нечего: обойти красных не представлялось возможным, отступить — тоже. Я заявил, что хутор возьму, выстроил роту и приказал наступать. Поворачивать назад я запретил. Поручик Усвятский дол-

жен был принять командование после меня, ежели краснопузые не промахнутся.

Все это очень напоминало Екатеринодар, когда Сергей Леонидович Марков водил нас на штурм красных позиций. Тогда мы шли в полный рост — впереди подполковник Сорокин со своим неизменным стеком, а за ним, возглавляя взводы, мы с поручиком Огоновским и хромающим подпоручиком Михальчуком. Теперь все повторилось, только вместо подпоручика Михальчука хромал прапорщик Геренис — его нога еще не зажила.

Мы пошли вперед, не обращая внимания на огонь. К нашему счастью, у краснопузых что-то случилось с пулеметом: то ли ленту заело, то ли просто кончились патроны. Четверых уложило наповал, троих ранило, но мы все же ворвались в хутор и взяли их в штыки. Десяток уцелевших попытались забаррикадироваться в одной из хат, но поручик Усвятский, у которого пулями сбило фуражку и отстрелило погон, помянул весь большой петровский загиб, швырнул последнюю ручную бомбу в окошко и ворвался в полную дыма хату с «гочкисом» наперевес. Мы вбежали следом и добили уцелевших штыками.

Двоих краснопузых, умудрившихся каким-то чудом выжить, мы выволокли из хаты и прислонили к ближайшему плетню. Юнкера взяли винтовки на изготовку, прапорщик Геренис собирался скомандовать «огонь», как вдруг поручик Усвятский дернул меня за рукав и ткнул рукой в сторону плетня. Я ничего не понял, но на всякий случай предложил Геренису подождать. Наконец кровавый туман перед глазами рассеялся, и мне стало понятно, что имел в виду бывший химик.

...Это были не красноармейцы, даже не курсанты — дети, мальчишки лет четырнадцати. Всмотревшись, я убедился, что дело и того хуже — один из мальчишек оказался не мальчишкой, а девчонкой. На хуторе оборонялся отряд юных коммунистов, коих господа Ульянов-Бланк и Бронштейн с большой охотой посылают на убой. Мальчишки дрались лучше взрослых и вполне заслужили право на расстрел, но расстрелять их мы не могли. Мы не убиваем детей.

Подъехал на своей серой в яблоках штабс-капитан Докутович, понял, в чем дело, и только головой покачал. У него трое детей, старшему — двенадцать, и штабс-капитан прилагал героические усилия, чтоб не пустить сорванца на фронт. Надо

было торопиться. Оставить юных большевиков на свободе мы не могли, дабы те не навели преследователей на след, а потому штабс-капитан распорядился бросить их в одну из повозок нашего походного лазарета, связав по рукам и ногам. Мальчишка держался твердо, титулуя нас «гадами» и «белой сволочью», а девчонка не проронила ни слова. Вскоре, оставив позади горящий хутор, мы поспешили к Тягинке, где нас должны были ждать повстанцы.

Поручик Усвятский советует мне на этом остановиться. На сегодня, пожалуй, и вправду хватит. Руки ведут себя паршиво, да и голова кружится сильнее, чем всегда. Этак можно и кондратия заработать, а сие совершенно ни к чему! Хотя бы потому, что на следующей неделе мне нужно обязательно съездить в Истанбул.

21 июня

Сегодня после полудня, ни о чем не подозревая, заглянул к Туркулу и обнаружил там полдюжины его сослуживцев, разгневанных донельзя. «Дрозды» буквально рычали, а в центре стоял Антон Васильевич и яростно тряс тощим журнальчиком, насколько я успел разглядеть, берлинской «Жизнью». Я хотел удалиться от греха, но был схвачен, усажен на раскладной стул, после чего мне предъявили журнал с требованием немедленно прочесть и высказать свое мнение. Пришлось заняться литературной критикой.

Гнев славных дроздовцев вызван небольшим очерком Романа Гуля, посвященным Ледяному походу (говорил же, будут писать!). Этого Гуля я немного знал. Этакий малокровный интеллигент с вечным насморком, почти все время просидевший в обозе. После Екатеринодара он был потрясен душевно — и дезертировал. И вот теперь господин Гуль объясняет, так сказать, urbi et orbi, что гражданская война суть бессмыслица и мы, Белая Армия, совершенно напрасно взялись за оружие. Плетью обуха не перешибешь, и нечего было ввергать страну в излишнее кровопролитие. Как говорили мои малороссийские предки, «нэ трать, кумэ, сыли, йды на дно».

От таких откровений, конечно, зарычишь. Я лишь мог сказать в оправдание интеллигента с вечным насморком, что он все же прошел с нами от Ростова до Екатеринодара. Десятки

тысяч других не сделали и этого, а приторговывали гуталином или пропали зазря в «чеке». Но писать такие вещи ему не стоило — по крайней мере, пока мы, уцелевшие, еще живы.

Попадись этот Роман в руки «дроздам», ему пришлось бы туго, но господин щелкопер пребывает в Берлине, и обличение состоялось заочно. Особенно горячился Туркул, впрочем, и другие от него не отставали. Я слушал внимательно, ведь разговор шел на одну из наших вечных тем — об итогах и смысле Белого дела.

«Малиновые погоны» приводили, в основном, аргументы морального плана. Туркул заявил, что Белая Армия спасла честь России, доказала, что не все русские — скоты и холопы, и будущая Возрожденная Россия будет обязана спасением праведникам Белого дела.

(Так и сказал — я записал дословно.)

Этак красиво мне не выговорить, но я вполне согласен с Антоном Васильевичем. Лучше уж получить пулю в лоб, чем заживо гнить в подвалах «чеки». Нам, по крайней мере, есть что ответить на Суде, если спросят, что мы делали, когда Россия погибала. Все так, но дело не только в этом, иначе Белая Армия походила бы на клуб благородных самоубийц. Как поется в паскудной большевистской песенке на мотив все той же «Акации»: «И как один умрем в борьбе за это». Туда им, краснопузым, и дорога, но мы, белые, все-таки армия, а не клуб самоубийц. Поэтому следует посмотреть на проигранную войну с другой стороны. И прежде всего понять, чего мы все же успели добиться.

Да, мы, Белая Армия, спасли честь страны. Все мы, офицеры и рядовые, рабочие, интеллигенты, крестьяне, поповские сыны и цыгане с высшим образованием. И этого у нас не отнять. Может, Туркул и прав, когда-нибудь нас вспомнят в воскресшей стране. Но уже сейчас мы можем гордиться не только своей гибелью. Мы, белые, не смогли спасти Россию — зато спасли всех остальных. Нас не хотели принимать всерьез господа союзнички, лакавшие свое какао и заигрывавшие с большевичками. Но мы, потеряв Россию, все же не выпустили красную чуму за ее границы. «Мировой пожар», задуманный полоумным бухгалтером господином Карлом Марксом, так и не состоялся. И это сделали мы, белые!

Пока этого никто, или почти никто, не понял. Боюсь, прозрение придет слишком поздно, когда Совдепия оперится и вновь попытается штурмовать Европу. Может, в подвалах парижской или берлинской «чеки» господа либералы и прочие консерваторы сообразят напоследок, от чего мы, белые, отстояли мир. Правда, лучше бы это не случилось никогда — пусть уж не понимают по-прежнему.

Мое мнение пришлось «дроздам» по душе, и они перешли к другой, не менее вечной теме — проклятиям по адресу господ союзничков. Тема эта неисчерпаема. Да, сволочи. Но чего, интересно, нам было ждать от правнуков Бонапарта и внуков адмирала Нэпира? Пусть господа союзнички давятся своим какао. Но еще станет колом у них в горле!

Итак, в ночь на 29 июля мы прорвались к переправе чуть южнее Тягинки. Нас встретила сотня усатых «дядькив» с обрезами и дрекольем — отряд повстанцев, стороживший паромы. Они поджидали уже неделю и были от этого совсем не в восторге. Но ругаться не оставалось времени — мы тут же начали переправу.

На первом же пароме отправили подводы с ранеными. На одной из них сидел печальный прапорщик Немно и, напевая нечто совершенно цыганское, баюкал, словно ребенка, раненую руку. К нему в подводу мы подкинули связанную по рукам и ногам юную большевичку, напугав бедного прапорщика до полусмерти. Впрочем, цыган оставался истым джентльменом и принялся подкладывать под голову красной валькирии свою шинель, рискуя потерять и вторую руку — валькирия вполне могла откусить ему палец.

Со вторым пленником церемонились меньше. Штабс-капитан Докутович поставил мальчишку перед собой, вынул револьвер и, приставив ствол прямо ко лбу, предложил выбор: немедленно вступить добровольцем в наш отряд — или немедленно получить пару унций свинца между глаз.

Что и говорить, жестоко. Могу лишь предположить, что Докутович никогда бы не выстрелил. Этого и не понадобилось — мальчишка уже один раз пережил свою смерть, когда стоял у плетня под дулами винтовок, второй раз ему умирать не хотелось, и он тут же согласился. Юного большевика развязали, вручили карабин, пока без патронов, и уложили на другую повозку — отдыхать. Я предложил штабс-капитану не возиться с

девчонкой и оставить ее здесь. Штабс-капитан посмотрел на меня, затем на усатых «дядькив» и покачал головой. Я понял — оставлять девчонку повстанцам было нельзя, лучше уж сразу кинуть ее в Днепр.

Я оставался на правом берегу со взводом прапорщика Герениса, прикрывая отход отряда. Все шло спокойно, мы собирались уже грузиться на паром, как вдруг что-то грохнуло, и рядом взметнулся столб воды. Красная артиллерия сумела-таки нащупать переправу.

Паром шел рывками, и фонтаны воды то и дело накрывали нас с головой. Наверное, той ночью кто-то молился за меня, грешного. Ни один снаряд в паром не попал, доплыли мы благополучно, но эти минуты, минуты полного бессилия под прицельным огнем красных пушек, были для меня самыми страшными за весь рейд.

Выйдя на левый берег, мы поспешили подальше от страшной реки и упали прямо в прибрежный песок. Я лежал навзничь, глядя в ночное небо, совершенно чистое и полное спокойно мерцающих звезд. Вставать не хотелось. Я слышал, как меня окликают, как штабс-капитан Докутович расспрашивает поручика Усвятского, не оставили ли меня на правом берегу, но я все лежал и не знал, радоваться, что остался жив, — или горевать, что все начнется сначала.

Нашел меня Лютик. Буланый, переправленный одним из первых паромов, подошел ко мне и тревожно заржал. Расстраивать Лютика не стоило, и я, собравшись с силами, встал и угостил его кусочком сахара, завалявшимся в кармане кителя. За этой трогательной сценой нас и застукал штабс-капитан Докутович, поспешивший выговорить мне за то, что не откликаюсь и заставляю себя искать. Поглядев на меня внимательнее, он все же посоветовал пойти полежать, но не на песке, а на повозке.

Я решил составить компанию прапорщику Немно, однако, подойдя к его подводе, застыл на месте, разом забыв про усталость. Юная большевичка, кровожадная красная валькирия, освобожденная от пут, заботливо перевязывала прапорщика, называя товарищем и уговаривая потерпеть. Немно жалобно стенал, повторяя, что умирает за революцию.

Я досмотрел эту дивную сцену до конца и только после этого присел на подводу и попросил у Немно закурить, обратившись к нему, как обычно, по званию. При этих словах валькирия отпрыгнула в противоположный от нас угол, прапорщик же поглядел на меня весьма укоризненно. Оказывается, искуситель выдал себя за пленного красного командира. Офицерские погоны валькирия в темноте не разглядела, а может, просто не успела заметить, зачарованная его речами. Бедный прапорщик попытался было возобновить знакомство, но юная большевичка замолчала и за всю дорогу до Дмитриевки не проронила ни слова.

Перед тем как трогаться, я обошел колонну. Переправились мы без потерь, но рота и так уменьшилась больше чем на четверть. Уцелевшие мыслями были уже далеко отсюда, в нашей Дмитриевке, казавшейся после двух недель непрерывных боев почти что землей обетованной. Мрачен был только прапорщик Геренис. Во время переправы он умудрился потерять свой златоустовский клинок и теперь, похоже, представлял себе, как явится перед Ольгой с одними ножнами. Этого допустить было нельзя, я отстегнул свою саблю, вручил прапорщику. Тот принялся отказываться, я прикрикнул, и Геренис не без удовольствия пристегнул к поясу холодную дамасскую сталь.

Эта сабля так и осталась у него. 15 ноября 20-го года, когда мы прощались с Геренисом в часовне на Покровском кладбище в Севастополе, я положил ему в ноги этот старинный клинок с затейливой арабской вязью: «Совершенна на войне сила его, и в схватках нападает он нападением льва...»

В Дмитриевку мы вернулись поздно вечером и поспешили разойтись по хатам, желая отоспаться за все эти дни. Мы же со штабс-капитаном Докутовичем задержались, чтобы решить судьбу красной валькирии. Я предлагал дать ей по шее и отпустить, но штабс-капитан заявил, что сперва он с нею переговорит. Вольному воля! Пока же мы отвели ее к Галине, приятельнице нашего любвеобильного цыгана, с наказом держать валькирию под домашним арестом, не выпуская из хаты.

У нашего плетня Ольга уже меняла повязку громко стонущему прапорщику Немно, который твердил, что умирает, и с надеждой поглядывал на белокурую сестру милосердия. Геренис, держа своего Злыдня в поводу, стоял рядом, делая вид, что это его не касается. Идиллию прервал появившийся откуда-то из наступавших сумерек поручик Усвятский с неизмен-

ной бутылью картофельного самогона. Немно тут же перестал стенать, а Ольга закончила перевязку и потеряла к нему всякий интерес. Мы с поручиком Усвятским поволокли слабо сопротивлявшегося прапорщика в хату, оставив всех троих — Герениса, Ольгу и Злыдня — выяснять отношения.

Несколько дней мы отдыхали, приходя в себя после рейда. Ненадолго, по пути в Каховку, к нам заехал Яков Александрович, поблагодарил за привезенные документы и добавил, что действия повстанцев и наш поход дней на десять задержали наступление красных. Но теперь за Днепром снова собираются орды, и со дня на день следует ожидать удара. Мы спросили о положении на других участках фронта, и Яков Александрович поведал, что красный таран пробил польскую оборону, Тухачевский уже на пути к Варшаве, а в Северной Таврии мы завязли у Александровска. Про Южный Донбасс командующий и говорить не стал, только рукой махнул. Время легких успехов миновало, и красные начали неторопливо обкладывать наши корпуса с трех сторон, вновь прижимая нас к Черному морю. Нам оставалось бороться уже не за победу, а лишь за выигрыш времени. Я тогда, помнится, думал, на сколько нас еще хватит? На год? На полгода?

Хватило нас на три месяца.

Генерал Витковский обещает отпустить меня через два дня в Истанбул. Хорошо бы, чтоб за мной не увязались какие-нибудь любознательные юнкера. Впрочем, генерал Ноги, судя по всему, потерял ко мне всякий интерес. То ли догадался наконец, что я не связан с «чекой», то ли поговорил с нашим полковником-эскулапом и понял, что меня уже можно не опасаться.

22 июня

Поручик Усвятский попросил подсказать ему достойное завершение его великого романа об отважных героях и непобедимых борцах с гидрой большевизма капитане Морозове и поручике Дроздове. Я предложил, чтобы господа офицеры пристрелили подлеца Бронштейна, а Ульянова-Бланка сунули в мешок и приволокли прямо на Голое Поле. А чтоб это не выглядело неправдоподобным, перенести заключительное действие в будущее, год этак 1923-й. Поручик Усвятский обещал подумать. Думать ему следует быстро, поскольку редакционная коллегия нашей славной газеты уже наполовину разъехалась и скоро из его читателей в Голом Поле останемся лишь мы с генералом Туркулом, Пальма и Фельдфебель. Впрочем, последнего можно в расчет не принимать.

Антон Васильевич намекнул, что мой почерк становится совсем неразборчивым. В этом следует винить не меня, а все ту же правую руку, которая чем дальше, тем больше берет пример с левой. Придется писать крупными буквами, благо поручик Усвятский закупил достаточно бумаги. Антон Васильевич также советует зайти в Истанбуле к швейцарскому светилу и попросить что-нибудь более толковое, чем прописанные им микстуры. Стоит ли?

Эти несколько дней в Дмитриевке я вел записи регулярно, но, насколько можно судить, ничего особенного не произошло. Мы выспались, привели себя в порядок и занялись привычными делами. Поручик Усвятский вновь сколотил преферансную команду, прапорщик Немно помогал мне осваивать тонкости верховой езды, прапорщик Геренис, вновь найдя общий язык с нашей сестрой милосердия, тоже не мог пожаловаться на излишнюю скуку.

Через два дня после возвращения в село, то есть 1 августа, вестовой позвал меня к штабс-капитану Докутовичу. Тот выглядел несколько растерянным и, забыв даже предложить мне присесть, принялся жаловаться на нашу пленницу. Штабс-капитан заявил, что она определенно душевнобольная, и предложил сдать оную девицу в контрразведку.

Я попытался разобраться. Душевнобольных обычно отправляют не в контрразведку, а в другое учреждение. Если же она здоровая, то «сдавать» ее нашим костоломам тем более не следует — гуманнее сразу расстрелять. В ответ штабс-капитан предложил мне самому с ней побеседовать. Я согласился, и через минуту в хату привели юную большевичку. Только теперь я имел возможность поглядеть на нее при свете дня и в более-менее спокойной обстановке — спокойной, конечно, для меня, а не для нее.

Переодетая Галиной, валькирия без комиссарской кожанки выглядела совсем мирно. Обыкновенная девчонка лет четыр-

надцати, очень симпатичная, черноглазая и черноволосая, прямо пара прапорщику Немно. Ольга смотрелась бы рядом с нею бледновато, и не только потому, что была блондинкой.

Я предложил валькирии сесть и представился. В ответ последовало молчание. Оставалось предположить, что она попросту боится назвать свое имя — не иначе ее зовут Пестимея. Девчонка дернулась, заявила, что ее имя не Пестимея, зовут ее иначе и она ничего не боится. Имя она назвала, но записывать его не стану. И не так важно, почему.

...Нет, важно!

Судьба иногда балует странными совпадениями. Точно так же зовут мою дочь, которую я видел только раз в жизни и которую мне уже никогда не увидеть. Сначала мешала моя бывшая супруга. Потом — война. В прошлом году ей должно было исполниться десять лет.

Не знаю, что можно было прочесть на моем лице, но валькирия вдруг вполне нормальным голосом поинтересовалась, что это со мною. Я поспешил заверить, что со мной все в полном порядке, и попросил разрешения закурить. Мы давно уже перешли на махорку, и я, пока крутил «козью ногу», вполне взял себя в руки. Отчества ее спрашивать не стал — оно могло тоже совпасть, а это был бы явный перебор. Вместо этого я решил узнать, чем наша пленница допекла штабс-капитана Докутовича — не иначе цитатами из «Капитала».

Все оказалось значительно хуже. Докутович, вообразив себя Ушинским, принялся откровенничать, вспомнив среди прочего о своей семье. Валькирия поспешила заверить штабс-капитана, что она это запомнит и по возможности побеспокоится, чтобы «чека» занялась не одним Докутовичем, но и всеми его чадами с домочадцами. А если ее расстреляют, в чем валькирия была уверена, то в Совдепии останутся те, кто разберется со всеми белыми офицерами и их семьями.

Ну что тут ответишь? Я лишь заметил, что мы не воюем с юными девицами. Даже с теми, кто состоит в Коммунистическом союзе молодежи.

Валькирия возмутилась и заявила, что это неправда. Она на войне уже год и видела, что проклятые белые гады делают с пленными — и не только с мужчинами.

Пока юная большевичка обличала белых гадов, я думал о том, во сколько же лет она пошла на фронт. Не иначе лет в тринадцать. И пошла, конечно же, добровольно.

Между тем красная валькирия успела пообещать всему нашему личному составу погибель от руки победившего пролетариата, особо выделив «товарища Филоненко» (того самого пленного, вступившего в отряд). Ему смерть была обещана особо. Слово «расстрелять» было произнесено за десять минут раз пятьдесят. Посмеяться бы, да только смеяться не тянуло. Юная большевистская смена росла похлеще, чем даже их старшие братья — красные курсанты. Росла, растет, скоро вырастет.

Однако во всем я люблю ясность. А посему, оборвав поток ее расстрельного красноречия, я полюбопытствовал, сможет ли она расстрелять, скажем, прапорщика Немно. Или, допустим, меня. Девица подумала, а затем честно ответила, что не сможет. Не потому, что рука дрогнет, а по причине отсутствия необходимости (так и сказала!). Прапорщик Немно — она назвала его отчего-то по имени — просто слепой, обманутый белогвардейской пропагандой, и ему нужно немедленно открыть глаза. Меня же следует расстрелять всенепременно, как особо опасного врага, но сперва следует предложить перейти в Рачью и Собачью, дабы я кровью искупил грехи против трудового народа, а также чуждое социальное происхождение.

Последние слова меня все-таки задели, и я спросил валькирию, какого происхождения она сама — не иначе рабочего и крестьянского одновременно. Она вспыхнула, покраснела, а после заявила, что в данном случае это неважно. Она отреклась от своих родителей. И даже напечатала об этом в газете.

Все стало ясно, и я поинтересовался, что валькирия будет делать, ежели мы ее отпустим. Услыхав, что она немедленно перейдет линию фронта и будет убивать белых гадов, я с сожалением констатировал, что штабс-капитан Докутович прав и ее придется сдать в контрразведку. Там у нее найдутся внимательные слушатели. Я ожидал, что она будет держать форс до конца, но, видать, слово «контрразведка» в самом деле магическое — не менее, чем «чека». Юная большевичка увяла и неуверенно предположила, что могла бы уехать в Мелитополь. Там у нее тетя, и можно будет досидеть до прихода «своих».

Разговор можно было считать законченным, но я не выдержал и спросил то, о чем думал уже много раз. Что ждет мою дочь, дочь белого офицера в Совдепии?

Валькирия поспешила заявить, что советская власть — власть подлинно гуманная и с детьми не воюет. Затем задумалась и предположила, что вполне допускает трудности, кото-

рые могут возникнуть у моей дочери с получением образования. Образование в Совдепии тоже, оказывается, классовое. Мою дочь, поскольку она «чуждого происхождения», не примут и в Коммунистический союз молодежи. Затем юная комиссарша снова задумалась и уверенно заявила, что ничего страшного в этой ситуации нет. Моей дочери просто стоит отречься от отца — белого гада — и все будет в порядке. Она, валькирия, сама из семьи эксплуататоров...

Я не стал дослушивать до конца ее поучительную историю и вызвал конвойного. Штабс-капитану Докутовичу посоветовал оформить нашей пленнице пропуск до Мелитополя и гнать ее отсюда в три шеи — пока она не принялась открывать глаза нашему цыгану.

На следующий день юную большевичку отправили в Мелитополь с попутным обозом. Ее товарищ, вступивший в отряд, провоевал с нами до ноября и погиб под Джанкоем.

7 августа связной привез приказ немедленно выступать. В эту ночь три красные дивизии форсировали Днепр, взяли Любимовку и начали штурм Каховки. Мы узнали также — на фронте дурные вести утаить невозможно, — что Яков Александрович внезапно заболел и его заменит генерал Витковский.

Яков Александрович был отстранен от командования через десять дней, 17 августа. Он тогда действительно болел, но причина его отставки, конечно, не только в этом. Владимир Константинович Витковский, без сомнения, прекрасный человек, но задержать красных, как мы задержали их в январе, ему было не по силам. Впрочем, тогда, в августе 20-го, этого не смог бы сделать никто. Даже Яков Александрович.

29 июня

Стоит ли писать дальше?

Уже три дня я в госпитале. Надо мной такой же белый полог палатки, только чуть побольше. Каждый день меня навещают, заходил даже генерал Витковский. Очевидно, мои дела и в самом деле плохи.

Но беда даже не в этом.

Дальнейшее, что бы ни случилось, убедительно прошу не читать. Это касается всех, в том числе бывших химиков, генералов и даже господина Ноги.

Я съездил в Истанбул. Не мог не поехать, потому что Яков Александрович хотел меня видеть, и отказаться не представлялось возможным. Но лучше бы я остался на нашем трижды проклятом Голом Поле.

Смешно, право, но в Истанбуле я, как заправский большевик-подпольщик, проделал несколько заячьих петель, чтобы убедиться в отсутствии любознательных сослуживцев. Никто за мной не шел, и до улицы Де-Руни я добрался вполне благополучно. Яков Александрович ждал меня, и вскоре я понял — зачем.

Еще вчера мне казалось, что я никогда не смогу повторить то, что узнал. Генерал Ноги абсолютно прав — Яков Александрович получил вполне конкретное предложение и это предложение принял. Меня он звал с собою. Всем, кто вернется вместе с ним, «те» обещали амнистию. Яков Александрович считает, что, поскольку борьба кончена, наше место в России. Он возвращается в Совдепию.

Вот и все...

Татьяна сразу поняла, что со мной не все в порядке, и, боюсь, я не сумел убедить ее в обратном. Ни о чем говорить не смог и только перед уходом решился предложить то, на что еще способен, — помочь ей выбраться из Истанбула. В Болгарии или Сербии, там, где мы окажемся, Татьяне будет легче, чем в этом муравейнике.

Вернувшись на Голое Поле, я тут же свалился и очутился в лазарете, где попал под неусыпный надзор нашего полковника-эскулапа. Я стараюсь честно выполнять все его предписания и даже делаю вид, что верю в скорую поездку во все тот же чудодейственный болгарский санаторий. Наверное, этот эскулап действительно неплохой человек.

Сводный полк имени Дроздовского собирается уезжать. Я попросил поручика Усвятского собрать и наши вещи. К счастью, их немного. Все самое ценное осталось в России — и в сейфе генерала Туркула.

Кстати, до сих пор не написал список наших офицеров, а это никуда не годится.

Сажусь писать.

У каждого свои неприятности. Поручик Усвятский пришел злой как черт и даже забыл справиться о моем здоровье. Оказывается, он умудрился повздорить с каким-то марковцем. Не

знаю, что они друг другу наговорили, но поручик явился просить у меня официального разрешения на дуэль. Этого еще только не хватало!

Я категорически запретил ему и думать о чем-нибудь подобном. Пока я еще командир сорокинцев, никаких дуэлей не будет. А не будет слушаться — уши оборву! Тоже мне, гусар нашелся, гусар-расстрига!

До дневника мне сегодня не добраться. Ладно, время еще есть.

30 июня

Читать здесь совершенно нечего. Единственно, что удалось разыскать, — это «Чтец-декламатор» за 1912 год. Увы, подобное чтиво не идет даже на Голом Поле. Но все же там есть не только так называемые современные авторы, но и Тютчев, Баратынский и, конечно, Пушкин. Правда, из Пушкина поместили отчего-то только его юношеские вещи. Вероятно, их легче читать с эстрады. Среди прочего я нашел давно, еще с детства, не читанное, и сейчас многие строчки воспринимаются совсем по-другому. Даже такая сущая безделица, как «Из Парни». Вся эта галльская легкость с нимфами и мелким адюльтером кажется сейчас уже слишком несерьезной. Но вот начало...

«Плещут волны Флегетона, своды Тартара дрожат...» Да, своды Тартара дрогнули. Дрогнули, рухнули — и мы обрушились в бездну, где бродят тени, цветут асфодели и текут реки с мертвой водой. Флегетон, Коцит, Лета. Огонь, Лед, Забвение. А кони бледного Плутона уже несут нас прочь. За спиной остался огненный Флегетон, а впереди — только Коцит и Лета. Лед и Забвение.

Нет, о таком лучше не думать. И без мистики впечатлений более чем достаточно.

Вернусь все-таки к своим записям.

Из Дмитриевки мы выступили в полдень и пошли на Терны. Штабс-капитан Докутович получил приказ занять оборону, а если противник уже там — Терны захватить и держаться до прихода подкреплений. Мы прошли уже несколько верст, когда нас догнала группа конных, среди которой мы узнали старого знакомого, «капказского человека». Андгуладзе, не слезая с замореного коня, обрушился на нас, словно на проштрафившихся кадетов, требуя немедленно остановиться и повернуть на юг. Штабс-капитан Докутович пытался сослаться на приказ, но генерал Андгуладзе закричал, что здесь приказывает он, что красные уже взяли Британы и мы немедленно переходим в его распоряжение.

Порадовал, нечего сказать! Британы — это совсем недалеко от Чаплинки. А взяв Чаплинку, красные вплотную подступали к Перекопу. Значит, фронт прорван и наш корпус в кольце. Пока мы это переваривали, «капказский человек» вновь закричал, чтоб мы немедленно поворачивали к Каменному Колодязю, в сосредоточение 13-й дивизии. Делать было нечего, мы двинулись на юг, чувствуя, что вновь начинается столь надоевшая по прошлому году бестолковщина.

К Каменному Колодязю мы добрались уже поздно вечером и застали там огромную гудящую толпу. У этого небольшого села собралась почти вся дивизия, и тут же нам встретилось немало старых знакомых. Все хаты оказались занятыми, и наш отряд остановился прямо в поле, у околицы.

Было ясно, что завтра нам будет скверно, и я предложил прапорщику Немно остаться в селе. Рука его по-прежнему болела, посылать же раненого в бой я не имел права. Прапорщик, однако, уперся и, поглядывая на Ольгу, заявил, что рука уже зажила, а красных вполне можно рубить и левой. Я не стал спорить, тем более не хотелось терять взводного, зато предложил остаться Ольге. Не помню уж, на кого поглядывала она, но тоже отказалась. Молодежь стремилась в бой, чему, конечно, следовало только радоваться. Но я не радовался. Сам бы я точно остался, но этого мне никто не предложил.

Где-то в полночь приехал Андгуладзе, и по селу сразу же поползли слухи. Красные форсировали Днепр уже в трех местах, у них полно артиллерии и броневиков, все наши дневные атаки отбиты, а вражеская конница уже шла на оставленную нами Дмитриевку. Заодно мы узнали, что Терны, первоначальный пункт нашего назначения, так и не были взяты. Все это уже походило на панику.

Впрочем, на рассуждения времени не оставалось. Нам дали поспать до трех часов утра, а в четыре мы уже выступили двумя

колоннами на северо-запад и вскоре заняли оборону у небольшого села с оптимистическим названием Высокая Могила. «Могила» по-малороссийски означает всего-навсего «курган», но все равно в названии чувствовалось что-то зловещее.

Пришлось окапываться, и окапываться всерьез, поскольку утром следовало ждать конницу, а то и броневики. Опыт Мелитополя не прошел даром, никого не приходилось особо уговаривать и подталкивать. К девяти утра наша оборона выглядела вполне прилично, и я позволил нижним чинам немного поспать. Прапорщик Геренис смотрел на меня такими глазами, что я разрешил поспать и ему, а сам усадил поручика Усвятского играть в «шестьдесят шесть». Правила мы помнили плохо, приходилось все время напрягаться, и это занимало время.

Красные показались на горизонте около одиннадцати. Шли, как на парад: впереди — завеса конницы, за ней несколько броневиков, а сзади — пехотные цепи. Артиллерия ударила по нашим окопам, но била издали и неточно. Наши орудия не отвечали — их попросту еще не подвезли.

Дальнейшее помню смутно. За весь день я не успел написать ни строчки, а в памяти все смешалось. Мы отбили несколько атак, затем красная конница перелетела через наши окопы и унеслась куда-то в тыл, но мы сумели отсечь пехоту и поджечь два броневика. Потом каким-то образом краснопузые все же оказались сзади, и мы отстреливались в полном окружении. Наконец ударила-таки наша артиллерия, и на помощь к нам пришла опоздавшая на марше бригада 13-й дивизии.

Ночью удалось поспать, а на следующий день повторилось то же самое. Я до сих пор не понимаю, почему красные так и не смогли прорвать тонкую линию наших траншей. Возможно, они попросту не спешили.

Третий день ничем не отличался от первых двух. Прошел слух, что красный Латышский полк обошел наш левый фланг и нам вновь грозит окружение. Мы смертельно устали, и красные латыши не могли уже никого испугать, разве что, появись у краснопузых полки зуавов, мы бы немного удивились. Но и на этот раз обошлось — латышей отбили, правда, дивизия использовала в этом бою свой последний резерв.

Четвертый день был самым страшным. От роты осталось полсотни нижних чинов — два неполных взвода, кончились

патроны, и, главное, мы уже не могли сражаться. Что-то надломилось, и отряд не отступал только потому, что бежать было некуда — конница в степи не дала бы уйти. Но и на этот раз повезло. Утром 11 августа красные внезапно ушли. Ушли настолько быстро, что мы долго не могли сообразить, что случилось, и еще целый день сидели в окопах.

Помнится, мне почему-то хотелось, чтобы краснопузые не убегали, а приняли бой. Вот так и сходят с ума!

Все разъяснилось только к вечеру. Нас выручил конный корпус Барбовича. Скрытно подойдя к Константиновке, Барбович ударил с севера прямо в середину боевых порядков красных. Корпус потерял до трети состава, но дело сделал. Боевые порядки и тылы краснопузых перемешались, передовые части оказались в полукольце, и к вечеру 11 августа три красные дивизии отошли обратно к Каховке и заняли там оборону.

Всегда уважал бойцов Барбовича. Они выручали нас и раньше, выручили и в эти дни. Через три месяца генерал-лейтенант Барбович вновь повел своих ребят на красные пулеметы, пытаясь спасти Крым. Но время чудес кончилось — сотни пулеметных тачанок господина Каретника ударили в упор, и корпус лег на холодный песок Литовского полуострова.

Тогда нам не было известно, что происходит у Каховки. Мы спали, и нас не могли добудиться ни кашевары, привезшие ужин, ни генерал Андгуладзе, ни даже штабс-капитан Докутович, проснувшийся первым и безуспешно пытавшийся поставить нас на ноги. Очнулись мы уже поздно вечером, когда закат догорел и со степи подул свежий ветер. Но теперь он нес не привычный запах степных трав и созревшей пшеницы — воздух был полон гари и порохового смрада. У горизонта тянулась красная полоса — вдоль Днепра, не прекращаясь ни на минуту, продолжались бои.

Поручик Усвятский прибыл меня навестить. На этот раз он был в прекрасном настроении, похоже, начисто забыв бредни по поводу дуэли. Наши вещи собраны, осталось дождаться приказа. Я напомнил поручику, что читатели с нетерпением ожидают окончания его великого романа. Поручик Усвятский поспешил меня успокоить — роман успешно приближается к финалу. Финал же, по мнению автора, будет умеренно оптимистичным. Интересно, что это будет означать на практике?

1 июля

Сегодня я чувствую себя настолько лучше, что уже начинаю подумывать о возобновлении прогулок, хотя бы минут по десять в сутки. Вчера поручик Усвятский вновь приносил книжку о лечебной гимнастике, но с этим можно не торопиться. Во всяком случае, капитулировать я не намерен. Сорокинцы не сдаются!

Утром 12-го мы вернулись в Каменный Колодязь и уже начали располагаться на отдых, как последовал приказ собираться и вновь готовиться к походу. Штабс-капитан Докутович узнал в штабе, что вчера два полка 13-й дивизии вместе с конницей Барбовича атаковали красных у Каховки, но были отбиты, а генерал Андгуладзе ранен. Теперь к Каховке выдвигались все резервные части, в том числе и мы.

Перед выступлением штабс-капитан Докутович построил отряд, и мы еще раз проверили уцелевших. Нас оставалось почти столько же, сколько восемь месяцев назад под Токмаком. Но уже не было Николая Сергеевича, не было трех моих взводных, не осталось и десятка тех, с кем в декабре 17-го мы вышли из Ростова. Что ж, мои прапорщики командовали теперь взводами не хуже, чем Сеня Новиков и Володя Огоновский, а поручик Усвятский давно уже мог вести роту в бой. Люди менялись, уходили навсегда, и один я оставался на месте, словно и вправду заговоренный.

Я еще раз попытался оставить прапорщика Немно в тылу, но наш цыган стоял на своем. Я обратился к штабс-капитану Докутовичу, но тот, переговорив с прапорщиком, резонно рассудил, что рана у него легкая, а офицеров у нас и так не хватает. Он был прав, но что-то заставляло не соглашаться с очевидным. Может быть, то, что в последние дни прапорщик Немно перестал улыбаться, отвечал невпопад и впервые, словно забыв русский, обращался к нам время от времени по-цыгански. Он, как и все мы, здорово устал, но я опасался, что это не усталость, а то, иное, так часто мною виденное — взгляд Ангела.

Переубедить никого не удалось, но в одном штабс-капитан Докутович со мной согласился — Ольгу мы оставили в Каменном Колодязе, в дивизионном лазарете, который собирались эвакуировать в Мелитополь. Прощаясь с нашей сестрой милосердия, прапорщик Геренис сделал суровое лицо и как бы ненароком звякнул саблей. Я пожал Ольге руку, а она шепнула, чтоб я берег себя и остальных — насколько это возможно. Я шепнул в ответ, что нам беречься не надо. Мы и так — бессмертные.

Уходили под вечер. Отдохнувшие кони бодро рысили, а расшалившийся Лютик то и дело пытался вырваться вперед, кося на меня лукавым глазом. Поручик Усвятский рысил рядом на своей гнедой кобыле, изредка чертыхаясь — ездить он так и не выучился. Я бы и сам охотно пересел на повозку, но не хотелось обижать Лютика.

Спускалась ночь, зарево на горизонте росло, и до нас все отчетливее доносился грохот канонады. К полуночи мы прошли Терны, и разрывы стали еще слышнее — Каховка была рядом. Через полчаса колонна остановилась. Штабс-капитан Докутович коротко побеседовал с кем-то из штабных, прибывших из Каховки, и сообщил нам, что части Андгуладзе и конница Барбовича ведут бой на окраине города, но из-за Днепра подтягиваются свежие силы красных и, по слухам, через реку переправляются танки. Следовало спешить — в Каховке каждый штык был на счету.

Дорога потянулась на высокий холм, мы поневоле замедлили ход, но тут Лютик заржал и в несколько мгновений одолел подъем, буквально взлетев на вершину. В лицо мне ударил красный свет, и я непроизвольно дернул поводья. Лютик удивленно заржал, но дисциплинированно остановился.

Холм был высок, и вся Каховка лежала как на ладони. Огненное зарево затопило полнеба, и недвижная гладь Днепра казалась розовой. Город горел, пламя рвалось ввысь, и сквозь него лишь кое-где проглядывали черные коробки домов. Разрывы снарядов сливались в сплошной гул, еле различимо стрекотали пулеметные очереди. Я стоял, не в силах тронуться с места и отвести глаза от красного зарева. Рядом со мною придержал свою гнедую поручик Усвятский и тоже недвижно застыл, глядя вперед. Неподалеку заржал еще один конь — прапорщик Геренис остановил Злыдня и нерешительно гарцевал на месте, поглядывая то на нас с поручиком, то на горящий город. Наш отряд уже почти перевалил вершину холма, и тут к нам присоединился прапорщик Немно. Он кинул беглый взгляд на панораму Днепра и попытался пришпорить коня. Но конь вдруг споткнулся, еле удержавшись на ногах, прапорщик

что-то закричал по-цыгански, дернул удила, конь взвился свечкой и поскакал вниз.

Тут заржал Лютик. Я помотал головой, отгоняя наваждение, и тронул каблуком его бока. Конь шагнул вперед, и вслед за мной тронулись все остальные. Дорога пошла вниз, стало светло как днем, и трепещущий красный огонь окружил нас со всех сторон.

Что-то сегодня в нашем госпитале тихо. Никто не забежал ко мне в гости, поручика Усвятского, и того нет. Но не буду уподобляться дядюшке Евгения Онегина. И так я им всем очень благодарен. В общем-то, можно считать, что мне в этой жизни повезло.

2 июля

Борис Усвятский убит вчера на дуэли. Мне не хотели говорить.

Господи! За что же так?

10 июля

Не думал, что еще придется писать, но надо успеть кое-что закончить. К тому же сегодня я могу немного приподняться, и правая рука чуть-чуть отпустила. Диктовать не хочется — не привык.

Девять дней как погиб Борис. Его похоронили вместе с его убийцей — в ту же ночь марковец застрелился. В записке он просил простить и утверждал, что не хотел убивать Бориса. Хотел лишь сбить с его головы фуражку, но рука дрогнула.

Поручик Усвятский стрелялся из моего «маузера» — того самого, что я возил с собою от самого Токмака.

Мне принесли все, что Борис Усвятский оставил в наследство. Я отдал Туркулу его солдатский «Георгий», знак «За защиту Крыма» и Галлиполийский крест. Я просил Антона Васильевича положить в сумку и мои награды, но он наотрез отказался.

Неоконченную главу романа я отдал Туркулу. Читать ее я не смог.

Вчера ко мне зашел Фельдфебель и говорил таким непривычным тоном, что я сразу понял — дело совсем худо. Так говорят со смертельно раненными. Стало ясно — он пришел попрощаться.

Что еще? Антон Васильевич обещал помочь Татьяне перебраться в Сербию и, по возможности, помочь устроиться. Я дал ему адрес в Праге, чтоб он сообщил Лешке Егорову. Туркул также просил мой харьковский адрес, чтобы написать, когда представится случай, но я отказался. Едва ли такая весть порадует моих родителей. Моей бывшей супруге будет все равно, а дочери лучше обо мне ничего не знать.

У нее будет своя жизнь. Другая.

Ну вроде все. Можно отдавать написанное вместе с моей старой тетрадью Туркулу. Осталось одно, последнее — список наших офицеров. Жаль, что я уже не могу вспомнить всех. Всех нас, оставшихся под Ростовом, Екатеринодаром, Миллерово, Волновахой, Токмаком. Всех, у кого за спиною Флегетон.

И еще. Я обязательно должен сказать.

(Далее на отдельном листке.)

Сорокинский отряд.

Создан в декабре 1917 года. Расформирован приказом генерала Врангеля в декабре 1920 года.

Подполковник **Сорокин Николай Сергеевич**, командир отряда. Умер от тифа 20 февраля 1920 года. Похоронен в братской могиле на кладбище г. Симферополя.

Капитан **Греков**. Погиб под селом Лежанки в феврале 1918 года.

Прапорщик **Герценштерн**. Погиб в селе Выселки в феврале 1918 года.

Прапорщик **Лунич**. Погиб под станицей Кореновской в марте 1918 года.

Поручик **Леонтьев**. Погиб под станицей Кореновской в марте 1918 года.

Подпоручик **Клюев** и еще двое офицеров. Погибли под станицей Лабинской в марте 1918 года.

Прапорщик **Кравченко**. Погиб под станицей Новодмитриевской в марте 1918 года.

Прапорщик **Лойко** и еще четверо офицеров первой роты. Погибли под Екатеринодаром в мае 1918 года.

Поручик **Сухотин**. Умер от раны в ауле Гилты в июне 1918 года.

Прапорщик **Лорис**. Погиб под Екатеринодаром в августе 1918 года.

Подпоручик **Байрамов**. Погиб под Миллерово в мае 1919 года.

Прапорщик **Усиевич**. Смертельно ранен под Бахмутом в мае 1919 года, умер на следующий день. Тогда же погибли еще двое офицеров.

Подпоручик **Любимов**. Погиб под Лозовой в августе 1919 года.

Прапорщик **Полухин**. Погиб под Мариуполем в сентябре 1919 года.

Штабс-капитан **Обух** и четыре офицера его роты. Погибли под Волновахой в сентябре 1919 года.

Прапорщик **Морозко** Татьяна Николаевна. Умерла от воспаления легких 15 декабря 1919 года под Александровском.

Прапорщик **Новиков**. Погиб под Токмаком 23 декабря 1919 года.

Поручик **Огоновский**. Погиб под Токмаком 24 декабря 1919 года.

Подпоручик **Михальчук**. Пропал без вести под Токмаком.

Поручик **Голуб** Николай Иванович. Погиб 24 апреля 1920 года в бою у Сиваша.

Поручик **Петренко**. Погиб 16 июля 1920 года под Бериславлем.

Прапорщик **Немно** Василий Васильевич. Погиб под Каховкой 13 августа 1920 года.

Сестра милосердия **Заруцкая** Ольга Николаевна. Погибла на Перекопе 6 ноября 1920 года.

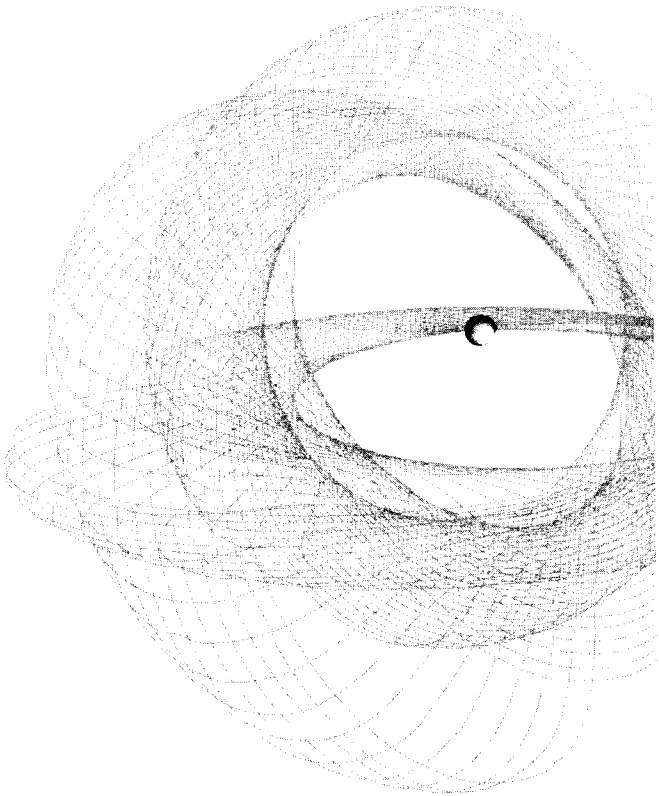
Прапорщик **Геренис** Альгерд Витовтович. Застрелился в Севастополе 14 ноября 1920 года.

Поручик **Усвятский** Борис Христофорович, бывший студент Харьковского технологического института. Убит 1 июля 1921 года в Галлиполи.

Штабс-капитан **Пташников** Владимир Андреевич, бывший приват-доцент Харьковского Императорского университета.

СОЗВЕЗДЬЕ ПСА

РОМАН

Моим друзьям по херсонесской экспедиции посвящается

В те дни, когда на нас созвездье Пса
Глядит враждебно с высоты зенита
И свод небес как тяжесть оперся

На грудь земли, и солнце, мглой обвито,
Жжет без лучей, и бегают стада
С мычанием, ища от мух защиты,

В те дни любил с друзьями я всегда
Собора тень и вечную прохладу,
Где в самый зной дышалось без труда...

И сам себя еще я вопрошал:
К чему мог быть тот памятник воздвигнут?
Как вдруг от страшной мысли задрожал,
Внезапным озарением постигнут...

А. К. Толстой

15.05.01.
г. Харьков

Дорогой Андрюс!

Дожди не только в Вильнюсе, в твоей маленькой зеленой Литве, Харьков тоже заливает, и за моим окном — дождь, дождь, дождь...

У меня к тебе несколько неожиданный вопрос — и столь же неожиданная просьба. Но по порядку.

Книги растут как грибы, порой совершенно не по воле автора. Мой замысел о Спартаке зреет себе помаленьку чуть ли не восьмой уже год, а сейчас у меня совершенно не в очередь наметился роман, о чем бы ты думал? О нашей Крипте.

Объяснять именно тебе, почему стоит написать об исследованиях Крипты, не имеет смысла — ты прекрасно знаешь, какой кусок жизни, и немалый, наша компания посвятила этой полуобвалившейся вырубке в толще херсонесской скалы. Скорее удивятся мои читатели, привыкшие, что Андрей Валенти-

нов тешит их криптоисторическими байками о французских аристократах и кастильских пикаро. До поры до времени мне самому это нравилось, но теперь я понял — пора менять фронт. Дело не только в очевидной опасности самоповторения, что чрезвычайно раздражает как в чужих книгах, так и в своих в особенности. Меня начали хвалить те, чьи похвалы порой хуже брани. Хорошо бы вновь расшевелить наших снобов, ибо их ругань действует на меня чрезвычайно ободряюще. Посему новая книга не будет иметь ничего общего с криптоисторией, в классики которой меня уже записали. Да здравствует старая добрая научная фантастика! Хорошо бы изваять нечто про профессора Петрова, который изобрел некий полезный для страны агрегат, а в это время шпион Густопсиди уже ползет по полу лаборатории, дабы оный агрегат утащить в Пентагон... В детстве такие книги мне чрезвычайно нравились.

Проблема в том, что я, будучи гуманитарием, понятия не имею, какой именно агрегат изобретет профессор Петров. Поэтому решил поступить проще — рассказать о событиях абсолютно реальных, однако вполне подходящих под определение «научная фантастика». Ты сам, принимавший в них активнейшее участие, думаю, согласишься, что исследования Подземного храма на Главной улице Херсонеса Таврического привели нас в некую промежуточную зону между наукой и чем-то непознанным, пока непознаваемым. Так что вместо криптоистории займемся «криптологией».

Поскольку это роман, а не научный отчет, о всех наших исследованиях рассказывать не стану, изложу лишь самое начало — события лета 1990 года, от которых у меня сохранились подробнейшие записи, включая личный и служебный дневники. Именно поэтому среди персонажей не будет тебя, примкнувшего к нам через год. Очень жаль, конечно, хотелось бы рассказать о том, что довелось увидеть нам с тобой. Только вот с воображением у многих читателей туго. В баронов-драконов они вполне готовы поверить, а вот в случай с флейтой... Помнишь?

Как ты сразу заметишь, все факты, события и реалии совершенно подлинные, включая полное отсутствие сигарет в славном городе Севастополе, трехлитровые банки с напитком, ласково прозванным нами «желтым чудовищем», — и то, что слово «зачистка» означало тогда всего лишь подготовку раскопа к фотографированию.

С того, увы, далекого года многое изменилось — и не только в связи с насыщением рынка куревом всех сортов. Проблема Крипты сейчас уже проникла на страницы серьезных монографий, наши коллеги, и прежде всего ты сам, сделали очень много для продолжения исследований. А посему вопрос:

не против ли ты, дабы я использовал наши совместные штудии, включая некоторые фрагменты из твоих работ, касающихся Крипты?

Если не против, тогда просьба:

не мог бы ты, подумав и перелистав свои заметки, написать о том, как сейчас выглядят результаты этих исследований? Имеется в виду пласт исторический (назначение, аналогии, архитектура объекта) и более общий (например, был ли дохристианский период существования Крипты?). В общем, все, что сочтешь нужным и что в голову придет.

Писать я решил просто, без излишних отступлений, лирических сцен и выдуманных апогеев-кульминаций. Жизнь — лучший режиссер, особенно в Херсонесе. Не имеет смысла также «сгущать» события, заставляя персонажей за четыре короткие недели проводить исследования, потребовавшие на самом деле нескольких полновесных сезонов. Только в кино да в книжках, написанных теми, кто не нюхал, чем пахнет раскоп, герои-археологи и день и ночь посвящают себя Науке. А что такое реальная экспедиция, нам с тобой более чем известно. За основу я взял расшифровку своего личного дневника, сделанную тогда же, по свежим следам, добавив некоторые имеющиеся у меня и у Бориса документы, а также мои наброски, сделанные в тот год, славным летом 1990-го.

Пусть этот роман станет для всех старых херсонеситов ярким окошком в наш ушедший навсегда мир, теперь уже не менее легендарный, чем Митридатовы войны и Крещение Руси.

А в Херсонес мы все равно вернемся, иначе наша жизнь окончательно станет пресной и серой — такой, от которой мы каждое лето уезжали к пыльным руинам давно погибшего Города на Полуострове.

Твой Андрей.

...Когда над головой вспыхивает созвездье Пса, когда прокуренный воздух квартиры становится вязким, когда пыль потревоженного рюкзака заставляет сладко замирать сердце, когда зыбкая граница между Настоящим и Грядущим начинает

размываться предрассветным туманом, когда просишь соседей поливать кактусы раз в неделю, когда на дно рюкзака тяжело валятся банки тушенки, когда...

Карандаш — самое главное.

Не один, конечно, лучше всего целых три, причем не абы каких, не «Т» и тем паче не «ММ», а всенепременно «ТМ», да пару лезвий, да кусок наждачной бумаги.

Две тетради. Ту, которая Дневник, надо будет еще привести в порядок, поля отчертить, но это успеется, а вот об обложке следует позаботиться сейчас, а не то спрыснет дождичком...

Потому и карандаш — не пишут в экспедиции чернилами. И не рисуют. А поскольку Дневник — документ официальный, заполнять его придется понятным почерком, дабы можно было потом снять копию.

А вот Тетрадь № 2, она же Рабочая, обойдется. Писать в ней можно будет скорописью, сокращая слова, причем с двух сторон. С обратной стороны — что на душу ляжет, а вот, так сказать, с парадной...

Рабочая тетрадь. С. 3.

Харьковский государственный университет им. А. М. Горького. Херсонесская экспедиция. Июль 1990 г. Портовый район. Казарма. Отряд «Стена».

Основные цели работы...

В общем, где-то так. Теперь обе тетради — в полевую сумку.

Рюкзак собирается легко. Вещи привычно льнут друг к другу, теперь остается встряхнуть, узел потуже — и можно ехать. Место и время встречи, как известно, изменить нельзя, разве что сдвинется вечное, как привокзальная грязь, расписание поездов. В девять вечера на ступеньках Южного вокзала...

В этом ритуале, ритуале сбора, есть нечто волнующее — из ниоткуда возникают люди, со многими из которых не виделся целый год. Поэтому стараюсь приехать пораньше, хотя с каждым разом среди собирающейся небольшой толпы знакомых лиц все меньше и меньше.

...Без пяти девять. На ступеньках уже кто-то есть — я не первый, хотя почему-то хотелось появиться прежде всех. И кто же тут такая пташка ранняя? Ну конечно, Д. собственной персоной, с чадами и домочадцами — жена, обе дочки. Не ходить же одному на пляж! Раньше Д. никогда не торопился, но в этом году он как-никак заместитель самого Сибиэса. И не просто заместитель — преемник! Этот сезон — стажировка, а уже следующий... В общем, можно и поторопиться.

А рядом с Д. какой-то выводок, не иначе студентки-практикантки, так сказать, площадка молодняка. Ну, это неинтересно.

Поздороваться. Закурить. Ждать.

...Грязный вокзал, грязная площадь, грязь на каменных ступеньках... Так всегда все начиналось, так всегда заканчивалось — все тем же вокзалом, той же площадью, теми же ступеньками...

Рабочая тетрадь. С. 3.

...1. Дойти до фундамента южной стены Казармы.

2. Попытаться определить время строительства.

Все это под вопросом из-за близости грунтовых вод, до которых не более 0,7 — 1 м.

Возможные решения:

— Применение технических средств для откачки воды.

— Временная заморозка грунта.

Примечание: Ха-ха! (три раза).

3. Попытаться определить полные размеры Казармы, а также наличие входа — с использованием экстрасенсорных методов.

Примечание: Предложение Бориса. Толку мало, но попытаться можно...

Еще три года назад, до распада нашей старой команды, я мог назвать каждого вновь прибывающего. Но время прошло, иных уж нет, те далече, и остается вновь и вновь констатировать — не знаю, не знаю... Ага, вот и Борис! Впрочем, Борис — образцовый херсонесский офицер, и ожидать от него опоздания просто невозможно. Та-а-ак, на горизонте Ведьма Манон. Тут можно не спешить здороваться — Манон в последнее время ведет себя как-то некрасиво... С ней Стеллерова Корова, еще кто-то из прошлогодних. Вот эти ребята тоже были... Черт возьми, как мало осталось тех, с кем я когда-то здесь встречался!

Рабочая тетрадь. С. 3.

...Экстрасенсорное исследование археологического памятника сугубо сомнительно из-за крайней субъективности оценок. Кате-

гории «тепло» — «холодно» и «светло» — «темно» могут означать все, что угодно. К тому же результаты заведомо невозможно проверить, по крайней мере в ближайшие годы...

Время идет, пора бы и начальству появиться. Ага, вот и Сенатор Шарап с мадам Сенаторшей. И Женька с ними, как всегда, и чемодан тот же — желтый, системы «оккупант». Только еще год назад Сенатор был просто Шарапом, ну а теперь в связи со всей этой демократией-гласностью...

Где же Сибиэс? Неужели уедем без начальника?

Сибиэса все нет, зато вижу О. с братом. Странно, логичнее было бы увидеть ее с супругом. Видать, решила отдохнуть от семейных радостей, а брат вроде конвоя. Что ж, и такое в Херсонесе бывало.

Ага! Вот и Сибиэс. Эх, Сибиэс, интересно, кто из нынешней толпы помнит твою старую кличку? Теперь ты уважаемый, маститый, да еще и много повидавший. Откуда это ты приехал? Ну, конечно, Женева... На завтрак подают ананасы, а в магазинах сто пятьдесят сортов сыра.

Вроде все? Парад закончился, можно закидывать манатки на горбы и маршировать аккурат на четвертую платформу. Да, все...

...Нет Дидика, но он секретарит у себя в райкоме и забыл о Херсонесе. Нет Шуры-Крокодила, но у него на носу защита. Нет Лерки Ракович, но у нее дочке полгода. Нет Зубковой, Желтого, Одабашьяна, Лузана — где-то они все? Нет Юрки Птеродактиля — впервые за много лет не поехал. Не поехал, и я остался без левой руки на раскопе. Нет Луки, но Лука, к счастью, только чуток припоздает. Конец старой гвардии!

...Мы на фотографиях, на старых снимках в альбоме, на катушках пленки, завернутой в фольгу, в херсонесских легендах, на беззвучных полях Прошлого. Мы — не здесь...

Едем все вместе, прежнее деление на купейных и плацкартных отменено, но не из-за новых демократических веяний, а потому, что южные поезда перестали комплектовать купейными вагонами — дабы больше влезло. В перспективе перейдут на «телятники» — этак влезет еще больше.

Первым делом, конечно, надо покурить в тамбуре. Берем с Борисом по «Ватре» и направляемся, подсчитывая по дороге наши сигаретные запасы. На десять дней должно хватить, а

дальше — как бог даст. Увы! Еще три года назад мы могли привередничать — к примеру, рассуждать о том, что лучше брать с собой — «Родопи» или «Вегу».

Перестройка!

По пути в тамбур разглядываем наш табор. Внезапно замечаю Старую Самару с дочкой. Фантом? Вроде бы нет, вполне материальна. А муж где? Что за поветрие — оставлять мужей дома, когда едешь на раскопки?

В соседнем купе разместились самые сливки — Сибиэс и семья Сенатора. Подсесть? О чем это великие гутарят? Сенатор только что с сессии, не о том ли разговор? Нет, конечно, речь не о политике — Сибиэс никак не может отойти от Швейцарии.

...Везде подметено, фотоаппараты очень дешевы, а пленка, напротив, дорогая. Сыр — ста пятидесяти сортов... Впрочем, это я уже слышал. И ананасы на завтрак... Книги, естественно, очень дороги, не купишь, зато жвачка дешевая...

Сенатор слушает чуток снисходительно, но особенное внимание оказывает мадам Сенаторша. И вправду, хотя супруг ее и стал из задрипанного Шарапа государственным мужем, но в Швейцарию его покуда не приглашают.

И что скажешь? Пару лет назад, когда Сибиэс только брался за кормила экспедиционного фюрерства, в поезде мы с ним говорили о том, что мы намереваемся делать в этом самом Херсонесе. Впрочем, тогда я, а не товарищ Д., был его заместителем. Интересно, по моему нынешнему скромному рангу мне положено сидеть тут и слушать рассказы начальства о Швейцарии?

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С. 2—3.

1. Скифский поход Дария.

Ахемениды — владыки Персии, наследники аннексированного ими Мидийского царства, хорошо представляли себе, что такое степная опасность. Поэтому персидские цари воевали с кочевниками последовательно и упорно. Их противниками были ближайшие родичи скифов — азиатские саки и массагеты. Несмотря на ряд неудач, в частности гибель в бою с массагетами Кира Великого, персы сумели обеспечить стабильность своих степных границ и даже имели основания причислять часть саков к своим подданным. В конце VI века до н. э. у персидского царя Дария появи-

лись причины вспомнить и о потомках скифов-«ишкуза», переселившихся на территорию нынешней Украины.

Отец Истории Геродот охотно объясняет нам причину этого внимания. По его мнению, персы решили отмстить неразумным «ишкуза». Мотив мести в политике чрезвычайно тонок. Всерьез поверить в вендетту великой империи живущим на краю тогдашней ойкумены правнукам своих врагов мог лишь житель провинциального Афинского государства, для которого самая могучая, развитая и обширная держава мира была всего лишь сонмищем безголосых «варваров» под управлением жестоких и тупых самодуров. Впрочем, царь Дарий вполне мог прокламировать такую вендетту как цель похода. Подобный предлог был ничуть не хуже, чем всякий иной (например, защита соплеменников, проживающих в другом государстве, или интернациональный долг)...

Перед тем как отбиваться, можно — нужно! — заглянуть к Маздону, который, конечно же, как всегда, недоволен. Вообще-то он абсолютно прав. Маздон — первоклассный фотограф и заслуживает больше, чем два пятьдесят командировочных в сутки. Конечно, мы все недовольны, но не все умеют столь художественно возмущаться. Не всем дано! Подбородок выше, плечи расправить...

Коммунисты пр-р-роклятые!

...Он едет в Херсонес в последний раз! Его не ценят. Не дают должности начальника фотолаборатории. Не снабжают бесплатным молоком. И вообще, все они маздоны, лавочники — и коммунисты проклятые! Да, проклятые, это он всегда говорил! И едет сюда точно в последний раз, его приглашают сразу в три экспедиции, одно приглашение выгоднее другого. Да-да, все они маздоны! Все абсолютно, и особенно Ведьма Манон!..

Ну как же без нее? Все верно. И ноги твоей больше в Херсонесе не будет. Не будет, раз тебя здесь так не любят.

Эх, старый наш Маздон! Десять лет назад говорил ты то же самое. И куда ты делся? Тебе уже шестой десяток идет, здоровьишко пошаливает, а как июль — труба зовет, берешь три своих фотоаппарата — для узкой пленки, широкой и слайдовой — и прешься на вокзал. Что не любят — это точно, но никого из нас, стариков, здесь не любят. Все мы странные, Маздон, страннее некуда. А без тебя мы разбежимся — без твоих фотографий дела

не будет, это уж точно. И ты хорошо это знаешь, поэтому и позволяешь себе время от времени покрикивать и пошумливать. Шуми, Маздон, покуда шумится! А чем черт не шутит — вдруг Д. и вправду решит избавиться в следующем году от всех нас, последних гусар экспедиции? То-то он проговорился, что учится фотографировать. Ну что ж, пока что были плохие экспедиции с хорошими фотографиями, а теперь будут плохие экспедиции с плохими фотографиями. Правда, кто ему будет отчет писать, если не поеду, скажем, я? Впрочем, Д. — человек усидчивый, напишет. Написал же диссертацию, в конце концов!

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С. 3.

...Подлинная причина, заставившая царя Дария вспомнить об «ишкуза», очевидна при первом же взгляде на карту. Персидская империя начинала завоевание Фракии, что требовало обеспечения безопасности с севера. Персы явно не собирались ни уступать Фракию скифам, ни подставлять свои спины под их бьющие без промаха стрелы.

Где-то между 516 и 512 годами до н. э. огромная персидская армия, заняв часть фракийской территории, двинулась на север. Начался скифский поход Дария — пожалуй, самая яркая из известных нам страниц скифской истории.

Нет нужды подробно останавливаться на Геродотовой версии этого похода. Она не только общеизвестна, но и изложена настолько ярко, что любые списки уступают оригиналу. Удивляться этому нечего — литературное мастерство Геликарнасца соединилось, в данном случае, со скифским героическим эпосом. Итак, перед нами скифская версия событий, где, как и в любой саге (былине, эпосе, сообщении Совинформбюро или ТАСС), сочетаются крайняя тупость и недальновидность врага и мудрость защитников Отечества, поистине кутузовская тактика заманивания, наглые требования захватчиков, гордый ответ скифского «генералиссимуса» и, естественно, загадки, столь же малопонятные, как и иные современные дипломатические ноты. Мышка в корзине, лягушка в корзине...

Снова красный закат и белесый восход.
Снова еду тревожить я мертвый народ.
Сколько стен я разбил и могил изувечил!
Ты доволен собою, настырный ты крот?

Утро. Слева, справа за окном — сизая водная гладь. Сиваш, тот самый, который в свое время перебрели латышские полки и удалые тачанки Каретника, чтобы на эти семь с гаком десятилетий решить вопрос о том, кому на Руси жить хорошо. Впрочем, сейчас Сиваш тих — болото болотом.

Однако в это утро нам не до аллюзий. Чей-то уверенный глас, чей именно, спросонья и не понять, вещает очевидное: опаздываем! Вообще-то говоря, в этом нет ничего мистического, скорее в наши дни странным было бы обратное, но в данном случае есть причина задуматься.

...Наша славная конкиста строится на великом «авось»: авось дадут пропуска в сверхзакрытый от советских людей Севастополь (по-нашему — Себаста), авось выделят жилье в Херсонесском историко-археологическом заповеднике — Херзаповеднике, авось найдется лишний шанцевый инструмент. Авось, авось, авось... Среди этих больших «авось» — авось малый, но важный. Наш поезд не идет до Себасты, ибо прямого харьковского нет, посему мы вот уже который год сходим в Симферополе (в Симфе по-нашему) и пересаживаемся на электричку. На сей счет существует давно разработанный ритуал со сбором пропусков для предъявления в билетную кассу и перебеганием на нужную платформу. Фокус, увы, в том, что между приходом поезда в Симфу и электричкой — всего двенадцать минут. Обычно все это как-то обходилось, но сегодня мы точно опаздываем. А до следующей электрички чуть ли не четыре полновесных часа.

Четыре часа на симферопольском вокзале, да еще в июльскую жару! Есть над чем задуматься.

Сибиэс молчит, но чувствуется, что вождь нервничает. Сибиэс изрядно суеверен, и такое опоздание способно выбить его из колеи на неделю, а то и на весь сезон.

Между ветеранами, отстаивающими очередь в умывальник, разгорается малопродуктивный спор о ближайших перспективах. Смотрю на часы: нагоняем, но полчаса опоздания налицо, а нам вполне хватит и десяти минут. Действительно, так мы еще не влипали...

Красноперекопск, Джанкой, Красногвардейское... Вот уже за окном белые предместья Симфы, кто-то начинает подтаскивать вещи к тамбуру, мелькает темная речушка, которую мы видим бог весть в который раз, но до сих пор не удосужились

узнать название. Вот на горизонте мавританские контуры вокзала.

...«Скорей!» — вопит мадам Сенаторша, прорываясь в тамбур. Такое впечатление, что она намерена прыгать на ходу. Конечно, сидеть на раскаленном вокзале в Симфе не хочется не только ей одной. Впрочем, когда поезд наконец тормозит и мы начинаем спрыгивать на долгожданную землю Тавриды, все уже окончательно ясно — поезд приплелся на двадцать минут позже, значит, четыре часа под солнцем Симфы нам обеспечены.

Не трать, кумэ, силы — йды на дно!

...Бежим, спешим, гоним, торопимся, в спешке, в толпе, в суете, в поту... Некуда, незачем, пришли, притопали, приплыли...

Табор расползается по вокзальной площади, кто-то уже лижет мороженое, кто-то устремился к киоскам, будто здесь и вправду не Крымская область, а аксеновский Остров Крым. У бесполезных касс электричек остаются лишь четверо — Сибиэс, Сенатор и мы с Борисом.

Сибиэс мрачен. Вождь потряхивает загустевшей за последний год бородой и сообщает, что экспедиция, судя по всему, не удалась.

Не комментируем — смотрим на расписание.

Сенатор резонно замечает, что на Себасту идет ленинградский поезд, который отходит аккурат через четверть часа, и, в конце концов, можно попытаться. На это Сибиэс не менее резонно напоминает, что нам все равно не успеть, ведь требуется еще оформить билеты. На электричку таковые штампуют мгновенно, а на проходящие поезда данная процедура занимает куда больше времени. Опять же пропуска, сличение с паспортом, дабы шпион в Себасту не просочился... Истина эта неоспорима, но Сенатор проявляет твердость, памятуя, очевидно, наставления супруги. Прихватив с собой Д., который мирно уселся в семейном кругу под чахлой акацией, он бросается в здание вокзала.

Остается одно — ждать. Мимоходом приходит в голову мысль, что билеты вообще-то и ни к чему — проводники охотно уладят этот нехитрый вопрос. Мы так ездили, причем неоднократно. И не мы одни.

Говорю об этом Сибиэсу, но в его глазах вижу лишь ощущение покорности судьбе.

Минут через десять взмыленные Сенатор и Д. возвращаются с ожидаемыми вестями. Касса, явное дело, заявила, что на нашу орду билетов не наштампуют. Д. кивает — вопрос для него решен — и идет покупать семье мороженое. Сенатор плетется докладывать супруге о случившемся форсмажоре. Не сдается один Борис. Он смотрит на часы, затем на Сибиэса и уверенно заявляет, что все-таки еще можно успеть. Если взять вещи да рвануть. Рюкзаки в зубы, на полусогнутых, опережая собственный визг...

Тут наконец узнаю Сибиэса. На какое-то мгновение исчезает занудная маска фаталиста, взгляд твердеет, еще секунда — и, как в былые дни, прозвучит команда...

Нет, не прозвучит. Сибиэс оглядывает наш мирно расположившийся на лавочках, покорившийся судьбе табор — и ничего не произносит. Понимаю его — эту публику поднять даже для легкого броска на соседний перрон невозможно. Эх, где наша гвардия!

И все-таки приказ Сибиэс отдает. Только приказ на этот раз касается лишь меня и Бориса.

Мы едем первыми. Недобитую гвардию — в авангард.

Итак, мы едем, в Херсонесе достаем ключи от сараев и любой ценой — последнее подчеркивается особо — задерживаем коменданта до приезда остальных.

Все ясно, мой генерал!

Рюкзак на плечи, вверх по переходу, прямо на толпу... Через пару минут протягиваю проводнику трешку, и мы с Борисом вваливаемся в абсолютно пустой вагон. Еще минута — и поезд, спотыкаясь, трогается. Вы как хотите, а я, во всяком случае, в Херсонес не опоздаю.

Борис смотрит на убегающий за окном перрон и замечает, что можно было увезти всех, вслед за чем извлекает из рюкзака карты, явно намереваясь соблазнить меня на партейку поездного «дурака».

Не знаю, прав ли он. Боюсь, даже будь я — чего не станется вовеки — начальником, поднять и разместить этот табор мы вряд ли бы успели. Правда, можно усадить в поезд десяток ребят поздоровее, чтобы привести в порядок наши сараи, пока остальные подтягиваются... Да что теперь об этом?

Вообще-то говоря, если б не Борис, я, наверное, тоже покорился бы судьбе. Его присутствие как-то мобилизует, из таких, как он, получаются офицеры, что отстреливаются до последнего патрона. Вполне могу представить Бориса, скажем, среди последних защитников Крыма от орд Фрунзе и Миронова — тех, что отбивались, стоя по горло в ледяной ноябрьской воде. Поэтому именно Борис — моя правая рука, без которой мне пришлось бы туго, особенно после исчезновения руки левой — Юры Птеродактиля. Конечно, Борису далеко до Птеродактиля, у которого за плечами десяток экспедиций да еще работа у самого Слона. Но — не подведет.

Познакомились мы в лаборатории Маздона. Время от времени я забегал в гости к нашему фотографу и заставал там взъерошенного студента-химика, который регулярно прохаживался по поводу истории, историков и преподавателей истории в особенности. Мне было что ответить по адресу химиков, и беседы наши проходили очень оживленно. К Маздону забегал не только я — херсонеситы нынешние и бывшие захаживали к нему на огонек попить чайку, посмотреть новые снимки и покалякать о Херсонесе. Очевидно, наши разговоры были не столь безобидны, поскольку уже через полгода Борис заявил, что ему было бы интересно поглядеть на наши херсонесские безобразия. Эта мысль в конце концов засела в его химической башке настолько твердо, что через пару лет он действительно оказался в Херсонесе.

Десять лет назад, когда для меня Херсонес был еще чем-то новым, все время, проведенное в электричке, уходило на созерцание заоконных видов. Действительно, для новичков тут есть что посмотреть, но мы с Борисом уже давно не новички, так что незачем в окно пялиться. «Дурак», правда, дело дурацкое, куда полезнее достать карандаш... Интересно, разберу ли я свою стенографию?

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С. 3—4.

...Естественно, скифская версия повествует о полном и окончательном разгроме агрессора, спасение которого от гибели объясняется лишь недальновидностью и своекорыстными интересами греков, сопровождавших Дария в походе. В итоге следует очередная вендетта, на этот раз скифская — «ишкуза» мстили местным коллаборационистам.

Этот рассказ поневоле вызывает желание совместить его с подлинными географическими и археологическими реалиями Украины. Подобных расшифровок, в том числе попыток нанести события войны на карту, имеется множество, некоторые из них поистине виртуозны. Правда, их достоверность едва ли выше, чем у попыток найти точное место боя Ильи Муромца с Соловьем-разбойником, Одихмантьевым сыном, или разобраться в событиях Второй мировой войны по советской исторической литературе.

Примечательно, что другие античные авторы представляли себе скифо-персидскую войну совершенно иначе. Достаточно вспомнить сухого реалиста Страбона, который вообще не считал, что персы продвинулись в глубь скифской территории сколь-нибудь далеко.

В подобных случаях в первую очередь хотелось бы выслушать противоположную сторону. Мнение царя Дария сохранилось: он без малейших колебаний зачисляет «заморских саков» («сака парандрайя») в число покоренных народов. В своей победе он не сомневался...

Борису скучно, и призрак «дурака» вновь начинает заглядывать через плечо. Отмахиваюсь — равно как от попытки завести экстрасенсорную шарманку. Экстрасенс из него приблизительно такой же, как из меня. Правда, Великий Шаман Паниковский, наш херсонесский гуру, пытался учить, да так и не выучил. Насморк вылечить — еще куда ни шло, а вот стену найти под метром суглинка... С Паниковским, может, и вышло бы чего, да где он теперь? То ли женился, то ли вообще пропал.

Так что лучше подумаем о ближайших планах. Приказ вождя ясен — ключи добыть, коменданта задержать. Ну, коменданта, а точнее, комендантшу Олю задержать не составит труда, а вот сараи... Это уже нечто из Геракловых подвигов.

Самое обидное, что эти три дрянных сарая с бетонным полом и выбитыми оконными стеклами давно записаны за нами. Так-то оно, конечно, так. Но ведь это Херсонес!

Везде своя власть. В Херзаповеднике (или Хермузее, это кому как больше нравится) таковая тоже имеется — директор, бывший партийный функционер, которому положено разбираться во всем, даже в археологии. Но в нынешнем Херсонесе у него столько же влияния, сколько в древнем у архонта-базилея, так сказать, и. о. царя. Нет, он вообще-то старшой, но негоже старшому самому решать вопросы. Для этого ему положены аж три заместителя, каждый чем-то занимается, но все же и эта власть слишком высокая. С ними надо решать вопросы глобальные, но таких у нас бывает мало, разве что один вопрос за сезон. А вот сараи... И тут начинается реальная власть — комендантша Оля. Люди свежие, Херсонеса не знающие, и вправду подумают, что ежели директор, скажем, о сараях бумагу подписал, то комендантша ну прямо-таки обязана эти сараи выделить. В общем, обязана, конечно, но... Но есть еще истинный хозяин всей этой грандиозной свалки, именуемой Хермузеем.

Гнус.

Гнусу надо посвящать оды — или трагедии. Не в прозе его воспевать! Борис, записывающий наши херсонесские байки, назвал его императором Гнусом Первым. Эх, Херсонес, Херсонес, не везет тебе на владык!..

...Гнусен, отвратен, омерзителен, отвратителен, пятно на рубашке, бельмо на глазу, позор Херсонеса, надменен, нахален, лжив, труслив, подл... Тресни херсонесская скала, поглоти урода!..

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С. 4.

...Но даже если принять за основу скифскую версию событий, изложенную Геродотом, то сквозь былинный тон проступают вполне прозаические обстоятельства.

Скифия оказалась не готова к войне. В политическом плане далеко не все союзники выдержали это испытание. Агафирсы, невры, андрофаги, меланхлены, а также тавры не прислали своих войск, мотивировав это нежеланием участвовать в конфликте.

Очевидно, сработал предлог, выдвинутый Дарием, — скифские союзники не собирались участвовать в сведении давних счетов между скифами и персами. В результате вся северная и западная часть Великой Скифии сохраняла нейтралитет. Собственно скифских войск оказалось недостаточно, чтобы принять открытое сражение.

Тактика «заманивания» не была такой уж выгодной для скифов. Она вела к опустошению страны, вдобавок не помешала персам проникнуть достаточно далеко в глубь Скифии, сжечь какое-то деревянное укрепление и вызвать паническое бегство нейтральных меланхленов, андрофагов и невров...

На севастопольском вокзале бредем сквозь толпу к площади, где обычно можно поймать сговорчивого частника. Повезло! Нам в Херсонес. Да, прямо к воротам. Да, археологи... А как с куревом? Спасибо, у нас тоже.

«Жигуль» мчит то вверх, то вниз, подчиняясь прихотливому городскому рельефу. Эх, сколько раз видено, будто и не уезжал! Панорама. Площадь Ушакова... Ага, винный отдел! Толпа, если следовать Булгакову, не чрезмерная — человек в полтораста. Та-а-ак... Ну, сворачиваем, теперь прямо.

...Пожарова, маленькая церковь у православного кладбища. Караимское кладбище, серые невысокие надгробия, поросшие травой, на которой всегда сидят желтые улитки. Сейчас справа будет вид на бухту и там... Вот он — собор Владимира! Как ты еще умудрился уцелеть на пятом году перестройки и третьем году реставрации? Теперь налево... Магазин «Юбилейный»... Школа подводников... Древняя... Улица такая — Древняя, живут отставники, сдают сараи за безбожную цену. Еще поворот... Все! Ворота!

Небольшая площадь заполнена пляжниками и туристами, тут же лавчонки с сувенирами, продавцы каких-то билетов — на спектакль средь херсонесских руин, наверное. Вот оно, детище Гнуса! Ну ладно, рюкзаки на плечо... Ничего, Борис, мы уже почти дома.

В воротах все та же тетка, которая никогда никого не желает запоминать, хотя вообще-то мы должны были ей примелькаться еще лет восемь назад. Впрочем, достаточно грозно вымолвить: «харьковская экспедиция»...

Харьковская экспедиция!!!

Вид у нас внушительный, рюкзаки и штормовки говорят сами за себя... Переступаем порог. Прямо — собор Владимира, справа — наш бывший и будущий раскоп, а мы... А мы пойдем налево, где такая прекрасная тамарисковая аллея, где руины театра, найденного Акеллой, и где наша конечная цель — эстакада.

Эстакада... Слово это надо писать с большой буквы — Эстакада. Когда-то, еще два года назад, именно на Эстакаде собирался весь Хергород. Здесь играли и пели наши гитаристы — Саша, Дидик, Принц. На Эстакаде так хорошо было смотреть на метеоры, устраивавшие свои ежегодные июльские налеты.

По-моему, астрономы зовут этих постоянных гостей Персеидами. Так здорово было загадывать желания!..

Теперь Эстакада имеет грустный вид — здесь явно что-то жгли. Консервные банки в обрамлении жеваных газет... Варвары, дикое скопище пьяниц!

...Заплевали, забросали, закидали банками, бутылками, окурками, объедками, мерзостью, дрянью, своей отрыжкой, своей блевотиной, сволочи, мерзавцы, ублюдки...

Ладно, эмоции потом. И что мы видим? В нашем большом сарае уже явно кто-то проживает, кажется, нас туда в этом году не пустят...

...И вам привет! Это хорошо, что из Ленинграда. А вещи мы пока оставим. Ну, Борис, пошли ловить комендантшу.

Это — самая легкая часть из всего намеченного. Застаем Олю на месте и передаем ей грозным голосом наказ Сибиэса. Его слово здесь еще имеет вес. Оля мрачнеет — она, конечно, уже готова отчалить, но обещает подождать. Заодно узнаем, что, кроме трех сараев, нам еще полагается Слоновья Веранда. А это уже для нас — для Маздона, Бориса и для меня, ну и, конечно, для Луки, когда он изволит прибыть. В общем, барские палаты для офицерского корпуса. Когда-то с нами квартировал и Сибиэс, но уже два года он предпочитает жить в городе у родителей — наша экзотика его уже не вдохновляет.

Но Веранда не убежит, — вперед, на сараи!

Все оказывается проще, чем думалось. Прямо у сараев встречаем знакомую плюгавую фигуру — Его худосочное Величество Государь Император Гнус Первый. И Последний, надеюсь. И вам день добрый... Да-да, насчет сараев. Ага, за ключи спасибо.

Не верится. Чтоб так сразу! Что-то тут не то, ох не то!..

Загадка решается быстро: полдюжины орлов из Золотого Легиона — кагала Его Величества — расторопно выносят из трех наших пещер все — от кроватей до лампочек. Гнус довольно разглядывает происходящее, любезно поясняя, что сие принадлежит, конечно же, его экспедиции. При этом мы узнаем от него же, что кроватей, как и матрацев, в заповеднике нет и не будет.

...Врет! Есть и даже будут. Достанем! Но все-таки жалко, что время раскулачивания минуло. Так и записался бы в большевики на полчасика, дабы Гнуса тряхнуть, а потом, согласно

идее генерала Чарноты, тут же обратно бы выписался. Ну все, отчалили крохоборы! Рюкзаки в сарай, плавки достать — и куда? Правильно. Именно на скалу, на наши камни, конечно, не в лягушатник же. На камнях хоть вода чистая!

В воду!

...Когда часто, то есть не реже раза в год ездишь на море, запоминается только первое купание — и последнее. В этом году первое купание приятно вдвойне: и от самого факта хорошо, и от воспоминания о том, что наш грозный коллектив еще только грузится в электричку. Расторопнее надо быть, господа гусары! Ну, еще разок, а там на берег — и можно перекурить.

Осмотр сараев дает поразительные результаты: в одном из них уцелела розетка. Если бы мы нашли золотой саркофаг или Гнус оставил пару кроватей, я удивился бы меньше. Розетки тут — мало сказать non grata. Местный пожарник ежедневно обходит с плоскогубцами все сараи и все, что видит, режет под корень, дабы не возгоралось. Года четыре назад наши художники поглумились над Иродом — нарисовали розетку, да такую, что только на ощупь понять можно. Ох и было же тогда! О великий и могучий русский язык... Что они в этом году, нюх потеряли?

Так или иначе, а кофе мы сварим, доставай, Борис, кипятильник. Да и перекусить следует. А там бросим спальник в тень нашей любимой алычи и будем ждать, чем все это кончится.

Хорошо! Тайм-аут среди этого бесконечного первого дня. Можно закрыть глаза — так лучше. А можно надвинуть кепку на самый нос — так еще лучше. Ну, можно спокойно поразмышлять...

...Хотя бы о том, что Веранда, когда мы ее наконец отобьем, наверняка ограблена поосновательнее. Конечно, в прошлом году мы достали все, что нужно, и в лучшем виде передали наш боевой корабль комендантше Оле. Теперь, несомненно, там мерзость запустения, можно и не проверять. Значит, все по новой, а ведь здесь зимой даже со снегом проблемы. Не допросишься! Правда, снег тут редко идет, так что можно простить.

А можно подумать и о том, что, собственно, я буду тут делать. Год назад Д., получив свою долю власти — мою долю власти, — согнал меня с Юго-Западного участка, который я копал два предыдущих года. Копал, копал и дошел до самого

интересного — до эллинизма, до того самого эллинистического слоя, о котором мечтает каждый здешний археолог. Это должно было стать для меня заслуженной наградой, но Д. решил, что тоже таковой достоин, и участок забрал. А мне с моими последними гвардейцами от щедрот своих позволил докопать мерзкое и совершенно запущенное помещеньице, известное в нашем кругу как № 61-а. С мотивировкой, что раз я его начал копать еще десять лет назад, так я его и должен добить. Ну конечно, это Д. тут новичок, я-то копал, считай, все помещения на нашем многострадальном участке, который есть район средневековых усадеб №№ 9, 10, 11...

Помнится, я озлился. Озлишься тут! Но меня недаром все годы считали удачливым — и ставили на самые безнадежные ямы. И Фортуна, херсонесская Фортуна, не подвела и в тот раз. Когда Борис извлек из мокрой глины фрагмент аттической вазы с двумя грифонами, у Д. отвисла его ответственная челюсть. И, кроме грифонов, было еще кой-чего, но главное — мы вышли на Стену Казармы, точнее, на ее разобранную часть у самого фундамента. Вот этого-то Д. не ожидал, иначе черта с два пустил бы меня в это самое № 61-а.

Итак, Стена. Если бы Д. был начальником вместо Сибиэса уже в этом году, то не видать мне ее как своих ушей! Правда, если подходить здраво, Стена не его и даже не моя. Стена, вместе со всей южной частью Казармы, принадлежит Сибиэсу, и это именно ему полагается снимать научные сливки. Ну, копнем сперва, а потом и делить станем. Если будет что делить, конечно. Но об этом — завтра, а скорее всего послезавтра, успеется еще...

А почему это, интересно, О. едет сюда без супруга? Не то чтобы странно, но все-таки...

...Два года, целых два года, редкие звонки, редкие встречи — под сырым харьковским небом, на сыром харьковском асфальте. Чужой голос в телефонной трубке, чужой взгляд, чужие слова...

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С. 5—6.

...Между скифами и персами состоялись какие-то переговоры с вручением даров персидскому царю. Армия Дария благополучно вернулась назад, причем неоднократные попытки уничтожить или отрезать ее были совершенно неудачны.

Сам Дарий оценивал поход как вполне успешный, а Скифию — как покоренную территорию. После окончания войны скифам пришлось разбираться с отпавшими союзниками, восстанавливая свое господство в Скифии.

Подобная картина случившегося мало походит на историю выигранной войны. Конечно, далеко не все эти факты, почерпнутые из текста «Истории» Геродота, подлинны. Вполне вероятно, что они лишь часть героического эпоса о скифско-персидской войне. Но уже то обстоятельство, что эпос позволяет вычленить такие совсем не победные детали, свидетельствует, что подлинная история этой войны была куда суровее и печальнее для скифов.

Еще одно обстоятельство заставляет склоняться к этим «негероическим» выводам. Царь Дарий был опытным полководцем, имевшим большой стаж войн с кочевниками. Все его предыдущие войны с азиатскими саками и скифами были удачны. Едва ли скифская тактика заманивания была для него таким уж сюрпризом, а дары (мышка-норушка да лягушка-квакушка) — столь непонятными. Завоеватель Индии, усмиритель мятежников, расчетливый и ловкий политик ничем не походил на тупого самодура из Геродотова рассказа. Мощь его империи и поистине непобедимой армии едва ли могла быть сокрушена хитромудрой тактикой «ишкуза». Скорее всего поход достиг своей цели, и скифам пришлось заниматься некоторое время своими внутренними проблемами...

Однако же что-то там, за моим козырьком, происходит. Ну конечно, первые эшелоны нашего полка, так сказать, подползают. Привет, привет, водичка превосходная! И Сибиэса нет? И Д.? Ну Д.-то приедет, надо же ему домочадцев размещать. Ага, Сенатор с семейством, этим-то апартаменты готовы... Что, Маздонушка? Не подали тебе «Мерседеса»? Конечно, маздоны они все и коммунисты проклятые. И лавочники тоже. И жить нам негде покуда. И ноги твоей больше здесь не будет. И Ведьма Манон во всем виновата... Давай-ка лучше кофий сварим, тут и розетка есть...

Наконец-то и Д. собственной персоной. Вот и ключи, прошу. И комендантша на месте, так что давай командуй личным составом, а то они сами не догадаются, как нужно вещи вносить в сараи. А вот кроватей нет. И лежаков тоже. А вот нет — и все.

Ладно, пора и о себе позаботиться. Посылаю Бориса к комендантше на предмет ключей от Веранды. Увы, ни ключей, ни комендантши. Ну ничего, собственный глаз тоже не помешает, посему направляемся прямиком к нашему будущему обиталищу. Вот она, родимая! Никак тебя покрасили? И стекла вставили? Эх, если бы еще три-четыре лежака...

Лежаков, конечно, нет. Нет, впрочем, и замка, так что зря мы искали какие-то мифические ключи. Скобы для замка тоже отсутствуют. Да-а, поработали основательно!

Внутри, как и полагается: бутылки пустые, банки консервные, также пустые, и эти самые, которых в аптеках не сыщешь, естественно, использованные. Пол голый. И грязный.

Очень грязный...

Маздон скис. Бедняга! Ездить столько лет — и каждый раз начинать с уборки свинюшника. Ну это ничего, вспомни, Маздонушка, как мы с тобой в старом гараже жили, в котором стены не было. Тут хоть стены на месте.

Прежде чем объявить коммунистический субботник, да что там субботник — абордаж! — собираем военный совет.

Обстановка — нет ни черта.

Задача — достать хоть что-нибудь.

Дополнительная информация — никто ничего не даст. А вот побить могут.

Совет не затягивается. За неимением иных вариантов остается одно — экспроприация экспроприаторов. Вокруг — штук пять сараев, на некоторых даже нет замков. А где замки, там можно и гвоздем открыть — согнутым.

Ну, с песней! «Пятнадцать человек на сундук мертвеца!..»

...Грабь, хватай, экспроприируй, уноси, пионерь, казачь, тырь, греби, все наше, всюду наше, тащи, кидай в кучу, еще, еще, еще!..

Добыча превосходит все ожидания. Борис волочит откуда-то тумбочку, я извлекаю из старой летней кухни превосходный стол. Вскоре к нему присоединяется стул. Ведро — старое, но для мусора сгодится. Веселей, флибустьеры! Ага, в этом сарае даже замка нет... Лежаки! Правда, не совсем лежаки, но так даже удобнее — с откидными краями и местом для вещей. Один, второй... Говорят, на таком сам Слон спал... Третий... Нужен

четвертый — для Луки. Та-а-ак, придется в окошко влезть. Ничего, здесь уже лазили. Вот и четвертый!.. Заодно и вешалку прихватим — и будет совсем как дома. Борис, рви к черту петли для замка, небось это наши и есть, с Веранды поснимали, умельцы!..

Вскоре добыча доставлена и размещена, теперь можно посылать Бориса за ведром морской воды. Пресной нет и пока не будет, днем краны здесь сухие. Благо веник и чистое ведро мы уже успели позаимствовать ранее — из экспедиционных, так сказать, фондов.

Солнце уже начинает валиться за обрыв, когда Веранда приведена в относительно божеский вид. Конечно, нет ни матрацев, ни подушек, ни прочих предрассудков в виде простыней и одеял. Нет замка, нет даже лампочки, но это дело наживное. В стены врезаются гвозди — коробка с гвоздями всегда с собой, как и топорик. Впрочем, пустой бутылкой тоже хорошо заколачивать. Вон их тут сколько!

Вдали, у сараев, хорошо видных с нашей горки, — знал, знал Слон, какое место для жилья выбирать! — заметна какая-то суета. Наша молодежь тоже что-то достает, копошится, кучкуется. Какой-то грузовик — подумать только! — чего-то им привозит... Еще совсем недавно доставали все для всех и всем хватало. А теперь каждый грабит в одиночку.

Две экспедиции — констатирует Борис. Две экспедиции: наша — из недобитых ветеранов, и эти, юные. Иногда Борис умеет говорить формулами.

...И наступает первый херсонесский вечер. Откуда-то из ранних сумерек появляется цикада и начинает свое соло, затем соло превращается в дуэт, вступает хор...

Может быть, я сюда именно из-за этого и езжу — из-за цикад. А греки, недотепы, их лопали. Жаренными в масле. А еще гордились тем, что умеют ценить прекрасное!

Над храмом Владимира сгущаются сумерки, так и ждешь, что из-за горизонта появится рогатая луна, но сейчас не ее время, она вынырнет лишь под утро, через пару дней новолуние, когда мертвый город погружается во тьму. А вот когда луна в силе, здесь наступают бесовские ночи!

...Холодный лунный огонь на траве, холодный лунный огонь на камнях, холодный лунный огонь на море... Лунный потоп, лунный шабаш, лунный Армагеддон...

Рабочая тетрадь. С. 3.

...Первое экстрасенсорное исследование Казармы следует провести до начала работ на раскопе, поскольку, пока объект покрывает трава, эксперимент будет более чистым, строительные остатки не будут видны и не станут «подсказывать» решение.

Целесообразно начать с южной части Казармы в связи с тем, что ее северная часть сохраняет средневековую застройку, не позволяющую ориентироваться в более ранних строительных периодах.

Установка: стена — «свет» и «тепло». Конкретная задача — южный вход...

...Колокол? Ну конечно, колокол, как же без колокола в Херсонесе? Какие-то варвары лупят булыжником на ночь глядя. Эх, народ-богоносец! Хоть бы в музей колокол-беднягу оттащили, ведь не простой он, на звоннице Нотр-Дам де Пари красовался! Увы, теперь он тут, на берегу, подвешенный на бетонной дыбе, чтобы каждый ублюдок мог запустить в него камнем. И запускают.

Впрочем, говорят, скоро за право бросить камень будут брать по пятаку. Перестройка!

...Над сумеречными руинами — голос мертвой бронзы, голос мертвой памяти, осквернённой, выставленной на посмешище. Камни бьют в бронзовую плоть Прошлого, оставляя вмятины, уродуя, превращая в ничто, в забаву, в бесполезную погремушку. Порушенный город, порушенный монастырь, порушенная память, порушенная страна...

Теперь остается одно — покурить. Покурить на старом нашем месте, возле источника с затейливой татарской надписью на белом мраморе, где когда-то ежи ночами ходили на водопой. Сейчас источник высох, бедняга, бедняги-ежики напрасно заглядывают сюда по старой памяти. Источник, рядом — Дерево Фей, где мы каждый год оставляем что-то из вещей, чтобы обязательно вернуться...

Хорошо курится. И сигареты еще есть, недели на две, глядишь, и хватит..

...А кто это там на тропинке, а, Борис? Темновато, правда, но ошибиться невозможно. Он, он собственной персоной!

Лука! Долгожданный! Ну, будет дело!..

Обнимаемся. Лука догнал нас на аэроплане — как и обещал.

Хлопаю его по еще более округлившемуся комку нервов на животе и рассказываю о наших успехах. В ответ Лука лишь усмехается в свои тюленьи усы. Еще бы! Ему наша возня с лежаками и тумбочкой — детский утренник.

Тюленьи усы многообещающе шевелятся. Лука бросает свои вещи — ну и наволок же всего!..

...И устремляется вместе с Борисом в ночную тьму.

Через полчаса гонцы возвращаются с лампочкой и двумя одеялами. В следующий набег Луку сопровождаю я. Во всем происходящем понимаю только одно — невесть откуда невесть кто выносит нам очередную пару одеял, подушку, еще подушку... Нет слов!

Последний вояж приносит нам еще пару матрацев. Самый упитанный Лука по праву берет себе. Да, Лука, конечно, велик — по крайней мере, в некоторых вопросах. Там, где появляется он, все необходимое выныривает из-под земли и прыгает прямо в руки. Впрочем, это лишь одно из его достоинств. Иные же... О них мы, без сомнения, тоже скоро услышим.

Сегодня у нашего Луки прекрасное настроение. Вырвался! Причем вырвался сам, оставив Гусеницу, свою законную супругу, в Харькове. Лука уверяет, что напугал ее предстоящим землетрясением. Это едва ли — Гусеницу землетрясением не напугаешь. Но — факт налицо.

Переглядываемся, шелестим купюрами.

За воротами «Легенда», по-нашему — «Легендарий», кооперативная кафешка, где наливают в любое время дня и ночи. Не по карману, конечно, но ради первого дня...

Лука решительно заявляет, что завтра же возьмет вопрос под свой личный контроль.

Мы сидели на камне и пили вино,
Оставляя в стаканах лишь грязное дно.
А вокруг нас лежат те, что прежде гуляли.
Что ж, и нам этот путь всем пройти суждено.

В давние-давние времена, когда нашу армаду водил сюда сам Старый Кадей, на второй день после приезда мы уже спешили на раскоп. Теперь времена иные — осваиваться будем не меньше трех дней. К тому же воскресенье грядет. Гуляй — не хочу!

Впрочем, пока это я так размышляю и предаюсь утреннему безделью, лежа на продавленном матраце, неугомонный Лука, мобилизовав Бориса, уже что-то вовсю громит в соседнем ва-

гончике. Ага, дело важное — оттуда извлекаются такие полезные вещи, как лишние гвозди, вешалки и прочая нужная мелочь. Все верно, надо успеть выгрести побольше — вот-вот приедет следующая команда, а лишних вещей в Хергороде не будет. Что ж, когда Лука в хорошем настроении, он может все — или почти все. Вот и сейчас, пока я продираю глаза и пытаюсь умыться пайковой кружкой воды — краны по-прежнему сухи и оживать не собираются, — он уносится вдаль и вскоре возвращается с каким-то подозрительного вида замком. Нет слов!

После некоторой реанимации замок начинает открываться. Лука, ежели ему, конечно, верить, выпросил его на военной базе, не иначе в школе подводников, что аккурат за забором. Так ли это, не знаю, зато теперь наш корабль укомплектован полностью.

Пока суд да дело, появляется Сибиэс. Он еще более мрачен, чем вчера, и, повторив, что экспедиция не заладилась с самого начала, радует нас тем, что, может быть, придется уезжать обратно. С питанием — швах, воды нет... Ну, с питанием у нас каждый год — швах, потому как готовить сложно, а столоваться почти что негде. С водой похуже, но... Но и не такое видели. Так что никуда мы не уедем, не впервой. А ежели что — пусть Сибиэс увозит молодняк, мы тут и сами накопаем... Расстроенный вождь бредет куда-то вдаль, пообещав мобилизовать Сенатора на поиски воды и пищи, словно мандат нашего Шарапа способен организовать починку усопшего водопровода! Хотя... Кто его знает, а вдруг?

Направляемся на пляж, вернее, на наши столь знакомые камни. На пляж пускай студенты-практиканты ходят, на скале и привычнее, и вода тут лучше. Да и публика знакомая. Гнус уже занял боевую позицию, усевшись на старый моноласт и разглядывая публику сквозь задымленные очечки. Сколько его помню, Гнус всегда торчит на одном и том же месте, а ежели кто-то по недомыслию пытается сие место узурпировать, начинает вопить — тонко так, противно...

С Гнусом все ясно. А что там в море? Ага!

На рейде, как обычно, что-то то ли авианосное, то ли авианесущее. Несколько лет назад тут болтался «Киев», его сменил «Минск», затем «Баку», а вот в этом году новинка в географии — «Тбилиси». Защищает нас от супостатов. Пусть защищает, лишь бы мазут не спускал. Ну, в море!..

...Податливая теплая вода, податливая теплая твердь, податливое вечное лоно... Мы снова здесь, мы никуда не уезжали, мы всегда тут были, мы...

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С. 7.

2. Херсонес и греческие колонии Понта.

Мирная эпоха греческой колонизации Северного Причерноморья завершилась в IV в. до н. э. Интересы отдельных греческих государств быстро пришли в противоречие. Если между Ольвией и относительно далеким Боспором особых противоречий не замечалось и отношение этих родственных (ионийцы из Милета) полисов были вполне нормальными, то молодое и весьма агрессивное Херсонесское государство с самого начала не собиралось считаться с интересами соседей. Херсонес был не только «поздним ребенком» среди греческих городов Причерноморья, спешащим догнать своих «старших братьев». Он был также и своеобразным «анфан террибль» среди эллинских полисов. В этом смысле репутация Херсонеса оставалась стабильной в течение всех веков его существования. Херсонеситы постоянно конфликтовали с Ольвией, Боспором, затем с Римом, а позже с Византией и Русью. Трудно сказать, чем вызвана явная некоммуникабельность этого греческого города. Может быть, тем, что с первых лет существования его населению приходилось вести настоящую борьбу за выживание с их соседями — таврами, вдобавок сказывалась и племенная рознь — дорийцы-херсонеситы не воспринимали ионийцев как вполне «своих». Во всяком случае, репутация Херсонеса как надежного союзника и подданного была, вероятно, самым стабильным достоянием этого города. Доходило до трагических курьезов. Византийские императоры разрабатывали целую систему мер на случай очередной измены херсонеситов, и одновременно «каган россов» Владимир избрал именно этот город для демонстрации силы в борьбе с греками. Впрочем, это не помешало Херсонесу просуществовать до начала XV века и пережить всех своих «старших братьев» из числа эллинских полисов.

В IV веке до н. э. херсонесская история еще только начиналась, но это начало было весьма бурным...

Жара крепчает, и ехать в орденоносный Севастополь нет ни малейшей охоты. Ей-богу, был бы рад, ежели Херсонес стоял бы в степи и чтоб на три дня пути вокруг было пусто. Но Лука

тут же разбивает мои пораженческие доводы, напоминая, что в степи живительную влагу «не продают».

В Себасте еще пару лет назад тоже «не продавали» — в единственный соответствующий отдел на Пожарова сходился весь город, доходило чуть не до смертоубийства. Да и теперь немногим лучше — в центре «продают» только в одном месте, и очередь там уже с утра — мавзолейная. Но что делать?

Автобус мчит быстро, и вскоре мы уже в центре. Большая Морская (попросту — Бэ Морская) на месте, все по-прежнему, вот только кооператоров погуще стало. План ясен — перекусим в первой попавшейся забегаловке, где тараканов поменьше, а затем круг почета по магазинам. Занятие пустое, но надо уважить Луку. Это его любимое дело, тем более что он, с его фортуной, способен выудить кое-что интересное даже из здешних вымороченных точек. Впрочем, на этот раз Луке не везет. Времена пошли крутые, сигарет нет, пива, естественно, тоже... А это что за хвост? Все ясно, можно не спрашивать — «продают». А если по общепонятному — «дают».

Ненавижу севастопольские очереди! Во-первых, они длинные. Во-вторых, каждые пять минут обязательно начинают кого-нибудь лупить. Ага, уже лупят! Грешно, конечно, лезть без спросу, но все же...

Переглядываемся. Дело мертвое, стоять — дохлый номер. Эх, были денечки!.. Ну что, по коням?

Э-э, нет! Лука явно что-то задумал. Но что? Он, конечно, почти маг, но такая очередь... Ежели что — как стану я перед вдовой? Может, не надо, а?

Но Лука уже решился. Сумку под мышку, червонец в карман. Ну, ни пуха!..

Лука камнем из пращи облетает очередь и исчезает в какой-то темной и весьма подозрительной подворотне. Нет, Борис, зря мы его отпустили, на части ведь разорвут. Бедная Гусеница!

...Липкая жара мешает дышать, ноги готовы провалиться сквозь асфальт, очередь стоит нерушимо... Хоть бы знать, что жив он, наш Лука! Вот, еще одного лупить начали. А хорошо бьют, с душой! Эх, город-герой...

Лука! Живой!.. Живой-то живой, но, видать, не со щитом — в сумке пусто. Но он не сдается. Подмигнув нам и обойдя очередь с другой стороны, исчезает в соседнем магазине. Подземный ход ищет, что ли? Ну, это надолго.

Надо было, Борис, прямо домой ехать. Конечно, бутылка не помешает, даже очень не помешает, но не такой же ценой! Вон уже третьего колошматят... А ведь почти прорвался было! Не выйдет, здешняя публика немцев — и тех чуть ли не год сдерживала, куда уж тут без очереди... Разве что на танке. Лука, конечно, и танк может пригнать, с него станется...

Очередь все густеет, начинается истерика, особенно у тех, кто стоит подальше, кого-то скидывают с крыльца. Невысоко, и двух метров нет — но полтора точно будет. Вот-вот, Борис, и я о том. Так кому к вдове ехать?

Ну, хвала Творцу! Жив! Жив Лука наш! Что? Неужели... Есть? Есть!!!

Подробности потом. Ходу!

...Есть, есть, взяли, назло, несмотря, наперекор, наперекос... Ура!..

В автобусе лучше забиться в уголок, благо народу немного. Теперь можно и о подробностях. Лука — мастер чесать языком, но на этот раз его эпопея похожа на правду.

...Первый этап — выяснить имя товароведа и заодно — завскладом. Второй этап — на склад.

А потом все просто. Сначала диким воплем «Зинка!» — или «Верка!» — привлечь внимание, а дальше, как говорят разведчики, «легенда». Например, про комиссию по закрытию Крымской АЭС. Глава комиссии артачится, нужно его ублажить, иначе излучать миллирентгены всему полуострову от Ялты до Перекопа! Ясное дело, тут никакая Зинка не устоит, равно как и Верка, это вам не тюльпаны в январе, жить здесь всем хочется, даже товароведам.

Лука — гений, никаких сомнений. Ну ладно, а чем закусывать будем?

Маздона на Веранде нет, видать, ушел в гости. Много у него тут знакомых. Раньше, правда, ежели он оказывался в нетях, можно было бы смело делать вывод, что он у Ведьмы Манон. Но это дела хоть и не очень давно, но все же минувших дней. Теперь он просто в гостях. Ну, спешить не будем, тем более Лука как-то странно посматривает, усиками шевелит, копытами бьет...

Рабочая тетрадь. С. 4.

Предварительные соображения.

Экстрасенсорика в Херсонесе давно стала популярной. Даже если не обращать внимания на постоянные публикации о разного рода «фантомах», наблюдаются вполне реальные ежегодные скопления «колдунов», «магов» и прочих Нострадамусов. Наиболее характерное занятие — «подзарядка».

«Подзарядка» практикуется двух видов: от развалин и от луны. «Лунники» чаще всего собираются возле храма Св. Владимира. Что интересно, «подзаряжаются» они чаще всего не в обычной позе адорации (левая рука вытянута вперед, правая согнута в локте, ладони прямые), а в позе «немец под Москвой» (обе руки вверх, полусогнутые, пальцы почти прижаты к ладоням).

Объяснения:

прежде всего, конечно, мода на подобное, а также привлекательность старых развалин для любителей подобной экзотики. Вместе с тем:

— Херсонес находится в зоне мощной магнитной аномалии.

— Само существование города на протяжении двух тысяч лет неизбежно внесло серьезные изменения в энергетику места. Можно как угодно относиться к экстрасенсорике, но жизнь и смерть сотен тысяч людей не могли не отразиться на том, чем сейчас стал Херсонес. Иное дело, все читанные и слышанные «теории» для объяснений не годятся.

Прикладной экстрасенсорикой для нужд археологии никто в Херсонесе, насколько мне известно, еще не занимался.

Борис просит дополнить:

1. Два года назад наш общий знакомый В. проводил эксперименты с могилой Косцюшко.

2. Этой зимой по харьковскому каналу «Тонис» была показана передача об одной «кудеснице», снятой как раз на руинах Херсонеса. Дамочка, одетая во все черное, эффектно кружилась прямо на Крестильне Владимира.

Почему именно там? Ради кощунства?

Берем кружки, банку с ветчиной... Молодец, Борис, недаром ее сюда тащил! Водичку...

Пить в помещении пошло. Мы же в Херсонесе все-таки! Раньше, пока кураж был, потребляли все больше на Западном городище. Помнишь, Борис, какие там стены жуткие, когда луна светит? А пьется-то как!.. Впрочем, и где-нибудь поближе пойдет не хуже. Ну хотя бы там, прямо по курсу, где заросли.

Во-о-он добрые люди и лежак поставили. Ну, двинули? Э-э, ты куда, Лука? Ладно, догоняй, не заблудись только.

И вправду, место чудное — темно, тихо, какой народ и есть, то на море или у сараев... Как чем банку открывать, а мой нож на что? Ну и что, если без открывалки, а мы ее лезвием, лезвием, не впервой! Где же Лука?

Ждать Луку — последнее дело. Вообще-то говоря, на такое мероприятие грех опаздывать. Опасно. Ага, вот и он. Да не свались, здесь камни! Что? Ага, ясное дело...

...Причина задержки, конечно, более чем уважительная — для Луки, во всяком случае. Что ж, теперь у нас, выходит, соседи, а точнее, соседки. Не зря Лука копытами по земле скреб! Что, уже договорился? На чай, значит? Только не сажай их на мой лежак — мало ли что...

Борис, у тебя глаз-ватерпас, разливай. Ровнее, ровнее, ты же химик!.. Ну, поехали!

Что и говорить, водка в Херсонесе пьется не так, как дома. Словно вода — и не пьянеешь... Курнем, покуда курево не кончилось! Когда кончится, придется тебе, Лука, ехать к командующему флотом — он, кажется, курящий. Попросишь у него пару пачек...

Что ж, и все хорошее имеет конец. Нет, ребята, к соседкам я не пойду, давайте уж сами. Их две, вас двое, а я — уже перебор... Поброжу — сами знаете, как здесь вечерами дышится...

Итак, иду дышать.

Недалеко — тридцать метров вниз по тропинке. Монастырская стена, узкие ворота, две тропинки сходятся, ныряют к Итальянскому дворику.

Перекресток Трех Дорог — наше с О. место встречи, точнее, было таковым два года назад, но, кажется, время тут действительно стоит или ходит по кругу. Пусть Лука это обоснует с точки зрения физики, как раз на докторскую будет. А пока подождем, можно и на камешек присесть посреди травки. Тут уж никакая собака не заметит. Эх, конспираторы!..

Рука, уже ныряющая в карман штормовки за отощавшей сигаретной пачкой, замирает.

Время идет по кругу — О. уже здесь. Словно и не расставались, не прощались тут же, у Перекрестка, когда она твердо решила, что все-таки выйдет замуж, а я — просто так, эпизод.

Впрочем, нет. Ничего не стоит на месте — и ничего не возвращается. Но рассуждать об этом совершенно не хочется...

...Прошлое в легкой зеленой штормовке, прошлое без улыбки на знакомых губах, прошлое, прижавшееся лицом к моей груди, застывшее, холодное, безмолвное. Призрак, эхо, мертвый болотный огонь...

...Поднявшись по ступенькам и предвкушая вечерний глоток чая, натыкаюсь на замок — тот самый, что Лука из школы подводников притащил. Очень приятно, ключ-то один, и он как раз у Луки. Ну ладно, Маздон мог и у своих знакомых заночевать, у него это часто бывает. Но где остальные, половина третьего все же!.. Холмса бы сюда с его дедуктивным методом!

Впрочем, можно обойтись и без британской помощи. Где это те самые девицы проживают? Правильно, на втором этаже они проживают, вот и окна светятся... Лень идти, но надо же извлечь ключ!

Да, разгул в разгаре, разгар в разгуле. Ого, кажется, пили «шило», даже Борис слегка окосел! И вам добрый вечер — или доброе утро, как вам, милостивые государыни и государи, более по душе. Я бы, так сказать, не посмел бы, но... Во-во, именно ключ.

Ну что тут скажешь? Лука на боевой тропе. Ладно, подробности услышим завтра — в «Херсонесише беобахтер».

...«Херсонесише беобахтер» — наша любимая газета. Живая газета с бессменным главредом, супругой нашего уважаемого Сенатора Шарапа. Все новости благодаря ей узнаются не позже чем через час, в крайнем случае через полтора. Корреспонденты, конечно, тоже помогают. Эх, коммуналка!.. Иногда, правда, бдительность не срабатывает. Вот и о нас с О. в свое время как-то помалкивали. Впрочем, наверное, это все было в спецвыпусках для особо доверенных. Никак не поверю, что в Херсонесе можно что-либо спрятать. Положено прятать, другое дело. Ладно, пусть пишут, почитаем!

А хорошо на нашей Веранде — или, как говорит Борис, на Фазенде. А что? Вроде как целый дом посреди сада, рядышком море шумит... А ведь если бы Гнус не съел Слона, не видать бы нам Веранды-Фазенды. Могуч был Слон, страшен. Еще десять лет назад здесь всем заправляла легендарная троица — Слон, Гнус и Шарап, тогда еще не Сенатор. Слон жил в этом доме, словно граф в Лангедоке. Все здесь кипело, гудело, иногда да-

же ревело, но порядок был железный, вокруг даже охрана бродила, из бравых «афганцев», которых Слон обильно угощал спиртом. Спирта же у Слона было — залейся, как и всего остального. Посторонних «афганцы» отсекали четко. Один раз бедняга Лука, попытавшийся пробраться к какой-то девице-чертежнице, улепетывал от них быстрее лани. Это с его-то соцнакоплениями!.. А копал Слон делово, на две монографии накопал. Вот тут Триумвират и распался. Гнус, ясное дело, озлился — сам-то он научной славой похвастать не может. Напустил он на друга-Слона комиссию, да не одну. И сколько Слон хоботом ни размахивал, пришлось ему отсюда уходить. Говорят, все успокоиться не может, грозится вернуться...

...Съели Слона, повалили, повязали, погнали пинками, выкинули, выбросили, вслед плюнули. Тараканы суетятся в Слоновьей берлоге — ушлые, хищные, мелкие,-гадкие...

Неказист, тесноват херсонесский наш дом.
Даже койку свою ты находишь с трудом.
Ерунда! Не бывает уютней оазис
Между Сциллою «до» и Харибдой «потом».

Воскресное утро начинается с приступа поэзии. Лука, едва продрав глаза, начинает декламировать импровизированные вирши — естественно, о вчерашних своих похождениях. Лука — заслуженный херсонесский поэт. Лирика, правда, у него не очень удается, но что касается так называемой сатиры... Причем в самом прямом значении — про сатиров. Ну и про здешних нимф, естественно. Конечно, главным героем поэз является он сам — на то и Лука. Жаль, цитировать его можно только в мужском обществе. Еще бы! ...Пусть даже кровь моя застынет в венах, я буду трам-там-там на херсонесских стенах, когда взойдет Аврора золотая, я буду трам-там-там в тиши сарая... Золотая Аврора — смелый образ, однако!

Из прозаического комментария становится ясно, что поселившиеся рядом с нами залетные птички не имеют прямого отношения к археологии, зато знакомы с кем-то из окружения Гнуса. Вот и осели в этом богоспасаемом месте.

Борис слушает нашего акына с несколько скептическим видом, но помалкивает. Лука же смело строит планы — видать, и в самом деле встал на боевую тропу.

...Лука, Лука! Когда я впервые увидел тебя, а было это — ох

и давно же это было! — ты и впрямь был хорош. Но все проходит, усатенький ты наш. Где твой, штилем поэтическим выражаясь, стройный стан? И откуда эти обвислые щечки? Да еще Гусеница за спиной... Отгусарил ты, Лука! И я отгусарил, только я это понял еще после Второго Змеиного года, а вот ты все дергаешься, приключения ищешь. Наше с тобой дело теперь — зимой на печке греться, летом в Херсонесе тихо копать, а вечерами чай с мятой пить. А ты все в бой рвешься!..

Итак, воскресенье. А воскресенья тут жуткие.

В Херсонесе вообще нельзя не работать — тоска съест. В воскресенье же сюда набегают стаи пляжников, всюду визг, лай — и так до самого утра. Раньше мы, как выходной, все в горы норовили, хорошо бы и сегодня. Хотя бы на Каламиту — не маршрут даже, прогулка. Что, решили? Часа в три тронемся, а пока можно и на лежаке поваляться, в потолок поглядеть, авось мысли в голову придут... Не на пляж же идти, надоело за все эти десять лет!

...Толпа, толпина, толпище, сонмище, сбор, сброд, угукают, агакают, визжат, верещат, вопят, гадят, пачкают, плюют, паскудят...

Рабочая тетрадь. С. 4—5.

Исследования Казармы.

В 1906 году Карл Казимирович Косцюшко-Валюжинич прокопал очередную траншею в Портовом районе вдоль городской стены.

Копать траншеями — варварство, однако в случае К.К. — варварство неизбежное, поскольку монастырь требовал скорейшего окончания раскопок. Целью К.К. была башня Зинона, но в ходе работ его копачи наткнулись на огромные желтые блоки какого-то здания. К.К. раскопал его западную часть.

Название «Казарма» условное, поскольку существует предположение, что в здании находился гарнизон.

На самом деле Казарма (мнение Сибиэса, с которым я полностью согласен) — вероятнее всего, не одно сооружение, а остатки как минимум двух. Первое — эллинистического времени и весьма непонятного назначения. Его особенности — огромные окна, находки многочисленных фрагментов статуэток, в том числе религиозного характера. Второе здание — перестройка II—III вв. н. э., которая и в самом деле использовалась для размещения стражи, о чем говорит наличие мостика между городской сте-

ной и зданием. Вместе с тем казармой оно быть не могло, поскольку римские войска размещались южнее, в Цитадели.

Задача — определить назначение и время постройки «первой», эллинистической Казармы. Для начала — закончить раскопки участка Стены (см. выше).

Лука просит добавить, что назначение «первой» Казармы очевидно — это лупанарий...

...Все это так, но, боюсь, Д. не даст мне даже пятерых. Конечно, люди нужны ему самому, а он теперь — заместитель. Остается рассчитывать хотя бы на двоих и, естественно, на Бориса, который просто-напросто отказывается подчиняться Д., что тому приходилось до поры до времени терпеть.

Нет, не пойду на пляж! Так и буду валяться. Тем более солнце уже высоко, а обгорать — удовольствие ниже среднего...

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С. 8—9.

...Херсонес — самый поздний из городов, основанных греками-колонистами в Крыму. Из-за этого пришельцам не удалось найти места в относительно безопасном скифском окружении. Соседями херсонеситов стали тавры, с которыми греки не могли наладить контакт на протяжении всей истории.

Ранний Херсонес — небольшой город, располагался восточнее нынешнего храма Св. Владимира. В портовой части и на северной стороне находился некрополь. Стена, окружавшая город, была невысокой и наскоро построенной, поэтому уже в IV в. до н. э. встал вопрос о строительстве новых укреплений.

Население раннего Херсонеса едва ли превышало 1,2 тыс. чел. Считается, что город основали 400 семей из Гераклеи, во всяком случае, именно столько участков было размежевано на Маячном полуострове. Население делилось на 4 сотни (гекатойи). Существовали три филы (городских объединения), называвшиеся, возможно, по примеру Гераклеи, Фивийской, Дионисийской и Мегарской. Иной вариант: филы гиллеидов (Геракла), диманов (Аполлона) и памфилов (Деметры).

Кроме полноправных граждан, в Херсонесе жили периэки, возможно, греки не из Гераклеи...

На Каламиту идем в самую лютую жару, когда хочется одного — лежать в теньке на топчане и мечтать о вечерней прохладе. Но расслабляться грех, к тому же надо постепенно набирать

форму — впереди маячат горы, настоящие, куда не сходить поистине грех. А для тренировки и Каламита сойдет. И Борис там еще не был, и Луке, дистрофику нашему, следует встряхнуться.

На Каламиту можно идти с закрытыми глазами — места знакомые. Да и что по дороге смотреть? Хилые инкерманские сады? Адову пасть известнякового карьера? Лучше так и идти с закрытыми глазами прямо до Каламитской горы. Тут можно глаза открыть и смело лезть наверх. Благо невысоко — не Мангуп и даже не Чуфутка.

...Ну вот, Борис, это она и есть. Негусто нам оставили предки, но в Балаклаве и того меньше. Конечно, Лука, в Балаклаве можно купить пиво... Только это раньше его можно было купить, теперь разве только ты выдашь себя за внука командующего флотом... Да, турки тут тоже были — это, собственно, их башни, но до этого несколько веков хозяйничали теодориты. Были и такие, ни в одном учебнике, правда, не встретишь, но были, княжество Теодоро, Твердыня Господня. Стерегли вход в Инкерманскую бухту, все с генуэзцами грызлись, пока турки и тем и другим чесу не дали. Совершенно верно, это монастырь. То есть был, и прикончили его, естественно, не турки.

...Стены, разбитые снарядами, стены, сокрушенные бульдозером, стены, осквернённые похабными граффити, стены рухнувшие, в серой горькой пыли, в зеленых пятнах колючек, бесполезные, бессильные защитить и уберечь... Твердыня Господа — мерзость запустения...

Верно, закат тут красивый. Все, что осталось здесь красивым, — это закат. Не добрались пока до солнца! Ну-с, можно спускаться. Не отставай, Лука, понимаю, что дверь узкая, а ты бочком, бочком...

Рабочая тетрадь. С. 5.

Каламита.

Пещерный монастырь Св. Климента Римского. Церкви Св. Георгия и Св. Мартина. Наиболее ранняя датировка — XII в., вероятно все же — на два века позже. Наиболее близкие аналогии — пещерные храмы Каппадокии. Уникальная форма креста в церкви Св. Мартина.

У подножия горы — монастырь XIX в. На вершине — скит.

Хуже, чем два года назад. Фрески в пещерном храме выжжены. Смотреть нечего.

С Каламиты возвращаемся уже в сумерках. Маздон ждет нас на Веранде. Наш фотограф ворчит — и заваривает чай с мятой. Это его фирменный чай, тем более мята здесь отменная, да и сахар пока еще есть. Живем!..

Маздон и вправду ночевал у своего знакомого пожарника — того самого Ирода, который так не любит розетки. Впрочем, как выяснилось, пожарник — тоже изрядный маздон и даже коммунист проклятый. И все прочие — тоже!

В прежнее время после такого заявления Маздон брал спальник и уходил ночевать куда-нибудь на Западное городище. Неужто и в этом году опять? Если так — силен!

Лука, лишь отхлебнув из кружки, начинает суетиться — спешит на боевую тропу. Но Борису данный вариант уже явно надоел, да и в этот вечер у нас с ним есть куда более интересное дело, чем охота на перезрелых девиц.

Перекуриваем. Лука, резво перебирая ножками, направляется куда-то за угол...

Рабочая тетрадь. С. 5—6.

...Экстрасенсорное исследование Казармы.

Время — 21.00 — 21.35. Погода — ясная, ветра нет. Освещение — минимальное. Цель — поиски южного входа. Каждый из нас действовал по очереди, не сообщая о своих выводах.

Оценка виденного:

Цвет стен — светлый, белый (я), светлый, желтоватый (Борис). Ясно ощущается тепло. Развалины Казармы на удивление «теплые», не найдено ни одного «холодного» участка. Мы исходили из уже установленного эмпирическим путем правила, что место входа в здание всегда несколько «теплее», что проверялось неоднократно, в том числе и в Херсонесе.

Вероятное расположение входа — южная стена пом. № 60. Размеры — 2,2 м.

Предположение выглядит несколько неожиданным. Возможность такого никогда не обсуждалась, Сибиэс и Д. считают, что ворота должны находиться западнее приблизительно в 20 метрах.

Перспективы реальной проверки минимальные, поскольку именно в этом месте внешняя стена Казармы разобрана полностью, включая фундамент. Вместе с тем даже предположение о наличии входа (точнее, ворот) именно у южной стены пом. № 60 позволяет сделать некоторые любопытные выводы, о которых ниже.

Субъективное впечатление: чистота эксперимента все-таки сомнительна, мы могли «увидеть» и «почувствовать» не остатки входа, а что-то совсем иное...

Мы сидим с О., как когда-то, на моей штормовке, говорить нет охоты, да и не о чем. Даже странно, что мы с ней могли когда-то досиживать вместе до рассвета. Почему-то хочется спать, хотя раньше думалось, что в Херсонесе спать хочется только утром, когда надо идти на работу. Впрочем, днем тоже хочется, и даже вечером. А вот ночью...

...Ночной Херсонес не похож на дневной. Тьма зализывает раны, и мертвый город становится как-то выше, серьезнее. Страшнее... Конечно, в центре, где все уже копано-выкопано и цементом залито, спокойно, приятно, туда и гулять все ходят. В монастырском саду прямо чистый рай, недаром его Гефсиманским прозвали, каждую ночь милиция парочки оттуда гоняет. Этот, ближний Херсонес даже ночью тихий, какой-то ручной. А ежели пройти от нашей Веранды налево да за холм перевалить — вот там, посреди мертвого, не копанного никем Западного городища, — там лирики мало. Зубья стен в лунном свете пострашнее здешних привидений, мертвая желтая трава кажется каменной. Херсонесская саванна...

У западных стен мы часто любили собираться ночью. Давно, правда, это было... Как там пьется шампанское! То есть пилось, конечно... Оно даже не пузырится — стоит в кружке ровно, как ртуть. Прибоя не слышно, не видно огней Себасты, только над головами Млечный Путь и этот оскаленный лунный череп... Потому и не любят Западное городище здешние влюбленные. И вообще, нынешняя публика ночью там не шляется, да и я там давно не был. Хоть и под боком — только за холм перевалить.

И после всего этого меня обвиняют в херсонесской мистике!

О. молчит. Ее губы равнодушны и холодны, как в ту ночь, два года назад, когда мы с ней расставались...

...Борис с Маздоном спят, Лука же, как ни странно, скучает у входа, рядом с нашим покойным источником. Но даже тьма не может скрыть его печаль.

Держи, Лука, кури! Помялись немного, забыл пачку из кар-

мана штормовки вынуть, как тут не помяться? Вот кончится курево, тогда будешь доставать у адмирала... Что, обидели? И сильно обидели? А ты ей стихи читал? А про привидений здешних рассказывал? А про?..

Тяжелый случай... Ну, ничего, главное — бодрости не теряй. Только ежели будешь звать ее к нам, не сажай на мой лежак. И кружку мою не давай. И вообще, держи свою кружку-ложку отдельно!..

Новолуние. Стен еле виден разлет.
В полночь тень из могилы разбитой встает.
Вслед за нею другие — от края до края.
«К нам иди! Ведь ты наш!» — кто-то тихо зовет.

Кто из нас не любит скрежет будильника? Я тоже не люблю, тем более в Херсонесе да еще без пятнадцати шесть. Нет, тут лучше вообще не ложиться! Но делать нечего — многолетняя привычка берет верх. Вскакиваю, тормошу Бориса. Впрочем, Борис, образцовый офицер, уже и сам встает. Маздон и Лука, естественно, мирно спят. Маздон — по долгу службы, фотографу спозаранку делать нечего, а вот Лука — по одному ему известной причине. Попытки его растормошить заканчиваются только невнятным бормотанием и подергиванием усиками...

Ясно! Не видать мне в этом году Луки на раскопе. Жаль, копал он отменно, а в давние годы вообще был орел, порою даже за руки хватать приходилось, настолько увлекался. Но что делать, и это проходит. Неужели и у меня пройдет? А вот дрыхнет Лука классически, во сне у него совершенно детское выражение лица, вдобавок посапывает он так беззащитно, что поистине неотразим. И усики, усики! Ах, тюленчик ты наш!..

А ведь точно — тюлень!

Утренние минуты расписаны уже много лет назад. Пайковая кружка воды (ровно полтора стакана) идет на умывание, а в это время кипятильник исправно булькает, обещая порцию кофе. Без кофе тут делать нечего, особенно когда ложишься спать в полтретьего — или в полчетвертого. Ну а там — обязательная сигарета, покуда таковые еще в наличии, и — с богом! Труба зовет.

...Полевая сумка, рейка, кепка... Все? Все!

Звание ветерана ко многому обязывает. Например, к тому, чтобы не опаздывать на работу. Особой необходимости в этом

нет, пять минут, скажем, ничего не решают, но кураж есть кураж. Мы с Борисом все годы четко следуем этому правилу. Д., кстати, тоже, но не из уважения к обычаю, а по долгу службы.

Кофе допит, сигарета догорела... Все, Борис, нас ждут великие дела!

Проходя мимо сараев, обнаруживаем знакомую по прежним сезонам картину — молодняк еще спит, а Д. исправно пытается их разбудить. Когда заместителем был я, решалось все просто: совковой лопатой — да об дверь, благо двери железом обиты. Ох как вскакивали! Ну ладно, новые времена, новые традиции... Знакомая аллея, поворот, еще один, теперь вниз... Кто как, а мы уже на месте.

...Да, Борис, заросло классически! Естественно, там, где копано, трава растет быстрее. Ничего, почистим! А кого будем просить у Д. в помощь? Сам понимаю, что Птеродактиля не заменить, но все же... Ладно, так и поступим. А вот, кстати, и Д.

Д. появляется на раскопе не в самом лучшем настроении. Прекрасно его понимаю: первый выход на работу, и сразу же — опоздание личного состава. Интересно, а чего он ожидал после трех дней безделья? Еще денек пооколачивали бы груши — вообще б разбежались. Хорошо, что Сибиэс этого афронта не видит. Впрочем, кажется, вождь на раскопе показываться не спешит. Его, конечно, воля. И то правда, а мы с Д. на что?

Переговоры недолги. Прошу двух ребят — Володю и Славу. Володю знаю давно, копал с ним еще пару лет назад. Он — «афганец», парень серьезный и, главное, знакомый с правилами нашей игры. Слава же, судя по всему, — молодой шалопай, но за него ручается Борис. А больше тут брать и некого, не зелень же практикантскую.

Д. морщится, но соглашается. Себе он оставляет всех прочих, а ведь это, считай, полтора десятка. Хотя половина из них — девицы, да еще первокурсницы. Ну, ничего, справится как-нибудь.

Та-ак, а вот и личный состав на горизонте... Борис останавливает Славу, я подзываю Володю — и можно начинать. Но сначала, естественно, небольшая лекция — это тоже традиция. Да и самому не грех лишний раз мысли перед работой в порядок привести.

Про международное положение опустим, про дискуссию в Верховной Раде тоже...

...Ну-с, уважаемые коллеги, мы с вами находимся в так называемом Портовом районе, где наша славная экспедиция копает уже третий десяток лет и будет рыться, ежели не выгонят, еще столько же. То, на чем мы стоим, было когда-то средневековой усадьбой. Осознали? Так вот, она нас не интересует — мы ее уже раскопали. Под ней видите камешки? Да-да, эти серенькие... Так вот, на ее месте стояла усадьба первых веков нашей эры. Мы ее тоже раскопали. Стало быть, пойдем дальше, до воды. Здесь, Слава, водичка грунтовая подступает, так что как раз до нее и дойдем. А это уже эллинизм, аккурат до Александра Македонского доберемся...

И это осознали?

Копать будем здесь, в этом помещении под номером, дай бог памяти, 60-а. Верно, Слава, здесь есть еще и 60-б, и просто № 60. Здесь вообще много чего есть... А выкопать мы должны Стеночку. Вот видите, в соседнем помещении мы в прошлом году кусочек ее уже обозначили... Да-да, именно эта Стена, и именно от этой самой Казармы, вы правы, Володя. Но чтобы сие доказать, надо еще поглядеть, куда она идет... Вот-вот, именно, Борис, кому-то на кандидатскую. Да-с, но чтобы начать копать... Это я для вас, Слава, говорю, остальные волки опытные... Так вот, для начала надо всю эту травку того... Козьим способом. Самое неприятное дело, но куда деваться? И не только здесь, но и по стеночкам, и даже чуть дальше. А затем, Слава, что все это будет сфотографировано и пойдет в отчет. Дело нудное, заранее сочувствую... Итак, операция «Травка зеленеет».

Рукавицы, кажется, взяли? Прелестно, прошу начинать.

...Трава идет за нами по пятам, прорастает сквозь порушенную землю, колючая, упирающаяся в рыхлую пыль желтыми корнями, неистребимая, восстающая зеленой стеной каждый год, умирающая под беспощадным солнцем, вновь оживающая... Зеленый саван над руинами, покрывало милосердной природы, наброшенное на мертвый город...

...Совсем забыл — обязан, как и полагается, объявить, что за сто найденных монет — шампанское. Но поскольку здесь мы больше десятка не найдем, снизим порог до полусотни. Да, Слава, представьте себе, было когда-то и такое — пивали, еще при Старом Кадее. Сам понимаю, что не найдем, но — традиция.

У Д. между тем работа уже кипит. Вообще-то говоря, ежели

в раскопе кипит работа, то это не бог весть как хорошо. Работа не должна кипеть, лучше всего, чтобы все проходило спокойно, без суеты, тем паче без кипения и, как идеал, без всяких команд. Но тут уж мы с Д. не сойдемся, на раскопе он — истинный фельдфебель. Впрочем, подобным образом работать можно только с такими, как Борис, — или с такими, как Птеродактиль, Дидик, Крокодил, Граф... Да где они теперь?

Ну, пока травка щиплется, займемся прозой, но прозой важной — инструментом. Дело в том, Слава (работайте, работайте!), что инструмента всегда не хватает. Так вот, в свое время, года этак четыре тому назад, я, учитывая эту вечную ситуацию, достал себе две личные кирки, и теперь их следует найти. Поскольку здесь их, как видите, нет, схожу к соседям. Конечно, Слава, кирки, в принципе, похожи. Между нами говоря, все это — не археологический инструмент, но настоящий археологический инструмент мы можем увидеть, увы, только в справочниках. Но из того, что у нас есть, это — самое лучшее. Первая кирка легкая, прекрасно набитая, для тонкой работы. Ну а вторая — мое знаменитое кайло «Ласточкин Хвост». Что, Володя, помните? Рубить им — одно удовольствие. Дело в том, Слава, что у этого кайла маленький носик, зато длиннющая хвостовая часть, и если надо снимать землю пластами... Знаю, Борис, что не по методике, но это мы пройдем завтра... Так вот, в этом случае кайло незаменимо. А что нам еще нужно? Правильно, Володя, еще нам нужны две совковые лопаты, три ножа, медорезка. Веники и так есть... Ну и хватит с нас покуда.

Как я и думал, мое личное оружие уже в жадных практикантских ручонках. Молодежь рычит, не желая отдавать инструмент, но, к счастью, обе кирки имеют метки — мою тризубую тамгу. Тут уж крыть им нечем, Д. тоже помалкивает — у него своя кирка имеется. Оттаскиваю инструмент к раскопу, заранее прикидывая, где будет лучше оставлять его на ночь, дабы не волочь каждый раз на горбу. Да, Борис, именно под тем кустом, где и в прошлом году. Авось туда никто заглядывать не станет...

Господа офицеры, не вижу темпа! Прошу, прошу, какой еще перерыв?

Итак, дело пошло, значит, пора чем-нибудь заняться и мне. Например, дневником, той самой тетрадью, где еще следует отчертить поля.

...Дневник, в данном случае не личный, а полевой, довольно мудреная вещь. Лично я учился нехитрому искусству записывать ежедневные археологические впечатления лет пять. Д. пока только осваивает эту науку, время от времени честно штудируя мои записи. А сие совершенно необходимо, ибо любая комиссия первым делом смотрит что? Правильно, полевой дневник. Значит, поля должны быть аккуратными, писать следует только на одной стороне листа, а другую украшать чем? Именно — рисунками и схемами. Чем больше рисунков — тем лучше.

Ну ладно, вспомним-ка великий и могучий рыбий язык полевого дневника. Итак...

Дневник археологических раскопок
Портового района Херсонеса. 1990 г.
Лист 4.
...Начали работу на месте пом. 60-а средневековой усадьбы № 9. В последний раз работы здесь велись в 1989 г. Описание помещения будет дано ниже.
Начали зачистку пом. 60-а...

...А еще следует не забыть ангажировать Маздона, чтобы все сие запечатлеть. Солнышко будет в нашей яме этак к полудню, даже чуть попозже, значит, Маздона надо позвать к часу. Правда, контражур останется... Ничего, сойдет.

Борис, у тебя еще есть сигаретки? Мерси... А кстати, сколько у нас пачек осталось? Н-да... Слава, вы ведь некурящий? Как, и вы курящий?! Эх, времена!.. Ну ладно, Слава, идите-ка ко мне. Внизу с травой уже все нормально, но вы взгляните отсюда. Дело в том, что аппарат возьмет чуть шире, значит, в объектив полезет эта ерунда из соседнего помещения. Правильно, Борис, вырывать ее ни к чему, а вот срубить необходимо. И стенки, стенки, Слава!.. А потом все веничком, веничком, чтобы следов не оставалось, а то они так хорошо видны на фотографии!.. То-то сраму будет, давеча один отчет проглядывал, а там прямо посреди снимка — следы человечьи.

Позорище!

Володя, вы правы, зачистить бы не грех. Вы же копали в степных экспедициях? Именно — зачистить до «зеркала». Только здесь не получится, сами знаете. Почему, Слава, не получится? Ну, понимаете, чтобы зачистить помещение, хотя бы это, надо срезать верхний слой земли штыковой лопатой. Так обычно делают в степных экспедициях, где земля мягкая, лучше всего если чернозем, там это «зеркало» обязательно. А у нас, увы, суглинок с битым камнем, так что не выйдет... Очень жаль, полностью с вами согласен, настоящее «зеркало» дорогого стоит!

А что там у соседей? Ага, Д. куда-то засобирался. Ясно, дела административные, Сибиэса нет, и бедняга Д. отдувается за двоих. Ну, теперь его команда разбежится, это уж точно. Ладно, время еще есть, успеет...

Солнце начинает печь немилосердно, по-настоящему, по-херсонесски. Надо не забыть отдать приказ, чтобы завтра все были в головных уборах, что совершенно необходимо, дабы не словить солнечный удар. И, конечно, обувь. Обувь должна быть закрытая... Это, Слава, столь же обязательно, как и запрет бегать по стенам и курить в раскопе.

...Нет, Слава, я и сам точно не знаю, почему нельзя курить в раскопе. По-моему, просто дурная примета. Впрочем, начальник — я в данном случае — курить имеет право и, как видите, курит. А вам нельзя. Да, Борис, может быть, из-за того, что окурок попадет в культурный слой и спутает хронологию. Хотя едва ли кто-либо поверит в древнегреческие окурки!

...Так, соседи явно решили пошабашить. Карантинная бухта в двух шагах, сейчас пойдут плескаться, потом разомлеют, потом начнут мазут с себя смывать. Выходит, Д. придется доводить до ума свои владения еще и завтра. А у меня... А у меня вроде порядок, козья работа выполнена... Еще во-о-он ту травиночку, Слава! Именно, именно... Теперь можно всех отпустить, предварительно спрятав инструмент и попросив Бориса поторопить Маздона.

Ну, как? Красиво? Нет слов!

Ага, вот и Маздон! Ну, все готово, будем оформлять. Куда рейку поставим? К южной стене — так к южной. Цифры, как полагается, верхней частью на север... Все правильно — «60», без буквы «а» обойдутся, и так понятно. Годится! Ну, поехали!..

Конечно, конечно, Маздон, не будь я таким лентяем, то давно бы научился и сам фотографировать. Наши раскопы, по крайней мере... Ладно, а теперь снимем все это с той стеночки...

Во время очередного перекура Д. не без удовлетворения со-

общает, что с питанием личного состава кое-как устроилось. Сибиэс договорился со школой, той, что на Дмитрия Ульянова, дабы нас кормили завтраками вкупе с обедами. Д. выглядит чуть ли не счастливым, ибо стадо практикантов и вправду нуждается в регулярной кормежке. А по мне так лучше суп из тушенки варить, знаю я эти севастопольские школы!

...Вот поэтому Д. — заместитель, а я — нет.

Дневник археологических раскопок
Портового района Херсонеса. 1990 г.
Лист 4.
...В 13.00 пом. 60-а было сфотографировано фотографом экспедиции. Работали с 6.30 до 13.00.

Первый рабочий день на исходе, и что мы видим? Старый Кадей за такие темпы головы поотвинчивал бы, у него все летали пчелками. А нам — куда летать? Так себе, ползаем. Что ж, направим стопы наши грешные обратно на Веранду. Авось Лука не всю воду выхлюпал, кружку, чтоб умыться, оставил. Или хоть полкружки...

Невдалеке от Веранды вижу новые лица. Вернее, лица как раз не новые — передо мной двое почтенных херсонесских ветеранов, Саша и Андрей. Приехали из Питера, копают у Гнуса уже пятый год, а то и шестой. Они из той вымирающей породы, которая ездит сюда бог весть за чем, во всяком случае, не за диссертацией или бесплатным пляжем. Андрей и Саша — не историки, технари, оба преподаватели, Андрей, по-моему, даже доцент. Но вот надо же, каждый год исправно направляются сюда махать кайлом. Правда, таких, как они, с каждым годом все меньше и меньше. Мы, старики, даже стали как-то смущаться. Вот Саша — как пел под гитару! А в последний год все молчал — не заставишь.

Ну, привет, привет! Ну что ты, Саша, куда там не изменился!.. Давно приехали? А где разместились? А-а, так мы соседи! Как, Саша, ты и гитару не взял? Это жаль, жаль, все понимаю, но жаль. А с сигаретами здесь плохо. И с этим делом плохо... А то, что захватили, — это хорошо! Конечно, «Стрелу» я курю, сейчас я все курю. И с этим дело тоже плохо. «Легендарий» открыт, но сами знаете, сколько там дерут! А мы, как в прошлый год, на Слоновьей Веранде — и Маздон, и Борис, и Лука. Так

что ждем вечером на чай с мятой, хоть поговорим. Нет, не верю, что вы в последний раз. Я уже три года говорю, что в последний раз, — и все еду... Ну заходите, будем ждать.

Сползаются ветераны! А ведь им у Гнуса несладко — недаром его экспедицию, его Золотой Легион, Восточным фронтом зовут. Это у нас сейчас лафа, только встаем рано. Хотя, с другой стороны, помахал киркой — и в час дня свободен. При Старом Кадее такого разврата не было...

И чего делать, Борис? В город рванем, что ли?

В город так в город. В Севастополе, как всегда в это время, жарко, всюду очереди и патрули в белых кителях. Привычно обходим книжные магазины, на всякий случай заглядываем в продуктовый и от полной безнадеги заваливаемся в первую попавшуюся видушку, где честно внимаем похождениям банды вампиров. Поучительное, конечно, зрелище, но уже успело как-то поднадоесть. Да и по сравнению с тем, что по телевизору в «Новостях» показывают, вампиры выглядят несколько бледновато... А в общем, обидно — за вампирами мы, что ли, по такой жаре сюда ехали?

...Но Провидение бдит. У поворота на улицу Древнюю, в нашем совершенно забытом богом и людьми «Дельфине» (не тот, что ресторан, а тот, что магазин) видим странное шевеление. Предчувствие, томящее, сладкое, охватывает наши измученные души. Нет, Борис, этого не может быть, не поверю!.. Ладно, зайдем, чего нам терять-то? Все равно этого не может быть.

Не верю!

Приходится, однако, верить — прямо на прилавке лежат сиротливые пачки «Стрелы», и малахольный дедок, забыв, в какое время живет, приценивается к одной из них. Есть бог, есть бог, Борис! По сколько даете?! По десять? Ну так давайте!!!

Десять пачек — десять дней жизни! Ну пусть восемь, пусть всего неделю!..

...Первая затяжка, спросонья, под глоток наскоро сваренного кофе, предраскопная, самая сладкая, неповторимая, прогоняющая одурь... Не вставший под скрежет старого будильника в сером утреннем полумраке не поймет, не посочувствует, не оценит, не поделится последней сигаретой из пачки...

Долго курим, сидя на случайной уличной лавочке, все еще не придя в себя от нежданной, невиданной удачи. Десять пачек курева, неделя жизни! Ах, как славно, ах, как хорошо!

А помнишь, Борис, в прошлом году мы все болгарские искали, а феодосийскими брезговали? Я все «Родопи» выглядывал, от прочих нос воротил. Ты прав, много ли человеку нужно?

На Веранде наконец видим Луку — впервые за день. Вечер только надвигается, но Лука явно возвеселился душою. Ежели ему верить, наш герой напросился в гости к какому-то совершенно незнакомому «каплею», сиречь капитан-лейтенанту славного Черноморского флота, и они совместно опустошили имевшиеся у этого «каплея» две бутылки. При этом Лука, естественно, выдавал себя за уволенного из армии майора.

...Заливает? Не удивлюсь, ежели правда, и не такое бывало.

Так ли, не так ли, но Лука снова бодр и начинает увлеченно строить дальнейшие планы. Похоже, в его планах произошла какая-то перемена, и он уже не так настойчиво собирается добиваться благосклонности наших соседок. Ага, там появился какой-то Толик... Толик? Насколько я помню, это один из подручных Гнуса, хилый такой стрикулист, но очень вредный. Ну, поглядим, поглядим, Лука, неугомонный ты наш.

Вечер опускается на Херсонес. Сегодня, как и вчера, нет туч, и солнце погружается прямо в воду, заливая горизонт неверным перламутром, прощальный свет падает на серые колонны, из-за неровной глыбы храма Владимира наползает мрак...

Рабочая тетрадь. С. 5—6.

...Экстрасенсорное исследование Казармы.

Время — 20.40 — 21.20. Погода — ясная, ветра нет. Освещение — минимальное. Цель на этот вечер — проверка вчерашних выводов и поиски северного входа Казармы. Порядок работы прежний.

Общие впечатления.

Казарма действительно очень «теплая». Для сравнения использовали так называемый «храм с аркосолями», находящийся в сорока метрах южнее Казармы. В храме отчетливо ощущаются «холодные» участки в районе северной и южной стен. В самой Казарме такого не обнаружено.

Северный вход в Казарму мог находиться под входом в средневековую церковь, построенную в X веке, однако проверить это совершенно невозможно, поскольку руины средневековой церкви

не подлежат сносу. К тому же «тепло» входа самой церкви экранирует более ранние слои.

Общий вывод: результаты не могут быть признаны сколько-нибудь достоверными и заслуживающими дальнейшей разработки.

Уже в полной темноте заходит Саша, Маздон заваривает свой знаменитый чай с мятой, и мы сумерничаем, вдоволь вспоминая прежние годы и тех, кто когда-то здесь копал. О некоторых приходилось слышать, но о многих — ни слуху ни духу. Ваган, наш старый приятель, уже второй год воюет в Карабахе, черт его туда занес, ереванского доцента... О себе Саша говорит неохотно, я лишь понимаю, что личная жизнь у него не особо клеится, вторая — если не ошибаюсь — супруга не очень с ним уживается, да и с работой что-то не так. Неудивительно, что Саша забросил гитару. А как он пел!.. Впрочем, что говорить, многие пели под этими звездами. Да где они теперь?

...Голос гитарной струны над разрушенным городом — неповторимый, певучий, яркий, прогоняющий призраки, собирающий уставших за день, дающий силы... Голос медной струны, голос живых, собравшихся среди этой Мертвой страны, негромкий, памятный, исчезающий в подступающих сумерках Забвения...

Луки нет, Бориса нет — ушли в поход, не иначе на охоту, Маздон ложится спать, а я бреду к Эстакаде. Там быт уже устоялся. Сама Эстакада пребывает в полном забвении — молодняк ее обходит стороной, — зато невдалеке выстроен временный, но достаточно добротный стол, за которым, насколько я уже успел убедиться, наша юная поросль принимает пищу посменно. Создается впечатление, что едят они почти круглые сутки с небольшим перерывом на сон. Вот и сейчас небольшая компания уминает какое-то варево, а еще несколько орлов и орлиц тусуются с банкой заваренного чая, ожидая своей очереди. Можно только позавидовать этакому жизнелюбию. Молодые, румяные, без комплексов, а как щеками двигают!..

Сижу на Эстакаде и покуриваю «Стрелу». На меня почти не обращают внимания, что, конечно, к лучшему. Я чужой на этом празднике жизни, где едят, едят, едят...

О. появляется внезапно, присаживается рядом. Встаю, одергиваю штормовку, на всякий случай кошусь на публику. На нас не смотрят.

Едят.

О. передергивает плечами, берет меня под руку...

...Маздон третий сон видит, зато появились Лука с Борисом. И не просто появились — разместились на одном из лежаков и дуются в «деберц». Очень хочется чаю, и я, правда, без особой надежды, заглядываю в наш котелок. Удивительно, но полкружки заварки еще осталось. После этого можно и покурить...

...О. почему-то не нравится, когда я курю. Кажется, это что-то новое, раньше на такое она не реагировала.

Пока я дымлю «Стрелой», сбрасывая пепел в пустую консервную банку, Лука пытается изложить хронику боевых действий на соседском фронте. Слушаю его вполуха, понимаю лишь, что Толик (вспомнил! Толик по кличке Фантомас!) по-прежнему маячит на горизонте, но какое-то продвижение все же имеется. Во всяком случае, завтра эти дамы нанесут нам визит.

Эх, Лука, Лука!.. Три дня — и речь все еще идет о каком-то визите с питием чая! Нет, на пенсию, на пенсию, дорогой. Рыбку ловить будем, мемуары писать...

Рабочая тетрадь. С. 6—7.

...Из известных мне экстрасенсорных опытов в Херсонесе интерес представляет случай, рассказанный В. Его достоверность подтверждает Борис, при этом присутствовавший, а также еще трое, включая Женьку, Сенаторова сына. Последнего, впрочем, в расчет можно не принимать.

Два года назад В., экстрасенс неплохой, лечивший всю нашу экспедицию, решил провести опыт у могилы Косцюшко-Валюжинича, похороненного за храмом Владимира. Время — поздний вечер. В. и все присутствовавшие были совершенно трезвы.

В. попытался послать в сторону могилы, как он говорит, «сгусток энергии», или же «плазмоид» (терминологию оставляю на его совести). При этом он стоял у самой ограды, следовательно, в полутора шагах от памятника. После нескольких попыток В. почувствовал, что «плазмоид» возвращается. Через некоторое время он ощутил страх, опустил руки и быстро отошел в сторону.

Все это недостойно даже упоминания, если бы не одно обстоятельство: все присутствовавшие подтверждают, что лицо и руки В. начали светиться бледным, бело-голубым светом. Явление продолжалось несколько минут. Сам В. ничего этого не видел.

Опыт был повторен через два дня с тем же результатом, но свечение на этот раз было слабее. В. вновь ничего не смог заметить, хотя субъективные ощущения оставались прежними.

Оценка: крайне недостоверно, несмотря на совпадающие свидетельские показания. Одному могло почудиться, другие тут же поверили и тоже «увидели». А в целом опыт глупый и очень опасный...

Мы выходим с рассветом горячего дня.
Скоро будет стонать под кирками земля.
А пока — тишина. Только чайки на стенах.
А под ними лишь мы — черный строй воронья.

...И вновь солнце не спеша выползает из Карантинной бухты, серые чайки по-хозяйски бродят по обломкам стен, вдали копошится отряд товарища Д., а наша боевая четверка, доблестный отряд «Стена» стоит на краю помещения номер 60-а...

...Борис, Слава, прошу за инструментом! Слава, вы сегодня опоздали, причем на восемь минут. Пока ничего, а в следующий раз — десять отжиманий. Так... Нас четверо, значит, кирка, лопата и двое на выносе. На кирке будем меняться, в общем, все как всегда. А вот что такое «как всегда», вам, Слава, надо будет разъяснить...

Но прежде — немного магии. Священная процедура — первый удар киркой в сезоне. Этот удар должен лично нанести кто? Правильно, я. Где моя, именная?

Ну, раззудись плечо!..

Так вот, Слава, раз вы еще не работали с киркой, взгляните. Есть два способа работы. Вначале показываю ортодоксальный, по всем правилам.

...Борис, не хмыкай, сам знаю, что у нас его не применяют, но я начальник или куда? Так вот, Слава, берете кирку и осторо-о-ожненько копаете носиком, при этом держа его почти параллельно земле. Копаете, потом отбрасываете. Но-о-осиком, клю-ю-ювиком... Совершенно верно, никакой производительности, но все-таки запомните на всякий случай. Не нравится, правда? Мне тоже не нравится, посему показываю способ неправильный, но результативный. Берете кайло... Да-да, именно «Ласточкин Хвост», и этим самым хвостом — не клювом, клюв тут слишком короткий — выворачиваете кусок побольше. Р-р-раз! Затем аккура-а-атненько по нем сверху — хлоп! И — выбираете находки. Как видите, все целое, ни одно-

го свежего скола. А вот если киркой землю царапать, то половину разобьете. Лучше? И мне так кажется, а вот Старый Кадей нас бы этой же киркой за такое варварство — да по головушке... Нет, при мне никого не бил, но однажды погнался...

...Мальчик был полон высоких идей. Сзади подкрался Старый Кадей. Старый Кадей размахнулся киркой — мальчик нашел себе вечный покой...

Итак, повторяю: сначала — «р-р-раз!», потом — «хлоп!». Только не вздумайте поднимать кирку выше головы, так и убить кого-нибудь можно. Теперь находки — в лоток... Лоток — это наш ящик... Находки — в лоток, землю в ведра — и в соседнее помещение. Я его раскопал лет шесть назад, я его и закопаю. Нет, никакого криминала, помещения и полагается закапывать, чтобы стены не рухнули. По-научному, Слава, это называется консервация...

Ну, Борис на кирке, я и Володя — смена, Слава, прошу пока к ведрам... С богом!

Дневник археологических раскопок
Портового района Херсонеса. 1990 г.
Лист 5.

...Работу начали в 6.30. Работали в том же составе. Начали раскопки пом. 60-а.

Пом. 60-а имеет прямоугольную форму, его длина 5,6 м, ширина 2,5 м. Помещение ограничено стенами, описание стен будет дано ниже.

На месте пом. 60-а раскопки велись с 1966 г. Всего было вскрыто четыре слоя. В 1989 г. снят слой № 4 высотой ок. 0,7 м. Материал слоя состоял из строительной засыпи, в которой содержались главным образом находки VII—XI вв. Встречались более ранние находки (IV—VI вв.). Материал был сильно фрагментирован...

Уф, ну и рыбий язык! Но делать нечего, приходится писать именно так, ведь после доведется из всего этого клепать отчет. А находки здесь были мало сказать «фрагментированы» — раздроблены почти в труху. Ну ладно, что там у Бориса вылазит?

Дневник археологических раскопок
Портового района Херсонеса. 1990 г.
Лист 5.

...Начали снимать первый штык 5-го слоя. Характер засыпи: нивелировочная, состоит из суглинка серого цвета с включениями небольших фрагментов белой глины, устричных раковин, костей крупного рогатого скота. Встречаются сильно фрагментированные куски черепицы, кувшинов, амфор, большей частью VI—VIII вв. Встречаются также куски дерева, фрагменты архитектурных деталей, небольшие куски тонкого оконного стекла...

Где-то так... А теперь посвятим несколько строчек всей той ерунде, которую еще можно определить. Ну-с, по порядку...

Плинфа... Плинфа, Слава, — это плоский кирпич. Средневековый, конечно. Какой же еще может быть в этом слое? Впрочем, античная плинфа точно такая же. Итак, плинфа, глина серая, с черными включениями...

Черепица. Кувшины. Кости... Почем я знаю, Борис, чьи это кости, остеолога у нас нет. Мослы здоровые — видать, корова. Стало быть, крупный рогатый, очень крупный и очень рогатый... Нет, Борис, это все же не крыса, крыс мы тоже находили.

Та-а-ак, полива... Слава, хотите взглянуть? Красиво, правда? Нет, не уникум, массовый материал, берем только для счета. А делали ее проще некуда — поливали горшок стеклом, потому и полива. Это ранняя, она обычно без рисунка и почти всегда зеленая или желтая. А вот потом всяких зверушек рисовать начали, а цвет стал бурым...

Это, Слава, красный лак. Второй век нашей эры, судя по всему, Малая Азия, так называемый «Пергамский круг». А вот почему так называемый и почему круг — это мы в следующий раз.

Чего тут у нас еще? Ага, фрагмент известняковой колонны. Не первый — такие мы уже десятый год находим. Совершенно верно, Борис, Сибиэс уверен, что в этой Казарме, которая вовсе не казарма, было святилище. Небольшой такой храмик аккурат посередине, причем на втором этаже. Это надо Д. показать, пусть узрит.

Поглядели? А теперь три четверти всего этого можно с чистым сердцем выкинуть. Верно, Слава, считается, что археологи должны сохранять любой черепок. Во Дворце пионеров именно так и объясняют. Только мы этого добра откопаем не менее двух центнеров, а в фонды пойдет хорошо если дюжина вещей. В экспозицию? В какую, в музейную? Слава, за все время, пока я здесь копал, в экспозицию попа-

ло, по-моему, четыре или пять находок. Да, всего лишь, и это не так уж мало.

...Ну конечно, Борис, ежели ты так хочешь досадить Ведьме Манон — то тащи к ней на точок все подряд, пусть описывает... Точок, Слава, — это куда мы находки сваливаем, ток, только маленький... Но зря это — все равно выкинет. Так что посчитаем, запишем — и в отвал с чистым сердцем.

Эх, джентльмены, разве дело в этом мусоре? Что мы тут, красного лака не видели, что ли? Вы лучше на камешки поглядите — как лезут, а? Вот она, Стеночка!.. Нет, сегодня еще описывать не буду, рановато. Вот еще копнем да сравним. Но похоже, похоже... Судя по всему, эти камешки нам и нужны...

Дневник археологических раскопок
Портового района Херсонеса. 1990 г.
Лист 4.
...Работу закончили в 13.00...

После обеда — сиеста. Неглупо придумали греки-испанцы — в самые жаркие часы спать, а потом, как похолодает, делом заниматься. Дел, правда, до завтра нет, но поспать надо, а то с недосыпу черти будут мерещиться. Ложиться в три ночи — вредно. А еще позже — еще вреднее!..

Рабочая тетрадь. С. 7.

...Если предположение о местонахождении южного и северного входов (ворот) Казармы все-таки справедливо, то из этого следует:

1. Казарма имела еще один ряд помещений, примыкавший к ее восточной части, ныне скрытый под дорогой. Здание было действительно огромным, а посему —

2. оно никак не могло быть первоначально казармой хотя бы из-за размеров, а также наличия двух или даже трех этажей. Однако обращает на себя внимание то, что северные ворота предположительно примыкали к городской калитке, а точнее — к узкому коридору, между стен, который шел от калитки к морю. Южные ворота в любом случае выводили прямо в порт.

Итак, гости города, пройдя проверку у калитки (или у находящихся рядом главных ворот), следовали прямо в Казарму, бродили по ее этажам и, судя по размерам входа (ворот), вполне могли транспортировать в порт не только вьючную лошадь, но и небольшую повозку.

Возле западной стены Казармы в прошлом году была обнаружена поилка для лошадей.

Что из этого всего следует?..

Вечером Лука и Борис отбывают все к тем же дамам, Маздон как-то незаметно исчезает, а я направляюсь на Эстакаду. Картина не изменилась — часть молодняка усиленно ест, однако несколько человек о чем-то оживленно беседуют. О. среди них, посему присаживаюсь рядом и прислушиваюсь.

Разговор ведется, оказывается, о колдовстве. Ну, в Херсонесе это вечная тема! Здесь все располагает к мистике, так что тех, кто давно сюда ездит, начинают понемногу считать колдунами — или, соответственно, колдуньями, как ту же Ведьму Манон.

И действительно, что-то с нами постепенно происходит — то ли интуиция понемногу просыпается, то ли память предков дает о себе знать, то ли просто помрачение накатывает пополам с дежа-вю. Но это, конечно, мелочи, а вот Ведьма Манон...

...Она-то как раз молчит. Молчит, глазенками сверкает...

Ведьма Манон — это серьезно. И дело не только в том, что она — ветеран, тут мы один другого стоим. Ведьма Манон — ведьма настоящая, наследственная, дар сей получила от бабки. И добро б еще картами баловалась или, к примеру, хиромантией. Нет, Манон мастер по иным делам — травки разные, зелья приворотные. Слыхал, что и фигурки из воска лепит... Не видел, но верю, тем более что в последнее время она совсем озверела, всем грозить стала... Тут без святой воды не разберешься!

Всему этому, естественно, можно и не верить. Но что она с бедолагой Маздоном сотворила? Старше ее мужик на четверть века, умнее, толковее — и на тебе: совсем маздоном сделался, голову потерял, побежал с Манон чуть ли не в ЗАГС. Потом стал не нужен, уже и вроде как развелись-разбежались, а Маздон все забыть не мог, бегал по Херсонесу, ревновал, с фонарем искал ночами... Всем смех — и Манон довольна. Бедолага Маздон!.. И все остальные, на кого она глаз положила, ничем не лучше стали. Вот Стеллерова Корова, к примеру. Только с Манон сдружилась — сразу карты «Таро» завела, пентаграммы

чертить принялась. Вот и оставайся после всего этого материалистом!

Мужики-то ладно, но там, где появляется Манон, особенно в последнее время, начинается нечто несусветное. Вот об этом несусветном сейчас и речь идет. В соседнем сарае рубашки по ночам летают, а поблизости, рядом с нашей Верандой, барабашка объявился. Веселый такой, в контакт вступает охотно — и всем пакости говорит.

...Знаю, знаю, уже встречался! И не один я. Лука вчера спросил, скольких дам он в этот сезон к сердцу прижмет и собой обрадует, а барабашка возьми да ответь, что Лука — ни одной, а вот его — это точно. Причем — не дамы. Бедняга аж взвыл. Да, что-то сильно запахло в нашей богоспасаемой экспедиции серой!..

...Борис все время грозит Ведьме костром, а та обещает его извести. И вообще, знающие люди утверждают, что у Манон биополе черное...

Поистине есть что обсудить под черным херсонесским небом!

...О. качает головой. Кажется, ей никуда не хочется уходить. Мне, признаться, тоже...

Та-а-ак, а молодежь уже заговорила о привидениях. Ну конечно, разве можно без них? Черный Монах и Белый Адмирал!.. Черный Монах выдал чекистам монастырские сокровища, а вот Адмирал — это сам Александр Васильевич Колчак, тот, кого в Ангару сбросили. Вынырнул, стало быть. Вынырнул, сюда явился.

...Привидениями здесь пугают новичков, как правило, девиц, для чего есть немало проверенных способов. Лучше всего выбрать полнолуние, когда тени резкие и любой камешек кажется мертвецкой головой. К этому добавляется белая простыня — а если еще и как следует повыть!.. Обычно сие проделывают на развалинах собора Владимира, чтоб далеко не ходить. Но привидения, что появляются в полнолуние, все же не так опасны, а вот которых в новолуние встретишь, те уж совсем страшные. Ежели с собой не уволокут, то инфаркт обеспечат на раз.

О месте, где привидения наиболее опасны, мнения присутствующих разделяются. Я категорически отвергаю предположение, что призраков можно встретить на вершине башни Зинона. На этой башне почти каждую ночь гуляют веселые компании, что считается особым шиком. Ясное дело, такие сонмища могут распугать самых смелых призраков, а посему я защищаю свою давнюю теорию, что ежели тут привидения и имеются, то искать их должно все на том же Западном городище. Прежде всего — безлюдно, и днем, и особенно ночью. А главное то, что все Западное городище — почти сплошь кладбище, где покоятся целые поколения херсонеситов. Сам я, правда, здешних привидений не видел, врать не буду...

...Не видел?

И никто из наших ветеранов не видел. Вот первокурсницы — те да, те каждый год наблюдают. Видать, настоящие привидения в Херсонесе повывелись. Вот на Эски-Кермене еще встречаются, там Керменский мальчик живет, это все знают. А на Мангупе, соответственно, Мангупский. Правда, я их тоже не видел, но знаю таких, что видели. А не видел их я потому, что эти, Керменский и Мангупский, профессиональных археологов боятся...

...После того как мы несколько лет назад в небольшой компании, куда затесалась и Ведьма Манон, сбегали на Эски-Кермен, бедняга Маздон, переживавший очередной приступ ревности, вопил о том, что Манон там путалась с Керменским мальчиком...

Вновь смотрю на О. Она отворачивается, опять качает головой...

И вообще, Хергород — загадочное место. Летом здесь почти никогда не идет дождь. Севастополь — через бухту — заливает, а здесь ни капли. Роза ветров, говорят, особая. А ежи! Только здесь живут ушастые ежи, нигде больше. А фиолетовая жужелица, крымский эндемик, нигде нет, а здесь на каждом шагу. Что тут скажешь? Загадочное место...

Начитанная молодежь охотно соглашается, Ведьма Манон начинает что-то повествовать о раскопках могил на том самом Западном городище, но это уже не интересно. Могилы я не трогаю — дал зарок еще много лет назад, совсем желторотым, когда копал скифов под Песочином. Тогда пили прямо на дне опустошенного кургана, обмывая очередную находку, делали из черепов чаши — или играли ими же в футбол. Уже под самый конец экспедиции раскопали могилу, где были похоронены две старушки вместе с маленькой собачкой. На следующий

вечер череп одной из бабушек служил чашей на торжественном посвящении в археологи...

Все, пора уходить!

О. даже не обернулась. То ли не в настроении, то ли просто понимает, насколько это все...

Насколько — что?

...Поздно, ненужно, бесполезно, мучительно, словно пробуждение мертвеца, гальванический ток по жилам, гальваническая боль в сердце, легкая дрожь тонких пальцев... Агония, фантомная боль, фантомная любовь, фантомная нелепость...

На Веранде — свет. Ага, да у нас гости! Думая о сохранности своего спальника, взбегаю по ступенькам. Так и есть — на моем спальнике сидят. Правда, сидит Лука, а это не так страшно. Две наши соседки расположились напротив, на лежаке Маздона, которого опять где-то носит, Борис пристроился чуть в сторонке и покуривает. Чай уже выпили, теперь доедают откуда-то взявшуюся колбасу.

Отодвигаю Луку в сторонку и выцеживаю из чайника глоток заварки. Значит, так: которая побольше — Лена, поменьше — Марина, обе из Кемерова... Та-а-ак, и о чем разговор? Тоже о привидениях? Слава богу, не о них, а о Великой Тайне Састера.

А что, тоже неплохо!

Присаживаюсь в уголке, слушаю, хоть и не в первый раз. Но Лука излагает знатно — жаль, не этим кемеровским сие оценить!

Итак... Итак, век назад великий Косцюшко нашел каменную плиту с надписью. Это была знаменитая херсонесская Присяга: «Клянусь Зевсом, Геей, Гелиосом, Девою, богами и богинями олимпийскими и героями, которые владеют городом, землей и укреплениями...» Ну и так далее. Занятная Присяга! Обещали, ясное дело, не предавать, не изменять и прочее, но главное — сообщать обо всем подозрительном куда следует, то есть работникам тамошней госбезопасности — номофикалам. Ничто не ново!.. И среди прочего херсонеситы клялись не выдавать тайну Састера...

Что это такое — никто не знал. И сейчас не знает. Састер себе — и Састер.

Думали всяко, но в последние годы начали все чаще предполагать, что таинственный Састер — не что иное, как подземное святилище. Может быть, то самое, где хранилась городская святыня — деревянная статуя богини Девы. Именно оттуда его доставали в редкие дни праздников — или в час беды, когда Дева отводила опасность от города. Но Лука с этим категорически не согласен. Он глубоко проник в сущность древних обычаев и пришел к выводу, что в Састере хранилась не какая-нибудь богиня Дева, а нечто более серьезное — Великий Фаллический Символ...

...Лука давно занимается проблемой Великого Фаллического Символа. Еще в те годы, когда он не гнушался брать в руки кирку, наш гусар ставил перед собой единственную цель — отыскать Великий Символ, совершив таким образом переворот в привычных представлениях о Херсонесе. В его рассказах Символ вырастал до титанических размеров — в последнее время Лука определял его пятью метрами в диаметре и двадцатью в высоту. Бросив баловаться киркой, Лука пообещал соорудить у себя на работе интровизор, просветить толщу херсонесской скалы, найти недоступный Састер и доказать свою правоту.

Мы с Борисом слушаем этот шедевр научного красноречия с явным удовольствием, но, увы, девицы из Кемерова, кажется, так ничего и не поняли. Надо было Луке выдумать что-нибудь попроще. Не ценят нашего акына! Смотреть на девиц становится совершенно неинтересно, и я отправляюсь дышать свежим воздухом. Все равно чай уже допили!

...Прямо на холмике посреди херсонесской саванны натыкаюсь на человека — живого, в спальном мешке и мирно спящего. Да это же Маздон! То-то он по ночам пропадает, не иначе вспомнил свою давнюю привычку ночевать под херсонесскими звездами. И не сыро ему... А еще говорят, что перевелись оригиналы на свете!

Рабочая тетрадь. С. 7—8.

...Необъяснимый случай.

Два года назад работавшие в одной из экспедиций пионеры юные (головы чугунные) нашли где-то человеческий череп, вероятно, немецкий, из могил на Западном городище. Черепом играли в футбол, а потом бросили его около тропинки, которая ведет от Веранды к сараям.

Мы тогда жили в сараях. Вечером, когда уже темнело, мы с Борисом сидели на скамейке и курили. Борис заметил некий силуэт, двигавшийся от Веранды прямо к нам. Разглядеть подробнее

его было невозможно из-за темноты. Скуки ради мы стали гадать, кто бы это мог быть (тогда на Веранде жила команда Слона). Однако силуэт внезапно исчез. Мы удивились, однако подобное повторилось и на следующий вечер. Мы заинтересовались и подошли к тому месту, где таинственный силуэт исчезал. Возле тропинки, в траве, лежал череп.

На следующий день череп мы похоронили, и больше ничего подобного не происходило. И я, и Борис в эти дни были совершенно трезвыми.

Подобных баек я наслушался и начитался (хотя бы эпизод с философом во «Флоридах» Апулея). Однако в данном случае мы это действительно видели...

Из раскопа доносится радостный крик —
Чей-то точный удар погребенья достиг.
Нависает толпа, суетится фотограф...
Здесь лежит человек! Замолчите на миг!

Дневник археологических раскопок
Портового района Херсонеса. 1990 г.
Лист 7.

...Работу начали в 6.30. Работали в том же составе. Продолжали снимать первый штык 5-го слоя в пом. 60-а. Характер засыпи прежний, однако в северной части помещения находок значительно меньше, чаще встречаются включения желтой глины, а также мелкие необработанные камни.

При вскрытии первого штыка 5-го слоя пом. 60-а обнаружены остатки каменной стены, идущей параллельно юго-западной стене пом. 60-а. Эта стена находится на одной линии стены Казармы, открытой еще в 1989 г.

Является ли эта стена стеной Казармы? Сомнения вызывает характер кладки, которая очень похожа на раннесредневековую. Приблизительно на этом уровне в 1983 г. в соседнем помещении номер 60 были открыты остатки стены, которая, возможно, являлась фасадной частью стены, открытой в этом году.

Находок сравнительно немного, все они сильно фрагментированы...

Вот так-то, Борис: копали, копали — откопали... То ли та Стеночка, то ли вообще бог весть что. Она, конечно, на том же уровне, что и Казарма, сам вижу. Но, может быть, это просто

средневековая стена на более древнем фундаменте, и такое здесь бывало. Что делать? Копать будем, однако, — пока не поймем хоть что-нибудь. Ладно, давай сигарету. Перекур.

Что ж, курим... Приходит Д., и я демонстрирую ему весь бедлам моего раскопа. Д. в ответ приглашает взглянуть на свой бедлам, который, пожалуй, почище. Хуже нет занятия, чем копать город, проживший много веков! Проживший — и к тому же умерший своей смертью. То ли дело если какой-нибудь налет, великий пожар, землетрясение, наконец. Никаких тебе перестроек, новых строительных слоев. Да, гуманизмом в археологии и не пахнет!..

...Представляю, как бы мы ругались, ежели б Херсонес не погиб тогда, в конце страшного XIV века, а худо ли, бедно, но дотянул до дня сегодняшнего. Копать современный город вообще почти невозможно. Вон Александрия, Афины, даже Рим. Много накопали?

Ну ладно, скоро должен появиться Сибиэс, надо же ему что-то доложить. А что именно? Три камня непонятного значения и назначения?

Сибиэс действительно скоро появляется, но мы с Д. тут же понимаем, что вождь вполне может обойтись и без наших проблем. Взгляд его грустен, рассеян... В общем, как всегда.

...Копаете? Хорошо... Откопали? И это хорошо. А он, стало быть, Сибиэс, чувствует себя не ахти: то ли печень, то ли совсем даже не печень. Того и гляди в больницу уложат. А Сенатор Шарап завтра катит в Киев на свою парламентскую сессию, так что экспедицию придется тянуть нам с Д.

Окончательно убеждаюсь, что с начальством все в полном порядке. Когда Сибиэс начинает ныть и жаловаться на печень, значит, дела идут как должно. А вот когда он, не приведи господь, начинает активничать...

Ничего, Сибиэс, все будет нормально! Чаю бы зашел выпить, что ли, а то и на пляж бы заглянули, со скалы попрыгали... Вон мы уже как загорели, а ты все белый! Здесь, конечно, не Женевское озеро, но все же...

Бедняга Сибиэс! Что-то он и вправду киснет. Рано, рано еще болеть, небось когда при Старом Кадее вставал каждое утро в полшестого и торчал тут, под этим ненормальным солнцем, как огурчик был! Нет, в Херсонесе расслабляться нельзя... Куда же ты, хоть погляди, чего выкопали!

Было начальство — нет начальства.

...Маленький мальчик в Казарму залез. Там караулил его Сибиэс. Хищно взметнулся над жертвою клык — маленький мальчик попал на шашлык...

Д. придавлен чувством свалившейся ответственности. Впрочем, это в его интересах — надо же постажироваться перед тем, как в следующем году везти сюда эту ораву самому! Ничего, ничего, разберемся... Что, кладочки, говоришь, у тебя лезут? Они и у меня лезут. Ну ладно, пошли поглядим...

...Кошмар! Кошмар и дикий ужас! А сколько тут у тебя строительных периодов? Два, говоришь. Не-е-ет, не два тут периода. Это что вылазит? Сам вижу, что водосток. Ладно, давай цигарку, поглядим попристальнее...

Слушай, а ты уверен, что это еще не копано? Точно уверен? А бутылка пивная откуда? Ну-ну...

Дневник археологических раскопок
Портового района Херсонеса. 1990 г.
Лист 7.
...Описание черепицы. Найдено восемь фрагментов, в том числе три с бортиками. Бортики высокие, клювовидные...

После обеда к нам заглядывает несколько оклемавшийся Сибиэс, и мы все вместе отправляемся на пляж, то есть на все те же наши скалы. Быстро совершаем дежурный заплыв по скучной теплой глади и поудобнее располагаемся на камнях, скуки ради наблюдая за Лукой. Наш тюлень не спешит вылезать из родной стихии (тюлень и есть!), время от времени совершая непонятные маневры, сходные с противолодочным зигзагом. Вскоре смысл сих экзерсисов обнаруживается: Лука, словно конвойный авианосец, совершает виражи вокруг какой-то незнакомой дамы. Время от времени тюлень шумно отфыркивается и с победоносным видом поглядывает на нас.

Все понятно. Боевая тропа! Лука преследует цель не только на суше, но и на море. Видать, скоро летать станет!

Наше укоризненное «а-а-а-а!» несется над морем. Лука отзывается бодрым «бе-е-е-е!» — и уплывает с неизвестной дамой вдаль.

Ладно, теперь можно покурить и побеседовать, тем более что в последнее время беседовать с Сибиэсом приходится нечасто. А жаль, с такими, как он, приятно разговаривать на самые неактуальные темы. Актуальные-то с любым дураком обсудить можно! А вот чего-нибудь позаковыристее...

Ну, например, такой вполне херсонесский вопрос: отчего, собственно говоря, все это погибло? Почему пала Византия? Великая империя, самое культурное государство в мире, самое богатое, да еще с колоссальным опытом Римской империи. Держава, раскинувшаяся в лучшие годы от моря Черного до моря Красного, от Эбро до Евфрата...

Сибиэс задумчиво почесывает бороду. И вправду — почему?

Судьба империи! После гибели Византии сюда, в Крым, приплыли турки и сровняли с землей то, что еще оставалось от Херсонеса. А через четыреста лет после гибели Второго Рима в Крым ворвались орды Фрунзе, и Юра Пятаков вместе с доброй бабушкой Розалией Самойловной Залкинд всю зиму тешились расстрелами. Впрочем, Розалия Самойловна, не выносящая звуков стрельбы, предпочитала топить белых гадов в севастопольской бухте.

...Горькая память давней войны, горькая пыль крестного пути, горькая полынь забытых могил, горькая слава последних героев, вставших за честь страны, встретивших тонкой сталью штыков Красный Армагеддон, кинувшихся в жерло Мальмстрима... Убитые, расстрелянные, изгнанные, рассеянные от колымских тундр до африканских песков, над вашей памятью сомкнулась пучина Черного моря, над вашими костями клубится черный ил...

Понимая, что Луку мы едва ли дождемся, поскольку защитная жировая прослойка обеспечивает ему длительное автономное пребывание в воде, начинаем собираться. Сибиэс опять жалуется на самочувствие и все вздыхает о тех славных временах, когда он попросту копал (если по-нашему, то «стоял на кирке») в экспедиции легендарного Стрежелецкого. Я тоже вздыхаю — стоять на кирке, не занимаясь дневниками, отчетами и всякой бухгалтерией, и еще у самого Стрежелецкого! Да...

...Стрежелецкий был одним из последних Великих Херсонеса. Именно он, собрав молодежь из разных городов — и Старого Кадея, тогда еще отнюдь не старого, и Великого Бобра, которая в те годы была всего лишь аспиранткой, и сибарита Балалаенко, еще худого и юного, вместе с ними начал копать

наш Портовый район. Из его экспедиции вылупились три новые, затем еще две...

Увы, Великих Херсонеса почти не осталось.

Нет отчаянного смельчака Константина Гриневича, первым решившегося опуститься в громоздком водолазном скафандре на дно Карантинной бухты в поисках таинственного Страбонова города.

Нет старика Белова, раскопавшего Северный район с его потрясающей красоты базиликами, с тех пор пропечатанными на сотнях открыток и проспектов.

Нет и легендарного Лепера, первого знатока херсонесского некрополя. И никому не пожелаешь его судьбы.

Нет уже и Стрежелецкого.

Только старый Волк Акела, давно уже выгнанный на пенсию, ославленный и осмеянный, все еще копает свой знаменитый театр, каждый день набирая в экспедицию бог весть на какие деньги крымскую шпану — отчаянных «волчат».

Его товарищу по несчастью, мрачному чернобородому москвичу Беляеву повезло меньше: оклеветанный и выгнанный с работы, он навсегда расстался с Херсонесом. Лагерь, который он строил много лет, прибрали к рукам более основательные люди.

Не копает уже и Старый Кадей. Он сам предпочел бросить это неблагодарное занятие.

Держится покуда еще Большой Бобер со своим Урлагом. Но к ее владениям уже подбирается Гнус...

Что и говорить, нелегкие времена сейчас в Херсонесе! Похоже, Сибиэс покидает вахту вовремя, и нелегко будет Д. держать здесь оборону. Настает эпоха Гнуса, сдадут весь Хергород кооператорам в аренду — и останется наследие Великого Коссюшко только на старых негативах из архива. Ежели, конечно, сам архив не используют под кооперативный ресторан.

Сибиэс грустен. Он наверняка помнит свои собственные речи, сказанные много лет назад, — как можно реставрировать Херсонес, подвести под своды старые базилики, поднять из праха целые кварталы, пока еще не поздно, пока еще есть время. Построить здесь научный центр с настоящими лабораториями и хранилищем для фондов... Тогда Сибиэс еще верил в это. Теперь же... Чего уж теперь!

Еще год назад в нашей столь любимой, столько раз запечатленной на маздоновских снимках «Базилике в Базилике» стояло семь колонн. В этом году осталось только две.

...На мертвых камнях мертвого города копошатся гиены, воют шакалы, роют норы лисицы, волки скалятся на равнодушную луну. Не найти того, кто поднимет Херсонес, словно Лазаря, из праха, не вечны стены, и камни не вечны, и земля перетирается в пыль. Пыль, пыль, сухая безнадежная пыль...

Рабочая тетрадь. С. 7.

...Наблюдения Бориса:

1. В последние несколько дней в Хергороде особенно много заезжих «магов» и прочих хиромантов-гадалок. Замечены вечером возле храма Владимира, где «заряжались» в позе «немец под Москвой». Также кучковались в «Базилике в Базилике», причем все около колонн, где тоже пытались «заряжаться».

Борис вспоминает, что Ведьма Манон очень любит фотографироваться именно у этих колонн. Случайность?

2. Борис не поленился сходить к Крестильне Владимира, где выплясывала колдунья, виденная нами по ТВ. Он считает, что это самое «холодное» место в Херсонесе, откуда любой обычный экстрасенс постарается уйти как можно быстрее. Выходит, кому война — а кому мать родная?

Комментарии:

— Ведьма Манон весьма высокого мнения о своей фотогеничности, посему фотографируется всюду. А колонны «Базилики в Базилике» смотрятся на фотографии очень неплохо.

— Крестильня Владимира не имеет отношения ни к древности, ни к Средневековью. Это новодел конца прошлого века, в настоящее время залитый бетоном. Поведение колдуньи и в самом деле выглядит странным. Вероятно, плясала она там по просьбе телевизионщиков для пущего визуального эффекта...

Пьем чай. На этот раз Маздон расстарался — или мята какая-то особенная. Сибиэс откланивается, посетовав, что не дождался Луки. Видать, занят наш тюлень, не иначе в Турцию уплыл!

...Стук в дверь. Очевидно, кто-то из нечастых гостей — мы вечерами никогда двери не запираем. Ага, действительно гость, причем редкий — Женька, Сенаторов сын.

Когда я впервые сюда приехал со Старым Кадеем, Женьке

было семь лет, он гонялся за местными бабочками, мечтая стать энтомологом. Слово это Женька произносил абсолютно правильно. Теперь уже семнадцать, он увлекается компьютерами и тэквондо.

Ну-с, юноша, что тревожит? Ага!..

Оказывается, Женька всерьез озабочен ухудшением астральной обстановки вокруг нашей экспедиции. Черные пятна отрицательной энергии внедряются в нашу общую ауру, дважды к сараям наведывались крайне подозрительные энергетические двойники...

...Вот ужас-то! А следы-то человеческие!..

А посему Женька намерен начать кампанию по борьбе с колдовством в экспедиции. Для начала он решил начертить вокруг Ведьмы Манон магический шестигранник, дабы запереть в нем Ведьму до конца сезона. За формулой шестигранника он ко мне и явился. После некоторого раздумья предлагаю отложить шестигранник до новолуния, когда он наиболее эффективен, а пока освятить наш участок Казармы, поскольку любой ребенок в Хергороде знает, что Ведьма Манон творит по ночам страшные заклятия у свежих раскопов, в результате чего находки уходят далеко под землю прямиком в грунтовые воды. Женька загорается этой идеей и предлагает ценное дополнение: наряду с освящением раскопа соорудить на его стене крест из подручного материала (глины), а заодно установить в укромном месте некий амулет, тайна которого известна ему одному.

...А ведь парню уже семнадцать! Вот что значит каждый год в Херсонес ездить!..

Осуществление этой программы намечаем на завтрашнее утро. Заодно поставлю Женьку в наш раскоп на ведра — чтобы заклятия были более действенными.

Хороший Женька парень, но лишнего при нем болтать не стоит. Он не только наследник Сенатора Шарапа, но и сын главреда «Херсонесише беобахтер» — а заодно добровольный корреспондент и распространитель свежих номеров нашей знаменитой газеты... Вот и сейчас он сообщает кое-что из вечернего выпуска.

...И снова — ага! Оказывается, Лука кинулся в море, потому как его кемеровская пассия, та, что покрупнее, по имени Лена, отшила нашего тюленя, предпочтя ему какого-то желторотика из команды Д. К тому же вокруг этих девиц вороном кружит небезызвестный Толик-Фантомас...

Прав был Борис — дохлый номер, зря Лука про Символ Фаллический распинался. Пусть теперь хоть за морем счастья поищет!

...Солнце снова валится за серые прибрежные утесы, но сегодня над морем тучи, и закат кажется блеклым и неинтересным. В этих случаях старые херсонеситы замечают, что завтра будет ветер. Еще ни разу эта примета не подвела, тем более что ветер в Херсонесе дует постоянно — даже ежели солнце садится при совершенно ясном небосклоне.

Интересно, доживу ли я когда-нибудь до такого своего Херсонеса, когда вечерами будет хотеться только одного — надеть свитер, штормовку, сесть на нашей лавочке у навек заглохшего источника и курить, беседуя с такими же, как я, ветеранами о днях минувших? Ведь давал, давал себе зарок — никуда не влезать, вести себя тихо-тихо...

Впрочем, мы с О. не шумим. На Западное городище наваливается темень, окружает нас со всех сторон, я надеваю на О. вовремя захваченный из дому свитер, а она дрожит, повторяет, что ей холодно, что она зря сегодня пошла со мною и в Херсонес тоже поехала зря, а ее брат стал уже о чем-то догадываться.

...Ложь украденных поцелуев, ложь покорного тела, ложь привычных слов, ложь торопливых ласк, ложь безвидной херсонесской ночи, ложь сигареты, передаваемой из губ в губы... Ложь, ложь, ложь...

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С. 9—10.

...В середине IV в. до н. э. произошло усиление херсонесской экспансии в Западном и Северо-Западном Крыму. Часть тавров отступила в горы, но некоторые остались жить в предгорьях и на равнине. Интересно, что одно таврское поселение находилось рядом с городом — в Сигнальной бухте (Симболон), ныне Балаклавской. Возможно, эти тавры находились на положении полурабов-илотов.

Оттеснив и покорив тавров, херсониты овладели частью Западного Крыма, присоединив к своему государству небольшой ионийский город Керкинитиду. Была основана крепость возле современной Евпатории (совхоз «Чайка»).

Продвигаясь далее на запад, херсониты столкнулись с владе-

ниями Ольвии, и между этими греческими государствами началась ожесточенная война. Усадьбы ольвиополитов в Крыму были разрушены и сожжены, а территория присоединена к Херсонесу. Отношения между Ольвией и Херсонесом были серьезно испорчены как минимум на полстолетия.

Так была создана Херсонесская держава, просуществовавшая до III в. до н. э., пока ее не уничтожили скифы, отступившие в Крым под натиском сарматов...

Я к лицу твоему прикасаюсь рукой.
Холод кожи, а в сердце — недвижный покой.
Если что-то и спит — не найдешь, не разбудишь.
Просто встретились тени над Летой-рекой.

Сидим с Борисом на краю раскопа совершенно сонные и оттого крайне невеселые. Мы попросту не услыхали будильника и проснулись, точнее, я проснулся, по сигналу невидимых внутренних херсонесских часов, аккурат за десять минут до начала работы. Какой уж тут кофе! Конечно, можно было и кофе сварить, и выпить, и покурить, не особо торопясь, поскольку наша гвардия — Володя со Славой — вероятно, еще только умываются. Но форс, форс херсонесский! Я никогда еще не опаздывал на раскоп. Однако тоскливо... Борис не выдерживает и хватает кирку. Пятнадцать минут киркования вполне заменяют чашку кофе. Следую его примеру.

Э-э-эх! Ух-х...

Вместе с изрядно опоздавшими гвардейцами прибегает умытый и веселый Женька, Сенаторов сын, и с места в карьер он спешит сообщить, что его уважаемый родитель Сенатор Шарап временно прерывает свои парламентские бдения и возвращается в Хергород. Что-то недолго он в этом парламенте бдил! Однако же Сенатор прав — на наших скалах не в пример веселее, чем в Мариинском дворце.

Между тем Женька приступает к делу, благо все необходимое имеется под руками. Все необходимое — это прекрасная, чуть зеленоватая и очень вязкая глина аккурат из-под Стены и немного умения.

...Сгинь, пропади, исчезни, сквозь землю провались, уйди с волной штормовой, растворись туманом, марой, не воскресай, нас не трогай, стороной обходи, нас ты не видишь, не слышишь, не почуешь, не дотронешься...

Через некоторое время крест закончен. Женька водружает его согласно моему указанию на восточную стенку помещения № 60-б, после чего я торжественно освящаю раскоп. Теперь уж козни Ведьмы Манон не страшны! Однако Женька иного мнения. В душе он все-таки язычник, поскольку начинает лепить из глины, в свое время использовавшейся, насколько я могу сообразить, для подсыпки фундамента Стены, некое чудище, которое при наличии некоторой фантазии можно принять за ушастую голову с глубоко сидящими глазами. Сенаторов отпрыск помещает голову в небольшую щель между камнями и шепчет какие-то невнятные заклинания... Вот теперь он успокоился, и я могу ставить юного экзорциста на ведра — выкидывать наш вязкий грунт. Женька, конечно же, предпочел бы взять кирку, но эту честь еще нужно заслужить. Даже Славу — и того к кирке я пока не подпускаю.

Д. издалека наблюдает нашу прикладную магию, наконец не выдерживает и подходит ближе. Убедившись в правоте своих самых жутких подозрений, он участливо заявляет, что херсонесская мистика меня в конце концов таки погубит. Но сочувствие личного состава явно на моей стороне, тем более после того, как Женька еще раз подробно разъясняет всю опасность колдовских козней Ведьмы Манон. Тут уж и Д. поневоле задумывается — нашу Ведьму побаивается и он, хотя виду, конечно, не подает. Через некоторое время, угощаясь у меня сигаретой, Д. вполголоса роняет, что, когда он станет начальником, ноги Манон в Хергороде не будет — не из-за мистики, конечно, а из-за ее характера. Что верно, то верно, характер у нее в последнее время стал невыносим, но ведь не у одной же Ведьмы характер плох! Нет, от Херсонеса никуда не уйти, через год-другой Д. будет начинать каждый рабочий день с торжественного молебна...

Дневник археологических раскопок
Портового района Херсонеса. 1990 г.
Лист 8.
... Характеристика находок.

Найдены крупные фрагменты красноглиняной черепицы и плинфы. Обращает на себя внимание небольшой фрагмент камня

зеленоватого цвета, тщательно обработанный с двух сторон. Возможно, это мрамор с сильными вкраплениями слюды. Обнаружено несколько фрагментов раннесредневековых амфор с рифлением и белым ангобом, а также несколько ручек и донышек, не поддающихся точному определению. Найдено шесть небольших фрагментов чернолаковой посуды II—I вв. до н. э. Найден также небольшой фрагмент тонкого оконного стекла и фрагмент стеклянного сосуда. Встречались кости домашних животных и челюсть крысы. Из металлических предметов найден один бронзовый гвоздь...

Что такое ангоб, Слава? Смотрите сюда, вот видите, боковушка? Да-да, она самая, типичное раннее Средневековье, век VII—VIII. А точнее вам, Слава, никто не скажет, они, в общем, одинаковые были. Ну вот, это зеленоватое покрытие и есть ангоб. В общем, типичный раннесредневековый слой, а еще точнее — засыпь. Разница в том... Борис, не подсказывай, на кирку смотри! Разница в том, что слой создается естественным путем, а засыпь — это когда яму забрасывают землей, обычно при строительстве. А эллинистическая керамика встречается в засыпи потому, что землю брали тут же, рядышком, вот и выскребали, что под ногами. Нет, Борис, это не III век, ты же видишь, какой скверный лак! Графитовый блеск, значит, второй век до... Смотрите, Слава, смотрите. И что за босоножки, юнкер? Когда вы будете надевать закрытую обувь?!

...А потому что не положено! Ясно? Будете тут у меня беспорядки нарушать...

А где Володя? Пора кончать перекур, пачка и так пустая...

Стена лезет из-под земли. Похоже, это все-таки она, родимая, от «первой» Казармы. Но кто бы помог разобраться во всей этой каменной каше! Нет, копать могилы в сотни раз легче: снял землю, прощупал каждый комок, просеял, сфотографировал, забрал все, что есть... Помнится, Слон таким образом однажды золотую сережку нашел — чуть ли не в отвале, проглядели его орлы... И все, иди писать отчет. А тут — стенки, стенки, слои один за другим. Ладно, посмотрим еще раз...

Ага, вот наш Старый Маздон жалует. Раскоп, смирно! Еще смирней!!!

Здорово, Маздонушка, что не весел? Ну конечно, все они маздоны! И Гнус первый маздон, лавочник — и коммунист

проклятый. И тушенку тебе не дали, и сгущенку. И нам тоже, между прочим. А сами жрут... Нашу тушенку жрут — какую же еще? Держи сигарету, правда, она последняя, а последнюю даже менты не берут... Ну конечно, Маздон, ты берешь и последнюю!

Маздон погрызся с Гнусом... Ничего, обычное дело, без этого ему скучно. Когда Маздон ругается, значит, настроение его — не из худших. Вот когда дела плохи, он умолкает, становится тихим...

Да бес с ним, с Гнусом, ты лучше, Маздон, погляди, какая у нас яма глубокая намечается. Ага, метра в три. А как снимать для отчета будем? Понимаю, что с контражуром, но как именно?

Рабочая тетрадь. С. 7—8.

...Неделя с начала экспедиции.

Предварительные итоги: все идет оптимально, работаем без сбоев и без ЧП. Потеряли целый день на раскачку, что недопустимо.

Особенности нашего коллектива — закрытость, минимум общения с посторонними. Ввиду такой эндемичности любая ссора способна доставить изрядные неприятности. И не только ссора, но даже неадекватное поведение кого-то одного. Пример: в 1987 г. из-за плохого настроения Сибиэса экспедицию буквально трясло.

В этом году все быстро заняли отведенные им в Херсонесе (Херсонесом?) «ниши». Единственное исключение — Борис, который все еще не нашел себе партнеров для преферанса.

Лука хорош, как в лучшие годы. Только работать не хочет, а сие, как показывает опыт, опасно. Таким был Дидик в его последний год, такими были Крокодил и Птеродактиль. Сначала не выходят на раскоп, потом начинают дурить, ссориться со всеми, грозиться уехать. Неужели и Лука тоже?..

Пьем чай на Веранде, с тоской подсчитывая остающиеся пачки сигарет. Н-да, три дня жизни — и то ежели не барствовать, а экономить. Да какая тут экономия — куришь вдвое больше, чем дома, да еще кругом стрелки! А в Себасте пачка «Стюардессы» уже по трояку... Хорошо, чаю много, его тоже, говорят, курят.

Луки нет. Маздон сообщает, что наш тюленчик встал в начале двенадцатого, вылил на себя, обормот, весь запас воды

(хоть бы раз ведро притащил!) и умылил в неизвестном направлении. Н-да, разрезвился Лука! Ну, собственно говоря, каждый проводит отпуск как хочет, тем более его Гусеница в Харькове...

Стол у сараев по-прежнему не пустует.

Едят!

Вероятно, это поздний обед или полдник — или все вместе. Ага, вот и Сенатор! День добрый, день добрый... Что там, наверху, в эмпиреях? Читывали, читывали... Читывали, скорбели. А у нас все в том же духе. И воды нет. Хорошо б запрос парламентский по этому поводу... Ах, и министров еще не назначили, некому воду пустить!..

...Сенатор, Сенатор, многоуважаемый Шарап! И понес бес тебя в политику! Чего тебе не хватало? Я ведь помню твои лекции, и все мои однокурсники помнят. Царь Набонид, царь Асархаддон, ты про него еще стишок Брюсова читал... Ниневия, Египет, Шумер. А теперь? Ну стал депутатом, ну жжешь глаголом раз в три месяца по три минуты, ну покажут по телевизору. Изменится что-нибудь? Воду в Хергород дадут? Сигареты появятся?

...С трибун, с телеэкранов, с броневиков, с танков, из динамиков, из подворотен, из водопроводных труб — орут, призывают, проклинают, обещают, указывают, наставляют, провозглашают, кроют, жгут глаголами, огнеметами, залпами «градов»... Будет все, будет всем, будет всегда и навсегда, только идите за нами, за вождями, за самыми лучшими, самыми демократическими из демократических, а уж мы, да уж мы, да не сомневайтесь...

На камнях Луки тоже нет. А это уже интересно, поскольку в такую жару деваться некуда, не в город же ехать! Луки нет, зато Гнус, как всегда, на месте. Моноласт под задницей, очечки черные... Ну, смотри, смотри! Ага, мадам Сенаторша... День добрый! А вот те ребята, кажется, из Москвы, видать, сегодня приехали, поселились наверняка в Беляевке, сиречь в бывшем лагере Беляева, что на горке. Привет, Андрей, привет! А где Саша? О-о, а еще жаловался, что стареет!

Бомонд потихоньку сползается... А мы — в воду!

В первые годы всегда брал с собой маску. Когда вода чистая, нырять — одно удовольствие. Чего там на дне только нет! Камешки, крабики, мидии, черепица с французским клеймом, та

самая, оккупационная, еще с Крымской войны. Интересно было плавать! Заплывешь, бывало, подальше, чуть ли не к авианосцу, что на рейде скучает. Здорово Херсонес оттуда смотрится, с суши его так не увидеть! А потом все надоело. Ну стоят колонны, ну храм Владимира горой громоздится, ну водоросли зеленые внизу. Мидий еще можно собрать и пожарить... В первый раз оно ой как здорово! А ежели в тысяча первый?..

Ладно, чего уж! Туда — брассом, нырок, другой... Обратно кролем... Все, назад! Теперь можно и сигаретку в зубы.

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С. 10—11.

3. Греки и их соседи в Причерноморье.

Эллинских «лягушек», приставших к северному берегу Моря Негостеприимного, встретили скифские «кентавры», только что завоевавшие эту землю. И те и другие искали здесь новую родину. За спиной у одних были сотни километров степи, за спиной других — многие дни плавания по еще малознакомому, а потому опасному морю. У кромки берега встретились два мира, казалось, ничем не походившие друг на друга. Кочевники и мореходы начинали контакт.

К сожалению, этот контакт почти не оставил следов в греческой традиции. О нем мы можем судить лишь по результатам — греки сумели основать свои города, и, очевидно, без большой войны. В противном случае едва ли «лягушкам» удалось надолго обосноваться на Черноморском побережье. Впрочем, немногие сохранившиеся сведения позволяют судить двояко: Стефан Византийский сообщает, что город Пантикапей был основан благодаря соглашению с местным «царем», а Страбон утверждает, что эту землю пришлось отвоевывать у скифов. В любом случае как-то договориться все же удавалось. То, что новые города строились в наиболее удобных с точки зрения обороны местах и немедленно опоясывались мощными укреплениями, свидетельствует о далеко не дружественных отношениях между «лягушками» и «кентаврами». Но то, что эти города уцелели, говорит об относительной слабости скифского натиска...

А что это там дымит на Западном городище? Ну, дело ясное, снова пожар. Интересно, кто это, как лето, начинает Херсонес палить? А ведь хорошо палят, от души, в прошлом году огонь

чуть ли не до сараев добрался. Раз десять пожарную тревогу объявляли. Лопаты в зубы — и вперед! А потом на пепелище то банку с тормозной жидкостью находили, то с краской... Пиромания! Дождей здесь летом не случается совсем, сушь страшная, а дураков всегда хватает. Сожгут, сожгут Хергород! Как хан Едигей когда-то...

Сейчас, правда, горит так себе. Слабо горит, уже и дыма почти не видно. И слава богу! А раз так, самое время поспать, Борис, тот даже на пляж не пошел, сразу отбился...

...Поспать не удается. Издалека слышен топот... Лука? Ну кто же еще?

Слушай, а можно не шуметь? Понимаю, что тебе весело, спишь до полудня — вот и весело. Вот и Бориса разбудил. Ирод ты, Лука, после этого! А чаю уже нет, выпили. Вот завари, не ленись, вода еще в бутылке осталась, ту, что в ведре, ты уже выхлюпал... Да не ворчу я, просто не выспался, так что я все же посплю, а ты потом свои сказки расскажешь. Вот и правильно, лучше стихи пиши. Только чтоб тихо, чтоб ручка не скрипела...

...Маленький мальчик забрался в раскоп. Камень свалился — и мальчик оскоп. Кровью окрасились ножки и брюшко. Он похоронен рядом с Косцюшко...

Но Морфей — божество хрупкое. Хрупкое и обидчивое. Топанье и возня нашего тюленя не дают забыться, к тому же время от времени он начинает повизгивать...

Ну и свин же ты, Лука! Ладно, не судьба, видать. Лучше чай заварить, без мяты, но покрепче, а еще лучше — кофе, кажется, в рюкзаке есть еще пара пакетиков. Хлебнем с Лукой, а то он, бездельник, от жажды пропадет...

Тюлень, осознав свои грехи, перебирается к нашему высохшему источнику, дабы не будить Бориса, и, присев на камешек, лихорадочно строчит стихи. Честно говоря, те, что он излагает на бумаге, мне не очень нравятся. Вот когда Лука начинает импровизировать — это действительно крик души... Ну, строчи, строчи, тюленчик, а я покурю, пока чай закипит. Пиши, пиши, не отвлекайся...

...Твердыня херсонесской цитадели нас не забудет, друг мой Марциал. Недаром наши годы пролетели — здесь твой сарказм как молния блистал, звенели среди звезд мои сонеты... Увы, мой друг, пора на пьедестал. Наш час уходит, коль не лгут приметы, и скоро расставаться навсегда нам с Херсонесом, лишь в

истоки Леты падет Полынь — печальная звезда. Семь раз менялись звезды над Собором, тускнела ночь, как старая слюда, и Колесо Времен пред нашим взором неспешно вдаль катилось мимо нас, сминая годы медленным напором... О Марциал, печален мой рассказ! О временах далеких, прикровенных пусть будет темен звук моих терцин и не ласкает слух непосвященных. Пусть ведаю о том не я один, но мало нас, и не откроют тайны свидетели ушедших вдаль годин. Как встречи здесь прекрасны и случайны! В тот час, когда столкнула нас судьба, собрался здесь народ необычайный... О многом помнит старая трава: шуршанье змей, блеск их холодной кожи, и под луной нелепые слова, и комья наспех сброшенной одежи, и шорох сплетен жаждущей толпы, которая, видать, хотела то же... Простим врагам! Завистливы, глупы, они смешили нас своей интригой. И сладок час любви был и борьбы. Что ложь, что правда — нынче не решить, но мы не зря проникли в эти стены и рады были так и дальше жить. Но кончен век. Настали перемены... Была эпоха наша золотой, прошли года и серебром, и бронзой, и век настал Железный — век пустой. О старый мир, веселый и курьезный! Тебя смела Железная Пята, и не вернешь года мольбою слезной, как не вернется к деве чистота. Все изменилось в этих старых стенах. Мы те же, но вокруг нас пустота и скорбь о неизбежных переменах. Не буду проклинать Железный мир — уйдет и он, и кровь застынет в венах всех тех, кто нынче пышный правит пир. Но в этот час, час нашего ухода, мы не забудем, старый наш кумир, наш серый дом под чашей небосвода, чреду базилик, башен и колонн. О Херсонес! Сын древнего народа, ты разорвал бесстрашно цепь времен и нас пригрел у этих скал безводных, что помнят пурпур харьковских знамен и кирок блеск героев благородных. Остались тени, и луны оскал, жара и гарь среди камней бесплодных. Мы стали мифом, друг мой Марциал! Пусть так, но время нас запечатлело и било в херсонесский наш кимвал. В него последний раз ударим смело. Твори, мой друг! Твори не для толпы — нам до двуногих тварей нету дела. Угрюмы, похотливы и глупы, они мертвей, чем тени дней далеких, мертвей, чем херсонесские столпы. Пиши для нас — последних, одиноких, сплотившихся у этих старых скал, таких любимых и таких жестоких. Твори и здравствуй, славный Марциал!..

Рабочая тетрадь. С. 8.

...Борис предлагает провести экстрасенсорное исследование «Базилики в Базилике». Цель: понять, отчего хироманты-гадалки ее облюбовали, а особенно почему они предпочитают «заряжаться» у колонн, а не, к примеру, возле алтаря.

Его теория: все эти колдунишки «черные», а потому заряжаются там, где «холодно», то есть отрицательной энергией. В этом случае непонятно, отчего «холодно» именно в районе колонн?

Вывод: Борис так и не нашел, с кем расписывать пулю. Делать ему нечего!..

Ладно, Лука, повествуй, ежели так не терпится! Да не облизывайся ты, не облизывайся! Слушаю.

Увы, в некоторых случаях (а сейчас случай именно таков) мысли нашего тюленя бегут наперегонки со словами. К тому же каждая фраза сопровождается прицокиванием, причмокиванием... Прямо вампир какой-то!

...Света. Из Южно-Сахалинска...

Откуда?! Н-да, так издалека в Хергород, по-моему, еще никого не заносило!

...Фигура... Такая... Такие... А если... И еще... (Цок-чмок!)

Лука бегал весь день, Лука нашел ей комнату на Древней, но надо бы найти комнату на самом Херзаповеднике, потому что она...

Она — кто? Комната?

...Не хочет просто в траве, даже если на одеяле, а в комнате постоянно соседки, те самые из Кемерова, их Гнус, оказывается, из нашего дома турнул, они и... (Цок-чмок!)

...Увлекся, повелся, развоевался, напыжился, задергался, заегозил, стойку принял, копытами бьет, усиками дергает, губами подрагивает, наш тюленчик, херувимчик, казановчик...

Удивляет вовсе не смысловое ядро — мало ли с кем Лука здесь крутил? Разве что Южно-Сахалинск... Она, часом, не из ительменов? А вот форма изложения поражает. Не только тон, но и весь облик. Тюленя не узнать: куда только подевались скука, элегическая грусть, жалобы на возраст! Лука сияет, он бодр, он помолодел, почти такой же, как шесть лет назад, когда он приударял за бедной Иркой Щегловой.

Эка мужика зацепило!

Тюлень приплясывает на месте. Он собирается в город — достать где-нибудь огненной воды. Где-нибудь — вероятнее всего, в ресторане, ибо в последние дни магазины высохли окончательно. Ну, с богом, а мы и на крылечке посидим. В город не тянет. Конечно, надо забежать на почту, где меня могут ждать интересные новости — посылка с сигаретами, например, или телеграмма от Черного Виктора. Пора бы уже! Но нет желания. Успеется! Херсонес пока не надоел, посему можно посидеть на крылечке и подымить, благо сигареты кончатся только дня через два...

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С. 11—12.

...О том, что «лягушки» и «кентавры» в конце концов сумели как-то договориться, свидетельствуют не только последующие многовековые контакты между ними. Можно найти и доказательства от противного. «Лягушки» закрепились в низовьях Буга и Днестра и на востоке Крыма. Между этими двумя ареалами расселения существовал своеобразный барьер — глубоко вклинившийся в море Крымский полуостров, точнее, его юго-западная часть. Казалось, стратегия и просто здравый смысл диктовали грекам закрепиться в районе современного Севастополя и на Южном берегу Крыма. Но преодолеть крымский барьер не удавалось в течение более ста лет.

Причина этого — тавры. Все попытки «лягушек» основать свои поселения на юге полуострова натыкались на жестокое, непримиримое сопротивление этого морского народа. Отпор был настолько силен, что вызвал у греков определенную растерянность. Очевидно, с легкой руки неудачливых колонистов в греческом сознании сформировался образ, а точнее, «имидж» тавра — безжалостного пирата, грубого дикаря, украшавшего частоколы человеческими черепами, чуть ли не людоеда. Впрочем, это не помешало приписать обитателям Крыма не только поклонения греческой (точнее, греко-малоазийской) Артемиде, но и неплохое знание греческой мифологии, в частности предания об Ифигении...

Ночью не спится, хотя днем из-за поганца Луки не подремал и часа. У пересохшего источника тихо, вокруг темень, только у сараев мелким светляком прогрызает ночь свет небольшого фонаря. На Веранде все спят, чуть слышно доносится сонное повизгивание Луки. У меня в руке кружка с уже ос-

тывшим чаем, пальцы, сжимающие сигарету, чуть подрагивают... И чего им, собственно, дрожать?

...О. не бросит мужа. Она его и не собиралась бросать, просто поссорились, и О. решила слегка его проучить. А я... А я — человек несерьезный и за эти два года серьезнее не стал. А вот ее муж скоро поступит в аспирантуру. И если меня не устраивает...

Надо было уйти сразу. Уйти не оглядываясь, потому что, когда я попытался что-то ответить, вышло еще хуже, вышло совсем плохо.

...Чужая жена, чужая судьба, чужая игра, чужая жизнь, чужая измена. Наскоро, на брошенной штормовке, на раздавленной пачке сигарет, на растоптанной верности, без прошлого, без будущего, без настоящего...

Город спит под холодной недоброй луной.
Как и раньше, сидим мы за старой стеной.
Нет, обман! Все — обман!
Мы с тобой не встречались!
Ты знакома не мне. Ты была не со мной.

Яма все углубляется, и с каждым штыком выброс становится все труднее. Чаще и чаще меняю ребят на ведрах и лопате. А дальше пойдет еще хуже — под ногами уже влажно, вскоре под подошвами кроссовок захлюпает вода. Не сахар? Конечно, не сахар, но копать надо. Мы и копаем, только стараемся чаще отдыхать.

В перерывах Борис и Володя курят, оседлав полуразрушенные известняковые стены средневековой усадьбы, а неугомонный Слава бежит к соседям, в команду Д., где сегодня бесплатный аттракцион — Сенатор Шарап держит речь.

Говорить Шарап всегда умел. Правда, его лекции слушаются приятнее, чем политические рассуждения. Впрочем, кому что по вкусу. Сегодня Шарап, польщенный всеобщим вниманием, произносит спич, посвященный свежим впечатлениям от парламентской сессии. Речь Сенатора достаточно однообразна и сводится почти целиком к обличению проклятых буржуазных националистов, оптом и в розницу продающих Украину кому попало. Похоже, на национальный вопрос его демократизм не распространяется. Я особо не прислушиваюсь — политические взгляды Сенатора мне давно известны.

...Россия, Русь, Матушка, Великая-Неделимая, от моря Белого до моря Желтого, от Мурмана до Кушки, исконная, посконная, оплот, надежда, опора — назло инородцам, иноверцам, инославным, масонерии иудейской, агрессии пентагоновской, измене мазепинской, гадам ползучим, змеям подколодным, растоптать, раздавить, разрубить, размозжить, расстрелять...

Ладно, час потехи кончается, прошу в яму. Ну-с, что там у нас сегодня?

Дневник археологических раскопок
Портового района Херсонеса. 1990 г.
Лист 9.

...Характер слоя прежний. В центре помещения на глубине второго штыка находилось несколько крупных камней со следами обработки.

При расчистке выяснилось, что стена Казармы уходит под Ю-З стену в направлении пом. 61.

Находки: небольшие фрагменты черепицы и средневековых амфор. На фрагменте боковой части амфоры на внутренней стороне сохранились следы нефти. Найдено несколько фрагментов кухонной посуды со следами копоти, фрагмент рыбного блюда, а также два фрагмента донышек небольших стеклянных сосудов...

Все еще раннее Средневековье, до эллинизма еще штычок, в крайнем случае полтора. Да, Слава, здесь после средневековья сразу же лежит эллинизм, похоже, римские слои они просто снесли, когда строили усадьбу. А Стеночка выползает, выползает! Вот разобраться бы в этом ералаше из трех слоев... Э-э-э, Володя, да вы совсем что-то скисли!

...Володя и вправду скис. У парня контузия — подарок из Афгана. Помнится, его хватануло еще два года назад, но в этом году стало, пожалуй, еще хуже. И, как я понимаю, ничего не помогает. Да и что тут поможет — контузия-то черепная. А ведь ему только-только двадцать пять! Остается усадить Володю в тенек под Стеночку и самому рядышком сесть. Мне тоже не помешает несколько минут в теньке — что-то стало мутить.

Первая мысль о рационе — не сглотнул ли случайно кусочек крысиного филе в столовке. Но уже через несколько минут понимаю, что мутит вовсе не из-за крысиного мяса — просто

начало хватать сердце. А вот это уже лишнее, сердце в Херсонесе должно работать без сбоев, иначе в такой жаре долго не протянуть. В тени надо больше сидеть, что ли?

Впрочем, разбираться поздно. Еще минута безделья — и моя команда начнет разлагаться на составные части. Вот уже Слава начинает в сторону моря косить...

Эй, народ! Ну-ка, дружно!..

Отпускаю Володю — он на сегодня спекся, а сам пытаюсь стать на его место. А что, ежели дышать не спеша? И губу прикусить, чтобы не так чувствовалась боль под ребрами? Очень даже ничего!..

...Ладно, Борис, кажется, и в самом деле надо уползать. Смотри тут, Славе воли не давай! Находки забросишь на точок, инструмент спрячешь... Сам знаю, что ты в курсе, это я для порядка... Ну, пополз. Полежу, пожую валидол...

Извещаю Д. о форсмажоре. Тот сочувственно кивает, предлагает мне валидолину из аптечки, попутно сообщив, что эти несколько дней чрезвычайно неблагоприятные. Прогноз такой — геофизический. Он и сам еле проснулся — а точнее, и вовсе проспал.

Не спорю. Само собой, все дело в геофизике, в чем же еще? Ладно, полчасика посижу — и приползу обратно.

До нашей Веранды далеко, и я приземляюсь у сараев, под хлипкой тенью невысокой алычи. Там, к моему удивлению, полно народа. Впрочем, удивляюсь я зря — в любой армии всегда есть второй эшелон, который, само собой, значительно больше первого. И пока полтора десятка с кирками-лопатами роют серый суглинок, где-то столько же сидят тут. Сидят — и, само собой, перекусывают все за тем же столом. Формально, конечно, все они при деле, кто рисует, кто черепки описывает. Да только работы в этом году немного — на полчаса в день, а то и меньше. Так что вполне можно посменно питаться. И чай пить.

От чая и я не отказываюсь и поудобнее устраиваюсь под алычой. Кто-то несет очередную валидолину, но это уже ни к чему. Полегчало, да и толку от валидола — чуть.

Убедившись, что помирать я пока не собираюсь, молодежь спешит завести разговор за жизнь. Нет, пока в горы не иду, разве что через недельку. Куда мне сейчас в горы? Там такого тенька можно и не встретить, разве что на Мангупе, но туда надо

сначала подняться... Нет, монет пока мало и больше не будет — не тот слой... Ну, хорошо, хорошо, постараюсь ничего такого не находить, чтоб вам рисовать было меньше, — конечно, если вы мне еще чаю плеснете. А то такое найдем! Слышали, в прошлом году грифончика откопали? Ух, как его рисовать было тяжко, одна практикантка чуть не повесилась. Так и быть, обойдемся в этом году без грифончиков, будем откапывать рыбные блюда, их рисовать совсем просто. Берется циркуль...

То ли валидол подействовал, то ли под алычой тенек хороший, но через полчаса я уже вполне в форме. Слева под ребрами все еще слегка ноет, но этим можно пренебречь. Пора снова на фронт.

Узкая тропинка между рядами тамарисков. Поворот, еще поворот. И тут носом к носу... Признаться, не ожидал. О., вероятно, тоже...

Я пытаюсь что-то сказать, она пытается что-то сказать.

...Ведь что-то было, ведь все же не зря, ведь оба мы помним, будем помнить, может быть, стоит остановиться, оглянуться, решиться, нельзя, чтобы навсегда, нельзя, чтобы никогда...

Ну конечно, Слава исчез, а Борис грустно курит в полном одиночестве. Нет, спасибо, не буду, накурился. Да ничего, не помер, надо просто полежать — вместо обеда. И вообще, в жару жрать вредно. Во-во, особенно в нашей столовке. Та-а-ак, Слава, и где это вас носит? В яму!.. В яму, говорю! Сам знаю, что скоро шабаш, у меня часы точные. Борис, прошу, прошу!..

Это, конечно, ни к чему, но важен дисциплинарный момент. Не для Бориса, естественно, — для мальчика Славы, а то совсем разопсеет...

Дневник археологических раскопок
Портового района Херсонеса. 1990 г.
Лист 9.
...Работу закончили в 13.00...

Ладно, армада Д. тянется домой, пора и нам. Инструменты в тайник... Борис, не забудь сигареты... Ну, по пещерам!

Тащусь, не глядя по сторонам. Скорее бы лечь! Эх, солнышко, за тучку бы тебя, хотя бы на сегодня, хотя бы до вечера. И — умыться, не морской, соленой водой, а настоящей, из-

под крана! Да только наш запас Лука небось опять выхлюпал, свинтус...

Нет, Борис, какой там обед? Чаек сварю, попозже только. Эх, и курево кончается!

Начинаю взбираться по ступенькам — и чуть не сталкиваюсь с какой-то весьма экстравагантной и весьма легко одетой дамой. Носик востренький. Челочка. Очки... Чего это ее к нам занесло?

Мое недоумение тут же разрешается — вслед за дамой из дверей вываливается хрупкая фигурка нашего тюленчика. Машинально придвигаюсь к стеночке, пропуская раздобревшего Марциала, но Лука притискивает меня комком нервов к кирпичам и начинает блиц-допрос.

...Нет, на обед не иду. Точно не иду — сам видишь, еле ползаю... А что, собственно, случилось?

Естественно, ничего такого не случилось, просто Лука очень не прочь скормить мою порцию Свете. Ага, стало быть, эта востроносенькая и есть та самая из Южно-Сахалинска! Ну, скармливай, Лука, жалко, что ли? Пусть поправляется...

Лечь, закрыть глаза, отключиться... Давно так не хватало! Д. что-то толкует про геофизику, Маздон наверняка станет твердить про то, что я слишком много торчу на солнце, и начнет поить меня целебным чаем, а молодые архаровцы решат, что я стал староват для Херсонеса...

Все равно, все равно, все равно... Лежать, не открывать глаза, дышать, дышать, дышать...

Откуда-то появляется озабоченный Маздон, посылая проклятия Гнусу, отделу кадров и всем коммунистам, вместе взятым, и вскоре мне достается кружка чаю и порция корвалола. Затем возвращается Борис, ложится спать.

...Уже легче, но все равно лучше не шевелиться. Дышать, дышать...

Окончательно оживляет меня Лука. Слишком велик контраст: уходил — до ушей ухмылялся, брюшко почесывал, а вернулся — шипит, как закипающий чайник. Или обидел кто? Так ведь Лука с коммунистами проклятыми вроде бы не ссорился! Он вообще ни с кем не ссорится, планида у него такая...

Нет, к счастью, нашего тюленчика никто не обижал, это он просто озабочен. Прежде всего требуется взять «чего-нибудь» на вечер...

...Требуется — так бери! Я-то при чем, беспокойный ты наш?

Ага, это еще не все! Слухи подтверждаются («Херсонесише беобахтер» — всегда свежие новости!). В комнату, которую тюлень нашел для этой самой Светы, вселились Лена и Марина, которые из Кемерова, Света, бедная, вынуждена спать на полу...

...А я чем помочь могу?

Но он, Лука, этих негодяек пинками выгонит, потому как нечего, к тому же Света не хочет, чтобы просто на траве, даже если одеяло постелить. А пока надо взять ключ от камералки, там, правда, сыро и мыши бегают, но можно будет дезодорантом побрызгать, а главное — простыни достать, хотя бы одну, простыни есть в Беляевке...

...Лука, а может, я лучше посплю, а?

Тюлень не слышит. Еще бы! Света такая! Света этакая! У нее и то, и это, и вообще, и к тому же...

Сплю.

А вообще-то говоря, странное ощущение. Все вроде бы по-прежнему, но что-то неуловимо меняется. Такое уже было в 1987 году. Не накануне ли мы великой шизы?

Теперь уже точно — сплю!

...Солнце клонится за невысокий мыс, издалека доносятся удары волейбольного мяча, а где-то совсем близко шлепают карты. Выглядываю. Так и есть — возле нашего источника Борис обыгрывает двух волчат из стаи Акелы в «сочинку»... Ну, Борис — преферансист безжалостный, впрочем, в «деберц» с ним тоже лучше не садиться. Что значит — химик!

Ладно, довольно хандрить! Если Борис играет в преферанс, значит, все в полном порядке. Правда, слева под ребрами продолжает ныть, но терпеть можно. А вот валяться на душной Веранде совершенно ни к чему. Борис занят, Маздон в нетях, с Лукой все ясно... А не прогуляться ли по вечерней прохладе? Хотя бы к Саше.

Саша сидит в своей комнатушке и грустит. Впрочем, его грустный вид ни о чем не говорит — грустит он всегда, что не мешает Саше вволю пользоваться радостями жизни. Во всяком случае, в Херсонесе. Впрочем, сейчас ему действительно невесело. И есть от чего.

Саша и Андрей копают у Гнуса немало лет и все эти годы при всем скотстве Его Гнусности умудрялись с ним как-то

уживаться. Но в этом году Гнус озверел окончательно. Я давно слыхал про его подлую манеру: неугодных людей ставить на самый трудный участок — к примеру, на тачку — и гонять до сердечного приступа. А недовольных — в двадцать четыре часа из Хергорода. Теперь эта участь постигла и Сашу с Андреем. Они пока сдерживаются, но настроение, естественно, не самое лучшее. Эх, Саша, с кем вас угораздило связаться! Да, конечно, Его Величество умеет быть любезным — до поры до времени. А потом пора кончается, и время тоже кончается...

А еще у Саши нет гитары. Молодняк он не знает, и его не знают, так что даже гитару не попросишь. Впрочем, им сейчас не до Сашиных песен, вот пообедать-поужинать — дело другое. Вымираем мы, Саша, потихоньку вымираем, как херсонесские ежи. Которые с ушами.

Появляется Андрей, длинный, худой и тоже очень грустный. Как я понял, ему от Гнуса достается даже больше, чем Саше, ведь Андрей — доцент, кандидат наук. То-то сладость Гнусу, неучу с высшим без среднего, поизгаляться!.. Андрей пока терпит. Эх, интеллигент питерский!

...Вы видали букашку по имени Гнус? Боги дали промашку по имени Гнус. За ушко бы его — да лопатой по морде! Только жаль старикашку по имени Гнус...

Так и сидим втроем, время от времени покуривая «Стрелу» из Сашиных запасов. Чувствую, что ребята последний раз в Хергороде, так что через год здесь будет двумя ветеранами меньше. И кто вспомнит о них? Я — да Маздон... Не Гнус же!

Да и я сам... Раньше сердце никогда не шалило, даже после бессонной ночи, даже в липкую херсонесскую жару...

Рабочая тетрадь. С. 10.

...По предложению Бориса провели экстрасенсорное обследование «Базилики в Базилике». Поскольку идея его, подробное документирование эксперимента он взял на себя.

Время работы — с 20.25 до 21.30. Ясно, безветренно, очень жарко, освещение минимальное.

Предположение подтвердилось. Обе линии колонн, слева и справа, чрезвычайно «холодные». Замечено также, что «тепло» чувствуется на пороге и возле входа, а также в алтарной части. Средняя часть Базилики «нейтральна».

Таким образом, «Базилика в базилике» имеет следующую энергетическую структуру:

— Два противоположных конца (порог и алтарь) — «плюс».

— Линии колонн вдоль стен — «минус».

— Центр — «нейтралка».

Предложение: проверить субъективные ощущения с помощью инструмента или прибора. Возможны:

1. Физическая рамка.

2. Экстрасенсорная рамка.

3. Маятник.

4. Компас.

Выводы делать пока рано...

Возле сараев все то же.

Едят.

Ужин в самом разгаре — очередная смена поглощает какое-то варево из здоровенной кастрюли, остальные, уже приняв пайку, блаженствуют, сидя чуть в сторонке. Кругом атмосфера сытости и благополучия. Садимся и мы с Борисом, но поодаль, дабы не мешать. Не тут-то было — откуда ни возьмись появляется Ведьма Манон.

...Свят! Свят!

Насколько мне известно, здесь ее слегка недолюбливают (раскусили!) и даже, кажется, начинают побаиваться. Мне-то ее бояться нечего, но все же...

Вероятно, именно из-за этого Манон сегодня не в духе. Так и кажется, что сейчас я услышу шипение. Интересно, за что это она так возненавидела род людской? Или ее очередной муж так плох?

Манон не шипит — шепчет, и я сразу начинаю жалеть, что заглянул сюда...

...Выходит, о нас с О. тут все знают? Или это только Манон знает, все-таки Ведьма? Во всяком случае, она не очень ошибается. Еще два года назад Манон не без злорадства предсказала, что у меня с О. ничего не получится. Теперь же на правах старого друга она уверенно констатирует, что...

Спасает меня Борис, обещая Ведьме камеру пыток и костер из мокрой соломы. Манон окрысивается и начинает злобно шипеть — на этот раз именно шипеть на нашего химика, но

тот невозмутим. Навьи чары на него, истинного материалиста, не действуют.

Ведьма предрекает нам обоим скорую погибель и уползает куда-то в темные кусты.

...Искать зелье, следок вынимать, волосок разрывать, воск топить, фигурки лепить, иглами протыкать, проклятье шептать... Сгинь, сгинь, сгинь!..

Между тем молодежь тоже беседует о делах мистических. Стеллерова Корова, верная ученица Манон, начинает сеанс хиромантии, причем желающие образовывают внушительную очередь. Откуда-то появляется Сенатор, тоже протягивает ладонь...

...А будет тебе, бриллиантовый, удача в казенном доме, и назначит тебя пиковый король в комиссию по бюджету...

Сенатор вполне удовлетворен. Пользуясь его присутствием, интересуюсь, не намерена ли демократическая власть помочь Херсонесу? А если у нее, у власти демократической, с деньгами декохт, то для начала не поспособствуют ли хотя бы восстановлению храма Владимира?

Это интересует, как оказалось, не только меня. Даже желторотики понимают, что еще несколько лет, и от святыни останется лишь куча известняковых глыб...

В последнюю войну бомба — наша ли, немецкая, кто скажет? — снесла купол, но не обрушила стены. Мрамор и порфир собора содрали для отделки горкома родной партии, а черный мрамор пошел на пьедестал очередного истукана с воздетой к небу десницей. А в опустевшем храме кто-то с дьявольской настойчивостью отколол десятки квадратных метров мозаичной смальты. В никуда сгинули кресты с монастырского погоста. Монастырь погиб еще раньше — в январе 1921 года, когда чекисты по приказу пламенного революционера Белы Куна расстреляли почти всех, включая последнего игумена отца Викентия...

...Два года тому назад, как раз в те недели, когда амнистированная церковь отмечала тысячелетие Крещения, на моем, тогда еще моем, Юго-Западном участке чья-то кирка вывернула из-под стены нечто покрытое зеленой окисью, сквозь которую проступал фигурный глубоко вдавленный крест. Это оказалось навершие ножен. Вскоре, перелистав несколько пухлых томов, я убедился, что меч, который вынимали из этих ножен, был не византийский, не греческий — он был варяжский.

Пьяный скандинав из дружины Равноапостольного потерял ножны, выписывая «мыслете» после победного пира. Тогда, тысячу лет назад, идолы пали, чтобы в веке двадцатом отомстить — и живым, и мертвым.

...Див кличет верху древа, велит послушати земли незнаеме, Велзе и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, Тмутороканский болван...

Увы, как выясняется, народной власти пока не до собора. Суверенитет... Правительство... Местная власть... А ведь предлагала патриархия еще десять лет назад за свои средства привести храм в порядок. Как же, позволят адмиралы! К тому же Сенатор глубокомысленно поясняет, что «попов» в Херсонес лучше не пускать — заберут себе не только храм, но и музей.

...Оно, конечно, музей отдавать жалко, тем более «попам», да только ворованное впрок нейдет.

А ушлые кооператоры, прорабы перестройки, уже вовсю торгуют дрянными фотками еще не взорванного храма Владимира, чем, без сомнения, способствуют сохранению исторической памяти — по сходной цене.

В тот вечер засиживаемся у Эстакады допоздна, почти как в давние, теперь уже легендарные времена. Но и тут демократического перемешивания всех возрастов и всех состояний не происходит — мы беседуем тем же раскопным составом: я, Борис, Володя и мальчик Слава. Володя слегка оклемался к вечеру, но выглядит скверно. Разговор незаметно сползает к Володиной эпопее в Афганистане, слушать такое нет охоты, и я просто киваю, стараясь глядеть куда-то в сторону...

О. тоже здесь, буквально в трех шагах, в компании с братом и какими-то первокурсницами. Ни взгляда в мою сторону. Что ж, ждать больше нечего, хотя мне казалось, хотя я все-таки надеялся...

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С. 12—14.

...Черная легенда о таврах лишь не так давно была развеяна работами археологов, но до сих пор остается в бытовом сознании. А между тем именно тавры защищали свою землю, не пуская на нее пришельцев. Их пиратство носило вполне определенный адрес, ведь, кроме греческих, иных кораблей на Черном море в то время не было. Сохранись до нашего времени таврские предания, мы бы узнали немало любопытного о героической борьбе таврских героев с армадами безжалостных пришельцев. Интересно, что греки обви-

няли тавров в своих собственных грехах: пиратство вовсе не было чуждо эллинам, а человеческие жертвоприношения случались у «первых европейцев» даже в V веке до н. э.

Причина, по которой тавры не пускали «лягушек» на свои берега, очевидна. Обитатели Крыма были морским народом и сами были заинтересованы в контроле за побережьем. Только в конце V века до н. э. греки сумели закрепиться на границе гор и степи, но на Южный берег доступ так и не получили.

У скифов, и это тоже очевидно, такой заинтересованности не было. Потомки «ишкуза» так никогда и не стали морским народом. Их интересы лежали на суше, и несколько небольших городов на черноморском берегу не казались им чем-то опасным. В то же время скифы, судя по всему, быстро оценили выгоду от нового соседства.

Выгода эта была очевидна. Потомки «ишкуза» уже успели узнать блага цивилизации в ходе своего переднеазиатского анабазиса. Скифская знать привыкла к роскоши, к золотым украшениям, к массе полезных и бесполезных, но приятных вещей. Прежний путь на Восток был теперь закрыт — кавказские «ворота» были запечатаны савроматами. Великая Скифия была богата, но скифам требовался не «простой продукт», который они имели в избытке, а то, что можно было за него получить.

Греческие города на побережье стали для них новым окном, а точнее, началом моста, который связал Великую Скифию со Средиземноморьем. Положение Скифии становилось поистине уникальным. Если без этого моста она была лишь глухой периферией цивилизованного мира, то теперь она сама становилась крупнейшим транзитным центром, через который могла осуществляться торговля Средиземноморья не только со «степью», но и с «лесостепью», «лесом» и даже отдаленными районами Севера и Заволжья. Потенциальные возможности такой торговли были практически не ограниченны. Сами греки не могли торговать с глубинными районами — скифы не пускали их дальше Днепровских порогов. Впрочем, и греческие города становились монополистами в торговле Средиземноморья и огромных районов Евразии...

Мы уже засыпаем, когда в комнату врывается Лука и начинает беспорядочно кружить, натыкаясь своими выпуклостями на мебель и предметы домашнего обихода. Из его бормотания можно что-то понять про какой-то бар или кафе и про то, что там водку подают почему-то в кофейнике...

И ведь будет дрыхнуть по полудня, оболтус!

...Не спится. Уже захрюкал во сне наш тюлень, давно спит Маздон, отбивающийся вместе с вечерней зарей, видит третий сон Борис... Нет, определенно не спится. То ли на солнце перепекся, то ли и вправду эти клетки, которые не восстанавливаются... А тут еще под окнами что-то зашумело, забулькало, завизжало. Ну, ну, кто это там пикнички устраивать вздумал?

Штормовку на плечи, сигарету в зубы. Та-а-ак, очень приятно, это у нас, стало быть, столик. А что на столике? Да-а-а... Достают же люди! А за столиком... Очень приятно, очень! Все три подружки налицо: Лена да Марина из Кемерова вместе со Светой из этого, как его? Ну, куда Чехов ездил. А с ними вместо дядьки Черномора — Фантомас-Толик. Спи, Лука, спи! Вторая смена пришла.

Краткая политбеседа. Уважаемые! Бесценнейшие... Ваш приход — лучший праздник. Я б вас до утра слушал не дыша, но вот беда какая — народ умаялся. А будильник уже через три часа... Вот спасибо. И вам всем спокойной ночи.

Дружная шведская семейка упархивает куда-то в сторону моря...

Мы не пьем в этот вечер — и жаль, что не пьем.
Моя кружка пуста и не дышит огнем.
Дионис, как Эрот, он не требует спешки —
Все, что мы припасли, было выпито днем.

Крест кем-то сброшен со стенки раскопа и вдребезги разбит. Да, освятили место!.. Женька, Сенаторов сын, в отчаянии, Борис же вновь начинает обсуждать вопрос о том, где лучше соорудить костер для проклятой Ведьмы. Да какой там костер, если она и креста не боится? И тут Женьке в голову приходит поистине дельная мысль. Древесным углем, взятым прямо из нашей ямы, он тщательно изображает новый крест на том же месте. Попробуй разбей, называется. Ну что ж...

Отче наш, иже еси на небеси...

Прошу в яму... Слава, вы опять опаздываете! На ведра, на ведра!..

Дневник археологических раскопок
Портового района Херсонеса. 1990 г.
Лист 11.

...Начали вскрывать третий штык 5-го слоя в пом. 60-а. В слое появилось больше рыжей глины с включением небольших

фрагментов цемянки. Вдоль Ю-З стены находилась линза серой глины, являвшейся, очевидно, материалом для подсыпки. Находок в слое мало, встречающиеся находки сильно фрагментированы. Заметно чувствуется приближение грунтовых вод, засыпь стала заметно влажнее. Перешли к работе с ведрами.

Следует отметить встречающиеся в центре помещения крупные включения гашеной извести ($Ca(OH)_2$). Под стеной Казармы встречаются большие (до 0,5 м) необработанные камни.

В слое найдено несколько крупных фрагментов стенок пифосов и черепицы, а также фрагмент точильного камня. Найдены две ручки чернолаковых канфаров IV—III вв. до н. э., а также фрагмент стенки чернолакового сосуда II в. до н. э. (лак графитного оттенка). Найден один фрагмент буролакового сосуда I в. н. э. ...

Верно, Борис, та же картина, что и в прошлом году. Под стеной — эллинистическая керамика. В основном третий век до... А это значит, Слава, что, раз под фундаментом — эллинизм, и вдоль стены тоже эллинизм. Стало быть, эта Казарма построена вовсе не в начале нашей эры, как в путеводителе написано, а на три века раньше. Вот так-то!.. Нет, Борис, думаю, построена она все же в третьем. Во втором веке им было не до великих строек.

...Понимаете, Слава, во втором веке у Херсонеса начались, как бы это сказать... небольшие трения со скифами. Сарматы выгнали скифов из Таврии в Крым, скифам требовалось жизненное пространство. Отсюда и некоторое взаимное непонимание. Сначала сожгли херсонесские хозяйства на северо-востоке, потом до города добрались. В общем, ежели бы не царь Понтийский Митридат, тот самый, с которым потом Помпей воевал... Тут бы Херсонесу и гаплык. Есть теория, что в городе все надгробия с кладбищ на строительство и ремонт стен пустили. Но открылся Второй фронт — приплыл из Понта стратег Диофант с превеликим воинством... Ну конечно, Борис, не превеликим, но для скифов хватило. Да, Слава, именно этому Диофанту и поставили здесь памятник — тот, что в музее хранится. Но и Диофант не помог бы, если б город не спасла богиня Дева. Так и написано, а вот как именно спасла — не уточняется. Был бы здесь Лука, объяснил бы что навстречу врагу вынесли Великий Фаллический Символ, и... Так что во втором веке Херсонесу стало не до строек...

Ну ладно, Борис, ежели ты так настаиваешь, пусть будет начало второго века, как раз перед скифским форсмажором. Только керамика из-под фундамента идет все-таки третьего... Ну, не будем гадать. В яму!

Сегодня сердце в полном порядке, хотя солнце палит во всю дурь, да и день, если верить все тому же Д., столь же неблагоприятный. Сплошные неблагоприятные дни в этом июле!.. Так или иначе, но настроение такое, будто геофизики пометили этот день тремя плюсами. С чего бы это, интересно?

...Мы вновь столкнулись с О., на этот раз недалеко от нашей столовки. Сегодня она какая-то другая, и мне почему-то показалось, всего лишь показалось, но все-таки...

Или у нее тоже хорошее настроение?

Держите, Слава, пока я добрый. Считай, последняя пачка. Если мне не пришлют еще с десяток, то худо дело, так что, Борис, сегодня заскочим на почту... Должны, должны хорошие люди помочь!

Что, Слава, вам вправду все это нравится? Ну-ну, тогда приезжайте на следующий год, тут еще мно-о-ого всякого копать... Во-во, Борис, хотя бы Мартемьяновские пустоты. Что, Володя, и вы ничего не слыхали про Мартемьяновские пустоты? Ну, это там, где Маленький Зеленый Камнеед живет, тот, что здесь все фундаменты прогрыз. Серьезно, говорите, Слава? А если серьезно, то Мартемьяновские пустоты — вполне научный термин, во всяком случае общепринятый. Названы в честь Леши, то есть теперь уже Алексея Павловича Мартемьянова. Лет десять назад, когда мы только здесь осваивались, кстати, в этом же самом помещении, которое 60-а, Алексей обнаружил интересную вещь: под тонким слоем земли открываются странные щели. Тыкали палку — уходила на метр. Подземелье, не иначе! С кладами. А начинаем копать — ничего... Мистика какая-то. Во-во, Борис, не иначе — Састер, где Символ имени Луки хранится.

...Да просто все — обычный завал камней. Между камнями, естественно, щели, отсюда — пустоты. А начинаем копать — земля сыплется вниз и весь эффект пропадает. Конечно, конечно, Борис, влияние Ведьмы Манон отвергать не следует.

...О. сказала, что поехала в Херсонес только ради меня. Почему же она не позвонила ни разу еще в Харькове? Почему...

Надо обладать немалым мужеством, чтобы после раскопочного пекла выбраться в Себасту до наступления прохлады. В жару город поистине непереносим. Однако жуткий призрак отсутствия курева гонит нас с Борисом на Бэ Морскую к главпочтамту, к заветному окошку — которое до востребования. Ведь есть, есть еще добрые люди на земле, ведь обещали же прислать!..

Увы, увы! В который уже раз — увы! Собственно говоря, летом почта в Крым идет так медленно, о посылках и говорить не приходится. Но что будет завтра? Страшно даже подумать, без курева здесь не выжить. Конечно, можно направить Луку в адмиральский буфет, но, боюсь, сейчас наш тюлень излишне занят.

Бродим с Борисом по Себасте в тщетных поисках хоть чего полезного. Но много не побродишь. Хотя город и расползся в последние годы, но собственно Себаста — это две улицы, Бэ Морская и Ленина, а между ними горка. А все остальное — бывшие слободки.

На горке тихо. Это район старых улиц, где дома одноэтажные, из белого инкерманского известняка, почти все обвитые диким виноградом. Здесь спокойно, живут, почитай, одни отставники. А прямо посреди горки — громада Адмиральского собора. Нет, Борис, туда мы не попадем, видал заборище? Считай, полвека собор не могут в порядок привести господа адмиралы. А ведь там лежат Лазарев, Корнилов, Нахимов... Зато какой истукан напротив отгрохали — тот самый, на который мрамор с собора Владимира пошел. Истукан в полном порядке. А на что им собор?

...Здесь туристам каждый раз байку рассказывают о том, что храм французы с англичанами разорили и заодно склепы адмиралов разграбили, варвары! Впрочем, некоторые экскурсоводы больше на немцев валят. Осквернили, арийцы-обермены! А ведь врут, врут. Не трогали они склепов. Памятники на площади сломали, бедной скульптуре Тотлебена даже голову отпилили, а вот могил не тронули. А разграбили склепы адмиральские уже после войны, всего лет тридцать назад. Последним грабанули склеп Нахимова. Кортик забрали, ордена. Си-

биэс рассказывал — Нахимов лежал в белом мундире, волосы рыжие, с проседью.

...Город, забывший давнюю славу, город чванливой гордыни, город угрюмых отставников, город, осквернивший свои соборы и затоптавший могилы. Не люблю его улицы, его площади, его залитые мазутом гавани, его не помнящих родства жителей. Дважды гнев небес падал на Севастополь, обращая его в прах, но каждый раз он воскресал, злобный Феникс, спеша навстречу новому часу Гибели...

У «Юбилейного», как всегда, толпа. На этот раз не слишком большая — сотни на две. Нет, сегодня, пожалуй, чуть поболе среднего. Не сигареты ли? А, карточки отоваривают! Ну, карточек у нас нет, можем идти спокойно. А это кто?

Из магазина выныривает Ведьма Манон с морской капустой в авоське — не иначе для зелья. Ну, чего тебе, Манон? Что-то ты сегодня такая веселая?

Манон и вправду выглядит веселой и весьма довольной жизнью. Радость ее переполняет, посему Ведьма спешит с нами поделиться. Ну, что еще? Следок чей-то вынула, сейчас кипятком поливать станешь? Или супруг твой прикатил?

Да... Пошли, Борис, пошли. Да нет, ничего, сигарета что-то крошится, в мундштук не влезает. Делают же, обормоты...

...Сегодня мы не встретимся с О. Не поговорим, не объяснимся. Супруг действительно приехал. Только не Ведьмин. Прикатил ее супруг — именно этим спешила меня обрадовать Манон. Специально, что ли, она меня поджидала?

Пока мы брели к Веранде, эту новость сообщили мне еще двое. Выходит, тайн в Хергороде действительно нет?

...А давай-ка, Борис, чайку выпьем! Что, и сахара уже нет? Да что там, можно и без сахара.

Привет, Маздон, привет! Нет, чай весь тю-тю — видать, Лука вылакал, вот, завариваем. Знаю, знаю, приехал... Нет, я с ним незнаком, не имел повода. Ну конечно, Маздон, ты же всех знаешь.

...Маздон действительно неплохо информирован. По секрету ему уже сообщили, что супруг О. приехал не просто так. Ему позвонили. Вроде бы какая-то женщина...

Вот даже как! А собственно, чему удивляться? Наша коммуналка маленькая, и стены в ней прозрачные, и дверей нет...

А между тем вдали слышится звяканье. Нет, призраки в це-

пях днем не ходят, даже в Херсонесе. А ну-ка, ну-ка... Да-а-а! Вот что значит — люди делом занимаются. Погляди, Борис. Нет, это все-таки явь!

Это действительно явь. Правда, такое в наше время бывает редко, тем более в Севастополе. Но приходится верить — к нам движется ящик с пивом. Не спеша, позвякивая с каждым шагом... Конечно, ящики сами не двигаются. Этот, например, волочет Лука.

Дзинь! Уф-ф! Ну, привет, тюленчик!

Есть, есть еще герои! На этот раз Лука штурмовал подсобку магазина под видом инспектора санэпидемстанции. Правда, пришлось еще звонить в торг, но результат налицо. Тюлень цветет и тут же выделяет нам с Борисом по бутылке, а все остальное оставляет на вечер. Очевидно, намечается очередная скромная вакханалия... Ладно, все равно делать совершенно нечего. Теперь уж нечего...

Пиво лучше всего пить на пляже. Это мнение, несмотря на возражения Маздона, побеждает, и мы двигаемся на камни. Удовольствие по высшему херсонесскому разряду: солнышко печет, пиво булькает... И все это с видом на море, равно как на весь наш цветник. Сползлись, считай, все — Сенатор с семейством, Д. со своими, Володя, Слава. Естественно, Ведьма Манон.

А вот и О. со своим...

Ну ладно, мое дело теперь — пиво пить. Пиво, конечно, севастопольское, кисловатое, но в наше перестроечное время и это — дар божий.

...Да пожалуйста, Лука, приводи вечером кого хочешь. Кружку только свою держи отдельно. И ложку... А, кстати, кто это сегодня на моем спальнике в мокрых плавках сидел?

Плаваем долго. Вспомнив прежние годы, направляемся в обход наших скал, туда, где есть знаменитый грот. Грот настоящий, целая подводная пещера, когда-то мы там вино хранили, чтобы на солнце не грелось. А с этих каменюк — помнишь, Лука? — вниз ласточкой прыгали. Конечно, сейчас не стоит, куда уж нам!.. Представь себе, Борис, прыгали. Эх, были гусары... А в шторм, в шторм! Какие здесь волны!.. Правда, уж столько лет тут ни одного нормального шторма не было. Раньше, бывало, в шторм приезжаем, под шторм отбываем. Волны аж до базилик добивали! А после шторма по пляжу местные деятели ползали — монеты собирали, которые из берега вымывало. Ну, по монетам это у нас Лука спец. Вот именно, «роман» на толкучке чуть ли не червонец, а мы этих «романов», бывало, по два десятка в день выкапывали...

Ну что, к берегу да перекурим?

Рабочая тетрадь. С. 10—12.

...«Базилика в Базилике», время проведения опытов — 18.10 — 19.45. Погода жаркая, ветра нет, яркое солнце. Приборы: маятник, физическая рамка, экстрасенсорная рамка, два компаса, фотокамера, рейка.

Опыт с физическим маятником.

Определяли период раскачивания физического маятника в алтарной части базилики, у входа и возле колонн. Видимых результатов нет.

Опыты с физической и экстрасенсорной рамкой дали результаты, аналогичные предыдущему.

Примечание: я никогда не работал с экстрасенсорной рамкой, Борис — всего пару раз в жизни.

Опыт с компасом.

Первоначально попытались проверить общее направление на север. Уже первая попытка в районе входа (компас был положен прямо на мраморный порог) показала непривычно большое отклонение. Использование второго компаса дало те же результаты.

Примечание: оба компаса совершенно новые, до этого ни разу не давали сбоев.

Ввиду этого было проделано следующее:

1. В двух метрах от стены базилики компас был положен на землю, после чего отмечено направление на север, названное Истинный Север (в дальнейшем N). Направление проверено по второму компасу, оба наблюдения совпали. Для наглядности по земле с помощью рейки была прочерчена длинная полоса в направлении N.

2. Компас был последовательно помещен на порог, в алтарной части, у левой колоннады, у правой колоннады. Результаты: всюду зафиксировано отклонение от N одинакового значения, однако разного направления. В том числе (в градусах):

Порог («теплый»): + 20.

Алтарь («теплый»): + 20.

Левая колоннада («холодная»): — 20.

Правая колоннада («холодная»): — 20.

«Плюс» и «минус» определялся по положению стрелки правее («плюс») и левее («минус») истинного значения N.

Опыт был проверен три раза. Средняя погрешность не более 3 градусов. Выводы делать рано. Однако:

— В полу базилики и в камнях фундамента металлических деталей, как правило, не бывает.

— Даже если таковые имеются, этим никак не объясняется разновекторность отклонения.

— То же аналогично магнитной аномалии под херсонесским плато.

Пример: Курская магнитная аномалия была обнаружена из-за отклонения компаса от истинного значения, однако там отклонение было, насколько мне известно, только в одну сторону.

Дальнейшие планы:

1. Продолжить опыты с компасом в «Базилике в Базилике» на протяжении нескольких дней, считая ее контрольной.

2. Одновременно проверить соседние базилики, а также другие строительные остатки. Хорошо бы найти некий доказательный объект.

Во время проведения опытов с рамками и компасом было сделано несколько фотоснимков...

Валяюсь на лежаке, упорно глядя в свежекрашеный потолок. Рядом суетится Лука — открывает банку с минтаевой икрой, фирмовой местной закусью, а заодно вываливает на газету добытую неизвестно где рыбку-корюшку. Появляется, откуда ни возьмись, пара бутылок приличного «Ркацители» (даже не спрашиваю откуда, не иначе Лука выдал себя в горкомовском буфете за незаконного сына Горбачева). Кажется, намечается пир, а значит, пора исчезать, тем более Маздон уже куда-то смотался... Ну и я сгину, не стану портить своей кислой физиономией сей праздник бытия.

Уйти, однако, не удается — Лука действительно в превосходном настроении, и у него хватает энергии уговорить меня остаться. Вероятно, я ему нужен для украшения стола, в качестве, так сказать, образцово-показательного херсонесита. В конце концов срабатывает коллективистский рефлекс, и я начинаю совместно с Лукой двигать стол, расставлять посуду и даже нахожу некоторое развлечение в процессе открывания консервных банок. Ежели на то пошло, надо бы и Маздона пригласить.

Ведь он не просто так слинял — почуял, что гулянка готовится, мешать не захотел, раз его не пригласили. Но мое предложение искать нашего фотографа повисает в воздухе. Маздон, по мнению Луки, не очень годится для украшения стола.

Борис? Ага, ясно дело, у «волчат» пулю пишет. Ну, это надолго!

Рабочая тетрадь. С. 12.

...Проверить Крипту на наличие «контура». Там нет фундамента!!!

Темнеет, и вот Лука, испарившись на полчаса, возвращается со своей дамой. И почти тут же появляется довольный ухмыляющийся Борис (всех обставил!). У востроносой Светы настроение, судя по всему, тоже неплохое. И в самом деле, с чего это ему быть плохим? Днем-вечером перед ней Лука пляшет-выкомаривается, икру-минтай мечет, а ночью Толик-Фантомас стол накрывает. Очень даже ничего! Впрочем, мне-то что? Ну, добрый вечер, добрый вечер...

Худшие предположения сбываются — Света усаживается аккурат на мой спальник.

...Чужая, другая, не наша, не херсонесская, не своя, из других миров, из других краев, случайная, залетная, чайка с моря, гостья с далекого берега, из кружки не пившая, на спальнике не сидевшая, чужая, чужая, чужая...

Первую, как водится, за знакомство. Ничего «Ркацители», такое можно и без минтая потреблять. Эк Лука соловьем разливается, да-а-авно я его таким не видел! Разобрало тюленя на старости лет. Анекдотики, правда, давности десятилетней, зато стихи свежие, это да.

...Уши заткнуть, что ли?

Света, впрочем, слушает с явным удовольствием. Ей тут определенно нравится. Улыбается, очками поблескивает, рыбкой-корюшкой угощается... Под пиво очень даже ничего — рыбка-корюшка.

А вот и херсонесские байки пошли. Тут уже я пригодился, да и Луке есть что вспомнить. Много копано, кой-чего найдено. Правда, этой Свете что лекифы, что бальзамарии, но слушает с интересом. Не лекифы-бальзамарии ее, конечно, интересуют, просто попала девка в самую экзотику. Будет о чем

рассказать на Сахалине: теплое море, развалины, «Ркацители» с дикими археологами, да еще под минтай.

...А это уже что-то из апокрифов. Врет, врет, Лука, все врет, не так это было!

А как было?

Семь лет назад... Точно, семь, тогда как раз Первый Змеиный год случился. Удачливый сезон выпал — серебряных монет набрали, да не простых — с портретом Девы, надпись на камне нашли. Ну и статуэточку, о которой Лука помянуть изволил. Бронзовая, с Дуная, второй век, изображает актера в роли раба да еще с кувшином на плече...

У меня и фотографии есть — Маздон наклеил как раз на тыльную сторону моих цифр. Цифры эти, Света, нужны для фотографирования раскопа, чтобы номер его обозначить...

Так, где мой планшет? Вот, прошу. Да, симпатичный. А нашел я его... Ну ладно, Лука, ежели ты и вправду помнишь лучше...

Лука уверен, что помнит лучше. Было это, если следовать ему, так. Мы заканчивали тогда помещение № 60. Это, Борис, куда мы теперь землю перебрасываем. Шел чистый морской песок, его туда ссыпали, очевидно, под фундамент, когда усадьбу средневековую строили. Надо было зачистить помещения для фотографирования. Зачищал я... А вся прелесть была в том, что стеночка... Северо-восточная, если быть точным... Еле держалась эта стеночка. Там была грязевая кладка, мы вынули землю, и камни начали, так сказать, ходить. А стеночка была высотой... Точно, Лука, метра три минимум. Ну, стеночка ходит себе, я под ней зачищаю, срез по песку ровный ножиком делаю. Сибиэс мне советы подает, а рядом Шарап, тогда еще не Сенатор, стоит, на стеночку глядит, чтобы мне просигнализировать в случае чего. А вдруг успею выпрыгнуть? Ну, нахожу статуэточку, беру в руки — и тут Шарап кричит «атас». Я выпрыгиваю — и на мое место аккуратно ложится с полтонны камней. Сибиэс сперва за сердце, потом за статуэтку — и к Старому Кадею. А Кадей еще и разнос устроил, что статуэтку с места сдвинули, на месте фотографировать не стали. Надо мне было, очевидно, еще под стеночкой постоять, чтобы Кадея утешить... Ну-с, теперь мы в это самое № 60 землю ссыпаем, а актер бронзовый, пропечатанный в должном

количестве изданий, стоит себе в экспозиции — будто всегда там и стоял.

...Только ничего этого, Лука, я не помню, ну хоть убей! Помню, день был пасмурный, прохладный, я ровнял песчаную стенку, чтобы красивой была на фотографии... Песок мокрый, серый — и очень чистый. Ровнял ножом, резал как масло, Сибиэс и вправду смотрел — указания давал, а вот Шарапа не помню. Навел я в помещении марафет, а Сибиэс — он тогда еще увлекался этими играми — возьми да и скажи, чтоб я еще маленько стеночку песчаную подрезал. Я ее ножиком — тут все и вываливается мне под ноги. Статуэтка — вся зеленая, только руки-ноги и можно разобрать, и гвоздики медные, штуки четыре. Наверное, актер этот бронзовый в деревянной шкатулке лежал, шкатулка сгнила, медь окислилась... Я даже в руки ничего не брал, только, помню, брякнул: вот, мол, и находка сезона... И все. А что там потом падало — это уже на твоей, Лука, совести.

Вот так, Света, и рождаются легенды. Поди — проверь!.. Ведь я даже не помню, Лука, был ли ты сам тогда. Ну, тебе виднее...

За винцом идет пиво. Перекуриваем... Лука настолько доволен жизнью, что готов облагодетельствовать кого угодно, меня, например. Скажем, он отвлечет внимание не вовремя приехавшего супруга О.

...А ему-то кто рассказал?

Это, по мнению тюленя, просто. Лучше всего телеграмму прислать — вызов на работу или еще куда. Муж на денек-другой отбывает, а в это время...

Чай... Чай — и невесть откуда взявшийся тортик. А у этой Светы аппетит недурен, хоть по ней вроде не скажешь. Лука выразительно поглядывает на меня... Ну что, Борис, курнем да погуляем? А чего еще делать? И мысль одна имеется... Только кусок торта оставьте для Маздона, а то вообще свинство будет.

Бредем с Борисом куда глаза глядят. А глядят они на восток, на храм Владимира. Не на Западное же городище идти, мрачно там сейчас. Лучше уж к собору, тихо возле него, уютно, нет этой жуткой саванны с сухой мертвой травой. Сегодня как раз время местных привидений. Впрочем, нам они едва ли попадутся, мы тут сами как привидения. Ты прав, друг Борис, настроение у меня неважнецкое. Это ты у нас железный человек...

Громада храма позади, под ногами древний камень Главной

улицы Херсонеса. Странно, по этой мостовой ходили больше двух тысяч лет назад, а она до сих пор получше севастопольских тротуаров. А вот и дом Гикии — той самой, что мужа-врага разоблачила, этакий здешний Павлик Морозов, только без красного галстука...

...Да какая Гикия! Просто дом, второй век до нашей эры, хорошо сохранился, вот экскурсоводы и придумали. Хотя, судя по описаниям, Гикия жила и в самом деле где-то рядом. Это же центр, самые богатые кварталы...

А нам туда — прямо через камешки.

Перемахиваем через невысокую каменную стенку метра в полтора высотой и осторожно идем к центру того, что когда-то было базиликой... Осторожность вполне оправданна, ибо я хочу показать Борису нечто, куда можно запросто провалиться, особенно в темноте. Итак... Это базилика, век десятый, может, и чуть позже, а вот посередине...

Не свались, Борис! Смотрим... Все верно, вырубка в скале, ступеньки...

...Черный провал, черная яма, черный погреб, черная тайна — непонятная, забытая, ненужная, заброшенная... Двенадцать ступеней в никуда, двенадцать ступеней во тьму, двенадцать ступеней в прошлое, в вечность, в могильный мрак...

Домой возвращаемся тихо, разговаривать не тянет. Недалеко от могилы Косцюшко, на той самой скамейке, где мы так и не встретились сегодня вечером с О., выкуриваем по последней сигарете. Вообще последней, ибо в запасе больше нет ни одной пачки. Делать нечего — идем спать.

...Только сворачиваем на узкую тропку между густых деревьев, ведущую к нашей Веранде, как прямо на нас выскакивает, держа полотенца наперевес, веселая компания. Нам говорят «добрый вечер» и летят на всех парах в сторону пляжа. Только через несколько секунд соображаем, что это не кто иной, как все те же три подружки — Лена, Марина и очкастая Света, а с ними... Не Лука, ясное дело, а с ними Толик-Фантомас...

Луку обнаруживаем мирно спящим. Маздона опять нет — судя по отсутствию спальника, можно предположить, что он опять спит где-нибудь на пригорке. Закаляется, покоритель природы, душно ему здесь. А вот тюленю не душно — спит-посвистывает. Он спит, а некоторые не спят, даже на пляж бегают. Вот ведь как получается, Лука! Стараешься, квартиры дамочкам устраиваешь, в столовку водишь мои порции кушать, а они с Толиком гульки гуляют. Ну, спи, спи!..

«Третьи Змеи», — констатирует Борис.

Третьи Змеи?

...Херсонесские Змеи — не просто стихийное бедствие, это целая эпоха. Эпоха Первых Змей... Вторых... Неужели настало время Третьих?

Особ женского пола, вносивших смуту в наши стройные ряды, в Херсонесе перебывало сонмище неисчислимое. Однако далеко не все из них — Змеи. Змеи же, дабы получить право таковыми именоваться, должны соответствовать строго определенным признакам, столь же категоричным, как те, по которым в Египте выбирали священного быка Аписа. Прежде всего Змей должно быть три. Ежели Змея вновь приезжает в Хергород, она сохраняет свой титул, но в этом случае год Змеиным не считается. Итак, Змей должно быть ровно три, они должны быть знакомы друг с другом и в идеале составлять одну компанию. Кроме того, Змеи не должны иметь отношения к нашему университету и к основному составу экспедиции — Змеи всегда приползают со стороны. И еще — Змеи признаются таковыми только с общего согласия тех, кто пережил Змеиные годы...

Итак, не Третьи ли Змеи с нами? Лена плюс Марина да плюс очкастая Света. Все признаки налицо, да и смута уже пошла. Вон Лука на раскоп даже не заглянул, все вокруг этой, которая из Южно-Сахалинска, круги пишет.

...Змеи в траве, змеи между камней, змеи в раскопе, на лежаке, на штормовке, на вокзальном перроне. Не уйти, не укрыться, не спрятаться, не запереть дверь. Змеи, змеи, змеи...

Да, вопрос серьезный. Можно сказать даже, основополагающий.

Рабочая тетрадь. С. 12.

...Главная улица Херсонеса. Объект — Подземный храм (Крипта). Время — 22.45.

Интерес к объекту вызван его необычностью. Подземный храм высечен в толще скалы, поэтому возможен опыт в «чистом» виде, без допущений о влиянии каких-либо металлических частей, оставленных при строительстве.

Результат: та же схема, что и в «Базилике в Базилике». Порог, алтарная часть — «плюс», слева и справа — «минус».

Наблюдение велось при плохом освещении (использовался фонарик) и только с одним компасом, однако очевидно, что отклонения значительно больше, чем в «Базилике в Базилике» (в два раза?). Между тем:

— Крипта вырублена в скале, поэтому никакого фундамента и, соответственно, металлических деталей там нет и быть не может. Нет и колонн. Однако схема полностью сохраняется, что совершенно необъяснимо. Фактически Крипта — просто вырубка в скале неправильной формы, и такое поведение компаса удивительно.

Примечание: однако в целом эта вырубка сохраняет форму базилики.

— Отклонение стрелки компаса (приблизительно на 40 градусов) слишком существенно, чтобы быть результатом неточности или случайности.

Надо:

1. Найти в архиве результаты геологических исследований территории Херсонеса (магнитная аномалия).

2. Найти литературу по Крипте...

Херсонесский июль — мак в руинах цветет.
За наркотиком едет привычный народ.
Херсонесский дурман, как иголка под кожу, —
Боль снимает с души — сроком ровно на год.

Когда еще не поспать, если не в воскресенье? Особенно в Херсонесе. Никакого будильника в полшестого, валяйся на лежаке хоть до завтрака. А можно и на завтрак не идти, что за охота баланду хлебать? В общем, спи — не хочу.

...Поспишь тут, как же! С утра пораньше меня будит громкий стук. Продрав глаза, вслушиваюсь: не просто стук, молотят чем-то тяжелым, ломом, не иначе, аккурат по земле-матушке... Смотрю на циферблат — еле-еле восемь. Да что они там, спятили?

Лука все еще дрыхнет, улыбаясь и похрюкивая, Борис же проснулся и тоже недоуменно прислушивается. Вскоре следует первая версия — наш химик предполагает, что это вернулся Слон и в гневе топает своими тумбообразными ножищами, готовясь отбивать у нас Веранду.

Хорошо, если бы это был Слон! Но едва ли, по последним сводкам нашего «беобахтера», он колесит по Восточному Крыму с приятелями — и с несколькими канистрами спирту для поддержания компании. Тут что-то иное.

Вставать так вставать. Выглянув во двор, наконец обнаруживаем причину колебания земли. И действительно, картина былинная!..

...Рядом с соседним домом в окружении полдюжины своих «волчат» возвышается могучая фигура Волка Акелы. Старик полон чувств — размахивает толстыми мускулистыми ручищами, порыкивает на стаю, время от времени раздавая подзатыльники особо нерасторопным. «Волчата» между тем возятся вокруг здоровенного металлического бака. Бак, между нами говоря, отменный, Гнус выцыганил его у моряков и чрезвычайно им гордится — в безводном Хергороде это целое богатство. И вот этот самый бак «волчата» пытаются извлечь из земли, при этом двое действительно орудуют ломами. Да-а-а...

На крыльцо вылезает заспанный Лука. Вдоволь полюбовавшись редким зрелищем, он, не в силах оставаться в стороне, подкатывается к Акеле. Тот тут же начинает громко рычать, причем его жестикуляция приобретает мельничный темп. До нас доносится нечто более-менее связное, что можно сложить во фразу: «Здесь все мое!.. Весь Херсонес мой!»

Сопротивление бездушной материи преодолено, и бак, конвоируемый «волчатами», резво катится в сторону лагеря Акелы. Возвращается Лука и, довольно ухмыляясь, сообщает, что это именно он пару дней назад подал Акеле идею реквизировать бак. Взамен Волк выдал ему пару одеял и подушек — для Змей, само собой.

...И тут не без Луки!

А между тем в Хергороде столь откровенно покуситься на имущество Гнуса может только Акела. И дело не только в том, что не хилому Гнусу тягаться с Волком, который, несмотря на семь десятков лет, способен своими ручищами скрутить пяток таких, как Его Величество. Акелу поистине не берут годы: по-прежнему могучий, квадратный, дочерна загорелый, полный злой решительности. И дело даже не в волчьей стае, способной загрызть весь Восточный императорский фронт. Гнус справлялся и не с такими, на то у Его Величества разные способы имеются. Просто Акела — не обычный пенсионер, отставной преподаватель архитектуры, балующийся на склоне лет археологией. Он — живая история Херсонеса, последний из чреды Великих, прямой наследник Лепера, Бертье-Делагар-

да и Косцюшки. За ним — десятилетия херсонесских раскопок, он сам уже миф, легенда, бродящая косолапой походкой по серым камням. И Гнус робеет, терпит. Акела уйдет сам, как уходили богатыри из преданий. Уйдет — в херсонесскую вечность... Да смолчит, стерпит Гнус. И бак стерпит, и другое тоже. Каждый должен знать свой шесток...

Все это приятно, беда лишь, что не выспался. Для пущей бодрости Борис тянет меня на пляж. Не ходок я по пляжам с утра, но резон есть — к полудню здесь будет пол-Себасты, не протиснешься к воде.

Ну, пошли!

На камнях уже людно — воскресенье, что поделаешь! Ладно, было бы где сандалии поставить... Та-а-ак, кого это мы видим? Доброе утро, доброе утро... Конечно, солнечные ванны лучше всего принимать до одиннадцати, здоровье — прежде всего...

...Да, Борис, это и есть ее супруг. О. решила не терять времени и с утра пораньше выгуливает законного мужа. Ну что, пошли знакомиться?

Знакомимся. Все понятно, закончил истфак в прошлом году, собирается в аспирантуру. Помню, помню...

Будущий аспирант пользуется здесь популярностью. Кроме супруги, его окружает полдюжины наших девиц, что явно способствует его красноречию.

...Почему-то более всего его интересуют порнографические журналы.

Девицы млеют. О. смотрит в сторону.

У самой кромки скалы, откуда так хорошо прыгать в зеленоватую гладь Эвксинского Понта, со мной здоровается незнакомая девица с чрезвычайно грустной физиономией. Доброе утро... Привет! — это уже Борис. Уже в воде соображаю — с нами поздоровалась все та же Света — в купальнике и без очков. Богатой будет — не узнал...

...А, бог с ней, пусть Лука разбирается — его кадры. Поплыли-ка во-о-от туда... Там еще, хвала Всевышнему, чисто. И народу пока нет.

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С. 15—16.

...Уступив «лягушкам» небольшую часть не особо ценного для них побережья, скифы приобрели во много раз большее — неиссякаемый источник необходимых товаров и возможность получать прибыль от широкомасштабной транзитной торговли. Масштабы этой торговли поражают — товары из Средиземноморья распространяются не только по всей Скифии, но и далеко за ее пределами, доходя до центра Русской равнины, Заволжья и даже еще более отдаленных районов. Возникает разветвленная сеть торговых коммуникаций, проходящих по многочисленным рекам лесостепи и леса. Не будет особым преувеличением вывод о том, что Великая Скифия становится главным районом распространения товаров из Средиземноморья для всей Восточной Европы и Волжско-Уральского региона. Геополитическое положение Скифии становится уникальным по крайней мере в двух отношениях: по масштабности функционирования «моста» из Средиземноморья и сложности ситуации в самой Скифии.

Эта сложность определялась тем обстоятельством, что южная часть торгового «моста», то есть эллинские города на побережье, не только в историко-культурном, но и в геополитическом отношении принадлежали к совсем другому миру. Находясь на территории Скифии, они в то же время чутко реагировали на все изменения не только в бассейне Эгейского моря, но и в других, более отдаленных районах Средиземноморья. Таким образом, если скифская часть Причерноморья являлась периферийной областью средиземноморского мира, то греческие города на побережье были ее непосредственной частью. Встретившиеся «миры» сохранили своеобразие и разность...

Чай после пляжа — это хорошо, правда, Маздон? Конечно, чай — это всегда хорошо. Слушай, а чего это ты вещи собираешь? Понятно, понятно, а я было подумал...

Собирать вещи — давняя Маздонья традиция. Когда его вопли и призывы в адрес проклятых коммунистов упорно не достигают ушей начальства, он принимается грузить рюкзак, заявляя, что уезжает домой. Вот возьмет вещи и сегодня же уедет! Прямо сегодня! Сейчас!..

В прежние годы процесс пакования обычно совпадал с очередной ссорой с Ведьмой Манон. Любила его дразнить Ведьма! Дразнить — и стравливать со всеми подряд. Бывало, что бедняга Маздон полночи бегал ее искать по всем кустам с фонарем, полночи орал — а потом начинал укладывать вещи.

Правда, уехал только один раз, и то лет пятнадцать назад. Теперь же это только своеобразный обычай.

На этот раз причина более мирная — Маздон не уезжает, а переезжает. Наше общество ему не по душе.

...А вот это уже странно. Нервы у Маздона, конечно, уже не те, шумная компания противопоказана. Вот и ходит ночевать на бугор посреди саванны, хоть там и сыро, и холодно. А отдельной комнаты с диваном и кондиционером, которую он громко требует каждый сезон, ему не дают и не дадут...

Но ведь все эти годы мы жили вместе!

А подвернулось ему то самое помещеньице в бараке, где размещается камералка, сиречь камеральная лаборатория. Знаю я эту пещеру — сыро, скучно, из окна вид на мусорник. Ну, нашему фотографу виднее... Ладно, Маздон, ты хоть в гости приходи — вместе с чайником...

И как мы теперь будем чай пить — не представляю. Кипятильником много не заваришь...

...Надо же — Маздон свалил! Не знаю, как Змеиный год, а вразнос мы уже пошли. Ну, если не вразнос, то враскачку. Еле заметно пока еще, чуть-чуть.

...Рядом, под боком, совсем близко, ступи шаг, полшага, обернись, посмотри в глаза... Херсонесский Вий, херсонесская шиза, херсонесское безумие, херсонесская чума...

Курим... Хорошо, что у Луки еще осталось полпачки! Между делом рассказываю тюленчику о пляжной встрече с востроносой Светой. Кто бы это ее в такую грусть-тоску вогнал? Толик ли Фантомас — или сам Лука?

У тюленя, однако, иные заботы. На камералку, куда намерен перебраться Маздон, у него были виды, причем вполне конкретные, он уже и матрас достал, и простыни, и дезодорант...

...Помню, помню...

И теперь, когда охота вступила в решающую стадию, когда только плоды пожинать осталось — такой облом. В комнатке на Древней поселились кемеровские Змеи, интима не создашь, а тут и камералку, которую Лука берег, словно последний патрон, отбирают. Куда бедному гусару податься? Был бы здесь Сибиэс — ударил бы Лука шапкой о землю, заявил, что смерть ему без камералки, не может он спокойно работой научной государственного значения заниматься... Но вождь еще

вчера уехал в город к родственникам, а Д., после того как Лука проигнорировал раскоп, потерял к славному ветерану всякий интерес.

...Мое наивное предложение просто снять номер в гостинице не находит отзвука. Кажется, деньги тюлень уже прогусарил. Разве что Гусеница перевод пришлет.

Вздохнул бедняга Лука, полпачки сигарет уцелевшие ухватил.

Исчез.

Пора и нам что-нибудь предпринимать, дабы не покрываться плесенью. После обеда можно съездить в город. Но это после обеда...

Рабочая тетрадь. С. 12—13.

...Продолжение опытов с компасом.

Исследованы шесть базилик в разных частях Херсонеса. Объекты выбирались так, чтобы каждый находился друг от друга приблизительно на одинаковом удалении. Методика исследования и инструменты прежние.

Время — с 11.15 по 13.40. Погода жаркая, легкий ветер, освещение яркое.

Подробное документирование взял на себя Борис.

Результат: во всех шести базиликах наблюдается наличие такого же энергетического контура, что и в «Базилике в Базилике» и Крипте (в дальнейшем — «контур»), однако при разном значении отклонений.

В том числе (отклонение дается в градусах):

1. Базилика 1935 года (Беловская) — 15.

2. Баптистерий Уваровской базилики — 25.

3. Базилика у колокола — 15.

В «Базилике в Базилике» и у Крипты результаты прежние.

Каждый опыт проводился три раза, погрешность в пределах 3—4 градусов. Показательно, что в каждом случае экстрасенсорные исследования также совпадают: «плюс» — «теплый», «минус» — «холодный».

Была предпринята попытка проверить «контур» на примере обычных жилых домов. Объекты — два дома на главной улице, выбраны из-за хорошей сохранности. Результат: порог «теплый» в обоих случаях, отклонения стрелки компаса имеются, однако очень незначительные, в пределах погрешности.

Вывод: «контур» пока прослеживается только в базиликах.

Планы: продолжить исследования базилик Херсонеса. Относительно Крипты — см. выше...

Из Себасты возвращаемся уже в сумерках. Около Эстакады стол по-прежнему накрыт.

Едят!

Посреди стола красуется ведерная кастрюля с каким-то варевом, и очередная смена желторотых спешит набрать калории. Рядышком примостилась О. с супругом.

Что ж, присядем и мы. А вот и Володя со Славой! А нет ли у них пары сигареток для любимого начальства? И для заместителя любимого начальства?

...А эту — про запас!

Сумерки сумерками, а у насытившейся молодежи внезапно пробуждается желание сбросить лишние калории. Выбор невелик — из сарая извлекается видавший виды волейбольный мяч, и группа желающих становится в кружок. Я не участвую — куда уж мне! — зато Борис тут же занимает боевую позицию. Супруг О. тоже не прочь чуть-чуть похудеть...

Роль зрителя меня вполне устраивает. Усаживаюсь на пригорке, разминаю конфискованную у Володи «Ватру».

Через пару минут я уже не один. О. пристраивается рядом и начинает внимательно следить за молодецкой забавой. Я болею за Бориса, она, само собой, за супруга. Но ведь никто не запрещал болельщикам разговаривать...

Херсонесская конспирация. Херконспирация...

...Она думала, она вспоминала, она решала, она решила, это все, это конец, итог, точка, предел, рубеж. Навсегда, навечно, хватит, достаточно, забудем, зачеркнем, вычеркнем...

Ночная темень прерывает игру. Все довольны, всем весело, я тоже доволен, мне тоже весело. Пошли, Борис, на Веранду, чаю вскипятим, что ли... Как это в чем? А мой котелок на что?

...Она не бросит мужа. Она для того и ехала — побыть одной, разобраться. То есть и со мной разобраться тоже...

Кажется, разобралась...

На Веранде непривычно тихо и пусто. Маздон собрал манатки и отчалил в свою сырую камералку, Луку где-то черти носят. Одни мы в своем здоровом коллективе. И чайника нет... Делать нечего, кипятильник в кружку, заварку — в котелок, не впервой...

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С. 16—18.

...Чего хотели «лягушки» от «кентавров» и «кентавры» от «лягушек»?

Интересы эллинов с самого начала были направлены в сторону закупки сельскохозяйственных товаров. Покупали продукцию скотоводства и, несколько реже, земледелия. Собственно, экономика Великой Скифии ничего больше и не могла предложить. Едва ли греков заинтересовала бы ремесленная продукция «степи» и «лесостепи».

Зато греков интересовало нечто, не относившееся непосредственно к производимым в Скифии товарам. Им были нужны рабы, и эта статья экспорта из Северного Причерноморья сохраняется в течение столетий.

Скифские торговые интересы носили принципиально иной характер. Первоначально они закупали дорогую, богато украшенную посуду. Затем все большие масштабы приобретают закупки вина, которые становятся массовыми. Вино приобретали огромными партиями, прежде всего знаменитое хиосское, а несколько позже — фасосское. Но, вероятно, главной статьей импорта была разная «мелочь»: украшения, одежда, косметика, мебель, то есть все, что свойственно «цивилизованной жизни». Примечательно, что закупки вооружения были редки, да и то уже на позднем этапе.

Сравнение ассортимента невольно заставляет задуматься. Греки приобретали необходимое: сельскохозяйственную продукцию и рабов. Скифов же интересовало то, что иначе чем «роскошью» назвать трудно. Дорогая посуда, вино лучших сортов, ювелирные украшения — все это могло интересовать лишь сравнительно узкую верхушку племенной знати. В результате торговые отношения со Скифией, с одной стороны, стимулировали экономику Средиземноморья, поощряя ремесленное и сельскохозяйственное (вино!) производство, а с другой стороны — заставляли скифов разорять собственных и чужих подданных (рабы!) ради заморского импорта. По сути, такая направленность торговли толкала скифов не только на усиление эксплуатации подвластных им этносов, но и на форсирование агрессивной внешней политики. При всем уважении к своеобразию скифской цивилизации можно констатировать, что потомки «ишкуза» воспользовались уникальным геополитическим положением Скифии не самым оптимальным образом. В наши дни такие экономические отно-

шения назвали бы неравноправными: продажа сельскохозяйственных и людских ресурсов в обмен на тряпки и ширпотреб. Неудивительно, что сами греки оценивали эти контакты приблизительно так же. В их глазах скифы были любителями роскоши и неумеренными пьяницами.

Впрочем, причины скептического отношения, причем взаимного, заключались не только в этом...

Чай еще не допит, когда с улицы доносится топот и сопение — появляется Лука во всей красе. Впечатлений у него столько, что он никак не может погасить скорость и делает попытку кружить по веранде, словно цирковая лошадь по манежу. Впрочем, наткнувшись пару раз на лежаки, он вовремя оставляет это занятие. Брось, Лука, с ума сходить, бери лучше кружку! Хлебнем кипяточку...

Тюлень полон впечатлений и после первого же глотка начинает азартно вещать. Следует подробный отчет о богатом арсенале психологических средств, использованных Лукой при работе с «объектом». Я уже давно заметил, что для нашего тюленя процесс всегда важнее результата. Карнеги ты наш Херсонесский! Да какая тут психология, прости господи, за психологией сюда Змеи приезжают, что ли?

Ага, а вот это и вправду обидно. Все так успешно шло, а тут эта оказия с жилплощадью. Там Змеи. Здесь Маздон...

...Ну почему она не хочет просто прогуляться куда-нибудь в Гефсиманский сад?..

И что тут скажешь? Разве что можно посоветовать не искушать «объект» Гефсиманским садом, куда каждую ночь милиция заглядывает (знает!). Трое нас на Веранде осталось, или не договоримся?

Увы! На Веранде, оказывается, нет замка — внутреннего. «Объекту» не подходит — с точки зрения той же психологии.

Ну чем помочь тюленю?

Попутно узнаем о причинах утренней грусти все того же востроносого «объекта». Оказывается, прошлой ночью Змеиная компания под предводительством Толика-Фантомаса и его дружков затеяла нечто...

В общем, затеяла. Света то ли убежала, то ли попыталась убежать...

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С. 18—20.

...Что думали они друг о друге? Насколько понимали и насколько стремились понять чужую жизнь?

Но прежде всего неизбежен вопрос: насколько это было возможно? Имели ли эти этносы достаточно информации, чтобы объективно оценить друг друга?

На первый взгляд и времени, и возможностей было вполне достаточно. Греки прожили бок о бок со скифами и другими этносами Великой Скифии сотни лет. За это время, в принципе, можно было составить вполне объективное мнение о соседях. К сожалению, результаты многовекового знакомства были зафиксированы лишь греками. Скифский взгляд дошел до нас опять-таки в греческой передаче, неизбежно искаженный и утрированный. Но даже сохранившиеся данные позволяют сделать неутешительный вывод: особого понимания так и не сложилось.

Это вовсе не означает, что эллины и скифы имели друг о друге лишь отрицательное мнение. Такое мнение, конечно, было. С точки зрения греческого обывателя скифы — жестокие, неумеренные в вине и роскоши люди, абсолютно не знакомые с благами «цивилизации». Скифский взгляд также известен. Отец Истории передает презрительный отзыв скифского вождя о греках как о худших свободных и лучших рабах. Греков к тому же считали изнеженными и даже психически неустойчивыми. О справедливости подобных упреков особо распространяться не стоит, тем более что существовали и другие, куда более взвешенные точки зрения.

Греки не могли не оценить такие близкие им самим свойства, как верность друзьям и союзникам, храбрость и мужество на войне, патриотизм. Даже в самой скифской «дикости» они видели качество, выгодно отличавшееся от собственной излишней привязанности к «цивилизации». Скифов, как и других обитателей Причерноморья, напротив, манил высокий уровень этой «цивилизации», умение оформить повседневный быт, сложные и экзотичные для скифов таинства греческих мистерий.

И все-таки они так и не поняли друг друга. Для греков скифы оставались дикарями, мужественными или жестокими, верными дружбе или коварными, но в любом случае «дикарями», варварами (на этот раз в современном значении этого слова). Скифы продолжали считать греков народом слабым, изнеженным, более заинтересованным в прибыли, чем в славе, в целом лишенным му-

жества. Греки так и не поняли все своеобразие скифской цивилизации, основанной на глубоких, давних индоевропейских традициях, цивилизации, обладавшей сложной (куда более сложной, чем у греков) общественной организацией, разработанными религиозными представлениями и ярким неповторимым искусством. Из достоинств этой цивилизации они оценили по сути одно — военную мощь скифов.

Скифы же остались не просто равнодушными, а прямо-таки «параллельными» к достижениям эллинов в формировании гражданского общества, в развитии естественно-научных и философских знаний и личностного индивидуального начала. Колоссальный потенциал греческого искусства воспринимался ими только в «прикладном» смысле (оформлении предметов быта), а достоинства греков они видели в умении устроить все тот же быт...

Рабочая тетрадь. С. 13.
...Результаты исследований наложить на карту Херсонеса!..

Нам не нужно любви — мы хлестали вино.
Все ушло, не зови — мы хлестали вино.
Гавриил к нам сойдет и мечом пощекочет.
Брось, старик, не шуми! Мы хлестали вино.

Дневник археологических раскопок
Портового района Херсонеса. 1990 г.
Лист 13.
...Работу начали в 6.30. Работали в том же составе. Продолжали снимать третий штык 5-го слоя в пом. 60-а. Характер засыпи прежний. Встречаются включения глины, кости домашних животных (коров). Стена Казармы в северной части помещения, приблизительно на расстоянии 1,5 м. от С-В стены пом. 60-а, оказалась разобранной до фундамента.
Находок немного...

Это я немного погорячился насчет «в том же составе». Женьке, кажется, надоело таскать ведра с грязью, во всяком случае, на работу он не вышел. А записывать почти нечего, сплошная полова.

...В печку, Борис, в печку!

И Стенка сгинула... Да нет, Слава, была тут она, вот видите, беловатое пятно на ее месте? Это известь, на нее фундамент клали. А разобрали Стеночку родимую веке этак в пятом, не позже, когда здесь усадьбу строили. Нет, не нашу, которая сверху, а ту, что под ней. Очевидно, город продал этот район частникам — вместе с развалинами Казармы. Казарму, само собой, разобрали, а камешки в дело пошли. Вот видите, торчат. И рядом... Так это от нее — вторичного использования. Ладно, продолжайте в том же духе. Пойду к соседям, там, говорят, сигареты имеются.

У Д. удается стрельнуть «Ватру». А он, оказывается, богач, а плакался, плакался! Впрочем, плакаться ему самое время — из-под земли лезет такое!.. Слава тебе, господи, что у меня в яме то, что есть, а не то, что тут! Ладно, давай разбираться. Это, стало быть, эллинистический водосток. А это позднесредневековый, разумеется. Так, говоришь, два строительных периода? А кто тебе сказал, что их тут два? А что это?..

...Ненавижу водостоки! Когда имеется возможность — срубаю их к чертовой матери, а в отчете пишу, что обнаружен «развал камней со следами грубой обработки». Грешно, конечно!..

Плохо ли, хорошо ли, но через какое-то время хаос начинает превращаться в некое подобие космоса. В общем, это немногим сложнее, чем у меня, только камней поболее. Хотя и сам я пять дней сообразить не мог. Ничего, научится наш Д. Куда он денется!..

Внезапно Д., тоскливо покрутив головой, предлагает бросить бригаду на произвол судьбы и прогуляться в музей, в дебри бывшего игуменского особняка, туда, где под средневековой экспозицией находится самое интересное — архив. Знаменитый херсонесский архив, в котором хранится пропыленная память обо всех двухстах годах археологической конкисты. Д. хочется взглянуть на свои водостоки. А почему бы мне не взглянуть, собственно говоря, на Стену? И Д. пусть посмотрит. Полезно!

...И не только на Стену. Удачно вышло, я как раз собирался в архив, но, конечно же, после работы. Но почему бы не прошланговать?

Ценные указания даны, и мы с Д. не спеша идем по тенистой тамарисковой аллее к музею, огибая встречные стада туристов. Вообще-то говоря, Гнус почти что отлучил нас от ар-

хива, но слово Сибиэса здесь еще кое-что значит. Да и я тут не первый год. Проникнем!

Проникаем. Полевую сумку со всеми причандалами можно поставить на пол, кепку снять... Здесь прохладно в любое время суток, даже когда созвездие Пса над самой макушкой. Неплохо строили монахи! Ну-с, с чего начнем? Где тут у вас картотека?

...Сотни папок. Казалось бы — бумажки, бухгалтерия, но ведь за каждой новенькой или совсем растрепанной обложкой — судьбы нескольких десятков человек, рыхливших серый суглинок Хергорода. Скольких уж нет, скольких уже забыли, а здесь их слова, их мысли все так же слышны, лишь только сдуешь осторожненько пыль, перелистаешь страницы...

Д. навалил на стол полдесятка синеньких переплетов с желтоватыми корешками. Ага, это же отчеты экспедиции Старого Кадея! Три подписи: Кадей, Шарап и Сибиэс. Д. кивает — помнит, мы с ним тогда уже здесь копали. А вот этот отчет мне нравится больше всего. Точнее, эти два. Правда, хороши? Ну конечно, это мои. Смешно, право, — моя стряпня стоит на одной полке с отчетами самого Косцюшко. Так сказать, прицепился сбоку. Ага, а это наш с тобой прошлогодний, вот и Стеночка... Ну, это можно не читать, наизусть помню. Ладно, не буду мешать, смотри свои водостоки. А мы нырнем поглубже...

Обложка не синяя — серая. И бумага пожелтела, и шрифт какой-то непривычный. Хотя и не такая древность — бумагам только четверть столетия. Ну-с, поглядим, что пишет товарищ Балалаенко о Стене, он ведь вроде там копался...

...А ничего он не пишет, Балалаенко! Правда, план изволил составить, это надо будет потом сфотографировать, пригодится. Лентяй, лентяй Балалаенко! Так и не написал отчеты за 1968-й и 1969-й... Бог весть, может, и нашел он тогда что интересное, теперь наверняка и сам уже не помнит. Все равно, на всякий случай можно и спросить.

А вот тут уже спрашивать некого. Огромная черная папка, углы обтрепаны, порван корешок. Листали вовсю, не жалели! Год 1906-й... Карл Казимирович Косцюшко-Валюжинич.

Мелкий неровный почерк... Интересно, применяли ли тогда пишущие машинки? Впрочем, читать написанное рукой самого Косцюшко даже интереснее. Та-а-ак, вот и план... Боже мой, тушь четырех цветов! Как сделано! Ага, ясно... «Изготовил военный топограф». Нам бы военного топографа!.. А это что? Ух ты! Сейчас такого тоже не бывает — все надписи скопированы в папье-маше, даже раскрашены под мрамор. То-то отчет такой толстенный. А вот и сам...

...Косцюшко стоит в окружении своих копачей — тамбовских чудо-богатырей, опирающихся на гигантские, под стать росту, лопаты. Рядом с Карлом Казимировичем — некто в форме, уж не тот ли военный топограф? А левее кто-то молоденький, в цивильном и в пенсне, теперь уже, наверное, никто не скажет, кто именно... Косцюшко хмур и величествен. Прекрасная фотография, выполненная, конечно же, со стеклянного, вечного негатива, запечатлела его в конце очередного многомесячного сезона. Сколько ему оставалось копать? Два года? Три?

...Косцюшко не ушел, Косцюшко остался, навечно, навсегда, пока стоит мертвый город, пока лежит вокруг Мертвая страна. Он здесь, в серой земле, под мраморной колонной, под сенью скорченных акаций, под беспощадным херсонесским солнцем, под бесстрастными херсонесскими звездами. Уйдем мы, он останется — среди своего города, среди своего мира, среди своей вселенной...

Ну-с, почитаем. Так, траншея, еще траншея... Несовременно копал Карл Казимирович, прошибал слои, как бульдозер. Остатки храмика... Алтарь. Ага, уже теплее.

Вот она — Стена из крупных тесаных блоков. Вот и профилек на карте. Что еще? Собственно говоря, и все. Бригада богатырей пошла дальше, к башне Зинона. А находки, что там было, у Стеночки? Н-да, «находки весьма гадкие». Хорошо сказано! В наши дни так уж не пишут. Разучились!

Что ж, для Косцюшки это был лишь эпизод. Расчистил небольшую часть этого странного здания и пошел дальше. Спешил. Наверное, думал вернуться после и докопать. Или понадеялся на нас...

Д., слегка высунув язык от напряжения, трудится над своими водостоками. Ну конечно, он наконец-то выяснил то, на что я намекал ему с самого начала, — все это уже копали, так что зря он целую неделю ворошил отвал!

...Обычная херсонесская история. Лет двадцать назад Старый Кадей расчистил эти водостоки, обмерил, сфотографировал и засыпал — ему нужна была дорога для вывоза земли. А теперь мы копаем все это вновь, потому в слое и попадаются

вполне современные пивные бутылки. Да-а... Чего уж там, бывает! Тем более нам надо копать глубже, так что это все придется так или иначе расчищать.

Д., кажется, увяз. Ну и мы еще чуток посидим...

Рабочая тетрадь. С. 14—16.

...Подземный храм на Главной улице (Крипта).

Храм найден сотрудниками Одесского общества истории и древностей в 1883 г., исследовался два сезона. Описание раскопок весьма схематично, как и чертежи.

Фотографии 1889 г., выполненные академиком Я. И. Смирновым, в архиве отсутствуют, но, судя по их описаниям, в то время в Крипте имелись архитектурные детали, которые в настоящее время, увы, отсутствуют.

Одесское общество, начав исследование на крайней восточной оконечности городища — от Восточной базилики, осуществляло раскопки по северной стороне Главной улицы с востока на запад. Были раскопаны I и II кварталы. Когда дошла очередь до III квартала, землекопы наткнулись на Крипту.

Первоначально Крипту приняли за погреб жилого дома.

Описание: «Далее на восток открыто здание, которое поначалу могло быть и церковью, но впоследствии, как видно, было перестроено. В нем дверь была сбоку, с Главной улицы, и есть погреб, высеченный в скале, с каменною же лестницею, высеченной в скале же; открыто пока 5 ступенек, углубляющихся на одну сажень. Снаружи отверстие погреба в длину имеет 13 футов, а в ширину — одна сажень; снизу погреб гораздо шире, но еще завален большими камнями и мусором».

Из отчета 1884 г. ясно, что Крипта была раскопана полностью.

Описание: «В третьем квартале очищен весьма просторный и глубокий погреб, высеченный в скале, служивший, как оказалось, гробницею... В упомянутом выше погребе длиною 22,5 фута, шириною 15 футов и глубиною 22,5 фута с 12-ю ведущими вниз ступенями, ниже которых иссечена на значительной глубине четвероугольная яма в виде колодца и вокруг нее три ниши, найдены шесть человеческих черепов и кости, мраморная колонка в один аршин вышины и два пьедестала, несколько небольших кусков мрамора и ломаных стеклянных браслетов, два медных перстня, две глиняные лампочки, пластинка золота в один вершок длины,

1/2 вершка ширины и в лист бумаги толщины и более ста монет. Судя по нахождению погреба внутри строения и в центре города и по открытым в нем монетам древнейшего и позднейшего периода, следует предположить, что он принадлежит древнейшему Херсонесу и что был засыпан мало-помалу, окончательно в XI столетии н. э. Между присланными Обществу 87 монетами из этой находки оказалась одна с бычьей головой, одна с профилем богини Херсонас и одна с именем Мойрия, кроме византийских: Василия I — 15 экз., Василия I и Константина VIII — 1 экз., Льва VI — 2 экз., Константина X — 2 экз., Константина X и Романа II — 2 экз., Романа II — 5 экз., Никифора Фоки — 2 экз., Ивана Цимисхия — 2 экз., Василия II — 1 экз., Констанция I — 1 экз. и Льва I — 3 экз. Сверх того свинцовая печать, принадлежавшая Георгию Касидику, протоспафарию и стратику Херсонскому, которой грубая работа и правописание свидетельствуют, что она выбита в позднейшее время...»

Чертежи исполнил штабс-капитан Д. С. Григорьев. За раскопками наблюдали иеродиакон Владимирского мужского монастыря отец Дионисий и учитель реального училища в Севастополе Г. Н. Добров.

Имя руководителя раскопок отчего-то не указано...

Как ни странно, но в наших ямах еще кто-то копошится. Значит, Д. сумел установить некое подобие дисциплины, с чем его и поздравляю. Ну а как там у меня?

...Славик на кирке — дорвался до настоящего дела и страшно горд. Что там у нас, Слава? Да не выпрыгивайте из ямы, сам спущусь...

Дневник археологических раскопок
Портового района Херсонеса. 1990 г.
Лист 14.

...Найдены восемь фрагментов чернолаковой посуды II—I вв. до н. э., фрагмент чернолакового сосуда первых веков н. э., ручка канфара со следами черного лака, а также предположительно ручка от светильника. Находки металла: два фрагмента железных гвоздей, фрагмент медного гвоздя, медная монета, бронзовый наконечник стрелы. Особо следует обратить внимание на донышко чернолакового сосуда с пальметками (IV в. до н. э.) и на два фрагмента известняковых колонн.

Неплохо, Слава, неплохо, стрела симпатичная... Не скифская она, Борис, обыкновенная греческая. Скифские, между прочим, были трехгранные. И донышко красивое... Ну что, Слава, нравятся вам наши игры? Ну и хорошо. Да, пошел материал!.. Снова эти колонны... А означает это все, джентльмены, что мы дошли аккурат до самого настоящего эллинизма. Теперь можно будет заглянуть под Стеночку и, даст бог, что-нибудь понять.

Вижу, Володя... Шабаш! Борис, Слава, инструменты в тайник, лоток для находок не забудьте. А я еще пару слов нацарапаю...

Дневник археологических раскопок
Портового района Херсонеса. 1990 г.
Лист 15.
...Работу закончили в 12.30. Снят третий штык 5-го слоя в пом. 60-а. Слой 5 закончился...

На веранде пусто. Луку где-то носит, и воды снова нет — выхлюпал, паршивец. Хорошо, что всегда имеется резерв в моем котелке! Полежим, Борис, в столовку топать неохота. Вот интересно: говорят, что от работы появляется аппетит, а тюлень наш лопает регулярно. Правда, он тоже вроде как при деле.

По ступенькам скрипят шаги. Стало быть, Лука возвращается из харчевни... Ого, да это не Лука! День добрый, давненько не виделись!

Это и вправду не тюлень — перед нами Сибиэс собственной персоной. Грустный еще более, чем обычно, побледневший. Да что с тобой? Борис, давай-ка чай организуем...

Вождю и вправду не везет — скрутило, приходится ложиться в больницу на несколько деньков, обследоваться. Понятное дело, ему сейчас не до нашего карнавала...

...Нет, Луку с утра не видели. Он, как всегда, неутомим. Должен, должен прийти, куда денется?..

Оказывается, Сибиэс пришел не просто так. И не по делам экспедиции — тут он твердо уверен в нас с Д. Дело совсем иное — хотя и вполне херсонесское. И очень невеселое.

Куда уж грустнее! Странно, что об этом вспомнил Сибиэс, а не Лука. Ведь это он хотел организовать, еще в Харькове мы с

ним говорили... Неужели до такой степени все затмила эта очкастая? Хорошо, что хоть Сибиэс вспомнил.

...Несколько дней назад исполнилось сорок дней, как умерла Ира Щеглова, копавшая с нами в год Первых Змей. Умерла далеко отсюда, в Москве. Из всех, кто работал с нами, она стала первой, перешедшей эту грань... Эх, Ирка, Ирка, ведь тебе только двадцать пять стукнуло!..

Да, об этом должен был помнить, конечно же, Лука. Ведь это была его дама, именно он не мог ее забыть все эти семь лет, начиная с того Змеиного года. Ездил к ней в столицу, вызывал сюда, сходил с ума, воровал ей цветы из директорского садика... И вот теперь Сибиэс, а не он, пришел, чтобы договориться о том последнем, что мы можем для нее сделать, — помянуть. Помянуть здесь, в Херсонесе, где и познакомились...

Это было давно, в те годы, когда и солнце было ярче, и море солонее, когда серые херсонесские колонны вызывали щенячий визг, когда очень хотелось жить и стыдно было терять время. Экспедицию держал в своих твердых руках Старый Кадей, и бледными тенями носились вокруг него совсем молодые еще Шарап и Сибиэс. Тогда наша ватага была втрое крупнее, настоящий бродячий табор, где можно было встретить кого угодно. И где все они теперь? Как чума прошла, только что и остались Шарап с Сибиэсом, Лука да мы с Маздоном.

Лука в тот год был и вправду хорош. Даже среди героев нашего Золотого века, покорителей изысканных херсонесских дивдев, он был одним из первых. Сейчас этому не верит никто. Молодежь просто смеется, слыша о былых подвигах тюленя...

...Где твое время, Лука? Где твоя слава, Лука? Где твои победы, Лука? Где твои девы, Лука? Где все, что было, Лука?..

Луки все нет. Мы вторично кипятим чай и от скуки забираемся с Сибиэсом в такие исторические дебри, что у Бориса начинает сводить скулы. Наш вождь рад поговорить — в больнице не очень весело. Как бы случайно намекаю ему, что в моем раскопе кое-чего есть. Не грех бы и взглянуть. Сибиэс оживляется и обещает завтра подойти. В конце концов, это он заинтересовал меня в свое время тайной Казармы. Похоже, у него появились какие-то новые мыслишки на сей счет.

...Признаться, у меня тоже.

И вот наконец у дверей слышится сопение, и Лука просовывается в проем. Он равнодушно смотрит на Сибиэса, даже не

скользит взглядом по нас с Борисом и, не говоря ни слова, плюхается на свой лежак. Э, дорогой, что-то у тебя не так. И даже очень не так! И это «что-то» наверняка похуже, чем отсутствие необходимой жилплощади или козни Толика-Фантомаса.

Плохо дело! Не отвечая на наши вопросы, тюлень заявляет, что немедленно уезжает отсюда. Прямо сегодня... нет, завтра утром. И в подтверждение своих слов начинает с пыхтением вытягивать из-под лежака рюкзак.

Ты что, Лука, от нашего Маздона чуток заразился? И даже не чуток — самый настоящий маздонизм в прогрессирующей стадии. Ну, хватай, хватай рюкзачишко, тыкай туда мокрые плавки... Дальше-то что?

Процесс укладывания рюкзака постепенно замедляется и в конце концов сходит на нет. Сибиэс терпеливо ждет — он знает Луку побольше нашего и явно не удивлен. Наконец вождь объясняет, зачем пришел.

Лука мрачно кивает. На поминки он, конечно, останется, а потом тут же уедет. А водку можно будет достать в «Дельфине» — или в «Легендарии», хотя там и дороже...

Настроение Луки столь мрачное, что мы спешим оставить тюленя наедине с его невеселыми мыслями и расходимся кто куда. Расставаясь, Сибиэс обещает еще раз зайти завтра, поглядеть на раскоп. С тем и ауфвидерзеен...

У Эстакады обед, а может быть, ужин в полном разгаре.

Едят!

Слава лихо наворачивает ложкой, да так, что поневоле начинаешь завидовать. Вот если бы он работал столь же ретиво! Уклоняюсь от предложенной мне порции и желаю приятного аппетита. Чаю можно, только полкружки, не больше.

О. с супругом тут же. Супруг весел, травит анекдоты — вполне свежие, не то что у Луки. Борис на что невозмутимый человек, и тот улыбается.

...О. не смеется.

Мы с Борисом отходим не далее чем на десяток метров, когда сзади до нас доносится шипение. А, день добрый!.. Ведьма Манон собственной персоной. Что-то она такая веселая сегодня, даже веселее прежнего? Не иначе кому-то ба-а-альшую гадость сделала.

Ах, вот оно что! Тогда понятно. Есть из-за чего Ведьме веселиться. Когда кому-то из нас скверно, у нее сразу повышается настроение.

...На этот раз скверно Луке. Манон для того и подкралась к нам, чтобы поведать причины, в силу которых бедный тюлень начал хвататься за рюкзак. Спешила нас порадовать.

Что тут сказать? В общем, сам он виноват, наш Лука. Будто бы первый раз в Хергороде. Нельзя, нельзя тут ничего выставлять напоказ, тем более свою очкастую из Южно-Сахалинска! Во-первых, кто-нибудь, хотя бы та же Ведьма, непременно нароком сообщит твоей супруге. А во-вторых...

Во-вторых... Все эти дни Лука мою обеденную пайку скармливает Свете. На здоровье, конечно, но в столовой они не одни. Желторотики, не будучи извещенными обо всех хитростях ситуации, почему-то уверились, что симпатичную дамочку с Сахалина кормят за их счет. А уж ежели кто попробует их объесть!.. В общем, окружили они сегодня Луку и высказались — крепко высказались. И про то, что он работать не изволит и что неведомо кого водит в нашу столовку, дабы личный состав объедать. И вообще, катился бы он, пень старый, бурдюк с ушами...

Вот Лука и покатился. Конечно, схватишься тут за рюкзак!.. Все верно, юная босота не помнит прошлых заслуг — и крепко не любит старую гвардию. Но я по крайней мере каждый день выхожу с ними на раскоп, а вот Луке крыть нечем. Не будешь же рассказывать про прежние годы!

А главное — обед. Ведь они, бедные, и так с голодухи пухнут!..

...Молодые, гладкие, умные, ученые, кормленые, поеные, рассудительные, глядящие вдаль, нашедшие масло на бутерброде. Что им Херсонес?..

Ладно, Манон, ты всегда была добра к людям. Да чего уж там, вижу, что рада! И тебе того же желаем, правда, Борис?

Рабочая тетрадь. С. 17.

...Продолжение опытов с компасом.

Время — с 18.30 до 19.45. Погода жаркая, легкий ветер, яркое освещение.

Исследованы четыре базилики и два жилых дома в разных кварталах города. В жилых домах «контур» отсутствует, наблюдаются особенности, указанные выше.

В трех базиликах «контур» обнаружен. Отклонения различны — от 10 до 20 градусов. Значение погрешности прежнее.

Примечание: «контур» отсутствует в небольшой базилике на главной улице. Эта базилика является новоделом, сложена несколько лет назад работниками музея. Камни взяты из отвала и положены на современный цемент. Таким образом, ее сохранившаяся часть, по сути, современная.

Таким образом, Крипта на настоящий день дает самое большое отклонение.

Результаты были положены на карту (туристская схема Херсонеса, однако достаточно точная). Первоначально предполагалось, что размеры отклонения будут расти с севера на юг, однако закономерность, если она и присутствует, значительно более сложная.

Вывод: спешить не будем.

Планы: закончить обследование базилик, продолжить работу с картой, продолжить поиск материалов магнитной аномалии и по Крипте. В архиве материалы по геологической экспедиции и карта магнитной аномалии отсутствуют. Заведующая архивом уверена, что эти материалы засекречены, что сомнительно.

Переговорить с Сибиэсом, Гнусом и Асеевой...

...Сумерки над Хергородом. В кустах опять сходит с ума цикада, вдали гулко бьет колокол под ударом очередного булыжника, над крышей один за другим проносятся ушастые нетопыри. Источник мертв и тих... Идти никуда не хочется, да и, признаться, некуда. А ведь пол-экспедиции уже позади, даже не верится!

Лука немного пришел в себя. Рюкзак снова покоится под лежаком, а тюлень, близоруко моргая, что-то быстро записывает на бумаге, не иначе стихи кропает...

А все-таки не так что-то! Маздон, Лука... Кто следующий?

Вечер нынче вразнос. Ночь, скорее приди!
Мы собрались опять, снова день позади.
Наливайте! Теснее наш круг, динозавры!
По последней, вперед! Кайнозой впереди!

Борис, не увлекайся! Сначала землю выброс, а потом киркуй дальше. Накурил, прости господи! Слава, опять опаздываете!.. В ящик, Борис, все кидай в ящик, потом разберемся...

Солнце уже припекает вовсю, и мы оставляем на себе только плавки. Все, кроме Володи, тот не переносит солнечных лучей и в самую лютую жару не снимает брюк и рубашки. У бедняги сегодня опять неважно с головой. Ладно, Володя, идите, посидите пока в теньке. Мы тут сами управимся. Борис, давай кайло, разомнусь...

...Раззудись, плечо, размахнись, рука! Кайлом, белым острием — с размаху, от всей дури, со всей радости. Бей, бей, бей, круши, лупи, как когда-то, как прежде, как всегда...

Дневник археологических раскопок
Портового района Херсонеса. 1990 г.
Лист 16.

...Начали снимать первый штык нового слоя № 6. Слой № 6 состоит из желто-серого суглинка с частыми включениями глины. В слое очень мало находок, отсутствуют раковины и мелкие камни, фрагментов керамики немного. Слой, очевидно, эллинистического времени (III в. до н. э.?) и является подсыпкой к фундаменту стены Казармы...

Верно, Слава, водичка уже близко, но пару штыков мы еще снимем. Да, мокро. Мокро и противно. И поэтому нечего надевать вьетнамки, когда идете на работу! Увидел бы вас Старый Кадей... Во-во, Борис, а то и киркой бы огрел. Это у него просто-запросто. Ты чего это вздумал в раскопе курить? Да кури, кури, какие уж тут приметы!

Пора бы и Сибиэсу появиться.

Дневник археологических раскопок
Портового района Херсонеса. 1990 г.
Лист 16.

...Находок немного. Главным образом это фрагменты чернолаковой посуды I—III вв. до н. э., в том числе две ручки чернолаковых канфаров, фрагмент боковой стенки чернолаковой красно-фигурной вазы IV в. до н. э., фрагмент рыбного блюда с врезным орнаментом. Следует отметить бронзовый наконечник стрелы иного типа, чем найденные в 5-м слое.

Сибиэс приходит уже под самую завязку. Сперва он долго обсуждает с Д. какие-то оргвопросы. Я не вмешиваюсь. Год назад все подобное приходилось решать мне, пусть теперь Д.

потеет! Стеночка может еще чуток подождать. Больше ждала. А что я все-таки расскажу вождю?

Приветствую, приветствую. Ну, как здоровье? Эк тебя!.. С чего бы это твоей печени шалить?..

Слава, не сидите на стенке! А потому, что береженого бог бережет. На что Кадей был старым волком — и то на моих глазах со стенки вертанулся, хорошо, что на кого-то свалился, а не на камень...

Ну, смотри, Сибиэс, смотри. Вылезла Стеночка!..

...С каменным переплетом я, кажется, разобрался. Все оказалось очень просто — между средневековыми стенами и Казармой есть остатки еще одной усадьбы. Века этак шестого-седьмого или чуток раньше. Вот эти-то стены всю картину и портили. Все просто, все понятно. Но не для этого я кликал Сибиэса. Звал я вождя для того, дабы сказать, что он оказался прав. Никакая это к черту не казарма первых веков нашей эры. В прошлом году, когда я в соседней яме вышел на фундамент, все можно было списать на случайность, но теперь уже никакой случайностью не пахнет. Из-под стены идет самый матерый эллинизм, и такой же эллинизм — в заполнении фундамента. Так что сомнений нет — доску с надписью можно смело снимать и переписывать заново, потому как что бы это ни было, но построено оно никак не позже III века до Рождества Христова. Что и удостоверяю.

Сибиэс не спорит — дело ясное, тем более что он и предполагал нечто подобное еще пару лет назад. Мы долго бродим с ним по заросшей травой древней улице, и вождь, временно забыв о своих болячках, оживленно излагает свои соображения. Если Казарма была построена задолго до римлян и если она — вовсе не Казарма, если она стояла у самых ворот, если через нее проходили те, кто желал попасть в город...

...И если из-под земли так и лезут известняковые колонны, мраморные обломки фракийских всадников, барельефы с Асклепием...

Не спорю — все может быть. Даже очень может быть.

Но делать окончательные выводы рано, придется еще копать — и не год, не два. Сибиэс уходит, я... Мне тоже недолго... Что ж, Д. докопает, он мужик основательный. Если здешние бароны позволят, конечно.

Еще раз смотрим на странные желтовато-серые зубья, выползающие из-под земли. К нам подходит Борис, отряхивая мокрую глину с рук, и сообщает, что после обеда сбегает за водкой, в крайнем случае Лука возьмет в «Дельфине»...

Да, за водкой. На поминках вина не пьют.

Рабочая тетрадь. С. 17—19.

...Крипта (продолжение).

Р. Х. Леппер и А. Л. Бертье-Делагард о Крипте ничего не пишут. Д. В. Айналов незадолго до революции обследовал ее и составил чертеж. В пояснительной записке сказано:

«...Видны апсида, сложенная очень грубо из бутового камня, и часть высеченного в скале и ровно выложенного на краю свода подземелья. Мусор впоследствии был извлечен, и в подземелье оказались столбы, поддерживающие свод...» Интересно, о каких столбах речь? Нет там никаких столбов!

Более подробное Крипту изучали в 20-е — 30-е гг. К. Э. Гриневич, тогда директор музея, писал:

«Подземный храм представлял собой первоначально, судя по верхней вырезке в скале, обыкновенную прямоугольную цистерну, которых имеется в Херсонесе большое количество и существование которых нам подтверждает известный рассказ о Гикии, дочери Ламаха, переданный Константином. Эта первоначальная цистерна была впоследствии сильно углублена и расширена, что могло быть сделано без особых трудностей, так как ниже сарматского яруса, представляющего собою довольно крепкий известняк, идет слой третичной глины зеленовато-серого цвета, который легко поддается обработке. В этой довольно мягкой почве была вырыта апсида, а также апсидообразные ниши, может быть, место для рак с останками мучеников. В юго-восточной части мы внизу имеем следы входных дверей, вырезанных в той же почве, и сделанный из камней столб — опорный столб бывшей здесь впускной лестницы. В скале вверху мы видим вырезанный дромос с остатками высеченных в скале ступеней, ведущих вниз. На поверхности земли мы имеем следы надземного храма, точно соответствующего подземному, над апсидой храма мы имеем апсиду вверху, сложенную на скале из простых бутовых камней. К юго-востоку от нее находится могила. Очевидно, подземный храм сохранился как святыня, имея над собой надземный храм, повторивший его формы... Возможно, что подземный храм является свидетелем борьбы двух идеологий, о которых имеются

сведения в литературных источниках. Этому памятнику мы предполагаем посвятить особое исследование».

Общий итог: большая часть исследователей видит в Крипте раннехристианский памятник, возможно, место собрания первых христиан города. Первоначально это была цистерна, позже углубленная и перестроенная в мавзолей.

Сибиэс уверен, что сооружение это построено не ранее VII—VIII веков, доказательством чего является свод, до этого в подобных мавзолеях не применявшийся.

Гнус сообщил, что в первые века нашей эры, то есть в период распространения христианства, место, где позже была сооружена Крипта, находилось во дворе большого общественного (не частного!) здания на Главной улице...

Стол выдвинут на середину нашей Веранды. Борис режет хлеб, я, как всегда, воюю с консервными банками. Водка остывает в ведре с морской водой.

Почти не разговариваем. Маздон, притащивший зачем-то целых два чайника, возится с заваркой, Лука сидит в своем углу и молчит. Лучше его, конечно, не трогать... Ну что, пора застилать стол газетами? Ага, можно еще нарезать сала. Сюда ставим кружки. Котелок с водой... Вроде все?

Нет, не все. Маздон достает свечу и вставляет ее в бутылку из-под «Крымской минеральной». Теперь пододвинем лежаки поближе...

В разгар хлопот появляется Сибиэс и достает из сумки нечто консервированное. Где наша открывалка? Ладно, и ножом обойдемся.

Вождь ставит на окно фотографию Ирины — старую, еще со времен Первого Змеиного года. Рядом с фотографией появляется небольшая стопка, из которой Ирине уже никогда не выпить... Садимся? Лука, где ты?

Тюлень и впрямь расклеился. Он, кажется, не слышит. Лука, ты чего?

Лука мотает головой, отворачивается, бормочет что-то невнятное, машет рукой, наконец нехотя встает...

В кружки льется водка. Водка льется и в маленькую стопочку рядом с фотографией... Я стараюсь не смотреть на подоконник. Маздон зажигает свечу.

Первые поминки в Херсонесе. Мы еще не привыкли.

...Ты не вернешься в Херсонес, Ирка, ты не спустишься в раскоп, ты не поправишь светлые волосы, выбившиеся из-под косынки. Ты где-то в Москве, ты под грудой желтой земли, ты — табличка на кресте, ты — полустершееся имя на черной ленте венка... Почему, почему, почему?..

...Вскипает чайник, мы моем кружки, и Маздон заваривает свой знаменитый — с мятой. Садись, Лука, чай пей, да садись, что это ты опять?

Но тюленю не до чаю. Внезапно он становится суетливым, начинает что-то распихивать по карманам куртки, из-под кровати извлекаются новые кроссовки... Еще минута — и мы остаемся за столом одни. Без Луки.

Живые, стало быть, думают о живых. А ведь он плакал, когда узнал, что Ирка умерла!

Пьем чай... За окном, над серыми обломками херсонесских стен, опускается вечер. Свеча в бутылке из-под «Крымской минеральной» погасла...

Даль заката красна — будет ветер опять.
В бледной дымке луна — будет ветер опять.
Над безжизненной, мертвой землей херсонесской,
Что нам Роком дана, будет ветер опять.

Бездельник Слава только-только обозначился на горизонте, мы с Борисом еще докуриваем предраскопные цигарки, одолженные до лучших времен у Володи, как вдруг, словно из-под земли, Мефистофелем налетает Д.

Вид — странный. То ли смущен, то ли хвост ему накрутили. А где же «доброе утро»?

Нет «доброго» утра! Не до того ему.

Ах, вот оно что! Все ясно, Сибиэс в нетях, Д. сейчас главный... Вот и решился Гнус на этом главном покататься. И не только на нем.

...«Мы» от «них» зависим. «Мы» — это, как я понимаю, мы, «они» же — Гнус и компания. Итак, «мы» от «них» зависим, и никуда от этого не деться, посему «мы» должны идти «им», Гнусу с компанией, навстречу.

А идти навстречу в данном случае — это отдать «им» в рабство Славу и Володю, дабы помочь Гнусу строить какой-то сарай, выгрузить вещи из склада, где рухнула крыша, и в слесар-

не опять же... Правда, не пожизненно, «они» согласны удовлетвориться и тремя днями. Впрочем, эти три дня Д. будет рад видеть нас с Борисом у себя на участке...

Пока Сибиэс был в силе, Гнус себе такого не позволял. Между прочим, наши ребята работают даже не за питание — бесплатно. Своим-то «они» платят!

Еще год назад я бы, пожалуй, поспорил, намекнул на то, что и у Д. на раскопе есть люди. Да и не мешало бы заглянуть в сараи — а нет ли там лишних? Но теперь не стану. Бессмысленно, Д. и нас с Борисом, будь его воля, послал бы в рабство к Гнусу или еще куда подальше. Значит, быть посему, хотя три дня — это до субботы, и, стало быть, неделя пропала...

Ах, не совсем пропала? Будем работать в воскресенье? Хорошо, душа поет!

На Володю со Славой жалко смотреть. Перспектива работать на здешнем складе или в допотопной слесарне их отчего-то не радует. Увы, тут я не волен. Тут волен Д.

Итак, я не спорю. Бессмысленность этого занятия — лишь одна причина. Есть и вторая — с Черным Виктором я созвонился еще несколько дней назад, и если телеграмма уже пришла...

Совпадение? Странное совпадение, словно кто-то выталкивает меня из Херсонеса...

Ну чего, Борис? Поспим часок, а там...

Дневник археологических раскопок
Портового района Херсонеса. 1990 г.
Лист 16.
...Работы не велись...

Рабочая тетрадь. С. 19—20.
...Продолжение опытов с компасом.

С 11.00 по 12.30 провели контрольные замеры на трех объектах:

1. «Базилика в Базилике».
2. Базилика у колокола.
3. Крипта.

Погода жаркая, ветра нет, освещение яркое. Для дальнейших опытов на каждом объекте обозначили репер с помощью меченых камней, указывающий на N.

Результат:

«Контур» тот же, однако отклонение несколько выросло (на 2—3 градуса). Это в пределах погрешности, однако рост можно было проследить на всех объектах. Причины пока неясны. Борис предполагает, что это связано с усилением действия магнитной аномалии.

Примечание: с какой стати этой аномалии «усиливаться»? Действие (и воздействие) подобных аномалий ни мне, ни Борису неизвестны, посему от суждения лучше воздержаться.

Работа с картой.

Предположение Бориса: базилика представляет собой своеобразный диполь, причем отрицательный полюс полностью компенсирует положительный, как и должно быть согласно закону сохранения заряда. Исследованные базилики находились на некоторой кривой (параболе), и энергия возрастала по направлению к центру аномалии, который оказался в Крипте.

Комментарий: необходимо добавить: «предположительно оказался».

Я: если это так, то строительство Крипты именно в этом месте не является случайным. Однако все эти рассуждения пока бездоказательны, поскольку для точности необходимо продолжить поиски «контура» на других объектах Херсонеса, равно как исследовать таковые за городскими стенами (Крестообразный храм), что позволит уточнить наличие этой гипотетической «параболы». Однако Крипта и в самом деле является очень интересным объектом...

Дневная Себаста ничуть не лучше вечерней. Даже хуже — жара валит с ног. Когда-то на Бэ Морской можно было выпить пива — и не только пива, само собой. Когда-то... Не разжигая себя бессмысленными воспоминаниями, заглядываем по привычке в знакомые бук-шопы. Магазины действительно знакомые. До боли... Правда, и сейчас в них можно купить, к примеру, «Королеву Марго» — всего за полсотни...

У дверей почтамта оказываемся еле живые. Жарынь выжигает остатки оптимизма, однако же собираемся с последними силами... Где тут окошко, которое «до востребования»?

Тоскливого вида дама тасует пачку писем. Ну, писем-то я не жду. Что? Не может быть!

Может! Передо мною целых две бумажки. Ну-ну, не было

ни гроша, да вдруг алтын, во всяком случае, первая выглядит весьма обнадеживающе, поскольку это квитанция на получение посылки... Вперед, Борис, это за углом!

За углом приходится долго ждать, стоять в душной очереди... И вот наконец нам вручают искомое. Бумагу долой! Ну? Ну!

Есть!!!

Два десятка пачек несравненной «Ватры»... Есть, есть бог на свете, и добрые люди есть! Посылку отправили еще две недели назад, хорошо, что вообще дошла... Двадцать пачек, дней десять жизни, может, даже чуток больше.

...Дымись, родимая, дымись, закруточка, — назло врачам, назло лекаришкам, назло совдепам, Совмину, Минздраву!.. Закоптим орденоносную Себасту!..

Перекурим, Борис, на радостях? Ах да! Бумажка номер два. Телеграмма! Пошли обратно, это в главном зале...

На этот раз ждем недолго. Ну-с, ну-с?.. Вот так, Борис, и начинаешь верить в промысел божий. Это я про Д. — и про то, что мы остались без работы. Три свободных дня нам очень даже пригодятся. Это от Черного Виктора.

...А ведь если бы не Гнус и не Д., мне пришлось бы оставлять Бориса за старшего, уходить одному. Удачно вышло!

А все-таки странно это!

Черный Виктор немногословен. Он лишь сообщает, что будет ждать нас в условленном месте в указанное время. Но подробности не нужны, все уже договорено. Указанное время — это завтра, с двенадцати до шестнадцати, условленное место — у желтой кручи Чуфут-кале, а ежели точнее — то справа от входа. Телеграмма здорово опоздала, так что мы оказались здесь очень вовремя...

Договорились мы с Черным Виктором еще весной. Заочно. Ясное дело, от Харькова до Саратова не близко.

Каждый занимается своим делом. Старый Кадей, к примеру, изучает Хергород римского времени. Сибиэс пишет о торговле, Сенатор Шарап — дока в вопросах религии, Д. тоже в чем-то там копается. А вот Черный Виктор — спец по императору Августу.

Мы впервые встретились с ним шесть лет тому назад на достаточно-таки скучном научном толковище в Белокаменной Москве. Тогда мне уже начинали надоедать эти сонмища — слишком они напоминали разговор глухих. Ученые мужи, равно как и не менее ученые дамы, толковали, словно тетерева на току, каждый о своем — благо тезисы уже изданы и вожделенная публикация состоялась. Большие бизоны выдавали на-гора семенные вытяжки из будущих монографий, аспирантско-доцентская плотва «прокатывала» только что написанные статьи... После первого же доклада неудержимо тянуло в буфет. Я давно уже потерял надежду услышать что-нибудь путное, когда высокий крепкий парень с чуть заметным волжским акцентом разорвал серую пелену скуки, рассказав нам о битве при Акции.

...Египтянка шла на прорыв, убегала, удирала, рвала когти, делала ноги — сквозь строй своих же кораблей, сквозь плоть своих же солдат, а вокруг гибла армия, гибло царство, погибала династия, гибла эпоха, гибла слава Великого Александра, Граник, Исс, Гавгамеллы, навсегда, навечно, но бабий страх был сильнее, и она шла на прорыв, убегала, удирала, рвала когти...

Потом мы встречались с Виктором то в Горьком, то снова в Москве, временами обменивались посланиями. Узнав, что он собирается этим летом пробежаться по Крыму, я договорился ненадолго примкнуть к его войску, несколько дней назад мы еще раз созвонились...

Из-под лежака извлекается рюкзак. За эти две недели он успел порядком запылиться, посему первым делом надо выйти на крыльцо и как следует его вытряхнуть. Так... Еще раз... Нормально! Кружка... Котелок... Наш сигаретный запас...

Глядя со стороны, можно подумать, что маздонизм добрался наконец и до нас, потому что Борис проделывает со своим рюкзаком то же самое. Вот сейчас топну ногой, отрясу прах с кроссовок, пошлю прощальное проклятие Гнусу...

...Наверное, и это будет. К счастью, еще не сейчас. Сколько я еще продержусь в Херсонесе? Год? Два? А если Д. в следующем году меня просто не возьмет? Двум медведям в берлоге не ужиться...

Рюкзаки постепенно наполняются. Берем самый минимум, оставляем даже спальники — Черный Виктор, когда мы договаривались с ним еще в Москве, обещал на ночь пристроить группу на какой-то базе. Надеюсь, не на военной, хотя, чтобы переночевать, сгодится и военная... Ну ладно, Борис, поглядим, что надеть на ноги, по горам бродить — это не по раско-

пу. И темные очки, само собой... Ну-с, как в песне поется, «были сборы недолги». Пойду-ка найду Д., порадую.

...Д. хоть и не обрадовался, однако явно почувствовал нечто вроде облегчения. Все устраивается к общему удовольствию: он сохранит своих декхан на раскопе, Слава с Володей будут ишачить за вашу и нашу свободу... а мы с Борисом не будем мозолить ему глаза. Правда, показалось мне... Ну так, чуть-чуть показалось, что Д. очень не прочь присоединиться к нам. Он и сам когда-то с удовольствием бегал по горам. И такое было, во всяком случае, Эски-Кермен мы с ним брали вместе...

Рабочая тетрадь. С. 20—21.

...В архиве и в библиотеке данных о геологических исследованиях Херсонеса, в том числе карты магнитной аномалии, обнаружить не удалось.

И. А. Асеева сообщила, что карту изъяли два года назад. Насколько она помнит, исследования показали, что Херсонес стоит на сплошной скале, никаких признаков залежей полиметаллических руд не найдено. В этом случае появление «контура» связано не с влиянием «подземного» железа (и не с особенностями строительства, чему доказательством является Крипта), а с чем-то иным.

Крипта (продолжение).

Мнение А. Л. Якобсона:

«Под пещеру использовали обычную в Херсонесе большую прямоугольную цистерну римского времени, расширенную в нижней части; в пещеру ведет высеченная с узкой стороны цистерны лестница в 8 ступеней. Самой пещере (длина 8,26 м, наибольшая ширина 4,40 м) был придан четырехлопастный план: к восточной (верхней, северо-восточной) триконхиальной части с юго-западной стороны примыкает конха, по ширине наибольшая. В целом пещерное сооружение по своей композиции очень близко к уже известным памятникам гробничной архитектуры. Скорее всего перед нами именно мавзолей — мартирий раннесредневекового времени, может быть, также V в., чему нисколько не противоречит находка здесь краснолаковой керамики (более определенных сведений о ней не имеется), продолжавшей бытовать, как известно, и в V, и в VI вв. К. Э. Гриневич высказал правильную мысль, что в Крипте было «быть может, место для рак с останками мучеников», иначе говоря, предполагая (если мы правильно понимаем автора) именно гробничный характер сооружения. На погребальное назначение указывает не только композиция этой пещеры, но и наличие с юго-восточной стороны ее дополнительного небольшого помещения (наибольшая длина 2,70 м) — явно дополнительного погребального склепа... Близ лестницы имеется каменный, прямоугольный в сечении, массивный столб, служивший, возможно (как полагает К. Э. Гриневич), в качестве опоры для впускной лестницы. О перекрытии мавзолея (плоским деревянным посредством стропил или каменным или кирпичным сводом) никаких данных мы не имеем, и поэтому судить трудно; не исключено, что мавзолей имел плоское деревянное перекрытие. Над мавзолеем, несомненно, возвышалась церковь, имевшая, возможно, какую-либо центрическую композицию, подобную композиции крестообразных мавзолеев Восточной и Западной базилик и Загородного крестообразного храма. Очень возможно, что и усыпальница позднее превращена была в церковь-меморию, на что указывают остатки престола в восточной нише...»

Из книги В. М. Зубаря и Ю. В. Павленко «Херсонес Таврический и распространение христианства на Руси» (Киев, 1988):

«По мнению некоторых специалистов, с первыми веками н. э. каким-то образом связан располагавшийся на главной улице пещерный храм-мавзолей, функционировавший как культовый объект, очевидно, с V века и почитавшийся в Средние века как место, связанное с деятельностью первых христиан. Возможно, здесь, в переоборудованной под маленький храм уже не использовавшейся цистерне, собиралась для молитв и богослужений небольшая группа христиан, скрывавшихся от властей и языческого населения города. Не менее вероятно, что на этом месте (возможно, в самой цистерне) погиб кто-то из первых проповедников, в честь которого в IV или V веке и был сооружен культовый мемориал, дополненный позднее наземной часовней, от которой сохранилась только часть апсиды».

Из «Жития Святых епископов херсонесских» (перевод на церковно-славянский):

Херсониты ищут Святого Василия: «Они же, веселе приемше слово, начаша искати Святого епископа и обретеше и в некоей пещерке, зовемой Парфенон, идеже живяше моляся... И ю пришедше в пещерку, идеже в селение имеяши святый епископ...»

Место гибели Святого Василия: «...идеже христиане столп имуще горе животворный крест поставиша...»

...А вокруг кипит жизнь. Из окон нашей Веранды наблюдаем грациозную постать Стеллеровой Коровы, направляющейся на пляж, рядом с ней семенит Ведьма Манон, почти зримо окруженная черной аурой. Вдали мелькает благородная седина Маздона — наш фотограф, увешанный аппаратами, словно рождественская елка, ведет группу молодняка запечатлеваться на фоне базилик (наверняка у колонн, там, где «минус»). А вот сквозь высокую желтую траву к нам резво катится неопределенной формы предмет. Ага, Борис, это же Лука, только чего-то он...

Тюлень и вправду чего-то, и даже очень чего-то. А говорит еще, что в Себасте выпить нечего! Ну-с, а что это за банка с соком?

Лука явно в духе. Постепенно адаптируясь к особенностям его речи, начинаем понимать, что его, как и нас, поджидали сегодня немаловажные сюрпризы. Прежде всего он тоже был на почте. Правда, сигарет не дождался, зато получил — экая синхронность! — телеграмму. И послезавтра тюлень едет в Симферополь, дабы кое-кого встретить.

Мы переглядываемся — призрак Гусеницы затмил свет за окнами, но Лука спешит нас успокоить. Гусеница прочно осела дома, зато к нам приезжает Буратино. Его лучший друг, товарищ и заодно подчиненный — тоже лучший.

Переглядываемся — только Буратины нам здесь и не хватало, знаем мы этого лучшего друга и подчиненного!

...Вот оно, пошло-поехало! Маздон нас бросил, Лука не работает, мы убегаем — а тут еще и Буратино. Пропала экспедиция!

Лука, а что в банке-то? Да ну? Вот дела!

Действительно — дела. Лука, наш неутомимый Ганимед, успел заехать в легендарные Камыши, где всегда что-нибудь есть. На этот раз «что-нибудь» продавалось в трехлитровых банках аккурат из-под сока.

...И это пьют?

Вблизи «это» соком не назовешь — цвет явно отдает анилином. На блеклой этикетке гордая надпись о том, что сие изготовлено в совхозе «Перемога». Ах, теперь это называется «Ркацители»? Не шутишь? То, что мы недавно пили, еще можно так назвать, а это... Нет слов!..

...Желтое-желтое, страшное-страшное, мерзкое-мерзкое, жуткое-жуткое, ужас, погибель, смерть, конец всему, амба!..

Лука, ты-то ладно, хотя тоже душа живая, но каково будет

гроб до Южно-Сахалинска везти? Поездом, потом на пароме... Нет, пробовать это мы не будем, правда, Борис? И при нас не открывай, а то нюхнем. Нам ведь завтра в гору, мы, понимаешь...

Луке абсолютно все равно, куда мы направляемся. Для него мертвые громады Мангупа, Чуфутки и Эски-Кермена излишне страдают отсутствием столь привычных удобств, в том числе соответствующих заведений, где наливают то, что пузырится в банке. Вот если бы мы собрались в Ялту или, паче того, в Гурзуф!.. Это да, тут бы, глядишь, и Лука брюхом тряхнул. Как в год Первых Змей, когда мы с ним решили слегка встряхнуться...

Ну, каждому свое! Лука спешит вдаль, чуть пошатываясь и пыхтя под тяжестью трехлитровой банки со счастьем, а мы можем и чаек попить, а заодно подумать, не забыли ли чего. Как ни крути, а идти нам с незнакомым народом...

...Виктора прозвали Черным не из-за характера, а всего лишь за черную куртку, которую он обычно надевает в поход. Сам Черный Виктор — парень крепкий, и весьма, а вот кто на этот раз окажется в его группе — пока загадка. Не пришлось бы кое-кого в конце маршрута тащить на горбу!.. Да и идейка относительно ночевки на мифической базе начинает казаться уж очень фантастичной. Спальники взять в самом деле, что ли? Но ведь это опять же на своем горбу переть!

Наконец приходим к компромиссу — в рюкзак укладывается одеяло, как некий паллиатив в этом сложном вопросе. Теперь остается одно — извлечь из тайника изрядно уже похудевший кошелек и сбегать в «Дельфин» за тем, без чего в горах вечерами прохладно... Итак, все готово, можно сжевать по паре купленных в городе вафель, поглядеть на вечернюю панораму за окном и, презрев благородные традиции ночных гулек, отбиваться — до утреннего ворчания будильника.

Выходим из круга. Ненадолго, хотя бы на два дня...

...Кто кого обманул, Херсонес? Кто кому нос натянул, Херсонес? Ты ли выпихнул нас, Херсонес? Или тебя мы хитрей, Херсонес?

Рабочая тетрадь. С. 21.

...Две недели работы экспедиции.

Раскопки идут по плану, однако личный состав начинает изрядно штормить (Маздон, Лука). Змеиный год!

Возможные объекты на маршруте:

1. Чуфут-Кале.
2. Тепе-Кермен.
3. Керменчик.
4. Сюрень (?).
Постараться:
— Проверить наличие «контура». Взять оба компаса!
— На Чуфут-Кале имеется некое подскальное сооружение (так называемый «каземат»). Сравнить с Криптой. Аналогично — на иных объектах...

В этом странном оазисе — странный народ.
В наше дикое племя не каждый войдет.
Кому быть в Херсонесе, кому возвратиться,
Только сам Херсонес до конца разберет.

Полупустой «Икарус» мчит нас Древней улицей, делает лихой разворот у кинотеатра с шовинистическим имечком «Россия» и катит, набирая скорость, по гигантскому спуску, оставляя позади печальные серые надгробия караимского кладбища. Подъем. Круче, круче. Еще разворот... Все! Теперь рюкзаки на плечи и вниз, к вокзалу. Ничего, Борис, в электричке отоспимся!

...В поезде Себаста — Бахчи (который «сарай») главное — сесть поудобнее, желательно у окошка. Рюкзаки наверх и... И пока что спокойной ночи. В таких электричках высыпаться — одно удовольствие. Ничего, Бахчи не проедем, там, считай, все сходят.

...Тихий стук колес, тихий стук сердца, тихий стук песчинок в песочных часах, еле слышный, вечный. Снова дорога, снова мой дом на двух ногах, снова рюкзак за плечами, за спиною Вчера, впереди Завтра, а вокруг только тихий стук колес, только тихий стук сердца...

Это, конечно, не сон, так, легкая форма анабиоза. Мысленно отмечаю каждую очередную станцию. Верхнесадовая. Сирень... Кажется, пора шевелиться, да и солнышко пригрело — не подремлешь.

Рабочая тетрадь. С. 21.
Крипта (анализ).
Само название указывает на то, что Подземный храм на Главной улице принято считать христианским мавзолеем. Это не вызывает сомнений, по крайней мере предварительный осмотр (первый раз я спускался в Крипту еще шесть лет назад), и отчеты экспедиций этому вполне соответствуют. Более того, Крипта являлась чрезвычайно почитаемым местом, поскольку:
— Находилась в самом центре города.
— Над нею была сооружена базилика, то есть Крипту накрыли «колпаком»как особо памятный объект.
Вопрос лишь в том, чем он был памятен? Версия о том, что Крипта сооружена на месте тайной христианской молельни...

Подъем, Борис. Вот он, Бахчи!

Редкий город соответствует своему названию. Едва ли встретишь в Воронеже ворона с ежом, да и в Херсоне не всегда снятся плохие сны. А вот Бахчи, ханский Бахчисарай, до сих пор держит марку. Улицы усажены фруктовыми деревьями на любой вкус, лопай — не хочу, а на вокзале можно получить редкое яство — лучшие в Крыму чебуреки. Экий оазис по нынешним временам!.. Ладно, можно и чебуреками заняться, благо время еще есть.

В автобус влезть трудно, но в принципе возможно. Рюкзаки, конечно, мешают, но они, к счастью, полупустые. Ничего, у Дворца все вылезут, будет посвободнее...

Собственно говоря, весь старый Бахчи — это одна длиннючая улица, начинающаяся почти от самого вокзала. Вдоль нее и протянулся город — сначала кварталы внеисторических мазанок, потом коттеджи времен послевоенной колонизации, а затем сам татарский город — полуразрушенные дувалы, мечети с обезглавленными минаретами, почерневшие резные калитки. Ага, вот и Дворец!.. Если я не ошибаюсь, Борис, мы здесь уже бывали. Не ошибаюсь, конечно, — в прошлом году. Что и говорить, мизерное зрелище, этакие декорации к оперетке, ты прав. Но хотел бы я знать, как может Дворец выглядеть, если его жгли раз этак шесть — при Минихе, войска генерала Ласси, до этого Дорошенко-старший, потом немцы поспособствовали...

...За набеги, за гаремы, за черные гари, за черную измену, за черный страх... Гори, ханский дворец, гори, ханский огонь!..

Вот Бахчи и кончился!

И вправду, за Дворцом город, щегольнув на прощание несколькими кварталами сюрреалистических мазанок, таких же,

как возле вокзала, быстро сходит на нет. Едем дальше, слева начинают вырастать темно-серые, в огромных выбоинах скалы, затем они уходят куда-то в сторону, а справа возникает новая гряда, но на этот раз поросшая редким крымским лесом...

Да, Борис, это она и есть, Иосафатова долина. Еще одна остановка — и выходим.

Здесь уже не степь, посреди которой стоит Бахчи, но это еще и не Крымские горы. И степь, и горы — невеселые места, особенно в нечеловеческий июльский зной, когда Пес над головами сходит с ума. А здесь... Здесь что-то переходное, ни на что не похожее. Зелень, как в Амазонии, тропинка сквозь какие-то лианы проложена... Да сам скоро, Борис, увидишь.

Ага, кажется, приехали.

Выгружаемся. Под ногами небольшая асфальтовая площадка аккурат на один автобусный разворот. В отличие от классического васнецовского распутья здесь только две дороги: широкая налево и поуже — направо. Впрочем, нет, есть еще одна, совсем тропка, вверх, к магазину. Маленький такой магазинчик, старенький. Этакое ретро.

Люди с революционными убеждениями пошли бы, разумеется, налево, там и дорога прямее, и двигаться удобно — спуск. Но мы, пожалуй, налево не пойдем, нам туда еще рано. Нет, Борис, если ты, конечно, считаешь, что уже пора... Ну, как хочешь.

Борис прав — нам туда все-таки рановато. Ведь эта дорога ведет не куда-нибудь, а в местный сумасшедший дом, в крымский филиал Канатчиковой дачи. Лучше повременим, хотя места, конечно, райские. Что ж, придется делать правый уклон. А что магазин? Господь с тобой, что там делать? Перестройка. Гласность... Думаешь, сюда еще демократия не проникла? Ну пошли, время еще есть.

Да... Провинция... Мерзость запустения... Свежие перестроечные ветры в эти места точно не проникли. У нас бы дома такого не потерпели! Не потерпели бы в наших оазисах демократии, чтоб так, внаглую, валялись сигареты, а люди брали бы по одной пачке... Экая деревня! Что, по десять пачек даете? Ну так давайте.

...Ну, теперь точно — не пропадем!

А конфеты «Каракум», по-моему, вообще разврат. Гнусный, застойный, махровый разврат! Ничего, в воскресенье туристы

подъедут, наведут здесь демократию... Ну что, грабеж закончен? Тогда — труба зовет. На Чуфутку!

Тропа ползет сквозь низкорослый крымский лес. Повеяло свежестью, такой странной в этих местах да еще в такое время года. Деревья постепенно становятся более рослыми, вершины начинают смыкаться над головой. Увы, это ненадолго, на Чуфутке хлебнем солнышка. Вволю хлебнем!.. Интересно, встретимся ли мы вообще с Черным Виктором? Обычно он пунктуален, но ведь добираться ему сюда пешком, через горы, да еще с группой...

Тропа выводит на большую поляну. Эка мы высоко забрались! Ну-с, можно оглядеться. Та-а-ак, внизу, Борис, аккурат то заведение, куда мы не попали. Солидная контора! Теперь смотрим правее. Еще правее... Видно, конечно, плохо, но вот то, желтое, за деревьями, если не ошибаюсь, и есть вершина Чуфутки. Далековато еще...

А теперь можем оглянуться.

...Громадная скала закрывает полнеба — отвесная, серая, насквозь пробитая какими-то ходами, лестницами, черными провалами окон. И, разумеется, покрытая надписями: «Здесь был Вася»... Развалины часовни, остатки огромного креста... Все, что осталось от Успенского монастыря. Известная была обитель — единственная в Крыму при Гиреях. Ага, а вот и надпись для таких, как мы. Почитаем.

Так... Построен... Жили... Русский посол жил... Библиотека, стало быть, уникальная. Экий очаг мракобесия! Зато финал оптимистичен: в двадцать первом году... отряды красноармейцев... покончили... Хэппи энд! Красноармейцы покончили с монахами, их потомки — с монастырем. Можем туда не подниматься, Борис, там уже революционный порядок.

Теперь идем вдоль скалы, но буквально через двадцать шагов натыкаемся на столь частую и столь привычную для Тавриды — и не только для нее — картину. Белый мрамор, черный мрамор, расколотые вдребезги кресты, буквицы-муравьи, цепляющиеся за неровные осколки... Нет, Борис, не монахи, от монастырского кладбища и такого не осталось. Так что это не монахи-мракобесы, это реакционное царское офицерство. Здесь в Крымскую был госпиталь, сам Пирогов заезжал...

Ну, тут тоже — революционный порядок.

...Вдребезги — черные каменные плиты, вдребезги кресты с забытыми именами, вдребезги блеск золотых эполет, вдребез-

ги блеск давней славы. Хамы мстят — за поротые задницы, за битые морды, за барскую ласку. Людям, мертвецам, именам, могилам, камням, земле, миру...

Тропа вновь ныряет в увитый лианами коридор. Вверх, вниз, снова вверх... Ну, уже скоро! Ага, вот на этой поляне есть вода, самое время набрать фляги. Воды мы не встретим еще долго, даже слишком долго...

Подъем становится круче. Запахло жарой, кроны над головами размыкаются. Все... Пришли!

Амазония кончилась. Гигантский голый склон, усыпанный грязно-серыми валунами, уходит к самому зениту. По вершине гребня протянулись руины стен, кажущиеся снизу кучей мелкой гальки... Белое лютое крымское солнце. Ни ветерка...

Чуфут-Кале.

Рай позади, это уже горы. Рюкзаки сразу становятся тяжелее, щебенка на склоне колет ноги даже сквозь кроссовки...

Хорошо, конечно, назначить встречу у входа на Чуфутку! Точнее, справа от входа. Удобно, не промахнешься. Но критерий истины, как утверждают поклонники этого бородатого, — практика. А на практике устроить даже временный лагерь под этим солнцем, да еще на склоне градусов в шестьдесят... Ну-с, Борис, какие есть предложения?

А какие, интересно, тут могут быть предложения? Склон пуст, только где-то на полдороге притаилась груда валунов, чуть прикрытая хилой маслиной — или оливой, кто их разберет. Ну, Борис, ежели ты так хочешь, пусть это будет смоковница. Греческая, само собой. Ну что, туда?

Тенек, конечно, мизерный, но делать нечего. Благо одеяло с собой, стелим... Сколько там на наших кремлевских? Так, без десяти полдень. Мы, во всяком случае, не опоздали.

Лежать жестко. Но ежели присесть на рюкзак, то вполне терпимо. Что ж, осмотримся. Вид отсюда — хоть куда: все проходы к воротам просматриваются идеально, хоть пулеметы ставь...

Итак, к вершине можно подойти по двум тропам. Одна — по которой мы пришли. Другая — вдоль горы. Ладно, будем поглядывать...

...Солнце — белое, беспощадное, безумное, безудержное. Солнце в глазах, солнце на серых камнях, за воротом рубашки, у самого сердца. Белый свет, белый огонь, белый океан...

Рабочая тетрадь. С. 21—22.

...не выдерживает ни малейшей критики. Прежде всего смущает само место, где находится Подземный храм. Он построен в наиболее аристократической части города, где жила херсонесская знать. Такое его расположение возможно только в случае наличия влиятельного покровителя из числа тайных христиан, который мог обеспечить строительство и охрану святыни. Однако эта версия не может решить все проблемы. В позднеантичное время вход в храм располагался во дворе крупного здания, которое, по мнению некоторых специалистов, было не жилым, а общественным сооружением некультового характера. Наземная часть храма, вход и трапециевидная шахта, прорубленная в скале, находились в центре двора. Если сама шахта была скрыта заподлицо каменными плитами, то следов маскировки входной лестницы не сохранилось. Итак, спуск в это сооружение был заметен любому, кто входил во двор. Если учесть, что богослужения сопровождались песнопениями, то тайна нелегального святилища была бы открыта очень быстро. В Херсонесе секреты, как известно, хранились плохо. Это в полной мере относится к истории первых христианских общин, о чем свидетельствует такой памятник, как «Жития епископов херсонесских». Христианскую общину преследовали постоянно и успешно, ее первые руководители, как правило, погибали от рук врагов. Постройка и длительное существование Подземного храма в этих условиях были бы поистине чудом. Между тем «Житие» ни разу не упоминает, что община имела постоянный храм в самом городе. Его постройка вдобавок потребовала бы таких средств, которыми христиане наверняка не располагали, и вызывала бы неизбежное любопытство соседей, что сразу способствовало бы раскрытию тайны...

Вверх по склону ползут все новые и новые стайки туристов, исчезая за проемом ворот. Скучновато... А еще скучнее будет, если мы так и не дождемся Виктора. Ладно, Борис, ты как хочешь, а я попытаюсь последовать примеру йогов. Ежели лечь на бок, да еще кроссовки под голову...

...Сгорим, испепелимся, исчезнем черным пеплом, сизым дымом, белым облаком, серым пятном на камнях. Ой, жарко!..

Рабочая тетрадь. С. 22.

...Следует отбросить предположение о том, что христиане, не имея храма, могли собираться в старой рыбозасолочной цис-

терне, на месте которой позже и было сооружено подземное святилище. Худшую конспирацию придумать трудно. Собираться в центре города, в аристократическом квартале, да еще под открытым небом, где каждое громкое слово (не говоря уже о пении) слышно соседям, было бы, мягко говоря, самоубийством. Если христиане действительно имели неизвестного, но могущественного покровителя, то куда проще было предоставить в распоряжение общины надежный подвал или домик на окраине. Сами же гонимые последователи Христа едва ли рискнули бы собираться в подобных условиях.

Единственный фрагмент «Жития», который может быть отнесен к гипотетической «цистерне», — это сообщение о том, что одного из епископов (святого Василия) нашли в небольшой «пещерке» («...начаша искати святого епископа и обретеше и в пещерке...» — см. выше). Из текста ясно, что указанная «пещерка» была связана с каким-то языческим культом (Афина, Артемида, Херсонесская Дева, богиня Херсонас), поскольку именовалась Парфенон. Епископ, которому грозила смерть, мог прятаться в ней, поскольку такие святилища предоставляли убежище гонимым («Деяния апостолов», случай с апостолом Павлом, который прятался от разгневанных иудеев в храме). Из источника невозможно понять, находилась ли «пещерка» за городом или все-таки в городе. Если допустить второй вариант, то чисто теоретически это могло быть место, где позже возник Подземный храм. Однако в «Житии» сказано лишь, что епископ там находился в описываемый автором конкретный день. Ни о службе (или собрании христиан) в предполагаемом тайном храме, ни о гибели будущего святого на этом месте сведений в «Житии» нет. Святой Василий погиб «идеже христиане столп имуще горе животворный крест поставиша», после того как его приволокли туда из упомянутой «пещерки». И, кроме того, «пещерка» — все-таки не цистерна...

От наших рубашек вот-вот пойдет дым. Тень уползла, теперь она на склоне, где не только лежать, но и сидеть опасно. Ладно, как-нибудь примостимся. Перекурить, что ли?

...Первым их замечает Борис. Недаром в армии он был артиллеристом! Несколько фигур медленно ползут вдоль склона прямо к нам, медленно ползут, не торопятся. Вещичек набрали — под самую завязку...

Они?

Нет, пока никого не узнаю, ведь я знаком только с Виктором. Но на всякий случай — подъем!.. Гости приближаются, теперь уже можно их хорошо рассмотреть. Два мужика постарше, молодой хиляк, пухлый юноша, чернявый такой... Две худющие девицы... А кто это впереди с тремя рюкзаками? Черная куртка!

Вроде он... Он!

Еще минута — и Черный Виктор, знаток эпохи Божественного Августа, хлопает меня по плечам. Все в порядке, встретились. Они, правда, подзадержались — электричка опоздала, потом попался трудный перевал... Ну, все равно — порядок!

Пока я представляю Бориса, орда падает под смоковницу. Эге, а вымотало их изрядно, даже как-то чересчур. И отчего это Виктор тащит целых три рюкзака? Не много ли на одного? Ох, чую, это еще та команда!..

Гершафтен унд дамен! Во-первых, привет вам из пролетарского Харькова. А во-вторых, Виктор Николаевич, может быть, сразу на Чуфутку, а там и отдыхать будем?

Народ начинает нехотя подниматься. Кто-то жадно хлещет воду, миг — и фляга идет по кругу. Эге, а вот это совсем не годится. Вода в горах, да еще в жару!.. Это же первое правило! Не иначе сборная в первый раз на серьезном маршруте.

Вперед! То есть понятное дело — вверх.

Мы с Виктором и Борисом в авангарде, остальные ползут следом. А это второе правило — на подъем надо идти быстро, меньше устаешь. Зато есть время поговорить.

Виктор держится молодцом. Еще бы — командир! Правда, три рюкзака — это уже перебор. Начинаю понимать, в чем дело: обе девицы, словно козочки, порхают налегке. Значит, с рюкзаками надо будет что-то придумать...

Тем временем Черный Виктор обрисовывает обстановку. Их планы, оказывается, переменились. От Чуфутки они собираются идти не по Иосафатовой долине, прямо на Себасту, а сделать крюк, чтобы выйти на Куйбышево. Посему поход займет времени слегка побольше, чем думалось, и намеченная турбаза, естественно, накрывается.

...Когда идешь вверх по склону, думается средне. Неважно думается — в основном под ноги смотришь. Но две мыслишки приходят на ум сразу. Первую тут же излагаю Виктору. Дело в том, что я обещал вернуться через два дня. Эмоции Д. и Сиби-

эса можно проигнорировать, но этак я совсем в Луку превращусь. Нет, надо прийти вовремя, а значит, мы пробежим с группой Виктора только первую, самую, впрочем, интересную часть маршрута — до Куйбышева. Дальше они пойдут долиной, это не так интересно.

Вторую мысль я придерживаю — это уже наши с Борисом заботы. Сами виноваты, что наши спальники остались в Хергороде, а ночевать придется на сырой землице с одним одеялом на двоих. Маздоны!

За воротами Чуфутки начинается узкий подъем между двух высоких стен. Логика обороны — гости под полным контролем сверху. Теперь, кажется, направо. Еще подъемчик... Все, пришли!

Борис явно разочарован — города за стенами нет, только невысокие холмы, поросшие желтой высохшей травой. Что ж, и такое видели. Жили тут караимы тысячу лет, до самого двадцатого века дотянули, а потом пришел гегемон. Так что и в этих местах — полный революционный порядок. Ладно, дальше будет интереснее. Куда идем? Если к южным воротам — тогда нам туда.

...И здесь — желтая трава, и здесь — желтый саван, и здесь — желтая вечность. Еще один мертвый город, еще одна мертвая страна, еще один мертвый мир...

Пухлый чернявый юноша, оказывается, наш проводник. Точнее, полупроводник — бывал он здесь лишь однажды, но надеется на лучшее. Хотя по дороге к воротам приходится сделать пару явно лишних кругов, этаких сусанинских...

...Злоязыкий Борис уточняет, что наш полупроводник, ежели приглядеться, не Иоанн Сусанин, а скорее Иоанн Сусман. Особой разницы, признаться, не вижу. Хорошо, что мы взяли карту — и оба компаса, кстати.

Наконец мы на верном пути. Справа остаются две чудом уцелевшие кенессы — караимские молельни, затем дом Ферковича, караимского Ломоносова, чудом сохранившийся среди общего разорения. Идем по уложенной гигантскими плитами дороге с навеки оставшимися следами бесчисленных татарских арб. Слева выныривают из-под желтой травы руины мавзолея... Нет, Борис, это не хан, это дама, сестра Тохтамыша, того самого, что Москву спалил. Тут про нее целую легенду сочинили. То ли она от любви утопилась, то ли утопила кого-то — опять же от любви. Ага, вот и дорога!

Южные ворота почти целые. На месте даже вечная дубовая обшивка...

...А жарко-то как!

Короткий привал. Вновь фляга идет по кругу — воздерживаемся лишь мы с Борисом и Виктор. Между тем Иоанн Сусман бегает кругами в поисках одному ему ведомых примет. А куда идем-то? Ежели нам надо пройти через кладбище, то тогда направо и вниз, это даже я знаю. Вот дальше бы дорогу найти!..

Пользуясь свободной минутой, складываем наши вещи в один рюкзак, после чего освобождаем Виктора от излишнего груза. Теперь я похож на парашютиста — рюкзак спереди, рюкзак сзади. А что, даже удобно, уравновешивает... Двинули? Верно, Борис, двигаемся к караимскому кладбищу, тому самому, знаменитому.

...Поднявшись ввысь по каменной твердыне и побродивши по Чуфут-горе, мы шли по жаркой каменной пустыне, скрываясь, чтоб не таять на жаре, под сень деревьев, чьи худые ветки застыли в черной сморщенной коре и листья чьи были сухи и редки... Оставив гору, мы спустились в дол, где углей многочисленные метки тропили след привычному из зол — туристским шайкам, что, бродя повсюду, стремятся вбить в природу смертный кол, что издавна присуще было люду. Тропа текла, и вот в ее конце мы увидали серых блоков груду стены почти развалённой. В торце еще висели старые ворота, немые, словно в брошенном дворце. Из глубины тянуло, как из грота, — сырою гнилью. Сотни мощных крон закрыли солнце, словно своды дота... И мы, впадая как бы в тяжкий сон, вошли во мрак гигантского погоста, в ковчег навеки сгинувших времен...

Здесь хоронили более двенадцати веков. Караимская Долина Памяти... Самые старые надгробия уже не прочитать, на более поздних рядом с квадратным еврейским письмом теснятся русские и немецкие буквы. Из Петербурга, Вильны, Каира... Отовсюду.

Справа от входа — серое бетонное надгробие Ферковича, рядом с ним — кое-что поновее. Трагически погиб... 20 ноября 1920 года. Поручик... И сколько ему было, бедняге? Двадцать четыре... Ноябрь 1920-го, красные орлы ворвались в Крым. Потешились...

...И сюда добрались. Надгробия огромные, самое маленькое на полтонны потянет, а все разбито, опрокинуто. Ты прав, Борис, конечно, могли и целый полк прислать — чтоб побыстрее отречься от старого мира. Бедные караимы! А может, их с евреями спутали?

...Бей, громи, круши, ломай, уничтожай — без жалости, без пощады, без сожаления. И снова разоренные могилы, и снова разоренное кладбище, и снова разоренная святыня. Страна бесчестья, страна беспамятства...

А кстати, где наш Сусман? Нам, по-моему, прямо и вверх. Ну, веди, веди!

Мы снова на солнцепеке. В двух шагах — гигантский обрыв, откуда видать пол-Крыма. Да, красиво!.. Ну, Сусман, куда нам дальше? Лучше определиться по карте. Надежнее как-то.

Что, опять привал?

Рабочая тетрадь. С. 23.

Чуфут-Кале.

«Каземат» ничего общего с Криптой не имеет. Судя по всему, это обычное хозяйственное помещение. Про «каземат» и пыточные камеры явно придумали экскурсоводы. Предполагаемая «церковь» (восточная часть городища) в плане почти квадратная и Крипту также ничем не напоминает...

Поглядим и мы, а то заведет нас полупроводник! Ну-с, слева от нас Чуфутка, сзади — Иосафатова долина. А вот то, ежели не ошибаюсь... Точно, Крымская обсерватория! Нет, Борис, из пулемета, конечно, не достать — тут километров восемь, а вот из гаубицы... Значит, если компас не врет, Тепе-Кермен — направо. Это хорошо, Иоанн, что ты с этим согласен. А где спускаться будем? Жаль, жаль, что не знаешь. А кто знает?

Обрыв и вправду превосходен — классический крымский обрыв, градусов семьдесят, весь заросший травой и колючим кустарником. И что, так и будем катиться? Ладно, пошли! Что, Борис, рискнем составить авангард? Пить не станем, прополощем рот... А эти пускай себе пьют, поглядим на них через час.

Рискнем? Рискнем! Соловей, соловей, пташечка!..

Рюкзак, болтаясь на плохо прилаженных лямках (сам виноват!), кидает из стороны в сторону, то и дело аккурат в физиономию лезет очередная любопытствующая ветка.

...Ой!

Это, Борис, называется седловина — сначала спуск, а потом, стало быть, подъем. А что там красненькое на кусте? Нет, не годится, волчья ягода. Эге, а это действительно неплохо — кизил! Кислятина, но жажду утоляет... Ну, прибавим скорости, только осторожно, здесь ветки, глаза береги!

...Ветер в ушах, ветер в лицо, ветер в затылок, ветер под ногами. Ветер, ветер, ветер...

Мчим, подгоняемые Ньютоном, далеко опередив остальных. Чуть сзади нас пристроилась одна из безрюкзачных девиц, как выяснилось, родная племянница Черного Виктора. Пыхтение остальных доносится издали. Злоязыкий Борис спешит окрестить двух немолодых джентльменов пожилыми вампирами, наглых девиц — ведьмочками, а молодого хиляка — отчего-то агентом КГБ... Веселая получилась компания! А мы кто? Не иначе херсонесские тролли?

Вниз, вниз...

В авангарде хорошо — авангард всегда снимает сливки и берет трофеи. Правда, нам пока достались лишь кусты кизила, но все еще впереди. Хотя в таком походе есть еще одна выгода для тех, кто идет первым. Вот эту выгоду мы сейчас и ощутим.

Спуск закончен. Мы особо не радуемся — впереди подъем. Тепе-Кермен, Крепость Вершины... Ну что, перекур?

Валимся на траву, не снимая рюкзаков. Ничего, терпимо... Конечно, курить перед подъемом — против правил, но ежели потом заесть кизилом... И к тому же хочется. Приятно, что и говорить!

Через минуту рядом с нами валится на траву молоденькая ведьмочка, вскоре к ней присоединяются агент КГБ, Виктор, вторая ведьмочка и вконец измочаленный Сусман. Последними подходят, тяжело пыхтя, вампиры. Что и требовалось доказать: сейчас мы встанем — и кто, скажите, пожалуйста, дольше всех отдыхал? То-то... Люблю быть в авангарде!

Теперь глаза смотрят вниз. Сектор обзора — кроссовки и полметра дороги впереди. Бог с ней, с небесной голубизной, тем более небо не голубое, а какое-то серое. Главное — следить за дыханием и не оступиться... Хорош подъемчик, хорош, тут уже не до разговоров. А что впереди?

Нет, еще далеко...

Тропинка ведет себя плохо — то и дело вздыбливается, но-

ровя уйти из-под ног, и приходится хвататься за первый попавшийся корявый ствол. Рюкзаки, ироды, давят к земле... Ладно, минуточку посидим. Давай кизил, Борис! Нет, только минуточку... Пошли!

Ближе к вершине деревья кончаются, солнце вновь вступает в свои права, а тропинка окончательно выходит из повиновения. Ну, это уже совсем никуда не годится!.. Правда, ежели ухватиться руками... И зубами. И ползком, ползком! Ну и видок же у нас, Борис, со стороны, как жуки в коллекции! Зато уже близко...

...Небо серое, камень под ногами тоже серый, в глазах рябит, в ушах — зуммер... Ничего, чуток осталось! Вот еще этот подъемчик. Шажок, еще шажок...

Неужели поднялись? И живые? Странно...

Теперь можно все. Можно снять рубашку и кроссовки, можно прилечь на травку, можно даже воды выпить — по глотку, не больше... Ну-с, где главные силы?

Из-за камней появляется Виктор. Оборачивается, вытаскивает ведьмочку. А вот и наш секретный сотрудник! Ого, а где же их вещи?

Да... Лихо! Оказывается, они оставили вещи на полдороге. По совету Сусмана, естественно. На Тепе-Кермен никто с вещами не ходит. Иоанн, а нам ты сказать не мог? Ах, забыл? Слушай, а ты не думал, почему ты не сокол и почему не летаешь? Здесь как раз метров триста будет... А вообще-то, Борис, сами могли бы сообразить.

На Тепе-Кермене смотреть почти нечего — от крепости и средневекового монастыря осталось несколько загаженных казематов, вырубленных в скале. А наверху — мелкий кустарник, высохшая трава, кучи каменюк без признаков формы. Ладно, можно и прогуляться... Зря, что ли, лезли?

...Пусто, мертво, жарко, безнадежно, беспросветно. Высохшая мумия... Камни под солнцем, солнце на камнях...

Рабочая тетрадь. С. 23.

Тепе-Кермен.

Раннесредневековая крепость и монастырь. Часовня (так называемая «церковь с ризницей») похожа на пещерный храм в Каламите (Инкерман), однако размеры значительно меньше. Много автографов, в том числе начала века (1912-й и 1914 годы).

В плане часовня похожа на базилику, «погребальная» ниша находится справа от алтаря, вход — слева. Часовня ориентирована строго на восток. Могильные ямы вырублены прямо в полу часовни, неглубокие (0,55 м).

Тип постройки немного напоминает Крипту, но общее впечатление совершенно иное. Измерения «контура» проводились только в одной точке (порог). Результат отрицательный...

Солнце уже начинает склоняться к западу, когда мы располагаемся у обрыва и держим военный совет. К ночи надо дойти до Баштановки, где у пруда предполагается ночевка, чтобы уже с утра двигаться на Куйбышево. Ну и где же эта Баштановка? Угу, видим, теперь бы спуститься отсюда. Очередной обрыв, еще круче, еще отвесней...

Полупроводник Сусман с неожиданной резвостью направляется на разведку. Вскоре он возвращается и с довольным видом предлагает спускаться кто где хочет, потому как тропинка куда-то делась, а может, и не было ее вовсе. Спасибо, друг, за добрый совет! Ну-с, что там у нас внизу?

...Деревьев нет, зато все заросло высокой, по пояс, травой. Вдалеке тонкая нитка дороги. Метров триста будет? Будет, пожалуй... Что, Борис, рискнем? Полетели?

Трава шелестит, а мы набираем скорость. Будь я командиром группы — уши надрал бы за такое гусарство; спускаться нужно медленно, осторожно... Ладно, однова живем! Только бы нога не подвернулась.

...Сломаем руку, сломаем ногу, сломаем шею, сломаем все, земля из-под ног, обрыв из-под ног, планета из-под ног. Берегись!..

Скорость, усугубленная весом рюкзака, постепенно приближается к первой космической. С ходу сшибаем — ай! — какие-то весьма колючие кусты, ни с того ни с сего оказавшиеся на пути. Ничего, заживет... Интересно, что там сзади? Но оглядываться не стоит, склон все еще норовистый, да и камешки появились, так и прыгают под ноги. Еще немного... Ага, уже лучше! Круча постепенно переходит в пологий ненавязчивый спуск, теперь и оглянуться можно...

...Виктор спускается спокойно и с достоинством, несмотря на гигантский, в три четверти его роста, рюкзачище. Ведьмочки весело скачут. Хорошо им! Вампиры неторопливо топают,

чуть покачиваясь на ходу, сотрудник госбезопасности совсем затерялся в высокой траве. А Сусман... А Сусман застрял в кустах и возится там, словно медведь в малиннике. Ну ладно, Борис, пошли к дороге, перекурим.

Пока наши сигареты дотлевают, к нам присоединяются остальные и приступают к традиционному питью воды. Вампиры тяжело отдуваются, исходя потом, Сусман выглядит не лучше. Вот что значит воду в жару глушить! Ну, каждый развлекается как может.

Иоанн, а теперь нам куда?

После некоторых колебаний Сусман находит разбитую пыльную дорогу, которая должна вывести нас к Баштановке. Увы, самое интересное позади, теперь мы будем пересекать обжитую долину, где нет ничего любопытного, кроме изредка встречающихся фруктовых деревьев. Да, вишня бы сейчас не помешала. Кизил кизилом...

Вечер уже близок. Солнце стоит низко, освещая громадные скалы, нависающие справа от дороги. Туда нам точно не подняться. Ни нам, ни скалолазам с их крюками... Мы топаем по шоссе, объедая то и дело встречающиеся мирабельки, сливы и вожделенные вишни. Теперь бы умыться и полежать часок! Но времени нет, спешим, спешим, дабы не ночевать в чистом поле.

...Сусман верен себе. По его милости мы делаем лишний кружок километров в восемь и к месту доходим почти затемно. Разбираться с ним некогда, надо успеть набрать воды, умыться в ручье и, конечно, заняться костром. На беду, костер разжигать взялся опять-таки Сусман, козыряя своим многолетним опытом. К сожалению, этот опыт не подсказал ему сущей мелочи — чтобы костер разгорелся, требуются дрова...

Рабочая тетрадь. С. 23—24.

Крипта (анализ).

Чтобы окончательно «закопать» никогда не существовавшую на месте Подземного храма цистерну, достаточно сравнить вырубку в скале над подземельем Крипты с известными херсонесскими цистернами. Все они (цистерны) имеют ширину не менее 4—5 м, в то время как максимальная ширина вырубки над Криптой — около 2 метров, более того, вырубка не прямоугольная, а несколько напоминает призму. Ни по размеру, ни по форме они совершенно не сходны. Предполагаемая цистерна, где должны были прятаться первохристиане, должна быть либо узким углублением в камне, что совершенно нефункционально и не имеет аналогий, либо вырублена как подземелье — с узким входом и подземной частью, связанными между собой небольшой горловиной. В этом случае перед нами уже не цистерна, а нечто совсем другое.

Вывод: никакой цистерны на месте Крипты в античное время не было. Не могло быть и тайного христианского храма. Таким образом, это место почиталось в Средневековье не по этой причине. Однако Подземный храм действительно являлся одним из наиболее почитаемых мест средневекового Херсона. Его мемориальный характер очевиден, более того, почти наверняка там находились захоронения (шесть найденных черепов), следы которых обнаружены при раскопках. Возможно, на этом месте погиб кто-то из христианских проповедников, в честь которого и был сооружен храм. Ни доказать, ни опровергнуть это нельзя, поскольку гипотетический проповедник мог погибнуть в любом месте города, в том числе и во дворе богатого дома на Главной улице. Но возможно и другое: храм сооружен не в честь какого-то лица, а по иной причине, а захоронения производились уже в самом храме, как величайшая честь для погребенных...

В ведре клокочет какое-то ароматное варево, хлеб нарезан, по посудинам разливается содержимое заветных емкостей, извлеченных из рюкзаков. Усталость чуть уходит, и можно почесать языки. Ни слова о горах — этим на сегодня сыты. Разговор крутится вокруг все той же осточертевшей еще дома политики, о которой мы в Хергороде стараемся не вспоминать.

...Отделяемся, отделяемся! Все отделяются — и мы отделяемся. Ще не вмерла, стало быть, Украина вид Берлина до Пекина. А что? Все, что наши гетманы Олекса Македонченко и Богдан Гатылла завоевали, наше. А России Москву оставим — по Садовое кольцо. А от Маросейки, которая теперь Богдана Хмельницкого, уже наше...

...И мамонты наши, и колесо наше, и Америка наша, и Луна наша. Шаровары, вышиванка, глечики... Гоп, кумэ, нэ журысь, туды-сюды повернысь! Весь мир гопак плясать заставим!..

А если серьезно, лучше прикинем, где нам отбиваться. А то уже время, да и набегались на сегодня...

Виктор тут же соглашается. Действительно, ночь давно

вступила в свои неотъемлемые права, от близкого пруда потянуло сыростью, и всем после дневного анабазиса становится явно не до политики.

А вот тут мы с тобой, Борис, облажались похлеще Сусмана. Одно одеяло на двоих, а ночи здесь, я тебе скажу... Ты, конечно, свитер не взял? Я тоже... Ладно, посидим-ка покуда у костра, да и дровишек подсоберем. Чую, понадобятся.

Вскоре команда Черного Виктора, упаковавшись в спальники, уже вкушает вполне заслуженный отдых. Перед тем как пожелать нам доброй ночи, Сусман одолжил мне какое-то подобие легкой куртки. Борису досталась лишняя рубашка, но и то и другое имеет скорее символическое значение. Ладно, дровишки — в огонь да сядем поближе.

...Ночь уже рядом, в затылок дышет, в ухо шепчет. Холодно, холодно, холодно, холодно...

К полуночи начинаем потихоньку тосковать. На поляну лег туман, костер сразу сник, послав на нас волну сизого горького дыма, сырые дрова упорно саботируют, не желая возгораться. Хороший вид будет у нас завтра, этак и двух часов не высидим, окочуримся!

Борис, подумав, предлагает выпотрошить Сусмана из спальника и спать в оном спальнике по очереди. Предложение дельное, но Иоанна все-таки жалко.

...А вот по очереди — это мысль.

Итак, первая смена — я — ложится спать, завернувшись в одеяло, вторая смена — Борис — сидит у костра и поддерживает огонь. Через час смены меняются. Просто и ясно — хотя и холодно.

...Часовые у костра, часовые у огня, скоро очередь моя...

Сон — не в сон. Поневоле начинаешь думать о ставшем вдруг таким родным лежаке, оставшемся на нашей Веранде, пусть он колченогий и без одной доски... Но боже мой, как ему там сейчас одиноко, стоит себе, укрытый бесполезным спальником, один-одинешенек, ежели, конечно, злодей Лука не вздумал использовать его в своих интересах. Ну, если узнаю!.. Кроссовки бы под голову подложить, но, пожалуй, не стоит — ноги и так дубеют.

Легкий толчок в плечо. Ого, да я все-таки умудрился заснуть! Ну, давай, Борис, отбивайся, я как раз и место нагрел.

Темный южный небосвод нависает над самой головой, Небесный Пес скалится, подмигивает желтым глазом... Плохо, что дрова кончаются, если костер даст дуба, то не до светил небесных будет. Орион, Кассиопея, Лебедь, Медведица... Двойная звезда, та, что вторая от ручки ковша...

...Два года назад я учил О. различать созвездия. Над Западным городищем так же горели звезды, а потом всходила луна, трава становилась белой, словно высеченной из камня... Жаль, ни я, ни она не поняли, что все умерло еще тогда. Херсонес не имеет продолжения, начавшееся среди мертвых развалин там же и заканчивается. Зря она вышла в этом году к Перекрестку Трех Дорог. На наших губах пыль — серая, сухая херсонесская пыль.

...Прощай, прощай, позапрошлое лето, прощай, позапрошлая любовь, прощай, позапрошлая сказка. Тебя не было, ты приснилась, ты привиделась под херсонесскими звездами...

Все...

Этой ночью я щедр и дарю Борису лишних десять минут сна. Спит он крепко, даже будить жалко. Но что делать? Ладно, накрываемся с головой... Не поможет, конечно, но все же какая-то иллюзия. Эх, дровишек мало, не дотянет костер до рассвета!..

Вновь заступаю на вахту, когда от предутреннего холода уже ничто не может спасти. Угли костра еле краснеют, и даже дополнительная пайка дров, добытая Борисом бог весть где, не помогает. Можно, правда, пройтись по поляне — или пробежаться, отжаться от земли... Огонь греет только кончики пальцев, протянутых сквозь сизый дымок к умирающим углям. Не-е-ет, это на сырость не похоже, тут уж скорее поверишь в Духов Ночи, чей самый страшный, предрассветный час уже наступил... Лучше всего сидеть на последнем несгоревшем чурбачке у того, что еще недавно было костром, и стараться не оглядываться лишний раз. Мало ли? Это не тихие призраки Западного городища. Эка обступили, навалились, через плечо заглядывают...

...Мы здесь, мы рядом, мы пришли, мы за вами, мы не исчезнем, мы всюду, мы в серых углях, мы в черном небе, мы в черных мыслях...

Нет, врете, мы вас сигареткой! Ничего, что сырая, загорится! Капюшон штормовки на голову, все стружки и щепки в

огонь, все клочья газет туда же... Что, не разгорается? Разгорится... Ну то-то!

Когда вновь приходит время менять вахту, на востоке уже розовеет, чурочки весело трещат в огне, а сверху красуется кастрюля с остатками каши. Что, друг Борис, тяпнем горячего? Правда, неплохо? А мы еще и чаек поставим, пока вся армия дрыхнет.

А ночь-то, между прочим, кончилась!

Тихий вечер. Остывших камней немота.
А душа, словно ветер, тиха и пуста.
Между Будущим темным и тягостным Прошлым,
Словно поздний закат, проступила черта.

Солнце, выползшее из-за далеких скал, сразу создает уют. Милая полянка, ничего не скажешь, как это мы только раньше не заметили? А кстати, пора бы орлам вставать. Сейчас бы по самому холодку и пробежаться. Отдохнуть можно и в полдень, в тенечке.

Эй, братья-славяне!

Первым просыпается Черный Виктор. Командир — всегда командир. Доблестный августовед, не успев даже протереть глаза, тут же отправляется к ручью за водой. Молодец, конечно, но мог бы и Сусмана разбудить, а то спит себе, сопит в обе ноздри — равно как и все остальные. Чую, чую, не бегать нам по холодку! Что поделаешь, любят они солнышко, и не просто, а чтоб под ногами камень дымился... Виктор, кашу ставить будем? Правильно, и чаем обойдутся, а то на полный желудок идти совсем невесело.

Виктор торопит, но расшевелить сонную компанию не так-то легко. Только в начале десятого, когда солнце уже печет вовсю, трогаемся в путь. Утешает то, что, по уверениям Сусмана, идти придется в основном лесом.

И на том спасибо!

Лесная дорога, меченная деревянными столбиками с непонятными цифрами, узка, мы с Борисом, вновь составившие авангард, еле-еле вписываемся в ее русло. Идти легко, сегодняшняя дорога — сущие пустяки по сравнению со вчерашним, а встречающиеся порой горки — смех рядом с Тепе-Керменом. И Сусман оживился — старается не отставать от нас,

достаточно уверенно ориентируясь в этой чащобе. Кажется, сей участок и вправду ему знаком.

Этот почти идиллический маршрут откровенно скучен. По пути не встречаем ничего достойного внимания — и, увы, уже не встретим. Сейчас перевалим невысокий отрог гор, вклинившийся в степь, а там уже равнина, автобусы пылят...

Да, идти нетрудно. Ведьмочки резво скачут, перебегая из хвоста в голову колонны, вампиры и те набавили ходу, а Сусман заводит глубокомысленные беседы о своем будущем аспирантстве. Ох уж эти будущие аспиранты!.. Короткий привал — и мы выходим к опушке, расположенной над длинным и пологим спуском в долину. Вот, собственно, и весь перевал. Где-то там, внизу, правда, еще достаточно далеко, Куйбышево, точка расставания.

...Меня всегда дергает от таких названий. Куйбышево, Ароматное, Танковое, Майорское, Героевское... Вся карта Тавриды покрыта этими новоделами послевоенной застройки. Лишь до неузнаваемости перестроенная мечеть или случайно сохранившаяся арабская надпись у источника намекнут об истинной истории этих мест, перечеркнутой нелепыми псевдонимами, перечеркнутой глухим забвением. Исчезли, сгинули, навек пропали Инкерман, Карасубазар, Аджимушкай, Эльтиген. Хорошо еще реки сохранили свои имена да море все еще Черное, а не какое-нибудь «имени XXVI съезда». Кипарисы — и те уцелели чудом, попав под державный гнет Кремлевского Горца, повелевшего заменить их эвкалиптами. Бедные кипарисы, их-то за что?

...Тяжела Его длань, тяжела Его воля, тяжело Его слово. Мертвая длань, мертвая воля, мертвое слово... Он не ушел, Он все еще с нами, всемогущий, великий, всесильный. Даже здесь, даже среди пустынных гор мы слышим Его голос, чуем взгляд его желтых тигриных глаз...

Чем дальше, тем жарче, тем выше вздымается придорожная пыль. Дорожка переходит в асфальт, мимо нас начинают проноситься рейсовые автобусы и легковушки, начиненные туристами. Не завидую Черному Виктору — поход по столь индустриальному пейзажу вряд ли может понравиться. Почти с облегчением мы с Борисом замечаем белые кварталы домов, абсолютно одинаковых и безликих, — паршивый городок

Куйбышево, обитель густопсовых отставников. Куйбышево, развалившееся на месте разоренного древнего Албата...

И вновь перекресток, на этот раз — прощальный. Нам с Борисом налево, Черному Виктору прямо. Тоскливо расставаться — даже с Сусманом. Ну, орлы, хватайте рюкзаки! Только не навешивайте их на командира, по очереди несите, что ли...

Счастливо, Виктор! Смотри за своей командой, когда будете подниматься к Сюренскому гроту. Ну, будь здоров! Я напишу...

Бредем, загребая кроссовками пыль. Вот и все, погуляли... Эх, пробежаться бы с ребятами дальше — на Сюрень, к Эски, к Мангупу... Увы, труба зовет, Херсонес отпустил нам только эти два дня. Но на Мангуп мы все равно сбегаем, правда, Борис?

Жара. Серый вязкий асфальт.

Идем к автостанции.

Рабочая тетрадь. С. 25.

...Виктор считает:

1. Крипта для Крыма совершенно уникальна, но

2. Подобные сооружения встречаются на римском Востоке, прежде всего в Каппадокии и Сирии. Советует заглянуть в «Anatolian Studies».

Примечание: Ленинка не выписывает «Anatolian Studies» с 1980 года, в Харькове нет ни одного экземпляра. Куда заглядывать?..

Хергород встречает нас полнейшим равнодушием, наглядно демонстрируя, что, как ни странно, прекрасно может обходиться и без нас. Бабка в воротах смотрит настолько подозрительно, что вновь железным голосом приходится сообщать нашу экспедиционную принадлежность. Все по-прежнему — народец так же спешит на пляж, у Эстакады вовсю функционирует обжорка, бездельник Слава просит закурить и без всякого видимого интереса спрашивает, где мы пропадали. Да так, Слава, прогулялись слегка, позагорали. Ну как, завтра выходим на родной раскоп? Вот и отлично.

На бельевой веревке, натянутой рядом с Верандой, как обычно, полощутся на ветру, словно флаг экзотической страны, плавки Луки. Эге, Борис, а тут кое-что изменилось. И как их много!

«Их» — новых соседей. За время нашего отсутствия чья-то

экспедиция густо заселила пустовавшие сараи и вагончики. Живите, ребята, пользуйтесь, все равно самое ценное мы уже вынесли! Придется вам грабить в ином месте, ежели сноровки хватит...

Кое-что переменилось и на Веранде. У входа нас встречает строй пузатых трехлитровых емкостей из-под желтого чудовища, именуемого «Ркацители», а на пустовавшем прежде лежаке растянулась чья-то долговязая фигура. Ага, Борис, вот и пополнение! Оч-чень приятно, оч-чень... Ваше деревянство, многоуважаемый Буратино.

Буратино — не новичок в Хергороде, но называть его ветераном язык как-то не поворачивается. Странный он какой-то. Конечно, все мы тут весьма своеобразные, но Буратино странен по-своему. Он — не наш, совсем не наш. Все эти годы он все равно — посторонний. Буратине не интересен Хергород, ему не интересно на раскопе, где, между нами говоря, деревянненький ни разу не появился. Буратино приезжает сюда пить, купаться — и отдыхать от своей супруги. По-моему, он до сих пор толком не понимает, зачем ездим сюда мы, и считает нас по меньшей мере сдвинутыми по фазе. И вообще, он — Буратино. Деревянненький.

...Буратино, бревно, дубина, полено, шпала! Буратина заявилась, бревно навалилось, дубина вломилась, полено скатилось, шпала упала...

А еще он любит учить всех жить — в том числе и нас. И не просто жить, а жить в Херсонесе. Мы, уверена шпала, живем здесь не так. Мы тратим время зря. Вот и сейчас, только голову повернул...

...Шляться по горам — глупость! Надо ходить по бабам. В экспедиции баб много. Он сегодня же пойдет по бабам. И — выпьет. Много выпьет, затем сюда и ехал...

Переглядываемся с Борисом. Вслух можно не комментировать. Пропал Лука! Всеконечно пропал, да и нам поберечься следует.

Херсонесская шиза — и Буратино пророк ее.

Обязательный чай — и спешим на пляж. Наше появление и здесь, на камнях, не вызывает особых эмоций. Ходили в горы, ну и что? Чем черт знает куда переться, лучше б на «Ахтиар» отправились, тот, что по Северной бухте плавает, там бар с дискотекой и вообще очень красиво.

Не спорим, наверняка красиво. А что комфортнее, чем на Тепе-Кермене, и спорить не приходится. Опять же дискотека...

Впрочем, есть исключения. Грациозно маневрируя, к нам подплывает Стеллерова Корова. Чую, сейчас последует сцена: отчего это ее, Корову Стеллерову, разрядницу и альпинистку и с собой не взяли?

...Стеллерова Корова просится в поход регулярно. Гора хочет в горы...

И точно, Корова обижена. Я скучным голосом пытаюсь намекнуть, что разряды у нее были много лет назад, а вот по склонам карабкаться надо сейчас. Случись, не дай господь, чего, Корову пришлось бы этапировать силами всей нашей бригады, включая Сусмана. И то далеко бы не пронесли. Но — только намекаю. С Коровой лучше не связываться, дама она с норовом. И без излишнего воспитания. Лучше всего пообещать взять ее с собой в следующий раз. Когда-нибудь.

Когда мы возвращаемся, Буратино уже куда-то пропал, зато получаем возможность наконец-то лицезреть Луку. Ути, мой худенький, дай-ка я тебя по животику впалому похлопаю! Надеюсь, ты не трогал мой спальник?

Тюлень, однако, озабочен. Его проблемы множатся, словно тараканы, — Света в последние дни уезжает по вечерам в Себасту к каким-то своим знакомым, оставляя тонкого душой Луку в печали, вдобавок Буратино с ходу потребовал от своего друга-приятеля водки и женщин, мотивируя сие тем, что раз тюлень его сюда вызвал, пусть о нем и заботится. Посему этим вечером Лука решает убить сразу нескольких зайцев: во-первых, купить желтого чудовища (которое якобы «Ркацители»), во-вторых, выманить на Веранду Светку, а в-третьих, дав Буратине необходимый допинг, отправить его на вольную охоту.

Последние пункты оставляют нас с Борисом равнодушными, а вот вопрос о хороших посиделках кажется и нам весьма актуальным. Не помешало бы — после Чуфутки, Тепе и лихой ночки у тлеющих головешек. Так что, скидываемся? Только Лука, друг сердечный, не бери ты того, что в банках, помрем, ей-богу. А вообще жаль, что ты с нами не пошел, там были такие девочки!

Но Луку на мякине не проведешь. Он знает, что такое поход, подобный нашему, а посему лишь довольно усмехается в

усы. Ходите, мол, сами, а девочки и тут найдутся. Вот Света. У нее такие!.. И такое... И вообще.

...Снова повелся, снова завелся, неутомимый, неугомонный, про все подряд, про все прелести — в ряд. А как глазки горят!..

А насчет «Ркацители», считает тюлень, мы зря. Сахару добавить — и очень даже ничего будет, особенно если не нюхать перед тем, как пьешь.

По поводу сахара Лука, может быть, и прав, да наши запасы, увы, на исходе. Может, все-таки чем-то поприличнее оскоромимся? Ну, как знаешь.

Рабочая тетрадь. С. 25.

...План дальнейшей работы:

1. Продолжать опыты с компасом в контрольных точках:

— «Базилика в Базилике»;

— Базилика у колокола;

— Крипта.

Цель: проверка значения «контура» и его возможных колебаний.

2. Обследование Крипты. Следует привлечь кого-нибудь, понимающего в архитектуре (из Урлага?). Поговорить с Сибиэсом.

3. Экстрасенсорное исследование Крипты...

Незаметно подкрадывается Морфей, чувствовавший себя неуютно прошлой ночью. Эх, хорошее дело — деревянный лежак, пусть даже без одной доски! И еще вкупе со спальником... Вот они, скромные радости жизни! Побродил бы Лука с нами, у костра посидел бы, куда бы только хандра делась.

...Лука в горах — экий страх! Увы и ах, зад не поднимах...

Просыпаюсь при звуках оживленного диалога. Ага, наши ходоки вернулись. О чем это они? Дело ясное, Буратино опять недоволен.

Наш деревянненький действительно не в духе. Он вновь подчеркивает, что мы тут все зря время тратим. Раз уж сюда приехали, надо заниматься бабами.

...Баб здесь много. Бабы здесь голодные. Бабы здесь на все готовы. Для начала следует обратить внимание на ту, которая Манон. И на ту, которая толстая и хорошо плавает. Причем сегодня же вечером. Да, сегодня же!..

Лука помалкивает, вероятно, предвкушая Буратину в объятиях Манон, Стеллеровой Коровы — или обеих разом.

Впрочем, для начала Буратино считает, что нужно выпить. Много выпить, причем побыстрее и без всякой закуски — чтоб влезло больше. А потом — по бабам!

Тут уж Лука начинает возражать. Тюлень не спешит. Пусть стемнеет, сумерки — его охотничье время.

...И вообще, тут еще кое-кого встретить надо.

Пока джентльмены выясняют отношения, можно пойти на крылечко и покурить. Скучно все это, господа! Неинтересно как-то... Стоит выбраться из Хергорода на пару деньков — и все здесь начинает казаться каким-то мелким, серым, гадким. «Ркацители» из банки будем дудлить, излияния Луки слушать, потолок задымливать. А Черный Виктор этой ночью наверняка на Сюренском гроте заночует... Сгинули навьи чары Херсонеса и бог весть когда вернутся.

Скорее бы в раскоп, там хоть скучать не придется... Напиться, в самом деле, что ли?

Меж тем в комнате начинается привычная церемония приготовления стола. Лука и вправду молодец, достал не только хлеба и баклажанной икры, но даже повторил свой подвиг — извлек неизвестно откуда десяток банок той самой знаменитой местной закуски — икры минтая. Круто! Для Севастополя это все равно что паюсная икра в ресторане «Максим». Как же, напьешься с такой закуской! Хотя...

Ладно, люди добрые, благодетели наши, давайте я банки открою, у меня, так сказать, специализация по этой части...

Рабочая тетрадь. С. 25.

...Из-за чего может меняться значение «контура»? Переменными факторами являются:

— Погода (температура).

— Время дня (Солнце).

— Фазы Луны...

Вечереет, и Лука отправляется на лов. Его стратегическая задача — изъять Свету, пока ее не унесло в Себасту. Ну и пусть изымает, выпивки на всех хватит. Вон стоят в ведре с водой белогвардейцы кардинала, а под лежаком пузырится парочка желтых чудовищ. Правда, туда еще сахар добавлять надо... Выходит, и нам требуется решить стратегическую задачу — ограничиться «беленькой» или рискнуть потребить «это». Дилемма непроста, и я так и не успеваю с ней справиться, когда на Хергород валятся сумерки и приходит время садиться за стол, точнее — за исполняющий обязанности стола лежак, выдвинутый на середину комнаты.

...Ага, а вот и наши друзья с Сахалина!

Лука суетится, мечется, усиками дергает. Буратино тоже спешит, требуя начать церемонию. Ему явно не терпится приступить к подвигам, к вечерним, а после и к ночным. Света поблескивает стеклышками очков и слегка улыбается — видать, наша экзотика ей еще не наскучила. Тюлень, естественно, усаживает ее на мой спальник...

...Ох! Хорошо еще, что востроносая не в плавках! Ну, Лука, перед сном оботру я свои кроссовки о твой матрац. Предупреждал ведь!

Борис меж тем достаточно занудно пересказывает Свете наши похождения. Востроносая все так же улыбается, но слушает больше из вежливости. Что ей Чуфут-Кале, что ей полупроводник Сусман? Вот ежели бы мы учинили дебош в ресторане «Крым», прогудев там пару тысяч!..

...Чужачка, чужая, совсем чужая, не нашей крови, не нашей стаи, чужачка...

Приходится время от времени встревать в разговор, уточняя некоторые детали (Тепе-Кермен построили не в VIII веке, а все-таки позже, не надо путать, Борис!). Света столь же благосклонно выслушивает и меня, после чего забирается на мой спальник с ногами... Не прощу тебе, Лука! Хорошо, что она хоть сандалии сняла.

Рассказ прерван на полдороге — тюлень спешит объявить симпозиум открытым. Тут же приходится объяснять гостье, что «симпозиум» у греков означал просто-напросто пьянку. Хорошую пьянку с девочками, так что термин вполне научный.

Ну, все бутерброды разобрали? Тогда вздрогнули!

Вздрогнули... Первая здесь водой льется, даже не чувствуется. Можно сразу же и вторую. Лучше!.. Теперь и закусить можно.

Лука меж тем овладевает вниманием общества. Инвективы Буратины явно на него подействовали, поскольку неблагодарный тюлень начинает ругать Хергород. Это, конечно, предна-

значается Свете. Ничего-то здесь, в этом Херсонесе поганом, нет. Вот Ласпи, Симеиз, Форос. Или Гурзуф. О, Гурзуф, о-о!..

Все! До Гурзуфа доплыли!..

Гурзуф для Луки — нечто вроде Мекки. Об этом дремучем городишке он готов говорить часами. Ну конечно! Там в водопроводе вместо воды плещется мускат, все дамы — королевы красоты... Хотя, само собой, куда им до Светы!.. Как там гуляно, как едено, как пито! Ох, почему он не в Гурзуфе, а в этой Хер-дыре?

...Беда! Лука заговорил о Гурзуфе. Плохой признак. Гурзуф — это уже предпоследняя стадия.

Тюлень мне друг, но истина требует вмешаться. Скучным голосом напоминаю, что tempora, как известно, mutantur и сейчас с мускатом в Гурзуфе явная напряженка. А насчет всего прочего предлагаю Луке вспомнить наш с ним совместный поход. Семь лет назад, в год Первых Змей.

Тюлень охотно соглашается, даже очень охотно. Поглаживает усики, ухмыляется. Есть что вспомнить! Похождения джентльменов, прожигателей жизни, среди красот ЮБК. О, какая тогда была ночь! О, какие прекрасные часы пережили мы тогда! О золото шампанского, о пламя страсти!

...Великий Гурзуф, пьяный Гурзуф, искрящийся огнем Гурзуф, полон прекрасных дев Гурзуф, лучше тебя ничего нет, Гурзуф!.. О, Гурзуф, о-о-о!..

О-о-о-о-о!

...Ночь тогда была мерзкой. Лил дождик, и мы с Лукой, изрядно промокшие, ошивались невдалеке от уснувшей танцплощадки, мечтая о ночлеге. Времени для раздумий было предостаточно, ибо дождь все лил, а ночевать было негде... Шампанское действительно присутствовало. Его принес нам лохматый парень из развеселой компании бомжей, с которыми нас свела одна ночь и одна судьба — ночевать им тоже было негде. Шампанское оказалось непростое, нам был предложен коктейль «Гурзуф» — демократическая смесь «Новосветского» с яблочным самогоном.

После того как бутылка отправилась на заслуженный отдых в ближайшие кусты, Лукою овладел бес странствий, и он предложил всем нам отправиться в ночное турне через гору Аю-Даг. Отговаривать тюленя было бессмысленно, и вскоре мы в сопровождении бомжей, которым оказалось все равно, куда

идти, карабкались через колючий виноградник по скользкому склону, чтобы выйти на алуштинскую трассу. Коктейль «Гурзуф» сделал свое черное дело, и, когда мы с бомжами уже достигли гребня, Луки с нами не было.

Да, волшебная ночь! Лил дождь, ноги шлепали по раскисшей земле, и мы, ругаясь на всех известных нам наречиях, прочесывали виноградник, чтобы найти хотя бы тело.

Тело было обнаружено только часа через полтора. Оно выбралось-таки к дороге, предварительно помяв боками ничем не провинившийся виноград. Тело было все в порезах, но кровь унять было нечем. К счастью, у единственного пассажира рейсового троллейбуса, рискнувшего подобрать нашу компанию, обнаружился флакон одеколона и нечто похожее на чистый носовой платок...

С тех пор я закаялся куда-либо ездить с Лукой. Не романтик я, что тут попишешь?

Наш Гомер не успел закончить свой вариант этой дивной истории, а хмурый Буратино уже потребовал продолжения. Кружки стукнули, руки вновь потянулись к бутербродам. Лука не успел подобрать оборванную нить эпопеи, потому что Буратино сам пожелал высказаться.

Деревянненький суров, зато краток. У него была жена. Она выгнала его из дому. Он вернулся и выгнал из дому жену. Затем она вернулась и собирается выгнать его, Буратину. Посему все бабы — сволочи!

За что и выпьем.

Пьем и за это. Света явно довольна — улыбка не сходит с лица, очки поблескивают, отражая отблеск свечи, водруженной ради интима посреди стола. А чего бы, собственно, ей не веселиться? Представляю, как наша компания выглядит со стороны, наверняка она чувствует себя здесь единственным нормальным человеком. Бедняга Лука, напрасно старается! Наш тюлень для этой востроносой не усатый мужчина в самом соку, а просто составная часть здешней экзотической фауны, нечто вроде ушастого ежа. Этакий эндемик.

А темп тостов нарастает. Буратино опрокидывает кружку за кружкой, грозным кликом призывая следовать его примеру. Незаметно кончается запас «беленькой», и в емкости льется ядовитая желтизна из банки. Эге, а тут уже надо подумать! От

ста пятидесяти граммов этой пакости я, конечно, не умру, но ведь здоровье дороже...

Бедняга Борис после всех наших похождений уже впадает в дремоту. Меня покуда спать не тянет, но я хорошо знаю, что такое перейти с «беленькой» на крутой крепляк, да еще под икру минтая. Шиза плещется уже совсем близко, ближе, чем желтое чудовище в банке, Лука с Буратиной вошли во вкус, их уже не остановить. Света... А что ей сделается — пьет себе да веселится, небось у себя на Сахалине голимым спиртом пробавлялась... Ну что, в атаку? Боги Херсонеса, не поминайте лихом!

В атаку! Опрокидываю кружку и вкушаю сполна прелести желтого дива. Да-а-а... Что-то лампочка под потолком качается... Эге, а не пора ли сделать перекур?

...Повело, вело, ведет, уводит, заводит, с пол-оборота, с полглотка, с полвзгляда, желтое чудовище, желтая смерть, желтая чума, желтое страшилище...

Борис тихо дремлет, Лука завелся с Буратиной по вопросу об особенностях криогенного резания в жидком азоте — тема, без всякого сомнения, более чем актуальная в настоящий момент. Приходится развлекать даму, все-таки она здесь гостья.

...Нет, Свет, мы тут в Хергороде не все такие психи. Вот молодежь, что у сараев, те люди как раз нормальные. Конечно, я понимаю, с нами интереснее, где такой зверинец еще сыщешь? Вот Лука — каков, а? Орел! Неужели не орел? Но все равно уверен, таких, как мы, ты у себя в Магадане не встречала. Конечно, конечно, в этом, как его, Сахалинске-Камчатском...

Востроносая, впрочем, настроена вполне миролюбиво. Она уже наблюдала нечто подобное, причем не единожды — когда бичи зарплату пропивают. А вообще здесь действительно интересно. Она никогда не встречала археологов и не бывала в Херсонесе. Жаль, что Лука ей почти ничего не показал. И рассказать-то будет не о чем...

Ну уж нет, рассказать будет что. А что касаемо бичей, то еще вопрос, кто кого перебичует! Это ведь присказка покуда, гулянка только в силу входит. Как по-твоему, о чем сейчас Лука размышляет? О криогенном резании? А вот и нет. Сейчас он скажет одно волшебное слово...

Наша гостья слегка обижена — она, конечно, думала, хоть и не высказывает сие вслух, что все это затеяно ради ее вострого носика. Не спорю, первоначально так и замышлялось, но беда

в том, что пьянка имеет свои законы, средство становится целью...

Вот сейчас! Допьют только.

Я не ошибаюсь. Пока мы с гостьей мило беседуем, банка почти опустела. Сейчас тюлень с Буратиной в последний раз поднимут кружки. Еще минута... Точно!

...Мало!

Ну вот, Света, волшебное слово сказано.

Лука серьезен и собран. Надо идти — в «Легендарий», а еще лучше в «Дельфин», у него там швейцар знакомый. Надо взять еще, потому как...

...Мало!

Оставляю гостью, обхватываю тюленя за мягкие плечи, в сторону отвожу. Лука, да брось ты, мы же и так косые. Еще менты заметут, ей-богу! Да и чего ты возьмешь — на часы взгляни!..

Ошибка — страшная и непоправимая. Последнего говорить не стоило ни в коем случае. Лука почуял трудную, но вполне разрешимую задачу, более того — почуял вызов. То есть как это не возьмет?! В «Дельфине» есть швейцар, он всегда готов... И вообще, надо добавить, мы же ни в одном глазу...

Тут уже пытается вмешаться Света, что-то говоря о принципе разумной достаточности. Кажется, она слегка перепугалась — процесс превращения усатого толстячка в разбушевавшегося кентавра и в самом деле впечатляет. Но на помощь Луке приходит Буратино. Он лично берется подстраховать нашего тюленя в этом трудном деле.

...Мало, мало, еще, мало, глотнуть, хлебнуть, мало, мало, ни в одном глазу, ни в другом глазу, мало, мало, считай, и не пили, считай, и не пробовали, мало, мало...

Мало!!!

Нет, это уже бесполезно. В одно мгновение наша компания теряет две пятых своего состава. Ну вот, погуляли... Эй, Борис, спишь? Слушай, давай чай заварим. Свет, ты чай будешь?

Чаепитие действует умиротворяюще, и включенная по этому поводу лампочка перестает раскачиваться. Но все-таки желтое чудовище лучше было не дегустировать. Что, Борис, отбиваешься? Тогда ставь будильник. Спи, а мы тут посидим, надо же этих гавриков дождаться!..

Лампочка гаснет. Щербатая луна заглядывает сквозь давно немытые стекла...

...Вдвоем с чужачкой, вдвоем с чужой, с совсем чужой, не нашей крови, не нашей стаи, с чужачкой. Вдвоем...

Первой надоедает ждать Свете. Она дергает носиком и заявляет, что, пожалуй, отправится к себе на Древнюю, потому как впечатлений хватает. Не спорю, но все-таки предлагаю компромиссный вариант. В город дорога одна, заблудиться трудно, так почему бы нам не встретить припоздавших орлов? Чем сидеть тут в сигаретном дыму... Заодно ночным Хергородом полюбуемся — для пушей экзотики.

Очки блеснули в лунном свете. Предложение принято.

Штормовку на плечи. Сигареты... Спички...

Хергород лежит тихий, в неверном свете уходящей к невидимому горизонту луны. Скоро полнолуние, скоро оденется белым камнем ночная трава на Западном городище... Лунный смех в ушах, черные мертвые улитки на сухих стебельках.

...Зачем ты здесь, луна? Зачем ты пришла, луна? Ты мне не бог, луна. Чего ты ждешь, луна?..

Отходим недалеко — аккурат туда, где некогда Маздон оборудовал свое ночное лежбище. Тихая такая долинка... Маздон сейчас далеко — мирно спит в своей камералке.

Дальше — тропинка, черные ряды сараев, пустая Эстакада... В глазах у Светы что-то странное. Лунные блики играют на стеклах очков. Смеется — негромким лунным смехом.

Змеиный год на дворе.

Очки падают в траву. Вслед за ними неслышно скользит штормовка, и я с запоздалым сожалением вспоминаю о сигаретах, оставшихся в кармане. Помнутся, жалко.

...Лунный свет на руках, лунный свет на губах, лунный свет на лице, лунный плеск в ушах, лунный, лунный, лунный...

Правды некуда деть — добродетель пресна.
Слишком долго терпеть ради вечного сна.
Херсонес! Херсонес! Ты отверг добродетель.
Здесь руины теперь. Участь грешных ясна.

Пачка уцелела, целы и спички. Правда, потерялись очки, но после минуты поисков они возвращаются на законное место. Что ж, курим... Жаль, конечно, что без фильтра. Ничего, в конце концов, в городе можно прикупить пачку болгарских...

Над нашими головами те же созвездия, что грели меня вчера возле умирающего костра. Странно, это было только вчера! Херсонесское время — вещь дискретная. Да, Свет, мы аккурат с гор, если хочешь, могу дорассказать то, что Борис не успел. Вот там и вправду было холодно...

Странно, по моим расчетам ночь должна уже давно кончиться. Впрочем, сна — ни в одном глазу. Но все-таки как здесь ни мило, однако даму пора провожать домой, дабы успеть и самому соснуть часок или даже полтора, если повезет.

...В предрассветных сумерках ее лицо кажется совершенно обычным — усталым, слегка помятым. Говорить не о чем, из обычной вежливости предлагаю встретиться где-нибудь в городе, скажем, у почтамта, что на Бэ Морской, в шесть, запоздало понимая, что в такую жару ехать в Себасту — истинная пытка. Спать, спать, спать... Хорошо, что Древняя рядом — спуститься к воротам, затем триста метров по асфальту...

...Ты не нужна мне, чужачка, это все лунный свет, чужачка, ты не узнаешь меня, чужачка, ты все забудешь, чужачка, я все забуду, чужачка...

Так, можно ползти домой. Где-то на задворках души непрошеная кошка чуть-чуть, еле слышно, скребет лапкой, но об этом не стоит думать, ночь позади, а еще древние римляне говорили, что нет ничего хуже памятливого собутыльника.

А вот интересно, кого мне Лука секундантом пришлет? Не иначе Буратину. Поскольку выбор оружия за мной, выберу кирку, ее Лука уже год в руках не держал, справлюсь как-нибудь.

Однако, еще не доходя до крыльца, начинаю понимать, что вызова со стороны тюленя не последует — по крайней мере, в обозримом будущем.

...Недвижное тело покоится на лежаке, вытащенном нашими соседями во двор. Впрочем, покой этот относителен — время от времени тело взбулькивает, подергивается, похрюкивает. Окружность в радиусе полутора метров, да и сам лежак носят наглядные доказательства того, что герой пал не сразу и поистине тяжка была его борьба...

Буратино сидит неподалеку, со стоическим видом попивая чаек. Эге, а это как раз то, что сейчас нужно! Ну-ка, сбегаем за кружкой...

Наш деревянненький хмур и недоволен. Все-то мы — люди несерьезные, жить не умеем. А ему уже сорок четыре. И жить он умеет. А жену все равно выгонит!..

Две пустые банки из-под желтого чудовища, стоящие рядом с тюленем, вместе с комментариями Буратины проясняют картину агонии. Тюлень не оплошал, правда, пришлось прибегнуть к помощи ночного сторожа в каком-то магазине. Увы, пить им пришлось вдвоем с Буратиной. Мне, само собой, были обещаны кары земные и небесные, однако утешился наш тюленчик удивительно быстро. Но потерял бдительность и был погублен Змием. Добро еще Зеленым, так ведь нет — Желтым...

...Желтое чудище обло, озорно, стозевно, желтое чудище наземь Луку повалило, страшное! Рухнул герой — и взгремели пустые бутылки...

В голосе Буратины — печаль. Лука негромко похрюкивает в такт рассказу...

Мало выпили — итожит Буратино. Не спорю — можно было бы выпить и больше. Ну, все еще впереди.

Борису тяжко. Он, конечно, не может позволить себе не встать, даже не вздохнет лишний раз, но вид имеет глубоко несчастный. Но он-то хотя бы поспал, а вот у меня будет видок... То есть не будет, конечно, уже есть. Да, мрачное утро, даже кофе сквозь зубы пьется. Ладно, пора кончать волынку, погуляли... Та-а-ак, кепка, сигареты, спички, планшет, рейка. Ну, вперед, труба зовет!

Поползли!

...Во рту эскадрон ночевал — буденновский, гусарский, кирасирский, уланский, пикинерский, мамлюкский, драгунский. Ночевал, ночевничал, не стеснялся...

У сараев тихо — молодая гвардия и не думает вставать. Видать, не мы одни этой ночью веселыми ногами скакаша и плясаша. Володя, Славик, ау! Вставайте, золотые, вставайте, бриллиантовые, ждем вас, не дождемся.

Догоняйте!

...Д. появляется встрепанный, мрачный, жалуется на то, что проспал, затем стреляет у меня сигарету, и мы долго курим, стараясь не глядеть на нахальных чаек, оккупировавших стены наших раскопов. Наконец приползают наши зомбиобразные подчиненные. Д. кривится, словно от зубной боли, но делать нечего. Приступаем.

Володя, Борис, прошу в яму! А землица-то мокренькая. Да, Борис, водичка близко. Экая мерзость!.. Ну, золотая рота, будем выгребать...

Дневник археологических раскопок
Портового района Херсонеса. 1990 г.
Лист 17.

...Продолжили вскрывать первый штык 6-го слоя пом. 60-а. Характер слоя прежний, однако в нижней его части проступает новый песчаный слой. Встречаются крупные известняковые камни, некоторые со следами грубой обработки. Очевидно, камни использовались для укрепления фундамента Казармы.

Находок мало. Встречаются небольшие фрагменты кухонной посуды, некоторые со следами гари. Найдена ножка эллинистической амфоры (синопская, II в. до н. э.). По-прежнему встречаются фрагменты чернолаковой посуды, в том числе две ручки чернолаковых канфаров, ручка крупного сосуда и фрагмент дна (III в. до н. э.)...

Ближе к полудню, когда жара вступает в свои права и тень в раскопе ползет под юго-восточную стену, становится совсем невмоготу. Остальным, впрочем, не легче — не иначе весь личный состав экспедиции совершал этой ночью двенадцать Геракловых подвигов. Да, штормит нас, штормит... Мучает соблазн махнуть на все рукой и отправиться по домам, тем более что грязюка, ползущая из-под кирок, не способна вдохновить даже желторотого Славу. Но нельзя, нельзя, не то совсем разопсеют! Нет уж, стой под солнышком, мучайся, будешь знать, как по ночам шкодить!..

Положение спасает мрачный Д., решительно заявивший, что нам с ним надо обязательно зайти в камералку, а затем к нашим сараям, где так хорошо сидится в тенечке. Приказ есть приказ. Борис, оставайся за старшего и обязательно... Впрочем, не обязательно. Ну его все!..

Мы с Д. еще не успеваем скрыться из виду, а весь трудовой люд — затылком чую! — уже ставит инструмент аккуратненько к стеночке, а сам поудобнее располагается в тенечке. И слава богу! Больно уж день сегодня такой... Геофизический.

У сараев, само собой, тишь да гладь. Одинокая девица-практикантка, высунув кончик языка, перерисовывает обломок какой-то глиняной кастрюли. Очередная смена завтракает.

Едят!

А вот и О. с супругом. День добрый, день добрый!.. Спасибо, сходили нормально...

Д. с важным видом дает ценные руководящие указания рисующей девице, после чего мы имеем законное право и даже обязанность возвращаться на раскоп, однако ноги отчего-то ведут нас в обратном направлении. Вскоре мы оказываемся в увитом виноградом и окруженном кипарисами монастырском дворике, аккурат напротив игуменского корпуса. Чудный дворик! Строй колонн с рельефными крестами окружает старый фонтан, где еще недавно плавали золотые рыбки. Увы, теперь там ни воды, ни рыбок, но все же это место выглядит дивным оазисом среди полуденного пекла. Неплохо строили монахи-мракобесы!.. Скамейка притягивает, и через минуту мы уже покуриваем, теша взор увитыми плющом стенами старинного здания.

...В полночь среди этих колонн бродит Черный монах — тень, призрак, фантом, нежить. Без креста, без лица, темное пятно под капюшоном, темное пятно в лунном свете, темный страх в мертвом Херсонесе...

Нет, мы вовсе не бездельничаем, такого совесть не позволит. Тело бренно, но бессмертна мысль, и, прикованные к скамейке, мы размышляем. Сначала вслух, затем про себя, каждый о своем...

Рабочая тетрадь. С. 26—27.

Раскопки Казармы (предварительные итоги).

1. Удалось доказать существование «первой» Казармы, построенной, судя по всему, в III веке до н. э. Это здание казармой никак быть не могло, по типу оно напоминает общественные сооружения эллинистического периода. Аналогии: Смирна, Эфес, Антиохия, Сиракузы.

Сибиэс считает, что «первая» Казарма имела три или даже четыре этажа. Судя по всему, это самое крупное здание эллинистического Херсонеса из найденных. Оно даже больше, чем обнаруженный Косцюшкой-Валюжиничем так называемый Монетный двор.

2. Казарма была перестроена во II—III вв. н. э., при этом количество этажей уменьшилось до двух. Не исключено, что причиной перестройки было сильное землетрясение, о чем говорят характерные трещины в уцелевших каменных блоках. Во «второй» Казарме действительно могла располагаться стража.

3. Возможное назначение «первой» Казармы:

— Биржа.

— Таможня.

Оба эти варианта вполне вероятны. В этом случае объяснимы как размеры здания (контора, склады), так и его расположение (в порту, прямо у городских ворот), а также наличие небольшого храма, находившегося, вероятно, на втором этаже, в центре, на квадратной площадке между двух рядов колонн. Характерно, что в этом храме почитались боги, которым обычно в Херсонесе не поклонялись. Очевидно, храм был предназначен для гостей города. Понятно также наличие коновязи с западной стороны здания.

Тип «первой» Казармы можно определить как «базилика» в первоначальном, точном значении этого слова...

...По крайней мере, логично. А вот чтобы сие доказать, надо раскопать все до фундамента, а потом думать, думать, думать... Но уже не мне — и может быть, даже не Д. Ведь основная часть того, что все еще зовут Казармой, лежит во владениях лентяя и сибарита Балалаенко, а ленное право в Хергороде соблюдается строже, чем в средневековом Иль-де-Франсе...

Д. — человек действия. Он предлагает единственно возможный план — совместную экспедицию. Балалаенко все равно сам копать не станет. Значит, рыть будем мы, а он пусть себе ставит подпись, вместе с нами, естественно. Ежели удачно к нему подъехать...

Я не возражаю. Попробуем — точнее, пусть Д. пробует. В удачу верится слабо, хотя бы потому, что есть подлинный царь и господин этих развалин — Его Величество Гнус. Д. считает без хозяина...

Д. вздыхает в предвидении хлопот и не спеша бредет прочь. Ну, мне-то спешить некуда...

Рабочая тетрадь. С. 26—27.

...Крипта (продолжение).

Раскопки экспедиции Беляева.

В отчете отсутствуют несколько первых листов. Можно понять, что Беляев считает, будто первым полностью очистил Крипту.

Странно, а как же экспедиция Одесского общества?

Итак, экспедиция Беляева дошла до самого дна Крипты. У входа «был обнаружен каменный завал, камни большие, некоторые напоминали куски скалы». Лестница имела четырнадцать

ступенек (сейчас, кажется, осталось двенадцать). «При дальнейшем углублении в землю в правой боковой стене открылось несколько ниш, напоминающих колумбарий». Одна была достаточно большой, другая — поменьше.

Идя «вдоль поверхности пола, по отрихтованной скале», они «наткнулись на алтарь в нижней полуапсиде».

В архитектурном плане отрытое помещение было сочтено необычным, потому что:

— Оно было гораздо глубже и больше, чем все другие «подвалы» храмов-усыпальниц Херсонеса.

— Оно «имело необычную для Херсонеса архитектуру».

Внизу «на расстоянии полуметра от пола по всему периметру шли прямоугольные глубокие отверстия от балок». Над алтарем — «нечто похожее на изображение креста, выгравированного на скале».

Внутри Крипты было найдено «несколько обломков беломраморных колонн небольшого диаметра, обломок черномраморной колонны» и около 80 с лишним монет, из которых 5% были эллинистические, 25% — римские, остальные — византийские. Из монет только три серебряные, остальные медные.

Примечание: никогда не встречал в Херсонесе черный мрамор!

После Беляева Крипту, как мне сообщили в архиве, никто не изучал...

По пути домой натыкаюсь на ЧП местного значения — неугомонный Маздон сцепился с нашими новыми соседями, обитателями вагончиков. Причина совершенно непонятна, да и не в ней дело. Для Маздона любой конфликт — повод излить душу. Сегодня он в отличной форме, и голос громок, и глаза сверкают...

...Рази их, Маздон, круши их, Маздон, кляни их, Маздон, гони их, Маздон, дави их, Маздон, громи их, Маздон, дай им жару, Маздон!..

...Коммунисты пр-р-роклятые!!!

И не только они — помянуты в свой срок и должность начальника лаборатории, которую Маздону пообещали, да не дали, и тушенка, съеденная экспедиционным начальством, и разврат, царящий в Хергороде, и даже Ведьма Манон с навеки сгинувшим Юрой Птеродактилем...

Орет Маздон превосходно — для тех, кто слышит в первый раз, ночной кошмар обеспечен. Силен старик! Под конец наш фотограф строит изящную словесную фигуру, обвинив во всех изложенных бедствиях, равно как в социально-экономическом и политическом кризисе, захлестнувшем нашу богоспасаемую державу, персонально своих собеседников.

...Маздоны!!!

Убедившись, что враг добит, Маздон спокойно поднимается к нам на Веранду. Спектакль окончен, господа, всех просим в буфет...

Догоняю Маздона уже в дверях. Ага, Борис на месте, а вот гвардейцы кардинала в отсутствии. Ну, привет, Маздонушка, давно что-то ты не заходил... Садись, чай пить будем. Эх, скучно здесь без тебя — и без твоего чайника, кстати.

Пока кипятильник честно греет порцию чудом не выхлюпнутой тюленем воды, обмениваемся новостями. У Маздона их уйма. Он уже жалеет, что переехал в свою сырую каморку. Ведь у него ревматизм, а вокруг сплошные маздоны. Даже утюга не дают!

Ага, вот в чем causis belli! Маздон зашел к нашим соседям за утюгом, а те по неопытности замешкались. Да, с Маздоном надо быть расторопнее!

Дальше — интереснее. Оказывается, утренний «беобахтер» целую страницу — первую! — посвятил нашему вчерашнему симпозиуму. Мадам Сенаторша лично распространяет тираж, ее аггелы и аггельши, трепеща нетопырьими крылами, спешат узнать дополнительные подробности для вечернего номера. Ничего странного тут нет: Хергород — тесная коммуналка.

...Слушайте, слушайте! Утренний выпуск, дневной выпуск, вечерний, ночной... Мы все знаем, мы все видим, мы всюду, мы всегда, не укроетесь, не спрячетесь, не отмолчитесь, не отмахнетесь!..

Однако редколлегия «беобахтера» — странное дело! — явно дала маху. Стержень сюжета — коллективный разврат на Веранде, затеянный непосредственно... Лукой! Оный Лука устроил «вертолет», гул которого слышался всю ночь...

Что означает сей авиационный термин, не решаюсь уточнить, однако подробности и без того поражают. По последним данным, Д. после ознакомления с оными заявил, что больше ноги нашего тюленя в экспедиции не будет.

А о нас почему-то молчок. Обидно даже! Бедный Лука, порой и тебе достается не за дело!..

Пока Борис достаточно подробно знакомит Маздона с нашей версией происшедшего, занимаюсь чаем. Эх, и заварка на исходе!.. Маздон, у тебя, случаем, сахарку в заначке не осталось? Жаль, у нас тоже.

Между тем Борис начинает сообщать и кое-что новое. Тюлень встал в начале первого, выхлюпал при помощи Буратины почти весь наш запас воды, после чего обрушил давно ожидаемые проклятия... ясное дело на кого. Но — о человеческая близорукость (моя в данном случае)! — вовсе не за то, о чем я думал. Оказывается, я навредил не ему — я подвел коллектив.

...Чего?!

Борис подтверждает: подвел коллектив. Народ, можно сказать. Ибо для народа — для всего народа — согласно стратегическому плану нашего тюленя и предназначалась гостья после того, как будет опустошена принесенная дополнительная банка.

...Как?!

Именно такую кару Лука избрал для покарания излишней строптивости, проявленной Светой. Тюлень уже все расписал, он уступал другу и товарищу Буратине свою очередь, я должен был идти номером третьим...

...Заманить, напоить, повалить, разложить — чтобы знала, чтобы запомнила, фря, гордячка, нахалка, змея, ехидна...

Бред! Похмельный бред! Лука просто озлился, распустил язык! Но в любом случае хорошего мало. Если уж тюлень начал такое буровить...

Очухавшись, Лука заявил, что надо взять припас на вечер, после чего вместе с Буратиной отбыл в Камыши. Деревянненький напоследок вновь констатировал, что мы тут теряем время даром, пообещав вечером лично заняться Ведьмой Манон. Или Стеллеровой Коровой... Или двумя сразу.

О Третий Змеиный год. Ты уже не за шеломеном еси!

...Маздон также отбыл, и мы заваливаемся на лежаки. Тяжкий день сегодня. Во всех отношениях тяжкий. Да и ночка была не лучше... А ведь и вправду, вразнос идем!

Голова то ли свинцовая, то ли пробковая, во рту — сахарская сушь, каракумский полдень. А на часах половина пятого. Отдохнул... Приходится употребить остатки воды для самореанимации. Скорее сигаретку! На воздух из этой духоты, в тенечек...

Уф, уже лучше!

За удовольствие надо платить, тем более за сомнительное. Лука уже получил свой аванс, а мне... А мне пора вспомнить о том, что на шесть вечера у меня назначена встреча у почтамта. Что значит пить не в меру!

При мысли о жарыни на асфальтовых берегах Бэ Морской становится не по себе. Впрочем, так мне и надо! Остается успокоиться соображением, что Света воспримет все правильно и не попрется по солнцепеку в такую даль.

...И чего это мне в голову почтамт пришел?

Делать нечего, одеваюсь. Рубашка, прогретая солнцем, кажется ничуть не легче каракулевой шубы. Очки бы темные не забыть, а то и глаза открыть будет тяжело. Мучайся, мучайся, за свои ведь грехи! Поделом!..

...Да вот, Борис, думаю, не прошвырнуться ли мне в город. Нет, ничего интересного, может, в магазины зайду, на ужин прикуплю чего-нибудь. Сам съезжу, не беспокойся.

Не тут-то было! Борис ни за что не может спокойно кейфовать, ежели я, бедолага, стану бродить по магазинам в поисках съестного. Парень он компанейский и не желает бросать меня в беде.

...А если она и вправду явится?

Очарование раскаленного добела города, кто тебя оценит, как не я? Почему бы Потемкину не аннексировать Кольский полуостров вместо Крымского? Ладно, где тут магазины? И вправду, без ужина будет как-то скучно...

В магазинах — баклажанная икра, хлеб — и слухи, что со следующей недели все будет продаваться по паспортам с севастопольской пропиской. Слухи принимаем к сведению, оставшееся покупаем. Так, а сколько у нас времечка на наших золотых? Слушай, Борис, а не покурить ли нам, у почты как раз есть чудные скамеечки, в тенечке...

Куранты отзванивают «Севастопольский вальс». Ничего не происходит, никто меня не ждет. Пора, Борис, и домой, может, искупаться успеем. В Змеиный год надо вести жизнь тихую, нравственную.

Итак, все хорошо, что хорошо кончается. Порадовавшись этой мысли, делаю первый шаг в направлении троллейбусной

остановки, но добросовестность (или еще что-то, бог весть) заставляет оглянуться. Как при переходе дороги — налево и направо. Налево — ничего не видать. Направо... Вроде тоже пусто. Эге, а это что, никак очки поблескивают? Ну-ка, Борис, обождем минутку, кажется, мы сейчас кое-кого увидим.

Света, как всегда, улыбается. Вот так встреча! Надо же, такое совпадение, а еще говорят, что Себаста — большой город!..

Наш химик невозмутим. Впрочем, он таков почти всегда, а в подобных амбивалентных ситуациях вообще незаменим... Ага, Света, гуляем. Нет, с Лукой все в порядке, я его, правда, не видел, но Борис охотно подтвердит.

Борис охотно подтверждает. Заодно достаточно подробно излагает некоторые неизвестные Свете детали, правда, о неосуществленных мечтах нашего тюленя предпочитает умолчать. Зато добавляет кое-что новое, мною не слышанное. Бедный Лука, как проснулся, все спрашивал, кто его к лежаку приклеил. Приклеил, все брюки облил. Кто, а главное, чем?

...А ведь воды для стирки у нас нет! Придется тюленю с ведрышком побегать!

За этими пикантными деталями не замечаем, что отмахали почти всю Бэ Морскую. Борис, которому явно надоело таскать авоську с припасами, отбывает в сторону троллейбусной остановки, и мы со Светой остаемся вдвоем. Интим, так сказать, — посреди раскаленного добела города. И что прикажете делать? Шляться жарко, зайти — считай что некуда. Лука бы придумал, конечно...

Эврика! Слушай, Свет, ты в Себасте первый раз? Ну, в Севастополе? На катере каталась? Тогда, ясное дело, айда на Графскую, там катера аккурат до Инкермана ходят. Сначала туда, потом назад...

А ведь и правда — Хергород хорош в небольших дозах. Побыть в Себасте среди магнолий и японских мимоз не так уж и плохо...

...Слушай, Свет, а почему когда ты в очках, то всегда улыбаешься, а без очков такая серьезная? И лицо у тебя совсем другое...

А вот чего в Себасте не найдешь, так это настоящего кофе. В Херсонесе мы растворимый поутру пьем, а так чаем пробавляемся. Но стоит на часок ощутить себя цивилизованным

человеком, так сразу настоящего кофе хочется, лучше всего чтобы на песке, в джезве...

Ничего, у нас на Веранде можно сварить! Ну и что с того, что там Лука? Ему, думаешь, кофе жалко? Да и не кофе он пьет.

...По раскаленному городу, по раскаленному асфальту, по раскаленному лету, по раскаленному миру. Вдвоем, просто так, в никуда, в пустоту, сквозь горячий воздух, сквозь колышущееся марево, сквозь...

Луку мы встречаем не на Веранде, а на троллейбусной остановке — причем с гигантской сумкой, содержимое которой мерно позвякивает. Наш тюлень не одинок, вслед за ним, груженный такими же сумками, появляется по-прежнему мрачный Буратино вместе с неунывающими ленинградцами — Сашей и Андреем.

...Из Камышей, джентльмены? Можно и не спрашивать оттуда. Нет, я желтую смерть больше не пью! Вы в Хергород?

Света молчит, Лука тоже помалкивает, но это вполне компенсируется болтовней Андрея. Оказывается, они с Сашей аккурат перед приходом заглянули в местную видеоточку, дабы слегка отвлечься. Отвлеклись — фильм, что называется, душевный. Поехала, значит, одна девица на кладбище, а из могил вылезла дюжина покойников. И там такое началось!..

...Съели всех героев фильма упыри. Закусили режиссером упыри. Оператора загрызли упыри. И до зрителей добрались упыри. Пировали всем погостом до зари!..

Рабочая тетрадь. С. 27.

...Опыты с компасом (продолжение).

Исследование проводились с 20.30 по 21.30. Жаркая погода, ветра нет, освещение неяркое, вечернее. Цель: проверка величины отклонения компаса от N. Объекты — три контрольные базилики.

Результат: во всех случаях заметен рост величины отклонения от N. В том числе (по сравнению с первым наблюдением):

«Базилика в Базилике» — на 10 градусов.

Базилика у колокола — на 10 градусов.

Крипта — на 15 градусов.

Такой рост уже не может быть ни случайностью, ни результатом погрешности при наблюдении. Все особенности «контура» сохраняются.

Борис считает, что наиболее вероятная причина изменения

(роста) — приближение полнолуния. Однако измерения проводились до восхода луны.

Примечания: Борис требует записать, что даже гуманитарии должны знать, что Луна — это небесный объект, имеющий большую массу, а значит, влияющий на Землю вне зависимости от места нахождения наблюдателя.

Дальнейшие планы:

— Подробный осмотр Крипты (сегодня не успели).

— Продолжение опытов с компасом...

Источник мертв и тих, сигарета вот-вот погаснет, идти никуда не хочется. К тому же поспать надо: два часа в сутки — все-таки недобор. Даже в Херсонесе.

Но действительность не отпускает. На тропинке появляется Д. собственной персоной, мрачный, словно Буратино. Подходит, смотрит долгим взглядом...

...Ох!

Я с ним согласен — действительно «ох!»: Сибиэс в больнице, Сенатор все еще в Киеве, бедняге Д. приходится крутиться за всех...

Угощаю начальство чаем с мятой, после чего мы долго рассматриваем чертежи его участка, пытаясь разобраться во все тех же поганых водостоках. Дело нудное и чрезвычайно неблагодарное. Наконец чертеж свернут...

...И Д., к моему изумлению, заводит разговор о Луке! Оказывается, наш тюлень — ого! — компрометирует всю экспедицию, на харьковчан уже косятся, а Лука еще и затеял чуть ли не коллективный разврат. Говорят о каком-то «вертолете»...

...Опять эта авиация!

Д. спешит меня успокоить — речь не идет о нас с Борисом, но смотрит все же весьма укоризненно, а затем просит, дабы я на тюленя «повлиял».

Интересно как? Связать его, Луку, что ли?

...Уже в кромешной тьме в комнату залетает, поигрывая самодельными нунчаками, Женька, Сенаторов сын. Этот не разводит турусы, а честно спешит поделиться содержанием последнего «беобахтера».

Понимай как знаешь: Буратино пошел гулять со Стеллеровой Коровой, а Лука собирается разводиться с Гусеницей и уезжает в Южно-Сахалинск...

...Детей об стенку, детей с балкона, жену под трактор, крысиным ядом, грузите мебель, обои рвите, родимый Харьков, прощай навеки, несись, мой поезд, без остановок, купаться буду в Японском море...

Рабочая тетрадь. С. 28.

...Крипта (анализ по отчетам прошлых лет).

Подземный храм является сложным в инженерном и архитектурном отношении сооружением. Для его строительства требовались значительные силы и средства. Следует учесть, что строителям приходилось преодолевать верхний слой скалы, который в этом месте чрезвычайно тверд.

Точное время строительства установить невозможно, однако, судя по наличию сводов и арки, оно достаточно позднее, не ранее VI века, а если учесть особенность сводов (яйцевидные), еще позднее. Ближайшие аналогии подобным сооружениям следует искать на Ближнем Востоке, в Малой Азии и Северной Месопотамии.

Скорее всего Подземный храм первоначально не задумывался как склеп или крипта. Ниша, в которой, возможно, осуществлялись захоронения, судя по сохранившимся отчетам и планам, относится к более позднему строительному периоду, она сооружена в несколько иной технике и с явным нарушением первоначального плана. Таким образом, строители храма не предполагали, что он будет служить местом погребения.

Вместе с тем строительство Подземного храма должно было носить какой-то особый, возможно, символический характер, что следует из места и способов строительства, а также возведения над ним часовни.

Одна из возможных причин строительства христианского мемориала на Главной улице (причем не на самой улице и не на ближайшей площади, а во дворе) — наличие на его месте языческой святыни, которую в знак победы новой религии переделали в христианскую подземную часовню!

Примеры:

1. Рим. Замок Святого Ангела (бывший языческий мавзолей), монастырь Санта-Мария сопра Минерва (бывший храм Минервы), Пантеон (бывший храм Всех богов).

2. Киев. Строительство языческого капища на месте церкви

Святого Василия (при Владимире), последующее уничтожение капища и восстановление христианского храма.

Однако в этом случае языческое святилище тоже должно было быть подземным. Аналогии?..

Стоит нам перейти херсонесский порог,
Надеваем все маски — какую кто смог.
Донжуаны, шуты, одалиски, мегеры...
Каждый год — карнавал. Видно, шутит так бог.

Первые ведра мокроватого суглинка уже отправились аккурат через стенку, когда мы обнаруживаем, что уже не одиноки средь наших каменюк. У нас появились соседи, точнее, соседка. И не где-нибудь, а на участке Балалаенко, именно там, где покоятся остатки Казармы. Утро доброе, мадемуазель! Откуда вы, прекрасное дитя?

Мадемуазель зовут Юлей. Это прекрасное дитя не откуда-нибудь, а с симферопольского истфака, где обитает господин Балалаенко. Девочка Юлечка, мирно красившая свое общежитие, не далее как вчера получила срочный приказ прибыть сюда для прохождения практики. Конкретнее — для очищения данного участка от травы, для чего ей была выдана пара перчаток.

...Слава, перестаньте глазеть на ребенка и лезьте в яму! Вово, именно туда. Ради прихода Юлечки разрешаю вам покирковать. Только внимательнее. Вот именно, все зеленое и черное — на-гора... Прошу, Володя, вас ждет лопата. Совершенно верно, Борис, тебе на ведра, стой и любуйся нашей соседкой. Травку щиплет она мило, экая козочка!.. Борис, да следи ты за ведрами, а то еще уронишь, не дай господь!

Дневник археологических раскопок
Портового района Херсонеса. 1990 г.
Лист 18.

...Продолжали снимать первый штык 6-го слоя в пом. 60-а. Характер засыпи прежний, находок мало, все они относятся к эллинистическому времени (III в. до н. э.).

Приблизительно в 0,8 м от основания фундамента стены Казармы находятся два глубоко вкопанных в положение «на ребро» известняковых камня. Камни имеют прямоугольную и трапециевидную форму, глубоко околоты. Еще три камня были вкопаны не столь глубоко и извлечены в процессе работы. Возможно, мы имеем дело с остатками опалубки, возведенной при строительстве фундамента Казармы...

Ну что ж, Стеночка, с тобой уже почти все ясно. И когда тебя строили, и как, и даже для чего. Теперь бы вскрыть тебя целиком... Но, видать, уже не придется.

К полудню девочка Юлечка исчезает, к явному неудовольствию Бориса. Оно и понятно — сегодня все-таки воскресенье. Удивительно, что в такой день она вообще работала. Ай да Балалаенко, зашевелился! К чему бы это?

...Почуял, унюхал, услышал, удумал, забегал, задергался, замаячил, засуетился...

Земля идет мокрая, вперемешку с мелкими необработанными камнями. В такой грязи находки легко теряются, а посему положено перебирать каждый комок, перед тем как отправить его в ведро. Дело нудное, неудивительно, что Слава затосковал. Затоскуешь тут! А Володя опять не в форме, головной болью мучается. Эх, сейчас бы не помешал Юра Птеродактиль. Вот с ним проблем не было.

...Птеродактиль ездил с нами лет восемь — с первого курса до прошлого года. Работать с ним было одно удовольствие — кирковал он классически, а такой зачистки, как у него, мне еще видеть не приходилось, хотя я и сам в свое время зачищал недурно. А когда дело доходило до последнего штыка, шла грязь и работа превращалась в редкую пакость, Юра был вообще незаменим. В прошлом году Стеночку зачищал именно он. Увы, теперь будем обходиться без него. Ведьма Манон, выйдя в очередной раз замуж, лишила нашего Птеродактиля последней надежды. Прав Борис: хороший костер — лучшее средство от нечисти, равно как от нелюди и нежити. Верно, Борис?

...На мокрых дровах, на мокрой соломе, с кляпом во рту, в бумажной короне. Аутодафе, Кемадеро, площадь Цветов... Гори, гори ясно!..

Дневник археологических раскопок
Портового района Херсонеса. 1990 г.
Лист 18—19.

...Фундамент Казармы состоит из глубоко околотых извест-

няковых камней, не скрепленных раствором. Камни фундамента выступают за внутренний край стены Казармы на расстояние до 0,5 м...

Ладно, пора шабашить. В воскресенье работа идет туго, даже если знаешь, что честно отгулял полнедели и наверстывать все равно надо. Ничего, еще успеем, если б не эта грязь, если б не эта жара...

На Веранде прежняя картина. Вода в ведре успешно выхлюпана, Лука, близоруко щурясь, что-то пишет в тетради — не иначе кропает стишата, а Буратино, величественный и невозмутимый, словно мумия египетского фараона, валяется на лежаке.

Тюлень, на миг оторвавшись от стихов, заявляет, что вечером надо выпить. И много. Деревянненький его тут же поддерживает, присовокупляя, что надо позвать и Стеллерову Корову — дабы не тратить времени зря. И так вон сколько ерундой прозанимались!

...Корова велика, Корова хороша, Корова обильна, Корова всегда готова...

Не спорю. Дело, конечно, хозяйское, но, боюсь, Стеллерова Корова на нашу Веранду просто не влезет, а ежели все-таки влезет, то ни для кого другого места не останется. А вообще, Лука, тебе печенки не жаль? Как это чьей — своей, естественно, эдак и до зелененьких чертиков допиться можно, особенно если каждый день потреблять это самое, из банки которое.

Моя проповедь пропадает зря — Луке печени не жаль, даже своей. И вообще, он вошел в штопор, а посему просит не мешать. Штопор — дело святое, а посему тюлень тут же берет сумку побольше и отправляется в Камыши.

А у меня другие планы. Потреблять «Ркацители», да еще в компании Луки, что-то не очень тянет, тем более Лука в штопоре — зрелище страшноватое...

Что, Борис, айда на пляж?

И вновь убеждаюсь, что херсонесский пляж в воскресенье — место не из самых приятных. Из города набегает орда, с воплями сигающая по скалам и время от времени выясняющая отношения, не выходя из воды. У самых скал встречаем недвижное тело в рубашке и плавках — местном купальном костюме. Картина знакомая — бутылка спирта на троих, да

еще без закуси, да еще под солнцем. Что ж, вы жертвою пали в борьбе роковой... Змий Зеленый, друг со дна бутылки, не оставь малых сих!

К счастью, наше любимое место свободно. Эге, знакомые все лица! День добрый, день добрый!.. Как поживаете?

Компания живописная. Ведьма Манон в окружении трех молодых гурий-первокурсниц, Володя со Славой... Вот и Корова Стеллерова, вблизи она кажется еще грандиозней. А вот и О. с супругом...

О. выглядит как-то невесело. Странное дело, мне почему-то кажется, что она не прочь со мною поговорить, причем не на пляже, не среди толпы...

...Случайный взгляд, мимоходом, вполоборота, еле заметный — скользнул, чуть задел, слегка зацепил, ненавязчиво, нечароком...

Ее супруг, впрочем, вполне доволен жизнью. Он долго вертит в руках мою кепку, шевеля губами и пытаясь прочесть надобную надпись. Наконец буквы складываются в слова, и он с важным видом сообщает, что написано на кепке, ежели, конечно, на русский перевести, «дикий кот». Это сообщение вызывает ехидный смешок Ведьмы Манон. О. как-то странно смотрит на супруга... Ладно, Борис, оставляем «дикого кота» на шлепанцах, пусть сторожит.

В воду!

Рабочая тетрадь. С. 27—29.

...Обследование Крипты.

Подземный храм (Крипта) находится неподалеку от Главной улицы и расположен параллельно ей. В северной его части заметны остатки средневековой базилики X века — ее апсидная часть. На поверхности находится лестница, вырубленная, как и весь храм, в сплошной скале (сланец).

1. Лестница и вход.

Сохранилась верхняя часть вырубленной в скале каменной лестницы, двенадцать ступенек, вероятно, около половины ее первоначального размера. На северо-восток от нее идет трапециевидная шахта длиной около семи метров и шириной от 0,9 до двух метров. Судя по сохранившимся в левой части выемкам, она была когда-то перекрыта плитами, то есть замаскирована. Каменное перекрытие шло заподлицо с поверхностью земли. Пере-

крытие могло быть сплошным, но, возможно, в нем находился небольшой световой колодец.

Визуальное изучение выемки позволяет сделать вывод, что плиты перекрытия опирались на деревянные брусья, которые вставлялись в углубления, вырубленные в скале. Через какое-то время выемки разрушились, и для брусьев был вырублен еще один ряд — чуть выше первого. Это еще раз говорит о длительном периоде существования памятника.

Обращает на себя внимание толщина и, следовательно, большой вес плит перекрытия. Не исключено, однако, что этот вес был меньше, если перекрытие не являлось сплошным. Возможно, существовало световое окно, необходимое также и для вентиляции. Оно, в свою очередь, могло закрываться легким деревянным щитом. Аналогии — подземная часовня на Латеране (Рим) и базилика Юстиниана (Равенна).

2. Общая характеристика подземной части.

Двенадцать плохо сохранившихся ступеней ведут в Подземный храм. Лестница обрывается, нижние ступени разрушены, поэтому нельзя точно определить, каков был спуск непосредственно в подземелье. Опускаться вниз приходилось на общую глубину более 4 м (до поверхности пола). Существует предположение (Беляев), что лестницу (деревянную) спускали вниз по мере необходимости. Если же существовала каменная лестница (следов которой на полу визуально обнаружить не удалось), то по ее сохранившейся части можно предположить, что она спускалась несколько ниже того места, где сейчас обрывается (на одну-две ступени), после чего делилась на две лестницы, шедшие по бокам помещения, постепенно спускаясь под сделанную из плинфы арку, переходящую в свод. Возможно, на том месте, где лестница делилась на две, находилась небольшая площадка. Такое теоретически возможно. Отсутствие следов на стенах и полу может быть вызвано тем, что нижняя часть лестницы была сооружена из плинфы.

В настоящее время Подземный храм находится в чрезвычайно запущенном состоянии, что затрудняет его исследования, однако на основании сохранившихся остатков сооружения можно предположить, что первоначально оно состояло из трех помещений (а не двух, как указывалось в прежних отчетах!), получивших условные названия:

— Алтарная часть.

— Зал со Сводом.

— Помещение с лестницей...

...Моя любовь к главпочтамту поистине трогательна. Вновь стою у окошка «до востребования», и, как оказывается, недаром. Правда, это не сигареты — всего лишь телеграмма. И опять от Черного Виктора.

Августовед кратко извещает, что поход успешно завершен и они возвращаются в Саратов. Нам с Борисом передает привет какой-то Семен... Кто таков, почему не знаю? Господи, да это же Сусман! Ай да Иоанн, не забыл!..

...После Сюрени Виктор повел своих подопечных на Мангуп. Завидно! Ну ничего, еще не вечер, выберемся и на Мангуп, два-три свободных дня у нас еще будут...

...Белый блеск крымских скал, белая пыль крымских дорог, белый жар крымского солнца, белый камень крымских святынь, белый шатер крымского неба... Эх!..

Бэ Морская полна фланирующей публики, где-то поблизости в кооперативной обжорке гремит «Ламбада», а я присаживаюсь на ту же скамейку у входа в почтамт, ловя редкую тень японской мимозы. Ну-с, теперь самое время поглядеть налево...

Света сегодня выглядит как-то не так. Ну конечно, она же просто сонная, видно даже сквозь очки. Ну, привет! Слушай, рядом есть чудная точка, где коктейли дают. Посидим в теньке...

Коктейль пьется в этакую погоду хорошо — даже очень хорошо. Тем более в теньке, да еще под сигаретку, и не какую-нибудь, а «Стюардессу». Богато живешь, Свет! Ну, так что у тебя случилось?

Новостей, оказывается, уйма. Наш добрый тюлень забежал вчера вечером в гости и конфисковал раскладушку, которую с усердием великим доставал несколько дней тому назад для нашей гостьи. Впрочем, спать Свете этой ночью не довелось — знакомые из Себасты вытащили ее в гости к киношникам куда-то за город. Один из этих киношников (солидный мэн, при брюшке и долларах) ангажирует Свету составить ему компанию для отдыха в Ласпи, присовокупив, что все будет оплачено.

И что тут сказать? Конечно, Ласпи — не Хергород. Крыть нечем, да я и не крою, тем более что Света в Ласпи не поехала — хотя там и все оплачено. Здесь, конечно, не Ласпи, и мы не при долларах, но еще по коктейлю можно заказать. Так куда пойдем?

...Маленькая узкая ладонь — ладонь чужачки, не нашего племени, не нашей крови, не нашей стаи. Пальцы коснулись пальцев, дрогнули, сплелись...

Вечер мягко спускается на одуревшую от жары Себасту. На бульвар вылезает здешний цвет общества, одетый по моде пятилетней давности. Себаста — странный город, он вечно опаздывает. То ли часы здесь идут медленнее, то ли календари списанные завозят. Вчерашний день! Десяток панков, скромно тусующихся у ресторана «Севастополь», выглядят как пришельцы из будущего. Покидаем ярко освещенный центр и не спеша идем узкой, усаженной акациями улицей, ползущей то вверх, то вниз. Здесь спокойно и тихо. Спешить некуда, к тому же Света, как выяснилось, хороший ходок, поэтому можно не штурмовать вечно переполненные троллейбусы и, не торопясь, чапать пешедралом до самого Хергорода.

...Мимо домов из ракушечника, мимо запертых ставней, мимо пыльных деревьев, мимо скучных очередей, мимо пустых витрин, мимо угрюмых памятников, мимо засыхающих цветов, мимо...

В Себасте даже летом улицы пустеют быстро, словно в городе действует необъявленный комендантский час. Пора сворачивать направо, в сторону Древней, но в Хергород пока не тянет. Теплая Себаста, акации, отцветающие магнолии... Так не похоже на мертвые камни и желтую саванну Западного городища!

...Бытовые неприятности не ограничились конфискацией раскладушки. Лука оказался последователен — потребовал от хозяйки отказать Свете от комнаты. Н-да, раньше за тюленем такое не водилось! А в довершение всего обе кемеровские Змеи, Лена с Мариной, вкупе с их кавалерами полночи используют комнатушку для своих сугубо личных целей. Хоть ночуй на лавочке, что Света, по ее словам, и делает.

Змеиный год, ничего не попишешь! Так что можно домой не спешить. А кстати, вот и Херсонес. Это вторые ворота, так сказать, черный ход — аккурат на Западное городище. Не бывала? Мрачное это место, Свет, но взглянуть стоит.

Я и в самом деле скоро начну верить во всякую чертовщину. Но все-таки как сие объяснить? Только что вокруг нас был теплый летний город, удушливо пахли мимозы, от моря дул легкий ветерок, вечерняя жара проникала даже сквозь рубашку.

И вот позади гнутая железная калитка, мы прошли первые метры по узкой тропинке среди шелестящей серой травы — и тут же пахнуло погребом, да так, что я пожалел об оставленном на Веранде свитере. Да, Свет, Страна Духов... Конечно, при желании все это можно объяснить научно, с точки зрения материализма.

...Херсонес соскучился, Херсонес заждался, Херсонес ревнует, Херсонес подступает — холодом, сыростью, могильным шепотом, могильным мраком...

Света — материалист, как, впрочем, и все, кто бывает здесь впервые. У них на Сахалине, оказывается, тоже такое бывает. Все просто — в городе свой микроклимат: асфальт, дома, освещение. А в Херсонесе — камни да эта саванна, тоже, стало быть, микроклимат, но совсем другой. И никаких духов...

Не спорю — так тому и быть. А для материалистов предлагаю интересный маршрут: поперек городища. Там даже тропинка есть. Правда, ночью тут никто не ходит — из-за микроклимата, вероятно. Да вот она, тропиночка!

Через несколько десятков метров дорога, оставшаяся позади, исчезает за невысокими холмами. Где-то там впереди море, но его не видно, от горизонта до горизонта — высокая сухая трава, кое-где перемежаемая черными проплешинами. Горело совсем недавно...

Вообще-то говоря, ночью бы я один сюда не пошел — на всякий случай. Тропинка начинает петлять, холмы все тянутся и тянутся, и кажется, что это странное место никогда не кончится. Эге, Свет, да я вижу, тебе что-то невесело! А чего это ты шепотом заговорила?

...Холмы стали ближе, холмы окружили, холмы встопорщились сухой травой, взбугрились острыми камнями, не пройти, не обойти, не разминуться...

Света быстро оглядывается — раз, другой. Шепчет, пытается улыбаться. Разумеется, мистика — это чушь, но ей кажется... Только кажется, это все нервы... Кажется, что за нами все время кто-то смотрит. И этот «кто-то» рядом, совсем близко...

Кусаю себя за язык, ибо тема весьма благодатная — даже без всяких баек, на которые так горазд Лука. То, что в Херсонесе живут всякие эндемики, ежи с жужелицами, понятно. А вот собаки! То их нет несколько лет, то появляются сразу целой стаей. Бывает и такое, конечно, да только почему ни одна из

них не залаяла? Ни разу за все годы! А порой увяжется такая псина за тобой, рядом бежит, время от времени в лицо смотрит. Особенно если ночью, если никого вокруг нет — как сейчас, например...

Ладно, про собак не стоит. Лучше про ежей расскажу.

...Море возникает внезапно. Обрыв катится вниз, вдали появляются грозные контуры западных стен. Да, красиво! Этакие клыки... Только спускаться надо осторожно, не ровен час...

Под ногами обрыв, тот самый, где вечно шумит море. В лицо бьет свежий ветер — бьет, уносит странное дыхание мертвой саванны. Далеко-далеко внизу волны с нечеловеческим упорством раз за разом пытаются слизать черные, почти квадратные зубья. Да, Свет, такое мало где увидишь. Сколько раз здесь бываю, а привыкнуть не могу.

...Вечный прибой, вечное море, вечная соль, вечный плеск, вечный непокой. Вечность, вечность, вечность...

Почти пришли. Теперь вот по этой тропинке — и аккурат к нашей Веранде. А мы не туда, мы чуть ниже, где «Базилика в Базилике». А называется она так потому, что сначала построили одну, а потом, когда она развалилась, вторую, но уже поменьше, как раз между старых стен. Там мозаика осталась, очень красивая...

Светит фонарь, тихо, как-то по-домашнему шумит море, цикады наперебой показывают свое искусство, с Веранды принесен котелок с недопитым кофе...

Это кто же у нас кофе варит на ночь глядя? Неужели Лука?

Кофе, ночью, притом в Херсонесе, да еще если пьешь его, сидя на обломке стены, болтая ногами над мозаичным полом!.. Свет, такого на Сахалине не увидишь, верно? И в Калининграде, и даже в Ласпи, хотя там все и оплачено... А это перепела, которые на мозаике. Нет, рыба сия к закуске никакого отношения не имеет, это очень уважаемая рыба. Рыба по-гречески будет «ИХТЮС» — «Иисус Христос Теос Ус Сотерос», ежели по первым буквам... Точно, Свет, чудес тут было навалом. Когда сюда Святой Капитон приехал херсонеситов крестить, ему не поверили, и он для наглядности в горящую печь залез. Убедил! Печка до сих пор стоит, завтра могу показать. А на месте, где погиб Святой Василий, свеча целую неделю горела. Нет, обычная свеча, такая, как в церкви, тонкая, восковая... Согласен, все это вполне объяснимо и без всякой мистики.

...Легкое касание губ, легкое касание душ, легкое, еле заметное. Мы еще чужие, мы еще далеко, мы еще не рядом...

Аки кошка, без лишнего шума, дабы не будить Бориса, прокрадываюсь на лежак. Так, будильник... Порядок! Ну что, спокойной ночи? Эге, видать, что-то сейчас будет...

Шаги — грозные, гулкие. Включается свет, бедняга Борис, растерянно моргая, вежливо интересуется, кого это черти носят... На этот раз черти принесли братьев-разбойников. Лука вполне в форме, даже на ногах пытается держаться, Буратино — тот вообще молодец, да только что это у него под глазом и на щеке? Никак замазался? Так ведь сажи вроде поблизости нет...

Ага, вопит Лука, вот вы где, Иуды! Затем он напряженно смотрит в угол, где висит штормовка Бориса, приглаживает волосы и мрачным голосом интересуется, как сюда попал этот северный олень... Пояснить появление оленя на Веранде не успеваю — в разговор вступает Буратино, который выдает краткую, но емкую характеристику женщин экспедиции, особо выделяет при этом отчего-то Стеллерову Корову. Перспективы, которыми деревянненький ей грозит, поистине ужасают.

Лука выражает полное с этим согласие, после чего делает официальное заявление о том, что ноги его здесь больше не будет. Завтра же наш тюлень уезжает на Крымскую АЭС, которая на Казантипе. Там, оказывается, водку свободно продают и бабы голодные. А тут, в Херсонесе, все Иуды. Иуды — и олени северные.

Закончив спич, Лука грузно плюхается на лежак. Через минуту слышится мелодичное посапывание. Тюленю уже хорошо, правда, при этом его подушка отчего-то лежит не под головой, а на брюхе. Буратино тоже готов. Можно тушить свет.

...Да, пошел вразнос Херсонес Таврический. В резонанс вошел — не остановишь!

Рабочая тетрадь. С. 29.

...Крипта (продолжение).

Провести «опыт Святого Василия» — поставить горящую свечу на дно Крипты и засечь время. Свечу следует купить в хозяйственном магазине у ворот...

Херсонесская маска к лицу приросла,
И торчат над личиною уши осла.
Не печалься! Мы все в этом старом театре
Арлекины чуть-чуть. Я не вижу в том зла.

Девочка Юлечка, на радость Борису, вновь щиплет травку. Теперь она не так трогательно одинока — с нею вместе козью повинность выполняет еще одно субтильное создание в голубом купальнике и кооперативной шапочке с козырьком. Ох, неспроста Балалаенко прислал сюда этих гурий — как раз в тот самый момент, когда Д. начал хлопотать о том, чтобы нам передали этот участок.

...Не отдадут — удавятся, повесятся, застрелятся, отравятся. Херсонесская жадность, херсонесская жаба...

Дневник археологических раскопок
Портового района Херсонеса. 1990 г.
Лист 19.

...Продолжали снимать первый штык 6-го слоя пом. 60-а. Характер засыпи прежний, встречаются мелкие и крупные (до 0,5 м) необработанные камни. Хорошо заметен следующий слой, состоящий из песка и желто-зеленой глины...

Слава, будьте добры, откройте мой планшет, там в большом отделении лежит складной метр. То есть как это — нет? Поройтесь получше. Вот-вот, он самый. Теперь кидайте его в яму Борису. Да не на голову, боже мой!.. Ну-с, а теперь поглядим, что у нас получается с этим шестым слоем. Нет, Борис, мерить надо шире — эта темная линза тоже к слою относится. Записываю. Высота... шестьдесят сантиметров... Не шестьдесят сантиметров, а 0,6 метра — все в системе СИ. Да, ничего копнули! Углубляться уже не будем, во-первых, вода вот-вот заплещется, а во-вторых, не успеем. Внизу только чистый песок и наносы глины. Мы это уже копали когда-то. Там, за стенкой...

...Нет, Слава, я не уверен, что эти камни, что торчат, от фундамента. Они могут быть от чего угодно, к примеру от какого-то более раннего строения. Могло же что-то здесь стоять до Казармы! Или это одна из ее внутренних стен... Боюсь, мы

этого так и не узнаем, разве что когда всю Казарму вскроем. Ты прав, Борис, когда это еще будет... Эге, да к нам гости!

Да, гости. И не кто-нибудь, не всякая мелочь пузатая вроде Гнуса. Сама Бабушка Асеева.

...Смирно! Шапки долой, во фрунт, грудь четвертого человека есть глазами, не жевать! Смир-р-р-рно!!!

Инна Анатольевна Асеева — не просто археолог. Она легенда, живая легенда Мертвой страны. Копала еще с Гриневичем, не в двадцатые, конечно, попозже, но все-таки. Бог весть, сколько ей лет, наверняка не меньше, чем Акеле. Теперь она здесь пенсионер, а когда-то была директором, и не один год. Ой, непростая Бабушка!

Бабушка Асеева прославилась сразу после войны, когда она еще, конечно, не была бабушкой. В те годы Инна Анатольевна копала в Цитадели, ничего особенно там не ожидалось, но Асеева решилась нарушить табу — тронуть великую Башню Зинона. Сие строжайше запрещалось, потому как и башни, и базилики — экспозиционный материал, сиречь социалистическая собственность. Времена были крутые, за повреждение башни могли и вредительство впаять. И Гриневич, и Стрежелецкий угодили в ГУЛАГ за куда меньшие грехи. Но Асеева почуяла — бог знает, каким чутьем, но почуяла, что обшивка башни, ее каменная рубашка — двойная. И она решилась снять эту рубашку.

Конечно, Инне Анатольевне и влетело крупно, но вскоре всем пришлось замолчать — промежуток между обшивками оказался заполнен сотнями надгробий с разрушенного еще в древности старого херсонесского кладбища. Десятки надписей, портреты, несколько плит с чудом уцелевшими постановлениями херсонесского Совета...

Экскурсоводы рассказывают туристам, что во времена строительства башни скифы шли на город и камень был нужен для укрепления стен. Может, и так, но возможно, все было проще и обыденней. Город расширялся, начали строить Портовый район, ту же Казарму, кладбище снесли. Все как у нас!

Уже сорок лет Бабушка Асеева копает Цитадель. Это ее феод, ее лен. Рассказывают, что все чертежи она прячет где-то в развалинах, в старом склепе, подальше от чужого глаза.

Среди херсонесских баронов и герцогов ее место — у самого трона...

Здороваемся. Встречать гостью больше некому — Сибиэс, бедняга, до сих пор хворает, Д. унесло куда-то по делам хозяйственным, значит, именно мне предстоит доложить о наших грандиозных успехах. Бабушка Асеева, конечно, не начальник, но... Сама Асеева!

...Ну вот, Инна Анатольевна, это, стало быть, водостоки...

Водостоки как водостоки, мерзость каменная, навидалась Бабушка этого крошева, но я стараюсь защитить честь фирмы. Сложные строительные периоды, уточнение планировки, пересмотр традиционной хронологии участка.

Бабушка не возражает. Сколько здесь было уже этих уточнений и пересмотров! Тем более Казарма — не ее участок, у Асеевой и без нее забот хватает... Но ведь зачем-то пожаловала!

Теперь моя епархия. Вот-с, Инна Анатольевна, извольте видеть: Стена, Стеночка, так сказать. А вышли мы на нее аккурат в прошлом году. И здесь уточнение — на этот раз хронологии. Да-да, никак не позже III века до...

Асеева не сомневается, не спорит — кивает, слушает. Этакая добрая-добрая Бабушка. А вот мы сейчас у этой доброй Бабушки и спросим...

Все бы хорошо, Инна Анатольевна, но вот что с дальнейшими раскопками будет? Вон участок прямо за стеной, там уже два десятка лет конь не валялся. Вот ежели бы... Для пользы дела, само собой...

Добрая Бабушка одобряет мою заботу. Казарму, понятно, надо копать, давно пора! Вот Балалаенко как раз собирается, уже и своих людей прислал.

...Его «люди», вероятно, и есть две наши соседки-козочки. Так-так...

До свидания, Инна Анатольевна! И вам всего наилучшего. Обязательно передам. Всенепременно! И вам также...

Вот так, Борис. Все ясно? Зашевелились!

Музейщики тут, в Портовом районе, не копают. Такие, как Гнус, расхватали все самое интересное, там и пасутся. А здесь что? Рыбьи кости да устричные раковины. Казарму давно считали неперспективной, просто экспонатом, зато теперь, как только начала вылезать Стена, когда выяснилось, что Казармы было целых две... Теперь они налетят! Потому и приходила Бабушка — опытным глазом взглянуть, не ошиблись ли, часом, харьковчане? И Балалаенко ожил весенним мишкой в берлоге. Быть очередной херсонесской сваре! Но что плохо — мы в этом раскладе явно лишние.

...Съедят! Забьют, как Слона, выкинут, вышвырнут, выбросят, вынесут, выкосят...

Этими соображениями встречаю возвращающегося Д. Тот ничуть не удивлен. Все верно, Гнус сообщил Балалаенко, разбудил этого симферопольского лентяя — и заодно готов пойти в соавторы. Ну, на это Гнус всегда готов! Впрочем, объявился и еще один нетопырь из музея, уже и кружить начал, крылышками трепетать... Но Д. еще надеется — у Балалаенко всегда не хватало людей, а у Его Величества сейчас много работы, лишних рук не найдется. В конце концов, можно подключить Старого Кадея....

Не спорю. Пусть. Может, и вправду...

Дневник археологических раскопок
Портового района Херсонеса. 1990 г.
Лист 19.

...Следует обратить внимание на то, что в северной части пом. 60-а, между С-З стеной и раскопанным вчера вертикально стоящим камнем находится завал камней, перемешанных с глиной и землей, уходящий под С-З стену. Очевидно, и камни, и этот завал имели непосредственное отношение к фундаменту Казармы.

Находок крайне мало...

У наших сараев — немалое оживление.

Едят.

Впрочем, не только едят. Несколько девиц окружили Стеллерову Корову, рядом топчется Ведьма Манон, глазенками сверкает, вот и Женька, Сенаторов сын, чертиком из табакерки выскочил. Так что там «беобахтер» пишет? Давненько не читывал!

...Свежий выпуск, свежий выпуск, свежий выпуск, свежий выпуск, свежий выпуск...

А пишет «беобахтер» все о нас да о нас. Разврат на Веранде, пьяный Лука ползает возле фонтана, он уже купил билет до Южно-Сахалинска, квартиру отдает Гусенице... Старо, старо!..

А вот и кое-что поновее. Злой Буратино посмел посягнуть на честь уважаемой...

...Ах, вот почему на физиономии нашего Буратины пятна!

Но уважаемая смогла за себя постоять. Так был наказан злой и похотливый Буратино. Да только не он один виноват, это его старый развратник Лука надоумил!..

Гляжу на могучие плечи Коровы, на пудовые кулаки... А все-таки Буратино герой, не побоялся посягнуть. И ведь жив остался!

...Как обнимет, как к сердцу прижмет, как притиснет, как приголубит, как утешит...

И вновь некая странность. То, что наши кости перемывают, — привычно. В Херсонесе положено грешить тихо, буднично. Как наша молодежь: переглянулись, встали, он сунул под мышку одеяло, она пояснила подружкам, что идет воздухом подышать. Подружки кивают, в сторону смотрят. Можно иначе — окно сарая занавешивается тем же одеялом, друзья-подружки сидят поблизости и опять-таки в сторону смотрят...

И ведь все знают, кто, когда, зачем, почему. Невесты перед самой свадьбой, жены, приехавшие отдохнуть без мужей... Главное — не шуметь. Гусарские ухватки Луки здесь явно не к месту.

...Ушли гусары, ушли, навсегда, навечно, прочь, не нужны гусары, смешны гусары, ни к чему гусары. Денщики правят, денщики гогочут, денщики судят...

Но отчего именно за тюленя взялись?

Рабочая тетрадь. С. 29.

...Опыты с компасом (продолжение).

Исследования проводились с 15.30 по 16.15. Жаркая погода, ветра нет, освещение яркое, дневное. Цель: дальнейшая проверка величины отклонения компаса от N. Объекты — три контрольные базилики.

Результат: по-прежнему заметен рост величины отклонения от N. По сравнению с первым наблюдением:

«Базилика в Базилике» — на 15 градусов.

Базилика у колокола — на 15 градусов.

Крипта — на 20 градусов.

Отклонение «контура» Крипты от N — 40 градусов!

Все особенности «контура» сохраняются.

В связи с тем, что:

— все эти дни сохранялась одинаковая погода;

— рост отклонения плавный, а не скачкообразный,

резонно предположить, что наиболее вероятная причина — воздействие Луны. Следовательно, максимальный результат следует ожидать в полнолуние.

NB! В греческом пантеоне «лунной богиней» считалась Артемида-Селена. Однако Дева, покровительница Херсонеса, отождествлялась именно с Артемидой!

Итак: Луна, богиня Дева, тайное языческое святилище в центре города.

Борис добавляет: в наиболее старой части города...

На пляже жара — такая, словно море не Черное, а Красное. Вода теплая до омерзения, как в ванне. Нет, это не по мне, Борис, вылезаем — и домой! Пусть себе здесь Гнус остается, вот он, на посту, гений моноласта. Конечно, пивка бы сейчас в самый раз... Луку бы сюда!

Тюленя мы находим на Веранде, но с первого же взгляда становится ясно, что сейчас ему не до пива. Лука, чернее тучи, лихорадочно тыкает какие-то тряпки в рюкзак. Кажется, маздонизм перешел в хроническую стадию, ибо знакомая пантомима должна означать одно: уезжаю — и немедленно!

В таком состоянии Луке лучше не мешать — кризис пройдет сам собой. Однако что это его так задело? Неужели наш старый добрый «беобахтер»?

Между тем появляется Буратино, мрачный, но не мрачнее обыкновенного. При его виде Лука начинает собираться еще интенсивнее, приговаривая что-то то ли о последнем автобусе, то ли о первой завтрашней электричке. Ну, первая электричка в шесть, ни за что тюленчик не проснется. А до второй, которая в начале десятого, желание эмигрировать уже успеет остыть.

Лука рычит, смотрит Индрик-зверем...

...Довели Луку, завели Луку, подвели Луку, обвели Луку, нет здесь места Луке, неуютно Луке, неприветно Луке, нет покоя Луке...

Нет, дурдом. Кто как хочет, а я в город. Борис, компанию составишь?

У нашего химика, однако, свои планы. Кажется, догадыва-

юсь — план «девочка Юлечка». Оказывается, нет. То есть не совсем нет, но этим вечером... Как же я мог забыть?!

Ах да! Впрочем, чему удивляться, с Лукой да с Буратинкой и не такое забудешь. А ведь сегодня вечером великое событие — очередной исторический футбольный матч. Мы вновь вызываем УрГУ.

Злые ургуяне, сиречь студенты Уральского госуниверситета, живут за бухтой, совсем рядом с нашим раскопом. Бог весть отчего они злые? Назвали — и назвали. Злые! А вообще-то они наши давние соседи и одновременно футбольные противники.

Их вождь — Большой Бобер (именно Бобер, не дай господь Бобрихой назвать!), дама авторитетная, маститая. Ее худая фигура с вечной «беломориной» в зубах давно стала неотъемлемой частью здешнего пейзажа. А на берегу бухты вырос целый городок, где проживают ее подданные, коих Бобер держит в покорности и страхе. Навязанный ее железной волей комендантский час — отбой в одиннадцать! — еще не самая суровая из тамошних традиций.

Наша вольница, без кола и двора, без лагеря и кухни, зато и без комендантского часа, всегда относилась к ургуянам снисходительно — как к этаким забитым язычникам. Так сказать, сумь, емь, самоядь, чухна белоглазая, мордва болотная, закон — тайга, прокурор — медведь. Бога истинного не знают, Большому Бобру поклоняются! А недавно с легкой руки злоязычной молодежи все это было обобщено емким словечком — Урлаг.

...За проволокой, в бараках, под караулом, вохра, вертухаи, аппельплац, чекист на вышке, СС в засаде...

Каждый год мы вызываем их на футбольную дуэль. Уже десять лет. И каждый раз распиваем законный приз — ящик пепси.

Да, Борис, нам продувать в этот раз совсем не с руки. Где теперь пепси взять? Ты, как в прошлый раз, в полузащите? Ах, даже судья... Ну, смотри, с мылом сейчас, как и с пепси, — напряженка.

С пепси напряженка, с мылом напряженка, а в нападение нам ставить некого. А злых ургуян в этом году — тьма, небось подберут костоломов. И морально, само собой, подготовятся, сейчас небось все вместе камлают, ургуянку, салом смазанную, в жертву приносят. Нет, Борис, я на матч не пойду. Это

тоже традиция — у меня глаз дурной. Без меня обычно выигрывают.

У сараев и вправду оживление. Молодежь пытается что-то делать с мячом, да только как-то неуверенно, без огонька. Любуюсь этим зрелищем — и не замечаю, как сзади подкралась Ведьма Манон. Только когда над левым ухом зашипело...

На мое счастье, Ведьма настроена миролюбиво. Конечно, она с удовольствием съест нас всех (не только с удовольствием — с костями!), но... Но не сейчас. Сейчас Манон решила язвить нас словесно. Вот, к примеру, Лука...

Ах, вот она, причина очередного хватания за рюкзак! Лука не оригинален — опять столовка! Полез голодный тюленчик без очереди, потому как животик свело, не осталось силушек ждать... Полез, был изловлен нашей молодежью, приперт к стене, получил внушение — к счастью, словесное, но весьма откровенное.

... А ко всему еще рогоносцем обозвали! Гусеница-то в чем виновата?

Ведьма довольна, а мне остается лишь руками развести. Не оценил тюлень обстановку, покусился на самое святое, что есть у нашей юной поросли...

...Еда, пайка, жратва, хавка, хаванина, первое, второе, третье, пятое, не отдадим, не подпустим, еда, пайка, жратва...

Но рогоносец-то отчего?

Все, хватит. Ноги, ноги отсюда, из любимого Хергорода. Не то очумею, как Лука. Наша коммуналка временами становится невыносимой!..

Автобус лихо мчит на подъем, оставляя по правую руку небольшую часовню на Пожарова, полускрытую темно-зелеными кипарисами, ряды цветущих мимоз, серую ограду кладбища Коммунаров... Дурной город Себаста, никогда его не любил. Но чтобы прийти в себя — вполне годится.

Мы снова встречаемся у главпочтамта, и Света долго жалуется на жизнь. Тюлень, оказывается, проявляет последовательность и весьма настойчиво уговаривает хозяйку выставить сахалинскую гостью за дверь. Вдобавок кемеровские Змеи очумели совершенно, спать приходится все на той же скамейке... Н-да, хорошо еще, что Свете не предъявили иск за попытку увоза Луки на Сахалин! Кажется, тюленей там и так хватает.

Знаешь что, Свет, ну их всех! Врежем по мороженому и пой-

дем куда-нибудь, хотя бы на Исторический бульвар. У вас в Южно-Сахалинске есть колесо обозрения?

Колеса обозрения в Южно-Сахалинске нет, зато там есть красная рыба, японская электроника и американские шмотки. А вот рестораны там плохие...

Земля уходит вниз, Света снимает очки, смотрит, слегка щурясь, на разбегающиеся под нами черепичные крыши...

...Не надо прятаться, не надо бояться, не надо никого обманывать — даже себя. Мы можем расстаться прямо здесь, можем встретиться завтра, можем заехать ко мне в Харьков, увидеться здесь же в следующем году. Или даже через десять лет...

Легкий ветерок, недвижная гладь бухты, серые борта кораблей. Света надевает очки, впервые за этот вечер улыбается...

...Колесо судьбы, колесо случая, колесо Фортуны, колесо удачи. Рука в руке, глаза в глаза, крутись, не останавливайся, не спеши...

И так не хочется возвращаться в любимый Херсонес, в наше царство сухой желтой травы, грязных сараев и серых руин, слушать мудрые советы Буратины, наблюдать боевые пляски тюленя...

Рабочая тетрадь. С. 30—32.

...Обследование Крипты (продолжение).

3. Алтарная часть.

Алтарная часть представляет собой полуцилиндрическую нишу радиусом приблизительно 1,35 м. В 0,35 м от входа в полу имеется круглое отверстие глубиной 0,05 м. По некоторым признакам можно предположить, что первоначально стены Алтарной части были покрыты штукатуркой. С этим согласуются и данные из отчета Беляева. На полу находится несколько обработанных камней, служивших, вероятно, основанием какой-то конструкции.

4. Зал со Сводом.

Наибольший интерес представляет Зал со Сводом. Он имеет форму, приближающуюся к кругу, наибольший диаметр которого — 3,5 м. Главная особенность зала — наличие яйцеобразного свода. В настоящее время он рухнул, но его существование не вызывает сомнений. Свод был частично открытым, его верхняя часть выходила на трапециевидную шахту, которая, как уже указывалось, закладывалась плитами.

На полу Зала со Сводом в настоящее время находятся обломки известняковых колонн, возможно, те, что нашел Беляев. При наличии свода они могли его поддерживать, но в этом случае для них в помещении зала просто не остается места. Скорее всего колонны не имели отношения к Крипте, они могли упасть в нее в более позднее время из разрушенной средневековой базилики. Зато не вызывает сомнений существование перемычки, выполненной из плинфы. Она находилась в южной части зала, отделяя его от Помещения с лестницей.

В правой части Зала со Сводом имеется полукруглая ниша, относящаяся к другому, более позднему строительному периоду. Она была заложена каменной кладкой, от которой в настоящее время сохранились два ряда камней. Эта ниша получила условное название «погребальной», поскольку такое ее использование весьма вероятно.

Над нишей имеется выбитая в скале прямоугольная плоскость, где, очевидно, помещались иконы.

5. Помещение с лестницей.

За перемычкой находится третья часть храма — Помещение с лестницей. Оно сохранилось очень плохо, однако можно предположить, что над ним был еще один свод, имевший форму полуэллипса с радиусом нижней части около 2,23 м. Он завершался выходом на трапециевидную шахту и тоже был перекрыт каменными плитами.

Поверхность стен Зала со Сводом и Помещения с лестницей сильно повреждена, но ее обследование позволяет предположить, что она также была покрыта штукатуркой.

Чертеж (набросок) Крипты взялся нарисовать Борис.

Мнение Беляева и остальных справедливо — в Крипте заметны следы перестроек:

1. «Погребальная» ниша в правой части.

2. Два ряда углублений для брусьев у входа.

3. Возможно также, что-то перестраивали в Помещении с лестницей (слева и справа от входа).

Время и более точный характер перестроек определить пока невозможно, но они еще раз подтверждают длительность существования памятника.

Опыт Святого Василия начат. Свеча зажжена в 17.30 и поставлена в алтарной части. Свеча стандартная, стеариновая, длина — 18 см. Новую свечу покупать не стали из-за возражений Бориса, считающего подобный опыт зряшным расходованием имущества. По его мнению, свеча будет гореть несколько дольше, чем на поверхности, из-за отсутствия ветра, но разница будет небольшой.

Борис считает, что Крипта в плане напоминает электронную лампу.

Чем лампа лучше свечи?..

К ночи наш Лука уже пришел в себя. Рюкзак занимает законное место под лежаком, а тюлень вновь трудолюбиво горбится над заветной тетрадью в черной обложке — кропает стишата.

...И не пойду с протянутой рукою, ведь я зовусь каким-то там Лукою!..

Мир тебе, Лука, ты избрал благой жребий!

Буратино, увы, стихов не сочиняет и свои чувства изливает словесно. Давно я не видал его таким разговорчивым!

...Все бабы, стало быть, дуры. Его жена — дура. Хочет его из дому выгнать. И теща тоже дура...

Не ново, ваше деревянство!

...А эта Корова Стеллерова вообще идиотка. Зачем она сюда приезжает, не на раскопки же? Только идиоты приезжают сюда чего-то копать. А если так, то чего она этак?..

А действительно, Буратино, чего она этак?

Деревянненький искренне не понимает. Раз они, бабы, сюда ездят, значит, ясно, зачем ездят. Тогда отчего кобенятся? Он два вечера одеяло под мышкой таскал, в аптеку специально ездил, деньги тратил... Ничего, теперь Буратино займется Ведьмой Манон! С ней он церемониться не станет, даже одеяло брать не будет...

...Схватить Ведьму, скрутить Ведьму, повалить Ведьму, покорить Ведьму, сейчас, немедля, не сходя с места, с налета, с наскока...

Борис, внезапно появившийся в дверях, прерывает этот страстный монолог. По лицу нашего химика становится ясно, что футбольные дела плохи. Так и есть. Не поражение, но и не победа. Два — два. Ничья. Впервые за десять лет мы не победили.

У сараев — траур. Как всегда после неудачи, побежденные ищут виновных. Защита клянет нападение, нападение, само собой, защиту. Судью винят все. Бедняга Борис! Призрак мыловарни становится вполне реальным. А торжествующие ургуяне требуют продолжения. Сейчас небось идолов медвежьим жиром мажут, в бубны бьют, нехристи! Кто-то уже предлагает сходить в «Дельфин» за пепси...

Эх, где бойцы минувших лет, что гоняли этих печенегов, как Мстислав Редедю пред полками касожскими? Где Дидик, Крокодил, Птеродактиль? С ними мы никогда не думали, где искать пепси-колу!

...Мазилы, на мыло, на костяную муку, осрамились, оплошали, обесчестили, обманули, обесславили, облажались! Позор ныне, присно, в веках, в истории, навсегда...

Рабочая тетрадь. С. 32.

...По мнению Бориса, лампа лучше свечи тем, что опыт со свечой — извращение, а электронная лампа — хорошая модель для понимания феномена «контура»...

...У горизонта, далеко в море, сверкает огнями плавающий железный сундук, с палубы которого то и дело врезаются в небо столбы света — на «Тбилиси» сегодня ночные полеты. Скоро День Флота, последнее воскресенье июля...

Море холодом дышит, и ветер с утра.
Крики чаек, как будто скрипят флюгера.
Видно, грешники мы, вновь богов прогневили.
И впервые мелькнет: «Не домой ли пора?»

Дневник археологических раскопок
Портового района Херсонеса. 1990 г.
Лист 20.

...Работу начали в 6.30. Работали в том же составе.

Начали зачистку пом. 60-а. В северном углу разобрали завал камней. Камни известняковые, со следами обработки. В результате обнажилось основание стены. Стена оказалась стоящей на земляном «попе»...

Слава, Слава, да кто же так чистит? Не надо ковырять ножом между камнями, этак мы стенку развалим — она же без известки. Ваше дело — обнажить швы, и все. Борис, тебя это тоже касается, плотнички-работнички!

...Чего это я их так гоняю, не развалят же они стенку, в самом деле! Что за манера срывать свое настроение на подчиненных?

Сегодня завтрак запоздал, и мы долго бродили, неприкаянные, у запертых дверей столовки. Моя бы воля — я бы вообще не завтракал, но этак и ноги протянуть можно. Солнце уже начало припекать, становилось совсем неуютно...

О. подошла ко мне как ни в чем не бывало, не обращая внимания на сонмище вокруг. А чего обращать? Мало ли кто с кем поговорить собрался?

Оказывается, я ее подвел. Хуже — изменил, ведь все знают, что я ее парень, а не захотел подождать, ведь ее муж рано ложится спать, все так просто, а я связался с этой очкастой, и теперь все это видят...

...Законы Херсонеса, традиции Херсонеса, обычаи Херсонеса, правила Херсонеса. Свои со своими, своих простят, своим помогут, отвернутся, отойдут, не заметят, не выдадут. Чужие побоку, чужие лишние, чужие вне игры...

И теперь все это видят... ВСЕ! Вот, значит, как? Я тоже что-то нарушил в неписаном херсонесском кодексе. Стоило лишь подождать, пока будущий аспирант после сытного ужина приляжет отдохнуть...

Так просто!

Рабочая тетрадь. С. 33.

...Опыт Святого Василия.

5.50 утра — свеча продолжает гореть.

8.40 утра — свеча продолжает гореть.

В Крипту не спускались, наблюдение вели от входа. Стеарин расплавился, горит фитиль, огонь обычного размера и цвета.

Борис говорит, что это ничего не значит. Отсутствие внешних воздействий (ветер) позволяет огню не гаснуть...

...Нормально, нормально, Борис! Глубже не надо, переходи на следующую стену. Что, Володя, опять сигарет нет? Моя пачка у входа на камне. И мне тоже одну киньте... Как голова, не безобразничает? Но на солнце лучше не вылезайте, бережного бог бережет...

Дневник археологических раскопок
Портового района Херсонеса. 1990 г.
Лист 20.

...После расчистки стало окончательно ясно, что как основание стены Казармы, так и стоящие на ребре камни уходят под С-В стену пом. 60-а. Таким образом, можно сделать вывод, что Казарма продолжается дальше за территорию средневековой усадьбы № 9.

Та часть Казармы, которая непосредственно примыкает к С-В стене, была разобрана до фундамента при возведении раннесредневековой усадьбы IV—VI вв., для строительства капитальной внешней стены усадьбы (С-В стена). В этой части от фундамента осталась лишь нижняя часть, состоящая из мелких известняковых камней и остатков сероватого вещества, вероятно, извести. В целом порядок строительства фундамента выглядит следующим образом. Дно глубокой траншеи шириной около 4 м засыпалось мелкими камнями и известью и заливалось известняковым раствором с камнями. Сверху было уложено несколько слоев необработанных или грубо околотых крупных известняковых камней. На этом основании находилась кладка собственно стены Казармы...

Вот так. А может, и не так — не знаю. Ничего, мы вышли на фундамент первые. Потом будут вторые... Узнают! Жаль, что не скоро.

А у наших соседей, кажется, митинг. Ну конечно, Сенатор беседует с избирателями! Сегодня утром прикатил из Киева, полон впечатлений. Что, Слава, на месте не сидится? Ну бегите. Перерыв. А мы покурим. Ничего, отсюда тоже слышно.

Так, и что же привез Сенатор из столицы? Ага, независимость. Слышь, Борис, мы, оказывается, уже независимые!.. Нет? Не совсем независимые, просто суверенные? Все равно, сбылась мечта вековая. Борис, у тебя паспорта с собой нет? А то можно было бы сжевать — за ненадобностью. Теперь у нас новые паспорта будут, жовто-блакитные. Для дам — желтые, для джентльменов — голубые. Гип-гип, ура! Все «ура» крикнули? Вот и прекрасно. Слава, где вы там? Просим, просим в яму! Ласкаво просимо, панэ!..

...Шаровары, шаровары, шаровары, шаровары! Гоп, кумэ, будэм вильни, мы сегодня самостийни! Гоп, гоп!..

Странное дело! Сенатор вроде как подзабыл о своих чувствах к самостийникам. Цветет, видать, рад тому, что учудил. А вот Д. мрачен. Ему ни к чему независимость, он поклонник единой и неделимой. И вообще, у него нет чувства юмора.

...Слушай, Борис, что-то мы давно чаю с мятой не пили. Хорошо бы, хорошо... Лучшая мята, Слава, здесь растет у некоего заведения, того, к которому не зарастет народная тропа... Во-во, приятного аппетита. Нет, я не мяту предлагаю рвать, надо просто Маздона пригласить...

Рабочая тетрадь. С. 33.

...Опыт Святого Василия.

11.15. Свеча продолжает гореть. Борис уточняет — не свеча, а фитиль, свеча давно расплавилась. Эффект «вечной» лампады.

Независимость Украины — перспективы для Херсонеса.

1. Денег для заповедника станут давать меньше.

2. Гнус отберет Беляевку у москвичей.

3. Гнус отберет Урлаг у свердловчан.

4. Гнус все продаст иностранцам и устроит в Казарме лупанарий на радость Луке...

Мрачный Д., не приемлющий великой национальной идеи, отводит меня в сторону. Опять водостоки? Опять, но не водостоки. Лука!.. Лука?

Д. недоволен, настолько недоволен, что считает необходимым заявить... Интересно, а почему мне? Да, заявить! Личный состав жалуется, личный состав весьма недоволен. Дебоши. Загул с этой дамой, которая из Магадана. Ежедневный и еженощный разврат! Говорят, Лука вообще собирается туда переезжать, так пусть переезжает и не разлагает экспедицию...

Успокаиваю начальника — не переедет наш тюлень, есть у меня такое предчувствие. И вообще, что за беда? Ну возвеселился душою Лука, ну отдыхает...

Д. плотоядно хмыкает и намекает, что в следующем году экспедицию повезет он... Повезешь, повезешь, конечно! И будет у нас Урлаг-2. Ну, это ясно, а как твои водостоки?

Водостоки, оказывается, в порядке. Зачищают водостоки. А пока нужно заняться еще одним важным делом — сдать валюту.

Ах да, наша валюта — два десятка медных монет, зеленых,

обросших многовековой накипью. Жалкая добыча! А помнишь, как мы шампанское пивали за первую сотню? Было, было... Ну что, сдавать так сдавать...

Монеты у меня с собой — в сумке, на самом дне, в самодельных бумажных пакетиках, на каждом номер, карандашный обвод, число... В банк подобную зеленуху уже не сдашь, теперь место этой валюте в фондах, там, где оканчивают свой путь все интересные находки. В царстве Тамары Ивановны.

Тамара Ивановна обитает в правом крыле все того же игуменского корпуса. За белой дверью начинается небольшая анфилада комнат, уставленных ящиками, стеллажами, а более всего мелкими коробочками. Со стеллажей мортирными жерлами вырисовываются амфорные горла, проходы загромождают пузатые пифосы, поставленные для устойчивости на арматурные опоры. А в коробочках всякая мелочь, накопившаяся за полтора века раскопок: клейма, светильники, булавки-фибулы, резная кость, обломки стеклянных бальзамариев, кусочки блюд с роскошными разноцветными павлинами, наконечники стрел — скифские, сарматские, греческие, римские, татарские... А вот монет там нет, они хранятся отдельно. Где именно — тайна Тамары Ивановны.

Нас ждут. Тамара Ивановна, как всегда, приветливо улыбается. Для нее мы — дети малые, дети неразумные. Наверное, четвертое, а то и пятое поколение археологов, приносящих сюда находки. Добрый день, а вот и мы!..

Нас угощают абрикосами, и мы вываливаем на стол нашу скромную добычу. Одна, вторая, пятая... Само собой, денежки счет любят. Эх, Луку бы сюда! Впрочем, лучше не надо, не выдержало бы сердце заслуженного нумизмата. Ну, вроде все, можно составлять акт.

Пока Д. корпит над актом сдачи-приема, я сую свой все еще любопытный нос в груду коробочек на соседнем столе. Ух ты, да это же светильники, чернолаковые, с узорами! Боже мой, Аттика... Малая Азия... А этот откуда, неужели местный? Тоже неплохо. Экое богатство! А что там на коробочках написано? Гриневич Константин Эдуардович... Это двадцатые. Белов... Уже попозже. А вот уже добыча Слона, совсем свежая. А это чьи? Лепер...

Чернолаковый аттический светильник уснувшим птенцом застывает в руке. Лепер... Профессор Лепер, преемник Кос-

цюшки, толковейший археолог, не давший загубить наследство бородатого поляка, сотрудник Русского Археологического института в Константинополе. Копал в Палестине, Малой Азии, Болгарии... Ему повезло меньше, чем остальным. Он дожил до того дня, когда его мир перестал существовать...

...Ноябрьский ветер провожает последние пароходы защитников Крыма. Впереди у них — Варна, Стамбул, Галлиполи, Бизерта. У тех, кто остался, впереди ничего нет, от Симферополя уже спешат дивизии победителей. Все кончено, День Гнева наступил. Седой старик, бывший профессор бывшего университета, бывший редактор, бывший директор музея, водивший когда-то государя императора по херсонесским раскопам... Старик стоит на обрывистом берегу мертвого города и смотрит вслед уходящим кораблям. Револьвер у виска.

Все...

Монеты давно оприходованы, и Тамара Ивановна привычно сетует на здешние беды. Места не хватает, сотрудников мало, те, кто поопытнее, уже на пенсии, молодых не заманишь на такую зарплату, а ей самой уже скоро на заслуженный отдых. А что будет с фондами? Передать некому, хотя бы инвентаризацию успеть завершить...

Доедаем абрикосы и откланиваемся. Д. вздыхает — страшный призрак самостийности не дает ему покоя.

Рабочая тетрадь. С. 33.

...12.30 — свеча погасла.

Результат: свеча горела не менее шестнадцати часов. Борис уточняет, что менее. Значит, менее шестнадцати часов, но более пятнадцати.

Борис считает, что ничего особенного в этом нет.

Опыты с компасом.

Проводились с 13.30 по 14.15. Жара, легкий ветер, освещение яркое. Рост отклонения контура по сравнению с первоначальной величиной:

«Базилика в Базилике» — 20 градусов.

Базилика у колокола — 20 градусов.

Крипта — 25 градусов.

Отклонение «контура» Крипты от N — 45 градусов.

Примечание: завтра полнолуние, возможно, эти отклонения близки к максимальным.

Предложение: поглядеть на Крипту ночью, когда луна будет высоко (после 23.00). Провести также экстрасенсорные наблюдения.

Лука встречает меня радостно. Не сходя с места и не дав мне умыться, наш тюлень принимается читать свое новое произведение. Судя по кислому виду Буратины, заключаю, что он с очередным опусом тюленя уже ознакомлен.

Выбив три минуты и кружку воды, привожу себя в относительный порядок и отдаюсь в распоряжение Луки. Тот усаживает меня на нашу скамейку у заглохшего источника и приступает.

...Тра-ля-ля-ля-ля, а потом тра-ля-ля, и траля-ля на кушетке и еще траля-траля. Ля!..

Читает тюлень неплохо, с настроением, удачно интонируя в нужных местах. Это уже не какое-то там стихотворение — целая поэма. Жаль, напечатать не придется! Даже ежели самое важное заменить точками, все равно — не выдержит бумага, испепелится. А в общем круто.

Хвалю в меру, предупреждая о необходимой осторожности при обращении с текстом. Нашим дамам сие читать не стоит — этак можно и без экспедиции остаться, разбегутся по всему Крыму. Разве что Ведьме Манон... Впрочем, этим Ведьму не проймешь.

Лука меня успокаивает — поэма нужна ему для обработки дам со стороны. Оказывается, тюлень затеял поход в Урлаг.

Куда?!

Лука, Лука! И в наши лучшие годы ургуянки были для нас недоступны. Эндогамия — обычай примитивных племен. Согрешивших торжественно съедают в присутствии Великого Бобра — под бубен. Лишь однажды, во времена былинные, наш чудо-богатырь Берлага умыкнул ургуянку прямо с раскопа, схватил в охапку, успел добежать до Казармы, прежде чем дикое племя настигло смельчака. Преизрядная тогда случилась баталия!.. Впрочем, попытка не пытка, подобные строчки могут сбить с копыт даже этих язычниц...

За самого тюленя я не боюсь — бегает он, как ни странно,

неплохо, ежели приспичит, конечно. Ладно, Лука, ни пуха! Отведай ургуятины!

...Ургуятины, медвежатины, дикарятины — землепроходец, конкистадор, Ермак, Хабаров, Атласов, Кортес, Писарро, Коронадо...

Солнце уже начинает склоняться к западу, жара постепенно переходит в мягкое предвечернее тепло, камни базилик теряют ослепительный дневной цвет, медленно покрываясь серой краской. Лука и Буратино отправились своим обычным маршрутом в Камыши, а мы с Борисом, отоспавшиеся и повеселевшие, сидим за колченогим столом и пьем чай со знаменитой херсонесской мятой, той самой, что растет там... где и было сказано. Чай с мятой — верное свидетельство, что у нас гости. И вправду, рядом с нами сидит Маздон и угощается купленными утром пряниками.

Наш фотограф тих. С нами он обычно не шумит и не проклинает извечных своих врагов — маздонов, проклятых коммунистов, лавочников и начальника отдела кадров Петрова. Это спектакль для посторонних, в нашем кругу Маздон разговаривает на вполне человеческие темы. А что такое человеческая тема для фотографа? Понятное дело, фотографии.

Маздон вздыхает — работать с каждым месяцем труднее. Бумага, пленка, проявитель, фиксаж. Пока добудешь, пока выпросишь... И бумага теперь не та. До войны фотобумагу делали на серебре, а еще раньше на золоте, поэтому старые фотографии живут вечно, сохраняя неповторимый зеленоватый или коричневатый оттенок. А какие тогда были негативы! На стекле, ясное дело. А эмульсия!..

Вспоминаю фотографии, где запечатлен Косцюшко. Маздон бывал в местном фотоархиве и подтверждает — раньше здесь умели снимать. Какая тут была лаборатория! И куда все делось? Теперь в лаборатории здешней и пленку проявлять опасно, вода то и дело кончается. А вещи снимать — это только дома, здесь разучились.

...А ведь через неделю нам уже уезжать! Мысль эта приходит первому Маздону. Неужели уже через неделю? Вторник, пятница, снова вторник... Да, точно! Ну и быстро же дни летят!

...И этот месяц пройдет, и это лето пройдет, и этот Херсонес пройдет — скоро, скоро, навсегда, тенью, ночным болидом, призраком среди желтой травы...

Впрочем, Маздон вспомнил об этом не из сожаления о быстротекущем херсонесском времени. Он думает о более прагматичном — желая уехать пораньше, спешит закончить фотодела. Прежде всего это итоговые фотографии раскопа и, конечно, общая фотография экспедиции — все вместе, все рядом. Давняя археологическая традиция, еще с прошлого века. Сколько их здесь хранится в архивных папках! И у меня самого их уже с десяток... Нет, уже, считай, все полтора, если с этой, будущей.

Ничего, Маздон, скоро заканчиваем. Ко Дню Флота будешь свободен, как птица небесная. Можешь уже покупать билет.

Маздон отправляется в очередной фотопоход. Наступает идеальное время для слайдов. Желтая трава, серый камень, голубое небо — все это будет здорово смотреться в осеннюю слякоть, когда свет диапроектора на несколько секунд прорубает окно в навсегда сгинувшее лето.

Борис тоже готовится. Он ангажирован не куда-нибудь, а в «волчатник», в логово Акелы на преферансный матч. «Сочинка» до победного конца. Смотри, Борис, там все-таки волки! Впрочем, бесстрашный химик уверен в себе — университетская преферансная школа не выпускает слабаков.

Мы со Светой сидим на склоне холма в высокой траве, которая здесь не успела еще окончательно высохнуть и пожелтеть. Тихо, очень тихо... Даже не верится, что за холмом — шумный московский лагерь, а в двухстах метрах левее — наша Эстакада. Света вспоминает, что у них на Сахалине полно таких травяных джунглей. А деревья, наоборот, маленькие — те самые, что японцы разводят в цветочных горшках...

Ночь катится дальше. Из глубокого рва, тянущегося вдоль холма, начинает медленно выползать серый туман, наполняя воздух сыростью и холодом. Трудно поверить, что совсем недалеко отсюда — теплая Себаста. Свитер оказался в самый раз!.. Света шепчет, что ей кажется, ей снова кажется, что кто-то за нами наблюдает. Кто-то притаился, совсем рядом, совсем близко, дышит в затылок...

Ну, если наблюдает...

У моря, возле фундамента Уваровской базилики, становится теплее. Несмотря на поздний час, здесь людно, то и дело во мраке мелькают знакомые фигуры, однако неписаный херсо-

несский кодекс не рекомендует здороваться в такое время суток, сейчас мы все инкогнито...

Ага!

Кемеровские Змеи ползут на пляж, конвоируемые двумя своими кавалерами и... Ну конечно, Толиком-Фантомасом. А это кто?

Голоса — мужской и женский. Далековато, мужской узнать трудно, но вот женский — скрипучий, визгливый, да еще с подвыванием на конце каждой фразы... Быть не может! А с кем? Вот это да!..

Мимо нас, мило беседуя, дефилируют по направлению аккурат к Базилике 1935 года Ведьма Манон и — надо же! — Буратино. Манон, а как же ненаглядный супруг, что все никак сюда не доберется? Ай да Ведьма! Видишь, Свет, всякая тварь в такую ночь гуляет! А кстати, который час?

Рабочая тетрадь. С. 34—35.

...Наблюдение за Криптой.

Время — с 23.00 по 23.45. Тепло, легкий ветер. Полная луна (полнолуние завтра).

Мои впечатления:

Лунный свет заполняет Крипту с востока на запад, то есть от алтарной части к лестнице. Ниша освещается сверху вниз. Если там стояла, к примеру, статуя, то освещалось вначале лицо, затем плечи, грудь. Эффект мог быть усилен, если в плитах перекрытия и в самом деле имелось световое окно, позволявшее направить свет в нужном направлении.

Борис:

Энергия Крипты очень сильная, вязкая, восходящая куполом над входом. Зафиксирован темный источник энергии в виде цилиндра, а также два пятна в форме «легких» (в районе алтаря).

Примечание: опять экстрасенсорика!

Впечатления С.:

Ей было страшновато, причем это чувство, совершенно необъяснимое, появилось, когда мы прошли храм Владимира. С. хотела быстрее вернуться и даже не подошла ко входу в Крипту. Когда мы возвращались, настроение ее сразу улучшилось, она даже удивилась такой своей реакции.

Борис заявил, что собаки, которых около храма Владимира всегда много, обходят место, где находится Крипта.

Примечания: кто этих собак считал?

Предложение: спуститься в Крипту ночью. Для этого нужна страховочная веревка...

По лестнице топают знакомые шаги, вспыхнувшая лампочка озаряет явление тюленя на веранду. Залезаю под спальник с головой и замираю. Все, я сплю, меня нет, я умер...

Вовремя! Лука прямо в брюках и сандалиях валится на матрац, издавая нечто вроде рычания. Спите? — слышится грозный голос, вновь сменяющийся рыком. Спим, Лука, спим... Э-э, нет, беднягу Бориса разбудили-таки эти вопли, он сонным голосом отзывается...

Получив слушателя, Лука высказывается прямо, но энергично по поводу Урлага и ургуянок. Ах вот оно что! Прелестницы охотно слушали стихи, тюленьи вирши даже чем-то понравились. Увы, поэтический вечер был прерван рейдом, устроенным Большим Бобром. На предложение временно — хотя бы на два часа — эмигрировать неверные ургуянки лишь посмеялись и помчались в вагончик, чтобы успеть туда раньше грозной начальницы.

Издав очередной рык, тюлень проходится и по моему адресу, упирая на извечную мою зловредность и неблагодарность, после чего задает риторический вопрос о том, где наша южносахалинская гостья.

...Сплю я, дорогой, сплю!

Тюлень, яростно засопев, завершает свой спич обещанием завтра же покинуть неблагодарный Хергород. Домой! А еще лучше — на Крымскую АЭС, на мыс Казантип...

Снова топот на лестнице. Осторожно выглядываю, дабы полюбоваться Буратиной. Тот молчалив и как-то особенно деревянен. После минутного безмолвного размахивания руками он отводит Луку на крыльцо, затем оба возвращаются и дружно вытягивают из-под лежаков рюкзаки.

Неужто и вправду умотают?

Перед тем как гаснет свет, успеваю заметить на щеке у Буратины свежую царапину — глубокую, широкую.

Длинную...

...Я вдруг понял, на кого похожа Света, — на египетскую статуэтку. Есть такая в Эрмитаже — из слоновой кости. Даже

прическа та же. У нее, часом, в Древнем Египте родственников не было?

...В музейной пыли, на пыльной полке, нелепый инвентарный номерок — издалека, из прошлых веков, из прошлых миров, все такая же, вечная, неменяющаяся, хранящая тепло давно погасших солнц...

Этот старый светильник — услада для глаз.
Для кого ты горел, перед тем как погас?
Слышен голос в ответ: «Много рук меня брали.
Всем, кому я светил, свет не нужен сейчас».

Кирки мирно лежат в тайнике. Сегодня они не нужны, они вообще уже не понадобятся в этом сезоне. Настал час ножей...

...Володя, переходите на южную стену, с этой уже разобрались. Борис, да не ковыряй ты между камнями! Так, так... И хватит! А теперь поскреби ножом. Нормально... Нет, Слава, это не обычай, просто если поскрести, то будет лучше видно на фотографии, каждый камень станет заметным. Ну, кажется, на завтра можно ангажировать Маздона... А между прочим, господа, это почти что финиш!

До финиша действительно уже близко, совсем чуть-чуть. Идет самая нудная работа — зачистка, каждую стеночку, каждый камешек — ножичком, ножичком... А мне придется заниматься кое-чем еще менее приятным. Не хочется, но надо. Ну-с, вспомним рыбий язык...

Дневник археологических раскопок
Портового района Херсонеса. 1990 г.
Лист 22.
...Описание стены Казармы.

Стена идет параллельно Ю-В стене пом. 60-а, почти впритык к ней. Промежуток размером ок. 0,15 м заполнен землей. Стена имеет высоту (в наиболее сохранившейся части) — 1 м, длину (в пом. 60-а) — 5,5 м. Южная часть стены уходит под Ю-З стену пом. 60-а.

Стена трехслойная, промежуток между фасадами заполнен бутом и мелкими камнями. Стена двухлицевая.

Система кладки постелистая, присутствуют горизонтальные ряды, кладка однорядная, полигональная. Камни прямоугольные и полигональные, форма фасада камней — прямоугольная и полигональная, камни грубо околотые.

Техника кладки псевдоисодомная, местами уступчатая, перевязка слоев и рядов отсутствует, притеска швов неплотная...

Ну вот, Стеночка, описали тебя. Трехслойная ты, двухлицевая... Наверное, мы с тобой больше не встретимся. Жаль, конечно! А вдруг Д. все-таки договорится и мы сможем продолжить? Нет, грех себя иллюзиями тешить... Ничего, переживем и это.

Между тем у Д. на участке дым стоит столбом. Его порядком поредевшая от простуд и тепловых ударов гвардия приводит водостоки в божеский вид. А что? Ничего, даже красиво. Во всяком случае, вполне прилично.

Д. доволен, но тут же озабоченно сообщает, что на днях к нам может нагрянуть комиссия. Принять работу, а заодно сунуть нос куда надо — и куда совсем не надо. Сибиэса нет, так что придется нам самим докладывать.

Удивил, называется!

Комиссии в Хергороде бывают всякие. С их помощью здесь выжили не одну экспедицию. Так погорели Беляев, Слон, так выдавливают из Херсонеса Бобра, самому Акеле худо приходится. Нами пока никто всерьез не интересуется, ежели, конечно, Стенка их на это не вдохновит. Ладно, прорвемся! Это еще что, три года назад, когда сюда приезжали Слона трусить, у нас даже дневники смотрели. Мой дневник им понравился — там рисунков было много. Рисунки, само собой, первое дело.

Д. обещает учесть и в дальнейшем зарисовывать в дневник все подряд, а заодно передает мне очередное распоряжение Сибиэса. Вождь — прямо с больничной койки — дает указание о ракурсе заключительной съемки.

Смотрим... Ага! Отсюда — сюда, оттуда — туда... А это значит... А это значит, что придется как следует почистить вокруг, дабы в кадр попала не только наша нынешняя работа, но и то, что мы отрыли год назад. Вот и дело на завтра нашлось, как раз закончим.

Д., впрочем, намерен возиться со своими водостоками еще два дня. Вольному воля!

Час ножей подходит к концу, наступает время веников. Сегодня подметем только в основном, так сказать, черновой ва-

риант. Ну и пылища, однако!.. Слава, смотрите, куда метете, мести надо перед собой, а самому пятиться. И не пылите, Борис уже на индейца похож. А у нас, между прочим, воды мало, не умоешься даже!..

...Белым-бело, белый туман, горький туман, горький саван, мертвая плоть мертвого города, потревоженная, разбуженная, злая... В горло, в лицо, в глаза...

Несмотря на повисшую в воздухе белесую пыль, краем глаза замечаю, что к нам кто-то направляется. Та-ак, любопытно. Борис, твори знамение крестное. Вот именно.

Ведьма!

Манон бодро подползает и своим скрипучим голоском желает нам доброго дня. Знаем, знаем, Манон, что вы нам желаете! Борис сейчас как раз толковал что-то о вязанке дров...

Ведьму этим не смутишь. Ее не огорчает и сообщение, что раскоп наш надежно освящен. Поблескивая глазками, Манон дает понять, что ее возможности мы явно недооцениваем — но очень скоро сумеем оценить по достоинству. Затем, убедившись, что ее поняли верно, спешит сообщить, что только что видела Луку с Буратиной. Братья-разбойники, груженные рюкзаками, садились в автобус...

Ого, выходит, они все-таки уехали! Допекло, значит. Интересно, что это Манон с Буратиной сотворила? Сам ли он физиономией по камням проехался — или его когтями приласкали?

Невозмутимая Манон усмехается и выносит приговор — Луке в Хергороде больше не быть! И не только ему.

Почему-то никто из нас не смеется. Даже не улыбается, не пытается возразить. Ведьма Манон, хотя по ней и костер плачет, плоть от плоти Херсонеса, как и Маздон, как и мы с Борисом. И если она не шутит...

Впрочем, Манон пришла не только за этим. Ведьма просит нашей помощи. Нет, она ее требует. Мы обязаны! Обязаны в интересах экспедиции!..

Ах да, ясно! Ведь скоро посвящение, и мы с Борисом, по мнению Манон, должны все это организовать. Или, по крайней мере, помочь, поскольку в этом году за дело берется именно она — Ведьма.

...Косте-е-е-е-е-ер!!!

Посвящение — венец любой экспедиции. Желторотых посвящают в археологи, так сказать, инициация и конфирмация одновременно. А посвящают по-разному. Пятнадцать лет назад меня приобщали к археологии глотком вина, смешанного с кровью, — под дикие вопли личного состава, переодетого отчего-то индейцами. Шеф экспедиции сидел на импровизированном троне, давая указание каждому неофиту, сколько глотков тому пить. Мне почему-то досталось всего два — но за столом все наверстали. Тогда мы копали в Сухой Гамольше. Первая экспедиция, самая-самая первая...

...Сухая Гамольша, мокрая Гамольша, палатки среди болот, сабля в старой могиле, сердоликовые бусины на вспаханной земле, дождь с утра, дождь с вечера, сегодня, вчера, завтра, всегда. Сухая Гамольша, мокрая Гамольша...

Когда десять лет назад мы приехали в Херсонес со Старым Кадеем и готовили первое посвящение, авторами сценария были мы с Лукой. Тюлень предложил самое простое: херсонесские боги встречают неофитов в нашей «Базилике в Базилике», задают приличествующие событию вопросы — после чего и посвящают. В те первые годы, когда все это нам было еще интересно, посвящения наши гремели, смотреть их сбегались не только коллеги из соседних экспедиций, но и половина пляжа. Боги были закутаны в простыни за неимением хитонов, фаросов и гиматиев, а Лука, оказавшийся не кем-нибудь, а самим Зевсом, щеголял в плаще из блестящей фольги. Неофиты-посвящаемые кланялись низко, дружно пели и плясали, а под конец даже устроили бой гладиаторов, щедро размазывая по физиономиям припрятанную в ладонях краску. А потом все читали написанную Лукой присягу, обещая не предать Херсонес и снова приехать сюда...

Сейчас здесь осталось только пятеро из тех, кто был на том посвящении: мы с Лукой, Маздон, Сибиэс — и Д., который тогда складно пел частушки и отбивал цыганочку. Спел бы он и сейчас, что ли?

...То не молнии блестят и не гром играет — это харьковский отряд Гнуса убивает. Опа! Опа! Зеленая ограда!..

А то, что в последние годы называют посвящением, выглядит, признаться, довольно бледно. И боги пошли какие-то не те, и посвящаемые на мечах уже не бьются. Нельзя же десять лет подряд обкатывать все тот же сценарий! Вот в Северном Крыму в прошлом году на посвящении устроили налет скиф-

ской конницы — на совхозных лошадях. Девиц арканами вязали, начальника раскопа в жертву богам определили...

Манон не зря печется о посвящении. В последние годы она регулярно претендует на роль небесной покровительницы Херсонеса — богини Девы. Хороша Дева, костер по ней плачет! И сейчас Манон настаивает — нужно обновить сценарий, мы обязаны помочь!..

В конце концов Борис не выдерживает и соглашается. Ведьма расцветает и обещает сегодня же собрать производственное совещание.

Рабочая тетрадь. С. 35.

...Борис. Теория «лампы».

Если внимательно посмотреть на Крипту сверху, то можно увидеть, что она напоминает гигантскую лампу, а точнее — вакуумный триод.

Если лестница (вход) служит катодом, то алтарь — анодом. Положительный коридор между ними соответствует электрическому току.

Есть основание предполагать, что Крипта была перекрыта раньше плитами с открывающимся люком, в который проникал свет. Именно эта конструкция и служила сеткой, пропускавшей лунный свет в определенные периоды.

Исходя из этой теории можно предположить, что темные области (сгустки энергии, виденные Борисом возле алтаря) — области антистоксовой части поля, энергетическая тень. Как и все области, бедные энергией, эти пятна ее поглощают.

Комментарий: мудрено что-то! Такая «подпитка» лунным светом возможна, только если Крипта находилась под открытым небом, то есть до строительства базилики над нею, возможно — в дохристианский период своего существования, однако это пока гипотетично. Требуется тщательное обследование Крипты, в том числе изучение строительных периодов и их хронологии...

Лука и Буратино действительно уехали. За обедом Маздон сообщает, что беседовал с беглецами. Как и было обещано, направились они на Казантип. Луку срочно вызывают на АЭС для консультаций. Якобы...

Делать ничего не хочется, на пляж не тянет, к тому же снова начинаю чувствовать, где у человека расположено сердце. В таких случаях лучше всего брякнуться на спальник и упереть глаза в потолок. Можно вдобавок сжевать валидолину — так еще лучше.

Ладно, тайм-аут.

...Вот и посвящение на носу, все, в общем, идет к финишу, наступают самые глупые дни, когда все выкопано, оружие, наши кирки-лопаты, сдано и можно от всей души сходить с ума. Интересно, как это Лука, весь сезон не работая, ручек белых не замарав, умудрился отделаться только легкой формой помешательства? Впрочем, когда дела нет, его придумывают.

Борис, слушай, а ведь мы хотели с тобой сбегать на Мангуп, правда? Нет, к завтрему я вполне оклемаюсь, а к субботе, как отосплюсь, буду в полной форме. Так что, в субботу и рванем?

Мангуп, Мангуп, сердце Крыма, заколдованное место! Когда-то я даже хотел там копнуть... А Борис там еще не бывал. И в Южно-Сахалинске, между прочим, пещерных городов тоже нет...

Рабочая тетрадь. С. 36.

...Три недели работы экспедиции. Раскопки закончены, план выполнен. Лука — увы!

Мангуп. Поглядеть:

1. Главная базилика.

2. Пристенные казематы в южной части города.

Проверить наличие «контура». Не забыть оба компаса!..

Дверь гремит, и на пороге вырастает Стеллерова Корова. В комнате мгновенно темнеет и становится как-то тесно. Вслед за Коровой просачивается Ведьма. Свят, свят Саваоф!.. Борис, это по твою душу.

Грозная парочка тут же подтверждает, что они пришли именно за этим. Впрочем, они не откажутся и от моей души. Должен ведь я помочь в таком деле, как подготовка посвящения, ежели, конечно, я патриот экспедиции.

Я, конечно, патриот — насколько возможно в наших условиях, естественно. Но ведь посвящение готовят, и сие железная традиция, сами посвящаемые, иначе что это за обряд?

Получив обвинение в лени и зазнайстве, умолкаю. Конеч-

но, если наша молодежь устроит все сама, захочет ли она видеть богиню Деву в прежней ипостаси? Да и впишет ли Корову в число богинь, куда та явно стремится? Интересно, какой это богиней желает стать наша Корова?

...Не Эллада — Египет, Кеми, Черная Земля. Корова-Хатор, супруга Аписа, ступающая мощно, ступающая горделиво, в ее рогах солнце, на ее хвосте луна. Божественная Корова — да живет она вечно-вековечно!..

Бориса уводят, и я получаю завидную возможность смотреть в потолок без помех. Скучать мне, однако, не дают — размахивая нунчаками, влетает Женька, Сенаторов сын, и засыпает меня вопросами.

...Куда это повели Бориса и не надо ли его выручать? Не пора ли сложить костер для Ведьмы? Где Лука и как его скорее найти?

Объясняю представителю молодого поколения, что Борису уже ничем не поможешь, а о костре же следовало заботиться заблаговременно. Что касаемо Луки, то тюлень уплыл на Казантип, во всяком случае, ежели ему верить. А что, собственно, случилось?

Женька блестит глазами, предвкушая, что сможет сообщить новость, мне еще неведомую. Ну конечно, свежий номер «Херсонесише беобахтер», экстренный выпуск. Читайте, дрожите!

...Лучшая в мире газета, лучшая в мире газета, лучшая в мире газета, лучшая в мире газета!..

Что, опять про «вертолет»?

Отнюдь — но ничем не хуже. Оказывается, Лука, совершая в первый день великие подвиги по добыче простыней-матрацев, взял все это добро не где-нибудь, а в Урлаге. Взял под честное слово на два дня, да еще якобы по поручению самого Д. Ургуяне, ясное дело, свое добро назад не получили, в конце концов история достигла ушей Большого Бобра...

Ой!

Матрацы — это святое. А уж простыни!.. Ну, быть грозе!

Быть! Лука, останься он здесь, сумел бы всех охмурить, но теперь случится то, что назначено судьбой. Ничего, Женька, думаю, война из-за матрацев не начнется, в крайнем случае тебя поставим впереди войска. С нунчаками. Ты же у нас ниндзя!..

Как ни странно, но намечающийся Армагеддон с Урлагом приводит в хорошее настроение. Что-то в этом есть — матрацные войны, крестовый поход за парой простыней, великая битва за пляжные лежаки... А ведь взрослые люди, доктора наук, кандидаты, мэтры, можно сказать. В Херсонесе все меняются...

...За ломаный гвоздь, за кривой гвоздь, за гвоздь без шляпки — удавятся, удавят, удушат, умучат, утопят...

Рабочая тетрадь. С. 36.

...Если допустить:

— что Крипта построена на месте языческого святилища,

— что это святилище сознательно выстроено в центре магнитной аномалии,

— что это святилище было тайным.,

тогда очевидно:

1. В святилище могла храниться какая-то святыня.

2. Там проводились обряды, в том числе ночью, при лунном свете, позволявшем создать соответствующий визуальный эффект.

В этом случае расположение Подземного храма совершенно логично. Он был спрятан в самом центре города во дворе какого-то общественного здания, среди хозяйственных построек. Вход мог быть закрыт, к примеру, деревянным щитом, который снимался перед обрядом. Менее всего гипотетический враг решился бы искать тайник в таком месте — рядом с Главной улицей, на виду, где постоянно бывают люди.

В тайнике могли храниться городские святыни (по Луке — Символ Фаллический).

Христиане вполне сознательно превратили тайное языческое святилище в Крипту, где могли похоронить своих мучеников за веру, например, кого-нибудь из погибших епископов херсонесских («погребальная» ниша справа)...

По случаю отъезда братьев-разбойников Света становится смелее, и мне удается заманить ее на Веранду. Там абсолютно пусто и можно спокойно выпить чаю, а заодно и слопать случайно уцелевшую банку консервов с остатками хлеба. В конце концов, это даже можно назвать ужином.

Свеча в бутылке горит, вечерние сумерки липнут к стеклам,

можно никуда не ходить, а мирно устраиваться на лежаках — вон их сколько! — и делать что угодно. Или ничего не делать, что тоже неплохо. В конце концов, можно уместиться и на одном лежаке, благо херсонесский паек не располагает к ожирению...

Свет, а ты никогда не бывала на Мангупе?

Стемнело, свеча начинает агонизировать, рядом, у скал, негромко бормочет прибой, цикады вновь проводят спевку.

...Некуда спешить, незачем бежать, наша маленькая Вечность, наш маленький мир, от окна до окна, от Вчера до Завтра, не о чем спорить, незачем спорить, нечем считаться...

Дверь распахивается, умирающий отблеск свечи падает на внушительную фигуру с неизменной полевой сумкой на боку. Ну, это уже совсем диво, в это время Д. должен давно спать, у него ведь режим!

Д. сейчас не до режима — слишком озабочен. Свету он, во всяком случае, не замечает, пока я не усаживаю начальство на лежак и не предлагаю чаю. Тут только он оглядывается кругом, начиная что-то соображать, и поспешно здоровается.

...Он, конечно, очень извиняется. В некотором роде помешал...

Давно не видел, чтобы Д. смущался! Не то чтобы сильно, но все-таки...

...Но, понимаешь, тут такое дело... Нехорошее...

Знаю, знаю, о каком деле ты мне расскажешь! Но не будем спешить, послушаем с самого начала.

Так я и думал! За эти несколько часов матрацная эпопея стала приобретать грозный оборот. Бобер рвет и мечет, призывает на наши головы все казни египетские и, что самое обидное, обвиняет во всем ничего не подозревавшего Д. Ведь именно на него ссылался зловредный тюлень!

Успокоить Д. нелегко. Таким я его давно не видел, куда только девалось его обычное хладнокровие, тут перед ним и Старый Маздон спасовал бы!

Матрацы! Подумать только, целых четыре матраца, старых, порванных... Нам не простят. И через год поминать станут, и через пять лет, и через десять. Черное пятно на экспедиции...

Выпустив пар, Д. переходит к деловой части. Завтра утром к нам забегут урлаговцы — по искомые матрацы. Само собой, похищенное придется отдать. А с Лукой он сам разберется!

А что, Д. — мужик здоровый и в хорошей форме!

...В ухо плюху, в глаз — р-р-раз! Потом в торец — и Луке амбец...

Ну, быть посему. Пусть Урлаг прибегает, отдадим. Капище устилать...

Появляется Борис, вернувшийся победителем из очередного «пулевого» сражения с Акеловой стаей, и мы проводим краткое совещание. Резолюция состоит из двух пунктов: в субботу втроем сбегаем на Мангуп — проходит единогласно. И ввиду сложнейших житейских обстоятельств оставить Свету ночевать здесь. Проходит при одной воздержавшейся — Свете — и также принимается. Благо подушки-матрацы у нас еще не отобрали.

Интересно, а где сейчас братья-разбойники? Луке этим вечером здорово икалось!..

Рабочая тетрадь. С. 37.

...Крипта.

Время — с 23.15 по 23.45. Спуск.

Задание: спуститься вниз, пройти от входа к алтарю, постоять там, вернуться.

Впечатления несколько неожиданные. В Крипте бывать приходилось неоднократно (днем), и никаких особых ощущений не было. Теперь же:

— Легкий звон в ушах.

— Нечто напоминающее сопротивление воздуха. Во всяком случае, пройти десять шагов оказалось неожиданно трудно.

— В алтаре — легкость, прилив сил.

Борис добавляет:

Ощущение сильной энергии, проходящей от ног до затылка и заполняющей все тело. Когда приближаешься к алтарю, появляется непонятное желание. Взлететь? Пройти сквозь камень?

Я: все эти наблюдения носят исключительно субъективный характер. Мы были мысленно готовы к чему-то подобному. Обстановка способствовала: ночь, древнее святилище, лунный свет.

Борис: прежние хозяева святилища тоже были готовы к чему-то подобному, и на них так же действовала обстановка. Энергетическое поле («лампа») повышает чувствительность и создает необходимый «фон». Лица с неустойчивой психикой могли начать

пророчествовать, у них усиливались способности к ясновидению. Пример: пифии в Дельфах.

Я: на этом следует остановиться. Все, что могли, мы уже узнали. В дальнейшем, если представится возможность:

1. Крипту полностью очистить от мусора.

2. Пригласить архитектора, снять план, изучить последовательность строительных периодов.

3. Поискать аналогии подобных сооружений и, если удастся, обрядов.

4. Использовать более совершенные приборы (магнитометр?)...

Этот город предателей, плутов, лжецов
С четырех подожжен был когда-то концов.
На руинах теперь — новых грешников стадо.
И, конечно, не лучше своих праотцов.

Последний день на раскопе, как и первый, состоит из множества больших и малых ритуалов. Прежде всего — пригласить Маздона. Затем собрать из всех тайников инструменты, чтобы не оставлять туристам лишних сувениров, сделать в дневнике заключительную запись, сфотографировать раскоп. И сняться всем вместе — напоследок.

...Станем призраками, пятнами на эмульсии, тенями среди теней, камнями среди камней, отпечатки памяти, отпечатки Вечности...

Дневник археологических раскопок
Портового района Херсонеса. 1990 г.
Лист 24.

...Производили зачистку под фотографирование пом. 61. Целью являлось фотографирование остатков стены Казармы в пом. 60-а. В 11.00 работы по зачистке пом. 61 были завершены. В 11.30 стена Казармы была сфотографирована фотографом экспедиции...

Ну что, Маздон, нормально, травка не мешает? Ага, Слава, вот тот будяк, будьте добры... И не свалитесь в последний день! Борис, Володя, весь инструмент наверх. Весь, весь... Из-под кустов все забрали? Борис, под твою ответственность. Мне оставьте веник. Так, цифры есть...

Маздон, командуй!

Сандалии прочь — обувь оставляет слишком заметные следы. Ну-ка, веничком в последний раз... Кто тут окурок оставил, а? Борис, Борис!.. Маздон, погляди, годится? Куда мне, вылезать или прятаться? Ладно, тогда я под стенку...

Настал час Маздона. Ему нужно поймать в объектив работу двух наших последних лет — открытую нами Стену сразу в двух помещениях. Лучше всего, конечно, снимать с вертолета — или в крайнем случае с подъемного крана... Ничего, Маздон справится и так.

Снимок... Еще один — контрольный. Впрочем, у нашего фотографа сбоев не бывало. Ну хорошо, теперь займемся помещением. Это уже полегче. Маздон, куда рейку класть? Нет, ты сам мне скажи, ты тут спец...

А у Д. еще на денек работы. Лунный пейзаж на месте улицы приобретает более-менее законченный вид, но еще чистить, чистить... А его кадры и пол в сарае подметают скверно. Птеродактиля бы сюда, да только где его теперь найдешь?

Все! Дело сделано, и Маздон отправляется к соседям гнать всех в кучу — впереди общая фотография.

Камни снимать легче, чем нашу ораву. Поди собери всех! Всех и не соберем: Сибиэс до сих пор в больнице, братья-разбойники покоряют Казантип, кое-кто из желторотых уже успел отпроситься домой. О. тоже нет, видать, мужу обед готовит.

Маздон торопит — солнце печет, хочется закончить все поскорее. Из сарая подтягиваются тыловики. Ну, если Стеллерова Корова пришла, можно начинать.

Последняя фотография... Сколько их уже было! Меняются лица, меняется фон, но порядок размещения сохраняется прежний, чуть ли не со времен Косцюшки. Начальнику место в первом ряду посередине, ему положено стоять. Сибиэса нет, и место по праву принадлежит Д. Слева и справа — заместители. Их окружает толпа, причем наиболее выдающиеся особи имеют право как-то выделиться, например лечь на землю или залезть на ближайшую стенку.

Последние годы я не пользуюсь своей законной привилегией, не занимаю центровое место рядом с командиром. Располагаюсь сзади, поодаль. В этом тоже есть смысл.

Сейчас, Маздон, только на стенку заберусь...

Первые ряды, дружно обступившие Д., это уже его гвардия,

его будущая экспедиция. Мы с Борисом сзади и чуть в стороне — уже прошлое... В последний момент Володя и Слава становятся рядом, и весь наш раскоп выстраивается шеренгой на фоне серых известняковых камней.

Ну что, замрем?

...Навсегда, навсегда, навсегда, прощай навсегда, серые камни, желтая трава, этот сумасшедший год, прощайте, навсегда, навсегда...

Замерли. Маздон щелкает затвором объектива. Раз. Другой. Третий...

Все.

Можем расходиться, дело сделано. Мы уже там, на пленке, в долгом ряду экспедиционных фотографий, которые, желтея и темнея, уходят навечно в глубь херсонесского архива. Мы навсегда остались в этом жарком лете, у осыпающихся стен раскопанной нами Казармы. Это уже случилось. Этого уже не будет никогда...

Конечно, до севастопольского вокзала и прощальной «Славянки» московского поезда осталось немало, но фотография — граница, и то, что осталось за этой границей, — уже история. Наша маленькая скучная херсонесская история...

Слава подгоняет тачку, мы грузим инструменты. Кирку можно отдать, пусть помашут напоследок, желторотики. Борис, Володя, пройдитесь-ка по участку! И в раскоп загляните, а то мы вечно ножи прячем между камнями... Что, все? Действительно все? Ну тогда, Слава, гоните тачку к сараям. Борис, не жди меня, мне еще тут кое-что осталось сделать. Чай пока завари... Я скоро.

...Ну-ка, пройдемся еще раз. Да, вроде все. Стенки описаны, чертежники могут снимать профили, но они тут и без нас управятся. Ладно, теперь будет время заняться находками. И в архив не мешало бы разок заглянуть... Но, в общем, все, откопали, отработали... Ладно, где тут дневник? Что там полагается писать в конце?..

Дневник археологических раскопок
Портового района Херсонеса. 1990 г.
Лист 24.

... На этом работы сезона 1990 года на месте пом. 60-а и 61 средневековой усадьбы № 9 завершились...

Да. Завершились...

На участке уже пусто — все помчались на обед, улеглась ставшая столь привычной сероватая пыль. Тихо... Ровные ряды полуразобранных стен, желтая высохшая трава, на привычные места снова начинают слетаться распуганные три недели назад чайки.

...Разрушили, разбили, разломали, расколотили, разбросали, Чингисханы, Едигеи, Шлиманы, вскрыватели могил, рады, счастливы, довольны...

Можно уходить.

Рабочая тетрадь. С. 38.
...Казарма.
Итоги работы:

1. Доказано существование «первой» Казармы, постройки эллинистического времени, предположительно III века до н. э.

2. Наиболее достоверное предположение относительно его назначения — общественное здание, связанное с торговлей (биржа или таможня).

3. Тип здания — базилика.

4. Очень предположительно определено место, где могли находиться входы (ворота), а также наличие еще одного ряда помещений в западной части здания.

Перспективы окончания работы: существующими темпами открытую часть Казармы (не считая ее гипотетической западной части) придется копать еще 9—10 лет...

Короткий забег на пляж, чай с мятой — и можно поспать. В общем-то, теперь можно делать все, что угодно, или не делать ничего. Я предпочитаю второе, Борис же, не поспав и часа, начинает проявлять активность. Ах да, ему же надо к Ведьме! Посвящение намечено на завтра, а еще ничего не готово. Ну, это у нас почти всегда так. Ладно, курнем и побредем на Эстакаду. Выйдем, так сказать, в свет.

У Эстакады полно народу. Как всегда, очередная смена вкушает из кастрюли нечто дымящееся.

Едят.

Приятного, стало быть, аппетита! Ага, вот и инициативная группа...

Ведьма Манон с клекотом ухватывает Бориса за руку, Коро-

ва — за другую, после чего волокут его куда-то за бугор. Ну, творите, творите, а я посижу, как встарь, на Эстакаде, на своем законном месте, слева, у самого края. Ну-ка, подымим...

О. возникает откуда-то сзади и спокойно садится рядом...

...Личный состав все еще занят своими делами, а ко мне приближается Д., с некоторой опаской глядит на нас. О. исчезает так же незаметно, как и появилась, Д. с видимым облегчением вздыхает, усаживается на то самое место, где она сидела... Начальник по-прежнему невесел. Спешу его успокоить — матрацный кризис ликвидирован, ургуяне забрали свое законное, войны не будет, на инциденте можно ставить крест.

Увы, крест не ставится. Оказывается, Лука, добрая душа, ссудил пару матрацев еще кое-кому, чуть ли не за пределами нашей экспедиции. Уж не кемеровским ли Змеям, часом? Придется ждать возвращения тюленя для установления истины. А это все очень плохо...

Конечно, плохо! Хорошо еще, Лука простыню не позаимствовал, нас бы за это точно со свету сжили. Ох, коммуналка!

Впрочем, Д. озабочен не только этим. К счастью, грозная комиссия пока откладывается и, кажется, нас здесь уже не застанет. Завтра к полудню он закончит свой участок, а к часу надо сдать находки. И, само собой, заняться инструментом.

Ну, с инструментом проблем не будет, вон сколько орлов вокруг! Почистят, покрасят, отволокут куда надо. А в фонды нам сдавать считай что нечего, ничего приличного и не нашли. То ли дело было когда-то!..

Д. соглашается. Когда-то! Когда-то и вправду...

Разговор переползает на грядущее посвящение, мы вспоминаем, как Д. отплясывал цыганочку, и констатируем, что посвящения в прежние годы были не в пример нынешним...

И вода была мокрее...

Слухом земля полнится. Поистине наш «беобахтер» — лучшая газета. Д. уже знает, что мы собрались на Мангуп (откуда, интересно?), интересуется маршрутом...

Так пошли вместе!

На мгновение у Д. появляется столь редкое для него мечтательное выражение. Мангуп! Это да, это стоит. Но вот жена, надо с ней поговорить, дела опять же...

Д. разводит крепкими руками, зачем-то поправляет командирскую сумку...

Ясно!

Бориса все никак не отпускают, и я, оставив его в творческих конвульсиях, бреду обратно. В последний раз оглянувшись, замечаю, что за обеденным столом устраивается очередная смена. О. сидит рядышком с будущим аспирантом, тот улыбается и наворачивает суп из миски.

Едят...

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С. 21—22.

4. Гибель античного Причерноморья.

Агония римской «морской» границы и одновременно конец эпохи относительного благополучия греческих городов побережья наступили неожиданно, обвально. Вину за это можно возложить, как представляется на первый взгляд, на целиком случайное обстоятельство — переселение воинственных готов, объединивших вокруг себя причерноморских «варваров» и начавших набеги на Империю. Однако признаки неблагополучия проявлялись и ранее. Хотя на протяжении II — начала III веков греческие города Боспора и римской «морской» границы не испытывали особых экономических и политических затруднений, однако симптоматично то, что они заметно «теряли лицо». Это несколько неопределенное, но понятное явление проявлялось по-разному. Города, бывшие когда-то центрами эллинской цивилизации, заметно «варваризировались». Не устоял даже дорийский Херсонес, где теперь жили не только переселенцы из восточных районов Империи, но и «варвары»-сарматы. В еще большей степени это касалось городов Боспора и Ольвии...

Света утром съездила на рынок, и теперь у нас имеется неплохой запас вишен. А чай с вишнями ничем не хуже мятного, в чем мы быстро с ней убеждаемся.

Наконец-то появляется Борис, с порога сетующий на полное равнодушие будущих посвящаемых. С такими и Хичкок не поможет... Ясное дело, Борис, не поможет, пусть уж Манон вдвоем с Коровой суетятся, ежели им так приспичило.

...Интересно все же, в какие это богини метит Стеллерова Корова?

Чай уже почти выпит, когда в дверь стучат, и у нас в гостях оказывается Андрей. Ленинградец грустен — он зашел проститься. Уезжать приходится раньше, чем думалось. Из-за

Гнуса, конечно. Его Величество изволил разгневаться и пообещать, что больше Андрея в Хергород не пустит. Вот так... Саша пока остается, но он тоже, видать, здесь в последний раз. Да, уходим... И останутся на пепелище Гнус с Ведьмой и Стеллерова Корова. И, конечно, Д., так сказать, здоровое начало...

...Уходим, уходим, навсегда, в херсонесское прошлое, в херсонесские легенды, в херсонесское забвение, в херсонесскую пыль. Не вспомнят, не позовут, не окликнут. Мертвый город, мертвая память...

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С. 23.

...В самом этом процессе нет вроде бы ничего плохого, если, конечно, не настаивать на преимуществе одной цивилизации над другой. Без сомнения, сарматизированная культура позднего Боспора не менее интересна (и по-своему даже более оригинальна), чем цивилизация периода эллинского расцвета. Но вместе с греческим «лицом» города теряли то, что помогало им выжить много веков во враждебном окружении — патриотизм, чувство сплоченности и, в конечном итоге, смысл защиты своей самости. «Варваризированное» население постепенно приобретало вполне космополитическую ментальность, что неизбежно вело к потере элементарного инстинкта самосохранения...

Соседи, те, что расселились по сараям, сегодня куда-то исчезли, и вот, пожалуйста, вновь объявился барабашка, тот самый, что беседовал с нами в первые дни по приезде.

...Стук... стук... стук... По деревянному ставню, по старому дому, по мертвому городу — тихо, упорно, упрямо, нахально... Стук... стук... стук...

Ну что стучишь? Стучи, стучи... А скажи-ка нам, хорошо ли сейчас Луке гуляется? Да? Нет?

Ответ какой-то странный — дробное мелкое постукивание, словно нежить смеется. Ну-ну... А я еще приеду в Херсонес?

Да, стучит барабашка. Да, да, да...

Скоро?

Нет, не скоро. Через год? Через два?

Не отвечает — вновь смеется, видать, знает что-то. Ну смейся, смейся, демон. А в Южно-Сахалинск я когда-нибудь попаду?

Нет, сухо и коротко телеграфирует нежить.

Ясно... А Крипта? Мы что-нибудь узнаем, что-нибудь поймем? Да? Нет?

Вновь стучит барабашка, но уже что-то свое. Прервал контакт, не дозваться.

...Поднявшийся ветер качает ветки высокой вишни у дома, одна из ветвей бьется о ставень. Стучи, стучи, барабашка!..

Сегодня нет туч. Солнце, тускнея и вырастая на глазах, медленно сползает куда-то в сторону румынского берега. Мы бредем со Светой вдоль пустеющего пляжа, смотрим на розовые колонны, которые с минуты на минуту вновь станут серыми и утонут в катящихся из-за собора сумерках. Но пока они розовые, и море, древнее, вечное море, покрыто перламутровой пленкой. Такого не может быть, правда, Свет? Таких красок не бывает, нам не поверят, если расскажем... Смотри, сейчас солнце нырнет в воду и станет куполом. Сиреневый купол над перламутром...

...Прощай, солнце, бешеное, горячее, горящее, вечное, языческое. Ночь, снова ночь, ночь мертвого города, ночь Мертвой страны... Рука в руке, пальцы касаются пальцев...

Бродим пустыми безлюдными улицами, мимо базилик Северного берега, мимо Восточного обрыва, под которым зловеще шевелятся волны, с высокой горки лицезреем притушенные огни Урлага. Никуда не торопимся, на душе тихо. В небе все ярче разгораются созвездия, между звезд то и дело маленькими острыми молниями мелькают Персиды, остается только загадывать желание. Но что загадать? Чтобы все это повторилось, чтобы так же горело над головой созвездие Пса, хрустела под ногами серая херсонесская пыль? Но ничто не повторится, не вернется, вечен лишь этот древний город, а мы лишь пассажиры, очередная смена. Мы уйдем, появится еще кто-то, а Херсонес останется — и после меня, и после того, кто придет мне на смену...

Света счастливее, чем я. Она что-то загадывает, улыбается, зачем-то снимает очки...

...Почему ты здесь, чужачка? Какой ветер тебя принес, чужачка? Кто тебя сюда пустил, чужачка? Что я буду делать без тебя, чужачка?..

На Веранде свет, и дурное предчувствие охватывает нас. Не Лука ли? Света замирает у крыльца, не желая подниматься без

разведки. Что ж, разведка всегда готова, однако уже у самой двери понимаю, что не тюленем тут пахнет, не его это скрипучий голосишко. Но уж лучше Лука...

...Да-с, да-с, добрый вечер! Ну конечно, Борис все в той же компании. Манон с Коровой разложили на лежаке, не на моем, к счастью, какие-то бумаги, обсуждают, Немировичи-Данченки... Заходи, Свет, тут не страшно!

Ведьма встречает Свету добрым и ласковым взором. Светато чем тебе, Манон, не угодила? Корова, простая душа, долго открывает рот, пытаясь что-то сообразить, не иначе по поводу планируемого отъезда Луки на Сахалин. То-то будет работы «беобахтеру»!

Ну что, Борис, как дела сценарные?

Наш химик только начинает разъяснять значение образа Маленького Зеленого Камнееда в задуманной церемонии...

Я — Зеленый Камнеед, от меня три тыщи бед...

...как дамы, сославшись на нежелание нам мешать, откланиваются. Эка спешат, не иначе в редакцию!.. А знаешь, Свет, самое интересное, что «беобахтер» об этом писать не станет. Мне, честно говоря, все равно, Гусеницей я еще не обзавелся, но о нас никто говорить не будет, а вот Луке не отмазаться от Сахалина до конца дней. А бог весть почему. Наверное, здесь любят только те новости, которые посолоней, а когда все нормально, по-человечески, это никого не интересует...

Ну что, Борис, чай там еще остался?

Рабочая тетрадь. С. 39.

...Крипта.

22.50. Борис предлагает повторить вчерашний опыт. Не вижу смысла. Борис заявляет, что повторит его сам, а для подстраховки возьмет «кого-то».

Интересно кого?..

Будильник можно не тревожить. Утром спешить некуда, можно спать от души, Веранда зияет пустыми лежаками, соседи в сараях и вагончиках — и те куда-то исчезли. Без матрацев, унесенных злыми ургуянами, жестковато, но для Светы находится надувной матрац и спальник, а я вполне обхожусь одеялом, тем самым, на котором так сладко спалось у ночного костра.

Общий снимок — подводим работе итог.
Наш фотограф сегодня серьезен и строг.
Мы застыли: «Снимаю!» Щелчок словно выстрел.
Нашей маленькой вечности пройден порог.

Солнце давно встало, мы проспали не только восход, но и завтрак. Что будем, кофе или чай? Кофе, между прочим, на исходе... Ладно, кофе так кофе, но остаток я спрячу — на завтрашнее утро, когда на Мангуп идти. Ну, кто куда?

Бориса тянет на пляж, Света решает составить ему компанию, а затем нанести визит на здешний рынок. Крымские фрукты для уроженки Сахалина — тоже экзотика. Правда, нитраты — еще большая экзотика, так что ранние яблоки покупать не советую, их шприцем колют. Этакие бройлеры! Ну а я пошел. Как это куда, на раскоп, само собой. Да, Свет, на базаре есть автостанция, так что взгляни, когда завтра первый автобус на Терновку... Не забудешь? Тер-нов-ка. Песня есть такая — «Цвитэ тэрэн». Да, конечно, у вас там, наверное, поют «Цвитэ сакура».

Над моей ямой тишина, и чайки неторопливо бродят по стенам. А вот на улице, где вкалывает команда Д., работа кипит, мелькают веники, клубы серой пыли поднимаются прямо в небеса. По случаю последнего дня работы Д. нагнал сюда чуть ли не весь личный состав, и теперь все это несколько напоминает строительство Большого Ферганского канала. Да, неплохо, неплохо! Еще часок — и можно звать Маздона.

Д. полон энергии. Он не терял времени даром — за эти дни поговорил с Балалаенко, с Гнусом, со всеми тремя заместителями директора и даже с самим директором, хотя директору что Казарма, что цистерна. В конце концов Д. сумел договориться — или почти договориться...

...Консенсус таков: копаем вместе, а подписывать будут Балалаенко, Гнус, кто-то из заместителей директора. И мы, само собой. При условии, конечно, что у Гнуса следующим летом не будет достаточно людей. А вот если люди у Его Величества будут, мы, само собой, отпадаем...

А ты, Д., добрая душа! Это «мы» — очаровательно. Что же ты все в сторону смотришь, а? Такие совместные отчеты, и это известно нам обоим, подписывает только начальник экспеди-

ции, так что мне подписывать будет нечего. А в будущей твоей экспедиции двоевластия ты не потерпишь, так что...

...Я тебя знаю, фельдфебель, я тебе не нужен, фельдфебель, ты меня не возьмешь, фельдфебель, я ломаю строй, фельдфебель, мы из разных эпох, фельдфебель...

Кажется, и мое время проходит. Конечно, я найду себе в Хергороде занятие и без Д., но бросать все, когда посвятил экспедиции десять лет... Впрочем, на этой странной земле можно ожидать любых сюрпризов, так что не будем спешить. Тем более что и дел еще немало.

Рабочая тетрадь. С. 40—41.

...Рассказ Бориса.

Вчера приблизительно с 23.15 по 23.50 он провел следующие эксперименты:

1. Спустился в Крипту сам, дошел до алтаря. Впечатление то же, уверяет, что «подзарядился» на месяц вперед.

Примечание: скоро в Херсонесе появится новая секта — криптофилов.

2. Спустил в Крипту на веревке девочку Ю. по ее просьбе. Далее произошло следующее — девочка Ю. испугалась, закричала, пришлось ее экстренно извлекать на поверхность. По ее словам, она якобы почувствовала чье-то присутствие, в Крипте начало темнеть и т. д.

Примечание: садист!

После этого девочка Ю. долго не могла успокоиться, легче ей стало, только когда они отошли за храм Владимира.

Вивисектор Борис делает выводы:

— Энергетика Крипты отрицательно влияет на женщин (Свете тоже было не по себе) и положительно на мужчин, что могло быть использовано жрецами при различных обрядах (пифии!).

— Наиболее ярко выраженная аномалия находится на северо-востоке Херсонеса (Главная улица — храм Владимира). За храмом Владимира «напряжение» резко падает. Северо-восточная часть полуострова — это и есть первоначальный Херсонес V—IV веков до н. э., значит, стены города строили с учетом энергетики местности. «Контур», проходя по стенам, каким-то образом защищал город от вторжения, а в Крипте (точнее, в языческом святилище на месте будущей Крипты) находился «пульт управления», элементом которого была статуя Девы. При крайней необходимости ее выносили за стены (случай, когда Дева помогла отбить скифов).

Примечание: если петь эту песнь дальше, то христиане, уничтожив святилище, использовали это место для создания своей главной святыни, которая также каким-то образом берегла город, чем и объясняется счастливая судьба Херсонеса-Херсона на протяжении пятнадцати веков.

Ну-ну!..

...Маленький мальчик в Крипту залез. Свет появился — и мальчик исчез. Ищут ребенка и мама, и папа. Лучше б ему оказаться в гестапо!..

Ждем Маздона, затем — последний взмах веником. Старый Кадей шкуру бы содрал за такую зачистку, честно говоря... Ничего, в Институте археологии обойдутся и этим, у них самих получается не лучше. Да, теряем секреты мастерства, а еще смеем ругать Косцюшку!..

Ну что, Маздон, аллес капут? Ты прав, надо еще отснять посвящение. Решили начать в шесть, так что солнце будет. Ежели не опоздают, конечно.

Теперь нам с Д. надо спешить — возле фондов нас уже наверняка дожидается команда Тамары Ивановны. Ну, пошли сдавать сокровища. Зря, что ли, копано?

Возле фондов — привычная картина: длинный ряд раскрытых картонных коробочек. Все годы не могу понять, где они их берут? А в каждой коробочке — находки за день. Н-да, на полпуда будет, правда, стоящего в этом году маловато — пара фрагментов светильников у Д., несколько симпатичных чернолаковых фрагментов у меня, мои наконечники стрел. Ах да, у Д. еще что-то вроде резного фрагмента кости. И в довесок — пара-тройка горлышек амфор... Ежели бы не Стена и не водостоки, то, считай, даром съездили.

...Черепки, черепки, черепки — черепки памяти, черепки прошлого, смешные, бесполезные, ненужные. Забытые жизни, забытые судьбы, забытые руки, забытые глаза... Черепки, черепки, черепки...

Тамара Ивановна действительно ограничивается немногим, именно тем, что я и предполагал. Берет еще какие-то фраг-

менты канфаров — для статистики, наверное. И эта жменька — весь наш вклад за сезон. Лепта вдовицы!

...В прошлом году я сдавал своего грифончика, грозного зверя с поднятой львиной лапой. Двадцать пять веков назад его нарисовали афинские мастера на боку чернолаковой вазы. Два года назад я из рук в руки — не дай бог уронить! — вручал Тамаре Ивановне навершие епископского посоха. Чуть потрескавшаяся желтоватая слоновая кость, остатки глубоко врезанных греческих букв: «Епископ Христов, раб божий»... А имя его ты, господи, веси...

Три года назад... Тогда я гордился тем самым бронзовым навершием ножен. Меч из Восточной Пруссии, пятый тип, ежели по классификации Кирпичникова.

А дальше почти что легендарные времена. Помнится, мы целой толпой волокли в лапидарий надгробие двух братьев. «Даиск, сын Митродора. Прожил 21 год. Газурий, сын Митродора. Прожил 24 года. Прощайте!» Тяжеленное оно было, и привезли его в Херсонес издалека — морем, из Малой Азии. А еще раньше мы сдавали чудесный бронзовый горшочек. Как новенький был!

...И моя первая херсонесская добыча — забавный глиняный львенок, блестящий, горчичного цвета. Десять веков назад в него заливали вино. Львенка я нашел по частям, сначала одну лапку, затем другую... Ничего, склеился, теперь почти как новый!

А еще были серебряные монеты — бесформенные комочки розового цвета. Потом, когда кислота сняла патину, на одной из них проступил профиль женщины в короне. Спокойное лицо, чуть сжатые губы — богиня Дева, Царица Херсонеса.

Ну что, Тамара Ивановна, фонды мы на этот раз особо не загромоздим? Вы правы, этот светильничек очень мил. И канфарчик хорош, жаль, что от него одна ручка только и осталась...

Теперь — самое интересное, для новичков, конечно. Перед нами груда бесхозных сувениров. Жадные ручонки желторотых уже тянутся к ящику, куда ссыпано все оставшееся. Но и тут действует обычай, херсонесское us prima noctis. Первым отбирает сувениры начальник, потом заместитель. В общем, в порядке чинов.

Д. держит характер и делает вид, что это его не интересует.

Он — человек взрослый и серьезный. И мне эти черепки не нужны, комплексом домашнего музея не страдаю. Разве что парочку для гостей — тех, что из Южно-Сахалинска. Да и пепельница нам с Борисом не помешает, а что может быть лучше для этой цели, чем донышко краснолаковой тарелки? Вот это, например...

Молодежь терпеливо ждет. Ловлю на себе чей-то любящий взгляд... Ну конечно, Ведьма Манон! Говорят, дома у нее три сундука херсонесских черепков — и два шкафа фотографий, выжатых у Старого Маздона.

...И побольше, побольше, побольше, побольше!..

Луку бы сюда! Этот черепки чемоданами возил!

За моей спиной слышится возня и какой-то стук. То ли бьются друг о друга разбираемые черепки, то ли молодежь сталкивается лбами над ящиком.

...В свое время лучшим херсонесским сувениром считалась целая амфора. У Луки таковая размещена на кухне и служит пепельницей для гостей. Сенаторша, по слухам, ставит в амфору цветы. Что делает со своей амфорой Сибиэс, остается загадкой.

Я не люблю идолов. Когда мне хочется вспомнить Хергород, я достаю единственную стоящую вещь, хранящуюся у меня дома, — средневековую игральную кость. Бросок... Еще бросок... Но мне никогда не выиграть — кость только одна, «двенадцать» на ней никогда не выпадет...

Новая пепельница оценивается на Веранде по достоинству, и три сигареты, Светы, Бориса и моя, щедро обновляют ее пеплом.

До посвящения еще уйма времени, и мы отправляемся на пляж. Подобная мысль посетила не только нас, поскольку весь цвет общества уже украшает знакомые скалы. Кого тут только нет! Нет, пожалуй, только болящего Сибиэса, все прочие в наличии. В чем дело? Что за шевеление в такую жару? Экий я несообразительный — мы со Светой впервые вместе на камнях. Новое в разделе «Светская хроника».

...Общество, свет, салон, господа бароны, господа бараны, лорнеты, монокли, парижская Опера, искоса, косо, через губу...

Сенатор ограничивается тем, что на секунду отрывается от газеты и бросает короткий выразительный взгляд. Сенаторша

не столь щепетильна и наблюдает за нами вовсю, правда, сквозь темные очки. А вот Его Величество Гнус даже очечки снять изволил. Плечиками пожимает, ручонками тощими водит. Ну трясись, трясись...

О. смотрит в сторону.

...И лютым пламенем пылают глазки Ведьмы Манон.

В море, в море! Оставим хоть ненадолго этот зоопарк! Слава богу, я еще не разучился плавать, можно заплыть подальше, туда, откуда пляж видится узкой полоской, откуда так хорошо разглядывать наш серо-желтый полуостров... Здорово, Света, правда? Нет, Борис, до авианосца мы, пожалуй, не доплывем, да и не стоит, того и гляди, в мазут влипнем...

Над головами просвистывает стайка серебристых узкоклювых машин. Красиво идут, уступчиком, две впереди, две сзади. Наверное, с «Тбилиси» — буревестники Перестройки. Завтра у них праздник души — День Флота. Тут такое, Света, будет!..

Сандалии на ноги, сигарету в зубы. Нет, Борис, сейчас докурим — и домой, хватит с меня солнышка, и так уже на мулата смахиваю. Свет, а у вас там, на Сахалине, пляжи есть? Или вы там круглый год затерты льдами?

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С. 23—24.

...Данный процесс был вызван не тем, что греки, как этнос, выродились или начали стареть. В конечном итоге это была плата за Империю, за относительную безопасность и «просперити» в тени крыльев золотого римского орла. Империя неизбежно порождала космополитизм, и варваризация эллинских городов была лишь одной из его форм. Бывший греческий патриотизм не сменился римским — он перестал быть таковым, перейдя в чувство подданства, то есть из категории иррациональной, а следовательно, более сильной и живучей, в рациональную, а значит, преходящую. Римский гарнизон греческого (когда-то) Херсонеса состоял из солдат, набранных во Фракии, а римские купцы, прибывавшие в город, были в основном малоазийцами. Конечно, солдаты выполняли свой долг, а купцы были готовы защищать свои интересы, но это были уже не те чувства, что сплачивали херсонеситов в самые трудные годы их истории.

Одним из следствий «потери лица» стала очевидная атрофия религиозных, общественных и даже нравственных традиций. Для городов Причерноморья становятся характерным явлением с одной стороны, многочисленные восточные культы, иногда весьма странные и экзотичные, с другой — постоянные мелкие конфликты как в собственной среде, так и с римскими властями, а на Боспоре — внутри правящей верхушки. Эти хорошо знакомые и нам явления надежно фиксируют назревающее неблагополучие.

Иной становится и политика Империи. Еще до готской экспансии римские власти начинают откупаться от приграничных «варваров», создавая смертельно опасный в конечном итоге прецедент. Неудивительно, что именно это обстоятельство придало смелости готам, которые начали свои отношения с Римом именно с требования своей доли этой «дани». Таким образом, внешне прочная и надежно защищенная имперская граница была внутренне нестабильна и вдобавок не имела надежного тыла.

Неудивительно, что готский удар был столь сокрушителен. Его последствия были чрезвычайно многообразны, но в любом случае весьма невыгодны для Рима. Дело было не только в том, что были разрушены Ольвия, Тира, многие мелкие населенные пункты в Крыму, на долгое время потерян Боспор. Империя понесла огромные убытки в результате опустошения малоазийских и балканских провинций, что в конечном счете дестабилизировало все государство. Кроме того, после готских походов морское господство Рима в Причерноморье фактически прекратилось — остатки римского флота были уже неспособны противостоять «варварам». Морские сражения с готами и их союзниками шли уже непосредственно в Средиземноморье. Таким образом, «морская» граница была прорвана и полностью дестабилизирована на всем протяжении и на всю глубину...

И снова дымится чай, а мы поедаем дежурную пачку печенья. Компанию на этот раз нам составляет Маздон, который сегодня в очередной раз не в настроении.

Нашего фотографа обидели. Обидели те самые проклятые лавочники, которых он регулярно предает анафеме. Лавочники оказались из магазина «Юбилейный», что у самого поворота к центру Себасты. Обидели же они Маздона тем, что потребовали у него паспорт — с севастопольской пропиской, само собой, потому как тем, кто без прописки, продавать не велено...

...Коммунисты пр-р-р-роклятые!!!

Маздон подробно пересказывает свою речь, которую он держал перед продавцами и посетителями магазина, поминая права советского человека, историческую ответственность проклятых коммунистов перед страной, принадлежность провокаторов из «Юбилейного» к проклинаемому сословию лавочников — а заодно и командующего Черноморским флотом адмирала Хронопуло, который все это и затеял.

Когда тема проклятых лавочников исчерпана, Маздон переключается на нечто более близкое — на ожидаемое посвящение. Его не особо волнует предполагаемый эстетический уровень действа, вполне достаточно того, что все будут в простынях и с распущенными волосами. Вполне фотогенично, а песни-вопли на эмульсию не запечатлеешь. Маздона заботит то, что посвящение, как всегда, начнется с запозданием, а значит, солнце уйдет, снимать станет трудно. Остаться Маздону без заказов, как пить дать!

Посвящение и вправду затягивается. В начале седьмого к нашей любимой «Базилике в Базилике» сходится офицерско-генеральский состав: Сенатор с домочадцами, Д. с супругой и двумя белокурыми наследницами. Здесь же оказываемся мы со Светой и Борисом. Воспользовавшись отсутствием действа, давно ожидающий тут Маздон спешит расставить нас в самых живописных позах и берется за дело. Ах, Маздон, да не надо мною пленку портить, лучше Свету сними!

Но Маздона уже не остановишь. Он заявляет, что сфотографирует всех и что именно для этого он целый год копил пленку, которой, как известно, в магазинах нет из-за проклятых лавочников и коммунистов.

Ну так тому и быть! Нас ставят к стенке... Шлеп... Еще раз шлеп... Да хватит, Маздон! Нет, еще раз — шлеп. Затем наш фотограф с клекотом набрасывается на Д., тот не возражает — его супруга любит семейные фотографии. Затем наступает очередь Светы.

...На фоне колонны. Мозаики. Алтаря. В очках. Без очков. В моей кепке системы «Дикий кот». И без моей кепки... Веселая, грустная, непонятная, чужая, своя...

Тем временем Сенатор развлекает нас размышлениями о политике. При слове «суверенитет» мне плохеет, и я отхожу подальше, чтобы наблюдать, но не слышать. Ну-с, курнем.

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С. 24.

...Но, наверное, еще более опасным стал моральный итог. Готские походы не просто развеяли миф о могуществе Империи. Они поставили под сомнение само сохранение Римской державы в прежних пределах. И последствия этого сказались чрезвычайно скоро...

Тем временем к нам подходит Саша-ленинградец, призраком давнего прошлого подтягивается Старая Самара, волоча свое брыкливое чадо. А вот и Гнус! Его Величество не пропускает ни одного посвящения.

...Трон Его Величеству, опахало Его Величеству, скипетр Его Величеству, корону Его Величеству, кол осиновый Его Величеству...

Да, зрители собрались хоть куда! Штучные...

Ага, что-то белеет на холме. Точно — ползут! Согласно традиции, первыми в базилику входят небожители. Ну-с, ну-с?

Впереди, само собой, Ведьма с люто разрисованной физиономией. На руках — дюжина браслетов, на голове, само собой, бумажная зубчатая корона. Как же, как же, богиня Дева. Плачь, Херсонес!

Геракл с Зевсом... Н-да... Маздон, оказавшийся рядом, с гордостью вспоминает, что когда-то Зевсом был он. Неплох был Зевс, голосистый такой. Лука тоже был Зевс хоть куда. А о нынешнем Геракле и говорить не приходится. Ежели это у него дубина... Впрочем, может быть, не дубина, а волшебная палочка?

А это уже неплохо, совсем неплохо! Стеллерова Корова гордо шествует в облике Афродиты. Это действительно смело. Находка!

...Афродита Пандемос, Афродита Коровас, люблю всех, кого поймаю, кого к груди прижму, кого за шею обниму — с хрустом, с треском... Полюблю!!!

Деметра... Нет, О. не похожа на Деметру...

А это что за молодец в повязке набедренной? Образ археолога, не обедавшего уже третий месяц подряд? Борис тут же поясняет, что это и есть новшество сезона — Маленький Зеленый Камнеед. Ага, тогда понятно, таким он и должен быть, ежели камнями питается.

Манон скликает богов в кружок и что-то каркает, не иначе

дает последние инструкции. Вовремя — к нам уже пылят посвящаемые. И где они столько простыней набрали? Запасливый народ, однако.

Сейчас Ведьма должна выйти вперед и завести свою обычную шарманку. Мол, кто вы такие, зачем сюда пришли...

Манон делает шаг вперед, воздевает десницу вверх...

...Дева-Ведьма, Ведьма-Дева, посреди мертвой страны, посреди мертвого города, посреди мертвой церкви... Сгинь, сгинь, рассыпься!..

...Кто вы и зачем пришли?!

Ответ одинаков уже десять лет, ничего иного не придумаешь. Пришли к богам. Пришли принять посвящение в херсониты.

Сейчас Манон должна обратиться к этим самым богам...

...Боги Херсонеса! К нам пришли... Откуда? Что умеют?

Так, сейчас будут плясать! Почему-то в последние годы наша молодежь охотно пляшет. Хоть бы загадки загадывали, что ли? Впрочем, когда пляшешь, не надо слова учить...

Пляшут! «Ламбада» в базилике...

Мы с Д. переглядываемся. Был бы тут Дидик с его гитарой! И наш восточный друг Бадал Бадалар оглы с его ведром, которое так успешно заменяло барабан. Дидик играл на посвящении «Танец маленьких лебедей», а плясали пятеро аквалангистов в полном облачении.

А вот и новация! Вперед выходит Камнеед. Да, голос у него определенно камнеедский...

...Я Зеленый Камнеед, от меня три тыщи бед... Эх, слова забыл!

Беспамятного Камнееда задвигают обратно. Расстроенный Борис заявляет, что ни одно из его указаний не выполнено.

...Кто-то пытается без успеха пройтись на руках, кто-то поет про Чебурашку... Дожили! Археологи про Чебурашку поют!.. Краем глаза кошусь на Свету. У той вид изумленный, однако несколько разочарованный. Еще бы! Чебурашки всякие...

Наконец-то начинается сам обряд. Посвящаемые должны хлебнуть из канфара — то, что туда налито.

...Содержание священного канфара остается тайной до последнего момента. И неспроста! Посвящаемый должен быть готов ко всему, например глотнуть морской водицы — что мы и устроили десять лет назад. На следующий год, когда новое

поколение заранее кривилось, ожидая неизбежного, в канфаре оказалось красное вино. Возможны варианты, допустим, смесь того же вина с морской водой...

На этот раз пить предстоит яблочный сок. Увы, традиции и тут уходят — меню не меняется уже третий год...

Колено преклонить, хлебнуть, поклясться...

Вот и все, comedia finita. Теперь на очереди — процессия через весь Северный берег, к собору. Раньше посвящение заканчивалось митингом у могилы Косцюшки, но теперь Косцюшку забыли, и процессия превращается в поиск наиболее удачной натуры для фотографирования. Маздон принимает боевую стойку и устремляется вслед за толпой в простынях. Впереди белеет бумажная корона, Ведьма Манон горделиво шествует по своему городу...

Ну вот, Света, и отгуляли... Ну если понравилось, тем лучше.

Борис вновь направляется громить стаю Акелы в «сочинку», Веранда пустеет, и мы со Светой имеем полную возможность очередной раз выпить чаю. Заодно на правах командира завтрашнего похода даю последние указания. Это тем более необходимо, ибо Света в Крымских горах еще не бывала.

Мангупский маршрут считается не из легких — главным образом, из-за подъема. Это не Чуфутка и даже не Тепе-Кермен. Шестьсот метров кручи — не шутка, особенно ежели ползти с рюкзаками, запасами харчей да еще с палаткой. На такой поход вполне можно уложить двое суток, и то мало будет. Мы поступим проще — подъем в шесть, в восемь уже на автовокзале, в начале десятого начинаем бросок. В полдень — на вершине, час отдыха и знакомства с достопримечательностями — и рывок обратно. Лучше бегать, чем ползти. И лишние вещи ни к чему, налегке пойдем.

...Полетим, помчимся, поспешим — от мертвых руин к мертвым руинам, от белой пыли в белую пыль. Сгинувшие города, сгинувшая страна, сгинувшая история...

Рабочая тетрадь. С. 42.

...Крипта (версия).

1. Если языческое святилище, находившееся на месте Крипты, имело в целом такую же конструкцию (за исключением сводов, которые определенно возведены в более позднее время).

2. Если божество, которому поклонялись в этом святилище, было лунным.

3. Если перед нами действительно тайное святилище, известное лишь посвященному, к примеру одной или нескольким семьям потомственных жрецов...

Компания в простынях уже вернулась. Раньше вслед за посвящением следовал обязательный сабантуй. Мы располагались в одном из немецких артиллерийских окопов на Западном городище, где так удобно разжигать незаметный со стороны костер и зажаривать — теперь такое трудно себе представить! — целого барана, а в хорошие годы — даже двух... Тогда не было деления на офицеров и молодых, такая мысль даже в голову не могла прийти.

Три года назад мы стали отмечать посвящение порознь. А сейчас и вовсе не хочется праздновать. Луки нет, в магазинах пусто... Ничего, бог даст, в воскресенье сойдемся все вместе, тряхнем стариной. Ежели не рассоримся вконец, что также не исключается...

Отправляю Свету пораньше спать, предвидя завтрашний подъем. Бориса все еще нет, и я могу вкусить столь редкое в нашей коммуналке чувство одиночества. Вечер постепенно переходит в ночную темень, на вечно безоблачном херсонесском небе в который раз загорается местный планетарий, вот уже заскользили Персиды... Сюда бы наш источник, чтобы журчал себе потихоньку, чтоб ежики шуршали и ночная духота чуть смягчилась от близости воды... Древняя вязь на мраморе не защитила наш ключ...

А ведь скоро уже домой. Скоро, скоро...

...Солнце в тучи вновь садится — ветер завтра. Корабли ушли за мыс и там пропали. На забытых скамьях старого театра тишина — актеры, видно, опоздали. Серый берег и базилики обломки... Хорошо тут одному, когда стемнеет. Здесь прибой, и волны бьют у самой кромки, Млечный Путь над Херсонесом звезды сеет... Херсонес теперь ломают, а не строят, в этих старых стенах стало очень тесно — так и нас с тобой когда-нибудь отроют, только вряд ли это будет интересно. Я устал копать весь день, пойду прилягу, напишу, как только выпадет минутка... Говоришь, археология — бодяга? Может быть, зато она — не проститутка. От маневров и стрельбы мы здесь устали, так

грохочет, что, боимся, скалы треснут... Хорошо, что скоро мир в Афганистане, только те, что там погибли, не воскреснут. Напиши мне, как живется, что столица? Кому нынче там хула, кому поклоны? Я лишь знаю: где политика вершится, там правителям не писаны законы. Скоро нам в обратный путь по всем приметам, мы отправимся домой — хлебнуть прогресса. Только верю, что дождемся снова лета и вернемся, не предавши Херсонеса. Нынче тихо, только слышатся цикады, только Понта неумолчное ворчанье. Тишина у серой каменной ограды, старый Храм, застыв вдали, хранит молчанье...

Рабочая тетрадь. С. 43—44.

...4. Если воздействие магнитной аномалии («контур») и лунного света в Крипте («лампа») действительно сильно влияет на психику.

В этом случае обряд, проводимый в святилище, можно реконструировать следующим образом.

Обряд мог проводиться в лунную ночь. Следует отметить, что полнолуние конца лета считалось в античной Греции главным, поэтому наиболее важный обряд проводился скорее всего в полнолуние августа.

Обряд начинался за час до полуночи по нынешнему счету времени. Снимались деревянные щиты, закрывавшие вход. Посвященные ждали возле ступеней. Наконец первый лунный луч падал на верх алтарной ниши, освещая корону на голове богини (в случае если это была Дева или Херсонас). Затем освещалось лицо, вся фигура. Вслед за этим в святилище входил жрец — или даже двое, по двум лестницам, идущим от площадки, начинавшейся ниже сохранившихся двенадцати ступеней. Вошедшие медленно приближались к алтарю, где начиналось главное таинство, при котором каким-то образом использовалось воздействие перечисленных выше факторов на психику человека. Это могло быть пророчество (ясновидение) или даже активное магическое воздействие, в котором какую-то роль играла статуя в нише.

После перестройки святилища в христианскую Крипту обряд, конечно же, стал проводиться по всем христианским канонам (обычные христианские службы), однако в нем каким-то образом могла быть по-прежнему использована специфика этого уникального сооружения.

Следует вспомнить, что Херсонес стал доступен для врагов

после того, как св. Владимир, взявший город обманом, вывез в Киев много христианских реликвий. Не была ли тогда разорена Крипта?

Все эти предположения пока ни в малейшей мере не опираются на факты...

...Лунный свет плещется на неровной, покрытой выбоинами скале, лунный огонь клубится над черным провалом, неслышно уходит обратно к черному безвидному небу. Каменные ступени обрываются в лунную кипень, холодные волны совсем близко, совсем рядом. Бледное тревожное пламя вспыхивает в пустом осквернённом алтаре...

Чужая тайна, давняя, забытая навсегда. Вытяни пальцы, коснись, почувствуй, вдохни... Но тайна останется тайной, я напрасно сижу возле врубленной в скалистую твердь лестницы, напрасно жду какого-то ответа, напрасно, напрасно...

Холод скалы, холод ночного воздуха, холод лунных лучей...

Город славен, богат. Его стены крепки.
Но неслышно текут воды Леты-реки.
Все прошло. И у старых забытых развалин
Злые тощие козы жуют сорняки.

Режим есть режим. Стоит один раз поспать вволю, и шестичасовой будильник воспринимается вдвое горше. Голова падает обратно на спальник, веки захлопываются. Бог с ним, с Мангупом, стоял — и еще постоит. Без нас.

За плечо дергают, и веки вновь, хотя и не без скрежета, приподнимаются. Железный человек Борис уже встал. Вид у него, правда, сомнамбулический, но у меня, вероятно, еще веселее. Кофе... Кофе!

...Спасительный, воскрешающий, из гроба поднимающий...

Глоток, еще глоток... Уже можно двигаться и даже соображать. Что у нас со временем? Нормально, но, боюсь, Свету еще предстоит будить. Пока добудишься, пока приведешь в чувство... Вот что, Борис, заварим-ка еще одну кружку. Жди нас в семь с четвертью на скамейке, что у поворота на Древнюю...

Не забыть кепку... Очки... Кроссовки... Годится, можно идти.

Двигаюсь осторожно, стараясь не расплескать кружку с допингом. Далековато нести, но другого выхода нет.

Ясное дело, Света спит. Первое, что она видит, приоткрыв глаза, это, естественно, емкость с кофе. Уже со вторым глотком начинает проглядывать сознание. Наконец кофе выпит и можно спокойно покурить; кажется, самая сложная часть операции — побудка — прошла успешно.

Автобус мчит, мы сидим на переднем сиденье и жмуримся, несмотря на стекла очков. Солнышко — что надо, но то ли еще будет к полудню!.. Так, что со временем? Все в порядке, Свет, мы как раз успеваем. Еще можно будет и по рынку пробежаться, и персиков подкупить. Правда, я планировал вишни...

Запускаем Свету в рыночную суету, а сами спешим к остановке. Где тут на Терновку? Ну, билеты-то взять недолго, а вот толпа... Да, Борис, толпа страшненькая, хорошо, что мы без рюкзаков. Это тебе не электричка...

Автобус уже выруливает и рычит, а Светы все нет. Ладно, чему быть, того не миновать, с судьбой не поспоришь. Это я виноват, даму в таких ситуациях нельзя отпускать одну, тем более на рынок.

Автобус подкатывает, в распахнутые двери устремляется бурлящий поток, и тут появляется Света, что-то бормоча про кооперативный киоск, где продаются неплохие майки-«ламбадки». Дороговато, правда, но...

Иду в авангарде, за моей спиной — Света, Борис прикрывает сзади. Людской поток бушует, главное — попасть в струю, так сказать, на стрежень, тогда уж точно вташат. Ага, кажется, попали. Теперь не получить бы локтем по физиономии... Оттоптанные ноги не в счет... Есть! Влезли!..

...Давят, душат, топчут, плющат, ничего, мы здесь, мы тут, мы тоже давим, душим, топчем, плющим...

Автобус ползет через весь город, умудряясь всасывать в себя очередных жаждущих странствий бедолаг. За окном, насколько можно разглядеть за головами-кеглями, проплывают новые кварталы Себасты — одинаковые, утомительно белые, с многочисленными мемориальными досками и идейно выдержанными монументами на каждом углу. Жарко, дышать нечем... Ничего, скоро полегчает!

И вот город наконец позади, людей прибавилось, но свежий ветер рвется в окна, становится веселее. Та-а-ак, Борис, давай

разбираться. Слева сейчас будет Сапун-гора, там должен быть такой шпиль, его еще Мечта Импотента называют. Потом спуск...

...Нелепый город, злобный город, душный город, чужой город. Не люблю тебя, не люблю, не люблю...

Едем долго, домишки за окном сменяются виноградниками, затем исчезают и они, дорога то ныряет вниз, то вновь начинает ползти на очередной холм, но вот автобус начинает рычать, сбавлять скорость. Это уже не просто подъем, это гора. Значит, скоро поворот на Терновку. Прощай, цивилизация, въезжаем в дикие края!

Дикие края начинаются с разбитой грунтовки, за окном нескончаемой лентой ползет невысокий крымский лес, а остановки случаются все реже. Да, это уже горы. Горы непростые, Света. Сейчас справа будет поворот... Именно этот, совершенно верно. Так там стоит пост. И не просто пост — каждую машину обыскивают. Вот и гадай, что за поворотом спрятано... Нет, ЦРУ, конечно, знает, это нам не положено. Ничего, еще минут десять — и приехали.

Как-то незаметно автобус пустеет. Очевидно, до конечной доедет едва ли дюжина. Но садиться не стоит — эти дома, по-моему, уже Терновка и есть.

Терновка — огромное село, дома из белого ракушечника, сады с металлическими оградами, из-за которых попеременно ораторствуют хозяйские Жучки и Шарики. Новостройка начала 60-х, приют отставников, опора строя.

...На первый-второй, на третий-четвертый, противогазы надеть, левое плечо вперед, ножку тяни, как стоишь, как дышишь, извилина от фуражки, союз нерушимый республик свободных...

Центральная площадь ничем не отличается от всех этих Ароматных, Танковых и Майорских: двухэтажный магазин с гордой вывеской «Дом торговли», белесое здание совета с обязательным тмутараканским Болваном, помазанным бронзовой краской, тут же и автостоянка, куда мы успешно подруливаем. Все живы? Тогда порядок. Как говорится, на выход, с вещами.

Теперь можно и передохнуть, перекурить и даже съесть по помидору с куском хлеба. И даже водички выпить — по глотку, не больше. Следующую воду будем пить уже на Мангупе, в

Эдемской долине. Ну, еще минутку посидим... Как там со временем? Порядок, идем по графику!

Село лежит в долине, а наш путь — вдоль неширокого шоссе, ведущего к поросшей лесом горной гряде. Есть, правда, тут одна хитрая тропинка через перевал, но рисковать не будем. И по дороге недалеко...

Слева и справа — все те же дома из белого ракушечника, перемежаемые садами за высокими сетками. Верно, Борис, это именно персиковый сад. И я бы рискнул, но сейчас, пожалуй, не стоит — персики еще зеленые. Вот ежели бы на неделю позже...

А наше дело — все вперед, вперед, вперед! Отдыхать не будем, а то расклеимся, впереди — неприступная гора, шестьсот метров, отвесные склоны и лишь одна сносная дорога наверх. Сам господь создал эту гору для крепости.

...Да кто угодно там жил, Света! Вначале римляне пост построили, потом народ набежал — от варваров спасаться. А после был тут город Теодоро, столица христианского княжества. Пока турки не пожаловали.

...Они были умны, османы, они были хитры, османы, на гору втащили пушки османы, они мраморные ядра полировали, османы, полгода в упор лупили османы, они никого не щадили, османы...

Да, Борис, и запорожцы здесь шерстили. Хан на Мангупе казну прятал, вот славяне и подсуетились. А сейчас пусто, даже археологи не каждый год заезжают...

Очередной перевал позади, можно на минутку присесть и перевести дух. Можно и перекурить — если, конечно, у нас в порядке с дыхалкой... А Светка держится молодцом! Правда, это все еще цветочки...

Ну что, как настроение? Уже близко, близко. Вот сейчас небольшой поворот... Деревья немного заслоняют. Вот. Прошу!

Дорога выскакивает из неглубокой, поросшей лесом седловины на плоскую равнину, немного напоминающую гигантское футбольное поле, только покрытое не зеленой травой, а пшеницей. Слева и справа — горы, одна выше другой... Наша справа.

Ну что, Света, нравится?

...Гора-чудовище, гора-страшилище, гора-эверестище, го-

ра-ужас, гора-кошмар. Муравьишки у подножия, муравьишки суетятся, муравьишки поправляют рюкзаки...

Дороги здесь две. Одна полегче, по ней когда-то на арбах ездили, но это далеко — с другой стороны. Обычно поднимаются туристской тропой, вот она, беленькая такая, по диагонали тянется. Да, Света, самое смешное, что по ней вполне можно взобраться. И даже быстро, обычный норматив — сорок пять минут. Удивляешься? А мы поднимемся быстрее, вот увидишь. Мы же без вещей, и солнце еще не в зените. К слову, на сердце никто не жалуется? Ну и прекрасно! Десять минут перекура...

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С. 25.

5. Армагеддон.

Европа оказалась удивительно стабильной по отношению к пришельцам из глубин Азии. Если разбойники-готы со временем приобрели черты подлинных рыцарей и даже культурных героев Запада, то оценка гуннов почти не изменилась за полтора тысячелетия. Современники без малейших сомнений восприняли их приход как начало Конца Света. Недаром наиболее известный из гуннских вождей — Аттила заслужил прозвище Бича божьего. «Гуннский ужас» сохранялся долгие столетия, и уже в годы Первой мировой французы не нашли худшего определения для своих противников из-за Рейна, чем имя этого давно исчезнувшего с лица земли народа. Гунны вошли в европейский и мировой миф как самый страшный враг западной цивилизации...

Гора приближается медленно, неохотно, и только здесь, у подножия, начинаешь понимать ее подлинные размеры. Небо исчезло, сгинуло — склон, гигантский, громадный, взглядом не обмерить... Еще немного, и мы подходим к густой полосе леса и теперь идем по опушке, подстерегая начало тропинки. Случайно оглянувшись, замечаю, что шоссе отсюда смотрится тонкой нитью...

...Выше, выше, выше, выше, выше, выше...

Ну наконец! Вот она, тропа, — ползет сквозь заросли вверх, расходясь двумя рукавами. Налево не пойдем, это дорожка козья, делаем правый уклон. Я — первый, Света — за мной, Борис — сзади. Смотреть под ноги, красотами полюбуемся с вершины, а то здесь склоны меловые. Могут поехать, и тогда уж

ни бог, ни микадо не помогут! Воду не пить... Света, готова? Борис?

Пошли!

Вершина тут же исчезает из виду, тропа круто бежит вверх, петляя между деревьями. Ноги скользят по белой крошащейся поверхности. Мел!.. В дождь здесь подниматься не стоит... Света, ты как там? Борис, держи дистанцию. Вот именно, чтоб успеть подхватить. А сейчас — внимание!..

Тропа выводит к руслу сухого ручья. Придется подниматься здесь, больше негде. Света, иди вдоль деревьев, там можно цепляться за стволы, только смотри — здесь много колючек. Ну вот видишь... Под ноги смотрите, под ноги!

...Выше, выше, выше, выше...

Теперь мел всюду, со всех сторон, тропа вздымается почти отвесно. Начинаешь поневоле завидовать мухам за умение ходить по потолку.

...Здесь переправляемся, видите тропу? Вот там — сразу дерево, хватаемся за него. Давай, Света, подстрахую!..

Снова лес, слева и справа, тропа становится все уже и круче, вдобавок мой прогноз по поводу колючек начинает сбываться в полной мере. Ну что, передохнем? Вот, кажется, нечто вроде полянки...

Можно прилечь, смочить губы водой и даже съесть пару вишен из сумки. Все, пора, расслабляться будем наверху. А ведь мы уже неплохо поднялись!..

...Выше, выше, выше...

Теперь тропинка все заметнее уклоняется вправо, складывается в гигантские ступени, влезть на которые можно, только цепляясь за деревья. Борис, жив? Осторожно, Света, здесь колючки. Держи руку...

И вот наконец лес начинает редеть. Мел исчезает, мы идем среди высокой травы. Это уже получше, вот и бабочки появились... Свет, это махаон, видела? У вас там такие есть, или на Сахалине бабочки, как в тропиках, размером с ворону?

...Выше... Выше!

Скалы вырастают внезапно и тут же закрывают полнеба. Тут не забраться... По-моему, у геологов такая скала называется «бараний лоб». Нет, не в честь первооткрывателя...

Далеко внизу оставленная нами дорога, чуть ближе — зеленое одеяло леса. Неужели мы все это пробежали? Неплохо, не-

плохо! Правда, ежели бы с рюкзаками да по полной форме, то и полдороги бы не прошли. Свет, как самочувствие? Ну и отлично.

Скалы тянутся насколько хватает глаз, их бока изрублены странными выемками, углублениями, иногда целыми площадками. Наверху, у самой кромки, можно то и дело различить то квадратные, то овальные отверстия. Окна...

Верно, Борис, это и есть казематы. Стен уже почти не осталось, осыпались стены, а казематы в полном порядке, скоро увидишь... Ну, сейчас будет... Позвольте-ка... Точно, вот за этим зубом — проход.

Тропа заворачивает резко вверх, становится почти отвесной, упирается в скалу, но скала пропускает ее сквозь черное отверстие лаза. Проход узок, приходится подтягиваться, цепляться за растущие рядом ломкие деревья... Света, руку! Не геройствуй, давай лапу... Борис, как там у тебя? Корзинку не урони, там у нас помидоры.

...Сквозь толщу камня, сквозь серую скалу, сквозь порушенную твердь, сквозь порушенное время...

Впереди мелькает клочок голубого неба, под ним желтая полоса травы. Еще немного... Света, осторожней!.. Ну, кажется, все... Леди, джентльмены, Мангуп!

Здесь все так же, как на Чуфутке, Тепе-Кермене, на Эски, во всех давно брошенных и погибших горных городах. Трава, редкий кустарник, серые валуны... Только все больше, крупнее, выше.

...Царь-Мангуп, хан-Мангуп, князь-Мангуп, император-Мангуп, басилевс-Мангуп. Зеленая мантия, серая корона...

Мангуп похож на растопыренную пятерню. Между пальцами-отрогами — глубокие яры. И только в одном из них — вода. Там Эдем, долина Жизни...

...Туда, скорей, спрячемся, скроемся, подальше от усмешки мертвых камней, подальше от шелеста мертвой травы, подальше от злобы мертвой жары...

Тропа ныряет вглубь, в вязкую сырость и темноту, густые кроны смыкаются над головами... Даже странно, что в нескольких метрах выше — обожженные солнцем скалы, мертвая нескошенная трава... Эдемская долина!

Ну-с, будем считать, что это у нас обед. Все-таки прошу водой не злоупотреблять, хотя она и вправду вкуснейшая. Вот умыться стоит. Ну ладно, кто персики будет доедать? Чур, я первый!

Теперь можно пустить дым. Да, неплохо!.. Сколько там на наших кремлевских? Между прочим, от дороги до плато мы шли полчаса, почти что рекорд. Совершенно верно, Света, всего полчаса, а кажется, что часа три, правда? Ну что, у вас на Сахалине такого нет? Это, конечно, не Ласпи, где к тому же... Молчу! Уже молчу...

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С. 25—26.

...«Гуннский ужас» был настолько велик, что даже внешне пришельцев воспринимали несхожими с обычными людьми. Римлянин Аммиан и гот Иордан согласно рисуют портрет, напоминающий зомби из голливудского ширпотреба — похожие на грубо отесанные колоды, с точками вместо глаз, с черными лицами. Конечно, можно сделать скидку на то, что гунны были первыми монголоидами, добравшимися до Европы, но, конечно, подобное описание имело мало общего с действительностью. Открытые в смертельном ужасе глаза европейцев видели во вполне обычных кочевниках выходцев из Тартара, всадников, несущих всеобщую гибель...

...И снова перед нами бесконечная желтая равнина. Слева сквозь невысокие деревья проглядывает полуразрушенная стена. Не знаю точно, Борис, скорее всего турецкая, турки здесь все перестроили, от прежних хозяев остались только фундаменты да казематы... А идем мы, Свет, к дворцу князя Алексея. Последнего князя. Как раз построил палаты перед приходом турок... Мощный был дворец! Его не ломали, но здесь все осыпается, если не подновлять, на скале стоит. Два этажа все же уцелели... Непростой это дворец, со второго этажа в ясную погоду можно было увидеть Херсонес, а Бахчи тут вообще как на ладони. Легкий намек на то, кто в Крыму хозяин... К сожалению, тут мало что уцелело. Увы!

...Ты постарел, царь-Мангуп, ты одряхлел, царь-Мангуп, ты крепко спишь, царь-Мангуп, тебе не встать, царь-Мангуп...

Да, уцелели крохи. Остатки каких-то стен, белое пятно известняка на месте главной базилики. В центре того, что когда-то было божьим храмом, — выбитые прямо в скале прямо-

угольные углубления. Здесь они лежали... Неглубоко, сверху просто клали плиту...

От дворца осталось чуть больше. Громадные провалы окон, четырехугольник парадных дверей, сложенный из резного мрамора, — а вокруг все та же сухая трава, скорченные деревья, уцепившиеся прямо за камни стен...

...Мертво, мертво, мертво, мертво, мертво...

Рабочая тетрадь. С. 45.

...Поиски «энергетического контура» на Мангупе. Время — 12.15 — 12.45. Жаркая погода, ясно, ветра нет, яркое солнце. Объекты — дворец князя Алексея и фундамент главной базилики. Результат в обоих случаях отрицательный...

Тропинка по-прежнему ведет сквозь желтизну травы, снова из-за невысоких деревьев выныривают зубья стен. Солнце в зените, долина, откуда мы недавно пришли, затягивается сизой дымкой. Ну, тут смотреть больше нечего. Заглянем в казематы...

...Здесь можно снимать кино. В этих мрачных, грубо вырубленных пещерах так и видятся безмолвные силуэты средневековых арбалетчиков. В этих подземельях мало что изменилось с тех далеких лет — бойницы с видом на долину, неровный каменный пол, каменные скамейки, место для очага. Рядом такой же каземат, затем еще, еще — по всей протяженности обрыва.

...Бесполезная крепость, ненужная твердыня, забытый замок, брошенная столица. Даже волки не воют среди твоих камней!..

В соседнем каземате — все, что осталось от часовни. Немного, но догадаться можно... Ну что, какие есть предложения? Самое интересное мы, пожалуй, увидели. Значит, перекур — и по коням!

Рабочая тетрадь. С. 45.

...Казематы Мангупа по архитектуре ничем не напоминают Крипту. Отсутствуют своды, сооружения чисто функциональные. Часовня — обычный каземат, не имеющий формы базилики. «Энергетический контур» отсутствует...

...Мы вновь в каменном туннеле, снова под ногами склон, но теперь идти легко, настолько легко, что приходится тратить силы на то, чтобы не скатиться вниз. Тропа несет нас к узкой полоске шоссе, к желтому пшеничному полю. Быстрее, быстрее, еще быстрее... Вот и дорога! По сигаретке — и вперед, отдыхать будем в Терновке.

...В Терновке отдыхать не приходится — гостеприимный автобус распахивает двери. Врываемся в забитую ошалелой толпой душегубку на колесах...

Пое-е-ехали-и-и!

Завернув на Древнюю, отправляем Свету отдыхать, а сами, уже никуда не торопясь, бредем через знакомые ворота по тамарисковой аллее, по высокому бугру, к нашей Эстакаде. Все вернулось на круги своя. И мы вернулись. Ничего не изменилось и не могло измениться...

Эге, что случилось-то? Где очередная смена? Неужели у всех пропал аппетит?

Почему не едят?!

Вынырнувший из дверей сарая Слава дает пояснения. Все просто — утром молодежь уехала. Остались они с Володей, Манон с Коровой — и О. с супругом. Впрочем, нет, ее супруг тоже укатил. Разъезд карет начался...

...Прощайте, пузатики, прощайте, жевуны, прощайте, обжорины! Колбаской по Малой Спасской, скатертью дорожка! О всех пожалею, о вас не стану...

Дверь на Веранду открыта, изнутри доносятся голоса, и мы понимаем, что нашему одиночеству приходит конец. Ну, здрасьте, здрасьте, алейкум ассалям!..

...Буратино растянулся на лежаке во весь рост и, положив руки под голову, изучает состояние потолка. Лука... Лука, само собой, сидит на моем спальнике. И если бы один!..

Эту даму я где-то видел. Ну конечно, ее бы в медвежью шкуру одеть вместо купальника — узнал бы сразу. Урлаг! Боже мой, Лука на старости лет занялся ургуянками, да еще на моем спальнике!..

Мы ворвались не вовремя — ну никак не вовремя. Тюлень как раз читал прекрасной таежнице свою поэму. Крепкие у этой чухны барабанные перепонки, у наших дам уши, пожалуй, и не выдержали бы!

Взгляд Луки красноречив, мой, устремленный на спальник,

тоже. Тюлень делает вид, что пытается привстать... Ладно, потом. На пляж, Борис, на пляж! Заслужили!

Заплываем подальше и долго лежим, раскинув руки и глядя в белое, обесцвеченное солнцем небо. А ведь уже послезавтра... Уже послезавтра!.. Заканчивается карнавал, его не вернешь, не переиграешь...

Рабочая тетрадь. С. 45—46.

...Борис считает, что мы не сделали все возможное относительно Крипты. Что именно, он точно не знает, но уверяет, что нам следовало еще раз побывать там ночью, посидеть у входа, спуститься к алтарю. Ему кажется, что мы на шаг от чего-то важного.

Оценка: действительно, есть ощущение, что мы упустили нечто важное, однако это ощущение чисто субъективное. Даже если Крипта давала какие-то необычные возможности (и эта особенность сохранилась даже сейчас), никто из нас не знает, как ко всему этому подступиться.

Борис считает, что для работы с Криптой нужен очень сильный экстрасенс. Итак, с экстрасенсорики начали, ею заканчиваем. Это явно от усталости.

Но все же...

Ургуянка исчезла, а мрачный Лука тут же предъявляет нам претензии. Нам — это мне. Спугнул, не проявил чуткости, мог бы и у дверей подождать. К тому же мой лежак так удобно стоит...

...Медвежья кожа, медвежья шкура, медвежьи губы, медвежья страсть...

Не комментирую. Аккуратно вытряхиваю спальник и укладываюсь поудобнее. Постепенно Лука добреет, он готов уже простить мне столь нетактичное поведение. Ну, это ты рано, сейчас я тебе про матрацы расскажу — про те, которые Большой Бобер так мечтает получить назад.

Однако Лука уже все знает. Все знает — и все уладил. Они сразу договорились, Бобер просто забыла. К тому же эти матрацы все равно списанные...

Кажется, войны и вправду не будет. Эх, тюлень, твои бы способности — да на пользу человечеству! Ладно, Лука, лучше поведай нам, о великий. Поведай о своих подвигах!

Лука готов. О подвигах — хоть сейчас. Тюленьчик по-кошачьи жмурится, потирает руки... Муза, воспой!

...Муза, воспой похожденья Луки, покорителя Крыма, дев всех, и местных, и пришлых, сжигавшего страстью любовной. Несть им числа, покоренным, покорным, стыдливо ронявшим одежды, чтобы предаться тюленю, что плыл в Казантип отдаленный. Список имен их обширней того, что Гомеру вздумалось в песне известной на страх всем студентам составить. Не корабли — покоренные девы в том списке. Маши, Наташи, Марины, Ларисы, Аксиньи и Перепетуи! Все вы добыча Луки — Антиноя, быка Минотавра!.. После всего отвозили Луку в Херсонес не в автобусе грязном — сам адмирал приказал швартовать миноносец ретивый...

Дивная, дивная сага! Интересно, однако, послушать и версию Буратины, но тот как раз изволил задремать. Уловив наше желание, Лука тормошит деревянненького и требует от него подтверждения. Буратино продирает глаза и охотно подтверждает.

...Когда Лука после третьей бутылки водяры застрял в телефонной будке, его пришлось оттуда вынимать, а он, несознательный, всю будку облагодетельствовал. Потом еще взяли водяры, много водяры, очень много... А про остальное тюленю виднее.

Лука вполне доволен и таким свидетельством. Интересно было бы поглядеть на Луку в рубке миноносца!.. Эх, тюлень, не ценят тебя здесь. Глупые они все люди. Скучные. Злые!

Между тем Лука наскоро влазит в джинсы, накидывает рубашку и спешит в Урлаг — решать вопрос с матрацами. Впрочем, вероятно, не только с матрацами.

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С. 26.

...А между тем факты, которые приводят все те же перепуганные современники, рисуют совершенно иную картину. На Европу надвигалась не победоносная, могучая гуннская орда, а несколько разрозненных, постоянно конфликтующих племен, которым поначалу приходилось брать с боем каждый метр пройденного пути. Более того, отдельные гуннские племена охотно переходили на сторону европейских этносов, сражаясь со своими соплеменниками. Мощь гуннов росла не сама по себе, а благодаря вклю-

чению в их союз многочисленных народов Европы, которых к моменту победоносного марша Аттилы на Европу было на порядок больше, чем самих гуннов. Первоначальные успехи Аттилы, принесшие ему печальную славу Бича божьего, стали возможны только потому, что могучая Восточно-Римская империя не без тайного удовольствия подкармливала пришельцев, направляя их натиск против «варварских» королевств и соотечественников на западе. В конце концов умирающая Западно-Римская держава, от которой оставались лишь небольшие осколки, объединившись с «варварами», остановила нашествие на Каталаунских полях...

Буратино и Борис уже дремлют, и я охотно присоединяюсь в качестве третьего. Перед тем как заснуть, жую валидолину. Незаметно... Впрочем, свидетелей в этом сонном царстве все равно нет.

...Длань Херсонеса на сердце — беспощадная, холодная, всемогущая, властная. Сейчас дрогнет, сейчас сожмется... Ты не отпускаешь меня, Херсонес!..

И снова наползает вечер, и мы, немного передохнувшие, сидим у нашего замолкшего источника, покуривая «Ватру». Экая благодать! Эти последние дни, когда уже все сделано, выкопано, записано и зарисовано, наш законный приз. Лука решил, наивный, что можно прокарнавалить весь Херсонес... Нет, тюленчик, ежели начать с первого дня, то уже через неделю спятишь. Что ты, собственно, и доказал...

Лука, легок на помине, мелким бесом возникает из-за ближайших кустов, стреляет у Бориса цигарку и принимается докладывать об успехах. Само собой, матрацное дело он замял. Собственно, никакого дела и не было, Бобер с Д. все напутали. Короче, матрацы мы можем забрать назад хоть сейчас. И подушки в придачу.

...Удивительно еще, что тюлень не организовал торжественное шествие ургуян с возвращаемым имуществом — под личным руководством Большого Бобра. И чтобы в бубны били.

Впрочем, ургуянами Лука все же недоволен. Точнее, ургуянками, упорно не желающими нарушить священный обычай эндогамии. Он еще раз в этом убедился, а посему срочно меняет стратегию.

Оптимист же он! Хотя без подобных забот наш тюлень в

Хергороде попросту сгинул бы. Зачах бы — как покойный источник.

Борису приходит в голову не особо оригинальная, но правильная мысль о чае. За этим полезным занятием неугомонный Лука напоминает, что завтра День Флота, а значит, предстоит морской парад — с адмиралом Хронопуло в белом кителе. Тюлень (хотел бы я знать, как и когда!) раздобыл пропуск на горкомовскую трибуну. Вполне можно сходить, ежели не проспим, конечно.

...Здравствуйте, товарищи матросы!.. Здра-а-а-ав-ав-ав-ав-ав!.. Поздравляю вас!.. Гав-в-в-ву-у-у-у-гав-в-в-ву-у-у-у!

Идея поддержки не находит. Видели мы все это! А ежели снова хотим увидеть, незачем с утра, не спавши, не евши, мчать в Себасту, да еще в такую дурную компанию. С нашего Восточного мыса бухта просматривается так, что хоть пушку ставь. Так что, Лука, действуй сам, имеешь шансы поглядеть на свой миноносец. Впрочем, Буратино вполне может составить тебе компанию.

В ответ деревянненький сердито заявляет, что он лучше займется бабами — или выпьет с утра. С чем и закрывает вопрос.

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С. 26—27.

...Примечательно, что от полного разгрома и гибели Аттилу спасли не его непобедимые всадники, а римский полководец Аэций, которому Бич божий был нужен как узда против собственных союзников — бургундов. Через несколько лет, после смерти Аттилы, его бесчисленные орды растворились так быстро и незаметно, что историки до сей поры не могут точно установить, что, собственно, с ними произошло.

Итак, «гуннский ужас» был явлением не столько военно-политическим, сколько психологическим. Возможно, появление пришельцев из Великой Степи стало последней каплей, переполнившей чашу, из которой было суждено пить европейцам IV—V веков. Любое напряжение человеческих сил имеет свой предел, и в условиях тянувшегося много десятилетий кровавого противостояния между Империей и остальной Европой гуннское вторжение подтолкнуло европейцев к черте, за которой иррациональное в общественном и индивидуальном сознании начинает подавлять рацио, вызывая распад воли и психические эпидемии, одной из форм кото-

рых и был «гуннский ужас». Неудивительно, что те, кто вольно или невольно стал виной этого всеевропейского безумия, навсегда остались черной легендой цивилизованного мира...

Мы идем со Светой вдоль кипарисов по Древней улице, и я думаю о том, что послезавтра будет последний день и все завершится, едва начавшись, хотя никому из нас этого не хочется. А лето еще не кончилось, вокруг нас по-прежнему Крым, рядом все то же море. Конечно, можно, сдав билет, побыть здесь недельку-другую — на черную зависть Луке. Но... Но Херсонес, настоящий Херсонес, послезавтра исчезнет, и я стану обыкновенным курортником в этом залитом асфальтом городе. А это как раз то, от чего я который год бегу на наш странный карнавал. На третий день нам со Светой будет совершенно не о чем говорить, и тогда она уж точно пожалеет, что не поехала в Ласпи, где, как известно, все оплачено.

Но, может быть, все-таки... Жизнь — это не только Херсонес, не только эти серые камни, эта желтая трава, эти коммунальные склоки. Или сейчас только они и есть — жизнь?

...Лишь здесь нам быть вместе — среди желтой травы, среди серых камней, среди херсонесского безумия. Лишь здесь чужие могут стать своими, лишь здесь можно войти в стаю. Херсонесские маски падают с лиц, никого не узнать, никого не вспомнить...

Кемеровские Змеи только что уехали, оставив в печали многих в Херсонесе — и вне Херсонеса. Маленькая уютная комнатушка на Древней свободна. После нашего фронтового быта странно смотрятся тюлевые занавески и кровать с металлическими шишечками. В этих стенах Света уже не кажется египетской статуэткой на музейной полке — и мне почему-то на миг становится грустно...

Пьем чай. Никому до нас нет дела.

Мы на этих развалинах тратим года.
Сколько вбито в проклятую землю труда!
Херсонес! Забираешь ты силы и души!
А взамен что даешь? Ничего! Никогда!

Обитатели сараев только еще начинают шевелиться, когда мы со Светой, не торопясь, проходим мимо, направляясь на Веранду. В дверях сарая мелькает перекошенная от эмоций физиономия Ведьмы Манон, ее резкое повизгивание извещает о нашем появлении почтеннейшую публику. Оглянувшись, я с интересом обнаруживаю выстроившуюся у Эстакады шеренгу — пигалицу Манон рядом с могучей Стеллеровой Коровой, рядом с ними разгильдяя Славу. Чуть дальше... Чуть дальше, само собой, О. Очень приятно, очень приятно...

...Коммуналка, коммуналка, коммуналка, замочная скважина, мыло в супе, о чужой коврик ноги не вытирать, звонить три раза... Коммуналка!..

На Веранде нас воспринимают гораздо спокойнее. Лука и тот источает только положительные эмоции и спешит сообщить, что раздумал посещать морское игрище, презентовав горкомовское приглашение Д. и его супруге в качестве компенсации за матрацный скандал. А парад мы сможем поглядеть и отсюда — прямо с Веранды. Почти вся бухта как на ладони. Кстати, они сейчас начнут.

И точно! Не успеваем мы докурить по сигарете, как за мысом начинается движение. Что-то грохочет, вверх взлетает облако белого дыма, и над Хергородом проносится четверка узкоклювых. Поясняю Свете смысл происходящего — все это должно обозначать образцово-показательное сражение. Сейчас они бросят десант прямо на набережную, предварительно как следует пробомбив гостевую трибуну. Борис спешит внести необходимые коррективы, уточняя, что обычно бомбят не гостевую трибуну, а Дворец пионеров, который стоит прямо на набережной. Причем к новому параду его восстанавливают в прежнем виде.

Света робко пытается сомневаться, но Лука авторитетно подтверждает сказанное, присовокупляя, что обычай этот ввел еще адмирал Сенявин в 1783 году — как раз после того, как князь Потемкин-Таврический основал здесь первый Дворец пионеров имени цесаревича Павла Петровича, что было проявлением извечного соперничества сухопутной армии и военно-морского флота.

Сообразив окончательно, с кем имеет дело, Света больше не возражает. А в гавани между тем грохочет все громче, узкоклювые слетаются со всех сторон, дым повисает одеялом, и вот... И вот!..

Задвигалось! Что-то серое выползает из-за утеса, за ним еще, еще...

...У севастопольских пляжей носимы, мы не боимся даже Цусимы. В ваксе ботинки, пушки в нагаре — здесь мы страшнее, чем при Трафальгаре!..

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С. 27—28.

...Первая гуннская волна пощадила Крым. Однако вскоре одно из гуннских племен (утигуры), оторвавшись от главной орды, повернуло вновь в сторону Причерноморья, очевидно, решив завладеть запомнившимся им по дороге на запад полуостровом. Ослабленные, полурастворившиеся среди окрестных «варваров» города Боспора не смогли оказать никакого сопротивления. Достаточно было одного ощутимого удара — и Боспорское царство, просуществовавшее почти десять веков, перестало существовать. Города опустели. На месте пантикапейского акрополя возникло кладбище...

Когда наконец все поражаемое поражено, а штурмуемое — взято с боем, серые призраки по одному начинают выползать из тумана. Мы наблюдаем за ними с наших скал у берега, где ожидаем возможности поплавать до того, как ветер нагонит послепарадный мазут. Какой-то знаток, стоящий рядышком, называет зверей по именам. БРДМ, БПК, ТК-21, БО... Под это антихристово бормотание мы и залезаем в теплую, даже чересчур теплую для утра воду.

...Парад пахнет мазутом, мазут пахнет парадом, парад мазута, мазут парада...

Идея приходит в голову Борису. Идея проста и более чем незамысловата. И в самом деле, не махнуть ли нам по случаю столь великого праздника в «Дельфин»? А вдруг по поводу священного дня наливают что-нибудь посимпатичнее совхозного «Ркацители»?

Мой скепсис противится этим доводам, но Света тут же поддерживает конструктивную идею, причем с явным энтузиазмом. Она так давно не бывала в ресторанах. Прошлый раз, когда востроносая ездила по Прибалтике, она только и видела, что рестораны. А в этом году...

Да, в этом году — явная промашка. Мангупы всякие, базилики с казематами. Черт знает какая компания попалась, то ли дело в Ласпи!.. Ладно, и в самом деле, отряхнем медвежью шерсть!

У кого-то из нас легкая рука — официантка после небольшого колебания одаривает нас бутылкой почти уже забытой красной коллекционной «Массандры». Боже мой, боже мой! Нет, слова бессильны. Даже Света перестает жалеть о ласпийском варианте.

...«Массандра», «Мускат», «Бастардо», «Совиньон», «Кокур», «Новый свет» — белое, красное, розовое, с бульбочками, с крымским солнцем, с крымским зноем... Пивали, пробовали, дегустировали, разливали по хрустальным бокалам, разливали по жестяным кружкам... Эх!..

Везет, впрочем, не всем. Вбежавшим почти след в след за нами Луке с Буратиной достается лишь незабвенная трехлитровая банка с ее грозным содержимым. Но Буратино и этим вполне доволен. Он вообще — не гурман.

Итак, праздничный обед. Для Буратины еще и прощальный, он отбывает сегодня шестичасовым поездом. Уезжает и Маздон. В общем, разъезд идет вовсю, только успевай подавать кареты. Нам тоже осталось чуть-чуть. Еще один херсонесский вечер, еще одно херсонесское утро...

Идти никуда не тянет, дел нет и в помине, остается одно — лежать, закинув руки за голову, и время от времени истреблять наш изрядно уменьшившийся запас «Ватры». Впрочем, эту идею осуществляем лишь мы с Борисом — Света отправилась в Себасту, Буратино с угрюмым видом пакует вещи, а Лука, неугомонная душа, куда-то унесся. Вскоре, однако, он появляется вновь и уже с несколько поднадоевшей интонацией заявляет, что уезжает вместе с Буратиной. И что ноги его тут не будет! И ничто не заставит его переночевать здесь еще целую ночь...

Дело ясное, опять обидели тюленя! Тут же выясняется, кто и как. Это и вправду обидно, и даже очень. Мадам Сенаторша вкупе со своим ясновельможным супругом и августейшим Гнусом обсуждали очередной аморальный выверт Луки. Оказывается, наш тюлень, потеряв не только моральный, но и всякий прочий облик, не дожидаясь даже своего переезда в Южно-Сахалинск, уже третью ночь ночует у Светы на Древней. И не стесняется, развратник!

...Бросил жену, бросил детей, бросил семью, бросил Родину. Анафема, свечу вниз, из церкви вон...

Лука не просто зол до чертиков, он еще и напуган. Шутки

шутками, но эта компания хорошо знакома с его уважаемой супругой, а мадам Гусеница уже не первый год подозрительно косится на вояжи Луки в Хергород.

Сейчас тюленя успокаивать бессмысленно. Пусть развеется! А потом можно и обсудить, кому это Лука здесь мешает — самому ли Гнусу, Сенаторше или кому-нибудь попроще. В коллективное помешательство я не верю — даже в Хергороде. Кое-кто еще год назад обещал выжить тюленя из экспедиции. Как выяснилось, это не так сложно.

...Но все-таки странная мысль вновь и вновь приходит на ум. Херсонес сам решает, кого пускать, кого нет. Чем-то наш тюлень пришелся не ко двору этим древним развалинам. Не тем ли, что отказался взять кирку? Мертвый город ревнив...

Прощаемся с Буратиной. Он в кратких, но сильных выражениях доносит до нас все, что думает о Херсонесе, его нравах, его женщинах — и о нас в особенности. Фраза о ноге, которая больше не ступит, не произносится, но, само собой, подразумевается. Извини, Буратино, деревянненький ты наш, жаль, что так вышло. Не сошлись вы с Херсонесом! То ли ты его не понял, то ли он тебя...

...Катись, бревно, плыви, бревно, уносись, бревно, по морю Черному, по морю Белому, подальше, подальше, подальше...

Обнимаемся с Маздоном. Наш фотограф долго перечисляет свои болячки, козни проклятых коммунистов и лавочников, а также всю степень неуважения, проявленную к нему в этом сезоне. Фраза по поводу ноги воспроизводится в полный голос, но в данном случае она носит ритуальный характер, ибо звучит каждый год. Столь же ритуально звучат персональные проклятия в наш с Борисом адрес с поминанием тушенки, сгущенки, комнаты с кондиционером, Ведьмы Манон и похода на Мангуп, куда Маздона не взяли. Ко всему этому добавляется, что он ждет нас послезавтра после трех в лаборатории, что чай (само собой, с мятой) будет заварен, а фотографии напечатаны. Ежели, конечно, за время его отсутствия проклятые коммунисты не похитили запасы фиксажа.

Будь здоров, Маздон!

...Коммунисты пр-р-р-роклятые!!!

Ну вот, Борис, одни мы, считай, остались... Нет, Лука, конечно, не уедет, у меня такое чувство, что его совсем не тянет

домой. Конечно, Гусеница — дама грозная, но что-то мне шепчет...

...Не сдавайся, Лука, не сдавайся, тюлень, покажи им всем, натяни им нос, сверни им кукиш. Гусары не сдаются!..

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С. 28.

...Нашествие утигуров означало не только конец тысячелетнего Боспора. Это был конец прежнего мира, традиций, образа жизни. Исчезли просуществовавшие многие века населенные пункты Южного берега и предгорий, уцелевшее население бежало в горы, где началось создание средневековой крымской цивилизации — цивилизации укрепленных горных «кале» и «исаров». После гуннского вторжения навсегда исчезают скифы, тавроскифы, большинство сарматских племен Крыма и основная часть греческого населения. Правда, средневековые авторы привычно находят в Крыму и «скифов», и «тавров», но это были лишь названия-призраки, обозначавшие совсем другие племена и этносы.

Крымский Армагеддон окончательно завершил античную эпоху в Причерноморье. Наступил новый, страшноватый и непривычный для уцелевших мир. Гунны осваивали Крым и причерноморские степи, соседствуя с закрепившимися в Приазовье и Крымских предгорьях готами, а обезлюдевшие просторы запада и юго-запада будущей Украины быстро заселялись славянами-антами. Рудиментом сгинувшего мира остался уцелевший среди наступившего хаоса Херсонес. Но это был уже не прежний строгий дорийский полис, долгие века хранивший свою неповторимую самость. Город не погиб, но его заселяли теперь во многом все те же «варвары», на Гераклейском полуострове, где когда-то выращивали завезенный из Эллады виноград, стояли гуннские юрты. Античный Херсонес уходил навсегда, становясь средневековым Херсоном...

На Веранде тихо, потолок по-прежнему белый и ровный, а в голове уже мелькают соображения о том, как лучше сложить рюкзак. Почему-то для меня это всегда проблема. Например, где положить лишнюю обувь. Куда ни сунешь — всюду выпирает, причем обязательно в бок. К тому же за время экспедиции набирается куча совершенно случайных вещей. И вообще, рюкзак давно пора сдать в музей, если, конечно, его там возьмут, хотя бы в запасник...

...Вопль за окном, затем снова. Ого, грабят, что ли? За окном суетятся наши соседи, причем отчего-то с лопатами. Что за субботник, а ну-ка, Борис, выглянем... Господа и товарищи, что случилось-то?

Случилось... Хоть и не в первый раз, хоть не впервые в этом году. Но сегодня это действительно серьезно и даже страшновато — огонь идет прямиком от Западного городища. Просто удивительно, как много там сухой травы, каждый раз пожар начинается в саванне, и все равно остается чему гореть. На этот раз пылает от души — вал огня не ниже полутора метров, идет быстро, кусты, зелеными пятнами проступающие на желтом травяном фоне, вспыхивают за секунду-другую. Этак может задеть и нас, дом-то деревянный!

...Пламя над мертвым городом, пламя над мертвой страной, пламя над мертвой травой, пламя над мертвой землей. Желтое пламя, черная гарь... Чем прогневил ты богов, Херсонес?..

Соседи здесь впервые, посему спешат предложить нечто радикальное — сбить огонь на нашем фронте, выкопать ров. Или пустить встречный вал огня, как поступают в тайге.

Не знаю, как в тайге, но здесь можно с тем же успехом сразу поджигать домики... Ну, вперед, хватай лопаты, если остались!

...Огонь переваливает через бугор, гоня перед собой стаю перепуганных пляжников, дымит и вспыхивает маленькая рощица, где мы так славно выпивали в первый вечер, занялась трава у тропинки. Дым окутывает «Базилику в Базилике», горячий воздух дрожит, становится неправдоподобно вязким. Но все-таки пронесло — пламя останавливается у древних камней и уходит в сторону, выжигая травянистую лужайку. Со стороны сараев с воем, переваливаясь на каждом бугре, ползет красная машина с лестницей на крыше. Ну, это уже эпилог...

Теперь от склона Западного городища и до базилик лежит черная дымящаяся пустыня, где странно смотрятся чудом уцелевшие травяные сгустки. Над мертвым городом клубится запах гари...

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С. 28—29.

...Оптимисты-археологи любят упоминать о том, что на руинах погибших городов и селений жизнь «не прекращалась». Более того, через век-полтора страшные последствия войн и погромов стали забываться, и на месте развалин вновь возникали поселения. Действительно, погибли не все, и потомки этих «не всех» возвели новые города и создали новую цивилизацию, но это был уже другой мир и другое время...

...Тропинка пуста. Пожарище осталось за спиной, и я стараюсь не оборачиваться. Под ногами серая пыль, и хочется одного — ни о чем не думать, просто идти по много раз топтанной земле. Марсианский ландшафт, подступивший вплотную к нашей Веранде, смотрится как-то особенно тяжело. Черный Херсонес... Это даже хуже, чем можно было ожидать.

Обычно я замечаю встречных сразу, если, конечно, есть настроение. Вероятно, на этот раз такого настроения нет, и я вздрагиваю, когда меня внезапно окликают. Впрочем, ничего внезапного нет — О., похоже, давно поджидает меня. Все правильно, мы как раз у Перекрестка Трех Дорог. И на этот раз обходится без всякой телепатии, просто наш домик видно как на ладони, и встретить меня здесь не составляет труда.

Ну что ж, пошли вместе. Дорога привычная, почему бы не пройтись ею снова. Ничего уже не изменишь, да менять было поздно, все решилось еще тогда, в невозможном прошлом, два года назад. А теперь ушедшее ушло, осталась лишь серая пыль под ногами, лишь черная гарь за спиной...

...Прощай, мы с мужем уезжаем из Харькова, далеко, навсегда, прощай, вспоминать не прошу...

Над сухой желтой травой — вечерние тени.

На Веранде застаю оживление. Жалкие остатки нашего экипажа — Лука с Борисом — суетятся вокруг поставленного в центре топчана, которому и на этот раз предстоит выполнять функции праздничного стола. Приближается всенощная — последняя херсонесская ночь. В ведре охлаждается то, что купили еще днем, на столе громоздятся банки с минтаем, а Борис пытается резать хлеб перочинным ножом. Меня тут же награждают титулом сачка и саботажника и усаживают за открывание консервов. Ну, это дело привычное...

Ага, вот и Света!

Великий оптимист Лука, несмотря на все свалившиеся напасти, в наилучшем настроении. Идея отрясти прах и немедленно покинуть сей неблагодарный край уже отвергнута. У тюленя есть план получше. Бог с ними, с ургуянками... Впрочем, всему свое время.

А сейчас самое время наполнять кружки. К счастью, на столе не желтое чудовище, а благородная аква вита. Ну что, дамы, господа и товарищи? Жили мы дружно, весело, можно сказать, интеллигентно. Чем и вписали очередную страницу. За что и надо!..

Надо!

Кружки стучат, отгоняя призраки херсонесской ночи. Пусть остаются там, среди мертвой травы Западного городища, в черном провале Крипты, у полуразрушенных осыпавшихся стен. Мы устали от твоих тайн, Херсонес, все равно нам не разгадать и сотой доли, и тем, кто придет после нас, тоже не разгадать...

Уйдите, призраки!

Слово для спича берет Лука. Почему-то начинает он с краткой, но яркой характеристики всей здешней публики. Характеристика и вправду яркая — Света слегка краснеет за своими стеклышками.

Но говорить об этом Лука больше не желает. К чертям их всех! Лучше он прочтет свою поэму. Новую. Но сначала, само собой, надо выпить — за прекрасных дам!

...За что еще может пить наш тюлень?

Задымливаем «Ватрой», и Лука, собрав воедино несколько вкривь и вкось исписанных листочков, приступает... Да, это свежо! Барков, услыхав такое, немедленно потребовал бы ввести цензуру. Чувствую, что начинаю... Не то чтобы краснеть, но...

Впрочем, Свете на этот раз — хоть бы что. Улыбается. И вправду, экая забавная компания собралась! Вот если бы Лука все это ей переписал...

Лука обещает, и мы снова разливаем. Так славно пьется в эту последнюю ночь!.. Доведется ли так пить через год?

Тюлень решительно провозглашает, что на следующее лето он в эту дыру не сунется. Это Лука заявляет точно, можно сказать, официально. Лучше он отправится в Гурзуф — или хотя бы на АЭС, — если, конечно, там будут водку продавать.

Как ни странно, на этот раз я ему почти верю. Тот Херсонес, к которому Лука так привык, его Херсонес уже в прошлом. А к новым обычаям мы с тюленем адаптируемся плохо. Я, конечно, в Гурзуф не поеду...

...Не поеду в Гурзуф, не поеду в Херсонес, прощальный пир,

последний парад, остановись, мгновенье, замри, застынь, останься...

Между тем наливаем еще раз, затем еще, в голове начинает гудеть кондиционер, лампочка под потолком чуток покачивается.

Кажется, начал все-таки я. Сболтнул что-то о Ласпи, по привычке, не думая. Обычно Света пропускает такое мимо ушей. Но на этот раз...

...Вскакивает, подхватывает упавшие очки — и через секунду уже сбегает вниз по ступенькам крыльца...

Спешу следом, подхватываю ее под руку. Света молчит, стараясь идти побыстрее, но наконец не выдерживает. Странно, но говорит она почти что трезвым голосом.

...Мы все сволочи, думаем о себе невесть что, считаем ее дурой, смеемся, хвалимся невесть чем. Ее знакомые в Южно-Сахалинске лучше нас в тысячу раз, они хоть, может, и не такие начитанные, но знают, как обращаться с женщинами. Не жлобятся на шампанское, водят дам в рестораны, а не по всяким вонючим пещерам.

Ну да, конечно. В Ласпи...

...Да, все оплачено! Света смотрит на меня с откровенной злостью. Там, по крайней мере, все честно. И лучше уж чтоб платили, чем общаться с такими идиотами и жлобами!..

Что уж тут сказать? Пойдем, провожу...

...Все та же трава, все та же луна, все та же дорога... Глупо, мы снова чужие, глупо, глупо, глупо...

На Веранде свет потушен, Борис уже дремлет, а Лука ждет меня в компании с двумя недопитыми кружками. Ну, будем, что ли? Нет, все в порядке, все живы. И пора спать.

Лука проявляет редкое благородство. Я на его месте тоже не стал бы злорадствовать, но тюлень честно пытается поговорить о чем-нибудь отвлеченном. Отвлеченном — и приятном. Хотя бы о том, зачем мне ехать сюда на следующий год вместе с Д.? Не лучше бы по старой памяти махнуть вдвоем в Гурзуф, тюлень недавно узнал пару адресов. Там такие девочки!..

А еще лучше, чтобы я организовал собственную экспедицию, где-нибудь у моря, поближе к Южному берегу. Ведь я же имею право...

Имею, Лука, имею. Возьму в Институте археологии лист,

куплю кирку. И будем мы работать втроем: Борис — копать, я — командовать, ты — водку доставать.

Тюлень тут же соглашается и предлагает внести в штатное расписание будущей экспедиции еще и пару особ прекрасного пола.

Здесь бессмысленно дружбы искать фронтовой.
Мы расходимся, только закончился бой.
Шумный Харьков. Кивнем еле-еле при встрече
И забудем на год. Это нам не впервой.

Веранда смотрится голой и ободранной. Собственно, она и есть голая и ободранная — вещи лежат на лежаках, рюкзаки уже наготове, даже гвозди выдраны из стен и сложены в жестяной коробок. Не Толику-Фантомасу же их оставлять!..

...Руины посреди руин. На руины пришли, от руин уходим. За нами — пустыня, разор, ничто...

Рабочая тетрадь. С. 47.

...Основные итоги экспедиции.

Намеченное выполнено. Работа шла без сбоев, серьезных травм и болезней не было. В результате работы отряда «Стена» удалось подтвердить сделанные ранее предположения относительно времени постройки и общей стратиграфии Казармы.

Недостатки: три потерянных дня, постоянные опоздания на раскоп, низкий уровень ведения документации (отсутствие фотодневника, плохие рисунки). Слишком много кадрового «балласта», что неизбежно (практиканты).

Три похода (Каламита, с Виктором и Мангуп).

Перспективы работы на участке Казармы в следующие сезоны сомнительны:

1. Д. — чужак в Херсонесе, его быстро укатают вплоть до того, что заберут участок.

2. При Д. мне ничего не светит.

Поговорить с Сибиэсом о Крипте (маленькая экспедиция?)...

Да, Борис, считай, и все. Надо еще напоследок искупаться, так сказать, генеральское купание. С Сашей попрощаться... Ну, и у меня есть еще одно дело. По археологической части.

Пока же настало время ежегодного обряда — давнего и непременного. Собираем то, что уже ни за что домой не забе-

решь. Рваные кроссовки Бориса, мои старые сандалии, разодранная в клочья майка... Все это развешивается на ветвях растущего невдалеке тамариска, нашего Дерева Фей. Все-таки в душе мы остаемся язычниками! Дерево Фей — странный и смешной залог того, что мы сюда еще вернемся. Если сможем...

...Обрывки среди ветвей, обрывки судьбы, обрывки мечты, смешные, ненужные, бесполезные, глупые...

Лука куда-то пропал, однако вещи его уже собраны. И где это тюленя носит? Ладно, Борис, будь на хозяйстве, а я схожу. Последний парад... Ну, ежели последний уже был, будем считать его репетицией будущего.

...И снова наши раскопы, серая пыль под ногами и чайки, неторопливо гуляющие по древним кладкам. Наш триумвират сегодня в полном составе: Сибиэс выписался из больницы и пришел взглянуть на результаты содеянного. Мы не одни, рядом суетятся здешние небожители — две неопределенного возраста дамы, двое бородачей, Бабушка Асеева. С ними, само собой, Гнус — стоит на стенке, темные стеклышки на носу, голова мотается в разные стороны. Его Величество мух отгонять изволят.

Утром Д. докладывал на итоговом совещании. Доложился хорошо, небось три дня готовился. Теперь синклит пожаловал сюда — полюбопытствовать, так сказать, in situ.

Д. поясняет, что к чему. Сибиэс молчит — новый вождь должен входить в курс дела. Я тоже помалкиваю, хотя речь идет о Стене, о моей Стеночке, которая как ни крути, а все же гвоздь сезона. Однако я понимаю, что она никакая не моя и что сейчас Сибиэс не только представляет отцам Хергорода будущего начальника экспедиции, но и передает ему все наши владения — вместе со Стенкой, само собой. Значит, так тому и быть... А рассказывает Д. неплохо, память у него цепкая, да и голос громкий, фельдфебельский.

Сообщение принято с должным пониманием. Все это уже известно, и нынешний доклад носит скорее церемониальный характер. Разве что Гнус считает необходимым проскрипеть по поводу нашего отвала. Ссыпаем, понимаешь, землю в соседний раскоп, не желаем, понимаешь, таскать ее за двести метров к морю. Экспонаты портим, понимаешь!

Вот зануда, право слово! Сам же через месяц будет все эти

помещения консервировать — засыпать этой же самой землей. Мы же тебе полработы выполнили, клоп неблагодарный!

Впрочем, на выбрык Гнуса никто не обратил внимания. Привыкли!

Комиссия без излишних слов отбывает, и мы остаемся на раскопе втроем. Наш триумвират в последний раз занят общим делом. Дело, правда, серьезное — Д. озабоченно сообщает, что все его переговоры ни к чему не привели. Балалаенко балалает, Гнус гнусит. В общем, как и следовало ожидать, а значит, следующий сезон, мягко говоря, под вопросом.

Сибиэс молчит. Думает... Пока он еще начальник, думать положено ему.

...Неужели все, Сибиэс? Неужели ты уйдешь, Сибиэс? Неужели бросишь нас, Сибиэс? Зачем же так, Сибиэс?..

Мое дело уже почти что сторона, не мне тут править бал. Но все-таки... Но все-таки рискну предложить. Для нас самое главное — продержаться сезон, в крайнем случае — два. Стенку так или иначе надо будет копать, и Балалаенко с Гнусом никуда не денутся, без нас все равно не осилят. Значит, надо тянуть время, а посему на год грядущий размахиваться не станем. Добьем улицу, водостоки доведем до ума. И здесь копнем, где перемычка между помещениями и улицей. Мелкая, но все же работа. На месте стоять не будем — а там и к Стеночке подберемся.

Д. явно недоволен. Наверняка он уже видит свою первую экспедицию в блеске десятков синхронно взлетающих кирок, в скрипе многочисленных тачек. А тут такая сусанинщина! Ничего, все мы поначалу мечтаем о Великой Экспедиции. Это скоро пройдет.

А Сибиэс, напротив, заинтересован. Он и сам думал о том же, даже обнаружил еще один подходящий объект — наш небольшой дворик с колодцем, а там еще копать и копать. Так что Балалаенку точно пересидим!

Д. размышляет. Ну и пусть размышляет, теперь уже это его хлеб.

У ворот прощаемся с Сибиэсом. Вроде в этом сезоне мы его не подвели. Вырастил, так сказать, выкормил... Будь здоров, вождь, отдохни от нас, в сентябре увидимся.

Ну, хайре!

Хайре! Сибиэс идет к воротам, оборачивается, машет нам

рукой и спешит к желтому «Икарусу», который уже рычит, собираясь отъезжать.

Переглядываемся с Д. И это уже позади. Держи сигарету, пустим дым! Так, во сколько у нас сегодня поезд?

Идем к сараям — у Д. есть еще дела со сдачей того, что обычно называют имуществом экспедиции. Ну, будем считать, что и это имущество... Впрочем, уже на следующее лето, Д. уверен, у нас будет все — а если не все, то, по крайней мере, матрацы. Может быть, даже подушки...

Проходим мимо развалин театра и сквозь густые пыльные кипарисы наблюдаем гордого Акелу. Старик что-то горячо объясняет Гнусу с компанией. Ага, комиссия опять ищет блох! И копает Акела не так, и нашел не то, и не театр это вовсе, а если и театр, то Акела его давно снес по малограмотности... В лицо не скажут, но намекнут. И уже давно намекают.

Старик сердится, бьет ногой о землю, тычет мощной загорелой ручищей куда-то в месиво кладок. Нет, Акелу с херсонесской земли так просто-запросто не сгонишь, это его земля... Старый Волк хватает одну из дамочек под руку, подводит ее к очередной яме. Начальница покорно следует за ним, остальные подтягиваются сзади, а старик все говорит и говорит, чуть покачиваясь корпусом и тыча ручищей в покрытые серой пылью камни. Силен, силен!

Силен, соглашается Д., но вот методика его, честно говоря... Копает, как Косцюшко!

Ох уж эти Шлиман с Косцюшкой... То ли дело мы!

...Линейки, веники, чертежная доска, два деревянных метра... Все экспедиционное имущество умещается в маленьком закутке необъятного монастырского подвала. Кирки и лопаты лежат рядом. Теперь уже точно все — кроме, само собой, прощального купания. Да, я тоже иду. Встретимся на камнях!

Борис уже собрал рюкзак и явно начинает тосковать. Отрываю его от этого занятия, и мы спешим на пляж. Генеральское купание — последнее, самое сладкое.

Солнце печет, как и в тот, уже далекий, первый день, на море тишь да гладь, и мы заплываем подальше, где реже встретишь вездесущих пляжников. Дальше, дальше... И не спешить — полежать на спине, нырнуть, снова полежать...

...Полоска берега, неровный строй колонн на холме, серая громада храма Владимира...

На скалах собралось все общество. Сенатор с супругой и юрким Женькой готовят к спуску на воду полосатый надувной матрац, Д. уже успел выкупать свое семейство и теперь за что-то распекает младшую дочку, Володя со Славой режутся в карты. Стеллерова Корова... Она, само собой, в воде — вместе с Ведьмой. Жаль, что в Черном море акул-людоедов не встретишь!..

Так, а где Лука? Здесь, здесь тюленчик наш, здесь. И не один. Ах, вот на что, Борис, он вчера намекал!.. Это ведь Старая Самара!

Лука на боевой тропе — глаза блестят, усики дергаются в такт речам, которых нам отсюда не услыхать. И не для нас они предназначены. А Старая Самара одаривает тюленя взглядами, от которых усики двигаются еще быстрее. Молодец Лука, вот, Борис, что значит оптимизм! А Самара еще ничего и даже очень ничего. Кто это, интересно, назвал ее Старой? Неужели и вправду я?

...Грациозна, прекрасна, обольстительна, шарман, блеск, восторг, юные поручики стреляются у ворот, взгляд сквозь веер, сквозь дымку соблазна, сквозь огонь страсти...

Пора собираться. Можно, конечно, еще посидеть на прощание, полюбоваться остатками нашей орды, поглядеть на коленца Луки, которые с каждой минутой становятся все более занимательными. Но — не стоит, раскиснем на солнце, а нам еще топать с рюкзаками. Да и проститься надо, не все же на пляже.

...Прощальные визиты коротки. В фонды к Тамаре Ивановне. К соседям. К Саше... Ну вот, вроде всем все пожелал. И мне пожелали. Теперь можно просто пройтись — не спеша, без всякой цели. Сквозь высокую желтую траву, по обгорелой, пахнущей золой саванне и дальше, к тому обрыву, где всегда, даже в штиль шумит море...

За спиною желтое травяное поле, под ногами — скала, а ниже торчат черные зубья, о которые лениво трутся волны. Бешеное солнце разогнало даже чаек, где-то там, за неверной голубизной, оскалил зубы Небесный Пес...

...Прощай, прощай, прощай, недоступная земля, недоступная тайна, недоступная вечность, ухожу, исчезаю, прощай, хайре...

Рабочая тетрадь. С. 47—48.

...Крипта (итоги исследования).

1. Геомагнитная аномалия Херсонеса заметно воздействует на природу в целом, климат (дожди!), животных (эндемики) и, вероятно, на человека.

2. По свидетельству Страбона, херсониты не сразу построили город на этом полуострове, а переехали сюда из «старого Херсонеса». Возможно, это место казалось им более защищенным (богами?) именно в силу наличия аномалии и указанной выше особенности климата.

3. Воздействие аномалии приводит к тому, что некоторые каменные сооружения (базилики) в силу непонятных пока особенностей их архитектуры приобретают «энергетический контур», то есть меняют направление магнитной стрелки, как в одну, так и в другую сторону. Возможно, этому способствует некое излучение (?), идущее из глубин каменного плато...

Борис уже вынес вещи и начинает беспокоиться. Вот он я, вот. Не опоздаем, еще вагон времени. Та-ак, рюкзачок ты мой... в цементном крошеве... собирайся ты домой, да по-хорошему... Готов! Стоп, а где Лука? Вещи-то его тут...

Лука появляется только через четверть часа, когда мы докуриваем по второй сигарете и начинаем понемногу злиться. Тюлень ведет себя как-то странно — распаковывает чемодан, роется в вещах, затем снова начинает паковаться, после чего решительно заявляет, что никуда уезжать не собирается. То есть отсюда он уедет вместе с нами, но не на вокзал. Он тут присмотрел недалеко квартирку... А вечером пошлет домой телеграмму про срочный вызов на Крымскую АЭС — на предмет аварии реактора...

Ай да тюлень! Разве что не стоит в телеграмме про реактор, а то быть панике по всей Руси великой. Ты уж что-нибудь про внеочередной симпозиум... Ну, тебе виднее.

Лука заявляет, что ему действительно виднее и что он уже все рассчитал. Муж Самары появится не раньше чем через неделю. Психологическую подготовку тюлень уже провел. Дело тонкое, но он уверен в успехе...

...Это еще кто в чем уверен! Самара когда-то в таких делах могла дать тюленю сто очков форы. Правда, сейчас она — сама добродетель, особенно в Хергороде, где не спрячешься. Да еще

при дочке... Но не стоит разочаровывать Луку, пусть себе. Может, это и есть его приз?

...Удачи, тюлень! Не подкачай, тюлень! Мы с тобою, тюлень! Мы гусары, тюлень!..

Ну что, пора?

Лука заключает нас с Борисом в объятия, обещая тут же позвонить по возвращении. Вот тогда соберемся да такое устроим, такое... Заткнем за пояс Херсонес!

Эх, Лука, всегда мы договариваемся встретиться после, да не всегда встречаемся. Сам знаешь, дома мы совсем другие. Дай бог, чтобы я ошибался. Если не звякнешь, сам позвоню. Ну, бывай!

...Только не вздумай Самаре читать свои опусы! Она дама утонченная, для нее и Бодлер — порнография.

Лука обещает учесть, взгромождает на себя рюкзак и резвой трусцой направляется к дороге, ведущей сквозь Западное городище в сторону его нового логова.

Хайре, Лука!.. Ну что, Борис, пора и нам.

Вещи уже на улице, мы стоим у крыльца, докуривая перед походом. Откуда-то из зарослей появляется Толик-Фантомас и начинает нерешительно топтаться невдалеке. Снова смена караула. Все возвращается на круги своя, и Фантомас готов вновь занять свои чертоги.

...Вороны над камнями — жадные, наглые, крикливые, нахальные, бесстыдные...

Ну, пошли!

Рюкзак с непривычки кажется свинцовым, и первое время глаза видят только метр пыльной дороги впереди. Лишь у Эстакады я оглядываюсь.

...Высокий холм, скрывающий Западное городище, наш опустевший домик с острой красной крышей, скалы у гладкого недвижного моря, кварталы серых кладок на месте Северного района. Белое жаркое небо, желтая трава, черные проплешины гари... Город на полуострове.

Хайре!..

Плечи постепенно привыкают к лямкам, и тамарисковую аллею мы проскакиваем быстро. Площадка у ворот, с которой виден весь Портовый район, песчаный берег Карантинки, вагончики Урлага... Вот и наши раскопы, через месяц они уже зарастут, зимние дожди размоют кладки, а туристы доделают

остальное... Увы, так было всегда. А Казарма устоит — странное здание с желтыми полуразрушенными стенами. Где-то там, не видная отсюда, и моя Стена...

Хайре!

Бабка в воротах не чинит нам препятствий, поскольку на этот раз мы проходим калитку с другой стороны. До встречи, бабушка, все-таки постарайтесь нас запомнить. На всякий случай...

Улица Древняя идет то вверх, то вниз, лента асфальта под ногами тянется бесконечно, рюкзаки дают о себе знать, и разговаривать совсем не хочется. Автобус будет не скоро, мы идем к трассе, чтобы попытаться взять штурмом троллейбус. Возле одного из домиков Борис вопросительно смотрит в мою сторону. Именно здесь квартировали Змеи, тут, по версии «Херсонесише беобахтер», Лука в пылу оргии продумывал план эмиграции на Сахалин... Нет, Борис, перекуривать не будем, лучше подождем до остановки.

Троллейбус переполнен, за спинами и головами почти ничего не видать. Вот сейчас, слева должен быть храм Владимира... Вот он! Значит, действительно все!..

...Прощай, прощай, хайре, прощай, хайре, хайре, хайре...

До поезда еще более часа, мы ставим вещи невдалеке от камеры хранения, в тени старых платанов. Постепенно сюда сбредается вся наша публика и, оставив часовых, расползается в поисках мороженого и газировки. Бог с ней, с газировкой, лучше просто побродить, ноги размять. В поезде еще насидимся. Был бы здесь Лука, сразу вспомнил бы, как мы в вокзальном ресторане в прежние годы каждый раз пили чешское пиво. Теперь какое уж пиво, ресторан — и тот закрыт!..

Время тянется медленно, и я забираюсь под тень платана, истребляя сигарету за сигаретой из предпоследней пачки. Ты прав, Борис, надо еще оставить на поезд. Ничего, до Харькова хватит.

Рабочая тетрадь. С. 48.

...4. Подземный храм (Крипта), считающийся раннесредневековым христианским памятником, не был и не мог быть тайной христианской церковью. Вполне вероятно, он был сооружен на месте языческого святилища, возможно, главного святилища Херсонеса, посвященного небесному покровителю или покровите-

лям (Деве? богине Херсонас?). Был ли это Састер, предполагать пока рано.

5. Языческое святилище, если оно и в самом деле существовало, было построено в центре аномалии, следовательно, имело наибольший «контур». Эту его особенность могли использовать в соответствующих обрядах. Святилище было тайным, хорошо замаскированным, что позволяет предположить также использование его в качестве тайника для каких-то городских реликвий (статуя Девы?).

6. После победы христианства Крипта, перестроенная в V веке н. э. (или чуть позже) в подземный мавзолей, сохраняла свои особенности («контур»), что могло быть использовано служителями новой религии в тех же целях, что и прежде.

Вот, пожалуй, и все.

Сибиэс считает, что нужно:

— В ближайшие месяцы поднять всю литературу по подземным святилищам Востока, языческим и христианским (аналогии!).

— Связаться с Колей Немно из Мелитополя (архитектор).

— К весне подобрать группу из пяти-шести человек...

Наконец разведка докладывает, что поезд подан, и мы, вновь взвалив на горбы наш цыганский скарб, идем на платформу. Вещи брошены на сиденья, мы стоим у вагона, коротая оставшиеся минуты. Д. с Сенатором курят, и Шарап наставительно вещает младшему коллеге о чем-то важном. Их супруги, стоя поблизости, совещаются, вероятно, по не менее значительному поводу, Стеллерова Корова, размахивая ручищами, что-то рассказывает Ведьме, та хихикает в ответ.

О. стоит совсем близко от меня и о чем-то говорит с братом...

Ко мне подкатывает Слава и с энтузиазмом неофита сообщает, что в следующем году обязательно сюда приедет, здесь куда интереснее, чем в тех полевых экспедициях, где он бывал. Он хотел бы писать диплом по Херсонесу, только не знает, возможно ли это...

Вы правы, Слава, здешние места особенные, и будет очень хорошо, если вы нас смените. Только вам придется брать с собой будильник: Д. — мужчина строгий. А что касаемо диплома...

Внезапно Борис, о чем-то толковавший с Володей, толкает меня в плечо, кивая при этом куда-то в сторону.

Извините, Слава, мне кажется... Или не кажется...

Света, поблескивая стеклышками очков, идет прямо к нам. Замечаю, как смолкают и настораживаются Корова с Ведьмой, О. отворачивается и продолжает что-то говорить брату. Без особой уверенности делаю несколько шагов вперед.

Ну, здравствуй!..

Привет...

Поезд свистит, народ начинает толпиться у вагонных дверей, невидимый локомотив дергает, затем еще раз, вагоны трогаются с места.

Все отлично, Свет... Счастливо!.. Мой адрес в Харькове! Помнишь, я записал тебе мой адрес...

...Поезд уже движется, времени не остается ни секунды, я успеваю лишь сорвать с головы синюю кепку с угрожающей надписью «Дикий кот» и надеть ее на голову Светы. Кепка оказывается чуток великовата, съезжает на левое ухо...

Вскакиваю на убегающую подножку. Света поправляет «Дикого кота», машет рукой, проводник оттесняет меня от двери, я вдыхаю затхлый дух вагона, дух Возвращения, а колеса уже стучат, пересекая незримую границу Настоящего и Прошлого, и злое созвездие Пса гаснет в небе...

Храм недвижен и тих в ярком свете луны.
Темен вход, и войти мы туда не вольны.
Сколько лет я хочу разгадать его тайну!
Но молчит мертвый храм среди мертвой страны.

27.05.01.
г. Вильнюс.

Здравствуй, дорогой Андрей!

Целиком с тобой согласен. Меня самого тошнит от звездолетов, баронов, драконов и тем более профессоров Петровых и шпионов Густопсиди — от всего, чем увлекаются современные (и не только современные) фантасты. Но твоя идея меня все-таки удивила. Может быть, потому, что мы не привыкли воспринимать происходящее с нами самими как нечто фантастическое.

Конечно, я не против использования для романа наших ма-

териалов. Более того, такой роман совершенно необходимо написать. И не только из-за самой Крипты. Пусть твоя книга станет памятником нашим друзьям-археологам и всей эпохе — эпохе пытливых и неравнодушных людей 90-х.

Что же касается твоей просьбы изложить более или менее обобщенно результаты наших исследований, то попробую, хотя нашел я в своих записях не так уж и много.

Но — попытаюсь.

I

На мой взгляд, Крипта представляет собой объект, исключительный для Херсонеса, и по расположению, и по описанному тобой «лунному эффекту», и, конечно, по архитектуре. Крипта — действительно необычный архитектурный памятник. Ее особенностью, не характерной для средневековой архитектуры Крыма, является прежде всего яйцевидный свод (хотя недавно было высказано предположение, что своды были не яйцевидные, а конусные). Вместе с тем Крипта имеет сходство с некоторыми аналогичными средневековыми постройками Крыма. Среди них:

— Часовня в Бакле.

— Церковь Успенского монастыря.

— «Церковь с ризницей» на Тепе-Кермене.

Все эти сооружения вырублены в скале и имеют форму, близкую к базилике, однако их конструкция значительно проще по сравнению с Криптой, своды отсутствуют, хотя определенный «намек» на них можно заметить.

II

С планировкой Крипты сейчас кое-что прояснилось. Помнишь, мы предполагали, что в ней было два помещения (под лестницей и у алтаря)? Так вот, в VII—VIII веках «Помещения с лестницей» уже не существовало. Возможно, раньше что-то под лестницей и размещалось, но позже все было замуровано.

Сооружение Крипты потребовало немалого труда. Верхний слой скалы приходилось снимать в неимоверно тяжелых усло-

виях; дальше шла порода более мягкой тектоники, и ее, как ты понимаешь, рубить было легче.

Подземный храм действительно содержал «окно», ведущее наверх, оно находилось над алтарем. Решился и вопрос о лестнице. Уже ясно, что она не могла идти к самому алтарю. Лестница шла до того места, где обрывается сейчас, после чего делилась на две, идущие с боков Крипты и постепенно спускающиеся под сделанную из плинфы арочку, переходящую в свод. Возможно, в районе ответвления лестниц существовала небольшая площадка. У алтаря, по всей видимости, была маленькая ограда.

Крипта имела как минимум три периода реконструкции:

1. IV—V вв.
2. VII—VIII вв.
3. X—XI вв.

На момент VII в. внутри она была покрыта светлой штукатуркой, имеющей алую кайму с голубой полосой у поля.

Яйцевидный свод, форма и планировка Крипты говорят о сходстве с сирийским типом подземных храмов.

III

Найти убедительные доказательства дохристианского периода существования памятника пока не удалось. Однако это не исключено, по своей архитектуре Крипта вполне могла быть мавзолеем (или святилищем) эллинистического времени (за исключением сводов, сооруженных уже в IV—V веках или даже позже). Возможно, Крипта и была загадочным Парфеноном, храмом Девы, где прятался святой Василий, епископ Херсонесский.

Загадок тут много. Эллинистический строительный период в Крипте, как мне кажется, все-таки присутствует, но почему, если это был Састер, его место не на агоре, где-нибудь возле главного храма? Да и алтарь для богини Девы в Крипте слишком мал.

Римский период тоже был, но о нем ничего не известно, кроме находок монет этого времени.

О более поздней, христианской эпохе мы можем сказать ку-

да больше. Характерные стенные ниши определенно говорят о мавзолейном типе сооружения. Не мавзолей ли это Св. Климента? Правда, Климента бросили в море при Траяне. Да и с чего христианам хоронить Святого в языческом храме?

Стенные ниши, где раньше был, вероятно, захоронен пепел настоятелей храма (я имею в виду не упомянутую тобой «погребальную» нишу, а те, что над нею и на противоположной стене), говорят о нескольких поколениях священников, служивших в этом храме. Значит, церковь действовала лет четыреста как минимум. Возможно, настоятелей там хоронили лишь первое время, потом языческий обряд трупосожжения у христиан ушел в прошлое — и появилась «погребальная» ниша, то есть костница.

IV

Теперь о непонятных явлениях, связанных с Криптой и в целом с Херсонесом.

Удалось доказать, что Подземный храм обладает своим постоянным микроклиматом, влажностным и температурным режимом. Именно это помогло Крипте уцелеть, несмотря на все разрушения. Еще более интересно, что внутри объекта присутствует очень удивительная сейсмика. Как выразился один мой знакомый физик: «Сейсмическая волна сохраняет здесь свой поток уже в течение 1400 лет». Именно исследование этой «застоявшейся волны» сейчас представляется мне наиболее перспективным. Не исключено, что все наблюдаемые нами эффекты, включая тот, что Борис именует «лампой», связаны именно с нею.

Кстати, тектоника Крипты доказывает, что она не могла быть цистерной. Увы, в этой области я не специалист, остается поверить знатокам.

Отклонение стрелки на компасе («контур») до сих пор остается загадкой, хотя кое-что и здесь начинает проясняться. По данным геофизиков из Питера, которые изучали это место со своей аппаратурой, какая-то электромагнитная волна из глубины скалы действительно идет. Они затрудняются с определением причин этого явления. Иногда такие вещи наблюдаются на местах месторождений железной руды. В последние годы появилось очень много публикаций относительно подобных мест, именно с геомагнитными аномалиями связывают такие явления, как «птицепад» на севере Индии, исчезновение людей в Аргентине, «видения прошлого» на юге Франции. Возможно, скоро удастся построить непротиворечивую теорию.

Что касаемо моментов, связанных с экстрасенсорикой, в том числе воздействия аномалии на психику живых существ, то разобраться с этим очень сложно. «Странности» Херсонеса сейчас охотно признаются даже на страницах научных монографий, но от этого вопрос яснее не становится. Возможно, именно здесь проходит очевидная, хотя и внешне неприметная граница Познания.

Кстати, ты оказался прав — в Херсонесе действительно появилось нечто вроде секты, проводящей у Крипты целые ночи.

Итак, Крипта заслуживает дальнейшего изучения прежде всего на базе новых источников. «Вписать» Крипту в общую канву херсонесской истории пока сложно, хотя наша версия, конечно же, имеет право на существование. Был ли это действительно Састер? Служила ли Крипта своеобразным оракулом или даже «пультом управления» города? Боюсь, правду мы узнаем нескоро.

Порой я жалею, что нет в живых тех монахов, что копали в этом районе до Одесского археологического общества. Они могли найти больше источников по Крипте. Может, стоит перетрясти монастырские архивы?

Ты прав, Крипта — действительно немалый кусок нашей жизни, причем далеко не худший и небесполезный. Даже умники из «большой» науки начинают это понемногу признавать. Впрочем, что нам до них?

Надеюсь, что помог тебе. А в Херсонес мы обязательно вернемся, тут и сомневаться нечего. Сейчас намечается один очень интересный вариант, о котором — в следующем письме.

P. S. В памятную нам обоим историю с флейтой все эти любители баронов-драконов действительно не поверят. Но разве дело только во флейте? А черные собаки, которые кружили вокруг нашего костра той ночью? Куда там Конан Дойлу! Признаться, я и сам до сих пор не понял, куда нас тогда занесло. Горы, древняя дорога, разрушенный алтарь, весь вечер и всю

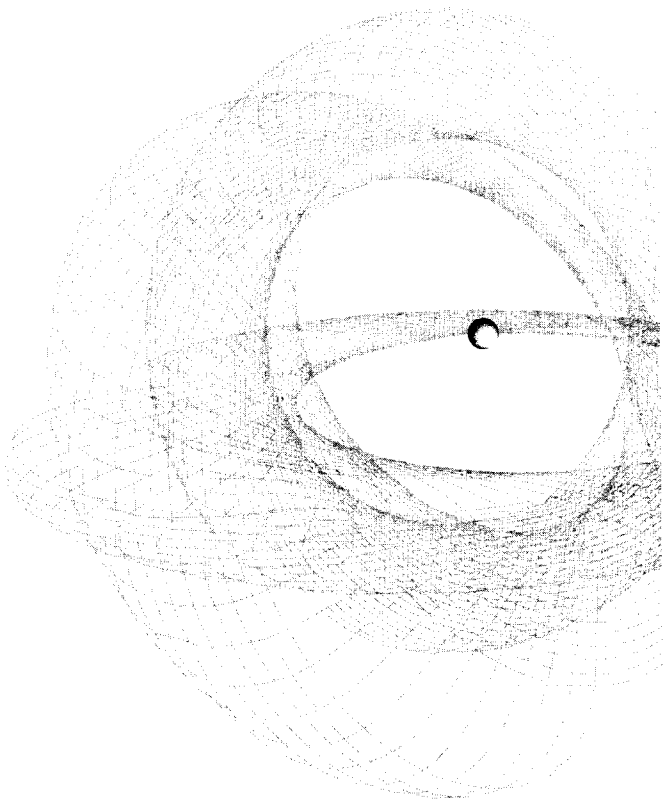
ночь кто-то играет на флейте... А то, что мы увидели на рассвете! Разве что ты напишешь о том, как двое археологов забрели в гости к Пану...

Твой Андрюс.

В книге использованы материалы Сергея Борисовича Сорочана, Бориса Вадимовича Успенского (Харьков) и Андрюса Мишриса (Вильнюс). Всем им, своим товарищам по Херсонесу, автор выражает искреннюю благодарность.

ОМЕГА

РОМАН

Папка первая

АД И РАЙ

«Столько маяться, — бормотал полковник Аурелиано Буэндиа. — Столько мучиться, и все для того, чтобы шесть педерастов убили тебя, и ты ничего не можешь поделать». Он все повторял и повторял эти слова, а капитан Роке Мясник, приняв его ярость за пыл благочестия, решил, что он молится, и был тронут.

Габриэль Гарсиа Маркес

Универсум — Будущее — может быть лишь сверхличностью в пункте Омега.

Пьер Тейяр де Шарден

1—9 августа 2004 г.

ФАЙЛЫ 1—25

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

1

9 июля 2002 г. в пакистанской провинции Пенджаб старейшины приговорили 18-летнюю учительницу Мухтиар Маи к групповому изнасилованию. Несчастная девушка подверглась столь зверскому наказанию лишь за то, что ее младший брат, принадлежащий, как и она сама, к племени гуджар, был замечен рядом с девочкой из племени мастой, имеющего более высокое социальное положение. При большом скоплении народа на центральной улице поселка девушку раздели и подвергли

экзекуции. А через час, когда четверо негодяев закончили свою «работу», ее, измученную и опозоренную, отправили домой без одежды. Никто из односельчан не осмелился вступиться за несчастную, спокойно наблюдая за выполнением приговора.

2

Святой Федор Стратилат убил змея вблизи города Гераклея Понтийская (совр. Эрегли). В.Х. Кондараки в своем труде «Универсальное описание Крыма» сообщил, что в 1828 году евпаторийский исправник подал донесение, в котором писал о появлении в уезде огромной, с заячьей головой и подобием гривы, змеи, нападавшей на овец и высасывающей у них кровь. Две змеи были убиты местными татарами, считавшими, что змеи приплыли из жарких стран. Уже в XX веке наблюдал «фантастичнейшего из фантастичнейших» змея известный писатель Всеволод Иванов. Но наиболее интересные и полные данные имеются о так называемом «Карадагском феномене»...

3

Небо никогда не вмешивается в дела людские, и гнев небесный — это лишь гнусное орудие лжи и суеверия. Бога нет, и наказания и награды, основанные на этом призраке, достойны такого же презрения, как Он сам. В самом деле, если бы существовал какой-нибудь Бог, которого оскорбляет порок, разве дал бы Он человеку возможность творить зло?

4

Симферополь, 27 июня 2003 года. Из источников, близких к командованию UkrFOR, сообщается, что в ближайшее время будет издана новая инструкция, касающаяся поведения военнослужащих в плену. Теперь в случае пленения солдаты и офицеры группировки обязаны сообщать не только свою фамилию и личный номер, но и национальную принадлежность, причем на двух языках — русском и родном. Эта инструкция, без сомнения, вызовет неоднозначное отношение среди стран

НАТО, учитывая, что такие полевые командиры, как уже ставший «черной легендой UkrFOR» майор Арлекин, проводят «сегрегацию» пленных...

АД

1 августа 2004 г., Крым, вблизи села Лучистое

Пришлось объяснить, что расстрел — такой же вид боевых действий, как и все прочие, поскольку в не меньшей мере служит задаче материального и морального сокрушения противника. Значит, и в этом случае требуется соблюдать уставы и приказы. Нарушение их, в свою очередь, карается по законам военного времени.

Я старался говорить как можно более занудно, без всякого выражения. Крик не подействует, если же повысить голос, обратят внимание на тон, а не на смысл.

Вид у ребят был, признаться, невеселым. Я успел подумать, что Суббота зря назначил на исполнение именно их, новичков, да еще после первого боя. Но отменять приказ — худшая педагогика.

Все четверо из Симферополя, в отряд прибыли неделю назад. Имен, к сожалению, еще не запомнил. В последние месяцы я почти бросил эту преподавательскую привычку. Пусть остаются безымянными, как и десятки тех, что были до них. После войны вряд ли встретимся, а похоронки в отряде не оформляют.

Итак, я напомнил, что смысл расстрела военнопленных не только в наведении ужаса на противника. Это действует лишь в первое время, а после начинается психологическое привыкание, более того, у опытных солдат появляется ожесточенность, что увеличивает стойкость врага. Поэтому мы применяем расстрел лишь к военнослужащим некоторой части вражеского контингента. Результат очевиден: все, кроме американцев и англичан, предпочитают не сражаться до последней крайности, а сложить оружие, зная, что смерть им не угрожает. Предупреждая неизбежный вопрос, я пояснил, что в данном случае отношение к пленным зависит не от международных конвенций, а исключительно от нашей доброй воли. Державы-оккупанты не объявляли войну нашей стране, значит, их воен-

нослужащие юридически являются вооруженными разбойниками.

Кажется, ребята начали успокаиваться. Дело не́ в общеизвестных вещах, о которых шла речь. После горячки боя они вновь ощутили обыденность, рутинность происходящего. Расстрел — просто боевая работа, их отделение — дежурное. Эмоции будут после победы.

Остальное я вполне мог доверить Субботе, но предпочел уточнить лично. Правила расстрела разработаны давно и нарушаться не будут. Акцию лучше всего проводить возле ямы, для чего вполне годится, скажем, дорожный кювет. Объекты исполнения снимают одежду, им связывают руки за спиной, после чего они становятся на колени лицом к упомянутой яме. Расстрел производится индивидуально, выстрелом в углубление между затылком и шейным позвонком, что сводит предсмертные мучения до минимума. Кроме того, сила выстрела отбрасывает тело вперед, избавляя исполнителя от необходимости чистить одежду от крови.

Когда бойцы, откозыряв, скрылись в темноте, я наконец сообразил, что не один. Лолита была уже рядом, не иначе пряталась все это время за ближайшим деревом. Так и оказалось — божье наказание самым невинным тоном поинтересовалось, когда «исполнение» поручат ей. Она, боец Лолита, в отряде второй месяц, стреляет же, как недавно выяснилось, значительно точнее многих офицеров — включая меня самого.

Самое время было дать гюрзе по шее, причем от всей души, но я вдруг понял: подобного она и ожидает. Поэтому ограничился вопросом — желает ли боец Лолита всю жизнь вспоминать взгляд первого из тех, кого придется убить? Именно первого — с остальными будет легче, но первый останется с ней навсегда. Поэтому и завязывают приговоренным глаза, но подобное не входит в нашу стандартную процедуру.

Кажется, дошло. Знакомое фырканье — и божье наказание, резко повернувшись, исчезло во тьме. К сожалению, ненадолго.

Неподалеку ударил выстрел. Всего их будет три — и еще столько же контрольных. Этим Суббота займется сам. Нехорошо так думать о ближнем своем, но с недавних пор стало казаться, что упомянутая «стандартная процедура» доставляет моему заместителю какое-то странное удовольствие.

* * *

— Кем ты пожертвуешь первым — Аргонцем или Субботой?

— Почему я должен кем-то жертвовать?

Лолита тихо дышала рядом. Как и обычно, пришла без спросу, бросила спальник на траву. Карематами в отряде не пользовались — хоть и небольшой, но лишний вес. И лето в этом году выдалось на диво теплым.

Заснуть, впрочем, не удавалось — ни ей, ни мне.

— Ты не ответил.

— А ты спальник застегнула? Простудишься еще!

— Ты не ответил!

До подъема оставалось всего ничего, но этого пока не знал никто, кроме меня и Аргонца. Трофейные машины ждали в соседнем ущелье, и я решил рискнуть — проскочить до рассвета на Караби. Блокпост за Лучистым взял на себя Казачок. Пора бы ему позвонить...

— Субботу отдам последним.

— Так и знала!

Кажется, не угадал. И не угодил. А ведь у Лолиты с моим заместителем почти дружба, при виде же Аргонца она только что не рычит. Не всегда, правда, — жаловаться на жизнь отправляется исключительно к командиру первого взвода. Пойми этих женщин!

К счастью, ее вопрос из серии исключительно теоретических. Пока что.

...Старшему лейтенанту Аргонцу и довелось доложить о появлении этой наглой худобы без особо заметных половых признаков, зато с кольцом в левой ноздре. Из Симферополя прибыли добровольцы, и вот среди них, а точнее, впереди них всех...

Аргонец ничего не сказал, лишь глазами повел. Я решил долго не разбираться, и, заметив, что только Лолиты в отряде не хватает, велел заброде убираться домой, причем немедленно и не оглядываясь. На это мне было тут же заявлено, что она — совершеннолетняя, стрелять умеет, домой же в любом случае не вернется. В отряд Шевченко ее приглашали и даже звали. Очень.

Я поглядел на Аргонца, тот сделал вид, что смотрит в сторо-

ну, потом дернул плечами. Я понял — к орлам Шевченко отпускать девицу нельзя. А вот мы, кажется, влипли.

Кольцо из носа довелось изъять в тот же вечер, как и выдать первое (оно же пока последнее) боевое задание: носить мой ноутбук. Когда пришло время выбирать псевдоним, она назвалась Лолитой. Никто особо не удивился — клички у всех в отряде были странные.

* * *

— А почему ты все-таки Арлекин?

Я невольно вздрогнул — наши мысли совпадали слишком уж часто.

— Уже объяснял.

— Что нужно быть смешным для всех? Ага! Но если серьезно?

— Аллекино — призрак Дикой Охоты из французских легенд. Данте называет его Эликен. Имя одного из бесов.

— Барон Суббота, Аргонский Пес, Аллекино... Старые дяди недоиграли в войнушку.

— Теперь доиграем.

Ночь, странно темная даже для летнего Крыма, тянулась и тянулась, светящийся циферблат «Командирских» горел мертвым зеленым огнем, можно было еще немного полежать, глядя на черные кроны над поляной, слушая, как дышит Лолита.

Если Казачок не справится, придется пробиваться. Не хотелось, и так нашумели. На Караби надо прийти тихо, не спугнуть. Операцию готовили две недели, Аргонец лично ходил в разведку...

— Почему ты запрещаешь ставить палатки?

Неужели замерзла? Поганому поросенку и в Петров пост морозно.

— Так велел Наполеон.

— Наполеон, товарищ майор, велел располагать армию бивуаками. Комранэ ву? Би-ва-ками! И палатки запретил ставить только на виду у противника, чтобы тот не подсчитал количество солдат. А бивак — это в первую очередь костер. И где наш костер?

— При Наполеоне не было вертолетов. А ты откуда это знаешь?

С Лолитой лучше не связываться. Суббота попытался в первый же день блеснуть интеллектом, назвав ее при всех «дамочкой с «Эмдена». И мгновенно получил в лоб: история про ненормальную особу, стремившуюся попасть на немецкий рейдер «Эмден», — обычная газетная байка, о чем уже давно писали серьезные историки. А книги Бунича читать вредно.

Суббота скис. Ненадолго, правда.

— С Аргонцем вы дружили еще до войны? Лет десять?

— Двадцать.

На Караби меня интересовала метеостанция, вернее, то, что в прежние годы было ею. Сейчас там у американцев нечто очень серьезное — настолько, что даже не упоминается в обычных документах. Еще что-то они прячут в Пчелином, но туда лучше пока не соваться. Пока — или уже. Кажется, все-таки уже.

— Арлекин! Если я все-таки засну...

— Не заснешь.

Циферблат! Мертвый зеленый огонь.

— Подъем!

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

5

Альфред Уоткинс, археолог-любитель, фотограф и знаток сельской Англии, стал создателем так называемой «теории леев». Летом 1921 года он посетил деревню Блэкуордайн в своем родном графстве Хирфордшир. Взглянув на карту, он с удивлением заметил, что несколько вершин холмов, увенчанных древними руинами, можно было соединить прямой линией.

В дальнейшем Уоткинсу удалось открыть гигантскую систему прямых линий, соединяющих все примечательные места в окрестностях. Вершины холмов, церкви, стоящие камни, перекрестки дорог, средневековые замки, погребальные курганы и другие освященные временем места представали перед ним в переплетении линий, образующих сложную систему, похожую на паутину.

Спор о леях стал одним из самых сложных и неразрешимых в современной исторической науке.

6

В ингредиенты порошка зомби входит морская жаба Борджия, жалящий морской червь Полихет, травы, кости черепа недавно умершей мамбы и, главное, рыба-собака (Diodon histrix). Все это тщательно перемешивалось и перемалывалось в течение трех дней под ритуальные песнопения до образования однородного желтоватого порошка. Полученное вещество опускалось на один день в гроб с покойницей (у которой ранее была изъята голова) для пропитывания состава исходящей из трупа силой.

Порошок не подмешивался в пищу, как считалось ранее, а наносился на кожу, через 10—15 минут жертва колдовства псевдоумирала, а унган призывал духа смерти — Барона Субботу, который помогал ему запечатать душу несчастного в бутыль, пробкой для которой служил предмет, ранее принадлежавший заживо погребенному.

Весь процесс зомбирования в лабораторных условиях воспроизвести пока не удалось, но химический анализ порошка показал, что большую часть составляет нервно-паралитический яд — тетрадотоксин, превышающий уровень воздействия цианистого калия в 500 раз...

7

СООБРАЖЕНИЕ ПО ПЕРЕВООРУЖЕНИЮ ОТРЯДА (МАЙ 1999 Г.)

Если ориентироваться на трофейный калибр, то: .308 (7.62*51) и .223 (5.56*45), второй распространеннее, первый надежнее для условий леса.

— Автоматы — М16, «фамас», «штейр» (.223), ФАЛ, М14, «хеклер-кох» Г3» (.308).

— Пулемеы «ФН мини-ми», ХК-23Е (.223), М60, Ч358, ХК-21Е (. 308).

Отечественные образцы: «калаши» и СКСы. ФАЛ хорош и достаточно надежен, но трофейные патроны .308 не всегда будут.

Снайперки СВД-С и СВУ. Единый пулемет ПКМ. Для поддержки — РПК, диски лучше китайские (по 100 против наших 75).

Тяжелый пулемет («утес», «корд»).

Против вертолетов — ПЗРК «игла», та же «стрела», но легче. Для прицельного огня по бензобакам: «баррет-82», «штейр-50», «геката-2» или венгерский «гепард» в калибре .50. «браунинг» 12.7*99.

РАЙ

1 августа 2004 г., Крым, Караби-яйла

Рабочая тетрадь, с. 21.
Харьковский Национальный университет им. В.Н. Каразина. Горно-крымская комплексная экспедиция. Июль — август 2004 г. Отряд «Омега».

1 августа отряд прибыл на Караби-яйлу и расположился в пом. бывш. метеостанции. В дальнейшем (в зависимости от погодных условий) предполагается разбить лагерь в районе горы Иртыш.

Состав отряда прежний.

Основные цели работы:

1. Продолжение исследований 2002—2003 гг. по комплексному изучению южной части яйлы, в том числе системы византийских укреплений (т.н. Длинные Стены) и окрестностей горы Иртыш, где предполагается наличие остатков поселения.

2. Проверка теории «крымских леев» с использованием картографического и иных доступных методов.

Примечание: давняя идея фикс Бориса и Андрюса. Не относился всерьез (в значительной степени под влиянием Влада), считая ее чем-то вроде сказок о «крымских пирамидах». Но находки последних лет, в т. ч. обнаружение «Второй Крипты» неподалеку от монастыря Шулдан, заставляют задуматься. Очевидно, что система ближней и дальней обороны Херсонеса, а также поселения на его хоре укладываются в пределы «большого треугольника леев»: Первая Крипта (Херсонес), Вторая Крипта (Шулдан), Святилище Девы — Георгиевский монастырь (мыс Фиолент). Внутри «треугольника» (якобы!) тоже прослеживается четкое деление. Вместе с тем — исследование херсонесского «треугольника» затруднено современной застройкой местности и наличи-

ем закрытых (военных) зон. Караби-яйла в этом отношении перспективнее.

3. Палео- и криптозоологические исследования плато Караби. Проверка информации о т.н. мустангах, Большой Собаке и «змеиных лазах».

Примечание: идея Анны, потому и напросилась. Следить, чтобы без спросу никуда не совалась. Пусть носит ноутбук!..

АД

2 августа 2004 г., Крым, Караби-яйла, бывшая метеостанция

Где-то возле дороги еще стреляли, упорный пулеметчик все не хотел умирать, но здесь, за разбитыми кирпичными стенами, было уже тихо. Суббота, поскользнувшись в кровавой луже, успевшей растечься прямо посреди комнаты, помянул Петровский загиб, а затем не без сожаления констатировал, что на такой войне заработать трудно. Оборудование спутниковой станции, которое мы разнесли в первые же минуты, стоило несколько миллионов, и документы из взорванного сейфа наверняка тянули не на меньшее. Воюем как дикари! Варвары, дикое скопище пьяниц.

После боя от Субботы можно услышать и не такое, поэтому я лишь присовокупил, что им не упомянуты пленные, которых вполне можно было продать в рабство. Или держать в заложниках, подобно нашим коллегам в Ираке, требуя выкуп и красуясь на Интернет-сайтах. Кому война, кому — мать родна.

Суббота поморщился и явно хотел ответить дежурной гадостью, но тут на пороге появился Аргонец, оскалился и сообщил, что всему аминь. Я прислушался — выстрелы и вправду стихли. Оставалось скомандовать отход.

Маршрут мы проработали заранее — прямо через яйлу к Длинным Стенам. Ждать нас там не будут, осторожным янки и в голову не придет, что озверевший майор Арлекин двинется прямо на Южный берег.

С американцами такой фокус проходит. Британцы — те иное дело, с ними в поддавки не сыграешь. Колониальный опыт, сразу видно!

Суббота выбежал отдать приказ (как всегда, поручив все дела безответному Казачку), Аргонец же внезапно поморщился и заявил, что все-таки война — мерзость. Американцы — черт с ними, а вот метеостанцию жаль. Место знакомое, почти родное. Ночевали, чай из здешнего лимонника пили, со смотрителем же и вовсе сдружились, наслушавшись его рассказов о мустангах и Большой Собаке. Оная собака, местный аналог Пса Баскервилей, проживала, как выяснилось, совсем рядом — в ближайшей роще.

Я поглядел на разбитые пулями стены, на кровавую лужу (прежде думалось, что «лужа» — исключительно изобретение писателей-детективщиков) и лишь дернул плечами. Жалко? Пожалуй, нет. Метеостанция — не самая дорогая наша потеря.

Вернувшийся Суббота походя бросил, что у нас убиты трое, еще четверо ранены, одного мы точно не довезем, а затем предложил не уходить, а подождать американские «вертушки». У нас оставалось еще шесть «Стрел», американы же больше трех вертолетов наверняка не пришлют, значит, можно и поохотиться. В крайнем случае мой кровожадный заместитель предлагал оставить группу прикрытия во главе с ним самим.

Мы переглянулись с Аргонцем, тот вновь поморщился, напомнив, что янки в последнее время поумнели. Прежде мы легко выманивали их под огонь, обстреляв блокпост или небольшой гарнизон. Непуганые американы толпой мчались на выручку, что нам и требовалось. Но сейчас такое может и не пройти. Действительно — поумнели.

Вопрос был ясен, и я дал команду на отход. «Их» трупы даже не стали считать — все равно сообщат в новостях. Демократия, никуда не денутся!

Уходя, я поглядел на маленький закуток ада, в который раз остающийся за нашими спинами, порадовавшись, что сумел не пустить Лолиту в бой. Кажется, она поверила, будто сохранность ноутбука не менее важна, чем разгромленная спутниковая станция. Впрочем, я почти не лукавил.

* * *

— Хочу искупаться! Что тебе стоит?

— До моря десять километров, там британцы. Мы и так рискуем.

— Но здесь поляки, ты с ними дружишь! Я второй месяц в Крыму и ни разу не купалась, даже видала лишь издали. Знаешь что, я сама съезжу! К морю — и назад.

В логике Лолите не отказать, в определенной наглости — тоже. С другой стороны, и вправду обидно: быть почти на море и не искупаться! Ведь и такое случалось — купались, только не здесь, не на ЮБК, а на северо-западе, в нейтральной зоне.

То, что мы решили пересидеть в Приветном, тоже можно было назвать определенной наглостью. С поляками у нас в самом деле самые сердечные отношения, но я впервые рисковал всем отрядом. Приветное — маленький поселок, мало ли чей взгляд скользнет ненароком? Помог дождь, мы проскочили незаметно, но так шутить с судьбой, пожалуй, не стоит.

В последние два месяца многое изменилось, причем не в нашу пользу. Прежде «они» воевали по схеме Тойнби: вызов — ответ, причем исключительно по уставу. Мы даже несколько потеряли осторожность — и зря. Весной погиб отряд Чернорога, совсем недавно что-то непонятное случилось с Шевченко и его бравыми отставниками (а если бы я отпустил к ним Лолиту?), нас же... С нами же происходило нечто странное, как будто «они» намеренно позволяли отряду резвиться, отвлекая внимание от главного. Суббота недавно предположил, что нас обкладывают — причем не только отряд, но и всех, кто помогал нам в Симферополе, Киеве и Москве. Ставят капканы, роют волчьи ямы — и ждут нужной минуты. Пока же мы нужны всем, и прежде всего командованию UkrFOR. Без страшного майора Арлекина их пребывание в Крыму сразу же теряет смысл. А тут еще выборы — и американские, и наши, родные.

Я бы уже давно распустил отряд, но, видать, нашла коса на камень. Нам готовят показательную экзекуцию? Ладно, давай показательную! Украинца Чернорога съели, русским Шевченко закусили, меня на десерт оставили? «Евреи — люди лихие, они солдаты плохие»? Ну, поглядим!

— ...Все просто, Лолита. У каждого командира должно быть два заместителя.

— Знаю, об этом еще Виктор Суворов писал. Один думает, составляет планы, второй — погоняло для боя. Значит, Суббота составляет планы, Аргонец... А Казачок? Ты же его терпеть не можешь!

— Не то чтобы... Скорее мы его побаиваемся. Странный парень! Мусульман ненавидит.

— Именно мусульман? Чем они провинились?

— Спроси, если хочешь. Но говорить с нашим лейтенантом об исламе... не очень приятно.

— А почему — Казачок?

— Потому что он Засланный Казачок.

— Ага. И вы все его боитесь.

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

8

Тактика действий партизанских формирований основывается на следующих принципах:

— тесная связь с населением;

— действия преимущественно мелкими отрядами и группами;

— высокая маневренность отрядов;

— знание и умелое использование местности, устройство засад в тактически выгодных местах;

— активное использование условий ограниченной видимости, особенно ночи;

— тщательный выбор объектов воздействия, разработка простых и реальных планов своих акций;

— глубокая разведка, предшествующая действиям отрядов;

— ставка на изнурение сил оккупантов;

— психологическое обеспечение своей деятельности;

— организованные охранение и разведка...

9

Считается, что в основе «Собаки Баскервилей» Артура Конан Дойла лежит легенда о призрачной собаке по кличке Шак (Shuck), известная во многих западных графствах Англии. О собаке-призраке писателю рассказал его друг Флетчер Робинсон, с которым Конан Дойл познакомился в июле 1900 года на борту парохода «Бритт». Вместе с тем не следует исключать, что еще до этой встречи писатель знал немецкое предание об Аргонском Псе...

РАЙ

2 августа 2004 г., Крым, Караби-яйла

Рабочая тетрадь, с. 22.
Харьковский Национальный университет им. В.Н. Каразина. Горно-крымская комплексная экспедиция. Июль — август 2004 г. Отряд «Омега».

2 августа. Полевые исследования не велись из-за дождя. Время было использовано для подготовки.

Соображения.

Основные возражения против «теории леев» (в трактовке Влада) могут быть сведены к следующему:

1. При составлении схемы леев в расчет принимаются разновременные объекты: от неолитических мегалитов до средневековых церквей. Такой подход, мягко говоря, некорректен.

2. Даже если допустить размещение объектов на местности по заранее продуманной схеме, учитывающей в том числе и естественные аномалии (скажем, магнитные), непонятным остается главное: зачем это было нужно «им» и что это даст «нам».

Контрвозражения (Андрюс):

1. Европейский исторический ландшафт весьма стабилен. Чаще всего важные объекты либо накладываются один на другой (дороги, зависимые прежде всего от рельефа), либо сменяют друг друга (храмы разных религий).

2. Выяснить, зачем все это было нужно «им», и составляет одну из наших задач. Некоторые ответы уже имеются (на примере Англии и Германии). Прежде всего, схема леев имела сакральный смысл, включая в себя храмы, святилища и подходы к ним.

Примечание: ха-ха! Когда объект или предмет непонятен, его тут же включают в «сакральные». Сам включал.

Вместе с тем «сакральность» следует понимать широко, в том числе и в оборонительном плане (боги как хранители местности и конкретных населенных пунктов). Пример: наша Крипта и херсонесский «треугольник». Польза же от раскрытия каждой такой схемы очевидна: «нам» легче станет не только искать неизвестные пока объекты, но и лучше понимать их значение. То есть мы получаем своеобразный план местности в историческом «разрезе».

Крым в этом смысле интересен тем, что многие его горные районы, важные в историческом отношении (та же Караби-яйла), практически лишены современной застройки.

Андрюс напоминает об эпизоде из экспедиции 1995 года, случившемся в районе села Подгорное (склон Первой Крымской гряды), когда мы наткнулись на остатки древнего святилища, служившего узлом тропинок, — а заодно на нечто странное, со всей этой стариной связанное.

Примечание: имеется в виду все та же «невидимая флейта», черные собаки и «змеиные норы» на склоне горы.

Влад решительно возражает. Он считает, что собаки прибежали из села, «флейта» — звук транзистора с ближайшей фермы, рассказы же о змеях можно услышать во всем Горном Крыму. Змеи здесь действительно есть (в том числе крупные полозы), а их размеры преувеличены местными жителями из вполне понятных соображений.

Анна просит пояснить, какой это «крупный полоз» рвет на части дельфинов возле Карадага. Влад считает, что полоза зовут «моторная лодка».

В завтрашнем походе к горе Иртыш обязанности распределены следующим образом...

АД

3 августа 2004 г., Крым, недалеко от города Джанкоя

— Арлекин! Ребята, которые погибли... Мы их с собой не возьмем? Нельзя бросать!..

— Поляки передадут их в Киев. UkrFOR отдает наших убитых.

— Паны зацные — такие рыцари?

— Нет, Лолита, не рыцари. Но иначе им пришлось бы долго искать своих мертвецов. В Киеве тоже поначалу... Помнишь, по телевизору было? Какая-то сволочь генеральская перед камерой допрос родителям устроила. Мол, где воевал ваш сын, у кого?

— Генерала убил ты?

— Не я — Шевченко, погибший был из его отряда. Считаешь, своих трогать нельзя? Мы об этом здорово спорили, но, если подумать, какие они «свои»? Хуже полицаев!

— А ты, Арлекин, всем судья? Один из тех ребят, кажется, твой бывший студент? Не хотел бы поговорить с его родителями? Вместо генерала?

* * *

Бельгийского полковника Суббота чуть не расстрелял на месте. Мой заместитель стал и впрямь несколько неадекватен, однако и полковник хорош: не успев поднять руки, стал, наглец, набиваться в друзья.

Мы их здорово разбаловали. Когда датчане, голландцы и прочие бельгийцы сообразили, что их солдат убивать не будут, они тут же приказали своему контингенту в бой не вступать и сдаваться. Заодно начали экономить на конвоях, особенно тут, в степи. Воздушное прикрытие стоит дороже, чем потеря джипа и нескольких единиц вооружения.

За наглость следует наказывать. Чернорог предложил стрелять всех подряд, но мы с Шевченко были против, ведь это и являлось нашей целью. UkrFOR удалось расколоть. Поляки с самого начала заявили, что их участие в оккупационных силах — обычное историческое недоразумение, а теперь за ними потянулись остальные европейцы. Международный террорист майор Арлекин отстреливает только парней Буша-младшего и его «британского пуделя»? Зер гут и мерси боку!

На последней сессии НАТО вопрос о «прочности коалиции и укреплении взаимодействия всех ее участников» обсуждался за закрытыми дверями. Могу себе представить!

Но полковник все-таки наглец. Уже потом, когда мы оставили его посреди дороги (джип решили не портить, черт с ним!), Суббота запоздало предложил накачать бельгийца касторкой — по методу ребят Муссолини. Аргонец не без грусти констатировал, что в отряде касторки нет, да и много бы понадобилось — полковник оказался весом чуть ли не с два центнера.

А между тем сообщил он интересные вещи. Убедившись, что мы все поняли правильно («Я есть колонель Бельжийская арми» — «матка-курка-яйка»), полковник, не опуская рук, предложил нам капитулировать — прямо на месте. Оружие сложить в наши же грузовики и отправиться с ним в Джанкой, куда прибудут чины соответствующего ранга из UkrFOR. На меланхоличный вопрос Аргонца, не желает ли «колонель» получить в лоб, для начала прикладом, тот ничуть не испугался, пояснив, что выполняет приказ. Все офицеры европейского контингента (опять-таки «соответствующего ранга») обязаны в случае встречи со мной и неизбежного «хенде хох» передать предложение о капитуляции и добровольной явке в суд. При этом следует намекнуть, что суд ожидается, естественно, в Гааге, значит, смертная казнь международному террористу и его подельникам не грозит.

Руку Субботы я все-таки успел перехватить, может, и напрасно. С другой стороны, бьет он крепко, откачивать же толстяка прямо посреди дороги у нас не было ни времени, ни особого желания.

Бельгиец невозмутимо кивнул, заметив, что командование UkrFOR догадывается о нашем ответе. В этом случае он выскажется как лицо частное.

«Колонель» говорил по-французски, но, решив, что далее «саперлипопет» наши познания не распространяются (мы с Субботой так-сяк, но понимаем, только знать это «им» ни к чему), перешел на английский и без всякого перехода посоветовал нам немедленно уходить из Крыма, и лучше всего за границу. Если политики носятся с идеей суда в Гааге, то у военных интерес иной. Все те же бельгийцы с датчанами серьезно опасаются, что благодарные янки подставят их под мои пули в случае проведения «решительной операции». Такая операция готовится — или уже готова, в чем он, «колонель», абсолютно уверен. Уходить же нам надлежит не обычными каналами, а... по-другому. При этом толстая сволочь изволила подмигнуть.

Интересно, много ли они знают про «обычные каналы»? Но главное понятно: мнение частного лица (частной морды) и являлось тем, что UkrFOR собиралось передать террористу Арлекину.

Враг настойчиво советует уходить. Бежать. Скрыться. Вот так!

Вдогон, уже без тени улыбки, бельгиец заметил, что потери

при уничтожении отрядов Шевченко и Чернорога значительно превысили допустимые. Каждый блюдет свой интерес.

Впрочем, наглый «колонель» — неприятность мелкая. Так, штришок.

* * *

— Лолита останется, связь все равно на ней.

— Начальству виднее. Ты что, Арлекин, этому пидорасу поверил? Да они там просто перепугались. Выборы-швыборы, рейтинги, девочки с плакатами, блин! Скоро тебе миллионы начнут предлагать, только чтоб исчез и их не грохал.

— Аргонец?

— Разве дело в бельгийце? Если правда, что в разговоре с Киевом не было контрольной фразы... Арлекин, это точно?

— Точно.

— Хе! Тогда — херня полная. Лолита, писала разговор?

— Ну, дядя... То есть товарищ старший лейтенант! Записала, могу прокрутить. Разговор велся по мобильному телефону, начался сегодня ровно в 11.00 по киевскому времени...

— Не надо. Выходит, что, Арлекин? Его взяли?

— Выходит, ребята, нашего главного в Киеве взяли. Потому и предлагают сдаваться.

— Пиздец!

— Суббота! Еще раз при девушке!..

— Не надо, товарищ майор, я товарищу капитану сама по губам надаю. Давайте еще раз разговор прослушаем. Может быть...

— Может быть.

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

10

Швейцарские ученые из Цюрихского университета с помощью позитронной эмиссионной томографии (ПЭТ) установили, что месть — действительно сладкое чувство, сообщает Reuters.

В момент мести обидчикам у испытуемых регистрируется электрическая активность в центре удовольствия головного мозга. Результаты исследования, опубликованные в журнале «Science», по мнению специалистов, могут пролить свет на эволюцию социальных норм и регуляцию поведения в человеческом сообществе.

Психологи полагают, что именно этот психофизиологический механизм регулировал социальное поведение древних людей на протяжении тысячелетий.

11

Евреи хлеба не сеют,
Евреи в лавках торгуют,
Евреи раньше лысеют,
Евреи больше воруют.

Евреи — люди лихие,
Они солдаты плохие:
Иван воюет в окопе,
Абрам торгует в рабкопе.

Я все это слышал с детства,
Скоро совсем постарею,
Но все никуда не деться
От крика: «Евреи, евреи!»

Не торговавши ни разу,
Не воровавши ни разу,
Ношу в себе, как заразу,
Проклятую эту расу.

Пуля меня миновала,
Чтоб говорили нелживо:
«Евреев не убивало!
Все воротились живы!»

(Борис Слуцкий)

АД

3 августа 2004 г., Крым, севернее города Краснопартизанск

— Ты, Арлекин, что, совсем слепой? Суббота ко мне в первый же день подвалил. В первый вечер, если точнее. Отвел в сторонку — и начальственным тоном... Царапину на его физии помнишь?

— Ага.

— Только не говори, что пойдешь ему эту физию драить. Из тебя джентльмен, как из... Обычная история — старший по званию отдает приказ, который надлежит выполнить беспрекословно, точно и в срок. И должное количество раз. Свинья! Да все вы тут!.. Если девчонка с пирсингом и без охраны, значит... Эй, Арлекин, не вздумай!

— А у нас джентльменство и не принято. Завтра просто позвоню его жене.

— Ага... Не вздумай, говорю! Не хотела его закладывать, тем более тебе, только достал... На сайт Евроньюс заглянуть?

— Какие там новости, на этом Евроньюсе? Народный праздник в Оверни, все едят сыр и танцуют, в Гамбурге прошел чемпионат по поеданию двухкилометровой сосиски...

— Сам же учил — насчет мелочей. Народный праздник в Оверни — значит, французский контингент гуляет, сосиска в Гамбурге...

— ...Значит, немцы — в сосиску. Ладно, смотри, мне над фотографиями помудрить надо.

— Дай сама погляжу! А они точно со спутника? В смысле — с правильного спутника?

— С неправильного. Не в ту сторону летит. Катись! Из тебя аналитик, как...

— ...из тебя — джентльмен. Значит, я нужна только для имиджа? Лысеющий папик между климаксом и маразмом нашел себе девочку-припевочку? Сюси-пуси... А интересно, кто тебе ноутбук таскал и всей этой фигней маялся, пока меня не было?

— Один лейтенант. Окончил радиофизический, занимался космической связью. Марченко Александр Иванович. Псевдоним — Гектор.

— Ты не говорил. А где он сейчас? То есть...

— То есть.

* * *

С Ильей Григорьевичем Стариновым мы познакомились в 1993-м. Тогда я приехал в Москву после первых боев у Морского, злой, сбитый с толку, но твердо решивший продолжать. Свел меня с ним надежный парень из издательства «Вымпел»,

готовивший к печати двухтомник воспоминаний великого диверсанта. Честно говоря, мне было жутковато, когда костистый старик с седыми бровями усадил меня перед собой в кресло и чуть надтреснутым голосом предложил докладывать. Так и сказал: «Докладывайте», по привычке, вероятно. Впрочем, уже после подумалось, что этим Илья Григорьевич сразу же решил показать: разговор будет серьезным.

Я доложил — и про то, что случилось у Морского, и про твердое желание вернуться и воевать, и про почти полное отсутствие опыта у всех нас, включая в первую очередь меня самого. Илья Григорьевич кивнул, попросил зайти через два дня в это же время (мы оба, не сговариваясь, взглянули на огромные настенные часы, висевшие возле окна), а затем принялся рассказывать о совершенно неизвестном мне человеке — Всеволоде Ивановиче Роборовском, участнике азиатских экспедиций Пржевальского и одновременно создателе российского спецназа. Сами экспедиции Старинов характеризовал весьма специфически: «удачные действия отряда оперативной разведки Генерального штаба на глубину Азиатского ТВД».

Через два дня Илья Григорьевич выдал мне рукопись. Именно рукопись — два десятка страниц, исписанных крупным, очень разборчивым почерком. А потом я достал карту Крыма, и мы говорили до самого вечера.

— ...Аргонец?

— Хе!

Я прижал окуляры старого «Цейсса» к глазам, проклиная свой изрядный «плюс». Не так, что-то не так. Нет, все, все не так! Колонну мы обложили, она уже обречена, пора давать команду «По местам!» и...

«И» не получалось. Опыт — не опыт, интуиция — не интуиция, шестое чувство, седьмое, двенадцатое... Обычная штабная колонна, в центре три джипа, прикрытие средненькое, а главное, навел на нее «самый-самый» человечек, которого я рисковал беспокоить не чаще раза в год. Дело того стоило — кто-то из высших чинов НАТО, тайный визит, срочное согласование планов. Потому и прикрытие небольшое, дабы внимание (мое!) не привлекать. Наводка железная, операцию готовили три дня...

Проведение партизанских акций в степной местности традиционно считается малоперспективным, особенно после по-

явления боевой авиации. Так утверждал даже Че Гевара, до конца своих дней не забывший, что сотворили обычные легкие самолеты с отрядом Кастро прямо на месте высадки. Между тем опыт капитана Наумова, может быть, самого умелого и везучего партизанского командира Второй мировой, говорит совсем о другом. Сама по себе авиация — и даже столь всех пугающие вертолеты — не слишком опасна. После появления игрушек, подобных «Стингеру» или нашей «Стреле» (и тем более «Игле»), отдельные машины стали практически беззащитны, массированное же применение летающих тварей возможно, только если их на тебя наводят. Такое и вправду опасно, но в обычных условиях все небо не перекроешь, особенно если военная операция длится уже не первый год. Привыкают — даже к смерти. Степь в целом же ничуть не хуже, чем столь любимые романтиками горы и лес. Иногда даже лучше.

Так что колонне, на которую мы охотились, я заранее не завидовал.

— Суббота?

— Чего ждешь? Давай!!!

* * *

Да, с колонной, с глупой неосторожной колонной — полная ясность. Суббота все рассчитал, Аргонец с Казачком ждут лишь сигнала. Не нужно фугаса, даже без ракетной установки обойдемся (ни танков, ни иной серьезной брони). Гранатометчики берут на себя «хвост» и «гриву», но это не главное. Нам не требуется жечь все, что движется. Джипы беззащитны, ради них мы приготовили целых два «Утеса», чтобы сразу и насмерть. Пара минут, десяток очередей — и все. Да что там, полминуты хватит, дураков надо учить!..

— Суббота, у тебя зрение лучше...

— Зрение... Бинокль надо брать нормальный, а не всякое старье! Ну джипы как джипы, обычные. В каком главный, не разобрать, так и задумано. Ничего, замочим все три!

— Почему колонна? Сели бы в вертолет, никто бы и внимания не обратил.

— А нам что за горе? Командуй, а то опоздаем. Жги пидорасов!

— Аргонец?!

— Ну!

Вот тебе и «ну»...

...С тех пор мы с Ильей Григорьевичем не встречались. С ним вели разговоры мои московские друзья, а рукопись, к которой регулярно добавлялись страницы, давно уже стала книгой, изданной полулегально и (пока что) без фамилии автора. Называть ее «Правила партизанской войны против войск НАТО» было несколько не с руки, и на обложке появилось загадочное «Тактика непрямых действий».

Четыре года назад Старинова не стало. Перед смертью ему в очередной раз «зарезали» Героя России. Мы салютовали памяти Ильи Григорьевича разгромом британского штаба возле Алушты.

* * *

Старое партизанское правило: не понимаешь — остерегись. А я не понимал, не понимал, не понимал... Визит шишек из Брюсселя готовился загодя, пусть и тайно, и вот их везут степью, зачем-то подставляя под наши выстрелы. Приманка? Пусть даже приманка, засада, джипы пустые. Но от колонны в любом случае останется кровавое месиво, люди в грузовиках настоящие, живые. Какой смысл?

Пот заливал глаза, и стало ясно: ничего толком не разобрать. Поздно, колонна втянулась в невидимый для «них» коридор, заранее намеченный, поделенный на сектора обстрела. Если бы не разговор с Киевом, не отсутствие контрольной фразы, я бы уже давно...

И если бы не Лолита. В последней сводке Евроньюс...

— Арлекин!!!

— Отбой... Слышали?! Я сказал: отбой! Уходим. Быстро!

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

12

Франция направит в Крым и области Южной Украины батальон десантников для обеспечения безопасности намеченных на конец октября выборов. Об этом сообщил в пятницу 30

июля представитель французского Генштаба полковник Жерар Дюбуа.

Отправка французских военных в Крым производится в рамках сил быстрого реагирования НАТО UkrFOR. С целью обеспечения безопасности в Крым накануне и во время выборов из Франции, Бельгии, Италии и Германии должны быть переброшены в общей численности две тысячи военных.

Между тем 3 августа делегация, представляющая организацию «Врачи без границ» под руководством лауреата Нобелевской премии по медицине Оскара Сноулибриджа, прибывшая в Крым по приглашению местного автономного правительства, проследовала через Джанкой в Симферополь. По сведениям командования UkrFOR, на колонну, в составе которой двигался отряд врачей, готовилась засада...

13

Я далек от того, чтобы ограничиться отдельными пороками: я не хочу, чтобы человек был просто распутником, пьяницей, вором и предателем — я имею в виду, что он должен испытать все и прежде всего должен творить дела, которые кажутся наиболее чудовищными, так как, только расширяя сферу своих безумств, он скорее получит максимальную долю счастья в распутстве. Ложные представления об окружающих людях — это еще один источник бесконечных ошибочных суждений в области морали. Мы придумываем себе абсурдные обязанности по отношению к этим созданиям только на том основании, что они тоже считают себя в чем-то нам обязанными. Давайте иметь мужество отказаться от подачек, и наши обязательства перед ними вмиг рассыплются в прах.

Я хочу вас спросить: что такое все живущие на земле в сравнении с одним-единственным нашим желанием?

14

СООБРАЖЕНИЯ ПО ОРУЖИЮ (НОЯБРЬ 2002 г.)

Никоновский АН-94?

АКМС, АК-103 (и укороченный АК-104).

Снайперки ВСК-94 и «винторез» (СП-5)? Рабочая дальнобойность ниже, чем у «калашей», поэтому лучше все-таки СВД-С или СВ-98. СВ-99 — перспективнее всего.

Операции в населенных пунктах: «клин-2», «бизон-2-07» и ОЦ-39 под патрон ТТ. «Гепард» не годится, сертифицирован только как охотничий полуавтомат под 9*30 «гром».

Пистолет ОЦ-27 «бердыш».

Из пистолетов — ПСМ и ОЦ-23. Дротик под тот же патрон 5.45*18, на небольшой дистанции пробивает бронежилет. СП-1 «гюрза» и СП-2 ПП «вереск» — хороши, но будут проблемы с патронами.

РАЙ

3 августа 2004 г., Крым, Караби-яйла

Рабочая тетрадь, с. 23.
Харьковский Национальный университет им. В.Н. Каразина. Горно-крымская комплексная экспедиция. Июль — август 2004 г. Отряд «Омега».

Начали археологическую разведку окрестностей горы Иртыш (Динозавр). Местность неровная, карст, склоны горы поросли лесом. Последняя разведка в этих местах проводилась отрядом Симферопольской экспедиции в 1988 году.

Результаты предыдущих разведок. В районе горы Иртыш найдено незначительное количество фрагментированной средневековой керамики и несколько фрагментов стеклянных браслетов. Признаков поселения не обнаружено.

Цели настоящей разведки: прежде всего попытаться найти существовавшую в древности и раннем Средневековье дорогу, выходившую к Длинным Стенам и Южному спуску с яйлы. Дорога эта, по аналогии с уже известной (Второй спуск), условно именуется Подкова-2.

Примечание: знак на северном склоне (скала у дороги), называемый обычно Подковой, возможно, имеет солярный характер (мнение Бориса). Вместе с тем знак достаточно редкий, не встречается, в частности, в публикациях Драчука и Соломоник.

На сегодняшний день результаты изучения южнобережных укреплений средневекового времени выглядят следующим образом.

Систему укреплений Южнобережья первым описал Петр Иванович Кеппен в книге «Крымский сборник. О древностях Южного берега и гор Таврических». Остатки стен на перевалах между скалистыми обрывами южнобережной яйлы — Байдарском, Бузулукском и Тарпанбаирском — описаны М.А. Сосногоровой в статье, опубликованной в 1875 г. под названием «Мегалитические памятники в Крыму».

Разведки на Караби-яйле, проведенные в 50-е годы сотрудниками Института археологии АН УССР О.И. Домбровским и Е.В. Веймарном, подтвердили наличие остатков стен, описанных Кеппеном и Сосногоровой. «Ограждая перевалы и ущелья, они вместе с горной цепью создавали комбинированную систему укреплений, защищавших большую территорию, расположенную вдоль морского побережья», — отмечает О.И. Домбровский. Она должна была защищать страну Дори с севера от кочевых племен.

Укрепления на основных перевалах или сильно повреждены, или до основания разрушены, камень растащен. Тем не менее отдельные участки их сохранились и вполне дают представление об их устройстве. На некоторых перевалах с особо сложным рельефом местности воздвигали порой несколько стен, дополнявших скалы и другие природные препятствия. Такие укрепления назывались «каменными замками» (Таш-хабах): примером может служить Таш-хабах-богаз на Караби-яйле, описанный еще Кеппеном и обследованный в 1956 г. вместе со стенами перевала Чигенитра-богаз над селами Рыбачье (Туак) и Приветное (Ускут), завершавшими систему обороны с востока.

Сейчас эти оценки в значительной мере уже устарели.

АД

4 августа 2004 г., город Геническ

Ближе к рассвету сырость стала липкой, физически ощутимой. Лолита еще бодрилась, но вид у нее стал совершенно несчастный. Можно было заглянуть в пустое кафе для дальнобойщиков, но этой ночью мне совершенно не хотелось рисковать. Такое случается, особенно после нескольких неудач подряд. Попадаться случайному патрулю, даже не чужому, «нашему», абсолютно не входило в мои планы. Пропуск у меня старый, а у промерзшей худобы и такого не имелось.

— Арлекин, выдай сигарету!

— Сейчас. Три раза — и по губам.

Засопела, отвернулась, зябко дернула плечами.

— Умный, да? Думаешь, я дома не курила?

Курила, понятно. И еще будет. Но не в моем присутствии.

Сам я честно пытался обойтись тремя сигаретами в день. Не из медицинских соображений, а из элементарной целесообразности. Снабжать меня харьковской «Ватрой» никто не собирался, небогатый запас быстро таял, а переходить на что-то иное, скажем, американское, не хотелось. Ненавижу виргинский табак!

— Они скоро подъедут?

— Скоро, скоро...

На этот раз я решил поломать все привычные схемы и уходить по давно не использовавшейся «тропе» через Геническ. Береженого, как известно... Особенно в такой ситуации, как наша.

Ситуация же была, прямо сказать, хоть куда: все с блеском и полным восторгом летело в тартарары.

После 11 сентября и особенно с началом операции в Ираке UkrFOR, явно с подачи американцев, сменили не только тактику, чего следовало ожидать, но и стратегию. Походя все мы были объявлены международными террористами, я, соответственно, вторым бен Ладеном (почему не он — первым майором Арлекином, обидно даже!), но затем послышался странный хрип, и все умолкло. Нас не то чтобы забыли, но вроде как перевели в категорию стихийных бедствий. Ураган Ivan, террорист Shevchenko... Мне даже стало казаться, что нас намеренно замалчивают, дабы спровоцировать на нечто бессмысленное и кровавое. Возможно, так оно и было, но главное, кто-то очень умелый и неглупый начал продуманную, тонкую операцию по «зачистке» Крыма. Без угроз, без «точечных ударов», без демонстративных полетов B-2 над Киевом и Харьковом. Мы оглянуться не успели, как из всех крымских

отрядов остались лишь три, а теперь, после гибели Чернорога и нелепого ареста Шевченко...

Как легко воевать с дураками! С тупыми, жестокими дураками!

И вот мы еще не разбиты, даже не проиграли ни одной серьезной стычки, но эта не по-летнему холодная ночь уже кажется тьмой над Летой. Нам осталось лишь ждать лодки Харона, но и той нет, мы забыты, брошены...

— ...А если их не будет? Сначала твой друг в Киеве, потом эта подстава с колонной.

— Поэтому нас с тобой решили прищучить именно в Геническе, чтобы мы как следует простудились? Нет, хотели бы убить — убили. Сразу.

— Прекрати, Арлекин! У тебя там фляжка, дай хлебнуть... Странно, когда я была маленькая, в Крым ездили отдыхать. Я еще помню... Недавно прочитала, что войну финансировала русская мафия, чтобы народ отдыхал в Сочи.

— Ага. А наши в ответ проплачивают Абхазию и Чечню. Никогда не верил в теорию заговора. Римский клуб, мировое правительство, масонерия всякая... Если приходится выбирать между глупостью и изменой, ставь на глупость, Лолита. Не прогадаешь.

— Не надо, я и так знаю, что ты умный. А когда ты поймешь, что я тоже умная, а? В Киеве выдашь мне пистолет, я буду...

— ...Прикрывать спину командира. Ни в какой Киев ты со мной не поедешь, тебе домой пора, к учебному году готовиться.

— И не надейся, поеду. Куда ты теперь от меня денешься? И я от тебя.

— Сюси-пуси!

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

15

Искусство партизанской войны включает организацию и подготовку партизанских сил, планирование, всестороннее обеспечение и ведение партизанских действий. Кануло в Лету время, когда партизаны успешно вели борьбу против иностранных захватчиков без всякой подготовки.

Военно-технический прогресс — развитие транспорта, появление бронетанковых сил, авиации, радиосвязи и, наконец, средств массового поражения, совершенствование служб контрразведки — затрудняет, но, как убедительно показывает опыт, не исключает успешного ведения партизанской войны при должной к ней подготовке и умелом использовании доступных партизанам средств борьбы, и прежде всего средств, которые дают партизанам возможность выполнять свои задачи, не вступая в боевое столкновение с противником.

Больше того, современное состояние промышленности, транспорта и средств борьбы резко повысило значение и возможности партизанской войны. Поражение американских войск во Вьетнаме и провал операций советских войск в Афганистане явились следствием того, что военное и политическое руководство этих стран недооценило новые возможности партизанской войны, появившиеся в результате военно-технического прогресса, произошедшего после Второй мировой войны.

16

Можно спросить: судя по нынешнему состоянию Ноосферы, по каким линиям, выделяющимся из числа других, мы, по-видимому, будем развиваться, начиная с планетарной ступени психической тотализации и эволюционного подъема, к которому мы уже подошли? Я различаю три главные линии, где вновь выступают прогнозы, к которым нас уже привел анализ идей науки и человечества: организация научных исследований, сосредоточение их на человеке, соединение науки и религии.

РАЙ

4 августа 2004 г., Крым, Караби-яйла

Рабочая тетрадь, с. 25.
Харьковский Национальный университет им. В.Н. Каразина. Горно-крымская комплексная экспедиция. Июль — август 2004 г. Отряд «Омега».

Продолжена археологическая разведка окрестностей горы Иртыш (Динозавр). Результаты будут изложены ниже.

Андрюс умудрился потерять компас. Примечание Бориса: второй компас за два года!

Соображения Анны по поводу криптозоологических особенностей плато Караби. Относительно большие размеры плато (самая большая яйла в Крыму), малая заселенность и слабая доступность делают Караби:

— резерватом для эндемиков, что хорошо видно на примере растений (лимонник);

— своеобразным «отстойником», позволяющим существовать одичавшим формам (мустанги).

Возражения Влада: мустангов перебили еще пятнадцать лет назад — отчасти на колбасу, отчасти в отместку за склонность сманивать к побегу домашних сородичей. В 1995 году мы их уже не застали. Рассказ о Большой Собаке — типичная байка для туристов, даже если какая-то голодная собака, скажем, брошенная пастухами, и в самом деле жила в роще возле метеостанции.

Мои возражения (Владу): мустангов мы видели в 1996 г., правда, не на самой Караби, а рядом, на горе Ликон (см. дневник похода, июль 1996 г.).

Соображения (очередные) Бориса по поводу т. н. Подковы...

АД

5 августа 2004 г., город Киев,
гостиница «Украина»

Лолита, прямо в джинсах и свитерке, спала на диване. Раскрытая пачка «Мальборо» вызывающе смотрела со стула, но пепельница оказалась девственно чиста. Вся эта картинка из «Мурзилки» читалась просто: ждала, даже курить не стала, а ты!..

Я удовлетворенно вздохнул: не хватало еще заниматься ушами доставшегося мне божьего наказания. Не курила — и ладно.

Присел в неудобное, жуткого бурого цвета кресло, нащупал в кармане «Ватру». Совсем не к месту вспомнилось, что в номерах «люкс» предусмотрен дежурный набор алкоголика — по слухам, вплоть до «Билли Уокера».

Нет, пить нельзя. И курить не стану. Из принципа!

Лолита засопела, знакомо дернула носом. Кажется, в мире снов, в волшебной Гипносфере, божье наказание продолжает ссориться. То ли с Субботой, то ли со мной.

...Романтиков я бы расстреливал еще охотнее, чем американцев, — лично, по полной старинной процедуре с копанием ямы и обязательным целованием сапог исполнителей. Подобное Суббота предлагал ввести и у нас, считая, возможно, вполне справедливо, что ритуализация смерти не менее страшит, чем сама Костлявая. До такого мы не дошли, но ради любителей красивых слов и героических жестов я бы, пожалуй, согласился. Романтизм в основе своей суицидален, и лучше шлепнуть очередного юного Вертера возле придорожного кювета, чем ждать, пока он поташит за собой остальных.

Пару раз я чуть так не поступил. Когда все начиналось, отдельные личности, особенно из числа так называемых поэтов, наперебой звали «умереть» — за Родину, за украинский Крым, за свободу, за хрен еще знает что. Даже я со своим хилым военным образованием помнил: за спиной одного стреляющего должно быть не менее дюжины работающих, посылать же наивных, почти безоружных мальчиков под пули М-16 — даже не преступление, а нечто, имени не имеющее.

Меня (и таких, как я) не слушали. Ехали. Гибли. Их кидались выручать — и тоже гибли.

Мало кого отрезвила даже Москва октября 1993-го. Туда нас звали. Мы уже сколотили несколько отрядов, и в той страшной каше даже наши старые «калаши» могли помочь. Кое-кто поехал. Моему другу Андрюсу повезло — всего лишь ранили, другим вышел куда худший фарт. Уже после меня уверяли, что произошла страшная случайность, Руцкой все рассчитал верно, но, как всегда, в кузнице не оказалось гвоздя... Странное дело, никто даже не застрелился.

И вот теперь, когда мы наконец выстроили «скелет войны», когда не надо считать патроны и делить пачку печенья на взвод, земля начала уходить из-под ног. Пока еще еле заметно, почти неслышно...

* * *

Мне было предложено взглянуть на карточку аккредитации. Я отказался, скучным голосом сообщив, что интервью отменяется. С самого начала мы, полевые командиры, свели контакты с журналистами до голодного минимума. Мне было предложено объяснить причину, но в ловушку я не попался, ответив стандартным: «No comment».

Встретиться с этой дамой все-таки пришлось. Человек, с которым я разговаривал, просил очень настойчиво потому, что его тоже просили. Совсем недавно «Рейтер» сообщил о смерти (очередной) международного террориста майора Арлекина, значит, беседа в любом случае небесполезна. Я решил не спорить: просивший был последним, кто мог серьезно помочь отряду.

...Тот, кто так и не произнес условную фразу, не был даже арестован. Просто исчез — без следа. Так же просто мне об этом сообщили — без комментариев.

Итак, ночь, холл пятого этажа, тридцатилетняя мосластая тетка, от которой несет восточной благовонью. На носатом лице — очки-велосипед, четко по классику, коротко стриженные волосы даже не рыжие — бурые с проседью, не поймешь, настоящей или нет. Однако тетка не из тех, от которых отвернешься, не заметив. Сильна! Якобы из Израиля, даже акцент на месте, но почему-то кажется, что и она ненастоящая, все вокруг — очередная западня, а я не выспался, устал, нет сил даже на «No comment»...

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

17

«Формула Победы» разработана в 1964 г. в рамках «Количественного оценочного метода анализа боевых действий» («Корпорация исследовательских операций», США). В нее входят:

1. Полигонные данные поражающего действия оружия, деленные на:
   — поправку на местность (ПМ);
   — погодные условия (ПгУ);
   — время года (ВГ).

2. Факторы мобильности (МБ), качества руководства и связи (РС), наличие боевого опыта (БО), моральный дух (Д), тыловое обеспечение (ТО), характер позиции (ХП) и потенциальная уязвимость (У).

В общем виде:

$$\text{ПОБЕДА} = \frac{\text{Полигонные данные оружия.}}{\text{ПМ.}^{\text{х}}\text{ПгУ.}^{\text{х}}\text{ВГ.}^{\text{х}}\text{МБ.}^{\text{х}}\text{РС.}^{\text{х}}\text{БО.}^{\text{х}}\text{Д.}^{\text{х}}\text{ТО.}^{\text{х}}\text{ХП.}^{\text{х}}\text{У.}}$$

Формула применяется в Пентагоне с начала 1970-х гг. для расчета планируемых операций. Главное в ней — понятие равноценности всех факторов, включая те, которые традиционно считаются второстепенными.

АД

Ночь с 5 на 6 августа 2004 г.,
город Киев, гостиница «Украина»

— Мне, честно говоря, жаль ваше время. Отвечать не обещаю.

— Оу, это обычная история, господин майор! Итак, я могу сообщить читателям, что слухи о том, что вы умерли от газовой гангрены, являются, э-э-э, некоторым преувеличением?

— Вы, вероятно, меня не поняли. Я не имею права указывать представителям прессы, что и как сообщать. Могу лишь отвечать на вопросы — или не отвечать.

— Но это не есть... То есть нелогично. Особенно сейчас.

— Когда я умер от газовой гангрены?

— Когда вашей выдачи требует Гаагский трибунал. Обвинительный материал, собранный там, честно говоря, пугает.

— Меня это не касается. No comment.

— Как вы относитесь к решению вашего правительства о выдаче арестованного несколько дней назад господина Шевченко в Гаагу?

— No comment.

— Почему же вы не хотите ответить на обвинения, э-э-э, уточнить свою позицию?

— Когда лет восемьдесят назад очередной китайский генерал начинал гражданскую войну, он считал обязательным на-

печатать так называемую «большую телеграмму» именно с уточнением своей позиции. Обычно такая телеграмма занимала восьмистраничный газетный номер.

— Я не знала, интересно. Но в чем же ваш ответ?

— Ответа не будет.

— Но разве вы не хотите войти в историю?

— Я не хочу входить в историю. Я хочу войти в Севастополь — вместе со своим отрядом. То, что я веду именно такую войну, определяется ее характером. Можете записать дословно.

— Но получается, что сражаетесь вы не против конкретных, э-э-э, оккупантов, а против всей западной цивилизации! Вас уже называют Майор Геноцид. Обвинения в этнических чистках, в расстрелах военнопленных, в массовых изнасилованиях...

— Очень массовых?

— Господин майор, это совсем не смешно. Одна девушка-татарка рассказала нашему информационному агентству, что вы насиловали ее целый месяц, приковав наручниками к спинке кровати.

— Целый месяц? А, простите, в туалет она как ходила? Вместе с кроватью?

— Даже сейчас... Извините, мне сообщили... Вы приехали в Киев вместе с несовершеннолетней наложницей, которую взяли в плен месяц назад.

— Чуть больше месяца, значит, сеанс изнасилования закончен. А насчет наручников — хорошая идея, надо будет попробовать.

— Знаете, господин майор, если я просто напишу, что вы — циничное чудовище, мне не поверят. Всегда надо попытаться найти что-то позитивное. Вы, говорят, еврей. Для наших читателей...

— Я не возражаю быть евреем для ваших читателей.

— Оу, так вы из self-hating Jews? Э-э-э... Самоненавидящих евреев?

— С детства выписывал журнал «Жидье-битье».

— Как? Я могу процитировать?

— Можете, можете...

— Господин майор, а если все-таки серьезно? Написать репортаж о Враге рода человеческого я могла бы прямо в редакции. Но, боюсь, вы не все понимаете до конца. Ваша, э-э-э, антиамериканская позиция оценивается отрицательно далеко не везде и не всеми. Мы в Израиле не забываем, что ваш отряд начал войну в ответ на действия татарских фанатиков, таких, как Ор-бек. Кое-кто у нас считает, что в борьбе с палестинским террором ваш опыт может пригодиться. Для одних вы — Майор Геноцид, для других — еврей, сражающийся с исламским монстром, которого так любит Европа. Пример Косова многих отрезвил.

— И что?

— Господин майор, не лучше ли подняться ко мне в номер? Я знаю, что вы не употребляете алкоголь, но можно заказать чай...

* * *

— От тебя воняет ее подмышками! — злобно бросила Лолита, не поднимая головы. — Ее плохо выбритыми, потными подмышками. Она их даже не моет, эта старая лошадь, эта!..

Божье наказание я нашел там же, на диване, но уже не на боку, а лицом вниз. В пепельнице уютно пристроились три окурка.

— Мне оправдываться? — поинтересовался я, падая в кресло и доставая измятую пачку «Ватры». — Или сразу застрелиться?

— Зачем?!

Привстала, потянулась к пачке «Мальборо», отдернула руку.

— Не хочу! Это из-за тебя я курю, у меня изо рта воняет, как от ее подмышек!.. Ты... Ты!.. Скотоложец! Вы так ворковали, когда эта сука волокла тебя в... в... в свое стойло, что ты даже меня не заметил.

— Ага!

Закурить Лолита все-таки закурила — хоть и с явным отвращением. Во всяком случае, мордаху кривила вовсю.

— Стреляйся! — наконец буркнула она. — Или давай оправдывайся. Сама, мол, привела, сама брюки расстегнула.

— Не уподобляйся Субботе. — Я погасил ни в чем не повинную «Ватру», потянулся к ее пачке. — Цинизм нашего капитана порой утомляет даже меня... А может, так поверишь?

Мордаха вздернулась вверх. Удивленный вздох.

— Правда? Просто когда она тебя потянула...

Оставалось закурить «Мальборо» — и тут же пожалеть. Виргинский табак, да еще в экспортном исполнении, невыносим.

— Все ограничилось намеком на душ и рассказом о тайских маслах, имеющих эротическое действие. А если серьезно...

— Не надо серьезно, — тихо попросила Лолита. — Ложись спать, ты весь серый.

— Сейчас.

Я задумался, потом кивнул.

— Пожалуй, скажу. Некие службы одной далекой страны предложили убежище — мне и тебе. Фамилию придется сменить и какое-то время никуда не высовываться... Кажется, серьезные люди поставили на нас крест. Считают, что гибель отряда — дело нескольких недель.

Лолита осторожно подошла ко мне, протянула руку, легко коснулась щеки.

— Ты им не верь, Арлекин. Не верь, пожалуйста! Иначе... Ты ведь все равно не уедешь. Останешься — и всех остальных не отпустишь... Правда?

— «Известия», — вздохнул я.

Она не поняла, и пришлось подробно растолковывать смысл этой бородатой шутки.

* * *

— Партизанское движение опасно не только для врага. И чем ближе к победе — не столько. Вооруженные силы, находящиеся вне прямого контроля правительства и имеющие опыт самостоятельной борьбы, рано или поздно начинают бороться за свои собственные интересы...

— Объясняешь, будто я у тебя на лекции! Тебе никто не говорил, что ты, Арлекин, зануда? Как тебя студенты слушали?

— Сам удивляюсь.

— Значит, после победы партизан следует перебить и пересажать?

— Да. Только не после — накануне, пока не успели очухаться. И лучше всего сделать это чужими руками. Доступно?

— Ага.

18

Крымский полуостров занимает северный шельф Черного моря и далеко выдвинут на юг. От Перекопа на севере до мыса Сарыч на юге — 195 км, от Тарханкутского полуострова на западе до восточной оконечности Керченского полуострова — 330 км.

Среднегодовая температура около +13 градусов (в прибрежной части). В горах она падает, на яйле в районе Ай-Петри — всего +6 градусов. В среднем на каждые 100 м высоты температура снижается на 0,5 —0,6 градуса. Абсолютный зимний минимум до —14 градусов. Среднеянварская температура в районе побережья +4 градуса.

Сложный рельеф Крыма, сочетание степи на севере и трех горных гряд на юге делают его весьма удобным для ведения партизанских действий.

Наиболее перспективные районы и их характеристика.

Квесты (склоны) Второй крымской гряды...

19

При ближайшем рассмотрении рыбаки обнаружили, что живот дельфина, найденного возле Карадага, выкушен одним укусом вместе с ребрами так, что четко просматривался позвоночник. В области головы болтались остатки легких, с которых стекала кровь. Ширина укуса по дуге была около одного метра. По краю дуги на коже дельфина четко виднелись следы зубов. Размер следа — около 40 миллиметров, расстояние между следами — 15—20 мм. Голова дельфина была сильно деформирована и равномерно сжата со всех сторон, словно ее пытались протащить в какое-то узкое отверстие. Глаз не было видно, голова имела белесый цвет, напоминающий цвет тела рыбы, вытащенной из желудка другой рыбы.

Осмотр дельфина продолжался не более трех минут — его обезображенный вид и текущая кровь вызвали панику среди рыбаков.

20

В основе индивидуальных боевых действий в городе лежит так называемое «левостороннее правило». Суть его заключается в том, что человеку-правше, у которого правая рука ведущая, удобнее и быстрее удаются все действия, связанные с поворотом влево, чем действия, связанные с поворотом вправо. Удобнее и быстрее стрелять в условиях, когда надо двигаться или разворачиваться влево, и гораздо труднее и менее результативно — с разворотом вправо.

а) Выбор укрытия для стрельбы.

Укрытие должно находиться слева, закрывая корпус и большую часть головы. В таком случае для встречного огня остаются открытыми руки, плечо и меньшая часть головы.

РАЙ

5 августа 2004 г., Крым, Караби-яйла

Рабочая тетрадь, с. 26.
Харьковский Национальный университет им. В.Н. Каразина. Горно-крымская комплексная экспедиция. Июль — август 2004 г. Отряд «Омега».

Продолжена археологическая разведка окрестностей горы Иртыш (Динозавр), а также западной части Длинных Стен и Южного спуска с плато.

Общие соображения.

Дорожная система Караби-яйлы, как и всего остального Горного Крыма, определяется в первую очередь рельефом местности. За последний век появилось много дорог, проложенных автомобильным транспортом, вместе с тем хорошо заметна система «старых» троп, прежде всего в южной части плато. Там же, в южной части, и (в меньшей мере) у Второго спуска сохранились остатки оборонительных сооружений предположительно раннесредневекового (византийского) времени, в том числе описанный еще Кеппеном Таш-хабах-богаз.

Мнение Бориса: очень предположительно. Выходы с плато могли охранять еще тавры, благо особых усилий для обороны (в обычных условиях) не требовалось. Возможно, дорога Подковы и была основной, потому и отмечена соответствующим знаком (тамгой).

Мое мнение: мы видим две принципиально разные системы укреплений. Длинные стены, сооруженные (или возобновленные) в византийское время, прикрывали южный выход, то есть не пускали врага к побережью со стороны Караби. Северный спуск, напротив, обороняли изнутри, то есть со стороны плато. Гипотетическое поселение в районе горы Иртыш было, скорее всего, обычным сторожевым постом, подобным византийскому посту на горе Баба (Мангуп).

Мнение Влада: это мог быть не пост, а исар (временное укрепленное убежище для населения).

Анна предложила провести во второй половине дня разведку рощи Большой Собаки.

АД

7 августа 2004 г., Крым, турбаза «Подъем» возле Бахчисарая

Под ложечкой заныло, когда я нос к носу столкнулся с Аргонцем. Командир первого взвода должен находиться не здесь, а с основной частью отряда, но кивка в сторону палатки вкупе с выразительным взглядом оказалось вполне достаточно. Я понял: опять.

Суббота запил. Буза в эскадроне.

Мой заместитель срывается редко, тем паче в походных условиях такое весьма затруднительно. Но возможно — что он блестяще продемонстрировал и на этот раз. Хорошо еще, на турбазе мы оставили лишь штабную группу. В пьяном виде капитан Суббота выглядит весьма непедагогично, особенно для новобранцев.

Когда после очередного срыва я самым наивным образом поинтересовался у капитана, где тот умудряется находить спиртное в условиях горной местности, Суббота сослался на опыт Резак Бека Хаджиева, адъютанта генерала Корнилова, достававшего водку даже в зимней степи в дни Ледяного похо-

да. Присутствовавший при этом Аргонец, которому во время Субботовых загулов приходится отдуваться за двоих, мрачно напомнил: ничем хорошим для Белого движения спаивание главнокомандующего не кончилось. На это капитан возразил, что Автономов, красный главком, вообще не просыхал, однако это не помешало отстоять Екатеринодар.

Но сегодня нам всем было не до шуток.

Субботу я обнаружил, как и следовало ожидать, в палатке. Мой заместитель восседал на спальнике, уставившись стеклянным взглядом прямиком в мировое пространство. Погасшая сигарета намертво застыла в пальцах.

Аргонец привычно зарычал, но я покачал головой. Не поможет, только разозлит. Лучше я сам.

— ...Тебе никогда не снятся те, кого мы расстреляли, Арлекин?

— Нет. Я своих снов не помню.

— И мне не снятся. Последняя стадия, да? Сколько лет мы уже мочим этих пидорасов? Десять?

— Скоро уже одиннадцать, Суббота.

— Суббота, блин, Арлекин — клички, как у бобиков! Даже по именам называть друг друга не можем.

— Не можем... Уезжай в отпуск, капитан! Захочешь — вернешься.

— Точно! Самое время в отпуск, когда нам всем скоро — полный пи... салют. В Киеве херово? Не отвечай, вижу. Десять лет, целая жизнь — и что? Помнишь, когда все начиналось, мы думали, что это на год, на два.

— Мы даже стрелять не собирались. Меня назначили в пропагандистскую группу к Курчевскому, ты чего-то организовать хотел.

— Угу, первичные ячейки Конфедерации Анархо-Синдикалистов. Смешно, правда? Обхохотаться... Где тот КАС теперь? А мы здесь. Заседаем... Ни черта сделать не смогли! Резня остановилась сама собой, когда всех перерезали, штатники делают чего хотят, суки!..

— Мы сумели договориться с татарами и казаками, Суббота. Крови пролилось все-таки меньше, чем могло. НАТО не решается выйти за пределы военной зоны, Киев не бомбят, как Белград.

— Мы-то при чем? Россия надавила, Ельцин наконец проспался, двинул войска... Сколько составов отряда уже легло? Хотя... Может, так и надо? Бешеных собак собирают вместе, на фронте, чтобы в тылу было спокойнее. Война — очищение общества от психов.

— И это тоже... В 93-м Руцкой и те, кто стоял за этим клоуном, всерьез готовили войну. Вспомни его заявления по Осетии и Крыму! Наши отряды остановили резню, не дали вмешаться.

— Это ты своим студентам рассказывать будешь! Руцкой, сволочь, просто трусы обмочил, как и всегда. Зато штатники...

— Мы не дали войне развернуться. Киев уже бомбили. И наш Харьков тоже.

— Ivan Susanin — hero of Soviet Union. Выпьешь?

— Капитан Суббота, под трибунал желаете?

— Под трибунал? Дожили, Арлекин!.. Да ты всегда такой был, даже в экспедициях. Эх, Цитадель херсонесскую не докопаем, жалко! Там, говорят, американы-суки все испоганили. Археолухи, блин! А помнишь, мы собирались крымские леи искать?

— Альфред Уоткинс, графство Хирфордшир, великая лжетеория XX века... Это Аргонец собирался, у него с фантазией все в порядке.

— С фантазмами... Кстати, ты заметил — он твою сексапилку откуда-то знал. Раньше, до отряда. Так друг на друга косились!..

— Правда? Давай спросим. Пусть выдаст ценную информацию.

— Инфор-ма-ци-я! Ин-фор-ма-ци-я!

...Экспедиционная привычка — если в разговоре попадется слово на четыре такта, да еще с окончанием на «ция», полагается его повторить, да не просто, а под аплодисмент. Своеобразная релаксация.

Ре-лак-са-ция! Ре-лак-са-ция!

— Между прочим, Арлекин, «за педофилию» — это не тост, это статья.

21

Единственная легитимная линия Власти — это наследственная Сила, переходящая при мистериальной передаче Ее от Отца к Сыну, от праотца Ноя. Вся история была бы естественной и линейной по форме и сути, если бы не борьба с линией изначальной Власти, которую ведут те, кто выпал из прямой Правящей Линии. Только одна Сущность может дать альтернативную Силу. Это «он», тот самый «Dispater» («невидимый отец»), находящийся ниже уровня Аида, Гекатонхейров и Тифона. Мистика Власти — это поиск Силы Власти, Силы Приказа.

Такую Силу можно получить, только принося в жертву людей. Лучшей социальной маскировкой культовой жертвы стала война. Война всегда воспринималась как естественная спутница человеческой истории.

Война всегда должна быть культовой. Всегда должен быть определенный процент межличностного убийства. В идеале — глаза в глаза.

22

В одной из татарских легенд Крыма — «Отузской легенде» — рассказывается о змеином месте близ с. Отузы (современная Щебетовка) на речке Отузка, где растут камыши, — Юланчике. Дословный перевод слова «Юланчик» — «змеиное гнездо». «Здесь в камышах жила змея, которая, свернувшись, казалась копной сена, а когда шла полем, делала десять колен и больше. Правда, убили ее янычары. Но остались от нее детеныши...» Небезынтересно, что жила именно там, где она описана в наши дни.

Очевидцы рассказывают также о встрече огромной змеи на Казантипе (Керченский п-ов). Чабан заметил под кустом терна что-то блестящее, похожее на отполированный дождями и ветрами бараний череп, и ударил по нему палкой. И вдруг взлетел вырванный с корнями терновый куст. Чабан увидел клуб пыли, а в нем своих овчарок и что-то громадное, извивающееся с чудовищной силой и быстротой. Когда чабан пришел в себя, одна собака была убита, а две уцелевшие с остервенением рвали еще дергающееся тело огромного гада.

То, что показалось чабану бараньим черепом, было головой громадной змеи.

23

Неверно искать продолжение нашего бытия и Ноосферы в безличном. Универсум — Будущее — может быть лишь сверхличностью в точке Омега.

РАЙ

7 августа 2004 г., Крым, Караби-яйла

Рабочая тетрадь, с. 28.
Харьковский Национальный университет им. В.Н. Каразина. Горно-крымская комплексная экспедиция. Июль — август 2004 г. Отряд «Омега».

В первую половину дня работы не проводились из-за дождя.

Краткая характеристика плато Караби. Плато Караби (Караби-яйла) находится между Алуштой и Судаком, его высота от 800 до 1100 метров над уровнем моря. Протяженность — двенадцать километров с запада на восток и десять — с севера на юг. Практически полностью лысое плоскогорье, только в нескольких местах растут сосны, посаженные после войны. Здесь находится свыше 100 пещер. Глубина самой глубокой из них, Солдатской, 500 метров. На плато произрастает около 500 видов диких трав, в том числе эндемиков, многие обладают лечебными свойствами. Снег ложится в начале ноября. Нередки ураганные ветра, температура падает до минус 25. Весной бывают сильные туманы.

Очень опасное место, почти каждый год на Караби гибнут туристы, особенно у южных обрывов.

В центре плато, на высоте 978 метров, находится метеостанция, построенная в 1916 году.

8 августа 2004 г., Крым,
восточнее города Симферополь

Мне этот бой не забыть нипочем.
Кровью пропитан воздух.

Вчерашний дождь чуть все не сорвал: продлись он еще пару часов, горная дорога, на которую был весь расчет, благополучно бы накрылась. Да и сейчас джипы, даром что заморские и вседорожные, ревели вовсю, демонстрируя явную обиду. Ничего, скоро шоссе!

А с небосвода бесшумным дождем
Падали звезды.

Песня привязалась с вечера и теперь катила вместе со мной, подпрыгивая на ухабах. Высоцкий, конечно, не совсем прав. Бои забываются, как дни на раскопе — один, второй, двадцатый. Может помниться эпизод — выкопанная в помещении № 60 бронзовая статуэтка, расстрелянный в упор британский генерал, похожий на киноактера Оливье. Весь бой — едва ли. К тому же что значит «весь»? «Весь» не увидит никто, разве что спутник. У каждого солдата и командира перед глазами не бой, лишь маленький кровавый обрывок.

Впрочем, песня и есть песня.

Нам говорили — нужна высота
И не жалеть патронов...

Песня вспомнилась случайно, когда Аргонец и Суббота в очередной раз принялись язвить друг друга. Занятие из самых любимых, но на этот раз очень уж не вовремя. Пора было грузиться, невидимые шестеренки задуманного нами завертелись, а господа офицеры изволили спорить из-за названия операции. Суббота, не иначе с жестокого похмелья, предложил назвать ее «Пронусименто». Аргонец, которому предстояло писать боевое донесение (он их ваяет от руки, презирая компьютер), взвыл, заявив, что столько букв выводить не собирается. Зловредный Суббота посочувствовал: так много непонятного запомнить и вправду трудно. Аргонец вскипел и...

И я, вспомнив песню, предложил назвать операцию просто — «Вторая звезда».

Вот покатилась вторая звезда —
Вам на погоны...

Не спорили, но поглядели хмуро. Не дозволил доругаться отец командир!

И вот теперь ночь, мокрая дорога, пересекающая седловину, горы, заросшие молчаливым лесом, притушенные огни фар. Я на первой машине вместе с Аргонцем, на второй, как обычно, Казачок, Суббота замыкающий, а впереди самое опасное — въезд на шоссе. Если пронюхали, если узнали — там и встретят.

Боевые донесения — чистой воды нелепость. Раньше мы писали их для Ильи Григорьевича и, отчасти, для памяти, уж не знаю чьей. Потом — по просьбе друзей из Киева, но туда отсылались не все, а только самые важные — как, например, про британского генерала, похожего на актера Оливье.

«Вторая звезда» — еще и дезинформация на всякий пожарный. Перехватят донесение — пусть ищут первую!

Насчет же реальных звезд (не на небе — на погонах) никакой ясности не было. Чернорог объявил себя сразу генералом, Шевченко ввел воинские звания времен Украинской Директории, остальные потянулись за ними, порой выдумывая нечто несусветное. Я сразу же решил подобной глупостью не заниматься, звания оставил реальные, соответственно записям в военных билетах. Если требовалось, на офицерских должностях прекрасно чувствовали себя и сержанты, и рядовые.

Вот покатилась вторая звезда...

...Выезд на шоссе уже близко, водитель, из недавних симферопольских новобранцев, сбавил ход, а я нетерпеливо ждал, когда наконец пискнет рация. Разведка должна быть уже на месте, если путь свободен, сообщат.

Опасаться нам почти что нечего — кроме глупой случайности и откровенной измены. С последним хуже, народ мы проверяем и фильтруем (первый раз на пункте вербовки, второй — в отряде), но мало ли какая сволочь может польститься на доллары или евро? Пока бог миловал.

Илья Григорьевич рассказывал, что в войну, давнюю, на-

стоящую, засылать в партизанский отряд агента не имело смысла. По самой простой причине — из-за связи, точнее, ее крайней затрудненности. Это учитываем и мы, мобильные телефоны можно иметь только с моего разрешения, но на дворе уже XXI век. Незачем отстукивать морзянкой «Юстас — Алексу», достаточно вовремя выстрелить из ракетницы или посветить фонариком.

...Пискнуло! Кажется... Да, вперед. Вперед! Слишком рано нас похоронили, слишком рано отпели. Мы — гаитянские зомби, мы придем из тьмы, из ночного мрака, могильной черноты. Вы напрасно успокоились, майн герр, май сэр и мон пэр! Потому и вспомнил похмельный капитан пронусимento — шумно, громко, с пальбой из всех стволов, чтобы августовская ночь превратилась в бразильский карнавал.

А с небосвода бесшумным дождем
Падали звезды...

Мокрая лента шоссе, резкие тени деревьев... Сюда бы художника, графика, такого, как Василий Мироненко, его работы очень любила бабушка. Правда, он рисовал не Крым, а юг Украины, как раз те места, где воевал отряд Шевченко.

Вперед!

* * *

Илья Григорьевич Старинов никак не мог понять бардака (так и писал — «бардака», ничуть не стесняясь), воцарившегося в диверсионном деле за последние годы. Старый полковник звонил, ходил по «инстанциям», волновался, глотал валидол. В страшные дни, когда в Первомайском гибли дети, а пьяный Ельцин бредил о двадцати девяти снайперах, Илья Григорьевич составил подробный план операции по освобождению заложников, кричал по телефону, уговаривал. Потом, говорят, плакал...

Мы слушались старика как бога. И ни разу не ошиблись.

Именно он объяснил нам, что страшившие всех блокпосты — ерунда, глупость, «блокмогилы». Ему резонно возражали: не глупость, а кормушка для сволочей в погонах, собирающих лепту вдовицы с каждой проезжающей машины. Илья Григорьевич не хотел верить, спорил.

После пятого уничтоженного блокпоста UkrFOR стали оттягивать свои подразделения в населенные пункты. Оставшиеся мы быстро научились обходить — как этот, что исчез за поворотом. Следующий будет уже на въезде в Старый Крым, его не объехать, но... Тем, кто там скучает в ожидании рассвета, скоро предстоит повеселиться. От души!

Мне этот бой не забыть нипочем.
Кровью пропитан воздух...

На карту уже можно не смотреть, места знакомые, даже ночью узнать легко. По этой дороге я ездил в музей к Александру Грину. Его старый ветхий дом мы сегодня обойдем стороной, чтобы, не дай бог, не задеть, а если, не дай господь, если пэры и сэры устроили там казино!..

Гель-Гью, Лисс, Зурбаган, мы идем!

К бою!

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

24

Правила ведения боевых действий (БД) на территории Крыма и южных областей Украины. Приняты на общем собрании командиров 14 октября 1994 года.

1. Территория БД ограничивается исключительно районом расположения UkrFOR. Любые акции, включая террористические, на других территориях запрещены.

2. БД ведутся только против комбатантов. Таковыми признаются лица в форме войск UkrFOR, а также лица, имеющие в руках оружие. Акции против мирного населения исключаются.

3. Запрещено использование противопехотных мин.

4. Запрещена практика заложничества в любых ее формах. С пленными надлежит поступать согласно законам военного времени.

5. UkrFOR будет признана воюющей стороной со всеми последствиями (включая применение Гаагской и Женевской

конвенций) только в случае подобного признания, осуществленного на официальном уровне руководством Украины.

6. Военные не вмешиваются в политическую жизнь и не пытаются навязывать политикам свои решения, кроме основной задачи: освобождения территории страны от оккупации.

7. Командованию UkrFOR предлагается рассмотреть и принять пункты 1—5 настоящих Правил. В этом случае они будут соблюдаться обеими сторонами.

АД

9 августа 2004 г., Крым,
окрестности города Старый Крым

Исчезнувший мир вернулся внезапно, толчком, но разум еще молчал, бесстрастно фиксируя происходящее. Где-то там, вдали, за плотно сомкнутыми веками короткими очередями били «никоновы», резкий голос Субботы требовал немедленно, сию же минуту, врача...

...Нет нашего врача, капитан, три недели как нет, забыл ты по горячке!

А под головой что-то жесткое. Нет, не так!.. Меня пытаются приподнять... приподнимают, голову держат на весу.

Я жив, ночь еще не кончилась...

Ночь?! Какая по счету?! Неужели бой длится так долго?

— У кого аптечка? Аптечка!

Аргонец? Почему здесь, он должен быть у бензосклада, на нем весь фейерверк, салют нашему пронусименто «Вторая звезда»!

— Суббота, твою дивизию, принимай командование!..

О чем это Аргонец? Командование? Какое командование? Меня что, похоронили?

Чего я, собственно, лежу?

* * *

— Какое там «не контуженый»! Свалился носом вперед, не мявкнул даже. Из-за тебя я ни одного пленного не взял, всех их тут, пидорасов, положили...

— Погоди, Суббота! Значит, сейчас 2.03, девятое августа, мы в Старом Крыму. Я был без сознания... Десять минут? Десять? Всего десять?!

— Говоришь, не контуженый? А ну, в тыл, к своей девке, живо! Навоевался!..

Ночь исчезла, скрывшись в рыжем горячем пламени. Фиеста в разгаре, я жив, прошло всего десять минут. Это главное, все остальное — потом.

Гори, «Вторая звезда»!

Я бы звезду эту сыну отдал —
Просто на память...

Жаль, у меня нет сына.

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

25

Истинная физика та, которая когда-либо сумеет включить всестороннего человека в цельное представление о мире.

Я думаю, вряд ли у мыслящего существа бывает более великая минута, чем та, когда с глаз его спадает пелена и открывается, что он не затерянная в космическом безмолвии частица, а пункт сосредоточения и гоминизации универсального стремления к жизни.

Человек — не статический центр мира, как он долго полагал, а ось и вершина эволюции, что много прекраснее.

Папка вторая

ЧИСТИЛИЩЕ

1—9 августа 2004 г.

ФАЙЛЫ 26—50

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

26

Группа шотландских ученых из университета в Абердине (University of Aberdeen) под руководством Роджера Пертви (Roger Pertwee) обучила лабораторных крыс различать короткие и длинные звуковые сигналы.

Все было нормально, пока крысам не ввели синтетический каннабиноид — один из активных компонентов марихуаны. Под его действием животные наделали большее количество ошибок. Ученые приписывают погрешности в работе крыс как общему недостатку концентрации под действием каннабиноида, так и неспособности судить о Времени вообще: «Под действием препарата Время длиннее, чем на часах, — сообщил Пертви. — Минута может походить на час».

27

Особую известность получили миражи когда-то прошедших на земле сражений и битв: в 1642, летом 1686, 23 июня 1744, 8 октября 1881 года. На всем протяжении XVII—XVIII веков в Англии и Шотландии неоднократно наблюдали на небе «кинопленку» с записью давно отгремевших боев. В 1785-м неизвестные солдаты-призраки дважды маршировали над Уйестом (Силезия).

Все попытки переместить тела во Времени не приведут ни к чему. Сразу после перемещения тело перестает существовать как в точке А, так и в точке В. Точка А со своим состоянием Вселенной перестает существовать — следовательно, перестает существовать тело.

Уничтожив точку А, человек уничтожит одну из точек Времени. То есть Время во Вселенной после перемещения будет выглядеть как отрезок, где начало в точке, когда появилась Вселенная, а конец в точке А. Такое изменение строения Времени приведет к его разрушению и, следовательно, к разрушению Вселенной, так как Пространство и Время связаны.

ЧИСТИЛИЩЕ

1 августа 2004 г. — 16 июня 1978 г., город Харьков

Наверно, так и придется умереть — в кресле возле стола. Слева под рукой — чашка с водой, три таблетки на блюдце. Когда-нибудь мозг не выдержит, значит, последним, что я увижу, будет циферблат часов, стилизованный под старинную карту. Черные стрелки застыли, часовая указывает на еще не открытую Антарктиду, минутная лежит вдоль Северной Америки. 18.03, белый день на дворе, но шторы плотно задернуты. Полумрак, полуночь...

Смертность среди тех, кто прочно увяз в DP, несколько ниже, чем у принимающих тяжелые наркотики. В среднем. Это несколько успокаивает.

Беленькая, желтенькая, черненькая... Три таблетки, три банана — как в старом мультфильме. «Я дракон — Бойся-Бой!» Ну, бойся-бой! Запить водой... Аминь!

Теперь — прикрыть глаза. Самый страшный момент, начало Погружения, начало очередной маленькой смерти, ведь можно здорово не угадать... Ничего, вернусь, проснусь, сон — такая же временная смерть, как и погружение. Точнее, «Погружение», ведь «DP» — тоже со строчной.

DP — Dream of the Past. Или — Death in the Past. Для пессимистов. Во сне порой умирают...

Стоп! Это не сон, не сон, не сон! Первая заповедь DP: ты не спишь! Тем более Погружения в сон не бывает. Проверено.

Часы... Тик-так, тик-так. DP-DC... DP-DC... DC — Death Certificate... Стоп, хватит, лучше еще раз посмотреть на время. 18.04, потом запишу, порядок есть порядок. Посмотреть на Время... Очень точно сказано, сейчас и приступим. Еще минута, совсем скоро, вот-вот... Ударит по затылку, как после глотка хорошего коньяка, — и все. Эх, где его взять, хорошего? До сих пор спорят — помогает ли алкоголь при Погружении? Я, конечно, считаю, что...

* * *

— ...состоялся в Москве в июне 1930 года в самый разгар так называемого Великого Перелома. Основной вопрос — контрольные цифры первой пятилетки...

И кто ж такую чушь морозит? Это я такое морозю. Или морожу?

Открыть глаза!

Если я могу соображать насчет мороженой чуши, то... Управляемость за пятьдесят, даже больше, что само по себе почти чудо.

Солнце!

— ...рассматривался также вопрос о борьбе с правым уклоном в ВКП(б)...

Зажмурился всего на миг, привыкая к ярким лучам, а главное, к самому себе — новому, старому. Первые секунды Погружения почти так же опасны, как и прием таблеток. Тогда может не выдержать мозг, сейчас — я сам. Мало ли куда закинет? А если посреди моря, в шторм? Любил я в те годы понырять среди волн!

Почему я молчу? Я должен продолжать белибердень про правый уклон...

Глаза!

...Огромное окно, солнце над желтым зданием Академии, далеко внизу — зелень сквера, а над всем этим — бледное горячее небо. Родной университет, этаж этак пятый... Лето? Лето!

Аудитория 5-51. Точно!

— Продолжайте, продолжайте...

— Сейчас!

Это уже мне, и это уже я. Все ясно — почти все. Экзамен, билет на столе, там же — листок в клеточку с моими каракулями. А передо мной профессор Вайнштейн Аркадий Исаакович, значит, история СССР. Третий курс, летняя сессия? Ну конечно!

На экзамен еще не заносило. Так мне и надо! Ладно, чего там дальше про правый уклон? Самое время брать управление на себя, я-прежний, меньший братец, поскучай пока!

— Дело, конечно, не в правом уклоне, Аркадий Исаакович. Да и уклона-то никакого не было.

Хулиганить и безобразничать при Погружении не принято — даже у тех, кто окончательно впал в «сонный уклон» (уж точно уклон, куда там Коле Бухарину!). В любом случае получать на экзамене «хор.» вместо заслуженного «отл.» ни к чему. Но и повторять чушь из старого учебника не хочется. Профессор меня за попку-дурака не почитал, так что вполне можно высказаться.

Аркадий Исаакович до сих пор жив и здоров, что во всех отношениях приятно. Трудно разговаривать с покойниками. Но и он хорош — нагружал нас, бедных доверчивых студентов, чушью про любовь народа к партии.

— «Военная тревога» 1927 года показала, что РККА практически небоеспособна. Отсюда все подобные, извините, Аркадий Исаакович, телодвижения. Обвинять лично Сталина не имеет смысла, ведь даже Чаянов, на что либерал и мужиколюб, предлагал самые решительные меры. Этим объясняется и форсирование темпов индустриализации. Иное дело, не рассчитали — слегка. Товарищу Кржижановскому песни бы писать, а не планированием заниматься!

И вдруг я понимаю, что уже не сижу — красуюсь возле окна в привычной стойке лектора, в левой руке — несуществующие очки, которыми (есть грех!) злоупотребляю в качестве реквизита. Тон и голос — соответствующие. Коллеги-студенты за партами уже поднимают головы... Эге! Осторожнее надо, не то брякну привычное: «Да-с, молодые люди, учебник читать надо! А вы, на последней парте, э-э-э, Хвостиков, не списывайте!»

...Юра Хвостиков, хороший парень со смешной фамилией. Этот уж точно покойник, умер лет восемь назад. Кажется, печень.

— А что касаемо, хе-хе, правого уклона, то история вышла

вообще смешная. Перед съездом Сталин и Бухарин помирились, Горький поспособствовал...

Ах, черт! «Хе-хе» — совсем ни к чему. А вообще-то лихо! 1978 год, Погружение на... двадцать шесть лет! Личный рекорд. И почти полный контроль, что тоже невероятно.

— ...Вот Коба и отправил друга Колю в горы — альпинизм поднимать. А бедняга Рыков отдувался на съезде за двоих. Били сильно.

Хвостиков, рядом — Лена Токаренко, чуть дальше... Не помню, mea culpa!

...Борисова, Яковлев, Таня Крутицкая.

Молодец, я-прежний, братец мой меньшой, подсказывай и дальше!

— Ну-ну!

Аркадий Исаакович, кажется, не удивился, если и да, то не слишком сильно. Меня всегда почитали на факультете несколько экстравагантным. На семинарах всегда именовал Троцкого исключительно по имени-отчеству, приносил из дому старые издания «ВКП(б) в резолюциях», Грушевского с Винниченко поминал. Либеральные стояли времена, а еще говорят: «Застой, застой!»

А вот на работу после пятого курса не взяли. И правильно, нечего умничать!

— Что там был за вопрос с «милитаристским уклоном» в ВКП(б)?

Это мне за наглость. В «сером» учебнике Пономарева про «уклон» — ни слова, даже в справочниках он лишь упоминается.

Значит, «ну-ну», Аркадий Исаакович? Ну-ну — два раза!

— Письмо Тухачевского к Сталину с программой модернизации РККА. К тому времени стало ясно, что прежняя программа Уборевича, хоть и немцами составленная, неудачна. Тухачевский попытался перехватить инициативу...

А если спросит, откуда сие ведомо? Оттуда! Скажу — статья маршала Бирюзова в «Вестнике военной истории» за 1964-й. Не побежит ведь Аркадий Исаакович в библиотеку!

— ...Сталин вначале возмутился, отсюда и «милитаристский уклон» на съезде. Но уже через два дня написал Тухачевскому письмо с извинениями. Программа была, конечно, еще та. Пятьдесят тысяч танков за пятилетку, когда реально выпустили еле-еле пятьсот. И те, извините, калеки вроде «МС»...

Кажется, «отл.» мне уже обеспечено — как и было в реальности. Если, конечно, профессор в Первый отдел не помчится. Едва ли, истфак все-таки!

А что было — будет — дальше? Именно в такие минуты понимаешь, что память — штука абсолютно ненадежная.

* * *

Хельги ждала в коридоре, листая общую тетрадь в красной клеенчатой обложке. Конспект? Но ведь она уже, кажется, получила свое «отл.»?

— Привет!

— Привет, Эликен!

Близоруко сощурилась (очки она наденет через пару лет), улыбнулась.

— Пятерка, конечно? Ну, пойдем!

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

29

10 августа 1901 года молодые девушки Энни Моберли и Элинор Джордан (Журден) во время посещения садов Малого Трианона (Версаль, Франция) неожиданно для себя заметили необычную перемену в окружающей обстановке и принялись с удивлением разглядывать людей и ландшафт явно из другой исторической эпохи. Путешественницы обратили внимание на то, что все окружающие одеты в костюмы времен Марии-Антуанетты. Позже, после столь же чудесного и непонятного их возвращения в родной XX век, историки по описаниям уточнили наблюдаемое девушками время — период с 1770 по 1774 год.

30

Согласно теории струн, все микрочастицы образованы замкнутыми в петли крохотными струнами и находятся под чудовищным натяжением в сотни миллионов тонн. Их толщина гораздо меньше размеров атома, однако колоссальная гравитационная сила, с которой они воздействуют на объекты,

попадающие в зону их влияния, разгоняет их до колоссальной скорости. Совмещение струн или соположение струны и черной дыры способно создать закрытый коридор с искривленным пространственно-временным континуумом, который и мог бы использоваться для путешествия во Времени.

Теоретическую возможность подобных путешествий обосновывают в своих работах известные специалисты по квантовой физике Эдвард Уокер, Джек Саргати, Юджин Уингер и Чарльз Мьюзес.

ЧИСТИЛИЩЕ

16 июня 1978 г., город Харьков

— Что скажешь, Эликен?

— Подумаю.

— На тебя не похоже.

Солнце, солнце, солнце... При Погружениях ясно чувствуешь, что в прежние времена оно и вправду светило ярче. И небо было выше, и воздух слаще. Все привычное, все родное! Резная листва на знакомых деревьях, ровные чистые аллеи, полузабытые киоски с газированной водой (чистая — копейка, с сиропом — четыре). Парк имени Шевченко... Вот и дуб-ветеран, ему за триста, пока еще зеленеет, бедняга, но крона уже мертва.

— Все думаешь?

— Думаю и думаю.

Но труднее всего привыкать к себе самому. Лишнего веса за эти годы не набрал, но двигаться теперь куда легче. Не идешь — летишь. На зубах — ни одной коронки, непривычно. И чуб на голове пока еще проблема, девать некуда, а лицо странно голое, ни бороды, ни усов. Какая борода на военной кафедре?

Часы на руке... Привет, пластмасска, молотком деланная! И я такое носил? Стоп, Время! Не засек, забыл. Сейчас 11.23, экзамен шел минут десять, не дольше...

— Двадцать шесть лет и полтора месяца, контроль и управление — процентов восемьдесят, даже больше, опыт длится около получаса.

— Звучит серьезно.

С Хельги во время Погружений мы не встречались. И не могли. Той — этой! — осенью, далекой осенью 1978-го, она уедет в Москву, потом — за границу. Двадцать шесть лет! Шура прав, новые таблетки того стоят. Главное, остаешься самим собой, не чувствуешь себя космонавтом в чужом теле-скафандре.

На Сумской, как и всегда, людно. Улица почти не изменилась, разве что иномарок нет, и витрины забытосоветские, как в старых кинофильмах. Но такое я уже видел и еще увижу, Погружение, скажем, лет на пятнадцать — не проблема. А вот Хельги могу больше не встретить — двадцатилетнюю, еще не носившую нелепые очки в золотой оправе, легкую, почти невесомую в своих белых туфельках на высоком каблуке. Сейчас я провожу ее домой, мы зайдем в подъезд знакомого дома на Донец-Захаржевского...

Стоп! Не подсказывай мне, брат мой меньший, и так помню. Только...

— Эликен!

Оказывается, мы остановились — как раз возле глухого забора. Долгострой Оперного театра, откроют только через девять лет. Остановились, стоим, Хельги держит меня за руку.

— Эликен, что случилось? Это... Это ты?

Да, во время Погружений можно делать почти все. Почти — слишком резкие движения не рекомендуются, с чем не спорят даже «сонные» уклонисты. И во сне откровенные глупости ни к чему, твой ведь сон, не чужой. Но это не сон, не сон, не сон! Вокруг все настоящее, даже слишком. Абсолютная реальность... Если задуматься — страшно. И соблазн, соблазн! Иногда так и тянет поиграть в пророка, а то и хуже — исправить саму Историю. Позвонить, скажем, Брежневу, чтобы не посылал войска в Афганистан...

В первые годы увлечения DP почти все так и поступали. Потом опомнились, поутихли. Не только потому, что ничего не исправлялось. Поняли — нельзя, даже не поняли, почувствовали. Если DP — не сон, не привычная Реальность, не просто фармацевтическая Машина Времени, значит — нечто иное? Иное — что?

Лицо Хельги совсем близко, близорукие глаза смотрят настороженно, странно. Все время (все Время!) забываю: при Погружении не одни лишь деревья и улицы, но и люди на-

стоящие. И ты для них — настоящий. Только играть в себя прежнего, в наивного двадцатилетнего студента, нет никакой охоты. Даже иначе — не получится. Ни у кого не получалось.

— Ты так никогда не улыбался, Эликен.

— Ага. Там, кажется, скамейка.

«Там» — возле забора, рядом с огромным экраном, на котором вечерами крутят рекламные ролики. То есть, конечно, не ролики — отрывки из новых кинофильмов. «Ленфильм» с Медным Всадником, «Мосфильм» с Рабочим-Колхозницей... Как выразился один мой язвительный однокурсник: «Кино для нищих».

А если посоветоваться? Просто посоветоваться?

— Сейчас... Я, кажется, сигареты не купил.

— Сигареты?! Ты же не куришь.

Ну конечно! Какие в те годы сигареты? Спорт, спорт — и только спорт. Велосипед, плавание, лыжи... И курить не очень тянет, нет привычки.

— Н-да, перезанимался. Давай присядем.

* * *

— Попробую, Эликен. Во сне человек почти всегда знает, что спит. Сон когда-нибудь кончается. Можно проснуться — если очень постараться.

— Например, закричать.

— Да. Кроме того, во сне очень трудно читать, больше страницы не осилишь. Наверно, мозгу трудно придумывать текст. Ну и... Все.

— Не все, Хельги. А если я уверен, что все вокруг — нереальное? Не сон, не бред даже, а какое-то... состояние. Скажем, полная иллюзия перенесения в иное время.

— На двадцать шесть лет и полтора месяца? Назад? Значит, сейчас у тебя две тысячи...

— 2004-й, август. Я в отпуске, Шура продал мне новые таблетки, я сижу в кресле возле компьютера, на стене часы с циферблатом в виде старинной карты.

— Фу ты, а я уже испугалась! Хорошая идея, особенно насчет карты. А меня ты придумал? В своем 2004-м?

— Ты в Гарварде. Преподаешь. Кафедра истории России XIX века.

— В Штатах? А как я там оказалась?

— У тебя дядя в Калифорнии, очень богатенький дядя.

— Эл... Эликен! Откуда ты... Я тебе ничего не говорила про дядю Игоря! Кто тебе рассказал? Так нечестно! Нечестно!..

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

31

«Ноогенетические» силы сжатия, организации и интерьеризации, под действием которых происходит биологический синтез мышления, ни в какой момент не ослабляют своего воздействия на человеческую ткань. Из этого вытекает отмеченная выше возможность уверенно предвидеть, если все пойдет хорошо, некоторые точные направления будущности. Упорядочивание крупных комплексов (то есть организация их все более невероятных, хотя и связанных между собой состояний) происходит в универсуме лишь двумя связанными между собой способами:

1) в результате пробного использования благоприятных случаев, появление которых вызывается игрой больших чисел, и

2) во второй фазе путем сознательного изобретения.

32

По одной из легенд, распространенных среди DP-watchers («Наблюдающих сны о Прошлом»), в июле 1993 года (или годом позже) Том Брэйвуд, житель города Сан-Диего, Калифорния, человек очень больной, принял одновременно три таблетки. Одним из лекарств был диазепам (вариант препарата валиум), по поводу двух других высказываются разные мнения. В результате примерно через минуту после приема последовала потеря сознания, длившаяся около шести минут. За это время Брэйвуд успел, по его уверению, побывать (позже стал использоваться термин «погрузиться») в собственном Прошлом (в 1982 году). Брэйвуда поразил не сам факт Погруже-

ния, которое он первоначально принял за сон, вызванный общей слабостью, а невероятная реальность увиденного.

Через несколько дней, сопоставив факты, Брэйвуд повторил опыт с тем же результатом. На этот раз он погрузился в 1981 год, причем за несколько «реальных» минут Погружения сумел провести в Прошлом почти целые сутки.

Легенда о Томе Брэйвуде не имеет документального подтверждения. Есть мнение, что первое Погружение произошло в 1983 году в ходе испытаний, проводившихся в лаборатории одной из фармацевтических фирм.

Вскоре движение DP-watchers стало массовым, охватив тысячи людей, несмотря на вред, приносимый приемом сильнодействующих препаратов. Использовались разные сочетания трех таблеток (около десятка), но среди них обязательно присутствовал диазепам. Достаточно быстро DP-watchers приравняли к наркоманам, однако борьба с этим явлением затруднялась и затрудняется тем, что все применяемые лекарства были совершенно легальны, более того, крайне необходимы миллионам больных.

Механизм явления DP до сих пор не изучен. Считается, что комбинация (набор) лекарств приводит к временному прекращению функций некоторых частей мозга в области, именуемой психоневрологами «Область Бога».

В настоящее время (2003 г.) «наблюдатели» применяют три основные комбинации лекарств (не считая т. н. «черного» DP).

1. Набор DP-10...

33

Британское королевское Метапсихическое общество, основанное 150 лет назад, накопило в своих архивах почти двести фактов проникновения Прошлого в Настоящее и Будущего в Настоящее. Практически все гости из Прошлого тяжело перенесли непонятное для них перемещение, закончив свою жизнь не совсем счастливо — кто в больнице, кто в тюрьме. Люди из Будущего к подобному приключению относились в какой-то степени спокойно. Вероятно, часть из них вернулась обратно.

1 августа 2004 г., город Харьков

Тетка за прилавком скользнула по мне равнодушным взглядом и, ничего не спросив, протянула пластмассовый стаканчик с коньяком «Коктебель». Так же молча был вручен ломтик апельсина. Теток здесь две, вторая, помоложе, выдает апельсин на тарелке с голубым рисунком. И столь же молча.

Иногда все же здороваемся. Постоянный клиент!

Среди тех, для кого Погружения стали частью жизни, наркоманов практически нет. Не пробовал, но, говорят, даже невинная конопля блокирует DP на много дней. А вот пьем безбожно, и это еще не самое страшное. Болеем, сходим с ума, бросаем семьи... Все мы ждали, когда про DP заорут во всю глотку, на уровне ВОЗ, а то и ООН. Крайний социальный эскапизм, чреватый распадом общества, новая, изощренная форма наркомании, поражающая прежде всего образованных и не самых глупых, хроноложество, хрономания... Молчат! И это молчание красноречивее любых криков. Выходит, все еще сложнее, чем кажется. DP не замечают — значит, это кому-нибудь нужно?

Коньяк пился привычно, почти не задевая нервов. Потом чуть отпустит, самую-самую чуть. Надо будет взять еще, до встречи с Шурой десять минут, успею.

Нет, не десять — восемь. Но все равно успею.

Часы у меня без цифр, только со стрелками. Белый циферблат, птица с распростертыми крыльями... Последняя мода среди DP-watchers, а заодно и наш опознавательный знак, вроде браслета у хиппи. Вначале думал, будет неудобно, но быстро привык. В чем тут символика, каждый решает сам, для меня же пустой циферблат — это и есть DP. Время все равно идет, но определяю его я сам. Пусть и не всегда точно.

Про часы я узнал на одном из американских DP-сайтов, где рекламировалась чуть ли не дюжина моделей разных фирм — от дешевой штамповки до лучших швейцарских. Заказывать, понятное дело, не стал, но через месяц купил точно такие же в магазине через дорогу. Продавщица пояснила: «Стильно!» Значит, есть уже DP-мода, так и до субкультуры рукой подать. Три разноцветные таблетки еще встряхнут род людской!

* * *

— Н-ну как?

— Ну, так.

Это вроде пароля — вместо бессмертной фразы про славянский шкаф и тумбочку. Среди нас, «наблюдателей», в подобных случаях принято спрашивать, который час — с последующей демонстрацией пустого циферблата. Но бывают варианты. Шуру я знаю много лет, играть в Штирлицев нет охоты, однако первая фраза всегда одна и та же. Вдруг моего дилера подменили?

Восемь вечера, нестойкие сумерки, троллейбусная остановка на проспекте Гагарина, забитые народом скамейки. Лучшее место для встречи, никто и внимания не обратит. Шура, как всегда, с большим черным портфелем, полным картонных коробочек — больших и маленьких.

Подошел троллейбус, за ним подкатила маршрутка. Народ схлынул, и я поспешил присесть на освободившееся место. Шура достал «Ватру», я вынул пачку красного «Атамана».

«Ватру» я тоже курил. Давно.

— Двадцать шесть лет, управление почти полное. Правда, только четыре часа. Но все равно — чудо.

— Я же тебе, Арлекин, г-говорил. Еще возьмешь?

— Не знаю.

Взял бы, но эти новые разноцветные слишком дороги. DP — вообще удовольствие не из дешевых, поэтому большинство из нас — зажиточные пенсионеры, доценты с профессорами, удачливая богема. Молодежи почти нет. Какой смысл погружаться, когда тебе двадцать пять, если крайний предел — пятнадцать-шестнадцать? Почему, пока неясно, но ниже собственных четырнадцати никто из «наблюдателей» еще не бывал.

— А я с девушкой поссорился. С очень хорошей. Ляпнул, не подумав...

— Т-там? Это, Арлекин, б-бывает. Так и тянет п-пророка изобразить.

— Ага.

— Может, в-все-таки возьмешь? Одно П-погружение не показательно. Эти н-новые — они синхронные, представляешь? Д-день в день, почти с г-гарантией!

...Очередной троллейбус, толпа толкается у дверей, вот и милицейский патруль с резиновыми «демократизаторами». Ничего, не тронут, вид у нас приличный, а я даже не слишком пьян. В черном портфеле у Шуры — обычные лекарства. И документ наверняка имеется: агент фармацевтической фирмы, какая-нибудь служба доставки.

Сам Шура никогда не погружается, как и положено дилерам. Зато все знает.

Снова троллейбус...

— Синхронные? То есть приму завтра — окажусь на день позже? Так не бывает, обычный разброс — несколько недель.

— Т-теперь бывает. Потому и д-дорогие. Бери!

Не верю. Змей-искуситель Шура врать не станет, но чтобы синхронно? Чем глубже Погружение, тем больше разброс. Сегодня — июнь 1978-го, завтра, даже если погрузиться ровно через сутки, какой-нибудь май или декабрь. Потому и много загадок. Вспомнит ли Хельги наш разговор, скажем, 17 июня на следующий день — если я там снова появлюсь? Пока проверить не удавалось. DP — не фильм о Прошлом, а обрывки киноленты. Или нескольких лент. Нескольких жизней...

— Ну, п-пока. Завтра буду.

— Счастливо!

В какую сторону уходит Шура, я обычно не смотрю. Не мое дело. Но что не на остановку, точно. Моего адреса он тоже не знает — вроде бы. Как говаривал один известный персонаж: «Конспигация, товагищи!»

...Конс-пи-га-ция! Конс-пи-га-ция!

Пройдя шагов десять, я все-таки оглянулся. Шуры уже нет, на лавках — бабки с безразмерными клеенчатыми сумками, пара знакомых бомжей, грязная худая собака тычется мордой к прохожим...

Денег в кармане почти не осталось. На сто грамм «Коктебеля» еще хватит, а вот на июнь 1978-го — нет.

Машины Времени нынче дороги.

— ...Вы не скажете, который час?

Что? Ах да!

Смотрю на пустой циферблат, привычно ловлю Время за хвост. Двенадцать минут девятого.

— Можете взглянуть на мои.

Высокая худая женщина в строгом синем костюме протягивает руку — нетерпеливо, требовательно.

— Там, правда, нет стрелок.

И тут я понимаю.

* * *

— Вы — Арлекин, я — Гала. Мы переписывались.

— Помню, вы бываете на нашем форуме. Но это — не повод для знакомства.

— Я купила для вас пять наборов новых таблеток. Это — повод. Мне нужна помощь. Вас рекомендовал Шура, вы ведете Дневник Погружений, собираете информацию. Мне все это нужно.

— Что конкретно?

— Все. Но прежде всего — «черный» DP. Теория и практика.

— Не по адресу.

— По адресу. У меня есть деньги, у вас — нет. Вот ваша коробка, пять наборов. Завтра, в это же время здесь. Да, могу ли спросить? Вы — Арлекин. Почему?

— Потому что надо быть смешным для всех.

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

34

Физик Калифорнийского Института Технологии (California Institute of Technology) Кип Торн (Kip Thorne), автор монографии «Черные дыры и искривление Времени», предложил способ достижения необходимого для путешествия во Времени ускорения. Он, основываясь на теории Эйнштейна, по которой Пространство и Время везде постоянны, изучал различные «прорехи» в пространственно-временном континууме. Эти норы-тоннели якобы способны возникать между отдаленными объектами благодаря каузальной скрученности Пространства. Тоннели могут связывать отдаленные в Пространстве точки, которые существуют в принципиально разных временных плоскостях.

35

В июле 1941 года под Оршей во время разведки боем рядового Терехова оглушило взрывом мины. Пришел в себя он уже в немецком блиндаже. Увидев вражеского пулеметчика, рядовой сразу на него набросился. Озлобленные поступком пленного, немцы решили его расстрелять. Когда Терехова повели к ближайшему лесу, неожиданно небо озарилось ослепительным светом, и раздался пронзительный свист. Открыв глаза, советский боец обнаружил, что лежит на зеленой траве среди деревьев, а рядом без сознания — его конвоиры. Он быстро собрал их автоматы, растолкал и, приказав поднять руки вверх, повел немцев в том направлении, где предположительно находилась его часть. Вскоре, к изумлению Терехова, лес кончился, а на дороге он увидел приближающуюся телегу, в которой сидели старик и девочка. Девочка сообщила, что он вместе с пленными немцами находится на Дальнем Востоке, а на дворе — лето 1948 года.

36

Характеристика основных лекарственных комбинаций (наборов) DP.

№	ГП	У-К	НС
1	10 лет (+0,2)	80 —90%	крайне невелик
2	15 лет (+0,4)	60 —70%	1—2%
3	20 лет (+0,5)	20 —40%	4—5%
«Н»	больше 26 лет	80 —90%	неизвестен

Примечания:

1. ГП — Глубина Погружения; У-К — Управляемость (контроль); НС — процент несчастных случаев; «Н» — «Новый».

2. Характеристики «Нового» набора нуждаются в уточнениях.

37

«Жалкий глупец, неужели ты настолько наивен, что думаешь, будто каждое наше слово следует понимать буквально и что мы откроем тебе самую удивительную из тайн?» (Философ Артефиус, XII век)

ЧИСТИЛИЩЕ

17 июня 1978 г. — 2 августа 2004 г., город Харьков

— ...Нет, бабушка, ничего не случилось, слава богу, все в порядке. Просто зашел, давно у тебя не был. Очень давно... Конечно, конечно, вчера забегал. После экзамена, да? Это я переучился, бывает... Ничего, я валерьянку пью — по две таблетки перед сном.

— ...Да, скорее всего, в Песочин, скифские курганы копать. В начале июля поеду. Самые северные царские скифы. Поле, посреди — Большой курган, там кто-то очень знатный лежит, может, даже царь. И два десятка курганов поменьше. Нет, я еще ничего не видел, ребята рассказывали. А начальником будет Бородулин, из исторического музея, от нашей кафедры — Ваня Сергеев... То есть Иван Павлович, конечно, он сейчас как раз диссертацию заканчивает. Если честно, ничего там, в Песочине, особенного нет, Большой курган грабленый, чуток только осталось. А в остальных — всякая мелочь, бусины сердоликовые, стеклянные браслеты. А чему еще там быть? Скифы — ладно, жаль, в этом году в Херсонес не попал. Ничего, успею! Там, в Херсонесе, Казарма есть, интересный очень памятник. А еще Цитадель. Ты же там бывала, еще до войны, да? Помнишь, на Главной улице, которая от собора Владимира ведет, есть такая яма в земле, Крипта называется? Про Крипту я у Гриневича прочитал, он ее исследовал еще в 20-е. Нет, с ним я не согласен, абсолютно. Вот и погляжу, что там к чему.

— ...Представь себе, поссорился. Наговорил Хельги глупостей, сейчас и звонить как-то совестно. Ну, бабушка, почему сразу «космополитизм»? «Хельги» — это «Ольга», а еще «Кудесница». Мы с ней летом после первого курса переписывались, а псевдонимы — чтобы интереснее было. Нет, уедет. Сначала в Москву, потом — еще дальше. Не уговорю, не смогу. Конечно, попытаюсь, только...

— ...А я сегодня только заметил, какие деревья во дворе маленькие, даже до третьего этажа не достают. И наш виноград... Его бы укрепить, а то поднимется повыше, скажем, до пятого этажа, а тут буря. И ничего нельзя будет сделать. Да, помню, в прошлом году мы его подвязали. Но... Ничего не исправишь, верно, бабушка? Даже если знать все заранее: когда будет буря, кто чем болен, кому сколько осталось. Нет-нет, здоров я, не волнуйся! Ничего со мной не случилось, переработался только, пока про XVI съезд ВКП(б) читал. Смешной он человек, Аркадий Исаакович. Сейчас все про партию да про пятилетки вещает, а как разрешат... У-у-у! Культ-раскульт, массовые репрессии, харьковская Катынь! Оно, конечно, не судите, да не судимы будете, все мы человеки... Ладно, побегу. А Хельги из автомата позвоню. Ну не из «калашникова» же!

— ...Валерьянку — обязательно. И ты, бабушка, не забывай про лекарства. Соседке нашей уже восемьдесят шесть — и ничего. В смысле будет когда-нибудь. Как и нам всем. Ага!

* * *

Непривычное, без новой желтой «столярки», окно, градусник на внешней раме, зеленые побеги винограда, еще только ищущие дорогу к нашей форточке...

Бабушка машет рукой, прощаясь. Как и всегда. Так будет еще год, и еще год. Целых пять лет.

Если б я знал все с самого начала, никогда бы не выпил три разноцветные таблетки. Наверняка не я один — очень, очень многие. Иногда это страшнее всякого ЛСД, но отказаться от Погружений, уже побывав «здесь»... Кто сможет?

Хватит! Эмоции забыть, комплексы отставить! Курс ост, затем норд-ост, через реку, улицей Гамарника... Молодец, я-прежний, братец мой меньший, правильно повел. Я-нынешний сразу бы к метро свернул, лишний километр — уже проблема.

Ост! Норд-ост!

Итак... Итак, Шура не ошибся, «новый» набор действительно синхронен, сейчас 17 августа 1978 года, вчера мы встречались с Хельги. Интересно, она помнит? Чем было для нее-сегодняшней мое «вчера»? На одном немецком DP-сайте синхронность зафиксирована, но без убедительных доказательств. А вот оно — доказательство, стоит лишь поднять телефонную трубку.

Выходит, мы погружаемся не в отдельные «омуты», а прямиком в Реку Хронос? Не факт, не факт, сон тоже бывает с продолжением. Река Хронос... Правда, та, что сейчас передо мной, совсем не Хронос, зимой по ней плавают утки, летом все покрывается тиной. Мост... Во сне переходить реку — худшая из примет, но я не во сне. DP — не сон, не сон, запомни это!

А что я скажу Хельги?

* * *

Правильнее всего было оставить коньяк на вечер, но я все же не удержался — глотнул. Раз, еще раз... Не из бутылки, до такого еще не дошел. А вот мыть рюмку не стал, даже стол не вытер. Авось сопьются гады-тараканы! Долька лимона смотрелась настолько мерзко, что я, не думая, захлопнул холодильник. Коньяк с лимоном, «николашка» — дожил, называется! Объясняли ведь, и не где-нибудь, а в благородном дегустационном баре: цитрусовые — смерть коньячному букету. Только какой букет у «Каховки», даже трехзвездочной?

...Дегустационный бар «Янтарь», Ленинград, Московский проспект. Лето 1977-го? Кажется, да. Заглянуть бы снова... Странно, но только дважды во время Погружений довелось попасть не в Харьков. Но, может, и не странно, просто статистика. Выезжал я тогда не так и часто: месяц — летом, неделя — зимой...

Кажется, от Харькова мне никуда не уйти. От Харькова, из Харькова.

Да, почти все мы, DP-watchers, «наблюдатели», жалеем, что взялись за наше неверное дело. По крайней мере, вслух. Энтузиасты тоже случаются, но быстро скисают. Во время Погружения всегда можно заставить себя... Не забыть, конечно, но успокоиться. Все живы, все с тобой, и это даже не сон. А вот когда вновь толкает в затылок, когда открываешь глаза и видишь же циферблат с картой Америки...

Первая мысль... Нет, не стоит о таком. А вот вторая очевидна: никогда больше!

Некоторых хватает надолго, чуть ли не на год.

На часах — 19.03, жить не хочется, даже занести очередную запись в ноутбук нет ни сил, ни охоты. Надо, надо! Если не вести Дневник, не документировать каждый шаг, Погружения станут ничем не лучше бытового пьянства. Пока держусь. Потому и ценят, чуть ли не за гуру почитают, оттого и направил ко мне Шура эту неприятную даму. Гала, понимаешь. Мадам Дали нашлась — верхом на лебеде... Неправда, что псевдоним скрывает, напротив — анатомирует до белых костей.

Ладно, где ноутбук? Все по форме, все по порядку. Номер Погружения, номер набора, управляемость, время виртуальное, время истинное...

С Хельги так и не встретился. Не позвонил. Запишем... Интересно, я-прежний, студент из счастливого июня 1978-го, позволил бы ставить над своей девушкой опыты? In anima vili, как на лягушке? Можно, конечно, позвонить в Гарвард, прямо сейчас, по мобильнику. Привет, Хельги, это Эликен, не забыла еще? А я тут эксперимент ставлю, хочу с тобой «там» встретиться... Хельги, слава богу, жива и здорова, но с другими как? Куда звонить, по какому телефону? Взять бы картонную коробку с упаковками в блестящей фольге — да прямиком в мусоропровод! И коньяком запить. Слабо?

Слабо, конечно. А главное, скоро все пройдет, DP-отходняк короткий, всего несколько минут. DP-отходняк, хронопохмелье, хроноломка... Просмотреть запись, закрыть файл, спрятать ноутбук — и подальше. Компьютер, который на столе, слишком на виду.

Стоп! Не прятать. Где у меня чистые диски? TDK CD-R80? Годится!

Но прежде — коньячку. Здравия для. Куда там лимон спрятался?

38

В каком-то смысле каждый из нас путешественник во Времени, правда, двигаться можно только «вперед».

До Эйнштейна о путешествиях во Времени говорили только литераторы, причем идея «Времени вспять» принадлежит не Герберту Уэллсу, а Эдварду Пейджу Митчеллу (Edward Page Mitchell), издателю газеты New York Sun, который за семь лет до «Машины времени» опубликовал рассказ «The Clock That Went Backward» («Часы, которые шли назад»).

В физике о возможности подобных перемещений стало модно размышлять вслед за Эйнштейном. Феномен путешествия во Времени с того момента стал объясняться с точки зрения действия пространственно-временного континуума. «Тень» Эйнштейна по сей день лежит на всех мало-мальски серьезных рассуждениях на эту тему.

Реальная проблема, которая может ждать путешественников, — парадоксы Времени. Все они будут связаны с возможным воздействием на ход уже совершенных событий — «парадокс дедушки», например.

Большинство теоретиков сошлись на том, что всякое воздействие на ход совершенного создает новую, параллельную реальность либо другую «мировую линию», ничуть не мешающую существованию «исходной». Таких «параллельностей» будет ровно столько, сколько необходимо для непротиворечивого существования каждой из них.

ЧИСТИЛИЩЕ

2 августа 2004 г., город Харьков

— Вы... Вы же пьяны, Арлекин!

Смотреть на мадам Дали в этот миг было почти что приятно. Я заранее выбрал хорошо освещенное место, чтобы безжалостный фонарь мог от души обрисовать все очевидные детали: морщинки у губ и глаз, набрякшие веки, неровно наложенную косметику. Дело не в возрасте, возраст у нее не такой чтобы слишком. Если и старше меня, то на пару лет.

— Рад вас видеть, Гала! Воспитанные люди, между прочим, говорят не «пьяны», а «устали». Вот ваши деньги за пять наборов. Процент возьмете?

Вот так, мы не нищие! Неприятная баба, ох неприятная! Давеча по кабелю показывали испанский фильм для интеллектуалов, там главный герой долго и интимно общался со старухой. На весь экран. Той за семьдесят было, но эффект, эффект...

Ее рука потянулась к купюрам. Замерла.

— Я вас чем-то... А, поняла! Реакция! Вы недавно погружались. Потом, естественно, стресс, жить не хочется. Затем коньяк и — эйфория. На полчаса. Так?

Дело она знала, что, впрочем, не ухудшило настроения.

— Ага. Некоторые принимают химию, но после Погружения такое — явный перебор, мозги жалеть надо. Коньяк приятнее, после него хочется прекрасного.

Напудренное лицо дернулось, глаза зло блеснули.

— Вы!.. На что вы...

— Намекаю? — невольно восхитился я. — Еще на грамм двести с апельсинчиком.

«А вы что подумали?» — добавлять не стал. Ввиду очевидности.

Хороший способ почувствовать уверенность при разговоре с подобной особой — мысленно сорвать с нее платье. Или костюм, как в данном случае. Результат сразу придает бодрости. Метод, конечно, варварский, но недаром перед расстрелом раздевают!

— Вот вам диск, только что переписал. Там все мои файлы, включая архив и Дневник Погружений. Часть на английском, но разобрать можно. Будем считать, это за проценты. Кстати, спасибо, таблетки действительно на славу, я чуть ли не открытие совершил. Берите!

Диск я упаковал даже не в бумагу, в пластмассовую коробку. Пусть не думает, нечего!

Спрятала деньги, спрятала диск...

— Почему вы не хотите мне помочь, Арлекин?

— Потому что мы, «наблюдатели», DP-watchers, одиночки. У каждого свое Прошлое.

— Неправда! У нас полно сайтов, в Америке выходит журнал. Вы сами помещаете материалы.

— Верно. Только что я отдал вам все, чем богат. Но мы действительно одиночки, Гала. Теория — одно, практика — нечто иное. Это первое. А вот и второе... «Черный» DP — не мое. И вам не советую. Хуже наркомании, процент смертности...

— Знаю! Как и то, что все «наблюдатели» живут недолго. Спиваются, сходят с ума, кончают с собой. На себя посмотрите!

— Спасибо.

— Мне нужен совет, нужна информация. Требуется ваша помощь, Арлекин. Не хотите денег? А найти нечто новое? Настоящее? Вы же погружаетесь не только ради сентиментальных воспоминаний, правда? «Три таблетки» — чистое шаманство, никаких настоящих открытий вы не совершите. Нужно искать новый путь.

— «Черный» DP — новый путь?

— Да.

* * *

Переводить с английского тексты с DP-сайтов — сущая мука. Господа «наблюдатели» даже не думают о какой-то единой терминологии. «Dupilicity»... В каком смысле «dupilicity»?

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

39

Идея о том, что какая-то Душа подготавливается на вершине мира, не столь чужда, как можно было бы думать, нынешним способам видения, свойственным человеческому разуму. Но эта Душа, совпадающая с вероятным соединением всех элементов и причин, может образоваться лишь в крайне отдаленном будущем и в полной зависимости от обратимых законов энергии.

И вот от этих-то двух ограничений (отдаленности и хрупкости), несовместимых с природой и функцией Омеги, необходимо последовательно освободиться по двум положительным причинам. Одна из этих причин — любовь, вторая — вечность жизни.

40

Сегодня в мире производится более 300 тысяч наименований лекарственных средств, каждый год на рынок выводится около 40 новых препаратов. Не все они имеют жизненную необходимость. Британские медики назвали 174 надуманные болезни человечества, от которых фармацевты упорно создают все новые и новые лекарства. Недаром сами же медики шутят: «Спеши воспользоваться новым лекарством, пока не доказали, что оно неэффективно».

Вместе с тем в последние годы наблюдается новая, пугающая тенденция. Некоторые препараты, сами по себе безопасные, при приеме их в различных сочетаниях способны принести немалый вред здоровью. Многочисленность производимых в мире лекарств не позволяет вовремя предусмотреть и предотвратить нежелательные последствия. Одним из самых опасных является так называемый «феномен DP».

ЧИСТИЛИЩЕ

18 июня 1978 г., город Харьков

— Он был добрый! — в отчаянии воскликнула Хельги. — Он... Он в сапогах ходил, как простой крестьянин!

— Да хоть в галошах, — хмыкнул я, допивая кофе. — Судят по результату матча. Профукал Россию, венценосец!

Кофе пился с трудом, и недаром: в прежние годы я предпочитал чай. Это сейчас без двух чашек «Якобса» не проснешься.

За окном все то же лето, беззаботное лето 1978-го. Четвертый этаж, дом на Донец-Захаржевского, мы с Хельги спорим о Николае II. А чем еще заниматься двум третьекурсникам в пустой квартире?

— Согласен! — махнул я рукой. — Свергаем большевичков и сажаем на престол Владимира Кирилловича. Правда, бабушка его — разведенная лютеранка...

— Прекрати!

— Папашка с красным бантом возле Думы вышагивал, Родзянкам всяким честь отдавал...

— Прекра... — Хельги даже уши руками закрыла.

— А дочка этого Кирилыча вроде бы за принца Гогенцоллерна выходит?

— Не хочу слушать!

Смешно, конечно, но ее монархизм, казавшийся в те годы нелепой фрондой, совершенно искренний. Сейчас, в своем прекрасном далеке, Хельги с жаром агитирует за возвращение в Питер праха Марии Федоровны, матушки того самого Николая. Каждому свое!

Но вот дразнить Хельги мне всегда нравилось. И сейчас нравится.

— Ладно! — смилостивился я. — Познакомишься с дочкой Врангеля, и она тебе все как есть объяснит.

— С кем? — Ладони на миг оторвались от ушей. — Она ведь во Франции. Снова шутишь, Эликен?

— Шучу. Только не во Франции, а в Штатах. Живет где-то под Нью-Йорком, при Толстовском фонде. Наталья Петровна Врангель, в замужестве Базилевская. Ты с ней точно познакомишься. И передаст баронесса тебе золотые слова незабвенного Петра Николаевича...

— Какие?

Глаза Хельги блеснули неподдельным интересом, и я вдруг сообразил, что девушка, сидящая рядом со мной и держащая в руке чашку недопитого кофе, сама годится в дочки. Только не Врангелю — мне.

— «Россия — не романовская вотчина»!

— Ты!!!

Все вышло очень просто. Или это я привык усложнять каждый шаг?

Хельги помнила, все помнила — и наш позавчерашний разговор, и нашу ссору. Время текло синхронно, непрерывно — далекое, ушедшее навсегда Время, горячий счастливый июнь 1978-го. Я еще не понимал, что можно сделать с моим открытием, да и открытие ли это вообще? «Сонные уклонисты» тут же закричат о многосерийной галлюцинации, многие просто не поверят.

А если поверят? Начнут продавать путевки в Прошлое? Счастливый день с гарантированной пролонгацией в зависимости от оплаты?

Помирились мы с ней еще проще — потому что не ссорились. Я-нынешний постоянно забываю, как легко жить, когда

тебе двадцать. Хельги вовремя вспомнила, что успела-таки рассказать мне о таинственном калифорнийском родственнике. Интересно, вправду ли успела? Не помню, ой не помню! Или это обычная реакция психики с ее здоровым «не может быть»?

Созвонились. Объяснились. Встретились.

И что дальше? В тот далекий, давно сбывшийся день 18 июня 1978-го мы просто целовались — даже о царях поспорить не успели. И не пытались. Кому нужны эти венценосные мумии?

А если все-таки попробовать? Хельги всегда соображала быстрее, чем я. В те далекие годы она уже мечтала о монархии, а я был таким ортодоксом, что и вспомнить страшно. Маркс — Ленин — Сталин — Комсомол...

— Понимаешь, Хельги... Я, конечно, шутил — и насчет Гарварда, и насчет двадцати шести лет, и насчет дочурки Черного Барона. Не знаю даже, жива ли она сейчас. Но... В Интерне... То есть по «Голосу Америки» рассказывали. Передача «Мир науки», знаешь? Так вот, случилась недавно, как раз в твоей Калифорнии, в Сан-Диего, странная история. Некий больной, его звали Том Брэйвуд, принял три разных лекарства. Одно из них — диазепам...

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

41

Все теории, объясняющие феномен (эффект) DP, несмотря на различия, так или иначе исходят из учения о Ноосфере Вернадского и Тейяра де Шардена, точнее, из ее крайне упрощенной интерпретации, характерной для многих популярных изданий. Суть ее (применительно к феномену DP) может быть сведена к следующему:

1. Ноосфера неведомым нам пока путем (единое поле вокруг Земли?) соединяет не только ныне живущих людей, но и вообще ВСЕХ — и давно умерших, и еще не родившихся, то есть людей Будущего.

2. Это соединение возможно двумя способами:

а) единая планетарная память, в которую попадают в «запи-

санном» виде все наши воспоминания, своеобразная «Библиотека Памяти»;

б) объединение «живой» психики (душ) людей, но с использованием парадокса Четвертого измерения. То есть в Ноосфере, в отличие от нашей земной жизни, Время отнюдь не линейно. Таким образом, для Ноосферы МЫ ВСЕ ЖИВЫ, просто находимся в разных «вагонах» поезда, идущего из Прошлого в Будущее.

Из этой констатации исходят следующие теории:

1. Теория Сна («сонный уклон»). DP — это искусственный сон, вызванный химическим воздействием на Область Бога, в результате чего мозг на время напрямую «подключается» к Ноосфере и получает информацию о Прошлом.

2. Теория Реального Прошлого. Поскольку для Ноосферы в силу нелинейности ее Времени мы все живы, эффект DP — это проникновение в реальное Прошлое конкретного человека, своеобразное «переселение души» во Времени. Эта теория наиболее популярна, но не имеет необходимых доказательств.

3. Теория Параллельных Временных Потоков. Наименее популярна среди «наблюдателей». Суть ее в том, что DP-эффект отправляет человека не в его Прошлое, а в «параллельную» реальность, где Время идет с отставанием. Доказательством служит то, что проследить результаты воздействия на Прошлое в ходе Погружений («эффект дедушки») пока не удалось.

4. Теория Ветвящегося Времени. Погружение приводит к появлению нового временного потока («ветви»), что и объясняет отсутствие результатов нашего Воздействия на собственное Прошлое.

До недавнего времени все споры по поводу DP-эффекта были чисто схоластичными. Однако в последнее время появились новые данные...

ЧИСТИЛИЩЕ

18 июня 1978 г. — 4 августа 2004 г., город Харьков

— Погрузиться, — Хельги нахмурилась, закусила нижнюю губу. — Посмотреть на календарь...

— Ага, — подбодрил я.

— Вырезать на дереве свои инициалы и дату. Потом вернуться, то есть проснуться и посмотреть.

Я невольно восхитился — не тому, что сообразила, а тому, что сразу, с места. Том Брэйвуд дошел до такого лишь через полгода.

— Инициалы оставляли, даже деревья рубили. И надписи на камне вырезали. Кто-то прикончил собственную тетушку.

— Ты что? — ахнула Хельги. — Правда?

— «Известия». Шучу.

На самом деле не шутил. На самом деле не только тетушку.

— И что? — Она потянулась вперед, и я вдруг понял, как давно мне хочется ее обнять, прижать к себе, коснуться губами губ...

Погоди, меньший братец, скоро исчезну!

— Ничего. Глухо! Тетушки живы, деревья зеленеют, камни и кора — в первозданном виде.

Задумалась, машинально взяла со столика пустую чашку. Поставила обратно.

— Значит... Если это все правда, конечно. Параллельные реальности, Эликен? Да?

Я откинулся на спинку кресла, чтобы не слышать знакомого запаха ее духов. Эх, братец мой меньший, мечтательный третьекурсник! Не будь ты мной, а я тобой... И не будь Хельги самой настоящей — той, с которой мы до сих пор перезваниваемся... Не верю я в теорию Сна!

Но не портить же всем нам жизнь — всем четверым сразу!

— Не исключено. Только нарушается принцип Оккама. Почему эффект DP перебрасывает не только в иную реальность, но еще и на несколько лет назад? Слишком сложно для трех таблеток!

— А давай проверим! Если ты и вправду из 2004-го...

Я невольно вздрогнул — Хельги смотрела прямо в глаза.

— Какой день?

Встала, подошла к письменному столу.

Блокнот. Ручка.

— Ты что? — Я тоже привстал. Жарко! Отчего так жарко в комнате?

— Эликен...

Помолчала, усмехнулась невесело.

— Мы с тобой уже три года знакомы, правда? Два с полови-

ной... Это не ты, Эликен! Кто-то в твоей коже, в твоем дурацком сером костюме. Даже голос другой, разве я не слышу? Принцип Оккама — позавчера ты сказал правду. Пусть пятьдесят на пятьдесят, но... Немалая вероятность, верно? Я позвоню тебе из Гарварда в твоем... в нашем 2004-м. Ты ведь этого хочешь?

Можно было... Все можно, но я вдруг понял — не имеет смысла. Я не зря затеял разговор. Хельги права — хотел. Именно этого.

— Пиши... 4 августа 2004 года, 20.30 по киевскому времени. Не спутай — в Киеве и Москве время будет разное. Позвонишь мне на мобильный телефон. Пометь — именно на мобильный, потом поймешь. Номер...

Перо заспешило по бумаге, остановилось.

— Хорошо, сейчас. Ты... Не знаю, кто ты на самом деле... Ты вернешь моего Эликена? Я все сделаю, только отпусти его, пожалуйста, отпусти!

* * *

На улице жара исчезла, и я вытер пот со лба. Хватит! Интересно, братец мой меньший что-нибудь запомнит? Пусть как сон, как случайное видение? Прости, младший, все получилось даже хуже, чем я думал. Гораздо хуже! И если не помру сегодня прямо в кресле, так и не увидев знакомый циферблат с Америкой, то больше ни разу, никогда, ни за какие Нобелевские премии...

Впереди знакомый сквер, слева — шумная Сумская. Хорошо бы не встретить знакомых. Времени еще много, но никого не хочется видеть. Неужели кто-то станет брать билеты в такие путешествия? Даже если встречаться только с живыми, если просто гулять по улицам своей молодости, вдыхать забытый сладкий воздух? Наверное, найдутся любители — уже находятся. А если удастся доказать, что DP-Прошлое вполне реально, пусть даже в каком-нибудь пятнадцатом измерении? Вот тогда набегут! И Пентагон, и СБУ с сигуранцей, и налоговая с пожарной охраной. Недаром все физические опыты по проникновению в Прошлое засекречены, недаром это дружное «Не может быть!» со всех кафедр. Может, физикам уже удалось? Узнать бы!

Как хорошо, что нас, «наблюдателей», пока не принимают всерьез! Наркоманы, что с таких взять?

Хельги не позвонит. Еще ни разу не удавалось. Никому.

Сон! Просто сон. Сдаюсь!

Больше никогда!

Но если никогда, значит — все зря?

* * *

Влад позвонил не вовремя, совсем не вовремя. Я даже не успел закрыть очередной файл в ноутбуке. 04-08-04.DOC... Хорошо, что мадам Гала его не увидит! В Дневнике никаких имен нет, только цифры и факты, но все равно — чужие глаза... Противно!

А Влад бодр. Как ни странно. В Крым зовет, в горы.

В прежние годы, в те же славные 70-е, мы с друзьями ссорились. Шумно, по-детски, с объяснениями и апелляциями к остальной компании. А потом чаще всего мирились. Без последствий.

Теперь — не ссоримся. Даже не уходим, просто отдаляемся. Не спеша, не торопясь, молча. Дрейф в Никуда.

Влад еще звонит — пару раз в месяц. А Бориса я лишь поздравляю с очередным днем рождения. 19 мая, праздник пионерии, помню.

Андрюс иногда пишет. А вот увидеться не выходит.

В последний раз мы все вместе были в Херсонесе восемь лет назад. Потом долго собирались в горы, у Бориса появилась очередная завиральная идея насчет «крымских леев». Я тоже увлекся, даже успел расчертить карту Крыма, почитать кое-что из периодики. Альфред Уоткинс, деревня Блэкуордайн, графство Хирфордшир. И это помню.

С леями не вышло. Херсонес остался позади. Где-то там — Крипта, недокопанная, недоисследованная... Две статьи, доклад на конференции. Все!

Что осталось? Три таблетки в день, пока еще выдерживает мозг? Циферблат с картой Америки на стене? Три факультета, один и тот же курс, сессии, похожие друг на друга, как сосновые гробы?

Лет пятнадцать назад звали в политику. Наш Сенатор, потом Дмитрий Курчевский. В 1993 году он предлагал ехать в

Крым с пропагандистской группой УНА, на полуострове начиналась заваруха, могло рвануть по-настоящему.

Не поехал. И заваруха не началась. Курчевский считал, что нам всем крупно повезло. Пугал чуть ли не интервенцией — то ли братской России, то ли братского НАТО. Чушь, конечно.

Тогда же — или год спустя — можно было собрать экспедицию. Пусть маленькую, пусть сначала не в Херсонес. Начальник экспедиции — вершина карьеры! Влад, Борис, Андрюс, вся моя гвардия — были готовы помочь.

Не захотелось. Просто не захотелось.

А Владу надо перезвонить, сегодня же, вот только повидаюсь с Шурой. Порой начинает казаться, что встречи с моим дилером — лишь предлог для того, чтобы заглянуть в знакомую «стекляшку» и принять лишние двести грамм.

Деньги, ключи... Мобильный телефон не забыть. Бесполезно, но вдруг? Сейчас — без десяти восемь.

Ноутбук. Спрятать подальше!

Или просто грохнуть о паркет?

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

42

...Приходим к интересному выводу: путешественники во Времени могут менять лишь свое Настоящее, а все изменения окружающего характера и следующие за ними тенденции развития никак не отразятся на его Будущем — при условии, что он не собирается дожидаться этих следствий естественным путем (в месте изменения Настоящего). То есть он могуществен над естественным ходом событий не более, чем мы, двигающиеся с приближенно постоянной скоростью. Мы отличаемся лишь количеством информации о Будущем, но, выдавая ее и оказывая этим влияние на Настоящее, он это Настоящее нивелирует.

43

В 1997 году в Петербурге были замечены призраки из Прошлого. Машина, в которой находились военные моряки, двигалась на небольшой скорости, когда прямо перед ней появились несколько солдат в треуголках и форме Российской империи петровских времен. «Петровские солдаты», закрывая лица от ветра, прошли совсем рядом, плащ одного из них даже зацепился за бампер машины, затем они скрылись внутри каземата. Офицер бросился вслед за ними, но часовые каземата уверили, что никто не входил внутрь. Рапорт о происшествии был составлен.

44

«Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время...» (Федор Михайлович Достоевский)

ЧИСТИЛИЩЕ

4 августа 2004 г., город Харьков

— Опыт? — Шура покосился на мобильник у меня в руке. — П-правда?

Хотел ответить привычным: «Известия», поморщился. Зря рассказал, совсем зря!

— Да. Впрочем, уже 20.45. Бессмысленно!

В этот вечер на остановке было неожиданно пусто. Странное дело, не воскресенье, всего лишь среда. Да и по выходным тут людно — проспект, метро рядом.

— И хорошо, — внезапно заметил Шура, — у т-тебя сигарета н-найдется?

Пожал плечами (я — да без сигарет?), достал мятую пачку «Атамана». Негромко щелкнула зажигалка.

— В каком смысле — хорошо? Для меня или вообще?

— В-вообще. — Шура затянулся, неодобрительно поглядел на вихрем летящую белую «Тойоту». — К-как гонит, козел! Вчера женщину т-тут сбили... Вообще хорошо, Арлек-кин. Г-говорил я с серьезными людьми...

Он быстро оглянулся, хотя на наших привычных лавочках никого, кроме двух безобидных бабушек, не наблюдалось. Патруль — и тот загулял. Или за «Тойотой» погнался?

— П-понимаешь, DP давно бы уже пустили, т-так сказать, в

серию, легализовали б-бы. У нас в г-городе хоть сейчас готовы фирму зарегистрировать.

— Тебе-то что за радость? — поразился я. — Прощай, бизнес! Гуд бай, гут нахт!

Шура улыбнулся — весьма снисходительно.

— Н-ну да! Без меня им п-придется заново сеть организовывать. К т-тому же опыт... Тебя б-бы, Арлекин, консультантом в-взяли.

Оставалось вновь пожать плечами. Подобное я уже слыхал. И читал, и даже думал, не далее как сегодня — сегодня, 18 июня 1978-го. В Штатах уже пытались. И в Австрии, и чуть ли не в Австралии. Пытались — и регистрировали, конечно, без упоминания DP. Могут и у нас, отчего бы и нет? А вот насчет консультанта — нечто новое. По каким вопросам, интересно? Использование коньяка при выведении из хроностресса?

...Троллейбус, пустой, только с водителем. В детстве мечтал сесть за руль вот такого рогатого — и гнать до самого аэропорта. Только не вечером, ранним утром.

Почему так мало людей?

— Н-нельзя пока. Если бы точно знать, что это т-только сон...

— ...А не воздействие на Реальность, пусть даже параллельную, — подхватил я. — Еще бы! Если даже у нас ничего не изменится, всегда найдется псих, решивший погрузиться лет на пятнадцать и шандарахнуть будущего Президента кирпичом в темной подворотне. Просто так, интереса ради.

— Т-тише!

Шура оглянулся с таким видом, словно одна из бабушек — переодетый полковник СБУ.

— Ерунда, — рассудил я, чуть подумав. — Не выйдет. Мадам Гала права: наши Погружения пока еще — чистое шаманство. Для массового клиента нужна определенность. Конкретный год, месяц, день... А насчет снов — не мы первые. Года два назад мой приятель Влад... Помнишь такого?

Кивок — кажется, наш дилер знает всех в Харькове.

— Он ссудил меня несколькими файлами. Настройка перед сном, так сказать, гипнопрограммирование. Смотришь на картинку с пляжем — видишь пляж. Смотришь на крематорий...

— К-круто! — рассудил Шура, в свою очередь подумав. — И что?

— А ничего. Мне они без надобности, я сны не запоминаю, давно уже, как отрезало. Попробовал — без толку. Но пока эти кустари файлы по Сети перебрасывали, в Японии настоящую Машину Снов изобрели. Само собой, запатентовали, само собой, продают. Там тебе и картинка, и звук, и запах. Эффект, само собой, получше.

Наш дилер, кажется, скис. Добить, что ли?

— Брошу я это дело, пожалуй. Запах мазохизма исчерпался и... И ничего мы не поймем. Уверен! Так и будем путешествовать по собственным глюкам. Не волнуйся, вслух объявлять не буду, чтобы клиентуру твою не распугать. Так что...

Шура моргнул, взглянул изумленно.

— Т-ты? Ты, Арлекин, б-бросишь? Не смеши людей!

Я поглядел на пустой проспект, на темные окна «стекляшки», куда следует завернуть завтра же утром. Действительно! Брошу — и что останется? Долька апельсина на блюдце?

...А каждый раз умирать — лучше?

— Брошу. Нужно быть смешным для всех.

* * *

— ...Я узнал вас, Гала. А вы на часы смотрели? Они у нас всех без стрелок, но все же...

— Сейчас 00.59. Не страшно. Включите Интернет. Наш форум, Kharkov-DP.

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

45

Каузал. 4 авг. 04. 21:42. Сообщ. № 4027.

Тема: Долой «сонный уклон»!

Заголовок: Почему бы и нет?

> не верится что-то!

Этого мы и ждали. Объяснения требует уже не сам факт, а «эффект Запаздывания». Для неверующих: фотографии есть не только в Сети, на наших DP-сайтах, но и на сайте NBS.

Уточню — кину ссылочку. По-моему, это Победа. Мы доказали, что DP — РЕАЛЬНОЕ ПРОНИКНОВЕНИЕ в Прошлое. Все, как обещали Уингер и Саргати.

Лерна. 4 авг. 04. 21:51. Сообщ. № 4028.
Тема: Долой «сонный уклон»!

Заголовок: А потому...

> Почему бы и нет?

...что такие сообщения уже были — и ни разу не подтверждались. И еще. Почему эти надписи появились только через ДЕСЯТЬ лет после Погружений? Думаю, просто очередная фальсификация.

Арлекин. 5 авг. 04. 00:15. Сообщ. № 4029.
Тема: Долой «сонный уклон»!

Заголовок: Спокойнее, спокойнее...

Что мы знаем? На нескольких DP-сайтах и якобы (кидай ссылку, Каузал!) в каких-то новостях помещены сообщения о том, что появились пометки, сделанные 10 лет назад во время Погружений. То есть Время как бы «НАГНАЛО» нас. Так? Можно предположить (если это все правда), что воздействие на Реальность доходит до точки, откуда начались Погружения, за срок, равный сроку Погружения. Соответственно, до нас — плюс еще столько же. Как версия — почему бы и нет?

Фома Верующий. 5 авг. 04. 01:11. Сообщ. № 4030.
Тема: Долой «сонный уклон»!

Заголовок: Прощай, дедушка!

> Можно предположить (если это все правда), что воздействие на Реальность доходит до точки, откуда началось Погружение, за срок, равный сроку Погружения. Соответственно, до нас — плюс еще столько же. Как версия — почему бы и нет?

Опять ты мудришь, Арлекин! Значит, если я погружусь и при всех прикончу дедушку топором, то об этом узнают только через десять (допустим) лет? И как изменится сегодняшняя Реальность? Я окажусь в лукьяновской тюрьме? Открою глаза — и уже там? Сложно что-то! Не верю.

46

Аппарат под названием «Мастерская снов» (Dream Workshop) от японской компании «Takara» поступит в продажу уже в конце нынешнего лета. Он стартует прежде всего на японском рынке под именем «Yumemi Koubou». Цена 136 долларов.

Аппарат, высотой примерно 35 сантиметров, предназначен для легкого засыпания и вызова снов по желанию. Для этого используется фотография предмета, ассоциируемого с предполагаемой тематикой сна, а также специально подобранный свет, музыка и запахи. Аппарат убаюкивает владельца, умолкает на определенное время, а ночью снова включается, рассчитывая так, чтобы попасть в ту фазу сна, когда человеку снятся сновидения. В этот момент машина не только возобновляет музыкальную и ароматическую «атаку» (разумеется, тихо-тихо), но и произносит фразу, заранее записанную владельцем, — которая опять-таки ассоциируется у него с желаемым сюжетом сна.

В исследовании, проведенном на группе мужчин и женщин 20—40 лет, устройство показало 85-процентный успех в стимулировании заказанных снов.

ЧИСТИЛИЩЕ

31 марта 1991 г., город Харьков

Площадь встретила сыростью и холодным ветром. Куртка грела плохо, к тому же стальная змейка умудрилась застрять где-то посередине, отдавая беззащитное горло врагу. Мой брат, мой младший брат, неужели мы так с тобой одевались? Змейку сломал не я, так что сам виноват. Ты виноват, а мне мерзнуть.

Или я это зря? Просто свалился из августа прямиком в март, да еще под последние заморозки.

Госпром впереди, Дворец пионеров слева, справа — желтая туша гостиницы «Харьков». Все, как всегда, только площадь еще не Свободы, а Дзержинского и пребудет таковой целые полгода.

За спиной — Обком, самый настоящий, КПСС который. Я как раз оттуда. Повезло!

Почти все «наблюдатели» отмечают странную закономерность — при Погружении мы почти никогда не оказываемся дома. Где угодно: на работе, на улице, в метро, у любовницы, наконец. Трудно сказать почему, некоторые опять-таки исходят из обыкновенной статистики. Человек, если он не инвалид, дома бывает меньше половины суток. К тому же в сон мы никогда не погружаемся, значит...

Налево, направо? Времени у нас... Ну и часы, даже забыл, что и такие носились! Стрелок нет, зато есть цифры, блеклые, дохлые какие-то. Электронная штамповка, Гонконг, последний писк моды.

Времени хватит — навалом. Можно по городу пройтись, вспомнить. Только что вспоминать, времена эти недавние и так колом в горле стоят!

К метро? К метро! Сколько за проезд, еще пятак — или уже побольше? Ничего, разберусь.

Итак, март 1991-го. Тринадцать лет и пять месяцев, управляемость и контроль — почти сто... Тоже любопытно. Молодец, Шура!

То ли дождь, то ли снег, а уж холод без всяких «то ли». Интересно, сам день помню неплохо, а вот какая была погода, забыл начисто. О другом тогда думалось.

Итак, от начала Погружения чуть меньше двух часов, и провел я все это время совершенно бездарно — на бюро Обкома. Там и оказался — не дома, не у телевизора. Может, дело не в статистике, точнее, не только в ней? Если то, что принес Шура (набор «Новый-2»), обеспечивает синхронность и почти полный контроль, то временной «разброс» при Погружении все равно будет никак не меньше нескольких часов. Наш мозг — как маяк, и попадаем мы как раз в тот момент, когда психика наиболее возбуждена, энергия нейронов притягивает, зовет.

А когда такое бывает? Не у телевизора же! Работа, тот же экзамен... Или бюро Обкома, чтоб он провалился!

Тогда, 31 марта 1991 года, я впервые услышал о планах «силового решения». Были даже названы номера конкретных частей гарнизона. Секретарь Обкома Маслов, самодовольная сволочь, победно булькал, надувая щеки. «Пора выходить из окопов, товарищи!» Потому и запомнился давний мартовский день. И вот — все повторилось.

Войска были готовы еще две недели назад — перед всесоюзным референдумом. Но об этом тогда не знало даже бюро Обкома.

Не выдержал — оглянулся. За чисто вымытыми окнами огромного здания уютно горел свет. Через полгода из форточек повалит черный дым — крысы станут жечь документы ГКЧП, и мы распахнем двери, оттолкнем обалдевших милиционеров, ворвемся в холл, бросимся вверх по устилавшему лестницу красному ковру. А на столбе — том, что слева от входа, — молодые ребята из Студенческого Союза будут прикручивать проволокой сине-желтый флаг. То ли Бастилия, то ли Зимний... Потом об этом не любили вспоминать — и те, кто остался в Обкоме, обернувшиеся Администрацией, и другие, кто навсегда закаялся вмешиваться во всю эту грязь.

...Набор «Новый-2». Синхронный, почти полный контроль, глубина Погружения — больше 10 лет. Тринадцать — больше десяти, значит, и тут Шура не обманул. В отличие от очень многих, не люблю погружаться на минимальный срок. Не та эпоха была десять лет назад, чтобы экскурсии проводить, но все-таки уговорили. Во-первых, бесплатно, на правах испытателя и постоянного клиента, а во-вторых...

Сегодня, кажется, понял, что в этой мадам Дали не так. У нее чужое лицо. Чужое — не собственное! Дико звучит, но иначе не объяснишь. Подобное бывает со слепыми от рождения — они не управляют эмоциями, не понимают, что каждая мысль отражается в мимике. На таких страшно смотреть.

С мадам Гала то же самое. Она не знает, что делать со своим лицом! И с телом тоже. Кажется, даже стоять ей неудобно. Бред? Бред, конечно. Просто немолодая неприятная женщина. Просто никому не нравится, если на него давят. Наш эксперимент — глупость, подобное DP-watchers пытались проделывать сотни раз, почти с первых же Погружений.

Уговорила! И под новый DP-набор (безвозмездно, то есть даром), и под простую мысль: прежде синхронных составов еще не было. Если получится... Ой, что начнется, если получится! Нынешний вопль по поводу «реальности Погружения» еще не доказательство, такое можно и сфальсифицировать. Зарубки на дереве, краска на кирпиче... Блаженны верующие!

К тому же новый набор — не «черный» DP. С этим — не ко мне.

* * *

— ...Вспомните, товарищи-и, книгу «Апокалипсис». Сказано там про Зверя, что из Бездны-ы выходи-ит. И у Зверя того семь голо-о-ов. Зверь и есть КПСС, семь голов ее — семь генеральных секретарей...

Худой старик в старом сером пальтишке, пустой левый рукав заткнут в карман, уцелевшая рука поднята к небу.

— ...Резолюция 30 января 1991 года, принятая на митинге трудящихся Харькова, на этой самой площади-и-и, названной проклятым именем палача всех народов СССР, должна быть выполнена-а...

Слушали плохо — пятеро или шестеро, остальные лишь замедляли шаг, направляясь ко входу в метро. Старика это не смущало — привык. Кажется, он готов был по примеру Франциска Ассизского проповедовать даже птицам. Или милиционерам, что не в пример сложнее.

— ...Вчера в девять вечера в ответ на арест трех участников митинга-а-а, названного «несанкционированным», народ перекрыл движение троллейбусов на два часа-а. Наши товарищи освобождены — кроме одного, которого направили в Пятнадцатую больницу, в «психушку-у». Требуйте его освобождения, товарищи-и!..

Старика звали Народным Трибуном. Местная достопримечательность, почти символ. Два года, каждый день, час в час, он выходил на «пятачок» возле метро и обличал, обличал, обличал. Его тоже отправляли в «психушку», народ собирался на митинги, перекрывал движение...

Трибун не был сумасшедшим. Сидел по «политической» статье, много лет жил в ссылке. Вернулся как раз вовремя.

— ...Имеются достоверные данные-е-е, что враги народа в Обкоме приняли решение использовать войска харьковского гарнизона для подавления народных волнений. Такое происходит сейчас по всей стране-е. Они хотят свергнуть Горбачева, установить диктатуру-у!..

Надтреснутый голос уходил, не оставляя эха, прямо в мокрое низкое небо. После августа 1991-го Трибун исчез — без следа. Хочется думать, что старик просто уехал домой и сейчас, тоже в августе, но уже 2004-го, спокойно пьет чай, наблюдая по телевизору за предвыборными дуэлями.

Почему я смолчал сегодня на бюро? Тогда, в прошлый — первый! — раз, я просто не поверил. Казалось, что все эти мордатые накручивают сами себя, отгоняя страх. Какие войска на улицах, мы же не в Сантьяго!

А сегодня? Ведь не арестовали бы, даже из партии не выгнали бы. Не то время, господа комиссары! Эх, встать бы этаким гремящим скандалистом и выдать по полной программе расписание ближайших месяцев! Как бы господина Маслова кондратий не хватил — прямо за председательским столом.

Только вот зачем? Что изменишь? Все равно через пять неполных месяцев проснусь в шесть утра, включу радио, услышу заявление Лукьянова...

Это и остановило. Невелика честь — стать DP-пророком.

— ...Впереди переворо-о-от! Переворот, товарищи! Они свергнут Горбачева, выведут танки-и! Шеварднадзе не зря предупреждал!..

Ведь знали! Если не знали, то чувствовали.

— Привет! Ты как? С лекции?

— Так... Нормально.

— Ну, я побежал.

Поговорили, называется!

...Парень с истфака, с кафедры истории СССР. Сейчас в Америке, только не в Гарварде, а на юге, во Флориде. Там тепло, там яблоки.

На часах... Так и не смог привыкнуть к этим дурацким цифрам! Ага, 18.20, значит, можно не спеша спускаться в метро. Завершающая стадия эксперимента: двойное синхронное Погружение. В семь вечера мы должны встретиться с Гала на знакомой остановке.

С Гала из 2004-го. Таблетки мы выпили тоже синхронно.

47

Формула, которая описывает возможность путешествия по другим измерениям, достаточно проста: Информация = Знания. Знания = Сила. Сила = Энергия. Энергия = Материя. Материя = Масса, а Масса искривляет Пространство, превращая его в многомерное. В принципе это даже не формула, а цепочка взаимосвязанных превращений, которые демонстрируют, что для того, чтобы искривить Пространство, вовсе не нужно каких-либо дополнительных приспособлений и порой достаточно лишь знать, как это сделать.

Попав в многомерное Пространство, вы получаете возможность перейти в миры, находящиеся в разных плоскостях, или же, оставаясь в той же самой плоскости, перемещаться по любому из составляющих ее измерений. В этом случае наиболее интересным вариантом является перемещение по оси Времени, так как люди научились справляться с расстояниями, но пока не знают, как справиться со Временем.

48

Идея «черного» DP впервые была сформулирована в 2001 году на одном из американских DP-сайтов. К этому времени движение DP-watchers оказалось в глубоком кризисе. Не удалось доказать ни одну из теорий, объясняющих DP-феномен, для части «наблюдателей» пресловутые «три таблетки» стали просто разновидностью наркомании. Выйти за пределы коридора десять-пятнадцать-двадцать лет не представлялось возможным.

Теоретики «черного» DP также попытались применить теорию Ноосферы, но с несколько иными результатами. Они исходили из того, что сама Ноосфера — лишь аура, энергетическая оболочка вокруг некоего Идеала, подобного описываемой Тейяром де Шарденом точке Омега. В этом случае Человек, каждый из нас, един, но его жизнь, его судьба ветвится, подобно тому, как один предмет может отбрасывать много «теней». Количество «ветвей» в жизни человека зависит и от внешних обстоятельств, и от сознательного выбора, сделанного им на очередном «перекрестке». «Три таблетки» позволяют лишь перемещаться назад по одной из «теней», что в теоретическом плане не очень интересно. «Черный» DP должен был:

1. Воздействуя на Область Бога головного мозга, открыть дорогу в другие «ветви» человеческой судьбы, то есть в пресловутые «иные измерения».

2. Изучив отдельные «тени», проанализировав причины случившихся «развилок», приблизиться к Идеалу, к человеческой Судьбе как таковой, к точке Омега.

Неясность и путаность этих положений очевидны (хотя бы потому, что Тейяр де Шарден понимал под точкой Омега несколько иное) и представляют собой вольные вариации на тему вульгаризированного Платона (если не Роджера Желязны). Однако идея «черного» DP сразу же стала популярной среди части «наблюдателей». Начались поиски пресловутой «четвертой таблетки», которая позволила бы выйти за пределы нашей «тени». От использования наркотиков отказались почти сразу, однако средства, близкие к ним, применялись неоднократно. Очень популярны были препараты, включавшие тетрадотоксин — нервно-паралитический яд, применявшийся среди прочего колдунами культа Вуду на Гаити.

Первые же опыты с «черным» DP привели к многочисленным смертным случаям. Хотя само движение «наблюдателей» нигде в мире официально не преследуется, наборы «черного» DP были сразу же приравнены к тяжелым наркотикам. Ввиду этого «черные» ушли в глубокое подполье, отказавшись даже от контактов на сайтах в Интернете. Общение осуществляется исключительно путем личной переписки, которую труднее контролировать. Распространение наборов и составов «черного» DP происходит по глубоко законспирированной сети, по некоторым данным, с участием мафии.

Все это привело к тому, что большинство «наблюдателей» не располагают достоверной информацией о «черном» DP. Ходят разные слухи, в том числе о нескольких успешных опытах по проникновению в иные «тени» (параллельные измерения). Известно также, что в последнее время вместо «четвертой таблетки» (на самом деле их бывает до десятка) или вместо таблеток используется внутривенный укол специального состава.

Основные наборы (составы) «черного» DP делятся на две категории: BDP-plus и BDP-minus. Точное различие между ними неизвестно, по непроверенным слухам, BDP-plus позволяет «приблизиться» к точке Омега, а BDP-minus же — наоборот. Ортодоксальные «наблюдатели» не воспринимают такие объяснения всерьез.

Вместе с тем угроза, которую несет «черный» DP, вполне реальна. В настоящее время «наблюдатели» склонны организовать всемирную DP-акцию с разъяснениями этой опасности.

ЧИСТИЛИЩЕ

8—9 августа 2004 г., город Харьков

— Я не могла вас найти четыре дня!

Сказано было так, что впору вешаться — или с балкона прыгать. С моего, правда, не получится — второй этаж, сломанная нога не в счет.

— Даже к телефону не подходили.

В кресле Гала смотрелась еще хуже, чем обычно. Не женщина — плохо сделанный манекен. Точно как в моем любимом «Господине оформителе», пострашнее только. Вместо костюма сегодня на гостье оказалось легкое голубое платье, сидевшее на ней... как на манекене.

Что же в этой Гала не так? Не женщина, не манекен даже. Складной метр с маской-фантомаской вместо лица.

Болеет? Нет, не похоже.

Я бы и не приглашал мадам Дали домой, но на остановке нас застал дождь, в небе клубилось серое черт знает что, прохладно, сыро. Джентльмены мы или нет, в конце концов?

— Вы...

Кажется, самое время загибать пальцы.

— Найти вы меня не могли три дня. Раз! Часть этого времени потратил ради вашего же блага, собирая информацию по «черному» DP. Два. Третье же и главное... Больше вы меня в авантюры не втравите. Попробовал, спасибо!

Циферблат с картой Америки перед глазами, стол с компьютером слева, еще левее и дальше — кресло со странной гостьей. Внезапно я понял, что все это лишь слова. Меня уже втравили, только пока неясно во что.

— Почему «авантюра»?

Оставалось пододвинуть пепельницу и закурить. Кажется, дым ей не по нраву, что несколько улучшило настроение.

— Гала! Вы меня чуть не силком заставили попробовать «Новый-2». И что? Двойное синхронное не получилось, я честно прождал вас на остановке...

Домой так и не зашел, сам не знаю почему. Пустая бабушкина квартира, в 1991-м я как раз затевал ремонт, компьютера — и того нет. Так и гулял по проспекту под мокрым снегом.

Извини, брат меньший, надеюсь, ты не простудился!

— Вы не правы, Арлекин. Опыт удался.

Не улыбнулась — дернула щекой. Или у нее улыбка такая?

— Единичный эксперимент ничего не доказывает. И не показывает. Мы с вами приняли набор «Новый-2», вы погрузились в 31 марта 1991 года, я — тоже. Но мы не встретились. А теперь скажу главное. За последний месяц, после того как в Харькове появились «новые» DP-компоненты, подобный опыт проделывался три раза. Не со мной, но я эту работу финансировала. Одного участника вы знаете по псевдониму на форуме — Каузал. Пока решено держать все в полном секрете.

Я помотал головой:

— Каузал? Он, конечно, энтузиаст, но человек серьезный, ему я верю. Значит?

Снова гримаса, но это, кажется, не улыбка.

— Значит, Теория Реального Прошлого полностью подтверждена. Синхронные наборы позволяют «наблюдателям» встречаться во время Погружений, причем их воспоминания полностью совпадают. Насколько я знаю, одинаковые сны пока еще никому не снились?

— Вроде бы, — заметил я осторожно. — Вроде бы.

— И почти одновременно пришло подтверждение, что следы, оставленные при Погружениях, реальны, пусть и проявляются через несколько лет. Это скрыть, к сожалению, не удалось. Вы не радуетесь, Арлекин?

— Создана Машина Времени, — я постарался произнести эти слова абсолютно без выражения. — Но нам с вами на ней прокатиться не удалось. Почему?

— У вас есть вторая пепельница?

Мадам Дали еще и курит?

...Что ей надо, что? Мадам Гала, мадам Дали, мадам Манекен, мадам Складной Метр... Пришла, вцепилась, оглушила, ошеломила, сейчас будет без костей глотать. Машина Времени, нет, нет, еще рано, еще ничего не понятно, не может быть, потому что не может быть никогда! Уэллс, наше вам с кисточкой, сбылась вековечная мечта, вот им всем, поехали кататься!.. Ей нужен эксперт, специалист? Нашла эксперта, я такой же наркоман, такой же ненормальный, между климаксом и маразмом, молоденькие девочки начали сниться... Тогда кто ей требуется? Кролик? Ушастый подопытный кролик? Всегда жалел кроликов, пусть опыты на профессорах ставят, иголками их, ядами, вводить DP два раза в день, «черный» DP, зеленый! Нашла себе пяток кроликов, кролики в Машине Времени, к элоям, к морлокам, через семь гробов с присвистом... Но зачем? Зачем? Ей все это на хрена?

— То, что Погружения — не сон и не какая-то «параллельная реальность», я поняла еще две недели назад. Надеюсь, вы не обижаетесь, Арлекин, что я не рассказала все сразу. Это не только моя тайна. И в нашем опыте я проверяла совсем иное. Как ни странно, получилось.

— Мы не встретились? Остальные смогли, а мы... И в чем секрет?

— В том, что пора переходить ко второму этапу. К главному! Машина Времени изобретена Томом Брэйвудом еще в июле 1993-го, все эти годы мы лишь пытались это доказать. С синхронными DP доказательства появились — и, боюсь, скоро в DP поверят не только «наблюдатели».

— Да-а... Господину Президенту докладывают: «Экселенц, we have Time Machine!» Азия-с, не поймут-с. Впрочем, вы правы, Гала, с третьего раза дойдет, и тогда...

— Последствия предсказать невозможно. Поэтому, пока у нас еще не связаны руки, надо продолжать. Наш с вами опыт — часть замысла. Но не основная.

— Основная, само собой, «черный» DP? Гала... Все материалы я вам передал, сейчас отдам то, что собрал в последние дни. «Черные» — шарлатаны, шайка наркоманов, психи!..

— Слышу речь ученого мужа! Обыкновенный DP для большинства — тоже наркомания. Да, очень опасно, да, мы многого не знаем. Плохо, что у нас с вами нет материалов «черных» экспериментов. Спросите, почему бы мне не попробовать самой? Пробовала. О результатах расскажу позже — когда попробуете вы.

— Так... Прежде чем я скажу, что мне не нужна точка Омега и я не собираюсь путешествовать по всяким «теням», откройте тайну — за каким бесом вам это нужно? Вы уж точно не ученый муж. Люди... нашего с вами возраста не прочь иногда попутешествовать по собственному Прошлому, но эти мудрости с Ноосферой, с параллельщиной...

— Я принесла два набора, по три порции каждый. Они считаются лучшими у «черных» — и самыми надежными. BDP-plus и BDP-minus. Что я пробовала сама, что пробовали другие, говорить не буду — для чистоты эксперимента. Вы умеете делать внутривенные уколы? Нет? Тогда начнете с BDP-minus, это таблетки. Если боитесь, позвоните какому-нибудь другу, пусть вас подстрахует. Записку напишите.

— Какую? «Прошу никого не винить»?

— Арлекин! Людям... нашего с вами возраста пора уже подводить итоги. Что у вас позади? Ничего толком, все скучно, мелко, неинтересно... А сейчас перед вами — Загадка, настоящая, никем еще не раскрытая.

— Не искусите, Гала. Не пытайтесь даже. Vade retro!

— Vade mecum, Арлекин.

* * *

...Черные стрелки застыли, минутная указывает на Тихий океан, часовая целится куда-то южнее Гренландии. Без четверти час. Значит, уже девятое. 9 августа 2004-го.

Тик-так, тик-так. DP-DC... DP-DC... Death Certificate.

Все сделано, все предусмотрено. Архивы по DP на отдельном диске, Влад позвонит завтра, ключи у соседей.

А вот записку не написал. Не мой жанр.

Тик-так, тик-так. DP-DC... DP-DC...

Dream of the Past — Death in the Past.

Тик-так, тик-так.

49

ЗАПАЗДЫВАНИЕ
изменений, возникших во время Погружения

№	ГП	ТП	Стадия эксперимента
1	10 лет	Сегодня	Начало Погружения
2	10 лет + Воздействие	Сегодня	Изменений нет
3	ГП — 10 лет + + Воздействие	+ 10 лет	Начало изменений Реальности

Примечания:
ГП — глубина Погружения.
ТП — точка Погружения.
Общее время Запаздывания изменения — 2 ГП.
В данном случае изменения начались в Реальности, отстоящей на 20 лет от ГП и на 10 лет от ТП. Соответственно изменился весь промежуток от ТП — 10 лет до ТП + 10 лет.

50

Правительства России и Дании договорились о перезахоронении праха императрицы Марии Федоровны в Санкт-Петербурге 26 сентября 2006 года. Это событие будет приурочено к 140-летней годовщине прибытия принцессы Дагмар в Россию для заключения брака с цесаревичем Александром, будущим императором Александром III.

Как отмечается в сообщении МИД России, императрица высказала пожелание, чтобы ее останки были захоронены в усыпальнице российских царей рядом с останками ее супруга, когда это позволят обстоятельства. В настоящий момент прах Марии Федоровны находится в склепе в кафедральном соборе города Роскильде в Дании.

Папка третья

АД И РАЙ

10—17 августа 2004 г.
ФАЙЛЫ 51—75

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

51

Доказательством существования в Алуште древней развитой цивилизации может служить место, находящееся в 7 км от точки в море на линии весеннего равноденствия.

В конце XIX в. археолог-этнограф Мюллер произвел раскопки небольшого кургана. В 1980-х годах член Союза журналистов СССР И.И. Неяченко подтвердил, что это место, как и знаменитый Стоунхендж в Англии, служило для определения дат космического календаря.

Треугольник Звезды Давида, образованный из вершин гор Куш-Кая, Чатыр-Даг, Южная Демерджи, при повороте вокруг оси гор Куш-Кая — Южная Демерджи, почти совпадает с параметрами пирамиды Хеопса и образует четвертую точку основания пирамиды (тоже в море). В эту точку сходятся линии, которые проведены от вершин гор и от двух перевалов, окружающих Алушту, над Алуштинскими холмами.

Центр этой «пирамиды Хеопса» находится рядом с селом Изобильное...

52

Неожиданный визит министра обороны США в Одессу и Крым связывают прежде всего с большими потерями, которые понес американский контингент UkrFOR в ходе последних

боев, в том числе во время нападения террористов на базу союзных войск в Старом Крыму. Необходимость визита связана также с разногласиями, возникшими между странами, чьи войска входят в UkrFOR. Накануне визита Госдепартамент выступил с резким заявлением, осуждающим позицию России в связи с ее нежеланием активно бороться с террористическими организациями, ведущими войну против войск НАТО в Крыму. В ответном заявлении МИД Российской Федерации...

53

Распутная природа питается и поддерживается только за счет преступлений, а коль скоро они необходимы, они не могут оскорбить ни природу, ни воображаемое Существо, в котором ты видишь главный движитель всего сущего. Каким бы ужасным ни был поступок, его преступность, если таковая существует, совершенно ничтожна, следовательно, не способна оскорбить природу, чьи законы имеют всеобщий характер. Кроме того, имейте в виду, что речь здесь идет о самозащите, когда все средства, какие вы захотите употребить для этого, не только не будут преступны, но даже станут добродетельны, так как первым законом, который внушила нам природа, был закон самосохранения любой ценой.

АД

10 августа 2004 г., Крым, город Симферополь

Лолита не без горечи заметила, что всегда мечтала посидеть у партизанского костра. Проливной дождь, запах грязных портянок, просроченная тушенка, клещи, градом сыплющиеся с веток, — и никого не посылают за пивом.

Капитан Суббота, не вняв намеку, уточнил: пива — шесть банок, но если попадется в паках, брать всенепременно таковое. Затем последовала команда: «Бего-ом!» Божье наказание без всякой охоты взяло древнюю хозяйственную сумку, порылось в кошельке и не без сварливости заметило, что в симферопольских магазинах — европейский стандарт, значит, пиво в банках, зато без хмеля и алкоголя. Вслед за этим уточнило,

брать ли для граждан-алкоголиков чипсы, сушеных кальмаров и прочее, нужное для засорения желудка, — или пить собираются как лошади, дабы больше влезло? И вообще, господа офицеры лакают пиво, словно какие-то бюргеры... Фи!

Лицо капитана дернулось. Не будь здесь меня, последовало бы немедленное изменение приказа: чипсы с кальмарами на... пиво туда же, брать водки, и побольше, побольше!..

Ну уж нет! Выспаться и пивом заправиться — одно, надираться же с самого утра — совсем иное. Обойдется! В Харькове, даст бог, оклемаемся.

Гонять Лолиту за пивом, конечно, не следовало, хотя бы из педагогических соображений, но Субботе с его недельной щетиной и «ежиком» на голове выходить ясным днем опасно. Двор небольшой, все друг друга знают. Мало ли добрых людей?

Ничего, сбегает, нахалка, не рассыплется! Да и не всякий разговор для ее ушей.

Уже из прихожей была пущена парфянская стрела: Лолита не без сочувствия поинтересовалась, куда нам пиво, и так отъели такие «мамоны», что ремни не сходятся. Суббота заорал, требуя уточнить, у кого она увидела упомянутый «мамон», — но дверь уже хлопнула.

Капитан упал в кресло, меланхолически пообещав застрелить девицу по возвращении, а затем с грустью заметил, что насчет костра наглая глиста права. Он бы тоже...

И я бы тоже, но партизанская романтика («романтика» — ненавижу!) хороша исключительно для кино. За эти годы UkrFOR изучили Крым неплохо, да и братья-татары всегда готовы помочь. Кроме того, тепловые датчики на вертолетах, спутники, чтоб они пропали, видящие костер даже с орбиты...

В Чечне — еще ладно, в Крыму — нет. Поэтому и размещаем мы отряд строго по завету Честертона. Где спрятать лист? Понятно, в куче листьев. А роту молодых ребят?

Симферополь подходил как нельзя лучше. Мы специально три года тут не шумели, дабы здешний гарнизон (датчане и все те же наглые бельгийцы) потерял нюх. Пока бог миловал. Квартиру же я берег, как последний патрон: три комнаты, центр близко, рядом набережная Салгира, ночью и погулять можно.

Остальные на турбазах в пригороде. Кроме Казачка — тот прямо в гостинице «Крым» устроился. Хорошие у парня документы!

Впрочем, и в Чечне поумнели. Главная база Басаева давно в Грозном.

— ...Убралась наконец. Говори, Арлекин!

— Новости видел? Насчет министра?

— Штатника? Этого, как его, Дэвида? Видел, и что? Теперь все они, пидорасы, в полной боевой...

— А фиг вам, товарищ капитан! Сейчас личный состав UkrFOR траву красит в уставной цвет. В армии не служил, что ли? Охранять будут министра, а не...

— Ух ты! Верно! Где бахнем?

— Севастополь. «Приблуда».

* * *

Илья Григорьевич Старинов из всех видов партизанской «работы» наиболее эффективным считал минирование. Аргументов у него хватало, один лишь дом на Дзержинского, 17 в моем родном Харькове, взорванный в 1941-м вместе с немецким комендантом, дорогого стоит. Ирак и Чечня тоже кое-что показали, поэтому все мы были великими энтузиастами мин. Так и виделись летящие вверх тормашками в облаках черного дыма натовские «джи-мены».

Жизнь рассудила иначе.

От противопехотных мин мы отказались сами. Спорили до хрипоты, ругались, но я все-таки настоял на своем. Вышло удачно: мы стали чуть ли не первыми, кто внял призыву принцессы Дианы. Крымчане же, и русские, и татары, после этого оказались полностью на нашей стороне: пример Чечни был слишком свеж. На таких минах гибнут в первую очередь не солдаты.

Командование UkrFOR вначале не поверило, но, убедившись, что мы не шутим, вынуждено было поступить аналогично. Политика политикой, но сколько-то невинных душ мы спасли. Авось зачтется! Не в Гааге, понятно.

Но от фугасов мы отказываться не собирались.

* * *

Суббота метнул пивную банку в угол, угодив точно в раскрытый зев пустой сумки. Удовлетворенно заметив: «Бинго, блин!» — он, как и обещал, принялся за Лолиту. Пораженный в самое сердце, точнее, в самый «мамон», капитан решил взять реванш, прицепившись к первому, что увидел, — к безвинной книге, найденной нашим наказанием в соседней комнате. Это оказался сборник современной фантастики, и Суббота в емких, но красочных выражениях охарактеризовал данный жанр, помянув звездолеты длиной в семьдесят километров и вечнозеленый сюжет: «Едет барон, видит — дракон».

Лолита взвилась, заявив, что на баронов с драконами пробивает только похмельных офицеров, начинающих забывать буквы. Взятая же ею книга (сборник был поднят над головой и продемонстрирован) — прекрасное издание школы Ефремова, именуется «Фантазия чистой воды», а среди авторов присутствует не только Лев Вершинин со знаменитой «Сагой воды и огня», но даже молодой Бушков.

Я не преминул подлить масла в огонь, начав вспоминать творения великого писателя Бушкова, дойдя до эпохального романа «Сварог и три поросенка», Лолита зашипела и заметила, что товарищу майору только маркиза де Сада читать. А маркиз, как известно, был даже не мужик, а грязный, проткнутый...

После третьего эпитета последовало «Ай!» — и ненавистница де Сада, скуля, побежала к зеркалу, дабы обследовать покрасневшую физиономию. Пообещав, что в следующий раз будет больнее и до крови, я пояснил: де Сада читать полезно. Злее становишься, когда хлебаешь подобную философию. Убивать хочется плохих людей — очень. А все лишнее в тексте можно мысленно заменять танцами, потому что маркиз и вправду был...

Суббота, не дав договорить, радостно вскричал, что маркизишка был пидорасом — и в прямом смысле, и в более общем, метафорическом, который имел в виду Никита Сергеевич Хрущев, столь часто употреблявший это выражение. После чего предложил вымыть Лолите рот стиральным порошком. Идея понравилась, однако я, поглядев на «Командирские», напомнил, что сеанс связи через пять минут. Лолита поджала губы, но послушно открыла ноутбук.

Кажется, все мы уже успели отдохнуть.

54

Электродетонатор состоит из капсюля-детонатора и электровоспламенителя, собранных в одной гильзе. Войска снабжаются электродетонаторами двух типов — ЭДП и ЭДП-р, одинаковых по устройству, но ЭДП-р имеет резьбовую втулку для ввинчивания в запальное гнездо подрывной шашки или заряда. Расчетное сопротивление электродетонатора в нагретом состоянии принимают равным 2,5 Ом, минимальный расчетный ток для взрывания одного ЭДП при постоянном токе — 0,5 А, при переменном — 1 А.

Для взрывания зарядов электрическим способом прокладывают электровзрывные сети с последовательным или параллельным соединением электродетонаторов. В первом случае гарантийный расчетный ток принимают равным 1 А при постоянном токе и 1,5 А при переменном, разница в сопротивлении электродетонаторов не должна превышать 0,3 Ом.

55

Основными способами партизанских действий являются:

— обстрелы штабов, административных зданий, пунктов дислокации войск, аэродромов, вертолетных площадок, мест хранения вооружения и военной техники, промышленных объектов, контрольно-пропускных пунктов и блокпостов с применением различных видов стрелкового оружия;

— вооруженные нападения и налеты на хозяйственные объекты, расположенные в населенных пунктах, небольшие воинские гарнизоны и военные городки, контрольно-пропускные пункты и блокпосты;

— засадные действия; диверсионно-террористические акты в городах, на промышленных объектах, в государственных учреждениях, против оккупантов и коллаборационистов;

— захват пленных для допроса и последующего уничтожения.

11 августа 2004 г., Крым, Караби-яйла

Рабочая тетрадь, с. 32.
Харьковский Национальный университет им. В.Н. Каразина. Горно-крымская комплексная экспедиция. Июль — август 2004 г. Отряд «Омега».

...Все найденные фрагменты относятся к т.н. соленам — плоской черепице прямоугольной формы с резко выраженным сужением в нижней части. В некоторых случаях сужение имеет форму полукруглого выреза в двух нижних углах. Края имеют бортики (высота 0,4—0,5 см), два фрагмента имеют бортики 0,6 см. Верхний край бортиков острый, профиль приближается к форме остроугольного треугольника. Поле черепицы снабжено узкими валиками. Толщина черепиц: у краев 1,5—1,8 см, в средней части до 2,2—2,3 см. Глина светло-красного обжига, хорошо промешанная, отмученная, с незначительными включениями кварца и органических примесей в виде желтых прослоек. Аналогии: Якобсон, МИА № 17, с. 118—119.

Примечание: аналогичные находки (фрагменты черепицы и красноглиняной поливной посуды) встречались на участке и раньше (разведки 1974 и 1985 гг.), однако сегодняшний материал относится к более позднему периоду.

После обеда (в 14.30) вновь направились к роще Большой Собаки (просьба Анны). Результаты аналогичны вчерашним. Анна обнаружила несколько сильно деформированных старых костей, вероятно, мелкого рогатого скота. Ее предположение: съедены Большой Собакой.

Примечание Влада: завтрак совхозных пастухов на лоне природы.

Предложение Бориса: обследовать пещеры Большой Бузулук и Мамина, а также пещеру (шахту) Студенческая, где были найдены наскальные рисунки.

Возражение Андрюса: холодно! (До —50°С.) Добавлю: и очень опасно без опыта и соответствующего снаряжения.

Анна требует, чтобы я съездил в Симферополь и сходил к врачу. Вчерашнее «затмение» напугало (слегка) и меня самого, однако визит к эскулапу можно отложить до конца экспедиции. Сегодня чувствую себя нормально.

Соображение по поводу древней и средневековой дорожной сети в южной части Караби-яйлы...

АД

11 августа 2004 г., Крым,
город Симферополь

То, что пора заканчивать, я понял еще весной. Политический аналитик из меня никакой, историк — пророк, предсказывающий назад, но что-то явно сгущалось, накапливалось, подступало. В Москве, куда я попал в мае, опять много обещали, жаловались, что Чечня связывает руки, извинялись, просили немного подождать. И снова — почти ничего. В Киеве хуже — вначале молчание, потом — откровенное предательство. Этих купить проще.

А в общем, ситуация складывалась не из сложных. Штатники рассчитывают, что на наших выборах победит «их» кандидат, который отдаст все задаром, включая базу в Севастополе, Россия желает того же, но ставит на победу соперника. В любом случае мы, бойцы Сопротивления, не только не нужны, но и опасны.

Предложения о прекращении борьбы стали поступать еще год назад. Кое-кто согласился сразу — и теперь, по слухам, процветает. Чернорог начал артачиться, даже грозить, обещая рассекретить некоторые любопытные факты.

Его убили первого.

Не знаю, с кем и что не поделил Шевченко. Может, просто глупая случайность — сунулся с неважно сделанной «липой» к погранцам и погорел, как Лазаренко на таможне.

Меня и моих ребят оставили, словно прикуп в преферансе. Пока.

* * *

— Лолита! Лолита...

— Катись ты! Еще дерешься! Кто ты вообще такой? Думаешь, если я к тебе приехала, если я... И вообще, товарищ майор, прошу с этой минуты обращаться ко мне только по званию! Ты!..

— Насчет ругани мы с тобой сразу же договорились. И не смей спорить! А теперь смотри — вот список, поищешь в Интернете, начни с сайтов фармацевтических фирм. Если что, обратись к Экселенцу.

— Арлекин! Ты что? Зачем? Врач сказал, контузия легкая.

— У меня вообще не было контузии. Поищи! Будешь себя хорошо вести, возьму тебя...

— Прекрати! Я не кукла, чтобы со мной забавляться, я — взрослый человек! А то, что у нас разница в двадцать пять лет...

— Двадцать шесть с половиной.

— Да? А я подсчитала... Все равно, это не значит, что можешь мной... А куда ты меня хотел взять?

— На операцию. Возможно, главную. Стрелять не дам, но кнопку нажать разрешу.

— Ой! То есть... Ты придумал, как выиграть войну?

— Нет, войну мы не выиграем. Но им тоже придется проиграть. Надеюсь.

* * *

— Товарищи офицеры... Приказы не обсуждаются, и, уверен, мы с вами не доживем до такой демократии. Это касается прежде всего вас, капитан Суббота... Но прежде чем приказ будет отдан, считаю своим долгом поделиться некоторыми соображениями. До недавнего времени командование UkrFRO и правительства соответствующих государств были уверены, что их политика в Крыму и в Южной Украине в целом успешна. Уничтожение нескольких наших отрядов оценивалось как если не окончательная, то полная победа. Операции последних недель заставили противника насторожиться. Но опасность не в этом. Сейчас идет торг между нашим правительством и НАТО по поводу будущего вывода оккупационных войск. Наши головы — гирьки на весах. Если отряд немедленно прекратит боевые действия, всем разрешат эмигрировать или даже вер-

нуться домой. Во всяком случае, большинству из нас. В противном случае начнется охота, причем загонщиками станут не командос UkrFOR, а наши родные спецслужбы. Именно наши, старший лейтенант Аргонец, увы! Все мы добровольцы, но обязательства воевать против собственного правительства никто из нас не давал. Вместе с тем лично я отказаться от операции «Приблуда» не считаю возможным, поэтому предлагаю высказаться, начиная с младшего по званию. Лейтенант Казачок, прошу...

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

56

Через полгода скитаний по госпиталям, после трех операций Константин вернулся домой с искалеченной, недействующей рукой и весьма мрачными перспективами. До войны он зарабатывал себе на жизнь коммерческим альпинизмом. Теперь об этом можно было забыть.

После начала боев в Крыму очень многие политики заявляли о своей поддержке добровольческого порыва, о том, что готовы оказывать волонтерам всестороннюю помощь. Теперь, когда сложилась иная политическая конъюнктура, добровольцы их не интересовали. После начала новой фазы Кавказской войны политики предпочитали позировать перед телекамерами на фоне раненных в Чечне солдат и гуманитарных грузов.

Но помощь все же пришла, и совсем не от сильных мира сего. О беде добровольца узнала Елена Петровна Филозова, операционная сестра Научного центра хирургии Российской Академии медицинских наук. Она сумела договориться о том, чтобы Константину, которого она представила своим братом, была сделана в Центре операция, причем бесплатно (стоит она не менее шести тысяч долларов)...

57

«Крымские пирамиды», о которых так много писала пресса, были открыты при следующих обстоятельствах. Некто Виталий Гох и его «научно-исследовательская группа» работали в лесополосе станции Севастополь-товарная, пытаясь отыскать воду, используя СВЧ-приборы. На глубине 9,8 метра они нашли «литую структуру», посчитав, неизвестно по какой причине, что это ребро пирамиды. По «структуре» начали бить кувалдой, потом пробили трещину наконечником отбойного молотка. «Структура» оказалась выходом верхнеюрских известняков. Затем колодец расширили и продолжали копать до глубины 20 метров. Там был найден кирпич современного изготовления.

Сам Виталий Гох уверен в успехе. Среди прочего он заявил: «Мой метод геогидродиагностики позволяет обнаружить любые элементы таблицы Менделеева как на Земле, так и в космосе, в том числе на других планетах и звездах. На Марсе мы нашли запасы золота и платины. Параллельно я работал над изучением земного ядра. Мне пришло в голову проверить, правда ли, что ядро состоит из метана? И действительно, оно состоит из метана».

АД

12 августа 2004 г., Крым, город Симферополь

— Узнаешь? — Аргонец удовлетворенно хмыкнул. — Севастополь-товарная. Хе!

Я кивнул в ответ, не отводя глаз от экрана. Узнавалось плохо, смотреть на станцию с холма (скажем, с площади Ушакова) и со спутника — все-таки разные вещи.

— Товарная, чики-чики, — подтвердил Экселенц, не отрываясь от пульта. — Объект — через пять минут.

Экселенц нам попался правильный: лет девятнадцати, ушастый, худой, словно спица, рыжий — и в очках с немалым «минусом». Культом собственной личности парень не страдал, став «превосходительством» исключительно по моей инициативе. Каждый вправе выбирать рабочее имя по вкусу, и наш компьютерщик решил назваться «Excel», что звучало слишком уж прозрачно. Я предложил «Винчестер» — серьезно и со смыслом, но он почему-то запротестовал. Сошлись на компромиссе.

Экселенца в отряд я не взял. Не только из-за «минуса» — компьютерщик такого класса нужен мне в Симферополе, а не в лесной засаде где-нибудь под Терновкой.

Два года назад у нас еще хватало друзей, и мы устроились в симферопольский телецентр. Контрольная комиссия UkrFOR на телевидении только что не ночевала, отслеживая все, включая рекламные ролики. Но мне не требовалось, чтобы Экселенц выходил под обстрелом в прямой эфир, выкрикивая славянофильские лозунги. Он обеспечивал экстренную связь, иногда доставал нужные документы, но берег я парня именно ради этого дня.

— А не жалко? — внезапно скривился Аргонец. — Блин, почти родные места! Бродили тут, попутки ловили, когда на Эски-Кермен...

Вовремя вспомнил, называется! И что ответить?

— Жалко, понятно. Такой город и — уродовать! Предпочел бы Нью-Йорк, но там и без нас постарались. Ничего, отстроим! Нагоним пленных, как у нас в Харькове после войны, пусть горбатятся.

...Душная комнатушка на шестом этаже телецентра, невидимая антенна где-то над головами, незримый спутник в черных небесах. Экран, мы у экрана. Белые коробки жилых кварталов уходят за нижний срез... Севастополь! Город, куда я хочу вернуться.

— Так, внимание!..

На «Командирских» — без трех десять. Суббота и Казачок уже час как работают — южнее Бахчисарая, у блокпоста возле Машино, точнее, возле того, что час назад было блокпостом. «Им» в Севастополе уже доложили, и министру тоже доложили, значит, общая тревога, «вертушки» в небе, грузовики ревут по серпантинам.

«Они» решат, что салют в честь высокого гостя начался. Нет, майне геррен, это пока фейерверк, салют впереди!

— Кнопка! — внезапно напомнила замершая в кресле Лолита. — Арлекин, ты обещал!

— Экселенц! — откликнулся я. — У нас найдется какая-нибудь кнопка?

Рыжая макушка дернулась:

— Зачем, товарищ майор? Можно «мышью». Но если хотите... Вот!

«Вот» — картинка со спутника, ясная, четкая, словно над городом повесили аэростат. Уже не над Севастополем — над Инкерманом. Знакомая бухта, ровная нитка «железки»...

— Серое, — негромко подсказал Аргонец, но я уже видел. Верно, серое: путепровод, гигантский мост на высоких опорах. Старший лейтенант не ошибся — мы тут бывали. Шли пешком от инкерманской пристани до Верхнесадовой, вначале не ловились попутки, потом решили дойти сами, из принципа...

«Приблуда». Ждет!

— Десять минут, — напомнил Экселенц, колдуя над пультом. — Чики-чики! Нет, девять с половиной, товарищ майор.

Коды спутника — подарок из Москвы — позволяли задержать всевидящее око над нужным объектом. Подарок я берег до последней крайности — как и Экселенца с его «чики-чики». Без рыжего-ушастого коды — просто сувенир на диске. А вот система перехвата «Echelon», к которой Экселенц умудрился подключиться, позволяет использовать чужой спутник от души, на все сто. Недолго, правда, может, и десяти минут у нас не будет. Хозяева небесного шпиона сообразят, засуетятся...

Итак, что видим? Увы... Путепровод был пуст. Совсем. Абсолютно.

Мы с Аргонцем переглянулись, я молча развел руками. Не хочется, но надо торопиться. Фугасы ждут, их заложили еще весной, когда обстоятельные британцы затеяли ремонт. Нашим рабочим не верили, пригласили поляков. Что и требовалось.

— Ихний министр проедет? Да? — Лолита дернулась, вскочила. — Министра грохнем?

Рядом заскрипело, и я не сразу понял, что Аргонец смеется.

— Вам чего, жалко этого гадского американа?

«Гадского американа» — явно с голоса Субботы. Я обреченно вздохнул. Вот оно, дурное влияние!

— Не жалко, боец Лолита. Я бы этого трехзвездного на дуэль вызвал — на пистолетах Лепажа. Индивидуальный террор — не наша тактика, нельзя сводить войну к личностям без крайней необходимости. Лучше живой напуганный бюрократ, чем мертвый герой на Арлингтонском кладбище... Что это?

Экран дрогнул, поплыл — Экселенц поспешил увеличить изображение.

— Джип, — без особой нужды сообщил Аргонец. — Патруль, наверно. Бдительные, сволочи!

— Гражданских не зашибем? — внезапно поинтересовался рыжий. — Я не то чтобы против, товарищ майор...

Оказывается, он еще и гуманист. Хакер-толстовец!

— А я вот категорически против, боец. Но сегодня все дороги перекрыты, по случаю визита гражданским покидать город запрещено.

— Семь минут, — вздохнул Экселенц.

Я вновь поглядел на циферблат. Очень хотелось позвонить Субботе, узнать, что и как, но теребить капитана посреди боя грешно. На душе скребли кошки — под Бахчисарай следовало послать пунктуального, спокойного Аргонца, а не моего взрывного заместителя. Суббота склонен увлекаться, пороть горячку, что порой очень опасно. Но выбрал я все же его. У маленького села с идиллическим названием Машино нужен не просто бой, нужна катавасия, феерия, бал со свечами на полные полтора часа. Пронунсименто! А для такого Аргонец слабоват, воюет исключительно по Денису Давыдову. Убить — и уйти.

Сколько их там уцелеет? «Вертушки» еще не самое страшное.

— Машины. Грузовые!

На этот раз вскочил я. Одна, две... Только две? Обидно тратить на такое «Приблуду», слишком долго готовились. Конечно, проще было не давить форс, не завязываться со спутником, просто направить группу с радиопередатчиком на ближайший холм. Проще — но не лучше. В Севастополе тоже не желторотики, дорога стратегическая, все перекрыто, каждая кочка под наблюдением. Хотелось сработать чисто, чтобы рты пораскрывали. Прав Суворов: удивил — победил.

— Три минуты, товарищ майор.

— Понял.

Кажется, пора, и так задержались. Черт с ним, рванем что имеем, не станем жадничать, счет и без того в нашу пользу. Не зря мы несколько лет не применяли фугасы, откладывали до последнего, ждали, пока эта сволочь успокоится, обнаглеет, подзабудет службу.

— Экселенц, готовь кнопку. Минута!

— Есть!

Грузовики уже скрылись, серая бетонка пуста. Ничего, все равно будет шум, да еще какой! Все равно...

— Арлекин!!!

Давно Аргонец так не кричал, очень, очень давно. Я бы и сам крикнул, только не смог, свело горло. Колонна! Длинная, набитая чем попало: грузовики, легковушки, непонятно что с

зенитными пулеметами на крышах, бэтээры впереди. Вот и «вертушки» вынырнули из-за горы. Не иначе под Бахчисарай собрались? Молодец, Суббота!

— Кому кнопка? Товарищ майор...

— Лолита! По моей команде.

Подошла к пульту, наклонилась к Экселенцу, что-то спросила. Кивнула. Пальцы на клавиатуре... Я вдруг понял, что сейчас произойдет. Если рассчитано верно, если «Приблуда» сработает, эта худая девочка движением пальца убьет несколько десятков человек. Не одна она, многие постарались — но и она тоже.

Лолита еще не знала, даже Экселенц не знал, что «Приблуда» — не только три фугаса в опорах путепровода. Тот же сигнал подорвет заряд в железнодорожном туннеле, последнем перед Севастополем, и еще один — на серпантине ближе к Верхнесадовому. Что там сейчас, кому сегодня не повезет, я решил не выяснять. Узнаю!

Эффективно лишь сплошное минирование — один из заветов Ильи Григорьевича Старинова. Нам легче, чем легендарному полковнику. После взрыва в Харькове пришлось ждать два года, чтобы узнать результат. В 1941 году спутники еще не летали.

Колонна-змея растянулась по бетонке, передовые уже на противоположном конце, задние только втягиваются. Еще бы секунд десять... Нет, пора!

— Кнопка!

— Есть!..

В голосе Лолиты — азарт, и только азарт. Для нее пока это всего лишь компьютерная игрушка. Ничего, поймет! Или... Может, лучше не понимать?

— Арлекин! Я нажала, а она... Оно...

Напомнить про законы физики и про скорость распространения сигнала я не успел. Змея, протянувшаяся через весь экран, дрогнула, серый бетон выгнулся, начал беззвучно оседать.

Я отвернулся. Дальше можно не смотреть.

* * *

— ...Арлекин, ты... Что с тобой?

— У Субботы большие потери. Очень большие, Лолита! Знал бы с самого начала...

— Это война, ты сам говорил! Мы же в Инкермане кучу гадов поубивали!..

— Прекрати! Кучу гадов... Где-то я прочитал, что война — не просто достижение цели насильственными средствами. Война — жертвоприношение, Зверь из Бездны. И кончается она не раньше, чем все жертвы принесены, воля людей уже ничего не значит.

— Ты еще скажи, что непедагогично было разрешать мне жать на кнопку. Тоже мне, Франциск Ассизский! А почему ты сам стал убивать? Читал бы лекции — или на митингах выступал.

— Именно поэтому. Когда в 1993-м начиналась резня, я ощутил бессилие. Свое, всех нас, всей страны. Все, что мы могли, — протестовать, жаловаться, просить о помощи. От бессилия до желания убивать — один шаг.

— А те, кто пошел на войну в 1941-м, тоже так рассуждали? Есть враг, есть мы — о чем еще думать?

— Наверно, ты права. На войне лучше ни о чем не думать — только о войне... Между прочим, тебе за колонну орден полагается. Министра мы не... грохнули, так, кажется? Но кое-кого еще... Жаль, у меня нет в запасе орденов!

— А ты меня поцелуй, Арлекин.

* * *

— Ну что, товарищи офицеры... Прежде чем поздравлять с успехом, разрешите напомнить очевидную истину. Нам честно предлагали выйти из игры — и враги, и друзья. Мы отказались. После сегодняшнего дня правила изменились. Раньше с нами воевали. Теперь станут убивать...

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

58

Радиомину сделали неизвлекаемой. После этого тщательно замаскировали место ее установки и уничтожили следы работы. Оставалось «успокоить» противника, подкинуть ему «грозную советскую мину»: мы прекрасно понимали, что, не обнаружив в

таком прекрасном особняке никакой мины, враг насторожится и, скорее всего, не станет заселять дом. Мы установили в котельной «мину-блесну». В углу, под кучей угля, пожертвовав драгоценной взрывчаткой, смонтировали сложную мину замедленного действия, снабдив ее различными дополнительными устройствами для взрывания. На самом деле все эти устройства, вполне исправные, хитроумные и на вид крайне опасные, полностью исключали возможность взрыва «блесны» из-за того, что сухие батареи были уже негодными. Покончив с этим делом, минеры привели в первоначальное состояние пол котельной, а потолок подолбили, помазали свежим цементом и побелили.

59

Борьба против противника в прифронтовом тылу ведется еще недостаточно серьезно. Вероломных и жестоких партизан и дегенеративных женщин все еще продолжают брать в плен. С фанатиками и бродягами, одетыми в полувоенную форму или полностью в гражданском платье, возятся, как с порядочными солдатами. Если в тылу армии будут обнаружены партизаны, взявшиеся за оружие, против них будут применены жестокие меры. Они будут применяться также по отношению к той части мужского населения, которая могла бы предотвратить предполагавшиеся налеты или вовремя сообщить о них.

60

Автомат Никонова — АН-94 «Абакан». Принят на вооружение в 1995-м году после длительных испытаний и доработок взамен автомата АК-74. Вскоре был забракован частями спецназа России и снят с вооружения. Снова принят на вооружение Российской армии в 2000 году.

Основные недостатки:

— высокая сложность механизма;

— малая надежность;

— применение старых магазинов от АК;

— более высокая чувствительность к загрязнению деталей.

13 августа 2004 г., Крым, Караби-яйла

Рабочая тетрадь, с. 34.
Харьковский Национальный университет им. В.Н. Каразина. Горно-крымская комплексная экспедиция. Июль — август 2004 г. Отряд «Омега».

...Продолжение описания «Объекта» возле Длинных Стен. Развалы северной стены перекрывают площадь шириной 10—15 м. Возможно, в центре этой куртины была наружная башня, ныне разрушенная до основания. Северная куртина поворотом на 90 градусов переходит в восточную куртину длиной 52 м. Структура и размеры стены такие же, как в северной куртине, но кладка сохранилась значительно хуже из-за большого уклона основания стены. Флангом восточная куртина выходила на южный склон. Стена здесь разрушена полностью, но место ее прослеживается по подтескам скального основания. Вход находился, возможно, в восточной куртине, в 12 м от углового поворота. Толщина стен у входа 2,3—2,4 м, входной проем имеет ширину 1,50—1,65 м. С наружной стороны к нему подходит глыбовая вымостка дороги.

«Объект» был открыт и частично описан во время разведки 1988 г. Его назначение не вполне понятно. По типу он напоминает классический исар (убежище), наиболее близкая аналогия — Чертов Исар возле Байдарской долины (Фирсов, с. 380—384). Вместе с тем расположение у Длинных Стен предполагает, что «Объект» был частью оборонительных сооружений. Однако если Длинные Стены вполне обоснованно относят к византийским постройкам, то «Объект» сооружен в «местных», южнобережных традициях.

Примечание Бориса: «Объект» мог быть передовым укреплением крепости (города) у горы Иртыш.

Примечание Влада: сначала надо эту крепость найти. Никаких следов!

Во второй половине дня Анна и Андрюс направились к горе Ликон, где мы видели мустангов. Взбираться на гору я запретил, пусть наблюдают с туристской тропы.

Борис и Андрюс продолжают составлять схему «леев Караби».

Мое самочувствие вполне удовлетворительно. Больше этой темы касаться не буду.

13 августа 2004 г., Крым, туристская стоянка Ай-Алексий возле Караби-яйлы

...Суббота, махнув рукой, заявил, что второй и третий взводы все равно придется сводить в один, неполный. Беды в том он не видел: третий взвод у нас традиционно «сержантский», укомплектованный молодежью, офицеров на него не ставили. Несчастливый он, третий! Последним офицером там был лейтенант Говерла — и трех часов не продержался, бедняга. Новобранцев же следует распределить по двум оставшимся, так что ничего страшного. Аргонец согласился, но заметил, что в переформировании беды действительно нет, а вот потеря почти трети отряда в одном бою — дело совсем иное. Капитан вскипел, но я пресек дальнейший спор, приказав больше не говорить о войне. По крайней мере, до утра.

Суббота не виноват — он сделал что мог. Все остальные тоже — и живые, и мертвые.

Лолита весь вечер молчала. Даже долгожданный «партизанский костер» ничуть ее не радовал. Кажется, расстрел двух британцев, сдуру налетевших на нашу колонну, потряс гюрзу куда больше, чем полторы сотни убитых ею лично. Да, настоящая война — когда глаза смотрят в глаза. Жертвоприношение... Остальное — компьютерные игры.

Я был готов нарушить все правила и отпустить англичан подобру-поздорову, но уж больно не вовремя мы встретились. Взять с собой — «засветить» еще одну нашу базу, отпустить — наведут на след. Жаль! Лейтенант-связист мне даже понравился, храбрый парень.

Казачок, обычно неразговорчивый, что-то почувствовал и поинтересовался, можно ли говорить об оружии. Не в связи с войной, а «вообще».

«Вообще» я разрешил, и лейтенант стал вспоминать, как в позапрошлом году ездил в Артемовск. Тогда мы всерьез подумывали о переходе на калибр ТТ, Суббота вовсю расхваливал «клин-2», безотказный и незаменимый в ближнем бою, и Казачок отправился поглядеть образцы. Под Артемовск, в район знаменитых соляных шахт, его занесло случайно — встретился понятливый сослуживец. Каково же было удивление лейтенанта, когда в одной из шахт, еще век назад переоборудован-

ной под склад, обнаружился целый музей. Там имелось все: от автоматов Федорова и пулеметов Льюиса до американских автоматических «кольтов». Нашлись даже автоматы Томсона — настоящие, новенькие, в смазке. Бог весть как все это добро оказалось в соляной шахте! Казачок, хоть и видал виды, был потрясен. Недаром!

На рассказ отреагировали вяло. Аргонец поморщился, заметив, что музей — хорошо, но вот у патронов 7.62 (маузеровских 7.63 тоже) только одно достоинство: их много, как субстанции из анекдота. А «томсоном», мечтой чикагских гангстеров, он вооружил бы лично капитана Субботу, дабы тот меньше фантазировал. Пусть потаскает семь килограммов плюс боезапас!

Суббота был настолько не в духе, что даже не стал отвечать. Лолиту тема явно не заинтересовала, а я, чтобы поддержать разговор, рассказал любимую историю про опечатанный телефон, виденный мной в штабе 25-й дивизии имени Чапаева. Аппарат работал, честно гудел — но еще ни разу не звонил с самого 1926 года, когда его установили для каких-то «особых целей». Вся дивизия гадала, что случится, если телефон подаст голос, — не иначе конец света.

Притча понравилась. Суббота заметил, что у каждого из нас есть такой телефон. Иногда просто гудит — но иногда и звякает.

* * *

— ...Помните, мы тут ссорились? В 1992-м? С москвичами чуть не подрались. Ну и местечко!

— Ага. Странное дело, Ай-Алексий — в честь святого Алексея. Сварливый, видать, был дедушка! Кстати, тут раньше, до революции, часовня стояла, фонтан был, а я даже следов фундамента не заметил.

— Холопы сожгли родовое поместье... Караби-то совсем рядом! Какой там лимонник, помните? Всю зиму чай с ним заваривал. Между прочим, Аргонец, там и твои леи. Видимо-невидимо, вся яйла, блин, в леях.

— А что — леи? Хе! В Европе их давно уже признали. Эт-точно. Даже в Англии.

— Ты еще пирамиды крымские вспомни. Лженаука-с! А вот копнуть возле Иртыша... Верно, Арлекин?

— Разогнался, Суббота! Копнуть — не знаю, разведать бы, собрать небольшую экспедицию.

— Андрюса из Литвы вызвать...

— Ага, чтобы еще один компас потерял. Ладно, захватим в плен Буша — тогда и на Караби.

— Только эту... Лолиту не вздумай брать.

— А что? Она на биолога учится. Будет мустангов ловить.

— Эт-точно. Хе! И Большую Собаку. Эй, у кого зажигалка близко?

— Тихо, Казачка разбудите!

— Засланного? Арлекин, ты что, и вправду курить бросил?

* * *

— «Здесь лежат свободные русские люди». Не слыхала, Лолита? Когда белогвардейцы хоронили своих, они не оставляли на крестах имен. Только надпись: «Здесь лежат...» Ты права — озверение, привычка убивать — все это есть. Но большинство из нас воюет, потому что хочет быть свободным. Поэтому мы опасны. Для всех — и для себя тоже. Наверное, такие, как мы, не имеют права на возвращение. «Мы воины, мы трубадуры, увечный и голый отряд; мы те, кто назад не вернется, за труд не получит наград, кто ангельских крыл не коснется, кто злою судьбою гоним, уже никогда не предстанет, Господь, перед ликом Твоим». Не читала? Уку Мазинг, эстонский поэт.

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

61

Основными факторами, сделавшими возможным вмешательство UkrFOR, были:

1. Распад Союза Советских Социалистических Республик в декабре 1991 г.

2. Крайняя слабость правительства Украины, ее «атлантическая ориентация», вывод за пределы Украины тактического ядерного оружия (1992 г.).

3. «План Лукьянова», предусматривавший создание внутри союзных республик сепаратистских анклавов (Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия, Крым).

4. Ослабление позиций Российской Федерации на внешнеполитической арене, прозападный курс Ельцина — Козырева.

5. Назревание военного конфликта в Чечне.

6. Острое политическое противостояние в Грузии, конфликт в Южной Осетии и Абхазии.

7. Сепаратистская политика руководства Автономной Республики Крым (Багров, Мешков), конфликт России и Украины из-за Севастополя, русско-татарские столкновения.

8. Относительно удачный опыт вооруженной интервенции стран НАТО в бывшей Югославии.

9. Внутриполитическая борьба в России (главный фактор).

К весне 1993 г. российская оппозиция, объединявшая главным образом сторонников воссоздания СССР (как левых, так и правых), окончательно взяла курс на насильственное отстранение Ельцина от власти. «Мозговым центром» будущего переворота (Вольский, Лукьянов, Бабурин) был предусмотрен вариант «ограниченного конфликта» с одной из бывших союзных республик. Идея заключалась в том, что «подвергшаяся агрессии» (или «выступившая на защиту сограждан») Россия «призовет к власти» генерала-патриота Руцкого. Отстранение Ельцина должно было быть санкционировано внеочередным Съездом народных депутатов. В качестве «агрессора» («нарушителя прав сограждан») намечались Молдавия, Грузия и Украина. Однако молдавский вариант отпал из-за решительной позиции командующего 14-й армией генерала Лебедя. Проведение в жизнь грузинского варианта началось («ночное» заявление Руцкого по Южной Осетии), но вскоре затормозилось из-за опасения «неадекватной реакции» НАТО и США.

В ходе поездки Руцкого по военным округам востока России (апрель 1993 г.) и его «внезапного» визита в Севастополь был окончательно согласован украино-крымский вариант. Решающей стала позиция командующего Черноморским флотом адмирала Балтина.

В мае 1993 года начались спровоцированные «казаками» Мешкова русско-татарские столкновения в Крыму (Морское, Евпатория, Коктебель). Тогда же для их предотвращения в Крым направились первые отряды добровольцев из Украины и России. В ответ на резкие заявления Руцкого и руководителей Верховного Совета России (Резолюции ВС РФ о Севастополе и Крыме) 14 мая 1993 года последовало обращение Украины в Совет Безопасности ООН...

62

Значительная часть информационных потоков в мире прослушивается с помощью системы «Эшелон» (Echelon), созданной в США при участии Великобритании, Канады, Австралии и Новой Зеландии. Речь идет о всемирной системе электронного перехвата и прослушивания информации, передаваемой через спутники связи: телефонных разговоров, телексов, факсов, электронной почты.

С помощью системы «Эшелон» отслеживает международные информационные потоки Агентство национальной безопасности (National Security Agency, NSA) — американская спецслужба, созданная в первые годы «холодной войны» с целью радиотехнической и электронной разведки. Система направлена не только против потенциального неприятеля, но также и против европейских партнеров США.

Для правительств европейских стран это обстоятельство не является секретом...

63

«Когда все остальные права попраны, право на восстание становится бесспорным» (Т. Пейн).

РАЙ

14 августа 2004 г., Крым, Караби-яйла

Рабочая тетрадь, с. 36.
Харьковский Национальный университет им. В.Н. Каразина. Горно-крымская комплексная экспедиция. Июль — август 2004 г. Отряд «Омега».

В первую половину дня работы не велись из-за дождя. Потерян второй рабочий день, поэтому будем работать в воскресенье. Поездка к морю отменяется.

Дискуссия о леях. Борис и Андрюс изложили свои соображения, Влад и я возражали. Резюме:

Борис сильно упрощает. В настоящее время термин «леи» употребляется для обозначения:

1. Условных прямых линий, которые можно провести на карте между несколькими археологическими памятниками. «Истинный лей» (или все-таки «лея»?) должен соединять не менее пяти объектов. Андрюс: леи — «шампур для шашлыка».

2. Вполне реальных следов древних дорог (т.н. «курсусов»), которые не обязательно идут по прямой. Такие «курсусы» действительно найдены в Англии и Германии. Чаще всего они соединяют памятники, имевшие сакральное значение, например, курсус возле Стоунхенджа. Одно из названий — «пути духов».

Андрюс: самые известные леи в мире — плато Наска с его изображениями.

Соответственно и объяснений несколько:

1. Леи — свидетельство геометрического мышления, возникшего в эпоху неолита. Люди поняли, что кратчайшим расстоянием между точками является прямая, поэтому стали именно так, по принципу «шампура», располагать свои строения (насколько позволял рельеф местности). Апофеозом подобного мышления стала т.н. «Гипподамова планировка» городов в Древней Греции (улицы идут под прямым углом), применяемая по сей день.

2. Леи — попытка расположить объекты с учетом магнитных и прочих аномалий («силовых линий») для получения помощи «свыше». Именно в этом смысле можно трактовать феномен херсонесской Крипты и херсонесского «треугольника леев».

Ввиду этого привязка леев только к древним дорогам неправомерна.

Влад предлагает положить на карту все известные археологические объекты Крыма и провести между ними прямые линии, чем и решить вопрос.

Андрюс уточняет, что такое уже делалось, но работа с картой, даже крупномасштабной, приводит к большим погрешностям (до нескольких километров). Необходимо исследование на местности.

Мои соображения: принцип «шампура», если он действительно применялся в Крыму, может помочь при поиске неизвестных памятников. Однако следует учитывать крымский рельеф, при котором сооружение объектов по геометрическому принципу затруднено. Работа с «аномальными леями» требует очень хорошей подготовки, в том числе привлечения специалистов-геологов.

Анна показала фотографию «мустанга», сделанную вчера в районе горы Ликон. По мнению Влада, это обычная совхозная лошадь. Настоящие мустанги с Караби были низкорослыми и с длинными гривами. Анна возражает: мустанги — одичавшие потомки лошадей времен Второй мировой войны и прибившихся к их табунам лошадей послевоенных, вплоть до наших дней. Породы, их варианты и сочетания могут быть совершенно разные.

Вполне резонно.

Планы на завтрашний день...

АД

14 августа 2004 г., Крым, недалеко от города Джанкоя

— Докладывайте, боец Лолита.

— Товарищ майор, ввиду боевой обстановки разрешите перейти на общепонятный язык?

— Не разрешаю. Допросила?

— Так точно. Этот пи... Этот тип вначале лез с комплиментами по поводу моей внешности, а потом стал пугать. Сказал, что в тюрьме красивую девушку будет кому оценить. И что его командование не сможет гарантировать джентльменского обращения, когда я попаду в плен. Особенно со стороны американских военнослужащих.

— Ага, рыцарь попался. Что там написано? Капитан... Военный юрист?

— Голландец. Прибыл собирать сведения о преступлениях террористических банд в Крыму. Для международного процесса.

— А мил-человек, оказывается, стукачок! Ну, переводи, только без эмоций. Чего он плачется?

— Выражает протест по поводу обращения. Его долго и жестоко били... Это я его, товарищ майор, — прикладом, чтобы не хамил.

— Боец Лолита, в дальнейшем переводите дословно. Что он делал в Джанкое?

— Он говорит... Я собирал информацию о зверствах неза-

конных вооруженных формирований по отношению к татарскому населению. Материал ужасает. Вы действительно варвары и звери.

— Вы собирали информацию о преступлениях по отношению к русским и украинцам?

— Он... Татарское население вынуждено было защищаться. Татарские аскеры действовали... Можно перевести: в пределах необходимой самообороны. Скоро весь мир узнает правду. Процесс в Гааге станет новым Нюрнбергом.

— Над кем процесс?

— Над международными преступниками. Цивилизованный мир вынужден защищать свои ценности. Такие, как террорист Шевченко и... И такие, как мы с вами, товарищ майор, получат по заслугам.

— Так... А те, кто оккупировал Крым и южные области Украины, тоже получат по заслугам? Если он... Если вы юрист, капитан, то должны знать, что наше правительство не давало санкцию на ввод войск UkrFOR. Это — нарушение международного права, необъявленная война. Так чего вы хотите?

— Он... Современное международное право ставит принцип защиты прав человека выше государственного суверенитета. Мы, представители европейской цивилизации, имеем право вмешиваться для защиты наших ценностей. Пример Югославии показал, что мы способны доводить дело до конца. Вы, товарищ... То есть господин майор, скоро почувствуете нашу силу. Европейский Союз и Соединенные Штаты заставят ваше правительство передать преступников в руки правосудия, иначе руководителей страны самих привлекут к суду, а против Украины будут введены международные санкции. Подлые убийства солдат и офицеров миротворческого контингента ни в коем случае не могут быть прощены... Товарищ майор, можно я его!..

— Отставить! Переводи... «Враг злодейски обстрелял наши самолеты, мирно сбрасывавшие бомбы на его город». Если капитан не знает, это Карел Чапек. Кого мы там, в Инкермане, достали? Заместителя командующего американским контингентом?

— Если господин майор слышал, Президент Соединенных Штатов Америки в своем выступлении по поводу гибели генерала...

— Пусть заткнется! Итак, вы влезли на чужую территорию без спросу, оккупируете ее больше десяти лет, обстреливаете и бомбите города с мирным населением, арестовываете граждан суверенного государства — и считаете, что правы?

— Он... Я заявляю...

— Скажи, чтобы заткнулся. И поинтересуйся, пожалуйста, чего он такой смелый?

— Он говорит... Вы ничего не посмеете мне сделать. Он... Я — представитель правосудия. Европейского правосудия. Я — юрист.

— Ага... Объясни ему, Лолита, что он — офицер иностранного государства, незаконно прибывший на нашу территорию. На нем форма, при нем было оружие. По законам военного времени... Что он говорит?

— Я протестую. Выражаю решительный протест. Это варварство и чудовищное нарушение международных норм.

— Ты наглая самоуверенная сволочь! И все вы там — сволочи, решившие, что вашей долбаной Европе и поганым Штатам все в мире позволено! Новый порядок решили установить? Попробуйте! А ты... А ты сейчас сдохнешь, как последний гребаный нацист. Во Вторую мировую таких тут немало закопали. Поглядим, что скажет твоя Европа... Не надо переводить, кажется, до него дошло.

— Товарищ майор, он...

— Суббота-а! Капитан Суббота! Видишь этого миротворца? Можешь его расстрелять. Ага, и пусть сапог поцелует напоследок. Правда, ты в ботинках, но ничего, сойдет... Лолита, чего это он?

— Набор местных идиоматических выражений. Общий смысл: «Пощадите, дяденька!» И чего-то про жену и детей.

— Когда он твой ботинок поцелует, спроси его, Суббота: «Что, сынку, помогли тебе твои ляхи?» По-английски, он поймет. Ляхи? Ну, переведи: «European civilization».

* * *

Когда все только начиналось, перед нами стоял страшный призрак Югославии. И не так важно, разработал ли кто-то в незримом Всемирном правительстве типовой сценарий на подобный случай — или события шли сами собой, подчиняясь

единой кровавой логике. Трагедия Боснии, Хорватии и Сербской Крайны готова была повториться на нашей земле. Поэтому я с самого начала считал необходимым навязать противнику наши правила. Отчасти удалось. Не из-за избытка рыцарства у «нас» и у «них», а из-за понятного нежелания большинства участников UkrFOR превращать Крым во второй Вьетнам. Все эти годы боевые действия велись локально, мы словно воевали на турнире, подчиняясь приказам невидимых герольдов.

Кое-кто был против — тот же Курчевский, пока мы еще были ему интересны. Странное дело! Многие видели в нем вождя нации, а он стал телеведущим. Каждому — свое.

Но в главном Курчевский прав. Своими правилами войны, резким ограничением ее интенсивности, мы играли на руку противнику. Партизанские действия должны быть беспощадными, тотальными, постоянными, только тогда они станут реальным фактором воздействия — что блестяще доказали бойцы сопротивления в оккупированном Ираке. Зажравшихся представителей «European civilization» следует бить в их самые больные места: взрывать небоскребы, брать и расстреливать заложников, рушить на их головы крыши вокзалов. Они — трусы, способные убивать только на расстоянии, виртуально, словно в компьютерной «стратегичке». Настоящей войны, войны-жертвоприношения, войны «глаза в глаза» никакая «European civilization» не выдержит.

Но — нельзя. Тотальная война взаимна, «умные» бомбы и сверхточные ракеты будут падать на наши города, начнется ответный геноцид...

«Вы долго не продержитесь, — сказал тогда Курчевский. — Вас заставят забыть о правилах».

Продержались мы достаточно долго. Но, кажется, это «долго» заканчивается.

* * *

— Слу-у-ушай, Арлекин, как здорово, что разрешил пидораса шлепнуть. Боялся — отпустишь. Ведь голландец, блин.

— «Думаете ли вы, что эти галилеяне были грешнее всех галилеян, что так пострадали? Нет, говорю вам, но, если не покаетесь, все так же погибнете». Кто сказал?

64

Песнь солдат, отступающих под натиском нечистой силы:

Мы воины стана Господня, мы бросили дом и детей,
Под нами усталые кони и выжженный вереск степей,
За нами пустыня и пепел, летящий горячим дождем,
Мы сушу минуем и море и все за собою сожжем.
Топча свою тень, мы отходим, но все же уносим с собой,
Как знамя, Господнего неба последний клочок голубой,
Бренчат наши кости сухие, иступлены наши мечи,
Изрублено тело, но сердце — как факел, горящий в ночи.
Мы тонем в кровавой пучине, нам рот залепило золой,
Саднят наши раны, но песня не молкнет над грешной землей,
Мы дуем в дырявые трубы, скрываясь за полог огня,
Мы воины, мы трубадуры недальнего Судного дня.
И пусть эти долы и веси сгорят и погибнут в огне,
Мы пяди живой не оставим нечистых царю — Сатане.
Мы воины, мы трубадуры, увечный и голый отряд;
Мы те, кто назад не вернется, за труд не получит наград,
Кто ангельских крыл не коснется, кто злою судьбою гоним,
Уже никогда не предстанет, Господь, перед ликом Твоим.
Мы скоро умрем, но мы знаем, что кровь бесконечно нежна,
Святого престола Господня сумеет коснуться она.
И пусть только эта надежда нам брезжит на бранном пути,
Мы верим: на древе Господнем сердца наши будут цвести.
Рабы Твои, в гари и смраде мы помним небес синеву,
И Белый Корабль избавленья мерещится нам наяву,
И все же мы прочь отступаем, снимаем повсюду посты,
И топчем, и рубим, и рушим, и жжем за собою мосты.

(Уку Мазинг)

65

«Pax NATO является единственным режимом для поддержания безопасности в традиционном смысле. Если у НАТО будет доминантная роль в регионе, то блок должен будет уяснить себе необходимость в расширении его стабилизирующего влияния на соседние области, в частности в Юго-Восточную Европу, Черноморский регион, в первую очередь Россию, Украину, Румынию, Болгарию, Турцию и Персидский залив. Соединенные Штаты должны играть ведущую роль в этой системе безопасности». (Посол Мэтью Ниметц Ambassador Matthew Nimetz, «Mediterranean Security After the Cold War», Mediterranean Quarterly, Vol. VIII, N 2, 1997.)

66

В связи с сепаратизмом в Крыму ситуация в Украине достигает критической точки. Как пойдет дальше развитие крымских событий — предвидеть сложно. В январе 1994 года лидер организации УНА-УНСО провел в Москве переговоры с Исламской Партией Возрождения (ИПВ), которая является наивлиятельнейшей мусульманской политической силой на территории Средней Азии и Российской Федерации. УНА-УНСО и ИПВ приняли политическую декларацию, в которой заявлено о наличии общих интересов двух организаций на постсоветском пространстве. Исламисты признали Крым неделимой частью суверенной Украины. Некоторые политологи сделали вывод, что с этого времени УНА-УНСО приобрела важный инструмент решения крымского кризиса.

АД

15 августа 2004 г., город Бердянск

— «Открыт паноптикум» печальный...»

— Арлекин! Не надо мне Блока цитировать, сама могу. «...И черный рыцарь не даст ответа, когда застанет его заря». Возьми меня с собой!

— Не стоит, Лолита. Это будет лишь... паноптикум печальный. А черный рыцарь все равно не даст ответа.

— Так плохо?

— Еще не знаю.

Бог весть, зачем нас решили собрать именно здесь. Формально Бердянск входит в «нейтральную зону», однако весь нейтралитет заключается в том, что здесь могут появляться не только патрули UkrFOR, но и наши собственные погранцы. От таких мест я бы держался подальше, тем более все годы мы благополучно встречались в Киеве, Харькове и даже Москве. Ощущение ловушки, плохо спрятанной западни не покидало меня с самого начала, хотя внешне все выглядело вполне пристойно. На улицах не встретился ни один «миротворец», наша охрана, как и обычно, была начеку, а в маленькой гостинице у самого моря я сразу наткнулся на старых знакомых — парней из Приднестровского отряда. Вероятно, дело не в личной безопасности. Странное предчувствие поражения, гибели, появившееся несколько дней назад, стало сильнее, подступило к самому горлу. Уже ничего не изменить, ничего не спасти...

* * *

— ...Наша партия поддерживала и впредь будет поддерживать героическую борьбу славянских дружин против сил мировой закулисы, против Всемирного Сиона. Но, друзья, есть стратегия и есть тактика. Мы в Москве считаем, что нужно временно, повторяю, временно снизить боевую активность. Это даст возможность провести в Государственной думе решение о...

— Ганьба, друзи! Ганьба!..

— ...Аналогия очевидна, панове, — приказ Провода ОУН 1947 года о переходе к подпольной работе и сохранении основного ядра Повстанческой Армии. Сейчас, накануне президентских выборов, очень важно не дать нашим политическим противникам использовать крымский фактор. Но даже если мы не одержим победу на выборах, борьба все равно возобновится. Сотни — нет, тысячи! — добровольцев из Галичины готовы в любой час...

Прежде, во время наших нечастых встреч, я определял обстановку очень просто — по числу собравшихся. Были времена, особенно вначале, когда требовался чуть ли не актовый зал. Год назад съехались всего девятеро, и кто-то грустно пошутил, что собрались делегаты I съезда РСДРП. Пришлось объяснять тем, кто не изучал историю КПСС, смысл сей пессимистической аналогии.

— ...Чисто технические трудности. Назначение нового министра обороны требует пересмотреть схему снабжения оружием и боеприпасами. Это ненадолго, может быть, на пару недель. Поэтому лучше всего переждать, чтобы не рисковать жизнями наших товарищей. Нелепая смерть генерала Черногорога должна научить нас осторожности...

— Ганьба!..

— ...Сможем обеспечить избрание в Верховную Раду тех,

кому грозит Международный трибунал. К счастью, закон о депутатской неприкосновенности дает возможность...

— Слава героям!..

На этот раз я ожидал увидеть всего ничего, в лучшем случае полный танковый экипаж, но вышло иначе. Чуть ли не два взвода — знакомые и незнакомые, командиры и политики, друзья из Москвы, Тирасполя, Варшавы. От этой странной многолюдности стало и вовсе не по себе. На поминки тоже съезжаются.

* * *

— Объяснишь?

— А что тебе непонятно, Арлекин? В ближайшее время НАТО примет решение о выводе войск из Крыма и южной Украины — в связи с выполнением поставленных задач. Как раз к президентским выборам, нашим и американским. В Крыму остаются наблюдатели ООН — те же «джи-ай», только с другими нарукавными повязками. Севастопольскую базу возвращают русским, штатники получают право стоянки в черноморских портах. Все довольны, празднуют победу, примеряют фраки, дырки для орденов вертят. А всяческих экстремистов выдают в Гаагу, как Милошевича, для образцово-показательного распятия. Мы были уверены, что ты уже на островах Туамоту. Вошел в историю, чего еще надо?

— Я не хочу входить в историю...

— ...А хочешь войти в Севастополь? Политика — искусство возможного, майор! Между нами... Ну на кой черт ты взрывал мост в Инкермане? Генерала тебе не простят. Видел, какая рожа была у нашего Президента? Так что...

— Покупать билет в Гаагу?

— Шутки шутками, а мадам Выдра собирается в Киев.

— Выдра? А-а! Главный обвинитель Трибунала, та, что Милошевича на дыбу вздергивает? Точно — Выдра. Значит, меня ей выдадут на блюдечке с золотой каемочкой?

— Может, с золотой, может, с голубой. А может, головой обойдутся — как в случае с Крестителем. Уезжай, Арлекин! Ничего уже не сделаешь. А этих... Ты их не слушай, они очки зарабатывают перед выборами. Все уже решено.

— Ага. Значит, решено.

* * *

Перед самым началом меня предупредили, что намечается чествование «победителя при Инкермане». Я категорически запретил, пригрозив развернуться и уехать. Нашли время для танцев с саблями! Кольцо в нос, полагавшееся мне за подвиг, решил отдать Лолите — свое прежнее она умудрилась потерять.

— Новая тактика уже дает свои результаты в Одессе и Николаеве. Вспомните фильм «Интервенция». Да-да, с Высоцким.

...Ин-тер-вен-ция! Ин-тер-вен-ция!

— Агитация и пропаганда куда опаснее для врага, чем засады и фугасы. Мы отберем у UkrFOR их солдат! А для этого важно создать необходимую психологическую обстановку, не озлоблять «миротворцев», не культивировать комплекс мести...

— ...Поймите, господин Арлекин, времена меняются...

Интересно, как потом в учебниках истории назовут наше сонмище? Бердянский съезд победителей? Последняя сходка загнанных в угол террористов? Азовская капитуляция?

— Ганьба! Предательство! Самое настоящее предательство! Соглашение по Крыму только закрепит иностранную оккупацию на долгие годы, на десятилетия. Мы не имеем права молчать! Мы должны перенести войну на территорию противника. Беспощадно, беспощадно! Пример бен Ладена... Да-да, именно Усамы бен Ладена!..

— ...Только мирные, только ненасильственные средства. Вспомните опыт ОУН на Западной Украине. Нельзя, чтобы в мире утвердился негативный образ украинца — террориста и бандита...

— Явная усталость, даже равнодушие. Последние события в Чечне совершенно заслонили для среднего россиянина крымскую проблему. Наша партия не сможет объяснить избирателям...

— ...Кто-то предлагает перейти от войны империалистической к войне гражданской? Начать борьбу с собственным пра-

вительством? Хочу напомнить: плохое ли, хорошее, но это наше правительство...

— А вы, майор Арлекин, даже не украинец!

— ...Немедленно извиниться! Немедленно! Мы не сомневаемся в патриотизме героя Украины майора Арлекина. Но поймите, друг мой, времена действительно меняются. Нужно осуществлять реальную политику. Компромисс? Брестский мир? Пусть так, но в нынешних условиях приходится...

— Ганьба-а-а-а!..

* * *

«...За нами пустыня и пепел, летящий горячим дождем, мы сушу минуем и море и все за собою сожжем. Топча свою тень, мы отходим...»

Топча свою тень, мы отходим...

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

67

Вопрос корреспондента журнала «Элементы»: Чем был обусловлен выбор грузинской стороны в случае конфликта в Абхазии? Многие русские радикальные националисты сражались именно на абхазской стороне.

Дмитрий Курчевский: Нам тяжело далось решение об участии на стороне Грузии, ибо мы знали, что на противоположной стороне воюют в основном славяне (абхазов там было задействовано мало). Но после решения Верховного Совета России о статусе Севастополя, после того как конфликт в Крыму оказался реальным, мы решили, что в случае его возникновения Крым и Абхазия будут двумя фронтами одной войны. Чем меньший фронт мы хотели иметь в Крыму, тем больший мы должны были иметь на Кавказе. Таков был политический расчет, он оказался, по правде, не совсем верным.

68

Флора и фауна Караби-яйлы

А. Подушечные заросли ясколки Биберштейна. «Памятник природы государственного значения (1975) в одной из обширных карстовых котловин на восточной окраине Караби-яйлы. Среди огромного флористического богатства эндемичных для Крыма растений большой интерес представляет ясколка Биберштейна, иногда называемая «крымским эдельвейсом». Ее серебристо-белые эллиптической формы листья, словно войлочные от покрывающих их густых волосков, действительно напоминают листья альпийского эдельвейса. В заповедной котловине Караби «крымский эдельвейс» образует подушечные заросли. Ясколка Биберштейна занесена в Красную книгу».

Б. Дикие собаки. «Активность этих животных проявляется в основном в весенний период, видимо, после зимней голодовки. В основном они бродят группами от трех особей и выбирают одиноких путников. В некоторых случаях собак удавалось отпугнуть палкой, взятой как ружье (видимо, они знакомы с этим предметом). В одном случае пришлось применять нож».

В. Мустанги. «Видим вправо по ходу большую карстовую впадину, заполненную стоящими и поваленными деревьями. Между ними какие-то темные глыбы. Подойдя ближе, замечаем, что глыбы шевелятся. И тут происходит чудо: животные, стоящие вблизи верха котловины, истаивают мгновенно, а находившиеся внизу совершенно беззвучно делают два-три прыжка и также исчезают. Но во время этих прыжков мы успеваем разглядеть их развевающиеся хвосты и конские гривы. Стоим ошеломленные, потом подходим к впадине. Она завалена не только деревьями, но и известняковыми глыбами. Непонятно, как там стоять лошадям, не то чтобы бесшумно скакать!»

Г. Общий обзор фауны. «Наиболее распространены зайцы, лисы, куницы, барсуки. Осенью на яйлу выходят олени, табунки косуль. В последние годы нередко появляются здесь дикие кабаны. Однажды я видел, как на яйлу из Аджикобинской балки поднималось кабанье стадо — голов сто, не меньше».

РАЙ

15 августа 2004 г., Крым, Караби-яйла

Рабочая тетрадь, с. 38—39.
Харьковский Национальный университет им. В.Н. Каразина. Горно-крымская комплексная экспедиция. Июль — август 2004 г. Отряд «Омега».

Продолжали разведку района, примыкающего к горе Иртыш с севера и востока. По случаю воскресенья работали до 12.00.

Анна настоятельно требует в следующее воскресенье обязательно отправиться к морю.

Среди найденного материала следует отметить мелкие фрагменты керамики, неопределимые из-за размера и плохой сохранности. Найдены три железных предмета, вероятно, современные, в том числе подкова.

Обращают на себя внимание следующие находки.

Три фрагмента (боковые части и дно) белоглиняной чаши с расширяющимся кверху корпусом на низком поддоне, расширяющемся книзу. Внутренняя поверхность покрыта зелено-желтой поливой, снаружи — зеленой. Внутри заметен орнамент: на дне — два неправильных концентрических коричневых круга, по стенкам — чередование коричневых и зеленых полос. Диаметр — 14 см.

Два фрагмента кувшина с грушевидным корпусом и слегка расширяющимся широким горлом, обрамленным сверху и снизу двумя полуваликами. Полива бледно-желтая. Корпус украшен вертикальными рядами небрежно нанесенных кистью коротких горизонтальных штрихов.

Найденные фрагменты могут быть отнесены ко второй половине XII в.

Аналогии: Якобсон, с. 218.

Влад предлагает обследовать непосредственно склоны горы Иртыш. Едва ли это целесообразно — склоны горы представляют собой голый камень, на котором не могли сохраниться никакие строительные или иные остатки.

Работа с картой. Андрюс считает, что нашел «истинный лей», то есть прямую, проходящую через пять «точек», где находятся археологические памятники.

«Истинный лей № 1» (ИЛ-1)— от Гурзуфа на северо-северо-восток: Гелин-Кая, Сераус, Шумы, Демерджи. Все объекты одного и того же времени (раннесредневекового). Начало лея — Гурзуф, важная крепость и пристань. Между объектами существует дорога, однако идет она не по прямой, из-за горного рельефа.

Андрюс думает, что если продолжить лей, мы окажемся на Караби, в ее юго-восточной части. Предлагает уточнить на карте и пройти вдоль предполагаемой линии.

Мое мнение: можно, но не в рабочее время.

Планы на завтрашний день...

АД

15 августа 2004 г., город Бердянск

Наиболее верным решением было бы немедленно, не откладывая на завтра, позвонить Субботе и дать команду на эвакуацию отряда. План давно разработан, трудностей не предвидится. Дело не только в том, что случилось давно ожидаемое: политики продали нас вместе с Крымом. Хуже другое — логика борьбы неизбежно приведет к появлению нового фронта. Не в Европе, не в Штатах, как мечтают горячие головы. Война начнется у нас дома. Перед подписанием «Брестского мира» UkrFOR, на этот раз вместе с нашими властями, попытается окончательно разрешить проблему «терроризма». И хорошо, если придется погибнуть не от «своих» пуль.

Обо всем этом я и сказал.

Лолита выслушала молча и лишь поинтересовалась, как я намерен поступить. Предупреждая мой ответ, заявила, что без меня никуда не уедет, так что я должен считать ее «частью будущего плана».

От последней фразы так и веяло Голливудом, но я не стал усугублять.

Мы возвращались в отряд.

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

69

Первые вооруженные вертолеты были применены французами в ходе боевых действий в Алжире (1954—1962 гг.). Во время войны 1973 года 18 машин израильтян, применив ПТУР, уничтожили половину египетской танковой бригады, следо-

вавшей к перевалу Митла. Войска Сирии и Египта вели борьбу с вертолетами, применяя счетверенные 23-мм (ЗСу-23-4 «шилка») и спаренные 57-мм зенитные самоходные установки (ЗСу-57-2), крупнокалиберные зенитные пулеметы и переносные ЗРК (ПЗРК) «стрела-2М».

Во время вооруженного конфликта в районе Фолклендских (Мальвинских) островов (1982 г.) для борьбы с вертолетами аргентинцы использовали в основном ПЗРК «блоупайп», а также небольшое количество 35-мм спаренных зенитных пушек GDF «эрликон» и ЗРК «роланд-2».

Иракцы для борьбы с вертолетами в основном применяли зенитную артиллерию.

В условиях партизанской войны в Крыму оптимально было бы применить счетверенную «шилку» (ЗСУ-23-4). Недостаток — горные дороги, установка пройдет далеко не всюду.

ЗСУ-23-2 можно смонтировать на грузовике.

70

Командование UkrFOR проводит расследование инцидента, в ходе которого несколько военнослужащих отказались участвовать в операции по доставке грузов в зону боевых действий — сообщает Associated Press.

Речь идет о 19 военнослужащих 343-го интендантского батальона резерва армии США, дислоцированного в городе Старый Крым. «Отказники» заявили, что конвой, в составе которого они должны были ехать, недостаточно хорошо охранялся, а грузовики, в которых должно было перевозиться топливо, находились в плохом техническом состоянии.

По словам представителей командования, некоторые из военнослужащих выразили свой отказ выполнять приказ начальства в надлежащей форме. Однако, как заявил американский офицер, пожелавший остаться неназванным, «небольшое число солдат предпочло выразить свои сомнения в несоответствующей форме, спровоцировав временное нарушение дисциплины».

Солдат, отказавшихся выполнять приказ, пока не арестовали, однако подвергли допросу в военной полиции.

16—17 августа 2004 г., Крым, окрестности города Бахчисарай

Лейтенант Казачок напомнил известные слова генерала Драгомирова: всеми способами стремиться захватить инициативу, и если сил для наступления хватает — следует наступать. Оборона опасна прежде всего в нравственном отношении, не говоря уже о том, что нельзя давать противнику возможность навязать свои правила и условия боя. Говорил он в своей обычной манере — тихо, глядя в сторону, словно заранее жалея о сказанном.

Казачка мои офицеры не любят. Трудно сказать почему, может, за крайнюю необщительность и явную отчужденность во внеслужебной обстановке. Субботу, горячего холерика, понять можно, как и Аргонца, человека спокойного, но любящего в свободное время потрепаться, что называется, по душам и от души. Даже внешне они полная противоположность: два широкоплечих «фитиля», черный и рыжий, — и невысокий белокурый крепыш с невыразительными белесыми глазами. В тех редких случаях, когда лейтенант пытается отстоять свою точку зрения, Аргонец и Суббота вместе и солидарно (диво дивное!) не оставляют от его аргументов камня на камне.

Но сегодня никто не пытался спорить. Казачок добавил, что идея пропаганды среди солдат UkrFOR едва ли плодотворна. Сравнивать нынешних контрактников с мобилизованными 1919 года по меньшей мере смешно. Политическое же решение крымской проблемы ведет лишь ко все тому же «Брестскому миру» — похабному и унизительному.

Суббота, никогда не отличавшийся терпением, поспешил поинтересоваться, что, собственно, лейтенант предлагает. Тот невозмутимо пожал плечами, заметив, что при прочих равных условиях выступает не только за продолжение, но и ужесточение борьбы. Только условия, к сожалению, складываются не прочие и не равные. Вести борьбу на два фронта мы не сможем.

Я ждал возражений, но их не последовало. Кажется, «Азовская капитуляция» произвела куда большее впечатление, чем казалось вначале. Все годы мы верили, что нас поддерживают.

Пусть не власть, не предатели в кабинетах и парламентских залах, но все-таки... Увы!

Оставалось распустить наш маленький военный совет. Я лишь предложил не прекращать боевых действий до подписания официального соглашения — если не случится ничего чрезвычайного. Воевать по-прежнему активно, безжалостно, не давая врагу продохнуть. А после «Брестского мира» действовать по обстановке.

Спорить не стали, но вид у товарищей офицеров был кислый.

* * *

Костер зажигать не стали, включать фонари я запретил, и августовская ночь тут же превратилась в подобие Тартара. С вечера небо затянули тучи, от близкой реки потянуло холодом, и я пожалел об оставленных на основной базе палатках. Август — не июль, горы Второй гряды — не Южный берег.

Лолита лежала рядом, завернувшись в спальник с головой, тихая, не похожая на себя. Я чувствовал, что божье наказание не спит, мне и самому не спалось, но заговорить первым никто не решался. Наконец край спальника откинулся, Лолита привстала, помотала головой.

— Х-холодно!

— Есть свитер, — напомнил я. Вечером от свитера она не без гордости отказалась.

— Ну почему нельзя воевать там, где теплее?

Я невольно усмехнулся.

— Опоздала! У Фиделя на Кубе были идеальные условия. Даже купались круглый год.

— Ага... — Лолита подсела ближе, зябко повела плечами. — Я читала Че Гевару. Его послушать, так война — действительно курорт. Он даже предлагал покупать провизию исключительно в магазинах. И патроны запрещал экономить. А потом попал в Боливию...

— Ага.

Безвидная августовская ночь подступала все ближе, сырость обволакивала, мешала дышать. Много лет назад мы с Аргонцем так же влипли — ушли в поход без спальников. Ночевать пришлось совсем недалеко отсюда, рядом с Баштановкой. Но тогда никто не мешал разжечь костер.

— Значит, будешь воевать дальше? Как полковник Буэндиа?

— «Полковник Аурелиано Буэндиа поднял тридцать два вооруженных восстания и все тридцать два проиграл». Боже мой! Неужели твое поколение читает Маркеса?

Сопение — недовольное, сердитое.

— Не мое поколение. Я читаю! «Пройдет много лет, и полковник Аурелиано Буэндиа, стоя у стены в ожидании расстрела, вспомнит тот далекий вечер, когда отец взял его с собой посмотреть на лед». Думаешь, один ты такой умный? А мое, как ты говоришь, поколение... Они... Мы не тем плохи, что Маркеса не знаем. Ты заметил, что в отряде нет никого из мальчишек? Твои бывшие студенты — им всем за двадцать пять. А мои... Половина даже не знает, что идет война. И знать не желает!

Такого слышать еще не доводилось. Обычно Лолита защищала своих сверстников с энергией, достойной лучшего применения.

— Мы — не поколение пепси, не «генерация Пэ». Мы — поколение говна. Помнишь, ты смеялся над рекламой? Сигареты, джинсы, «лонгер» всякий? Мол, на такое никто не купится, нельзя рисовать дебилов с пустыми глазами. Мы такие и есть, Арлекин! Те, что хренеют у компьютера, еще не самые худшие, большинство даже не одноклеточные, так — протоплазма. Беда в том, что такими нас вырастили вы, умные и начитанные. Вот так! Я приехала сюда, чтобы не чувствовать себя говном среди говна... И не вздумай бить меня по губам!

Черное сырое небо было совсем рядом, сырость пробирала даже сквозь непромокаемую ткань, привычно заныла десна, реагирующая на холод точнее всякого барометра...

— Поколение говна, — повторил я. — Если так... Ради кого же мы воюем?

Я не ждал ответа, но он пришел в тот же миг:

— До сих пор не понял, Арлекин? Ты воюешь ради себя! Только ради себя, а вовсе не за какую-то «свободу». Тебе просто нравится воевать — вот и все. И мне нравится, и Субботе, и остальным. Вы правы — лучше так, чем гнить, как все. У тебя тут по крайней мере не скучно.

Вновь повеяло Голливудом класса «В», и снова я не стал спорить. Неужели правда? Мне нравится воевать?

Мне нравится воевать.

— Арлекин! Совсем забыла. Я узнала — есть фармацевтическая фирма в Симферополе, немецкая. Я вышла на их сервер, заказала то, что ты просил. Видишь, и без Экселенца справилась!

* * *

— Пойдем к Куйбышеву, километра за три свернем на юг. Погляди на карту.

— Хе! Места знакомые, разберусь... Арлекин, ты чего имел в виду? Насчет «чрезвычайного»?

— Понимаешь, Аргонец... «Второй фронт» может открыться раньше, чем нам кажется. Все эти годы мы были нужны — и нашему правительству, и российскому. Нами пугали Запад — и довольно успешно. Заодно собственным гражданам подмигивали перед выборами, мол, не оставляем братьев славян в беде.

— Хе! Эт-точно. А теперь, значит, могут убрать по-тихому?

— Или не по-тихому. Совет Европы осудил «этнические чистки» в Крыму...

— Вот бляди! Мы же лет восемь как с татарами договорились!

— Кого это интересует? Гаагский трибунал требует нашей выдачи, намечается новый Нюрнберг. Одного Шевченко им мало.

— Правильно ты приказал того юриста оприходовать. Эх, достать бы кого повыше!

— Есть американская шутка. Что такое сорок тысяч адвокатов на морском дне? Ответ: хорошее начало. А насчет «кого повыше» — дельная мысль.

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

71

Балканская война 1990-х вечным позором впечатается в историю цивилизованного Запада. Попытка мирного раздела Югославии провалилась, вспыхнула цепная реакция межнационального и межрелигиозного конфликта. Против сербов развернулась пропагандистская война. Система mass media сделала из них образы чудовищ, агрессоров и садистов. Сербам приписали намерение разрушить мусульманские общины через массовое изнасилование женщин-мусульманок. Образ серба — насильника и убийцы крепко засел в подсознание западного обывателя.

Западу очень нужен образ врага, и, если такового нет, его изобретают. Когда нет страшного инородного противника, взоры могут обратиться внутрь западного общества, и это «сказочное общество» приходит в ужас от подобной перспективы.

РАЙ

17 августа 2004 г., Крым, Караби-яйла

Рабочая тетрадь, с. 41.
Харьковский Национальный университет им. В.Н. Каразина. Горно-крымская комплексная экспедиция. Июль — август 2004 г. Отряд «Омега».

...Разбор ЧП. После обеда (приблизительно в 14.20) Андрюс, не предупредив никого, направился в юго-восточную часть Караби-яйлы — искать очередную точку ИЛ-1. Результат — подвернутая нога.

Анна наложила тугую повязку. В случае ухудшения отправим Андрюса в Пчелиное, где есть врач.

Повторил приказ: не ходить по Караби поодиночке и не отлучаться далеко без моего разрешения...

АД

17 августа 2004 г., Крым, окрестности села Куйбышево

— Кузнечик? — шепотом осведомился я, кивая влево, где стеной стояла трава, уже успевшая пожелтеть от лютой жары.

Сержант Рябина прислушался, дернул плечами.

— Дэсь так. Я ж нэ биолог, товаришу майор.

Я тоже не биолог, посему, оставив прикладную энтомологию, занялся тем, чем и положено, — наблюдением. Сегодня, не устояв перед уговорами Субботы, взял с собой не проверенный «Цейсс», а нечто трофейное, чудовищного веса и вида. Зато можно обходиться без надоевших очков, что немало порадовало.

Итак... Итак, пустое шоссе, за ним — ровное поле, такое же, как то, на котором устроились мы с сержантом. Только наша позиция на холме, впереди же, за серым асфальтом, — равнина. Спокойно, тихо, ласточки в безоблачном высоком небе честно предсказывают ясную погоду. Одним словом, идиллия, Ганс Кюхельгартен, только коровок на лугу не хватает. Коровки, коровки — и бычок. Бык...

Сержант не биолог, хотя биологи в отряде тоже есть. Физик, пять лет назад окончил университет, мой бывший студент. Именно из них, моих выпускников, я назначаю командиров отделений. Эти не предадут!

Каждый отряд формировался по-своему. Чернорога окружали односельчане, земляки из родных Карпат. Шевченко, отставной полковник, собрал в отряд сослуживцев. Приднестровцам никого не требовалось звать — их отряды создавались еще в начале 90-х. У меня же особого выбора не было: друзья по экспедиции — офицеры, бывшие студенты — сержанты. Потом приходили другие, незнакомые, ветеранов становилось все меньше. Суббота и Аргонец уцелели, Римлянин, Гектор, Одуванчик — нет.

Сержанта Рябину я берег как зеницу ока, как ушастого Экселенца. Сержант — наш лучший снайпер. Если бы за пометки на прикладе его СВД-С давали, как в старину, ордена, ходить ему с тремя «Славами», а то и с Золотой Звездой.

Ордена нам не положены. Разве что лет через сто — с нанесением гравировки на надгробие.

— Так кого чэкаты, товаришу майор?

— Кого бог пошлет, товарищ сержант.

Белесый молчун Казачок прав, как и помянутый им генерал Драгомиров: оборона — смерть. И не только в стратегическом плане. После Старого Крыма и особенно Инкермана, после того, как среди оккупантов началась паника, командование UkrFOR постарается отыграться. Наверное, прямо сейчас их колонны пылят к Джанкою, Терновке, Приветному — зачищать, переворачивать вверх дном каждый дом. Рейнджеры протаптывают горные тропы, операторы в штабах изучают с лупой спутниковые фотографии... Значит? Значит, самое время бить, и не в одной точке, а сразу в нескольких. Пусть это будет всего лишь фугас, пара пулеметов — или сержант Рябина с винтовкой Драгунова.

Казачок остался возле Бахчисарая, Аргонец навестит Красный Мак, Суббота попытается добраться до Алушты. А я решил устроиться здесь, в этой аркадской идиллии, где не хватает только коровок с бычком.

— Мотор... Товаришу майор, чуетэ?

— Слышу.

Грузовик — не первый за сегодня и не второй. Засуетились, вояки, носятся взад-вперед, бензин не экономят! И страх от азарта охотничьего потеряли. Не иначе решили, что «банда Арлекина» прорывается к Перекопу или прячется в Мраморной пещере на Чатыр-даге. Не дождетесь!

Год назад один журналюга назвал меня «клоуном, над которым никто не смеется». Доверие следует оправдывать!

— Один, два... четыре...

Колонна! Вот и «вертушка», за ней — другая. Все-таки берегутся, сволочи. Эх, сюда бы весь отряд, да с полным боекомплектом! «Мы пяди живой не оставим нечистых царю — Сатане...»

— Ждем, сержант. Ждем...

Главный секрет успеха немецких асов во Вторую мировую — умение вовремя выйти из боя. Раствориться в облаках, сгинуть в лучах солнца, выжимая полный форсаж... Трусости в такой тактике нет, есть железная логика. Зачем принимать бой, если это выгодно не тебе, а врагу?

Чубатые запорожцы тоже сие понимали. «Не тот казак, что победил, — тот, что выкрутился». Только дураки смерти рады. И то не все.

Самое время выходить из боя, самое время! Отряд исчезнет за какой-то час, растворится, провалится сквозь землю. Рядовых и сержантов никто не станет искать, Казачок вернется в Россию, Аргонец и Суббота... Им тоже есть где скрыться.

Я? А что я? Фамилию мою не называли, так что (чем черт не шутит?) вернусь в Харьков, на моей бывшей кафедре всегда найдется полставки.

Это можно было сделать полгода назад, месяц назад, неделю. Сегодня? Может, и сегодня не поздно. Значит, все? Война закончена — всем спасибо? Лет через десять сяду за мемуары...

* * *

— Легковушка, товаришу майор! Здается, сама, бэз супроводу.

— Ага. И кто там такой смелый? На всякий случай будьте готовы. Внимание!..

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

72

Украинская Национальная ассамблея поспешила опровергнуть свою причастность к крымским делам. Развивая тему, глава ЛОО УНА-УНСО выразил удивление, как авторам статьи удалось определить национальность по трупам. «Солдаты удачи» не берут с собой в бой никаких документов или каких-либо других отличительных знаков.

Не вызывала у главы ЛОО УНА-УНСО сомнений только причина, по которой на Украину смогли навешать трупы: «Она молчит, она никакая, она с этим руководством позанимала самые низкие места в мировых рейтингах...»

Нужно отметить, что УНА в последнее время практически утратила былой авторитет. Это объясняется уходом из организации Дмитрия Курчевского.

73

По мнению аналитиков, сторонники радикального ислама формируют треугольник Поволжье — Крым — Донбасс. Делегация поволжских исламских радикалов во главе с муфтием Биббарсовым, пропагандистом принятия русскими ислама, посетила крымско-татарский меджлис. Очевидно, что этот «треугольник» угрожает не только русской православной церкви, но и России, русскому Поволжью, Крыму и Донбассу.

74

Сама природа пожелала, чтобы народ был только орудием, исполняющим волю монарха. Народ только для этого и пригоден, он и создан слабым и тупым только для этой цели, и любой суверен, который не заковывает его в цепи и не унижает, несомненно, грешит против природы и ее намерений. Знаешь, какова цена либерализма монарха? Всеобщий разброд и беспорядок, разгул животных инстинктов народного бунта, падение искусств, забвение наук, исчезновение денежной системы, чрезмерное вздорожание хлебных продуктов, чума, война, голод и все прочие несчастья. Вот что ожидает народ, свергающий иго, и если бы в мире существовало высшее Верховное Существо, его первая забота должна была бы заключаться в том, чтобы покарать властителя, который по своей глупости уступает свою власть.

АД

17 августа 2004 г., Крым,
недалеко от села Баштановка

— Когда?

— Еще утром. Пусть лучше Лолита расскажет.

— Товарищ майор! Докладывает боец Лолита. Докладывает...

— Успокойся, я уже понял. Итак, министр внутренних дел выступил по телевидению... По Первому общенациональному?

— Да... Так точно. Сказал, что правительство осуждает террор во всех его формах, что... Суки поганые!

— Лолита, пожалуйста, не надо. Тебе не идет.

— Извини, Арлекин... То есть товарищ майор. Он назвал фамилии — твою и капитана Субботы. Сказал, что вы объявлены в розыск, прокуратура открыла дело, арестованы сообщники.

— Ну, ты понял, Арлекин? Во пидорас!

— Погоди, Суббота. Фамилии правильные?

— Так точно. Да... Имена, отчества — всё. Даже сказал, где вы раньше работали. Фотографии показал, старые, правда.

— «Мы те, кто назад не вернется, за труд не получит на-

град...» Про Аргонца и Казачка, значит, еще не знают. Хорошо!

— Хорошо?! Ты, блин, говоришь, хорошо? Да нас же, Арлекин, сдали! Эти суки, эти гады, предатели, трусы — они просто сдали всех! На нас теперь с собаками охотиться начнут. Понял?!

— Ага. «Кто ангельских крыл не коснется, кто злою судьбою гоним, уже никогда не предстанет, Господь, перед ликом Твоим...»

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

75

Человек незаменим. Значит, сколь бы невероятной ни была перспектива, он должен достигнуть конечной цели, несомненно, не по необходимости, но неминуемо.

Не приостановка, какой бы ни была ее форма, а последний прогресс, наступающий в свой биологический час. Созревание и высшая ступень. Все дальше в невероятное, из которого мы вышли. Именно в этом направлении, если мы хотим предвидеть конец света, следует экстраполировать Человека...

Папка четвертая

ЧИСТИЛИЩЕ

11—17 августа 2004 г.

ФАЙЛЫ 76—100

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

76

Поразительный феномен выявили ученые из США. Как оказалось, у небольшого количества людей — 0,002 процента населения Земли — есть невероятная способность «чувствовать» ложь. Обладающие данной способностью определяют, лжет человек или нет, как в общении с живыми людьми, так и по видеозаписям. Этими работами уже заинтересовались соответствующие отделы безопасности крупнейших банков и компаний, а также спецслужбы.

77

Американские и английские ученые, проводившие в 1995 году исследования в Антарктиде, сделали сенсационное открытие.

«Когда они в первый раз увидели в небе над полюсом кружащийся серый туман, то решили, что это обычный смерч, — рассказывает физик из США Мариан Маклейн. — Однако время шло, а смерч не менял формы и не перемешался».

Специалисты запустили привязанный к тросу метеорологический зонд. Взмыв ввысь, он сразу же исчез. Некоторое время спустя исследователи, смотав трос, вернули зонд на землю

и, к своему изумлению, обнаружили, что хронометр, установленный на нем, показывает 27 января 1965 года, то есть дату тридцатилетней давности.

Информацию о «Вратах Времени» — так назвали этот феномен — предоставил «компетентный источник из Белого дома», пожелавший остаться неизвестным. Маклейну удалось выяснить, что изучение необычного явления идет полным ходом.

78

Алексей Зверев (корреспондент «Московского комсомольца»): — *Знаете ли вы каких-нибудь изобретателей Машины Времени?*

Николай Носков (физик): Да, я читал статьи авторов, которые, играя математическим аппаратом геометрий на криволинейных поверхностях (они это называют искривлением Пространства-Времени), добивались того, что геометрическая фигура, выворачиваясь, «протыкала» самое себя. Но вы же понимаете, что это не имеет ни малейшего отношения к реальной жизни.

А.З.: Из чего, по вашему мнению, может состоять аппарат для перемещений во Времени?

Н.Н.: В организме человека за одну секунду происходят миллионы химических реакций. Как можно их вернуть или переместить в Будущее?

А.З.: Как относиться к тем исследователям, которые предлагают перемещаться во Времени с помощью пирамид, Собственной Космической Частоты и так далее?

Н.Н.: Так же, как и к полетам на метле.

ЧИСТИЛИЩЕ

11 августа 2004 г., город Харьков

Цифр на часах не оказалось, что совсем не удивило. Привык! А вот отсутствие стрелок несколько озадачило, как и то, что циферблат отчего-то белый. Знакомый контур Америки исчез, растворился без следа, да и форма этих странных часов...

И тут меня ударило — непривычным толчком в затылок, вырывающим из бездны Погружения, иначе. В ушах застучала кровь, холод укусил за пальцы.

Тик-так, тик-так. DP-DC... DP-DC...

Часы с Америкой и вправду исчезли. Неоткуда им взяться — надо мной просто белый потолок. Я не сижу в кресле, а лежу на кровати, под подбородком — клетчатый шотландский плед, зеленый глаз будильника бесстрастно высвечивает 7.35.

Тик-так, тик-так. DP-DC...

Но ведь этого не может!..

Может! Яркое солнце за открытой балконной дверью, телевизионный пульт на табурете, птичьи голоса во дворе. Издалека, чуть слышно, доносится гудок автомобиля.

Просто утро. Просто я проснулся. Просто мне все приснилось. И мадам Гала Манекен Дали, и семь таблеток BDP-minus, и чашка воды на компьютерном столе. Ничего не было, я не погружался, не перебарывал привычный страх. Сон, обычный сон! Я опять помню свои сны.

Оставалось найти тапочки.

Уже на пороге я оглянулся. Если мне все приснилось, почему...

...на табурете нет журналов и последнего выпуска «Великие художники»? Экран телевизора подозрительно чист. Я давно собирался вытереть пыль — целую неделю, а то и две. Когда же успел?

И где мои спортивные штаны, черт побери?

Можно было уцепиться за последнюю соломинку. Я не просто заснул, но предварительно прикончил оставшиеся полглотка «Десны», поставил немытую рюмку на кухонный стол, вытер пыль на телевизоре, увидел жуткий сон про «черный» DP...

Версия сразу же понравилась. Очередь была за фактами.

Тик-так, тик-так. DP-DC... DP-DC...

То, что после Погружения может случиться всякое, меня предупредили сразу. Стресс, тоска, мечта о намыленной веревке — не самое неприятное. Рюмка-другая коньяка чудеса творит, а опыт помогает продержаться первые, самые страшные минуты. Бывает хуже, много хуже! Несколько процентов риска — не так и мало. Кое-кто не просыпается, некоторым

же, самым невезучим, лучше вообще не открывать глаз. Однажды на Форуме Каузал, то ли шутя, то ли всерьез, предложил обсудить, куда уходят души, потерянные во время Погружений.

Желающих не нашлось.

* * *

Кухонный стол оказался девственно чист, как и сахарница, красующаяся как раз посередине. Знакомая рюмка гордо посматривала с полки, в мусорном ведре сиротливо ежился пустой пластиковый мешок, раковина и печка сверкали первозданной белизной.

Самое время садиться на пол и разводить руками. Отчего бы и нет? Линолеум не просто вымыт — выдраен, как палуба броненосца перед адмиральским смотром.

Коньяк обнаружился в холодильнике — рядом с чем-то странным, завернутым в фольгу. Решив, что удивляться поздно, я обнаружил под фольгой кусок жареной курицы, снял рюмку с полки, привычно плеснул «Десны» — ровно полглотка, последний резерв.

Пить почему-то не хотелось. А вот такого не могло быть по определению. Если вчера, 8 августа, я принял свои двести на двести грамм по случаю дня воскресного, то сегодня...

Сегодня?!

Отрывных календарей не держу, поэтому пришлось включить компьютер. Пока на экране мелькали знакомые заставки, я смог убедиться, что никакой чашки на столе нет, равно как упаковок от лекарств и блюдца, куда я клал таблетки. Итак, ничего не было, я не погружался, просто принял лишнего и мирно заснул, чтобы проснуться в 7.55 утра 9 августа. Логично?

Очки, чтоб им треснуть! Смотрим. Мышка-а-а!

«Диспетчер», «Панель управления», «Дата и время»... Все верно, все правильно. 7.47, август, девятое...

...Одиннадцатое? Одиннадцатое августа? Сегодня одиннадцатое августа?!

Можно, конечно, включить телевизор. Можно, конечно, сразу звонить 03. Можно...

И тут я заметил записку. На самом видном месте — возле лампы. Маленький квадратик бумаги, синяя паста, знакомый почерк. Мой, естественно.

«Включить ноутбук!»

Как просто! А я уже волноваться начал.

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

79

...Реакция на BDP-minus — отрицательная. Никаких перемен и ощущений, кроме легкой головной боли. Пришлось принять анальгин.

В 2.00 ввел инъекцию BDP-plus. Сонливость (причина неясна, может, просто хочется спать).

9 августа, 7.20 утра. Очень странное ощущение. Не помню начала опыта. О том, что было ночью, узнал лишь из предыдущей записи.

НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ!

Больше НИКОГДА и ни при каких обстоятельствах НЕ ПРИНИМАТЬ «черный» DP.

Надо обязательно позвонить Владу.

НЕ ПРИНИМАЙ «черный» DP!

ЧИСТИЛИЩЕ

11 августа 2004 г., город Харьков

— ...Ты же вроде не пьяный был. Ну, Арлекин, даешь! Так точно, позавчера ты звонил, сказал, что тревога отменяется, все в порядке. Правда не помнишь? Про Херсонес говорили, ты еще почему-то Караби вспомнил, спрашивал, как дела у Бориса. Стареешь, Арлекин, стареешь, раньше у тебя, блин, память не отшибало! Может, подъехать? Да, ты еще сказал, что надо бы леи поискать. Ле-и. Крымские, которые Борис с Андрюсом предлагали вычислять, шиза их очередная. Может, все-таки подъехать, раз такая ситуация? Си-ту-а-ция! Ситуа-ция!

* * *

Продавщица взглянула не без укора. Даже традиционный ломтик апельсина вручался, словно воплощенный в цитрусе упрек. Начало десятого, и уже стартовые сто грамм. Нехорошо-с! Впрочем, эмоции были мои собственные, а все остальное подсказало услужливое воображение. Перед первым пластмассовым стаканчиком «Десны» всегда так: чувство вины, вялое желание оставить коньяк прямо на вымытом столе, ограничившись апельсином, ритуальное проклятие: «Гадость паленая!»

Сначала апельсин, потом гадость паленую... Снова апельсин.

Лучше? Интересный вопрос!

...Квартира убрана, куплена буханка «Бородинского» и курица гриль, с Владом переговорено, сделана запись в ноутбуке, не выпито ни глотка (ни полглотка!), исчезла одна ампула с BDP-plus, на левой руке появился след укола...

И ни хрена не помню, наркоман-хроноложец! Полтора дня — корова языком! Ну, Гала, мадам Дали недорисованная, попадись ты мне сейчас со своими проповедями! Намекала же, вешалка: мол, пробовала, о результатах расскажу позже. Спасибо, уже не надо!

Пустой стаканчик — в урну, недоеденный апельсин туда же, теперь перекурить, ритуал есть ритуал...

Случаев потери памяти при Погружениях не наблюдалось — пока. Разное случалось, разное, но такого точно не было. Однако у меня данные по обычному DP, по старым добрым «трем таблеткам», что же творится у «черных», понятия не имею. То есть не имел — до сегодняшнего утра. Гала наверняка попробовала, испугалась, повторять не решилась — и стала искать кроликов, бедных, глупых, ушастых кроликов. Или еще хуже? Вдруг ей нужен именно отрицательный результат, как с «Новым-2»? Аллах ведает зачем, однако нужен?

...Неметеный асфальт, растоптанные окурки, суета у знакомых скамеек, два троллейбуса грозно шевелят рогами, готовясь в путь, вот и маршрутка подкатила. Город двинулся в утренний свой поход... Кто сказал? Ильф — Петров сказали, кто же еще?

Итак... Итак, есть ли у вас план, мистер Фикс?

— ...Я и тебе звонил, Борис? Ага, полное выпадение... Памяти, памяти! Утро после запоя — звонишь всем подряд, спрашиваешь, кого и как успел обидеть. Я, кажется, про леи говорил, крымские которые? Шучу, помню, конечно. Местами... Ночь в Крыму, все в дыму. Меньше пить? Еще меньше? И от кого слышу? Ха-ха! Часовня на Ай-Алексие? Какая еще часовня? Нет там никакой часовни, мы даже следов фундамента не видели. Да-а... Какой такой Аргонский Пес? Сам ты...

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

80

Кроме интеллектуального значения отдельных человеческих единиц, необходимо принять во внимание коллективное возбуждение (путем поддержки или резонанса) этих надлежаще организованных единиц. Трудно сказать, имеются ли еще на земле Аристотели, Платоны и Августины, но ясно, что, опираясь одна на другую (будучи сведены в одно место или собраны в фокусе зеркала), наши современные души видят и чувствуют ныне мир, который по его размерам, связям и возможностям ускользал от всех великих людей прошлого. И осмелятся ли возразить, что этому прогрессу в сознании не соответствует никакое продвижение вперед в глубокой структуре Бытия?

81

Можно сравнить пространственно-временной континуум с термином «пряжа» — заплетающаяся и расплетаемая, который мы считаем более точным, поскольку он относится к «плетению», происходящему в действительности.

Что бы произошло, если бы кто-нибудь возвратился вдоль личного «каната», распутывая его, и изменил обстоятельства, окружающие этот «канат»? Изменило бы это Настоящее и, таким образом, — Будущее? Да, но не в такой степени, как это иногда показывают в кино. Как такое может произойти, если каждое из этих происшествий состоит из многочисленных «прядей», переплетенных в разных направлениях, и изменить

их все невозможно? Если кому-нибудь будет разрешено возвратиться во Времени и произвести какое-то изменение, то Будущее при этом, по существу, останется прежним. Мы говорим — по существу, поскольку изменение произойдет, но из-за взаимных переплетений с другими «прядями» оно будет приглушено.

ЧИСТИЛИЩЕ

11 августа 2004 г., город Харьков

Пересчитав «двадцатки» в бумажнике, я констатировал: «Хватит!» Во всех отношениях.

DP — удовольствие дорогое — тоже во всех отношениях. Кроме неизбежного риска, скверного самочувствия и порванных нейронов, это еще и подрыв бюджета. «Три таблетки», конечно, дешевле героина, но вполне сопоставимы с конопляными «кораблями», любимым видом транспорта современной молодежи. Так что и вправду — хватит. Остаток отпуска можно тихо пропьянствовать, изредка заглядывая в Интернет и пугая знакомых телефонными звонками. Недорого, экологично, приятно. А еще лучше взять билет на автобус Харьков—Ялта. Не до самой Ялты, нечего там делать, а до Алушты. Оттуда — маршруткой до Рыбачьего или Морского, снять комнатушку у моря. И все! Утром — пара стаканчиков крепленого, затем на пляж, откуда хорошо видна Караби-яйла, вечером, как и положено, шашлык у самого моря. И никаких Погружений, никакого DP вкупе с мировыми проблемами. Что мог, то сделал. Time Machine почти что запатентована, «черная» гадость испытана, даже пол в кухне вымыт. DP-watchers тоже имеют право на отдых. А если мадам Манекен захочет, возьму с собой, сниму для нее сарай — и буду пляжников пугать. А что? Народ разбежится, цены, само собой, упадут...

Одно непонятно. «Черные», пусть и психи с перевернутыми мозгами, сходят с ума не первый год. И не второй. Про препараты «плюс» и «минус» слыхал не раз, какой-то энтузиаст целую сагу-рагу им пропел на киевском DP-форуме. Действуют! Едва ли Гала меня разыграла, подсунув невинный аспирин и глюкозу. Тогда почему? Я что, у бога бороду сжевал?

...А в Рыбачьем здорово. Полно харьковчан, можно сказать, колония, вино не заводское — настоящее, личных виноградников, такого нигде в Крыму нет. Главное же — Караби. Ее отовсюду видно — нависает, закрывает полнеба. Странное дело, даже о Херсонесе так не вспоминается, хотя столько лет копал. Наверно, потому, что там почти все сделано. Кто может, пусть сделает лучше — Крипту исследует, например. Караби-яйла — так и не перевернутая страница. Правда, ничего особенного там нет и быть не может, Длинные Стены давно изучены, а леи — очередная псевдонаучная фантазия. Разве что мустанги и Большая Собака. Но фауна не по моей части.

Смотреть на Караби — такой же мазохизм, как и Погружение. Тоже Прошлое — Прошлое Несостоявшееся.

Билет можно будет взять завтра утром. Или днем. Или нет. Или...

Что я еще не сделал?

* * *

— Н-ну как?

— Ну, так.

Шура на месте, олицетворяя стабильность и неизменность бытия. Все, как и положено: черный портфель, забитая людьми скамейка, маршрутки, одна за другой причаливающие к остановке, грозный патруль вдалеке. Восемь вечера, место и время встречи изменить нельзя.

— Д-да, Арлекин, верно. Гала — н-немного не того. Странная. Обратил в-внимание? Б-большинство «наблюдателей» — никак-кие не наблюдатели, обычные н-наркоманы, хроноложцы, к-как ты говоришь. Старички, ст-тарушки... П-погружаются, общаются с дорогими п-покойничками, потом «Ск-корую помощь» вызывают. Гала не такая, ей чего-то еще надо. К-как и тебе.

Ого! Не ожидал от нашего дилера таких глубин. Только мне не до философии, спекулировать по Гегелю и сам обучен. Фактов бы — и побольше, как таблеток от жадности.

— Г-говорят... Только говорят, Арлекин, н-не ручаюсь... Кто-то из ее б-близких, чуть ли не муж, п-подсел на «черное». П-помер — во время Погружения.

Я не удержался, хмыкнул.

— А она, согласно индийскому обычаю, решила спалить се-

бя на погребальном костре? Нет, Шура, не верю. Хотела бы помереть вслед за благоверным — уже бы померла. Долго, что ли? А ей кроликов подавай.

— К-кролик-ков? — изумился Шура, но тут же кивнул — понял.

Я поглядел на стаю «иномарок», рвущуюся на желтый огонек светофора, на толпу возле подкатившего троллейбуса... Чего мне, собственно, надо? Разливочная работает до девяти, успею еще перехватить двести грамм с апельсином — и домой. Телевизор включать не стану, поставлю чего-нибудь из «видеоконсервов» — «Хороший, плохой, злой» хотя бы. Любимый фильм, давно не пересматривал. «Пришел стрелять — стреляй, болтать-то зачем?» А завтра схожу за билетом до Алушты, благо автовокзал под боком.

И никаких Time Machines. Хватит!

— Чего-нибудь в-возьмешь?

— Да, — очнулся я. — Новый, который «Новый-1». Два набора.

Тик-так, тик-так. DP-DC... DP-DC...

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

82

...Не знаю, что и посоветовать, Арлекин. Точнее, знаю, но уж очень не тянет формулировать. Судя по твоим глухим намекам, ты «на гражданке» имеешь дело с мирными студентами. У меня несколько иной опыт. Если моим «подопечным» рассказать про DP, они сперва ни черта не поймут («непонятка, блин, начальник!»). Потом поймут — и что? Представлять не хочется. Если люди готовы платить лишь за иллюзию исполнения желаний (наркотики!), то как пойдет дело, если в их распоряжении окажется настоящая Машина Времени? Твоя «формула Запаздывания» никого не остановит, человек воспринимает жизнь не просто, а чрезвычайно просто. Присказка «убить дедушку» перейдет из разряда логических головоломок в сводки уголовной хроники. И это будет лишь началом.

Ты прав, «начальство» (в широком смысле слова) и в самом деле заражено дебилизмом. Но всегда найдется умный холуек, готовый подсказать, растолковать, выдвинуть идею. Рузвельт тоже не сразу понял, что ему предлагают Оппенгеймер со товарищи. Но ведь понял в конце концов!

Расщепление Времени не менее опасно, чем расщепление атома. Мы пока на стадии экспериментов семейства Кюри. Если помнишь (ты, часом, не физик?), немцы обвинили Мари и ее супруга в том, что те элементарно безграмотны, не умеют проводить опыты, используют некачественные реактивы. Мари даже покаялась. Мы, DP-watchers, сейчас на этой стадии. Большая Наука вкупе с Большой Властью не принимают нас всерьез — и слава богу. Time Machine в руках уголовников — кошмар, но она же в распоряжении спецслужб, особенно наших... Нет, и представлять не хочу! Тем более в данном случае не требуется вкладывать миллиарды, достаточно сходить в аптеку, в крайнем случае заплатить знакомому дилеру.

Конечно, когда-нибудь шило вылезет из мешка, и помешать этому мы не сможем. Но приближать День DP незачем.

ИМХО:

Никаких деклараций. Никаких выходов на Большую Науку. Никаких криков «Эврика!». Боюсь, нам придется по примеру «черных» перейти на нелегальное положение. По крайней мере, пока сами не поймем, ЧТО НАМ С ЭТИМ ДЕЛАТЬ.

А насчет «черного» DP и спорить нечего. Изыди, сатана!

Почему-то кажется, что ты со мной согласен.

Твой Каузал.

83

Спустя 82 года после гибели «Титаника» 10-месячную девочку, считавшуюся погибшей, выловили в водах Северной Атлантики. Замерзшую, но совершенно здоровую малышку обнаружили *после того, как в этом же районе спасли еще две* жертвы катастрофы — Уинни Кутс и капитана Е.Дж. Смита.

«Я попробую объяснить, что происходит, хотя это противоречит здравому смыслу, — заявил корреспондентам в Осло (Норвегия) известный исследователь Малвин Иддланд, занимающийся изучением проблем океана. — Создается впечатле-

ние, что в этом районе мира Время потеряло свое значение. Люди, исчезнувшие в 1912 году, неожиданно появляются такими, словно с ними ничего не произошло. Думается, «Титаник» и его пассажиры попали в какую-то ловушку Времени».

ЧИСТИЛИЩЕ

12—13 августа 2004 г., город Харьков

— Вы пьяны, Арлекин!

Кажется, фраза становится ритуальной. Во всяком случае, выслушал я ее не без удовольствия. Моя покрасневшая физиономия здорово раздражает мадам Гала. Весьма приятно!

Но ведь напросилась в гости, пришла, оккупировала кресло! А на этот раз и дождя нет. Чудный день, чудный вечер. И коньяк неплох — пятизвездочная «Каховка», конечно, не «КВВК», но весьма и весьма.

Человек в отпуске. В законном. И пропивает свои отпускные — тоже совершенно законно.

— Вы... Даже не позвонили, не рассказали. Я ждала!

Ах вот оно что! Кролики обязаны не только глотать всякую гадость и прокалывать себе вены, но еще и отсылать боевые донесения. Не жирно ли будет?

— Могли бы поинтересоваться у Шуры. Он у нас нечто вроде DP-исповедника... Выпить хотите?

Сегодня мадам Манекен смотрелась еще более нелепо — даже в кресле сидела так, будто у нее сломан позвоночник. Обычно после двухсот грамм начинаешь проникаться симпатией к ближнему своему, тем паче женского пола. Но Гала явно не подпадает под великое правило «не бывает некрасивых женщин». Бывает!

— Выпить? Надеюсь, не водку? В принципе, я бы...

Ага! В кои веки — человеческие эмоции.

Напоить ее, что ли?

* * *

— Если вы, Арлекин, думаете, что это остроумно...

— Я не думаю, Гала, я в отпуске. Завтра возьму билет, уеду в Рыбачье и буду смотреть на Караби-яйлу. Сами же сказали:

Машина Времени создана, история человечества готова перевернуться вверх тормашками. Надо же отдохнуть после всего!

— Караби-яйла? Это на Кавказе?

— Ага, в Чечне. Всю жизнь мечтал побегать партизанскими тропами... Еще?

— Я... Я быстро пьянею.

— Пьянейте. Уложу вас на коврике возле двери, а утром вместе пойдем похмеляться. Все лучше, чем ваш «черный» DP! Интересно, другие кролики тоже заболели амнезией?

— Почему — кролики? Что за кокетство, Арлекин? А еще называете себя «наблюдателем»! Когда вы... Когда мы протрезвеем, я покажу вам записи, файлы. BD... Фу ты, из-за вас уже язык заплетается! BDP-minus действительно дает странную реакцию. Человек резко меняется, каким-то образом становится совсем иной личностью.

— Не образом, матушка, не образом! Никакой «личностью» я не стал. Вымыл пол, с друзьями-приятелями покалякал, даже запись в Дневнике сделал. Только не запомнил ни черта. А потом вколол себе BDP-plus, и тоже — ничего. Нихт! Еще капнуть?

— Наливайте, все равно. Не понимаю! Специально не хотела вам говорить, чтобы не влиять на результат. Если верить «черным», «минус» — изменение личности человека. Очень сильное изменение. «Плюс» — Погружение, но не в Прошлое, а в Настоящее. Чужое, не наше. Понимаете?

— Гала, может, все-таки скажете мне, зачем вам эти танцы? Марки собирали бы, что ли? Все приятней. Или завели бы себе юного Керубино...

— Вы... алкоголик!

— Скорее, бытовой пьяница. Вам что за беда, Гала? «У французского посла ныне Лиза в гран гала...» Между прочим, Мечников холерную сыворотку выпил — опыт на самом себе ставил. Попробовать не хотите? Прозит!

— Прозит! Вы не похожи на Штирлица... Я принимала «черный» DP, Арлекин, несколько раз. Дважды все кончалось «Скорой помощью» и больницей. Кажется, исчерпала свой ресурс. Но я хочу знать...

— А я хочу в Рыбачье. На Караби-яйлу смотреть хочу. Не верю во всякие «тени» и параллельные реальности! Не верю,

ясно? Если отбросить весь этот воляпюк, что останется? Душа...

— Душа?

— Да-да, Гала, именно душа, о материальности которой писал еще Аристотель. Психея, Душенька. Что такое Погружение? Чертова химия, которую мы глотаем, нашу Душеньку освобождает и дает возможность пространствовать между измерениями, перепрыгнуть из меня-сегодняшнего в меня-позавчерашнего. Пусть так, поверили. Но почему данная мадемуазель должна прыгать в чужое Прошлое? Или в Настоящее, один бес. Какая связь? Опять — множественность миров, множественность судеб, ветвление Времени... Шаманство!

— Не верите?

— В шаманство — да, в «черный» DP — нет. Все, хватит! У нас еще...

— Не еще, Арлекин, а уже. Бутылка, увы...

— И не «увы». Мы, людоеды, — народ запасливый. Та-ак, где моя большая заначка? Присоединитесь?

— Присоединяюсь. Вы на редкость необаятельная личность, Арлекин! Значит, так и живете? Пьянствуете и погружаетесь, погружаетесь и пьянствуете? Даже не эскапизм, извращение какое-то.

— Извращение — это прекрасно, Гала! Вселенная Запоя не менее интересна, чем мир Погружений. Ей-богу! А вы, часом, не слыхали, кто такой Аргонский Пес? И я тоже, хотя вроде бы должен.

— Это как-то связано с экспериментом?

— Не знаю. Еще не знаю. Налить?

...Часовая стрелка — поперек Бразилии, минутная — строго по экватору. Без четверти четыре. Серый сумрак за окном, пепельница полна окурков, немытые рюмки, раскромсанный лимон, пара чужих дискет, привычное еле слышное «тик-так».

Тик-так, тик-так. DP-DC... DP-DC... Death Certificate.

Натюрморт. Погуляли... Интересно, что на дискетах?

Гала заснула прямо в кресле — худой Складной Метр, укрытый клетчатым шотландским пледом. Мадам Дали — она же мадам Кюри. Та, помнится, тоже нахваталась, но не химии, а радиации. Не люблю фанатиков, даже которые от науки!

Но этой-то чего надо?

84

Если каждый станет возвращаться во Времени и при этом на самом деле действовать, пытаясь изменить Прошлое, неизбежно начнутся изменения. Примером мог бы послужить ребенок, рожденный с генетическим дефектом. Если пойти по ходу «каната» (Пространственно-Временного Континуума отдельной личности) к моменту зачатия и изменить нить ДНК, влияющую на дефект, ребенок будет рожден здоровым. Однако в каждую секунду, которая проходит с момента зачатия, ситуация усложняется, поскольку идет постоянное «плетение каната». В три месяца плод имеет такой «канат» взаимодействия с телом матки матери, ее кровью и структурой ДНК, что простое изменение генетической структуры плода становится недостаточным. В действие входит все многообразие «переплетений». Чтобы произвести лечение, нужно будет тщательно копаться в «прядях», которые вплетены в материнскую систему, матку, и даже снаружи области, окружающей мать и ребенка.

85

Теория Параллельных Временных Потоков (ПВП) была достаточно популярна в первые годы DP-экспериментов. Связано это не столько с результатами самих опытов, сколько с недостатком данных и отсутствием навыков анализа Погружений. ПВП позволяла корректно объяснить эффект DP, не покушаясь на основы классической физики, признающей невозможность путешествия во Времени. Приверженцы ПВП пытались при Погружениях обнаружить следы «не своего» Прошлого, чтобы доказать «параллельность» происходящего.

Первоначально «фактов» было много (к примеру, иной состав гостей на свадьбе или дне рождения, незнакомая одежда, разговор, которого якобы в Реальности не было). Однако последующий анализ показал, что основная их часть связана не с «изменением» реального Прошлого, а с особенностями человеческой памяти, в том числе с так называемым «синдромом очевидца». Известно, что описания любого события, сделан-

ные разными людьми по горячим следам, никогда точно не совпадают. Тем более это касается Прошлого. Как выяснилось, человек запоминает даже самые важные события в своей жизни весьма избирательно. Увидев их вновь, «наблюдатели» обнаруживают множество отклонений от запечатленной в памяти «картинки». Это и стало причиной увлечения ПВП.

Впоследствии, когда многие из «фактов» были проверены, выяснилось, что они вполне соответствовали прошедшей Реальности. Необъяснимые случаи единичны и никак не могут служить доказательством истинности ПВП.

В настоящее время ПВП считается пройденным этапом в изучении DP-феномена.

ЧИСТИЛИЩЕ

13 августа 2004 г. — 27 июня 1978 г.,
город Харьков

Черные стрелки застыли, слева под рукой — чашка с водой, три таблетки на блюдце. Шторы плотно задернуты, полумрак, полуночь.

Беленькая, желтенькая, черненькая... Три таблетки — три банана.

Тик-так, тик-так. DP-DC... DP-DC...

...Не хотел, не думал, даже зарекался. Хуже наркомании, страшнее черного запоя. Зачем? Призраки, вокруг — только призраки, легче не станет, недаром «наблюдатели» сходят с ума, не выдержав ужаса Погружений. Мир привидений, мир мертвецов... Не хотел, не хотел!

Тик-так, тик-так...

Тогда зачем два набора покупал? Два дорогущих набора с «Новым-1»? Деньги некуда тратить? Хотел!.. Яркое солнце, живая зелень, глубокое синее небо — то, что ушло навсегда, — ушло, не вернется. Соблазн, вот он, настоящий соблазн, куда там сатане с его царствами-государствами! Победить Время, отвести от горла косу Хроноса, пусть ненадолго, всего на несколько часов!..

И даже не это главное. В прошлый раз... Девять дней назад? Да, девять дней назад...

* * *

— Мама, я пошел! Дверь сам закрою.

Хлоп! И куда я сунул ключи? Карман, сумка, карман-бис... Ага, есть! Верхний замок... Нижний... Стоп, какой нижний? Замок только один, и ключ один, и...

...Сто-о-ой, братец мой меньший! Ключ и должен быть один, второй замок поставят лет через десять!

Прыжок! Через три ступеньки, через две, снова через три. Мама все боится, что ногу сломаю. Ха! Где тут ее ломать?

Четыре ступеньки. Прыжок!

Хлоп! Это уже дверь подъезда. Налево? Направо?

Налево — тяжелая железная калитка, забор в сером цементе, тихая, знакомая с детства улица. Направо — палисадники, цветник, дивное дерево, растущее почти параллельно земле. Чудо природы, мечта детишек, на аттракционы ходить не надо.

И кирпичная тумба впереди. Тумба-клумба, где когда-то стояла гипсовая пионерка, трубившая побудку. Сломали, сволочи, жалко!

Налево? Налево!

...Сто-о-ой! Стой!

Фу ты, упрямый! Зато все правильно, чудес не бывает! Двадцать шесть лет и полтора месяца — не шутка. Контроль и управление? Почти никого, процентов десять-пятнадцать. Только сейчас сообразил, кто я и где. 27 июня 1978-го, Погружение длится около сорока минут, я только вышел из дома, перед этим позвонил Хельги... Выходит, «Новый-1» не так и хорош? Вспомнить хоть, что я делал тогда, 27-го...

...Может, уговорю? Не любит Хельги экспедиции — и в колхозы-совхозы не ездит, чуть что, сразу справка. Это мы кровей правильных, рабоче-крестьянских. Песочин рядом с Харьковом, можно в любой момент домой смотаться, никаких проблем. Куда она собралась? В Алушту? Знаю эту Алушту, тоска зеленая, только по набережной и гулять. Туда-сюда, туда-сюда — как в тюряге.

Месяц без Хельги! Тоска! Письма идут так долго!..

...Интернет заводи, брат мой младший! И — никаких проблем. Только письма Хельги писала чуть ли не через день, а по

Сети будешь получать от нее два послания в год. Почувствуй разницу!

Куда бежишь? А метро? Ишь, быстроногий! Ладно, беги, контроль и управление — десять процентов, ничего не сделать, можно лишь пребывать бесом вселившимся. Но почему бежим именно туда? Надо же, забыл, можно и через двор, угол срезать...

...Третий курс — аминь, сессия — аминь. Следующая, зимняя, — ерунда, два экзамена всего, а вот летняя... Там же будет военка, мамма миа! Всю дорогу левой, отсекатель, отражатель, вспышка справа, зарин, заман, подполковник Пидник...

К-как?! И такой был? П-пидник, понимаешь! Да не дергайся ты, брат мой младший, военка в диплом не идет, супостатов сражать не придется, будешь майором запаса. Все — суета сует, кому он нужен, твой средний бал 5,00 вкупе с красным дипломом? Бог ты мой! Оценки, военка... Неужели такое меня волновало?

...Жаль, с Херсонесом не вышло! Ничего, в следующем году поеду, переучиваться, правда, придется, я ведь «штыком» привык, БСЛ, лучший друг археолога-полевика. Землю — в отвал, Большую Саперную Лопату — параллельно дневной поверхности, делаем «зеркало для героя»... Стоп! Почему — для героя?

...Потому что нас двое, брат меньшой, неразумный. Ты меня слышишь, только не понимаешь. Книга такая, писатель Рыбас наваял. «Зеркало для героя» называется. И фильм по ней снимут — лет через десять.

Что, так и будем бежать? Хорошо тебе, некурящему!..

Стой! На этот раз — точно: сто-о-ой! Смир-р-рно, кур-р-рсант!

Контроль и управление... Есть контроль и управление! Поскучай пока, братец, набегался, поди!

А не прикупить ли сигарет?

* * *

— Она ему верила. Верила, понимаешь?

После полумрака кинозала солнце в первый миг ослепляет. Толпа несет вперед, и я очень вовремя успеваю взять Хельги за руку. Что такое? Никак у нее глаза на мокром месте?

— Хороший фильм, — соглашаюсь как можно естественнее. — Только зачем она ему верила?

— Ты не хочешь понять, Эликен!..

Не хочу — и не пытаюсь. Даже не помню толком, что довелось посмотреть. На этот час с хвостиком дал младшему братцу полную свободу. Зря я сомневался — «Новый-1» и вправду не прежним наборам чета. Хочешь, будь самим собой, хочешь — отпускай меньшого братца на волю и наблюдай со стороны. Или вообще отключайся, спи. Это уже не просто управление, а двойное усиленное. DD — Double Direction, была такая секретная биологическая программа. Занимались, правда, не мозгом, а сердечными мышцами и конечностями. Бр-р!..

— Куда теперь?

И вправду, куда? За спиной кинотеатр «Украина», толпа расползается по парковым аллеям, впереди, за деревьями, Сумская. Странное дело! То ли с памятью что-то, то ли в той, настоящей Реальности мы с Хельги...

...Не смотрели этот фильм! Точно. «Барьер», болгарский, по Вежинову, фантастика, наш Смоктуновский играет. Хельги предлагала, я почему-то отказался, потом она сходила одна...

Фильм я посмотрел — по телевизору, лет через десять.

Изменили Прошлое? Значит, если правило Запаздывания справедливо, то через двадцать шесть лет и полтора месяца я вспомню, как мы...

Но ведь мы и так его посмотрели! Парадокс?

— Ты... Ты куришь? Зачем?

— Привычка!

— К-какая привычка?! Ты...

Я... В глазах Хельги — то ли удивление, то ли испуг, то ли все разом. Дрянной болгарский табак («Ту-134» — самый лучший самолет!) мгновенно начинает горчить.

— Ты... Ты не куришь, Эликен! Курил тот, другой!

DP-DC... DP-DC... DP-DC... DP-DC...

* * *

Начинающих DP-watchers всегда предупреждают: Погружение ничуть не походит на сказочки об отважном Путешественнике во Времени, снедаемом жаждой познания. Любопытство, конечно, есть, особенно поначалу. Но первые же минуты

«там»... Ох, эти первые минуты! У каждого «наблюдателя» они свои, неповторимые, но общий глас един. Шок — такой, что многие не решаются сделать вторую попытку. В каком-нибудь пермском периоде было бы легче, но бродить тропами собственного Прошлого... Общение с теми, кого уже нет и не будет никогда, еще не самое трудное.

Потом привыкаешь, Погружения становятся частью жизни, частью тебя самого. Начинаешь их воспринимать как короткий отпуск в дивную страну Вчера, где и солнце ярче, и лимонад слаще. Сон наяву, явь во сне... Ради этого мы и глотаем «три таблетки». Беленькая, желтенькая, черненькая... Три таблетки — три банана.

А потом приходит... Нет, еще не скука, поначалу просто равнодушие. Таблетки на блюдце, чашка с водой, залитые ярким светом тротуары Прошлого... Видел, знаю! Погружение становится просто экраном телевизора — или коротким пикничком для расслабления.

Затем приходит скука. И это навсегда.

Мой порог уже близко. Страна Вчера давно перестала быть чудом, скоро исчезнет и Тайна. Но дело не только во мне. Фармацевтическую Time Machine скоро запатентуют, пустят на поток. Если Машина Снов — уже обыденная реальность!

И прости-прощай!

Мы еще не пляжники у Океана Времени, но уже не конкистадоры, не альпинисты у залитого снежной белизной пика. Мы — колонисты. Вбиваем колышки, присматриваем деревья для срубов, делим участки. Вершина покорена, возле флага набросаны пустые консервные банки. Война закончена — всем спасибо!

Гала, кажется, поняла это раньше меня.

* * *

— Я не знаю, чему верить, Эликен. Не знаю! Только не кури, ладно?

— Не буду, еще затяжка — и все. Вот! Ты не верь, Хельги. Допустим, мы оба решили друг друга разыграть. Или на меня напал пророческий дар — из-за угла с пыльным мешком.

— Голос... Все-таки не твой. Пытаешься шутить, но тебе

совсем не смешно. Если это правда, то зачем ты... Зачем вернулся?

— А ты бы не захотела? На часок-другой погрузиться в славное ретро Застоя? Пиво по двадцать две копейки, Брежнев на каждой полке, Афганистан — всего лишь географическое понятие. Лепота!

— О чем ты, Эликен? Афганистан мне на экзамене попался, а я не все знала. Хорошо еще вспомнила этого... Тараки. Правильно?

— Нур Мухаммед Тараки. И я сейчас вспомнил. Надо же, и такой был! В общем, считай меня туристом. Или шутником — как хочешь.

— Я хочу... Хочу, чтобы ты не курил, Эликен. И чтобы не говорил со мной как с маленькой девочкой! Я тебя, между прочим, старше.

— Ага! На целых полгода. А если честно... Хотелось тебя увидеть. Очень! До Америки далеко, сюда — ближе.

— Гарвард, помню. Если это правда... Ты в Харькове, я в Гарварде. Давно? А что было до этого?

— Не стоит, Хельги. Зачем знать? Будущего еще нет, скоро я исчезну, а мой младший братец, в дурацком пиджаке который, станет убеждать тебя в исторической предопределенности и справедливости Великой Октябрьской революции... Лучше бы он тебя убедил не уезжать в Москву!

— В Москву?! Но я тебе еще не говорила... Ты и это знаешь? Значит, ты в Харькове, я в Америке, я уехала, ты остался... Останешься. И это все? Все, что у нас было? Будет...

— Бог с ней, с метафизикой, Хельги, и так не слишком весело. Пойдем лучше мороженого съедим. На Сумской была... есть точка, кажется, «Кристалл». Тебе там нравилось.

— Погоди, Эликен! Ладно, не говори о нас. И обо мне — тоже не надо. А ты? Добился, чего хотел? Стать археологом, съездить на Гавайи?

— Будешь смеется, Хельги, но, кажется, все успел. На Гавайских островах, правда, не был, только это сейчас не проблема. Выправил визу, купил билет... Другое плохо. Вначале кажется, будто желаешь невозможного, невероятного. А теперь выясняется, что всего добился. Только мечтать уже не хочется.

— Ты... Ты точно — не Эликен. Не мой Эликен! Неужели у вас так плохо? Ты хотел меня видеть — в своем 2004-м? А я — та, что сейчас в Гарварде? Меня ты спрашивал?

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

86

Возможен мир, в котором Прошлое не является неизменным. Представим все события расположенными на мировой Оси Времени. Из Прошлого в Будущее идет импульс, прохождение этого импульса и является нашим жизненным переживанием Настоящего. Информация из Будущего воздействует на предыдущий импульс и реализует другой вариант Прошлого. Это созвучно античной идее «вечного возвращения», которая получает подтверждение в некоторых современных космологических моделях. Имеется бесконечная последовательность циклов, где каждая сингулярная точка представляет собой Большой Взрыв.

Перетекание информации из Будущего в Прошлое дает нам любопытный взгляд на причинно-следственные связи. Классическая философия, выстраивая цепочку причин, где каждая причина имеет свою причину, ставила вопрос, что явилось Причиной Причин. Ведь материя не могла произойти из ничего. Это рассуждение приводилось философами как доказательство бытия Бога, являющегося причиной нашего Бытия.

87

Одной же из самых удивительных тайн остается случай с пассажирским самолетом, который исчез в 1939 году, совершая рейс из Рио-де-Жанейро (Бразилия) в Боготу (Колумбия), имея на борту 36 скелетов. Когда специалисты открыли двери самолета, они увидели в салоне авиалайнера чашки с еще дымящимся кофе и зажженные сигареты, а также газеты, датированные 16 апреля 1939 года. Газеты выглядели так, словно были только что привезены из типографии.

«Я бы очень хотел дать объяснение этому, — сказал Херман

Гевара, один из экспертов, приглашенных к расследованию. — Мы понятия не имеем, каким образом самолет мог приземлиться. Некоторые из нас предполагают, что авиалайнер попал в «яму Времени».

ЧИСТИЛИЩЕ

14 августа 2004 г., город Харьков

Стрелки на пустом циферблате предлагали сыграть в «угадайку», но я гордо проигнорировал их потуги. Без трех восемь — часы на желтой башне Университета не давали ошибиться. Значит, не опоздал. Памятник Ленину справа, Университет слева, серый контур Госпрома впереди... Место встречи изменить нельзя. И не стоит — тот, с кем я договорился, не знает меня в лицо.

Сумерки, огромная площадь, тихий сквер за спиной... Почти что родные места. Когда я еще помнил свои сны, Университет виделся почти каждую ночь, такой же гигантский, неприступный, таинственный. Интересно, снится ли он мне теперь? Жаль, не узнаю.

Сфера сна, Гипносфера... Может, и там есть Нечто, вполне реальное для нас, спящих? Кто скажет?

Итак... Итак, почти восемь, народу не много, но и не слишком мало. Неплохо — с точки зрения «конспигации». В самом крайнем-раскрайнем случае могу сказать...

— Арлекин?

Фу ты, замечтался! А если бы гестапо с сигуранцей подкралось? Ну и шкаф подвалил, однако!

— Простите?

— Что? А-а, Штирлиц? Ну, который на твоих керосиновых?

Циферблаты — визитные карточки. На моем — орел, у него — непонятная надпись, чуть ли не японская. И корпус золотой, с каменьями. Не бедствует многоуважаемый шкаф!

— Привет, Каузал!

— Здорово! — Шкаф ухмыляется, поводит могучими плечами. — А я тебя так и представлял. Типичный профессор.

— Я тебя тоже. Типичный полковник. Правда, я не совсем профессор...

— А я не совсем полковник. Осенью третью звездочку обещали.

Шкаф в меру сед, в меру улыбчив — и весьма бодр. Не хотелось бы попасть к такому на допрос!

В нашей маленькой DP-тусовке я считаюсь чем-то вроде эксперта. А вот шкаф, он же подполковник Каузал, — комендант и начальник контрразведки, никак не меньше. Нужная должность — в некоторых случаях.

Как сейчас, например.

— Так чего, Арлекин? По стопарю ради знакомства? А то все Интернет, Интернет, ровно шпионы американские! Тебя как зовут-то?

* * *

— ...Нет на нее ничего, Арлекин. И муж не помирал, и сама ни по каким делам не проходит. Супруг ее — художник, потому она и Гала. Богатая бабенка, с претензиями, каждое лето на всякие там Багамы летала. Про дела наши, про DP, уверен, и не слыхала ничего. На фига такой цаце DP? А вот полгода назад случилось что-то. Как с нарезки твоя Гала сорвалась, может, и вправду заболела. Вышла на Шуру, стала переписываться с «черными»... Только они ее к себе не взяли, осторожничают, блин! Так что, Арлекин, не Мату Харю к тебе подослали. И цени, я из-за тебя служебным положением злоупотребил. В извращенной форме... А если честно, стыдоба прямо. Все мы, как диссиденты, прячемся, «ники» напридумывали. Думал я плюнуть на все и свистнуть нашим в Харькове. Собрались бы как люди, поговорили, в письмах ведь всего не напишешь. Теперь понимаю — нельзя, не понимаю даже, чую. Ховаться скоро начнем не хуже «черных». И знаешь, Арлекин, я к «черным» подобрел. Может, и психи они, так и мы тоже вроде как «фик-фок», если со стороны взглянуть. А вдруг «черные» и в самом деле до чего-то важного докопались? Параллельные измерения, «тени» всякие — чушь, понятно. Но вдруг? Как думаешь, Арлекин? Вот и мне кажется. Ну, еще по коньячку?

Фома Верующий. 14 авг. 04. 22:31. Сообщ. № 4154.
Тема: Путевки в Прошлое?

Заголовок: Ну, опять!

> Возвращаться туда, где был счастлив? Нужно ли это?

Арлекин в своем репертуаре. Что за фрейдизм? Кому нравится, тот будет общаться с покойной тетей, кому нет — просто погуляет по улицам или сходит на первомайскую демонстрацию. Главное, это уже ВОЗМОЖНО. Согласен лишь с тем, что кричать еще РАНО, но опыты требуется не сворачивать, а форсировать. Сегодня пробегусь по DP-сайтам, погляжу, чего и как. Вдруг уже есть «Новый-3», лет на сорок?

Гип-Гип-Нос. 14 авг. 04. 22:53. Сообщ. № 4146.
Тема: Путевки в Прошлое?

Заголовок: А на полста не хочешь?

> «Новый-3», лет на сорок?

Не все пенсионного возраста, Фома. Сорок лет назад мне было... немного. Как ты знаешь, Погружения возможны лет до четырнадцати. Важна пока не «глубина», а качество — то, что мы назвали «синхронностью». Направлений опытов, ИМХО, должно быть три:

1. Проверка «новых» наборов. Надежность, «синхронность», степень управления и контроля.

2. Попытки совместного Погружения. Рассказы Гала меня пока не убедили.

3. Проверка того, что Арлекин называет Запаздыванием. Вдруг все не так пессимистично? Если изменения займут не «2ГП», а, скажем, год-другой, то... Представляете?

Лерна. 15 авг. 04. 00:10. Сообщ. № 4147.
Тема: Путевки в Прошлое?

Заголовок: Не хочу представлять!

> Представляете?

Гип-Гип, ты понимаешь, что пишешь? Вот тогда-то и начнется отстрел и отлов бабушек с дедушками. Опыты нужны, но пора (Арлекин прав!) переходить на нелегалку. Для начала — пароль у входа, а то устроили Дом пионеров, скоро рецепты наборов начнем выкладывать. Сейчас начинается самое ЛЮБОПЫТНОЕ, но и самое ОПАСНОЕ. Странно, почему нами до сих пор не заинтересовались?

Фома Верующий. 15 авг. 04. 00:43. Сообщ. № 4148.
Тема: Путевки в Прошлое?

Заголовок: ...Славянский шкаф.

> Для начала — пароль у входа...

Вот-вот. Сначала пароль, потом — начнем допросы и обыски, подключим детектор лжи. «Вегной догогой идете, товагищи!» Пример «черных» заразителен? Нас потому и не трогают, что все на виду. Вроде как альтернативной историей увлекаемся. И состав наборов выкладывать можно, в США выкладывают — и ничего. Саргати, между прочим, регулярно публикуется.

В главном я прав. Арлекин излишне увлекся самокопанием. Беседовать с «покойниками» (чепуха! мы ходим в гости к живым, а не к мертвым) тяжело, согласен. И возвращаться туда, где был счастлив, не всем по душе. Но это частность, главное то, что открылось ОКНО, которое мы должны превратить в ДВЕРЬ. Кто хочет, тот пусть открывает.

...А я вот не успел с Львом Гумилевым познакомиться. Теперь смогу.

Гип-Гип-Нос. 15 авг. 04. 7:31. Сообщ. № 4149.
Тема: Путевки в Прошлое?
Заголовок: Шутки шутками...
> должны превратить в ДВЕРЬ. Кто хочет, тот пусть открывает.

...А рискнуть и вправду стоит. Предлагаю начать с проверки «синхронности» и возможности совместных Погружений. Мы знаем о пяти подтвержденных опытах (Гала и Арлекин). Четыре удачны, один — нет. Что это? Результативность — 75% или просто ошибка при проведении эксперимента? ИМХО — требуется СИСТЕМА. Надо собрать команду волонтеров, скажем, человека три, с тем чтобы они сосредоточились именно на «синхронных» Погружениях. Эпоха вольного туризма миновала, но путевки продавать еще рано. Глубину Погружений возьмем среднюю, воспользуемся «Новым-2». Выберем время, которое бы всех устроило, скажем, начало 90-х. Рискнем?

Лерна. 15 авг. 04. 9.20. Сообщ. № 4150.
Тема: Путевки в Прошлое?

Заголовок: Рискнем!

> Выберем время, которое бы всех устроило, скажем, начало 90-х. Рискнем?

Согласна. Кто еще запишется?

ЧИСТИЛИЩЕ

15 августа 2004 г., Новомосковск, автостанция

Продавщица выложила две пачки красного «Атамана», и я вновь пожалел, что не прикупил блок перед отъездом. Надейся теперь на розничную торговлю! Конечно, ничто не мешало запастись куревом прямо сейчас, но тут уж дело принципа. Не озаботился заранее — мучайся!

Все прочее, кажется, на месте. Паспорт, деньги, очки, чтоб они пропали, плавки с шортами. Не люблю собираться заранее, скучно. В подобном деле ценна импровизация.

А кепку взял? И кепку взял.

Теперь отойти в сторону, закурить... Зажигалку не забыл? Не забыл, умница.

Хорошо!

...Легкий бензиновый дух, стадо деловито рычащих автобу-

сов, силуэт старинного казачьего собора — знаменитого, строенного без единого гвоздя.

Не тот казак, что победил, а тот, что выкрутился. Так, кажется?

Стоянка — пятнадцать минут, как раз чтобы ноги размять и покурить с толком. И — вперед, дальше, дальше, дальше!

Ну, чего, получилось? Выкрутился, Арлекин, отряс прах? Только зачем взял таблетки — все наборы, какие остались? Зачем ноутбук прихватил? Только не говори, что случайно.

* * *

Автобус попался особенный — двухэтажный, и я увидел в этом счастливый знак. И вообще везло. Очереди у касс не было, билет дали сразу, место досталось возле окна. Народ предпочитает поезда, чтобы гремело и лязгало всю дорогу, а мне по душе четыре колеса. Остановиться, выйти, землю под ногами почувствовать... Автобус — память о детстве, мы с мамой часто ездили в Донбасс, в маленький городок Красный Луч. Пустая дорога, терриконы на горизонте, привычный запах бензина...

Терриконы на этот раз не попадутся, зато уже завтра увижу горы. Тоже неплохо! И вообще все складывается как надо. Встряхнуться, поплавать вволю, посмотреть на недоступную Караби, запастись положительными эмоциями перед неизбежным сентябрем... Как без этого?

Но даже Караби — не главное.

В Харькове делать нечего — в DP-Харькове. Не люблю, когда волокут за шкирку. Все равно кто — Судьба или она же в виде мадам Складной Метр. Волокут — куда? Коллеги по Погружениям, наш маленький DP-отряд, еще не чувствуют, не понимают. Им кажется, что Америка открыта, осталось высаживать десантную партию и рисовать карты. Они рады — пока что.

Сигарета — аминь, возле двухэтажного чудовища — толчея, отправляемся...

Пора!

Не понимают, не хотят понять, что открыта вовсе не Америка. Колумб плыл в Индию, а ткнулся лбом в Новый Свет. DP-watchers тоже не искали никакой Америки. Вначале увлеклись

приятными снами о днях минувших, потом пытались понять, что происходит. Поняли? DP — Машина Времени, странноватая Машина, созданная на основе не физики, а химии? Дверь в Прошлое?

Если бы просто Дверь!

Кажется, поехали? Прощай, Новомосковск, увидимся еще! Надо будет наконец в церковь заглянуть, сколько раз проезжал мимо и ни разу не сподобился. Все-таки без единого гвоздя.

...Гала что-то знает. Знает, не хочет говорить. Там, за Дверью... Почему-то кажется, что она бывала «там». Что же увидела мадам Дали? Рай? Ад? И где это «там», черт побери? Мы, слепые, тычемся в омут, думая, что это парадный вход. Нет, нет, все сложнее! Чую — если цитировать подполковника Каузала. И дело не в «параллельных реальностях», как думают «черные», во всяком случае, не только в них.

А посему... Посему надо разобраться, и двухэтажный автобус, деловито выруливающий на шоссе, — не худшее для этого место. Впереди вечер, за ним — целая ночь, можно не торопясь прихлебывать коньяк, запивая водой «Ордана», думать, вспоминать... А лучше ни о чем не думать, смотреть в темноту, рассеченную светом фар, — просто смотреть, впитывать глазами ночь. Решение придет само собой, главное — не торопиться, не дергаться лишний раз. Проверено!

...Мои DP-коллеги все еще радуются. Эксперимент № 1, эксперимент № 2, «синхронность», совместимость... Не спешите, ох, не спешите! Мы лишь высадились в нашей Америке, за полосою пляжа — джунгли с голодными каннибалами, на горизонте — пиратские каравеллы, а мы даже не знаем, что под ногами — теплый песок или присыпанная песком западня...

Город позади, слева и справа — знакомая степь, редкие лесопосадки, солнце клонится к горизонту. Самое время заняться коньяком. Интересно, кто-нибудь пробовал погружаться в движущемся транспорте? Рискнуть? Нет, спасибо!

...Год назад не повезло. Караби затянули тучи, то и дело срывался дождь, море было серым, бесцветным. Не лето — осень, поздняя, безнадежная. Авось на этот раз...

Что там, за Дверью?

90

Одним из бессмертных «тонких тел» человека является каузальное (кармическое) тело — наши представления и восприятия. В этой энергоинформационной оболочке закодирована информация о прошлых жизнях и возможных будущих поступках человека. Именно в каузальном теле происходит регистрация текущих изменений, происходящих в плотном шельте и ментальном теле. В отличие от энергетических структур иных «тонких тел» (астрального и ментального), генерируемых эфирным «телом», энергетическая структура «тел» тонкого шельта формируется Творцом. Каузальное «тело» является своеобразным энергоинформационным симбиозом деятельности Творца и Человека, в котором на энергетическом «носителе» кодируется информация о представлениях и восприятиях Человека.

Вместе с тем само существование «тонких тел» человека — того, что прежде именовалось Душой, их многообразная связь с Прошлым и Будущим наталкивает на мысль о существовании единого «тонкого тела», то есть Личности, пребывающей одновременно во всех точках земного существования конкретного Человека. То есть Душа «не-локальна», не имеет постоянной привязки к конкретному отрезку Времени или варианту человеческой судьбы.

91

Призрачная собака, обитающая согласно преданиям в горном районе между Францией и Германией, получила прозвище Аргонский Пес. Это огромный зверь, размером с теленка, его косматая шерсть черна как сажа. В отличие от прочих призрачных собак, Аргонский Пес имеет один глаз величиной с блюдце, располагающийся в самом центре лба, как у циклопа. Пес-призрак издает сатанинские завывания, из его пасти извергается пламя, с челюстей капает слюна, а дыхание подобно сильному порыву ветра. Лапы Пса не оставляют следов на земле. Есть поверье, будто эта собака — не столько призрак, сколько магическое существо, исполняющее роль проводника

в царство мертвых подобно древнеегипетскому Анубису или греческому Церберу.

Легенды об Аргонском Псе были широко известны в Средние века и в Новое время. В Германии до сих пор популярна народная песня «Аргонский Пес в полночный час». Ее мелодия уже в XX веке стала основой известной советской песни «Наш паровоз, вперед лети».

Ближайшими мифологическими «родственниками» Аргонского Пса являются призрачная Чёрная Шкура и Эликен (Аллекино), предводитель Дикой Охоты из южнофранцузских (окситанских) легенд.

5 июня 1993 года, город Одесса — 16 августа 2004 г., Крым, село Рыбачье

— Найдутся, — киваю я. — Есть один парень, мой студент. Недавно приехал в Крым из Узбекистана, живет под Бахчисараем, лидер их молодежной организации. Он — не из бешеных, поймет. Вернусь в Харьков, сразу же поговорю.

— Неплохо. — Дмитрий Курчевский сдержанно улыбается, зачем-то поправляет ворот черного френча. — Лечить от бешенства там будет некому... Ваш адрес я запомнил.

— Может, запишете? Мало ли?

— Запомнил. — Теперь он уже не шутит. — Записывать не стоит, ни мне, ни вам. Опасно, особенно сейчас.

Я смотрю вперед, где из серой дымки тумана проступает Потемкинская лестница с черным силуэтом Дюка на самой вершине. День выдался неожиданно холодным, и прогулка на катере обернулась полярной экспедицией. Хорошо Курчевскому в его френче! Моя рубашка с короткими рукавами греет плохо.

Какое холодное лето! Холодное лето 1993-го...

— И еще... — Голос Дмитрия звучит негромко, еле различимо из-за шума мотора. — Мне придется рассказать о вас друзьям. Имя и фамилию называть нельзя, поэтому требуется ваш псевдо. Лучше всего, чтобы он никак не был связан ни с работой, ни с внешностью. Привыкайте!

— К чему? К конспигации? — шурюсь я, пытаясь поймать

взглядом вынырнувший из-за облаков робкий солнечный луч. — Явки, пароли, накладные бороды. Обожаю! Ладно, пусть будет... Да хоть Арлекин, какая разница? Только, извините, я на фронт не прошусь. Поговорить с людьми — всегда готов, но стрелять...

— А если придется, Арлекин?

На лице вождя нет улыбки.

...Стой! Сто-о-ой! Ага, сейчас. Контроль — еле-еле, процентов пять, только теперь соображать начал, управление ноль целых, фиг десятых. Привык я к «новым» наборам, этот, DP-10, — ретро, из резерва. Почувствуйте разницу!

Итак, десять лет и десять месяцев с хвостиком, Одесса, мы с Курчевским только что познакомились — точнее, нас познакомили. Помню, как же! Вернее, начинаю вспоминать, но... Но что-то определенно не так. Или погода, или...

— Я опасаюсь не русских, Арлекин. Руцкой даже не авантюрист, он опасный дурак. Думаю, его нарочно подставляют — и всех остальных вместе с ним. Такой потащит в могилу миллионы. Нет, у России — свои проблемы. Даже не в татарах дело, хотя, боюсь, без большой крови в Крыму не обойдется. Сейчас у них появился новый военный лидер, псевдо-Ор-бек.

— Ор-бек? Титул коменданта Перекопа во времена Крымского ханства?

— Вы историк, Арлекин, вам виднее. И все-таки с татарами можно договориться, они боятся русских больше, чем мы. Опасно другое. Мы сейчас слишком слабы, у нас нет ничего — ни армии, ни валюты, ни настоящих друзей. А главное — народ впал в летаргию. Нет пассионариев! Их всегда мало, но сегодня не найдется и одного на десять тысяч, способного взять оружие.

— Опять про оружие! Дмитрий, разве опыт Украинской Повстанческой армии не показателен? Террор ведет лишь к жертвам, причем страдают прежде всего невинные. После Второй мировой партизанили почти двадцать лет — и что?

— Вы рассуждаете как преподаватель. Постарайтесь думать как военный. Повстанческая армия проиграла не из-за тактики террора, а из-за неверно выбранного направления удара. Били пятерней вместо кулака! Подумайте над этим. Уже сейчас в Крыму надо создавать кадры боевых групп. Нам помогут, кое-какие связи есть, и здесь, и за границей.

* * *

Ничего не понимаю! И ничего не помню. Ор-бек, боевые группы? Мы говорили с Курчевским совсем о другом, он действительно намекнул на отсутствие «пассионариев», но я отшутился. Сказал, что не поклонник теории Гумилева, а пассионарная теория на Западе давно никем всерьез не рассматривается. Повстанческую армию мы даже не упоминали!

...Потемкинская лестница уже близко — огромная, словно бок Хеопсовой пирамиды. Дюк, герцог де Ришелье, парит наверху, недвижный, олимпийски спокойный. Он-то все видел!

— Интервенция? Неужели решатся? Как семьдесят лет назад? Подплывут к Потемкинской лестнице, высадят десант... Нет, Дмитрий, не верю! Тогда только что кончилась война, армия была отмобилизована. Сейчас все иначе.

— Сейчас — Югославия. — Голос Курчевского звучит холодно и твердо. — Я был в Боснии и Сербской Краине, Арлекин. Сербы оказались слишком слабы — как и мы сейчас. И там тоже нашлось слишком много предателей.

— Предатели? — невольно морщусь. — Как же! Что такое три украинца? Партизанский отряд с предателем! Начинаем искать врагов? Знакомо, не вы первый.

— Именно что начинаем. — Лицо вождя еле заметно дергается. — Начинаем — но не ищем, и так всегда. Нация без памяти, без чести, без воли. Нация зомби! Мы проигрывали постоянно, каждое столетие, но этот проигрыш станет последним. Мы погибнем, причем не по вине врагов и тех самых предателей, а просто из-за отсутствия хорошего вкуса. Вкуса к жизни! Зомби не ценят жизнь... Уверен, вы спокойно отнесетесь к русским танкам на улицах Харькова. Не будем спорить, сейчас это неактуально. Актуальнее американские бомбы. Еще не попадали под авианалет? А я вот угадал — в Белграде. Истинный триумф западной демократии!.. Вы нужны нам, Арлекин!

* * *

Чепуха, чепуха! Не было такого разговора и быть не могло. Тогда, холодным июньским днем, я и не думал называться Арлекином. Мы с Дмитрием беседовали о Харькове, о настроениях студентов и преподавателей Университета, кажется, еще

о Белоруссии. При чем тут Ор-бек, Югославия, интервенция? Я действительно соглашался съездить в Крым, поговорить кое с кем из знакомых татарских интеллигентов, может быть, поработать в составе пропагандистской группы УНА. Но чтобы стрелять? Бред!

Жаль, контроль абсолютно нулевой, тело-скафандр не слушается, а то бы я ему ответил. Тоже мне, вождь! Нацепил френч, усы отрастил, наобещал сорок бочек арестантов. И где он теперь, фюрер? Спортивные новости комментирует?

Кажется, о чем-то подобном я тогда подозревал. Потому и не стал особо откровенничать.

Итак, 5 июня 1993 года, глубина Погружения — десять лет с большим хвостом, опыт длится около сорока минут, оценка происходящего: ни черта не понимаю!

— Я назову вам несколько адресов и телефонов, Арлекин. Не записывайте, постарайтесь запомнить. И сейчас, и в дальнейшем. Вам придется многое держать в голове, специфика нашей работы, ничего не поделаешь... Значит, вы майор запаса, военная специальность — мобилизация и военные сообщения? И Крым хорошо знаете? Прекрасно!..

— Погодите, Дмитрий! Если мне придется заниматься Крымом, я хочу знать, кому буду непосредственно подчинен. Боевого опыта у меня никакого, но вот со всяческим начальством наобщался вволю. Кто там у вас старший?

— Как кто? Вы, майор Арлекин!

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

92

Эйнштейн опять оказался прав. Спутники, отклонившиеся от орбиты, показывают, что Земля во время вращения действительно искривляет ткань Пространства-Времени, заявили ученые. Их выводы впервые оценивают и доказывают тот важный аспект общей теории относительности Альберта Эйнштейна, что вращающееся тело деформирует и искажает «ткань», включающую в себя три измерения Пространства и четвертое — Времени.

«Когда Земля вращается, она действительно деформирует

Пространство-Время. Чем ближе к Земле, тем больше искажение, — заявил Майкл Саламон, физик НАСА в Вашингтоне. — Это первое реальное прямое доказательство того, что мы имеем дело с деформацией Пространства-Времени, вызванной движением вращающегося тела».

Эррикос Павлис из Объединенного центра технологии земных систем НАСА и Университета Мэриленда и его коллеги вели наблюдение за двумя спутниками, находящимися на орбите, и установили, что они смещаются, когда планета притягивает к себе Пространство.

Павлис сравнивает этот эффект с вращением ложки в патоке.

«Точно так же Земля при вращении притягивает к себе окружающее ее Пространство-Время. Это смещает орбиты спутников рядом с Землей», — сказал он.

ЧИСТИЛИЩЕ

16 августа 2004 г., Крым, село Рыбачье

Поглядел поверх пышных зеленых крон, зацепился взглядом за серый камень закрывающих полнеба гигантских скал. Караби на месте, что несколько успокоило. Есть, есть в мире стабильность!

— Э-э! Что так поздно сегодня? Тебе как всегда?

— Ага, Юсуф. Как всегда.

«Как всегда» — это крепленое бастардо. Рыбачье — винный край, винный рай даже, но такого бастардо, как у Юсуфа, нигде не найдешь. Проверено!

— Держи. Нравится, да? Возьми брынзы, я нарезал.

Юсуф — интеллигентный круглолицый татарин в неизменных очечках в железной оправе. Мы познакомились четыре года назад. И не зря. Юсуф — своего рода местная достопримечательность, о винах знает поистине все, для постоянных же покупателей держит нечто вообще невообразимое — вина уже погибших виноградников, вырубленных по милости Меченого лет пятнадцать назад. Пить такое непросто — словно цедишь терпкую память о навеки сгинувшей Атлантиде. Вино Прошлого...

Хорошо! Теперь вновь взглянуть на Караби-яйлу... Еще лучше!

— Повторишь, да?

— Повторю, Юсуф, повторю.

Забитые народом узкие улочки, скучные коровы на пляже, шум моторных лодок, острый запах горящих дров... В Рыбачьем все как всегда — привычно, спокойно, даже уютно. Хорошо окунуться в водоворот, помчаться вперед, не оглядываясь, ни о чем не думая...

...Что же это происходит, а?

Обычное Погружение, три разноцветные таблетки, глоток воды из пластикового стакана. Набор самый простой, много раз проверенный. Глубина — десять лет, точности никакой, зато почти абсолютная безопасность. Потому и решился, просто чтобы формы не терять.

Адреса, названные Курчевским, помню до сих пор. Написать туда, что ли? Или герои-подпольщики тоже поумнели вслед за вождем? Делом занялись, стрип-бары пооткрывали? Может, просто сон? Перемена климата, встряска, вот и подействовало неадекватно?

— Брынзу бери, да.

— Спасибо.

А может... Нет, не может! Прокол с фильмом, с болгарским «Барьером», еще не доказательство. Мало ли? Забыл, из памяти вылетело, стерлось, следа не оставив. Пусть даже изменение Прошлого на микроуровне. Не стал спорить с Хельги, согласился, попал в кино... Мелочь, не считается.

Два случая — уже система. Значит, примем как данность.

А Караби... Караби-яйла там, где и всегда. Столько лет приезжаю поглядеть на скалы, а ведь до подножия — всего пара часов ходу. И попутку поймать — плевое дело. Подняться можно по южному спуску, где Длинные Стены, ничего сложного, рывок — и там. За спуском — новый ряд скал, за ним — бескрайняя равнина, лунный пейзаж, карстовые воронки. Почему бы не сбегать, не пройтись к знакомой метеостанции? Нет же, смотрю издалека, вздыхаю. Мазохизм, не иначе.

Тогда, в Одессе... Стоп! Вот сейчас и проверю.

— Юсуф! В начале 90-х был такой татарский лидер — Орбек. Скорее всего, кличка. Не помнишь?

Маленькие глаза за стеклами очков на миг потеряли обычное сонное добродушие. Всего на миг, но я понял.

— Зачем вспоминать, да? Плохой человек был, террорист. В Чечню уехал, не вернулся. Не вспоминаем мы его, не любим.

Вот так! Значит, не сон. Фильм, разговор на катере, чужая память, чужие мысли...

Хотел знать, что за Дверью? Там не твое Прошлое, Арлекин!

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

93

В конце 2000 года стало известно о трагедии, якобы случившейся при испытаниях Машины Времени в США. Как следует из многочисленных статей в газетах («Тайная власть», 2000, №23; «Газета.com», 2001, №1, с.11) и в Интернете, в начале 1995 года специалисты из сверхсекретного «Исследовательского проекта путешествия во Времени США» отправили лабораторную крысу на месяц в Прошлое и вернули ее обратно. В 1999 году было решено отправить в 1918 год человека. Доктор Ричард Мейсон Перел должен был пробыть в Прошлом всего лишь 25 минут, однако вскоре после старта «что-то пошло не так». Специалисты проекта корпели над газетами того года, надеясь найти сообщение о появлении человека из Будущего. Наконец в газете «Нью-Йорк полис курьер» 92-летней давности (от 26.02.1918) они нашли сообщение под заголовком «Таинственный мужчина обнаружен мертвым в капсуле». Специалисты в 2000 году опознали цилиндр на фото как капсулу Машины Времени и выяснили, что капсула, первоначальный размер которой составлял 12 м, непонятным образом оказалась сжатой в ходе хронопереле та. «В результате Перел был раздавлен», — так заканчивается сенсационная статья.

Представитель Пентагона отказался подтвердить или опровергнуть эту информацию.

Мы недостаточно подумали о триедином свойстве, которым обладает каждое сознание:

1) все частично сосредоточивать вокруг себя;

2) все больше сосредоточиваться в себе;

3) путем этого самого сверхсосредоточения присоединяться ко всем другим центрам, окружающим его.

ЧИСТИЛИЩЕ

16 августа 2004 г., Крым, село Рыбачье

...Солнце за веками — беспощадное, жаркое, белое. Глаза открывать нельзя, да и ни к чему. Знакомый грязный берег, шумная толпа у воды, ревущие катера — все видено, все надоело. Пусть лучше будет просто солнце.

После того как я бросил копать Херсонес, море стало другим. Обычный бассейн, не очень комфортабельный, зато чрезвычайно населенный. Войдешь, нырнешь пару раз — и назад. То ли дело после рабочего дня, когда пыль Цитадели въелась в кожу! Пробежаться к скалам на Северном берегу, рухнуть в зеленую воду навстречу извивающимся водорослям!.. На пляже, обычном пляже, делать нечего, разве что обсохнуть — и снова к Юсуфу, за очередной дозой бастардо.

А еще можно смотреть на Караби. Не мечтать, даже не вспоминать — смотреть. Даже если закрыты глаза, все равно знаешь, что над тобой — серая громада в полнеба. Никогда не скучаю по Херсонесу. Может, потому, что он и есть моя жизнь, уже случившаяся, остающаяся всегда со мной. Караби-яйла прошла мимо — или я прошел, лишь задев плечом теплый камень ее скал.

В воду? Еще не сейчас, пусть кожа подсохнет, пусть от нее дым пойдет, тогда уж... Хоть море почувствую! Спешить некуда, это не экспедиция, увы.

...Экс-пе-ди-ция! Экс-пе-ди-ция!

Хотя... Чем не экспедиция? Только что побывал аккурат в Одессе 1993-го, причем непонятно какого, не моего уж точно.

Так все-таки что происходит, черт его дери?!

«Сонную» версию даже обсуждать не стоит. DP — не сон, по крайней мере, в привычном смысле. Все, что довелось увидеть прежде, не выходило за пределы обычных погрешностей памяти. Так мы все и относились к победным — а порой и паническим — сообщениям о «чужом Прошлом». А теперь что прикажете думать?

Версия, увы, всего одна, причем весьма печальная. Мадам Гала добилась своего — чертовы «черные» наборы нарушили что-то в мозгу, в паутине нейронов, в загадочной «Области Бога». Складной Метр не сказала правды: «плюсы» и «минусы» не для Погружений, они лишь «настраивают» мозг, прокладывают тропу в чужое Прошлое.

Стоп! Не спешить, не спешить, это лишь версия. Может, ничего страшного не случилось, обычный сбой, чем больше опытов, тем сильнее вероятность, закон больших чисел...

Значит? Значит — в море. Пора! Но сначала — взглянуть на Караби. Интересно, что могут «черные»? Попасть бы не просто в чужое Прошлое, а в Прошлое-по-заказу! Допустим, на Караби лет этак пять назад. Мы возле горы Иртыш, обследуем Длинные Стены. Влад, Андрюс, Борис... Интересно, почему Стены — Длинные? По-гречески они «Мегалос» — Большие. Который грамотей расстарался? Прямо как Нестор Летописец с его «матерью городов русских». Мать городов — «метрополис» — столица! Плохо их учили в Печерской лавре!

...Брассом вперед, разогнаться, теперь бабочка-баттерфляй. Быстрее, быстрее! Отдохнуть можно и на пляже, делать все равно нечего, спешить некуда, курорт, маленький грязный курорт, законный отпуск...

А если снова попробовать? «Черные» наборы тоже захватил, как чувствовал. «Минус» не подходит, внешней реакции никакой, а вот «плюс»...

Эй, не утони, часом!

С «плюсом» неясно. Вышибает память? Только ли вышибает?

Ну, мыслишки! Хватит, не то и вправду потонуть можно. Лучше лечь на спину, зажмурить глаза, ни о чем не думать...

Беспощадное, жаркое, белое... Солнце за веками.

* * *

— Ага, ага... Да, Влад, звоню по «мобиле», гляжу на Карабиярлу. Здорово смотрится! Осознал, осознал, пробежаться неплохо бы — от спуска Подковы к Южному. И на метеостанцию заглянуть. Даже поработать чуток. Компенсация за все эти годы. Ком-пен-са-ция! Ком-пен-са-ция! Длинные Стены обследовали не до конца, поблизости от них что-то определенно есть. И Большая Собака тоже, куда ей деться? Призрачная, Аргонский Пес. Нет, не рискну, что на Караби одному делать? А Борис как? Ну-ну! Ладно, приеду — звякну. Бывай, капитан!

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

95

Понятие «не-локальности» (Н-Л), ныне весьма популярное среди ученых (впервые оно было применено в квантовой физике), имеет разные, не всегда совпадающие толкования. Понимание «не-локальности» как «всеобщности» очень приблизительно и неточно. В самом общем плане Н-Л означает, что все соединено со всем. Н-Л — принципиальная целостность, единобытие мира и его составляющих. Каждая частица Вселенной обладает свойством Н-Л, поэтому, когда эти частицы формируются в высокоразвитую систему, свойство Н-Л становится проявленным.

Теорема Белла утверждает:

1. Реальность не-локальна.
2. Не существует местных (локальных) причин.

Это следует понимать в том смысле, что местоположения или местонахождения в самом точном смысле не существует, поскольку местонахождение («я здесь», «ты там») предполагает, что есть нечто, отличающееся от чего-то другого. На самом деле все состоит из одного и того же вещества, которое физик Герберт назвал «квантовым материалом». Если все состоит из одного и того же «материала», то не может быть отличия одной позиции от другой, значит, местонахождений нет.

Вывод: все местонахождения могут существовать только относительно позиции наблюдателя.

В последнее время идеи Н-Л стали использоваться применительно к человеку. Личность тоже не-локальна, значит, не воспроизводима, не восстановима и не моделируема. С другой стороны, человек также не имеет местоположения, а то, что мы видим и воспринимаем, детерминируется лишь нашими органами чувств. Их ограниченность приводит к появлению иллюзии, называемой нашей Реальностью. При большем совершенстве органов чувств (или с появлением новых) мы смогли бы воспринять личность, в том числе свою собственную, в ее подлинном масштабе. Возможно, это имел в виду Тейяр де Шарден, рассуждая о приближении Человека к точке Омега.

Некоторые «наблюдатели» считают, что DP-эффект стал возможен именно из-за присущего человеческой личности свойства Н-Л.

ЧИСТИЛИЩЕ

17 августа 2004 г., Крым, село Рыбачье

— Держи! Брынзу бери, да. Слушай, почему только бастардо пьешь? Возьми совиньон, ркацители возьми. Сухие не любишь — мускат пробуй, смотри, сколько разных есть, ни у кого таких не найдешь.

— Спасибо, Юсуф. Мускат... Терпкий он слишком.

— Мускатель бери. Знаешь, какой в наших краях мускатель?

— Пробовал. Мы в 1992-м копали замок Гуаско около Морского, там маленький заводик, он по «мускателю» специализировался.

— Заводское хуже, наше лучше. Пино-гри пробуй, алеатико пробуй. Сладкие, настоящие. Вино не просто напиток. Напиток, пхе! Бодлера знаешь? Поэт французский, внук мой сейчас читает. Бодлер так сказал: «Вино — источник познания цивилизации». Ци-ви-ли-за-ци-и! Понял, да? Э, какой ты сегодня скучный! На пляж пойди, плов съешь, шашлык съешь. Только правильный шашлык бери, я тебе скажу, куда идти надо.

— Да...

— Э, совсем грустный! Что не так? О чем думаешь?

— Об одной маленькой штучке. Она сейчас у меня в комнате.

— Ха, тогда чего стоишь? Вина возьми, к ней иди. Здесь познакомился? Осторожней, тут всякие ходят. А что, хорошая твоя штучка, да?

— Еще не знаю. Острая она, уколоться можно. И даже с ума сойти.

— Правду говоришь. С ними с ума можно, сам знаю. А мускатель все-таки пробуй, да.

* * *

Мне этот бой не забыть нипочем.
Кровью пропитан воздух.

Песня привязалась ни с того ни с сего, старая, почти забытая. Если уж где ей не место, так это здесь, на шумных, забитых говорливым людом улочках Рыбачьего. Воздух пропитан не кровью, а густым духом горящих дров, всюду огоньки, маленькие, большие, а вечер... Его я забуду завтра, если уже не забыл. Для того и ездим на «юга» — заполнять пустоту пустотой. Пляж, бастардо, шашлык — круговорот пустоты на южной природе...

А с небосвода бесшумным дождем
Падали звезды.

А вот звезды действительно падают. Если отойти чуть подальше по шоссе, где нет подсветки, небо развернется во всю ширь. Как в Херсонесе, посреди желтой саванны Западного городища. Август, время звездопада. Загадывай желание — не хочу!

Не хочу...

В сумке на ремне — мой DP-арсенал. Оставить у хозяйки не решился, захватил с собой. Среди коробочек и упаковок — два шприца. Маленькая штучка, даже целых две. Острая! BDP-plus... Можно уколоться, можно сойти с ума.

Нам говорили — нужна высота
И не жалеть патронов...

Какие патроны, что за ерунда в голову лезет? Наверное, никак не могу забыть тот разговор, не бывший, не случившийся. А если бы я в самом деле послушал Курчевского и стал «майором Арлекином», тогда что? Ничего, пожалуй. В Крыму обошлось, а ехать куда-нибудь в Абхазию или Чечню... Увольте! Влад со своей Конфедерацией Анархо-Синдикалистов чуть ли не баррикады строить собирался. Не довелось, слава богу, каждый занялся своим делом, Курчевский комментирует Кубок чемпионов, Влад возится с компьютерами. Война отменяется, просим прощения за беспокойство!

Вот покатилась вторая звезда —
Вам на погоны...

Что об этом думать? И об этом, и обо всем прочем. Шумная улица в электрическом огне, беззаботный люд, спокойное тихое море — чего еще нужно? Гуляй, казак!

...BDP-plus — не в нем ли ключ? «Минус» ничего не дал, может, я к нему невосприимчив, такое бывает. Потеря памяти — ерунда, в крайнем случае лишний раз полы в комнате вымою. Случилось нечто важное, и мне надо обязательно понять, что именно, рискнуть, выпить пробирку с бактериями, как Мечников. «Три таблетки» — привычная дорога, BDP-plus — поворот, за которым неведомо что. «Вот новый поворот...» Опасно? Конечно, опасно, особенно если шприц нестерильный.

Поздно бояться, хроноложец!

Я бы звезду эту сыну отдал,
Просто на память...

Потому и уехал, потому и бежал из Харькова — чтобы решиться. Решился?

В небе висит, пропадает звезда...

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

96

Курчевский Дмитрий Александрович (псевдо-Проводник). Родился 21 июня 1962 года в г. Киеве. Выходец из семьи государственных служащих. В 1980 г. вступил в ВЛКСМ. После окончания средней школы в 1982 г. поступил в Киевский институт пищевой промышленности на факультет промышленной теплоэнергетики. Ушел из института после второго курса. Летом работал в сезонных археологических экспедициях на

юге Украины. С 1985 по 1987 г. проходил службу в Железной дивизии на территории Прикарпатского военного округа. В 1987 г. зачислен на исторический факультет Киевского государственного университета.

В 1988 г. принял участие в создании студенческого общества «Громада», участвовал в первых массовых митингах студентов в Киеве. Один из создателей Союза Независимой Украинской молодежи. После раскола СНУМ возглавил ее радикальное националистическое крыло — Украинскую Межпартийную ассамблею. С августа 1991 г. — командир УНСО. Лично участвовал в военных конфликтах в Приднестровье, Абхазии, Чечне.

97

В 1988 году на одной из улиц Токио автомобиль сбил неизвестного мужчину, который скончался на месте. Водитель и свидетели уверяли, что жертва «появилась на дороге внезапно, как будто свалилась с неба». Полицейские обратили внимание на то, что погибший был одет в костюм явно старинного покроя. Еще больше их удивил паспорт, выданный ровно 100 лет назад. Полицейские опросили всех жителей Токио, носящих такую же фамилию. После многодневных поисков нашли старушку, сообщившую, что ее отец пропал при загадочных обстоятельствах. Женщина показала полицейским фотографию, на которой молодой мужчина, удивительно похожий на попавшего под машину человека, держал на руках маленькую девочку. На снимке стояла дата — май 1902 года.

ЧИСТИЛИЩЕ

17 августа 2004 г., Крым, Караби-яйла

— Балка Карализ, — повторил я. — Чуть южнее Мангупа. Мы же там бывали, Андрюс! В 1994-м, помнишь?

— Да-а?

Пришлось доставать карту. Нетерпеливый Влад начал ворчать, но я призвал его к порядку и пригласил всех поближе. Карту уложили прямо на пол, Анна придвинула керосиновую лампу, подумала, принесла вторую, поставила рядом. Борис

побеспокоился о пепельнице, водрузив ее посредине, прямо на окраины Симферополя.

— Итак, что мы видим?

...А что видим? Черт возьми, мы же... Мы же на Караби-яйле, вот дела! 1995-й, как и загадывал? Похоже, но... Эт-то что за соплюха? Кольцо в носу, физия наглая... В 1995-м этой Лолиты с нами точно не было!

Ладно, приступим!

Итак, Погружение, препарат BDP-plus введен посредством... Или методом, бог весть, как правильно... Методом укола в вену. Подействовало почти сразу, секунд через двадцать. Это вам не «три таблетки»!

Да, Караби, бывшая метеостанция, здесь мы всегда останавливались. Знакомый смотритель, его, кажется, Володей зовут, он нас чаем из трав угощал...

Подействовало! Глубина Погружения — еще не понял, контроль и управление — пока неясно. Но почему все-таки Караби? Очень хотелось? Или потому, что я рядом, буквально в двух шагах?

— Раскопки Сидоренко, сезоны 2002—2003 годов. В южной части балки Карализ найдены остатки стены, очень похожей на наши.

— Хе! Как наши Длинные? — Борис пододвинулся к самой карте, вворачивая «Ватру» в мундштук. — Вариация на ту же тему?

— Ва-ри-а-ция! Ва-ри-а-ция!

— Как Большие, — вздохнул я. — Или Огромные. По-гречески — «Мегалос». Грамотей-переводчик расстарался, почти как Нестор с его «матерью городов русских». Итак, стена типичная позднеримская, квадровая кладка на известковом растворе...

— Вроде херсонесских, которые в Цитадели, — кивнул Влад, пуская очередное кольцо дыма. — Давай дальше, пока понятно.

— Тебе понятно! — возмутилась Анна. — А что такое «квадровая кладка»?

...Кладка из ровно отесанных блоков, форма которых приближается к кубу... Мистика! Может, потому меня так тянуло в Рыбачье, в эту шашлычную дыру? Во время прежнего Погружения я узнал, что BDP-plus отправляет аккурат на Караби.

Узнал, забыл, но где-то в подсознании... Итак, управляемость никакая, глубина... Если Сидоренко копал в 2003-м...

Может, все-таки не Караби? Комната знакомая, рюкзаки в углу, банки консервов, мой планшет. В обычные походы я планшет никогда не брал, незачем. Значит, экспедиция? Ого!

Что за девица на мою голову? Борис притащил, что ли?

Не мое Прошлое. Опять. Или даже не Прошлое?

* * *

— Кладка из ровно отесанных блоков, форма которых приближается к кубу. Не мешай, Аня! Что получается? Если мы просто поглядим на карту... Вот! Укрепления у Судака, у Гурзуфа, здесь, на Караби. Всюду они прикрывали...

— ...перевалы, — буркнул Влад. — Тоже мне, блин, бином Ньютона! Ты это к чему?

— Не мешай, дядя Влад! — Анна удовлетворенно усмехнулась, ноготь с облупившимся маникюром ткнулся в карту. — Они прикрывали дороги, которые вели от побережья. Ага?

— Да-а, — невозмутимо кивнул Андрюс. — Дороги, верно-о. Система обороны строилась сразу же после правления Юстиниана-а. На Крым напали тюрки-и, потому византийцы стали сооружать убежища. Исар у Гурзуфа-а, скажем. И что-о?

Ученая драчка — знакомо, привычно, понятно. Только ничего этого не было, увы. Балку Карализ помню, а вот о раскопках Сидоренко даже не слыхал.

Значит, экспедиция на Караби? Интересно, что мы ищем?

Контроль... Пока никакого, но... Стой! Сто-ой! Сто-о-ой!

— Византийцы прикрывали не просто дороги, — я кивнул на карту. — И не просто перевалы. Дороги куда-то вели. А куда, какие будут мнения?

Андрюс недоверчиво поглядел сначала на меня, затем на желто-зеленые пятна карты, наклонился ниже.

— Мнения-я?

— Какая разница? — дернул плечами Борис. — Перевалы и без того стратегические объекты. Хе! Побережье прикрывали, ясен пень.

Я улыбнулся. Пару месяцев назад эту же задачку довелось решать мне — под чутким руководством Сибиэса.

— Сам ты ясень. И не только ясень... — Влад нахмурился. — Дороги ведут... Если соединить их в одной точке...

— Мангуп! — в один голос выговорили Андрюс и Анна.

Оставалось улыбнуться.

— Именно. Тюркская угроза, косоглазые катафрактарии рвутся к побережью, византийцы срочно строят укрепления. Центр — крепость на Мангупе, где при Юстиниане был сторожевой пост. Прибрежное население прячется в исарах. Сибиэс все это вычислил еще год назад. А теперь вопрос...

Стой! Стой, парень! Я ненадолго, всего на минутку! Сто-о-ой!!!

— А теперь вопрос. Вопрос...

Ч-черт! О чем это я хотел спросить?

А ведь получилось!

— Хочешь сказа-ать, что система леев им была не нужна-а? — Андрюс не спеша встал, махнул ладонью, отгоняя сизые клубы дыма. — Ребят-та, вы слишком много курите-е! Можно уже вешать топо-ор... Именно при сооружении сложного узла обороны система леев была совершенно необходима-а. Кратчайшее расстояние между двумя точками — прямая-я...

— Как в Херсонесе, — подхватил неунывающий Борис. — Эт-точно. Треугольник Крипт: Фиолент, Шулдан, Подземный храм. Хе! Тут то же самое, только чуток посложнее...

— Вечер добрый!

Кажется, увлеклись. Гости, точнее, гость. Эге, этого парня я помню. Конечно, помню! Володя, смотритель метеостанции, специалист по здешним травам.

Он? Он, само собой. Ясен пень, как говорит Борис. Только...

Где мой дневник? Если это экспедиция, я обязан вести дневник! Наверное, в планшете...

Ноутбук? Ага!

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

98

Не следует представлять себе Омегу как просто центр, возникающий из слияния элементов, которые он собирает или аннулирует в себе. По структуре Омега, если его рассматри-

вать в своем конечном принципе, может быть лишь отчетливым центром, сияющим в центре системы центров. Группировка, в которой персонализация целого и персонализация элементов достигают своего максимума, без смешивания и одновременно под влиянием верховного автономного очага единения, — таков единственный образ, который вырисовывается, если мы попытаемся логически до конца применить к совокупности крупинок мысли понятие общности.

99

Некоторые исследователи (Казначеев, Козырев, Иванов) считали, что основной деталью Машины Времени (если не единственной) должен являться сам человек.

Василий Петрович Казначеев (р. 1924) из Новосибирского Академгородка проводил эксперименты по изучению взаимодействия человека и Времени. Согласно теории Козырева, внутри зеркального помещения должна была изменяться плотность Времени, что якобы влияло на обострение сверхчувственного восприятия. В начале 1990-х годов другой исследователь, Юрий Иванов, ученик знаменитого Порфирия Иванова, рассказывал в печати про свой проект «Летающий человек» (журнал «Пропеллер», 1992, январь — февраль).

ЧИСТИЛИЩЕ

17 августа 2004 г., Крым, Караби-яйла

В глаза плеснула тьма, и я глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться. Отсутствие результата — тоже результат, отсутствие ясности — тоже ясность. По крайней мере, отчасти.

Ничего, разберусь!

Сзади знакомая метеостанция, впереди — черная пустыня Караби. В кармане штормовки — полупустая пачка «Ватры», на часах («Командирские», с полузабытыми светящимися цифрами) — без четверти десять вечера. 17 августа 2004 года, день в день, час в час. Глубина Погружения — ноль целых, ноль десятых.

В комнате все еще спорят, того и гляди за грудки хвататься

начнут. Оказывается, искать крымские леи — целая проблема. Мне бы такую!

С непривычки «Ватра» показалась набитой перцем. Как я мог эту дрянь курить? Где ты, красный «Атаман», боевой товарищ!

— Можно я тоже?

Наглая девица по имени Анна неслышно подкралась сзади. Я невольно вздрогнул.

— Можно? Можно чего?

Маленькая ладонь еле заметно коснулась моего плеча.

— Ну... Покурить. Я сегодня еще не курила. Честно!

От удивления я чуть не прошипел: «Низ-зя!», но вовремя спохватился. Кажется, он (который здесь вместо меня) держит эту, с кольцом в носу, в черном теле. И правильно!

— Можно. Только одну.

Пришлось вновь доставать зажигалку — сигареты она захватила с собой. Как выяснилось, соплюха предпочитает не «Ватру», а зеленый «Вог». Губа не дура! Спросить, кто она и какого черта тут делает? Нельзя, не стоит подводить напарника.

А парень, видать, из педофилов! «За педофилию», братец, это не тост, а статья.

— Вчера ты так и не ответил. Возьмешь меня в Харьков? На пару дней всего?

Вновь пришлось кусать себя за язык. Кажется, у напарника не все с девулей просто. И что делать? «Да» и «нет» не говорить?

— Посмотрим.

— Опять!

Топнула ногой, засопела, надула губы. Мы, оказывается, с характером!

— Конечно! Жена узнает и не одобрит. Ты у нас образцовый семьянин и отец! Тогда зачем ты меня нашел, скажи?

Вот прямо сейчас и скажу! И куда я влип? Экспедиция, конечно, прекрасно, Длинные Стены — тоже...

— Сначала спустимся в Рыбачье и найдем там Юсуфа. Начнем с бастардо, а потом — что кому понравится. Рекомендую пино-гри. И каждый вечер — по две порции шашлыка. Двойные!

— А?! Но... Ты же не пьешь!

Вот так! Удивил — победил. Жаль, ясности почти не приба-

вилось. Что у меня здесь за жизнь? Курю «Ватру», не пью бастардо, с малолеткой спутался! 17 августа, тот же день, тот же час, не Погружение, что-то иное...

— Анна!

Взгляд — удивленный, встревоженный. Не так!

— Аня...

Кажется, угадал. Улыбнулась, потерлась щекой о мою штормовку. Сюси-пуси!

— Аня! Этот парень, смотритель станции. Его зовут Володя?

Моргнула, поглядела непонимающе. Опять не так?

— Конечно! Ты же сам рассказывал. Вы знакомы уже лет пятнадцать.

Верно, знаком.

Не Погружение. Тогда что?

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

100

«Факты» уже писали о том, что 28 января 2000 года на плато Караби в Крыму пропал без вести 40-летний техник-метеоролог Владимир Серебряков. Можно только предполагать, что с ним произошло. Владимир был человеком терпеливым, никогда не жаловался, но его друзья и родители знали, что иногда у него болело сердце. Серебряков мог расслабиться и присесть отдохнуть в небольшом лесочке, который пересекает дорога. А сон в таких случаях (зима, сильный мороз) почти верная гибель. На пути к метеостанции имеются два глубоких котлована, первый начинается восьмиметровым обрывом. Владимир мог забыть об их существовании и пойти напрямик...

Папка пятая

АД И РАЙ

18—24 августа 2004 г.

ФАЙЛЫ 100—125

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

101

Суд пакистанского города Лахор приговорил 36-летнего Мехди Хасана к пожизненному заключению за то, что тот якобы в августе 2001 года сжег во дворе собственного дома священную книгу мусульман — Коран, сообщает во вторник, 6 июля, газета «Ньюз».

В Пакистане существует закон о богохульстве, по которому за оскорбления Аллаха, ислама, пророка Мохаммеда или Корана полагается наказание вплоть до смертной казни.

Судья, вынесший приговор Хасану, заявил, что вина того полностью доказана. В то же время адвокат утверждает, что дело сфабриковано родственниками Хасана, оговорившими его в надежде заполучить земельную собственность осужденного.

102

Генеральный секретарь НАТО Яап Хоуп Шеффер в очередной раз пообещал, что вскоре обвиняемый в геноциде лидер так называемого «Крымского Сопротивления» майор Арлекин будет пойман и предстанет перед судом. Он также призвал «не сожалеть о жертвах при попытках арестовать Арлекина».

За последнее время силы UkrFOR трижды устраивали рейды по поимке партизанского лидера. Несколько дней назад в результате операции по его поимке миротворцы НАТО по ошибке серьезно ранили православного священника и его сына, при этом сам майор Арлекин так и не был схвачен.

АД

18 августа 2004 г., город Харьков

— Два года? — поразилась Лолита. — За смерть ребенка всего два года?

— Ага, — кивнул я. — И в том же суде хулиган за убийство соседской кошки получил десять лет.

— Вечно ты всякие гадости рассказываешь!

Божье наказание дернуло плечами, отвернулось. Мадемуазель сегодня не в настроении? Или просто перелет неудачный? Трясло, воздушные ямы, задержались на полтора часа...

Я огляделся. Все привычно, все знакомо. Восемь вечера, нестойкие сумерки, троллейбусная остановка на проспекте Гагарина, забитые народом скамейки. Лучшее место для разговора, никто и внимания не обратит.

— Но... Как же так, Арлекин? Родители убивают сына — и два года. А за какую-то кошку!..

...На что я надеюсь? Знал, с самого начала знал: сдадут, отрекутся, забудут. Хуже — сделают чучело для очередного политического Хэллоуина. Поражение — сирота, лишь у победы полно отцов. Курчевский — настоящий вождь, у него предвидение, отбежал в сторону, как только всерьез запахло жареным. Остальные не лучше, и у нас, и в России. Как пели, как пасти раскрывали! Глобализм, американская угроза, югославский вариант!.. Теперь иной репертуар — терроризм, «исламский фактор», наши вообще спятили, войска в Ирак послали. А из Крыма понемногу делают Косово. Даже не понемногу.

Троллейбус, за ним — маршрутка. Народ схлынул, и мы поспешили присесть на освободившиеся места. Лолита полезла в сумочку, нерешительно достала пачку зеленого «Вога».

— Можно? Я сегодня еще не...

— Валяй, разрешаю! — вздохнул я. — Но только одну — и не

до самого фильтра. Так вот, о приговоре. Журналисты тоже заинтересовались. Судья пояснил так...

...Щелчок зажигалки. Внезапно захотелось курить, впервые за несколько дней. Хоть бы пару затяжек!..

— Прежде всего — собственность. Кошка — соседская, ребенок принадлежал родителям. Но не это главное. Суд посчитал, что с точки зрения науки человеку в эволюционном смысле ничего не грозит. Мы — процветающий вид. Кошки — иное дело, значит, за них надо спрашивать строже.

— Ага.

Новый троллейбус, толпа толкается у дверей, вот и милицейский патруль с резиновыми «демократизаторами». Ничего, не тронут, вид у нас приличный, я не пьян, не при оружии. И документы подлинные. Едва ли мою фотографию успели раздать каждому постовому. Но и это не страшно. Фото у них наверняка старое, а за последние годы я очень сильно изменился. Увы!..

Опять троллейбус...

— Потому ты и любишь читать де Сада? За то, что он ненавидел людей?

Половину сигареты Лолита уже умудрилась выкурить. Интересно, как?

— Ты не права, людей он как раз любил...

— Известно в какой форме!

Я покосился на гюрзу, прикидывая, не дать ли ей по губам — авансом. Или погодить чуток?

— Почитай, сама поймешь. Маркиз был в ужасе от несовершенства человека. Для того и писал, чтобы ужаснулись прочие. Ужаснулись, исправились. У него есть фраза: «Я хотел бы рассказать о лучших временах, но они еще не настали...» Сейчас люди стали понимать, что мы, сапиенсы, не воплощение Зла, но и не венец Творения — просто один из биологических видов, не особо привлекательный и не слишком ценный. Даже для самих себя.

...Три украинца — партизанский отряд с предателем, не мною выдумано. На Киев надежды нет, на Москву тоже. Харьков? Дома и стены помогают, но сейчас не тот случай.

Что мне скажут? Догадаться несложно, только не хочется. А вдруг?

Еще маршрутка... На лавках — бабки с безразмерными кле-

енчатыми сумками, пара знакомых бомжей, грязная худая собака тычется мордой в прохожих...

— Я давно поняла, что ты — не мать Тереза. — Лолита поморщилась, не глядя выбросила окурок. — Даже не отец Терезий... К тебе заходить не будем.

— Это вопрос?

Я поглядел вдаль на уходящий к горизонту серый асфальт. До моей квартиры — рукой подать, семь минут, если на костылях.

Сколько я там не был? Три года, больше?

— Не вопрос. — Лолита резко встала, оглянулась. — Мы и так из-за твоей сентиментальности рискуем. Родные места, родные места!.. Зачем мы вообще приехали в Харьков?

— Действительно, зачем? — согласился я. — Надо подумать.

Новая толпа спешит к остановке. Обычно тут людно — проспект, метро рядом...

Лучше ужасный конец, чем ужас без конца. Кто сказал? Гёте сказал. Хорошо было ему в Веймаре!..

«Полковник Аурелиано Буэндиа поднял тридцать два вооруженных восстания и все тридцать два проиграл».

* * *

— Ну-у... Я все помню, Арлекин!

— Повтори.

— Зануда! Педагог! Доцент! Ладно... Правила разговора по телефону, четыре пункта. Звонить только по необходимости, не говорить о важном открытым текстом, не называть дат, фамилий и адресов, использовать кодовую таблицу, применять в случае необходимости эзопов язык. Правильно?

— Молодец, держи конфетку. Таблицу нашу не забыла?

— Товарищ майор! Память, блин, у меня пока...

— «Блин» — не надо. Гуляй!

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

103

По данным авторитетного британского издания Jane's intelligence, в результате войны против талибов базы «Аль Каеды» переместились из Афганистана и Пакистана в такие регионы, как Филиппины, Индийский Кашмир, Грузия, Чечня и Крым. Особенно опасны крымские контакты «Аль Каеды». Полуостров должен послужить плацдармом для проникновения террористов в страны Восточной и Центральной Европы. Главным союзником бен Ладена в Крыму является известный международный террорист майор Арлекин, перешедший, по слухам, в ислам. В настоящее время в отряде майора Арлекина воюют несколько сотен оперативников «Аль Каеды».

Основные центры финансирования исламских террористов в Чечне и Крыму (данные на 2003 год):

1. Исламский американский фонд Закат (Islamic-American Zakat Foundation), почтовый адрес: 4323 Rosedale av, Bathesda. MD 20814. тел.: 301-907-0997. Президент фонда — Имад Ахмад.

2. Исламский центр содействия (Islamic Action Center), почтовый адрес: 1129 20th Street, N.Y., Washington D.C., тел.: (202) 463-6691.

3. Исламский круг Северной Америки (Islamic Circle of North America), почтовый адрес: 166-26 89th ave., Jamaica, NY 11432.

4. Международная Амнистия — региональный офис в США (Amnesty International USA — Mid-Atlantic regional office), почтовый адрес: 1118 22nd street, N.Y., Washington D.C., тел.: (202) 775-5161.

АД

18 августа 2004 г., город Харьков

— Мы, кажется, еще не знакомы? Майор Арлекин.

— Каузал. Подполковник. Давай сразу на «ты», если не против. Меня от «вы», честно говоря, воротит.

— Каузал? Это как? Кармическое эфирное тело? Закодированная информация о прошлых жизнях и будущих поступках человека?

— Точно! Разбираешься, вижу. Ты кем был до войны, профессором? Молчу, молчу, мы сейчас оба... закодированная информация. Молодец, что приехал. Наши тебе вот чего передать велят...

— Наши? Неужели кто-то остался?

— А ты что думал? Остались, понятно, только учти — героев здесь нет. У каждого семья, кто-то очередную звездочку ждет. Не все же как ты... Этот...

— Псих?

— Хоть псих, хоть герой. Слушай сюда, Арлекин! В Крым не возвращайся, не вздумай. И своим скажи. Все, война кончилась!

— Мы еще не вошли в Севастополь.

— Не сходи с ума, майор! Через неделю подпишут соглашение, начнется вывод войск. А наблюдатели... Пес с ними, пусть остаются, не страшно.

— Это будет новое Косово. Потеря суверенитета, полная капитуляция, раздел страны!

— Значит, судьба у нас такая. «Кысмет» — как твои татары говорят. Главное не это. Выборы, блин! Приказано — кровь из носу, отыскать тебя, предъявить — и сдать в Гаагу. Надо же новому Президенту перед, мать ее, Европой повыеживаться! Только так на бумаге написано, настоящий приказ другой. Найти — и на месте. И тебя, и парней твоих. А то начнете в Гааге языки распускать, понимаешь!.. Мотай отсюда, майор! С документами поможем, баксов подкинем. И адреса верные есть, пристроим тебя, чтобы с голоду не помер. Понял?

— Ага. «Иван воюет в окопе, Абрам торгует в рабкопе...»

РАЙ

18 августа 2004 г., Крым, Караби-яйла

Рабочая тетрадь, с. 43—44.
Харьковский Национальный университет им. В.Н. Каразина. Горно-крымская комплексная экспедиция. Июль — август 2004 г. Отряд «Омега».

Продолжали разведку района, примыкающего к горе Иртыш с юга и востока, а также составление подробного плана района (Андрюс). Подъемный материал невелик, главным образом небольшие фрагменты керамики.

Среди находок обращают на себя внимание фрагменты красноглиняного средневекового кувшина (фрагмент горловины, две боковые стенки и дно). Корпус сравнительно короткий, горло невысокое, днище широкое, плоская ручка крепилась ниже венчика.

На горле кувшина имеется энохоевидный выступ. Предполагаемая высота — ок. 20 см. Ближайшие аналогии — армянская керамика XII столетия.

Соображения. Эта находка, как и предыдущие (записи от 11 и 12 августа), относится к XII в., следовательно, не имеет прямого отношения к строительным остаткам, относящимся предположительно к концу VI в.

Андрюс вновь предложил начать поиски «продолжения лея № 1» в юго-западной части Караби-яйлы. Не разрешил, пусть сначала выздоровеет.

Неприятный разговор с Анной. Снова курила, сослалась на мое (!) вчерашнее разрешение. Безобразие!

Смотритель метеостанции Владимир Серебряков сообщил, что пастухи видели Большую Собаку недалеко от Пчелиного.

Планы на завтрашний день...

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

104

Пистолет «астра А-80» (Испания) во многом повторяет известный пистолет «sig-sauer P-220». «А-80» также построен по схеме с коротким ходом ствола и запиранием ствола одним боевым упором за окно для экстракции гильз в затворе. Ударно-спусковой механизм двойного действия, курковый, имеет автоматический предохранитель, блокирующий движение ударника до момента нажатия на спусковой крючок. На левой стороне рамки расположен рычаг безопасного спуска курка с боевого взвода. Обычных неавтоматических предохранителей нет. Имеет магазины с шахматным расположением патронов большей емкости.

Калибр: 9x19 Luger/Parabellum; 9x23mm Largo; .38 Super; .45ACP. Емкость магазина: 15 патронов (9 мм).

105

Самое опасное на Караби — заблудиться в тумане. На ее изрезанном рельефе не поможет и компас. В ясную погоду на пути то и дело встречаются чабанские коши, загоны для скота:

Караби-яйла все еще остается главным летним пастбищем области. В тумане вероятность набрести на кош приближается к нулю. Густая сеть временных дорог, проложенных автомашинами, обслуживающими животноводов, делает такие блуждания совершенно безнадежными.

Человек будет кружить в каменном хаосе и сутки, и двое (туман держится иногда неделю и больше), рискуя упасть с одного из бесчисленных обрывов и даже (были такие случаи) замерзнуть в летнюю, очень прохладную карабийскую ночь. Многократно усугубляются все эти опасности в зимнее время. К ним прибавляются еще и трещины, занесенные снегом, скрывающие глубокие провалы.

АД

19 августа 2004 г., город Харьков

Эту улицу я узнал не сразу. Слева вместо привычной глухой стены светились огни рекламы, исчез чугунный забор, асфальт сменила серая скользкая плитка. Выходит, зря! Хотелось пройтись дорогой Прошлого, просто так, без всякой цели — вспомнить, попытаться вдохнуть забытый воздух давних лет. И — ничего! Не узнать, не достучаться.

Во дворе, где жила Хельги, выросло уродливое здание офиса, дверь в подъезде поменяли, исчезло кафе, куда мы забегали после лекций.

Она уехала после третьего курса. Уехала, я не смог уговорить... Или плохо пытался?

Интересно, когда Хельги смотрит новости в своем Гарварде, догадывается ли, кто такой страшный террорист Арлекин? Наверняка возмущается, они там в Штатах чувствительные, за убитую кошку десять лет дают.

Нет, ничего не узнать: ни улицы, ни города. Только сейчас я понял, что майору Арлекину некуда возвращаться. Прежнего Харькова давно нет, и прежнего Университета нет, и всей прежней жизни. Летом 1993-го, когда я уезжал в Крым, она еще теплилась — голодная, почти безнадежная, но узнаваемая. Настоящими казались люди, понятными — разговоры. Мне было что защищать — мое Прошлое, мою уходящую навек Атлантиду.

Уехал — и не заметил, как моя Атлантида сгинула навсегда. Дело не в рекламе и не в нелепых «биг-мордах», пугалами торчащих на каждом углу, не в шабашах, транслируемых продажным ТВ. Такое я уже видел в Крыму, где UkrFOR вовсю насаждают «западную цивилизацию». Оккупация — не самое страшное, хуже, когда исчезают люди. Уходят навсегда — или меняются до полной неузнаваемости, что порой еще страшнее.

Город, мой город, куда я так надеялся вернуться, теперь мало отличается от забитого чужой солдатней Симферополя. Там выросло новое поколение — продажные души, коллаборационисты с пеленок. Здесь... В Харькове не встретишь чужих «джи-ай», но оттого еще неуютней. Свои ничем не лучше врагов.

Мы, бойцы Сопротивления, не рассчитывали на особую благодарность. Просто надеялись, что наша борьба защитит родные улицы, родные дома, родных людей. Пусть не узнают, не вспомнят, не так и важно. «Не поставят мне памятник в сквере где-нибудь у Никитских ворот». Зачем? Знать, что не зря, — лучший памятник.

Выходит, зря?

Прежней моей жизни уже нет, а в новой мы не нужны. У Одиссея была Итака, у меня — только Атлантида. Разве что попроситься в Прошлое? Полцарства за коня, прекращение боевых действий — за пробный образец Машины Времени?

Полковнику Аурелиано Буэндиа не вернуться в Макондо.

Этой ночью я впервые ходил по родному городу с оружием.

* * *

— Порядок. — Я спрятал мобильник, откинулся на спинку кресла. — Он дома, к нему никто не приходил и не интересовался. Надеюсь, «они» еще не знают.

— Сволочи! — мотнул бритой головой капитан Суббота. — Это же какой облом — в двух шагах, и даже позвонить нельзя. Пидорасы! Повезло же ему!..

Казачок, не особо торопясь, разлил в стаканы водку, подумал, кивнул.

— Ему повезло.

«Ему» — старшему лейтенанту Аргонцу. Вначале я не соби-

рался брать его в Харьков, как и Казачка. Оба пока не в розыске, но береженого, как известно... Однако добрые люди поспешили передать, что дома у моего комвзвода не все ладно, мама болеет, очень хочет его видеть.

И вот Аргонец вернулся в свою маленькую однокомнатную квартиру на Дальней Салтовке. Кажется, у него все в порядке. Кажется... Надолго ли?

А зачем с нами увязался Казачок, я так и не понял. Странное дело, за последний год парень ни разу не побывал в своем Екатеринбурге. Интересоваться я не стал, отпуска проводим по собственному желанию.

Правда, на этот раз мы не в отпуске.

— Будешь?

Я поглядел на заботливо приготовленный стакан, наполненный почти до краев, покачал головой. Легче не станет.

— Зануда, блин! — констатировал Суббота. — Давай, лейтенант! Как говорится: и немедленно выпил.

Я невольно улыбнулся — капитан позаимствовал любимый тост Аргонца, давний, с экспедиционных времен. И, кажется, не первый раз за вечер. Пусть себе! Главное, чтобы никто не выходил из квартиры. Район тихий, хозяин свой, но опять-таки береженого...

— Про наши творческие планы спросить можно? Говорил с кем-нибудь?

Покрасневший и несколько успокоившийся Суббота вновь был в полной боевой.

— Говорил.

Я поморщился. Не будь здесь нашего Казачка — нашего Засланного Казачка...

— Не с теми воюем, товарищи.

Если бы в комнате взорвалась граната РПГ-5, я бы удивился меньше. Лейтенант заговорил — и о чем!

— Не с теми. Не тех мочим. Американцы — сволочи, но свои. Белые люди. Христиане.

— Чего-о-о?! Эти пидорасы?

От возмущения Суббота даже вскочил, чуть не опрокинув стул.

— Свои, блин? Кому свои? Да их всех надо рвать на тевтонский крест!..

— Нет. Ошибка. Вынужденная. Предатели стравили. Наши и ваши. Стравили. Вопрос о Севастополе — ерунда. Провокация.

В тех редких случаях, когда Казачок говорит, а не докладывает, речь его строится именно так. Короткие фразы. Тихие. Очень. Без всякого выражения.

— Ты не был в Чечне. «Чечики» — зверье. Тупое зверье. Хуже. Не в них даже дело. Ислам и христианство. Противостояние. «Полумесяц напряженности». Мусульмане — опасность. Фанатики. У них — своя эпоха крестовых походов. Походы Полумесяца. Всюду, во всем мире. Европа еще не понимает. Мы не понимаем. Поймем — поздно. Давить, стрелять. Никаких Женевских конвенций. Никаких компромиссов. Не жалеть. Женщины, дети — все равно. Караджич был прав. Смерть. Мы помирились с татарами. Тактически верно. Стратегически — ошибка. Непоправимая. Договариваться нужно со Штатами.

— Сказал, блин!

Суббота почесал затылок. Речь лейтенанта явно не пропала даром.

— А какого хрена тогда твои Штаты чуркам помогают? И в Косове, и в Крыму? А где мы договариваться с ними будем? В Гааге, что ли, в одной камере с Милошевичем?

Казачок не торопился с ответом, а я вдруг понял, что и этот разговор — не случайность.

* * *

— Будем исходить из очевидного. Вопрос о выводе войск из Крыма уже решен.

— Ну и что, Арлекин? Врежем пидорасам, чтоб быстрее, суки, драпали!

— Провоцировать опасно. Мао говорил: «Враг наступает — мы отступаем. Враг останавливается — мы ждем. Враг отступает — мы наступаем».

— Вот, блин, Казачок, нашел кого цитировать. Ганнибал, понимаешь!..

— Суббота, не шуми, в ушах звенит. Провоцировать не стоит, а главное, никого мы уже не удивим. И не испугаем.

— После Инкермана? Это точно, Арлекин. Как того генералишку звали?

— Не шуми, говорю! Лишний десяток покойников ничего не изменит. Обычных покойников, даже с еще одним генералом. Нужно ударить, чтобы прочувствовали...

— ...До печенок! Тогда надо в Европу ехать. Взорвем приют престарелых где-нибудь в Гамбурге.

— Нельзя. Обвинят Россию. В международном терроризме. Украину тоже. Санкции.

— Ладно, лейтенант, я же, блин, не всерьез. Командующего UkrFOR достать бы! Еще лучше — взять в плен.

— И выкуп попросить? Как в Ираке? Нет, бен Ладена нам не переплюнуть. И не надо. Что у них сейчас в Европе самое больное? Какая мозоль?

— В каком смысле, Арлекин? Ха! Да те же пидоры нетрадиционные. Они свою еврокомиссию из-за них назначить не могут. Министр не то сказал, не по тому месту погладил. А еще — бабы. Гендерный, блин, вопрос. Все у них, извращенцев, вокруг причинного места вертится.

— Правосудие. Гаагский трибунал. Выдача преступников — обязательное условие.

— А хрен им в ухо, товарищ лейтенант! Мы эту Гаагу сексуально-акробатическим номером!..

— Не кричи, капитан. Значит, что мы имеем? Гендерный вопрос, Гаага и сексуально-акробатический номер. Интересно!

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

106

Простым и тем не менее надежным способом ухода от «плотной» слежки в большом городе является метро.

Проезд на метро до некоторых точек намного быстрее, чем на любом другом транспорте, но маршрут, где движение на метро быстрее, должен быть известен заранее. Метро особенно эффективно во время наибольшего скопления машин на улицах в пробках.

На открытых платформах не надо заскакивать в поезд в последний момент. Лучше не дать дверям закрыться и выйти из поезда, когда все пассажиры уже вошли. Это же можно сделать в электричках, там к вашим услугам еще и стоп-кран. Можно

проехаться в депо, но это делается тогда, когда поезд делает в депо остановку или когда с одного пути на другой нельзя перебраться быстро: некоторые конечные остановки устроены так, что не дают возможности пересесть на обратный поезд без выхода со станции. Можно использовать служебные помещения метро и сами пути, но это требует осторожности и предварительного ознакомления с помещениями станций. Продавцы, работающие на станциях метро, обычно менее подозрительны и знают служебные помещения станций не хуже работников метрополитена.

РАЙ

19 августа 2004 г., Крым, Караби-яйла

Рабочая тетрадь, с. 44—45.
Харьковский Национальный университет им. В.Н. Каразина. Горно-крымская комплексная экспедиция. Июль — август 2004 г. Отряд «Омега».

Продолжали работы в окрестностях горы Иртыш. Был также проведен сбор подъемного материала в западной части Длинных Стен. Находки: немногочисленные фрагменты средневековой и современной керамики. Найдена гильза от артиллерийского снаряда.

Описание западного участка Длинных Стен (стена № 1).

Стена идет параллельно обрыву, местами почти вплотную к нему. Стена имеет высоту (в наиболее сохранившейся части) — 0,5 м, длину — 27,5 м. Западный участок стены имеет очень плохую сохранность (разобран в период строительства метеостанции).

Стена трехслойная, промежуток между фасадами заполнен бутом и мелкими камнями. Стена двухлицевая.

Система кладки постелистая, квадровая, присутствуют горизонтальные ряды, кладка однорядная, полигональная. Камни прямоугольные и полигональные, форма фасада камней — прямоугольная и полигональная, камни грубо околотые. Техника кладки исодомная, местами уступчатая, перевязка слоев и рядов отсутствует, притеска швов неплотная.

По настоянию Андрюса мы с Владом обошли юго-западную оконечность плато в поисках предполагаемой «шестой точки» гипотетического «лея № 1». Результат отрицательный. Наблюдали стадо коз.

Примечание Влада: козы на Караби-яйле сумасшедшие. Увидев человека, начинают его преследовать на протяжении многих километров (наш поход 1995 года). Можно отнести к криптозоологическим загадкам.

Примечание Анны: загадки нет. Своих увидели.

Анна вновь просит разрешение на ночной поход к роще Большой Собаки. Категорически запретил.

АД

19 августа 2004 г., город Харьков

Я спрятал мобильник и несколько секунд честно пытался осознать случившееся. Голос Лолиты звучал спокойно, чуть ли не весело, но короткая фраза из нашей немудреной кодовой таблицы не оставляла сомнений. Едва ли божье наказание рискнуло бы шутить. Значит, либо ошибка, либо... Либо девочка успела вовремя. Предупредить — но не уйти. Уйти успею я.

С утра было ясно, но к полудню с севера поползли тучи, от близкой реки задул резкий ветер, пару раз срывался дождь, неожиданно холодный, почти осенний. Как раз под настроение. Я словно чувствовал, два раза без всякой надобности набирал ее номер, выслушивал саркастическое: «Гуси летят на север» — наш шутливый пароль.

Теперь шутки кончились.

Я неуверенно оглянулся. Подпольщик из меня никакой, но ничего похожего на воспетый в детективах и шпионских романах «хвост» обнаружить не удалось. Хоть это хорошо.

До кафе с нелепым имечком «Амон» (еще бы «Ра-Хорахти» назвались, умники!) три минуты ходу. Подождать у светофора, пересечь узкую, вечно забитую спешащим транспортом улицу, пройти сотню метров вдоль огромной серой девятиэтажки... Несмотря на древнеегипетское название, кафе было вполне пристойным, тихим, мы с Лолитой как раз собирались пообедать.

День выпал трудный. А теперь еще и это.

Я поглядел вперед, поверх голов занятых своими делами людей, и вдруг понял, что я могу больше не увидеть Лолиту. Никогда! Для того и придумана наша «конспигация». Сейчас мне следует развернуться, не спеша и не оглядываясь, спуститься в метро, проехать несколько станций, пересесть на другую линию. Если за нашу гюрзу взялись всерьез, мне уже ничего не сделать, дарить же «им» собственную голову совершенно не с руки. Подведу всех, сам сгину зазря. И все?

Шевченко тоже переходил границу не один. С ним ехали жена и сын, поэтому стрелять полковник не решился.

Стоять на месте, привлекая к себе внимание, было неразумно, и я без особой спешки подошел к кромке тротуара. Красный свет, можно и подождать. Все спокойно, до «Амона» рукой подать, в конце концов, ничто не помешает пройти мимо входа, взглянуть одним глазком... Странно, почему «они» не подождали меня? Или так задумано? Как выражается всезнающий Казачок, «из оперативных соображений»?

Зеленый. Вперед!

* * *

Оружие прятать совершенно не умею. Пиджак, привезенный Аргонцем, был больше на два размера, чем требуется, но кобура все равно выпирала, заставляя держать левую руку чуть ли не на весу. Тот же Аргонец уговаривал взять что-нибудь миниатюрное типа дамского «браунинга», но я предпочел проверенную «астру», давний подарок Курчёвского. Новый, 1995-й год мы тогда встречались в Киеве... Откуда вождь взял испанскую игрушку? В составе UkrFOR подданных Хуана-Карлоса, к счастью, нет. Убивать с детства симпатичных мне испанцев было бы очень нелегко.

Дон Кихот наводит в Крыму «европейский порядок». Макабр!

Пользоваться подаренным пистолетом пришлось всего пару раз. В бою предпочтительнее АКМ или «абакан», в тылу же лучше обходиться вообще без оружия. Мысленно я давно уже определил мою «астру» в витрину будущего Музея Крымского Сопротивления для показа восторженным бойскаутам.

И вот — пригодилась.

...Парня возле входа в «Амон» я заметил сразу — как и

припаркованную неподалеку машину. Обычная с виду белая «Ауди», вот только номера оказались государственные. Внешность у парня тоже была вполне служебной, а небрежно накинутый на плечи пиджак явно не по размеру устранял последние сомнения.

Лолита еще там, внутри. А вот меня, скорее всего, не ждут, иначе бы не выставляли дуболома на всеобщее обозрение. Так, значит?

Порыв ветра — и я невольно поежился. Не только от холода. Илья Григорьевич Старинов едва ли одобрил бы мое поведение. Старик ценил дисциплину и не переносил глупости. Скорее всего, международного террориста и массового насильника Арлекина даже не станут арестовывать, прав всезнающий Каузал. Лолите же «они» ничего не сделают, не посмеют, несколько дней в камере — не смерть. «Дамочка с Эмдена» знала, на что идет. На войне, как на войне, потери неизбежны, а я еще нужен, я — последний. Мне надо войти в Севастополь, а не заниматься спасением неосторожных девиц с дыркой в ноздре.

Всегда ненавидел романтиков!

...Стеклянная дверь не поддавалась, пришлось толкнуть ее еще раз, от всей души.

* * *

— Какой у вас коньяк?

Пока бармен скороговоркой перечислял весь репертуар (а неплохо!), я мельком отметил очередную шутку подсознания. Почему именно коньяк? Наверное, в глубине души все эти дни мечтал напиться. Несколько лет назад чуть не дал слово выпить следующую рюмку только в Севастополе. Глупость, конечно.

...Лолита — за столиком, рядом некто квадратный, моих лет, еще двое, помоложе и пouже в плечах, сидят за соседним. Больше никого, если бармена не считать, публика набежит вечером. Странно, но меня еще не узнали. На старых фотографиях я при бороде, угадать и вправду мудрено.

Выбрал я «Хеннесси», гулять так гулять! Оставалось присесть на свободное место, сделать для приличия пару глотков и не спеша оценить ситуацию. Лолита держится спокойно,

«квадратный» — тоже, о чем-то негромко разговаривают, молодчики за соседним столиком на них даже не смотрят.

Какого черта она надела эту майку? Висит, словно мешок! Ну и мода у нынешних тинейджеров!

Обстановку оценил, теперь надо думать...

Лолита вскочила, когда я только успел поднести рюмку к губам.

* * *

— Ни с места, суки! Ни с места! На мне — шахидский пояс, вот, вот, смотрите! Кило гексогена, сейчас рвану здесь все на хуй, размажу вас по стенкам, пидоров проткнутых!.. Мне все равно, я наркоманка, психованная, ненормальная, мне жить надоело, только подыхать одной скучно. Руки, руки! Стать лицом к стене. И ты тоже, падла. Быстрее! Я террористка, я вертолет сбила три недели назад, десять человек расстреляла!.. Я убивать хочу, всех убивать, мне мертвяки каждую ночь снятся, крови требуют. Если кто двинется, сразу разнесу все к гребаной матери, на хуй, кишками все обвешаю!.. К стене, к стене, суки, к стене!

* * *

— Еще раз, — вздохнул я, легко надавливая стволом «астры» на затылок «квадратного». Тот покачнулся, но все-таки не упал. Немудрено — стоял он, как и положено в таких ситуациях, на коленях.

— Щербина, господин майор! Это он, он!..

Вот, значит, как? Щербина? Интересно, интересно...

— И давно вы тут в господа записались? В 1991-м, поди, в партии состоял? Быстро перековался, говнюк!

— Разреши, я его пристрелю! — Лолита нервно рассмеялась, дернула предохранитель трофейного «форта». — Давно мечтала убить гэбэшника. Ненавижу этих сволочей!..

— Товарищ майор! — взвыл «квадратный». — Товарищ майор!..

Двое других выть уже не могли. Ничего страшного, оклемаются. Может быть.

Я хотел напомнить про тамбовского волка, но решил, что

время слишком дорого. Дуболом у входа, кажется, еще ничего не заметил, но мало ли?

— Дверь!

Лолита поняла, ствол «форта» тут же повернулся в нужном направлении.

— Передай полковнику Щербине, что я помню его домашний адрес. Фотографии жены и детей у нас тоже есть. И еще кое-что имеется. Так и скажи: «кое-что», он сообразит. Понял, сука драная?

— П-понял! — Квадратные плечи резко вздрогнули.

— Сейчас обделается, — безжалостно констатировала Лолита. — Товарищ майор, на хрена такого в живых оставлять?

— Нет, нет, товарищи. Не надо! Мы не хотели ничего плохого, не хотели! Это полковник Щербина нам приказал, он, он, ему из Киева звонили!.. У меня двое детей, дочка болеет. Не убивайте, пожалуйста, пожалуйста!..

То, что божье наказание держится из последних сил, я, конечно, видел. Я — но не этот герой. И такого орла Щербина послал по мою душу?

— Боец! — подмигнул я Лолите, вновь надавливая стволом на безвольный затылок «орла». — Сейчас мне исполнят пару украинских народных песен а капелла, а ты вызови-ка такси. Номер 0-58. По мобильнику не звони, у бармена есть телефон. И погляди, не умер ли он там?

Оставался еще парень у входа — и белая «Ауди». Но с этим я справлюсь сам.

...Я ждал истерики, но всю дорогу Лолита казалась совершенно спокойной, только очень тихой. «Шахидский пояс» — три куска мыла, завернутые в черную ткань с ботиночным шнурком, грозно торчавшим наружу (ради него и майку надела), — она хотела выбросить еще у входа, но я решил не разочаровывать сотрудников полковника Щербины. Репутация психов, наркоманов и серийных убийц нам с Лолитой не помешает. Намек на «кое-что» тоже не лишний, бумаг, спрятанных в надежном месте, хватит за глаза, чтобы полковник лишился погон вместе с заслуженной пенсией.

С будущим полковником мы учились на одном курсе. Тихий, скромный парень из провинции, любитель волейбола. Помнится, все удивлялись, каким ветром его занесло в «контору». Потом удивляться перестали.

Щербина несколько раз предлагал помощь, но я старался обращаться к нему как можно реже, приберегая это на самый крайний случай. Мой последний патрон...

Кто следующий?

* * *

— Я знала, что ты придешь, не бросишь. Ничего не говори, я тоже не буду, иначе нагородим глупостей, потом стыдно станет. Я... Я тебя очень люблю, Арлекин!

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

107

Международный трибунал в Гааге создан ООН в мае 1993 года в соответствии с резолюцией ООН № 827. Он уполномочен рассматривать все нарушения международного права и преступления, совершенные во время войн на территории Европы с начала 90-х годов. В первую очередь речь идет о грубом попрании Женевских конвенций 1949 года, нарушении законов и обычаев войны, геноциде и преступлениях против человечности.

Отправной точкой для начала расследования служит соответствующая информация, полученная из любого источника. Это могут быть и органы ООН, и правительственные или неправительственные организации. Если суд сочтет доказательства достаточно вескими, то по требованию прокурора он может выдать ордер на арест обвиняемого. С начала работы международный суд в Гааге уже издал около 70 подобных предписаний. Бывший мэр боснийского города Самач Благодже Симич и бывший президент Сербской Республики Биляна Плавшич добровольно предстали перед судом.

Слушания дел проходят в трех судебных палатах, в которых заняты 16 постоянных и до 9 временных судей, которые избираются Генеральной Ассамблеей ООН на четыре года. Возглавляет Трибунал французский судья Клод Жорда, его заместителем является Мохаммед Шахабулдин из Гайаны. Однако самая знаменитая личность — главный обвинитель...

Вы можете сказать, что природа немыслима без бога. Хорошо, пусть будет так, но чтобы объяснить мне то, что вы и сами не понимаете, вам требуется причина, которую вы понимаете и того меньше: вы хотите осветить темноту, сгущая сумерки; вы собираетесь скрепить связи, умножая препятствия. А вы, доверчивые и обманутые физики, должны внимательно прочитать труды по ботанике, если хотите доказать существование любого бога; должны, по примеру Фенелона, скрупулезно изучить все человеческие органы, взмыть в небо, чтобы полюбоваться ходом планет, восторгаться бабочками, насекомыми, полипами, организованными атомами, в которых предполагаете отыскать величие вашего не нужного никому Бога. И тогда вы увидите, что нигде нет никакого намека на присутствие этого фантастического Существа.

РАЙ

20 августа 2004 г., Крым, Караби-яйла

Рабочая тетрадь, с. 45—46.
Харьковский Национальный университет им. В.Н. Каразина. Горно-крымская комплексная экспедиция. Июль — август 2004 г. Отряд «Омега».

Некоторые предварительные итоги.

Обследование горы Иртыш и прилегающей местности не принесло особых сюрпризов. Единственным результатом являются находки средневековой керамики, относящиеся к достаточно позднему времени (XII в.). Такие находки были, впрочем, известны и раньше. Предположение о существовании в этом районе поселения и тем более города остается недоказанным. «Объект», судя по всему, является обычным сторожевым постом, нахождение которого рядом с Длинными Стенами вполне объяснимо. Разведка еще раз подтвердила, что в южной части Караби-яйлы находился узел укреплений византийского времени, построенный в конце VI в. в связи с возрастанием тюркской угрозы. Этот узел являлся частью системы обороны побережья и прилегающего горного района, его центр, очевидно, был на горе Баба (Мангуп).

Данный вывод позволяет более точно представить себе историю региона в эпоху, наступившую после окончания правления Юстиниана. В какой-то мере он опровергает распространившийся в исторической науке постулат о «гигантском строительстве» в юстиниановское время. Сооружение узла обороны на Караби началось несколько позже. Перспективная задача: работа на Мангупе и в его окрестностях. Если само городище исследовано достаточно полно (экспедиции А. Герцена, Симферополь), то прилегающая к горе Баба местность остается во многом «белым пятном».

Попытка применить на практике «теорию леев» не дала результатов. Как представляется, эта теория — типичная умозрительная конструкция, не учитывающая реальности. Предположение о целенаправленном строительстве системы укреплений «по прямой линии» не выдерживает критики, поскольку куда более важным фактором являлся рельеф местности. «Лей № 1» — скорее всего, просто случайность.

«Энергетические» и прочие «сакральные» аспекты теории леев в настоящее время подтвердить или опровергнуть невозможно.

Андрюс и Борис настаивают на дальнейших поисках «продолжения лея № 1» в юго-восточной части Караби.

Криптозоологические исследования подтвердили очевидный факт: ничего «сверхъестественного» в районе Караби-яйлы нет. Вчерашний случай еще раз это доказывает.

В 18.30 смотритель метеостанции Владимир Серебряков сообщил, что в нескольких километрах отсюда (в направлении С-З) Большая Собака напала на стадо овец. В результате три овцы убиты. Пришлось отпустить Анну (вместе с Борисом и Андрюсом) для изучения данного случая.

Нападение произошло на рассвете. Пастухи дали следующее описание Большой Собаки (в пересказе Анны).

Зверь намного крупнее самого рослого сторожевого пса. Шерсть бурая и очень густая, на брюхе — желтая. Голова очень большая, заметны два крупных клыка, торчащих из пасти с обеих сторон. Уши короткие и прямые, хвост «жесткий». Движе-

ния неторопливые, но в случае нападения Собака может перемещаться прыжками.

Примечание Влада: напоминает описание легендарного Жеводанского Зверя.

Анна осмотрела убитых овец. Предварительный вывод: овцы убиты именно собакой (следы зубов и отпечатки лап), не особо крупной, размером с овчарку. Скорее всего, в роще неподалеку от метеостанции действительно живет стая одичавших собак, нападающих на овец. Собаки самые обычные, вероятно, потомки пастушьих собак, «дезертировавших» и перешедших к вольной жизни, что и предполагалось с самого начала (запись от 4 августа).

Анна ничуть не расстроена. Пастухи рассказали ей о «большой черной змее», якобы обитающей в районе Чигенитры (южный склон Караби-яйлы). Я посоветовал отставить поимку «змеи» на следующий год.

Примечание Бориса: жалко ужика!

Планы на ближайшие дни...

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

109

Признаками того, что объект наблюдения обнаружил слежку, являются:

— частое использование сложных проходов (подъезды, проходные дворы);

— беспричинная и частая смена транспорта;

— изменение внешности;

— изменение скорости движения;

— необоснованное использование метро и неадекватное поведение при посадке;

— «петляние» в многолюдных местах;

— нарушение правил дорожного движения;

— беспричинное оглядывание и частое завязывание шнурков;

— контакт с преследователем.

При обнаружении слежки следует как можно дольше оттягивать начало активного преследования, для чего нельзя ни в коем случае показывать, что слежка раскрыта. Поэтому не следует использовать одни и те же маршруты. Передвигаться надо там, где вести слежку будет труднее. Следует иметь в виду, что на коротком маршруте профессиональную слежку обнаружить невозможно. Это относится к передвижению пешком и на машине.

110

Платон (Соч., т. 3, ч. II. — М., 1969. С. 314) советует переселенцам отыскать прежде всего священные места и святилища местных божеств и заново освятить их в духе религии колонистов. Таковы были повсеместно распространенные обычаи древности.

Теория леев претендует на то, что она якобы раскрывает смысл древних священных мест как системы, направленной на «уловление, усиление и преобразование тонких энергий». По мнению сторонников этой теории, можно говорить о единой картине энергетических потоков в масштабе всей планеты.

Внимание исследователей привлекла концепция, впервые выдвинутая русскими учеными, согласно которой земной шар может быть представлен как двенадцатигранник, кристаллическая структура которого проявлена через энергетические силовые линии. Более подробная схема делит земной шар на 12 пятигранников и 20 равносторонних треугольников. Места на земле, где проходят незримые «ребра» двенадцатигранника, и особенно точки, где они пересекаются, особо насыщены энергетикой.

Наиболее известными местами подобных пересечений — «узлов» — являются Бермудский треугольник, пустыня Наска в Перу, район пирамид Гизы в Египте. В Европе непосредственно на «узлах» находятся Британские острова, где, собственно, и родилась теория леев, и Крым.

АД

20 августа 2004 г.,
город Новомосковск, автостанция

Суббота направился к ближайшему сигаретному киоску, а мы с Лолитой отошли в сторону, подальше от толпы. Божье наказание как бы нечаянно извлекло из сумочки пачку «Вога», на

что я молча продемонстрировал кулак. Тяжелый, полный укоризны вздох был мною проигнорирован. Нечего, уже курила!

Легкий бензиновый дух, стадо деловито рычащих автобусов, силуэт старинного казачьего собора — того самого, знаменитого, строенного без единого гвоздя...

Не тот казак, что победил, а тот, что выкрутился!

Стоянка — пятнадцать минут, как раз чтобы ноги размять и покурить с толком. Покурить — это, конечно, для капитана, хотя я сам не прочь. Нельзя, тем более в присутствии нашей гюрзы. Бросил — значит, бросил. И так неплохо. Землю потоптать, на казачий собор посмотреть... И — вперед, дальше, дальше, дальше!

Ну, чего, получилось? Выкрутился, Арлекин, отряс прах?

— А дядя... В смысле товарищ старший лейтенант Аргонец не потеряется?

— Не потеряется. Потерявшихся трибунал ищет.

Автобус нам попался особенный — двухэтажный, в чем я увидел некий счастливый знак. И вообще, везло. Очереди у касс не было, билет дали сразу, и место досталось возле окна. Народ предпочитает поезда, чтобы гремело и лязгало всю дорогу, а мне по душе четыре колеса. Остановиться, выйти, землю под ногами почувствовать... Автобус — память о детстве, мы с мамой часто ездили в Донбасс, в маленький городок Красный Луч. Дорога, терриконы на горизонте, привычный запах бензина...

Сантименты, конечно, не главное. Автобусные маршруты проверяют в последнюю очередь, тем более внутренние. Террористы, по всеобщему мнению, должны передвигаться исключительно на «Боингах». Суббота предлагал ехать машиной, обещая прокатить с ветерком, но я поостерегся: капитан за рулем — стихийное бедствие. Кроме того, в толпе пассажиров легко затеряться, в крайнем же — самом крайнем — случае именно в автобусе можно повторить номер с «шахидским поясом». Поезд не угонишь, а с самолетом связываться — себе дороже.

— Арлекин, куда мы теперь? В Крым?

— На Кудыкину гору. Приметы не знаешь? Не «куда», а «далеко ли».

Наша «Кудыкина гора» совсем близко, но Лолите это знать пока ни к чему, как и беспокойному Субботе. Познание умножает скорбь, скорбит же капитан излишне эмоционально. Конечно, по правилам «конспигации» нам нельзя ехать вместе, но оставлять одного Субботу я не решился.

Ага, вот и он. Наконец-то!

В Харькове делать нечего. Увы! В Киеве и Бердянске меня уговаривали, в родном городе попытались прижать к ногтю. Значит, надо подумать, не спеша, без нервов и эмоций. Двухэтажный автобус — не худшее для подобного занятия место. Впереди вечер, за ним — целая ночь. Правда, уже не в автобусе...

— Ну, ты слышал, Арлекин, чего он сказал? Блин, злости нет!

— И хорошо, что нет, Суббота, — особенно в присутствии юных девиц. А что такого сказал? Международные террористы, финансируемые «Аль Каедой» и лично бен Ладеном, решили сорвать соглашение по Крыму. Оных врагов рода человеческого, насильников, убийц и скотоложцев, должно повязать и отправить в Гаагу, для чего соответствующие органы получили указания, тоже соответствующие. Ожидал чего-то другого?

Обращение Президента мы выслушали как раз перед отъездом. С трудом удалось спасти ни в чем не повинный телевизор — гневен был капитан. Да и сейчас не особо подобрел.

* * *

— ...Вечно мне рот затыкаешь! Не так сижу, не так свищу... Ладно, Арлекин, кричать не буду, но ты все-таки выслушай. Я чего, за орденами в Крым ехал? Не маленький, понимал все. Думал, что понимаю... Хрен с ним, что всем нам, и живым, и мертвым, даже спасибо не скажут, — и еще оплюют напоследок. Как у Киплинга твоего любимого: «Гиены и трусов, и храбрецов жуют без лишних затей, но они не пятнают имен мертвецов: это — дело людей». Точно, блин, гиены, трупоеды гребаные! Обойдемся без «спасибы» ихней. Только ведь предали, сволочи, — и нас, и страну, и всех чохом. Теперь мы мешаем дипломатическому решению крымской проблемы, понимаешь! Талейраны, бля, Горчаковы!.. Экстремизм не метод, террор не метод... А жопу подставлять — метод? Соответствующий национальным традициям? Сначала от страха обделались, пидорасов

из НАТО в Крым пустили, теперь готовы их там навсегда оставить, только чтобы Европа блядская нас полюбила. Видал, по Первому каналу митинг в Донецке показывали? Рожи квадратные, плакаты в типографии напечатаны, орут по команде: «Нет террору! Кровавого бандита Арлекина — в Гаагу!» Бляди! Шевченко выдали, теперь Выдру на нас натравили. Если бы не мы, Крым вообще бы оттяпали — вместе с Одессой. По самые бы гланды оттяпали, не эти, так русские, нашим козлам все равно перед кем лапки задирать. Главное, блин, мир и спокойствие сохранить! Где они были, когда B-2 над Киевом круги нарезали? А теперь, понятно, мы во всем виноваты, мешаем. Знаешь, Арлекин, за кого нас держат? За мустангов с Караби. Те тоже не вписывались, из всех загонов вырывались, кобыл на волю сманивали. Вот их и снивелировали — разрывными с близкой дистанции. Только у нас самих разрывные есть. Я, Арлекин, зазря пропадать не хочу и в Якутии прятаться не стану. Давай влупим им напоследок, да так, чтобы сотню лет чесалось. Всем — и Европе поганой, и нашим козлам. Ты придумать обещал, так, бля, думай! А то в Гааге додумывать придется — или в яме для невостребованных жмуриков. Мы должны объявить им войну! Не факс в Страсбург послать, а по-настоящему, как бен Ладен. Они ведь трусы — и наши, и ихние, трусы и пидорасы. Давай, Арлекин, думай. Думай!..

* * *

Кажется, поехали? Прощай, Новомосковск, увидимся еще! Надо будет наконец в церковь заглянуть, сколько раз проезжал мимо и ни разу не сподобился. Без единого гвоздя все-таки.

Еще увидимся. Может быть.

Суббота прав — нужно объявить войну. Только не как бен Ладен. Гендерный вопрос, Гаага и сексуально-акробатический номер — отсюда и плясать станем. Для предателей в Киеве мы даже не мустанги — разменная монета в кармане. Сегодня позвеним, завтра на прилавок бросим. Нет, дорогие мои, у вас в кармане не медяк — граната на боевом взводе! В Гаагу нас отправить хотите? Ну-ну!..

...Город позади, слева и справа — знакомая степь, редкие лесопосадки, солнце клонится к горизонту...

А Лолита, кажется, все-таки курила. Вот паршивка!

Когда похоронный патруль уйдет
И коршуны улетят,
Приходит о мертвом взять отчет
Мудрых гиен отряд.

За что он умер и как он жил —
Это им все равно.
Добраться до мяса, костей и жил
Им надо, пока темно.

Война приготовила пир для них,
Где можно жрать без помех.
Из всех беззащитных тварей земных
Мертвец беззащитней всех.

Козел бодает, воняет тля,
Ребенок дает пинки.
Но бедный мертвый солдат короля
Не может поднять руки.

Гиены вонзают в песок клыки,
И чавкают, и рычат.
И вот уж солдатские башмаки
Навстречу луне торчат.

Вот он и вышел на свет, солдат, —
Ни друзей, никого.
Одни гиеньи глаза глядят
В пустые зрачки его.

Гиены и трусов, и храбрецов
Жуют без лишних затей,
Но они не пятнают имен мертвецов:
Это — дело людей.

(Редьярд Киплинг,
перевод Константина Симонова)

Западная оконечность европейской ойкумены в археологическом отношении изучена достаточно хорошо. Однако не меньшим вниманием древнейших мореплавателей пользовалось Черное море, где сохранилось немало мегалитов в Крыму и на Западном Кавказе. К числу наименее исследованных относятся крымские памятники.

Именно система памятников, а не отдельные сооружения составляют настоящий предмет изучения. За ней встает и особая система мышления, во всяком случае, несопоставимая с новоевропейским рационализмом последних трех столетий.

В книге «Узор прошлого» Г. Андервуд подвел итоги своих многолетних исследований древних урочищ с мегалитами с точки зрения лозоходца. Согласно высказанным им соображениям, расположение древних монументов подчинялось основным принципам науки о земле, имеющей дело с проявлениями земного магнетизма и сопутствующих этому явлений. Именно эти принципы лежат в основе китайской геомансии — «фэн-шуй».

Если и есть что-то святое в природе, друзья мои, так это, без сомнения, неписаное право распоряжаться существами, себе подобными, которое она предоставляет человеку. Убийство же есть первейший из законов природы, непостижимой для глупцов, но понятной для таких философов, как мы. Причина, побудившая меня заняться злодейством, появилась во мне в результате глубокого исследования природы. Посмотрите хорошенько на все ее поступки, и вы найдете ее хищной, разрушительной и злобной, непоследовательной, противоречивой и опустошающей. Обратите взгляд на беспредельные несчастья, которые ее адская рука сеет в этом мире. Не означает ли это, что ее смертоносное искусство имеет целью только порождать жертвы, что зло есть ее единственный элемент и что лишь для того, чтобы наполнить мир кровью, слезами и печалью, она осуществляет свои созидательные способности?

21 августа 2004 г., Крым, Караби-яйла

Рабочая тетрадь, с. 47.
Харьковский Национальный университет им. В.Н. Каразина. Горно-крымская комплексная экспедиция. Июль — август 2004 г. Отряд «Омега».

Продолжали обследование района юго-западнее горы Иртыш. Результаты прежние, строительных остатков и выразительного подъемного материала не обнаружено. Характер местности — многочисленные карстовые воронки, «лунный пейзаж», ближе к обрыву — скалы. Большое количество тропинок, вдоль обрыва ведет современная автомобильная дорога (грунтовка).

После обеда (в 14.30) мы с Андрюсом направились к предполагаемому месту прохождения «лея № 1». Прошли ок. 5 км, добрались до спуска Чигенитры. Этот участок плато в 1956 г. был обследован Сосногоровой, а позже — Олегом Ивановичем Домбровским.

Результаты разведки. Найдены два грубо околотых известняковых блока, предположительно строительных. Иных строительных остатков поблизости не обнаружено. Возраст блоков установить невозможно, но по характеру обработки они напоминают аналогичные камни Длинных Стен и «Объекта». Возможно, они были перемещены к спуску Чигенитры уже в наше время.

Анна разговаривала с гостями смотрителя метеостанции Владимира Серебрякова и узнала очередную историю про «гигантских змей», на этот раз из района Судака. Серебряков сообщил, что недавно местные лесники видели крымских мустангов, но не на Караби, а неподалеку от Эски-Кермена.

Анна предлагает после завершения работ побывать на Эски-Кермене.

Завтра — выходной день. Решено отправиться в село Рыбачье.

114

Крупнокалиберные снайперские винтовки начали разрабатываться в 80-х годах. Они предназначались для борьбы с РЛС, самолетами и вертолетами на земле, командными пунктами на машинах, ПТУР и другими важными целями на дальностях до 2000 м, а также для нейтрализации мин. Большая роль снайперов безоговорочно признается в армиях всех стран НАТО. Существует также тенденция увеличения дальности эффективной стрельбы за счет применения более мощных патронов, чем 7,62-мм натовский (например, патронов калибра 8,6 мм). В США в тактико-технических требованиях на новую снайперскую винтовку предусматривается возможность ее простой переделки в дальнейшем под более мощный патрон.

Наиболее мощным стрелковым боеприпасом из состоящих на вооружении в мире считается советский 14,5х114.

АД

21 августа 2004 г.,
город Днепропетровск, район Победа

— Мне тогда пять лет было, — нагло заявила Лолита, — но я все-таки выпью.

— Рискни, — посоветовал я, неуверенно поглядывая на собственную рюмку. Последний раз спиртное довелось потреблять (не считая глотка «Хеннесси» в «Амоне») в прошлом марте. День рождения, ничего не поделаешь, вдобавок удачно отстрелялись по одной неосторожной колонне. И место оказалось подходящим — стоянка Партизанская, словно по заказу.

— Ну, Арлекин!..

— Хе! Да пусть глотнет, — махнул рукой Аргонец. — За победу все-таки.

Настроение у старшего лейтенанта отменное. Сразу видно — дома побывал!

— Кто бы говорил? — Мрачный Суббота недоверчиво поднес рюмку к носу, покачал головой. — Точно, палёнка... Ты,

Аргонец, в тот день на огороде был, а мы с майором по военным училищам ездили, психов воспитывали. Забыл?

21 августа тринадцать лет назад мы победили. В Москве у «Белого дома» ни меня, ни капитана не было, но и в Харькове хватило дел. Военные училища — еще не самое сложное.

— Ладно, — смилостивился я. — За победу!

— За нашу победу, — не преминул уточнить Суббота.

Лолита опрокинула рюмку, скривилась, втянула ноздрями воздух. Я ждал, что божье наказание начнет кашлять, но обошлось. Растет девица, скоро стаканами пить начнет!

— Водка не палёная, — констатировал я. — А 21-го мы не бегали, мы на площади были — до часу дня, когда все уже ясно стало. Слава богу, без стрельбы обошлось. А твои, из КАСа, предлагали Обком брать. Махновцы, понимаешь!

— Надо было брать, — насупился капитан. — Коммуняки, блин, все бумаги спалили, сволочи. Помнишь, какой дым из окон шел?

Обком мы заняли через два дня. От многих бумаг и вправду остались лишь кучи мокрого пепла — пустыми папками был устлан весь коридор. Любопытно было бы полистать, конечно, только что толку? Судить никого не стали, Язова с Крючковым — и тех выпустили. Погибших же у «Белого дома» попросту списали — всего трое, мелочевка. Через два года счет стал уже иным.

Забытая, никому не нужная Победа.

— Сэр Джон Бэксфорд собирал в поход две тысячи уэльских стрелков...

— ...Сэр Джон Бэксфорд был толстый, как кот, а конь его был без подков!..

— А помнишь?

— А помнишь?..

— Про-фа-на-ция! Про-фа-на-ция! Про-фа-на-ция!

Мы помнили, хотя и вспоминали нечасто. Только в этот день, и то если имелась возможность. Год назад не получилось, я был у Керчи, Суббота возле Евпатории, Аргонца же с его взводом занесло под Одессу.

— Слушай, Арлекин, а тот парень, гэбэшник, который нам информацию подбрасывал. Он?

— Он.

Будущий полковник Щербина, тогда еще только-только ка-

питан, нам здорово помог. Телеканалы отрубили в первый же день, газеты вышли с белыми страницами, а в его конторе связь никогда не прерывалась. Один из присланных капитаном парней и сообщил, что в Москве все кончено. Мы победили, всем спасибо...

— Скучные вы! — рассудила Лолита, нетерпеливо ерзая на стуле. — Собрались ветераны Куликовской битвы! «Помню я-я-я, как на «Авроре» рейхстаг бра-а-л!..»

— В ухо дам, — бодро пообещал Суббота, наливая по второй. — Майор, тебе тоже?

Я покачал головой. Ни к чему, веселее не стану. Куликовская битва? Если бы!

— А я отвечу. — *Божье наказание пододвинулось ближе*, потерлось плечом. — Меня товарищ майор защитит. А вы, товарищ капитан, телевизор-то включите, не поленитесь. У «Белого дома» едва сотня собралась — таких же «ветеринаров». Кого вы тогда спасали, Ельцина с Кравчуком? Вот они вас и отблагодарили. Скоро добавка последует.

— Эт-точно! — Аргонец вздохнул, поднял рюмку. — За победу пили, за прекрасных дам еще успеем... Что на очереди? За успех нашего безнадежного предприятия? Хе! Самое время!

Никто не спорил. Действительно, самое Время.

* * *

В победном 1991-м, когда все получилось слишком быстро и слишком легко, я не успел даже задуматься. Незачем — враг разбит, мечты сбывались, можно подавать в отставку, даже не понюхав пороху. То, что победа — Пиррова и все только начинается, сообразил только через год, и то не сразу. Кровавые бои в Абхазии, ставший привычным Карабах воспринимались глухо, не задевали сердце. Кавказ, земля вечной кровавой резни, затухающей только под имперской пятой. Чему удивляться? Даже первые столкновения в Москве не насторожили. В красный реванш не верилось, а «кастрюльные» бунты не воспринимались всерьез. И когда действительно рвануло...

Теперь я уже не удивляюсь. Нечему — все, что могло случиться, случилось. Поэтому чаще начинаешь думать не о войне, а о том, что настанет после. Злоязыкая Лолита ошибается: ни мне, ни моим офицерам не по сердцу то, чем пришлось заниматься эти годы. Но что станет делать Аргонец, когда все кончится? Что стану делать я? О Субботе не хочется и думать. Разве что Казачок... С ним-то все ясно.

Только рано еще мечтать о пенсии и реабилитационных программах. У нас не Штаты, где ветеранам приходится сражаться лишь с болячками и собственной Памятью. Чернорог и его парни мертвы, Шевченко уже в Гааге, теперь наша очередь. Мадам Европа готова спустить на нас всех своих Аргонских Псов. Утонувшие в собственном жиру господа европейцы согласны терпеть педофилов, нацистов, незаконных мигрантов, столь любезных Субботе педерастов, кого угодно, только не тех, кто посмел защищать свою страну.

Такие, как Караджич, годами скрывающиеся от ищеек, не правы. Прятаться нельзя, у господ гуманистов и либералов только крепнет охотничий инстинкт. Надо бить самим, больно, насмерть. И тогда победоносная Европа превратится в кучу воющего и скулящего мяса — как Штаты после 11 сентября.

Все эти годы мы пытались воевать по-рыцарски. Зря!

* * *

— Что это за песня?

— «Like a circle in a spiral, like a wheel within a wheel...» «Ветряные мельницы твоей памяти». Стинг исполняет, я тебе диск еще ставил.

— Ага. Только ты не пой, Арлекин, ты рассказывай. Меня это тоже касается. Не злись, я хочу знать о тебе все. Неужели не понятно? Ты пытаешься жить одной минутой, но так нельзя, жизнь очень длинная, она как река...

— О господи! И где ты такое вычитала, Лолита? Стихи по ночам сочиняешь про козочку и розочку? Река... «Река времен в своем стремленье...» Вспоминать действительно не люблю. Не потому, что неприятно, просто... Это уже не моя жизнь, слишком давно было.

— Зато моя! И не так давно, не выдумывай.

— Ладно... Я учился в университете на истфаке, у меня была... очень хорошая знакомая. Я называл ее...

— Хельги, ты говорил. А она тебя — Эликен. Потом твоя Хельги укатила в Москву, ты не смог ее удержать, за ней не

поехал и остался горевать. Тряпкой же вы были, товарищ майор! Таких не берут в космонавты!.. Я не об этом.

— А я об этом. Когда Хельги уехала... Напоследок мы поссорились, потом помирились, но все стало не так — иначе, хуже. Ничего не хотелось, ни о чем не думалось... Следующим летом, после экспедиции, я съездил в Прибалтику, в Юрмалу. Возвращался поездом, на скорый билет взять не удалось, ехал «шестьсот веселым». Каждому столбу кланялись, не спешили, времени навалом...

— Там ты и познакомился...

— Да. Мы с ней ехали в одном купе. На ней была белая рубашка, стрижка короткая, как у мальчишки. Поезд шел по Белоруссии, и мы смеялись, что станции называются исключительно «Бобры». «Большие бобры», «Нижние бобры», даже, кажется, «Сильные...». В Минске поезд стоял долго, мы с ней вышли на площадь, погуляли. Капал дождь, и мы все прикидывали, будет ли гроза. Тучи стояли очень низко, не серые даже, не черные — какие-то бурые...

— Метеоролог!.. Потом вы, само собой, целовались в тамбуре, ты прихватил адресок. Белая рубашка, короткая стрижка... Какая пошлость, Арлекин! Лучше бы ничего не рассказывал. Только не говори, что я сама просила, мало ли что я прошу? Сочинил бы сказку... А еще лучше, если бы ты не струсил и поехал бы вслед за своей Хельги. Всем стало бы легче.

— Тебе тоже?

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

115

В Партените (Автономная Республика Крым) в территориальном центре курортологии и реабилитации «Крым» проходят переговоры военных делегаций США и Украины во главе с министрами обороны. Численность американской военной делегации приблизительно 20—25 человек

Как сообщил журналистам пресс-атташе посольства США в Украине Александр Клищ, переговоры ведутся в формате тет-а-тет. Заключительного коммюнике не предусматривается. Основной темой переговоров, по мнению экспертов, является предстоящее подписание соглашения о выводе войск UkrFOR из Крыма и Южной Украины. Эксперты также отмечают, что встреча с делегацией США происходит до аналогичных контактов с европейскими представителями. Это подтверждает наличие серьезных разногласий между США и Евросоюзом по крымскому вопросу.

Основные детали будущего соглашения уже намечены. Камнем преткновения по-прежнему является вопрос о выдаче Украиной лиц, виновных в геноциде, прежде всего «черной легенды UkrFOR» майора Арлекина, недавно объявленного во всеукраинский розыск. По мнению представителей США, поиск преступника ведется недостаточно эффективно. Не исключено, что американская сторона сама предпочитает арестовать и судить Арлекина, не передавая его в Гаагский трибунал. Именно так можно понять неоднократные заявления Президента США, сделанные им во время избирательной кампании. Едва ли является совпадением то, что встреча в Партените проходит накануне визита в Украину главного обвинителя Гаагского трибунала.

По слухам, циркулирующим среди представителей прессы, майор Арлекин и несколько его офицеров уже покинули пределы страны.

116

...Родилась в 1947 г. После обучения в закрытом пансионе для девочек в Ингенболе, известном своей жесткой дисциплиной, поступила на юридический факультет Женевского университета. Через несколько лет после получения диплома юриста сдала экзамены и получила адвокатскую лицензию, но скоро пришла к выводу, что защищать обвиняемых не сможет: отстаивать интересы людей, нарушивших закон, зная об этом, противоречило ее внутренним принципам. Вскоре перешла на работу в прокуратуру.

В августе 1999 года утверждена ООН в должности главного обвинителя Международного трибунала в Гааге. При вступлении в должность сделала заявление, в котором, в частности, утверждала: «Я не добивалась новой работы. Но когда меня спросили, интересует ли меня эта новая функция, я сказала,

что это важно, потому что представляет для меня новый вызов, и я рада, что согласилась».

Известна под кличкой Выдра.

117

Мария Степановна Волошина рассказывала: «В 1921 г. в местной феодосийской газете была напечатана заметка, в которой говорилось, что в районе горы Карадаг появился «огромный гад», и на поимку была отправлена рота красноармейцев. Дальнейших сведений в газетах не было. Макс отправил вырезку о «гаде» М. Булгакову, и она легла в основу повести «Роковые яйца».

В Коктебеле несколько раз видели чудовищ двух типов: с конечностями и змеевидных.

В то же время обращает на себя внимание сужение ареала обитания чудовища. В прошлом веке оно встречалось от Тарханкута до Карадага и, очевидно, восточнее. Перед Второй мировой войной его наблюдали у Кучук-Ламбата (Малый Маяк), у Аю-Дага, на Казантипе в Азовском море. В наши дни фактически более или менее достоверные свидетельства указывают на один район — Карадаг.

АД

22 августа 2004 г.,
город Днепропетровск, район Победа

Прежде всего я отметил, что намечаемая операция непредсказуема по последствиям, более того, может вызвать серьезные возражения морального плана. Если у кого имеются сомнения, их следует высказать. Лично у меня полной уверенности в собственной правоте нет. Отряд фактически распущен, боевые действия не просто прекращены, но и прямо осуждаются нашим правительством, поэтому я не считаю возможным отдавать приказ без предварительного согласия всех участников операции.

Попросив не горячиться, я дал минуту подумать, после чего предоставил слово Аргонцу, как младшему по званию и должности. Попытки капитана Субботы нарушить порядок работы военного совета пресек, может быть, излишне жестко.

Впрочем, мои потуги соблюсти должную дисциплину имели лишь относительный успех.

— ...Устав не рекомендует отступать, имея на плечах сильного и неразбитого противника. Дать в грызло, блин, пидорасам, чтобы кровью умылись!

— Эт-точно, Суббота, только устав говорит про армию, а не про...

— Какая разница? Противник — весь их блядский «свободный мир», ясно? Мы слишком поздно это поняли. По всем гребаным международным нормам государственные служащие противника, приезжающие на оккупированную территорию без нашего разрешения, являются комбатантами. Со всеми вытекающими! Если бы в 43-м сюда Розенберг приперся, его что, и тронуть было нельзя? И еще скажу, ребята... Не решимся, струсим — всю жизнь жалеть станем. Все, харе, вопрос ясен... Арлекин, чего молчишь?

— Розенберг в 43-м приезжал, но дело не в исторических аналогиях. Ладно, решили. Первым отправится Аргонец, сегодня же...

— А чего не я?!

— Разговорчики, капитан Суббота!.. Аргонец, найдешь Экселенца, у него есть группа, человека четыре. Их никто не знает, в наших операциях еще не участвовали. Экселенц, если что, поможет с компьютерными заморочками.

— Я не хуже его!..

— Капита-а-ан... Подробный план операции должен быть готов завтра. Мы с Субботой выезжаем вечером. Вопросы?

— Хе! Вроде все ясно. А где Казачок?

— В Москве. Боюсь... То есть надеюсь больше не увидеть нашего лейтенанта. Честно говоря, ребята, я его стал побаиваться.

— Нашел кого бояться, Арлекин! Хотя... Обратили внимание? У него глаза — белые. Упырь, блин.

— Не упырь — так, упырек. Но лучше бы ему не возвращаться.

— Эт-точно!

* * *

— Нет, Арлекин, поеду. Из дяди... То есть из старшего лейтенанта Аргонца разведчик, как из тебя гуманист. Первый же патруль заберет, только на физиономию глянет. А таких, как я, всюду пустят. Малолетняя шлюшка, пятьдесят баксов за час, пропуск Экселенц в два счета достанет. Я буду осторожна, не бойся, очень осторожна!.. Кроме того, я — единственная, кто тебя никогда не предаст, и ты это знаешь. Только не смей про «сюси-пуси»!..

РАЙ

22 августа 2004 г., Крым, Караби-яйла

Рабочая тетрадь, с. 48.
Харьковский Национальный университет им. В.Н. Каразина. Горно-крымская комплексная экспедиция. Июль — август 2004 г. Отряд «Омега».

Воскресенье, выходной день.
Поход в Рыбачье. Вышли в 7.15. Вернулись в 20.30.
Примечание. В дальнейшем следует избегать вечерних походов по Караби. Моя вина: задержались в Рыбачьем из-за Анны, желавшей дождаться шашлыка, а шашлычные работают только вечером.
Впечатления от Рыбачьего. По сравнению с 1997 г. заметны изменения. Регулярно ходит транспорт, в т.ч. катера, много новых «точек». На пляже грязно и шумно (морские мотоциклы), Анна сфотографировала трех коров у самой воды.
Примечания Влада и Бориса: вино великолепно, особенно бастардо.
Купил книгу: Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды. — К., 2002. Кулаковский — профессор Киевского университета, сотрудник Русского Археологического института в Константинополе, археолог. Известны его эпиграфические публикации, в том числе совместно с В.А. Пташниковым.
В 1981 г., работая над кандидатской диссертацией, пытался при написании статьи сослаться на одну из работ Кулаковского. В редакции «Вестника Харьковского университета» цитату потребовали снять из-за «политической неблагонадежности» автора.
Книга «Прошлое Тавриды» посвящена в том числе «пещерным городам» Крыма, в особенности христианским древностям.

Анна заявила, что прекращает поиски Большой Собаки. Теперь ее интересуют «большие крымские змеи». В следующем году предлагает организовать экспедицию на Карадаг.

Планы на ближайшие дни...

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

118

Международный террорист, известный под кличкой майор Арлекин, обнаружен спецподразделениями США на северо-западе Пакистана недалеко от города Кветта (Quetta), сообщает известный журналист Гордон Томас в воскресном выпуске британской газеты The Sunday Express.

По утверждению издания, источником информации об обнаружении майора Арлекина является высокопоставленный представитель американских спецслужб в Вашингтоне, который заявил, что «Арлекин наконец-то попался». За его передвижениями ведется наблюдение со спутника Агентства национальной безопасности США (National Security Agency). Американским спецслужбам удалось определить местоположение террориста впервые с 2001 года.

По имеющимся данным, майор Арлекин скрывается в приграничном с Афганистаном горном районе. Вместе с ним находятся не менее 50 хорошо вооруженных телохранителей.

Таким образом, подтверждается информация о том, что майор Арлекин несколько дней назад покинул Крым. Вместе с тем некоторые высокопоставленные представители UkrFOR выражают сомнения в достоверности этих данных.

Европейский Союз в очередной раз подтвердил свое требование к украинскому руководству о выдаче майора Арлекина и

его сообщников. С этим связан начавшийся сегодня визит в Украину Главного обвинителя Гаагского трибунала.

Последние террористические акты, осуществленные отрядом майора Арлекина, по выражению высокопоставленного источника газеты Newsweek, «повергли в депрессию» руководство США.

119

Д. Курчевский: УНА-УНСО создавалась мною в условиях развала Советского Союза под нужды войны и деструкции. Мы считали тогда, что Советский Союз не может развалиться мирным путем, что в Украине обязательно будет или война, или серьезный социальный кризис, поэтому создавалась организация, которая себя хорошо бы в этих условиях проявила. Мы тогда не могли предусмотреть, что впереди пятнадцать лет относительной стабильности. Сейчас мы живем уже в другую эпоху, все условия очень сильно изменились. Теперь моя деятельность основывается исключительно на христианских идеалах.

Корреспондент From-UA: А как вы относитесь к своим прежним сторонникам, таким, как майор Арлекин?

Д. Курчевский: Тот, кто так себя называет, никогда не был моим сторонником. Арлекин — типичный неудачник, мелкий политический авантюрист, не видящий дальше мушки своего автомата. Он напоминает персонаж старого анекдота: война сорок лет как кончилась, а партизаны продолжают поезда под откос пускать. Его возня в Крыму попросту смешна. Крымская проблема — никому не интересный обломок прошлого.

Наши цели куда более глобальны. Мы считаем, что Украина — лучшая страна в мире, и все должны это понять. В первую очередь — украинцы, а потом и остальные. Мы должны дать всем осознать нашу настоящую роль, понять, что на нас лежит величайшая всемирная миссия...

120

...заявила на пресс-конференции в аэропорту Борисполь: «Преступления майора Арлекина заставляют содрогаться сердце каждого цивилизованного человека. Особенно чудовищны его злодеяния против мирного населения, в том числе массовые изнасилования татарских женщин и подростков. В архиве Гаагского трибунала собраны сведения о более 12 тысячах случаев таких надругательств. Недавно я говорила с татарской девушкой, которую майор Арлекин лично насиловал несколько месяцев, держа ее при этом привязанной к кровати и не давая ни есть, ни пить. Сегодня же я вылетаю в Симферополь...»

АД

23 августа 2004 г., город Симферополь

Ругать было некого, мысль о встрече возле Танка целиком моя, значит, мне и отвечать, если, не дай бог, что-то пойдет не так. Лолита честно призналась, что о Танке слышит впервые в жизни, я набросал на салфетке небольшую схему, вразумительно объяснил, где и как. Успокоился. Как выяснилось, зря.

Танк — старый Т-34-85, оставшийся с «той» войны, — я помнил еще по прежним временам. Удобное место — прямо возле пьедестала троллейбусная остановка, несколько киосков, значит, в полдень гарантирована толпа. Что нам и требуется — особенно сейчас, когда на всех углах красуется моя фотография. Снимок скверный, неудачная ретушь изменила лицо, к тому же мне пририсовали густую бороду. Получился Усама бен Ладен № 2, что, конечно, порадовало, но... Самое опасное — считать врагов глупее себя. Нелепые снимки и байки про «побег в Пакистан» могут быть лишь частью игры, чтобы «клоун, над которым никто не смеется», слегка потерял бдительность.

Отчасти своего они добились. Я даже не попытался проверить, что случилось с Танком. За последние годы Симферополь сильно изменился, старый памятник могли просто выкорчевать — за ненадобностью или по просьбе вечно комплексующей татарской «общественности». Символ русского милитаризма, напоминание о жертвах депортации, вечный укор внукам-правнукам полицаев и бойцов зондеркоманд.

Танк оказался на месте, зато исчезла остановка вместе с троллейбусной линией. Сгинул и парк, превратившись в пло-

щадь, заставленную десятками столиков под «парусами». Искомая толпа имела место, плохо лишь то, что в ней оказалось полно парней в белой форме UkrFOR. Миротворцы на отдыхе — беззаботные, сытые, довольные жизнью. Кажется, они в самом деле уверены, что война окончена.

Где вояки — там и патрули. Пропуск, врученный лично Экселенцем, очень похож на настоящий, но лишний раз показывать его не хотелось. Мало ли?

Оставалось отойти в сторону и следить за прохожими, надеясь увидеть Лолиту первым. Для пущей достоверности я купил в ближайшем киоске букет цветов, сразу превратившись в не первой свежести влюбленного. «Папик между климаксом и маразмом», по выражению нашей гюрзы.

Где же она, черт побери! Если, не дай господь, с ней что-то... Ага!

* * *

— И с кем это ты целовалась?

— А... А-а... Арлекин, ты что? Я ни с кем не...

— Парень лет двадцати двух, рост — приблизительно метр девяносто, широкоплечий, одет в летнюю форму UkrFOR с нашивками сержанта.

— Ой! Я думала... Даже оглянулась — незаметно, как ты учил. А тебя не заметила. Зигмунд, из польского контингента, приятель Экселенца, он меня проводил. Я ведь не знала, где твой героический Танк! И целовались мы исключительно из конспирации. Вот! А цветы кому?

— Никому. Исключительно из конспирации. Сигареты спрячь!

— Опять! Ты что, обиделся? Мы же просто... Арлекин, перестань кривиться, в конце концов, я уже взрослая, и... Давай сюда цветы, и пойдем, а то подумают, что старый папик...

— Который между климаксом и маразмом?

— ...устраивает своей нимфетке сцену. Ты в самом деле ревнуешь? Папик ревнует, вот здорово! Ревнуешь, ревнуешь, ревнуешь!.. Где ты прятался, за Танком? Арлекин, это символично!.. Ладно, слушай. Экселенц все придумал. Охрана у них фиговая, фиговее некуда...

121

Правила прямого общения при реальной возможности слежки:

1. Не вести информативные беседы открытым текстом на людной улице или в общественном транспорте.

2. Не следует упоминать подлинные фамилии, имена, общеизвестные прозвища и адреса.

3. Необходимо использовать для обозначения отдельных действий кодовые наименования.

4. Самые тайные аспекты разговора (подлинные адреса, пароли, даты) пишутся на бумаге, которая затем уничтожается.

5. При обнаружении одним из собеседников во время разговора чего-то настораживающего партнер предупреждается особым словом или жестом, после чего беседа переводится в нейтральное русло...

122

Току земного магнетизма соответствует в человеческом теле энергия Кундалини — «змеиная сила», как ее называют в Индии. Согласно предположению Андервуда, в древней Европе люди умели входить в контакт с естественными источниками целительной энергии.

Изучение многих древних памятников чисто археологическими методами обнаруживает свою недостаточность. Приходится отвергать, как «не относящиеся к делу», наблюдения генерала Ситуэлла, высказанные в его книге «Камни Нортумберленда» по поводу каменных рядов Карнака (Бретань): «Как объяснить магнетизм этих камней? Большинство их воздвигнуто с минимальным углублением в землю, и, прикладывая ладонь к ним, ощущаешь удивительное чувство вибрации, когда кажется, что незначительного усилия достаточно, чтобы сдвинуть их с места...»

Археолог Т. Летбридж отметил подобный феномен, изучая каменный круг «Веселые девы» в Корнуэльсе...

24 августа 2004 г., южнее города Симферополя, поворот на Долгоруковскую яйлу

— Что у тебя со щекой?

Лолита хмыкнула, явно не желая отвечать, я взял ее за плечи, повернул к свету. Белый огонь мощных фар на миг превратил знакомое лицо в каменную маску.

— Царапина, Арлекин. Не обращай внимания.

— Не царапина, а две, — вздохнул я. — Возьми в аптечке йод... С остальными все в порядке?

Стоявший рядом Суббота внезапно стал по стойке «смирно», подбросив ладонь к несуществующему козырьку:

— Товарищ майор, докладываю. Группа потерь не понесла! Боец Лолита проявила излишнее мужество и, блин, героизм...

— Не шуми. — Я привычно поморщился. — Что за привычка?

...Ночь, узкая грунтовка, поросшие редким кустарником холмы, два трофейных джипа, низкое, покрытое тучами небо. Так я все и представлял. Идеальная декорация!..

— Пусть Лолита расскажет. Я на улице был, прикрывал.

Впервые за все годы захотелось повернуть Время назад. Но я знал — поздно. Даже если бы в одном из угнанных джипов обнаружилась портативная Time Machine.

Я уже перешагнул. Мы — перешагнули.

— ...Когда Экселенц все поотключал, мы наверх поднялись, Зигмунд черный ход открыл и провел. Внутри даже охраны не было, а на видеокамеры мы запись пустили. Как в фильме «Настоящая Маккой», помнишь? Я в дверь постучала, номер двойной, «люкс». Открыл помощник. Я ему по-английски: помогите, должна рассказать, я — жертва страшного террориста Арлекина, меня здесь никто слушать не хочет. Плачу, понятно, сопли жую. А на голову платок набросила, вроде как татарка. Вот и все. В лицо она мне потом вцепилась, уже в машине. Надо было ей сразу по голове дать, суке!.. Дядя... То есть старший лейтенант Аргонец взял двоих и к аэропорту поехал, чтобы пошуметь, внимание отвлечь, как мы и договаривались. Ну и... И больше ничего. Докладывала боец Лолита!.. Видишь, Арлекин, справилась. А можно я эту блядь лично расстреляю?

* * *

...Голая худая женщина стояла на коленях. Кровь на лице и шее уже успела покрыться черной коркой, костлявые плечи раз за разом вздрагивали, в широко открытых глазах плавала пустота. На впалом животе белел старый шрам — след от операции. Мадам Выдра, Главный обвинитель Гаагского трибунала во время оно маялась аппендицитом.

— Бить-то было зачем? — не выдержал я. — Надели бы наручники.

— Это сейчас она такая, блин, смирная. — Суббота зло усмехнулся. — Ты бы видел, как она в Лолиту вцепилась, еле оттащили.

— Ага! — Божье наказание поднесло к глазам цифровую фотокамеру, прицелилось. — Чи-и-из!

Вспышка!

— И вообще, все по стандартной процедуре. Пусть почувствует, гадина, каково это — умирать! Сам же учил.

Выходит, я учил и такому. Выучил.

— Лолита, переводи.

Разговор был пустым, лишним, как и всякая беседа с покойником. Но эти слова были нужны не ей, а нам — бойцам, молча стоявшим за моей спиной, капитану Субботе, Лолите, мне самому. Их должны услышать все остальные — друзья и враги.

— Пусть назовет фамилию, имя, подданство и род занятий.

Стандартная процедура... Убить человека легко, важно не ошибиться. Мало ли в мире костлявых пятидесятилетних баб со шрамом от аппендицита?

Лолита заговорила по-английски, затем, слегка запинаясь, повторила на французском.

Выдра молчала. Плечи продолжали вздрагивать, и мне подумалось, что она икает.

— Отвечай, сука! — Капитан резко шагнул вперед.

Остановить его я не успел, да и не очень пытался. Женщина взвыла от боли, начала заваливаться на бок...

— Встать!

Лолита вновь поднесла к глазам камеру.

Вспышка!

— Спроси еще раз.

Наконец послышался ее голос — резкий, визгливый, хриплый. Я ничего не разобрал, даже имени, но Лолита с Субботой удовлетворенно переглянулись.

— Она! Смотри, майор, раскололась, блин! А здорово получилось. Все, как ты говорил: гендерный вопрос, Гаага и сексуально-акробатический номер. Ей бы еще групповое изнасилование устроить, только на такое дерьмо ни у кого не... желание не возникнет. Ну, падла, колись дальше!..

Капитан, кажется, на седьмом небе, Лолита улыбается, зубки демонстрирует... Скорее бы все кончилось!

— Цель приезда в нашу страну? Лолита, возьми мою сумку, там блокнот. Сверху напиши число, время...

— Мы составим протокол, протокол, протокол! — нараспев откликнулся капитан, явно кого-то цитируя. — Эх, надо было журналюг позвать, такие кадры пропадают!

Мне представилась знакомая репортерша с очками-велосипедом на носатом лице. Эта бы не отказалась! Суббота прав — пресса нас проклянет. Сюда бы пяток телекамер — Главного обвинителя трибунала расстреливают в прямом эфире, сюжет десятилетия!..

— ...Готово? Ниже: «Протокол допроса». Запишешь ее ответы.

— Арлекин, а фотографировать кто будет?

Вспышка!

— Повторяю. Назовите фамилию...

А ведь ее почти жалко. Не потому, что женщина, хоть прежде женщин мы не убивали. Взялась за мужское дело, пусть и отвечает по-мужски! Но она, Выдра, все же не такая, как раскормленные наемники из UkrFOR. Костлявая дура действительно верит в сонм изнасилованных девственниц и в свою великую миссию. Спасти мир от злодея Арлекина — этак можно и Нобелевку огрести. Нет, про Нобелевку я зря, Выдра — из идейных. Вечная борьба Добра и Зла, Бобра и Козла... Ненавижу романтиков! Война всегда должна быть культовой. В идеале — глаза в глаза.

Аминь!

* * *

— ...Вы являетесь представителем судебной системы оккупационных властей, ведущих необъявленную войну против нашей страны. Вы добровольно прибыли на территорию, объявленную зоной боевых действий согласно декларации от 14 октября 1994 года. Ваша деятельность признана враждебной, поэтому с вами поступят согласно законам военного времени. Сейчас вы не юрист, не прокурор, а сообщник бандитов и убийц... Лолита, перевела?

— Ага.

— Если вы желаете что-то сказать... Почему она кричит?

— Я уточнила, не желает ли мадам Выдра перед смертью подвергнуться насилию в извращенной форме.

— Не хулигань, Лолита. Спроси...

— Без толку, товарищ майор. Она просто воет. Ты говорил, что придется всю жизнь вспоминать взгляд первого, кого придется убить? Не возражаю. Эта сука хотела отправить тебя в трибунал — и я ее уже полюбила. Всем сердцем. Дай пистолет!..

— Переводи!

— «Не убивайте, не убивайте, не убивайте, не убивайте, боюсь, боюсь, боюсь...» Дальше нужно?

— Видал, майор? Хлипкая, гадина, на расправу! Не Зоя, блин, Космодемьянская. Лолита, ты фотографируй, пусть пидорасы поглядят. Сексуально-акробатический номер, «Пентхауз» с руками оторвет. Ничего, она мне еще ботинок целовать станет!..

— Не шуми, капитан! Лолита, возьми чистый листок из блокнота, сверху напиши «Акт об исполнении». Поставь дату и время, потом я распишусь. И переведи ей: пусть молится, у нее есть пара минут.

* * *

...Пистолет «астра А-80» производства Испании во многом повторяет известный пистолет «sig-sauer P-220». Пистолеты серии «астра» считаются высококачественным и надежным оружием...

Вспышка!

123

Безусловным почерком палачей НКВД был выстрел в шею — в первый шейный позвонок.

Выстрел в голову, в мозг, как правило, смертелен, но у этого правила есть и поразительные исключения. Смерть даже от сквозного прострела мозга не обязательна и, что в данном случае главное, наступает не сразу, а через несколько минут. Поэтому стреляли под череп, в шею, снизу вверх, целясь в первый шейный позвонок. В этом месте находится нервный узел, соединяющий мозг со всем телом, и при его разрушении смерть наступает мгновенно.

124

«...Идешь по пути крови к одному светлому лучу». (М.Г. Дроздовский)

«Преимущество патриотизма в том, что под его прикрытием мы можем безнаказанно обманывать, грабить, убивать. Мало сказать безнаказанно — с ощущением собственной правоты». (О. Хаксли)

АД

24 августа 2004 г., южнее города Симферополя, поворот на Долгоруковскую яйлу

— На рассвете, когда до казни оставался один час, полковник Аурелиано Буэндиа, изнуренный бессонной ночью, вошел в камеру к Герингельдо Маркесу и сказал: «Фарс окончен, друг. Идем отсюда, пока наши пьянчуги тебя не расстреляли».

— О чем ты, Арлекин? Опять «Сто лет одиночества»? А-а, поняла! Полковник Буэндиа не смог расстрелять друга, который его предал? И что? Не смог — и проиграл свою войну.

— Ага.

— Совсем забыла! Мы с Экселенцем взломали пару сайтов и кое-что для тебя откопали. Мне даже интересно стало, я ведь думала, что DP — это «Diplomatic Persons», вроде как VIP...

24 августа 2004 г., Крым, Караби-яйла

Рабочая тетрадь, с. 50.
Харьковский Национальный университет им. В.Н. Каразина. Горно-крымская комплексная экспедиция. Июль — август 2004 г. Отряд «Омега».

...Влад предложил дать Анне диазепам (улучшенный валиум). Анна против, я тоже. Ограничились валерьянкой.

Борис считает, что у Анны типичное переутомление.

Анна спрашивает, к чему может присниться пистолет «астра» модели А-80...

125

Блез Паскаль в своих «Мыслях» доказывает невозможность рациональными доводами подтвердить или опровергнуть бытие Бога и далее предлагает решить этот вопрос с помощью бросания монеты. «Давайте взвесим ваш возможный выигрыш или проигрыш, если вы поставите на орла, то есть на Бога. Выиграв, вы обретаете все, проиграв, не потеряете ничего... Таким образом, если не играть нельзя, лучше отказаться от Разума во имя Жизни, лучше рискнуть им во имя бесконечно большого выигрыша, столь же возможного, сколь возможно и Небытие».

Папка шестая

ЧИСТИЛИЩЕ

18—24 августа 2004 г.

ФАЙЛЫ 126—150

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

126

Данные последних исследований позволили американским ученым предсказать, что в Будущем люди будут жить намного дольше. По их словам, наши современники проживут до 150 лет, а сегодняшние дети смогут встретить 2150 год. Объяснение этому специалисты видят в общественном образе жизни и развитии цивилизации.

Прогнозы об увеличении продолжительности жизни отчасти основаны на данных исследования специалиста по биодемографии доктора Джима Кэри (Jim Carey). Тем, что современные люди живут до 70—90 лет, мы обязаны нашему общественному поведению, считает доктор Кэри, которое, в свою очередь, привело к заметному увеличению размеров головного мозга человека в сравнении с размерами его тела.

127

Правила, которые нужно соблюдать при путешествиях во Времени:

— Путешествия совершать в режиме read only, то есть можно только смотреть, но ничего не трогать.

— Нельзя разговаривать с самим собой, находящимся в Прошлом или Будущем, или допустить, чтобы он вас видел.

— Нельзя брать с собой и использовать предметы и одежду, созданные в других временных периодах.

— Лучше, чтобы вас вообще никто из жителей другого Времени не видел и вы ни с кем не общались.

— Возвращаться из путешествия во Времени нужно в то же самое время и место, из которого вы в него отправлялись.

128

Философ Вундт обращает внимание на то, что наши знаменитые пять органов чувств — это, в сущности, щупальца, которыми мы ощупываем мир вокруг себя. Фактически мы живем на ощупь. При помощи зрительных труб и телескопов, телеграфов и телефонов мы немного удлиняем наши «щупальца», но не начинаем по-настоящему видеть. Поэтому мы никогда не можем убедиться в существовании того, что не можем «ощупать». В результате мы считаем реально существующим только тот круг, который в данный момент охватывают наши «щупальца». За этим кругом — тьма и небытие.

Но имеем ли мы право так думать?

Воспринимаемый нами уровень звукового давления (уровень шума): от 20 до 2000 герц по частоте, до 120—130 децибел по уровню. Для сравнения — дельфины «разговаривают» на частотах до 20 тысяч герц.

Столь же ограниченны возможности зрения. Человек воспринимает излучение в промежутке от 380 до 760 нанометров. Цветовое зрение ограничено семью цветами (от красного до фиолетового). Области, лежащие за ультрафиолетовым и инфракрасным излучениями включительно, недоступны без специальной техники.

Особенно беспомощен человек при попытке правильно воспринять Время. Представим себе путешественника, едущего из одного города в другой и находящегося на полпути между ними. Путешественник уверен, что город, из которого он выехал на прошлой неделе, в этот миг уже не существует. А тот город, куда он должен приехать, в этот миг тоже еще не существует, но спешно строится к его приезду. На другой же день после его отъезда, так же как и первый, будет разрушен (феномен «лангольеров»).

Строго говоря, для нас не существует ни Прошедшего, ни

Будущего, ни Настоящего. А между тем мы живем, чувствуем, думаем — что-то окружает нас. Следовательно, в обычном отношении к Времени есть какая-то ошибка.

ЧИСТИЛИЩЕ

2 июля 1978 г., город Харьков

— У Крупской совершенно не было вкуса. Ты бы видел, как она одевалась! Мужские ботинки, мужское пальто на три размера больше. И прическа типа «Клара Цеткин».

— Стиль, — развел я руками, невольно беря под защиту не имевшую вкуса Надежду Константиновну. — Старая революционерка, ей положено.

— Не положено! — Бабушка улыбнулась, покачала головой. — У каждой эпохи — свой стиль. После революции мода менялась быстрее, чем сейчас. В Гражданскую носили кожанки, в двадцатые — пиджаки с узкими галстуками, в тридцатые перешли на френчи... Тебе какой хлеб — белый или черный?

— «Бородинский», — не думая, ответил я, но немедленно спохватился. — То есть черный, конечно. Это я Москву вспомнил.

Всем хорош развитый социализм, но вот «Бородинского» в Харькове не купишь. Не положено — согласно нормам довольствия. В Москве — высшая, у нас только вторая.

...Двадцать шесть лет и полтора месяца, контроль и управление — процентов девяносто, даже больше, Погружение длится два часа. Характер — синхронный, набор «Новый-1». Неожиданностей и сюрпризов нет. Пока...

Бабушка совершенно не умеет готовить, во всяком случае, так считает она сама. За весь кулинарный спектр не поручусь, но жареное мясо в ее исполнении бесподобно. Истинный диалектический подход — мяса побольше и масла побольше, причем масло не подсолнечное, вологодское, самое настоящее. Я уже забыл, как это вкусно!

— Весь наркомат смеялся, ее даже Суфражисткой называли, за глаза, понятно. Оклад-то у Крупской был немаленький, заместитель наркома все-таки.

— Ага, — хмыкнул я. — Нашли кого назначить. Первым делом запретила детские сказки, потом взялась за «Робинзона Крузо».

— «Робинзон Крузо» еще ничего. — Бабушка вновь усмехнулась, но уже совсем иначе. — Вышел приказ по библиотекам уничтожить все книги, в которых есть посвящение царствующим особам. Сжигать боялись, рвали на клочки и спускали в канализацию. День и ночь работали, ждали, что Крупская проверку пришлет... Одевалась она так не из бедности и не из революционности. Своего рода оппозиция, протест. Но вкуса у нее точно не было! Все-таки дама из хорошей семьи, дочь генерала.

Дама из хорошей семьи... Ай да бабушка, комсомолец 20-х! Хотя и она не из пролетариев. Успела даже в гимназию походить, пока «гегемон» не пожаловал.

— Хипповала тетка, — резюмировал я. — И муж ее, товарищ Крупский, тоже в дырявом пиджаке вышивал. Профессор Попов, который историю КПСС у нас вел, целую лекцию прочел на тему: «Был ли Ленин оборванцем?» Как выяснилось, вопрос этот очень сложный.

* * *

Прожаренное мясо под хрустящей корочкой, полузабытая тарелка с синей каймой, колченогий рассохшийся столик, клеенка в зеленых цветочках на стенах моей маленькой кухни. Нет, пока еще не моей — бабушкиной, я просто зашел в гости. Двадцать шесть лет и полтора месяца, набор «Новый-1».

DP-DC... DP-DC... DP-DC... DP-DC...

— Крупская меня, считай, спасла. Если бы на моих документах в наркомате стояла не ее подпись, а Бубнова, он ведь тоже был замнаркома, всякое могло случиться, особенно когда твоего дедушку арестовали. Бубнова взяли тогда же, только на две недели раньше... Ты все вещи собрал?

— Вещи? Какие вещи, бабушка? А-а! Собрал, отбываем завтра утром. Рейсовым автобусом поеду, это Песочин, недалеко совсем. Я же тебе говорил — ничего особенного. Экспедиция как экспедиция, скифы как скифы. Скубентозавры играют черепом в футбол, а вечером в пьяном виде орут «Холопы сожгли родовое поместье». Вот Херсонес...

— Ты разве не рад? В прошлом году не смог поехать, очень огорчался.

— Ну... Рад, конечно, только... Я вот о чем думаю, бабушка. Человек в основе своей нематериален. За семь лет полностью меняется состав организма, по сути, мы получаем новое тело...

— ...с новыми болячками. Не спеши, малыш, успеешь!

— Что остается стабильным? Привычки, память... Но привычки тоже меняются, значит, именно без нашей памяти мы не будем сами собой. Так?

— Поэтому я и пошла на исторический факультет. Только не могла еще так формулировать.

...Но ведь и Прошлое существует не вообще, не как Прошлое для Всех, оно у каждого свое, личное — отпечаток в сознании, сохраненный нейронами мозга. Значит, меняя себя сегодняшнего, мы неизбежно меняем и Прошлое? Солипсизм, берклианство, сугубый и трегубый идеализм, но, по сути, верно. Только я не в Прошлом, я — в Настоящем, где еще ничего не случилось. Случится, конечно, — но иначе. Хотя бы потому, что двадцать шесть лет и полтора месяца назад у меня не было таких мыслей.

Теперь — есть!

— Historia — via memorae est. История — путь Памяти. Цицерона мы еще на первом курсе учили, помню. Значит, изменяя Прошлое, мы искажаем память, деформируем собственную личность? Почти самоубийство.

— Если считать самого себя центром Вселенной, наверное, да. Но если бы я смогла, то многое изменила бы. Может быть, половину нашей истории. Иногда это важнее, чем личные удачи и неудачи.

— Ага, кто бы спорил. «Два вертолета существенно изменили бы ход Аустерлицкого сражения». Андрей Вознесенский, поэма «Оза». А если глобального ничего не предлагают? Если все, что можешь изменить, — обычные мелочи, дребедень, из которой жизнь и складывается? Тысячи ниточек, поди пойми, какая куда тянется. Может, вообще лучше ничего не касаться, пусть все идет, как идет?

— Мы и так меняем себя — каждый миг, с каждой новой мыслью. То, что ты об этом подумал, малыш, уже перемена. Ты сейчас не такой, как был минуту назад.

* * *

Сначала — «три таблетки», затем шприц с «черным DP». Куда дальше? Но если поздно менять, поздно поворачивать назад, значит? Значит — что?

Мы, DP-watchers, никакие не «наблюдатели», не хронотуристы, даже не хрономаны. Каждое Погружение — вмешательство, последствия которого мы даже не можем себе представить. DP — действительно прорыв, фронт взломан, танки ползут к горизонту. И это уже не остановить. Поймем ли мы? Если да, то не очень скоро. Это ведь не классическая МВ с рычагами управления и ручным пулеметом в багажнике — просто сны о Прошлом, просто возможность поглядеть на голубое небо, вдохнуть чистый воздух...

DP-DC... DP-DC... DP-DC... DP-DC...

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

129

В фантастической новелле лорда Дансэни «Пропал!» (1948 г.) рассказывается о том, как некий человек с помощью таинственных чар «на восточный манер» отправляется в Прошлое в надежде исправить свои старые ошибки. Столь активное вмешательство изменяет ход истории. Вернувшись в Настоящее, странник во Времени обнаруживает, что лишился жены и дома. «Я пропал! Пропал! — в отчаянии кричит он. — Не пытайтесь вернуться в Прошлое, чтобы исправить свои ошибки. Забудьте и думать об этом!..»

Однако в метакосмосе с «ветвящимися» путями Времени подобный парадокс возникнуть не может.

ЧИСТИЛИЩЕ

2 июля 1978 г., город Харьков

— Эликен, Эликен, Эликен...

Хельги с трудом перевела дыхание. Пальцы все еще сжимали мои плечи, на губах таял забытый вкус ее помады.

— Эликен...

Она не открывала глаз, и я порадовался, что Хельги не видит моего лица.

— Очень хотела тебя увидеть. Очень! В последние дни мы как-то странно... Нет, не это хотела сказать. Едешь в эту экспедицию? Завтра, да? Не уезжай, Эликен! Махнем вместе в Алушту, можно взять путевки в пансионат...

Ах вот оно что! Конечно, я ведь зашел проститься.

...Эту улицу теперь не узнать. Вместо привычной глухой стены — наглая разухабистая реклама, исчез чугунный забор, асфальт сменила серая скользкая плитка. Хорошо пройтись дорогой Прошлого, просто так, без всякой цели — вспомнить, попытаться вдохнуть забытый воздух давних лет.

Только «просто так» не получается. Сейчас мы с Хельги не только в Прошлом. Мы в Настоящем. Страшный сон грамматика: время глагола — настоящее прошедшее, не случившееся.

— Зачем тебе эти раскопки? Ты не собираешься заниматься скифами, экспедиция чужая, ты хотел копать Херсонес. Следующий курс такой сложный, я буду занята, ты тоже, нам всегда не хватает времени...

Обычно Хельги опаздывала, я ждал у подъезда по полчаса, но сегодня пришла вовремя, даже на пару минут раньше. Неужели из-за каких-то куцых трех недель? Тогда, тем — этим! — летом, жарким летом 1978-го, мы просто поговорили по телефону. Хельги спешила, собирала вещи, обещала написать...

— ...Мы с тобой давно хотели куда-нибудь поехать, все как-то не складывалось, не получалось...

Ее губы вновь ткнулись в мое лицо.

Сегодня все изменилось. Такой Хельги я еще не видел — ни тогда, в далеком 1978-м, ни позже.

— Эликен, почему ты молчишь? Это ты? Скажи, это ты, настоящий?

Признаваться поздно, уходить — тоже поздно. Сегодня она ждала не меня, непрошеного гостя из Грядущего. Братец меньший, я промолчу. Не обижайся, но так будет лучше. Если узнает — не простит, ни меня, ни тебя, безвинного.

Оставалось вспомнить, как я когда-то улыбался.

— Снять маску-фантомаску?

Быстрый взгляд близоруких глаз — недоверчивый, слегка испуганный.

— Нет, нет... Это ты, Эликен, вижу. Не обращай внимания, я просто пыталась пошутить. Глупо, но... Извини, должна была сказать тебе раньше. Дело в том, что мы... Я...

* * *

За эти годы довелось прочитать немало баек, сочиненных «наблюдателями». Именно их охотничьи рассказы соблазнили очень многих выложить кровные за первый набор «трех таблеток». Особенно горазды братья-американцы. Почти на каждом DP-сайте есть рубрика «Second Chance». «Я все-таки взял хоум-ран». «Она меня поцеловала, о-у-у-у!» «И тогда я врезал уроду!..» Уверен, половина всего сочиненного — неправда. Мячи медленнее летать не стали, а «она» даже со второй попытки едва ли соблазнится каким-нибудь Неуловимым Джо. Тем паче поди проверь! Но пишут, тешат комплексы. А если, не дай господь, моя мыслишка насчет Запаздывания подтвердится, если это в конце концов осознают...

О-у-у-у-у!

А вот мы, бродящие среди родных осин Минувшего, почти не вмешиваемся. То ли пресловутый менталитет мешает, то ли опыт предков. Недаром американские «наблюдатели» все чаще вместо «Past» пишут «Tale» или даже «Wonderland». У нас же то и дело мелькает: «погост» — со строчной, не с прописной. «Вчера был на погосте, набор № 2, время Погружения — восемь часов».

И что есть Истина? Как всегда — посередине? Или «где-то там» — тоже как всегда?

...Хельги хотела меня видеть, чтобы рассказать о своем отъезде. Рассказать — и позвать с собой, в долгий марафон от Москвы до Гарварда.

Настоящее прошедшее, не случившееся. The truth is out there...

* * *

— Я подумала... Ты хочешь поступить в аспирантуру, но у нас будет трудно, ты ведь беспартийный. В Москве проще, там есть не только кафедра в МГУ...

— Кафедра Васи... Василия Ивановича Кузищина? Нет уж, спасибо, я лучше в школу! В сельскую.

— Можно в Институт всеобщей истории, в нем работает какая-то Голубцова...

...Елена Сергеевна, душевный человек. Докторская диссертация по крестьянским общинам Малой Азии римского времени. Интересно, защититься она уже успела?

Так все и было — или очень похоже. Только не тем — этим! — летом, а тремя годами позже, когда я уже поступил в аспирантуру на нашей кафедре. Менять Будущее на московскую неопределенность так и не решился. К тому же я здорово обиделся на Хельги. Уехала, не сказав, не предупредив...

Но ведь сказала! Сказала, позвала, даже про Елену Сергеевну сумела узнать. Значит, придется записку писать — самому себе образца 1978-го. Мой братец меньшой, может, и слышит, да не разумеет. Знать бы, где он сейчас?

Легко сказать — записку. А чем мотивировать? Приступом амнезии?

— Эликен...

Хельги остановилась — уже возле самой двери подъезда.

Обернулась.

— Сколько лет госпоже Базилевской?

— Которой? — моргнул я как можно наивнее.

Откуда студенту истфака знать такое? Наталья Петровна Врангель, в замужестве Базилевская, 1914 года рождения...

— Дочка Врангеля, живет в Париже.

Не один крючочек — целых два. Не поймаюсь на фамилию, подцеплюсь на Париж. Наивно, но с выдумкой. Молодец!

— Тебе виднее, Хельги. Недобитые золотопогонники — по твоей части. А что?

А то, что все-таки не поверила.

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

130

Что мы можем сказать о мире многих измерений?

В этом мире Время — пространственно; временные события должны существовать, а не случаться, то есть существовать до и после совершения и лежать как бы на одной плоскости. Следствия должны существовать одновременно с причинами. То, что мы называем законом причинности, там существовать не может, потому что для него необходимым условием является Время. Там не может быть ничего, измеряемого годами, днями или часами. Не может быть «прежде», «теперь» и «после». Моменты разных эпох, разделенные большими промежутками Времени, существуют одновременно и могут соприкасаться. Вместе с тем все возможности данного момента и все их результаты до бесконечности должны быть осуществлены одновременно с данным моментом.

132

Летом 1987 года в Москве начались работы по созданию первой модели Машины Времени. В конструировании установки большую помощь оказали специалисты Московского авиационного института им. Орджоникидзе (МАИ), завода им. Хруничева, НПО «Салют», НПО «Энергия». Аппарат для воздействия на Время представлял собой чечевицеобразный корпус с укрепленным на нем множеством электромагнитов, соединенных между собой последовательно и параллельно. В экспериментах использовалось от 3 до 5 таких поверхностей, названных «электромагнитными рабочими поверхностями» (ЭРП). Все слои ЭРП различных диаметров монтировались последовательно друг в друге подобно матрешке. Размер максимальной ЭРП составлял около 0,9 м, диаметр минимальной (внутренней) ЭРП равнялся 115 мм, что оказалось достаточным для помещения внутрь датчиков контроля и подопытных животных.

Машина Времени была испытана 8 апреля 1988 года. Первый репортаж с места испытаний опубликовала газета МАИ («Пропеллер» 1991, 12 апреля, с. 8).

ЧИСТИЛИЩЕ

19 августа 2004 г., Крым, село Рыбачье

— ...Богатым, значит, буду, если не разыгрываешь. Славянский шкаф у вас продается, с тумбочкой? А сколько времени на твоих керосиновых? Неужто не узнал, Арлекин? Он и

есть — в смысле я, Куазал, который кармическое эфирное тело. Сам же мне номер своего мобильного написал. Ты там ванны коньячные принимаешь? Бастардо — это пять! Уважаю!.. Не киксуй, мы же оба на UMC, считай, на шару треплемся... Я ведь чего звоню, Арлекин. Искусил ты меня, как змеюка Еву. Не намекаю, прямо говорю. Думал я, думал — и прикупил «черненького», пару наборов на пробу. Если не испугаюсь, сегодня с богом и оприходую. Монетку кину: орел — «плюс», решка, стало быть, «минус». Есть там что-то, чую! Ни хрена со мной не случится, твоя Гала кололась — и ничего. Вены ее видел? То-то! А тебе я на всякий случай письмецо накатал. На всякий — это на всякий. Ну, бывай, Арлекин, не утони, часом!..

* * *

— Ага, Юсуф. Как всегда.

— Держи. Нравится, да? Возьми брынзы, я нарезал. Хорошая брынза, настоящая, брат мой делал. Еще бери!.. Почему уезжаешь, а? Погода хорошее, море теплая, шашлык вкусный!

— Я уже отдохнул, Юсуф. Пора!

— Почему — пора? Два дня всего был, моря не видел, вина не выпил, муската не попробовал. Вы у себя, в Харькове, разве вино пьете? Бодлера знаешь? А-а, говорил уже. Томаса Манна знаешь? Томас Манн в книжке написал: «Вино — дар богов человечеству». Человечеству! И еще написал. Точно не помню, но где-то так: начали люди лозу выращивать, зверями быть перестали. Зверями, понимаешь? Еще бастардо, да? Повторишь?

— Повторю, Юсуф, повторю.

* * *

— ...Да, Влад, завтра уже в Харькове буду. Дыра Рыбачье, здесь можно только вино пить — и на Караби смотреть. Ага, южнее Длинных Стен нашли то ли башню, то ли еще что-то. Пока назвали «Объект». Вполне возможно, центр обороны был на Мангупе, там еще при Юстиниане стоял сторожевой пост. Тюркская угроза, косоглазые катафрактарии рвутся к побережью, византийцы срочно строят укрепления, прибрежное население прячется в исарах. Тебе Сибиэс рассказал? Я?!

А когда... Какие раскопки Сидоренко? Балка Карализ? Не говорил я тебе ни про какую балку!.. Еще меньше пить? Не волнуюсь, просто легкая аффектация. Ага. Аф-фек-та-ция! Аффек-та-ция!..

* * *

Мельницы памяти... Мельницы памяти... Слов не помню, песня старая, очень старая, даже автора забыл. Слова, кажется, есть у меня в тетради. Общая тетрадь в коричневой клеенчатой обложке, желтая бумага в клетку. Ветряные мельницы твоей памяти... «Like a circle in a spiral, like a wheel within a wheel, never ending nor beginning, on an ever-spinning reel...»

Еще не заснул, еще на грани, которая между. Ее не всегда замечаешь, но она есть. Эта грань — нечто особое, непонятное. Сумеречная зона, как в кино. Не спишь, не бодрствуешь. Говорят, все главные открытия делаются именно на грани — между сном и явью.

«Like a carousel that's turning, running rings around the moon...»

Надо спать, завтра подъем с рассветом, как в Херсонесе. Маршрутка, потом — автобус, и домой, домой, домой! Выспаться, выспаться, я ничего не хочу открывать! Сумеречная зона... Никакая она не зона, просто миг, короткий миг, когда засыпаешь. Иногда я его чувствую — и это очень интересно. Хотя бы потому, что слышишь песню — и каждый раз другую. А сегодня даже не песня — обрывки мелодии, огрызки слов.

«Like a circle in a spiral, like a wheel within a wheel...» «Like a circle in a spiral...» Не помню! Не вспомню...

Мне не нужно делать открытие, я уже все открыл, жаль, забуду через миг, через полмига, лишь только засну. Почему я не помню снов? Может быть, там тоже своя Сфера, Гипносфера, часть того всеобщего, которое и есть Я? Прошлое, Настоящее, Будущее, Случившееся, Несбывшееся? Но это не открытие, открытие в другом...

«Like a carousel that's turning...»

Болгарский фильм со Смоктуновским, экспедиция на Караби, заплаканные глаза Хельги. Я не рассказывал Владу про экспедицию Сидоренко! Я и сам узнал недавно — от себя самого.

Мельницы, ветряные мельницы памяти... Надо вспомнить слова, они на английском, но есть русские переводы, неточные, правда. Тетрадь потерялась, ничего, Память — тоже Вселенная, надо лишь знать туда дорогу.

Зачем Каузал рискует? Кармическое эфирное тело, закодированная информация о прошлых жизнях и будущих поступках человека... Он ведь не верит «черным»! И я не верю, никаких «параллельных миров» не бывает, мир един, и человек тоже един, как платоновский Идеал, отбрасывающий тени. Много теней, очень много, сейчас засну — и попаду в тень Гипносферы.

Интересно, что там, за Сумеречной зоной? Может, сама зона и есть Тайна? Может, в ней на какую-то секунду сходятся все мои миры, Вселенная соединяется — чтобы сразу же распасться?

«Like a circle in a spiral, like a wheel within a wheel...» Общая тетрадь в коричневой клеенчатой обложке, желтая бумага в клетку. Мельницы памяти...

«Кем ты пожертвуешь первым — Аргонцем или Субботой?» Почему Лолита спросила?

«Like a circle in a spiral, like a wheel within a wheel...» Жаль, не вспомню!.. То есть как не вспомню? И вспоминать не надо. Мишель Легран «The Windmills of Your Mind» — «Ветряные мельницы твоей памяти», супершлягер конца 60-х.

> Like a circle in a spiral, like a wheel within a wheel,
> Never ending nor beginning, on an ever-spinning reel;
> Like a snowball down a mountain or a carnival balloon...

133

Держи, склеротик! Файл плохо записался, но ничего, разберешь.

Windmills of Your Mind. Round like circle in a spiral Like a wheel within a wheel Never ending or beginning On an ever — spinning reel Like snowball down mountain Or carnival balloon Like carousel that´s burning Running rings around the moon. Like a clock whose hands are sweeping Past the minutes of its face And the world is like an apple Whirling silently in Space Like a circle that you find.

In the Windmills of your mind Like tunnel that you follow To a tunnel of its own Down a hollow to a cavern Where the sun has never shone Like door that keeps revolving In a half-forgotten dream Are the ripples from the pebble Someone tosses in a stream Keys that jingle in your pocket World that jangle in your head Why does summer go so quickly Was it something what you said Livers walk along the shore And view their footprint in the sand. There's the sound of distant drumming Just the fingers of your hand.

Pictures hanging in your hallway And the fragments of this song Half-remembered names and faces But to whom does they belong When you knew that it was over Where suddenly aware That the autumn leaves were turning To the color of her hair. Like circle in a spiral Like a wheel within a wheel Never ending or beginning On an ever — spinning reel As the images unwind Like a circle that you find In the Windmills of your mind Pictures hanging in your hallway And the fragments of this song Half-remembered names and faces But to whom does they belong When you knew that it was over Where suddenly aware That the autumn leaves were turning

To the color of her hair. Like circle in a spiral Like a wheel within a wheel Never ending or beginning On an ever — spinning reel As the images unwind Like a circle that you find In the Windmills of your mind.

Мишель Легран, песня из кинофильма «Афера Томаса Крауна» со Стивом Маккуином и Фэй Данауэй (1968 г.). Недавно сняли римейк, но уже с другой музыкой.

Русский перевод сам найдешь?

134

И черный рыцарь не даст ответа...

Александр Блок

Адепты «черного» DP зашли в такой же гносеологический тупик, как и мирные «наблюдатели».

Предпосылки, из которых первоначально исходили «черные», были вполне здравыми. Идея, что Человек больше, чем

кажется самому себе, не нова, даже очень традиционна. Столь же разумна мысль, что наше познание резко ограничено прежде всего:

1. Слабостью наших органов чувств («щупалец»).

2. Тремя измерениями, в которых мы вынуждены существовать.

Отсюда следовал вывод о необходимости удлинить «щупальца» и, как идеал, «взломать» Вселенную трех измерений, превратив (в качестве первого шага) Время из линейной функции в реальное Четвертое измерение.

Эта двуединая задача была необыкновенно сложна. Составы «черного» DP, призванные воздействовать на Область Бога нашего мозга, подбирались на ощупь, без предварительных исследований. Естественным результатом стал большой процент неудачных опытов, в том числе с очень печальным исходом. Немногочисленные положительные результаты всерьез не осмысливались.

Следствием всего этого стало быстрое вырождение всего направления. Два года назад произошел раскол. Значительная часть «черных наблюдателей» отказалась от теоретической части исследований. Погружение («черные» употребляют термин «Slide» — «Скольжение», взятый из одноименного телесериала) превратилось для них в поиск очередной «Wonderland». Меньшая, наиболее законспирированная часть «черных» объединилась в самую настоящую секту со своими «пророками» и «гуру». Среди них тоже нет единства. Некоторые стремятся через Скольжение приблизиться к Богу, иные, напротив, считают, что сами постепенно переходят в состояние Творца. Особенно это касается тех, кто использует составы BDP-minus, которые якобы позволяют «впускать» в свой разум некие «высшие сущности», именуемые часто «элементалами».

Резкое сужение контактов с обычными «наблюдателями» и вполне реальная опасность (после того, как «черный» DP приравняли к наркотикам) не дают возможности обменяться опытом и трезво осмыслить происходящее. Ни одной серьезной исследовательской работы по теории и практике Скольжения пока не существует.

Итак, в теоретическом плане «черное» направление почти

совершенно бесплодно. В практике, напротив, имеются некоторые интересные наработки:

1. Некоторое количество опробованных и относительно безопасных (не более 5% несчастных случаев) составов «plus» и «minus».

2. Составы BDP-stop. Их применение позволяет якобы надолго задержать проникшую в разум «наблюдателя» высшую сущность («элементала»), остановив, таким образом, эффект Скольжения, а также в случае необходимости затормозить Скольжение самого «наблюдателя» в нужной точке.

Вывод очевиден. От «черного» DP следует держаться подальше. Пока, по крайней мере.

Не вздумай экспериментировать! Лучше прикинь, почему «наблюдателей» до сих пор не прихлопнули — ни в Штатах, ни у нас? Только ли из-за кретинизма академиков и политиков?

Думай!

135

Как в витке большой спирали без начала и конца,
В этой серой мрачной дали тень неясная лица.
Здесь и снежные лавины, и воздушные шары,
И плывут дорогой длинной, словно яблоки, миры,
Каруселью бесконечной стрелки крутятся в часах.
В нашей жизни быстротечной каждый миг, как на весах.
Ветер тихо ворошит
Ветряки твоей души.

Ты пройдешь одним туннелем, а за ним еще другой.
В той пещере солнца нету, тишина там и покой.
Там крутящиеся двери, как туманная мечта.
И бросает кто-то тихо в воду камешки с моста.
Время здесь течет обратно, как повернутое вспять.
Все, что в жизни непонятно, мы пытаемся понять.
Молча выстроившись в ряд,
В мыслях мельницы стоят.

Зазвенят ключи в кармане, зазвучат слова в мозгу.
И меня ты не обманешь, я без лета не могу.
Мы бродили возле моря, рисовали на песке.
Разве звуки барабанов — это пальцы на руке?

На стене висят картины, как фрагменты старины.
Чьи-то лица, ноги, спины, но кому они нужны?
Если знаешь, что напрасно — избегай ненужных слез.
А ковер осенних листьев превратился в цвет волос.

Как в витке большой спирали без начала и конца,
В этой серой мрачной дали тень неясная лица.

Взял из Интернета (www.webber.net.ua/webbird/wbrdr16.htm). Есть старый перевод («Крылья мельниц»), но не такой точный.

Пить бросай, память пропьешь!

ЧИСТИЛИЩЕ

21 августа 2004 г., город Харьков

Добило меня ведро — новенькое, пластмассовое, белое. Можно в ином порядке: пластмассовое, белое, новенькое. Белое, новенькое, пластмассовое — тоже годится.

Н-ничего себе!

Двое суток — коту под хвост, вместо мирного Рыбачьего — Харьков, в ноутбуке неведомо что, а ко всему — новое ведро с грязной водой. Полы драил, не иначе.

Еще? Можно еще. «Черного» DP — ноль целых, ноль десятых, на вене след свежего укола, зато рядом с монитором красуется картонная коробочка с приложением записки. Почерк, естественно, мой.

«Не трогай, пока не разберешься!»

Хорошо бы! Разобраться, в смысле.

...Минутная стрелка целится на Австралию, часовая — в сторону еще не открытой Антарктиды. Без двадцати восемь. Вечер, 21 августа 2004 года.

Последнее, что помню, — комнатка в Рыбачьем, 19 августа, никак не могу заснуть, в голове крутится песня про мельницы. «Like a circle in a spiral, like a wheel within a wheel...»

Вспомнил-таки?

А ведь я даже не испугался! Заторможенные реакции, не иначе. Ничего, еще успею!

«Never ending nor beginning, on an ever-spinning reel...»

Выходит, чтобы сойти с ума, не требуется глотать таблетки?

Прогресс, прогресс! «Как в витке большой спирали без начала и конца, в этой серой мрачной дали тень неясная лица...»

Тень неясная лица... Нет, даже тени не осталось.

* * *

— Н-ну как?

— Ну, так.

Восемь вечера, нестойкие сумерки, троллейбусная остановка на проспекте Гагарина, забитые народом скамейки. Лучшее место для встречи, никто и внимания не обратит. Шура, как всегда, с большим черным портфелем, полным картонных коробочек — больших и маленьких.

Хоть что-то в мире стабильно!

— К-круто, Арлекин! Ведро, значит, к-купил?

— Ага. И ничего не помню, хоть убей. Что обидно, ни черта не глотал, не колол. То есть потом уколол — «черный», который «plus». Но почему? Может, я уже того? Поехал?

Троллейбус, за ним — маршрутка. Народ схлынул, я присел на освободившееся место. Шура достал «Ватру», я вынул полупустую пачку красного «Атамана».

Пачка еще с Рыбачьего. Выходит, ни одной сигареты не выкурил? Мамма миа!..

— Т-так что там, г-говоришь, в файле?

...Допустим, все допустим. Потеря памяти, сознания, ощущения реальности, раздвоение личности, бред, шиза, сдвиг по фазе. Позавчера в полночь вместо того, чтобы заснуть, я слетел с нарезки, в полном беспамятстве приехал в Харьков, зачем-то вколол BDP-plus, закусил «минусом» (или наоборот), выбросил весь «черный» остаток, перекопал Сеть в поисках «Мельниц твоей памяти»...

...Не пил, не курил.

Ведро, о господи! Новенькое, пластмассовое, белое. Пластмассовое, белое, новенькое.

Начал драить полы в прихожей, кухню, кажется, уже вымыл.

...Белое, новенькое, пластмассовое...

Допустим! Готов Арлекин, шлите карету. Встречай, дом Хи-Хи! Но вот «адепты «черного» DP зашли в такой же гносеоло-

гический тупик...» Это откуда? Формулировал сам, сразу видно. Только вот информация...

...Ин-фор-ма-ция! Ин-фор-ма-ция! Тьфу, привязалось!

В Сети ее нет, проверено. Писем мне не присылали, в ящике скопилась почта аж с позавчера. Шура? Нет, конечно. Гала?

— ...BDP-st-top? Нет, Арлекин, даже н-не слыхал. П-покажи еще раз, чего т-там тебе подкинули?

Новый троллейбус, толпа толкается у дверей, вот и милицейский патруль с резиновыми «демократизаторами». Их еще не хватало! В пакетике даже не таблетки — шприцы. В полной боевой. Не подкинули их, Шура! Нет дураков, чтобы такое кому попало раздаривать. Сам купил, то-то денег почти не осталось.

— Н-нет, не видел. Узнать? Если хочешь, сп-прошу у одного ч-человечка.

Новая толпа спешит к остановке. Обычно тут людно — проспект, метро рядом...

Гала! Больше некому и незачем — если на элементала не грешить. Поймала меня вчера, воспользовалась беспомощным состоянием, надиктовала сорок бочек арестантов, всучила кучу шприцов с качественным тетрадотоксином... Свят, свят, Саваоф!

— Нет, Шура, не надо. И узнавать не надо, и уговаривать. Обещал завязать с DP — завяжу. Не искушай меня без нужды! Романс такой был, Вяльцева пела. «Не пробуждай воспоминаний минувших дней, минувших дней. Не возвратить былых желаний в душе моей, в душе моей!»

* * *

— ...Нет, не сто. Давайте сразу двести. Ага, «Десны». И апельсинчик.

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

136

Элементалы являются формами жизни внутри стихий или элементов. Они не обладают телами в привычном для нас значении этого слова, но способны существовать в физическом мире другим способом.

Приведем такой пример: мы прекрасно увидим при свете дня ровный лист бумаги, находящийся в 25 метрах от нас, если он повернут к нам одной из своих плоских сторон, перпендикулярно линии нашего взгляда. Но если лист повернут к нам боком и при этом висит неподвижно или движется с той же скоростью, что и фон, то он окажется практически невидимым для того, кто не знает о его существовании.

Согласно эзотерическим учениям, элементалы появились на Земле гораздо раньше самого человека. Они обитатели и хранители стихий, их неотъемлемая часть — существуют как проявленные формы с момента возникновения мира.

Гамма элементалов огромна — от правителей планет и звезд до тех, кто поддерживает своей жизнью жизнь атомов.

Существуют элементалы, управляющие моментом рождения и смерти всех проявленных существ и предметов, переходом Души через различные пороги. Есть элементалы, охраняющие ход Часов Истории, находясь при этом вне этого механизма логически связанных в единую цепь причин и следствий. Существуют те, кто хранит Летописи, где можно прочитать Прошлое и Будущее.

Ангел-хранитель — еще один помощник, которого Природа дает всем людям без исключения. Он представляется в человеческом облике обычно очень красивой молодой девушки с большими крыльями, которая в древнем символизме означала хранителя, а также присутствие смерти. Иногда она держит в руке светящуюся ветвь туберозы.

137

Краткие тезисы квантовой психологии:

Уровень 1: Вы наблюдатель или свидетель своих переживаний (то есть мыслей, чувств, эмоций и ассоциаций), следовательно, вы больше, чем они.

Уровень 2: Вселенная состоит из энергии.

Уровень 3: Наблюдатель является создателем аспекта частиц и масс Вселенной.

Уровень 4: Временной аспект сознания.

Уровень 5: Пространственный аспект сознания.

Уровень 6: «Все взаимопроникает все остальное». (Дэвид Бом)

Уровень 7: «Все состоит из пустоты, а форма — уплотненная пустота». (Эйнштейн)

Другими словами, все состоит из одного и того же вещества.

ЧИСТИЛИЩЕ

21 августа 2004 г., город Харьков

— Вы пьяны, Арлекин!

— И вам вечер добрый, Гала.

А я понять не мог, чего мне не хватает? Шприцы надежно спрятаны, грязная вода из ведра вылита, бутылка трехзвездочной «Каховки» на столе, рядом с нарезанным лимоном.

...Привет, «николашка», давно не виделись. Бастардо, бастардо... Эстетство это ваше бастардо! Никакого запоя, одна трата денег. Не тот класс езды на поросенке, как выражается Влад.

— Послушайте, Арлекин... Все понимаю, Погружение — тяжелая вещь, нам приходится глотать успокаивающее или, как вы, коньяком лечиться. Но всему же есть предел, сейчас вы просто пьяны, безобразно пьяны!..

— Ага.

Отчего же «безобразно»? Пьян как обычно, сейчас как раз стадия общения, когда тянет звонить по телефону или болтать с гостями. Следующая стадия — музыкальная, «Magic Book» Бреговича ждет, «In the deathcar» — как раз под настроение. А можно и стариной тряхнуть, включить антикварный «Аккорд-стерео», поставить нечто душещипательное, виниловое. «Ветряные мельницы твоей памяти», к примеру. «Время здесь течет обратно, как повернутое вспять. Все, что в жизни непонятно, мы пытаемся понять. Молча выстроившись в ряд, в мыслях мельницы стоят...»

Пение вслух — тоже впереди. На два голоса, вместе с мадам Дали.

— Я хотела с вами поговорить, серьезно поговорить. Но я вижу, вы...

— ...безобразно пьян. И что? Коньяка хватит и на двоих, спать в моем кресле вы уже приспособились. Я знаю, что вы

мне хотите предложить, вы знаете мой ответ. А я раскрыл вашу тайну. Налить?

— Вы — алкоголик!

Останется? Уйдет? Конечно, останется!

* * *

— Ерунда, Арлекин! Ничего я вам не подсовывала, никаких файлов. Мы с вами вообще не виделись в последние дни. Я поняла, что вы сбежали — пьянствовать у своего любимого моря. А информацию по «черным»... Покажете?

Про шприцы с неведомым зельем (тетрадотоксин! тетрадотоксин!) говорить не стал — из разумной осторожности. Как выяснилось, правильно сделал.

Файлы подкинула не она. Тогда кто?

— Да, я хотела вам предложить рискнуть еще раз. Потеря памяти — скверная вещь, по себе знаю...

Вот как?

— ...Но вы же мужчина! Я не пытаюсь взять вас на «слабо», вы, Арлекин, вообще не рыцарь и не герой. Но если вы начинаете «скользить» даже без BDP, то... Вы уже переступили, понимаете? Хода назад просто нет, а впереди... Впереди можно увидеть много интересного. Такого, что еще никто и никогда не видел!

А вот мадам Гала, кажется, видела. Нет, не кажется — видела, знает! Но я-то ей зачем? Самой трудно? Прикупить «плюс» с «минусом», набрать воду в чашку или протереть спиртом кожу...

— «Черный» DP — вещь опасная, нескольких Скольжений я могу не выдержать. Нужно, чтобы кто-то взял на себя разведку...

Вот спасибо!

— Спросите, какая вам выгода? Сами же говорили, что вы не турист и не мазохист, вам интересно заглянуть в иные миры, в иную реальность, найти вашу точку Омега, черт возьми!.. Мы же с вами стоим на пороге, осталось чуть-чуть, дверь открыта! Что там, мы пока даже представить себе не можем. Но сумеем, понимаете? Нет, нет, не наливайте больше, я должна вас убедить, должна объяснить...

Быстро пьянеет, однако! Пьянеет, но все-таки не пропуска-

ет, даже лимон игнорирует. Одно к одному — вселился Некто в тело благополучной супруги художника, поглядел на «иную реальность», хотел вернуться в свой «иной мир», в родную «тень» — и застрял. Тот, кто десантируется в мою черепушку, более удачлив. Помоет полы — и назад.

Бред? Конечно, бред. А что — не бред? Немолодая дамочка, помешавшаяся на исследованиях «иных реальностей»? Не верю!

— А вам не кажется, Гала, что мы еще не готовы к вашему «открытию»? Давеча вы лихо констатировали, что Машина Времени — ерунда, давно пройденный этап, пора заняться чем-то более глобальным. Скажите это любому, кто не слыхал про DP! А лучше не надо, Каузал прав, пусть нас и дальше психами считают. Мы пока сами ничего не понимаем, почти ничего! Я все успокаивал себя: прямого воздействия на Прошлое нет, задержка на двойной срок Погружения, Время тормозит, амортизирует... А фиг там! Я уже побывал в Прошлом, *которого НЕ БЫЛО*. В чужом *Прошлом* и в чужом Настоящем тоже! Только это еще не открытие, просто лезем без спросу неведомо куда. Мы травим химией Область Бога. Бога, понимаете? Мы пока недостойны даже приблизиться к Омеге. Помните легенду о Граале? Недостойны, рылами не вышли! А вы, Гала... Вы просто — элементал. Элементарный элементал — или элементальный элементар. У вас большие крылья, символизирующие ранг хранителя, а также присутствие смерти. В руке вы держите светящуюся ветвь туберозы, интересно только, в левой или правой? «Печальный демон, дух изгнанья, летал над грешною землей...» Долетались?

...А ведь больна, теперь точно вижу — больна. Все мы, «наблюдатели», здоровьем не блещем, но у Гала что-то иное, серьезное. Худая, нескладная, дерганая — бывает. Некрасивая, немолодая — что поделаешь? Но вот движения... Не только лицо — все тело. Не двигается — дергается, словно тело не ее, чужое. Скафандр, в котором она никак не может освоиться.

Манекен. Мадам Складной Метр. Высшая сущность.

— Вы... Вы! Не смейте издеваться, Арлекин! Напоили меня, оскорбляете, а сами... Придвиньте пепельницу, вы же видите, мне неудобно! А вы — трус, элементарный... элементальный трус. Даже не мужчина, мужчина бы не испугался. Если не интересно, если уже мозги пропили, так могли бы просто помочь. Мне помочь, женщине! Вы что, Арлекин, сто лет прожить думаете? Не надейтесь, ваш мозг уже пропитан химией, вы превратили Область Бога в губку с ядом. Ваша фармацевтическая Машина Времени — пролонгированное самоубийство. Я могла бы рассказать... Только вам ни к чему, вы — никому не интересный скучный пьяница. Почему здесь все такие убогие, такие тупые? Ладно, наливайте, мне уже все равно. Понимала, кто вы такой, но все-таки надеялась... Черт с вами! Расскажите лучше еще раз, что вы видели. Сначала про Одессу...

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

138

Трехмерная протяженность мира зависит для нас от свойств *нашего психического аппарата*. Иначе говоря, трехмерность мира есть свойство его отражения в нашем сознании.

Увидав же или почувствовав себя в мире четырех измерений, мы увидим, что мир трех измерений реально не существует и никогда не существовал, что это было создание нашей фантазии, фантом, призрак, иллюзия, оптический обман, все, что угодно, только не реальность.

Если мы будем рассматривать отдельную жизнь как круг четвертого измерения, то это объяснит нам, почему каждый «круг жизни» неизбежно уходит из нашего Пространства. Это происходит потому, что «круг» неизбежно кончается в той же точке, где начался, — и «жизнь» отдельного существа, начавшись рождением, должна кончиться смертью, которая есть возвращение к точке отправления.

В действительности все это происходит, конечно, совсем не так. Ничто не рождается и ничто не умирает, но так представляется нам, потому что мы видим только «разрезы» вещей. В действительности «круг жизни» есть только разрез Чего-то. И это Что-то, несомненно, существует до рождения (до появления «круга» в нашем Пространстве) и продолжает существовать после смерти, то есть после исчезновения «круга» из поля нашего зрения.

22 августа 2004 г., город Харьков

Под левым боком обозначилось нечто жесткое, но на подобную мелочь можно смело не реагировать. Самый жуткий момент — пробуждение в запое. Просыпаться и без того удовольствие ниже среднего, особенно на первую пару (о, будильник, о-о!), но когда полночи было честно посвящено коньяку... Бутылка «Каховки», затем еще одна, заветная. «Десна»? Не помню, да и не важно...

О-о-о-о!

Вчера, то есть сегодня, часа в четыре утра, в заветной еще что-то оставалось. Это действительно существенно, а все остальное...

О-о-о-о-о!

Первая мысль — умереть. Вторая — и немедленно. Пробуждение — только начало пытки, сейчас придет адреналиновый голод, напасть, от которой нет лекарства. Никакой психологии, сплошная химия, но все-таки начинаешь перебирать крохи, оставшиеся в памяти: кого успел обидеть, с кем поссориться, кому лишку сказать. Поэтому напиваться следует исключительно соло, предварительно отключив телефон.

Но ведь я был один? Послушал музыку, два раза ставил Бреговича — в наушниках, чтобы соседи в стену не колотили. Тихо напился, тихо заснул. Только вот это жесткое под левым боком...

Гала! Ну, конечно.

Осмысливать не стал. Успеется.

...А почему на ней моя пижама?

— Боже, Арлекин, что это?

— Рюмка. Глотните. Первая идет колом, но жить-то надо!

* * *

— Вы все время ворочались, прямо как мой муж, спать не давали. Хорошо еще, что вы, Арлекин, были слишком пьяны. Хоть и обещали ко мне не приставать, однако, учитывая вашу аморальность... Но спать в вашем кресле еще противнее. С вами я скоро сопьюсь, что меня совершенно не устраивает, поэтому... Не наливайте, не хочу эту гадость! Как вы можете, с утра, без закуски? Ладно, дайте лимон! Поэтому вы сейчас мне дадите те ампулы, попытаюсь узнать, что это. Если вы мне не верите, дайте две на пробу, они разные. Я деньги в залог оставлю, в конце концов, чего вы боитесь? И еще мне нужны ваши последние записи. Все! Думаете, чего я вами связалась, Арлекин? Как мужчина вы, поверьте, никакого интереса не представляете. В зеркало посмотритесь, вами только детей пугать! Но у вас есть хорошая привычка все фиксировать. В анализе вы слабы, в синтезе беспомощны, но хоть что-то... Остальные действительно, как вы говорите, туристы. Да, кофе я буду, а потом пойду в душ. У вас, надеюсь, имеется чистое полотенце? А в квартире вы иногда убираете? Или ждете, пока в вас вселится очередной... элементал?

Утренние кошмары страшнее ночных. Ночью все можно списать на темноту, на игры теней, на усталость. При ярком солнце, когда видна каждая пылинка, спасения нет — и не будет.

Мадам Складной Метр в моей пижаме. Мадам Манекен похозяйски устроилась за моим столом. Мадам Дали допивает мой коньяк и учит жить.

Макабр-р-р-р!

В зеркало взглянуть, говоришь? На себя посмотри, если смелая очень!

Ампулы пусть берет, а вот файлы... Запись про «черных» надо бы пересмотреть, кое-что выбросить. Отправим Складной Метр в душ, включим по-быстрому ноутбук. Зачем, еще не понимаю, но... Чую, как говорит подполковник Каузал.

Позвонить бы ему, узнать, так ведь «конспигация», будь она неладна! К тому же он должен письмецо кинуть. Эх, не туда скользим!

На что это Гала намекала? «Обещали ко мне не приставать»? Нет, мадам, и не надейтесь, столько я не выпью, умру. Свят Саваоф, свят! Аминь!

...А вот мыслишки наши сходятся. Простые мыслишки, конечно, по принципу Оккама. Если после шуточек с «черным» DP обычные Погружения превращаются в путешествия по «теням», это, скорее всего, не только «после», но и «вследствие». Не быть мне уже мирным «наблюдателем», не ностальгировать, плывя по волнам Памяти. Знал бы прикуп... А сейчас

поздно пить боржоми! Кажется, у Гала — та же история. «Область Бога — губка с ядом»... Бр-р-р!

Плещется, выдра? Отменно! Ноутбук к бою!..

«На стене висят картины, как фрагменты старины. Чьи-то лица, ноги, спины, но кому они нужны? Если знаешь, что напрасно, — избегай ненужных слез...»

...Почему — Выдра?

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

139

Компания The Time Travel Fund (TTF) занимается доставкой всех желающих в Будущее. Цена путешествия — 10 долларов. Эти деньги делятся на три части: за 8 долларов изготавливается персональный бланк и удостоверение Путешественника во Времени, 1 доллар идет на расходы фирмы и 1 помещается на специальный банковский счет под 5 процентов годовых. Дальше начинает работать экспоненциальная зависимость: 60 центов под 5 процентами годовых через 500 лет превратятся в 39 323 261 827 долларов 22 цента.

Создатели проекта исходят из того, что через несколько веков Машина Времени будет наконец изобретена. Поездка будет стоить, к примеру, 20 миллиардов долларов. На эти деньги служащие TTF вернутся в Прошлое, проверят удостоверение клиента — и заберут его назад в Будущее. У клиента останется 20 миллиардов долларов на обустройство.

Самоубийц и религиозных фанатиков TTF не обслуживает.

140

Кажущееся невнимание властей и официальной науки к DP-феномену может быть связано не только с консерватизмом государственных деятелей и ученых. Не исключено, что в распоряжении ряда правительств в настоящее время имеются средства для путешествия во Времени, действующие по принципу DP, но куда более эффективные. Коренным и пока неустранимым недостатком DP является невозможность точного «выхода на цель». Эффект синхронности лишь приближает к

решению этой задачи. Возможно, исследования, проводимые в секретных государственных лабораториях, позволили создать эффективную «мозговую» Машину Времени. Если это так, то DP-watchers для властей являются всего лишь кустарями-любителями, не представляющими реальной опасности.

Среди просочившейся в прессу информации следует прежде всего выделить данные о Монтаукском проекте.

ЧИСТИЛИЩЕ

22 августа 2004 г., город Харьков

Скоро начну считать шаги. От остановки, где мы встречаемся с Шурой, мимо «стекляшки», где бьет коньячная струя, мимо поворота на узкую улочку, ведущую в тупик, вдоль серого бетонного забора... Туда, потом обратно — утром, днем, вечером. Совсем рядом, в нескольких шагах, — бесконечные ряды машин, несущихся по проспекту, чуть дальше громада девятиэтажки с компьютерным салоном и алюминиевым космонавтом Гагариным, застывшим прямо на ступеньках входа.

Туда-обратно, туда-обратно.

Вечность. Бесконечность.

Даже странно, что где-то есть море, серые скалы Караби, белые колонны Херсонеса. Мир съежился, вытянулся в струну, словно неподвластное нам Время. Не жизнь — веревка о двух концах и о двух узлах. Рождение, смерть — и мы между.

Туда-обратно, туда-обратно. Остановка, «стекляшка»...

— И апельсинчик, пожалуйста...

...Улочка, ведущая в тупик, бетонный забор. Линейная Вселенная, линейное Время.

Туда-обратно, туда-обратно.

«Как в витке большой спирали без начала и конца, в этой серой мрачной дали тень неясная лица...» Будь мадам Гала и вправду элементалом с крыльями за спиной и туберозой в зубах!..

Но ведь не обиделась!

Что я должен понять? Человек — не веревка, провисшая между узлом Рождение и узлом Смерть, а Древо Жизни, с корнями и ветвями, вот только не осознающее себя до конца? Вечное Древо, как вечны Вселенная и Творец? Такое даже не

осознаешь, сколько ни повторяй о трех измерениях, отрезающих нас от самих себя.

Вечное Древо, растущее из точки Омега...

— Да, как обычно. И апельсин.

Мадам Складной Метр хотела, чтобы я это понял? Но такое понять невозможно, мы действительно пленники своей судьбы, своей «ветки». Где-то рядом другой Я ищет на Караби загадочные леи, еще один Я — чем Хронос не шутит! — бегает с «никоновым» по той же Караби, гоняясь за оккупантами. «Так кто там у вас старший? — Как кто? Вы, майор Арлекин!» Неужели я мог купиться на такое? Бред, бред!

И все вместе, и всё вместе — Я, вечный, многоликий, единый?

Нет, мадам Гала, не открытие это, не Истина — просто еще одна сказка. А сказку не требуется осознавать и открывать. Мы просто смотрим картинки, просто ходим в гости, просто целуемся с теми, кто нас когда-то любил. Не стоит тешить гордыню, мы не Кортесы у берегов нового материка, мы — оглушенная рыба в прибое Времени.

«Как в витке большой спирали без начала и конца, в этой серой мрачной дали тень неясная лица...»

— ...Да, как обычно. И апельсинчик, пожалуйста...

Туда-обратно, туда-обратно. Линейное Время, линейная Вселенная. Бетонный забор, улочка, ведущая в тупик, «стекляшка», остановка, где мы встречаемся с Шурой.

«...Здесь и снежные лавины, и воздушные шары, и плывут дорогой длинной, словно яблоки, миры...»

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

141

Лерна. 22 авг. 04. 18:13. Сообщ. № 4211.
Тема: Человек — Древо Жизни?

Заголовок: По крайней мере...

> Человек — Древо Жизни, с корнями и ветвями, только не осознающее себя до конца.

...Вполне логично. В кои-то веки сделана попытка обобщить наши наблюдения. Мне лично кажется, что тут есть над чем подумать. То, что человек БОЛЬШЕ, чем он себе кажется, понял еще Платон:

«Если человек обладает рассудком, то он должен помнить, что может существовать расстройство зрения двух родов, происходящее от двух разных причин — первое, когда мы переходим из света в темноту, и второе, когда мы переходим из темноты на свет. И когда человек рассудит, что то же самое бывает с душой, то он, видя кого-нибудь растерянным и не замечающим ничего кругом себя, не будет смеяться безрассудным образом, но подумает, что это или душа, пришедшая из более блестящей жизни, чувствует вокруг себя мрак невежества — или, переходя от полного незнания к более светлому существованию, наполняется ослепляющим сиянием, и он поздравит одну с ее судьбой и жизнью и выразит сострадание к судьбе и жизни другой» (Государство, Кн. VII).

Такое впечатление, что Платон знал о DP.

Фома Верующий. 22 авг. 04. 18:35. Сообщ. № 4212.
Тема: Человек — Древо Жизни?

Заголовок: Думать? Трясти надо!

> есть над чем подумать.

Ну да, конечно! Думать можно, но есть страшный зверь — Формальная Логика. Мне ее в свое время преподавал профессор Вул, прозываемый также Вельзевулом. Он научил нас логику уважать.

Теория Древа, она же Очередная Очень Умная теория Арлекина, логике не поддается и логике противоречит, следовательно...

Гип-Гип-Нос. 22 авг. 04. 19:03. Сообщ. № 4213.

Тема: Человек — Древо Жизни?

Заголовок: Логика от Вельзевула

Давно пора осознать, что DP привел нас туда, где формальная логика по Аристотелю уже не действует. Если коротко, логика по Аристотелю и Вельзевулу сводится к простой схеме:

Я есть Я.
Я не есть не Я.
Все, что есть на свете, должно быть или Я, или не Я.

Вместе с тем квантовая механика указывает на ограниченную область применения классической логики. Это ничуть не умаляет истинности логики по Вельзевулу, а только указывает на ее ЧАСТНОСТЬ. Обобщенная логика изоморфна с частным случаем Аристотелевой в области операций с суждениями с нулевой достоверностью (но не истинностью). В сжатом виде:

Я есть Я и не-Я.
То есть если о суждении невозможно никак сказать, в какой степени истинно оно или ложно, то множеству суждений логики оно не принадлежит и в операциях не участвует.

Фома Верующий. 22 авг. 04. 20:45. Сообщ. № 4214.
Тема: Человек — Древо Жизни?

Заголовок: Друг мой, Гип-Гип!

> в области операций с суждениями с нулевой достоверностью (но не истинностью)...

Не говори красиво, но говори понятно. Никакие кванты и всякие прочие кварки не могут изменить законы причинности, базирующиеся на все той же логике по Аристотелю. Следовательно, Я, как личность, не могу существовать одновременно в Прошлом, Будущем, Настоящем и Параллельном. Жизнь — веревка между рождением и смертью? Согласен. В этом случае DP — мыло, которое позволяет нам по оной веревке скользить. И все.

Лерна. 22 авг. 04. 21:13. Сообщ. № 4215.
Тема: Человек — Древо Жизни?

Заголовок: И все?

> DP — мыло, которое позволяет нам по оной веревке скользить...

А как быть с опытами «черных»? Хватит прятать голову в песок, это СУЩЕСТВУЕТ. Значит — требует объяснения. Намыленная веревка — конечно, аргумент...

Гор. 22 авг. 04. 22:11. Сообщ. № 4216.
Тема: Человек — Древо Жизни?

Заголовок:

Ребята, мы тут болтаем... Только что мне позвонили — Каузал умер. Кажется, во время Погружения.

ЧИСТИЛИЩЕ

6 июля 1978 г., поселок Песочин

— Пе-е-ерер-ыв!

Перерыв так перерыв. Поглядел на оставшуюся в раскопе землю, хотел отложить лопату, но добросовестность победила. Сам же учил не мусорить! Последнее дело — идти перекуривать с «кучей могучей» за спиной. И учил, и гонял — особенно молодежь зеленую, желторотую.

В смысле буду учить. И гонять.

И — раз! И — раз! И — раз! И — раз! Выкидывай, выкидывай, не ленись. Еще говорят — молодость! А отжаться пятьдесят раз — прямо здесь, на дне раскопа? Не сдюжишь, братец младший, покопай сначала в Херсонесе, киркой помаши!

Все?

Между прочим, увлекся. Типичная ошибка начинающих — копать легко, выбрасывать трудно. Потому и правило существует: копнул — выбросил, копнул — выбросил. Давно не работал, подзабыл. Mea culpa, mea maxima culpa! И даже maximissima.

К тому же штыковая лопата — не кирка. Тоже мне, инструмент!

— Дай сигаретку!

— Держи!

«Стрелять» у меня начали с самого утра. Ближайший магазин вовремя не открылся, продавщица в нетях, и остался народ без курева-ширева. Мы-то, людоеды, народ запасливый, еще в Харькове пару блоков прикупили. Не «Ту-134» (самый

лучший самолет!) — «Родопи», они же «Погоны». Все-таки поприличней будет.

Парня-«стрелка», старшого на раскопе, почти не помню. Из музея, помощник Бородулина. Надо бы имя вычислить, неудобно как-то.

...Двадцать шесть лет и полтора месяца, контроль и управление — процентов восемьдесят-девяносто, Погружение длится чуть больше двух часов. Набор «Новый-1», синхронный. Ни к чему мне сейчас контроль, управление тоже, но можно просто не думать. Ни о чем. Вообще!

А сигареты зачем купил? Ведь я тогда был практически некурящим. Но ведь купил, не поленился. Опять — измененное Прошлое?

Не сейчас!

Честно говоря, степные экспедиции — не то. Форменное. Мы в Херсонесе по центнеру находок в день выгребаем, а тут двум черепкам рад. И не надо про качество — из ста наших находок одна порядочная все-таки встретится, а из этих двух сколько? Курганы — радость невеликая, на сотню всего один неграбленый. Этот, куда мы вгрызлись, почти пустой. Помнится, пару костомах отрыли, а к ним то ли ножик, то ли гвоздь.

И моря нет. И Херсонеса. Это, пожалуй, главное.

— После обеда на пруд сходим?

— Захотим — сходим.

Гена Куропатов, однокурсник. Славный парень, до сих пор общаемся, пусть и редко. Он-то настоящий полевик, гальштадт копал в Закарпатье. Ас! Интересно, ходили мы в тот — в этот! — день на пруд?

— Эй, у кого зажигалка близко?

Хорошо бы задержаться в богом забытом Песочине не на полдня, не на сутки, а на неделю-другую. Копать помаленьку, по вечерам портвейн за рубль тридцать две потреблять, в пруду купаться. Ни отчета, ни полевого дневника, ни руководства личным составом. Благодать! Живут студенты весело от сессии до сессии!..

У «черных» на сей предмет имеется BDP-stop, ненадежный и опасный, если верить моему элементалу. Откуда дровишки все-таки? С какого сайта снял?

Ненадежный и опасный. Каузал хотел...

Стой, назад! Не думать, не думать, не думать!

...Благодать, благодать! Лесок, речка, пруд, поле в курганах. Два десятка мелких, каждый — на день работы, а посреди Царский, его будем вскрывать две недели, уже начали, бульдозер подогнали, лучшие силы направили. Там и Слава Бородулин, и все ветераны. Ничего, маленький курган — тоже порой интересно. Через несколько дней попадется один — с золотыми бляшками. Олени, грифоны... Шестой век до нашей эры, настоящий звериный стиль. Для тех, кто понимает, — песня!

Да, благодать. Во всяком случае, лучше, чем бродить вдоль бетонного забора — от остановки до улицы, ведущей в тупик. Веревка о двух концах, да еще намыленная... Нет, забыть! Забыть, по сторонам поглядеть, воздуха горячего вдохнуть.

Где-то там, за лесом, — Харьков. Хельги уже уехала в свою Алушту.

— К ло-опа-а-ате!

Именно. Куда я девал «струмент»?

А кирка все-таки лучше!

Где сейчас остальные — Лерна, Фома Верующий, Гип-Гип-Нос? Тоже не дома, ушли в глубины Памяти, чтобы хоть немного забыться, не думать?

Не думать, не думать, не думать!

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

142

Летом 2001 года 17-летняя француженка Флоранс была изнасилована негодяями из XXIII века.

Флоранс возвращалась с дискотеки. До дома оставалось всего 50 метров, когда она, завернув за угол, оказалась на совершенно незнакомой улице, на которой возвышались одинаковые дома причудливой конусообразной формы. Заметив двух парней, Флоранс подошла к ним ближе. Парни были одеты в серые, как будто бы резиновые свитера и облегающие ноги штаны. Ее вопросы привели молодых людей в недоумение, а когда девушка спросила, где можно поймать такси, они чуть не упали от смеха.

Так Флоранс узнала, что каким-то чудом очутилась в 2245 го-

ду. Приняв предложение переночевать дома у одного из своих новых знакомых, она вскоре очутилась в комнате без всякой мебели, кроме застилавшего пол мягкого матраса. Убедившись еще раз, что их гостья действительно из Прошлого, парни перестали церемониться и подвергли ее жестокому насилию, после чего выкинули на улицу. Несчастная побежала по тротуару, завернула за «роковой» угол и оказалась на той самой улице, по которой возвращалась с дискотеки.

Феминистические организации Франции выступили с резким протестом, требуя от правительства решительных мер против обнаглевших «футур-насильников». Соответствующий запрос был послан в Европарламент.

143

Монтаукский проект (проект «Феникс», Montauk Project) — исследования, которые якобы проводились с 1943 года по 1983 год на военной базе США рядом с городом Монтаук, штат Нью-Йорк. В ходе этих экспериментов испытуемым облучали мозг высокочастотными радиоимпульсами, что приводило к возникновению у них различных галлюцинаций. Многие испытуемые сообщали, что они побывали в Будущем.

Штаб-квартира исследований располагалась в Брукхейвенской лаборатории на Лонг-Айленде. Руководителем проекта был фон Нейман — ученый, эмигрант из Германии, математик и физик-теоретик, известный благодаря своей концепции Пространства-Времени.

Задача, поставленная перед руководителями проекта, имела два аспекта: перемещение физического существа (тела) и перемещение духовного существа. Работы начались в 1948 году и продолжались до конца 1990 года. Наибольший успех был достигнут в 1983 году, когда якобы удалось пробить в Пространстве-Времени проход в 1943 год.

«Ментальные» путешествия в Прошлое с каждым разом становились все более эффективными и продолжительными, однако одновременно с этим рос неизбежный риск. В конце концов смертность среди испытателей достигла почти ста процентов. Фон Нейман и его команда более десяти лет выясняли, почему человеческие существа так страдали от воздействия электромагнитного поля, которое «вело» их разум через Пространство и Время. Ученые пришли к выводу, что людям с рождения свойственно то, что можно назвать «стандартом Времени». Согласно их концепции, все мы начинаем жизнь с того, что энергетическое существо попадает в поток Времени, «прикрепляясь» к нему. Чтобы осознать это, необходимо рассматривать энергетическое существо (или душу) в первую очередь как нечто отдельное от физического тела человека.

Все работы по проекту «Феникс» до настоящего времени являются строго засекреченными. Данные прессы официальными властями никак не комментируются.

ЧИСТИЛИЩЕ

6 июля 1978 г., поселок Песочин

— Можно яблоко испечь.

— Совсем еще зеленое. Хотя...

Иных проблем у нас нет. Какие проблемы в экспедиции, когда все намеченное на день сделано, ужин благополучно съеден, а дождь, пугавший с полудня, обошел стороной? Сиди у костра, обсуждай особенности раннего железного века в Восточной Европе, яблоки пеки.

Яблоко действительно зеленое. Неудивительно, начало июля. Ничего, горячее, как известно, сырым не бывает.

— Киммерийцы — это миф, историографическая фантазия. Обычные ранние скифы — племя, враждовавшее с соседями-родичами. Геродот не разобрался, наплел про отдельный народ.

— Ага. Но все-таки пять десятков погребений насчитали — только в Южной Украине. Инвентарь своеобразный, не спутаешь. И «оленьи стелы» скифы на курганах не ставили... Дрова еще есть?

Дров мало, зато хворосту хватает — озаботились с вечера. Отвык я от экспедиционных костров. В Херсонесе не положено — город все-таки, а у замка ди Гуаско костров почему-то не жгли. Настроения не было.

Сидеть бы так хоть до рассвета! Киммерийская проблема необозрима, ночи не хватит.

...Почти двенадцать часов. Для обычного Погружения — не предел, но, кажется, уже скоро. Точно сказать невозможно,

однако опытный «наблюдатель» всегда чувствует границу. Надеюсь, брат мой младший не слишком удивится. Разве что убыли сигарет. Полторы пачки — как корова языком.

Наши «младшие братья» не помнят Погружений. Мнение это общее, опытом проверенное. Более того, «пропущенные» по нашей вине часы не кажутся им «белым пятном», приступом амнезии или посещением зловредного элементала. Легкое удивление, не больше. Отчего сигареты исчезли? Почему Хельги так странно смотрит? А ведь мы, DP-watchers, как ни крути, забираем личность. Пусть и свою собственную, пусть и не навсегда.

А если — навсегда?

— Киммерийцы — метисы. Небольшое племя пришло из-за Волги, смешалось с местными, ассимилировало их.

— Ага. Скифы — тоже метисы. И все прочие степняки, обычное дело. Но это никому не мешало оставаться отдельным народом. У половины турок в XVI веке жены были славянки или черкешенки. Но народ ведь не исчез!

Костер, красные угли, сизый дым... Хорошо!

...Зачем «черным» BDP-stop? Если они в самом деле верят, что Скольжение приведет в рай, к Богу, в точку Омега, тогда понятно. Единственный прокол — найдется ли в оной точке шприц с нужным составом? Или они вначале «скользнут» на разведку, обустроятся, добудут BDP-stop, вернутся...

Но если остаться, пусть в раю, пусть в точке Омега, значит, придется занять место Другого? Другого — себя? Даже если мы ветви единого Древа, мы все равно разные, каждый — личность! Мы и так не спрашиваем наши «скафандры» — как не поинтересовался моим мнением злодей-«элементал», любитель белых пластмассовых ведер. А если не на час, не на сутки — навсегда?

Это же убийство! Каузал тоже...

Хватит! Не думать, не думать. Скоро вернусь, тогда уж. Пока — не думать!

«Каруселью бесконечной стрелки крутятся в часах. В нашей жизни быстротечной каждый миг, как на весах...» «Like a clock whose hands are sweeping past the minutes of its face...»

...У Славы Бородулина, нашего начальника, потрясающая привычка. По утрам, когда мы нестройной толпой бредем по проселку к курганам, он обязательно купается в пруду — одетый, в куртке, в ботинках, с полевой сумкой на боку. Зауважаешь такого!

— И как там яблоко?

— Горяч-ч-чее-е-е!

«...The world is like an apple whirling silently in space...» А если о другом? О стратегии, так сказать? Почему нас, «наблюдателей», не трогают? Может, не только из-за мизерности DP по сравнению с установками в Московском авиационном и Монтауке? А вдруг мы и в самом деле — кролики, обычные красноглазые кролики? Никакого Тома Брэйвуда из Сан-Диего, штат Калифорния, случайно принявшего диазепам, не было, просто соответствующие службы вбросили идею в массы, внедрили в каждую DP-компанию своего человечка — и отслеживают результаты. Если надо, подсказывают, верной дорогой ведут. А мы стараемся. Как говорится, безвозмездно, то есть даром.

Если так, то мадам Гала — генерал госбезопасности, не иначе. Стоп! Но ведь Каузал...

Нет, не думать!

* * *

— Эти пять десятков погребений — непонятно чьи. Киммерийским временем четко датируются только десять, остальные более ранние. Или возьмем памятники Волго-Донского междуречья. Тереножкин считал их киммерийскими. А почему? Потому что не скифские, да?

— Ага.

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

144

Какое из человеческих творений имеет самое большое значение для коренных интересов жизни вообще, если не создание каждым из нас в себе абсолютно оригинального центра, в котором универсум осознает себя уникальным, неподражаемым образом, а именно нашего «я», нашей личности? Более глубокий, чем все его лучи, сам фокус нашего сознания — вот то существенное, что должен вернуть себе Омега, чтобы быть действительно Омегой. Но это существенное мы не можем от-

дать другим, как мы даем пальто или передаем факел, ибо мы — само пламя. Чтобы передать себя, мое «я» должно продолжать существовать в том, что оно отдает, иначе дар исчезнет.

Из этого следует неизбежный вывод, что сосредоточение сознательного универсума было бы немыслимым, если бы одновременно со всей сознательностью он не собрал в себе все отдельные сознания. При этом каждое сознание продолжает осознавать себя в конце операции, и даже — это требуется хорошо усвоить — каждое из них становится там больше собой и, значит, тем больше отличается от других, чем больше оно приближается к ним в Омеге.

ЧИСТИЛИЩЕ

23 августа 2004 г., город Харьков

— ...Три минуты первого.

Отвечаю по привычке, хотя это совершенно лишнее — достаточно просто продемонстрировать циферблат, пустой циферблат без стрелок. В ответ покажут такой же.

— Фома. Фома Верующий. Так ты реально Арлекин?

Все эти годы мы знали друг друга только по никам, общаясь на нашем харьковском DP-сайте. Иногда, если забирало любопытство, я пытался представить, какие они на самом деле: Фома, Лерна, Гип-Гип. Ясно, что всем не по двадцать и не по двадцать пять, ясно, что все не слишком счастливы.

И в самом деле, зачем молодому и счастливому DP?

— ...А на моих уже пять минут. Я — Лерна.

Не быть мне Шерлоком Холмсом! Если и угадал, то не все. Лерна — седая круглолицая бабушка-старушка. Такой с внуками гулять, а не эксперименты над собой ставить. А вот Фоме едва за тридцать — крепкий парень в дорогом костюме, не иначе от Воронина, по виду — из самых-самых. Прикатил на «мерсе», не сам даже, с шофером.

— Здорово всем! Я — Гип-Гип-Нос. Ах да, забыл. Здесь продается славянский шкаф?

И Гип-Гип — совсем не старик. Лет тридцати пяти, худой, длинный. Левый рукав пиджака пуст, на груди — колодка орденов. Уже понятнее.

— Между прочим, с праздником. Хотя какой сегодня праздник?

23 августа — День освобождения Харькова, День города. Речи, народные гулянья, фейерверк, детишки с букетами. Увы, на этот раз настроение совсем не праздничное.

— Еще Гор должен подойти. Он мне звонил.

— Д-день добрый!

Шуре представляться не требуется. Известен.

Встретиться — в жизни, а не виртуально — хотели давно. Ясно, что наша «конспигация» шита белыми нитками, хотели вычислить — вычислили бы на раз. Но все как-то не складывалось.

Сегодня — сложилось. Есть повод.

* * *

— Ребята! Т-товарищи! Я узнавал, к К-каузалу лучше не ход-дить. Там следствие начали, п-подозревают самоубийство. У н-него, у Каузала, в последнее время б-были неприятности на службе...

— Да-а... Найдут у него весь наш арсенал, записи. Скажут: член тайной секты, станут раскручивать.

— Все равно, неудобно как-то. Уточнить надо, когда похороны, подъехать.

— Погоди, Гип-Гип. Рассказывай, Шура, раз ты все вычислил.

— Н-ничего я не вычислял, Арлекин. П-просто... Н-ну, в общем, знакомый общий, случайно вышло. Н-насчет секты — н-не подумают, никаких записей у Каузала, н-насколько я знаю, н-не нашли, он их д-дома не держал...

— Молодец, в натуре. Профессия обязывает!

— Не перебивай, Фома.

— Н-нашли таблетки, но т-там чисто, врач п-прописал. Если бы не шприцы, он д-дома держал «черный» DP... Н-на руке об-бнаружили следы уколов, поэтому и зап-подозрили. Н-нет-нет, я ему «черного» не п-продавал, что вы, реб-бята, не м-мое!

— Умер-то отчего?

— Н-непонятно. Остановилось сердце. Укола п-перед смертью вроде бы не делал. Лег н-на диван отд-дохнуть...

— А чашку с водой рядом нашли? С чего вы вообще решили, что он принимал BDP?

— Постойте! О чем вы? Человек умер, вы о какой-то ерунде!..

— Нет, Лерна. Если Каузал погиб из-за DP, мы должны все узнать. Узнать, предупредить остальных. А если это обычные таблетки? BDP — совсем другое, «черный» никто из нас не использует. Каузал сам виноват, предупреждали. Но если все-таки «черный», то какая сволочь у нас этим торгует, а?

— Чему удивляемся? О проценте риска не забыли? Пусть всего пять процентов, пусть даже три. Если из года в год, то просто по теории вероятности...

— Просто? Все у тебя слишком просто, Гип-Гип. Ладно, разведем по понятиям. И вот чего я еще скажу: хватит кустарничать! Есть, в натуре, одна мысля.

— Извините, вы не скажете, который... Здравствуйте, я — Гор.

Общество Пустых Циферблатов... Какие они все в мире Погружений? Наверняка молодые и, конечно же, счастливые. Как и я сам. У каждого — свое лето 1978-го. Хрономаны, пасынки Времени, пытающиеся стать богами. Не очень счастливые люди, случайно нашедшие окошко в Прошлое.

Случайно? Какая же ты сволочь, брат-элементал! На что намекаешь? Испытания Машины Времени, плохонькой пока, ненадежной? А мы — добровольцы, смелые красноглазые кролики — они же белые лабораторные крысы. И крысолов из Гаммельна с дудочкой... Только вот кто? Всезнающий Шура с его «случайностями» и «общими знакомыми»? Покойный Каузал — по долгу службы? Но зачем подполковнику рисковать самому? Он ведь знал, что мы с Гала балуемся «черным». Подождал бы результата, оценил.

«Хватит кустарничать»? О чем это Фома? Что за «мысля» у него, в натуре?

— Но ведь Каузал кололся? Кололся?

Да, укол... Значит, скорее всего, BDP, который plus. Где взял-то? Конфисковал, что ли? Так ведь не героин, на каждой хазе-малине не найдешь.

Гала?

* * *

— Реб-бята! Так ведь это Гала «черным» ув-влекается. Она эт-ту дрянь Каузалу и продала. Б-больше некому.

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

145

Монтаукский проект стал продолжением и кульминацией исследований, начатых знаменитым Филадельфийским экспериментом, известным также под названием проект «Радуга». В его рамках проводились опыты с целью обеспечить невидимость кораблей для вражеских радаров. Для этого создавался «электромагнитный пузырь» — экран, который отводил излучение радаров мимо корабля. «Электромагнитный пузырь» изменяет внешнее электромагнитное поле вокруг определенной области.

Опыты проводились в 1943 году в Филадельфии с военным кораблем «Элдридж».

Эффект оказался совершенно неожиданным. «Пузырь» сделал корабль невидимым для невооруженного глаза и изъял его из Пространственно-Временного континуума. «Элдридж» неожиданно возник в Норфолке на удалении в сотни миль.

Проект оказался успешным в материальном, физическом отношении, но для задействованных людей стал жестокой катастрофой. Те, кто выжил, были психически ненормальными, находились в состоянии ужаса.

Исследования по программе «Радуга» возобновились в конце 40-х годов.

146

При испытании прототипа Машины Времени (т. н. проект «Ловондатр» — «Ловля ондатр») в 1987 году достигалось изменение скорости течения Времени порядка долей секунд в эталонный земной час. В одном из опытов замедление составило 4 минуты за 8 часов (30 секунд/час). В других было зафиксировано замедление темпа Времени до —1,5 с/ч и ускорение до +0,5 с/ч.

23 августа 2004 г., город Харьков

Хуже, чем думал, много хуже! Озлоблены, испуганы, растеряны...

Чему удивляться? Много лет DP, привычные «три таблетки» были для нас чем-то вроде хобби, почти собиранием марок. Клуб по интересам, семейный отдых, хронотуризм — погрузиться, погулять, вернуться, впечатлениями обменяться. Фома Верующий сводит знакомство с Львом Гумилевым, я брожу по Караби, остальные тоже не скучают.

Оказалось, не Хронос — Танатос. Знать, конечно, знали, но вот сейчас — прочувствовали. До костей, до печенок.

Три таблетки, три банана...

DP-DC... DP-DC... Death Certificate.

— Здравствуйте, я — Гала. Кажется, опоздала...

— Ничего, Гала. У нас к вам есть несколько вопросов. Говори, Шура!

Можно было и не собираться. К бедняге подполковнику идти нельзя. Расследование провести? Какие из нас Холмсы? А если крысоловы из Гаммельна и вправду с нами играют, ничего не только не сделать, но даже и не понять. Где прячут песчинку? В куче песка, ясное дело. А где спрятать правду? В куче всякой ерунды о чудесах в Монтауке, о негодяях из Будущего, насилующих юных француженок. То-то Интернет разрывается!

Кролики мы. Как есть, кролики! Красноглазые кролики — красноглазые крысы!

Что можно сделать — сейчас, сегодня? Опыты прекратить? Начать наконец кампанию против «черного» DP? Нас и на это не хватит. Разве что накинемся на мадам Дали, все вместе, толпой. Кто виноват? Она виновата!

Общество Пустых Циферблатов.

DP-DC... DP-DC...

— ...Да, да! Я передала Каузалу BDP! Я! И что? Теперь вы меня убьете? Каузал был не трус, как все вы, ясно? Мы взрослые люди, знаем, на что идем. А как иначе? Мы совсем рядом с открытием, огромным, невероятного масштаба. Каузал не побоялся, он был настоящим мужчиной. А вы!.. Между прочим, мы с ним такой вариант предусмотрели. Что? Не сообразили, умники? «Новый-2», глубина — десять лет. Погрузиться, найти Каузала... Да-да! Все ему рассказать, предупредить. Если Арлекин прав насчет формулы Запаздывания, то через десять лет... 2 ГП, верно? Сама сделаю, без вас обойдусь, импотенты! А вы, Арлекин, вы... Даже сейчас пьяны, даже...

* * *

А мне ее жалко стало. Не то чтобы слишком.

DP-DC...

147

...Дурацкое чувство, Арлекин, — будто и вправду завещание пишу. Только я человек хоть и суеверный, но обстоятельный. Всю «технику» тебе Гала передаст, а я вот о чем написать хочу. Мысль в голову пришла. Не смейся, профессор, и у меня такое бывает.

Ведь что выходит? Погружение (говорят, Скольжение тоже) длится от силы несколько минут, обычно меньше. За это время мы проживаем в Прошлом до двух суток. Причем (ты заметил?) самые продолжительные Погружения никак не увеличивают время нашего «отсутствия». Попросту: гуляй в Прошлом целый месяц, «здесь» те же минуты и останутся.

Что, если «там» притормозить? «Черные» уже изобрели BDP-stop, значит, и мы можем. И что выйдет? Я задержусь «там» хоть на полгода, хоть на год, а здесь для меня Время вроде как остановится, да? Несколько минут — не счет.

А если вообще я «там» останусь, в моем Прошлом? Погружусь на двадцать лет — и останусь. Значит, для меня-сегодняшнего Время остановится как раз на эти двадцать лет?

Фу ты, чего написалось! Не один ты, Арлекин, марксизм-ленинизм штудировал. Это, извините, субъективным идеализмом попахивает. Солипсизм какой-то, извиняюсь за выражение. Хочу — останавливаю Время... Чушь?

Может, и вправду Аристотелева логика с ее причинами-следствиями в нашей DP-песочнице уже не действует?

Вот ведь какие мысли бродят. Ладно, скоро узнаю! Привет этим, которые в точке Омега, передавать?

Твой Каузал.

ЧИСТИЛИЩЕ

24 августа 2004 г., город Харьков

— ...Ты, Арлекин, совсем того. Конечно, звонил. Ничего такого не говорил, про Рыбачье рассказывал. Приехал, мол, доложиться решил. Совсем плохо, да? Ты еще собирался Борису звонить, между прочим, предлагал на 23-е собраться, я ждал, а ты, как свинья последняя... Уверен, что все в порядке? Может, все-таки подъеду? О чем еще разговаривали? Ты что, и вправду ничего не помнишь?

* * *

Борису решил не звонить, хватит того, что Влад готов мчаться ко мне со смирительной рубашкой. Можно все объяснить, только рассказ про козни зловредного элементала будет иметь обратный эффект — ту же рубашку без рукавов, зато со шнуровкой. У Джека Лондона повестушка есть — про странника между мирами. Он, бедняга, исключительно в подобном одеянии и странствовал.

Ведро, о господи! Новенькое, пластмассовое, белое. Пластмассовое, белое, новенькое...

А был ли ты вообще, мой элементал?

Если нет — плохо, совсем плохо. Шестихвостый серафим с веткой туберозы отменяется, в сухом же остатке остаюсь я сам, дурной и беспамятный. Реакция на проклятый BDP, почему бы и нет? И это вполне логично! Вместо привычных Погружений заносит в альтернативную Одессу, а то и вообще на Караби. Заодно — вышибает память. Все та же бритва Оккама: самое простое объяснение и есть наиболее вероятное.

Я еще дешево отделался. Бедолага Каузал!

«И черный рыцарь не даст ответа...» Рыцарь-то откуда? Блок, кажется?

«Ладно, скоро узнаю». Что хотел узнать подполковник? Спросить у Гала? Да ну ее к черту, эту мадам Менгеле! Мечников, между прочим, на себе опыты ставил, не на друзьях!

* * *

— ...Да, как обычно. И апельсинчик, пожалуйста...

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

148

Группа исследователей во главе с преподавателем МАИ Вадимом Чернобровом вернулась из аномальной зоны в районе Медвединской гряды. Целью экспедиции было испытание первой в мире Машины Времени. Технология пока держится в секрете. Известно, что аппарат круглой формы способен вместить одного человека и составляет метр в диаметре.

Одна из участниц эксперимента, Лиля, рассказала, что после включения аппаратуры пару секунд чувствовала какие-то токи, будто само Пространство двигалось вокруг нее. На миг она увидела вспышку — пейзаж из прошлого, и все закончилось. Выбравшись наружу, девушка ощутила значительный прилив сил. Она провела в машине всего 15 минут, но, как оказалось, за этот небольшой период Время замедлилось на три процента. Это ничтожно малая величина, несколько долей секунды, однако все-таки первое реальное достижение человека по управлению Временем.

149

Время можно рассматривать как гипнотический импульс, которому мы подсознательно соответствуем и подчиняемся. Тот, кто способен манипулировать Временем, может манипулировать нашими подсознательными ощущениями и переживаниями. Поэтому если произойдут изменения во Времени, этого никто не осознает.

Будущее многовариантно, следовательно, допускает вмешательство в пользу одного из возможных исходов. Две точки по-

тока Времени оказываются связанными, зафиксированными образовавшейся «петлей», которая простирается от крайней точки, достигнутой нами в Прошлом, до крайней точки в Будущем, которая является объектом нашего воздействия. Таким образом, мы все оказываемся в «петле» Времени. Она зафиксирована и безальтернативна.

Но это не означает, что надежды утеряны и что все мы становимся рабами тех, кто манипулирует Временем. Подсознание складывается из автоматических и гипнотических уровней, но оно включает в себя также и свободные составляющие: мечты. Если кто-то способен мечтать, значит, мечта может осуществиться.

ЧИСТИЛИЩЕ

24 августа 2004 г., город Харьков

— Нет, Шура, думаю, мы все здорово погорячились, стыдно даже. Гала не из «конторы», иначе не вела бы себя так глупо. А мы накинулись, наорали... Для вояк и спецслужб DP не особо и требуется. Мы ничем не управляем, нас просто забрасывает куда попало. Вояки готовят что-то посерьезнее, поконкретнее. Мы, DP-watchers, вроде как на обочине. Представь, в мире двух измерений живут... ну, скажем, плоскотики. На плоскости обитают потому что. Живут себе, живут, а к ним вкатывается шар. Много они поймут? Вот и мы не в силах понять Время, оно — не для нашего разума. Так и будем ходить к самим себе в гости, хулиганить по-мелкому, пока не нарвемся, как Каузал. Нет, Шура, сегодня обойдусь. Давно хотел завязать, повода только не было, а тут повод — хоть куда. Так что можешь передать нашему Обществу Пустых Циферблатов: Арлекин вышел в тираж. Все! Нет, Шура, не передумаю, я уже думал-передумал. Надумал... Н-нет, ничего. Просто... Хроношок. Хотя «хроно» в данном случае не совсем верно. Прошло!.. «На рассвете, когда до казни оставался один час, полковник Аурелиано Буэндиа, изнуренный бессонной ночью, вошел в камеру к Геринельдо Маркесу и сказал: «Фарс окончен, друг. Идем отсюда, пока наши пьянчуги тебя не расстреляли». Маркес, «Сто лет одиночества». «Полковник Аурелиано Буэндиа поднял тридцать два вооруженных восстания и все тридцать два проиграл»... Приятно все-таки навестить славный городок Макондо! А ну-ка, Шура, давай еще раз — по порядку и желательно очень-очень подробно.

* * *

— Нет, нет, не «Десну». И апельсин не надо. Чашку кофе, покрепче, пожалуйста. Ага.

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

150

И Ангел, которого я видел стоящим на море и на земле, поднял руку свою к небу и клялся Живущим во веки веков, Который сотворил небо и все, что на нем, землю и все, что на ней, и море и все, что в нем, что Времени уже не будет (Откровение, 10, 5—6).

Папка седьмая

АД И РАЙ

25—30 августа 2004 г.

ФАЙЛЫ 151—175

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

151

Ежедневно в Ираке распространяются тысячи листовок, предостерегающих женщин против выхода из дома без хиджаба (мусульманский головной платок), пользования косметикой и любых контактов с мужчинами, даже рукопожатий.

За то, что женщины не одевают хиджаб, посещают парикмахерские и салоны красоты или просто носят джинсы, тысячи иракских женщин подвергаются нападениям, избиению, похищениям и насилию со стороны членов экстремистских исламистских группировок, считающих подобное поведение греховным. Тысячи студенток иракских университетов вынуждены оставить учебу, чтобы защитить себя от террора исламистов.

152

Неизвестная девушка: Я уполномочена сделать следующее заявление. Майор Арлекин извещает всех о прекращении боевых действий против воинского контингента Соединенных Штатов Америки. Это связано с борьбой, которую в настоящее время США ведут против исламского терроризма — главной угрозы мировой цивилизации. Вооруженное

противостояние с оккупантами из стран Евросоюза будет продолжено до полной победы. В случае необходимости боевые действия будут перенесены непосредственно на территорию Европы.

Корреспондент From-UA: Означает ли это...

Неизвестная девушка: Комментариев не будет. Могу лишь добавить, что наши цели глобальны. Мы считаем, что Украина — лучшая страна в мире, и все должны это понять. В первую очередь — украинцы, а потом и остальные. Мы должны дать всем осознать нашу настоящую роль, понять, что на нас лежит величайшая всемирная миссия.

Корреспондент From-UA: Но все-таки... Было ли это решение согласовано с идейным руководителем вашего движения Дмитрием Курчевским?

Неизвестная девушка: Мы никогда не были его сторонниками. Курчевский — типичный неудачник, мелкий авантюрист и политический импотент, не видящий дальше своих очков. Пусть футбол комментирует!

153

Торжественная церемония подписания пакета соглашений о статусе Крыма состоится в Севастополе...

АД

25 августа 2004 г., Крым,
турбаза «Подъем» возле Бахчисарая

— Я была убедительна? — как ни в чем не бывало поинтересовалась Лолита.

— Убедительна? — возмутился я, с трудом сдерживаясь, чтобы не схватить божье наказание за ухо. — Что ты молола про Курчевского? Я тебя просил?

Фыркнула, дернула плечами:

— Великий вождь Курчевский, конечно! Ты тоже, Арлекин, выдумал. Исламский терроризм, исламский терроризм... Прямо лейтенант Казачок какой-то!

— Казачок возвращается, — вздохнул я. — Представляешь?

Лолита скривилась, повела носом:

— Зачем он тебе нужен? Знаешь, Арлекин, я... Я его тоже боюсь. Честно!

Оставалось вздохнуть в ответ. Почему все так боятся Казачка?

— Да, Арлекин, я отслеживаю стоны и вопли по Выдре. Тебе они нужны?

— Зачем?

Дождь зарядил с самой ночи. Полило, полило, полило... Уже много лет я оценивал погоду только как военный фактор, причем не из последних — особенно при крымских дорогах. А вот сегодня дождь воспринимался именно дождем — тоннами воды, падающей с высот на землю. Серое небо, серый рассвет, серые деревья в тумане. Дождь, дождь, дождь... На Караби сейчас наверняка — ни пройти, ни проехать, да и здесь немногим легче. Оно и к лучшему, «их» вертолеты прикованы к земле, авиация тоже.

— ...Арлекин, она права. На кой хрен нам Казачок? Особенно сейчас?

— Пора уходить, Суббота. Исчезнуть — без следа, хотя бы на месяц-другой. В России легче укрыться, а Казачок обещал помочь. Только не говори, что и ты его боишься.

Дождь в горах — совсем не то что на равнине. Звучит чуть ли не пошло, но только для тех, кто никогда не попадал в этот серый туман. Ни конца, ни краю, ни пола, ни потолка. Серая земля, серые скалы, серая тишина. Кап... кап... кап...

Повезло с дождем! При солнце я чувствовал бы себя трупом — бессильным, недвижным, покорным. «Когда похоронный патруль уйдет и коршуны улетят, приходит о мертвом взять отчет мудрых гиен отряд...» Гиен в Крыму, к счастью, нет — четвероногих, во всяком случае. «Вот он и вышел на свет, солдат, — ни друзей, никого. Одни гиеньи глаза глядят в пустые зрачки его...»

— ...Около двух минут, Арлекин, или меньше даже. Ты сделал укол, закрыл глаза... Еле время успела засечь. Слушай, я тоже хочу попробовать, будь человеком!

— Ага. Это хуже наркотика, Лолита. И вреднее. Кроме того, минимальный срок Погружения — десять лет, тебе только восемнадцать. Не спеши, успеешь еще — засечь Время.

Туман, туман, туман... Серая тихая могила. Ни дна, ни покрышки.

«Гиены и трусов, и храбрецов жуют без лишних затей, но они не пятнают имен мертвецов: это — дело людей...»

* * *

— Казачок сообщил, что прилетит через час, говорит, сумеет добраться. В вертолете будут три свободных места. Это для кого, Арлекин? Для тебя, для твоей...

— Понял, Суббота. Через час... Позови-ка сержанта Рябину.

РАЙ

25 августа 2004 г., Крым, Караби-яйла

Рабочая тетрадь, с. 50.
Харьковский Национальный университет им. В.Н. Каразина. Горно-крымская комплексная экспедиция. Июль — август 2004 г. Отряд «Омега».

Работы не велись из-за сильного дождя и тумана. Андрюс требует продолжить разведку в западной части плато (предполагаемый «Объект № 2»). Обещал, но лишь в случае прекращения дождя до полудня.

Первоначальные соображения по «Объекту № 2». Время — позднеримское или ранневизантийское (характерная квадровая кладка). Назначение — сторожевой пост. Его нахождение на линии «истинного лея № 1» (ИЛ-1) может быть обычным совпадением, тем более определение «лея» исключительно по карте не дает необходимой точности. Нет полной уверенности и в том, что «Объект № 2» до сих пор не открыт и не описан, но его полная атрибутация возможна только в Харькове.

Анна по-прежнему чувствует себя неважно. Сегодня долго рассказывала о реликтовых гиенах Кавказа (ущелье Масох, Кабарда) и пещерных гиенах Крыма эпохи мустье. Борис и Влад считают, что это от обилия впечатлений.

Планы на 26—27 августа...

154

Находки костных остатков древних животных Крыма, выявленных на стоянках эпохи мустье, включают среди прочего шерстистого носорога, пещерного медведя, пещерного льва, пещерную гиену, древнюю косулю, кабана, бурого медведя, рысь. Арктическая фауна представлена такими видами, как северный олень, песец, тундровая и белая куропатки. Находки их костей свидетельствуют о весьма суровом климате в Крыму и о миграциях животных на юг из районов, затронутых оледенением.

155

В ходе Чеченской войны встречались случаи установки авиапушек на отдельную станину, в т.ч. и колесную. Точность такого «полевого орудия» на дальних дистанциях неудовлетворительна.

120-мм миномет — наш или натовский. Втроем его перенести можно, бьет по максимуму километров на семь.

Снайперка — самая дальнобойная южноафриканская NTW20 (с использованием 14,5 мм патрона) дает всего 2300 м. Маловато.

«Малютка», переносная, группа из трех человек — две ракеты. Дальнобойность до 3000 м.

«Корнет-Э», переносной, наведение лазерное, дальнобойность до 5 км.

АД

25 августа 2004 г., Крым,
турбаза «Подъем» возле Бахчисарая

— Всэ зрозумим, товаришу майор. Я б для такои справы «Утес» узяв. Гарна игрушка.

— Действуйте, Рябина!

Туман не желает уходить, серое море неслышно плещется

вокруг, заполняя горло сыростью. Ни дна, ни покрышки. Осень, скоро осень...

— Накинь куртку, Лолита. Холодно!

— И ничего не холодно, даже сексуально. Всегда мечтала полежать на травке рядом с немытым мужиком. Очень возбуждает!

Оба рядом, оба шепчем. Божье наказание несправедливо — на мокрую траву я ее укладывать не стал. Лежим на куске целлофана, прямо как в туристском походе. Все остальные рядом, может, молчат, может, тоже шепчутся. Серый силуэт туристской базы впереди, метрах в пятидесяти. Между нами — подернутая туманом поляна.

— Ноутбук не забыла?

— Обижаешь!

Слышу ее дыхание — неровное, частое. Кажется, девочке страшно, но виду, само собой, не подает. Форс есть форс, особенно если носишь кольцо в ноздре. Сегодня Лолита вновь его нацепила — не иначе резервное нашла. Я не стал возражать. Боевой наряд!

— А если все будет в порядке, Арлекин?

— Если все будет в порядке, если Казачок пригонит вертолет, ты сядешь в него вместе с Субботой. Адрес в Москве, надеюсь, не забыла. Ноутбук оставишь мне. Только не спрашивай: а ты?

Молчит. Дышит. Думает.

Туман еще гуще — надвинулся, навалился. Словно мы опять попали в облако где-нибудь на Демерджи. В детстве часто думалось, что там внутри, за белым краем? Оказалось, ничего особенного, никакого чуда. Дождик, туман, снова дождик.

У деда была дача в Научном поселке, в получасе езды от Харькова. Когда надоедало читать, я залезал на крышу, смотрел на облака, прикидывал, на что похожи. Одно на медведя, другое на зайца...

Сколько осталось времени? Полчаса? Меньше?

Почему мы так боимся Казачка?

— А все остальные? Заберешь их с собой на тот свет?

Ну вот!

* * *

— Скольким ты сломал жизнь, Арлекин? Никогда не думал? «Свободные русские люди»... Ерунда, пустые слова, сюси-пуси! Просто тебе стало скучно, просто захотелось пострелять. Остальное уже не возбуждало, правда? Недаром ты маркиза де Сада любишь! Кем ты был раньше? Обычным доцентом, пугалом первокурсников? А теперь! Я что, мужиков не встречала? Не морщись, Арлекин, не кажись большим ханжой, чем ты есть. Мужикам много не надо — поесть, выпить, завалиться со мной в койку и получить повышение на службе. Примитивно? Но ведь это и есть жизнь, понимаешь? А тебе больше нравится смерть... Только не говори, что мы — добровольцы. Помнишь, ты рассказывал про раскольников, как они в срубах заживо себя сжигали? Тоже добровольно, между прочим. Мне восемнадцать, я хочу заниматься спортом, сексом и изучать палеонтологию. Я нормальный человек! А теперь... Теперь ты вышвырнешь меня, как использованную шлюху, сам погибнешь, а я всю жизнь буду тебя вспоминать — каждый день, каждую ночь. Этого хочешь? Девочка в поезде, с которой вы целовались... Ты и ей жизнь поломал, и остальным — всем, до кого дотянулся. Не смейся, а то я тебя ударю, майор Арлекин! Ты... Не смей меня отсылать, я останусь с тобой!..

* * *

...Гул вертолета я услыхал даже раньше Лолиты. Нервы — девочка думала о палеонтологии, мысленно доругивалась со мной, а я ждал Казачка. И когда сквозь серое марево донесся еле различимый шум, прежде всего взглянул на часы. На двадцать минут раньше. Почему-то я не удивился.

А еще почудилось, будто кто-то стер цифры на моих «Командирских». Пустой циферблат... Ангел вострубил — и Время кончилось.

Что-то шептала Лолита, сбоку вынырнул неугомонный Суббота, но я отмахнулся, отсылая его назад. Только бы никто не выскочил на поляну, не подошел к зданию! Рано, еще рано, скоро все выяснится, скорее всего, у меня обычная паранойя, Казачок, как ни крути, свой, а то, что прилетел раньше, неплохо, больше времени на погрузку...

Гудело уже рядом, сквозь туман мелькнул неясный силуэт. Почему все мы боимся этого парня с белесыми глазами?

Когда вертолет завис над поляной, Лолита попыталась привстать, но я толчком отбросил ее на влажный целлофан, надавил ладонью, прижимая носом к земле...

Попали первой же ракетой. Неудивительно — били почти в упор. Вторая вошла прямо в рыжее пламя, охватившее здание турбазы. За нею — третья, четвертая...

И тут ударил «Утес» сержанта Рябины.

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

156

С неожиданной инициативой выступил сегодня в Думе генпрокурор РФ Владимир Устинов. Он предложил брать в заложники родственников террористов. «Задержание родственников террориста во время проведения теракта, безусловно, поможет нам сохранить и спасти людей», — считает Устинов.

Несколько изумленный предложением генпрокурора, спикер Борис Грызлов заявил, что если эта идея, о которой он «впервые услышал сегодня», будет оформлена как поправка к действующему законодательству, то Дума готова ее рассмотреть.

157

По мнению политических обозревателей, Украина стала объектом большого геополитического торга. Стремление руководства НАТО, и прежде всего США, вывести войска из Крыма вызвано главным образом неудачами кампании в Ираке, потребовавшей значительно больше сил и ресурсов, чем предполагалось первоначально. Вместе с тем вывод подразделений UkrFOR без подписания соответственного политического соглашения означал бы фактическую капитуляцию оккупантов перед силами Крымского Сопротивления. В руководстве НАТО четко прослеживаются две тенденции. США готовы закончить «украинский эпизод» как можно скорее, чтобы

сосредоточиться на Ираке. Европейские страны, напротив, стремятся закрепить свое влияние на Украине, в том числе в военно-политическом отношении. Это связано в значительной мере с требованием европейской «общественности», желающей окончательной победы над «террористами» и наказания «военных преступников».

Особую позицию занимает Россия, стремящаяся сыграть на противоречиях в НАТО и восстановить свои прежние позиции на Украине и в Крыму.

Все это накладывается на близкие президентские выборы на Украине. Победа оппозиции может привести к формированию новой, более самостоятельной политики, поэтому все стороны, включая Россию, готовы прийти к компромиссу ради успеха «своего» кандидата. Аргументом должно стать соглашение о формальном «возвращении» Крыма Украине при фактическом сохранении оккупационных сил с включением в них российских контингентов.

Соглашение по Крыму, подписание которого намечено в Севастополе, должно стать подобным компромиссом.

АД

25 августа 2004 г., Крым,
турбаза «Подъем» возле Бахчисарая

Сопротивляться искушению не было ни сил, ни желания, ни особой необходимости. Оставалось последовать разумному совету — преодолеть, поддавшись, поэтому я без особых церемоний притянул к себе Лолиту и вывернул ее левый карман. Сигареты оказались именно там. Зеленый «Вог», редкая гадость для тех, кто понимает. Ладно, зеленый так зеленый.

— Зажигалку! — бросил я, ни к кому не обращаясь.

Зажигалку наша гюрза хранила тоже в кармане, но не в левом, а в правом.

Полузабытый вкус ментола, первое, еще робкое кольцо дыма, легкое покалывание в кончиках пальцев... Сколько я уже не курил? Неделю? Больше?

Хорошо!

Подскочил взволнованный Суббота, принялся докладывать, сбивчиво, глотая слова, но я не стал слушать. Потом, все

потом! Когда командир курит, война может подождать, тем более проигранная. На этот раз — уже окончательно.

Сизый дым уходил вверх, сливаясь с туманом, и с каждой затяжкой мне становилось легче, спокойней. Страшна неопределенность, великая дилемма «повесят — не повесят». Когда же ясно, что повесят, причем всенепременно и в кратчайший срок, бояться нечего, волноваться ни к чему.

Вторую сигарету Лолита вручила мне сама. Уже не «Вог» — харьковскую «Ватру». Не иначе из неприкосновенного запаса.

— ...Поглядишь? Там их трое.

— Нет, Суббота, не стоит. Чего я не видел, мертвого Казачка? Это точно он?

— Он, гад! Обгорел, но узнать можно. Здорово наш Рябина пидаросов срезал, первой же очередью!.. Ну, суки, братья-славяне! Честно скажу — не ожидал от них такого западла! Слушай, Арлекин, выходит, ты все знал? Или догадался?

— «Думаете ли вы, что эти галилеяне были грешнее всех галилеян?» Наши предали, чем эти лучше?

— Они не галилеяне. Они, блин, гиены из твоего Киплинга!

— «Вот он и вышел на свет, солдат, — ни друзей, никого. Одни гиеньи глаза глядят в пустые зрачки его...» Брось, Суббота, гиены-то в чем виноваты?

Даже сейчас я не мог рассказать капитану всей правды. Ни ему, ни остальным. Не потому, что она, голимая, выглядела еще более мерзко, чем обгорелые трупы в сбитом вертолете, прилетевшем по наши проданные и преданные души. Сказавши «алеф», пришлось бы упомянуть и «бейт»: Россия нам не поможет, Россия, на которую была вся надежда. Я верил, несмотря ни на что, несмотря на всю очевидность. Не только американцам опасен наш отряд в освобожденном Севастополе.

— Арлекин, только сейчас поняла. Нас всех могли убить, первой же ракетой! И тебя, и меня... Значит, если бы не ты... Если бы не ты...

— Боец Лолита, прекратите «сюси-пуси»!

* * *

Далеко уходить все же не стали, понадеявшись на туман. UkrFOR не станет рисковать «вертушками», особенно накануне эвакуации, высылать же патруль за несколько километров

от спасительного блокпоста (ближайший — в том же Машино, восстановили, сволочи!) — тем паче. Аргонец быстро построил отряд, и мы почти бегом прошли пару километров, оказавшись за небольшим озером. Дальше — предгорья, куда ни янки, ни представители «European civilization» в такую погоду не сунутся. Странное дело, не только экзальтированная Лолита, но и остальные смотрели на меня чуть ли не как на героя. Отец-командир в очередной раз спас своих орлов! Того и гляди в мемуары вставят, если, конечно, найдется кто-то писучий.

Да, спас — и себя, и остальных. Только гордиться нечем. «Вертушка» спецназа из братской страны прилетела по моей вине. Не только — но и по моей тоже.

Веревка намылена, колченогий табурет под ногами. Может, еще и наградят — посмертно.

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

158

...Вы абсолютно правы, не доверяя спецслужбам Украины. Вместе с тем вы должны понимать, что интересы нашей державы, традиционной защитницы славянского мира, полностью совпадают с интересами Крымского Сопротивления. Можете быть уверены, что мы и впредь будем оказывать вам и вашему отряду всю возможную помощь. Еще раз подтверждаем обещание, данное при личной встрече: при любом исходе борьбы всем вам гарантируется убежище на территории РФ.

Уверен, наши условия не покажутся вам невыполнимыми. Прежде всего речь идет о включении нашего офицера в командный состав отряда. Этот офицер не только обеспечит постоянную связь с Москвой, но и окажет существенную профессиональную помощь.

Василий Николаевич Казаков является исполнительным, трудолюбивым, можно сказать, образцовым сотрудником. Он — настоящий энтузиаст нашего нелегкого и сложного дела. Служил в Карабахе и Чечне, имеет несколько боевых наград. Неоднократно действовал в тылу противника, как в одиночку, так и в составе спецгрупп. В личном общении спокоен и хладнокровен...

159

В 1960-х годах стала ощутимой необходимость в замене состоящего на вооружении 12,7-мм пулемета ДШКМ более современным образцом. В 1969 году в Советском Союзе конструкторами Г.И. Никитиным, В.И. Волковым и Ю.М. Соколовым была начата разработка нового крупнокалиберного пулемета под шифром «утес». В 1972 году после всесторонних испытаний он был принят на вооружение под наименованием НСВ-12,7.

НСВ-12,7 «утес» до сих пор остается одним из наиболее совершенных крупнокалиберных пулеметов. Наличие нескольких станков расширяет его боевые возможности, позволяя выбирать конструкцию, наиболее полно отвечающую поставленной боевой задаче. Он предназначен для вооружения танков, бронетранспортеров и пехотных подразделений в целях борьбы с групповыми живыми целями, легкобронированными транспортными средствами, огневыми точками и маловысотными воздушными целями.

НСВ-12,7 удобен также тем, что производится на заводах Украины, в то время как Россия перешла на более современную систему «корд»...

АД

25 августа 2004 г., Крым, окрестности села Баштановка

— Докладывай, Аргонец. Все в порядке?

— Эт-точно! Базу накрыли, командир второго взвода прилетел, как волшебник, в голубом вертолете, чтобы всех замочить, в Россию нам хода нет. В остальном — все в порядке.

— Эмоции, эмоции, товарищ старший лейтенант! По крайней мере, теперь незачем бояться лейтенанта Казачка.

Туман наконец-то нас оставил. Сквозь редкие облака вы-

глянуло блеклое, совсем не летнее солнце, но и ему были рады. Можно обсушиться, согреться. Костры зажигать опасно, продрогли же и отсырели мы основательно.

Лолиту на наш военный совет я не пригласил. И так эмоций хватает.

— ...Сорок три бойца, оружие и патроны в комплекте, если еще подождать симферопольскую группу...

— Ждать не будем. Всем отбой, полный отбой!

Мне не нужны ребята из Симферополя — девять человек, последний резерв. Не потому, что только двое из них успели повоевать. Просто — не нужны, как не нужен весь отряд. Я смотрел на своих офицеров — хмурых, но уже пришедших в себя, готовых воевать дальше, и удивлялся тому, что они не понимают. Этот военный совет — последний, и день, нежаркий, почти осенний, тоже последний. Мы исчерпали наше Время, выбрали до последней капли. Наша война окончена — сегодня и навсегда.

Наша — не моя.

Они не понимали. И хорошо, что не понимали.

Мы воины, мы трубадуры, увечный и голый отряд;
Мы те, кто назад не вернется, за труд не получит наград,
Кто ангельских крыл не коснется, кто, злою судьбою гоним,
Уже никогда не предстанет, Господь, перед ликом Твоим...

* * *

— ...Отряд делится на три группы. Основная уходит сегодня, ближе к вечеру. Лучше всего переждать до темноты в лесу за Машино, а потом россыпью — в Бахчисарай. Группу возглавишь ты, Аргонец... Товарищ старший лейтенант, давно начали спорить со старшим по должности и званию? Ты, Суббота, подбери человек шесть, ветеранов, самых толковых. Сержанта Рябину оставишь мне. Взять с собой полный боекомплект и быть готовым выполнить приказ. А приказ, товарищ капитан, поступит в должное время. Ясно? Все ясно? Вопросов, надеюсь, нет? И еще, мне нужен наш Экселенц. Нет, не здесь, просто пусть будет готов — в любую минуту.

* * *

Уже когда Суббота доложил, что личный состав построен, я вдруг понял: сказать мне нечего. Лгать не хотелось, а говорить правду... Где она, правда? Сегодня последнее построение отряда, для большинства борьба закончена, войну мы проиграли, за десять лет погибло несколько составов отряда...

...Полного списка убитых нет даже в моем ноутбуке. Учет велся в Киеве, но я даже не знаю, живы ли друзья, помогавшие нам все последние годы. Не знал — и пока не старался узнать. Потом, все потом...

Признавать поражения нельзя — но и всей правды я сказать не могу. Даже намекнуть: война кончилась не для всех, я сдержу слово и войду в Севастополь. Нельзя, не только моя голова на кону. После они, уцелевшие, узнают, поймут.

Потом, все потом...

Оставалось молчать, медленно идти вдоль строя, улыбаться. Почему бы и нет? Все в порядке, мы уцелели, Смерть опять промахнулась.

Строй оказался неожиданно коротким. Два неполных взвода, да еще десяток ребят в Симферополе, и еще пятеро в карауле. Всё! Вот если бы выстроить всех — и живых, и мертвых, тогда... Вместились бы мы на этой поляне? Едва ли.

Пора было начинать. «Равняйсь! Смир-р-рно! Слушай боевой приказ! Первый взвод под командованием капитана Субботы... Второй взвод под командованием старшего лейтенанта Аргонца...»

Нельзя даже проститься — ни с живыми, ни с мертвыми. Можно лишь в последний раз пройти вдоль строя, последний раз улыбнуться... С большинством из них мы уже не увидимся — никогда, ни в одном из миров...

Почему так трудно подобрать слова? Какой же из меня педагог?

— Командуй, Суббота! И... скажи им что-нибудь. О чем хочешь — но скажи!

* * *

— Товарищи офицеры. Прежде чем вы приступите к выполнению приказа...

— Арлекин, блин! Нормально разговаривать разучился?

— Повторяю специально для вас, капитан Суббота. Прежде чем вы со старшим лейтенантом Аргонцем приступите к выполнению приказа, прошу выслушать следующее предложение. Учтите, я не шучу.

— Ну ты и вправду того, Арлекин. Этого...

— Погоди, Аргонец, дай сказать. Сейчас вы оба имеете полное право покинуть отряд. Оба, слышите! Война — та, что мы начали десять лет назад, закончена. Я еще не знаю, выиграли мы или проиграли, но — закончена. Все! Хотите — уезжайте с остальными. Ты, Аргонец, можешь вернуться в Харьков, тебя не тронут. Тебе, Суббота, я дам адрес в Киеве...

— Погоди, погоди... Мы уедем, а ты? Ты на что намекаешь?

* * *

— А если бы они согласились?

Солнце горело совсем рядом — за сомкнутыми веками. Горящий огненный океан. Открой глаза, шагни в пламя...

Лолита пристроилась рядом. К полудню трава высохла, и целлофан уже не требовался. Теплая земля внизу, моря огня наверху...

— Если бы согласились, — вздохнул я, — уехали бы домой. И всё.

— Всё?!

Кажется, она вскочила, но открывать глаза я не стал. Огненный океан не отпускал, завораживал. Совсем рядом, совсем близко...

— Хитрости твои, Арлекин, блин...

— «Блин» — не надо, — поморщился. — Что за сленг?

Сопение послышалось совсем рядом.

— Честный, да? Справедливый? Знал, что ни Суббота, ни Аргонец не оставят тебя одного, но все-таки предложил. А теперь? Какую ты гадость придумал?

— Боец Лолита! — не выдержал я. — Заткнись!

Кажется, все сделано — и сделано верно. Правило боя на ножах — дерись до конца, что бы ни случилось. Show must gone. Нас уже взвесили, оценили и поделили, скоро три самоуверенных болвана съедутся, дабы разрезать пирог и приступить к трапезе. Милости просим, гости дорогие! Численность

войск, горы оружия, военная промышленность — еще не все. Война — жертвоприношение, схватка глаза в глаза, воля против воли. Не спешите праздновать, господа!

— Спишь?

Как видно, мною опять недовольны.

— Ты стал какой-то деревянный, Арлекин! Тебя ничего не интересует.

— А что меня должно интересовать? — откликнулся я без всякой охоты. — Труп лейтенанта Казачка? Торжественные похороны мадам Выдры? Мне уже пропели всеевропейскую анафему?

— Ты даже не представляешь! — В голосе Лолиты прозвучало явно неуместное торжество. — Съехались все президенты, два короля, королева, папа римский выступил...

— Не люблю попов! — хмыкнул я. — Королей, впрочем, тоже.

— Ты теперь главный враг Европы. Куда там Милошевичу с Караджичем! Вой стоит такой, что на Марсе слышно.

— А приятно!

На миг я ощутил суетное желание — включить ноутбук, пересмотреть заботливо подобранные нашей гюрзой файлы, потешить гордыню. Что, съели, господа европейцы? Получили, защитнички цивилизации?

— Нашему правительству грозят санкциями, требуют ввода дополнительных войск, хотят отдать под суд нашего министра внутренних дел...

— Давай о чем-нибудь другом. — Я невольно улыбнулся. — Будем считать, что настроение ты мне уже улучшила. Только не о войне. Перерыв!

Рядом — снова какая-то возня. Божье наказание решило изменить диспозицию и прилечь ошуюю. Сколько лишних движений!

— Тогда я расскажу тебе про своего первого мужчину, Арлекин. Хочешь? Ты почти ни о чем не расспрашиваешь, будто у меня и жизни никакой не было. Какой же ты эгоист! Девочка-припевочка под боком, ноутбук в порядке, а как эта девочка жила все годы, что с нею было...

О господи!

— Твой первый мужчина старше тебя лет на двадцать. Скорее всего, твой преподаватель. Он торопился домой, к семье, поэтому вы очень спешили.

— Ага...

Кажется, она растерялась.

* * *

— Нет, Экселенц, мне твои подвиги не нужны, слышишь? Ты мне сам нужен, живой и здоровый. Ты где сейчас? Вот и хорошо, тихо-тихо собирайся и так же тихо приезжай. И больше не звони, понял? Как? Ладно, попробуй, но учти — если что с тобой случится, посмертно расстреляю. С занесением приговора на надгробие. Удачи!

* * *

— В Севастополе ты меня подождешь, — негромко бросил Аргонец.

Кажется, это не вопрос.

— Подожду, — согласился я. — Ты успеешь. Но ты мне нужен в Харькове.

— Подождешь.

Дискутировать я не стал — старший лейтенант спорит редко, возражает еще реже, но на своем настоять умеет. Итак, дождусь. Еще три дня, он успеет, если, конечно... Нет, без «если, конечно». Успеет!

Вечер, ранние сумерки над лесом. Группа Аргонца уходит. Их двадцать три, если считать и старшего лейтенанта. Двадцать три уходят, девятнадцать — остаются.

Никто, конечно, не думал устраивать прощальный парад, тем более о том, что он — прощальный, знал лишь я. Остальные знать не могли, но, кажется, почувствовали. Собрались все, даже Лолита.

Последний парад...

Суббота занервничал, едва кивнул старшему лейтенанту, отвернулся, принялся мять ни в чем не повинную сигаретную пачку. Меня и самого тянуло курить, но я пытался сдерживаться, думать о другом.

Они уходят — и хорошо, что уходят!

— Равняйсь! Смир-рно! Товарищ майор, группа для выполнения боевого задания...

Лолита стояла тут же, отступив на полшага, — безмолвная, словно погасшая. Ноутбук в ее руке в этот миг выглядел особенно нелепо.

— Шаго-о-ом!..

Аргонец тоже хорош — устроил плац-парад с «равняйсь-смирно». Обычно группы уходят тихо, незаметно. Но это — обычно.

— Песню-ю-ю! Запе-вай!

Какую еще песню?! Американцев распугивать? Ну, Аргонец! Мы же не Кантемировская дивизия!..

Сэр Джон Бэксфорд собирал в поход
Две тысячи уэльских стрелков.
Сэр Джон Бэксфорд был толстый, как кот,
А конь его был без подков.
Сэр Джон Бэксфорд пил шотландский эль
И от этого очень устал.
Он упал под ель, как будто в постель,
И там до Пасхи проспал.

Вот оно что! На строевую, конечно, не тянет, но если неспешно, вразвалку...

Король Эдуард четырнадцать дней
Ждет Бэксфорда отряд.
Десять тысяч копий и столько ж коней
Не пьют, не едят и не спят.
Король Эдуард восьмого гонца
Вешает на суку,
Но Бэксфорда нет, и вид мертвеца
Навевает на войско тоску.

— Ваша песня? Из экспедиции?

Лолита стала рядом, наклонилась к самому уху.

— Наша, — вздохнул я. — С Аргонцем уходят еще трое, мы все вместе копали Цитадель...

Аргонец и его ребята все-таки решили попрощаться. Наша тайна — уже никакая не тайна. Они знают.

Король Эдуард подписал приговор
И вышел, гневен с лица.
«Сэр Джон Бэксфорд — трус, изменник и вор,
И Тауэр ждет подлеца!»
Сэр Джон Бэксфорд лежит на траве,
Шлем стоит у плеча,
И не ведает, что по его голове
Плачет топор палача.

— Нашли чего, блин, петь! — Хмурый Суббота тоже подошел, извлек из пачки последнюю сигарету, поморщился. — Еще бы «со святыми упокой» затянули!

— А мне нравится, — поспешила сообщить Лолита. — И всем остальным, кажется, тоже.

Насчет «кажется, тоже» — не знаю, но капитан негромко зарычал. Кажется.

Лорд-канцлер Кромвель к Уэльсу спешит,
К лесам, где спит Бэксфорд.
Королевский указ к уздечкам пришит
У каждой из конских морд.
Время идет, кончается год,
В Лондоне Бэксфорда нет.
Французский флот переплыл Ла-Манш
И занял цветущий Кент...

* * *

— Ты улыбался, Арлекин. Ты давно так не улыбался. Молодость вспомнил?

— Далекую, туманом сизым повитую... Нет, не потому. Ребята останутся живы, Лолита. Кто-то из нас уцелеет.

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

160

В центре Белграда на рекламных щитах, фасадах зданий и киосках появились плакаты с фотографией бывшего президента Сербской Республики Радована Караджича, обвиняемого Гаагским трибуналом в военных преступлениях и объявленного в розыск. Как передает корреспондент РИА «Новости», надпись на плакатах гласит: «Каждый серб — это Радован». Несколько дней тому назад в Белграде продавались фотографии Радована Караджича и бывшего командующего армией Сербской Республики Ратко Младича, также обвиняемого трибуналом.

Международный трибунал по военным преступлениям для бывшей Югославии (МТБЮ) требует выдачи бывшего руководителя Сербской Республики и командующего ее армией. Служащие СФОР постоянно разбрасывают листовки с обращением к населению сообщить информацию о местопребывании Караджича и Младича. За это обещана награда до 5 млн долларов. В ответ в городах республики то и дело появляются плакаты с фотографией Караджича и выражением поддержки, а листовки и другие печатные объявления СФОР уничтожаются.

РАЙ

26 августа 2004 г., Крым, Караби-яйла

Рабочая тетрадь, с. 51—53.
Харьковский Национальный университет им. В.Н. Каразина. Горно-крымская комплексная экспедиция. Июль — август 2004 г. Отряд «Омега».

Последний рабочий день. Завершили обследование «Объекта № 2». Удалось установить, что «Объект» был крупнее, чем предполагалось первоначально. К С-В от уже открытой его части к «Объекту № 2» примыкало сооружение, вероятно, квадратной формы, от которого уцелел нижний ряд стен, позднее засыпанный землей. Характер кладки (квадровая) аналогичен кладке «Объекта».

Раскопки не производились. Был очищен и сфотографирован один из камней, после чего вновь засыпан землей. Длина обнаруженной части стены — ок. 10 м.

Во время работ было обнаружено несколько фрагментов керамики. Все они сильно фрагментированы, что не позволяет произ-

вести датировку. В засыпи возле камней найдены фрагменты современного бутылочного стекла.

Соображения:

1. Возможно, случай археологического «дежа вю». «Объект № 2» и соседнее строение могли быть открыты и исследованы ранее, но результаты работ до сих пор не опубликованы.

2. Остатки стен могли быть засыпаны в новейшее время в ходе строительных работ. Смотритель метеостанции Владимир Серебряков сообщил, что в 1970-е годы производилась расчистка грунтовой дороги вдоль южного склона Караби-яйлы.

В любом случае «Объект № 2» реально существует, причем это не сторожевая башня, как предполагалось ранее. Истинное его назначение, равно как и время постройки, определить пока невозможно.

Андрюс полагает, что это могло быть укрепление, «фиксирующее» начало ИЛ-1, то есть системы укрепленных пунктов от Караби до Гурзуфа, сооруженных после правления Юстиниана. Но совершенно непонятно, зачем нужна была такая «фиксация», тем более что «Объект № 2», чем бы он ни являлся, находится в стороне от Длинных Стен и спуска с яйлы.

Борис предполагает, что это мог быть «командный пункт» или цитадель.

Вместе с тем «Объект № 2» действительно находится на линии ИЛ-1, что, конечно, может быть обычным совпадением.

Примечание Бориса: обычным? Шесть объектов одного времени на едином «шампуре»?

Анне значительно лучше. Сегодня ей рассказали (тот же Владимир Серебряков) про появление в северной части Караби (возле спуска на Ай-Алексий) загадочного существа (очередного). «Существо» якобы видели местные пастухи.

Я попросил Владимира не издеваться над ребенком. Владимир уверяет, что пастухи в самом деле встретили нечто, прежде невиданное.

Примечание Влада: карадагское чудище вылезло на берег погулять.

26 августа 2004 г., Крым,
окрестности села Баштановка

— Дай сигарету! — не выдержал я. Суббота, ухмыльнувшись не без злорадства, распечатал новую пачку, протянул ближе.

— Может, еще и по граммульке? У меня во фляге...

— Обойдешься!

Чтобы не думать о собственном грехопадении и об упомянутой капитаном фляжке, я поглядел на часы. Циферблат «Командирских» привычно высветил цифры.

— Пять минут второго. Через два часа тебе вставать.

Суббота махнул длинной ладонью, демонстрируя презрение к Морфею, вздохнул, поправил куртку.

— Холодно, блин! А еще говорят: август, август!

— Горы, — заступился я за ни в чем не повинный крымский климат. — И ночь.

Пришлось вновь поглядеть на «Командирские».

— Час ноль шесть... Вернусь... Если вернусь в Харьков — заведу часы с пустым циферблатом. Очень удобно, сколько хочешь времени — столько и будет. Говорят, такое модно, даже стильно.

Капитан покосился не без подозрения:

— Ты чего, у пидорасов словечек нахватался? Стильно, блин! Плейбой! Развел в отряде гарем с будуаром!

Бедная Лолита! Или это наш капитан — бедный?

— Если вернемся... Ты и скажешь, Арлекин! Не если, а вернешься. И я вернусь. Пошумлю, перепугаю сволочей до мокрых штанов — и вернусь. Без меня ничего не начинай, ясно? Да, у тебя документы есть?

— В смысле? — моргнул я от изумления. — Фальшивых — полная сумка, а настоящие...

— Документ! — резко бросил Суббота. — С фотографией, с мордой твоей. Настоящий!

— Паспорт, — совсем растерялся я. — Старый, еще советский. Он, кажется, у Лолиты, я решил не оставлять в Харькове...

— Дашь мне. Понял?

Не понял. Затем подумал. Понял.

— Не вздумай, Суббота!

— Не боись, майор, все будет чики-чики, как Экселенц говорит. Раскис ты, майор, погляжу. Не-е-ет! Глупо, блин, подыхать перед самым финишем. Не хочу — и тебе не советую. Всю войну оттоптали, ни одной, считай, царапины, и чтобы под самую завязку...

— Столько маяться, — кивнул я. — Столько мучиться, и все для того, чтобы шесть педерастов убили тебя, и ты ничего не можешь поделать.

В этот миг мне более всего на свете хотелось отменить свой приказ.

* * *

Сэр Джон Бэксфорд лежит на траве, шлем стоит у плеча. И не ведает, что по его голове плачет топор палача...

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

161

Любовь к ближнему — это химера, которой мы обязаны христианству, а не природе. Безумец из Назарета, гонимый, несчастный и, следовательно, подталкиваемый своей слабостью, которая вынуждала его призывать к терпимости, к человечности, обязательно должен был придумать такие неестественные отношения между людьми, потому что тем самым он боролся за выживание. Но философ не принимает этих фантастических отношений: видя и признавая во Вселенной только самого себя, он только с самим собой соотносит все, что его окружает.

162

Как нация, украинцы не существуют. Для восточных славян ближе название «русский». Надо наконец перестать путать понятия «страна» и «государство». В головах людей опять-таки

формировалось ощущение того, что существует некая равноправная, равноценная России Украина, включающая в себя территории, здравым историческим и юридическим умом не могущие быть признанными украинскими.

Нам, болеющим за настоящую Россию, это непростительно. Интеграция, объединение стран и народов возможны в нашем большом российском пространстве, как в Западной и Центральной Европе. Но, как и там, сначала необходимо в определенной мере исправление исторических несправедливостей (возвращение Эльзаса и Лотарингии, воссоединение Германии и др.) — восстановление территориальной целостности России в разумных пределах, уважение прав народов в выборе своего самоопределения.

Исходя из этой задачи, главное внимание должно быть уделено ослаблению и последующему разделу и поглощению Украины.

АД

26 августа 2004 г.,
Крым, окрестности Чатырдага

Мы оба оказались на диво пунктуальными. Стрелки на «Командирских» как раз сомкнулись на цифре «12», когда появился Экселенц — в шортах, полосатой майке навыпуск и огромной панаме. Я так и не понял, откуда он взялся — то ли вышел из-за ближайших камней, то ли соткался из горячего воздуха.

— У меня груз, — сообщил рыжий-ушастый вместо «здрасьте». — Его бы...

Я кивнул ребятам, дабы занялись делом, и удовлетворенно вынул пачку «Примы». С Экселенцем все в порядке, значит, полдела сделано.

— А вы не курили, товарищ майор, — с явным неодобрением заметил компьютерный гений, протирая очки.

— Закуришь, когда у тебя знамя украли! — злорадно прокомментировала вездесущая Лолита.

— Знамя?!

Экселенц недоуменно моргнул, и я не без удовольствия выслушал бородатый анекдот в исполнении нашей гюрзы. По-

вторять пришлось два раза — у нынешней молодежи трудности с юмором.

— Пошли? — предложил я, после того как Экселенц наконец сообразил, из-за чего пришлось закурить народному герою Василию Ивановичу Чапаеву. — Мы джип в сторонку отогнали, тут рядом.

— Джип? — Панама резко качнулась. — Товарищ майор! Пока мы с вами анекдоты рассказываем...

... — Не может быть, — выдохнул я, выслушав до конца.

— Чики-чики, товарищ майор!

Экселенц изволил улыбнуться — весьма и весьма злорадно.

— И что теперь? — не преминула встрять гюрза.

— Что? — задумался я. — Ну, прежде всего, тебе не придется звонить командующему американским контингентом.

* * *

— Лежать! Головы не поднимать! Не двигаться!..

Английский сержанта Рябины ничуть не прозрачнее его русского, но поняли сразу. Все пятеро распростерлись прямо в пыли посреди проселка. Четверо в форме, один — в сером, не по-летнему теплом костюме. Точнее, одна.

— Лэжаты, наволочь!

По тому, как дернулись его подопечные, можно было догадаться, что американцы из состава UkrFOR понимают украинский. Приятно!

— Эта, — ушастый Экселенц без всякой нужды указал на лежавшую в пыли женщину. Не иначе хотел похвастаться.

— Сегодня расстреливать буду я! — бодро заявила Лолита, на что я лишь обреченно вздохнул. Кто же воспитал ее, такую кровожадную? А ведь война когда-нибудь кончится.

С женщинами мне в последнее время определенно везло. Не иначе слава насильника манила их, словно бабочек на огонь. Видит бог, я бы предпочел, чтобы в Гаагском трибунале обвинителем был мужчина. А вот та, что сейчас покорно нюхает крымскую пыль... Кажется, и в самом деле удачно выходит!

— ...Просто повезло, товарищ майор. Она в телецентр с проверкой приперлась, все у нас перевернула, потом воспитывать принялась. Права человека, геноцид безвинных татар, злодейства международного преступника Арлекина... Затем расчувствовалась и Крым расхваливать стала. Мол, замечательная земля, мы, янки, порядок наведем, маршруты туристские проложим. Она сама спелеолог со стажем, дело знает чики-чики, давно мечтала Мраморную пещеру осмотреть, сегодня как раз собирается... Товарищ майор, может, не стоит ее, как Выдру? У них, американцев, дебилизм от рождения, что с таких взять?

Я кивнул ребятам в сторону спрятанного за поворотом джипа, и въедливый Экселенц поспешил напомнить о «грузе». Интересно, что он приволок? Дальше спутниковой станции моя фантазия не простиралась.

Мест в машине должно было хватить — из пятерых пленных нам требовался лишь один. Точнее, одна.

* * *

— Цель вашего незаконного, преступного проникновения на территорию суверенной Украины?

На Лолиту было неприятно смотреть, и я в очередной раз пожалел, что поручил допрос именно ей. Увы, из нас всех английским пристойно владели лишь она и Экселенц, которого «засвечивать» было никак нельзя.

— Повторяю. Вы не имеете визы, равно как дипломатического паспорта, значит, ваше проникновение на территорию нашей страны...

Что мы услышим в ответ, я уже знал. На все вопросы божьего наказания тетка повторяла одно и то же: «Я — сенатор Соединенных Штатов Америки».

Могла бы и не уточнять! Стали бы мы с ней разговаривать, не будь она членом Сената, а заодно и Комитета обороны! Цель «незаконного, преступного проникновения» тоже не тайна — братьев-американов надлежало слегка подбодрить, а заодно встряхнуть местных коллаборационистов, не очень

спешивших рисковать ради дяди Сэма. Отсюда и визит в телецентр. Не знала тетка, где прикуп!

— Я — сенатор Соединенных Штатов...

А вообще, молодец, не киксует. Мадам Выдра только на вытье и сподобилась.

Пора было переходить к делу. Уложенные носом в пыль вояки наверняка уже сообщили в Симферополь. В этой глуши нас найдут не скоро, но вот излишне раздраконивать гюрзу не стоит. Ишь, вошла во вкус!

— Вы являетесь представителем законодательной власти государства, ведущего необъявленную войну...

Да, не стоит. Одно хорошо — ревновать божье наказание точно не будет. Сенатору Соединенных Штатов за пятьдесят, в спелеологи же она подалась определенно не зря — дабы по пещерам прятаться и народ не смущать.

— ...Сенатор...

Я шагнул вперед, махнул ладонью, отсылая Лолиту подальше, присел прямо на траву. С психологической точки зрения позиция не из выгодных: тетку мы все-таки посадили на пень, но... Сойдет!

— Я — майор Арлекин.

— ...Соединенных Штатов... Я вас узнала, господин майор. Только на фотографии вы моложе.

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

163

Имя майора Арлекина с ужасом произносят в Крыму и во всей Южной Украине. Боевики его группировки отличаются особой, поистине изуверской жестокостью.

Свидетели говорят, что именно отряд майора Арлекина повинен в уничтожении села Морское в мае 1995 года. Трагедию Морского, далеко не все подробности которой сейчас известны, можно назвать преступлением — символом этой войны. Газета «Бостон Глоуб» приводит леденящие душу свидетельства татарских беженцев. По их словам, операция в Морском началась в четверг 21 мая. Боевики из отряда майора Арлекина

окружали село и выстрелами из автоматов по окнам заставляли татар выйти, затем принимались грабить дома. Они уносили все ценное; тех же, кто пытался сопротивляться, — избивали. Многих молодых мужчин согнали на местный стадион. Девушек и молодых женщин зверски насиловали, причем при этом лично «отличились» майор Арлекин и его заместитель капитан Суббота. Затем начались расстрелы...

164

10 июля Севастопольская городская администрация в лице Валентина Борисова и Институт классической археологии Техасского университета в лице профессора Джозефа Картера подписали соглашение о создании на территории Херсонеса археологического парка.

Картер пообещал инвестировать в Херсонес от одного до трех миллионов долларов, поставив одним из главных условий для привлечения инвестиций «защиту от нападок со стороны Православной Церкви».

Инвестиции планируются со стороны таких организаций, как Гуманитарный институт Паккарда, Фонд Самуила Креспа (Нью-Йорк), Фонд Брауна (Хьюстон), Фонд Бернара и Одре Раппопортов (Техас). В документе подчеркивается необходимость развития Херсонеса как международного туристического центра.

165

Представитель международной правозащитной организации «Эмнисти Интернешнл» заявила, что особенно ужасны сексуальные преступления пресловутого майора Арлекина. За время войны им лично были изнасилованы сотни женщин, девушек и подростков. В последнее время его постоянно сопровождает очередная наложница — несовершеннолетняя девушка, чьих родителей, как удалось установить, террорист держит в плену. Несчастную девушку насилуют каждый день, причем майор Арлекин время от времени уступает свое «право» наиболее «отличившимся» бойцам отряда.

26 августа 2004 г., Крым,
окрестности Чатырдага

То, что большинство американцев — самодовольные идиоты, отметил, если не ошибаюсь, еще Чарльз Диккенс. На резонный вопрос о причине немалых успехов упомянутых идиотов он, а позже и прочие, отвечал просто. Тупые янки вовсю используют талант и знания горстки умных людей, местных, а в особенности эмигрантов. Кто-то из наших писателей-диссидентов сформулировал еще понятнее: бывают морды красные и морды зеленые, баре и обслуга. С первыми — в их американской ипостаси — говорить бессмысленно, лучше сразу стрелять. Вторые — иное дело.

Оставалось уточнить, какого колера у миссис «Я Сенатор» физиономия.

— Заявляю сразу: ни в какие переговоры, кроме переговоров о вашей капитуляции, вступать не намерена. Всякий вред, мне причиненный, будет иметь результатом массированное возмездие со стороны...

— А тебя, блядина старая, пивной бутылкой еще не трахали? Без презерватива?

Вмешаться я не успел, и Лолита имела возможность продемонстрировать члену Комитета обороны упомянутую бутылку — грязную, с выцветшей этикеткой «Оболонь». Не иначе подобрала на этой же поляне.

Теперь можно было ожидать всякого. Мне даже стало интересно.

— Странно... — Тетка привстала, поглядев на гюрзу так, словно только что ее заметила. — Кажется, девочка, ты его действительно любишь.

Лолита моргнула в ответ. «Я Сенатор» неспешно перевела взгляд на меня, покачала головой.

— Да, странно... Я хорошо знаю, что такое психологическая война, господин майор. Сделать из вас насильника мы решили несколько лет назад, когда сведения о массовых расстрелах татарского населения не подтвердились. Следовало от души напугать наших домохозяек, а что может быть страшнее сексуального маньяка? У вас есть сигарета? Все мои вещи забрали.

Я вынул из кармана полупустую пачку «Ватры», подбросил на ладони.

— Боюсь, такое вы курить не станете. Лолита!

— Обойдется! — буркнула гюрза. — Пусть табак без фильтра жует. Ишь, умные! Все ваши гребаные фригидные бабы только и мечтают о сексуальном маньяке! Вы там, в Штатах, вонючие, жирные, гамбургеры жрете, вас только фаллоимитатором расшевелить можно. Двухметровым — с дизельным движителем. В анальное отверстие!

Удовлетворившись подобной тирадой, Лолита все же смилостивилась и достала «Вог».

— Негативный образ Америки и американцев — тоже оружие психологической войны, — кивнула тетка, словно ничего иного не ожидавшая. — Врагу следует приписывать собственные недостатки в утрированном виде. Он должен быть грязен, ленив, жесток, похотлив и эстетически непривлекателен... А ведь хотела больше не курить! Все из-за вас, господин майор.

— Я тоже почти бросил, — охотно согласился я, усаживаясь поудобнее. Ярко-пунцовая поначалу физиономия миссис «Я Сенатор» зеленела с каждой минутой. Впрочем, в Комитет обороны не станут назначать кретинов.

— Но мы заметили, что сотни изнасилованных излишне абстрактны. Тогда и придумали несовершеннолетнюю девочку, ребенка, которого кровожадный насильник всюду возит с собой. Даже фотографию подыскали. Правда, на ней вы, Лолита, блондинка. Для американцев блондинка убедительней.

— Значит, это ты меня выдумала? — ласково поинтересовалась гюрза.

«Я Сенатор» усмехнулась, кивнула не без удовольствия.

— Выдумала, кошелка старая?! Меня?! Суки вы! — Божье наказание резко дернулось, выхватило сигарету. — Стрелять вас всех надо. Влезли в чужую страну, порядки свои сраные наводите!

— Лолита! — рявкнул я. — Рот с мылом вымою!

Подействовало. Сигарета упала на землю, гюрза дернула плечами, отошла в сторону, отвернулась.

— Она вас любит, — негромко повторила тетка, стряхивая пепел на траву. — Это ведь мисс Лолита выступала по телевидению? Господин майор, чего вы хотите? Ни у меня, ни у вас нет ни малейшего желания умирать. Вы сделали заявление о прекращении войны с Соединенными Штатами, значит, мой расстрел вам не требуется. Тогда что?

Я вдруг понял, что уже не веду разговор. Гаркнуть? Не стоит, послушаем.

— Повторяю: от имени правительства Соединенных Штатов могу предложить только одно — капитуляцию. Немедленную и безоговорочную. А вы чего хотите?

— Новый барабан, настоящую саблю, красный галстук и щенка бульдога, — вздохнул я.

— «Приключения Тома Сойера», глава пятая. — Тетка даже не удивилась. — Мне тоже нравится Марк Твен. Из-за него и увлеклась спелеологией. Помните, как Том и Бекки блуждали по пещере?.. Знаете, господин майор, когда наши службы составляли ваш психологический портрет, начались сложности. С иными полевыми командирами все ясно. Чернорог — примитивный националист в худших галицких традициях, Шевченко, несмотря на украинскую фамилию, до сих пор мечтает о возрождении СССР и видит в нас цитадель мирового империализма. А вот вы... Вы не националист, не сторонник империи. Наши фрейдисты, конечно, выискали кучу детских комплексов, что получилось достаточно смешно. Но главное, конечно, в другом. Вы — идеалист, господин майор. Ваш идеализм субъективен, для вас в конечном счете не так важно, что творится в стране и мире. Вы сражаетесь за себя самого — и только за себя. А это, знаете, самое опасное.

Отвечать я не стал. Сговорились они с Лолитой, что ли? Ладно, пусть болтает!

— Вы считаете несправедливым, что Соединенные Штаты правят миром, — и пытаетесь бороться с несправедливостью. Вы уверены, что Украину не принимают всерьез, — и вам обидно. Вам лично! Вы не воюете за страну, а тешите свой комплекс неполноценности, господин майор! Неужели не понимаете, что кровавые методы не приведут к успеху? История вашей же Украины говорит о том, что только ненасильственные действия ведут к победе. Что дала война, которую вела в

Галиции Украинская Повстанческая армия? Только новые жертвы! Поймите это — и станьте настоящим патриотом.

— Вот как? — восхитился я. — Сдаться оккупантам — значит стать патриотом?

— Для вас — да! — невозмутимо кивнула она. — Вы переступите собственные заблуждения, снимете с Украины ярлык «страны-изгоя». А заодно и кое-что выиграете. Вас не выдадут в Гаагу, вы будете военнопленным США, а наши традиции предусматривают всякое, в том числе судебную сделку. Не слыхали о таком? И учтите — в Россию, на которую вы так надеялись, дороги больше нет. Об этом позаботились — в том числе и мы. У России свои проблемы — в Крыму, и не только в Крыму... И еще один резон, господин майор, — очень серьезный. Правительство США не настаивает на вашем пленении, смерть даже предпочтительней. Российское правительство с этим в целом согласно.

Отвечать я не стал — ввиду полной ясности вопроса. Вот чей приказ выполнял Засланный Казачок! Конечно, отдавал его не посол США... Но чему удивляться? Для братьев-россиян Украина — до сих пор географическое понятие. Малороссийские губернии.

Кажется, мою голову обменяли на Севастополь! Мне бы возгордиться.

— Спасибо, — искренне улыбнулся я. — За внесенную ясность. Ну что ж, с мирными предложениями я поторопился, остается позвать мисс Лолиту с бутылкой. Ваша пропаганда получит превосходный материал. Черт, в следующий раз надо брать в плен Президента США!

Странно, она, кажется, не испугалась. Даже улыбнулась — уголками узких губ.

— Убивать вы меня не собираетесь, господин майор. Не в ваших интересах! А правительству США ни к чему скандал, особенно перед саммитом в Севастополе. Поэтому предлагаю решить дело без лишнего шума. Я заплачу выкуп — миллион долларов.

Я все-таки удивился. Она что, гангстерских фильмов в детстве насмотрелась?

— На подобный случай имеется особый фонд, требуется только позвонить. Вы сможете одеть вашу девочку в лучшем

бутике Парижа, а себе купить барабан, саблю и красный галстук. Бульдога не советую, лучше колли.

Я лишь вздохнул, но она резко взмахнула ладонью.

— Не спешите, я еще не закончила! Если не ошибаюсь, ваш же Сталин как-то сказал: «Хорошему человеку деньги всегда нужны». Поэтому и не верил агентам, не бравшим его золото. Уверена, у вас, господин майор, есть план на самый крайний случай. Вы уйдете из Крыма, но международного террориста станут искать — по всему миру, по всем континентам. У исламистов вас не примут, вы ведь воевали с татарами. В России... С Россией уже все ясно, впрочем, как и с Белоруссией. Дома вас тоже встретят плохо. Но, допустим, вы что-то придумали. Допустим! Нужна фора — несколько дней, чтобы исчезнуть, раствориться, уехать подальше. Я дам вам такую фору. Если в ближайшее время мы получим сообщение о гибели майора Арлекина, я постараюсь, чтобы наши службы проверяли этот факт, а не искали вас. Устраивает? Тогда верните мне телефон.

* * *

— Ты что, согласишься? Деньги возьмешь? Она тебя обманет, эта старая сука, эта...

— Погоди, Лолита, дай подумать. Сейчас два часа дня... Пожалуй, мне тоже понадобится телефон. А ну-ка набери номер Субботы, он должен быть уже в Армянске.

— Арлекин, ты что? Она тебя купила? Кто же ты после этого?

— Я вот думал, какая у нее все-таки физиономия — красная или зеленая? Чуть было не решил, что зеленая. Оказалось, ни то, ни это, в полосочку. Давай телефон!

— Но... Она права?

— В том, что я — идеалист? Может быть. А в остальном... Дауны они все же там, в Америке. И живут — в даун-таунах!

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

166

Влиятельная американская газета «USA Today» опубликовала пространную статью, касающуюся неблаговидной деятельности своего зарубежного репортера Джека Келли. Он был

уволен несколько дней назад за допущенную в репортаже фальсификацию и сознательный обман начальства.

В июле 1999 г. «USA Today» опубликовала за его подписью репортаж из Киева, озаглавленный «Объединенные нации: документы свидетельствуют о военных преступлениях майора Арлекина». В материале сообщалось о том, что представители ООН обнаружили некую тетрадь, в которой содержались сведения об этнических чистках в Крыму. Автор репортажа говорил, что он сам держал в руках эту тетрадь и что она должна стать важной уликой для Международного военного трибунала в Гааге. И вот четыре года спустя после этих событий один из представителей Гаагского суда открыто выразил сомнения в существовании этой тетради. И в мае прошлого года в отношении данной публикации было начато служебное расследование.

Прижатый к стенке репортер вынужден был признать: он сознательно ввел в заблуждение руководство газеты.

167

Подробности саммита в Севастополе, как и содержание намеченного к подписанию Протокола по Крыму, до сих пор остаются неизвестными. Установлена лишь точная дата — 30 августа 2004 года. Под сомнением остается также приезд Президента России, хотя желание РФ участвовать в урегулировании крымской проблемы очевидно. Споры, судя по всему, идут о контроле России над Севастополем после вывода сил UkrFOR.

Не меньшей проблемой остается обеспечение безопасности саммита. Командование UkrFOR неоднократно заявляло о «полном уничтожении сил Крымского Сопротивления», но этому не верят даже самые большие оптимисты. Стало известно, что командующий миротворческими силами отдал негласный приказ — любой ценой ликвидировать отряд майора Арлекина до начала встречи в верхах. Пока же обсуждается вопрос о проведении саммита не в самом Севастополе, а в лесном районе недалеко от города...

РАЙ

27 августа 2004 г., Крым, Караби-яйла

Рабочая тетрадь, с. 54—55.
Харьковский Национальный университет им. В.Н. Каразина. Горно-крымская комплексная экспедиция. Июль — август 2004 г. Отряд «Омега».

Подготовка к отъезду. Инструменты и оборудование приведены в порядок и складированы в помещении метеостанции.

По предложению Андрюса во второй половине дня направились «по азимуту» (выражение на его совести) в С-В часть Караби. Цель — визуально обследовать местность, по которой проходит продолжение ИЛ-1. Андрюс и Борис полагают, что, следуя направлению «истинного лея», можно встретить остатки очередного «Объекта», находящегося на «шампуре».

Прошли около 10 км в С-В направлении. Вернулись ок. 19.00.

Общие впечатления. Типичный карстовый пейзаж, характерный и для остальной части Караби. Многочисленные грунтовые дороги и тропы, постоянно меняющие направление, из-за чего приходилось идти по компасу. Редкие рощи. Встретили несколько стад (овцы). Ничего похожего на строительные остатки или дорогу с каменной вымосткой обнаружить не удалось.

Местность была сфотографирована.

Во время разведки Анна расспрашивала пастухов о криптозоологических особенностях Караби. Двое пастухов упомянули только бродячих собак, но третий (фамилию Анна записала) рассказал о встреченном недавно «существе» (см. предыдущую запись, сообщение В. Серебрякова).

Мое впечатление: обычная байка, которую пастух, молодой парень, с удовольствием «впарил» несовершеннолетней биологичке.

Возражение Анны: во-первых, она совершеннолетняя, во-вторых, рассказ пастуха выпадает из ряда «обычных баек», характерных для Крыма. Отсутствует общая характеристика «монстра» (змей, собака, мустанг), т.е. рассказчик не представляет, о чем говорит. Зато интересны детали: острые клыки, частичное прямохождение, густая шерсть, узкая морда с глазами, «похожими на человеческие», рычание, очень быстрая реакция.

Комментарий Влада: если сложить все вместе, получается бежавший из зоопарка и очень голодный гамадрил.

Мой комментарий: Анне пора домой. Хватит впечатлений!

Анна вновь изменила свои планы, решив в следующем году ехать не на Карадаг, а вернуться на Караби-яйлу.

АД

28 августа 2004 г.,
Крым, город Севастополь,
Херсонесский историко-археологический заповедник

— И это твоя Крипта? — разочарованно протянула Лолита, всматриваясь в черный провал.

— Она самая, — вздохнул я, даже не оглядываясь. — In situ. А что, не похожа?

— Не похожа.

Да, можно не оглядываться. От Крипты, таинственного Подземного храма, вырубленного в толще херсонесской скалы, мало что осталось. Еще пятнадцать лет назад мы предлагали поставить решетку, замок повесить, если нет возможности провести настоящую реставрацию. Где там! Местное начальство решало свои проблемы, а уж когда пожаловали парни из UKrFOR с бумажниками, набитыми густой «зеленью»!.. Какая Крипта, какая реставрация, если нужно срочно строить кафешки, магазины сувениров, пляжную инфраструктуру с борделями и саунами! А тут еще попы, почуявшие слабину у ненавидимых ими археологов.

Вот и все! Вместо Храма — неопрятная яма, заваленная камнями и пустыми пластиковыми бутылками. Хайре, Крипта. И ты, мой Херсонес, хайре! Нас больше нет — ни тебя, ни меня. Как говорили римляне: «Прожили».

Прощай!

— Не расстраивайся, папик! — Лолита подошла совсем близко, потерлась щекой о мое плечо. — Мы победим, ты станешь директором Херсонесского заповедника. Или сделаешь директором меня.

— Ага.

«Папиком» (о боже!) я стал из конспиративных соображений. Лолита справедливо рассудила, что поминать «Арлекина» в набитом чужой солдатней Севастополе не след. Совершенно согласен, но почему «папик»?!

Гюрза, как есть гюрза!

Последние три дня нам подозрительно везло — и в большом, и в малом. Операция «Я Сенатор» прошла без сучка без задоринки, в Севастополь попали без всяких приключений, нас встретили, разместили...

Вот ты и вошел в свой Севастополь, майор Арлекин! Доволен?

Полоса черного невезения, начавшаяся в августе этого високосного года, в августе же и заканчивается. Вовремя, очень вовремя! Только я не верил в случайность. Что-то произошло — если не в нашем мире, то в Ином. Мы чем-то заплатили за удачу. Я заплатил.

* * *

— Высоко! Ты что, папик, прыгал отсюда?

— Нет, — хмыкнул я, не без опаски глядя вниз, где плескалась беспокойная зеленая вода. — Иначе осталась бы ты без... папика. И другие тоже не прыгали. Нырять — ныряли, с аквалангом. Молидовулы искали, печати подвесные. Я рассказывал, помнишь? Здесь у византийцев был таможенный пост.

— Помню. А красиво!

— Красиво.

Именно потому мы сюда и пришли — в самый конец Главной улицы Херсонеса, где гладкий известняк древней мостовой обрывается прямо над вечношумящим морем. Здорово! А еще хотелось побыть одному, подальше от шумных толп, запрудивших мертвый город. Чужая форма, чужая речь. И те, что в цивильном, немногим лучше.

И вот я один — не совсем, конечно. Только права Лолита, куда нам друг от друга деться?

— Я фотки на наш сайт перебросила, — заметило божье наказание, отдав должное изучению местности. — Под пароль. По-моему, классно получилось. Если что, обгадятся по самые уши!

— Что за сленг! — привычно вздохнул я, не отводя взгляда

от бухты (побольше стало корабликов, готовятся, сволочи!). — А вообще-то правда. Обгадятся. По уши!

Идею провести фотосессию в момент передачи чемодана с долларами, честно обмененного на миссис сенаторшу, высказала именно Лолита. Она ее и осуществила, удачно устроившись за придорожной скалой. То ли американы и вправду дауны, то ли совсем страх потеряли. Зря, между прочим! Божье наказание постаралось, запечатлев все: злодея Арлекина, раскрытый чемодан с ясно различимым содержимым, физиономии приехавших на встречу янки. Если «Я Сенатор» забудет о нашей договоренности, кисло же ей придется! И не только ей одной.

Позже Лолита пояснила, что идею позаимствовала у Рональда Рейгана, заказавшего подобные фотографии, чтобы добить революционную хунту Никарагуа. В объектив тогда попал лично президент Ортега. А еще говорят, что нынешняя молодежь не знает истории!

Да, нам пока везло. Пока.

— ...Если бы не война, ты бы продолжал здесь копать? В Херсонесе?

— Не знаю, Лолита. Может быть. Мы не закончили Цитадель, там еще года на три работы, если в хорошем темпе. А еще хотелось выйти за стены. Херсонес — только часть мира, очень небольшая.

— Ты про теорию леев? Треугольник Крипт и загадки южнобережного лимеса? Идея дядюшки Андрюса с его черными собаками?

— В твоем исполнении звучит ужасно. Но... И такое возможно. Я бы начал с Караби, с Южного спуска, где Длинные Стены. Точнее, они Большие — «Мегалос». Только что об этом говорить? Поздно! Но... Представь, вдруг где-то существует спокойный мир, где нет войны, где Суббота занимается компьютерами, Аргонец заканчивает диссертацию...

— Уже двадцатый год заканчивает, хобби у него такое. А еще говоришь, Арлекин... То есть папик, прости. Говоришь, что ненавидишь романтиков! Серьезный, взрослый дядя верит в параллельные измерения и во всю эту DP-фигню! Извини, конечно, мое мнение тебя, как всегда, не интересует, но DP — самая настоящая наркомания, даже хуже. Последняя стадия эскапизма: точка Омега, Будущее-Универсум. Просто смешно!

Одни на войне спиваются, другие звереют, а ты!.. Между прочим, я по сайтам пошарила, там сейчас по поводу твоего любимого «Dream of the Past» куча новостей, обхохочешься. Тебе я ничего показывать не стану, ты сначала войну выиграй. Ты ведь приехал в Севастополь, чтобы выиграть войну, правда?

— Ага.

* * *

То, что мы исчерпали наше внезапное везение, я понял, как только увидел Аргонца. Почему-то за него я совершенно не волновался, хотя с его вечным счастьем, проверенным еще в экспедициях, старший лейтенант мог попасться первому же патрулю — или сломать ногу на ровном асфальте. Что интересно, в бою это никак не сказывалось. Планида такая!

Аргонец оказался в нужном месте в нужное время: час дня, маленькая площадь с памятником святому Владимиру работы Клыкова, чуть дальше — ресторан «Флорида», в девичестве — «Дельфин». Родные места! Вот только Аргонец...

По тому, как дернулась ладонь Лолиты, я понял — и она почувствовала.

— Тебя убили, — буркнул старший лейтенант, даже не поздоровавшись. — Сегодня утром сообщили по «Евроньюс». В ночном бою, в северной части Арабатской стрелки.

От сердца отлегло. Что-то я стал излишне мнительным.

— Нашли твои документы и вроде бы как опознали. На восемьдесят процентов. Ха! Интересно, как можно опознать человека на восемьдесят процентов?

Можно — если предварительно взять в плен сенатора США.

— Только это все лабудень, Арлекин. Там и о другом сообщили. Будто бы... В общем, Суббота погиб.

Тихо вскрикнула Лолита.

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

168

Первой в мире сверхзвуковой противотанковой управляемой ракетой (ПТУР) стала отечественная ракета комплекса «Штурм-С» с бронебойностью до 560 мм и дальностью стрельбы до 5000

м. На уровне лучших мировых образцов находятся российские ПТУР противотанковых комплексов «Конкурс-М» и «Метис-М». В вооруженных силах НАТО наиболее распространены ПТУР «Дракон», «Милан», «Тоу» и «Хот».

Примером ПТУР третьего поколения может служить противотанковый реактивный комплекс (ПТРК) «Джавелин», предназначенный для замены ПТУР «Дракон». ПТРК «Джавелин» состоит из двух основных частей: блоков ППО и ПТУР в транспортно-пусковом контейнере. Ракета, действующая по принципу «выстрелил — забыл», включает ПК головку самонаведения, систему слежения, стартовый и маршевый двигатели. Время подготовки к пуску менее 30 секунд. ПУ может использоваться независимо от ПТУР для наблюдения за полем боя, а запуск ракеты может производиться из закрытых помещений.

169

Эйнштейн бросал в лицо Гейзенбергу полные страстного несогласия слова: «А в атоме, на ваш взгляд, никаких электронных орбит уже не оказывается! Это же, согласитесь, очевидная чушь. Нельзя ведь из-за простого уменьшения пространства, в котором движется электрон, отменять само понятие траектории». Шредингер приходил в отчаяние: «Вы должны все-таки понять, Бор, что вся ваша идея квантовых скачков неизбежно ведет к бессмыслице. Если нельзя избавиться от этих проклятых квантовых скачков, то я жалею, что вообще связался с квантовой теорией».

Благодаря квантовой механике была построена зонная теория твердого тела, а затем изобретен транзистор, положивший начало победному и не прекращающемуся до сей поры шествию полупроводниковой электроники со всеми вытекающими последствиями (Интернет). Гора интеллекта родила в прямом и фигуральном смысле мышь, в которой человек нашел наконец простой и универсальный в своем идиотизме способ удовлетворить самый сильный и опасный свой инстинкт — бежать от скуки жизни.

В этом смысле так называемая «DP-теория» является одним из самых непредсказуемых и вредных заблуждений Человечества.

28 августа 2004 г.,
Крым, город Севастополь,
улица Людмилы Павлюченко

— На ваше усмотрение, Рябина. Денег не жалейте. Только обязательно посоветуйтесь с Экселенцем, он...

— Та всэ зрозумило, товарышу майор. Я й сам, бэз нього якось, все ж такы физычный закинчыв. А памьятаетэ, товарышу майор, як вы в нас историю Украйины читалы? Цэ ж выходыть, що мы тепэр в цю историю вийдэмо?

— Все зависит от вас, сержант. Справитесь — войдем в историю. Не справитесь — влипнем.

* * *

Больше всего понравился виноград. Темные ягоды только начинали наливаться спелостью, но виноград был хорош сам по себе. Густой, многолетний, он зеленым ковром покрывал стену, взбирался по деревянным стойкам маленькой беседки, ронял тяжелые лозы прямо на траву. У деда на даче было что-то похожее, только куда нашему северу до этого раздолья! Наверно, такой же растет в Греции, в моей любимой Элладе — стране, где мне, наверно, уже не побывать.

Резные листья, тяжелая тень, ярко-синее небо за зеленым шатром...

Эту явку — небольшой домик на Севастопольской горке — нам помогли найти два года назад. Про виноград я, конечно, не знал, но место и без того отменное. Центр, тихий квартал на самой верхотуре, спутниковая антенна над черепичной крышей, небольшой сад за окнами. Сад, конечно, лирика, а вот двор оказался с секретом. С улицы можно увидеть только его часть — ту, что за воротами. Стена, оплетенная виноградом, разрезала двор надвое, образуя закуток, недоступный взорам случайно зашедшего патруля.

Предосторожность нелишняя, но вояки UkrFOR заглядывают сюда не каждый день, что тоже очень приятно. Горка слывет спокойным районом: частная застройка, сады, небольшие дома, в которых доживают век пенсионеры. Патрули лютуют на окраинах, где скрываются немногочисленные подпольные

группы. Впрочем, в последнее время ловить стало почти что некого. Севастополь — тихий город, куда более безопасный для «них», чем Симферополь. Неудивительно — вместо бельгийцев и прочих голландцев тут стоят американские войска. Что ж, и это на руку!

Виноград, тишина, густой чай в глиняной кружке. Почти курорт. Почти...

— ...Я той американской стерве пару фоток переслала, — сообщило божье наказание. — Там, где она кейс с баксами открывает. Чтоб не выеживалась и службу знала, сука.

— Да прекрати ругаться! — не выдержал я. — Я этому Субботе...

Сообразил. Прикусил язык. Поздно.

— Объявишь выговор посмертно, — каменно откликнулась Лолита, — и отменишь траурный салют. С тебя станется.

— Не спеши его хоронить, — поморщился я. — Влад... Капитан Суббота — не такой человек, чтобы дать себя подстрелить. Мы так и планировали. Он должен был ввязаться в бой, бросить часть груза с документами, чтобы янки поверили...

Засопела, провела по лицу платком, вытирая подозрительно покрасневшие глаза.

— Планировали? Тогда позвони ему, у него ведь есть мобила! Позвони, узнай. Сейчас же!

Я покачал головой.

— Нельзя. Он сам со мною свяжется — потом, когда будет можно.

Поглядела недоверчиво. Отвернулась... Хорошо, что можно не прятать взгляд.

Я лгал — и ей, и, отчасти, себе самому. Ничего такого не планировалось, Суббота должен был нашуметь где-нибудь возле Перекопа, обозначить прорыв отряда из Крыма, чтобы группа Аргонца успела проскользнуть незамеченной. Документы — идея самого капитана, не понравившаяся мне с самого начала. Их следует не бросать на землю, а оставлять на трупах. Трупов должно быть много — не один, не два.

UkrFor сообщило о пятерых убитых. Пять трупов — и наши с Субботой паспорта. С капитаном ушли шестеро, оставалось гадать, что случилось и кто сумел уцелеть. Если, конечно, сумел... Гадать, вновь и вновь убеждая себя, что моей вины нет.

У солдата на войне две задачи: выполнить приказ и уцелеть. Первое обязательно, второе — по возможности.

Субботе я звонил дважды. Бесполезно. «Ваш абонент в настоящее время недоступен». Не-до-сту-пен...

— Я с ним трахалась, — внезапно бросила Лолита. — С Субботой. Вот! В первый же вечер — и потом еще несколько раз. Влад... Капитан Суббота — замечательный мужик. И не зануда, как ты. Понял?

Я лишь пожал плечами. Понял, конечно. И что? То есть не совсем «и что»...

— Твое дело. Ты, кажется, совершеннолетняя?

— Все, что можешь сказать?

Вскочила, резко мотнула головой.

— И тебе по барабану? Правда? Когда я с тем поляком просто поцеловалась, ты аж зубами скрипел! Неужели не догадывался про меня и Субботу? Ты... Я не верю тебе, Арлекин. Эта сука американская права — тебе нет дела до других, для тебя война вроде компьютерной игры, помесь стратегички и стрелялки — с точкой Омега вместо бонуса. А люди... Даже не инструменты, инструменты берегут. Ты не посылал Влада на смерть, ты даже предложил ему уехать. Все честно, все красиво! Но ведь знал, что он откажется, не уедет! Сам позвонишь его родителям — или мне придется? У тебя еще остался Аргонец. Приберег напоследок, как и меня? Мы все умрем — ради твоих заумных идей, твоих комплексов, да?

Лолита не шутила. Она ждала ответа.

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

170

Разве тигр или леопард, образом которых, если тебе угодно, человек является, не сотворены, как и мы, природой, и сотворены для того, чтобы исполнить предначертания природы?

Спроси у ягненка, и он ответит, что тоже не желает, чтобы волк сожрал его; спроси у волка, для чего служит ягненок. «Чтобы кормить меня», — ответит он. Волки, которые едят ягнят, ягнята, пожираемые волками, сильный, делающий жертвой слабого, слабый, становящийся жертвой сильного, — в

этом суть природы, в этом ее намерения, ее планы. Нескончаемое действие и противодействие, сонм пороков и добродетелей, абсолютное равновесие, одним словом, равновесие, основанное на равенстве добра и зла на земле, равновесие, необходимое для извечного движения планет, для поддержания жизни, без которого все бы разрушилось в один миг.

АД

28 августа 2004 г.,
Крым, город Севастополь,
улица Людмилы Павлюченко

Я мог бы сказать.

Мог бы...

Я взялся за оружие не ради высокой идеи. Много их, идей, и слишком густо ради них пролито крови. Не выношу фанатиков с выпученными глазами, не выношу — и боюсь. Из таких и вырастают Засланные Казачки! Нет, не любовь к несуразному государству-новоделу, присягать которому я отказался, заставила уехать в Крым. Я говорил, что мы хотим остаться свободными людьми. Правда — но не вся. Не свободными — просто людьми, а не бабуинами — теми, что в джунглях и зоопарке.

Кто бы ни творил человека, Господь или Дарвин, биологически мы всего лишь мутировавшие приматы. Разумом, серым веществом, кичиться нечего, бабуины тоже не глупы. Их стая — точная копия нашего общества, точнее, общества, в котором нас заставляют жить. Самый толстый и наглый имеет все — от бананов до самок, остальные ловят в его шерсти блох и подставляют зады. Иначе нельзя — не выживешь.

Я не самоубийца, но искать в чужой шерсти блох не хочу. А быть свободным бабуином среди холуев и холопов невозможно.

Две сильные, жирные обезьяны — Штаты и Европа — хотят загнать нас в свою стаю. Возражающих мало, слишком мало. Бесплатные бананы — вот они, под самым носом, в ассортименте!

Мы, Суббота, Аргонец, наши ребята, живые и мертвые, предпочли остаться людьми. Война и вправду Зверь из Бездны, чудовище, Великое Жертвоприношение, но только так

можно заставить себя уважать. Гуманизм, ненасилие и прочие химеры для того и придуманы, чтобы помешать людям остаться самими собой. Недаром первое, что делает тиран, — отбирает у народа оружие. Где бы сейчас были штатники со своей гордыней, если бы их предки свыклись с обезьяньей долей? Горели Нью-Йорк и Вашингтон, виселицы гнулись от тяжести повешенных патриотов, враг выигрывал все сражения подряд, но погибшие выполнили свой долг, дав уцелевшим право считаться людьми.

Война. Насилие. Смерть. Или судьба бабуина. Коротко и просто.

Не так важно, существует ли вправду Омега — точка, где мы узнаем ответы на все вопросы и наконец станем сами собой — людьми, а не обезьянами. Важно, что есть верящие в это, а вера многих на многое и способна.

Я мог бы сказать.

Мог бы...

* * *

— Боец Лолита, приказываю! Во-первых, прекратить истерику. Во-вторых, умыться. В-третьих, включить ноутбук. Приступаем к уничтожению архивов, начнем с адресов и переписки.

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

171

Ранним утром в четверг, 27 августа, силами UkrFOR был убит лидер крымских партизан майор Арлекин — передает Корреспондент.net.

Вначале источники, близкие к командованию UkrFOR, передали, что майор Арлекин погиб в районе города Армянска во время нападения на блокпост. Позднее, однако, было сообщено, что причиной его гибели стал неудачный бой в северной части Арабатской стрелки. Как считают эксперты, майор Арлекин, не сумев договориться с представителями американского командования, попытался прорваться из Крыма. В бою участвовали более сотни террористов, вооруженных гранатометами и тяжелыми пулеметами. Командование UkrFor подтверждает факт боя в указанном районе.

Как известно, погибший полевой командир считался одним из самых известных мировых террористов. Ему инкриминировалось участие в десятках террористических акций, включая этнические чистки и убийство мирного населения. Госсекретарь США Колин Пауэлл включил отряд майора Арлекина в официальный список наиболее опасных иностранных террористических организаций.

Следует отметить, что уничтожение майора Арлекина произошло накануне саммита в Севастополе, на котором будут подписаны документы по крымскому урегулированию.

Пресс-служба UkrFOR пока официально не подтвердила факт гибели майора Арлекина, а также его заместителя — капитана Субботы. Экспертиза тел и найденных при них документов продолжается.

172

Около тысячи сторонников присоединения Крыма к России провели митинг в Севастополе.

Собравшиеся держали в руках символику общественной организации «Движение избирателей за Республику Крым», российские, белорусские флаги, а также флаги Крымской Автономной Республики, США и Великобритании.

Собравшиеся потребовали от депутатов городского совета провести внеочередную сессию и принять обращение к участникам севастопольского саммита с призывом немедленного решения «проблемы Севастополя и крымского вопроса в целом».

«Учитывая факт, что 9 июля 1993 года Верховный Совет Российской Федерации подтвердил российский статус Севастополя, а городской совет 24 августа 1994 года признал российский федеральный статус Севастополя, мы требуем от депутатов городского совета подтвердить решение сессии от 1994 года и направить обращение к РФ и Федеральному собранию Российской Федерации и возвратить Севастополь России», — говорится в резолюции митинга.

Митингующие также поздравили командование UkrFOR с успешной операцией по уничтожению международного терро-

риста майора Арлекина и его банды и потребовали отдать под суд всех участников т.н. «Крымского Сопротивления». То и дело слышались призывы «Украина — умри!».

Митинг был проведен с разрешения командования UkrFOR.

РАЙ

29 августа 2004 г., г. Харьков

Рабочая тетрадь, с. 56—57.
Харьковский Национальный университет им. В.Н. Каразина.
Горно-крымская комплексная экспедиция. Июль — август 2004 г. Отряд «Омега».

Собрание участников экспедиции. Обсуждение результатов.
Предварительные итоги:

1. Были продолжены исследования 2002—2003 гг. по комплексному изучению южной части яйлы, в том числе системы византийских укреплений (т.н. Длинные Стены) и окрестностей горы Иртыш. Результаты разведки можно свести к следующему:

А. Поселение в районе горы Иртыш обнаружить не удалось.

Б. Был обследован участок Длинных Стен в районе Южного спуска, а также т.н. «Объект», уточнены их планировка и стратиграфия.

В. Удалось установить существование позднего периода существования оборонительного комплекса на Караби-яйле (по крайней мере до XII в.).

Г. Найдены остатки раннесредневекового сооружения («Объект № 2»), по предварительной оценке одновременного с «Объектом № 1».

Д. Дорогу, выходившую к Длинным Стенам и Южному (Второму) спуску с яйлы (Подкова-2), найти не удалось.

2. Исследования с целью проверки т.н. «теории леев» будут подробно прокомментированы позже. С моей точки зрения, находка «Объекта № 2» не может служить доказательством существования «крымских леев». Однако эти исследования надо продолжить в следующем году, с чем согласны все.

3. Криптозоологические штудии Анны целиком оставляю на ее совести (особенно рисунок, на котором она попыталась «восстановить» внешний облик виденного пастухами монстра; вышло нечто, и вправду напоминающее гамадрила).

Комментарий Анны: мы все ретрограды. В следующем году она организует собственную экспедицию на Караби.

Общий итог: экспедиция была в целом успешной.

В 18.00 встреча с Сибиэсом, обсуждение итогов и перспектив работы в следующем году.

АД

30 августа 2004 г.,
Крым, город Севастополь,
улица Людмилы Павлюченко

— Р-равняйсь! Смир-рно! Товарищ майор! Отряд по вашему приказанию...

Если не знаешь, с чего начинать, — начинай с построения личного состава, не ошибешься. Правда, мы не на плацу, и командует Аргонец почти шепотом, и отряда уже нет. Четверо моих ребят, четверо севастопольцев, Аргонец и мы с нашей гюрзой.

Серый сумрак. Рассвет. День — наш День — начался.

Ребят из Севастополя я совсем не знал. Местное подполье — те, кто сумел избежать ареста и пули. Познакомились позавчера, но ни о чем серьезном так и не поговорили. Некогда.

Для них я — легенда. Майор Арлекин — «Тот Самый». Кажется, в мое существование они поверили только сейчас. Среди крымчан давно идут разговоры, что отряд Арлекина — героический миф, подобный сказанию о Евпатии Коловрате. Скользкая аналогия, если подумать!..

— Здравствуйте, товарищи!..

Сейчас я скажу главное. Борьба будет продолжена — несмотря на предательство наших собственных правительств. Будет! Придется воевать на два фронта. Это страшнее — но и почетнее. Неправда, что в такой борьбе победить нельзя. Мы уже победили, мы в Севастополе. И сегодня об этом узнает весь мир.

Ненавижу патетику, ненавижу раззявленные в утробном оре

рты и безумные взгляды, поэтому охотно обошелся бы без слов, но сегодня, в наш День, иначе нельзя. Ведь для многих из нас этот День будет последним.

— Отряд делится на три группы. Первая — внешнее прикрытие...

Прикрывать нас, конечно, бесполезно, разве что от случайного патруля. Достаточно подогнать бронетранспортер — или просто пустить ракету с вертолета. Так, скорее всего, и случится, «вертушки» с рассветом поднялись в небо, особенно много их над бухтой, но и сюда залетают. Если заметят, если поймут, у нас останется секунд пятнадцать, не больше.

— Вторая группа остается со мной. Состав...

Тут ясно: мы с Рябиной, ушастый Экселенц, двое ребят из отряда. Займем позиции прямо здесь, в идиллическом дворике. Компьютерщик и снайпер все подготовили, остальные, включая меня, — рабочая сила.

Впрочем, нет. Я еще должен отдать приказ.

— Третья группа во главе со старшим лейтенантом Аргонцем...

Субботе я звонил несколько раз — и ночью, и сейчас, за пять минут до построения. «Ваш абонент в настоящее время...» Может, он просто не успел зарядить аккумулятор? Может?..

А ведь я даже не узнаю, что с ним случилось! Очень даже возможно. Или так лучше? Аргонец сказал, что сам позвонит его жене, скажет... Только вот что скажет?

Нет! Не думать. Влад, капитан Барон Суббота, выполнил свое задание. Сегодня я выполню свое. Остальное уже не важно. Наш День начался.

«Наш День»... Ненавижу патетику!

— Старшему лейтенанту Аргонцу остаться.

Рассвет. Серый сумрак.

* * *

— ...Все, Аргонец! Ждешь до вечера, не появлюсь — действуй, как договаривались.

— Хе! То есть как не появишься? Обязательно появишься! Сам же говорил.

— Да, конечно. Явка надежная, рядом вход в катакомбы,

хозяин знает дорогу. Севастополь — не Одесса, но переждать можно.

— Эт-точно. Только ты, Арлекин, тоже не того... Не этого. Сразу уходи, а то возьму — и вернусь.

— Не вздумай! Все, мотай отсюда! И захвати Лолиту. Боец Лолита, слышали?

— Еще чего? Я с тобой останусь. Товарищ старший лейтенант, скажите ему. Скажите товарищу майору...

— Лолита... Аня... Мне сейчас нужно, чтобы ты ушла. Мне это очень нужно, понимаешь?

— Нет... Нет! Товарищ старший лейтенант... Дядя Борис, скажи ему! Он хочет погибнуть, хочет умереть, разве ты не видишь?!

— Я не хочу умирать, Аня. Я очень постараюсь выжить. Но сейчас ты должна уйти. Все, Борис, забирай ее, быстро!

— Нет, нет! Папа, не надо, не бросай меня, не оставляй! Папа, папа, папа-а-а!!!

* * *

Теперь можно и закурить. Можно...

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

173

В лабораториях Оксфордского университета (Oxford University) будут пытать верующих, чтобы определить, действительно ли вера в Бога может облегчать боль.

Во время экспериментов испытуемым будут причинять боль и одновременно показывать такие религиозные символы, как изображение Девы Марии или распятие. Их неврологические реакции будут фиксироваться, чтобы определить, насколько вера помогла преодолеть болевые ощущения.

Исследователи заявляют, что эксперименты будут проводиться в полном соответствии с этическими правилами и добровольцы будут подвергнуты «неинвазивной симуляции ожогов».

...2. Составы BDP-stop. Их применение позволяет якобы надолго задержать проникшую в разум «наблюдателя» высшую сущность («элементала»), остановив таким образом эффект Скольжения, а также в случае необходимости затормозить Скольжение самого «наблюдателя» в нужной точке.

Примечание: все известные составы BDP-stop пока еще очень ненадежны и опасны.

АД

30 августа 2004 г.,
Крым, город Севастополь,
улица Людмилы Павлюченко

Мне этот бой не забыть нипочем.
Кровью пропитан воздух.

Песня привязалась с самого рассвета, то уходя на самую кромку сознания, то вновь подступая непрошеной холодной волной Памяти. Виниловая пластинка, старый «Аккорд-стерео», иголки для которого приходилось покупать в Риге.

А с небосвода бесшумным дождем
Падали звезды.

Впрочем, песня, старая песня, что так часто вспоминалась в последние недели, ничуть не мешала. Пусть! Привычная мелодия скользила мимо, не задевая, не заставляя задумываться. Еще один оборот пластинки, еще...

Нам говорили — нужна высота
И не жалеть патронов...

Не жалеть патронов... Интересно, смотрит ли сейчас на нас с Небес Илья Григорьевич Старинов, закоренелый атеист, не веривший даже в черных кошек? Видит бог, Илья Григорьевич, мы сделали все, что могли. Сделали, сделаем...

— ...Наводим на массу металла, так будет проще всего. Понимаете, Рябина?

— А чого ж нэ розумиты? Як на мене, хоч на цэглину. Разнэсэ у дрибний дощик.

Вот покатилась вторая звезда —
Вам на погоны.

На моих «Командирских» — двадцать семь минут двенадцатого. Ребята возятся с аппаратурой, Экселенц уже «поймал» спутник, «Копье» — адская машинка «Джавелин-2С» — смотрит в яркое августовское небо. Мне только что пытались разъяснить всю тонкость задуманного, но я махнул рукой, не желая слушать. Разберутся без меня! Уже разобрались.

Если б не насмерть, ходил бы тогда
Тоже героем.

Интересно, станут ли поминать нас в учебниках, как Ли Харви Освальда? Если получится, то наверняка. Яйцеголовые из UkrFOR предусмотрели почти все: город блокирован, закрыты главные улицы, над головами ходят «вертушки», бухта набита кораблями. Полдень, Графская пристань, площадь Нахимова... Там соберутся «они» — все трое. Перед тем как разрезать на куски мою страну, следует почтить память героев. Цветочки, веночки... Ритуал-с!

— Гэй, Экселенц, обэрэжнише! Цэ ж тоби нэ тротил!

Да, не тротил. Вот о таком иноземные умники и не подумали.

Я бы звезду эту сыну отдал
Просто на память...

Мы прокрутили все варианты — как, наверно, и наши враги. Из обычной «снайперки» не достать, из крупнокалиберного чудища — тоже. Не из-за расстояния, здесь все рядом, просто не дадут выбрать позицию. Я хотел взять обычный дивизионный миномет, но и это не подошло. Не пристреляешь, а после первой же мины вертолеты ударят в ответ. Рябина предложил американского «Дракона», но нам повезло, удалось достать «Джавелин», и не обычный, экспериментальный. Рекламный слоган: «Выстрелил — забыл». Прицел и прочие мудрости взял на себя Экселенц, так что и тут беспокоиться нечего.

А уж чем Рябина начинил снаряд, я даже не стал интересоваться. Не тротил, даже не пластид. После победы придется восстанавливать не только памятник адмиралу Нахимову, на который нацелилась умная Смерть, но и всю площадь. Ничего, реставрируем!

...Ре-ста-вра-ция! Ре-ста-вра-ция!

— А вам, товарищ майор, Нахимова не жаль?

— Та ты що, Экселенц, вин же москаль!

Ребята подумали о том же. Жаль, конечно. И памятники жаль, и людей. Последних, впрочем, не всегда.

— Он не москаль. Он, между прочим, украинец, по некоторым источникам — даже еврей. Выкрест. Фамилия-то — Нахимов, почти Нахимсон.

— Тю!

Если получится, если площадь превратится в море огня, завопят же наши братья с севера! Хохол Арлекин... Черта с два хохол! Жид Арлекин (ЖЫДЪ!) поднял руку на величайшую святыню великого народа!.. «Евреи — люди лихие, они солдаты плохие: Иван воюет в окопе, Абрам торгует в рабкопе...» Того и гляди в крови христианских младенцев уличат, будто мне мусульманских мало!

А наша свобода — не величайшая святыня, братья мои?

В небе висит, пропадает звезда —
Некуда падать.

Скорее всего, мы даже не узнаем, что у нас получится. Если нет, пусть за меня узнает Анна. Узнает, запомнит... И меня самого — запомнит. Ее матери наверняка будет все равно, она очень постаралась меня забыть, и, кажется, ей удалось. До двенадцати лет Аня думала, что «папа умер». К счастью, я ее нашел, к счастью, о ней в Харькове никто не знает. Кроме Аргонца, конечно. Недавно мы втроем мечтали, как после войны махнем в экспедицию — на Караби или прямиком в Херсонес.

...Файлы в ноутбуке! Так и не проверил, Аня волновалась, могла что-то пропустить. Надо разбить проклятый ящик — вдребезги! Сейчас? Нет, еще успею.

В небе висит, пропадает звезда...

* * *

— Внимание! Одиннадцать сорок пять, на площади Нахимова начинается церемония. Приступаем! Выстрел по моей команде. Как только на экране будет зафиксирован разрыв, уходите немедленно, не ожидая дополнительных распоряжений. Поодиночке, вразбробь. Место встречи вам известно. Меня не ждать. Вопросы?

— Товарышу майор! Як то «не ждать»? Та мы разом...

— Повторяю — не ждать. И не спорить. Поздно спорить, ребята! Еще вопросы?

Выстрел «они» зафиксируют сразу, ответная ракета с «вертушки» прилетит секунд через пятнадцать-двадцать. Не страшно, мы успеем покинуть идиллический дворик до того, как он превратится в пекло. Но вот дальше... Поквартальная зачистка, отмена всех пропусков, запрет на выезд из города. Ребят в лицо не знают, зато знают меня.

Стоит ли вообще уходить? Может, я все уже сделал? Может?.. «Папа, не надо...» Я не хочу умирать, Аня, совсем не хочу, но и оставаться здесь, в нашем мире, тоже. Взять бы тайм-аут, подумать, понять, решить. Жаль, нет времени! «И Ангел, которого я видел стоящим на море и на земле, поднял руку свою к небу и клялся...»

А может, не так и прав этот Ангел? Может, я смогу найти мое Время? Шприц с BDP-plus в боковом кармане, в маленьком замшевом мешочке.

Говорят, нельзя прожить жизнь с начала. Говорят, нельзя прожить чужую жизнь. Говорят...

Но это — говорят. Правда, напарник? Ты ведь не обидишься? «Like a circle in a spiral, like a wheel within a wheel...»

* * *

— Огонь! Огонь! Огонь!!!

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

175

Надеюсь, папа, ты найдешь этот файл и успеешь его прочитать. Ты недоверчивый, обязательно посмотришь, уничтожила ли я наши архивы.

Ты всегда был такой. Мама рассказывала.

Вначале я мечтала высказать все, что не решалась, глядя тебе в глаза. Но потом поняла — эмоции тебя не заденут. Ты прав, каждый делает свой выбор. Мы все выбрали, и я тоже.

У меня ничего не было с капитаном Субботой. Я тебе солгала — от злости, от желания хоть чем-то тебя задеть. Зря, конечно. Извини!

Вот и написалось письмо. Как и все подобные послания — ни о чем. Просто хотелось, чтобы ты еще раз обо мне вспомнил.

Впрочем... Нет, папа, это не все. Я думала — и, кажется, решилась. Решилась, потому что поняла, ЧТО ТЫ СДЕЛАЕШЬ. Недаром ты так заинтересовался этой DP-дрянью! Ты веришь, что можно остановить Время, надолго, может, навсегда. Остановить, уйти в чужую жизнь, а потом «скользить» дальше, к твоей точке Омега.

Ты не хочешь погибнуть — ты хочешь уйти. У тебя остался один шприц с BDP-plus. Я знаю, сама покупала. Только ты забыл, папа, что у меня есть такой же.

Завтра ровно в полдень я сделаю себе укол. Если «там» тебя не будет, я пойду дальше, за тобой, пока не встречу.

Ты оставил меня еще не родившуюся. Ты слишком поздно ко мне вернулся.

И все равно — я найду тебя, папа!

Боец Лолита

Папка восьмая

ЧИСТИЛИЩЕ

25—30 августа 2004 г.

ФАЙЛЫ 176—200

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

176

Джонатан Китс, ученый из Сан-Франциско, занимается генетическим проектированием Бога. Его цель состоит в том, чтобы определить, где на филогенетической карте — научном древе жизни — разместить Творца.

Если эволюционная теория верна, то генетическая структура Бога должна больше всего быть похожа на первые земные формы жизни. Или же, если правы креационисты (сторонники версии сотворения мира Богом), то ДНК Бога больше походит на формы жизни, которые Он создавал по собственному образу и подобию.

Для практических опытов Китс использует цианобактерий и мух-дрозофил.

«Я пытаюсь исследовать, могут ли вера и разум мирно сосуществовать, — заявил ученый. — Я думаю, что могут. Так что этот проект — действительно эксперимент мысли: выдвигая предположения о крайностях и объединяя их, я надеюсь, мы сможем получить полезные результаты».

О первых результатах своих исследований Джонатан Китс намерен доложить на заседании Международной ассоциации божественной таксономии.

Статья в журнале «Форбс» наконец-то вносит ясность в так называемую DP-проблему. Эффект «Dream of the Past», считавшийся необъяснимым с научной точки зрения, служил объектом разнообразных спекуляций, включая «опыты», якобы доказывающие возможность путешествия во Времени.

Статья написана Джеком Саргати, много лет изучавшим проблемы квантовой физики и квантовой психологии. В своей работе он использует также результаты исследований своих коллег Юджина Уингера, Эдварда Уокера и Чарльза Мьюзеса. Выводы его просты и одновременно парадоксальны. DP-эффект, вызываемый употреблением некоторых лекарственных препаратов, не способен перемещать нас во Времени. Однако воздействие на т.н. Область Бога в головном мозге приводит к образованию некоей квазиреальности в человеческом сознании. Эта квазиреальность (Q-реальность) обладает уникальными свойствами, нуждающимися, как считает ученый, в дальнейших углубленных исследованиях.

Практической целью своей работы Саргати считает создание Q-чипа, устройства, которое будет способно стимулировать создание Q-реальности в сознании человека без вреда для его здоровья. По сути, человечеству будет предложена некая виртуальная Вселенная с заранее заданными параметрами. Тех же, кто пытался создать «фармацевтическую Машину Времени», ждет, вероятно, самое большое разочарование в жизни.

ЧИСТИЛИЩЕ

25 августа 2004 г., город Харьков

Экран монитора вместо привычной заставки выстрелил обоймой голых распяленных афедронов. Ну конечно! Прыщавый юнец, только что гревший стул у компьютера, поспешил нажать «Да». «Желаете ли вы, чтобы работа начиналась с этого сайта?» Возжелал, акселерат!

Сайт назывался «Порка ремнем». Эх, будь я фрейдистом!

Вот за это и не люблю интернет-кафе. Но что делать?

Афедроны в красных рубцах сменились наконец привычным интерфейсом «Яндекса», и я набрал первое, что пришло

на ум: «провалы в памяти». Пуск? Не стоит, кроме романа Дина Кунца, ничего интересного не найти.

Провалы в памяти... Если бы просто провалы!

На этот раз элементал не просто перетасовал все файлы в ноутбуке, щедро всыпав целый мешок весьма подозрительного свежачка. Уходя, он не написал записки, поленился, зато оставил кое-что поинтереснее — настроение. После Погружения ждешь привычной тоски, хронопохмелья, черной меланхолии. В прошлые «его» посещения не было ничего, совсем ничего. Но вот сегодня утром...

Утром я и пришел в себя — на собственной кровати. Вымытый пол, свежая буханка «Бородинского» в хлебнице, политые кактусы — все это не удивило, привык. Поразило спокойствие, холодное, какое-то ненастоящее, словно мои неприятности — мелочь и абсолютная ерунда. Потеря памяти, раздвоение личности, паранойя на пороге... Пустяки, дело житейское!

Отчего ты так спокоен, друг элементал? Или хочешь успокоить меня? Не беда, мол, напарник, прорвемся!

...Напарник? И это было — когда я «скользнул» на Караби. Я называл напарником того, другого, который не разрешал курить наглой малолетке. «За педофилию» — не тост, это... Выходит, мы с моим элементалом тоже напарники? Значит, он...

Стой, назад! Не сейчас, сначала — дела. Элементал не тратил времени даром, его пример — иным наука.

А если серьезно? Ох!..

Если совсем серьезно, то не будь дарованного непонятно кем спокойствия, двери паранойи, столь ярко описанные моим земляком Андреем Дашковым, наверняка бы уже разверзлись. Все годы меня согревало то, что я не просто среднепаршивый «препод» провинциального вуза, бытовой пьяница с уклоном в алкоголизм. Я «наблюдатель», «DP-watcher», почти что пилот Time Machine!

Не один я, конечно, — все мы, хромые, больные, калечные-увечные, искусившиеся DP-соблазном. Избранные. Издранные, блин!

«Эффект «Dream of the Past», считавшийся необъяснимым с научной точки зрения, служил объектом разнообразных спекуляций...» И что теперь нам петь? Спасибо, элементал, спасибо, напарник! «Как в витке большой спирали без начала и конца, в этой серой мрачной дали тень неясная лица...» Я спокоен, спокоен, спокоен, спокоен...

Смотрим! Начнем с ретро, почти что с классики. Джек Саргати, чтоб ему погрузиться и не вернуться! Ну?

«Гипотеза о биологической сути Времени поддержана американским ученым Джеком Саргати, который не оставляет попыток создать так называемый Q-чип, который повторял бы структуру мозга человека, но с мощностью «времявосприятия», в десятки и сотни раз превышающей подобную мощность мозга человека, он мог бы на основании этого стать настоящим генератором времени, своеобразной машиной его управления».

Вот как? Однако же фразочка, утонуть можно! Выходит, Джек вовсе не отрицал DP? Вместо химии предлагает свой чип, но в целом... И когда сие написано, в 2001-м? Что же с тех пор изменилось? Рухнула теория струн — или все еще проще? Вызвали мистера Саргати куда следует, побеседовали сердечно тет-а-тет? Штаты — не покойный Союз, но если дойдет до чего-то серьезного... Time Machine не слабее проекта «Манхэттен» будет!

Прощай, «Яндекс», привет, «Yahoo»!

Ну?!

«The Post-Quantum Physics of the Mind-Brain by Jack Sargatti». Эпиграф: «No choice of two roads; if there were, I don't doubt I'd have chosen both». Gregory Corso. Кто такой, почему не знаю? А дальше?

«The outer world naively revealed to us by our senses rely on the relatively stable classical structures...»

Ага!

* * *

— Двести. Да, «Десны». И апельсинчик.

Ты ведь, кажется, непьющий, напарник? Значит, придется за двоих. «Мы воины, мы трубадуры, увечный и голый отряд; мы те, кто назад не вернется, за труд не получит наград...» Господи, это-то откуда?

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

178

Параллельных миров не существует — утверждают ученые.

На сессии Американского астрономического общества в Сиэтле российский физик Сергей Копейкин, работающий в

Университете Миссури, и американец Эдвард Фомалонт из Национальной радиоастрономической обсерватории в Шарлоттсвилле объявили, что им впервые удалось измерить скорость гравитации. Эксперимент стал возможен благодаря редчайшему небесному явлению: световой луч, соединяющий один из квазаров и Землю, пересек Юпитер. Гравитационное поле планеты-гиганта столь велико, что под его влиянием видимое положение квазара на небе изменилось, в результате чего удалось измерить его «виртуальное» смещение. Итогом обработки данных стала величина в 0,95 скорости света.

Этот эксперимент важен для опровержения космологических теорий множественных вселенных, параллельных миров и так называемой «теории струн». В такой Вселенной число измерений больше, чем в привычном мире, а дополнительные пространственные измерения существуют в «свернутом» виде. Мы же из своего трехмерного мира просто не видим пребывающих рядом с нами миров с большим числом измерений, как тень не видит своего хозяина.

Эксперимент профессора Копейкина нанес по теории параллельных миров прямой и сокрушительный удар.

ЧИСТИЛИЩЕ

25 августа 2004 г., город Харьков

— Т-ты, Арлекин, не в н-настроении. П-пройдет!

— Куда пройдет, Шура? Если вся эта бодяга имени капитана Копейкина — правда, то мы — обычные наркоманы, понимаешь? Глюконавты! Наши наборы — просто «колеса», а мы — наблюдатели за победным маршем собственной паранойи.

— У т-тебя, Арлекин, раздвоение л-личности, а это не п-паранойя, а шизофрения. Вчера т-ты меня д-даже н-напугал. Д-даже голос стал д-другим, н-не твоим.

— Я хоть не дрался?

— Об-бошлось. Н-но д-допрашивал прямо-таки п-профессионально, будто ты Мюллер, не Арлек-кин. К-круто, в общем. Д-да ты не расстраивайся, не в п-первый раз DP хоронят. Сам же говорил: чтобы сп-прятать тайну, ее надо заб-бросать к-кучей всякой «д-дезы». Вот и заб-брасывают.

— «Форбс» — очень солидное издание. Джек Саргати — известный ученый, давно занимается квантовой физикой. Еще

несколько лет назад он фактически поддержал идею «Dream of the Past». А теперь именно он ее хоронит. Все одно к одному!

— Если слишком м-много совп-падений, значит, это...

— Не совпадения, Шура! Одно из двух: или DP — блеф, сказочка для наркоманов, или за нас взялись всерьез. Очень всерьез! Так, что скоро клочья полетят.

— П-пока не полетели, возьмешь чего?

— Я же тебе говорил... А, ладно! «Новый», который № 1. На максимум.

* * *

— ...И апельсинчик, пожалуйста.

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

179

Гор. 25 авг. 04. 20:01. Сообщ. № 4400.
Тема: Вот и все, мы разбиты?

Заголовок: Меньше эмоций!

> кажется, приплыли...

Коллеги! Я все-таки физик, во всяком случае, физтех окончил. Некритично относиться к подобным сообщениям в СМИ нельзя. Надо подождать серьезной публикации по поводу эксперимента «капитана Копейкина». Между прочим, эксперимент не является однозначным подтверждением именно эйнштейновской теории гравитации. С тем же успехом его можно считать подтверждением альтернативных теорий, скажем, релятивистской теории гравитации Анатолия Логунова. Суть вопроса не в пресловутой «скорости гравитации» (ну и сленг у журналюг!). Чтобы опровергнуть или подтвердить теорию струн, на которую так или иначе «завязаны» наши построения, необходимо решить вопрос о существовании гравитона — частицы со спином, равным 2. Пока ни положительного, ни отрицательного результата нет.

Джек Саргати никогда не пользовался авторитетом среди ученых. Мне кажется, он в лучшем случае конъюнктурщик, в худшем — просто жулик.

Так чего мы волнуемся?

Лерна. 25 авг. 04. 20:42. Сообщ. № 4401.
Тема: Вот и все, мы разбиты?

Заголовок: Дело не в физике...

> Я все-таки физик

...точнее, не только в физике. Я только что прочитала статью в «Форбс». В ней разобраны и проанализированы ВСЕ случаи «воздействия», в том числе упомянутые на известном нам сайте NBS. Все они оказались либо ошибкой, либо фальсификацией. Об этом Саргати и пишет. Его построения насчет Q-реальности в данном случае не так и важны. Главное, НИКАКИХ доказательств РЕАЛЬНОГО проникновения в Прошлое в ходе Погружений у нас НЕТ. Мы опять у разбитого корыта. Арлекин поторопился со своей «теорией Запаздывания». Пока что «запаздывать» нечему.

Фома Верующий. 25 авг. 04. 21:18. Сообщ. № 4402
Тема: Вот и все, мы разбиты?

Заголовок: Сухой остаток.

Значит, если отбросить гравитоны и прочие «реальности», получается:

1. DP — одна из разновидностей лекарственной наркомании с соответствующими глюками.
2. Мы все — наркоманы.
3. Наша работа за эти годы — коту под хвост.
4. Умные яйцеголовые дядьки скоро изобретут переключатель для мозга, чтобы вызывать столь милые нам глюки без отравления химией.
5. DP, если его все-таки не запретят, станет частью индустрии развлечений, как Арлекин и предсказывал.

Так?

Гип-Гип-Нос. 25 авг. 04. 21:36. Сообщ. № 4403.
Тема: Вот и все, мы разбиты?

Заголовок: А если...

...все это — хорошо продуманный «накат» на DP? Ведь что получается? За последние месяцы нам вроде бы удалось подтвердить несколько случаев реального проникновения в Прошлое, объяснить их (теория Арлекина!), испытать новые наборы, в том числе синхронные. DP из опасного увлечения начала превращаться в НАУЧНУЮ ТЕОРИЮ! И тут — серпом по ушам! Для кого нужны публикации в «Форбс» и отчеты об опытах «капитана Копейкина»? Не для несчастных старичков, для которых Погружения — просто путевка в Прошлое. Ударили по нам, тем, кто пытается ПОНЯТЬ! А мы еще удивлялись, почему нас не замечают. Заметили!

Кроме того. Где у Саргати (я тоже только что прочел статью) хоть одно упоминание о «черных»? Эффект «скольжения», кажется, не вкладывается в его Q-реальность?

Гор. 25 авг. 04. 22:11. Сообщ. № 4404.
Тема: Вот и все, мы разбиты?

Заголовок: Между прочим...

...что такое упоминаемый в статье «Q-чип»? О нем писали ДО Саргати. Я вот нашел такое:

«The Q-chip folks also seem to imply the nonlocality involved in their ideas might allow Q-chips to ultimately, in effect, communicate through the time barrier itself— at least in some small way. Such movement could theoretically go both ways— into the past or the future».

Что-то знакомое, правда? «Nonlocality», «communicate through the time». И даже «into the past or the future».

Переводить надо?

Не правда ли, похоже на DP? Так что имеет в виду Саргати?

Арлекин. 25 авг. 04. 22:32. Сообщ. № 4405.
Тема: Вот и все, мы разбиты?

Заголовок: В том-то и дело.

> Так что все же имеет в виду Саргати?

Саргати, как я понял, был долгое время чуть ли не ЕДИНСТВЕННЫМ известным физиком, который допускал техническую возможность Погружений. Метод иной, чем у нас, но

принцип абсолютно тот же. И вот он делает вывод, что Погружение и вправду возможно, но не в истинное Прошлое, а в нечто, формирующееся в нашем мозгу, в той самой Области Бога. Он считает, что мы имеем дело с особой Реальностью (Q-реальность), которая обладает еще неизвестными нам качествами. Возможно, даже синхронностью, то есть возможностью контактировать во время Погружений, и даже способностью как-то влиять на окружающий мир.

Но это — НЕ ПРОШЛОЕ. Мы не погружаемся в Прошлое. Мы все ОШИБАЛИСЬ.

Вот о чем статья в «Форбс».

Так ли это, не так, но пока аргументов у нас нет. Во всяком случае, их ОЧЕНЬ МАЛО.

Гип-Гип-Нос. 25 авг. 04. 23:56. Сообщ. № 4406.
Тема: Вот и все, мы разбиты?

Заголовок: «Господа! Не пускайте сюда поручика Ржевского!..»

> даже синхронностью, то есть возможностью контактировать во время Погружений, и даже способностью как-то влиять на окружающий мир.

Извините, Арлекин, про поручика я ради поднятия настроения.

А если серьезно, то чем выдуманная мистером Саргати Q-реальность отличается от нашего Прошлого? Он что-то мудрит. Если по улицам бегает нечто, похожее на собаку, если оно лает, как собака... И т.д.

И все-таки, как же опыты наших «черных» братьев? Или Саргати и его заказчик с самого начала знали, что «черные» не поверят во всю эту заумь?

ЧИСТИЛИЩЕ

26 августа 2004 г., город Харьков

Поглядела на меня, брезгливо поморщилась.

— Арлекин, вы...

— Добрый вечер! — Я постарался улыбнуться как можно обворожительнее. — Точнее, доброй ночи, уже, кажется, начало

первого. Да, я пьян, у меня в резерве полная бутылка «Коктебеля» и... Проходите, Гала!

Мадам Складной Метр дернула плечом, шагнула к зеркалу в прихожей. Свет мой, зеркальце, скажи... Нет, молчи, стекляшка, целее будешь!

— Арлекин, хоть вы и пьяны, как... как всегда, но, может, и до вас дойдет. Звонить замужней женщине и звать ее к себе ночью...

— Ага, — охотно согласился я. — Так послали бы меня тройным петровским загибом! А вы даже код моего подъезда спрашивать не стали. Запомнили уже? Между прочим, как вас только муж отпускает? На ночь, в чужую квартиру?

Отвернулась, резко втянула воздух.

— Я взрослый самостоятельный человек. В отличие от некоторых!

Кажется, симпатии у нас вполне взаимны. Но ведь пришла!

— Где у вас коньяк?

Когда она падала на стул, я в очередной раз испугался. Разве можно так обращаться с манекеном? Сломается!

— ...Если думаете, что я стану вас успокаивать, ошибаетесь. Решайте сами, Арлекин. Dream of the Past — в значительной степени вопрос веры, не только опыта. Наливайте, чего ждете? Прежде чем вы скажете, на кой черт я вам понадобилась, воспользуюсь возможностью.

— Прозит!

— Арлекин, я же говорила, вы не похожи на Штирлица! Слушайте, почему бы вам не побриться? Все-таки к вам в гости пришла дама! Побрились, надели бы что-нибудь поприличнее ваших «треников»... Знаете, вы — почти полное воплощение моих антипатий, вам только брюхо нужно еще отрастить... Ладно, давайте сразу. Возможно, Саргати и прав насчет какой-то новой Q-реальности, но она никак не исключает реальности Погружений и Скольжений. Я не верю в это, я это знаю. Убедила? Налейте еще!

— Про... Будьмо! Не убедили, Гала. А хотелось бы! Вы что-то знаете, так ведь? Поделитесь!

— Нет! Постарайтесь понять сами. Иначе окажетесь еще хуже, чем я о вас думаю, хоть это почти невозможно.

— Ага. За политбеседу спасибо, только, Гала, без комиссара вполне обойдусь. А вот секундант мне, пожалуй, требуется.

* * *

Да, похоже, так и придется помереть — во все том же кресле, возле все того же стола. Правда, на этот раз ни чашки, ни разноцветных таблеток. Зато есть блюдце — цветное, в веселых желтых разводах, поверх которых лежит аккуратный маленький шприц.

Ждет!

Вот и карта-циферблат. Минутная стрелка пересекает Канаду, часовая лежит вдоль Восточного побережья Штатов. Шторы можно не задвигать — начало третьего, ночь в своем полном праве.

Перед Погружением приятно вспомнить, что смертность среди «наблюдателей» все-таки меньше, чем у принимающих тяжелые наркотики. Сейчас и это не утешит: «черный» DP ничуть не безопаснее героина.

Эх, где вы, беленькая, желтенькая, черненькая, три таблетки, три банана? Как с вами просто!

— Преклоняюсь перед такой решительностью, Арлекин, но подумайте все-таки. Вы не просто выпили, вы пропитаны алкоголем, как...

— ...Губка. Рискну. Все-таки.

На этот раз мадам Дали не в кресле — на маленькой коротконогой табуретке, совсем рядом, совсем близко. Уже не язвит, не ругается. Осознала?

— Почему вы решили начать с BDP-plus? Вы говорили, что он в прошлый раз не подействовал.

Действительно, почему?

— Это не я говорил, Гала. Так было в записке, которую написал не я. Кто — не знаю. Мое alter ego, напарник, элементал. Другой! И почему-то я ему не верю.

— Поэтому и пригласили меня? Проконтролировать?

Шприц под рукой, еще ближе, чем мадам Складной Метр. Пора? Впрочем, можно не спешить, до рассвета еще далеко.

— Это тоже, Гала. А также из осторожности. Если что, наберете «03». А еще...

Сказать? Конечно, сказать! Сколько можно играть в прятки?

— Что мне делать? В тех... реальностях, куда я попадал, много странного, но... Вам нужно не это, правда?

Отодвинулась. Встала. Отвернулась.

— Мы, DP-watchers, просто наблюдаем. Вы, Гала, хотите что-то найти. Что именно?

Плечи чуть заметно дернулись.

— Могу лишь попросить. Если там, куда вы попадете, будет что и у нас: таблетки, шприцы, в общем, все наше варварство, — попытайтесь скользнуть еще раз. На сколько сможете, чем дальше, тем лучше. Ищите нечто, вам еще незнакомое.

— Нечто вроде Q-чипа?

Наконец-то она обернулась.

— Догадались? Да, нечто вроде. Не сам Q-чип, он ни вам, ни мне не нужен, а... что-то очень похожее.

Я обреченно вздохнул. Выходит, вся возня — из-за какого-то чипа?

Пора! Минутная стрелка строго на полюсе. Ненавижу шприцы!

— Вам, Гала, еще не говорили, что вы каннибал?

— А вам?

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

180

Президент Гарвардского университета Ларри Саммерс заявил, что женщины не могут достичь значительных успехов в естественных науках и математике из-за существенного генетического отличия от мужчин.

По мнению доктора Саммерса, выступавшего на закрытой экономической конференции, между полами существует непреодолимое различие. В частности, полагает он, основной причиной, по которой женщины не занимают высоких постов, является то, что они не желают много работать, поскольку постоянно думают о сексе, детях и покупках.

Некоторые из присутствовавших на конференции женщин не выдержали и демонстративно покинули зал.

181

Относительно новой и оригинальной является гипотеза «глубинной сути Времени», выдвинутая Александром Черкасовым. Она исходит из предположения, что Время «квантуется», то есть не является непрерывным потоком, а проявляется дискретно («порциями»). Сама гипотеза может быть сформулирована так: ВРЕМЯ ЕСТЬ ИЗМЕНЕНИЕ МАТЕРИИ. Логически развивая эту гипотезу, можно сделать вывод, что Время не есть какой-то направленный поток. Невозможно двигаться по его течению или против. Время создается непосредственно материальными телами, их свойством меняться. На практике это означает, что можно «создать Время» при помощи быстро меняющегося объекта и реально зафиксировать изменения свойств окружающего объект Пространства. Это положение возможно проверить опытным путем, например, по уходу частоты колебаний кварцевого генератора вблизи интенсивных химических или физико-химических процессов.

ЧИСТИЛИЩЕ

26 августа 2004 г., Караби-яйла

Анна тихо дышала рядом. Я осторожно привстал, стараясь не шуметь. К концу экспедиции ночные вставания начинают входить в норму. Обычно такое бывает после вечернего пива, но, учитывая наш сухой закон, грешить приходится исключительно на самого себя. Увы!

Нервы? Не иначе они, родные. Ничего страшного, выйду, покурю, погляжу на ночь. Тьма на Караби — это даже не Западное городище Херсонеса в безлунную темень, когда наступает Час Призраков. Будет что в Харькове вспомнить!

Где моя «Ватра»? Само собой, в кармане штормовки, само собой, измялась...

— Папа?

Ну вот, Анну разбудил!

...Стой, стой, напарник! Какой еще «папа»?! Чей? Этой стрикулистки?!

— Папа, ты курить?

— Ага. Спи!

— Я с тобой! Курить не буду, постою просто.

В комнате тихо, Андрюс уткнулся носом в стену, в пальцах Влада — погасшая сигарета, не иначе курил, засыпая. Надо будет поутру шею намылить, договорились же: на улицу, если что. Нечего ребенка травить!

Стоп! Перед тем как проснуться, я...

...Та-а-ак, напарник. Что мы видим? Караби-яйла, глубина Погружения... Кажется, нулевая, как и в тот раз. Управление и

контроль — ноль целых, ноль десятых. Пока. Оно и к лучшему, присмотрюсь, пристреляюсь. Факт Скольжения... Установлен? Похоже, очень похоже. В прошлый раз меня сюда просто закинуло, а сейчас...

BDP-plus. Учтем! А не папаша ли, смолящий «Ватру», — мой элементал? Нет, мой не курит, здоровье бережет.

Не он. Тогда кто?

* * *

— Аня, где у нас аптечка?

— Папа?!

Ну вот! Осторожней надо. Сейчас начнется.

— Я тебе анальгин не дам! Ты скоро наркоманом станешь. Но-шпу выпей, если голова болит.

Фу ты! Не нужна мне но-шпа. Стоп! А что нужно? Коробочка, маленькая такая коробочка без надписи...

Анна уже возилась возле своего рюкзака, а я все пытался сообразить. Во сне, перед самым пробуждением, я подумал... Об аптечке? Об анальгине? Нет, что-то другое. Маленькая коробочка, ее привез Влад, когда три дня назад ездил в Симферополь, я его специально просил, дал адрес...

Ладно, потом. Курить!

На крыльце нас встретил ветер. Я привычно поежился, на миг зажмурился, привыкая к темноте, нашарил в кармане измятую пачку.

— Папа! Папа! Можно я... Всего одну, я уже несколько дней не курила. В прошлый раз ты сам мне разрешил, а потом ругался...

...Уж не в тот ли, когда мы говорили о Мангупе и балке Карализ? Выходит, я молодежь в порок ввергаю? Господи, да у нее кольцо в носу! Макабр-р!..

Ну, с богом! Потеснись, напарник! Что это ты искать собрался? Коробочку без надписи? Запомним. Поищем!

Стой! Стой! Сто-о-ой!

* * *

— Ты, Анна... Аня, по-прежнему «Вог» куришь?

Отвернулась, засопела.

— Не «Ватру» же! Курить «Ватру» — извращение. Только не

говори, что извращение — это прекрасно! Я один раз при маме повторила...

— Извращение — это прекрасно! — улыбнулся я, щелкая зажигалкой. — Кури, одну разрешаю!

Моргнула, покосилась недоверчиво.

— А потом снова ругаться станешь. Знаю я тебя!

Я глубоко вздохнул. Холодный ночной воздух сразу же улучшил настроение. Вот ты снова на Караби, Арлекин! Доволен? Это тебе не в Рыбачьем винцо попивать!

— Если буду ругаться, скажи, что я разрешил. Если не поверю, назови пароль: «Дубльвейс». Запомнила?

— Ду... Буква двойная? Вроде «Дабл ю»?

Удивишься, напарник? Еще как удивишься! Откуда этой девице знать наш с тобой детский пароль — еще со школы, с седьмого класса? Я и сам вспоминаю его раз в три года.

Сколько нас было, «дубльвейсов»? Сначала трое, после — четверо. Одного уже нет в живых, остальные разъехались кто куда, от Хайфы до Чикаго.

Рядом щелкнула зажигалка. Резко, словно выстрел.

— Ой, хорошо, папа!

— Как выражается дядя Борис: эт-точно.

И что теперь скажете, мистер Саргати? Между прочим, спасибо, без вас меня бы тут не было. Разозлили, мистер специалист! Значит, DP — обманка, никаких иных реальностей нет, есть только ваша Q-реальность вкупе с вашим же чипом? А я уж и вправду думал все бросить!

Сейчас — не брошу. Из принципа, а еще — из злости. Где же это я нахожусь сейчас, мистер, в Q-реальности? Философу приснилось, что он — бабочка, а бабочке...

В свое время господа ученые решили, что атом неделим, а метеоритов не бывает. Из этого и станем исходить.

А не спросить ли... Извини, напарник, если дров наломаю!

— Я рассказывал, как мы с твоей мамой познакомились?

Тихо, очень тихо. Наконец легкий вздох.

— Нет. Думала, для тебя эта тема — табу. Как для таитян... Я знаю, мама говорила. Она тоже не любит вспоминать, но я очень просила. В поезде вы встретились, ехали через Белоруссию, там еще станции были со смешными названиями. «Бобры», кажется. «Нижние бобры», «Верхние...»

Хорошо, что темно, хорошо, что девочка не видит моего ли-

ца. «Бобры», значит? Не помню никаких «Бобров» и поезда не помню! Когда же это было — то есть могло быть?

А я подумал о Хельги!

— Не вини себя, папа! Ты ведь даже не знал, что я родилась. Мама... Сначала я винила тебя, потом — ее. Сейчас... А сейчас никого не хочу винить. Ты ведь нашел меня. Если бы ты сделал это раньше!

Я бросил окурок, не глядя, вытащил новую сигарету. Где моя зажигалка, дьявол ее!..

Не помню никакого поезда! Не было этого, не было! Сколько девочке сейчас? Восемнадцать? Меньше?

— Извини, Аня... Мама не говорила, в каком году...

— Это что, имеет значение?

Кажется, действительно табу. Зря я туда полез, еще раз прости, напарник!

— В 1979-м. Потом вы переписывались, мама бывала в Харькове, затем уехала в Киев, ты туда приезжал... А после мама вышла замуж. Папа, не мучай себя, ты ни в чем не виноват!

Не виноват? Я, конечно, нет, разве что в излишнем любопытстве. Наглый элементал, возжелавший чужих секретов... Выходит, у тебя все сложилось иначе, напарник? Если не все, то очень многое? В результате ты здесь, на Караби, я тихо спиваюсь в Харькове...

А «мой» элементал? То-то ему было интересно! Наверняка сразу в ноутбук полез — как и я в прошлый раз. Они ведь у нас одинаковые!

— Аня, я тебе рассказывал про DP? DP — Dream of the Past?

— Не-е-ет.

Значит, «не-е-ет».

* * *

Выключил ноутбук, посидел несколько секунд с закрытыми глазами.

— Что, уже вставать?

— Спи, Борис! — вздохнул я, не оборачиваясь. — Спи!

Пусть спят — и он, и остальные. Играть в напарника мне сейчас не с руки. Хватит и Анны.

— ...А я тебе говорю, папа, они что-то видели. Дядя Влад смеется, говорит, что гамадрил из зоопарка убежал. А почему бы и нет? В Германии обезьяны прижились, а там климат хуже

крымского. И в Японии... А вообще... Папа, я им всем не сказала, чтобы не смеялись. Это йети, крымский снежный человек!

Я сглотнул. Ничего, напарник разберется!

— Да! Я и в Сети кое-что раскопала, как раз про Бахчисарайский район, это совсем рядом!..

— Потом, — махнул я рукой, прерывая ее горячий шепот. Каждому — свои проблемы. Если верить «его» записям, девице Жеводанского Зверя подавай. И то не успокоится.

А молодец все-таки! Другие в ее возрасте... Сколько же Анне лет?

— Ты аптечку искал.

Ах да! Только не аптечку, и не я. Напарнику что-то взбрело в голову, он еще успел удивиться, очень удивиться. Словно мысль была — не его.

Не его, не моя... Чья тогда?

...Рука отложила в сторону знакомые пачки анальгина и фталазола, без них в экспедиции никак. Вот и но-шпа. Пластырь, йод... Нет, не то, я ищу...

Есть! Сразу понял, лишь только дотронулся, еще не видя. Коробочка, маленькая коробочка без надписи...

— Аня, дай фонарик!

Тускло блеснуло стекло. Почему-то я не удивился.

— Ой, папа, что это?

...Черный» DP. «Plus» и «stop». Вот так!

— Витамины, Аня. Двойная глюкоза.

— А как это — двойная?!

Анна не понимает, я не понимаю. А вот мадам Гала... Знала? Но откуда? Нет, она не каннибал, выше бери, доктор Менгеле, не иначе!

— Папа, ты...

— Спи, Аня, я сейчас.

Станции с названиями «Бобры», целое стадо бобров. Интересно, у бобров стадо, стая или даже прайд?

...Не забыть выкинуть шприц. Успею? Успею, несколько секунд у меня точно есть. Чем дальше, тем лучше? Это для вас лучше, ма шер Дали!

«Like a tunnel that you follow to a tunnel of its own, down a hollow to a cavern where the sun has never shone...» Тебе эта песня тоже нравится, напарник? «Ты пройдешь одним туннелем, а за ним еще другой. В той пещере солнца нету...»

* * *

...И чипа здесь нет. Точно нет! И моей протянутой руки тоже, и меня самого.

Нет. Ничего нет. Ничего!

Странно, я все еще думаю. Странно, что вижу, ведь у меня нет глаз. Но я вижу, даже могу назвать по имени...

Отчаяние? Боль? Нет, боль не для меня, она для тех, кто существует, мне не может быть больно, мне... Но я здесь! Я мыслю, следовательно...

Итак, Погружение... Нет, Скольжение, я уколол «plus». Мадам Складной Метр хотела, чтобы я шел дальше. Но идти не могу. Двигаться. Дышать.

Не могу!

Но это я, по-прежнему — я? Кажется, я. Кажется...

Никогда не думал, что оно такое — Отчаяние. Белое? Нет, цвет не разглядеть, это вообще не цвет... Итак, Скольжение, глубина... Глубина ноль, здесь иные координаты, координаты... «Координаты Отчаяния» — старый фильм, смотрел когда-то...

Управление и контроль — пока не ясно. Думаю, вижу, не дышу. Могу рассуждать, могу порадоваться, что у меня нет шприца с BDP-stop, оставаться здесь нет охоты.

Не Прошлое, не Настоящее. Будущее? Разве оно такое — Будущее? Разве в Будущем я увижу Отчаяние, увижу...

Стой! Сто-о-ой, псих ненормальный! Что ты видишь, какое еще Отчаяние? Это же просто... Просто...

Очень просто.

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

182

Польская компания Rysio выпустила трейлер новой компьютерной игры «Dream of the Past» («DP»), посвященной приключениям в Прошлом, куда игроки «попадают» благодаря использованию целого набора фармацевтических препаратов. Разработчики пытаются уверить геймеров, что игра способна претендовать на смесь Fallout'a и System Shock. Что ж, возможно, новый трейлер прольет свет на эту тайну.

183

Разного рода свидетельств о проживании в Крыму снежного человека предостаточно. Особенно много рассказов о «крымском йети» в Бахчисарайском районе, там, где местность изрыта древними пещерными городами.

На плато Ай-Петри неоднократно наблюдали отпечатки гигантских ног, находили кости, якобы принадлежащие лесному гиганту. Живут они, как говорят, в пещерах, которых в Крыму — тысячи.

По мнению доктора биологических наук, члена-корреспондента Петровской академии наук и искусств Валентина Сапунова, существование троглодита «можно считать доказанным». Всего вероятнее, считает ученый, это иной биологический вид, некогда сформировавшийся как наш экологический напарник. Если наш вид развивался по пути усложнения социальных форм, то троглодит адаптировался к среде биологического обитания и осел в пещерах.

Многолетние наблюдения показали: в большинстве случаев говорят о существе в 2—2,8 м ростом, с крупными ногтями и зубами, покрытом густой, жесткой шерстью, со скоростью перемещения в 2 —3 раза больше человеческой. Химический анализ крови троглодита, еще 10 лет назад проведенный на кафедре эпидемиологии Ленинградского санитарно-гигиенического института, показал, что это — крупное животное, не сопоставимое с каким-либо из известных ранее.

184

При проведении экспериментов с фотонами группа ученых Женевского международного научного центра обнаружила отсутствие привычного для классической физики понятия Времени — т.е. парные фотоны, которые излучает ядро под воздействием лазерного луча, могут существовать одновременно в двух и более точках пространства. Об этом заявил руководитель экспериментов Антуан Суарес.

Эксперимент основывался на опытах французского физика Алекса Аспека, который в 1981 г. опроверг предположение Эйнштейна о сохранении законов классической физики на квантовом уровне. В 1935 г. Эйнштейн предсказал, что со временем можно будет вычислить положение в пространстве и

силу импульса двух взаимодействующих фотонов. Французский ученый стал первым, кто опроверг это предположение, хотя сомнения в его правильности высказывал еще великий физик Нильс Бор.

Пока трудно оценить реальную ценность этого открытия.

ЧИСТИЛИЩЕ

26 августа 2004 г., город Харьков

Ладонь я успел поднять, останавливая стальную иглу, готовую вонзиться мне в вену.

— Гала, прекратите, вы не доктор Айболит!

Шприц замер, послышался облегченный вздох. Кажется, мадам Складной Метр рядом, все на том же табурете. Впрочем, об этом и о многом другом можно подумать после. Пока — не важно. Я здесь, в знакомом кресле, монитор по-прежнему слева, стрелки все так же играют в прикладную географию, я жив, я дома.

...Минутная по-прежнему пересекает Канаду, часовая — вдоль Восточного побережья. Сколько меня не было? Минут пять, меньше? Надеюсь, Гала догадалась засечь время?

Но и об этом — не сейчас.

— «Скорую» вызвать?

Странное дело! После обычных Погружений хочется повеситься, после Скольжений — тех, что были прежде, — не ощущаешь вообще ничего. А вот сейчас...

— «Скорой» не надо, венки заказывать — тоже. У вас вид, словно меня уже похоронили. Не дождетесь!

Какой именно вид у мадам Дали, я судить не мог, но легко догадался по голосу. Почему-то это меня рассмешило.

— Немного коньяку, пожалуйста. Бутылка на кухне, рюмка там же, лимон...

— Пульс у вас определенно появился.

* * *

— Я не Айболит, Арлекин, но все-таки не доктор Менгеле. Колоть собралась не BDP, как вы наверняка вообразили, а сердечное. Теперь понимаете, что я испытываю почти каждый

раз? Поэтому без «секунданта», как вы выразились, стараюсь не погружаться. Ваша эйфория — обычное состояние в подобных случаях, защитная реакция нашей бедной психики. Не обольщайтесь, скоро пройдет, и тогда полезете на стену. Поэтому коньяк не просто разрешаю, а настоятельно рекомендую. Коньяк — все остальное потом. Живы? Вот и радуйтесь!

* * *

По телеэкрану шествовали упыри — один за другим, без перерыва, бесконечной, жуткой чередой. Белые лица, пустые глаза, губы в темной киновари, на застывших деревянных плечах — то ли саваны, то ли гнилые лохмотья.

Показы мод меня всегда пугали. Особенно ночью.

— Дешевка! — Гала поморщилась, пригубила из рюмки. — Если хотите, можете переключать.

Рука потянулась к пульту, отдернулась. Какая, собственно, разница? Упыри так упыри!

Начало пятого утра, на экране — парад покойников, я жив, коньяк еще есть... Хорошо? Еще бы! Велели радоваться, я и радуюсь.

...Особенно после того, что довелось увидеть. Странно, зрения я не терял. Или так только казалось? С закрытыми глазами мы тоже что-то различаем, и во сне, и в бреду.

— Обсудить желаете?

Голос у мадам Дали под стать циркулярной пиле, по крайней мере, воспринимается именно так. Чего ей еще нужно? Рискнул собой, едва назад вернулся. Дайте живому человеку упырями полюбоваться!

— Не желаю, Гала. Что мог, рассказал. И смею заметить... Может, вам на жизненном пути попадались сплошь романтики и рыцари, но сейчас не тот случай. Рисковать жизнью ради вашего чипа не собираюсь. Разок попробовал — хватит. Найдите себе идиота, пусть гробится!

— Можете не стараться, Арлекин, на рыцаря вы и так не похожи. Вы лишь мелкий, честолюбивый эгоист. И честолюбие ваше — тоже мелкое: пугать студентов на работе и быть пророком в нашем DP-кружке. Это ваш уровень?

— А ваш?

Этой ночью ничто не способно меня задеть. Эйфория про-

шла, но осталась тихая, спокойная радость. Чем не жизнь? Привычный, нормальный мир, ночь, полбутылки коньяка, на экране — шабаш нежити, в кресле — немолодая некрасивая дамочка. Не нравлюсь? И не надо! Интересно, «майор Арлекин» ей бы больше полюбился?

...Поезд через Белоруссию, 1979-й, четвертый курс позади, впереди пятый, последний. Было, припоминаю! Я ездил тем летом в Юрмалу, в маленький поселок Дзинтари. Дзинтари — Янтарь. Холодное море, холодный ветер, холодные люди... Туда добирался из Ленинграда, а вот обратно... Верно, и поезд был, и Белоруссия, и Минск, там мы долго стояли.

Только ни с кем я в поезде не знакомился! Книжку читал. Даже помню какую — Маркеса, «Сто лет одиночества». Номер «Иностранки», обложка слегка порвалась... «Полковник Ауреллиано Буэндиа поднял тридцать два вооруженных восстания и все тридцать два проиграл».

— Я вам говорила — мы на пороге...

Ну что ей от меня нужно? Гаркнуть? Неудобно, все-таки гостья.

— Не надо, — вздохнул я, не отводя взгляд от очередной вампирессы. — Ни порога не надо, ни великого открытия. На хрена нам открытие? Ну, докажем, что Саргати врет и DP — не виртуальная реальность. А потом? Набегут вояки с гэбэшниками, подомнут все под себя, а Нобелевку получит какой-нибудь пень-академик. И что?

Встала, привычно повела худыми плечами, дернула уголком рта.

— А то, что мы откроем Америку, черт возьми! И докажем, что это — Америка.

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

185

Индивидуальное свойство Времени состоит в том, что оно являет собой полный цикл развития любой сложной системы от слияния двух «простых» элементов до момента ее распада на эти «простые» элементы.

При любом синтезе или распаде сложной системы освобождается или поглощается энергия. Это значит, что энергия и является тем «простым» элементом, который образует Вселенную. Для неизменного элемента Время как принадлежность изменяющегося, развивающегося и сложно сочлененного мира не существует, так как энергия была всегда. Ее количество во Вселенной в той или иной форме всегда неизменно, ее качество постоянно, степень ее проявленности в каждой точке Вселенной зависит только от количества и формы ее проявления в данной точке в качестве элемента в составе любой сложной системы, обладающей таким индивидуальным, субъективным свойством, как Время.

Следовательно, единого для всей Вселенной Времени не существует.

ЧИСТИЛИЩЕ

26 августа 2004 г., город Харьков

— Хотите поясню, куда вы попали, Арлекин, после вашего Караби? Или сами догадались? Вы сказали, что видели Отчаяние. Нелогично, но очень точно, я вас сразу поняла. Мне такое очень знакомо, потому я и пришла к вам со шприцем. Кардиамин — на случай, если бы вас пришлось с того света вытаскивать. Все просто, вспомните вашу же теорию! Человек больше, чем себе кажется, верно? Можно добавить, что он создан по образу и подобию известно Кого. В Раю человек знал очень многое, мог давать имена вещам и живым существам, лицезрел Творца. Потом человека изгнали, он стал смертен. На самом же деле... Что я вам объясняю, это же ваши мысли! На самом деле человек не изменился, он по-прежнему живет многими жизнями, он вечен. Вечен! Время — одно из измерений, не самое главное. Но воспринимает человек себя лишь частично, в каждом отдельном варианте своего бытия. DP — прорыв к цельности, попытка вновь осознать себя как единого Человека, вечно существующего в той самой точке Омега. Осознаем себя — осознаем Вселенную, как ни напыщенно это звучит. Наши методы варварские, очень ненадежные, но других у вас... у нас пока нет. Да, очень опасно! Среди вариантов нашей жизни — того, что случилось или могло случиться, — может быть всякое. Некоторые «ветви» сохнут, про-

падают. Вы увидели собственную смерть, Арлекин! Там, куда вы попали, вас больше нет. Страшно? Мне тоже страшно, но я не хочу останавливаться. И вы...

— Ага. Насчет смерти, знаете, сам сообразил. Очень уж наглядно! И убедительно. Есть, правда, еще один вариант, хотя столь же провальный. В той реальности, на той «ветви» Древа Я, мне просто не довелось родиться. Скажем, папа и мама не встретились в поезде, который шел по Белоруссии. Не останавливайтесь, Гала, ваше дело, а я с удовольствием приторможу. Еще не поняли? Единственная наша с вами дорога «туда» — BDP-plus. Только он, «минус» призывает злобного элементала, покупающего пластмассовые ведра. Первый мой шаг в Скольжении — метеостанция на Караби-яйле. Вам повезло — у моего напарника оказался запас «плюса». А вот следующий шаг — Ничто, Нирвана, Ирий, поля Иалу. Дальше куда? И как? Так что в качестве подопытного кролика я не гожусь. То, что вы наговорили, Гала, — не моя теория. У меня нет никакой теории. И чипа нет, и ничего нет.

— Ошибаетесь.

* * *

— ...Да, как обычно, сто «Десны». И апельсинчик, пожалуйста.

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

186

Глупость — это наследственное заболевание, которое надо лечить, считает один из самых выдающихся ученых современности, генетик Джеймс Уотсон. Такое заявление профессор сделал накануне в интервью британскому телевидению в связи с полувековым юбилеем открытия структуры ДНК.

Как заявил Уотсон, глупость в большинстве случаев передается по наследству, так же, как и другие генетические заболевания, например гемофилия. Поэтому глупость можно и нужно лечить, считает профессор, который принимает активное участие в международном проекте по расшифровке генетического кода человека. По его мнению, исследователи должны заняться разработкой методов генетической терапии, чтобы лечить детей от глупости еще в утробе матери. «Несправедливо, что у некоторых детей нет шанса родиться умными. Методика, позволяющая сделать это, обязательно появится и тотчас же начнет применяться», — говорит знаменитый ученый. Агентство ЭФЭ называет его активным сторонником использования генетики в деле улучшения человечества.

По мнению Уотсона, достижения генной инженерии должны применяться и для того, чтобы все люди были красивыми. Как сказал 75-летний Уотсон, «многие считают, что будет ужасно, если все девушки станут красивыми, а я полагаю, что это замечательно».

187

У меня есть ощущение, что именно благодаря комплексному подходу не за горами открытие какого-то фундаментального закона, который перевернет не только физику, а вообще наше восприятие мира в целом. Большинство людей считают мир детерминированным и раздельным, хотя квантовая теория говорит о том, что нельзя рассматривать фрагмент Вселенной, а лишь Вселенную целиком.

Некоторые считают, что дело не в законе. Законы открыты и должны были произвести революцию хотя бы в сознании ученых, однако этого не произошло. Но это мнение неверно: в научной парадигме обобщение — один из методов, и, как любой метод, оно имеет область валидного применения и соответствующую разрешающую способность. Когда мы констатируем: «Квантовая теория говорит о том, что нельзя...» — это как раз и есть пример детерминизма. Мы заменяем одну детерминанту другой, «хорошей» с нашей точки зрения.

Перенос квантовой теории в макросистемы не происходит не из-за чьей-то тупости, ретроградства или злобных неучей — ученых. Осторожность в данном случае совершенно необходима. Если бы вилка, которой мы кладем в рот аппетитный кусок, стала проявлять волновые свойства и, воспользовавшись нашим носом вместо дифракционной решетки, как тот квант, одновременно попала бы не только в ротовое отверстие, но и в глаз, думаю; мы бы не обрадовались.

27 августа 2004 г., город Харьков

— И где эта шашлычная? — Гип-Гип поднес уцелевшую руку к глазам, близоруко сощурился, глядя на пустой циферблат. — Может, поищем, у нас еще двадцать минут.

— Там, — кивнул я в самый конец аллеи. — Во всяком случае, пару лет назад стояла. Шашлыки хорошие, только дорогие.

Вокруг людно. Не воскресенье, не вечер, всего лишь пятница, без двадцати три пополудни, но аллеи, и главная, на которой мы стояли, и боковые, забиты народом. Точнее, публикой. Веселые, шумные, молодые...

Парк имени Горького. Когда-то я бывал в нем почти каждый день, но теперь захожу редко — далековато от моей набережной. И сегодня меня бы тут не было, если б не позвали.

Позвали. Пришел. Вот-вот начну жалеть.

— А почему здесь? Я, Арлекин, не против шашлыков, только как-то странно.

Кажется, Гип-Гип-Нос разделяет мои сомнения. Впрочем, чего уж тут? Нас пригласили, мы не отказались.

Собрал нас Фома — вывесил объявление на сайте, потом не поленился, позвонил. Три часа дня, шашлычная в парке Горького, сам встречу, сам проведу, шашлыки на шару...

— Тьфу ты! — Гип-Гип хмыкнул, поправил пустой рукав. — Ну, честное слово, как в поиске! Идешь, оглядываешься, засаду ждешь. Может, нервы, а?

— Ага, — согласился я. — Я тоже не люблю, когда зовут на бесплатный сыр. Чего это Фома удумал? Ну, пойдем?

Фома нас и встречал у входа — веселый, в дорогом приталенном костюме. Не в том, что в прошлый раз, — новом. Пахло от него чем-то ароматическим, но в меру, в самое «чуть-чуть». Не иначе стилист посоветовал.

— Почти все уже здесь, — деловито сообщил он, отздоровавшись. — Надо только Лерну обождать. Интересные дела намечаются, ребята, в натуре, интересные!

— Поминки по DP? — поинтересовался я. — Или банкет в честь доктора Саргати?

Гип-Гип ухмыльнулся, но Фома и не думал тушеваться.

— Скорее, блин, vice versa. Банкет в честь DP и поминки по...

— День добрый. Я не опоздала?

Вот и бабушка Лерна.

* * *

— А толку? Мы что, без печати и банковского счета не проживем? Жили как-то.

— «Ведь для мысли и для слова, откровенно говоря, нам не нужно никакого разрешения царя».

— Ну да. А для лаборатории? Своей собственной лаборатории? Понимаете, что теперь возможно? Берем любой набор, желательно из новых, синхронных, взвешиваем до миллиграмма — и погружаемся в любой день и час по желанию. О том, что мы сумеем синтезировать, я и не говорю. Это же прорыв!

— И как все будет называться? Общество анонимных DP-наркоманов? Союз хроноложцев?

— Мы ведь «колеса» глотаем, значит, лучше что-то автомобильное. ООО «Гонщики», к примеру.

— Слушайте, а почему Шуры нет?

Только заметили! Я-то сразу о нем подумал, только за стол сели. Остальным, не иначе, дух шашлычный в мозжечок ударил.

А в целом хорошо — и в частности тоже. В натуре, хорошо, блин! Шашлыки правильные, не обгорелыми кусочками — цельным ломтем. И подают к ним все правильное, от века предписанное, и вино нужного цвета, и обслуга в глаза не лезет. Верную «точку» нащупал Фома!

Впрочем, может, и не он. В данном случае наш коллега — лишь посредник. Чей — пока тайна.

Все оценили, я тоже. Только Шуры нет, без него наш DP-СССР создавать придется.

Потому и шашлыки едим. Объединительный съезд «наблюдателей» славного города Харькова, все прочее — ради конспирации.

...Конс-пи-ра-ция! Конс-пи-ра-ция!

Печать с телефоном и офис с «выделенкой» — не главное. Неведомый благодетель (где Фома его только отыскал?) прекрасно знает, что большинство из нас — люди небогатые...

— А что несправедливого? От нас нужна информация, так мы ее не прячем. Ну, прикроем сайт, будем вести Дневники Погружений, Арлекин так давно уже делает. Даже если составим общий график Погружений, тоже неплохо. Система!

— Угу, подопытные кролики честно отрабатывают морковку. А то, что погружаться будем не куда хотим, а куда надо, не смущает? А новые препараты испытывать? Понимаете, что это значит?

— Товарищи, товарищи, дело еще и в принципе. Нас же вроде как приватизировать хотят! Нам — бесплатные таблетки, а мы...

— А что — мы? Родину продавать не придется, а Погружения все равно наши. Фома прав: пора кончать с кустарщиной! Надо разработать подробный план...

— Пакистанский, в трех мешках. Боюсь, что Арлекин прав. Бесплатный сыр...

— Арлекин... Извини, конечно, но он, блин, со своим черным пессимизмом!..

Шашлычный дух, аромат марочного вина, мягкая тень густой августовской зелени. Красиво покупают! И ведь не возразишь, нечего. Нашелся умник, решил поставить дело на широкую ногу, мы и пригодились. До поры до времени, конечно.

Странное дело! Разгромная статья в «Форбс» сработала как детонатор. Может, так и задумано? Сначала испытаем новые таблетки, потом — Q-чип мистера Джека Саргати. На то и кролики.

Кролики и крысы! Гаммельнский вариант.

А вот Шура с его портфелем уже лишний. Кустарщина! Мадам Гала тоже в нетях, но этому никто не удивляется. Анафема!

Ей тоже нужен кролик. Невезучая она, мадам Дали, — сначала Каузал, потом я.

Кто же она такая, черт возьми?

* * *

— И что скажешь, Арлекин? Я и сам буржуев на дух не переношу, передавил бы гадов! Но все вроде справедливо? Как на работу наймемся, по контракту. А у меня, честно говоря, и денег на наборы уже нет. Стыдно сказать, занимаю, вещи продавать начал. Может, толк выйдет, а?

— Толк выйдет, бестолочь останется. Не знаю, Гип-Гип. Такое уже делается при крупных фармацевтических фирмах. Только там платят, а мы готовы Христа ради работать. Но отказываться, думаю, смысла нет, других найдут.

— Как в гангстерских фильмах? Предложение, от которого нельзя отказаться?

— Ага.

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

188

Продам машину времени, работает нормально, но с дефектом — вперед дальше 12 лет не ездит. Создана на базе КБ в Иркутске, 450 у.е., торг. (газета «Форпост», г. Владивосток, 25 мая 2004 г.).

189

Человеческое сознание низкого уровня пытается найти свой путь к истине, нагромождая горы абстрактных теорий, избыточно усложняя свое представление о реальности, формируя этим громоздкую, уродливую субъективную Вселенную. Этим путем идет классическая наука, блуждая в лабиринтах, которые сама построила. Наука, церковь, как и любая другая общественная структура, имеющая отношение к области сознания, необходима большинству членов общества для того, чтобы локализовать животный ужас, который они испытывают перед невозможностью познания Истины. Обществу необходимы толкователи его заблуждений, так как это заменяет ему истинное знание. Животная, материальная часть человека требует от него быть частью этого общества как единого живого организма, имеющего потребность существовать и порождать себе подобных, чтобы поддерживать свое существование в переплетении индивидуальных субъективных Вселенных, создаваемых каждым его членом.

Вечная Истина проста. Путь ее познания прост. Начало этого пути — в каждом из нас.

ЧИСТИЛИЩЕ

12 июля 1978 г., поселок Песочин

За пологом палатки стояла тьма — густая, влажная, пропитанная тяжелым холодом. Ни неба, ни земли, только черные пятна по сторонам. Там тоже палатки, но сейчас их не увидеть.

До нашего кострища всего с десяток шагов. Прямо или чуть-чуть левее? Так и заблудиться можно.

Сигарета, спички... Хоть бы не отсырели! В пачке всего две штуки осталось. Куришь, напарник? Я в твои годы!..

Ну, что? К погасшему костру, к холодным влажным углям? А куда еще? Ночь, холод, сырость... Я-то думал лопатой помахать!

Двадцать шесть лет и полтора месяца, контроль и управление — процентов восемьдесят-девяносто, если не все сто. Погружение длится чуть больше десяти минут. Аминь!

* * *

Эдем тоже бывает неуютным. Дело не в ночной сырости, не в пустом, спящем лагере. Никого я здесь и не искал, просто хотел слегка забыться...

...И прикупил путевку в Прошлое в виде набора «Новый-1». Пока что у Шуры, но скоро продажей займутся те, кто посолидней. Почему бы и нет? DP никто не запрещал, все компоненты легальны. Странно, что благодетель сыскался только сейчас! То ли референт вовремя подсунул перевод статьи из «Форбс», то ли ушлый Фома расстарался, поговорил по душам. Ему-то что за печаль? Не бедствует же, не считает копейки!

Все справедливо, можно сказать, баш на баш. А как мы назовемся? «Dream works»? Или в плагиате обвинят?

...Стружки загорелись неожиданно быстро, и я поспешил подбросить подобранный неподалеку хворост. Жечь костры по ночам без особой нужды не рекомендуется, но все спят без задних ног, костерок мой маленький, к тому же я — старшекурсник, не мелочь практикантская.

Ну, как живешь, напарник?

Остаться бы здесь, в этой благодати, не на день, а на неделю. Лучше всего — до конца сезона. Днем махать лопатой, вечером печь яблоки и спорить о киммерийцах. Ни Джека Сагати, ни мадам Складной Метр, ни каждодневного запоя с дольками апельсина. Не ценил я свой Эдем, даже вспоминал редко!

Экспедиция, ночь, костер... Набор «Новый-1», синхронный, гарантия — девяносто девять процентов, стоимость путевки... Никакой кустарщины, никаких экспериментов. Кому она нужна, точка Омега? Прости, друг Каузал, не передавай привет тем, кого встретишь в пути. Не от кого передавать! Ты все об Аристотелевой логике кручинился, а мы... Relax, my friends, relax!

«Like a circle in a spiral, like a wheel within a wheel...»

* * *

Письмо от Хельги я нашел в кармане штормовки.

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

190

Эксперименты по «остановке света» ныне достигли записи информации на квантовом уровне. К этому этапу относятся пионерские опыты Михаила Лукина, выпускника Московского физико-технического института, ныне — руководителя лаборатории в Гарвардском университете (США).

Исследователи из Гарвардского университета сообщили, что им удалось мгновенно записывать абсолютно всю информацию о световом луче и столь же быстро, «по требованию» контрольного лазерного луча, — считывать эту информацию в виде полностью «восстановленного» первоначального луча. В качестве среды для «заморозки» был выбран пар из сверхохлажденных атомов рубидия. На атомы рубидия, как на магнитную пленку, и «записывались» все квантово-механические характеристики лазерного излучения.

Михаилу Лукину и его коллегам удалось «затормозить» лазерный луч на одну секунду, по масштабам квантового мира — гигантский промежуток времени. Фактически это реализованная в «железе» Машина Времени, способная вернуть нас назад.

А можно ли «заморозить» световой луч на время большее,

чем одна секунда? В случае положительного ответа зафиксированные, например, сегодня события, предметы, люди могли бы буквально оживать по нашему желанию через десятки, сотни, а может быть, и тысячи лет в своем первозданном виде.

ЧИСТИЛИЩЕ

28 августа 2004 г., город Харьков

— Н-ну как?

— Ну, так.

Восемь вечера, влажные сырые сумерки, троллейбусная остановка на проспекте Гагарина, полупустые скамейки. Две бабки, полтора бомжа да худая собака. Недавний дождь разогнал народец, некому глаза любопытные пялить.

Троллейбус, маршрутка, снова троллейбус. Почти пустые. А так — почти что неизменность Бытия.

Почти что — Шура сегодня тоже «пустой». Даже странно видеть его без привычного портфеля.

— П-портал новый д-делаем, «Харьков-арт», через п-пару дней можно будет в-взглянуть. Там м-мы наших бардов соберем, л-лучших самых — См-моляка, Юрченко. Если хочешь, т-твою страничку сделаем.

— Какой из меня «арт»? — махнул я рукой. — А что Смоляку страничку сделаете — правильно. Давно пора.

Кажется, наш дилер ничуть не расстроен, во всяком случае, по виду не скажешь. У Шуры не только весь Харьков знакомых, но и дел полным-полно. «Харьков-арт» — ничуть не менее интересно, чем наша полусумасшедшая компашка, нелепое общество Пустых Циферблатов.

— Сайт н-наш уже н-не работает? Я смотрел с-сегодня утром.

— Ага, прикрыли. Фома всех собрал в своем офисе контракты подписывать. Там что-то о соблюдении конфиденциальности. Политика фирмы-с!

Я не пошел. Думал, прикидывал, почти решился — не пошел, ограничившись дежурной порцией «Десны» и заодно решив подождать Шуру.

Дождался. Хоть и «пустого», но дождался. Не иначе наш бывший дилер — телепат.

— Д-думаешь, у вас... Т-то есть у них выйдет? Если д-доставать напрямую, в-все, конечно, д-дешевле. И лаборатория — дело п-полезное...

Кажется, Шура на нас не в обиде, ему даже интересно. Ему — да, а вот мне...

— Не знаю. И знать, признаться, не хочу. Мы... они уже не вольные «наблюдатели». Погружение по заказу, не потому, что хочется, а службы ради... Не знаю, работать белой лабораторной крысой еще не пробовал. И не желаю! Главное же, что суета со статьей в «Форбс» — неспроста. И ренегатство Саргати, и молчание остальных — Мьюзеса, Уокера — тоже не зря. Возьмут нас под опеку, академиков подключат, проведут серию опытов по всему миру, а потом заявят, что Погружения — всего лишь путь в Q-реальность имени Джека Саргати. И — конец DP! Подсадят желающих на его чип, а нужные лекарства потихоньку снимут с производства. Или еще что-то придумают, уверен. Если уж данайцы начали приносить дары...

Странно, что все упирается в какой-то чип, и у Джека Саргати, и у мадам Гала. Только помогать не хочется — ни ей, ни ему. Складной Метр показала мне Смерть. Что предложит американский итальянец?

— П-помнишь, Арлекин, ты все зав-вязать хотел. З-завяжешь?

Я поглядел на покрытое темными тучами небо, невольно поежился. Осень, скоро осень! Новый учебный год, первый семестр, три факультета. Шура молодец, нашел, чем заняться. «Харьков-арт» — давно пора!

И мне — пора.

— Перерыв сделаю. Тайм-аут. Мы ведь, Шура, не просто ностальгией маялись, когда «три таблетки» глотали, мы разобраться хотели. Что да как, глюки или правда, твари мы дрожащие или, опять-таки, право имеем.

— Разоб-брался?

Как ответить?

Снова троллейбус, еще один, маршрутка. Почему сегодня так пусто? Впрочем, и это — не впервые. Очередная фаза Бытия.

...В прошлый раз на полупустой остановке мы говорили с Шурой о подобном исходе. Ошибся наш дилер — в Прекрасном Новом DP-мире он уже не нужен.

Итак, разобрался ли?

* * *

Мы ждем простых ответов на простые вопросы. Ждем — и не можем дождаться, потому что любой вопрос сложнее, чем кажется. Правда, что Земля круглая? «Да» — правда, «нет» — тоже правда.

Правда, что Dream of the Past — путешествие в Прошлое? Правда, что каждый живет не одной, а многими жизнями? Правда, что мы в силах достигнуть точки Омега?

Простых ответов не будет, «да» и «нет» не подойдут.

Правда, что люди слабы и готовы продать право первородства за чечевичную похлебку? Правда, что есть тайны, которые мы не в силах познать, даже если подскажут ответ? Правда, что Человек никогда не сравняется с Богом, хоть и создан по Его подобию?

Может, когда-нибудь я узнаю это, но ответы тоже не будут простыми. И не надо! Слишком много их, простых.

Это я понял, и пока — хватит.

* * *

— Разобрался? Кажется, да.

— М-молодец! В-возьмешь чего-нибудь — п-перед т-таймаутом? У м-меня случайно ост-талось, н-немного, правда.

— Ты, Шура, — змий. Искуситель который. «Черное» брать не стану, поберегусь, «Новый-1» еще есть... А так вроде все. Стоп, не все! У тебя что-нибудь из старого осталось? Совсем старого?

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

191

Атеист: Время — это понятие, то есть структура идеального, а не материального мира. Никаких «атомов» или же «квантов Времени», кроме тех, о которых я говорю, нигде, кроме как в нашем воображении, нет.

Верующий: Вечный Бог создает Время умом человека для него одного — кому еще оно нужно? Только человек считает дни свои от рождения и до смерти и может продлить время Бога. Потому человек — Избранник...

Атеист: Но Избранник Бога — не Бог. Сколько бы ни складывали мы дни, не получится вечность. Бесполезно конечным измерять бесконечное, и Временем невозможно измерить вечность. Время — для смертных; но смертно все, кроме Бога, для него — вечность. Так, что ли, по-вашему? Где же выход?

Верующий: Не будет числа нам и не станет границ, тогда не будет и Времени, и вместе все мы будем — Сыном единым; а дни наши сложат вечность Его. Служа Богу, мы обретаем Бога в себе и устремляемся к истине, вставая на бесконечный путь к Отцу своему вечному.

Атеист: К истине мы приближаемся, служа не Богу, а нашей Вселенной. Бесконечным и вечным может быть только ничто — то, что не существует. Мы же — конечны и временны, и именно потому мы — конкретны и дееспособны, разумны.

Верующий: Гордыня, друг мой, — любимая служанка Ошибки...

Атеист: Лишь Бог не знает ошибок. Но Он не знает вообще ничего. Я предпочту быть собою конечное Время в ограниченном числе мест, нежели — ничем всегда и повсюду!

192

Испытания Машины Времени, созданной в лаборатории профессора МАИ Евгения Федоровича Каменкова, начались в 1988 году. В качестве объектов использовались белые лабораторные мыши. Первые подопытные особи погибли, выжила лишь седьмая по счету мышь. Зверушку спасла человеческая забывчивость. Обычно исследователи заглядывали в установку во время эксперимента. Но на этот раз про мышь элементарно запамятовали, и только когда отключили питание, первое, что увидели испытатели, — красные бусинки глаз героического грызуна.

Происшествие позволило сделать важный вывод: несинхронное течение Времени в разных частях живого организма чрезвычайно опасно для него. Иными словами, вторжение в зону, где течение Времени изменено, пусть даже на доли секунды, недопустимо для живого существа. Это запомнили и записали как первое правило в экспериментах со Временем.

17 сентября 1995 г.,
Крым, окрестности села Приветное

Оставалось узнать, сколько заплатили мы. Если я не ошибся... К сожалению, в подобных случаях ошибаются редко, и почти всегда — в худшую сторону.

— Четверо и лейтенант Говерла. Нарвались, мать его!

Выглядел Аргонец скверно. Пуля не задела, но в самом начале боя старший лейтенант от души проехался щекой по камню.

— Говерла-то как умудрился?

— Черт его знает, Арлекин! Десять минут назад был живой. Потом я оглянулся, посмотрел...

Вот так, в первом же бою. Даже не в настоящем бою — в нелепой стычке с не вовремя подвернувшимся патрулем. Занесло же гадов-американов в эту глушь!

Глупо вышло с Говерлой. Только-только познакомился с подчиненными, бойцы даже не успели запомнить его псевдо. А я адрес не сподобился записать, думал, не к спеху.

— Не везет нам что-то с третьим взводом, старший лейтенант.

— Эт-точно.

...Ты прав, Борис, эт-точно. Знал. Догадывался! И все-таки не верил. В прошлый раз набор DP-10, антиквариат, который мы почти не используем, забросил в Одессу, в незнакомую Одессу, в холодное лето 1993-го. А где мы теперь? Ноутбука нет, не поглядишь, да и не выйдет — контроль и управление нулевые, только и могу, что соображать.

Снова на чужой тропе. Прошлое, но не мое. Сообразил?

* * *

Надо было уходить, сейчас же, пока янки не подогнали «вертушки». Скорее всего, они уже в небе, кто-нибудь из патруля наверняка успел доложить. Хорошо еще, что никто из отряда не ранен, по крайней мере, серьезно. Догонят — плохо, из РПК вертолет не достать. «Утес» бы сюда, а лучше бы парочку! Только где взять? Болтуны из Киева лишь обещают.

— Суббота где? Вечно его носит!

— Товарищ капитан разбирается с пленными.

Ну конечно! Не иначе дыбу сколачивает. Дай ему волю...

Где-то совсем близко сухо ударил выстрел, затем другой, третий. Все верно, пленных было трое — сержант и рядовые.

Разобрался!

— Уходим, Аргонец, уходим! Командуй!

...Аргонский Пес — огромный зверь, размером с теленка. Косматая шерсть черна как сажа, единственный глаз находится в центре лба, дальний родич Эликена, пса-призрака... И не так важно, почему старые проверенные таблетки закидывают меня в неизвестно чье Прошлое. Важно, что оно было. Пусть не у меня-нынешнего, но было.

Было!

С кем же ты воюешь, майор Арлекин? За кого? Зачем?

— ...Рвем прямо в горы. Туда пидорасы не сунутся, побоятся, афедроны свои поберегут. До вечера переждем, потом двинем вдоль подножия Караби, через Ай-Алексий, заночуем на Партизанке...

— Покажи карту, Суббота. Нет, не годится, даже ночью не пройдем. Места слишком знакомые — не только нам.

— А если прямо через Караби? Заодно и метеостанцию навестим, устроим, блин, американам побудку! А на взвод мы этого нового поставим. Как его псевдо? Засланный Казачок?

— Почему Засланный? Просто — Казачок.

* * *

Плохо, очень плохо, что управление нулевое! Хотя бы узнал, какое число — и год заодно. Только кому это нужно? Мне? Мадам Дали? Моему элементалу?

А ведь он, майор Арлекин, кажется, не курит. Эт-точно?

193

Обыденное религиозное сознание разделяет свое представление о мире на две части, которые противостоят друг другу, давая одной из них эпитет «светлая, добрая», другой — «темная, злая». На этой основе примитивный наблюдатель строит свое представление о субъективной Вселенной и своем посмертном существовании. Но такое понимание реальности недопустимо при рассмотрении объективной Вселенной, для ко-

торой нет ни низкого, ни высокого, а все и во всем — энергия. Она не имеет знака, она имеет только количество в данной точке, от которого зависит качество ее проявления.

Зло и добро субъективны, так как любой знак есть лишь символ, вызывающий у наблюдателя определенные ощущения, эмоции, действия, связанные с обусловленной этим знаком реакцией. Субъективное отношение к действию не может быть частью объективной реальности. Объективная реальность не имеет знака.

194

Каждая эпоха создает свою Машину Времени. Первые МВ, детища Уэллса и его современников, служили чистому Знанию, помогая узнать неведомые события Прошлого и Грядущего. Следующее поколение Путешественников во Времени стало использовать МВ как «машину приключений», вначале, впрочем, вполне безобидных. Эпохи менялись, в годы «холодной войны» МВ стали частью обороны Свободного Мира в качестве штатного оружия многочисленных «патрулей». Апофеозом использования МВ на службе цивилизации стала великая сага «Конец Вечности», в которой Машина служила главным регулятором всей истории Человечества.

Периодически МВ помогала решить и личные проблемы, как правило, действительно серьезные — спасение любимой девушки, помощь попавшему в беду другу.

В агонизирующем СССР Путешественники во Времени с переменным успехом пытались предотвратить или смягчить катастрофу 1917-го.

Новая эпоха не требует таких подвигов. В очередной побасенке, сочиненной модным фантастом, герой использует МВ для выгодного обмена валюты, а заодно — для кражи нескольких пудов драгоценностей из Алмазного фонда.

ЧИСТИЛИЩЕ

29 августа 2004 г., город Харьков

Искать упоминание о Dream of the Past в дебрях Сети — занятие увлекательное, но бесполезное. «Наблюдатели» стараются не называть кошку кошкой. Не из конспирации — какая

конспирация с десятками сайтов и даже порталов! — скорее из атавистической осторожности. Идя на охоту, зверя именуют иносказательно, дабы не спугнуть. Медведь — ведающий медом...

Ни к чему не обязывающее DP, конечно, встречается сплошь и рядом, но мало ли их, всяких «Diplomatic Persons» и прочих VIP? Тем интереснее исключения. То компьютерная игра, то женский роман.

Наш DP-сайт, что и ожидалось, не работал, как и минский. Последнее — уже сюрприз. Он у братьев-белорусов постоянно глючит, но совпадение поневоле насторожило. Им что, тоже сделали предложение?

Следующий на очереди — московский портал. Серьезные ребята!

А это что? «Dream of the Past?» И кто сподобился? «Sir John Everett Millais. A Dream of the Past; Sir Isumbras at the Ford». Кто-кто? Какой еще Миллес? Художник?

...На этот раз я не лгал Шуре. Самое время уходить из DP — надолго, если не навсегда. Тайм-аут! Каждый сентябрь делаю перерыв на месяц-полтора. Обычная практика «наблюдателя» — без отпуска можно не выдержать. Но теперь речь идет о более серьезном. Я заигрался. Мы все — заигрались.

Физик из меня никакой, но если Бытие и вправду не-локально, наши Погружения — не просто безобидные прогулки. Почувствовал я это давно, еще до того, как очутился в Одессе холодным летом 1993-го. Почувствовал, а теперь понял.

Чужое Прошлое? Легче всего грешить на «чужих». А если я, именно я-сегодняшний, всему виной? Погружение изменило некую клеточку в загадочной Области Бога, я ответил Курчевскому иначе, чем собирался, — и стал «майором Арлекином».

Мы не боги, я не бог. И не дьявол. Но мало ли Кто мог толкнуть под локоть?

А Хельги? Ее письмо...

Москвичи ругали «черных» — истово, от всей души. Вечная тема для DP-Москвы, можно сказать, рутина. А вот исчезновение харьковского сайта коллеги не заметили, хоть бывали у нас регулярно. И о статье в «Форбс» ни слова. Не проснулись еще? Или...

А что в Екатеринбурге?

...Уже не помню, о чем писала Хельги тогда, в далеком, сча-

стливом июле 1978-го. Но явно не о том, что я успел прочитать в послании, найденном в кармане штормовки. Речь шла о Москве, об истфаке МГУ, о нашем с ней разговоре по поводу Историко-архивного института...

Письмо я не дочитал — Хельги писала не мне. Не мне — и не тому, кем я был тем далеким летом.

Разговор с Курчевским, ее письмо... Проще всего опять кивнуть на «параллельную реальность», любимое пастбище фантастов, на иную «ветку» Судьбы. А если иначе? Формула Запаздывания — 2 ГП, где ГП — глубина Погружения. После разговора в Одессе прошло одиннадцать лет, после письма Хельги...

Не отсюда ли наша беспечность, невыносимая легкость Небытия? Погружения — почти сон, не надо лишь делать резких движений. Только вот Бытие не-локально.

Прошлое всегда с нами — потому что его нет. Есть мы — ответственные за каждый свой день, час, минуту. Будущее еще впереди — но и Прошлое тоже, оно еще не наступило, оно ждет!..

Или я зря себя пугаю? Раскаявшийся в DP-ереси Джек Саргати отрицает случаи «реального проникновения». Будем спать спокойно?

Екатеринбургский сайт не отвечал. Глухо! Оставалось заглянуть «за бугор».

* * *

— Нет, Гала, никуда я не уезжал, вероятно, просто заснул. Алло? Да-да, и прежде был пьян, и сейчас. Тоже смотрели? Как говорится, если сайты закрывают, значит, это кому-нибудь нужно. Ага! Зато есть два новых Q-сайта, пока в Штатах. Идеи мистера Саргати живут и побеждают, так что если вас и в самом деле интересует чип... Других чипов у меня для вас нет. Нэт! А вот просьбишка будет. Хочу пока завязать с Погружениями, в отпуск уйти, но есть одно дело. Подстрахуйте, перезвоните завтра после полудня. Сегодня не решусь, два Погружения в день — уже слишком, последний раз все вообще пошло не так... Нет, BDP-plus меня не интересует. И новый не интересует, и новейший тоже. Без меня, без меня! Так перезвоните, Гала?

195

«Слава влюблена в него», — писали современники о Джоне Эверетте Миллесе. Ни один из английских художников не пользовался при жизни таким головокружительным успехом. Был ли он в рядах прерафаэлитов, рисовал ли сентиментальные жанровые сценки или парадные портреты — толпа следует за ним. Однако именно его называют «падшим ангелом живописи», и этому падению нет аналогии в истории искусства...

...Пастозный мазок особенно заметен в работах переходного этапа творчества Миллеса, в том числе в картине «Мечта о прошлом — сэр Изумбрас в Броде» («A Dream of the Past — Sir Isumbras at the Ford», 1857, Порт Санлайт, Художественная галерея леди Левер), яростно раскритикованной известным искусствоведом Джоном Рескиным.

196

Без коренного изменения самого характера современной науки прогресс Человечества невозможен.

Мало у кого вызывает сомнение чрезвычайно низкий уровень нынешней науки, ее крайний консерватизм, подкрепленный некомпетентностью большинства ученых. Причины этого во многом очевидны, однако не все осознают главную из них, которая может быть сведена к формуле Марка Твена о «господствующем преступлении».

Полностью формула звучит так: «Господствующая религия, равно как любая господствующая идеология, есть господствующее преступление». Слова о религии охотно и часто цитируются, а вот «равно как» стыдливо опускается.

Между тем наука, занявшая с конца XVIII века положение в обществе, прежде принадлежавшее Церкви, прошла тот же самый исторический путь, усугубленный своей изначальной безнравственностью. Ныне она, претендуя на роль «господствующей идеологии», находится в стадии закономерного маразма. Наука, как и любая кризисная система, полностью подчиняется знаменитому закону Паркинсона. Один из его симптомов — работа главным образом «на себя», стыдливо

именуемая «фундаментальными исследованиями». Недоумение и скепсис пресекаются рассуждениями об истине, недоступной «профанам».

Не менее характерно неприятие всего, что не укладывается в уже готовые схемы. Соответственно идет отрицательный отбор, в ходе которого некомпетентная личность почти всегда будет предпочитаема человеку мыслящему и талантливому («принцип Питера»).

Все это, однако, не означает, что поиск истины ныне перешел к дилетантам. Большинство этих «самородков» отличаются от «жрецов» лишь еще более низким образованием и некоммуникабельностью, не позволившими им попасть в «касту».

Виноваты и люди, и система, но если человек в ряде случаев еще способен к перевоспитанию, то система «господствующего преступления» достойна лишь гибели. Пора вспомнить вольтеровское: «Раздавить гадину!»

ЧИСТИЛИЩЕ

30 августа 2004 г. — 14 июля 1978 г.,
город Харьков

Наверно, так и придется умереть... В который раз запрещаю себе так думать, только деваться некуда. Под рукой — чашка с водой, три таблетки на блюдце... Когда-нибудь мозг не выдержит, значит, последним, что я увижу, будет циферблат часов, стилизованный под старинную карту. Черные стрелки застыли, минутная лежит вдоль Северной Америки, часовая указывает прямо на полюс. 11.50, на дворе — солнечный день, но шторы плотно задернуты. Полумрак, полуночь...

Беленькая, желтенькая, черненькая. Три таблетки, три банана — как в старом мультфильме. «Я дракон Бойся-Бой!»

Запить водой, прикрыть глаза... Самый страшный момент, начало Погружения, начало моей очередной маленькой смерти.

Dream of the Past. Death in the Past.

Часы... Тик-так, тик-так. DP-DC... DP-DC... Death Certificate.

Почему все утро кажется, что я опоздал, что погружаться надо было вчера — рискнуть, наплевать на элементарную безопасность? Опоздать я не мог, все, что могло случиться в тот

далекий год, уже случилось... Долго! Сегодня отчего-то долго. Наверно, мозг не устоял, взбунтовался. Мы влезли в Область Бога, в Его предел — нагло, не сняв сапог...

* * *

...Махнул рукой, привычно скользнул взглядом по зеленому покрывалу винограда, поглядел вверх, на низкие тяжелые тучи, почти цепляющиеся за крыши знакомой девятиэтажки.

С утра капало, сейчас перерыв, польет чуть позже. Я без зонтика, без плаща... И ладно, дождь летом — ерунда. Высохну!

Прошел десяток шагов, остановился. Оглянулся.

Вернуться?

Бабушка меня не поняла. Я... Не понял ее? Нет, понял, даже хотел согласиться. С тем, что она говорила, не поспоришь.

Спорить не стал, соглашаться тоже. Наверно, впервые в жизни.

Обиделась, конечно. А уж огорчилась — точно.

Увы, это только начало. Придется говорить с родителями, объясняться с научным руководителем, решать дела в деканате, чтоб ему провалиться с пятого этажа прямиком в подвал!

И ладно! Поговорим, объяснимся, решим. Первый шаг уже сделан, он, как известно, самый трудный.

Налево, к метро? Или направо, через мост, через горку, привычным пешедралом? Направо, конечно. Не пенсионеры, поди!

Дождь нагнал прямо посреди моста.

* * *

А не простудишься, молодой человек? Что за геройство — под дождем бегать? Мы же с тобой ненавидим романтиков!

Двадцать шесть лет и полтора месяца, контроль и управление — процентов восемьдесят, даже больше, Погружение только началось. Мой младший братец поговорил с бабушкой, теперь топает под дождем неведомо куда...

А как он вообще тут оказался? Его место в Песочине, на лопате, его курганы ждут!

Чувствовал, чувствовал! Потому и погрузиться решил, по-

смотреть, проверить. Письмо от Хельги... Надо был прочитать до конца. Что за чистоплюйство, ведь письмо адресовано мне!

Нет, не мне! В то далекое лето Хельги такого письма не писала.

Да что тут творится? Вот сейчас ка-а-ак перехвачу управление, ка-а-ак наведу орднунг! Будете все у меня скучные да вялые!..

Стоп! Не спеши, разберись сперва. Беги, беги, молодой человек, только по сторонам смотри, когда улицу переходишь. Как бабушка в детстве учила: сначала налево, потом направо...

Сигареты хоть купил?

* * *

Хельги ждала у подъезда под бетонным козырьком, вокруг которого набухали лужи. Не выдержал, скользнул взглядом по циферблату своих пластмассовых. Надо же!

— Чудо Маниту! Ты сегодня не опоздала!

— Здравствуй, Эликен. Ты промок, ты...

Ее губы... Хорошо, что вокруг пусто, ливень всех разогнал, никто не таращится. А если бы таращились? Пусть себе!

— Эликен, Эликен...

Перевела дыхание, закрыла глаза.

— Теперь и я мокрая. Какой сильный дождь! Не повезло.

— Исключительно повезло! — улыбнулся я, чуть отодвигаясь. — Если бы не дождь, не отпустили бы из Песочина.

— И ты бы не приехал?

— Приехал.

Ее близорукие глаза совсем близко, не хочется ни о чем говорить, не хочется ни о чем думать...

— Только что рассказал бабушке. Кажется, она меня не поняла.

— А я поговорила с родителями — с тем же успехом. Но ведь... Мы все решили, Эликен?

— Решили, конечно!

* * *

И что это вы задумали, детишки? Осторожнее, парень, ведь это мое Прошлое, личное, персональное!..

Хоть бы закурил, все веселее!

197

В 1994 году в журнале «Успехи физических наук» была опубликована статья его главного редактора академика Бориса Борисовича Кадомцева. Выводы автора парадоксальны. С одной стороны, он отстаивает принцип причинности, постулируя невозможность непосредственного воздействия на Прошлое. Вместе с тем из его рассуждений вытекает, что:

1. Сверхсветовые сигналы (в их числе и мгновенные) возможны, поэтому Вселенная доступна для анализа и управления.

2. Возможно «непрямое» воздействие на Прошлое в форме информационных сигналов, его изменение и связанное с этим изменение Настоящего.

3. Изменение Реальности не замечается нами потому, что оно является принципиально ненаблюдаемым явлением. Всякое изменение Прошлого ведет к полному изменению настоящего.

Ученик Б.Б. Кадомцева профессор Илья Чусов, ведущий научный сотрудник Российского научного центра «Курчатовский институт», пришел к еще более парадоксальному выводу: «На теоретическом уровне доказано, что искреннее покаяние человека в совершенных ошибках и грехах может изменить Настоящее».

198

ОДИН ИЗ ВАРИАНТОВ КОРРЕКТНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Путешествие во времени:

1. В Прошлое — при путешествии в Прошлое путешественник ощущает один и тот же момент как определяемый внешними часами и календарями более чем однажды в субъективной последовательности.

2. В Будущее — при путешествии в Будущее путешественник достигает более позднего момента в более короткое субъ-

ективное время, чем то, которое определяется внешними часами и календарями.

Машина Времени — физический объект, который дает пользователю возможность путешествия в Прошлое. Правильнее думать о ней как о месте или пути, чем как об аппарате.

Парадокс путешествия во Времени — на первый взгляд невозможная ситуация, которую мог бы создать путешественник во Времени, если бы путешествие во Времени было возможно.

«Парадокс дедушки» — парадокс, при котором человек отправляется в Прошлое и затем мешает себе сделать это.

Парадокс знания — парадокс, при котором знание создается из ничего, через путешествие во Времени.

Вывод: путешествие во Времени не парадоксально. Если человек отправляется в Прошлое, он сохраняет обычную свободу действий, но в общем случае в конце попадает в Прошлое другой Вселенной.

ЧИСТИЛИЩЕ

14 июля 1978 г., город Харьков

— Ага, — вздохнул я, нащупывая мелочь в кармане. Кафе за углом в двух шагах. Хватит на коньяк? Ой, не хватит! Жаль, сейчас бы сто грамм да с апельсинчиком!..

— Эликен, ты же обещал! Ты же...

В чем дело? Ах да, сигареты! Ну конечно, курить — здоровью вредить!

Щелкнула зажигалка, дрянной болгарский табак обжег горло.

Будем разбираться?

— Эликен...

Не поняла? Сейчас поймешь!

— Дочь Врангеля — Наталья Петровна, в замужестве Базилевская, 1914 года рождения, живет в Соединенных Штатах Америки...

— Нет! Уйди, уйди!..

И не подумаю!

* * *

— ...Не ломай парню жизнь, ясно? Ты пробивная, защитишься в Москве, в Америке не пропадешь. А он... Он же на четвертый курс перешел, до аспирантуры рукой подать. И все — коту под хвост? Даже если удастся перевестись в Москву, в дурацкий Историко-архивный, что дальше? Мыкаться по общагам, зарабатывать гроши, а потом в Штаты, да? Кем я... Кем он станет в твоей Америке? Там все идиоты, дауны, в даун-таунах живут, там даже Херсонеса нет! Ни черта нет, Хельги, а главное — нет Будущего! Его жизнь здесь, в Харькове, дома! Неужели не понимаешь?

— Эликен... То есть... Как мне вас называть? По имени-отчеству?

— Фу ты! Зови... Арлекином, что ли. Какая разница? Хельги, у нас все будет в порядке. Я тебе недавно звонил, поймал по мобиле аж в Копенгагене, ты была веселая, просила написать. И у него... У меня все в порядке, у каждого из нас своя жизнь, нормальная, устоявшаяся. Пойми, не за себя я боюсь. Если ваше Будущее меня и догонит, то через четверть века с хвостиком, мне уже тогда по барабану будет. Но ведь он — это я! И я не хочу...

— Скажи, Арлекин... Вы часто с ней видитесь?

— Ну... Иногда она... Хельги приезжает в Харьков где-то раз в два года. Мы переписываемся.

— Вот видишь! Мне и Эликену этого мало, пойми! Мы не хотим, чтобы раз в два года. Он — не ты, Арлекин! Не знаю, откуда ты взялся, из какого мира, из какой Вселенной, но эта жизнь — наша, Эликена и моя. Ты прожил свою, не мешай нам, пожалуйста! Мы сами все решим. И отпусти моего Эликена!.. Арлекин? Арлекин, что с тобой?

— Н-ничего, пустяки. Кажется, это называется «футуршок», только в данном случае «футур» некорректно... Там за углом кафешка, может, выпьем по чашке кофе?

Зачем девочку обижаешь, напарник? Вон ведь, чуть не плачет! Это же твоя Хельги, идиот! Ладно, как там у вас, DP-старателей, заведено? Двадцать шесть лет и полтора месяца, контроль и управление — полный, полнее некуда.

Ты что, напарник, себя богом вообразил? Но даже если богом...

* * *

— Какие странные стихи, Арлекин! Никогда не слыхала. Прочитай сначала!

— Пожалуйста! Уку Мазинг, эстонский поэт. «Песнь солдат, отступающих под натиском нечистой силы».

Мы воины стана Господня, мы бросили дом и детей,
Под нами усталые кони и выжженный вереск степей,
За нами пустыня и пепел, летящий горячим дождем,
Мы сушу минуем и море и все за собою сожжем.
Топча свою тень, мы отходим, но все же уносим с собой,
Как знамя, Господнего неба последний клочок голубой...

ФАЙЛЫ ИЗ НОУТБУКА

199

Привет, напарник!

Правильнее всего задавить этот файл, оставшись для тебя зловредным элементалом, любителем чистоты и пластмассовых ведер. Но кое-что ты и сам начал понимать, кроме того, я тебе многим обязан. Поэтому постараюсь по возможности задокументировать свое временное и вынужденное пребывание в твоей Реальности (которая, как мы оба знаем, не «твоя» и «моя», но — для ясности).

Итак, нечто вроде Отчета № 1.

1. Кажется, мы оба не ожидали, что Скольжение и Погружение могут совместиться. Возьми на заметку. Твой покорный слуга сделал себе укол BDP-plus и, сам того не желая, оказался в июле столь любимого нами 1978-го.

Каюсь, в прошлый раз честно попытался ввести тебя в заблуждение. Но ты уже и сам сообразил: «plus» ведет тебя дальше на следующую «ветку», «minus» освобождает твое место для «соседа». Отсюда и названия. Составы, как видишь, очень разные, один «plus» привел меня сюда, другой — на Караби. Ты туда, часом, не заглядывал?

Будучи у тебя в гостях, старался особо не безобразничать. Разве что потратил наши (ха-ха!) денежки на запасы BDP, столь тебя удивившие. Извини, но у меня нет другого выхода. К слову, в «мире Караби» я тоже накопил небольшой арсенал

«plus» и «stop». Попадешь туда, не трать все сразу, оставь чуток.

2. Мне кажется, прав ты, а не Саргати с его Q-реальностью. Я уж точно не «оттуда»! Но твои выводы и предположения надо проверять и перепроверять. В твою схему, скажем, никак не вкладывается «моя» Одесса 1993-го и еще кое-что, о чем ниже.

3. Не хотел об этом говорить, но, черт возьми, вовремя же я появился! И ты, и я уже один раз потеряли Хельги, до сих пор не можем ее забыть. К чему твои, извини, ужимки и прыжки? Боишься, что парень из 1978-го не пойдет по твоим стопам, не сделает скучную, никому не нужную карьеру провинциального доцента? Не будет тихо спиваться, закусывая апельсинчиком? Даже если это твое «личное» Прошлое, для тебя что-то изменится только в 2030 году! Чего опасаешься? Что постучат в надгробие?

Эти детишки из 1978-го — молодцы! А ты... Не мешай им, понял?

4. Самое, наверно, любопытное. Гала позвонила, как вы и договаривались, и я заманил ее в нашу с тобой берлогу. С чего ты взял, что она «Складной Метр»? Слепой, что ли? Симпатичная женщина — и дико сексапильная. Жизнь тебе усложнять не стал, но... Дурак же ты, напарник!

Большой соблазн был допросить ее по-настоящему, как пленного янки. Не пробовал? Очень забавно, рекомендую. Однако делать этого не стал, а попытался «разработать», используя твои наблюдения. Многого она не сказала, но судя по всему... Неужели не догадался? Догадался, конечно, только не сформулировал до конца. Гала не отсюда! На той «ветке», откуда она «скользнула», DP — обыденность. Химию давно не применяют, пользуются микрочипами. Не думаю, что тумблер в мозгу лучше горсти таблеток, но то, что надежнее, — наверняка. Гала попала к нам — и оказалась рыбой на отмели. Теперь понял, какой именно чип она искала?

Спроси ее обо всем прямо, если захочешь. Уверен, я (и ты) прав.

На твоем месте я бы ей все же помог. Связаться с ее миром было бы очень интересно и полезно. Во всех отношениях.

5. Теперь по поводу твоего нахального элементала. Проще всего защититься цитатой. Надеюсь, помнишь, откуда она?

«Простите меня за обман. Я не историк. Я просто дезертир. Я сбежал к вам, потому что хотел спастись. Вы этого не поймете. У меня осталась всего одна обойма, и меня взяла тоска. А теперь мне стыдно, и я возвращаюсь».

Но это будет красивая неправда. Я ни о чем не жалею и возвращаться, чтобы умереть без толку, зазря, не собираюсь. Я взял тайм-аут. Знакомо? Если воспользоваться твоим выражением, «остановил Время». «BDP-stop» не даст «скользнуть» обратно, значит, для меня, физически пребывающего «там», Время действительно ОСТАНОВИЛОСЬ! Чистый солипсизм, но приятно.

У тебя не задержусь, пойду дальше. Ты занят серьезным делом, мешать не стану. Не обращай внимания на бывшее «общество Пустых Циферблатов», работай. Только пить бросай, ей-богу!

Кроме того, в твоем мире так и не родилась Анна. Впрочем, это уже мое дело, точнее, наше с ней. Может, из-за нее я все-таки вернусь в свой Макондо.

6. А вот тебе загадка. Час назад позвонила Хельги (да-да!). Она нашла в старой записной книжке напоминание, что с тобой требуется связаться, причем всенепременно по мобильному телефону. Все ничего, только запись сделана в 1978-м! Позвонить она должна была еще 4 августа, но книжку нашла лишь сегодня. Можешь представить ее удивление.

Это как-то соответствует твоим теориям?

7. И последнее. Трудно найти слова, но попытаюсь. Обычно при Скольжении (при Погружении, как я понял, тоже) переход происходит практически мгновенно. Но в последний раз я кое-что сумел заметить — как и ты смог разглядеть Смерть. Мне повезло больше. На миг, на долю секунды, я увидел Жизнь — и свою, и твою, и всех нас, единых и разных. Она не походила на Древо, скорее на реку, обтекающую огромную, невероятных размеров Сферу. Развилки, притоки, русла — и одновременно целостность, неразрывность. Не знаю, что и думать. Может, мне показали краешек, маленький, очень маленький осколок того, что ты называешь Омегой?

Но даже если это не так, не страшно. Бояться поздно, мы уже попали в этот Мир.

«Самое главное место в Бытии, возможно, не занято. Вне нас может не существовать никакого центра. В этом случае нам ничего не остается делать, как искать его в самих себе, и в конце концов это пустое место придется занять нам самим. Мы вынуждены становиться богами».

Юлиус Эвола

В тексте использованы отрывки из произведений маркиза де Сада «Жюстина», Пьера Тейяра де Шардена «Феномен человека», В.А. Черноброва «Полеты во времени», П.Д. Успенского «Tertium Organum. Ключ к загадкам мира», Т.М. Фадеевой «Сакрализация пространства, или Геомансия. Ее реликты в Крыму», отдельные цитаты из работ В.П. Фролова, Д.С. Луцкого, В. Иванова, И.Г. Старинова, В. Купцова, А. Черкасова, И. Чусова, Е. Гурской, В.Ю. Емельянова, В.В. Кассандрова, Юлиуса Эволы, Джека Сарфати, а также сообщения информационных агентств и материалы Интернета.

СОДЕРЖАНИЕ

ФЛЕГЕТОН. *РОМАН* 5
СОЗВЕЗДЬЕ ПСА. *РОМАН*. 275
ОМЕГА. *РОМАН* 557

Литературно-художественное издание

Андрей Валентинов

КРЫМСКИЙ ЦИКЛ

Издано в авторской редакции
Ответственный редактор *Д. Малкин*
Художественный редактор *Е. Савченко*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *Р. Куликов*
Корректор *Л. Гусева*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: *ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.*
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.
Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.
Информация по канцтоварам: **www.eksmo-kanc.ru** e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12 . Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.
В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

Подписано в печать 20.07.2006
Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 50,4.
Тираж 4000 экз. Заказ 1494.

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Полуостров Крым – целая Вселенная, отдельный, многогранный Мир. Но в этом Мире – много миров. Там нет Прошлого, оно еще не наступило, оно ждет. Войска НАТО высаживаются на побережье, плато Караби не спешит открывать древние тайны, отряд полковника Сорокина отбивает атаки большевиков, разбитые каменные ступени заброшенного святилища в Херсонесе ведут к чему-то непонятному и необъяснимому. Эту книгу составили романы «Флегетон», «Созвездье Пса» и «Омега».

